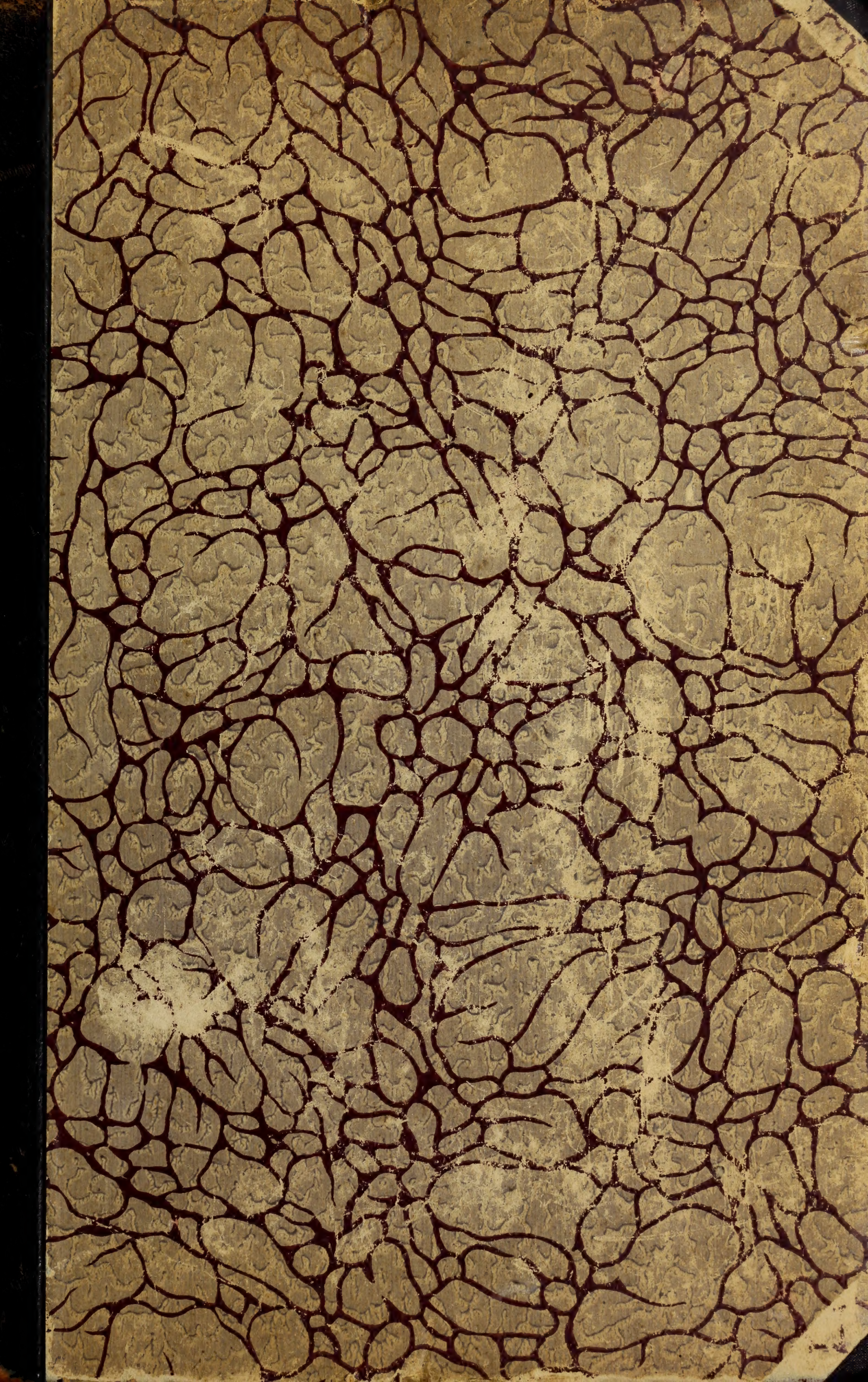

«Минская Старина.»

Труды Минскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета.

Выпускъ III-й.

А. В. Жиркевичъ.

ИЗЪ-ЗА РУССКАГО ЯЗЫКА.

(Біографія каноника Сенчиковскаго, въ двухъ частяхъ, съ алфавитнымъ указателемъ и тремя фотографіями).

ЧАСТЬ 1-я.

На родинѣ Бѣлоруссіи.

«Здѣсь русскій духъ...
Здѣсь Русью пахнетъ!»

(*Пушкинъ*).

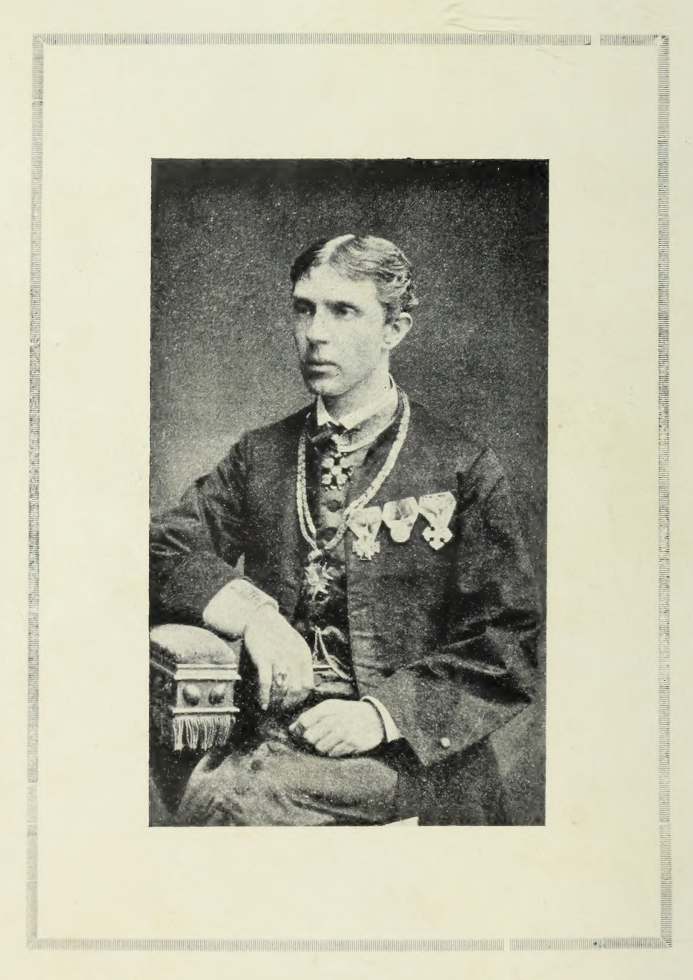
«Но послѣ смерти, я увѣренъ, прійдетъ время, когда изъ этихъ камней, которые въ меня бросали и теперь бросаютъ, истинно-русскіе люди и по-истинѣ русское Правительство соорудятъ и поставятъ на моей могилѣ памятникъ.»

(*Изъ письма Сенчиковскаго къ А. В. Жиркевичу*).

ВИЛЬНА.

Типографія «Русскій Починъ.»

1911.

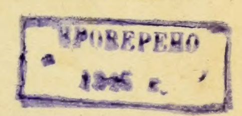
Портретъ каноника Сенчиковскаго (1873 года).

«Минская Старина.»

Труды Минскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета.

Выпускъ III-й.

А. В. Жиркевичъ.

ИЗЪ-ЗА РУССКАГО ЯЗЫКА.

(Біографія каноника Сенчиковскаго, въ двухъ частяхъ, съ алфавитнымъ указателемъ и тремя фотографіями).

ЧАСТЬ 1-я.

На родинѣ Бѣлоруссіи.

«Здѣсь русскій духъ...
Здѣсь Русью пахнетъ!»

(*Пушкинъ*).

«Но послѣ смерти, я увѣренъ, прійдетъ время, когда изъ этихъ камней, которые въ меня бросали и теперь бросаютъ, истинно-русскіе люди и по-истинѣ русское Правительство соорудятъ и поставятъ на моей могилѣ памятникъ.»

(*Изъ письма Сенчиковскаго къ А. В. Жиркевичу*).

Глубокоуважаемому Батюшкѣ, о. Протоіерею Афанасьеву — на добрыя воспоминанія — отъ автора.

ВИЛЬНА.
Типографія «Русскій Починъ.»
1911.

Г. Вильна
24 марта 1911 г.

Печатано по распоряженію Минскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета.

ВВЕДЕНІЕ.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ, при какихъ условіяхъ, подъ какими настроеніями, создалась настоящая книга моя, что̀ вызвало ее къ жизни именно теперь, когда каноникъ Сенчиковскій такъ недавно умеръ, а, значитъ, и не настало еще, быть можетъ, время, вполнѣ спокойно, безпристрастно освѣтить многое изъ его кипучей дѣятельности...

Каноника Сенчиковскаго никогда лично я не зналъ, и до 1899 года, къ стыду моему, даже мало о немъ слышалъ.

Въ 1899 году, въ Вильнѣ, зайдя какъ-то къ пріятелю моему, покойному академику Н. М. Чагину, я разговорился съ нимъ на больную тему о грустномъ положеніи русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ и Бѣлоруссіи, о воинствующемъ католицизмѣ, о томъ, какъ часто русскія-же руки заметаютъ слѣды того, что сдѣлалъ, въ смыслѣ пробужденія національнаго самосознанія, гр. Муравьевъ и. т. п.

„А вотъ не хотите-ли, кстати, познакомиться съ приключеніями еще одного мученика Бѣлоруссіи?“ спросилъ старикъ, и показалъ мнѣ огромное письмо Сенчиковскаго, изъ Омска, прочтя которое, я былъ прямо потрясенъ, воочію убѣдившись, что всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ центра русской, государственной жизни Сѣверо - Западнаго края—г. Вильны, могли происходить событія, воскресающія въ памяти времена средне-вѣковой инквизиціи...

„Но Сенчиковскій... Сенчиковскій... Вѣдь это тотъ ксендзъ, о которомъ Литва и Бѣлоруссія хранятъ сальные анекдоты!“... смущенно припоминалъ я: „Кто-бы могъ подумать!...“

И Чагинъ, тогда-же, въ общихъ чертахъ, ознакомилъ меня съ тѣмъ, кто̀ былъ, и что сдѣлалъ для родной своей Бѣлоруссіи ксендзъ Сенчиковскій.

При этомъ оказалось, что, кромѣ сальныхъ анекдотовъ, за Сенчиковскимъ числились еще и серіозныя государственныя заслуги...

Видимо, впрочемъ, самъ старикъ говорилъ кое-что съ чужихъ словъ...

А мнѣ, слушая его, все еще не вѣрилось, чтобы то, о чемъ разсказывается, совершилось чуть не на моихъ глазахъ, при томъ такъ, что я объ этомъ и не подозрѣвалъ; что о подобномъ происшествіи не кричали, не протестовали въ русскомъ обществѣ.

Затѣмъ, когда въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ къ Чагину Сенчиковскій выразилъ опасеніе за судьбу находящихся у него документовъ по исторіи располяченія бѣлорусскаго костела и намекнулъ, что вообще охотно передалъ-бы свой личный архивъ вѣрному русскому человѣку, еслибы тотъ захотѣлъ воспользоваться бумагами, какъ матеріаломъ при будущей работѣ по этому вопросу, то Чагинъ указалъ покойному на меня, и мы, такимъ образомъ, съ нимъ заочно, при посредствѣ Чагина-же, познакомились.

Меня прямо притягивала уже къ себѣ, увлекала, какъ сложная загадка недавней русской дѣйствительности, судьба этого, поистинѣ, убѣжденнаго страдальца за идею – освобожденія родины его, Бѣлоруссіи, отъ иноземнаго, польско-іезуитскаго ига...

И, по мѣрѣ того, какъ вдумывался я въ личность Сенчиковскаго, росло во мнѣ, крѣпло неопреодолимое желаніе – разсказать, но не объ исторіи располяченія бѣлорусскаго католицизма, а о немъ самомъ когда-либо русскому обществу неподкрашенную правду, написавъ хотя-бы краткую его біографію.

На такой именно почвѣ между нами, т. е. мною и каноникомъ Сенчиковскимъ, и завязывается на долго дружеская, дѣятельная переписка. Онъ присылаетъ мнѣ (изъ предосторожности черезъ Чагина, съ обратными почтовыми росписками) оставшіеся у него документы, а, что̀ еще важнѣе, на мои многочисленные вопросы, даетъ относительно отдѣльныхъ эпизодовъ жизни своей подробныя, откровенныя объясненія, часто автобіографическаго характера. Онъ не прочь, чтобы я со временемъ набросалъ и о немъ правду, хотя-бы въ видѣ біографіи.

Оплеванный, оклеветанный, затравленный ко времени нашего знакомства польско-іезуитской пропагандой, основательно забытый русской печатью, русскимъ обществомъ, доживающій вѣкъ свой въ нуждѣ, на пенсіи, данной ему изъ состраданія русскимъ Правительствомъ, давно уже поставившій крестъ на политической своей дѣятельности, потерявшій надежду на возвращеніе на родину—Бѣлоруссію и боясь, что враги, послѣ смерти, похитятъ, пожалуй, уничтожатъ личный его архивъ, или используютъ послѣдній въ своихъ, особыхъ цѣляхъ, т. е., чтобы бросить на гробъ его новую клевету, Сенчиковскій, понятно, обрадовался тому, что нашелся-таки русскій доброволецъ—писатель, который, будучи хорошо отрекомендованъ ему Чагинымъ, энергично берется за задачу обѣлѣнія въ будущемъ памяти его передъ потомствомъ...

Отсюда—такое безграничное довѣріе ко мнѣ. Отсюда и тѣ огромныя, съ лихорадочной поспѣшностью набросанныя, письма, которыя покойный присылаетъ, затѣмъ, мнѣ, изъ Омска, вынуж-

денный моими вопросами, не смотря на недуги свои, на дряхлость, погрузиться въ скорбныя воспоминанія прошлаго...

Надо перечесть только въ подлинникахъ эти письма (въ настоящей книгѣ пришлось привести изъ нихъ лишь нѣкоторыя, со значительными сокращеніями), для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что̀ съ нимъ, бѣднымъ изгнанникомъ, сдѣлалось, едва брызнули на душу его, изъ далекой Вильны (т. е. почти съ дорогой родины), лучи человѣческаго, братскаго сочувствія, состраданія и любви!...

То была послѣдняя вспышка угасающей старости, надо признаться, порой слишкомъ болтливой, повторяющейся, но у которой всегда имѣлось о чемъ вспомнить, которая, при томъ, умѣла интересно разсказывать....

По моей просьбѣ Сенчиковскій присылаетъ, черезъ меня, и свою фотографическую карточку для Виленскаго музея имени графа Муравьева.

Но какъ мало знали о немъ вообще мѣстные старожилы, показываетъ тотъ фактъ, что даже такой знатокъ Сѣверо-Западнаго края, какъ А. В. Бѣлецкій, много поработавшій надъ освѣщеніемъ русско-польскихъ отношеній, стоявшій во главѣ комитета по устройству музея, письменно спрашиваетъ меня, какое, въ сущности, отношеніе имѣетъ Сенчиковскій къ эпохѣ послѣдняго возстанія?—Не смотря на соотвѣтствующее разъясненіе, за выѣздомъ моимъ на службу въ Смоленскъ, фотографія покойнаго каноника, убѣжденнаго сотрудника Муравьева по располяченію католицизма, такъ и валялась въ числѣ предметовъ, постороннихъ музею, и только сравнительно недавно, по возвращеніи моемъ въ Вильну, когда не было уже въ живыхъ ни Бѣлецкаго, ни Сенчиковскаго, мнѣ удалось водворить ее въ музеѣ на подобающее ей мѣсто и занести въ опись...

Бумаги Сенчиковскаго, имъ самимъ подаренныя мнѣ при жизни, а также письма его ко мнѣ и къ Н. М. Чагину (изъ Омска), нѣкоторые другіе документы, относящіеся къ дѣятельности покойнаго, которые онъ до знакомства со мною сдалъ въ С.-Петербургскую Императорскую Публичную Библіотеку (гдѣ я, въ 1908 году, уже послѣ смерти Сенчиковскаго, и снялъ съ нихъ нѣсколько копій), вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ послѣ смерти каноника, по распоряженію его, передалъ мнѣ племянникъ его Г. П. Глинскій, положены мною въ основаніе настоящаго труда.*)

Кромѣ того, въ разное время, широко пользовался я любезнымъ гостепріимствомъ архивовъ слѣдующихъ правительственныхъ учрежденій:

---

*) Послѣ напечатанія этой книги, бумаги Сенчиковскаго, у меня находящіяся, я жертвую въ С.-Пет. Импер. Публ. Библіотеку.

1) Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностр. Исповѣданій Министерства Вн. Дѣлъ; 2) Канцеляріи Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго генералъ-губернатора; 3) Минскаго Губернатора; 4) Степного генералъ-губернатора; 5) Попечителя Виленскаго учебнаго округа.

Независимо отъ поименованныхъ учрежденій, нѣкоторыя лица, по просьбѣ моей, прислали мнѣ письма, въ которыхъ сообщены интересныя подробности о встрѣчахъ, сношеніяхъ ихъ съ покойнымъ.

Племянникъ-же Сенчиковскаго, упомянутый выше Глинскій, послѣ смерти дяди своего, подарилъ мнѣ нѣсколько фотографій покойнаго разныхъ лѣтъ и близкихъ ему людей, а также прилагаемый въ концѣ книги фотографическій снимокъ съ его могилы на православномъ кладбищѣ г. Омска.

Дѣлалъ я, по возможности, справки и въ печатныхъ изданіяхъ, эпохи наиболѣе кипучей дѣятельности каноника, между прочимъ, въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» времени редакторства протоіерея Котовича.

Всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, въ той или иной формѣ пришедшимъ ко мнѣ на помощь при составленіи настоящей книги, приношу мою, самую сердечную, благодарность за оказанное содѣйствіе.

Къ сожалѣнію, кое-что о Сенчиковскомъ уже погибло безвозвратно вмѣстѣ съ неосторожно, безвременно — уничтоженными архивами, а также у частныхъ лицъ, которыя видимо не придавали письмамъ покойнаго значенія, а жгли ихъ или теряли при кочевкахъ по Россіи.

Нѣкоторымъ старикамъ, къ которымъ я обращался, недосугъ было копаться въ своей перепискѣ...

Въ бумагахъ одного умершаго уже русскаго дѣятеля, въ которыхъ лежатъ интересныя письма къ нему Сенчиковскаго, а, можетъ быть, и документы, освѣщающіе прошлое послѣдняго, я не могъ произвести изысканій, такъ какъ оказалось, что на нихъ лежитъ десятилѣтній запретъ владѣльца.

Несомнѣнно, многое о покойномъ давно сплавлено заграницу, о чемъ, между прочимъ, есть указанія и въ приводимой въ настоящей книгѣ брошюрѣ Краковскаго профессора Кнапинскаго.

Надо думать, что и тамъ, заграницей, готовится біографія Сенчиковскаго, но, конечно, совсѣмъ иного содержанія, чѣмъ та, съ которой я знакомлю читателя.

Все-же, какъ ни какъ, а удалось и мнѣ собрать достаточный матеріалъ о прошломъ покойнаго каноника, и многое изъ того, что имѣлось уже у меня въ бумагахъ его въ видѣ черновиковъ или копій, свѣрить съ подлинниками.

Это послѣднее важно, въ виду неразборчивости его почерка и не совсѣмъ свободнаго владѣнія имъ русской рѣчью, что, кстати сказать, не ослабляло въ немъ, до конца жизни, стремленія писать и говорить не иначе, какъ по—русски.

Трудъ мой не случайно испещренъ названіями дѣлъ, переписокъ, №№ бумагъ, указаніями, гдѣ и какой матеріалъ находится.

Конечно, эта постоянная канцелярская сушь, при томъ на протяженіи почти всей книги, расхолаживаетъ нѣсколько впечатлѣніе читателя, нарушая, въ то-же время, и плавность, литературность изложенія.

Но мнѣ хотѣлось, по мѣрѣ возможности, сказать о Сенчиковскомъ только одну правду, на сколько она была мнѣ доступна, а каждое слово о немъ, каждое личное его заявленіе, подкрѣпить соотвѣтствующимъ документомъ, для того, чтобы всякій, при желаніи, имѣлъ-бы возможность провѣрить, легко и быстро, мною или имъ сказанное.

Вѣдь одно время самому мнѣ жизнь Сенчиковскаго, пока въ началѣ коснулся я ее поверхностно, казалась какой-то сказкою, интересной легендою, порой анекдотическаго, игриваго содержанія, а потомъ, когда я глубоко, вдумчиво заглянулъ въ эту «жизнь», — тяжелымъ, невѣроятнымъ, прямо - таки кошмарнымъ сномъ,—однимъ изъ тѣхъ сновъ, отъ которыхъ бываешь радъ очнуться...

Безъ надлежащихъ ссылокъ подобное-же впечатлѣніе могла-бы книга произвести, пожалуй, и на иныхъ читателей. Враги-же Сенчиковскаго поспѣшили-бы бросить тѣнь сомнѣнія на правдивость ея содержанія. Теперь они могутъ заглянуть въ подлинныя дѣла.

То же искреннее стремленіе къ истинѣ заставило меня сгруппировать здѣсь, въ этомъ трудѣ, все, что мнѣ извѣстно «за» и «противъ» Сенчиковскаго, сдѣлавъ ссылку даже на документы, вызывающіе нѣкоторое сомнѣніе въ политической искренности покойнаго, въ родѣ писемъ его къ митрополиту Гинтовту, прелату Довгялло, іезуиту Гендриксу, тѣмъ болѣе, что для меня — ясно, чѣмъ вызвана была эта временная слабость духа...

А „tout comprendre c'est tout pardonner", какъ говорятъ французы.

Стоитъ только вспомнить времена инквизиціи на Западѣ Европы, нашей Бироновщины и т. п., для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что подъ вліяніемъ жестокихъ пытокъ мученики приписывали себѣ иногда поступки, которыхъ никогда не совершали

Сенчиковскій-же, какъ мы это увидимъ, кривитъ душою лишь въ минуты нравственныхъ истязаній, совершаемыхъ надъ его душою въ современныхъ инквизиціонныхъ застѣнкахъ польско-іезуитской пропаганды...

И, сдѣлавъ на бумагѣ отступленіе отъ убѣжденій — въ надеждѣ, что пытки прекратятся хоть на время, покойный спѣшитъ уже загладить дурной поступокъ доказательствами твердости, неизмѣнности своихъ основныхъ правилъ.

Не колеблясь ни минуты, онъ и подобные, сомнительные, документы препровождаетъ мнѣ, какъ матеріалъ для своей біографіи...

Долгомъ своимъ считаю заявить, что при собираніи, провѣркѣ матеріаловъ для труда моего, я встрѣтилъ такое теплое, живое сочувствіе къ моему начинанію отъ всѣхъ учрежденій и лицъ, къ которымъ обращался, а, въ то-же время, и такое горячее участіе къ горькой судьбѣ страдальца Сенчиковскаго, едва съ нею, въ общихъ чертахъ, съ задуманной мною работою, я ихъ знакомилъ, что подобное настроеніе русскаго общества обращало работу мою—работу подчасъ далеко не легкую,—въ сплошное, духовное наслажденіе...

Сознавалось, что именно теперь, когда въ Сѣверо-Западномъ краѣ появились маріавиты, въ религіозныхъ взглядахъ которыхъ много общаго съ религіозной проповѣдью Сенчиковскаго, а подвижническое миссіонерство которыхъ напоминаетъ, хотя и въ блѣдномъ подобіи, то, что вынесъ покойный отъ польско-іезуитской пропаганды, когда на этихъ дняхъ еще поднятъ былъ въ Петербургѣ вопросъ (и можетъ, значитъ, снова возникнуть)—о введеніи земства на западныхъ нашихъ окраинахъ, а съ нимъ и старый споръ о русско-польскихъ отношеніяхъ, когда надвигается на насъ назначеніе въ Сѣверо-Западный край новыхъ р.-католическихъ епископовъ, а, съ ними, и оживленіе ксендзовской дѣятельности въ направленіи окончательнаго ополяченія, окатоличенія Литвы и Бѣлой Руси, когда не такъ давно Виленскій епископъ баронъ Роопъ, объѣзжая Виленскую губернію, дѣлалъ здѣсь подсчетъ наличныхъ силъ воинствующаго полонизма, когда, наконецъ, въ наши дни, епископъ—суфраганъ Циллякъ демонстративно совершаетъ по Бѣлоруссіи свою программную, политическую поѣздку, возбуждая въ массахъ темныхъ бѣлоруссовъ, отравленныхъ польско-іезуитской пропагандою, бредъ о былой Польшѣ—въ виду всего этого несомнѣннаго пробужденія энергіи воинствующаго полонизма намъ показалось своевременнымъ разсказать теперь-же русскому обществу то, что думалъ, чувствовалъ и дѣлалъ, отъ чего предупреждаетъ насъ, русскихъ, бѣлорусскій ксендзъ Сенчиковскій...

Послушайте-ка, что говорилъ мнѣ чуть не на-дняхъ, въ письмѣ, одинъ изъ русскихъ помѣщиковъ, знатокъ Бѣлоруссіи, ея населенія, ея нуждъ въ Минской губерніи,—въ той губерніи, гдѣ трудился и Сенчиковскій, когда въ Государственной Думѣ подымался вопросъ о введеніи земства въ Сѣверо-Западномъ краѣ и Бѣлоруссіи.

„Что касается до вопроса о замѣщеніи исполнительныхъ органовъ лицами той или другой національности“, писалъ онъ,

встревоженный возможностью осуществленія „польскаго“ земства: «то слѣдуетъ признать, что это вопросъ важности первостепенной, Не подлежитъ сомнѣнію, что способъ выполненія какого-либо предначертанія для обыденной жизни важнѣе самаго предначертанія, и для того, чтобы начинанія земскаго собранія не были искажены, нужно, чтобы они приводились въ исполненіе русскими руками. Земство, по преимуществу, приноситъ пользу меньшей братіи и, если осуществлять общеполезныя мѣропріятія земство будетъ польскими руками, то (согласно политическому катехизису Мѣрославскаго) поляки не замедлятъ дать понять крестьянамъ, что они, поляки, являются благодѣтелями народа. Если не ограничить числа служащихъ въ земствѣ поляковъ, то они сумѣютъ заполнить всѣ мѣста, на которыхъ будутъ приходить въ соприкосновеніе съ народомъ (какъ, не смотря на воспрещеніе, они сумѣли просочиться на желѣзныя дороги, въ акцизъ, въ судебныя установленія, въ контроль); крестьянинъ долженъ будетъ говорить по-польски съ докторами, фельдшерами, акушеркой, страховымъ агентомъ, агрономомъ, въ складѣ машинъ и орудій, а, пожалуй, и съ земскимъ учителемъ. Естественно, что все благо, которое крестьянинъ получитъ отъ земства, отъ русскаго учрежденія, онъ будетъ считать подаркомъ и, что всего обиднѣе, отъ тѣхъ поляковъ, которые, въ теченіе всей своей исторіи, игнорировали и презирали хлопа...

Наконецъ, въ какое непріятное положеніе попадаютъ руководители земской работы, если, по поводу назначенія на самое ничтожное мѣсто, имъ придется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взвѣшивать вопросъ, не вредно-ли будетъ для русскаго дѣла принятіе на службу даннаго поляка, сколько непріятностей прійдется испытать при этомъ!... Вѣдь всякій кандидатъ явится подъ личиной лоіальности, преданности Россіи. При назначеніи произойдутъ частыя ошибки въ этомъ направленіи; исправить - же зло будетъ невозможно. Нельзя-же будетъ гнать со службы людей, сносно исполняющихъ свои обязанности, но полонизаторовъ?!. Число поляковъ, поэтому, можетъ лишь расти и достигнуть 100%.

Полякамъ, какъ наименѣе многочисленной группѣ въ населеніи Минской губерніи, должно было-бы быть предоставлено право занимать лишь ограниченное число должностей, до 30%. Самая подходящая для нихъ дѣятельность это — должность въ разныхъ ревизіонныхъ комиссіяхъ. Переполненіе исполнительныхъ органовъ поляками во всѣхъ отрасляхъ управленія имѣло мѣсто въ первой половинѣ 19-го столѣтія и дало неопровержимыя доказательства своей зловредности; польская идея сдѣлала въ Западной Руси болѣе успѣховъ въ царствованіе Александра I и Николая I, чѣмъ при Рѣчи Посполитой. Этимъ объясняется трудность подавленія мятежей 31 и 63 годовъ, которымъ, однако, народъ не сочувствовалъ. Этимъ-же объясняются невѣроятные

факты совращенія уніатовъ и даже православныхъ въ католичество въ началѣ 19-го вѣка. Благодаря польскимъ посредникамъ, нашъ крестьянинъ рисковалъ получить нищенскій надѣлъ, что и вызвало необходимость назначить повѣрочныя комиссіи. Поляки, послѣ 63 года, усыпляли бдительность русской администраціи и русскаго общества, прикидываясь лоіальными и любящими русскихъ. Къ счастію, въ годы освободительнаго движенія, они сбросили съ себя маску лжи, открыто признались въ ненависти не только къ русскому Правительству, но и къ русскому народу, на всѣхъ позиціяхъ, которыя они успѣли исподволь захватить изъ рукъ русскихъ, открыто провозглашали свои лозунги и круто, и грубо стали вытѣснять все русское...

Городское самоуправленіе въ Минскѣ оказалось сплошь въ рукахъ поляковъ, при чемъ вся управа, оцѣночная комиссія— польскія. Въ зависимости отъ этого имущества русскихъ оказались оцѣненными чрезвычайно низко, и 30 т. русскихъ оказались безсильными противъ 13 т. поляковъ — при городскихъ выборахъ.

Русскіе мелкіе служащіе вытѣсняются поляками. Въ управѣ господствуетъ польскій языкъ. Вывѣски въ театрѣ, на конкахъ и на магазинахъ появились польскія. Магазины съ однѣми русскими вывѣсками стали бойкотироваться. Извозчиковъ сумѣли терроризировать и заставили ихъ говорить на ломаномъ польскомъ языкѣ.

Минское общество Сельскаго Хозяйства, основанное Мышенковымъ для „русскихъ сельскихъ хозяевъ Минской губ.“, въ концѣ-концовъ оказалось переполненнымъ поляками, измѣнившими уставъ его, почему оно теперь называется „Обществомъ Сельскихъ Хозяевъ Минской губерніи“—на томъ основаніи, что всѣ члены вѣдь не нѣмцы или англичане, а русскіе... Тѣмъ не менѣе въ 1906 году Общество постановило вести дебаты и переписку по-польски. Русскимъ пришлось изъ такого Общества уйти.

Городской клубъ въ Минскѣ, основанный русскими, переполненъ поляками, и теперь въ немъ русскихъ (исключая угождающихъ полякамъ) забаллотировываютъ. Русскимъ пришлось устроить для себя новый клубъ.

Благотворительныя учрежденія, въ которыхъ много русскихъ денегъ, вскормленныя Правительствомъ, рѣзко различаютъ нуждающихся по національностямъ; русскіе не имѣютъ шансовъ пользоваться ихъ помощью.

Представители администраціи, къ которымъ поляки прежде относились съ подобострастіемъ, стали испытывать на себѣ ихъ пренебреженіе и недоброжелательство.

О религіозной агитаціи, засиліи католичества не стоитъ даже распространяться, настолько они извѣстны.

Достаточно сказать, что они достигли невѣроятныхъ предѣловъ и вылились въ самыя уродливыя формы.

Непримиримость поляковъ также рѣзко выказалась во время предшествовавшихъ выборныхъ кампаній въ Государственную Думу и на городскихъ выборахъ. Когда русскіе, неувѣренные въ себѣ, незнавшіе еще своихъ силъ, униженно просили предоставить имъ хоть одно мѣсто депутата, поляки гордо отвѣтили «жаднѐго кшесла!» Они даже не согласились послать въ Думу русскаго полякующаго.

Все это, вмѣстѣ взятое, открыло глаза русскому обществу: оно поняло, что поляки «ничего не забыли и ничему не научились», что наивно вѣрить въ то, что когда либо ополяченные помѣщики въ Западной Россіи станутъ искренними друзьями русскаго народа...

Русское общество поняло, что этотъ классъ окончательно погибъ для Россіи. Съ нимъ совмѣстная, добросовѣстная работа немыслима. Отъ него нужно защитить простой народъ, и особенно въ земствѣ.

Населеніе нуждается въ земствѣ; но его лучше вовсе не вводить, если проэктъ Министерства подвергнется измѣненіямъ — въ смыслѣ расширенія правъ польской группы. Дѣло, изъ - за котораго шла 400-лѣтняя борьба Москвы съ Польшей, можетъ быть безвозвратно испорчено однимъ взмахомъ пера и русское дѣло въ Западной Руси будетъ убито въ послѣдній моментъ русскимъ-же законодательнымъ учрежденіемъ...“

Прочтя эти правдивыя строки, можно сказать: «Да! Жива еще она и будетъ жить долго польско-іезуитская пропаганда!»...

А о ней только и кричитъ, и волнуется, на протяженіи 40 лѣтъ своей жизни, покойный Сенчиковскій, именно предупреждая насъ, русскихъ, его современниковъ—относительно значенія этого анти-государственнаго явленія.

О той-же пропагандѣ писалъ онъ:

«Тотъ, кто не знакомъ съ настойчивостью и низостью польско-іезуитскихъ интригъ, кто не испыталъ ихъ инквизиціонныхъ пытокъ,—тотъ не можетъ повѣрить тѣмъ мѣрамъ и средствамъ, къ какимъ прибѣгаютъ защитники польской справы *). Хорошо извѣстны примѣры, даже и въ наше время совершающіеся, гдѣ іезуитско-польскіе агенты стремились произвести перевороты въ цѣляхъ государственныхъ...»

---

*) Нерѣдко, въ своихъ бумагахъ и письмахъ, подъ именемъ «справы» (дѣла), польско-іезуитской «интриги», подразумѣваетъ онъ вообще тѣ элементы польскаго лагеря, которые дѣйствуютъ во вредъ Россіи.

Съ такой терминологіей нельзя согласиться, но, ея приходится придерживаться, чтобы не искажать документовъ.

Особенно показался мнѣ своевременнымъ выпускъ біографіи Сенчиковскаго, когда два года тому назадъ, изъ древне-русскаго Смоленска, гдѣ и люди, и храмы, и развалины, и обычаи краснорѣчиво говорятъ русскому сердцу о Россіи, гдѣ, поэтому, находясь въ исключительно родной, естественной, народной стихіи, точно перестаешь сознавать себя «русскимъ», гдѣ такъ далекъ отъ болѣзненно - жгучихъ, проклятыхъ вопросовъ нашей, западно-окраинной политики, снова вернулся я въ польско-еврейскую Вильну, побывалъ въ Минскѣ, съѣздилъ въ глубь Бѣлоруссіи, Литвы, лицомъ къ лицу столкнулся съ русской и польской дѣйствительностью, давъ себѣ отчетъ въ томъ, что́-же произошло на холмахъ Литвы, на нивахъ родной мнѣ Бѣлоруссіи, за эти пять лѣтъ моего отсутствія изъ мѣстъ, гдѣ протекла бо́льшая часть моей жизни...

Для меня стало вдругъ яснымъ, что именно въ Вильнѣ, въ Минскѣ, т. е. въ крупныхъ центрахъ, гдѣ за это время еще прочнѣй свила себѣ гнѣздо польско-іезуитская пропаганда, недавно еще открыто рукоплескавшая и подвигамъ нашей послѣдней революціи, и нашимъ дальне-восточнымъ неудачамъ, русскому человѣку надо громко и смѣло сказать правду ни о комъ другомъ, какъ о каноникѣ Сенчиковскомъ, затравленномъ этой пропагандою...

Кромѣ нѣсколькихъ переводовъ съ латинскаго, польскаго и нѣмецкаго языковъ, да алфавитнаго указателя (въ чемъ помогли мнѣ знакомые)--все остальное, при созданіи этой книги — сдѣлано лично мною.

Право послѣдующихъ изданій, если только, конечно, имъ суждено еще появиться въ будущемъ, я оставляю за собою.

По поводу настоящаго труда мнѣ хочется сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній...

Для меня было-бы прямо обиднымъ, по его несправедливости, даже одно предположеніе, что книга моя направлена противъ поляковъ, какъ народа, противъ р.-к. религіи, какъ вѣры.

Именно въ такомъ духѣ заподозрилъ на-дняхъ меня мой пріятель-полякъ, услыхавъ имя Сенчиковскаго, узнавъ, надъ чѣмъ я работаю.

Нѣтъ и нѣтъ!!.. Нельзя огульно осуждать *всю польскую націю* за безнравственную, анти-государственную дѣятельность воинствующаго полонизма, т. е. за интриги сравнительно небольшой группы съ ярко-политическою, революціонною окраской, какъ нельзя-же упрекать р.-к. религію за то только, что польско-іезуитская интрига находитъ себѣ пріютъ подъ сѣнью, за стѣнами ея храмовъ, въ лицѣ представителей р.-к. духовенства!!.. И когда

Сенчиковскій, въ своихъ заявленіяхъ, выступаетъ противъ «всего польскаго» потому только, что оно - польское, то съ нимъ, конечно, согласиться нельзя, а нужно объяснить озлобленность покойнаго той травлею, которая исходила противъ него изъ польскаго лагеря.

На глазахъ нашихъ, въ самой Вильнѣ, въ Виленской губерніи, открыто происходятъ прямо инквизиціонныя, возмущающія душу и совѣсть, гоненія, р.-к. духовенствомъ и польскою черныю маріавитовъ...

Но кто-же станетъ винить въ подобномъ языческомъ варварствѣ, уносящемъ воображеніе наше въ глубь среднихъ вѣковъ, р.-к. религію, какъ основанную на всепрощающемъ ученіи Христа, поголовно все р.-к. духовенство, весь польскій народъ?!..

Мы и здѣсь, въ этомъ современномъ, крестовомъ походѣ темныхъ силъ польской націи, узнаемъ уши и когти подпольнаго, воинствующаго полонизма, (польско-іезуитской пропаганды), которыхъ не скрыть послѣдней за высокопарными словами спасенія душъ человѣческихъ отъ вреднаго, яко-бы, ученія маріавитовъ, за текстами Св. Писанія, за любовью къ польскому простому народу и т. п.: мы хорошо знаемъ истинную цѣну всѣхъ подобныхъ фразъ, такъ какъ слышимъ ихъ не впервые...

Исторія учитъ насъ, что этотъ полонизмъ, какъ явленіе духовно-аристократическое, всегда, убѣжденно игнорировалъ интересы простого польскаго народа, что польскій народъ всегда былъ чуждъ политики, а, если и вовлекался въ нее, платясь своими боками, какъ, напримѣръ, въ 1863 году, то, опять-таки, полонизмомъ, въ его личныхъ эгоистическихъ цѣляхъ...

Въ настоящее время польскій народъ (разумѣю подавляющую его массу и часть интеллигенціи) мечтаетъ лишь о „мирѣ всего міра“, о кускѣ хлѣба, о возможности свободно молиться, трудиться, получать образованіе и т. п., а не о бунтахъ, не о возстановленіи былой «Польши» съ ея преобладающимъ шляхетско-духовнымъ элементомъ.

Народъ польскій (говорю о низшихъ классахъ)—наученный прошлымъ, знаетъ отлично, что́ сталось бы съ милостями, дарованными ему русскими Царями, если бы въ Литву, Бѣлоруссію, Малороссію возвратилась-бы прежняя Польша, какъ государство.

И когда въ лагерѣ извѣстной части польской интеллигенціи начинаются усиленные крики объ угнетеніи Россіей польскаго народа, вздохи и слезы о былой Польшѣ, изъясненія въ любви этому народу, подтасовки историческихъ фактовъ, то и русскій, и польскій народъ хорошо понимаютъ, что тутъ снова кричитъ, вздыхаетъ, плачетъ, объясняется въ любви и т. п. тотъ-же воинствующій полонизмъ, что, значитъ, ему живется плохо, или онъ задумалъ новый походъ противъ Россіи...

Біографія Сенчиковскаго должна, на взглядъ мой, сдѣлаться настольною книгой именно для русскаго, окраиннаго человѣка, особенно служащаго, будетъ-ли онъ офицеръ или гражданскій чиновникъ...

Изучивъ жизнь Сенчиковскаго, подобный читатель никогда не забудетъ, что Бѣлоруссія—та-же Россія, что никогда не представляла она изъ себя чего-то особаго, что ни о какомъ сепаратизмѣ ея не можетъ быть и рѣчи, что счастье ея немыслимо внѣ сліянія, самаго тѣснаго, идейнаго, духовнаго, административнаго и проч. съ Великороссіей; что русскій народъ, русскій языкъ, русскій духъ имѣютъ здѣсь всѣ права природныхъ элементовъ жизни народной, исторической давности, а польско-іезуитская пропаганда—чужеземецъ, по вѣковому лишь недоразумѣнію завладѣвшій—хитростью, обманомъ, насиліемъ, благодаря темнотѣ населенія,—душою, сердцемъ забитаго, обезличеннаго вѣковымъ рабствомъ бѣлорусса...

Тотъ же взглядъ невольно перенесетъ онъ и на Литву...

Поэтому-то, слѣдя за театральными прогулками по Бѣлоруссіи р.-к. епископовъ, вплоть до прогулки епископа-суфрагана Цепляка включительно,—прогулками, сопровождавшимися польско-политическими демонстраціями, рѣчами, флагами, поцѣлуями и костюмами, окраинный русскій человѣкъ, вслѣдъ за Сенчиковскимъ, долженъ будетъ помнить, что все это—политическая мишура, ложь, сознательная, направленная не только противъ Россіи, но и противъ массъ польскаго мирнаго населенія, притомъ, ложь, не находящая себѣ историческихъ, бытовыхъ, этнографическихъ, общественныхъ оправданій, разсчитанная на гипнотизацію этихъ массъ, нынѣ находящихся въ переходномъ состояніи...

Онъ долженъ знать, что и здѣсь пускается воинствующимъ полонизмомъ пробный шаръ, но что «народъ безмолвствуетъ», т. е. не на сторонѣ революціонныхъ польскихъ элементовъ...

Невольно вспомнишь Сенчиковскаго и тогда, когда убѣдишься въ томъ, что по-прежнему мы, какъ государство, продолжаемъ бороться съ подобными дерзкими, вызывающими, анти-государственными явленіями на русской землѣ, равно какъ и со все усиливающейся, враждебной русско-государственной идеѣ, дѣятельностью р.-к. духовенства, главнымъ образомъ, мѣрами полицейско-административными...

А покойный, какъ мы увидимъ это изъ его бумагъ, училъ насъ, что со зломъ, духовно-отравляющимъ сознаніе, душу, сердце, совѣсть народныя, слѣдуетъ бороться лишь на той-же нравственно-психологической почвѣ, конечно, не забывая и админи-

стративнаго воздѣйствія—тамъ, гдѣ разумное слово не дѣйствуетъ, а приходится прокладывать путь черезъ неразвитую толпу, вѣками подчинявшуюся лишь панскому оклику и палкѣ...

Девизами покойнаго были: «Надо всегда бить врага его-же оружіемъ!»—«Такъ какъ польскій языкъ въ костелахъ введенъ польско-іезуитской, враждебной родинѣ, интригой—для убѣжденія бѣлоруссовъ, что всякій католикъ—полякъ, то, значитъ, надо изгнать этотъ языкъ изъ костельной практики, а ввести туда языкъ русскій, чтобы доказать бѣлорусскимъ католикамъ, что они—русскіе» и т. д.

Въ наши дни, еслибы Сенчиковскій воскресъ и попалъ въ Вильну, въ Минскъ и другіе центры Литвы и Бѣлоруссіи, гдѣ на вывѣскахъ, афишахъ и т. п. красуется польскій текстъ, то забилъ-бы тревогу и сталъ-бы писать и писать въ подлежащія правительственныя учрежденія, протестовать, предупреждать, такъ какъ усмотрѣлъ-бы за этими комичными, яко-бы, невинными, вольными переводами съ русскаго языка на польскій—замаскированный походъ противъ простого народа Литвы и Бѣлоруссіи, т. е. противъ того древне-русскаго элемента въ этихъ мѣстностяхъ, за который онъ такъ ратовалъ.

Ему сейчасъ-же представилось бы, что̀ долженъ вспомнить простой, темный литвинъ, бѣлоруссъ, изъ глухихъ угловъ попавъ въ русскіе города, гдѣ польскій языкъ повсюду демонстративно бьетъ въ глаза пріѣзжему. А такой посѣтитель непремѣнно вспомнитъ нашептываніе своего сельскаго духовнаго наставника, фанатика-ксендза о томъ, что въ Литвѣ и Бѣлоруссіи—Польша, а не Россія, что всякій, исповѣдующій р.-к. вѣру—„полякъ“.

Покойный не сталъ-бы смѣяться надъ названіями улицъ въ Виленскомъ „Звѣринцѣ“, не успокоился-бы на увѣреніи, что тутъ диктуетъ имена одно польское тщеславіе, а доказывалъ-бы, что за этой вывѣсочной бутафоріей скрывается ловко-задуманное впечатлѣніе на умъ, сердце бѣлорусскаго, литовскаго простолюдина...

Вообще, имѣя въ виду массы населенія Литвы и Бѣлоруссіи, черезъ которыя, по совершенно вѣрному выводу Сенчиковскаго, должно дѣйствовать Правительство—въ направленіи закрѣпленія русско-національныхъ началъ, освѣженныхъ рукою гр. Муравьева, Сенчиковскій русскому языку придавалъ здѣсь огромное, первенствующее значеніе...

Невольно вспомнишь его, когда читаешь интересное изслѣдованіе проф. Е. Ѳ. Карскаго „Бѣлоруссы“, отводящаго подобающее мѣсто языку въ разрѣшеніи русско-польскаго вопроса въ Бѣлоруссіи...

Біографія Сенчиковскаго показываетъ, что какому нибудь польскому магнату-богачу, устроившему въ честь путешествую-

щаго по Бѣлоруссіи епископа польско-политическую манифестацію, конечно, ничего не значитъ, а даже пріятно, въ видѣ жертвы на алтарь «ойчизны», уплатить административный штрафъ въ 300—500 рублей.

Между тѣмъ, народъ видѣлъ весь этотъ мишурно-политическій маскарадъ, вмѣстѣ съ разъѣзжающимъ, подъ охраной русской полиціи, епископомъ участвовалъ въ немъ невольно, въ качествѣ свидѣтелей и . . . поучался, убѣждаемый лишній разъ воинствующимъ полонизмомъ, что въ Бѣлоруссіи—Польша, а не Россія.

Вотъ гдѣ—ядъ, вотъ гдѣ зло, значеніе такихъ прогулокъ.

Надо, значитъ, по завѣту Сенчиковскаго, или сдѣлать фактически невозможными подобныя зрѣлища въ Бѣлоруссіи, или пробудить въ самомъ мѣстномъ населеніи сознательно-протестующее къ нимъ отношеніе...

За оштрафованнаго ксендза, угодившаго польско-іезуитской пропагандѣ, какъ разсказываетъ намъ покойный, сейчасъ-же уплатятъ требуемый администраціею штрафъ его прихожане, подъ руководствомъ мѣстныхъ пановъ, по подпискѣ, а самъ онъ немедленно попадетъ въ сонмъ «мучениковъ» за идею, за вѣру, за народъ, получивъ, при томъ, въ награду, еще болѣе доходовъ и поклоненій...

Отсюда—всякій такой штрафъ—лишній козырь въ рукахъ полонизма...

Ссылка, переводы упорствующихъ, вредныхъ ксендзовъ, какъ учитъ та-же біографія Сенчиковскаго, плодятъ лишь новыхъ «мучениковъ», которымъ покланяются и къ которымъ народъ несетъ послѣднія свои копѣйки, такъ какъ, по подшептыванію пропаганды, считаетъ ихъ святыми, несправедливо страдающими отъ русскаго Правительства... за народъ польскій, за вѣру «польскую»...

Сенчиковскій, по необходимости признавая и штрафы, и переводы, какъ мѣры временныя, подчеркивая обратную, отрицательную ихъ сторону, проповѣдывалъ ....полное, коренное перевоспитаніе р.-к. духовенства Россіи—въ духѣ преданности Престолу и національно-русской идеѣ—въ Бѣлоруссіи. А это возможно было-бы лишь при разрывѣ сношеній съ Римомъ...

Само собой разумѣется, когда народится у насъ, на Руси, такое, *настоящее р.-к. духовенство*, т. е. духовное р.-к. сословіе, чуждое политикѣ, уважающее законную власть и являющееся лишь пастырями душъ человѣческихъ, а не кошелька, политическихъ убѣжденій прихожанъ, тогда и штрафы, и высылки, и переводы окажутся лишними.

Развѣ не правъ былъ онъ въ теоріи!?..

Развѣ не справедливо было его негодованіе, когда покойный сравнивалъ то, что получилъ онъ, какъ жалкую пенсію, отъ Правительства, за преданность свою Русскому Государству, выброшенный за бортъ жизни и службы, съ тѣми огромными пенсіями, которыя получаютъ, живя заграницей, высланные изъ Россіи за бунтъ противъ законной русской власти польскіе мятежники – р.-к. епископы—Гриневецкій и др.?!..

И, право, пора намъ прислушаться къ вѣщему, предостерегающему его голосу! Пора—иначе, подъ напоромъ воинствующаго полонизма, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ можетъ скоро остаться только истрепанная, выцвѣтшая отъ времени, казенная вывѣска „Россія“...

«Мужицкій ксендзъ» Сенчиковскій, вслѣдъ за гр. Муравьевымъ, указывалъ намъ вѣрный путь, благодаря которому только и можно изгнать „Польшу“ изъ Литвы и Бѣлоруссіи—массу простого народа—указывалъ въ то время, когда польская интеллигенція, послѣ Муравьевскаго разгрома, относилась еще съ явнымъ, былымъ презрѣніемъ къ этой массѣ, и когда, значитъ, съ помощью послѣдней, было возможно сотворить чудеса въ желаемомъ для Россіи направленіи.

Въ тѣ дни онъ проповѣдывалъ, что никакія начинанія Правительства не приведутъ къ чему либо, пока костелъ, поработившій умъ и душу бѣлорусса, римско-католика, будетъ подъ опекою польско-іезуитской интриги.

И костелъ этотъ, въ эпоху его наиболѣе кипучей проповѣди, можно было еще располячить, пользуясь моментомъ растерянности полонизма, какъ результатомъ Муравьевскаго натиска.

Но мы, пойдя одно время за Сенчиковскимъ, по его указаніямъ, создали полу-мѣру—указъ 25 декабря 1869 года, а, затѣмъ, отвернувшись отъ покойнаго, перестали его слушать, опустили руки...

Тѣмъ временемъ, Польша, въ лицѣ ея интеллигенціи—революціонной части дворянства и духовенства, конечно, увидѣла сильныя стороны идеи Сенчиковскаго, ревностно занялась, съ помощью р.-к. костела, обработкою массъ бѣлорусскаго простонародія и, надо ей отдать полную справедливость, до сихъ поръ ведетъ дѣло свое умѣло, систематически, не торопясь, не зарываясь въ опасныя предпріятія, а, главное, не повторяя прежнихъ своихъ ошибокъ...

И теперь мы снова лицомъ къ лицу съ тѣми-же, прежними, проклятыми вопросами нашихъ западныхъ окраинъ, которые рѣшилъ, было, гр. Муравьевъ...

Но только соотношеніе борющихся сторонъ измѣнилось въ Бѣлоруссіи: бреши, сдѣланныя когда-то Сенчиковскимъ въ башняхъ воинствующаго полонизма, такъ хорошо задѣланы, зама-

скированы, что, для новыхъ ударовъ, намъ придется, пожалуй, искать и новыхъ, обходныхъ путей, и новыхъ слабыхъ мѣстъ въ стѣнахъ вражей крѣпости.

У насъ-же, ко времени самаго фанатическаго напряженія силъ этого полонизма (когда окатоличенье бѣлоруссовъ можетъ совершенно уничтожить результаты присоединенія уніатовъ), нѣтъ ни Сенчиковскаго, ни ему подобныхъ фанатиковъ, ксендзовъ русско-національной идеи и проповѣди русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи костела, а, если такіе ксендзы кое-гдѣ и есть, то едва-ли они рѣшатся, при нынѣшнихъ условіяхъ, пойти по крестному пути покойнаго каноника—на заушенія, оплеванія, нищету и... неминуемую гибель: судьба покойнаго слишкомъ еще у всѣхъ на свѣжей памяти... Недаромъ-же онъ предвидѣлъ панику въ рядахъ единомышленниковъ, которую произведетъ личное его паденіе...

Сенчиковскому, въ началѣ политической карьеры его, когда онъ былъ еще молодъ, при видѣ того, какъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и Бѣлоруссіи русской администраціей заметаются даже самые слѣды Муравьева, все грезился новый мятежъ въ этихъ-же мѣстностяхъ въ будущемъ, и, какъ естественное его послѣдствіе, появленіе новаго русскаго «диктатора», въ духѣ Муравьева, а съ нимъ и новый, уже окончательный, разгромъ «Польши», т. е. польско-іезуитской справы, по программѣ его, Сенчиковскаго, въ этихъ, искони-русскихъ, земляхъ...

Но годы доказали ему, на сколько онъ заблуждался: конечно, подобное безуміе, т. е. еще одинъ открытый, вооруженный мятежъ не повторится болѣе, какъ не повторится въ Россіи и открытая, сумбурная революція 1905—6 годовъ.

Въ настоящей книгѣ мы познакомимся съ брошюрой профессора Кнапинскаго, направленной противъ руссо-фильской дѣятельности Сенчиковскаго, гдѣ, между прочимъ, время, предшествовавшее мятежу, названо прямо «безумнымъ»...

И къ чему врагамъ русскаго Самодержавія, русской народности вести здѣсь, на окраинахъ, рискованную, неравную борьбу, стоющую и жертвъ, и средствъ, когда всего можно достичь при долгомъ терпѣніи, упорно проводимой системѣ, зная слабыя стороны нашей національно-окраинной политики, работая, какъ говорятъ саперы, „тихою сапой“, т. е. постепенно, умѣло, по извѣстному плану, шагъ за шагомъ, на почвѣ нравственной и умственной, подрывая народные устои?!..

Все сказанное живымъ ключемъ бьетъ изъ настоящей книги не потому, конечно, чтобы въ томъ была авторская моя заслуга, а потому, что объ этомъ вопіютъ факты и документы жизни Сенчиковокаго...

Біографія послѣдняго, какъ и всякаго другого, выдающагося, крупнаго политическаго дѣятеля, тѣсно связана со множествомъ вопросовъ научнаго, историческаго, церковно - каноническаго, этнографическо - бытового и иного, отвлеченнаго характера. Она ведетъ насъ къ исторіи Великой Россіи, Бѣлой Руси, Литвы, Польши, къ взаимнымъ отношеніямъ въ древности русской, польской, бѣлорусской, литовской народностей, къ русско-польскимъ пререканіямъ, въ область исторіи р.-католической Церкви, къ дипломатическимъ сношеніямъ Россіи съ Римомъ, къ вопросу о старо-католичествѣ, въ тайны римской инквизиціи, къ ходу развитія нашей государственной, общественной, духовной жизни вообще, за послѣднія четыре десятилѣтія, въ особенности - же на нашихъ окраинахъ съ ихъ смѣшаннымъ населеніемъ и т. п.

Трудъ этотъ слѣдовало-бы связать съ біографіями главныхъ палачей покойнаго—агентовъ польско-іезуитской пропаганды недавняго прошлаго.—

Иной, заправскій ученый, на мѣстѣ моемъ, съ тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который оказался, по счастливой случайности, въ моемъ распоряженіи, создалъ-бы, можетъ быть, около имени и судьбы Сенчиковскаго такой-же колоссальный, интересный общественно-политическій трудъ, какой сдѣлалъ около имени М. П. Погодина покойный Барсуковъ.

Но я, въ силу завѣта, оставленнаго мнѣ покойнымъ, позволилъ себѣ взглянуть на задачу не столь широко и лишь съ точки зрѣнія самого каноника, т. е., прежде всего, какъ на возстановленіе истины по отношенію къ нему лично.

Вотъ почему, по всѣмъ вышеупомянутымъ вопросамъ, я предоставляю говорить Сенчиковскому; вотъ почему и книга о немъ сохраняетъ, отъ начала до конца, отпечатокъ его духа, его мысли, его опыта и надеждъ, т. е., даже въ области отвлеченныхъ вопросовъ, оставаясь все-же его „біографіей“...

Я позволилъ себѣ только сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ характеристикъ личностей, русскихъ и поляковъ, сыгравшихъ исключительную роль въ судьбѣ покойнаго, да привести оцѣнку тѣхъ документовъ, которые остались безъ надлежащаго критическаго освѣщенія усопшаго, или потому, что о существованіи ихъ онъ самъ не подозрѣвалъ, или не успѣлъ ими заняться—при жизни...

Тутъ, я, такъ сказать, выполнилъ лишь то, чего не удалось сдѣлать покойному...

Главной-же цѣлью труда моего является—возможно правдивѣй, документальнѣй, изобразить сложную трагедію мукъ души человѣческой, эпопею судьбы бѣлорусскаго патріота – народника нашихъ дней, преданнаго Россіи и, тѣмъ не менѣе, безплодно погибающаго на ея, русской землѣ, среди бѣлаго дня, на глазахъ русскаго Правительства, русскаго народа, подъ уда-

рами польско-іезуитскаго произвола, при шаткости, перемѣнчивости нашей окраинной политики, при преступномъ равнодушіи нашего общества къ вопросамъ—національнымъ, — погибающаго только за то и потому, что онъ осмѣлился, оставаясь р. - к. ксендзомъ, думать, говорить, чувствовать и дѣйствовать по-русски...

Изучивъ внимательно біографію Сенчиковскаго, читатель не можетъ не задать себѣ мучительнаго вопроса: что-же намъ, русскимъ, надо дѣлать для того, чтобы такія житейско-политическія катастрофы, какъ та, которая случилась съ несчастнымъ Сенчиковскимъ, въ древне-русской Бѣлоруссіи, стали - бы навсегда невозможными, чтобы мы, русскіе, а также преданные намъ люди другихъ національностей и вѣроисповѣданій, могли-бы у себя, дома, говорить и громко, и властно, какъ это и подобаетъ единицамъ великаго народа?!

Прочитавъ книгу о Сенчиковскомъ, мы, русскіе, неминуемо должны сознаться въ томъ, что позорно не сумѣли использовать, въ интересахъ своего государства, эту неисчерпаемую, непобѣдимую вѣру въ Россію, въ ея призваніе, въ ея будущее, которою, до послѣдняго издыханія, жилъ и сгоралъ Сенчиковскій, эту, ни чѣмъ непогасимую, преданную, сыновнюю любовь къ родной ему Бѣлоруссіи, эту мощь духа въ убѣжденномъ стремленіи—освободить послѣднюю отъ иноземнаго, польско-іезуитскаго гнета, это глубокое, проникновенное знаніе быта р.-к. духовенства, бѣлорусскаго простого народа, исторіи Бѣлоруссіи, слабыхъ и сильныхъ сторонъ нашей западно - окраинной политики, наконецъ, эту неподкупную, искреннюю жажду покойнаго даже жизнь свою отдать за счастье—увидѣть на яву возможное осуществленіе въ Бѣлоруссіи исторической правды...

И подумаешь только, что все это, неиспользованное, осмѣянное и оклеветанное врагами Россіи, на вѣки похоронено въ могилѣ вмѣстѣ съ Сенчиковскимъ!!...

Вотъ объясненія, почему, сосредоточивъ силы мои на «біографіи» Сенчиковскаго, я обошелъ въ трудѣ этомъ, по мѣрѣ возможности, почти полнымъ молчаніемъ общіе вопросы, уклонился отъ безплодныхъ споровъ о томъ, что давнымъ-давно рѣшено и сдано въ архивъ исторіи, какъ это зачастую дѣлалъ, при столкновеніяхъ съ врагами своими изъ лагеря польско-іезуитской пропаганды, и покойный...

Вы ужаснетесь, навѣрное, вмѣстѣ съ Сенчиковскимъ, когда изъ біографіи его убѣдитесь въ томъ, что, въ сущности, всѣ великія благодѣянія, со временъ Императрицы Екатерины II до нашихъ дней, данныя бѣлорусскому народу - присоединеніе

Бѣлоруссіи къ Россіи (т. е. разрывъ между Бѣлой Русью и разложившейся Польшей, какъ государствомъ), присоединеніе уніатовъ (иными словами, освобожденіе милліоновъ бѣлоруссовъ отъ іезуитско-ксендзовскаго ига и возвращеніе ихъ къ древней вѣрѣ ихъ предковъ), освобожденіе массы бѣлорусскаго крестьянства отъ крѣпостной зависимости (т. е. отъ тяжкаго, безпросвѣтнаго, вѣкового панскаго ига), наконецъ, пробужденіе русско-національнаго сознанія и родственной связи Бѣлой Руси съ Русью Великой (при разгромѣ Муравьевымъ гидры польско-іезуитской интриги), — что все это лишь наружно, поверхностно освободило бѣлорусскій народъ отъ панско-ксендзовской опеки, что духовно народъ этотъ продолжаетъ по-прежнему оставаться въ сферѣ подобнаго вліянія...

И сами вы рѣшите вопросъ, можетъ-ли это долѣе продолжаться...

Приступая къ настоящему труду, я первоначально хотѣлъ, было, лишь привести въ извѣстную систему оффиціальные документы о дѣятельности покойнаго каноника, его личныя бумаги, воспоминанія, показанія о немъ его современниковъ, не дѣлая выводовъ, обобщеній, а лишь, такъ сказать, подготовляя надлежащую почву—канву для будущаго, заправскаго біографа Сенчиковскаго.

Однако, по мѣрѣ того, какъ развертывалась передо мною, шагъ за шагомъ, потрясающая трагедія судьбы этого апостола родной и мнѣ Бѣлоруссіи, чувствовалъ я, что не могу, не долженъ, даже не въ правѣ оставаться лишь безстрастнымъ, постороннимъ зрителемъ, видящимъ, какъ пытаютъ, насилуютъ, убиваютъ человѣка, какъ совершается вопіюще-несправедливое, длящееся преступленіе враговъ Россіи...

При подобномъ, безучастномъ отношеніи къ сюжету моей книги всякій могъ-бы спросить меня: «Да русскій-ли вы? Христіанинъ-ли?! Есть-ли у васъ совѣсть?!.»

По мѣрѣ работы, передо мною все чаще и чаще вставалъ Сенчиковскій, именно, какъ человѣкъ, оскорбляемый въ самыхъ завѣтныхъ, человѣческихъ своихъ чувствахъ, съ искаженнымъ страданіемъ, горемъ, негодованіемъ лицомъ, съ поднятыми дыбомъ волосами, съ глазами, полными ужаса, мольбы, слезъ, взывающій о милосердіи, о помощи, о пощадѣ—хотя-бы въ эпоху, когда въ Ташкентѣ его чуть было не сварили живого въ кипяткѣ...

За «человѣка» становилось мнѣ страшно—не за него, покойнаго, а за его палачей, за наше время, за наши языческіе нравы!...

Невольныя сравненія, сопоставленія, параллели, выводы изъ нихъ, обобщенія, сами собой напрашивались, по ходу работы, подъ перо мое, особенно, когда приходилось ставить, такъ сказать, на очную ставку съ Сенчиковскимъ людей

и людишекъ, съ которыми сталкивала его борьба за правду, и которые постоянно старались подчеркнуть, что они правдивѣе, чище, выше, благороднѣе покойнаго, а, главное, что они-то и стоятъ ближе къ Богу...

Господи! Прости имъ такое богохульное дерзновеніе!!...

И, можетъ быть, поэтому, при подобномъ, подчасъ нервномъ, настроеніи, трудъ мой кое-гдѣ утрачиваетъ научный, безстрастный объективизмъ, наиболѣе ему подобающій, и переходитъ въ область художественной литературы, бѣглыхъ иллюстрацій, силуэтовъ, критическихъ набросковъ, слишкомъ носитъ на себѣ отпечатокъ субъективнаго моего настроенія...

Пусть будетъ и такъ!...

Но пусть эта возможность, высказать открыто, печатно волновавшія много лѣтъ душу мою чувства, явится моимъ единственнымъ, нравственнымъ гонораромъ за личныя страданія, пережитыя мною при изученіи орудій пытки, подъ которыми погибъ въ инквизиціонныхъ застѣнкахъ польско-іезуитской пропаганды каноникъ Сенчиковскій.

Сказанный недостатокъ легко исправить, однако, самому читателю: ему стоитъ только выбросить всѣ тѣ мѣста моей книги, гдѣ я дѣлаю выводы, обобщенія: тогда мой личный субъективизмъ исчезнетъ и останутся одни лишь документы.

Полагаю, что впечатлѣніе будетъ прежнее, такъ какъ именно изъ груды сухого, казеннаго матеріала еще ужаснѣе слышать стоны, вопли, крики о помощи человѣческой души, этой грудою придавленной...

Но если со страницъ этой книги, къ концу ея, передъ читателемъ,—согласится-ли онъ съ моимъ субъективизмомъ, или отбросить его,—точной живой, во весь ростъ, встанетъ покойный каноникъ, какъ человѣкъ, если всей жизнью своей увѣритъ онъ читателя въ справедливости своихъ убѣжденій, въ незыблемости историческихъ своихъ идеаловъ, если дрожь ужаса и негодованія не разъ пробѣжитъ и по существу читателя—при столкновеніяхъ съ подлостью, низостью, изобрѣтательностью польско-іезуитской интриги, если, вмѣстѣ съ тѣмъ, для него яснымъ станетъ, почему, за что жизнь свою отдалъ покойный, а въ сердцѣ загорится жажда такого-же подвига на славу Россіи, во спасеніе темнаго брата-бѣлорусса, то цѣль моей книги достигнута, а, значитъ, я не только свято исполнилъ обѣщаніе, данное покойному, но тѣмъ самымъ потрудился не даромъ и для родины...

Сенчиковскій, втеченіи всей своей жизни, только и говорилъ, и писалъ, и думалъ о Бѣлоруссіи, только ею и бредилъ, за ея народъ лишь и боролся, за него молился... Внѣ счастья Бѣлоруссіи не существовало для него на землѣ личнаго благополучія...

И что-же?!. Онъ умираетъ бѣглецомъ, въ далекой, чуждой ему, Сибири!!... Народъ-же бѣлорусскій до сихъ поръ и не подозрѣваетъ про подвиги его, про его пламенную любовь, про его далекую могилу...

Это-ли снова не трагизмъ жизни и смерти покойнаго?!..

Прійдетъ-же вѣдь время, и—надо думать—скоро, когда юноши р.-к. исповѣданія, бѣлорусскіе крестьяне, на всемъ протяженіи древней Бѣлой Руси, въ русскихъ народныхъ школахъ, наравнѣ съ біографіями Императора Александра II, Екатерины, Іосифа Сѣмашки, гр. Муравьева, станутъ внимательно изучать и біографію Сенчиковскаго...

Только тогда, когда это совершится, мы въ правѣ будемъ сказать, что, какъ государство, сдѣлали кое-что и для полнаго освобожденія духа бѣлорусскаго народа отъ вѣкового польско-іезуитскаго плѣненія...

Или мы навсегда, позорно сдадимся врагу, дозволимъ изгнать насъ, русскихъ, изъ сердца бѣлорусса, т. е. изъ того «святая-святыхъ» русской національной идеи, гдѣ, по увѣренію покойнаго, не было, нѣтъ и не можетъ быть Польши, а ополяченная школа, вдохновляемая польско-іезуитской интригой, будетъ открыто клясть, клеймить и позорить память Сенчиковскаго?!...

Между тѣмъ, какая тутъ у насъ, въ Бѣлой Руси, имѣется и въ наши дни благодарная почва!...

Тотъ-же помѣщикъ, знатокъ Бѣлоруссіи, письмо котораго я цитировалъ уже выше, пишетъ мнѣ о современномъ состояніи бѣлорусскаго населенія слѣдующее:

«Въ результатѣ экономическое положеніе крестьянъ значительно улучшилось по сравненіи съ 1861 годомъ, не смотря на сильно увеличившееся населеніе.

Крестьяне вышли изъ безапеляціонной власти помѣщика и начинаютъ себя чувствовать членами государства, а не просто рабочимъ скотомъ.

Нравственность невысокая: результатъ многовѣкового рабства, которое недавно съ него спало.

Это—переходный кризисъ: узды, въ видѣ страха, нѣтъ, а умственный и нравственный уровень еще такъ низокъ, что не сдерживаетъ преступности...

Впрочемъ, есть мѣста, гдѣ нравственность очень высока. Напримѣръ, въ Туровѣ не знаютъ воровства, ничего не запираютъ на замокъ; гумна прикрываются дверями лишь отъ бродячаго скота; скирды хлѣба стоятъ въ поляхъ; незаконнорожденныхъ не бываетъ цѣлыми десятилѣтіями...

Подъ Слуцкомъ тоже народъ хорошій...

Хуже въ Борисовскомъ уѣздѣ, по границѣ съ Виленской губерніей, въ Минскомъ...»

«Интересно, что тамъ, гдѣ были изстари костелы, народъ утратилъ свой національный костюмъ: р.-католицизмъ его изгоняетъ, православіе сохраняетъ...»

„Народъ пановъ не любитъ... Существуютъ кое-гдѣ пѣсни, въ которыхъ это чувство сказывается (Лиса-католичка у Романова)...“

«Прежде подъ «народомъ» разумѣлся лишь помѣщичій классъ: онъ дѣлалъ исторію и налагалъ печать на страну... Впослѣдствіи демократизація выдвинула крестьянскій элементъ. Поляки прежде съ нимъ не считались по своей гордости. Но когда Правительство стало опираться на народъ и онъ обѣщалъ сдѣлаться доминирующимъ элементомъ, то поляки увидѣли, что проглядѣли эту величину, которая, благодаря ихъ невниманію, осталась бѣлорусской, и съ XX-го столѣтія обратили на нее благосклонное вниманіе. Костелъ долженъ былъ быть надежнымъ орудіемъ для полонизаціи мужиковъ. Началась сильная агитація. Одно время, по словамъ Дмовскаго, поляки хотѣли отказаться отъ Западной Руси и перенести фронтъ активныхъ дѣйствій- -противъ нѣмцевъ. Но этотъ лозунгъ встрѣтилъ ярый отпоръ среди поляковъ-же, и онъ отвергнутъ, а наступленіе поляковъ на Бѣлую Русь стало еще интенсивнѣе...«

Вотъ какова она—благодатная нива сердецъ бѣлорусскаго народа, вотъ ея исконный, историческій врагъ!

Поднятая, было, могучимъ плугомъ гр. Муравьева, обѣщавшая уже при немъ обильную жатву, нива эта, при преемникахъ его, быстро заросла, затѣмъ, прежнимъ чертополохомъ и другими сорными травами.

На необозримыхъ пространствахъ Россіи, во дни наши, Бѣлоруссія представляется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ Некрасовской «несжатой полосы»..,

Одинокіе колосья русскаго духа, русской мысли, русскаго чувства, сиротливо колышатся на ней, по прихоти «осенней вьюги»—«тучныя зерна купая въ пыли».

И кто только не губитъ ихъ, эти бѣдные, ни въ чемъ не повинные, колосья!...

Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролетной, прожорливой птицы,
Заяцъ насъ топчетъ и буря насъ бьетъ...
Гдѣ-же нашъ пахарь? Чего еще ждетъ?!..»

жалуются они случайному прохожему, добавляя:

«Не для того-же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?!..«

Но для «Божьей нивы» сердецъ человѣческихъ—Божьи сроки, Божья воля, Божья премудрость...

Будемъ-же и мы ждать, надѣяться, молиться—по примѣру каноника Сенчиковскаго, вѣруя въ справедливость Господню!..

Да! Вотъ появился, было, въ лицѣ покойнаго, на этой самой нивѣ надежный, любящій, сильный духомъ, убѣжденный пахарь-жнецъ, продолжатель Муравьевскихъ начинаній, со своимъ особымъ исповѣданіемъ политической вѣры.

Но гидра воинствующаго полонизма всенародно уничтожила покойнаго за проповѣдь его вѣры, какъ некогда уничтоженъ былъ, за свои убѣжденія, Іоаннъ Гусъ: Сенчиковскій сгорѣлъ на длительномъ огнѣ современной польско-іезуитской инквизиціи...

И что всего ужаснѣе—это то, что роль легендарной старушки, въ «святой простотѣ» поджегшей костеръ мученика, апостола Бѣлоруссіи, сыграла наша русская администрація...

За то и клянетъ-же ее покойный до послѣдняго издыханія въ своихъ заявленіяхъ, на протяженіи всей этой книги!...

Сравнительно недавно ѣздилъ я въ Минскъ—со спеціальной цѣлью побывать въ костелѣ на Золотой Горкѣ, посѣтить и другія мѣста, гдѣ такъ много передумалъ, перестрадалъ Сенчиковскій: мнѣ хотѣлось найти хоть какіе-либо слѣды пребыванія его здѣсь, на боевой позиціи.

Въ самый костелъ мнѣ, однако, не удалось проникнуть: онъ былъ биткомъ набитъ молитвенно-настроенной толпою, слушавшей проповѣдь молодого, красиваго ксендза, говорившаго съ амвона по-польски, книжно, не безъ аффектаціи.

И сейчасъ-же представилась мнѣ на томъ мѣстѣ, которое онъ занималъ, характерная, крупная фигура каноника Сенчиковскаго, эпохи его зрѣлости, когда тутъ-же, на этомъ амвонѣ, съ пылающимъ лицомъ, съ горящими взорами, сжимая кулаки, по-русски, бичевалъ онъ безстрашно, рискуя жизнью, польско-іезуитскую интригу...

Я отправился бродить по обширному, довольно-таки запущенному Златогорскому кладбищу, съ трехъ сторонъ охватывающему зданіе костела.

По пути попадались мнѣ мальчики и дѣвочки, повидимому школьники, одѣтые по городскому: въ рукахъ ихъ были польскіе молитвенники, но говорили они между собою по-русски. Убѣжавъ изъ костела, отъ рѣчи ксендза, дѣти беззаботно шалили, пересмѣивались среди крестовъ и надгробій.

Симпатичныя, чистыя, открытыя личики; сѣрые, голубые глаза; бѣлокурые волосы; бойкость движеній; ясность взора... Все это указывало на то, что передо мною—«всходы» бѣлорусскаго народа.

Незадолго передъ этимъ тѣ-же «всходы» видѣлъ я въ деревнѣ Лѣсной (Быховскаго уѣзда, Могилевской губерніи)—на юбилеѣ побѣды Петра Великаго надъ Шведами. Но всѣ они—дѣти и юноши—были тогда въ бѣлыхъ, традиціонныхъ свиткахъ, съ бѣлокурыми головками, подстриженными по-русски, подъ скобку...

Помню, какъ дружно бросилась эта симпатичная дѣтвора и молодежь къ возвышенію, на которомъ извѣстный изслѣдователь Бѣлоруссіи—Е. Р. Романовъ—раздавалъ безплатно брошюры, пріуроченныя къ юбилею: «всходы» шли за ними точно на приступъ, съ веселымъ говоромъ, бодрые, освѣженные ночлегомъ подъ открытымъ небомъ, подъ инеемъ холоднаго, осенняго утренника... Чуть не опрокинули и Романова, и ограждавшую его отъ натиска полицію...

Книжекъ далеко на всѣхъ не хватило...

«Куда вы?!» съ улыбкой окликали ихъ солидные, въ бѣлыхъ-же свиткахъ, старики, и въ этомъ окликѣ уже чудилась мнѣ нота затаеннаго одобренія молодой удали...

А вокругъ меня—цѣлое море бѣлокурыхъ головъ, сѣрыхъ, голубыхъ глазъ, бѣлыхъ костюмовъ, русской, бѣлорусской рѣчи...

Вотъ она «Бѣлая Русь!», «Нива Божья!» думалось мнѣ, наблюдая эту своеобразную сцену, просящуюся подъ кисть Рѣпина,..

Теперь, на Златогорскомъ кладбищѣ, видѣлъ я ту-же «ниву», но по которой прошлись уже руки ксендзовъ, полонизма...

Вотъ и могила прелата Макаревича, сыгравшаго грустную роль въ жизни Сенчиковскато, въ угоду польско-іезуитской пропагандѣ...

Старикъ разорилъ когда-то надгробіе съ русской надписью, сооруженное Сенчиковскимъ надъ прахомъ родителей его, покоющихся въ склепахъ этого-же костела, а самъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, пріютился на вѣки возлѣ, придавленный дорогимъ, массивнымъ памятникомъ, съ рѣшеткою...

Точно и этотъ послѣдній не уничтожитъ, какъ и все на свѣтѣ, время!.. Безумецъ! Жалкій фанатикъ!!

Сквозь вѣтви кладбищенскихъ деревьевъ видны мнѣ—зданіе бывшаго училища органистовъ, домъ, гдѣ жилъ Сенчиковскій...

Снова—приливъ жгучихъ, скорбныхъ, щемящихъ сердце, воспоминаній!...

Прохожу на дворъ ксендзовской плебаніи...

У настоятельскаго подъѣзда стоитъ нѣсколько помѣщичьихъ экипажей. Кучера перекидываются между собою фразами попольски.

И вдругъ донеслось ко мнѣ изъ костела хоровое пѣніе: проповѣдь кончена, народъ по-польски поетъ общую молитву...

Настоящая Польша!.. Отъ русскихъ надписей, введенныхъ когда-то Сенчиковскимъ на крестахъ кладбища, и помину нѣтъ...

Спѣшу уйти, чтобы не столкнуться съ замѣстителемъ покойнаго...

Вотъ гдѣ навѣрное хорошо знаютъ біографію каноника—въ этомъ ксендзовскомъ жилищѣ! Вотъ откуда на далекую, одинокую могилу его, въ Сибирь, несутся порой отсюда проклятія и злорадный, торжествующій смѣхъ!...

Да! Мы преступно проспали Сенчиковскаго, какъ просыпаемъ сотни другихъ, подобныхъ ему, подвижниковъ русско-національной идеи на нашихъ окраинахъ!!...

Словно ихъ такъ ужъ у насъ много!!...

И, при этомъ, мы все суетимся, все фарисейски жалуемся, кричимъ, что дѣло обрусѣнія окраинъ Россіи стоитъ, не подвигаясь впередъ, такъ какъ, будто-бы, въ Россіи нѣтъ „людей“...

Полноте морочить себя и общество!.. Прочтите біографію Сенчиковскаго!!.

Люди есть... Но сами мы не знаемъ имъ цѣны при жизни, а еще скорѣе забываемъ ихъ заслуги, когда они умираютъ... Это мы сами и сонны, и дряблы, и проникнуты преступнымъ космополитизмомъ... А, главное, горе наше въ томъ, что нѣтъ въ насъ крѣпости національнаго духа...

Особенно это чувствуется въ столкновеніяхъ нашихъ съ Западомъ...

Возьмите хотя-бы исторію прошлыхъ сношеній Россіи съ Римомъ...

И въ наши дни мы все оглядываемся на этотъ Римъ, едва углубляемся въ жизнь, въ бытъ, въ идеалы русскаго римско-католицизма...

Въ вопросахъ религіозной политики, подчасъ снова идемъ мы на помочахъ Рима, имъ руководимые, имъ подталкиваемые, наивно, какъ дѣти, воображая, что движемся впередъ самостоятельно, по собственной своей волѣ...

Тридцать лѣтъ, поэтому, топчемся мы на одномъ и томъ-же мѣстѣ съ вопросомъ о старокатолицизмѣ...

Теперь навѣрно долго будемъ топтаться около маріавитовъ съ полу-мѣрами, съ полу-фразами...

Римъ вѣками, сознательно, систематически, зло и неправо вредилъ русскому православію, русскому самодержавію, русской государственности, ополчая на насъ цѣлые народы, радуясь нашимъ внѣшнимъ и внутреннимъ неудачамъ, открыто насъ проклиная и презирая... Онъ всегда былъ, есть и будетъ, въ силу ужъ одного положенія своего въ католической Европѣ, ярымъ

врагомъ всего русскаго, православнаго... Недавно еще одинъ изъ Папъ торжественно благословлялъ поляковъ Литвы и Бѣлоруссіи на вооруженный мятежъ противъ законной власти русскаго Государства.

Однимъ словомъ, все прошлое Рима по отношенію къ нашей родинѣ - сплошное, длящееся преступленіе...

И что-же?!.

Самъ Господь посылаетъ намъ маріавитовъ, этихъ чистыхъ, кроткихъ, чуждыхъ политики, истинныхъ послѣдователей Христа, — маріавитовъ, которымъ, быть можетъ, суждено на всемъ земномъ шарѣ, въ концѣ-концовъ, подточить ходульную мощь, значеніе разлагающагося Рима. Они, эти новые мученики за вѣру, за убѣжденія, за правду, за меньшого брата, смиренно стучатся теперь въ наши двери, прося взять ихъ подъ опеку...

И мы боимся, мы все колеблемся, не рѣшаемся широко, гостепріимно, по-русски, открыть имъ эти двери, протянуть имъ братски руку: что-то скажетъ Римъ, — Римъ, недовольно морщащій уже свои сѣдыя брови!!...

Страшно подумать, что мы проспимъ и маріавитовъ, какъ проспали уже Сенчиковскаго, какъ просыпаемъ старо-католиковъ; что мы не используемъ и эту нравственную силу...

А какой-бы вышелъ изъ покойнаго каноника управляющій Виленской, Минской епархіями, да, наконецъ, и епископъ!...

Между Сенчиковскимъ и этими двумя «тóлками» р. - к. Церкви — старо-католиками, маріавитами, внѣ сомнѣнія — огромная, внутренняя связь: всѣ три явленія, въ то-же время, знаменуютъ собою начало гніенія, распада, гибели папства, а, значитъ, и торжество Православія...

Пустить-бы рвущихся въ бой съ нашимъ вѣковымъ врагомъ — воинствующимъ р.-католицизмомъ — маріавитовъ въ Бѣлоруссію, не только признавъ ихъ епископовъ, но и оказывая поддержку новому ученію всей мощью государственной нашей власти и, въ то-же время, обязавъ ихъ въ практику своихъ костеловъ, въ сношенія съ народомъ ввести русскій языкъ, съ изгнаніемъ въ то-же время повсюду языка польскаго...

Я увѣренъ, что черезъ какія нибудь десять лѣтъ мы не узнали-бы Бѣлоруссіи: въ ней не осталось-бы и духа «Польши», а р.-к. костелъ сталъ-бы смиренной, послушною Правительству, овечкой, т. е. тѣмъ, чѣмъ, по духу Христовой заповѣди, по историческому своему прошлому, онъ и долженъ быть здѣсь на самомъ дѣлѣ...

Возобновите одновременно, кромѣ того, въ Бѣлоруссіи бывшее тамъ, когда-то, особое генералъ-губернаторство, поставьте во главѣ его второго Муравьева, въ смыслѣ энергіи, программы замиренія, знанія исторіи края, учредите въ Минскѣ бѣлорусскій университетъ, наводните край русско-національными шко-

лами, разбудите православное духовенство, а, главное, сдѣлайте все для того, чтобы ослабить вліяніе польско-іезуитской пропаганды, р.-к. ксендзовъ да ставленниковъ Рима—польскихъ фанатиковъ епископовъ—по рецептамъ Сенчиковскаго...

Пора, давно пора, не только сказать Риму „руки прочь!“— относительно Литвы и Бѣлоруссіи, но и безъ церемоніи ударить по этимъ цѣпкимъ, алчнымъ, дерзновеннымъ пальцамъ, посягающимъ на наше родное, законное историческое достояніе, копающимся, такъ сказать, въ нашихъ сундукахъ и письменномъ столѣ.

Невольно, при изученіи жизни каноника Сенчиковскаго, грезилось мнѣ даже полное изгнаніе этого дряхлаго, злобствующаго, фанатическаго призрака изъ нашей русской квартиры: «Уходи, молъ, старина!.. Пора тебѣ и честь знать!..»

Еслибы такое событіе когда либо совершилось, то трудно даже перечислить въ наши дни всѣ благіе результаты, которые вытекли-бы изъ разрыва съ Римомъ...

Вынесите изъ пыльныхъ архивовъ забытое, неотмѣненное Высочайшее повелѣніе 25 декабря 1869 года, обративъ его изъ «разрѣшенія» въ приказаніе, обязательное и для администраціи, и для р.-к. духовенства, и для населенія...

Вспомните, наконецъ, лишній разъ завѣты гр. М. Н. Муравьева!...

Заговорите въ Россіи, т. е. у себя, дома, по русски!...

Подумайте только... Вѣдь тутъ, въ программѣ Сенчиковскаго—только исполненіе историческаго долга совѣсти Россіи— по отношенію къ Бѣлоруссіи...

Надо торопиться... Послѣдствія иныхъ политическихъ ошибокъ не такъ-то скоро уничтожаются.

Оставленіе-же Бѣлоруссіи на произволъ судьбы — тяжкій грѣхъ передъ исторіей и потомствомъ...

Прочтите біографію покойнаго... Вдумайтесь въ нее! Тогда все вамъ станетъ яснымъ...

Работая не такъ давно въ Департаментѣ Дух. Дѣлъ Иностр. Испов., я былъ прямо пораженъ, увидѣвъ въ оффиціальной пріемной г. директора Департамента, на видномъ мѣстѣ, большой портретъ нынѣшняго Папы, написанный масляными красками, въ дорогой рамѣ, съ латинскимъ автографомъ Папы.

Портретъ этотъ, едва я взглянулъ на него, воскресилъ мгновенно въ памяти моей всю трагическую судьбу затравленнаго, несомнѣнно, по командамъ изъ Рима, при этомъ-же Первосвященникѣ, несчастнаго Сенчиковскаго...

Напрасно искалъ я глазами на стѣнахъ пріемной портретовъ высшихъ представителей и другихъ иностранныхъ исповѣданій Россіи: ихъ тамъ не было... Торжественно возсѣдаетъ одинъ лишь Папа!...

„Къ чему здѣсь этотъ портретъ?“ думалось мнѣ, глядя на пышнаго, нараднаго Главу р.-к. Церкви, въ свою очередь, такъ самодовольно, благодушно, ласково на меня смотрящаго изъ рамы, точно желающаго сказать: «И здѣсь я, какъ у себя дома»: «Неужели для того, чтобы напомнить, что мы—въ сношеніяхъ съ нашими подданными р.-католиками,—вѣчные вассалы Рима? И что подъ нимъ, портретомъ, за надпись? Вѣдь иной, наивный посѣтитель сочтетъ ее, пожалуй, за папское благословеніе... Департаменту!... Не было-ли бы умѣстнѣе повѣсить здѣсь, на мѣстѣ этого дорогого портрета, хотя-бы скромное изображеніе мученика Бѣлоруссіи и жертвы воинствующаго Рима—каноника Сенчиковскаго, указаніями котораго, въ свое время, Департаментъ столь широко пользовался?!.. Это было-бы только должной данью справедливости по отношенію къ погибшему патріоту. Это ободрило-бы и другихъ, подобныхъ-же подвижниковъ...»

Но для такого подвига нужно много гражданскаго мужества...

Я началъ настоящее вступленіе мое искреннимъ покаяніемъ въ томъ, что первоначально пошелъ на встрѣчу къ каноику Сенчиковскому съ затаеннымъ предубѣжденіемъ, какъ къ человѣку.

Мнѣ пріятно, закончивъ трудъ мой, заявить, что я счастливъ, получивъ возможность узнать покойнаго совсѣмъ въ иномъ освѣщеніи...

Никогда не забыть мнѣ того, что Сенчиковскій подъ ударами судьбы, подъ бурями и непогодами своей религіозно-политической миссіи, въ вѣчныхъ сраженіяхъ и стычкахъ съ врагами, умѣлъ не только заслужить любовь, уваженіе и дань удивленія лучшихъ людей Россіи, но и до конца дней своихъ донесъ чистое, горячее сердце, трогательное сочувствіе ко всему униженному, страждущему, нуждающемуся въ мірѣ,—былъ-ли то человѣкъ или животное,—дѣтскую пламенную вѣру въ Бога, въ Его милосердіе, въ Его правду, и на землѣ, и тамъ, за гранью земного существованія, съ яснымъ взглядомъ на человѣческія свои обязанности...

Конечно, и у Сенчиковскаго были слабости, недостатки. Я не утаиваю ихъ въ книгѣ. Они явствуютъ изъ документовъ, которыхъ я не подбиралъ въ извѣстномъ направленіи, для того, чтобы изобразить покойнаго безупречнымъ рыцаремъ идеаловъ... Но «нѣсть человѣкъ, аще живъ будетъ и не согрѣшитъ»!..

Повторяю, мнѣ хотѣлось изобразить именно «человѣка», со всѣми свѣтлыми и темными сторонами его жизни и дѣятельности, а не восковую куклу...

По прекрасному выраженію дарившаго его добрыми отношеніями извѣстнаго дѣятеля и писателя генерала Роткирха, упо-

требленному имъ по отношенію къ другому покойнику, эти отрицательныя стороны жизни и личности Сенчиковскаго являлись только «пылью на благородномъ металлѣ, свѣянной дыханіемъ смерти»...

Къ покойному удивительно идетъ стихотворный экспромтъ Ѳ. И. Тютчева, вылившійся у поэта при первомъ впечатлѣніи извѣстія о смерти гр. М. Н. Муравьева:

„На гробовой его покровъ
Мы, вмѣсто всѣхъ вѣнковъ, кладемъ слова простыя:
Не много-бъ у него враговъ,
Когда-бы не твои, Россія!...“

Да!.. Сенчиковскій погибъ... Но вѣдь идеи переживаютъ единичныя личности.

Такъ и тутъ: идея Сенчиковскаго, завѣщанная имъ Россіи, жива еще...

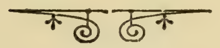
Лишь по недоразумѣнію она забыта нами... Она ждетъ еще своего воскресенія для жизни вѣчной, для вѣчной радости...

Помните, какъ чудно сказано въ Евангеліи...

«Истинно, истинно говорю вамъ, если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода...».

А. Жиркевичъ.

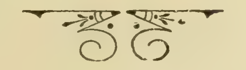
Вильна,
10 сент. 1910 г.

ГЛАВА I-я.

(1837—1868 годы).

Дѣтство и юность Сенчиковскаго.—Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко.—Вліяніе матери, ея родныхъ—уніатовъ, на юношу.—Профессоръ М. О. Кояловичъ.—Внѣ программное поступленіе Сенчиковскаго въ Минскую р.-к. духовную семинарію.—Осиное гнѣздо полонизма.—Первые шаги въ жизни, какъ ксендза.—Нахожденіе капелланомъ у Булгаковъ, Горваттовъ.—Какъ изъ Сенчиковскаго постепенно вырабатывается рѣдкій типъ бѣлорусскаго р.-к. ксендза народника.—Мятежъ 1863—64 г. г.—Гр. М. Н. Муравьевъ.—Первыя проповѣди на русскомъ языкѣ.—Сенчиковскій въ качествѣ сначала викарнаго, а, затѣмъ, настоятеля Юревичскаго костела, викарнымъ Мозырскаго костела.—Первыя столкновенія съ польско-іезуитскою пропагандой въ дѣлѣ мальчика Шишло.—Что такое полякующіе русскіе чиновники.—Общая характеристика Сенчиковскаго.—Отзвуки дѣла о подстрекательствѣ Юревичскихъ крестьянъ къ подачѣ прошенія о возвращеніи имъ закрытаго костела.

На мои настойчивыя просьбы—составить для меня свою автобіографію, особенно описавъ дѣтство и юность, каноникъ Сенчиковскій, жившій давно уже на покоѣ въ г. Омскѣ, въ письмѣ отъ 10 марта 1901 г., сообщилъ мнѣ, наконецъ, объ этой порѣ своей жизни слѣдующія данныя *):

«Вотъ посылаю, хоть короткую, мою біографію. Писалъ я ее больной; долѣе часа писать не могу—голова кружится и въ глазахъ—темно. Поэтому, извините за ошибки и неточности, которыя охотно могу поправить, если вы сообщите...

Вотъ моя біографія:

Въ имѣніи «Сновъ» (предводителя дворянства—маршала Родултовскаго) Новогрудскаго уѣзда, Гродненской (тогда) губерніи, 4 октября 1837 года, у управляющаго всѣми имѣньями Родултовскаго, потомственнаго дворянина Виленской губерніи Евстафія и его законной супруги Маріи (урожденной Коноховичъ, дочери уніатскаго священника, настоятеля Подоросской церкви, Волковыскаго уѣзда) Сенчиковскихъ родился первый ребенокъ, котораго настоятель мѣстнаго Сновскаго прихода окрестилъ 14-го октября, давъ ему имя Францискъ-Фердинандъ (Francischek-Ferdynand), такъ какъ 4-е и 14-е октября посвящены у католиковъ Святому Франциску. О томъ-же, почему называли меня не первымъ именемъ — Францискъ, а вторымъ (празднуемымъ 30-го мая) - Фердинандъ, никогда мнѣ не пришлось даже поговорить съ моими родителями. Но болѣе всего странно и непонятно то, что прадѣдъ, дѣдъ и отецъ мой, равно какъ и вся родня моего отца, какъ это удостовѣрено документами, находящимися при нашихъ дворянскихъ бумагахъ, происходили изъ дворянскаго рода, который беретъ начало съ начала семнадцатаго вѣка, т. е. съ царствованія Сигизмунда III-го. Въ этихъ документахъ указано, что уніатъ, т. е. «греческой обрядности», какой-то Петръ Сукъ (Piotr Sęk), знаменосецъ, хотя и былъ убитъ Шведами, но за рубахою скрылъ полковое знамя, за что и получилъ потомственное дворянство (Schlachetstwo) и, при полученіи

---

*) У покойнаго Сенчиковскаго была дурная привычка—не стѣсняясь системой изложенія, припутывать болѣе позднія обстоятельства изъ его жизни къ раннимъ. Такъ и въ приводимыхъ отрывкахъ дѣтство связано у него съ Муравьевской эпохою и т. п. Приходится, для того, чтобы не кроить документа, приводить его въ такомъ видѣ.

дворянства, былъ переименованъ—на польскій ладъ—изъ Sęk'a (Сука) въ Сенчиковскаго. Но все-таки весь родъ этого Сука-Сенчиковскаго былъ оставленъ въ уніи.

Отецъ мой былъ повѣнчанъ въ уніатской Подоросской церкви съ дочерью уніатскаго священника Коноховича, уніатскимъ-же священникомъ Василіемъ Протасевичемъ, настоятелемъ Подоросской церкви, которую отецъ Василій получилъ послѣ смерти отца моей матери, такъ какъ былъ женатъ на старшей сестрѣ моей матери Александрѣ. Вѣнчаніе отца совершилось въ Подоросскѣ по-уніатски потому, что моя мать, послѣ смерти отца своего, жила въ Подоросскѣ, при своей родной сестрѣ, женѣ священника Василія Протасевича. Но, послѣ брака, совершеннаго уніатскимъ священникомъ, отецъ мой уѣхалъ въ Сновъ, гдѣ не было уніатской церкви, какъ это обыкновенно тогда случалось. Такъ какъ богатый панъ—маршалокъ изгонялъ уніатовъ, а обзаводился католическимъ ксендзомъ, то, когда я родился, меня и окрестилъ ксендзъ, тѣмъ болѣе, что унія и католицизмъ считались однимъ и тѣмъ-же, хотя все-таки католицизмъ считался „панскою", а унія „хлопскою" вѣрой. Поэтому, понятно, почему отецъ мой, окончившій дворянское училище (Schlachetska gimnazi) и занимая хорошую должность у Jasnie Wielmoznego pan Marchalk'a, какъ человѣкъ молодой, постарался угодить, а, по-просту говоря, заискаться (я-бы сказалъ—подлизаться), у «яснаго пана» тѣмъ, что первороднаго сына своего окрестилъ по римско-католическому обряду, тѣмъ болѣе, что этотъ-же „маршалокъ" былъ крестнымъ моимъ отцомъ. Что это было сдѣлано ради угожденья «ясному маршалку», видно изъ того, что когда отецъ мой, по истеченіи пяти лѣтъ, былъ управляющимъ (полномочнымъ повѣреннымъ—«пленимпотентомъ») въ Подоросскѣ, у уніатскаго помѣщика Владычанскаго, то родившагося моего брата Владиміра окрестилъ тотъ-же отецъ Василій Протасевичъ, уніатъ, мой дядя, по греческому обряду, а г-жа Владычанская, уже православная, была его воспреемницею. Затѣмъ, когда отецъ находился тоже управляющимъ имѣніями (т. е. 12-ю фольварками) у помѣщика Оскерко, католика, то младшаго моего брата Эдуарда опять окрестили по римско-католическому обряду. Вотъ, что дѣлалось въ тѣ времена!... И такихъ «поляковъ», такихъ «католиковъ» тогда было (и теперь имѣется) сотни тысячъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. А когда я, введеніемъ русскаго языка и старокатолицизма, хотѣлъ устроить такую-же унію съ православіемъ, какая была съ католицизмомъ, послѣ чего сами-собою, безъ всякой ломки, русскіе по народности и по уніи Бѣлоруссы сошлись-бы съ Православіемъ и Россіей, то за это наши чиновники, родившіеся въ мундирахъ, при шпагѣ, меня съѣли, задавили и выбросили въ помойную яму. Не такъ дѣлали поляки, не такъ дѣлали и дѣлаютъ теперь нѣмцы и швабы. По-

смотрите, какъ поляки, германцы и австрійцы своихъ приверженцевъ чуть не въ „князья“ производятъ и какъ ихъ вознаграждаютъ за преданность государственной идеѣ! Уніатскаго митрополита Сембратовича и проч., какъ ихъ охраняли и поддерживали! А со мною что̀ сдѣлали?!. Вѣдь вся грязь, вся ложь, низость и подлость, которой нѣтъ имени, за что-же на меня бросались и бросаются?—Только за мою безпредѣльную, недвуличную преданность русскому дѣлу! Будь я двуличнымъ, іезуитомъ и фарисеемъ, тогда я, подобно Макаревичу, былъ-бы прелатомъ и получалъ-бы звѣзды. Да, родной мой и задушевный другъ, этотъ мой вопль исходитъ изъ глубины души моей, и, хотя это не годится, но за убіеніе Александра II, за гибель русскаго дѣла въ католицизмѣ, да будутъ прокляты гр. Игнатьевъ, Мосоловъ, Петровъ и сотни такихъ-же и...... и н...... русскихъ, съ русскими именами, чиновниковъ!

Но я увлекся невольно, ибо слезы мнѣ сжимаютъ горло при воспоминаніи обо всемъ этомъ. Да и какъ не рыдать!?... Подумайте только... Епископы Фелинскій, Красинскій, Гриневецкій и другіе, въ Римѣ сидя и клевеща на Россію, да открыто интригуя противъ Россіи, получаютъ, за свои мятежныя дѣянія, по 5000 р. золотомъ въ годъ, а я, при такой дороговизнѣ, получаю 1000 р. за то, что меня за Россію обрызгали грязью, за то, что я, очертя голову, защищалъ истину и хотѣлъ спасти около двухъ милліоновъ русскаго народа отъ вліянія враговъ Россіи!!. Боже мой! Какъ мнѣ это больно!.. А, поѣзжай я въ Римъ и передайся Папѣ и полякамъ... Тогда меня сдѣлали-бы святымъ, да на рукахъ-бы носили. Но, Богомъ клянусь, этого я не сдѣлаю, ибо за истину я отдамъ жизнь, а не за ложь, хотя-бы она вся была изъ золота...

Ну, вотъ, продолжаю мою біографію...

По истеченіи лѣтъ десяти послѣ моего рожденія, отецъ мой взялъ въ долгосрочную аренду казенную ферму «Коречинъ», Слонимскаго уѣзда, откуда я и поступилъ въ дворянское училище, въ Слонимѣ. Но до того я съ родителями моими частенько ѣздилъ въ какое-то село Кобринскаго уѣзда, не помню уже какого названія, гдѣ родной братъ моей матери Феликсъ Коноховичъ былъ уніатскимъ, а затѣмъ уже православнымъ, священникомъ. По сосѣдству съ приходомъ моего дяди священника Феликса былъ священникъ, отецъ Михаила Осиповича Кояловича, профессора Православной Петербургской академіи, Кояловичъ. Вотъ Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ, въ бытность мою у дяди Коноховича, училъ меня таблицѣ умноженія, и помню, какъ онъ меня мучилъ надъ 7×7. Сколько прошло съ тѣхъ поръ лѣтъ — не помню; но помню, какъ мнѣ не удавалось этого выучить. Остальное-же все я прекрасно зналъ. Бѣдный Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ, когда я уже былъ каноникомъ и бывалъ у него въ Петербургѣ, не забылъ этого и, въ присутствіи Кирѣева и Яны-

шева, разсказывалъ о томъ, какъ я, 7—8—лѣтній мальчишка, мучилъ его, студента Виленской семинаріи, этой таблицею 7×7.

Боже мой! Какія это были чудныя времена! И чего-же я теперь дождался!!...

Когда я находился въ дворянскомъ училищѣ, мы жили, по причинѣ неурожая, на присылаемыя намъ деньги, 600—700 рублей въ годъ, роднымъ братомъ моего отца, Адамомъ Антоновичемъ Сенчиковскимъ, генералъ-маіоромъ, который занималъ должность главнаго начальника комиссаріатской комиссіи въ Кіевѣ, что, по настоящему времени, соотвѣтствуетъ должности окружного интенданта. Въ кругъ его вѣдѣнія входили Кіевская, Волынская и Подольская губерніи. Этотъ генералъ, мой родной дядя, для всего рода нашего, былъ ангеломъ-хранителемъ. Подобно Іосифу-патріарху, онъ кормилъ и спасалъ всѣхъ своихъ родныхъ. А ихъ было много. Дѣдъ нашъ имѣлъ семь человѣкъ сыновей и три дочери, и этотъ, старшій изъ нихъ, Адамъ, выбившись самъ въ люди, воспиталъ всѣхъ остальныхъ девятерыхъ родныхъ сиротъ, выдалъ замужъ сестеръ, а шестерыхъ братьевъ вывелъ въ люди, такъ что Ричардъ Сенчиковскій, напримѣръ, умеръ полковникомъ въ Черниговѣ, Михаилъ умеръ казначеемъ Бѣльскаго уѣзднаго казначейства; остальные-же занимались сельскимъ хозяйствомъ, держа въ арендѣ хорошія, казенныя фермы. Но, въ неурожайные годы, дядя Адамъ, изъ Кіева, всегда присылалъ денежныя пособія, и не только намъ, а и всѣмъ роднымъ—кто только къ нему обращался. Нѣкоторое время дядя Адамъ требовалъ, чтобы я поступилъ въ военную службу, и прислалъ даже деньги на поѣздку мою изъ имѣнья Коречинъ, Слонимскаго уѣзда, въ Кіевъ. Это было уже послѣ окончанія мною дворянскаго училища. И вотъ, по дорогѣ въ Кіевъ, я остановился въ Минскѣ. То было въ 8 часовъ утра, 30 августа 1857 г., въ праздникъ Александра Невскаго. Побывавъ—прежде въ православномъ соборѣ, я пошелъ, затѣмъ, въ католическій соборъ, гдѣ служилъ тоже епископъ Адамъ Войткевичъ. Послѣ этого богослуженія я отправился къ ректору католической семинаріи, канонику Венедикту Новицкому, который тутъ-же пригласилъ къ себѣ инспектора Іоанна Явтота: экзаменъ продолжался полъ-часа; затѣмъ приняли мои документы—и я поступилъ въ семинарію. Такъ что, вмѣсто того, чтобы днемъ уѣхать въ Кіевъ и тамъ поступить на военную службу, я поступилъ въ семинарію. А въ тѣ времена, при такой протекціи, которую я имѣлъ у дяди, генерала, у котораго два сына были уже капитанами, а двѣ дочери дѣвицы—думаю, что въ настоящее время я былъ-бы чѣмъ либо почище, чѣмъ теперь...

Но въ семинаріи мнѣ было очень тяжело, ибо дядя Адамъ, получивши мое письмо, о томъ что я поступилъ въ семинарію,

до того былъ недоволенъ, что даже мнѣ не отвѣтилъ, а написалъ моему отцу выговоръ съ требованіемъ, чтобы я никогда не писалъ-бы къ нему, и заявивъ, что онъ меня знать не хочетъ, потому что онъ для меня подготовилъ уже все для поступленія въ полкъ и устроилъ все, чтобы въ скоромъ времени выдвинуть мою карьеру—и вдругъ я все испортилъ, поставивъ его въ непріятное положеніе... Подоспѣли неурожаи — и обо мнѣ всѣ забыли, ибо у отца моего на рукахъ еще оставались два сына и дочь, которые воспитывались въ Слонимскомъ-же дворянскомъ училищѣ, т. е. братья мои воспитывались, а для сестры держали у себя пожилую женщину, которая, совмѣстно съ нашей матерью, и воспитала мою сестру. Въ семинарію-же отецъ мой могъ только уплатить 30 рублей—за первое полугодіе и прислать мнѣ 40 руб. на обзаведеніе одежды. Но вотъ, слава Богу, по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ пребыванія моего въ семинаріи, ректоръ однажды, войдя въ залъ, гдѣ мы приготовляли уроки и гдѣ помѣщалось насъ 115 клериковъ, вызываетъ меня къ себѣ, на середину зала, и обращается ко мнѣ съ такимъ вопросомъ: «Что ты, отче, не обѣщалъ какому-либо настоятелю послѣ рукоположенія поступить къ нему викарнымъ?»—Я, удивленный, отвѣтилъ, что, во 1-хъ, я еще такое короткое время въ семинаріи, что не знаю, окончу-ли ее и буду-ли достоенъ быть рукоположеннымъ, а, во 2-хъ, я никому не обѣщалъ, да и не могъ еще обѣщать, ибо никого изъ настоятелей Минской губерніи не знаю. На это о. ректоръ сказалъ: «Ну, и хорошо! Такъ я прошу тебя никому и не обѣщай и не давай слова, ибо я, въ моемъ приходѣ Ляховичи, рѣдко бываю и пріѣзжаю туда только на каникулы. Но у меня тебѣ будетъ хорошо. Ты будешь самъ хозяинъ, а я буду спокоенъ. И ты будь спокоенъ, ибо я увѣренъ, что не испортишься. А потому, ручаясь, что ты будешь рукоположенъ, я зачислилъ тебя на казенный счетъ и секретарь семинаріи возвратитъ тебѣ 30 руб. Съ этого времени ты получишь все казенное.»—Понятно, я не зналъ, какъ благодарить о. ректора за такую милость, а вся семинарія, профессора, даже епископъ, съ этого времени, стали звать меня «ректорскій викарный.» И вообразите только! Не милость - ли Божья была надо мною?!.. Въ семинаріи 115 воспитанниковъ; я—первый годъ и всего только четыре мѣсяца въ семинаріи; парнишка чахлаго здоровья, всѣми покинутый, одинокій... И вдругъ меня избираетъ себѣ въ помощники, такъ сказать, глава семинаріи, отъ котораго зависитъ судьба не только моя, но и всего заведенія!!...

Семинарію я окончилъ въ 1861 году, т. е. только по году былъ на каждомъ курсѣ, получивъ аттестатъ первой степени. А насъ было представлено къ рукоположенію 30 человѣкъ, и только я одинъ - съ аттестатомъ 1-й степени.—Быть можетъ, это произошло и потому, что кромѣ дороги изъ семинаріи въ соборъ

и обратно я не зналъ ни одной улицы. Только лекціи, семинарская каплица и библіотека были мѣстами моего посѣщенія.

Но вотъ, 4 іюня 1861 года, меня рукоположили. Надо понести къ подписи епископу наши грамоты. — Товарищи возлагаютъ на меня эту обязанность, даютъ деньги на извозчика (ибо я не знаю дороги къ дому епископа). Ѣду. Епископъ — въ кабинетѣ. Зовутъ меня.—„Ну“, говоритъ епископъ: „Положи все на землѣ, ибо на столѣ мѣста нѣтъ, и подавай по одной грамотѣ, но говори, чья грамота“. Подаю. Кажется, второю—моя. Подписываетъ. Подавая ему третью, говорю: «Это—ксендза Яцевича.»— „Какого?“ спрашиваетъ епископъ: «Того, который перешелъ изъ монастыря Бернардиновъ? Кто-же его рукоположилъ?» — «Ваша ekscellencia?»—„Я?!“—«Да.»—«Ну, такъ сходи къ ксендзу ректору и скажи, что не ты, а ксендзъ Яцевичъ будетъ у него викарнымъ. Вѣдь Яцевичъ не умѣетъ читать! Это—неучъ. И я приказалъ не представлять его къ рукоположенію еще два года. А ректоръ его теперь представилъ... Такъ пусть-же съ нимъ и нянчится!»—Получивъ подписанными всѣ грамоты, я пошелъ къ ректору и разсказалъ ему все. Ректоръ выругалъ епископа, назвавъ его „осломъ—жмудиномъ“, а самъ поѣхалъ. Что было между ними и какъ случилось дальше—я не знаю. Но, къ вечеру того-же дня, епископъ пригласилъ меня къ себѣ. У него я нашелъ какую-то чахлую и дряхлую старушку—помѣщицу. Оказалось, что это—вдова, г-жа Булгакъ. Мужъ ея былъ „маршалкомъ“ Бобруйскаго уѣзда. Она пріѣхала за 300 верстъ къ епископу—просить—дать ей ксендза къ ея домашней каплицѣ. Вотъ епископъ меня и назначилъ къ этой «пани-маршалковой.» Но когда я явился, то та удивленно посмотрѣла на меня, чахлаго, тонкаго, какъ спичка, болѣзненнаго и съ виду — мальчишку (хотя мнѣ уже было 23 года и 8 мѣсяцевъ) и тутъ-же сказала епископу: «Я благодарна за назначеніе; но удобно-ли будетъ, что такой молодой ксендзъ станетъ жить въ моемъ дворцѣ?!—Вѣдь у меня три взрослыхъ дочери, для нихъ двѣ компаніонки — француженка и нѣмка—да и служащихъ дѣвицъ у меня — много...»— Тогда епископъ, при мнѣ, сказалъ ей: «Не опасайтесь, пани маршалкова! Я ручаюсь за этого ксендза. Вы должны были-бы болѣе бояться, еслибы у васъ былъ капелланомъ старикъ, нежели этого ксендза.» Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, епископъ сказалъ: „Я убѣжденъ, что за тебя краснѣть не буду.“ — Понятно, я увѣрилъ епископа въ этомъ.

Но я еще возвращусь къ жизни моей въ имѣньи г-жи Булгакъ.

До поступленія моего въ дворянское училище и во время пріѣздовъ моихъ изъ училища на праздники и каникулы домой, всѣ мы, т. е. родители мои, сестра и братья, совмѣстно съ двумя батраками и наемными людьми, босые, въ простыхъ рубахахъ,

работали въ полѣ, пахали, косили, разбивали наземъ, словомъ дѣлали все то, что дѣлали простые работники. Это происходило потому, что ферма наша была небольшая—45 десятинъ земли,—а въ неурожайные годы денегъ не бывало. Случались такія недѣли, и даже мѣсяцы, что пока дядя пришлетъ денегъ, то у насъ не было на что купить хлѣба и мы, работая, особенно весною, до новой жатвы, жили только однимъ молокомъ. Но все таки мы пережили эти пять лѣтъ страшнаго голода. Когда - же пришлось мнѣ поступить въ семинарію, то дядя уже для меня ничего не посылалъ, а отецъ, отдавъ въ училище двухъ моихъ братьевъ, уже не могъ присылать мнѣ. Поэтому, въ семинаріи, я прожилъ четыре года на казенной овсянкѣ. Даже чаю я не пилъ, ибо денегъ не было, а казеннаго чая не полагалось. Это казенное содержаніе, т. е. пища и помѣщеніе въ сыромъ до безобразія и холодномъ зданіи, передѣланномъ изъ костела, сдѣлали то, что я окончательно потерялъ здоровье, получивъ неизлѣчимый катарръ желудка, ревматизмъ и порчу легкихъ. И вотъ всю жизнь мою я лечусь, живу осторожно и берегусь дò нельзя... И, слава Бого, живу еще...

И вотъ я пріѣхалъ въ имѣнье „Добосню", Бобруйскаго уѣзда, на должность капеллана у маршалковой Булгакъ. Дворецъ, стоющій 500,000 руб.—Это—въ глуши. Тонъ—барскій до тошноты. Три дочери и четыре сына. Изъ нихъ одинъ женатый, а три находились въ Московскомъ университетѣ. Всѣ они — гордые, надутые, съ такимъ величіемъ смотрящіе на другихъ, кто не принадлежалъ къ ихъ помѣщичьему кругу, что я и вообразить себѣ не могъ, чтобы человѣкъ могъ быть на столько діавольски гордымъ. А это было въ іюлѣ мѣсяцѣ 1861 года. Начались: пѣніе мятежныхъ гимновъ—во время моего служенія, постоянный трауръ, очень частые съѣзды „ясныхъ пановъ", молодежи, будтобы къ сыновьямъ студентамъ и ради дочерей—невѣстъ.—Но я, ничтожный человѣчекъ, загнанный гордостью и величіемъ Булгаковъ въ свою квартиру (тутъ-же, въ углу дворца, крошечныя двѣ комнатки, нищенски убранныя, ибо меня считали слугою, наравнѣ съ экономомъ), всетаки замѣтилъ и даже нѣсколько разъ слышалъ разговоры этихъ «ясныхъ пановъ» о томъ, какое ружье надо откуда выписывать, гдѣ шайкѣ собираться, кого изъ дворовыхъ людей можно будетъ взять въ шайку, кто будетъ командиромъ такой-то шайки, сколько уже денегъ собрано на повстанье и. т. д. Вотъ, послѣ всего этого, я написалъ епископу Войткевичу все откровенно, а, главное, о томъ, что Булгаки считаютъ меня чуть не старшимъ лакеемъ, приказывая мнѣ наблюсти, какъ лакеи чистятъ паркетъ, или ѣхать пахать въ полѣ и наблюсти за рабочими, или пойти въ конюшню и посмотрѣть, хорошо-ли почищены лошади, чисты-ли экипажи, и многое въ этомъ-же родѣ. Понятно, что я на все давалъ рѣзкіе отвѣты и

громилъ ихъ гордость и такое унизительное отношеніе ко мнѣ. Описавъ все это епископу, я просилъ его назначить меня куда либо въ другое мѣсто, лишь-бы только уѣхать изъ этого ада гордости. Епископъ назначилъ меня викарнымъ въ мѣстечко Блонь; но тамъ настоятель Годлевскій открыто дѣйствовалъ съ мятежниками и, видя, что я этому не сочувствую, злобно относился ко мнѣ. Тогда, по моей просьбѣ, епископъ перемѣстилъ меня въ им. „Барбарово“ капелланомъ къ богатѣйшимъ помѣщикамъ Горваттамъ, гдѣ старикъ хорунжій всею душою не сочувствовалъ мятежу. Тамъ я прожилъ восемь лѣтъ, а у Булгаковъ и въ Юревичахъ я прожилъ только по нѣсколько мѣсяцевъ...

Далѣе Вы увидите изъ моего формулярнаго списка. Но объ интригахъ поляковъ, исправниковъ, становыхъ приставовъ, директора Департамента и Потапова, какъ шефа жандармовъ, я уже писалъ Вамъ...

Находясь въ Барбаровѣ, я узналъ, что послѣ моего переѣзда изъ Юревичей, черезъ 2--3 мѣсяца, Юревичскаго настоятеля арестовали, и великолѣпный, по-іезуитскій костелъ съ монастыремъ обращены были въ православную церковь *). Но, для католическаго прихода, оставлена была, на кладбищѣ, совершенно старая, почти развалившаяся деревянная часовня съ алтаремъ, и епископъ Войткевичъ предписалъ мнѣ — завѣдывать Юревичскимъ римско-католическимъ приходомъ и служить въ этой дряхлой часовнѣ. Я поѣхалъ въ Юревичи: это всего сухимъ путемъ въ 5 верстахъ отъ Барбарова, а на лодкѣ, по рѣкѣ Припяти, одна верста. Въ Юревичахъ я нашелъ роту солдатъ, которые въ продолженіи четырехъ часовъ топорами рубили въ костелѣ алтари, статуи 12-и апостоловъ и органъ, стоющій 6000 руб. Это потрясло меня до глубины души. Ризы и церковныя вещи были переданы мнѣ и я, выпросивъ у одного мѣщанина амбаръ, сложилъ туда всѣ эти вещи. Изъ алтарей солдатами вмѣстѣ съ алтарями были на улицу выброшены и мощи святыхъ, тамъ находившіяся: я подобралъ съ улицы нѣкоторыя изъ нихъ и въ настоящее время они находятся у меня. Рота солдатъ была подъ командою военнаго начальника уѣзда маіора Стефановича, католика и яраго фанатика—поляка; но, для того, чтобы показать, что онъ - вѣренъ Россіи, онъ приказалъ рубить алтари. Послѣ этого Муравьевъ, по третьему пункту, прогналъ со службы этого Стефановича. Совершивъ такой вандализмъ и

---

*) Сказанное относится уже къ эпохѣ возстанія 1863 65 г.г. Какъ видно изъ формуляр аго о службѣ списка Сенчиковскаго, «по закрытіи Юревичскаго костела и по причисленіи прихода къ каплицѣ, находящейся на Юревичскомъ кладбищѣ, по распоряженію Главнаго Начальника С.-З. края гр. Муравьева отъ 12 марта 1865 года, Сенчиковскій назначенъ былъ епархіальнымъ начальствомъ настоятелемъ того прихода.»

святотатство въ присутствіи моемъ и собравшихся католиковъ, Стефановичъ обратился къ католикамъ, говоря: Смотрите! Вотъ вашъ костелъ будетъ уже православнымъ, да, «Матечка Боская» (чудотворный образъ Божьей Матери) уже приняла православіе. Такъ и вы принимайте православіе, а правительство каждому, принявшему православіе, дастъ въ награду по 30 руб.». Но тутъ вышелъ впередъ 80-лѣтній старикъ, поклонился и громко сказалъ. «Не хочемъ, паночку, мѣнять лѣпшую вѣру на горшую?» — «Какъ это на горшую?!» крикнулъ маіоръ Стефановичъ. Старикъ, ничуть не стѣсняясь, сказалъ: «А якже, пане, не горша, коли вы къ нашей вѣрѣ еще 30 р. придачи даете! Я, коли мѣняю коня, то завсегда даю придачи, если мой конь горшій. И такъ всѣ робяцъ.» — «Взять этого мятежника!» крикнулъ Стефановичъ. Старика схватили и потащили въ кутузку, и только черезъ шесть дней освободили.

Вотъ, какъ возбуждали народъ такіе чиновники, какъ Стефановичъ.—А, затѣмъ, писали, что мятежъ принимаетъ ужасные размѣры. И они-то, подобные Стефановичи, усмирили всѣ бунты!

Все это совершилось въ 1863 году. И это подало мнѣ мысль, для того, чтобы устранить подобные, раздирающіе душу, поступки такихъ чиновниковъ, какъ Стефановичъ, употреблять языкъ русскій и бѣлорусскій вмѣсто польскаго. Этимъ я охранилъ много костеловъ и каплицъ отъ закрытія. А поляки и ксендзы кричатъ, что я принесъ вредъ религіи!...

Я желалъ прежде все уничтожить польщизну, обрусить ополяченный русскій народъ въ Бѣлоруссіи, и, оставляя западную обрядность въ догматахъ, соединить его съ православіемъ, дабы этимъ навсегда вырвать темный народъ изъ политическо-польской пропаганды. Но этого мнѣ не дали сдѣлать Мосоловы, хотя Маковъ меня понялъ и всѣми силами поддерживалъ. Но, по его смерти, Игнатьевъ, Лорисъ-Меликовъ и Мосоловъ обрушились на меня...

Кажется о Минскѣ и Туркестанѣ я Вамъ писалъ: какъ-то — о покушеніи на мою жизнь солдата, моего денщика, въ Туркестанѣ, такъ и обо всемъ остальномъ. Скажу только, что все несчастье, случившееся со мною и съ русскимъ дѣломъ, произошло по подстрекательству поляковъ, сдѣлано русскими сановниками и чиновниками. Если что неясно, то прошу сообщить.» —

Нѣсколько ранѣе, въ 1899 г. 14 ноября, изъ Омска-же, каноникъ Сенчиковскій писалъ мнѣ (по поводу заявленій одного виднаго виленскаго чиновника, усумнившагося, въ бесѣдѣ со мною, въ искренности политическихъ убѣжденій покойнаго, — когда я заговорилъ съ нимъ о сношеніяхъ моихъ съ послѣднимъ):

«Тотъ господинъ, который Вамъ заявилъ, что не можетъ повѣрить, чтобы ксендзъ могъ быть истинно-русскаго взгляда и направленія, слишкомъ легкомысленно смотритъ на вещи, и я убѣжденъ, что онъ скажетъ совсѣмъ другое, если узнаетъ, что я—сынъ православной матери, которая, какъ дочь уніатскаго священника, была воспитана въ истинно-религіозномъ и русскомъ духѣ, своими глазами видѣла, какъ поляки преслѣдовали русскихъ уніатовъ, и меня воспитала въ томъ-же своемъ направленіи. Отецъ мой хотя тоже былъ уніатомъ, но, по настоянію магнатовъ, у которыхъ былъ управляющимъ имѣніемъ, во время «разбирательства», записался католикомъ—иначе потерялъ-бы хорошее мѣсто. Мать-же моя и умерла православною. Урожденная она была Коноховичъ. Братъ ея родной былъ православнымъ священникомъ въ Кобринскомъ уѣздѣ, по имени Феликсъ. Другой братъ—Іосифъ—былъ монахомъ въ Жировицахъ, Слонимскаго уѣзда, а сестра Александра была замужемъ за Василіемъ Протасевичемъ, православнымъ священникомъ, который умеръ протоіереемъ въ Подоросскѣ, Волковысскаго уѣзда. Вторая-же сестра моей матери—Антонина—была просфорнею въ Лахвѣ, Гродненской-же губерніи. Но такъ какъ отецъ мой служилъ у магнатовъ польскихъ, то, для того, чтобы избѣжать гоненія и преслѣдованій, онъ пожелалъ и дѣтей своихъ окрестить по католическому обряду: это тогда (въ 1836 году *) разрѣшалось, и только съ 1846 г., и послѣ «разбирательства», воспрещено было. Кромѣ того, моя мать воспитывала меня въ истинно-религіозномъ и русскомъ духѣ; всю мою юношескую жизнь я провелъ среди моихъ родныхъ. православныхъ. Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что родной мой дядя, братъ моего отца, Адамъ Сенчиковскій былъ въ Кіевѣ окружнымъ интендантомъ (тогда комиссаріатъ), генералъ-маіоромъ, женатымъ на православной, сестрѣ корпуснаго генерала Каблукова. Дѣти ихъ были православныя. У нихъ я тоже гостилъ по мѣсяцамъ. Въ Подороскѣ-же, съ моими двоюродными братьями Протасевичами, дѣтьми священника, я постоянно пѣлъ на клиросѣ. Помню, какъ однажды, лѣтомъ, когда дядя Протасевичъ служилъ, а мы пѣли, посреди литургіи мы оглянулись и увидѣли, что на срединѣ церкви стоитъ епископъ Іосифъ Сѣмашко: онъ изъ Жировицъ incognito пріѣхалъ въ Подороскъ—провѣрить доносъ о томъ, что будто-бы дядя Протасевичъ, хотя изъ уніатовъ перешелъ въ православіе, но служитъ по-уніатски. Доносъ оказался ложнымъ. Послѣ литургіи епископъ Сѣмашко (еще тогда онъ носилъ платье католическихъ епископовъ, былъ безъ бороды, имѣлъ короткіе волосы) благословлялъ народъ и, по окончаніи, обратился къ дядѣ Протасевичу на польскомъ языкѣ:

*) Не хотѣлъ-ли сказать Сенчиковскій «въ 1837 г.», т. е.—въ годъ его рожденія?

„А это чьи мальчики?“ Дядя представилъ ему своихъ трехъ сыновей и меня, но сказалъ, что я—католикъ, сынъ его свояченицы, т. е. сестры его жены. Тогда Сѣмашко, положивъ свою святительскую руку на мою бѣлокурую голову и гладя по головѣ, сказалъ, на польскомъ языкѣ: «*Хотя* ты, дитя мое, и ляхъ, но въ жилахъ твоихъ течетъ русская кровь. Будь-же въ душѣ навсегда русскимъ!» („Chociaż ty, moje dziecko, i lach, ale w żyłach twoich płynie krew russka. Bądź że w twojej duszy zawsze russkim“). Эти слова до того мнѣ врѣзались въ память, что и теперь я вижу и слышу все это. Вижу этого епископа, въ фіолетовомъ платьѣ, съ высокой, стройной фигурою, съ круглымъ, полнымъ лицомъ, молодого красавца. Кажется я и теперь еще чувствую на моей головѣ, уже сѣдой, эту руку. Но, затѣмъ, когда я часто бывалъ въ Вильнѣ и даже квартировалъ въ архіерейскомъ домѣ, у моего величайшаго друга, архіепископа Александра, то, на портретѣ съ бородою, я едва узналъ, митрополита уже, Іосифа Сѣмашку *).

Пусть этотъ Вашъ господинъ наведетъ справки о моемъ дѣдушкѣ, уніатскомъ священникѣ въ Подорескѣ, а, по его смерти, о женатомъ на его дочери священникѣ Протасевичѣ, по его-же смерти, о сынѣ его Ѳомѣ Протасевичѣ, бывшемъ тамъ-же, въ Подорескѣ, священникомъ,—пусть справится о братьяхъ моей матери, священникахъ Феликсѣ и Іосифѣ, православныхъ священникахъ, да о родной сестрѣ моей матери—Антонинѣ Коноховичъ, просфорнѣ въ Лахвѣ, которую я, уѣзжая въ Туркестанъ, лично навѣстилъ,—тогда, быть можетъ, и онъ скажетъ: „Да, въ этомъ каноникѣ течетъ русская кровь!“

Да Богъ съ ними, съ этакими русскими, которые такъ легко судятъ человѣка, не зная его!

Но, быть можетъ, этотъ господинъ скажетъ: «Если этотъ каноникъ такой русскій, то почему-же онъ не принимаетъ православія? Почему онъ въ юныхъ лѣтахъ не присоединился къ православію?»—На это я ему отвѣчу, что въ юныхъ лѣтахъ, послѣ домашняго воспитанія, какъ потомственный дворянинъ, я былъ отданъ въ Слонимское дворянское училище, гдѣ законоучитель, далеко не фанатикъ, ксендзъ Татуръ училъ насъ только религіи Христовой, безъ всякихъ объясненій о папскихъ нововведеніяхъ. Мы ходили въ костелъ, а въ царскіе дни—въ православную церковь, и благоговѣли предъ священною особою нашего государя, Николая I-го. Затѣмъ, будучи воспитанъ матерью моей въ высоко-христіанскомъ духѣ, я пожелалъ быть духовнымъ и поступилъ въ Минскую духовную семинарію, гдѣ епископъ Войткевичъ и ректоръ Новицкій строго смотрѣли, дабы

*) Іосифъ Сѣмашко, какъ и другіе уніаты, не могъ отвыкнуть отъ прежней одежды и обычаевъ. Такъ что заявленіе о фіолетовомъ платьѣ—вполнѣ правдоподобно.

и тѣнь не закралась польско-политическая... *) Рукоположенъ я былъ въ 1861 году и назначенъ къ Булгакамъ, а черезъ 9 мѣсяцевъ — къ Горваттамъ, гдѣ всѣ состояли на должности предводителей дворянства (сынъ — Кіевскимъ и три брата — Речицкимъ, Мозырскимъ и Минскимъ) и, какъ богачи-милліонеры, совершенно не сочувствовали мятежу. Это и спасло меня. Что - же касается до теперешняго моего положенія, то, во 1-хъ, я привыкъ и сроднился съ Западною обрядностью, отвыкнуть отъ которой не могу; а, во 2-хъ, я исповѣдую тѣ догматы, которые утверждены семью вселенскими соборами. А эти-же догматы исповѣдуетъ и православная, т. е. восточная, Церковь. Слѣдовательно, въ настоящее время, такая ломка была-бы для меня свыше моихъ силъ. Да, наконецъ, *неужели только православіе можетъ быть русскимъ?!..* Неужели религія дѣлаетъ истинно-русскимъ? А, развѣ, мало русскихъ по фамиліи и православныхъ, но измѣнниковъ Россіи?!.. Да послѣ того, какъ я служилъ, что́ сдѣлалъ, сколько страдалъ и перетерпѣлъ, даже если-бы меня и на крестѣ распяли, то такіе верховодки-русскіе и тогда не повѣрили-бы. Ну, и пусть себѣ не вѣрятъ. Мнѣ теперь все равно. Но послѣ моей смерти, я увѣренъ, прійдетъ время, когда изъ этихъ камней, которые въ меня бросали и теперь бросаютъ, истинно-русскіе люди и поистинѣ-русское Правительство соорудятъ и поставятъ на моей могилѣ памятникъ.»

Дополнимъ, кстати, сказанное Сенчиковскимъ о той семейной драмѣ „православной“ его матери, о которой онъ лишь вскользь упоминаетъ, выпискою изъ подлинной метрики о смерти ея Кринскаго приходского р.-к. костела (Гродненской губерніи и уѣзда)

Въ метрикѣ этой, подписанной ксендзомъ, сопровождаемой костельной печатью, которую прислалъ мнѣ самъ покойный Сенчиковскій, какъ документъ, значится:

„1863 г. мѣсяца іюля 23 дня, въ мызѣ Литкахъ, скончалась дворянка Маріанна, урожденная Конаховичева, отъ сухотъ (чахотки), бывъ причащена Святыхъ Тайнъ.

Оставшагося вдовцомъ Евстафія Сенчиковскаго жена, имѣвшая отъ роду 55 лѣтъ, сего костела прихожанка.

Оставила трехъ сыновъ - Фердинанда, Владислава, Эдуарда и дочь Людовику.

Тѣло ея того-жъ года и мѣсяца 25 дня ксендзъ Антоній Эйсымонтъ, настоятель онаго костела, на публичномъ, приходскомъ кладбищѣ похоронилъ.“

---

*) Тѣмъ не менѣе, самъ Войткевичъ былъ убѣжденный сторонникъ воинствующаго полонизма, а въ семинаріи тайно культивировалась польско-іезуитская политика. Наружно-же все было прилично, зак нно, спокойно. Мятежъ показалъ духъ воспитанниковъ семинаріи.

Жаль, что при жизни Сенчиковскаго мнѣ не бросилось въ глаза противорѣчіе и не пришло въ голову спросить покойнаго, создалась-ли подобная обстановка послѣднихъ моментовъ жизни его несчастной матери и ея погребеніе съ ея собственнаго согласія, или-же здѣсь, пользуясь ея болѣзнью, нарушили ея «православную» волю?!

На послѣднее серіозно наводитъ вышеприведенное заявленіе покойнаго о томъ, что мать его была «православною», «и умерла православною»...

Но это-ли дѣлалось, въ подобныхъ случаяхъ, въ семьяхъ, гдѣ судьба соединила въ одно православныхъ и римско - католиковъ?!.

Вызываетъ недоразумѣніе и то обстоятельство, что мать Сенчиковскаго, которую онъ всюду называетъ «Маріей», по ксендзовской метрикѣ оказывается... „Маріанной"...

Недоразумѣніе еще болѣе усиливается, если мы вспомнимъ, что брата своего, за нимъ слѣдующаго, зоветъ каноникъ Сенчиковскій „Владиміромъ", удостовѣряя, что тотъ былъ окрещенъ священникомъ Василіемъ Протасевичемъ, «уніатомъ, по греческому обряду», что его воспреемницей была „православная" г-жа Владычанская...

Между тѣмъ, въ упоминаемой метрикѣ о смерти матери Сенчиковскаго, братъ этотъ названъ «Владиславомъ»...

Оставимъ, однако, въ сторонѣ тайны семьи Сенчиковскихъ...

Вернемся къ біографіи достойнаго ихъ сына—Фердинанда...

Въ главѣ о пребываніи каноника Сенчиковскаго въ г. Минскѣ и объ устройствѣ школы органистовъ, мы прочтемъ своевременно одну его записку, изъ которой беремъ теперь то, что имѣетъ автобіографическій характеръ - по отношенію къ его юношескимъ лѣтамъ.—

«Проведя мою юную жизнь въ средѣ русскихъ и православныхъ,» пишетъ покойный: «да при томъ воспитываясь въ р.-к. обрядности и получая это воспитаніе отъ матери, смотрящей правильно на дѣло, ведущее только къ гибели, во мнѣ постоянно воспитана была любовь къ Россіи и Престолу, любовь къ бѣдному ближнему.

Но мы (дѣти) не могли тогда уяснить себѣ, почему покойная мать изъ числа «ближнихъ» исключала всегда «пановъ» (т. е. помѣщиковъ), почему въ наши дѣтскія сердца такъ скоро вливали какую-то осторожность и недовѣрчивость ко всему, что дѣлаютъ «паны», почему вездѣ намъ указывали на двуличность и несправедливость польской интеллигенціи, которая постоянно преслѣдовала бѣдныхъ и считалась чужой для Россіи. Теперь я понимаю, что уніатское духовенство, а въ числѣ онаго мой дѣдъ

и . . . . . *) уніаты, слѣдовательно и моя мать, вмѣстѣ съ крестьянами, страдая и перенося серьезныя преслѣдованіе и пренебреженіе, которыя постоянно испытывали отъ польскихъ пановъ, были поводомъ даваемаго намъ матерью направленія, т. е. поводомъ, что я всю мою жизнь, не чуждаясь простого народа и сочувствуя Россіи, сроднился съ нею и смотрѣлъ совершенно иначе на поляковъ и польскія стремленія. Но я — католикъ и люблю р.-к. обрядность, а, главное, я—католикъ, воспитанный правильно и безъ фанатизма, слѣдовательно, не вижу въ р. - к. обрядности ничего, вреднаго моему убѣжденію, котораго перемѣнять не признаю нужнымъ...»

Тамъ-же онъ пишетъ: „Я самъ моему учителю чистилъ сапоги и прибиралъ комнату, приводилъ въ порядокъ вещи и служилъ ему. И только, благодаря этой случайности, въ настоящее время я понимаю обязанность домашней прислуги и насквозь вижу честность служителя, который не въ состояніи меня обмануть или надуть.—Я люблю порядокъ, чистоту и опрятность".

«Дѣтскія мои лѣта прошли въ средѣ польской интеллигенціи и въ достаткѣ, но юныя лѣта я провелъ въ горѣ и тяжеломъ испытаніи: судьба горькую приготовила мнѣ чашу».—

Вотъ все, что удалось мнѣ узнать о самой ранней порѣ жизни Сенчиковскаго, о той обстановкѣ, въ которой она протекала...

Въ бумагахъ покойнаго имѣется письмо къ нему священника Подоросской церкви Ѳ. Демьяновича (отъ 25 ноября 1893 г. Мѣст. Подороскъ **), имѣющее біографическое значеніе, нижеслѣдующаго содержанія:

„Пересылая вамъ требуемую выпись, почтительнѣйше честь имѣю увѣдомить васъ, что двоюродный братъ вашъ Ѳома Протасевичъ уже болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ какъ умеръ, а жена его и теперь живетъ въ мѣст. Подороскѣ, въ собственномъ домѣ. Изъ сыновей покойнаго отца Протасевича я знаю только одного, Николая, который служитъ въ г. Волковыскѣ по акцизной части. Объ остальныхъ трехъ сыновьяхъ отца Протасевича слышалъ только, что они занимаютъ хорошія должности, какъ-то: одинъ слѣдователемъ, другой—судьею, а одинъ въ военной службѣ капитаномъ; но мѣста ихъ жительства не знаю, такъ какъ я еще только годъ съ небольшимъ, какъ настоятельствую при Подоросской церкви".

На этомъ письмѣ сдѣлана для меня каноникомъ Сенчиковскимъ позднѣйшая надпись (въ которой онъ опять подчеркиваетъ, что мать его была „православною"):

*) Слово неразборчиво въ рукописи.

**) Въ бумагахъ С., находящихся у А. В. Ж—ча.

«Протоіерей Василій Протасевичъ былъ женатъ на родной сестрѣ моей матери, урожденной Коноховичъ, отецъ которой былъ уніатскимъ священникомъ въ Подороскѣ. Такъ что—мой дѣдъ—священникъ Коноховичъ, дядя—протоіерей Протасевичъ и двоюродный братъ Ѳома Протасевичъ, сынъ протоіерея Василія Протасевича, были въ Подороскѣ настоятелями при уніатской церкви — прежде; а, затѣмъ уже, Василій Протасевичъ присоединился вмѣстѣ съ Іосифомъ Сѣмашкой къ Православію; мать моя тоже была православною. И почему отецъ мой, происходя изъ уніатовъ, повелъ насъ въ католицизмъ—не знаю. Но это было въ 1836 году *), а до 1846 года можно было. *Вотъ какой* я полякъ!... Отъ священника Демьяновича я требовалъ выслать мнѣ метрическую выпись о смерти дяди Протасевича и спрашивалъ его о здоровьѣ Ѳомы Протасевича, отъ котораго долго не получалъ писемъ. Въ Подороскѣ похоронены всѣ родные моей матери.»

Въ тѣхъ-же бумагахъ попадаются письма къ Сенчиковскому г-жи Горваттъ, другихъ лицъ, самаго сердечнаго характера, показывающія, на сколько дѣйствительно любили въ этой семьѣ молодого, увлекающагося, ксендза-оригинала.

Писемъ этихъ я не привожу въ моемъ трудѣ (какъ не привожу и многаго другого изъ личной жизни Сенчиковскаго), чтобы не загромождать излишнимъ балластомъ и безъ того огромнаго, сложнаго матеріала о немъ, мною собраннаго.

Отчасти біографическій характеръ носитъ въ себѣ и черновикъ, очевидно позднѣйшаго письма, покойнаго въ редакцію газеты «Московскія Вѣдомости» (безъ даты **).

«Прочитавъ въ № 163-мъ, отъ 16 іюня, «Московскихъ Вѣдомостей», статью о русскомъ происхожденіи извѣстныхъ польскихъ писателей и политическихъ дѣятелей», пишетъ Сенчиковскій: «я замѣтилъ большую неточность относительно мѣста рожденія извѣстнаго генерала Ѳадея Косцюшко (по-польски, а не „Костюшко", какъ его переименовали въ поименованной статьѣ).

Ѳадей Косцюшко родился не въ Ураинѣ, какъ говоритъ „Галичанинъ", а въ имѣніи помѣщиковъ Пусловскихъ „Мероговщизнѣ", въ 4-хъ верстахъ разстоянія отъ мѣстечка Коссова (Слонимскаго уѣзда, Гродненской губ.).

Въ 1859 году, будучи уже клерикомъ, я, вмѣстѣ со многими лицами р.-католическаго духовенства, пріѣзжалъ изъ г. Сло-

---

*) Не ошибся-ли снова Сенчиковскій годомъ?
**) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча.

нима въ м. Коссово, на храмовой праздникъ въ мѣстномъ костелѣ, который состоялъ тогда подъ особымъ патронатомъ помѣщика Пусловскаго, ибо и мѣстечко Коссово—собственность тогоже Пусловскаго, проживающаго въ им. «Мероговщизнѣ». На другой день, по окончанiи храмового праздника, въ Коссовскомъ костелѣ совершалось траурное богослуженiе за упокой душъ фундаторовъ и коллятеровъ фамилiи Пусловскихъ, а послѣ него помѣщикъ Пусловскiй пригласилъ все духовенство на обѣдъ въ имѣнье „Мероговщизну". Въ поименованномъ выше году я, хотя еще алюмнъ *) Минской семинарiи, но, какъ прибывшiй на каникулярное время въ мѣстечко Коссово, участвовалъ въ совершенiи богослуженiя, почему и былъ приглашенъ на обѣдъ въ имѣнье - вмѣстѣ со всѣмъ р.-к. духовенствомъ. Послѣ обѣда, изъ великолѣпнаго дворца, мы отправились на такъ называемый „фольварокъ", гдѣ и осматривали небольшой, низкiй, съ крылечкомъ на двухъ столбикахъ, деревянный домикъ и вторую (по лѣвой рукѣ), отъ входныхъ дверей изъ сѣней, комнату. Въ этой-то комнатѣ стоитъ простая деревянная кровать, прикрытая только ковромъ; надъ кроватью-же виситъ дощечка съ надписью: „на этой кровати и на этомъ мѣстѣ родился славный Ѳадѣй Косцюшко". („Na tym miejscu i na tym łóżku urodził się sławny Tadeusz Kosciuszko" **). Объ этомъ не только имѣются документы въ бумагахъ Мероговщинской экономiи, но и метрическiя выписи, хранящiяся въ книгахъ Коссовскаго р.-к. прихода, которыя я, по этой причинѣ, тогда-же лично осмотрѣлъ.

Поэтому, для возстановленiя истины о рожденiи Ѳадея Косцюшко, я позволилъ себѣ сообщить Вамъ, г. Редакторъ, вышеизложенное.

P. S. Мѣстность, на которой расположено им. „Мероговщизна", граничитъ съ Кобринскимъ и Пинскимъ уѣздами."

Эта замѣтка служитъ указанiемъ на ту пытливость ума, на то вниманiе къ историческимъ событiямъ родины—Бѣлоруссiи, какiя уже въ юности наблюдались въ Сенчиковскомъ.

Въ письмѣ ко мнѣ (отъ 25 октября 1899 г., Омскъ) каноникъ Сенчиковскiй, переходя къ воспоминанiямъ своимъ о послѣднемъ польскомъ возстанiи, какъ-бы въ дополненiе къ сказанному уже имъ выше, сообщаетъ:

„Припоминается мнѣ такой случай, имѣвшiй мѣсто въ Минской губернiи, въ имѣнiи „Барбарово" помѣщика Горватта, гдѣ я былъ домашнимъ капеланомъ. Одна изъ дочерей этого Горватта была замужемъ за гр. Грабовскимъ, другая за гра-

---

*) Алюмнъ—воспитанникъ.

**) «На этомъ мѣстѣ и на этой кровати родился славный Ѳадей Косцюшко».

фомъ Іосифомъ Тышкевичемъ (въ Ландваровѣ), а третья за Киневичемъ, мозырскимъ предводителемъ дворянства. Сынъ-же этого Горватта (хорунжаго въ отставкѣ) былъ въ Кіевѣ губернскимъ предводителемъ дворянства. Вотъ, въ самый разгаръ мятежа, наканунѣ праздника Сошествія Св. Духа, днемъ, я поѣхалъ въ м. Юревичи (въ трехъ верстахъ отъ „Барбарова"), дабы быть на исповѣди у Юревичскаго ксендза, настоятеля Годлевскаго. Послѣ исповѣди, мы съ нимъ вдвоемъ вышли изъ костельной ризницы, и тутъ-же встрѣтились съ Рѣчицкимъ военнымъ уѣзднымъ начальникомъ, полковникомъ Стефановичемъ. При немъ были два жандарма и военный-же становой приставъ. Въ ихъ рукахъ тогда была жизнь и смерть каждаго. Вотъ этотъ-то военный начальникъ полковникъ Стефановичъ схватилъ рукою мою цѣпочку (простую, стальную, бывшую при часахъ), говоря: „Эта цѣпочка—мятежная! Я ее конфискую." Я преспокойно снялъ цѣпочку и передалъ ее Стефановичу, хотя мнѣ и жаль было ее, ибо то былъ подарокъ Горваттовъ мнѣ на имянины. Тогда Стефановичъ заявляетъ мнѣ, что я —въ траурѣ, что, поэтому, онъ меня арестуетъ. На мой вопросъ, гдѣ онъ видитъ у меня трауръ?—Стефановичъ указалъ на то, что мое платье—все чернаго цвѣта, а воротникъ отъ рубашки - бѣлый. Тутъ я прямо заявилъ ему, что это—такая форма ксендзовскаго одѣянія и что ксендзъ не можетъ надѣвать на себя ничего цвѣтного. Стефановичъ меня отпустилъ, но потребовалъ, дабы Горваттъ удостовѣрилъ, насколько я благонадежный въ политическомъ отношеніи. Понятно, Горваттъ это сдѣлалъ, но написалъ сыну, въ Кіевъ, а тотъ—гр. Муравьеву, который, за это, по-телеграфу, удалилъ Стефановича по третьему пункту и написалъ Горватту, что такъ какъ Стефановичъ преслѣдовалъ благонадежнаго ксендза Сенчиковскаго, то онъ не можетъ оставаться на службѣ. Что-же оказалось послѣ?—Стефановичъ самъ былъ полякъ, но, кажется, принявшій православіе. Узнавъ, что я съ народомъ говорю и произношу проповѣди не на польскомъ, а на бѣлорусскомъ языкѣ, онъ пожелалъ проучить такого ксендза. Но, послѣ удаленія, онъ пріѣзжалъ ко мнѣ лично и, цѣлуя мои руки, просилъ извиненія и чтобы я просилъ Горватта—дать ему мѣсто управляющаго имѣніемъ.

Это покажется Вамъ невѣроятнымъ; но это—фактъ, случившійся со мною. Разсказанное мною доказываетъ, что Муравьевъ преслѣдовалъ только враговъ Россіи, ибо меня не только освободилъ отъ штрафа, но и все дѣло о цѣпочкѣ, которое уже успѣлъ затѣять Стефановичъ, приказалъ прекратить.

А вотъ и другой случай: въ г. Мозырѣ (въ 20-ти верстахъ отъ имѣнья „Барбарово"), 15 августа, въ костелѣ былъ храмовой праздникъ (Успенье Божьей Матери). Мозырскій настоятель и деканъ ксендзъ Мокшецкій, почтенный старикъ, до поступле-

нія въ семинарію, служилъ въ губернскомъ правленіи, дослужившись до чина статскаго совѣтника. Затѣмъ, послѣ смерти жены и всѣхъ дѣтей, онъ поступилъ въ семинарію. Вотъ этотъ-то Мокшецкій, какъ деканъ и мой начальникъ, пригласилъ меня—произнести проповѣдь въ день праздника. Тема моей проповѣди была: „отдайте Богу божье, а Царю—царское". Въ проповѣди я говорилъ, что ни одинъ Апостолъ не страдалъ за мятежъ; что идутъ въ мятежъ только тѣ, которымъ или нечего терять, какъ, напримѣръ, прокутившіеся помѣщики, или лѣнтяи, какъ ученики, лакеи и всякій сбродъ, или слушающіеся интригъ женщинъ, которыя, не желая заняться домашнимъ трудомъ и хозяйствомъ, играютъ въ войну. Въ томъ-же духѣ была вся моя проповѣдь, въ концѣ которой я молилъ и именемъ Божьимъ заклиналъ всѣхъ добрыхъ католиковъ не бунтоваться и не вмѣшиваться въ мятежъ. Но въ Мозырѣ былъ военнымъ начальникомъ полковникъ Чекмаревъ. Жена его была полька. Только вотъ имъ и захотѣлось показать, что въ мозырѣ неспокойно и что „панъ пулковникъ"—дѣятеленъ. Поэтому, прямо изъ костела жандармъ привелъ меня къ Чекмареву. Тотъ очень грубо меня спрашиваетъ: „Какъ вы смѣли безъ моего разрѣшенія пріѣхать въ Мозырь изъ Рѣчицкаго уѣзда?" „По оффиціальному требованію моего начальника—декана Мокшецкаго. Вотъ вамъ бумага", заявляю я.—„Я одинъ здѣсь начальникъ. И я имѣю власть васъ повѣсить. Давайте мнѣ вашу проповѣдь!"—„Я проповѣди вамъ не отдамъ. На что она вамъ?"—„Я представлю эту проповѣдь начальнику края, Муравьеву, а васъ вышлю въ Сибирь!"—На это я отвѣчалъ: „Проповѣдь мою я самъ пошлю Муравьеву, а вамъ не отдамъ".—„Почему?"—„А потому, что вы можете совсѣмъ ее передѣлать, и дѣйствительно я могу оказаться виновнымъ въ томъ, чего и не произносилъ."—„Такъ садитесь! Я напишу бумагу Муравьеву, а проповѣдь мнѣ давайте!"—„Нѣтъ, полковникъ! Проповѣди вамъ я не дамъ, а бумагу пишите. Я самъ приложу къ этой бумагѣ мою проповѣдь и самъ лично, съ вашимъ адъютантомъ или жандармомъ, сдамъ на почту." - Такъ и было сдѣлано. Бумагу Чекмарева съ моей проповѣдью я лично, при жандармѣ, сдалъ на почту и, кромѣ того, тутъ-же, въ почтовой конторѣ, написалъ частное письмо Муравьеву, описавъ ему всю низость Чекмарева, который приказалъ мнѣ, затѣмъ, немедленно выѣхать изъ Мозыря. И что-же вышло?—Муравьевъ.... Чекмарева уволилъ съ должности военнаго начальника.

Вотъ какимъ былъ для меня Муравьевъ! А безъ него я-бы пропалъ—за мою преданность Престолу и Россіи.

Вотъ видите, какъ цѣнили людей, преданныхъ Россіи! Но другимъ нуженъ былъ мятежъ, нужна была смута для того, чтобы нажиться и выскочить. Это и теперь дѣлается. А о Россіи они не думаютъ."

Въ позднѣйшемъ письмѣ ко мнѣ (отъ 14 ноября того же 1898 года) - на вопросъ мой, зналъ-ли онъ лично гр. М. Н. Муравьева, каноникъ Сенчиковскій отвѣтилъ:

„Съ Муравьевымъ я лично не былъ знакомъ, но описанные Вамъ въ прошломъ письмѣ два факта, гдѣ онъ меня спасъ, а главное—его дѣятельность по усмиренію мятежа, указали мнѣ истинный путь, какъ надо жить и чтó нужно дѣлать священнику, для того, чтобы и души своихъ прихожанъ спасать, и исполнить долгъ вѣрноподданнаго. Это для меня, 25-лѣтняго юноши ксендза, было спасеніемъ и величайшимъ благодѣяніемъ—на всю мою жизнь. Вотъ что для меня дорого“.

Въ дальнѣйшей перепискѣ со мною, на вопросъ, кто такой былъ протоіерей Тарнопольскій, ему писавшій, каноникъ Сенчиковскій сообщаетъ:

„Протоіерей Тарнопольскій былъ настоятелемъ Мозырскаго собора во времена 1862 - 63—64 годовъ и, послѣ мятежа, тамъ-же, въ Мозырѣ, былъ серьезнымъ дѣятелемъ и энергичнымъ защитникомъ русскаго дѣла. Я-же тогда былъ у помѣщиковъ Горваттовъ, въ им. „Барбаровѣ“, всего въ 20-ти верстахъ отъ Мозыря. Частенько посѣщая Мозырь, я бывалъ и у Тарнопольскаго. Затѣмъ, кажется въ 1877 или 1878 г. г., Тарнопольскій былъ переведенъ въ Минскъ, гдѣ и въ настоящее время онъ—каѳедральнымъ протоіереемъ. Это—дѣльный, энергичный и по-истинѣ русскій человѣкъ“.

Когда, въ сентябрѣ 1902 года, я послалъ Сенчиковскому статью мою (изъ „Историческаго Вѣстника“) о томъ, какъ создавался въ Вильнѣ мною и другими лицами Муравьевскій музей, то онъ (8 октября того-же года) мнѣ писалъ изъ Омска:

„Да вознаградитъ Васъ Господь за присылку Вашего сочиненія подъ заглавіемъ „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“!.. Да, трудно повѣрить тому, кто не испыталъ всего самъ... Но мнѣ такъ живо, такъ рельефно все представляется, что вѣрю и вѣрю, ибо самъ испыталъ не только то, что Вы испытали въ Россіенахъ и въ архивѣ, надъ конюшнями, но и почище этого. За Вами не гнались и въ Васъ не стрѣляли. Васъ не пустили въ полицейскій архивъ, а меня—въ костелъ, да еще и изъ церковнаго дома выгнали. Мнѣ не давали лошадей—и я прошелъ 30 верстъ, неся съ органистомъ чемоданъ. Меня «панъ ассесоръ» съ почтовой станціи прогналъ и еще самый гадкій доносъ на меня написалъ *). Другой становой приставъ меня арестовалъ

*) Роясь въ дѣлахъ канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора, я дѣйствительно нашелъ подобное дѣло, начатое по жалобѣ станового на молодого ксендза Сенчиковскаго—о буйствѣ послѣдняго, незаконномъ требованіи лошадей и проч.—дѣло, прекращенное въ самомъ началѣ, даже безъ разслѣдованія.

за то, что я на языкѣ русскомъ произнесъ рѣчь. Военный начальникъ полковникъ Чекмаревъ съ жандармомъ (съ тесакомъ на-голо) вывезъ меня изъ города за мою проповѣдь во время мятежа. Отъ становыхъ-же приставовъ («ассесоровъ») меня спасъ незабвенный Никотинъ: меня перевели на лучшую должность, а становыхъ выгнали. Боже мой! Что за чудная личность былъ Никотинъ, поэтому-то онъ и понялъ меня и негодяевъ—становыхъ. Никотинъ былъ въ Минскѣ вице-губернаторомъ, но исполнялъ должность губернатора, послѣ удаленія, кажется, Кожевникова и до назначенія Шелгунова, который, будучи лишь въ чинѣ полковника, былъ назначенъ Минскимъ губернаторомъ. Этотъ Шелгуновъ, хотя послѣ уже, въ Петербургѣ, и цѣловалъ меня, но тогда, въ Минскѣ, не обратилъ на меня вниманія и я лбомъ пробивалъ стѣну. .. Отъ глубины души благодарю Васъ. Великая Вамъ честь и слава во вѣки за то, что́ Вы описали, за то, что Вы, по истеченіи 40 лѣтъ послѣ мятежа, увѣковѣчили тѣ подлости, которыя и теперь еще существуютъ среди ополяченныхъ, исподлившихся да изнизившихся русскихъ чиновниковъ!!..

Если бы можно было, Вы многимъ-многимъ могли-бы воспользоваться въ Минскомъ губернаторскомъ и губернскомъ архивахъ, а равно въ архивахъ Игуменскаго полицейскаго управленія и Мозырскаго полицейскаго управленія. Въ Игуменскомъ уѣздѣ, въ селѣ Новоселки, въ урочищѣ «Марьина-Горка», была стычка мятежниковъ съ нашими войсками. Теперь, на этомъ мѣстѣ – каменная церковь. Это—имѣнье Макова. Священникъ Іоаннъ Русецкій, ночью, переодѣвшись мужикомъ, прошелъ пѣшкомъ 21 версту въ г. Игуменъ для того, чтобы увѣдомить о собравшихся мятежникахъ»... «Вотъ тамъ-бы, особенно въ Минскѣ, Вы нашли-бы много интереснаго. Но, если поѣдете въ Минскъ, то безъ предварительныхъ циркуляровъ, а только заручитесь бумагой генералъ-губернатора къ губернатору».

Въ доставшихся мнѣ послѣ кан. Сенчиковскаго бумагахъ находится, между прочимъ, собственноручная замѣтка его (безъ даты), изъ которой видно еще разъ, что отъ вниманія покойнаго не ускользали и тѣ дѣйствія русскихъ властей при подавленіи возстанія, которыя были достойны всяческаго порицанія.

Какъ безпощадно клеймитъ онъ въ ней, въ то-же время, своихъ недруговъ изъ «русскаго лагеря»—«полякующихъ» чиновниковъ!!...

Приводимъ ее цѣликомъ:

«Графъ Лелива *) доказываетъ», пишетъ Сенчиковскій: «что русскіе чиновники угнетаютъ католиковъ, преслѣдуютъ католи-

*) Подъ такимъ псевдонимомъ, лѣтъ 15 тому назадъ, вышла въ свѣтъ тенденціозная книга о русско-польскихъ отношеніяхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, основанная отчасти на секретной, оффиціальной переепискѣ виленскихъ властей конечно, неподлежавшей огласкѣ. Книга имѣла успѣхъ скандала.—

цизмъ, оправославливаютъ и обрусѣваютъ поляковъ... Но каждому, мало-мальски знакомому съ исторіей польскихъ чиновниковъ и русскихъ чиновниковъ, неопровержимо ясно, что такое заявленіе Графа Леливы—грубая натяжка и вопіющая неправда. Если-бы русскіе чиновники, высшіе, средніе и нисшіе, дѣйствительно были пропитаны русскимъ духомъ, если-бы они понимали свой долгъ, если-бы честно задались цѣлью располячить только, т. е. образумить и возвратить на путь истинный, русскій и природный—бѣлоруссовъ и малороссовъ, то такіе „Графы Леливы“ изъ Тышки не превратились-бы въ Тышкевичей. Но горе, что Назимовы, Потаповы, Альбединскіе, Петровы, что исправники, становые пристава и даже тысяцкіе всячески заискивали, угождали, умалчивали, а нерѣдко и поощряли поляковъ въ ихъ польско-политическихъ тенденціяхъ, а ксендзамъ такъ-таки прямо давали возможность открыто пропагандировать ихъ польско - іезуитскія идеи. Еслибы не русскіе, ополяченные, сочувствующіе польско-іезуитской пропагандѣ, чиновники, то начавшееся въ 1868 году движеніе въ пользу замѣны языка польскаго русскимъ языкомъ въ р.-к. церквахъ Сѣверо-Западнаго края до 1882 года, т. е. въ продолженіи десяти лѣтъ, упрочилось-бы и подвинулось на столько, что теперь никто-бы уже и не говорилъ о полонизмѣ въ Бѣлоруссіи, тѣмъ болѣе, еслибы такъ правильно, серіозно и твердо поставленный Тимашевымъ и Маковымъ вопросъ о располяченіи продолжался-бы до настоящаго времени. Но «диктатура сердца,» но стремленіе въ большинствѣ русскихъ чиновниковъ быть нѣмцами, англичанами, французами и поляками, но не русскими, стремленіе какъ-бы стыдиться всего, что̀ русское, даже не говорить на русскомъ языкѣ и бесѣдовать съ поляками на языкѣ польскомъ (какъ это дѣлалъ Минскій губернаторъ Петровъ)... Такъ гдѣ-же здѣсь «обрусѣніе,» на которое столь сѣтуетъ Графъ Лелива?!.—А такъ-ли дѣйствовали польскіе чиновники, и такъ-ли они и теперь дѣйствуютъ?—Да не только польскіе, которыхъ, правду сказать, немного,—но чиновники съ русской фамиліей и даже православные, но ополяченные до того, что они болѣе полякующіе, чѣмъ сами поляки. Вотъ такіе-то чиновники не только не содѣйствуютъ обрусѣнію и оправославливанію бѣлорусскаго народа, но прямо-таки содѣйствуютъ польско-іезуитской пропагандѣ и еще болѣе ополячиваютъ русскій по происхожденію, темный народъ. Одного факта достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ дѣйствовали русскіе чиновники.

Ксендзъ даетъ подписку своему декану—совершать добавочное богослуженіе не на польскомъ, а на русскомъ языкѣ, и кладетъ тому-же декану 300 руб., прося, чтобы деканъ не слѣдилъ за исполненіемъ сказаннаго въ подпискѣ *). Изумленный

*) Разсказъ этотъ, судя по другимъ бумагамъ Сенчиковскаго, относится къ его личной практикѣ.

деканъ говоритъ: „Вѣдь распоряженіе министра и губернатора строго приказываетъ мѣстной полиціи—слѣдить и доносить объ употребленіи языка русскаго! Вѣдь полиція донесетъ губернатору!“—На это ксендзъ съ улыбкою отвѣчаетъ: „Да, ради Бога, вы, отецъ деканъ, не безпокойтесь объ этомъ, ибо исправникъ и становой сами просятъ васъ не безпокоиться. Они не могутъ, если бы даже желали, доносить, такъ какъ они на столько мнѣ обязаны и такіе мои друзья, что не выдадутъ меня.“ — Это было въ мѣст. Койдановѣ, Минской губерніи.

Второй примѣръ—въ селѣ Блонь, Игуменскаго уѣзда, Минской губерніи *). Настоятель добросовѣстно употребляетъ языкъ русскій; прихожане бѣлоруссы довольны ксендзомъ, спокойно и многочисленно собираются на богослуженіе. Но помѣщикъ Русецкій, изъ уніатовъ,—благодѣтель становою пристава (тоже изъ уніатовъ), и приставъ подговариваютъ какую-то слѣпую на одинъ глазъ и горбатую женщину, которая подаетъ прошеніе на ксендза, что тотъ давалъ ей по 10 р. въ мѣсяцъ на воспитаніе ея ребенка, отецъ котораго - тотъ-же ксендзъ. По порученію-же и. д. губернатора Никотина, Игуменскій исправникъ Шишкинъ произвелъ разслѣдованіе и оказалось, что эта женщина не имѣла своего ребенка, а въ селѣ взяла у одной вдовы мальчика, только для того, чтобы предъявить онаго становому приставу, и это сдѣлала по указанію самого-же пристава. Тогда Никотинъ безъ прошенія уволилъ становою, а ксендза перемѣстилъ на высшую должность. Но назначенный въ Блонь другой ксендзъ Олехновичъ, тоже употребляющій русскій языкъ, подвергся худшему, ибо ночью ворвались въ его спальню три замаскированныхъ человѣка и избили его такъ, что на другой день его едва привели въ сознаніе. Затѣмъ онъ около двухъ мѣсяцевъ пролежалъ въ Минской городской больницѣ, послѣ чего въ Блонь уже не было назначено ксендза.

Вотъ какъ ополяченные чиновники содѣйствовали обрусѣнію бѣлоруссовъ...

Да тысячи подобныхъ фактовъ - на лицо. Знаетъ-ли о нихъ Графъ Лелива?!.

Графъ Іосифъ Тышкевичъ, въ г. Вильнѣ, въ началѣ польской смуты, служилъ при генералъ-губернаторѣ Назимовѣ, въ чинѣ ротмистра, адъютантомъ, проживая въ то-же время въ своемъ имѣньи «Ландварово,» по Варшавской желѣзной дорогѣ, отъ линіи которой проведена въ имѣнье дорога. Предки гр. Іосифа Тышкевича - русскіе Тышки. Женатъ онъ былъ на дочери Александра Горватта, дѣдъ котораго — выходецъ изъ Венгріи. Но почему-то, какъ Горватты, такъ и Тышкевичи считаютъ себя родовитыми поляками. Графъ Тышкевичъ, будучи генералъ - губернаторскимъ адъютантомъ, если не ошибаюсь - въ 1862 году—прі-

*) Тоже относится къ дѣятельности самаго Сенчиковскаго.

ѣхалъ изъ Ландварова въ Вильну на пяти лошадяхъ, запряженныхъ въ польскую упряжь; кучеръ и лакей его были одѣты въ польскіе костюмы съ конфедератками. И въ такомъ видѣ разъѣзжая по городу, онъ подавалъ примѣръ другимъ. Генералъ Назимовъ, узнавъ объ этомъ и удивившись, что его адъютантъ такъ открыто и демонстративно дѣйствуетъ, сдѣлалъ лично гр. Іосифу Тышкевичу выговоръ. Въ отвѣтъ на оный, адъютантъ, снявъ свою шпагу и бросивъ оную подъ ноги Назимова, сказалъ: «Я полякъ, а не русскій, и ношу мундиръ только потому, что онъ мнѣ идетъ къ лицу!.» Затѣмъ онъ вышелъ, а Назимовъ промолчалъ. Такъ-ли-бы поступилъ гр. Тышкевичъ, еслибы самъ былъ генералъ-губернаторомъ, а адъютантъ былъ-бы русскій?! И гдѣ-же здѣсь обрусѣніе русскими чиновниками поляковъ?—

Послѣ этого неудивительно, что гр. Іосифу Тышкевичу, какъ бывшему адъютанту виленскаго генералъ-губернатора и богатому помѣщику, доступенъ оказался архивъ генералъ-губернаторской канцеляріи, для составленія его книги.

Все, здѣсь сказанное о графѣ Іосифѣ Тышкевичѣ—вѣрно, ибо объ этомъ мнѣ разсказывали Горватты, у которыхъ (въ имѣньи „Барбарово") я восемъ лѣтъ былъ домашнимъ ихъ священникомъ и на дочери которыхъ графъ былъ женатъ» *).

А вотъ еще одинъ отрывокъ изъ черновика письма Сенчиковскаго къ Папѣ (имъ непосланнаго) **), относящійся къ возстанію, гдѣ покойный говоритъ, какъ очевидецъ.—

«Во время послѣдняго польскаго мятежа», пишетъ Сенчиковскій Главѣ Р.-К. Церкви: «по подстрекательству польскихъ пропагандистовъ, совершались надъ ни въ чемъ неповинными русскими людьми такія ужасныя, исполненныя несправедливости, дѣянія, что при однихъ воспоминаніяхъ объ оныхъ кровь леденѣетъ въ жилахъ. Честные православные люди, самыя спокойныя и ни во что невмѣшивавшіяся лица, дряхлые старики и малолѣтніе, даже дѣти, подвергались неслыханнымъ, моральнымъ и физическимъ, истязаніямъ за то только, что они—русскіе. Русскіе священники, безъ малѣйшей вины, лишались жизни на висѣлицѣ; русскіе-же священники, во время священнодѣйствія, арканами, заброшенными на шею, вытаскивались изъ алтаря, влачились въ священномъ облаченіи чрезъ церковь на улицу, на глазахъ народа терзались и, наконецъ, прогонялись псами. Изъ русскихъ церквей выбрасывались святые образа и топтались ногами. И все это совершалось публично, среди бѣлаго дня. И это совершали не только католики, польскіе пропагандисты, но и женщины-польки, состоящія подъ тайною, а нерѣдко и явною

---

*) На этомъ обрывается видимо неоконченная рукопись.

**) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж-ча.—Нѣкоторыя части того же письма мы приведемъ въ слѣдующей главѣ.—

командою ксендзовъ. На все это имѣются письменные документы. Много еще въ живыхъ тѣхъ, которые собственными глазами видѣли подобные ужасы...

Послѣ этого можно-ли удивляться, что принятыя Правительствомъ мѣры кротости не въ состояніи были образумить заблудшихъ и что только серіозныя и энергичныя дѣйствія спасли край отъ окончательной гибели!? Можно-ли обвинять русское Правительство за то, что оно, во время страшной политической горячки, соотвѣтственными мѣрами охлаждало и противодѣйствовало эпидеміи?!..

Гдѣ былъ казненъ православный священникъ, гдѣ поруганъ былъ храмъ Божій, гдѣ ксендзъ, своимъ польско-политическимъ фанатизмомъ губилъ народъ, подстрекая оный къ бунту, измѣнѣ и политическимъ убійствамъ, гдѣ въ нашей р.-к. церкви были сложены для храненія порохъ, пули, ружья и. т. п., гдѣ вмѣсто молитвы и во время св. мессы въ нашихъ р.-к. церквахъ пѣли возмутительные, политическіе гимны, читались и призносились прокламаціи и проповѣди, возмущающаго, политическаго свойства,—тамъ виновные были наказаны, а мѣста преступленія закрыты. Этому только надо было радоваться. Слѣдовательно, въ закрытіи нашихъ р.-к. церквей и монастырей, въ наказаніи и стѣсненіи р.-к. духовенства виновато не русское Правительство, а тѣ, во 1-хъ, которые руководили польско-политической пропагандой, а, во 2-хъ, тѣ, которые подчинились или легкомысленно увлеклись этой адскою интригой. Но такъ какъ для польско-политическихъ пропагандистовъ р.-к. религія, Церковь и даже самъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ стоятъ далеко ниже, чѣмъ интересы польской интриги, то они своими преступленіями погубили народъ, опозорили р.-к. религію и въ глазахъ русскаго Правительства лишили довѣрія всѣхъ римско-католиковъ, особенно духовенство. Вотъ причины, вызвавшія строгія кары и серіозныя мѣры противъ польско - политической пропаганды въ Россіи. Вотъ тѣ неопровержимые историческіе факты, разоблачающіе истину и ясно доказывающіе, что русское Правительство наказывало и должно было наказывать измѣнниковъ, клятвопреступниковъ и вообще политическихъ агитаторовъ, губящихъ невинный и темный р.-к. народъ, вызывающихъ ужасныя смуты въ государствѣ. Русское Правительство не преслѣдовало и не преслѣдуетъ нашу р.-к. религію и Церковь, не совершило никакихъ гоненій, а тѣмъ болѣе истязаній надъ римско-католиками. Русское Правительство наказывало только виновныхъ въ государственномъ преступленіи, польскихъ фанатиковъ и пропагандистовъ, желая спасти отъ величайшаго несчастія темный народъ, принимало соотвѣтственныя мѣры для прекращенія или пресѣченія смуты. Это засвидѣтельствуетъ каждый католикъ, искренно вѣрующій въ Бога, точно исполняющій Его заповѣди, по христіанской совѣсти, боящійся страшнаго Суда Божьяго.

Что русское Правительство обязано было такъ поступить, дабы прекратить смуты и наказать виновныхъ, чтобы спасти отъ гибели невинную и темную часть народа р.-к. исповѣданія и государство отъ потрясеній—это доказываетъ, что Правительство заботилось и заботится о благѣ и спокойствіи народа.

Вы сами, Святѣйшій Отецъ, съ высоты Апостолическаго Престола, заявили всему міру, что дѣйствія Ирландской народной борьбы не должны быть террористическими и гибельными для другихъ... Какъ-же иначе могло дѣйствовать русское Правительство, зная, сколь ужасно и гибельно дѣйствовала и дѣйствуетъ польско-политическая пропаганда на нашъ темный, бѣлорусскій народъ и на тѣхъ, которые не подчиняются внушенью этой пропаганды?!. Наконецъ, нельзя-же обвинять русское Правительство за тѣ единичныя злоупотребленія мѣстныхъ, нисшихъ степеней, чиновниковъ, какими въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ознаменовали они свое служеніе. Во всѣхъ странахъ и государствахъ, даже во времена спокойныя, бываютъ злоупотребленія. Что-же удивительнаго, что таковыя случились во время мятежа, бунта и террора польской шайки злоумышленниковъ?!... Но ежели къ этой шайкѣ принадлежали, а тѣмъ болѣе, если этой шайкою, этимъ терроромъ и бунтомъ противъ законнаго Монарха и государства руководили р.-к. духовныя лица, то, понятно, что русское Правительство должно было принять противъ нихъ гораздо болѣе строгія мѣры, чѣмъ тѣ, которыя оно принимало противъ лицъ недуховныхъ. Однако-же, пусть кто либо изъ враговъ Россіи, изъ этой-же самой шайки бунтовщиковъ и этихъ самыхъ польско-политическихъ пропагандистовъ, положа руку на сердце и помня страшный Судъ Божій, скажетъ по чистой совѣсти, были-ли у насъ, въ Россіи, примѣры и сдѣлало-ли русское Правительство что либо для р.-к. духовенства, участвовавшаго въ мятежѣ и по настоящее время проводящаго даже на исповѣдяхъ польско-политическую пропаганду, худшее, чѣмъ для обыкновенныхъ преступниковъ?... Пусть укажутъ враги Россіи, гдѣ и когда былъ осужденъ въ каторжныя работы хоть одинъ р. - к. священникъ! Пусть назовутъ хоть одного р.-к. епископа, прелата или каноника, котораго-бы русское Правительство, даже во время мятежа, посадило-бы въ тюрьму?—Однако-же въ Германіи не только канониковъ и прелатовъ, но даже архіепископа, кардинала, графа Ледуховскаго германское правительство не постѣснялось посадить въ тюрьму. Русское-же правительство, если и убѣждалось въ виновности р.-к. духовенства, то высылало его въ Сибирь, но и тамъ давало ему казенное содержаніе, если высылало епископа, то безъ малѣйшихъ оскорбленій, но даже съ почестями, и не въ Сибирь, а въ губернскіе города, предоставляя ему болѣе, чѣмъ приличное, содержаніе. Тѣ - же, которые удалены съ родины за тайную, польско-политическую пропаганду

даже въ Сибири не лишены права совершать литургію, исполнять христіанскія требы. Только тѣ, очень немногіе, которые были захвачены съ оружіемъ въ рукахъ, какъ командиры и руководители шаекъ, политическіе преступники, были казнены. Но это было-бы сдѣлано и каждымъ другимъ государствомъ. Высылка-же изъ Сѣверо-Западнаго края р.-к. духовныхъ совершалась не по презрѣнію къ р. - к. религіи, не для того, дабы преслѣдовать р.-к. Церковь и ея служителей, а единственно для того, дабы прекратить пагубное вліяніе духовенства на темный народъ и образумить заблудшаго священника.“

Изъ «формулярнаго списка» каноника Сенчиковскаго, относящагося къ его юности и молодости, видны слѣдующія, главныя событія этой поры его жизни, оффиціально засвидѣтельствованныя:

1) Онъ „происходилъ изъ дворянъ Гродненской губерніи.

Въ 1852 году вступилъ въ Слонимское дворянское пятиклассное уѣздное училище и обучался всѣмъ преподаваемымъ предметамъ, окончивъ училище въ 1857 году.

2) Въ 1857 г., августа 25 дня, поступилъ въ Минско-Могилевскую р.-к. семинарію, по окончаніи полнаго курса духовныхъ наукъ, 4 іюля 1861 года рукоположенъ въ іереи Минскимъ епископомъ Войткевичемъ; 26 того-же іюля, по распоряженію епархіальнаго начальства, назначенъ викарнымъ Бобруйскаго костела и капеланомъ Добоснянской каплицы у г.г. Булгаковъ, гдѣ и проживалъ.

3) 1862 г., сентября 1 дня, по собственному желанію и вслѣдствіе распоряженія епархіальнаго начальства, перемѣщенъ на ту-же должность къ Юревичскому костелу, съ назначеніемъ — проживать въ имѣніи «Барбаровѣ» помѣщиковъ Горваттовъ, для исполненія должности капелана.

4) По закрытіи Юревичскаго костела и по причисленіи прихода къ каплицѣ, находящейся на Юревичскомъ кладбищѣ, по распоряженію г. Главнаго Начальника Края гр. Муравьева, отъ 12 марта 1865 г., назначенъ епархіальнымъ начальствомъ настоятелемъ того прихода.

5) 1865 года, іюля 22 дня, по присоединенію Юревичскаго прихода къ Мозырскому, назначенъ епархіальнымъ начальствомъ викарнымъ Мозырскаго костела, съ откомандированіемъ проживать въ им. Барбаровѣ, для досмотра отдаленныхъ частей прихода.»

Изъ только что приведенныхъ, бѣглыхъ замѣтокъ, писемъ, воспоминаній самого каноника Сенчиковскаго видно, откуда и какъ развились въ немъ тѣ политическо-религіозныя убѣжденія,

симпатіи и антипатіи, которыя могла погасить въ немъ съ нимъ вмѣстѣ только одна смерть...'

Съ колыбели росъ покойный подъ вліяніемъ ненавидѣвшей „все польское“, русской и православной—по духу и рожденію—матери, въ семьѣ, часть которой, въ силу историческихъ событій Бѣлоруссіи, состояла изъ православныхъ, а часть изъ членовъ р.-к. исповѣданія, гдѣ, поэтому, шелъ вѣчный, все обострявшійся съ годами, разладъ—разладъ на почвѣ различія религій, политическихъ взглядовъ, обычаевъ, преданій и. т. п.

Надо думать, невеселы были тѣ бѣлорусскія пѣсни, что̀ пѣвала эта болѣзненная женщина у его колыбели, у изголовья его кроватки—невеселы и въ то-же время правдиво отражали въ себѣ мрачное, кровавое прошлое Бѣлоруссіи—подъ «панской», польской неволей...

Еще ребенкомъ пришлось маленькому Фердинанду близко сталкиваться и съ простымъ, бѣлорусскимъ народомъ, и съ тѣми-же его вѣковыми поработителями—поляками (помѣщиками, шляхтою, ксендзами), дѣлать невольныя параллели, сравненія, выводы, видѣть все презрѣніе, всю ненависть, весь гнетъ и всѣ способы утонченныхъ гоненій, вызывавшихся «хлопской» (православной) вѣрою—вѣрой матери, имъ любимой до обожанія, бывать въ средѣ этихъ-же «пановъ,» представителей иной, аристократической, вѣры, у которыхъ отецъ его всю жизнь состоялъ въ незавидной роли безгласнаго, приниженнаго, вѣчно - дрожащаго за кусокъ хлѣба своего, за будущность многочисленной семьи, зависимаго арендатора фольварковъ, въ средѣ дворовой челяди «пановъ -владѣльцевъ, пропитанной до мозга костей духомъ послѣднихъ, т. е. презрѣніемъ къ «быдлу», простому народу.

И не разъ въ оскорбленной, чуткой, рано начавшей понимать окружающее, душѣ мальчика, при уколахъ и язвахъ за его бѣдность, за «православіе» его матери, на ряду съ вопросомъ „за что?!“ закипало чувство обиды, жажда мщенія, протестъ и слезы сознанія собственнаго безсилія...

Кто знаетъ, какія просьбы къ Господу, какія слова вливались тогда, въ тѣ дни, въ дѣтскія его молитвы, о чемъ, вдвоемъ съ матерью, быть можетъ, тайкомъ отъ отца, заядлаго поляка-католика, просили они тогда Бога?!..

Несомнѣнно, что съ раннихъ лѣтъ, подъ вліяніемъ матери, душа Сенчиковскаго тяготѣла къ православію. А, между тѣмъ, онъ, какъ рожденный католикомъ, понималъ, что ему суждено, навсегда суждено остаться въ чуждой ему, римско-католической Церкви...

Въ этомъ заключалась болѣзненная, душевная драма его дѣтства.

И не капризъ-ли судьбы, что матери покойнаго, православной, пришлось, поневолѣ, разъяснять ему сущность римско-като-

лической религіи, учить его по-польски первымъ молитвамъ р.-к. Церкви!?... Она и учила ребенка, по воспоминаніямъ самаго Сенчиковскаго, не разжигая въ немъ ненависти къ чужой вѣрѣ, а, напротивъ, развивая въ немъ уваженіе къ убѣжденію ближняго.

Эта-же, фанатически-настроенная, изстрадавшаяся въ своихъ православныхъ, религіозныхъ, патріотическихъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ, мать Сенчиковскаго, первый учитель русской грамоты покойнаго—знаменитый впослѣдствіи борецъ за православіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ и Бѣлоруссіи, за права здѣсь русской народности, профессоръ М. О. Кояловичъ, родственники матери покойнаго—уніатскіе, православные священники, наконецъ, болѣе развитыя единицы изъ бѣлорусскаго простонародья, съ которыми онъ сталкивался, рано и глубоко заронили въ пылкую, алчущую и жаждущую правды душу мечтательнаго юноши тѣ историческія основы, съ которыми не разставался онъ, затѣмъ, во всю свою жизнь...

Какъ мнѣ говорило лицо, близко знавшее Сенчиковскаго въ юности, Сенчиковскій, въ самые ранніе годы, любилъ заниматься исторіей вообще, а исторіей родной Бѣлоруссіи - въ особенности...

Онъ хорошо былъ освѣдомленъ, поэтому, по части того, что въ сѣдой древности, какъ и въ наши дни, потомки могущественнаго, славяно-русскаго племени Кривичей, бѣлоруссы, составлявшіе вѣтвь Великой Руси, сплошь населяли всѣ тѣ мѣстности, гдѣ теперь губерніи Минская, Витебская, Могилевская, Смоленская, Псковская, Гродненская; что они-же захватывали части нынѣшнихъ губерній — Виленской, Ковенской, Тверской, Орловской, Черниговской, Кіевской, Волынской...

До тонкостей, надо думать, изучилъ онъ, подъ руководствомъ спеціалиста по исторіи Кояловича, какъ, когда, при какихъ исторически-бытовыхъ условіяхъ, русско-бѣлорусскія княжества, во главѣ съ княжествомъ Полоцкимъ, начинаютъ, въ XIII вѣкѣ, сливаться съ сосѣднею языческою Литвою, побѣдоносно внося туда христіанство, христіанскіе нравы, русскій языкъ, русско-славянскую культуру, господствуя здѣсь и всему давая тонъ.

Великіе князья Литовскіе Гедеминъ, Ольгердъ, объединившіе подъ своей властью и русско-бѣлорусскія земли, сдѣлавшіе особенно сильнымъ литовско-русское государство, покровительствовавшіе христіанству, русскому языку, русской народности, не могли не плѣнять воображенія юнаго бѣлорусса...

Затѣмъ, видитъ онъ, какъ наступаютъ княженіе преемника ихъ Ягайлы, бракъ его съ полькою Ядвигой, принятіе имъ польской короны, соединеніе Литвы и Польши—пока только, какъ равныхъ, на почетныхъ условіяхъ.

Съ этой поры уже начинаютъ просачиваться въ древнерусскія земли польскій языкъ, польская культура, р.-к. религія...

На нивахъ Бѣлоруссіи, на холмахъ Литвы, появляются впервые зловѣщіе вороны—іезуиты, вызванные изъ-за границы польской интеллигенціей—въ видахъ болѣе энергичнаго ополяченія русскаго элемента. Возникаютъ первыя гоненія на все русское, православное.

Надъ Бѣлоруссіей, надъ ея народомъ все болѣе и болѣе сгущаются тучи: гроза несомнѣнно близка!...

Сердце юнаго Фердинанда не можетъ не сжиматься предчувствіями этой неминуемой грозы...

Но вотъ—славное княженіе Витовта. Сквозь тучи прорываются на Бѣлоруссію, хотя и скупые, а все-же прежніе, лучи животворнаго солнца славы...

Знаменитое Грюнвальдское побоище, гдѣ побѣду у гордаго Ливонскаго Ордена вырываетъ Смоленскій полкъ, составленный изъ бѣлоруссовъ, еще разъ показываетъ удивленному міру, какая кровь течетъ въ жилахъ послѣднихъ...

Однако, счастье на землѣ, какъ слава, недолговѣчны—для отдѣльныхъ лицъ, и для цѣлыхъ народностей...

Съ 1569 г., т. е. съ эпохи, когда Литва и Польша надолго связываются между собой Люблинской уніей, бѣлорусскій элементъ въ польско-литовскомъ государствѣ начинаетъ терять былое свое, первенствующее, государственное значеніе...

Тѣмъ не менѣе, въ XVI вѣкѣ и въ первой половинѣ XVII вѣка яркая звѣзда православія еще сіяетъ здѣсь высоко надъ горизонтомъ, а русскій языкъ еще господствуетъ и въ государственной практикѣ, и въ общежитіи...

Но это—лишь жалкіе остатки былой славы!...

Въ воздухѣ пахнетъ уже побѣдой Польши, на сторонѣ которой и грубая сила, и власть, и свобода дѣйствій. Іезуиты работаютъ теперь во всю—въ интересахъ Рима...

А Сенчиковскій знаетъ, по тѣмъ-же даннымъ исторіи, что эта Польша никогда, ничего не сдѣлала для простого народа, игнорируя презрительно его нужды, а все оставляя лишь для благъ привиллегированныхъ классовъ, что р.-к. религія не знала и не знаетъ пощады, любви къ другимъ вѣроисповѣданіямъ.

Зато, если бѣлорусско-русская народность теперь здѣсь въ полномъ загонѣ, угнетаемая, гонимая, поруганная, едва лишь, высокомѣрно терпимая—подъ всесокрушающимъ союзомъ польскаго шляхетства и іезуитовъ, тѣмъ трогательнѣй, выше, почтеннѣй героическая, неравная борьба небольшой горсти русскаго дворянства (остатокъ прежняго «боярства»), непереставшаго быть преданнымъ завѣтамъ, обычаямъ, вѣрѣ, языку предковъ, простого народа, православныхъ братствъ, дружно объединившихся для противодѣйствія все усиливающемуся игу—около заповѣдной святыни православія...

Душа юноши пылаетъ; глаза его наполняются слезами, грудь усиленнѣе дышетъ, когда изучаетъ онъ съ Кояловичемъ эти скорбныя, вопіющія къ Небу, страницы прошлаго его родины: вѣдь тамъ, въ прошломъ, и его предки по матери, Коноховичи, принимали участіе въ вѣковой борьбѣ за правду, вѣдь и между ними были тамъ мученики!...

Какіе подвиги духа въ тяжкія годины испытаній! Какіе герои за вѣру, за родной языкъ, за право посѣщать свои храмы, даже за право называться «русскимъ», «православнымъ»!..

Какое море горя народнаго, крови, слезъ, униженій, позора!!.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какое всепрощающее долготерпѣніе!..

Съ замираніемъ сердца слѣдитъ мальчикъ за тѣмъ, какъ, во времена императрицы Екатерины, православіе, перенеся побѣдоносно неописуемыя, инквизиціонныя пытки, доносится, главнымъ образомъ въ массахъ простого, бѣлорусскаго населенія, какъ неугасимый временемъ, благоухающій свѣтильникъ, въ незримыхъ родникахъ духа народнаго, къ эпохѣ разложенія, паденія горделивой Польши, и, какъ логичному результату этого разложенія, къ раздѣлу послѣдней...

Талантливый юноша не можетъ не видѣть въ самомъ фактѣ раздѣла - кару разгнѣваннаго Божества народу, неуважавшему чужой вѣры, чужой народности...

И вотъ Бѣлая Гусь снова въ объятіяхъ Великой Россіи.

Но въ какомъ видѣ она возвращается послѣ польско-іезуитскаго плѣна!!... Опозоренная, растлѣнная, нищая, растерявшая почти все свое дворянство, съ разоренным мѣщанствомъ, утерявъ всякое политическое значеніе, забывъ о былой славѣ, а главное, порвавъ духовно связь съ коренной Россіей...

Тѣмъ не менѣе, могучъ еще, только придавленъ, а не уничтоженъ, запасъ въ ней духовныхъ силъ... Живъ еще, не угасъ свѣточъ православія!.. Есть еще въ бѣлорусскомъ народѣ и одинокіе герои, а въ сердцахъ ихъ жажда подвига на благо Бѣлоруссіи.

Простой, темный народъ даетъ, затѣмъ, возможность русскому Правительству и совершить присоединеніе уніатовъ, и осуществить великую историческую правду—освобожденія крестьянъ отъ панской зависимости, и опереться на милліоны духовно-освобожденныхъ уніатовъ въ тяжелую годину послѣдняго польскаго мятежа.

Все народъ и народъ... Въ немъ только и опора, и надежда, и свѣтъ!..

Надо-ли, послѣ сказаннаго, удивляться, если у юнаго Фердинанда Сенчиковскаго зарождается, еще во время уроковъ по исторіи, неудержимая потребность — послужить именно этой массѣ многострадальнаго бѣлорусскаго народа, съ которой плечо къ плечу, душа съ душой, боролись предки его матери?!..

Не случайно, конечно, а по волѣ Провидѣнія, вмѣсто военнаго заведенія, отбросивъ честолюбивыя мечты о военной карьерѣ, вопреки желанію родныхъ и, надо думать, не съ благословенія матери, по доброму желанію, идетъ, затѣмъ, покойный въ римско-католическую духовную семинарію...

Безъ сомнѣнія, влечетъ его туда не скромная, подчасъ убогая, зависимая участь сельскаго ксендза, а надежда, въ положеніи этого ксендза, какъ пастыря части бѣлорусскаго народа, послужить послѣднему, но послужить по той именно завѣтной программѣ, которая пока еще, быть можетъ, въ не вполнѣ ясныхъ образахъ, складывается въ юной его душѣ...

Сенчиковскаго принимаютъ въ семинарію, не подозрѣвая, конечно, какую „змѣю" для польско-іезуитской справы у себя пригрѣваютъ...

И вотъ, нѣсколько лѣтъ подрядъ живетъ юноша подъ опекой фанатическаго представителя этой справы, минскаго епископа Войткевича—того самаго Войткевича, который, во время возстанія, умудрялся писать льстивыя, поздравительныя посланія въ Вильну, гр. Муравьеву, и тайно противодѣйствовать мѣрамъ послѣдняго, подъ надзоромъ другихъ, такого-же направленія, воспитателей семинаріи, среди товарищей, проникнутыхъ идеей возстановленія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ «Польши отъ моря и до моря», терпя, какъ «бѣлоруссъ», какъ сынъ православной матери, какъ родственникъ уніатовъ, и отъ этой молодежи, съ которой у него нѣтъ ничего общаго, и отъ духа, режима семинаріи, и отъ системы преподаваемыхъ въ ней предметовъ...

Но только здѣсь, въ этомъ осиномъ гнѣздѣ будущихъ враговъ Россіи, окончательно крѣпнетъ въ покойномъ, принимая ясныя, опредѣленныя формы, будущая программа его дѣятельности, а вмѣстѣ съ нею закаляются въ сердцѣ его и священное негодованіе противъ историческихъ поработителей Бѣлоруссіи, и жажда подвига во славу послѣдней, страданій за ея счастье...

Семинарія, съ ея шпіонами, съ ея бытомъ, съ ея іезуитскимъ направленіемъ, пріучаетъ, однако, молодого бѣлорусса-патріота до времени таить въ себѣ свои чувства: онъ на хорошемъ счету; успѣхи, поведеніе его прекрасны...

Забытый роднею, живя часто впроголодь—тогда, какъ другіе товарищи пользовались со стороны попеченіями близкихъ, Сенчиковскій пытливо приглядывается въ семинаріи къ окружающимъ его типамъ будущихъ дѣятелей польско-іезуитской справы, вдумывается въ ихъ рѣчи, исподволь знакомится съ ихъ планами, съ закулисными сторонами воинствующаго католицизма, столь противнаго ему по натурѣ: цѣлый міръ, до сихъ поръ ему неизвѣстный,—міръ заговора, измѣны, ненависти къ Россіи, ко всему русскому, къ православію, къ Самодержавной власти, постепенно передъ нимъ развертывается...

Да! Здѣсь, среди будущихъ пастырей, духовныхъ вождей римско-католической, бѣлорусской паствы, намѣчаются уже типы и будущихъ предводителей повстанья, изувѣровъ, іезуитски-прикрывающихся именемъ Божіимъ, догматами религіи...

Тутъ-же, въ семинаріи, за составленіемъ сочиненій, проповѣдей на отвлеченныя, богословскія темы, еще рѣзче, нагляднѣе встаютъ въ умѣ покойнаго невольныя параллели между православіемъ и р.-католицизмомъ, вспоминаются ему бесѣды съ Кояловичемъ, наставленія матери...

Его влечетъ назадъ—ко временамъ чистаго, первобытнаго христіанства, къ эпохѣ, когда не существовало еще раздѣленія Церквей, когда не наросли и наслоенія, внесенныя въ дѣло вѣры политикою папства...

Какъ прежде, онъ всей душою на сторонѣ православія, сохранившаго чистоту настоящей религіи. Но его плѣняетъ и обрядность р.-к. Церкви, къ которой пріучили его съ дѣтства...

Что-же..... Онъ родился католикомъ, и имъ навсегда останется...

Хотя... Развѣ нельзя, не разрывая связи съ р.-к. религіей, любить родину свою, Россію, служить Бѣлоруссіи, чтить православіе, какъ и всякое другое христіанское вѣроисповѣданіе!... Наконецъ, почему-бы не устроить примиреніе между обѣими вѣрами—православной и римско-католической - въ видѣ какой-либо уніи, пойти по стопамъ Іосифа Сѣмашки?!,.

А тамъ... Тамъ, съ наступленіемъ подобной уніи, падетъ въ Бѣлоруссіи вѣковое иго воинствующаго полонизма, играющаго на разницѣ въ религіяхъ—для ополяченія страны...

И вотъ, на порогѣ семинаріи, видимъ мы уже въ Сенчиковскомъ задатки того типа «мужицкаго ксендза», того бѣлорусскаго ксендза-народника, въ котораго онъ въ непродолжительномъ будущемъ и отливается...

Наконецъ-то постылая семинарія окончена! Сенчиковскій, въ видѣ напутствія, выслушиваетъ послѣднія, іезуитскія наставленія епископа Войткевича, въ послѣдній разъ раболѣпно цѣлуетъ его руку и таитъ въ себѣ помыслы, ничего общаго съ отеческими инструкціями владыки неимѣющіе...

Впереди его—вся жизнь, цѣлый міръ—съ бурями, горемъ, радостями, съ подводными скалами страстей человѣческихъ, ошибокъ и разочарованій...

Все это—пустяки! Покойный чувствуетъ прелесть свободы, обаяніе сознанія собственныхъ, непочатыхъ силъ, упоеніе предстоящей борьбы за правду, надеждъ и грёзъ о сверженіи въ родной Бѣлоруссіи иноземнаго, польско-іезуитскаго ига...

А жизнь, между тѣмъ, у самаго порога покидаемой семинаріи, стережетъ молодого энтузіаста, накладывая незамѣтно путы свои на его члены, на его духъ...

Мы видимъ покойнаго, затѣмъ, въ черной сутанѣ ксендза, кочующаго по богатымъ имѣньямъ знатныхъ польскихъ вельможъ, порой въ качествѣ лишь допускаемаго въ ихъ чертоги, въ ихъ общество, нерѣдко унижаемаго, осмѣиваемаго, бѣднаго сельскаго священника.

Онъ, незабывающій ни на минуту дворянскаго своего происхожденія, уколовъ самолюбія въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, терпитъ нравственное униженіе, обиды, пренебреженіе, видитъ мишуру, суетность, призрачность всего этого, окружающаго его, тщеславія—польскаго барства...

Въ немъ живетъ еще предупреждающій шепотъ матери: «Бойся польскихъ пановъ!.. Не вѣрь имъ!»

Между тѣмъ, на глазахъ его, Сенчиковскаго, въ сердцѣ той самой Бѣлоруссіи, спасти которую отъ польско-іезуитскаго ига является завѣтной его мечтою, какъ вѣрноподданную русскихъ царей, подготовляется кровавый, клятвопреступный мятежъ—цѣль котораго ясна—возстановить здѣсь былую Польшу...

Вращаясь свободно среди р.-к. духовенства, польской аристократіи, шляхты, въ массахъ простого народа, покойный является свидѣтелемъ того, какъ паны и ксендзы совращаютъ въ свои формирующіяся банды, путемъ запугиваній, лести, обѣщаній будущаго земного рая, обманывая словомъ Божіимъ, разрѣшая отъ присяги, бѣлорусскую, крестьянскую нищету, отрывая ее отъ семьи, насиженныхъ гнѣздъ, а, главное, возстановляя противъ Матери-Россіи и тѣмъ лишній разъ нарушая историческую правду...

Наконецъ, разражается самый мятежъ, охватывая, въ бурномъ теченіи своемъ, и Бѣлоруссію...

Нѣтъ! Онъ, Сенчиковскій, не можетъ, не въ правѣ, не будетъ молчать—онъ, хорошо знающій истину, видящій, что только въ духовномъ сліяніи съ Россіей—счастье, будущій залогъ благосостоянія родины...

Для покойнаго ясно, что если раздуть сейчасъ въ пламя въ массахъ бѣлоруссовъ тотъ огонекъ истиннаго патріотизма, который горитъ въ немъ самомъ, то въ Бѣлоруссіи и Литвѣ—конецъ ненавистной Польшѣ... Погаситъ дыханіе польско-іезуитской пропаганды этотъ, колеблемый политическими вѣтрами, огонекъ,—и, быть можетъ, не бывать здѣсь Россіи...

Выбирать между двумя путями не приходится. Время дорого!.. Надо идти въ народъ, проповѣдывать, предупреждать, спасать...

И съ наступленіемъ мятежа покойный открыто, убѣжденно, всенародно развертываетъ знамя своей политической вѣры, смѣло, въ мѣстностяхъ, безумно охваченныхъ возстаніемъ, среди тысячъ враговъ, начинаетъ, на русскомъ языкѣ, произносить про-

повѣди по костеламъ противъ Польши,—противъ пановъ—мятежниковъ, за тѣсное единеніе съ Россіей, во имя вѣрноподданническаго долга...

Развѣ не благословила-бы его на такой подвигъ—въ защиту народа, только что усопшая его мать?!..

Да, по всей вѣроятности, никогда Сенчиковскій не сталъ-бы тѣмъ, чѣмъ рисуетъ его настоящая біографія—апостоломъ свободы Бѣлоруссіи, еслибы не возстаніе, точно, снова, по волѣ Провидѣнія, удивительно совпавшее съ періодомъ его гражданской, духовной, умственной, политической возмужалости...

Молодому ксендзу во-очію суждено было видѣть, наканунѣ мятежа, къ чему привели Сѣверо-Западный край, Бѣлоруссію отсутствіе твердой, опирающейся на знаніе мѣстной исторіи, на духовныя потребности народа, власти, благодушная дряблость, галантная уступчивость, а, затѣмъ, и полная растерянность, высшей администраціи—въ началѣ, когда пожаръ было такъ легко погасить...

За то, при немъ-же, гр. М. Н. Муравьевымъ, подъ опеку котораго попадаетъ и Бѣлоруссія, временно присоединенная къ Сѣверо-Западному краю, а съ нею и Минская губернія—духовный центръ древней Бѣлой Руси, гдѣ работалъ и онъ, Сенчиковскій, твердо были произнесены «забытыя слова» о томъ, что изъ себя представляли, чѣмъ должны быть и чѣмъ вѣчно будутъ подъ крыломъ двуглаваго русскаго орла эти земли...

Главное-же, при немъ, «забытыя слова» эти, съ удивительной быстротою, энергіей, убѣжденностью, со всей полнотой, мощью власти, съ вѣрой въ правоту и роковую неизбѣжность того, что дѣлалось, были проведены въ жизнь и душу Бѣлоруссіи...

Разрывъ съ Римомъ, разгромъ вездѣ и всюду по Литвѣ и Бѣлоруссіи воинствующаго католицизма, вскрытіе вѣкового гнойнаго нарыва на тѣлѣ народномъ—ига польскаго «панства», поднятіе благосостоянія крестьянъ, пробужденіе въ массахъ бѣлорусскаго народа русско-національнаго сознанія...

Да развѣ не стала сбываться, въ тѣ дни, на яву, на глазахъ молодого ксендза-народника, бѣлорусскаго патріота, самая золотая, самая теплая, завѣтная греза его юности?!..

Могъ-ли послѣ этого покойный не преклоняться благоговѣйно, благодарно передъ подвигомъ Муравьева, въ точности исполнившаго волю своего Монарха?!..

Могъ-ли не вѣрить онъ въ то, что сдѣланное имъ, Муравьевымъ, будетъ вѣчно, такъ какъ заложено на духовныхъ фундаментахъ исторической правды, потребностей народа?!

Могъ-ли онъ не остаться навсегда фанатическимъ рабомъ русскаго Самодержавія, русской государственной власти, когда при немъ, какъ при свидѣтелѣ—очевидцѣ, совершились, точно

по мановенію доброй, справедливой феи-волшебницы, великія, историческія событія, знаменующія собой торжество русско-національныхъ началъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи – событія, зачатыя Самодержавіемъ, имъ выношенныя и въ мукахъ рожденныя въ жизнь — уничтоженіе крѣпостного права и подавленіе польскаго мятежа?!..

Не смѣлъ, развѣ, онъ, Сенчиковскій, надѣяться на то, что близокъ и даже скоро наступитъ желанный часъ окончательнаго освобожденія отъ ига родины его, Бѣлоруссіи, подъ отеческой опекой той-же самодержавной власти?!..

Не твердо-ли, наконецъ, обоснована была пламенная вѣра усопшаго въ то, что стоитъ лишь Русскому Царю сказать еще одно слово—и въ Бѣлоруссіи даже духа былой Польши, іезуитовъ, польско-іезуитской интриги не останется?!...

И надо-ли, послѣ всего сказаннаго, удивляться, что въ 1898 году, изъ Омска, выброшенный за бортъ русской, государственной жизни польско-іезуитской пропагандою, онъ кидаетъ въ лицо послѣдней вызовъ, посылая свою знаменитую телеграмму въ Вильну—по поводу открытія памятника Муравьеву—телеграмму, вызвавшую противъ покойнаго усиленный приливъ пасквилей, угрозъ и гоненій?!..

Мы, въ общихъ чертахъ, на основаніи имѣющихся у насъ матеріаловъ, изобразили тотъ умственный, нравственный багажъ, съ какимъ въ молодости вышелъ Сенчиковскій на тернистый путь пахаря народной нивы Божіей...

Нечего распространяться много о томъ, что пока Муравьевъ сидѣлъ въ Вильнѣ, а, вслѣдъ за его отъѣздомъ, пока духъ его царилъ еще въ Литвѣ и Бѣлоруссіи и поддерживалась здѣсь преемниками его - виленскими генералъ-губернаторами Кауфманомъ и Барановымъ, программа «диктатора», –до тѣхъ поръ и гидра польско-іезуитской интриги не смѣла серьезно касаться ксендза-муравьевца—на почвѣ служенія его Россіи...

Она была только въ состояніи брызгать изъ тайныхъ норъ своихъ въ покойнаго бѣшеной слюною доносовъ, клеветы, наускиваніемъ на него черни, возстановленіемъ противъ него администраціи...

И вотъ мы видимъ, что, едва Муравьева убрали изъ Вильны, какъ начинаются противъ Сенчиковскаго обвиненія, процессы, порой самаго грязнаго, а чаще всего прямо нелѣпаго, содержанія – съ явной цѣлью, уронивъ его человѣческое, ксендзовское достоинство, тѣмъ самымъ подорвать къ нему довѣріе русскаго Правительства...

Характернымъ, въ этомъ отношеніи, является дѣло канцеляріи виленскаго генералъ-губернатора 1866 – 68 г. г., подъ гром-

кимъ заглавіемъ «Объ истязаніяхъ дворянина Фелиціана Шишло ксендзомъ Барбаровскаго костела Фердинандомъ Сенчиковскимъ».

На немъ я нѣсколько дольше и остановлюсь.

Сущность дѣла станетъ ясна, если мы приведемъ, безъ сокращеній, показаніе «потерпѣвшаго» Шишло, отъ 13 декабря 1865 г., занесенное, со словъ его, въ протоколъ, въ Рѣчицкомъ полицейскомъ управленіи.

«Зовутъ меня Фелиціанъ Каэтановъ Шишло» заявляетъ потерпѣвшій: «Отецъ мой былъ чиновникомъ и служилъ въ Минскомъ губернскомъ правленіи; 13-ти лѣтъ; вѣроисповѣданія римско-католическаго; подписываться умѣю.—Около пяти лѣтъ (отъ роду) я, по распоряженію духовенства минскаго Бернардинскаго костела, отданъ ксендзу Ф. Сенчиковскому въ Барбарово, Рѣчицкаго уѣзда, при отправленіи къ которому изъ Минска бабка говорила мнѣ, что Сенчиковскій получилъ 100 р. на мое воспитаніе. Находясь у кс. Сенчиковскаго, я былъ употребляемъ въ слуги, въ домѣ его и въ костелѣ. Но очень часто Сенчиковскій, *разсердясь на прислугу г. Горватта Марію Соколовскую и Юзефу Билейчикъ, съ которыми онъ былъ въ близкихъ связяхъ, о чемъ могутъ сказать дворовые г. Горватта*, или на другихъ кого-либо, наказывалъ меня ременной плетью, а послѣ наказанія ласкалъ меня и цѣловалъ, обѣщая всегдашній миръ. Но потомъ, *нерѣдко передъ богослуженіемъ*, Сенчиковскій повторялъ свои истязанія въ бо̀льшемъ размѣрѣ, намачивая изсѣченную часть тѣла спиртомъ. *Введенный этимъ въ недовѣріе къ служителю алтаря, часто измѣнявшему роль мучителя на кроткаго духовника, и наоборотъ*, я бѣжалъ и скрылся въ конюшнѣ; потомъ былъ взятъ фурманомъ Амброзіемъ Васильевымъ и доставленъ къ ксендзу, который за это хотѣлъ обрить мнѣ голову, но фурманъ Амброзій упросилъ его не дѣлать этого. На завтра-же, ксендзъ заперъ меня въ комнату и такъ сильно наказалъ, что я ночью бѣжалъ отъ него и по совѣту еврея Кравца Нойля бѣжалъ въ Мозырь и поймавшимъ меня паромщикомъ представленъ въ полицію. Боевые знаки и теперь имѣются на моей спинѣ. До побѣга моего кс. Сенчиковскій, наказывая меня, стращалъ лишить жизни, что̀ все должна знать прислуга Горватта, поваръ Іосифъ Турцевичъ и господыня Марія да фурманъ Амброзій. *Въ минуты кротости* кс. Сенчиковскій заставлялъ меня ложиться спать съ нимъ на одной постели, *цѣловалъ меня и ласкалъ до нетерпимости.* Родители мои умерли давно, а документы должны находиться у ксендза. Въ настоящее время я страшусь жить у ксендза и прошу полицію отправить меня въ Минскъ, къ родственникамъ».

Безграмотный ребенокъ, полякъ, едва-ли говорящій свободно по-русски, конечно, не могъ употреблять самъ по себѣ тѣхъ литературныхъ выраженій, которыя нами подчеркнуты нарочно

въ его показаніи, какъ не могъ знать о любовныхъ похожденіяхъ Сенчиковскаго. Не дѣтскому уму такъ ловко сопоставить «роль мучителя» и «кротость» духовника, «служителя алтаря», какъ разъ передъ совершеніемъ богослуженія «повторявшаго свои истязанія» и т. п.

Все это, безъ сомнѣнія, вложено въ голову и уста юнаго Шишло другими, и вложено съ явнымъ намѣреніемъ—очернить Сенчиковскаго.

Тѣмъ не менѣе, минскому губернатору, генералу Шелгунову, получившему донесеніе отъ начальника Мозырскаго уѣзда объ «истязаніяхъ» ксендзомъ ввѣреннаго попеченію его ребенка, ничего не оставалось болѣе, какъ дать ходъ дѣлу.

И вотъ онъ требуетъ отъ начальника уѣзда доклада о томъ, какое распоряженіе сдѣлано послѣднимъ по его-же донесенію?

Нечего говорить о томъ, что въ тѣ дни у кс. Сенчиковскаго, открыто дѣйствовавшаго уже въ русскомъ направленіи, были недоброжелатели въ Минской р.-к. духовной консисторіи.

Но даже эта консисторія (25 іюля 1866 г. № 2190) доноситъ минскому губернатору слѣдующее:

«Рѣчицкое уѣздное полицейское управленіе, при отношеніи отъ 15 іюня 1866 г. за № 5846, препроводило на распоряженіе сей консисторіи переписку о причиненныхъ кс. Сенчиковскимъ истязаніяхъ дворянину Фелиціану Шишло, по разсмотрѣніи которой, консисторія, *не найдя въ означенной перепискѣ доказательствъ, дабы кс. Сенчиковскій дѣйствительно причинялъ сказанному мальчику истязанія и дабы велъ блудную жизнь, а только голословное показаніе*, то, для обнаруженія истины, консисторія 16 іюля за № 2113, съ препровожденіемъ означенной переписки, сообщила въ рѣчицкій уѣздный судъ, для учиненія надлежащаго распоряженія—о производствѣ, по сему предмету, формальнаго слѣдствія, при духовномъ депутатѣ, деканѣ Мокржицкомъ, которому того-же числа предписано указомъ съ тѣмъ, чтобы по окончаніи онаго было представлено, гдѣ по закону слѣдовать будетъ».

Минскій губернаторъ (7 авг. 1866 г. № 2683) предписываетъ рѣчицкому уѣздному суду по настоящему дѣлу произвести «самое строжайшее разслѣдованіе» и о послѣдующемъ ему донести.

Чѣмъ-же кончилось дѣло? Судъ доноситъ губернатору, на запросъ послѣдняго (10 мая 1868 г. за № 486):

«Дѣло объ истязаніяхъ кс. Сенчиковскаго надъ мальчикомъ Ф. Шишло рѣшено уѣзднымъ судомъ на правѣ апелляціи 4-го іюля 1867 г., и этимъ рѣшеніемъ, *какъ кс. Сенчиковскій, такъ и Шишло, необвинены,* а таковое рѣшеніе приводится въ исполненіе».

Къ сказанному не лишнимъ будетъ добавить, что, по окончаніи дѣла, юный Шишло, духовной и административной властью, оставленъ былъ по-прежнему жить подъ опекою Сенчиковскаго, а, разставшись, впослѣдствіи, съ Сенчиковскимъ, онъ присылаетъ послѣднему письма (хранящіяся въ бумагахъ покойнаго), полныя сыновняго почитанія, горячей благодарности и любви за оказанныя ему въ дѣтствѣ благодѣянія, заботы о воспитаніи и проч.

Про этого-же Фелиціана (Феликса) Шишло пишетъ мнѣ 18 іюня 1910 г., изъ Омска, жившій 37 л. при каноникѣ Сенчиковскомъ, до самой его смерти, племянникъ покойнаго Г. П. Глинскій слѣдующее:

«Былъ при каноникѣ взятый имъ въ день его рукоположенія сирота восьми лѣтъ, котораго предложила нищая старуха, на церковной паперти, заявивъ, что это - ея внукъ, но что она— не въ состояніи его прокормить. Вотъ этотъ-то сирота и былъ Фелиціанъ (Феликсъ) Шишло. Когда я поступилъ въ училище органистовъ, то ему уже было 18 лѣтъ. Пользовался онъ при каноникѣ полнымъ довѣріемъ (котораго и не заслуживалъ); не было видно, что-бы онъ былъ подъ истязаніемъ. Наоборотъ, онъ былъ полнымъ хозяиномъ. Готовился онъ тогда къ экзамену на поступленіе въ аптекарскіе ученики, по выдержаніи котораго поступилъ въ аптеку Іогансона, въ Тамбовѣ, каждый годъ пріѣзжалъ къ канонику для отдыха, на мѣсяцъ, а въ теченіи года каноникъ довольно часто посылалъ ему деньги. А когда тотъ слушалъ лекціи въ университетѣ, то каноникъ ежемѣсячно посылалъ ему на содержаніе. По окончаніи курса и полученіи диплома, Шишло прибылъ въ Минскъ, къ канонику, прожилъ двѣ недѣли. Но тутъ вышелъ инцидентъ, за который каноникъ сказалъ Шишло немедленно уѣхать и больше не пріѣзжать. Не буду описывать инцидента, ибо Шишло уже умеръ. Но ему всетаки было прощено и онъ пріѣзжалъ два раза въ Бобруйскъ— за содѣйствіемъ на покупку аптеки, которую онъ купилъ и жилъ при ней до смерти. Послѣ покупки уже больше и писемъ отъ него не было. И вотъ, уже въ Омскѣ, было получено письмо отъ жены Шишло *), въ которомъ она перечисляетъ доброту каноника по отношенію къ ея мужу, о чемъ она отъ него знала, сообщаетъ объ его смерти и проситъ, чтобы каноникъ взялъ ея сына и воспиталъ-бы его такъ, какъ былъ воспитанъ отецъ. На это, было, каноникъ согласился; но ужъ въ томъ моя вина, что не взялъ, ибо я напомнилъ ему пословицу „яблоко отъ яблони далеко не падаетъ", а лѣта уже не тѣ, чтобы пересоздать то, что есть въ крови. Изъ сказаннаго мною можете судить о выдуманномъ истязаніи Шишло». —

---

*) Письмо это хранится въ бумагахъ С., находящихся у А. П. Ж—ча.

Если приведенное дѣло служитъ яркимъ образчикомъ того, на сколько приходилось терпѣть Сенчиковкому отъ агентовъ польско-іезуитской пропаганды, то много претерпѣлъ онъ и отъ русскихъ «чиновниковъ».

На почвѣ канцелярскихъ справокъ и воликиты у Сенчиковскаго, уже въ началѣ службы, возникали разныя осложненія, которыя, благодаря „секретности" *) канцелярскихъ переписокъ, оставались порой ему совершенно неизвѣстными.

Сказанное видно хотя-бы изъ слѣдующаго краснорѣчиваго факта.

Почувствовавъ, вѣроятно, всю трудность предстоявшаго ему служенія русскому дѣлу въ роли р. - к. ксендза - бѣлоруса, быть можетъ, усумнившись даже одно время въ силахъ своихъ, побоявшись тяжести положеннаго на плечи его креста и предстоявшаго крестнаго пути, окруженный врагами, Сенчиковскій въ 1865 году дѣлаетъ попытку – перевестись въ Варшавскую архіепархію, чему охотно идетъ на встрѣчу и епископъ Войткевичъ, довольный возможностью избавиться отъ несимпатичнаго ему подчиненнаго.

Епископъ пишетъ губернатору Шелгунову (30 сент. 1865 г. № 399) **) слѣдующее:

«Викарный Мозырскаго приходского костела кс. Ф. Сенчиковскій, рапортомъ отъ 7 сего сентября за № 56, по причинѣ слабаго здоровья и домашнихъ обстоятельствъ, проситъ дозволить ему перемѣститься Царства Польскаго въ Варшавскую архіепархію и исходатайствовать установленный паспортъ срокомъ на шесть мѣсяцевъ». –

Не встрѣчая, съ своей стороны, къ этому препятствія, онъ, епископъ, и проситъ губернатора выдать Сенчиковскому соотвѣтствующій паспортъ.

Представляя ходатайство еп. Войткевича о переводѣ Сенчиковскаго въ Варшавскую архіепархію и о выдачѣ ему билета, Шелгуновъ ***), между прочимъ, сообщаетъ Виленскому, Ковенскому и Гродненскому генералъ - губернатору ген.-адъютанту Кауфману (8 дек. 1865 г., № 2659) ****):

«Кс. Сенчиковскій *принадлежитъ къ числу ксендзовъ-пропагандистовъ, вредныхъ для Западнаго Края, и состоитъ подъ надзоромъ полиціи.* Поэтому, не встрѣчая препятствій къ удовлетворенію ходатайства еп. Войткевича, я долгомъ считаю покорнѣйше просить разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства на переводъ кс. Сенчиковскаго въ Варшавскую архіепархію».

---

*) Кстати будетъ замѣтить, что вся, такъ сказать, дѣловая, оффиціальная переписка Сенчиковскаго и о Сенчиковскомъ, приводимая въ настоящей книгѣ, велась всегда «секретно», а, иногда, „конфиденціально" и „довѣрительно".—

**) Дѣло канц. Минскаго губернатора № 160 (1865—67 г.) подъ заглавіемь „О кс. Ферд. Сенчиковскомъ".

***) Шелгуновъ былъ Минскимъ губернаторомъ съ 1864 по 1868 годъ.

****) Тамъ же

Получивъ отъ ген. Кауфмана отвѣтъ, что и съ его стороны не встрѣчается препятствій къ переводу Сенчиковскаго, губернаторъ Шелгуновъ запрашиваетъ (14 янв. 1866 г. № 79) *) слѣдственную комиссію, Высочайше утвержденную по политическимъ дѣламъ въ Минскѣ: «въ какой степени взведенныя на Сенчиковскаго обвиненія подтвердились при производствѣ слѣдствія и какому взысканію онъ долженъ подлежать, а также, можно-ли этого ксендзва, по мнѣнію Комиссіи, уволить въ Варшавскую архіепархію до окончанія о немъ дѣла?»

Означенная комиссія (17 янв. 1866 г. № 17) **) донесла губернатору, что „кс. Сенчиковскій находится подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ томъ, что, не будучи ксендзомъ Юревичскаго прихода Рѣчицкаго уѣзда, разъѣзжалъ по этому приходу, сзывалъ посредствомъ помѣщика Станислава Горватта католиковъ въ домъ его и переписывалъ“; что «дѣло о ксендзахъ Сенчиковскомъ, Годецкомъ и Бейнаровичѣ послано комиссіей 18 дек. прошлаго года за № 1130 на дополненіе Военному Начальнику Рѣчицкаго уѣзда, а потому, до окончанія таковаго, невозможно опредѣлить, какъ степень виновности его, Сенчиковскаго, такъ и того, насколько его присутствіе въ Минской губерніи необходимо до окончанія слѣдствія.»—

Въ этомъ смыслѣ и посланъ былъ губернаторомъ отвѣтъ еп. Войткевичу.

На просьбу-же Войткевича —(отъ 20 дек. 1867 г. № 3803)***) — уволить Сенчиковскаго, хоть на два мѣсяца, въ Кіевъ, для пользованія медицинскими пособіями, послѣдовалъ со стороны губернатора (20 дек. 1867 г. № 320) ****) рѣшительный отказъ, мотивированный тѣмъ, что Сенчиковскій «все еще находится подъ слѣдствіемъ».

Какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, Сенчиковскій дѣйствительно былъ подвергнутъ минскимъ губернаторомъ штрафу всего въ размѣрѣ 25 р., въ сущности по тѣмъ временамъ (сейчасъ послѣ усмиренія мятежа) ничтожному—какъ сказано въ приговорѣ и въ перепискѣ, за то, что онъ *«навлекъ на себя подозрѣніе въ подстрекательствѣ католиковъ къ ходатайству на Высочайшее Имя о возвратѣ Юревичскаго костела.»*—

Но отсюда видно, равно какъ и изъ всей дѣятельности Сенчиковскаго за этотъ періодъ времени, насколько далекъ былъ отъ истины губернаторъ минскій Шелгуновъ, заклеймившій его въ

*) Тамъ-же.
**) Тамъ-же.
***) Тамъ-же.
****) Тамъ-же.

оффиціальной бумагѣ названіемъ „принадлежащаго къ числу ксендзовъ-пропагандистовъ, вредныхъ для Западнаго края“, т. е. обвинившій его въ опредѣленномъ преступленіи тамъ, гдѣ существовало лишь „подозрѣніе“.

Самъ Сенчиковскій, въ упоминаемомъ дѣлѣ объ Юревичскомъ костелѣ, въ прошеніи, поданномъ имъ, въ качествѣ викарнаго ксендза Мозырскаго р.-к. прихода, доноситъ Главному Начальнику Сѣверо-Западнаго края (14 авг. 1868 г. Мозырь) *) по поводу взведенныхъ на него обвиненій:

«По закрытіи въ 1864 г., въ началѣ Филиппова поста, Юревичскаго костела въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, прихожане Юревичскаго прихода р.-к. исповѣданія утруждали Государя Императора всеподданнѣйшимъ прошеніемъ—о возвратѣ сего костела. При раскрытіи виновныхъ въ подстрекательствѣ къ написанію сего прошенія, взведено безвинно на меня *сомнѣніе*, будто-бы я могъ имѣть участіе въ томъ во время списыванія прихожанъ католиковъ Юревичскаго прихода, за что, по распоряженію бывшаго начальника Минской губерніи, объявленному мнѣ 18 авг. 1867 г. посредствомъ Мозырскаго уѣзднаго исправника, взысканъ съ меня штрафъ 25 рублей, который я и уплатилъ.

Сомнѣніе по сему предмету взведено на меня совершенно безвинно потому, что я тогда не занимался списываніемъ прихожанъ упраздненнаго Юревичскаго костела и не имѣлъ на то порученія, а, напротивъ, по предписанію Рѣчицко - Мозырскаго декана (отъ 4 янв. 1865 г. № 15), копію котораго при семъ имѣю честь представить, занимался списываніемъ прихожанъ упраздненнаго Кимбаровскаго костела, въ Мозырскомъ уѣздѣ состоящаго, каковой списокъ составлялъ не тайно, а открыто, а передъ выѣздомъ для исполненія сего въ Кимбаровскій приходъ я представилъ копію съ того распоряженія духовнаго начальства приставу 2 стана и мѣстнымъ жандармамъ. Изъ сего явно оказывается, что въ наговорѣ юревичскихъ прихожанъ, подавшихъ упомянутое прошеніе осенью 1864 года, тремя мѣсяцами передъ выѣздомъ моимъ въ Кимбаровскій приходъ — для списыванія Кимбаровскихъ прихожанъ, я не могъ участвовать, и ни о чемъ тогда не былъ извѣстенъ.

Хотя за сіе я наказанъ безвинно штрафомъ въ 25 р., но эта мѣра не была-бы для меня столь обидна, если-бы не послужила преградою наградъ къ заслугамъ. — Именно, когда послѣ того я представляемъ былъ епископомъ Минской епархіи два раза къ повышенію мѣста, обезпечиваемаго лучшимъ содержа-

---

*) Дѣло управленія Минскаго губернатора 1865—68 г.г. № 741 подъ заглавіемъ «О подстрекательствѣ крестьянъ Юревичскаго костела къ подачѣ прошенія о возвращеніи костела ксендзами Сенчиковскимъ, Бейнаровичемъ и помѣщикомъ Стан. Горваттомъ, а также кс. Годецкимъ».

ніемъ, то бывшій начальникъ губерніи Шелгуновъ мнѣ отказалъ по той причинѣ, что я былъ оштрафованъ.

А такъ какъ я имѣю отца въ дряхлыхъ лѣтахъ и сестру, состоящую въ самобѣднѣйшемъ положеніи, которыхъ не въ состояніи прокормить изъ получаемаго мною нынѣ по званію викарнаго ксендза жалованья—въ годъ 36 рублей сер.—и, кромѣ сего, чувствуя непомѣрную тягость послѣдствій отъ невиннаго наказанія по упомянутому предмету, то осмѣливаюсь просить—вникнуть въ невинность мою и уничтожить преграду къ повышенію мѣста для меня, и тѣмъ открыть путь къ дальнѣйшимъ заслугамъ. По приказанію Вашего Высокопревосходительства изложивъ сіе объясненіе, вслѣдствіе личныхъ моихъ объясненій, осмѣливаюсь ожидать милостивой резолюціи".

Прошеніе это, какъ видно изъ того-же дѣла, неудостоилось подобной „милостивой резолюціи" и черезъ много лѣтъ клеймо несправедливо приклеенное къ Сенчиковскому губернаторомъ Шелгуновымъ, не разъ еще сказалось на судьбѣ его, Сенчиковскаго, давъ, въ то-же время, и матеріалъ для анонимныхъ доносовъ врагамъ его.

Такъ, Минскій директоръ училищъ (3 марта 1868 г. № 235 *) доноситъ попечителю Виленскаго учебнаго округа слѣдующее:

„Отъ 3 Минувшаго января за № 1, я имѣлъ честь донести Вашему Пре-ву, что на открывшуюся вакансію законоучителя р.-к. исповѣданія въ Игуменскомъ уѣздномъ училищѣ Минскимъ епархіальнымъ епископомъ избранъ викарный Мозырскаго костела кс. Сенчиковскій и что, предварительно ходатайства моего объ утвержденіи его въ этой должности, сдѣлано мною сношеніе съ г. Минскимъ губернаторомъ относительно политической благонадежности избраннаго епископомъ кандидата на означенную должность.

Нынѣ г. Начальникъ губерніи (отъ 27 истекшаго февраля за № 318) сообщилъ мнѣ, что кс. Сенчиковскій, какъ навлекшій на себя сомнѣніе въ политической благонадежности, а не менѣе того, по имѣющимся даннымъ о не вполнѣ одобрительныхъ нравственныхъ его качествахъ, не можетъ быть допущенъ къ должности законоучителя, а потому Его Пре-вомъ сообщено о томъ епископу Войтковичу, съ просьбою избрать другого кандидата на должность законоучителя въ Игуменское уѣздное училище."

Въ концѣ 1869 года, т. е. черезъ четыре года послѣ явнонеосторожнаго отвѣта губернатора Минскаго Шелгунова Виленскому генералъ-губернатору Кауфману, когда Сенчиковскій не-

---

*) Изъ дѣла попечителя Виленскаго учебнаго округа, «о ксендзѣ Сенчиковскомъ, предполагавшемся кандидатомъ на должность законоучителя въ Игуменскомъ уѣздномъ училищѣ».

решелъ уже на должность викарнаго Блонскаго костела, вновь возникаетъ вопросъ объ его подозрительной благонадежности — по поводу представленія его къ наградѣ за введеніе русскаго языка въ р.-к. костелъ.

Изъ дѣлъ канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора, относящихся къ этому вопросу, видно, что помощникъ Виленскаго генералъ-губернатора (11 декабря 1869 г., за № 216) обращается къ новому Минскому губернатору Токареву съ запросомъ такого содержанія:

«Кс. Фердинандъ Сенчиковскій, состоя въ должности викарнаго Блонскаго костела, въ іюнѣ мѣсяцѣ сего года началъ произносить проповѣди и читать молитву за Августѣйшій Домъ на русскомъ языкѣ, а также ввелъ этотъ языкъ при совершеніи духовныхъ требъ.

По соглашенію съ управляющимъ Виленскою р.-к. епархіею, кс. Сенчиковскій въ августѣ назначенъ настоятелемъ Блонскаго прихода; нынѣ-же исправлявшій должность В. Пр-ва д. с. с. Никотинъ, въ представленіи отъ 26 ноября за № 1390, ходатайствуетъ о награжденіи этого ксендза за его, вышеуказанныя, согласныя съ видами Правительства, дѣйствія.

Изъ дѣлъ управленія генералъ-губернатора видно, что по случаю изъявленнаго въ 1865 г. кс. Сенчиковскимъ желанія перейти въ Варшавскую епархію, бывшій Минскій губернаторъ ген.-маіоръ Шелгуновъ, въ представленіи отъ 4 іюня 1865 г., № 1094, сообщилъ, что кс. Сенчиковскій, какъ оказалось изъ собранныхъ о немъ ближайшихъ свѣдѣній, во все время политическихъ въ краѣ безпорядковъ, ни въ какихъ неблагонамѣренныхъ поступкахъ замѣченъ не былъ. Въ другомъ-же представленіи (отъ 8 декабря 1865 года, № 2659) генералъ-маіоръ Шелгуновъ аттестовалъ кс. Сенчиковскаго такъ: «Принадлежитъ къ числу ксендзовъ пропагандистовъ, вредныхъ для Западнаго края, и состоитъ подъ надзоромъ полиціи».

Такъ какъ въ дѣлахъ управленія генералъ-губернатора не имѣется, свѣдѣній, на основаніи коихъ послѣдовала вторая аттестація о ксендзѣ Сенчиковскомъ, то я имѣю честь просить В. Пр—во сообщить: за что именно этотъ ксендзъ состоялъ или состоитъ подъ надзоромъ полиціи, и не встрѣчаете-ли Вы, съ своей стороны, препятствій къ награжденію его за вышеуказанныя, согласныя съ видами Правительства, дѣйствія?»

На повтореніе запроса, въ Вильну, къ генералъ-губернатору поступило (7 марта 1870 г., за № 114) сообщеніе губернатора Токарева, въ которомъ сказано:

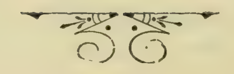
«На предложеніе отъ 23-го истекшаго февраля, за № 39, имѣю честь донести Вашему Высокопр-ву, что настоятель Блонскаго р.-к. костела Фердинандъ Сенчиковскій, какъ оказалось,

по собраннымъ справкамъ, не состоялъ и нынѣ не состоитъ подъ надзоромъ полиціи. Въ представленіи-же бывшаго губернатора ген.-маіора Шелгунова отъ 8 декабря 1865 г., за № 2659, онъ показанъ состоящимъ подъ надзоромъ полиціи, вѣроятно, на томъ основаніи, что, во время происходившей переписки объ увольненіи его въ Варшавскую епархію, онъ состоялъ подъ слѣдствіемъ за самовольные разъѣзды по деревнямъ упраздненнаго въ Мозырскомъ уѣздѣ Юревичскаго р.-к. прихода, при чемъ пало на него подозрѣніе о подговорѣ прихожанъ къ ходатайству о возстановленіи Юревичскаго костела, и по этому дѣлу Сенчиковскій въ 1867 году подвергнутъ г.-м. Шелгуновымъ денежному штрафу въ размѣрѣ 25 р., и что дѣйствія кс. Сенчиковскаго, со времени состоянія при Блонскомъ костелѣ, по мнѣнію моему, заслуживаютъ поощренія».

Въ виду подобнаго отвѣта Сенчиковскому и данъ былъ орденъ Станислава 3 ст.

Но за то сколько лѣтъ онъ несправедливо находился подъ сомнѣніемъ!!..

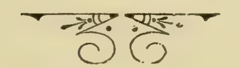
Не даромъ-же такъ ненавидѣлъ онъ всю жизнь «чиновничество» вообще, а «полякующее чиновничество» въ особенности...

ГЛАВА II-я.

(1868—1869 годы).

Назначеніе Сенчиковскаго въ Блонь.— Неоконченное письмо его къ Папѣ о русскомъ языкѣ въ практикѣ р.-к. костела.—Взгляды на тотъ-же вопросъ П. Н. Батюшкова и И. П. Корнилова.—Текстъ первой проповѣди Сенчиковскаго на русскомъ языкѣ.—Оффиціальныя заявленія покойнаго о началѣ открытой обрусительной дѣятельности въ бѣлорусскихъ костелахъ епископу Войткевичу, П. Н. Батюшкову и Минскому губернатору.—«Мужицкій ксендзъ».—«Обрусеніе» р.-к. кладбища въ Блони.—«Потаповщина»,—Причины ненависти ген. Потапова къ Сенчиковскому.—Дѣла о ксендзѣ Шабловскомъ.—Статьи о покойномъ «Виленскаго Вѣстника», «Московскихъ Вѣдомостей», встревожившія Потапова.—Роль И. А. Никотина въ судьбѣ Сенчиковскаго.—Сенчиковскій поднимаетъ вопросъ о закрытіи Блонскаго костела.

Изъ формулярнаго о службѣ Сенчиковскаго списка видны послѣдующія, оффиціальныя, обстоятельства его жизни:

1) Въ 1868 г., декабря 18 дня, по распоряженію епархіальнаго начальства и съ согласія г. начальника Минской губерніи, онъ перемѣщенъ викарнымъ къ Блонскому костелу.

2) Въ 1869 г., іюля 8 дня, по представленію г. директора народныхъ училищъ Минской губерніи, утвержденъ г. Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа законоучителемъ Блонскаго общественнаго народнаго училища.

3) Въ томъ-же, 1869 году, августа 14 дня, вслѣдствіе представленія г. начальника Минской губерніи, утвержденъ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ настоятелемъ Блонскаго костела.

Политически-религіозная дѣятельность покойнаго, въ сущности, начавшаяся задолго до 1868 года, вылилась въ опредѣленныя формы лишь съ назначеніемъ его настоятелемъ костела въ м. Блонь (Игуменскаго уѣзда, Минской губерніи).

О мотивахъ, вызвавшихъ это назначеніе, говоритъ подробно самъ Сенчиковскій въ замѣткѣ (безъ даты), найденной мною въ его бумагахъ *).

Онъ пишетъ:

„Съ 1861 года, т. е. въ годъ моего рукоположенія въ іерейскій санъ, я, какъ бѣлоруссъ, воспитанный заботами моей матери, дочери уніатскаго священника православнаго исповѣданія, постоянно въ бесѣдахъ моихъ съ народомъ въ церкви и у себя на дому, а также у крестьянъ во время исполненія требъ, употреблялъ бѣлорусское нарѣчіе или русскій языкъ, за что крестьянами и былъ прозванъ „мужицкимъ“, а не панскимъ ксендзомъ. Это названіе очень ненравилось помѣщикамъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ я состоялъ домашнимъ капеланомъ, именно прежде (съ 1861 года)—Булгакамъ, помѣщикамъ Бобруйскаго уѣзда, имѣнія «Добосни», а послѣ (съ 1862 года)—богатымъ помѣщикамъ Минской губерніи (имѣнье „Барбарово“, Рѣчицкаго уѣзда) Горваттамъ, у которыхъ я прожилъ до 1869 года. Но увеличивающееся ко мнѣ вниманіе крестьянъ и произносимыя мною онымъ поученія на бѣлорусскомъ языкѣ были причиною того, что помѣщики—поляки, за мое хлопоманство и руссофильство (какъ они выражались), просили епископа Минскаго Войткевича перемѣстить меня куда либо въ глушь и подъ над-

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж ча.

зоръ «добраго поляка—настоятеля». Тогда епископъ Войткевичъ, безъ всякой другой причины, перемѣстилъ меня на должность викарнаго въ село Блонь, Игуменскаго уѣзда. Приходъ этотъ состоитъ по большей части изъ простонародья и мелкихъ землевладѣльцевъ-шляхтичей. Настоятелемъ-же прихода былъ, въ то время, ярый фанатикъ и до мозга костей польскій пропагандистъ Викентій Шабловскій. Но я, съ перваго-же дня пріѣзда моего въ с. Блонь (т. е. съ 1869 года), постоянно произносилъ народу поученья и бесѣдовалъ съ народомъ только на бѣлорусскомъ и русскомъ языкахъ. Это выводило изъ себя кс. Шабловскаго и мелкопомѣстныхъ шляхтичей. Поэтому мнѣ приходилось переносить на каждомъ шагу униженія и преслѣдованія, нерѣдко доходившія до невѣроятныхъ размѣровъ. Но, къ моему счастью, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе—произносить проповѣди въ р.-к. церквахъ на языкѣ русскомъ *), а затѣмъ, русскіе помѣщики, проживающіе вблизи села Блонь,—Бончъ-Осмоловскій и Л. С. Маковъ, равно какъ и православное духовенство, Минскій архіерей Александръ и Минскій-же губернаторъ Токаревъ окружили меня заботливо поддержкою и защитою. Вслѣдствіе этого я былъ назначенъ уже настоятелемъ въ этомъ-же селѣ Блонь, а ксендзъ Шабловскій, за свое польско-политическое направленіе, сосланъ въ монастырь. Это случилось въ одно время съ закрытіемъ Минской р.-к. епархіи и высылкою Минскаго епископа Войткевича въ г. Вильну, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Во время моего настоятельства въ Блони я былъ назначенъ исповѣдывать воинскихъ чиновъ, находящихся въ городахъ и селахъ Минской губерніи. Для этой надобности, я долженъ былъ въ январѣ мѣсяцѣ 1870 г. отправиться въ командировку, и, посѣщая всѣ мѣстности, гдѣ квартировали войска, я употреблялъ вездѣ только языки латинскій и русскій. Но въ то время, когда я находился въ разъѣздахъ, въ Блонь былъ назначенъ викарный ксендзъ С., который до того былъ профессоромъ Виленской р.-к. духовной семинаріи, а, за участіе въ сожженіи требника съ русскимъ текстомъ, его сослали подъ мой надзоръ. Ксендзъ этотъ—тоже ужасный, польскій фанатикъ, успѣлъ, во время моего отсутствія, такъ подстрекнуть мелкопомѣстныхъ шляхтичей, что, по возвращеніи моемъ въ Блонь, они, во главѣ съ этимъ ксендзомъ, сдѣлали мнѣ, въ костелѣ, демонстрацію, заключавшуюся въ томъ, что, во время чтенія мною для народа Евангелія и совершенія молебна за Царствующій Домъ на языкѣ русскомъ, ксендзъ и паны запѣли польскіе мятежные гимны. За эту выходку ксендзъ викарный былъ оштрафованъ въ 50 р., а всѣ участвовавшіе въ демонстраціи оштрафованы кто на 25 р., кто на 50—70, и даже на 100 р.,—смотря по состоянію». —**).

*) 25 декабря 1869 года.

**) Рукопись—видимо не окончена.

О томъ, что̀ побудило каноника Сенчиковскаго дѣйствовать въ пользу введенія русскаго языка въ дополнительное богослуженіе Бѣлорусскаго костела, краснорѣчиво говоритъ неоконченная рукопись начатаго имъ письма къ Папѣ, присланная мнѣ изъ Омска, послѣ смерти Сенчиковскаго, его племянникомъ Г. П. Глинскимъ въ 1910 году *).

Возьмемъ изъ нее лишь мѣста, гдѣ говорится по интересующему насъ вопросу, выбросивъ все, гдѣ Сенчиковскій излагаетъ свои общіе взгляды на польско-іезуитскую справу, прошлое Бѣлоруссіи и. т. п., такъ какъ это, съ бо̀льшей убѣдительностью, будетъ изложено имъ въ другихъ документахъ ранняго времени.

Вотъ эти отрывки:

«Къ величайшему нашему несчастію, р.-к. духовные, проникнутые духомъ ужасной (польско-іезуитской) пропаганды, стараются всѣми недостойными способами убѣдить народъ въ томъ, что тотъ не римско-католикъ, кто не полякъ, что только р. - к. религія въ Россіи для поляковъ, что не только несочувствующіе польской пропагандѣ, но даже незнающіе польскаго языка—отступники отъ р.-к. Церкви, прокляты и недостойны получать разрѣшеніе отъ своихъ грѣховъ и пріобщиться Св. Таинъ, Тѣла и Крови Христовой. Тысячи фактовъ—на лицо, удостовѣряющихъ вѣрность сказаннаго мною.

Такъ, многими нашими ксендзами не принимаются къ исповѣди тѣ, которые, вовсе не умѣя говорить на языкѣ польскомъ, исповѣдуются на языкѣ малорусскомъ, бѣлорусскомъ или русскомъ. Если-же кто либо мало знаетъ языкъ польскій, — то такого на исповѣди строго штрафуютъ, грозятъ ему вѣчнымъ, адскимъ огнемъ, ужасными адскими муками, отлученіемъ отъ Церкви и Божьимъ проклятіемъ, а въ видѣ наказанія и эпитеміи повелѣваютъ непремѣнно учиться польскому языку съ угрозою, что, въ случаѣ неуспѣха, онъ вторично неудостоится разрѣшенія отъ грѣховъ и Св. Причастія. Всѣ, не только дѣти, но и болѣе взрослые, даже пожилые, съ кротостью должны выслушивать на исповѣди такого польско - политическаго пропагандиста-ксендза, обыкновенно очень мало обращающаго вниманія на жизнь и дѣйствія пенитента. Все, рѣшительно все, разрѣшается и прощается тому, кто до безумія, до фанатизма полякъ, кто—усердный распространитель польско-политическихъ идей и—о, ужасъ!—кто болѣе активно и морально ненавидитъ Россію и все, что русское.

---

*) Рукопись эта—несомнѣнно относится ко времени пребыванія Сенчиковскаго въ Омскѣ, на покоѣ. Надо думать, что она была набросана за нѣсколько лѣтъ до его кончины, когда, извѣрившійся въ людяхъ, онъ думалъ о справедливости Римскаго Первосвященника. Не разъ собирался онъ писать прямо къ Папѣ, но ни одного изъ писемъ такъ въ Римъ и не отправилъ.

Во время моей iерейской жизни многократно приходилось мнѣ исповѣдывать тѣхъ, которыхъ польскiе пропагандисты ксендзы много лѣтъ не принимали къ исповѣди и не давали разрѣшенiя отъ грѣховъ только за то, что они не могли говорить на языкѣ польскомъ, но говорили на языкѣ русскомъ».

„Но польскiй фанатизмъ идетъ далѣе. Бесѣда съ русскимъ священникомъ, даже встрѣча съ нимъ, считаются преступленiемъ, требующимъ искупленiя и раскаянiя, которыя выражаются тѣмъ, что при встрѣчѣ русскаго, даже незнакомаго и ни въ чемъ неповиннаго, священника—слѣдуетъ на него плюнуть, а не священнику—сдѣлать какое либо невѣжество или оказать пренебреженiе.

Все, вышесказанное, самими ксендзами распространяется и утверждается въ народѣ“.

«Польскiе пропагандисты, дабы озлобить и положительно развратить взглядъ и понятiе темнаго р.-к. русскаго народа, убѣждаютъ оный въ томъ, что только польскiй король Богомъ поставленъ надъ народомъ, что русскiй Императоръ—подъ анаѳемою, проклятъ Папами, а потому доброму католику не слѣдуетъ за него молиться. Вслѣдствiе чего, во время молебствiя за русскаго Императора въ нашихъ р.-к. церквахъ, поляки-фанатики и пропагандисты или открыто уходятъ изъ церкви, илиже въ полъ-голоса произносятъ проклятiя и злословятъ. Но все это относится только къ людямъ... Однако, нерѣдко бываютъ факты, относящiеся и къ святынѣ.

Такъ, крестъ—это знамя нашего спасенiя, крестъ, на которомъ Iисусъ Христосъ страдалъ для нашего спасенiя, считается оскверненнымъ, если на немъ будетъ надпись на языкѣ русскомъ. Образа́ Божьей Матери, Пречистой Дѣвы Марiи, Самаго Спасителя Iисуса Христа, Святого Николая и др., если только на нихъ надписи на языкѣ русскомъ, или рамы для оныхъ сдѣланы въ византiйскомъ стилѣ, или помѣщены, по восточному обычаю, въ углу комнаты, считаются оскверненными и недостойными уваженiя до того, что на эти образа́ разрѣшается плевать и даже топтать ихъ ногами. Многiе-же ксендзы, польскiе пропагандисты, строго требуютъ, дабы католики не помѣщали образовъ въ углу дома, а выбрасывали-бы изъ дома такiе образа, на которыхъ имѣется надпись на языкѣ русскомъ, или которые помѣщены въ рамкахъ византiйскаго стиля.

Ваше Святѣйшество, быть можетъ, усумнитесь въ истинѣ мною здѣсь изложеннаго. Но это—всѣмъ извѣстные факты, которые до того вкоренились въ умы и дѣйствiя польскихъ пропагандистовъ, что только адская злоба и ужасная ненависть польскихъ интригановъ осмѣливается на все это закрывать глаза и не считать страшнымъ преступленiемъ такiя дѣянiя».

«Польско-политическіе пропагандисты открыто заявляютъ, что не только католикъ, но и ксендзъ пусть будетъ самой дурной жизни, пусть совершаетъ всякаго рода преступленія, пусть вся жизнь его будетъ скандальна,—лишь-бы только онъ былъ усердный полякъ, съ самоотверженіемъ пропагандирующій польско-католическое дѣло, ненавидящій все, что русское, дѣлающій все зло этому, русскому, то такой человѣкъ не только будетъ счастливъ здѣсь, на землѣ, но и послѣ смерти будетъ спасенъ».

„Что-же такое нашъ бѣлорусскій р.-к. народъ? Какое его соціальное положеніе? Въ какой состоялъ онъ зависимости отъ польскихъ помѣщиковъ? Какая степень его развитія? И какъ онъ понимаетъ р.-к. религію? Какая его преданность оной, и, поэтому, какое имѣетъ на этотъ народъ вліяніе р.-к. наше духовенство? Какой природный языкъ бѣлоруссовъ и на сколько бѣлорусское простонародье понимаетъ польскій языкъ?...

Дабы обо всемъ этомъ составить точное и вѣрное понятіе, необходимо изложить,- хотя-бы въ краткихъ строкахъ, поясненія на каждый изъ этихъ вопросовъ, а, главное, изложить, сдѣлать эти поясненія не изъ описаній путешественниковъ, не изъ разсказовъ поэтическихъ, разукрашенныхъ фантазіей идеалистовъ. Необходимо взглянуть на все это съ точки зрѣнія настоящаго, практически-взятаго, простонароднаго быта и положенія тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится этотъ народъ, его соціальная и духовная, внутренняя и наружная, жизнь.

Какъ уроженецъ Бѣлоруссіи, какъ истинно-любящій свою родину гражданинъ, какъ ревностный и до глубины души преданный р.-к. религіи духовный, я выросъ и всю мою 52-хълѣтнюю жизнь провелъ въ средѣ бѣлорусскаго народа. Поэтому я изучилъ оный до того, что могу безъ стѣсненія и безъ отягощенія моей совѣсти во всеуслышаніе высказать мое мнѣніе, основанное на глубокомъ убѣжденіи, правдѣ и справедливости.

Простой, бѣлорусскій, р.-к. исповѣданія народъ—это вѣтвь чисто русскаго происхожденія; онъ буквально ни въ чемъ не разнится отъ бѣлоруссовъ греко-православнаго исповѣданія. Одежда, обычаи и жизнь бѣлоруссовъ-католиковъ рѣшительно тѣ-же, что и бѣлоруссовъ греко-православныхъ. Тотъ-же народный, бѣлорусскій языкъ, тѣ-же народные и домашніе обряды; тѣ-же народныя пѣсни; одно и то-же житейское положеніе въ обществѣ. Какъ для римско-католиковъ, такъ и для греко-православныхъ, одно и то-же гражданское начальство и волостное управленіе, тѣ-же государственныя повинности, одни и тѣ-же государственные законы: наконецъ, всѣ одинаково занимаются хлѣбопашествомъ. Словомъ, какъ католики, такъ и православные, рѣшительно и ни въ чемъ не имѣютъ между собою ни малѣйшей разницы, такъ какъ люди обѣихъ этихъ обрядностей

составляютъ одну и ту же русскую народность и всѣ чисто-русскаго происхожденія. Между тѣмъ, пусть кто либо, проѣзжая черезъ деревню, спроситъ, кто въ оной проживаетъ? Онъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, услышитъ отвѣтъ: «Здѣсь проживаютъ русскіе и поляки». Это значитъ, что въ деревнѣ имѣются греко-православные и римско-католики. Если спросить римско-католика, какой онъ вѣры, то онъ непремѣнно отвѣтитъ: „польской“.—«Въ какую ты церковь ходишь молиться?“—„Въ польскую“.—«Кто ты?» —«Полякъ».—«Почему же ты полякъ, когда ты говоришь дома, съ семействомъ, и вездѣ на языкѣ русскомъ?» -«А потому», отвѣчаетъ: «что мой священникъ—полякъ и у насъ, въ церкви, онъ говоритъ проповѣдь на языкѣ польскомъ».—«Да понимаешь-ли ты то, что говоритъ твой священникъ во время проповѣди на языкѣ польскомъ?»—«А Богъ его пойметъ... Онъ говоритъ на панскомъ (т. е. барскомъ) языкѣ, а мы—народъ бѣлорусскій, и на барскомъ языкѣ не понимаемъ».—«Значитъ ты русскій?»—О, не говорите этого!» восклицаетъ бѣлоруссъ: „Если узнаетъ объ этомъ нашъ р.-к. священникъ или помѣщикъ, тогда намъ будетъ горе: священникъ проклянетъ, къ исповѣди не приметъ, св. Причастія не дастъ, въ церковь не впуститъ, да такую эпитемію наложитъ, что всю жизнь не забудешь».—«А знаешь-ли ты свои, р.-к. молитвы?» спрашиваете вы крестьянина-бѣлорусса. —„А Богъ ихъ знаетъ: онѣ вѣдь на польскомъ языкѣ“.—„Такъ ты, значитъ, и не молишься?“—«А нѣтъ! Какъ-же не молиться?!.. Мы всѣ молимся, такъ какъ насъ священникъ научилъ, но не понимаемъ того, что говоримъ въ молитвѣ... И потому каждый разъ, какъ только священникъ нашъ научитъ насъ, такъ кажется, что мы уже хорошо заучили молитвы. Но послѣ, когда спроситъ насъ, то кажется, мы говоримъ такъ, какъ онъ насъ училъ, а онъ гнѣвается и грозитъ гнѣвомъ и наказаніемъ Божіимъ, ибо выходитъ, что мы не такъ говоримъ, какъ слѣдуетъ, по-польски, и самъ ксендзъ насъ не понимаетъ».—«Такъ почему-же вы не просите, дабы вашъ священникъ училъ васъ молитвѣ на языкѣ вашемъ, родномъ, русскомъ?»—«О, какъ можно намъ молиться на языкѣ русскомъ?!. Вѣдь мы - польской вѣры... Языкъ русскій—проклятый, а наша вѣра святая. Такъ насъ нашъ ксендзъ научаетъ».—„Да вѣдь ты—бѣлоруссъ, говоришь обыкновенно дома и вездѣ на языкѣ русскомъ, а языка панскаго не понимаешь... Какъ-же ты можешь молиться на непонятномъ тебѣ языкѣ? Вѣдь ты не только не понимаешь того, что твой священникъ говоритъ во время проповѣди, но и ежедневныхъ молитвъ не понимаешь!“—„Такъ что-же, что не понимаю?!“ вопрошаетъ несчастный: „Такъ точно не понимали польскаго языка наши дѣды и отцы. Также не понимаемъ мы, и не понимаютъ наши дѣти. Но все-же всѣ мы польской вѣры. И еслибы мы молились на нашемъ родномъ, русскомъ языкѣ, то стянули-бы на

себя великое наказаніе Божье и проклятіе отъ ксендза».—«Но еслибы вашъ ксендзъ училъ-бы васъ молиться на вашемъ родномъ, русскомъ языкѣ, еслибы онъ разъяснилъ вамъ катехизисъ и произносилъ-бы проповѣди на этомъ языкѣ, тогда, конечно, вы все поняли-бы?“—„Да, не только поняли-бы, но и болѣе усердно все исполняли-бы“, отвѣчаетъ онъ: «Но этого нельзя, ибо русскій языкъ проклятъ. Ксендзъ не дастъ Причастія, а помѣщикъ прогонитъ съ арендуемой земли. А прежде, когда мы состояли въ крѣпостной зависимости, то за этакое преступленіе съ насъ бы съ живыхъ шкуру содрали».—«Да какъ же ты исповѣдаешься, на русскомъ или на польскомъ языкѣ, котораго не знаешь?“—«На исповѣди мы кое-какъ говоримъ то по-польски, то по-бѣлорусски. Но нашъ священникъ ужасно недоволенъ, что мы совсѣмъ другое говоримъ, а не то, что надо. Но Боже упаси сказать на исповѣди хотя одно слово на языкѣ русскомъ: тогда непремѣнно ксендзъ выгналъ-бы изъ церкви. И какъ это тяжело намъ, темнымъ, выучиться этому польско-барскому языку! Вотъ кажется и говоришь человѣкъ по-польски, и на исповѣди разсказываешь свои грѣхи, а ксендзъ слушаетъ и гнѣвается, говоря: „Да что ты вздумалъ меня обвинять! Я и самъ буду исповѣдываться. А ты мнѣ говоришь о такихъ грѣхахъ, которыхъ я никогда не могъ совершать и не совершалъ»· Спрашиваю-то я ксендза: „какъ это, ксендзъ... Я же только свои грѣхи говорю, а вы отецъ духовный оскорбляетесь!“—На это ксендзъ объясняетъ мнѣ: «Да какъ-же ты и на исповѣди говоришь мнѣ неправду!. Вѣдь ты мнѣ сказалъ: «ксендзъ добродѣй свою жену билъ (билесь).. Ксендзъ добродѣй свои дѣтки проклиналесь (проклиналъ). Ксендзъ добродѣй пьяный былесь (былъ). Ксендзъ добродѣй Богу не молилесь (не молился)». *) И какже ты это осмѣлился этакіе грѣхи приписывать мнѣ, когда у меня ни жены, ни дѣтей нѣту, и пьянымъ я никогда не былъ!..› Но тогда ужъ я просилъ ксендза о дозволеніи мнѣ говорить на нашемъ родномъ языкѣ, а не по-польски. И иногда ксендзъ дозволяетъ, но требуетъ, чтобы на вторую исповѣдь изучить языкъ польскій. Душа будетъ въ аду. Лишусь спасенія души послѣ смерти. А здѣсь, на землѣ, Богъ пошлетъ всякое несчастье, если ксендзъ прикажетъ выгнать изъ церкви... Да и какъ-же это!.. Мы—польской вѣры и не знаемъ польскаго языка!.. Надо учиться хоть на старость..»—«Да почему же ты, молодымъ будучи, не учился языку польскому?“—«Не было времени. Мы—люди бѣдные, тяжело работаемъ на кусокъ хлѣба, постоянно. А и правду сказать, прежній нашъ настоятель былъ добрый, изъ бѣдныхъ людей вышелъ въ ксендзы... Хотя и строго взыскивалъ съ насъ за

---

*) Слѣдуетъ замѣтить, что бѣлоруссъ-простолюдинъ обыкновенно, на вопросы, ему предложенные, отвѣчаетъ въ томъ лицѣ, въ какомъ ему вопросъ предлагается.

злые поступки, особенно за пьянство и другіе грѣхи, но не требовалъ отъ насъ знанія польскаго языка. Самъ говорилъ на нашемъ-же, бѣлорусскомъ языкѣ. А теперешній нашъ настоятель —изъ помѣщиковъ, очень набожный. Вотъ онъ и требуетъ, дабы мы, какъ польской вѣры, такъ и знали-бы польскій языкъ. Правду сказать, что теперь страшно и къ исповѣди ходить къ этому ксендзу, ибо недавно онъ обѣщалъ одной женщинѣ, что другой разъ не дастъ ей разрѣшенія отъ грѣховъ и св. причастія, если она не будетъ говорить по-польски. А эта женщина уже нѣсколько лѣтъ служитъ у русскихъ, говоритъ постоянно по-русски. То какъ-же ей учиться по польски! Развѣ оставить добрыхъ господъ и остаться безъ хлѣба. А надо учиться по-польски; иначе въ аду будетъ ея душа».

Вотъ, Святой Отецъ, истинная, фотографически взятая, картина того, кто нашъ бѣлорусскій, р.-к. исповѣданія, крестьянинъ, какое его образованіе и какъ онъ понимаетъ нашу р.-к. религію. Какъ передъ Богомъ и на Судѣ Страшномъ увѣряю, что это мое заявленіе—вѣрное, взятое изъ простой, народной жизни бѣлорусса.

Проживая-же въ Туркестанѣ и Сибири, я бесѣдовалъ со многими, сосланными сюда, крестьянами-бѣлоруссами, малороссами, литовцами и латышами, которые, будучи вовсе неграмотными, участвовали, однако-жъ, въ польскомъ мятежѣ. И всѣ они—на мой вопросъ, почему участвовали въ мятежѣ, когда они не поляки, публично давали мнѣ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „Хотя мы и не поляки, какъ теперь убѣдились, но мы—польской вѣры, а помѣщики и ксендзы постоянно намъ говорили, что если мы не пойдемъ за поляковъ въ мятежъ, то и наша польская вѣра пропадетъ, а мы, за нашу польскую вѣру пойдемъ въ огонь и подъ мечъ, и прольемъ нашу кровь. Но мы не знали, что мятежъ былъ за польское королевство. Намъ постоянно говорили помѣщики и ксендзы, что этотъ бунтъ противу нашего Царя за то, что онъ желаетъ уничтожить нашу польскую религію. Мы и присоединились къ мятежникамъ. Но знай мы, что этотъ мятежъ былъ не за религію—мы-бы ни за что не участвовали-бы въ ономъ и даже однимъ волосомъ съ нашей головы не пожертвовали-бы для польскаго королевства. Но мы—люди темные, и потому мы здѣсь, въ ссылкѣ, только узнали, какъ насъ жестоко обманывали... Пусть ихъ Богъ накажетъ за это!"

Это буквально и публично заявляютъ тѣ несчастные бѣлоруссы и другіе, русскаго происхожденія, люди р.-к. исповѣданія, которые столько пострадали изъ-за того только, что повѣрили безсовѣстной интригѣ и лжи польско-политическихъ пропагандистовъ».

«Все несчастье наше заключается въ томъ, что польско-политическіе пропагандисты всецѣло служатъ интригѣ польской

политики, но не Христу и Его славѣ, что они не защищаютъ, а порицаютъ Церковь Христову и что положительно пренебрегаютъ всѣми ея постановленіями, относящимися къ любви ближнихъ, къ повиновенію Монарху и уваженію его и его правительства. Наше несчастье въ томъ, что польско-политическіе пропагандисты употребляютъ р.-к. религію и ея обряды, какъ орудіе бунта, измѣны, вражды и ненависти къ Россіи, ея Монарху, къ русскому правительству и къ русскому народу, да вообще ко всему, что̀ русское. Они понимаютъ р.-к. религію только, какъ средство къ установленію королевства польскаго, но не какъ средство къ расширенію и къ славѣ Царства Божія на землѣ, и къ спасенію душъ нашихъ. Все горе наше въ томъ, что р.-к. религію превратили въ источникъ злобы, интриги и всякаго беззаконія, лишь-бы только черезъ это добиться мнимаго успѣха въ польскомъ дѣлѣ.

«Что намъ р.-к. религія безъ польскаго королевства?!. На что намъ нуженъ католицизмъ, если онъ безсиленъ возвратить намъ оное?!» откровенно говорятъ политическо-польскіе пропагандисты.

По этой-то причинѣ и все, что только можно взять изъ р.-к. религіи, изъ ея святыхъ обрядовъ и употребить въ дѣло, такъ или иначе способствующее польской пропагандѣ, безъ малѣйшаго стѣсненія берется и употребляется. Такъ, напримѣръ: крестные ходы совершали съ пѣніемъ польскихъ гимновъ, возбуждающихъ политическія страсти народа, на хоругвяхъ дѣлались политическія эмблемы, на крестахъ помѣщались надписи въ политическомъ духѣ, на алтаряхъ—знаки политическаго свойства; въ р.-к. церквахъ и даже подъ алтаремъ хранились порохъ, пули, кинжалы и др. оружіе, которое торжественно еще освящалось, дабы лучше дѣйствовало при убіеніи и истребленіи русскихъ. Были случаи, когда ксендзъ, въ церковномъ облаченіи и въ эпитрахили, заряжалъ ружья и съ благословеніемъ подавалъ оныя идущимъ на убіеніе русскихъ. Къ самымъ молитвамъ прилагались стихи и выраженія, искажающія духовный смыслъ этихъ молитвъ, но за то содѣйствовавшія возбужденію умовъ и ненависти противъ русскихъ, особенно противъ Императора. Но о ужасъ!—во время совершенія страшнаго и величайшаго таинства – евхаристіи, во время Божественной литургіи, именно въ то самое время, когда совершается величайшее чудо пресуществленія хлѣба въ пречистое тѣло Господне и вина въ пресвятую кровь Его, когда, по ученію Церкви и Св. Отцовъ, ангелы, дрожа, отдаютъ честь Всевышнему Богу,—въ то именно время пѣли кощунственные гимны. Это случилось даже однажды во время совершенія мною Божественной литургіи, въ Антушевскомъ костелѣ Могилевской губерніи, когда во время самаго пресуществленія даровъ ревностные католики и пропагандисты польскіе пѣли стихи буквально слѣдующаго содержанія.

«Гдѣ-же этотъ Господь Богъ? Гдѣ-же этотъ Богъ, когда доселѣ нѣтъ еще Польши?!»

Вотъ до чего доходятъ польскіе интеллигентные пропагандисты! Вотъ ихъ понятіе о Богѣ, о данной имъ для спасенія душъ религіи! Вотъ, какъ и для какихъ недостойныхъ истиннаго христіанина цѣлей принимается и употребляется польскими пропагандистами р.-к. религія! Вотъ, какъ относятся къ Богу и къ ближнему католики, задавшіеся цѣлью—возстановленія королевства польскаго!...

И эти-то люди, убивая неповинныхъ своихъ ближнихъ, морально и физически, истязая ихъ, подводя подъ величайшее несчастіе темный народъ, развращая его духовныя силы и понятія, кощунствуя и богохульствуя, считаютъ, что они дѣлаютъ доброе дѣло, что они достойны величайшей похвалы здѣсь, на землѣ, и вѣчнаго блаженства въ вѣчности?!..

Сердце обливается кровью, невыразимо смущается душа каждаго, правильно понимающаго, искренно любящаго и твердо вѣрующаго въ Бога христіанина—при самомъ воспоминаніи объ этомъ. А что-же говорить, какъ высказать душевную скорбь, какую испытывали тѣ, которые собственными глазами видѣли, сами свидѣтелями были, даже сами испытали на себѣ и на близкихъ своихъ всѣ ужасы польско-политическаго преслѣдованія?!..

Все выше-сказанное, хотя и не такъ открыто, и не въ такихъ грандіозно-ужасающихъ размѣрахъ, но тайно и серьозно существуетъ и въ настоящее время, и когда-либо возобновится съ прежней силою, если не будутъ приняты серьезныя мѣры образумленія до умопомраченія дошедшихъ польскихъ пропагандистовъ.

Но видя все, что совершается на нашихъ глазахъ съ 186) года, будучи нагляднымъ свидѣтелемъ событій 1863—1864 г. г., испытывая всю тяжесть послѣдствій этихъ, злой памяти, лѣтъ, не только я, но многіе благоразумные ксендзы, руководимые единственно ревностью къ славѣ Божіей и р.-к. Церкви, имѣя въ виду только спасеніе р.-к. религіи отъ униженія и темнаго народа—отъ духовно-нравственнаго развращенія и матеріальной его гибели, съ чистою и святою ревностью, всѣми силами нашей души, заботились, дабы разъ на всегда уничтожить величайшее несчастіе, какое заключается въ непониманіи темнымъ нашимъ бѣлорусскимъ народомъ истинъ нашей святой р.-к. религіи, постановленій церковныхъ и тѣхъ непремѣнныхъ обязанностей относительно Бога, Монарха и вообще ближнихъ, какія возлагаетъ на каждаго католика р.-к. религія. Но бѣлорусскій нашъ темный народъ или вовсе не понимаетъ, или очень смутное имѣетъ понятіе, или имѣетъ совершенно превратное понятіе о р.-к. религіи, потому что или вовсе не знаетъ, какъ деревенскіе крестьяне, или знаетъ очень слабо,

какъ служащіе при помѣщикахъ, польскій языкъ, на которомъ обыкновенно наше р.-к. духовенство произноситъ народу поученія, разъясняетъ катехизисъ и поучаетъ истинамъ вѣры.

Мы, до глубины души будучи потрясены испытанными ужасами и злоупотребленіями польскихъ пропагандистовъ, призвавъ Бога на помощь, пожелали, если не совершенно уничтожить это незнаніе народомъ религіи и возлагаемыхъ оною на католиковъ обязанностей, но и исправить, на сколько возможно, то зло, которое, по причинѣ незнанія польскаго языка и вліянія польско-политической пропаганды, повергло въ бездну и тьму нашъ народъ.

Для этой, и только для этой цѣли, многіе изъ благоразумныхъ, неувлекающихся польскими идеями, ксендзовъ, искреннолюбящихъ нашу р.-к. религію и желающихъ спасенія народа, не смотря ни на какіе предразсудки, принялись въ нашихъ церковныхъ и обыкновенныхъ бесѣдахъ съ народомъ употреблять не польскій, интеллигентный языкъ, но простонародный бѣлорусскій и русскій—смотря по мѣстности, въ какой болѣе былъ въ употребленіи одинъ изъ этихъ языковъ.

И, благодареніе Богу, усилія наши начали приносить самые благіе результаты: темный нашъ бѣлорусскій народъ съ истиннымъ усердіемъ началъ собираться на поученія и разъясненія катехизиса, принималъ къ сердцу и свѣдѣнію все, высказанное на его народномъ языкѣ, а, главное, примѣнялъ къ своей жизни правила вѣры Христовой и соблюдалъ все, чему учитъ насъ святая наша р.-к. религія.

Мы проповѣдывали бѣлоруссамъ на родномъ ихъ языкѣ истины вѣры Христовой и возлагаемыхъ этою вѣрою на насъ обязанностей относительно Бога, Церкви, ближняго, монарха и начальства, какой-бы они ни были народности и обрядности, относительно друзей и даже враговъ нашихъ, и наглядно замѣчали, какъ изъ общественнаго, народнаго быта исчезали вражда и злоба, какъ ясно проявлялись взаимная дружба, любовь и взаимное состраданіе и довѣріе къ собратьямъ по происхожденію и русской народности, прекращались давнія ссоры и ненависть, водворялись общественный порядокъ и повиновеніе властямъ. Бѣлорусскій народъ, слыша въ нашихъ р.-к. церквахъ и понимая молитвы, совершаемыя за Императора на языкѣ русскомъ, благоговѣйно присоединялся къ этимъ молитвамъ, оставался въ церкви до окончанія оныхъ, а, главное, открыто началъ называть себя русскими р.-к. религіи и пересталъ именовать эту религію „польской“ вѣрою, а римско-католическія церкви—„польскими“ церквами.

Все это совершилось въ очень короткое, сравнительно, для такого серіознаго дѣла, время, именно съ 1869 по 1879 годъ. Въ это время, въ одной Минской губерніи было уже 32 приход-

скія р.-к. церкви, въ которыхъ 46 ксендзовъ употребляли уже вмѣсто польскаго бѣлорусскій и русскій языки.

Благотворныя послѣдствія этой мѣры до такой степени были явны, что и русское Правительство убѣдилось въ томъ, что римскіе католики, точно исповѣдуя свою религію и понимая ее такъ, какъ она есть, нисколько не вредны государству, тѣмъ болѣе, что, съ замѣною въ р.-к. церквахъ чуждаго бѣлорусскому народу языка польскаго языкомъ русскимъ, церкви эти перестали быть сборищемъ и ареною для дѣятельности польскихъ пропагандистовъ и мѣстами храненія и распространенія мятежныхъ идей и стремленій".

„При этомъ совершилось и главное для насъ, духовныхъ, величайшей важности дѣло, безъ котораго и самое употребленіе вмѣсто польскаго языка русскаго не могло-бы состояться и привиться къ р.-к. Церкви, упрочившись въ народномъ и церковномъ употребленіи—это переводъ съ польскаго на русскій языкъ пѣснопѣній, гимновъ и молитвенниковъ, а равно Евангелія, обыкновенно употребляемыхъ народомъ дома и въ р.-к. церкви. Книги эти —однѣ переведены прелатомъ Немекшею, другія, какъ рубрицеля,—въ С.Петербургской Р.-К. Духовной Академіи.—Всѣ эти книги пересмотрѣны прелатомъ Жилинскимъ, управлявшимъ Виленскою епархіею, и Рокицкимъ, инспекторомъ Р.-К. Духовной Академіи въ Петербургѣ. Оба эти прелата — доктора богословія. Но, главное, всѣ эти переводы одобрены епископомъ Станевскимъ, исполнявшимъ должность митрополита, и архіепископомъ и митрополитомъ Фіалковскимъ. Затѣмъ книги эти, при указахъ р.-к. консисторіи, были переданы деканамъ для практическаго употребленія оныхъ переводовъ въ церквахъ и для раздачи народу. Эти, величайшей важности, для насъ, духовныхъ, обстоятельства доказывали, что книги—законны, не имѣютъ въ себѣ ничего противнаго р.-к. религіи, и что мы, повинуясь высшей духовной власти, должны употреблять таковыя. Да и могло-ли проявиться въ умахъ и сердцахъ нашихъ хотя-бы малѣйшее сомнѣніе на счетъ вѣрности и полезности, для р.-к. Церкви и для р.-к. темнаго народа, этого дѣла, послѣ того, когда переведенныя намъ съ польскаго языка на русскій церковныя пѣсни, гимны и молитвы не только пересмотрѣны инспекторомъ р.-к. Духовной Академіи, докторомъ богословія, прелатомъ Рокицкимъ, не только одобрены епископомъ Станевскимъ и архіепископомъ Фіалковскимъ, и то-же докторомъ богословія, управлявшимъ Виленскою епархіею Жилинскимъ, но еще изъ р.-к. Духовной Академіи присланы въ консисторію, а сія послѣдняя, при указахъ, переслала намъ для употребленія и руководства! Можно-ли было сомнѣваться, что употребленіе языка русскаго вмѣсто польскаго безполезно для темнаго народа, ненужно для его духовнаго блага или противорѣ-

читъ догматамъ р.-к. Церкви, когда не только даны были намъ въ русскомъ переводѣ книги, но по этимъ книгамъ совершалъ молитвы и проповѣдывалъ на языкѣ-же русскомъ управляющій Виленскою епархіею прелатъ Жилинскій во время объѣзда своего по церквамъ Минской губерніи?!... Да, наконецъ, послѣ того, какъ духовное наше начальство не только одобрило употребленіе мѣстнаго бѣлорусскаго и русскаго языка, но одобреніемъ переведенныхъ на этотъ языкъ книгъ, приказаніемъ употреблять оныя и собственнымъ примѣромъ доказало, что русскій языкъ въ нашихъ р.-к. церквахъ не только дозволенъ, но и приноситъ дѣйствительную духовную пользу незнающему польскаго языка темному народу, послѣдовало и Высочайшее Государя Императора повелѣніе—объ употребленіи этого языка въ нашихъ р.-к. церквахъ. Кто-же послѣ этого изъ честно понимающихъ свой долгъ, преданныхъ р.-к. религіи, имѣющихъ въ виду истинное благо народа, р.-к. духовныхъ осмѣлился-бы ослушаться духовной власти, а тѣмъ болѣе дерзнулъ-бы неповиноваться Высочайшей волѣ Монарха, милостиво разрѣшившаго это, столь полезное р.-к. Церкви и народу, употребленіе, вмѣсто чуждаго и незнакомаго темному народу интеллигентнаго польскаго языка, родного бѣлорусскаго и русскаго языка?!"

Мы приводимъ во главѣ о началѣ службы каноника Сенчиковскаго этотъ интересный документъ, набросанный имъ въ концѣ его жизни, потому что, какъ уже это говорили, политическо-религіозныя убѣжденія покойнаго оставались неизмѣнными втеченіи всей его жизни.

Въ 1869 году, еще до Высочайшаго повелѣнія о введеніи русскаго языка, Сенчиковскій, впервые открыто, на бумагѣ, заявляетъ по начальству о своемъ твердомъ намѣреніи — располячить р.-к. костелъ Бѣлоруссіи путемъ употребленія этого языка въ костельной практикѣ.

Такъ, онъ подаетъ Минскому епархіальному римско-католическому епископу Войткевичу рапортъ (отъ 4 іюля того-же года, изъ села Блонь) слѣдующаго содержанія *):

„При семъ имѣю всепокорнѣйше представить Вашему Преосвященству копію съ проповѣди, произнесенной мною 29 минувшаго іюня, на праздникѣ Св. Св. Апостоловъ Петра и Павла.

Проповѣдь эта *есть начало открытаго заявленія моихъ убѣжденій, стремленій и желаній, которыми я проникнутъ до глубины моей души*.

А потому, припадая къ стопамъ Вашего Преосвященства, прошу молитвъ и благословенія пастырскаго. А благодать Божія поможетъ мнѣ въ начатомъ уже мною дѣлѣ.

*) Изъ бумагъ кан. Сенчиковскаго, хранящихся въ Импер. Публичной Библіотекѣ.

Кромѣ того, осмѣливаюсь просить разрѣшенія Вашего Преосвященства, могу-ли я и на дальнѣйшее время поступать на поприщѣ моего служенія точно такъ-же, какъ уже заявилъ я себя касательно природнаго намъ, бѣлоруссамъ, русскаго языка?

Викарный Блоньскаго костела ксендзъ Ферд. Сенчиковскій».

Послѣдовалъ-ли на этотъ вызовъ, на открытое, демонстративное объявленіе Сенчиковскимъ своей политическо-религіозной программы отвѣтъ епископа, и, если „да", то какого именно содержанія, мы не знаемъ. Думается, что, если-бы таковой существовалъ, то сохранился-бы въ бумагахъ покойнаго, тщательно собиравшаго всѣ подобнаго рода документы, свидѣтельствовавшіе о неизмѣнной преданности его Россіи.—

Почти одновременно съ рапортомъ по своему непосредственному начальству обратился Сенчиковскій, съ бумагой, однороднаго-же содержанія, и къ попечителю Виленскаго учебнаго округа—П. Н. Батюшкову.

Чтобы понять, почему такъ поступилъ покойный, достаточно будетъ намъ привести то, что сказано о Батюшковѣ въ некрологѣ, посвященномъ его памяти, какъ о русскомъ человѣкѣ и попечителѣ, именно по вопросу о русскомъ языкѣ, долженствующемъ господствовать въ С.-З. краѣ, другимъ извѣстнымъ дѣятелемъ края, Ю. Ѳ. Крачковскимъ *).

«П. Н. Батюшкова занималъ вопросъ о возможно широкомъ господствѣ въ С.-З. краѣ русскаго языка, какъ языка государственнаго, природнаго», говоритъ покойный Крачковскій: „Онъ хотѣлъ видѣть и слышать его вездѣ, гдѣ исторически онъ долженъ-бы быть и гдѣ былъ, во время оно, но былъ устраненъ нашими врагами и замѣненъ другимъ, чуждымъ намъ. На этомъ основаніи онъ требовалъ, чтобы законоучители латинскаго исповѣданія держались въ учебныхъ заведеніяхъ руководствъ на русскомъ языкѣ, на этомъ же языкѣ вели преподаваніе, а всѣ, такъ называемыя, дополнительныя богослуженія для учениковъ совершали по-русски. Все это было тѣмъ удобнѣе къ исполненію, что изданы уже были вновь или перепечатаны подходящіе учебники, а по изданіямъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ латинскихъ книгъ XVIII столѣтія видно было, что и тогда дополнительное богослуженіе въ костелахъ совершалось на русскомъ языкѣ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла стоило только П. Н. предъявить надлежащія требованія—и они встрѣчены были громаднымъ сочувствіемъ. Изъ различныхъ мѣстъ С.-З. края начали поступать къ нему заявленія, что и законоучители, и

*) «Памяти П. Н. Батюшкова», «Литовскія Епархіальныя Вѣдомости» 1892 года, № 17.

ученики, какъ среднихъ, такъ и низшихъ народныхъ школъ, охотно и съ полнымъ сочувствіемъ относятся къ этой мѣрѣ и видятъ въ ней пріятное возвращеніе къ старому, родному. Въ костелахъ вмѣсто непонятнаго латинскаго или польскаго языка сталъ слышаться, въ извѣстныхъ случахъ, языкъ отечественный, русскій; иногда, вмѣсто нѣмого органа, ученики сами пѣли въ костелахъ царскіе, благодарственные молебны на своемъ родномъ языкѣ; цѣлые приходы латинскаго исповѣданія, со своими настоятелями во главѣ, поспѣшили воспользоваться примѣромъ учебныхъ заведеній и просили о допущеніи у нихъ въ извѣстныхъ моментахъ въ костелахъ родного русскаго языка. Дѣло принимало прекрасный оборотъ и обѣщало, повидимому, роскошные плоды. Но тайные наши враги успѣли поднять противъ П. Н. цѣлую бурю различныхъ нареканій, а независимый образъ его дѣйствій и убѣжденій не могъ встрѣтить сочувствія, а тѣмъ болѣе поддержки въ тогдашней высшей администраціи края, и П. Н. былъ внезапно отозванъ изъ Вильны, въ самомъ почти расцвѣтѣ его кипучей, плодотворной дѣятельности. При этой вѣсти великой скорбью сжалось сердце русскихъ людей всей Западной Россіи, славнаго, честнаго П. Н. стали цѣнить еще выше, а его заслуги для Западной Россіи, съ его удаленіемъ, казалось росли все больше и больше. Имя Батюшкова, по справедливому замѣчанію „Гражданина“, осталось въ Западномъ краѣ легендарнымъ, символическимъ словомъ, означающимъ, что онъ палъ на полѣ битвы за русское знамя, но не сдался на капитуляцію съ могучими представителями политическаго малодушія и тщеславнаго космополитизма». *).

Слѣдуетъ, однако, оговориться, что далеко не всѣ русскіе люди придавали въ Вильнѣ русскому языку, въ дѣлѣ располяченія костела, то значеніе, какое придавалъ ему Батюшковъ.

Даже предмѣстникъ Батюшкова, почтенный Ив. Петр. Корниловъ, человѣкъ, въ искренности русскаго направленія котораго, конечно, ни у кого не возникало никогда сомнѣній, напечаталъ по этому-же вопросу въ „Наблюдателѣ“ 1897 г. (апрѣль) статью слѣдующаго содержанія **):

*) Приводя мнѣніе о П. Н. Батюшковѣ — покойнаго Крачковскаго, не можемъ не отмѣтить, на основаніи огромнаго, архивнаго матеріала, использованнаго нами въ отношеніи вопроса о введеніи русскаго языка, въ дополнительное р.-к. богослуженіе С. З. края, что мнѣніе г. Крачковскаго о томъ, будто-бы дѣятельность Батюшкова вызвала и въ приходахъ съ р.-к. ксендзами — подражаніе учебнымъ заведеніямъ -въ употребленіи русскаго языка противорѣчитъ фактамъ и ходу исторически—бытовыхъ событій края. Кс. Сенчиковскій и немногіе, ему подобные, начали труды свои въ этомъ направленіи самостоятельно, по личному убѣжденію, на свой страхъ, внѣ связи съ дѣятельностью П. Н. Батюшкова, и дѣятельность послѣдняго возникла лишь параллельно съ ихъ трудами, на одной и той-же исторической почвѣ, обновленной гр. Муравьевымъ.

**) Воспроизводимъ ее изъ газеты «Свѣтъ» (1897 года № 103).

„Въ западныхъ нашихъ губерніяхъ—русскіе крестьяне римско - католическаго исповѣданія въ семейной и общественной жизни, какъ извѣстно, употребляютъ свой родной русскій языкъ: но молиться Богу, въ силу тяжелыхъ историческихъ судебъ края, они должны по-польски и слушаютъ дополнительное богослуженіе въ костелахъ и проповѣди ксендзовъ на томъ-же языкѣ, хотя многіе изъ нихъ польскаго языка вовсе не понимаютъ. Странное, ненормальное явленіе, имѣющее, независимо отъ религіознаго характера, и политическое значеніе, какъ мѣра, ведущая къ ополяченію мѣстныхъ крестьянъ.

Въ виду такой ненормальности, нѣкоторые наши писатели, изучающіе исторію Западно-русскаго края, предлагаютъ ввести въ костелы западныхъ губерній, въ дополнительное богослуженіе и въ проповѣди, вмѣсто польскаго языка, русскій языкъ и убѣждены, что такое, по ихъ выраженію, располяченіе костела убьетъ полонизмъ и подниметъ значеніе и силу мѣстной русской культуры.

Выводъ этотъ, правда, вполнѣ прямой и логическій, страдаетъ, однако, однимъ довольно существеннымъ недостаткомъ: онъ сдѣланъ совершенно теоретически, безъ повѣрки его на реальной почвѣ русско-польскихъ отношеній. Авторы проекта располяченія костела не обратили вниманія на одну весьма важную въ данномъ случаѣ и чисто-практическую сторону дѣла, а именно: что исполненіе этого проекта, по самому свойству дѣла, должно быть поручено тѣмъ-же самымъ ксендзамъ, съ которыми въ данномъ случаѣ именно и приходится бороться. И вотъ, возникаетъ вопросъ: можно-ли при проведеніи этой реформы разсчитывать на добровольное содѣйствіе требованіямъ правительства со стороны нынѣшняго мѣстнаго католическаго духовенства?

Къ сожалѣнію, въ этомъ менѣе всего можно быть увѣреннымъ.

Допустимъ, однако, что предлагаемая мѣра послужитъ къ ослабленію полонизма. Но не создастъ-ли она въ то же самое время другого явленія, вся нежелательность котораго возникнетъ предъ нами со всей силой, когда мы ближе присмотримся къ нему? Вѣдь, несомнѣнно, что введеніе русскаго языка въ католическіе костелы перенесетъ католичество на русскую національную почву и такимъ образомъ усилитъ его и создастъ новое, еще небывалое у насъ, русское католичество.

Замышляя такимъ образомъ созданіе русскаго католичества (которое можетъ быть опаснѣе и враждебнѣе приснопамятной уніи), мы должны сначала рѣшить вопросъ: какой врагъ для насъ злѣе и опаснѣе: католичество или поляки и ихъ языкъ, употребляемый нынѣ въ костелахъ западныхъ губерній?

Обозрѣвая историческую судьбу русскихъ и поляковъ, мы видимъ, что эти народы прошли чрезъ разныя историческія школы и жили подъ вліяніемъ разныхъ условій: вслѣдствіе этого и историческая и религіозная жизнь ихъ представляетъ много несходствъ и различій.

Въ этихъ-то несходствахъ и различіяхъ и заключается причина той вражды, которую съ давняго времени католики-поляки питаютъ къ православнымъ-русскимъ. Если-бы поляки приняли православную вѣру, — то историческая судьба ихъ была-бы непремѣнно иная: не было-бы ни брестской уніи, ни Іосафата Кунцевича, ни польскихъ іезуитовъ, ни казацкихъ войнъ, ни фанатическихъ гоненій на иновѣрцевъ и т. п.

Итакъ, не польскій языкъ въ костелахъ, но католицизмъ — нашъ врагъ, и врагъ злой и опасный. Совсѣмъ иное должно сказать о польскомъ языкѣ. Католицизмъ, на какомъ-бы языкѣ ни произносились проповѣди и дополнительныя молитвы, не измѣнитъ своего существа. Не звуки и слова, но религіозныя вѣрованія, ими выражаемыя, возбуждаютъ природу человѣка и вліяютъ на его убѣжденія.

Языкъ народа есть только орудіе для выраженія мыслей. На еврейскомъ языкѣ проповѣдывалъ Іисусъ Христосъ Свое ученіе и на томъ-же языкѣ клеветали на него фарисеи и книжники. По-русски писали Хомяковъ, Кирѣевскіе и Аксаковы и издавалъ въ 1863, 1864 и 1865 годахъ Катковъ «Московскія Вѣдомости», и на томъ-же языкѣ печаталъ Герценъ свой «Колоколъ», и пишетъ графъ Толстой свое Евангеліе, сбивая съ толку своихъ поклонниковъ; на томъ-же языкѣ проповѣдуется и штунда. Опасенъ не тотъ или другой языкъ, но мысли и ученія, на немъ разглашаемыя. Введеніе русскаго языка въ костелы не охранитъ простодушнаго бѣлорусскаго крестьянина-католика отъ лукавыхъ внушеній его приходского ксендза.

Полоцкій уніатскій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ былъ отступникомъ не отъ русской народности, но отъ православія; онъ говорилъ и проповѣдывалъ по-русски и служилъ литургію на церковно-славянскомъ языкѣ. Но это не помѣшало ему быть злѣйшимъ гонителемъ православія и не спасло русскихъ отъ религіознаго фанатизма этого изувѣра.

Исторія уніи и базиліанскаго ордена убѣждаетъ, что употребленіе русскаго языка въ католическихъ костелахъ нимало не служило къ ослабленію фанатической вражды и нетерпимости католичества къ православію.

А, въ такомъ случаѣ, ради чего намъ заботиться объ утвержденіи русскаго католичества? Пусть католичество остается на русской землѣ, какъ прочія, существующія на ней, иностранныя вѣроисповѣданія, Намъ слѣдуетъ заботиться не о введеніи русскаго языка въ костелы, но о дѣлѣ несравненно болѣе важномъ

и существенномъ, а именно: о возстановленіи силы и первенства въ Западномъ краѣ православія и русскихъ культурныхъ началъ, о широкомъ развитіи русскаго образованія и о подъемѣ нравственнаго вліянія православнаго духовенства и мѣстнаго русскаго населенія. Но эта важная для всей Россіи задача можетъ быть исполнена въ Западномъ краѣ единственно только при помощи разъ навсегда установленной, непоколебимой и неизмѣнной системы русскаго государственнаго управленія, главная и постоянная задача котораго должна заключаться въ томъ, чтобы поддерживать элементы, вѣрные государству, и обуздывать элементы, ему враждебные.

Къ сожалѣнію, на установленіе такой твердой системы управленія Западнымъ краемъ у насъ мало обращали вниманія. У насъ есть такіе, занимающіе иногда высокое положеніе, люди, которые не придаютъ никакого жизненнаго значенія національнымъ и религіознымъ различіямъ. По ихъ убѣжденію, государственная власть не должна придавать этимъ различіямъ существеннаго значенія, относясь равно ко всѣмъ своимъ подданнымъ, требуя отъ нихъ лишь соблюденія законовъ и карая ихъ нарушителей. Эти ограниченные идеалисты-космополиты не замѣчаютъ, что тысячелѣтнее существованіе русскаго государства, обособленность русскаго народа и самый принципъ государственнаго самодержавія поддерживаются не иновѣрцами и инородцами, обитающими въ Россіи, но кореннымъ русскимъ, исповѣдывающимъ православную вѣру, народомъ, составляющимъ въ полномъ смыслѣ слова надежнѣйшій русскій государственный элементъ. Если-бъ въ народѣ и въ нашемъ войскѣ преобладали не русскіе люди, но поляки, евреи и другіе инородцы, то въ нашихъ лѣтописяхъ не было бы ни событій 1612-го и 1812-го годовъ, ни Минина и Сусанина, ни Бородинской битвы и Севастопольской обороны. Да и на будущее время не инородцы и не иновѣрцы будутъ поддерживать Россію и ея самодержавіе.

Такой космополитическій, безразличный взглядъ на людей, къ какому бы они вѣроисповѣданію и племени ни принадлежали, безусловно правиленъ для судей, юристовъ и администраторовъ въ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ, касающихся правъ частной собственности и охраны личной и общественной безопасности и порядка. Но въ области политической, въ вопросахъ, относящихся къ жизни государственной и народной, надо руководствоваться, кромѣ вышеуказанныхъ—личныхъ и мѣстныхъ — общественныхъ поводовъ, иными, болѣе общими, соображеніями, касающимися интересовъ государственныхъ и народныхъ. Русскіе государственные правители, обязанные охранять цѣлость, честь, достоинство и благосостояніе Россіи, — не должны забывать, что такъ какъ Русское государство и его самодержавная форма правленія созданы и поддерживаются никѣмъ инымъ, какъ

именно русскимъ православнымъ народомъ, то этотъ послѣдній, поэтому, и составляетъ основной русскій государственный элементъ.

Только при такомъ воззрѣніи на значеніе русскаго элемента въ жизни Русскаго государства, мы будемъ имѣть возможность возвратить русскому народу, живущему въ Западномъ краѣ, его историческія права».

На этой статьѣ, перешедшей ко мнѣ по наслѣдству отъ каноника Сенчиковскаго - имѣются двѣ его собственноручныя отмѣтки:

1) Противъ части, гдѣ говорится о томъ, можно-ли расчитывать, при проведеніи реформы о введеніи русскаго языка въ р.-к. костелъ, «на добровольное содѣйствіе требованіямъ Правительства нынѣшняго мѣстнаго католическаго духовенства?», имъ написано: «можно».

2) Противъ того мѣста, гдѣ И. П. Корниловъ выражаетъ опасеніе, какъ-бы эта мѣра не перенесла «католичество на русскую національную почву» и, такимъ образомъ, не усилила-бы его, католичество, и не создала-бы «новое, еще небывалое у насъ, русское католичество»—Сенчиковскій написалъ: „нѣтъ“.

Въ раннемъ письмѣ своемъ изъ Вильны къ Делянову (отъ 22 іюля 1866 г.) *) Ив. П. Корниловъ, развивая подробно ту-же мысль, пишетъ:

„Здѣсь возбужденъ вопросъ о такъ называемомъ русскомъ латинствѣ. Полагаютъ, что латинство опасно только потому, что оно въ соединеніи съ полонизмомъ. Если въ костелахъ народъ будетъ читать молитвы по-русски, а не по-польски, то и латинство, и полонизмъ не будутъ опасны. Я смотрю на это иначе и полагаю, что пока костелы въ Западномъ краѣ будутъ въ органической связи съ костелами въ Польшѣ и Западной Европѣ и будутъ въ іерархическомъ подчиненіи Папѣ, до тѣхъ поръ Россія со своимъ православіемъ не будетъ уживаться съ латинствомъ, хотя-бы оно было на русскомъ языкѣ“.

«Если хотите, чтобы тяготѣніе русскаго народа въ западныхъ губерніяхъ обратилось на востокъ—распространяйте православіе, поддерживайте уже возбужденное въ этомъ смыслѣ и уже усиливающееся движеніе, но не препятствуйте ему, узаконяя, такъ сказать, католицизмъ въ глазахъ русскаго народа, давая ему право русскаго гражданства. Католическую вѣру здѣшній народъ называетъ польскою вѣрою, а себя русскіе католики называютъ поляками. Теперь эти самые католики начинаютъ сознавать, что они не поляки, а русскіе, исповѣдующіе польскую вѣру. Естественно, является въ нихъ колебаніе и же-

*) И. Корниловъ. „Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ“. 1908 г. СП—гъ. Выпускъ 1-й.

ланіе слиться и по вѣрѣ съ русскими братьями. Со введеніемъ-же русскаго языка въ костелъ, это желаніе потеряетъ силу и смыслъ, потому, что и латинская вѣра сдѣлается — по языку — русскою вѣрою, да еще какою: не церковно-славянскою, какъ наша православная, а прямо русскою, обще-доступною, народною по языку».

„Латинство въ Западномъ краѣ опасно не потому, что въ здѣшнихъ костелахъ польскій языкъ, но оно опасно само по себѣ. Латинство есть проводникъ папской власти, а съ нею и вмѣшательства католическихъ государей, поддерживающихъ папскую власть изъ политическихъ видовъ“.

«Что касается введенія въ костелъ русскаго языка, объ этомъ надо еще подумать и, избѣгая рѣшенія вопроса a priori, собрать поболѣе фактовъ... Въ Вильнѣ русскіе люди по этому вопросу раздѣлились на двѣ партіи: одни стоятъ за введеніе русскаго языка, за проповѣдь католическаго ученія по-русски; другіе предлагаютъ вовсе не касаться этого вопроса, а заботиться только объ укрѣпленіи православія и объ ослабленіи и обузданіи католичества. Препиранія происходятъ въ особомъ комитетѣ. *Еслибы отъ меня зависѣло рѣшеніе этого вопроса, то я не положилъ-бы своего рѣшительнаго слова ни въ ту, ни въ другую чашку вѣсовъ*, на томъ основаніи, что этотъ живой, практическій вопросъ не слѣдуетъ рѣшать въ кабинетѣ путемъ однихъ отвлеченныхъ разсужденій, гдѣ побѣду рѣшаетъ иногда ораторская ловкость. К. П. фонъ-Кауфманъ также недовѣрчиво смотритъ на популяризацію католичества путемъ русскаго языка, который неудержимо и сильно проникаетъ въ Западный край. Польскій языкъ быстро выходитъ изъ употребленія...»

Вотъ, что говорилъ попечитель учебнаго округа, „боевого“, такъ сказать, пункта русской политической жизни С.-З. края, добродушно сознаваясь въ томъ, что не можетъ разобраться въ этомъ вопросѣ, какъ и генералъ Кауфманъ, и не знаетъ, на право или на лѣво слѣдуетъ ему класть шаръ, при голосованіи подобнаго вопроса.

Иначе глядѣли на это дѣло—гр. Муравьевъ и Сенчиковскій — два практика, далекіе отъ кабинетныхъ высиживаній по задачамъ русскаго національзма въ краѣ.

Со взглядами Сенчиковскаго на значеніе русскаго языка въ р.-к. костелѣ и въ народѣ мы познакомимся подробно въ слѣдующей и другихъ главахъ настоящей книги.

Но если возможно было-бы допустить, что тамъ, за гробомъ, встрѣтились тѣни И. П. Корнилова и кан. Сенчиковскаго и могли обмѣняться впечатлѣніями житейскаго прошлаго, то покойный канониĸъ въ правѣ былъ-бы сказать первому:

„Вы, Ваше Пре—во, увѣряли, что русскій языкъ не имѣетъ столь важнаго значенія въ располяченіи костела?... Но тогда, за что-же втеченіи 40 лѣтъ моей жизни поляки злобно и мстительно преслѣдовали меня именно за мои попытки въ этомъ направленіи, вырывая у меня изъ рукъ каждый клочекъ успѣха?!“

Зная, что П. Н. Батюшковъ глядитъ на вопросъ о располяченіи р.-к. костела такъ-же, какъ и онъ, Сенчиковскій (6 іюля 1869 г. Блонь) *) пишетъ ему:

«Вполнѣ сознавая стремленіе правительства касательно русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ и желая быть полезнымъ на поприщѣ служенія дорогому русскому нашему отечеству, я мало по малу приготовлялъ народъ къ принятію и усвоенію того убѣжденія, которое истинно можетъ послужить для блага Всероссійской Державы. Пришло, наконецъ, время и подоспѣли обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ я не былъ въ состояніи дѣйствовать партикулярно. И вотъ, съ 23 мая сего года, открыто и вполнѣ выступилъ я на полѣ такой обильной работы въ пользу русскаго нашего дѣла: отъ этого времени въ здѣшнемъ околодкѣ, не только въ обыкновенныхъ разговорахъ, но рѣшительно во всѣхъ молитвахъ, костельныхъ пѣсняхъ и религіозныхъ обрядахъ, вмѣсто польскаго я употребляю природный намъ, бѣлоруссамъ, отечественный нашъ, русскій языкъ. Успѣхи изъ этого видны, ибо крестьяне-католики, послѣ окрещенія мною ихъ дѣтей на русскомъ языкѣ, остаются совершенно убѣждены, что ново-крещенные уже не поляки, а истинно-русскіе. Такое-же самое впечатлѣніе производятъ и другіе религіозные обряды, совершенные вмѣсто польскаго на русскомъ языкѣ. Но должность моя викарнаго, яснѣе сказать, помощника фанатическо-польскаго пропагандиста, лишаетъ меня даже малѣйшей власти и средствъ, а представляетъ самыя сильнѣйшія препятствія къ осуществленію искреннихъ желаній и стремленій въ пользу русскаго нашего отечества. Пособіе и содѣйствіе въ перемѣнѣ моего положенія такъ незначительны, что обстоятельства мои бываютъ очень часто безвыходными. А потому вынужденъ я утруждать Ваше Превосходительство, въ полной надеждѣ, что Вы обратите свое вниманіе и не откажете въ содѣйствіи касательно уничтоженія въ Сѣверо-Западномъ краѣ польско-іезуитскихъ интригъ и фанатической пропаганды; напротивъ того, предоставите мнѣ возможность въ предпринятомъ и начатомъ уже мною дѣлѣ введенія природнаго намъ, бѣлоруссамъ, русскаго элемента, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова, и въ убѣжденіи народа въ искренней любви и неподдѣльной привер-

*) Бумаги каноника С., хранящіяся въ Импер. Публичной Библіотекѣ.

женности къ Престолу и русскому нашему Отечеству. Это—главная задача, которую предположилъ я рѣшить, хотя-бы то сопровождалось съ пожертвованіемъ жизни. Но для этого необходимо нужны время, пособія и какая-бы ни было власть. Первое убѣдитъ правительство въ искреннихъ и вѣрноподданническихъ моихъ чувствахъ, а послѣднія дадутъ средства—на дѣлѣ быть полезнымъ русскому нашему Отечеству, во имя любви къ которому обращаюсь въ Вашему Превосходительству въ совершенномъ убѣжденіи, что Вы не откажете въ своемъ содѣйствіи. Приложенная при семъ копія одной изъ произнесенныхъ мною проповѣдей выяснитъ Вамъ отчасти и средства, которыми я руковожусь, дабы имѣть вліяніе на народъ, и цѣль, къ которой веду его.»

А вотъ и текстъ той проповѣди, о которой упоминаетъ Сенчиковскій въ донесеніяхъ своихъ епископу Войткевичу и Батюшкову. *)

„По прочтеніи Апостола и Евангелія на русскомъ языкѣ,

Слово,

произнесенное въ Блоньскомъ р.-к. костелѣ 29 іюня 1869 г.

Бываютъ нерѣдко времена, въ которыя самая чистѣйшая истина, прибитая, пригнетенная и подавленная ложными понятіями, лежитъ несчастная, въ ожиданіи, пока Провидѣніе Божіе не откроетъ глазъ затемненныхъ и не разъяснитъ заблужденнаго разума упрямымъ. Да и въ то время, лишь нѣкоторые убѣдятся о возстаніи правды, о возстаніи ея, можно сказать, изъ мертвыхъ. Однако-жъ не всякій душевно и искренно пойметъ ее, и не всякій послѣдуетъ ея наставленію. А если кто, съ совершеннымъ убѣжденіемъ, и пойметъ благонамѣренную цѣль истины, то сколько-же встрѣтитъ препятствій, сколько будетъ имѣть труда для того, чтобы убѣдить своихъ собратій, чтобы уничтожить ихъ заблужденія!...

Позвольте-же, любезные братья, бѣлоруссы-католики, познакомить васъ съ мыслями и побужденіями, которыя руководятъ мною въ обрусеніи здѣшняго края, яснѣе сказать, въ возобновленіи природнаго намъ, бѣлоруссамъ, русскаго элемента, въ уничтоженіи фанатизма и чужой намъ, весьма вредной, польской пропаганды!—Ибо Польши никогда не было въ сердцахъ бѣлоруссовъ, а ее только привязывали намъ и прививали, какъ заразную болѣзнь; потому-то многіе и заразились этой прилипчивою болѣзнью.

*) Изъ бумагъ Сенчиковскаго видно, что ту-же проповѣдь, по рукописи, въ большинствѣ случаевъ, читалъ онъ и въ будущемъ—въ Минскѣ, Бобруйскѣ и др. мѣстахъ, гдѣ вводилъ впервые русскій языкъ въ дополнительное р.-к. богослуженіе. Текстъ проповѣди мы беремъ изъ дѣла канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1869 г. № 118 (по 3-му отдѣленію) подъ заглавіемъ «О назначеніи Сенчиковскаго въ м. Блонь.»

Питая горячую любовь къ своей родинѣ, несчастной Бѣлоруссіи—(„несчастной“, говорю, ибо польско-фанатическіе, іезуитскіе пропагандисты, самыми низкими интригами и вліяніемъ, старались не только подавить нашъ бѣлорусскій элементъ, но еще и возбудить нашихъ собратій къ бунту противъ благодѣтеля нашего Государя, Богомъ даннаго),—и желая содѣйствовать законному нашему Правительству въ скорѣйшемъ уничтоженіи въѣвшейся въ нашъ бѣлорусскій край ржавчины фанатизма и бунтовщическо-польской пропаганды, предпринялъ я объяснить вамъ, братья, ваше заблужденіе и открыть передъ вашими глазами ложную занавѣсь, которая до настоящаго даже времени закрываетъ вамъ истину касательно нашего бѣлорусскаго края, а, слѣдовательно, и нашего истинно-русскаго происхожденія. Предположилъ я, братья, не только словомъ, но и дѣломъ, дать вамъ примѣръ. А за истину, про которую я говорю, готовъ я не только страдать, но и жизнью пожертвовать, ибо это будетъ на пользу нашего русскаго отечества, на пользу католической церкви, на пользу вашу, братья-бѣлоруссы!...

Кому не извѣстно, какіе громадные успѣхи сдѣлали фанатизмъ и бунтовщическо-польская пропаганда, вліявшіе своею внутреннею силою и внѣшнимъ насиліемъ на всѣхъ и на все въ нашемъ бѣлорусскомъ краѣ, по причинѣ чего заблужденные умы повѣрили завистникамъ нашего благоустроеннаго русскаго Отечества, послѣдовали ихъ бунтовщическимъ поученіямъ, изъ-за чего и погубили столько собратій. Но можно-ли удивляться этому, когда до сего времени мы, бѣлоруссы, находились, можно сказать, и находимся какъ-бы въ безсознательномъ положеніи и летаргическомъ снѣ. Кажется, мы не понимали себя и природной намъ собственности относительно бѣлорусскаго нашего происхожденія и свойственнаго намъ истинно-русскаго элемента, а безмолвно, съ похилою головою, смотрѣли и смотримъ на все, что вокругъ насъ происходило и происходитъ. Тѣ изъ бѣлоруссовъ-католиковъ, которые остались истинно-вѣрными своему законному Государю, во времена полной работы на полѣ нашего бѣлорусскаго края, умѣли и даже вынуждены были только страдать и молчать. Мы, вѣрноподданные, упустили изъ виду много историческихъ событій, которыми должны были воспользоваться для возрожденія нашей Бѣлоруссіи, состоящей подъ родною властью Всероссійской Державы. Мы, къ несчастью, ничѣмъ не ознаменовали къ лучшему этихъ великихъ измѣненій. Всѣ историческо-политическія событія въ нашемъ бѣлорусскомъ краѣ прошли какъ-бы незамѣченными нами, словно, какъ-бы они не имѣли никакого вліянія на судьбу и пользу здѣшняго края. Напротивъ, многіе изъ бѣлоруссовъ, именно въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ, заявили себя, какъ измѣнники, какъ подстрекатели бунта, а всего хуже, какъ враги своего родимаго, бѣло-

русскаго края, какъ отступники католической религіи, которая такъ ясно повелѣваетъ почитать начальство, повиноваться и любить законнаго нашего Государя. До сего даже времени мы, бѣлоруссы, не сказали сами о себѣ никакимъ общественнымъ дѣломъ, въ доказательство того, что мы—искони русскіе по нашему бѣлорусскому происхожденію, языку и исторіи. Правда, за то, громко даже говорили за насъ враги наши—бунтовщики, не только говорили, но и дѣйствовали, на погибель нашей, собственно-русской народности.

Неужели и въ настоящее время, когда передъ нашими глазами совершилось въ нашемъ бѣлорусскомъ краѣ столько несчастій, столько бѣдъ и смутъ, когда и понынѣ, чужіе намъ, польскіе пропагандисты и фанатическія интриги пренебрегаютъ нашимъ бѣлорусскимъ происхожденіемъ и природнымъ намъ русскимъ элементомъ, когда, говорю, измѣнники и бунтовщики стараются подавить и отнять отъ насъ нашу драгоцѣнную собственность—русское имя,—неужели, говорю, мы, вѣрноподданные бѣлоруссы, любящіе свой родимый, русскій край, счастье своихъ семействъ и нашу католическую религію, будемъ попрежнему глухи и нѣмы на все, что можетъ убѣдить и законнаго нашего Государя Императора, и великорусскихъ нашихъ собратій, въ вѣрноподданническихъ нашихъ чувствахъ и неизмѣнной, неподдѣльной приверженности къ всероссійскому Престолу; неужели, повторяю, и въ настоящее время не заболитъ наше сердце, смотря, какъ интриганы польскіе и фанатики преслѣдуютъ дорогой нашъ русскій элементъ?!..

О, любезные братья мои, католики-бѣлоруссы! Какъ вашъ духовникъ, желающій вашего счастья, прошу васъ, оставьте фанатическое упрямство и выйдите изъ заблужденія, а душевно примите свое русское дѣло! Отбросьте отъ себя далеко все, что нерусское, отбросьте скоро и безъ отклада все, что оставила враждебная намъ польско-фанатическая пропаганда, а, напротивъ, безъ всякаго отклада, возвращайтесь къ своей русской собственности,—къ нашимъ русскимъ обычаямъ и стремленіямъ, къ природному намъ русскому языку, на которомъ мы совершаемъ наши католическія молитвы и религіозные обряды! Словомъ, будемъ истинно-русскими въ пользу нашего бѣлорусскаго края, нашей католической религіи, законнаго нашего Государя и дорогого намъ русскаго нашего отечества! Будемъ русскими, но только не лицемѣрно, а истинно и искренно!..

Подумайте только, братья мои, бѣлоруссы, чего вамъ опасаться! Видите сами, что русскій языкъ, на которомъ молимся и совершаемъ наши религіозные обряды, не уничтожаетъ католической религіи; напротивъ, Правительство само заботится о насъ, посылаетъ намъ книги католическія—эти самыя, которыя и сперва были, только не по-польски, а по-русски напечатанныя.

И это очень справедливо, ибо, если во Франціи молятся и говорятъ по-французски, у нѣмцевъ—по-нѣмецки, то мы, какъ истинно-русскіе, должны говорить и молиться на природномъ намъ русскомъ языкѣ.

Не опасайтесь-же, братья мои любезные, ничего, не слушайтесь подстрекателей и противниковъ нашего русскаго элемента, но, какъ вѣрноподданные русскаго нашего правительства, какъ вѣрные блюстители католической религіи, которая научаетъ насъ, что нѣтъ власти, только отъ Бога, подъ покровительствомъ Всероссійскаго Государя пойдемъ смѣло работать въ пользу природнаго намъ русскаго дѣла! Идите только, любезнѣйшіе братья, а я, какъ католическій вашъ пастырь, пойду впередъ и постараюсь всѣми силами и стремленіями открыто заявить, что мы, католики по нашему бѣлорусскому происхожденію, истинно и искренно-русскій народъ!

О, Боже! Дай намъ только успѣха въ такомъ великомъ дѣлѣ! Аминь».

Представляя копію съ этой проповѣди и Минскому губернатору, 6-го іюля 1869 г., Сенчиковскій добавляетъ письменно къ тексту проповѣди своей поясненіе такого рода:

«Послѣ этого совершилъ я молебствіе за Государя Императора, тоже на русскомъ языкѣ, *какъ это уже съ 27-го мая сего, 1869 года,* введено мною».

Своевременнымъ будетъ замѣтить, что П. Н. Батюшковъ, благодаря своей политической дѣятельности въ Вильнѣ (что̀ и отмѣтилъ, съ нѣкоторою осторожностью, въ своей, приведенной выше, статьѣ Ю. Ѳ. Крачковскій), имѣлъ честь возбудить къ себѣ ненависть тайно-полякующаго Виленскаго генералъ-губернатора А. Л. Потапова, который, гдѣ только могъ, ставилъ препятствія энергичному попечителю учебнаго округа, говоря о немъ и сообщая въ Петербургъ всякіе ужасы.

Но Батюшковъ былъ не изъ тѣхъ, которые складываютъ оружіе безъ борьбы, даже при столкновеніи съ болѣе сильнымъ, могущественнымъ противникомъ.

Онъ открыто началъ эту борьбу—во имя отстаиванія русскихъ, національныхъ задачъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, т. е. тѣхъ началъ, которыя съ презрѣніемъ игнорировалъ Потаповъ.

Не смотря на начавшіяся между нимъ и генералъ-губернаторомъ недоразумѣнія, часто доходившія до непріятныхъ столкновеній, Батюшковъ нашелъ-таки способъ поощрять тѣхъ ксендзовъ, которые, будучи преданными русскому Правительству, стали вводить сами, по собственному почину, русскій языкъ въ дополнительное богослуженіе своихъ костеловъ: это бывало тогда

когда подобный ксендзъ оказывался вмѣстѣ съ тѣмъ и законоучителемъ въ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго учебнаго округа и о немъ дѣлало представленіе учебное начальство.

Такъ не приминулъ онъ поступить и съ Сенчиковскимъ, едва ознакомился съ первыми шагами его руссофильской дѣятельности.

Это видно изъ представленія его (отъ 20 августа 1869 г., безъ №) генералъ-губернатору Потапову *), въ которомъ онъ пишетъ:

«Законоучитель Блонскаго народнаго училища, въ Игуменскомъ уѣздѣ, викарный ксендзъ Фердинаднъ Сенчиковскій, уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, въ своемъ приходѣ, во всѣхъ молитвахъ и при совершеніи обрядовъ, употребляетъ, вмѣсто польскаго, русскій языкъ; въ воскресные-же и праздничные дни, когда месса совершается настоятелемъ, законоучитель Сенчиковскій поетъ на хорахъ, въ сопровожденіи органа, на славянскомъ языкѣ, наиболѣе распространенную здѣсь священную пѣснь «Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво!». Наконецъ, 29 іюня, въ Блонскомъ приходскомъ костелѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, помѣщиковъ и крестьянъ, ксендзъ-законоучитель Ф. Сенчиковскій, по прочтеніи на русскомъ языкѣ Апостола и Евангелія, произнесъ къ народу на семъ-же языкѣ слово о кровной связи бѣлорусскаго народа съ великорусскимъ, объ обязанностяхъ къ общему нашему Отечеству и вѣрноподданнической преданности и вѣрности къ Государю Императору. Явивъ, такимъ образомъ, *первый примѣръ* поученія народа въ костелѣ на его природномъ, русскомъ языкѣ, кс. Сенчиковскій, во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ прихожанами, при совершеніи требъ и дополнительнаго Богослуженія, не употребляетъ другого языка, кромѣ русскаго. Въ высокоторжественный день рожденія Ея Императорскаго Величества (27 іюля) кс. Сенчиковскій, прибывъ въ Игуменъ, отслужилъ въ тамошнемъ костелѣ раннюю обѣдню, на которой прочелъ Апостолъ и Евангеліе по-русски и сказалъ, второе уже, поученіе на русскомъ-же языкѣ; послѣ проповѣди отслужилъ на русскомъ-же языкѣ краткое молебствіе о здравіи Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Августѣйшаго Дома».—

П. Н. Батюшковъ добавляетъ, къ своему донесенію, что о «таковыхъ похвальныхъ дѣйствіяхъ» кс. Сенчиковскаго, онъ представилъ уже на усмотрѣніе г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія «съ испрошеніемъ объ исходатайствованіи ему соотвѣтственной заслугамъ награды».

Отвѣта на представленіе Батюшковъ не получилъ.

Да оно и было понятно, почему.

---

*) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1869—1871 г. отдѣл. 3-е, № 66.

Кромѣ личной антипатіи къ Помпею Николаевичу, Потаповъ, будучи назначенъ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ *), заручившись поддержкою въ Петербургѣ, питая ненависть къ гр. М. Н. Муравьеву и всему „Муравьевскому", а также явное сочувствіе къ „угнетеннымъ" полякамъ, привезъ съ собою, въ Вильну, политику «забвенія», «примиренія», «залѣчиванія ранъ», такъ грубо причиненныхъ польскому элементу въ С.-З. краѣ и Бѣлоруссіи Муравьевымъ.

О Потаповѣ, грустной эрѣ управленія имъ Литвой и Бѣлоруссіей, о такъ называемой «Потаповщинѣ», создалась уже цѣлая, основательная литература въ доказательство того, какихъ генералъ-губернаторовъ не слѣдуетъ впускать въ Вильну. Сложившееся объ этомъ «русскомъ дѣятелѣ» мнѣніе —ясно и твердо установлено, и въ Россіи, и заграницей. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что, будучи назначенъ въ помощь гр. Муравьеву при ликвидаціи дѣлъ возстанія, онъ, въ сущности, явился въ Вильнѣ тайнымъ соглядатаемъ враждебной Муравьеву придворно-чиновной партіи, которой и сообщалъ все отрицательное, что̀ только замѣчалъ за послѣднимъ, конечно, съ его, Потапова, точки зрѣнія.

Поэтому, и мы не будемъ рисовать общую картину позорища, какое, въ сущности, представляла изъ себя анти-національная, полякующая «Потаповщина».

Гораздо интереснѣй взгляды на Потапова современниковъ, лично его знавшихъ, по отдѣльнымъ эпизодамъ и документамъ, изучившихъ вблизи подвиги его по уничтоженію всего, что̀ напоминало гр. Муравьева.

Коснемся хотя-бы нѣкоторыхъ изъ этихъ свидѣтельствъ для уразумѣнія полноты той злобы, которую человѣкъ этотъ питалъ къ Батюшкову, Сенчиковскому и имъ подобнымъ.

Всѣмъ извѣстно признаніе Потапова, сдѣланное въ Вильнѣ архіепископу Литовскому и Виленскому Александру (кстати сказать—другу каноника Сенчиковскаго).

Генералъ-губернаторъ цинично заявилъ въ глаза главѣ православной Церкви въ С.-З. краѣ, котораго тайно ненавидѣлъ за русско-національное направленіе:

«Никогда, никому, ни въ чемъ въ жизни моей я не вѣрилъ, и никогда не имѣлъ повода въ томъ раскаиваться»...

•

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ М. Н. Муравьева, А. Н. Мосоловъ, въ своихъ «Виленскихъ очеркахъ» **), вспоминая время назначенія Потапова въ качествѣ помощника Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ, пишетъ:

---

*) Потаповъ былъ въ Вильнѣ со 2 марта 1868 г. по 22 іюля 1874 года. Умеръ въ 1886 году.

**) «Виленскіе очерки» (Муравьевское время) А. Н. Мосолова 1898 г.

«М. Н. Муравьевъ жестоко ошибся въ выборѣ себѣ помощника и вѣроятнаго преемника. Нельзя было найти другое лицо, которому вся манера Муравьева была-бы болѣе чужда, ненавистна, чѣмъ А. Л. Потаповъ. Впослѣдствіи, при позднѣйшемъ своемъ управленіи краемъ, ген. Потаповъ механически и на бумагѣ даже поддерживалъ распоряженія и начинанія Муравьева; но вообще онъ смотрѣлъ на то патріотическое одушевленіе, которое внесено было въ управленіе Муравьевскимъ строемъ, какъ на крупный административный скандалъ, который надлежало прекратить какъ можно скорѣе ради благочинія и порядка».—

Коснувшись, затѣмъ, того времени, когда Потаповъ, будучи въ Вильнѣ, присутствовалъ на докладахъ у Муравьева, Мосоловъ, въ качествѣ очевидца, разсказываетъ:

«Ген. Потаповъ съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ начальника края и лишь съ осторожностью дѣлалъ свои замѣчанія; но уже по этимъ осторожнымъ возраженіямъ не трудно было въ скоромъ времени замѣтить, что между М. Н. Муравьевымъ и А. Л. Потаповымъ не можетъ быть общаго ни въ основныхъ воззрѣніяхъ на дѣло, ни въ пріемахъ. Гдѣ нужно было дѣйствіе, тамъ его прежде всего занимали бюрократическія формальности и подробности».

Хорошо знавшій Потапова по дѣятельности его въ Вильнѣ, также близко стоявшій въ Вильнѣ къ гр. М. Н. Муравьеву, Ив. Ак. Никотинъ, въ своихъ запискахъ *) посвящаетъ Потапову нѣсколько словъ.

«Въ то время», говоритъ онъ: «когда для успѣха русскаго народнаго дѣла необходимо было дружно направить честныя русскія силы къ этой высокой цѣли, злосчастная судьба подсунула въ помощники М. Н. Муравьеву генералъ-адъютанта Потапова, преданнаго душою полякамъ и человѣка совершенно противнаго лагеря, несочувствовавшаго тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя предстояло проводить въ краѣ, хотя явно этого невысказывавшаго. Но въ этомъ-то и заключалась вся опасность: тайный врагъ всегда страшнѣе явнаго недруга. Поневолѣ придетъ на мысль, что всесильная полякующая партія въ Петербургѣ, неуспѣвшая забраковать выработанный М. Н. Муравьевымъ проектъ мѣроположеній для управленія краемъ, ловкимъ оборотомъ подсунула ему этотъ административный тормозъ».

«М. Н. Муравьевъ очень скоро понялъ Потапова и оцѣнилъ его по достоинству», говоритъ далѣе Никотинъ: „Въ тогдашнее время единственно только у Потаповыхъ появлялисъ по вечерамъ польскіе паны и взапуски другъ передъ другомъ ухаживали за нимъ, а когда онъ, по порученію главнаго начальника

*) Изданіе 1905 г. подъ заглавіемъ „Изъ записокъ Ив. Ак. Никотина“, выпущенное комитетомъ по устройству Муравьевскаго музея въ Вильнѣ.

края, пріѣхалъ въ Минскъ, для обозрѣнія губерніи, то его приняли тамъ съ восторгомъ и пустили въ ходъ польскую интригу:—черезъ помѣщика Льва Ваньковича, бывшаго Минскаго уѣзднаго предводителя дворянства, поднесенъ былъ ему на французскомъ языкѣ курьезный документъ, переданный мнѣ Минскимъ губернаторомъ П. Н. Шведовымъ»...

Но, кажется, никто такъ ярко и мѣтко не охарактеризовалъ Потапова, какъ И. П. Корниловъ въ своемъ трудѣ „Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ“ *).

О первой оффиціальной встрѣчѣ своей съ Потаповымъ Корниловъ пишетъ:

„Въ самый день пріѣзда въ Вильну, послѣ общаго пріема служащихъ, новый генералъ-губернаторъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и *послѣ дружескихъ объятій сообщилъ, между прочимъ, и объ увольненіи меня отъ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа*. Дня черезъ два онъ снова принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и тотчасъ заговорилъ о Я. Ѳ. Головацкомъ...“

И. П. Корниловъ, въ упоминаемой книгѣ его, подробно описываетъ свое столкновеніе съ новымъ генералъ-губернаторомъ — по поводу этого дѣятеля-патріота, усилія Потапова, при помощи Петербурга, во что-бы то ни стало, сплавить Головацкаго.

„Онъ такъ нетерпѣливо ждалъ удаленія Головацкаго изъ Вильны“, пишетъ Корниловъ: „что предлагалъ, какъ видно изъ письма его отъ 24 апрѣля къ статсъ-секретарю И. Д. Делянову, выдать на переѣздъ Якова Ѳедоровича на новое мѣсто назначенія 2000 р. изъ собственныхъ денегъ“.

Въ минуту первой своей бесѣды съ Корниловымъ, Потаповъ, конечно, еще не подозрѣвалъ, что, удаливъ съ пути своего истинно-русскаго человѣка Корнилова, онъ получитъ, взамѣнъ его, другого, если можно такъ выразиться, еще болѣе русскаго дѣятеля въ Муравьевскомъ духѣ. Онъ также не предвидѣлъ, что по Литвѣ и Бѣлоруссіи, да и въ самой Вильнѣ, сидятъ люди, сочувствующіе Батюшкову и ждущіе только случая, чтобы объединиться вокругъ его имени—въ направленіи поддержанія культурныхъ начинаній Муравьева; что среди нихъ (о, ужасъ!) есть даже ксендзы, работающіе, во главѣ съ Сенчиковскимъ, въ обрусительномъ направленіи, а, значитъ, готовые поддержать то, что пришелъ разрушить, въ угоду польско-іезуитской пропагандѣ, этотъ, грустной памяти, русскій временщикъ...

Съ первыхъ-же представленій о Сенчиковскомъ гражданскаго и учебнаго начальства, Потаповъ начинаетъ пылать къ нему нескрываемою ненавистью, которую питало еще и то обстоя-

---

*) Выпускъ 1-й, стр. 363-я.

тельство, что Александръ Львовичъ одержимъ былъ въ то время страстью къ полькѣ, лично знавшей Сенчиковскаго и всею силою души своей ненавидѣвшей его именно за проповѣдь о введеніи русскаго языка въ р.-к. костелы.

Недаромъ-же профессоръ М. О. Кояловичъ, въ одной изъ статей своихъ, касающихся „Потаповщины", писалъ *):

„Довольно вспомнить время ген. Потапова.... Онъ былъ несомнѣнно другъ полякамъ. Говорятъ и говорятъ, какъ о дѣлѣ обще-извѣстномъ въ Западной Россіи, что онъ даже клялся въ этой дружбѣ на колѣняхъ, въ одномъ костелѣ Минской губерніи, передъ нѣкой паней... А сколько зла вышло изъ этой дружбы?!.. Русскія дѣла Сѣверо-Западной Россіи испорчены имъ, можетъ быть, на полстолѣтіе!..."

Но молодого ксендза Сенчиковскаго, въ эпоху пребыванія въ Вильнѣ Потапова, повидимому, ничто не могло устрашить, смутить въ борьбѣ съ врагами русскаго дѣла. Отъ всего, что выходило въ то время изъ подъ пера его, вѣетъ буйной энергіей, непоколебимымъ убѣжденіемъ въ побѣду, розовыми надеждами еще неискушеннаго горькимъ опытомъ фанатика идеи.

„Чѣмъ болѣе препятствій—тѣмъ лучше!" словно хочетъ сказать онъ—въ отвѣтъ на гримасы неудовольствія изъ Вильны.

Ему кажется, что если будетъ введенъ повсемѣстно въ Бѣлоруссіи русскій языкъ въ дополнительное богослуженіе р.-к. костела, то все сразу-же измѣнится на его родинѣ.

Проекты зарождаются въ его мозгу за проектами.

Упраздненіе Минской р.-к. епархіи (въ силу Высочайшаго указа 15 іюля 1869 г.) и передача завѣдыванія епархіей управлявшему Виленской епархіей прелату Жилинскому, еще болѣе окрылили Сенчиковскаго: онъ не зналъ еще тогда близко Жилинскаго, но слышалъ о немъ, какъ о человѣкѣ, идущемъ на встрѣчу Правительству.

Сенчиковскій всегда стоялъ за упраздненіе епископскихъ должностей и за назначеніе лишь управляющихъ епархіями, съ которыми легче справиться.

Только-что упомянутое упраздненіе Минской епархіи служило, въ то-же время, знакомъ подготовки Правительствомъ введенія русскаго языка въ дополнительное костельное богослуженіе, что̀ и случилось въ томъ-же 1869 году, 25 декабря......

Все это не могло не волновать бѣлорусскаго патріота.

Такъ, 25 сентября 1869 г. въ донесеніи своему покровителю, сочувствующему русскому дѣятелю, и. д. Минскаго губернатора, вице-губернатору И. А. Никотину, Сенчиковскій пишетъ **) о томъ,

---

*) «Литовскія Епархіальныя Вѣдомости», 1882 г., № 18.

**) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1868—69 г. г. № 8. (По 3-му отдѣл.).

что́ предпринимается имъ въ Блони—въ смыслѣ располяченія католицизма.

„Для блага русскаго Отечества“, сообщаетъ онъ: „я съ каждымъ днемъ стараюсь постепенно уничтожать все, что оставила намъ фанатически-іезуитская пропаганда. И вотъ главное вниманіе обратилъ я на памятники, которые въ здѣшнемъ краѣ на всѣхъ кладбищахъ ставятся съ польскою надписью. А какъ такая надпись служитъ доказательствомъ духа народа, то я воспретилъ прихожанамъ своимъ на будущее время ставить подобнаго рода памятники, а особенно каменные. Такъ дѣлается въ настоящую пору въ одномъ Блонскомъ приходѣ, но желательно, чтобы этотъ обычай введенъ былъ въ употребленіе во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ. Поэтому, осмѣливаюсь заявить Вашему Прево—ву, что очень легко достигнуть можно этой цѣли, если Правительство запретитъ всѣмъ ремесленникамъ, занимающимся отдѣлкою надгробныхъ камней и памятниковъ, дѣлать польскія надписи“.

Представляя это письмо на благоусмотрѣніе Виленскаго генералъ-губернатора Потапова, Ѳикотинъ доносилъ, что, съ своей стороны, находитъ мѣру, предложенную Сенчиковскимъ, весьма полезною, почему и проситъ, въ разрѣшеніе ея, дать предписаніе.

Отвѣта на это изъ Вильны тоже не послѣдовало.

Нѣсколько позднѣе, 28 ноября 1869 г., кс. Сенчиковскій обращается къ тому-же И. А. Никотину съ письмомъ такого содержанія *):

«Ввѣренный мнѣ, Блонскій приходъ положенъ въ такой скрытой мѣстности, что преобразованіе съ польскаго на русскій, какъ его, такъ и церкви, не только мало кому извѣстно, но даже можетъ быть и оклеветано.

Приходъ-же Блонскій, а тѣмъ паче, католическая церковь, это—въ полномъ смыслѣ—Россія. Кромѣ латинскаго языка въ одной только литургіи (при органѣ—русскія и славянскія пѣсни), остальное все истинно и искренно русское. Даже на кладбищѣ вновь поставленные памятники—уже съ русской надписью.

Но рѣшительныя и сознательно-энергичныя въ этомъ устройствѣ мои дѣйствія служатъ поводомъ къ тому, что одни, руководясь злостью и враждою, другіе—завистью и непониманіемъ дѣла, постоянно вредятъ и клевещутъ на меня.

Поэтому-то вынужденъ я всепокорнѣйше просить Ваше Пре-во прислать кого либо въ Блонь, дабы на мѣстѣ убѣдиться въ истинѣ моихъ словъ и въ успѣхѣ дѣла, полезнаго Россіи.

---

*) Дѣло канц. Минскаго губернатора 1870 г. № 124—«О награжденіи Борисовскаго декана кс. Сенчиковскаго медалью за усмиреніе польскаго мятежа».—

Во время послѣдняго польскаго въ Сѣверо-Западномъ краѣ мятежа, не только не былъ я подъ какимъ-либо политическимъ дѣломъ, но, проживая у г.г. Горваттовъ, въ им. Барбаровѣ, въ 1863 году, въ Мозырской католической церкви, произносилъ проповѣди противъ поляковъ и возстанія. Проповѣди эти бывшій Мозырскій военный начальникъ полковникъ Чекмаревъ взялъ отъ меня для представленія главному начальнику края гр. Муравьеву, послѣ чего имъ-же я былъ назначенъ настоятелемъ Юревичскаго прихода.

Вслѣдствіе сего, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить Ваше Пре-во исходатайствовать мнѣ право ношенія темно-бронзовой медали въ память усмиренія польскаго мятежа. Это, кромѣ лестнаго для меня достоинства, будетъ сильнымъ орудіемъ противъ неисчислимыхъ обидъ и клеветы, которыя, при самомъ сильномъ характерѣ, убиваютъ не только здоровье, но духъ и энергію, такъ необходимые въ дѣлѣ.

Поддержите-же меня, Ваше Пре-во, и со временемъ увѣритесь, что всѣ мои дѣла, стремленія и желанья—единственно въ пользу Россіи, и чувства эти, вмѣстѣ съ преданностью Государю Императору, не оставятъ души моей до моего гроба!

Защитите только одного среди тысячи враговъ, и такихъ опасныхъ, какъ польско-іезуитскіе интриганы, которые не только лишили меня средствъ существованія (ибо доходы, за неимѣніемъ требъ, идутъ Игуменскому, Свислочскому и Серафимскому ксендзамъ - ибо они не по-русски исполняютъ требы), но еще стараются самихъ русскихъ возстановить противъ меня! И, конечно, женатые или намѣревающіеся жениться на католичкахъ, да и такъ ополяченныя личности, ради дружбы съ поляками, дѣйствуютъ заодно съ ними.

Между прочимъ, чиновникъ Лавровъ, прогнанный изъ повѣрочной комиссіи землемѣръ Бринкенъ и опубликованный за скандалы нѣкто Даевъ—эти личности, кромѣ интригъ, подстрекательствъ и низостей, ничѣмъ другимъ не занимаются. Они-то, подъ названіемъ «русскихъ»,—самые хитрые поляки!

Крайность меня заставляетъ просить защиты и поддержки Вашего Пре-ва, такъ какъ я намѣренъ съ каждымъ днемъ поступать дальше въ пользу русскаго дѣла, лишь-бы только мало-мальски уничтожить причины, убивающія здоровье и вредныя дѣлу».—

Какъ можно судить по брошюрѣ Краковскаго профессора Кнапинскаго, приводимой въ одной изъ слѣдующихъ главъ настоящей книги (гдѣ сдѣлана ссылка на письмо Сенчиковскаго), Сенчиковскій принималъ у себя, въ Блони, Л. С. Макова (бывшаго въ то время правителемъ особенной канцеляріи Министра Вн. Дѣлъ), водилъ его въ свой костелъ и дополнительнымъ бо-

гослуженіемъ, проповѣдью на русскомъ языкѣ, до того увлекъ его, что зародилъ мысль о возможности повсемѣстнаго проведенія этой мѣры—по Бѣлоруссіи—уже въ видѣ не частной инициативы отдѣльныхъ ксендзовъ, а въ видѣ правительственнаго мѣропріятія.

Кромѣ этого свидѣтельства самаго Сенчиковскаго, есть несомнѣнныя данныя, что Министерство Вн. Дѣлъ пошло въ этомъ дѣлѣ за увлекшимъ его Сенчиковскимъ, который первый поднялъ вопросъ о русскомъ языкѣ, а, что еще важнѣе, примѣромъ своимъ доказалъ возможность осуществленія подобнаго мѣропріятія съ успѣхомъ.

Приведемъ еще нѣкоторыя подробности—изъ времени пребыванія Сенчиковскаго въ Блони.

Относительно кс. Шабловскаго, упоминаемаго въ началѣ этой главы въ замѣткѣ Сенчиковскаго, при дѣлѣ канцеляріи виленскаго генералъ-губернатора № 118 (по 3 отдѣл.) 1869 г., приложено, въ подлинникѣ, оффиціальное дознаніе («дѣло») подъ заглавіемъ:

„О Блонскомъ ксендзѣ Шабловскомъ, который, во время служенія въ костелѣ 4 марта 1869 г., на праздникъ Св. Казимира, не произнесъ молебствія о благоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома“.

Дознаніе это кладетъ попутно нѣсколько яркихъ штриховъ къ положенію Сенчиковскаго въ Блонскомъ приходѣ, къ характеристикѣ его личности и дѣйствій, почему мы на немъ нѣсколько долѣе и остановимся.

Изъ упоминаемаго дѣла видно, на сколько самостоятельно, даже порою вызывающе, держалъ себя покойный (во время дѣла лишь скромный «викарный» Блонскаго костела) по отношенію хотя-бы къ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которые заявили себя „полякующими“.

Такъ, онъ отвѣчаетъ становому приставу 2-го стана, производящему по дѣлу дознаніе, 6 мая 1869 г., слѣдующее:

«На повѣстку Вашего Благородія за № 27, 5-го сего мѣсяца, честь имѣю пояснить. Дѣйствительно, 4-го марта, въ день Св. Казимира, королевича польскаго, послѣ св. литургіи, отслуженной кс. Шабловскимъ, не было совершено молебствія о благоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома. То же самое случилось въ третій день Свѣтлаго Христова Воскресенья, т. е. 22 апрѣля сего-же года, послѣ службы, такъ называемой суммы, за прихожанъ. По какой-же причинѣ не было совершено молебствіе за Государя Императора и весь Его Августѣйшій Домъ въ день Св. Казимира, королевича польскаго, и въ третій день Пасхи Христовой, и почему кс. Шабловскій

выѣхалъ по собственнымъ дѣламъ изъ дому, и по этой причинѣ не находился на святой литургіи и молебствіи за Августѣйшаго Монарха, въ высокоторжественный день 19-го февраля—мнѣ положительно неизвѣстно. Думаю, что онъ самъ, кс. Шабловскій по этому вопросу будетъ объясняться.

Такъ какъ я въ Блони недавно нахожусь, поэтому и не могу указать именъ и фамилій всего многочисленнаго, собраннаго въ церковь народа, кромѣ органиста Франца Осиповича, Антона Кржижановскаго и моего родственника Феликіана Шишло, которые могутъ подъ присягою показать, ибо они были въ прислугѣ при совершаемой кс. Шабловскимъ св. литургіи въ день Св. Казимира, королевича польскаго. При семъ честь имѣю присовокупить, что секретную повѣстку Вашу подалъ мнѣ не тысяцкій, какъ Ваше Благородіе изволите написать, но какой-то крестьянинъ». *)

Затѣмъ, 9 мая 1869 г., кс. Сенчиковскій пишетъ тому же приставу 2-го стана:

«На вторичную Вашу повѣстку отъ 8 сего мая за № 31, *секретную и весьма нужную, которую безъ распечатанія можно прочитать, и полученную мною отъ кс. Шабловскаго*, имѣю честь сообщить, что 6-го числа сего мѣсяца я далъ Вамъ поясненіе, какъ слѣдовало, по духовному моему сану. Что-же касается донесенія о томъ, что ксендзомъ Шабловскимъ 4-го марта, въ день Св. Казимира, королевича польскаго, не было совершено послѣ Божественной литургіи молебствіе о благоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, то, вѣроятно, Вашему Благородію было достаточно извѣстно, когда Вы присылали тысяцкаго Журовина спросить 3 апрѣля, а на завтрашній день, т. е. 4 апрѣля утромъ *были Вы у ксендза* Шабловскаго, *какъ мнѣ извѣстно, по сему дѣлу*. Что-же касается до недонесенія моего Вамъ, то если высшее начальство найдетъ меня въ этомъ виновнымъ, то, вѣроятно, не оставитъ меня безъ запроса».

10-го мая, кс. Сенчиковскій, на новый, придирчивый запросъ пристава, отвѣчаетъ:

„На повѣстку Вашего Благородія отъ 9 с. мѣсяца, за № 31, я уже далъ отвѣтъ того же числа и выслалъ черезъ кучера Глушскаго священника Василія".

Еще позднѣе, 10 мая, тому-же приставу, онъ пишетъ:

«На повѣстку отъ 10-го мая за № 37, поясняю, что ежели отвѣтъ мой на повѣстку отъ 8 мая за № 31 кажется Вамъ неудовлетворительнымъ, то Вы, *какъ слѣдователь*, можете составить акты и донести высшему начальству. Я-же не могу отвѣчать за

---

*) Вся соль неоднократнаго подчеркиванія словъ «въ день Св. Казимира, королевича польскаго», какъ видно изъ бумагъ Сенчиковскаго, заключалась въ томъ, что пристава онъ считалъ полякующимъ, тайно симпатизировавшимъ ксендзу Шабловскому.

вину, которую Вы сами, конечно, какъ чиновникъ, должны въ душѣ сознать, какая это вина. А другого отвѣта отъ меня не вымогайте, ибо я, какъ вѣрноподданный и по духовному моему сану, долженъ давать свидѣтельства справедливыя, а другихъ давать не могу. Что-же касается до того, будто-бы 4-го сего мая я не совершалъ молебствія о благоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, то Вы о семъ хорошо знаете, что я вполнѣ исполнилъ молебствіе и никто не можетъ и слова сказать противъ этого и лжесвидѣтельствовать, ибо, во время пѣнія благодарственнаго гимна «Тебя Бога хвалимъ", кс. Шабловскій стоялъ рядомъ со мною у великаго алтаря и пособлялъ пѣть, а его родной сестры сынъ, Іосифъ Милешкевичъ, на колокольнѣ, колоколилъ во всѣ колокола.—Слѣдовательно оправдаться мнѣ было-бы лишнимъ. Отвѣты-же мои по числамъ доказываютъ время, въ которое я отвѣчаю. Тысяцкій Журовинъ объявилъ, чтобы я выслалъ въ Пуховичи моего родственника. То ежели онъ Вашему Благородію нуженъ для чего либо, то прошу дать повѣстку, ибо, какъ грамотный, онъ можетъ отвѣчать на бумагѣ. А, какъ отданнаго подъ мое покровительство мальчика, я одного, безъ себя, не могу уволить въ мѣстечко».

Спрошенный позднѣе, 24 мая, кс. Сенчиковскій показалъ, по тому-же дѣлу, въ комиссіи (изъ жандармскаго маіора Попова и Игуменскаго уѣзднаго исправника Шишкина) слѣдующее:

„Показанія, 6-го мая мною данныя, *) я нынѣ подтверждаю съ добавленіемъ слѣдующаго: во время совершаемой кс. Шабловскимъ Св. литургіи 4 марта, я занятъ былъ слушаніемъ исповѣди, но, во время пѣнія такъ называемой супликаціи „Святый Боже", я пришелъ къ большому престолу и пособлялъ пѣть. По окончаніи этого набоженства, кс. Шабловскій поблагословилъ народъ Св. Дарами (въ Монстранціи), схоронилъ Св. Дары, подалъ народу цѣловать крестъ, послѣ чего отправился въ закристью. Молебствіе-же не было совершено. Въ прислугѣ-же, во время службы, находились Антонъ Кржижановскій и Феліціанъ Шишло. Іосифъ-же Милешкевичъ, сынъ родной сестры кс. Шабловскаго, не былъ въ прислугѣ 4-го марта, во время совершенія кс. Шабловскимъ службы. То, что Іосифъ Милешкевичъ не участвовалъ 4 марта въ прислугѣ костельной. подтвердилъ Антонъ Кржижановскій при свидѣтелѣ Василіи Кульчицкомъ, дьячкѣ Блонской православной церкви. О томъ, что не было совершено молебствія о благоденствіи Государя Императора 4-го марта, въ праздникъ Св. Казимира, Антонъ Кржижановскій говорилъ мнѣ, при дьячкѣ Кульчицкомъ, одинъ разъ, возвращаясь изъ двора Блонскаго, а въ другой—въ моей квартирѣ; сказалъ даже, что онъ, Антонъ, истины не могъ показать передъ становымъ при-

---

*) Приставу 2-го стана.

ставомъ потому, что иныя лица показываютъ ложно. И при семъ тоже былъ свидѣтель—дьячекъ Кульчицкій.

Прибывъ въ Блонь, я нашелъ, что молебствіе за Государя Императора было совершаемо не только послѣ Св. литургіи, но даже послѣ добавочнаго набоженства, въ то время, когда народъ уже выходитъ изъ костела и дѣлаетъ шумъ, такъ что не слышно словъ, исчисляющихъ Имена Царствующаго Дома. Я-же, какъ и сперва дѣлалъ, такъ и въ Блони хотѣлъ ввести, чтобы совершать молебствіе за Государя Императора тогда, когда еще не закрыты Св. Дары, т. е. передъ добавочнымъ набоженствомъ, ибо тогда народъ находится спокойно. Въ рубрицели-же ясно сказано, что молебствіе должно быть совершено послѣ Св. литургіи, но не сказано чтобы совершать молебствіе послѣ добавочнаго набоженства. Я-же, чтобы по моему обычаю не совершалъ молебствія, получилъ на то отъ кс. Шабловскаго записку, которая находится у Его Преосвященства архіерея Александра.

Прибывъ въ Блонь, я нашелъ обычай такого рода. Требуютъ ксендза къ больному, для исповѣди, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуютъ, чтобы взять 10-ь и болѣе частицъ Даровъ потому, что многіе желаютъ быть у исповѣди. Я два раза спрашивалъ про это у настоятеля, который отвѣтилъ, что надо исполнить желаніе прихожанъ. И дѣйствительно, я самъ ѣздилъ въ околицу Рѣпище два раза и въ околицу Высокая-Старина разъ, гдѣ въ избѣ слушалъ исповѣди, даже по 15-и лицъ здоровыхъ людей. По моему мнѣнію, это—совершенное возобновленіе домашнихъ каплицъ и удерживаніе народа подъ игомъ фанатизма. Обычай этотъ нашелъ я очень вреднымъ, потому, что онъ даетъ возможность поддерживать фанатизмъ и противодѣйствовать цѣлямъ Правительства. Личностей, которыя требовали меня въ вышеописанномъ случаѣ, можетъ указать органистъ, ибо онъ обыкновенно, какъ и въ этотъ разъ, приводилъ ко мнѣ лицъ, посланныхъ за мною отъ больного. Избу-же эту, въ которой слушаются исповѣди и причащаются больные (какъ выше сказано—здоровые) нужно, по обряду Церкви, освятить.

Имѣлъ я порученіе отъ кс. Шабловскаго, чтобы внушить народу изъ околицы Высокой-Старины, Французской—Гребли и Гомановки—собирать десятины. Эту записку я давалъ читать священникамъ Іоанну Русецкому и Матвѣю Кершешкому. Собираніе этихъ десятинъ уже уничтожено католическою Церковью; даже уже про него не печатаютъ во вновь изданныхъ молитвенникахъ для католиковъ на русскомъ языкѣ.

Имѣлъ я въ Блони два случая такого рода. Приходитъ одинъ женихъ къ исповѣди, передъ вѣнцомъ, и, на вопросъ мой—«Зачѣмъ ты пришелъ?»—я получаю отвѣтъ: «Главное то, что я женюсь на православной... Но, пожалуйста, дайте мнѣ разрѣшеніе моихъ грѣховъ, ибо я вынужденъ на ней жениться!..» При

томъ, онъ сказалъ мнѣ, что боится, что ксендзы не даютъ разрѣшенія, если кто женится на православной.

Другой, на исповѣди, говоритъ мнѣ, что онъ даже передъ вѣнцомъ не былъ на исповѣди, потому что женился на православной и боялся, чтобы ему не задержали разрѣшенія. Показать вышесказанныхъ лицъ я не могу, во 1-хъ, потому, что мнѣ они незнакомы, а, во 2-хъ, по іерейской моей клятвѣ я не могу ломить тайны исповѣди... Но, по совѣсти и іерейскому сану, я сказалъ истину.

О поддержаніи въ Блонскомъ приходѣ фанатизма и польскаго элемента могу сообщить слѣдующій фактъ. У Александра Чарневскаго (изъ деревни Гомановки) умерла мать, куда меня пригласили для похоронъ тѣла. Передъ выносомъ трупа я началъ записывать (черновую) метрику по-русски. Въ это время Янъ Варниковскій подошелъ къ столу, на которомъ я писалъ, и началъ мнѣ дѣлать наставленія въ такихъ словахъ: «На что ксендзъ пишетъ наши метрики по-русски? У насъ этого не было. На что ксендзу въ это мѣшаться?! У насъ еще не было ксендза-москаля» и проч.

Въ высокоторжественный день 19 февраля, когда не было кс. Шабловскаго дома, я требовалъ, чтобы органистъ колоколилъ утромъ рано для извѣщенія народа о высокоторжественномъ днѣ. Послѣ того требовалъ я, чтобы онъ колоколилъ послѣ богослуженія, такъ, какъ это дѣлается въ праздничные дни. Но органистъ сопротивлялся и отказывался, говоря, что викарный еще не настоятель, а потому не можетъ распоряжаться, ибо много колоколить это не католическій обычай, а русскій. Это передалъ мнѣ Фелиціанъ, *) мой родственникъ, и Антонъ Кржижановскій, которыхъ я посылалъ къ органисту, дабы онъ колоколилъ. Обычай-же колоколить такъ, какъ я требовалъ,—узаконенъ въ Р.-К. Церкви.

Въ субботу, 17 сего мая, дьячекъ Блонской православной церкви Василій Кульчицкій, проѣздомъ, былъ въ околицѣ Французская-Гребля и тамъ узналъ, что шляхта собирается въ имѣньи Лемно у помѣщика Дешидовича, гдѣ составляются акты въ пользу кс. Шабловскаго, т. е. собираются подписки прихожанъ для того, чтобы они заявили, кого желаютъ оставить настоятелемъ въ Блони, меня или кс. Шабловскаго. Подписки эти собиралъ кс. Шабловскій (ибо онъ самъ былъ въ Лемнѣ) потому, будто-бы, что епископъ Войткевичъ и г. губернаторъ этихъ подписокъ требуютъ. Такіе слухи разнесъ кс. Шабловскій. Дьячекъ самъ даже видѣлъ тòлпы народа, собиравшагося въ им. Лемно. Собирали-же народъ посредствомъ дозорцы съ околицы Французской-Гребли.

---

*) Пшило, упоминавшійся въ 1-й главѣ книги, мальчикъ.

Во время праздника Христовой Пасхи принесли въ мою квартиру новорожденнаго для окрещенія. При записаніи метрики, я спросилъ воспреемника, какого онъ вѣроисповѣданія?—Въ то время органистъ сказалъ: „На что про то спрашивать? У насъ этого не было и не можно, дабы православный былъ воспреемникомъ католическаго ребенка“. При семъ былъ свидѣтелемъ наставникъ Блонскаго народнаго училища Василевскій.

По приходу Блонскому, а именно въ околицѣ Французская-Гребля, нашелъ я книги, печатанныя въ іезуитскія времена, въ которыхъ были пѣсни—о сохраненіи польскаго королевства и плачъ надъ умирающимъ королевствомъ польскимъ. Я ихъ уничтожилъ, а два образчика представилъ—одинъ Его Преосвященству, г. епископу Александру, а другой г. Губернскому начальнику жандармовъ. Одинъ экземпляръ, помню, нашелъ я у Матвѣя Матусевича.

Кс. Шабловскій, выѣзжая въ приходъ передъ 19 февраля, даже и слова не сказалъ мнѣ, дабы я замѣнилъ его, ибо онъ имѣлъ совершить не только въ той мѣстности, но и въ окрестностяхъ, обрядъ, такъ называемый, „коленды“, на какую должность не только меня, но и предмѣстника моего кс. Станкевича, кс. Шабловскій никогда не высылалъ, ибо собираніе этой коленды составляетъ доходъ.

Кс. Шабловскій обыкновенно ѣздитъ для исполненія требъ только къ помѣщикамъ или посессорамъ; по приходу-же, къ шляхтичамъ, всегда ѣздитъ викарный. Можно про то спросить сказаннаго выше моего предмѣстника кс. Станкевича. Что-же касается до того, что я или кс. Шабловскій для шляхты исполняемъ требы, можно тоже спросить находящихся въ Блонскомъ р.-к. приходѣ православныхъ священниковъ — Пуховицкаго—Матвѣя Кершевскаго, Новосильскихъ—Ѳому и Іоанна Русецкихъ и Блонскаго—Хрисанѳа Минкевича, ибо сни часто видѣли меня въ приходѣ. Ксендзъ-же Шабловскій дѣйствительно выѣзжалъ очень часто, утромъ, вечеромъ и днемъ, даже иногда самъ, безъ кучера. Въ томъ можетъ посвидѣтельствовать тоже мѣстный Блонскій священникъ, который, живя въ сосѣдствѣ, освѣдомленъ объ этихъ выѣздахъ.

На заявленіе органиста (отъ 18 сего мѣсяца), честь имѣю пояснить, что Дукорской Петро-Павловской православной церкви священникъ просилъ Блонскаго священника разслѣдовать, дѣйствительно-ли нѣкоторыя личности, присоединившіяся къ православію, бываютъ на исповѣди по католическому обряду въ Блонскомъ костелѣ? Поэтому священникъ Блонскій, отмѣтивъ на запискѣ лица, уклоняющіяся отъ исповѣдыванія своей православной вѣры, просилъ моего содѣйствія. Вслѣдствіе чего, 13 мая, послѣ службы моей, въ закристьи, я приказалъ органисту Осиповичу подать мнѣ книгу или приходскіе списки, въ которыхъ

самъ-же органистъ пособилъ мнѣ отыскать. И, дѣйствительно. нашелъ я этихъ лицъ неисключенными изъ католиковъ Блонскихъ прихожанъ и даже поставленные знаки, что эти лица были у исповѣди. Я-же сказанную книгу сей-же часъ понесъ къ мѣстному священнику, и, въ присутствіи дьячка Кульчицкаго убѣдились, что православные были у исповѣди въ Блонскомъ, р.-к. костелѣ.

Вечеромъ-же я дѣйствительно нашелъ въ своей комнатѣ органиста Осиповича, который требовалъ отъ меня назадъ книги. Но мнѣ онѣ еще нужны были для пересмотрѣнія (нѣтъ-ли тамъ записанныхъ болѣе православныхъ). Въ то время органистъ сказалъ. что ему что-то дурно сдѣлалось и вышелъ изъ комнаты моей. Черезъ нѣсколько минутъ я послалъ моего родственника Феліціана, дабы узнать, не нужно-ли ему дать какія-либо пособія (такъ какъ у меня есть домашняя аптечка и многіе приходятъ, спрашивая пособіе). Органистъ сказалъ, что ему ничего ненужно. Послѣ того я съ моимъ родственникомъ, пользуясь хорошей погодою, цѣлый вечеръ сидѣли на крыльцѣ. Между тѣмъ, до половины 12-го часа ночи, прибѣжала къ крыльцу жена органиста и серіозно требовала, дабы я непремѣнно ей отдалъ книгу, взятую мною въ костелѣ, ибо ея мужъ потому нездоровъ, что какъ пріѣдетъ настоятель, то будетъ на него недоволенъ. Я-же на это возразилъ: „Я тебѣ книги не дамъ. Ибо это не твое дѣло“. И, болѣе, ничего не говоря, отправился въ свою комнату.

Передъ органистомъ тоже я даже и слова не говорилъ про становаго и начальство.

Что-же касается до болѣзни жены органиста, то мнѣ это совершенно неизвѣстно.

Что-же касается до находящихся у меня ружья и шпаги, то первое оставлено было у меня землемѣромъ г. Бринкеномъ, который не хотѣлъ нести его по причинѣ влажной погоды; на другой-же день прислалъ за нимъ, но я былъ въ приходѣ, для исполненія требъ, а потому это ружье пролежало у меня нѣсколько дней. Шпага-же куплена мною у чиновницы Максимовой съ публичнаго торга. Шпага эта была оцѣнена въ 25 коп.; я-же, шутя, набавилъ 5-ть копѣекъ, и она за мною осталась. Ксендзъ Фердинандъ Сенчиковскій“.—

Для характеристики этого дѣла, надо замѣтить, что оно началось по донесенію на имя Игуменскаго исправника Пуховическаго тысяцкаго (помимо Сенчиковскаго)—о томъ, что кс. Шабловскій 4 марта не совершилъ благодарственное молебствіе о благоденствіи Государя Императора и Августѣйшаго Дома, вопреки существующему порядку; что показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей дышатъ явною злобою противъ кс. Сенчиковскаго, тайнымъ сочувствіемъ къ ксендзу Шабловскому и желаніемъ

набросить на Сенчиковскаго хоть какую нибудь тѣнь (въ родѣ показанія о ружьѣ и шпагѣ).

Вѣроятно къ тому же становому приставу относится и слѣдующая замѣтка каноника Сенчиковскаго, сдѣланная для меня, въ одномъ изъ писемъ его ко мнѣ изъ Омска, когда я коснулся личности Минскаго вице-губернатора И. А. Никотина.

„Иванъ Акимовичъ Никотинъ", пишетъ мнѣ Сенчиковскій: «это—бывшій при гр. Муравьевѣ въ Вильнѣ, а потомъ въ Минскѣ вице-губернаторомъ. Когда становаго пристава въ селѣ Блони, гдѣ я былъ настоятелемъ, подкупили и онъ сдѣлалъ на меня доносъ, будто-бы я, употребляя русскій языкъ, совращаю православныхъ и привлекаю ихъ въ костелъ, то Иванъ Акимовичъ, исполнявшій тогда должность губернатора, секретно запросилъ архіерея Александра, а тотъ—окрестныхъ священниковъ, между ними ближайшихъ къ Блони священниковъ Ѳому и Іоанна Русецкихъ. Когда-же священники эти удостовѣрили, что я, напротивъ, католиковъ отвлекаю отъ польщизны, и когда объ этомъ архіерей сообщилъ Никотину, то онъ «пана ассесора» (пристава) уволилъ по третьему пункту."

Продолженіе того-же дѣла о кс. Шабловскомъ я нашелъ случайно въ канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора *).

Приводимъ изъ этого новаго дѣла болѣе характерные документы.

Самое дѣло начинается слѣдующимъ донесеніемъ и. д. Минскаго губернатора, вице-губернатора Никотина, Главному начальнику С.-З. края Потапову (отъ 14 іюля 1869 г. № 954):

„Во исполненіе секретнаго предложенія отъ 30 іюня за № 117, имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, что, по имѣющимся въ канцеляріи начальника губерніи свѣдѣніямъ о настоятелѣ Блонскаго костела (Игуменскаго уѣзда) ксендзѣ Шабловскомъ начальникомъ губерніи предложено было мѣстному исправнику обратить на Шабловскаго особое вниманіе. Затѣмъ, Игуменскій исправникъ донесъ начальнику губерніи, что 4-го марта, въ день св. Казимира, кс. Шабловскій не совершилъ молебствія за здравіе Государя Императора и всего Царствующаго Дома. Вслѣдствіе этого начальникомъ губерніи предписано было Игуменскому исправнику произвести по этому дѣлу строгое дознаніе. Дознаніе это г. исправникъ, отвлеченный засѣданіемъ въ комиссіи, которой онъ былъ членомъ, поручилъ приставу 1-го стана. Тогда начальникомъ губерніи предписано было пріостановить дознаніе и, по окончаніи засѣда-

*) Дѣло канцеляріи Вил. ген.-губернатора 1869 г. № 118 (по 3-му отдѣл.), подъ заглавіемъ «О смѣщеніи кс. Шабловскаго съ Блонскаго прихода и назначеніи на его мѣсто кс. Сенчиковскаго».

нія комиссіи, произвести его г. исправнику лично, съ жандармскимъ офицеромъ, особо для сего командированнымъ и. д. начальника Губ. Жандармс. Управленія. Дознаніемъ хотя и не обнаружено, что кс. Шабловскій не совершилъ молебствія, но тѣмъ не менѣе видно, что Шабловскій—фанатикъ и имѣетъ вредное вліяніе на своихъ прихожанъ, о чемъ начальникъ губерніи имѣлъ честь донести В. В—ву 26 прошедшаго мая за № 735.

Ксендзъ-же Сенчиковскій—молодой человѣкъ, преданный Правительству, считаетъ себя русскимъ католическаго исповѣданія, и потому не сходится въ убѣжденіяхъ съ кс. Шабловскимъ. А такъ какъ Сенчиковскій—викарный, слѣдовательно находится въ зависимости отъ своего настоятеля, то Шабловскому представляется множество случаевъ притѣснять отца Фердинанда.

Но такъ какъ изъ дѣлъ канцеляріи Губернатора видно, что судебнымъ слѣдователемъ Игуменскаго уѣзда, по предложенію бывшаго губернатора ген.-маіора Шелгунова отъ 12 августа 1866 г. за № 10057, производится слѣдственное дѣло объ окрещеніи кс. Шабловскимъ младенца крестьянки православнаго исповѣданія, то начальникъ губерніи, предварительно представленія дознанія на благоусмотрѣніе Вашего Высо—ва, предписалъ судебному слѣдователю донести, въ какомъ положеніи находится означенное дѣло. Получивъ нынѣ рапортъ судебнаго слѣдователя, имѣю честь представить копію онаго вмѣстѣ съ дознаніемъ по происшествію 4 марта на благоусмотрѣніе В. Высоко—ва, при чемъ долгомъ считаю присовокупить, что объясненіе Шабловскаго, что онъ не совершилъ полнаго обряда крещенія, есть только свойственная ксендзамъ уловка, такъ какъ по р.-к. обряду ксендзъ при крещеніи обливаетъ младенца только водою; обрядъ-же миропомазанія предоставленъ епископской власти. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, если даже дать вѣру объясненію Шабловскаго, то и тогда онъ долженъ подлежать законной отвѣтственности.

Независимо отъ этого я долгомъ считаю препроводить при этомъ копію докладной записки кс. Сенчиковскаго и проповѣдь, произнесенную имъ въ праздникъ Св. Апостоловъ Петра и Павла.

Имѣя отъ мѣстнаго исправника и г. испр. долж. нач. Минск. губ. жанд. управленія самые лестные отзывы о кс. Сенчиковскомъ, я полагалъ-бы его достойнымъ получить мѣсто настоятеля, тѣмъ болѣе, что онъ уже 9 лѣтъ какъ рукоположенъ въ священническій санъ; но такъ какъ кс. Сенчиковскій настоящею, антипольскою дѣятельностью своею вооружилъ противъ себя католическое духовенство, то безъ содѣйствія Вашего Высоко—ва онъ никогда не получитъ повышенія. Особенно было-бы полезно назначить его настоятелемъ именно въ Блонскій костелъ: такъ какъ его несогласіе съ кс. Шабловскимъ, который распускаетъ слухи,

что онъ выживетъ Сенчиковскаго изъ прихода, извѣстно всѣмъ прихожанамъ, то мѣра эта принесла-бы большую пользу. Что-же касается до кс. Шабловскаго, то я полагалъ-бы удалить его вовсе отъ должности, какъ человѣка вреднаго и основывающаго свое вліяніе на фанатизмѣ и приверженствѣ къ польской партіи. Вышеизложенное мнѣніе мое раздѣляетъ и г. начальникъ губерніи, который во время послѣдней своей поѣздки на ревизію Бобруйскаго и Игуменскаго уѣздовъ, заѣзжалъ въ Блонь и говорилъ съ кс. Сенчиковскимъ, который просилъ у нач—ка губерніи защиты отъ притѣсненій кс. Шабловскаго".

Представляя все это на благоусмотрѣніе ген. Потапова, Никотинъ просилъ у него, въ отвѣтъ, „почтить начальника губерніи увѣдомленіемъ".

Потаповъ положилъ на этомъ донесеніи резолюцію:

«Сообщить г. Минскому губернатору объ удаленіи настоятеля Шабловскаго и о назначеніи на его мѣсто кс. Сенчиковскаго».

Такъ и было сдѣлано.

Несомнѣнно, что одной изъ основъ донесенія Никотина № 954 была докладная записка кс. Сенчиковскаго, поданная Минскому губернатору 6 іюля 1869 г., и хранящаяся въ дѣлѣ губернаторской канцеляріи, съ представленіемъ вышеприведенной уже проповѣди.

Въ запискѣ этой Сенчиковскій, между прочимъ, пишетъ:

«Поступивъ 24 декабря 1868 г. на должность Блонскаго викарнаго, я старался исполнять пасторскія свои обязанности согласно съ цѣлью Правительства, касательно введенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ русскаго элемента, въ самомъ близкомъ значеніи этого слова. Но кс. Шабловскій, настоятель Блонскаго прихода, всевозможными мѣрами препятствуетъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Достаточно указать на два факта: 1-й, въ праздничные и воскресные дни не дозволяетъ мнѣ служить приходской литургіи или такъ называемой «суммы» за прихожанъ, а также совершать прихожанамъ христіанскія требы; 2-й, во время проповѣди, произнесенной мною на русскомъ языкѣ, кс. Шабловскій приказалъ колоколить во всѣ колокола, а во время служенія мною молебствія за Государя Императора, тоже на русскомъ языкѣ, велѣлъ гасить свѣчи, а потому народъ не могъ слышать проповѣди, а я совершилъ молебствіе при погашенныхъ свѣчахъ. Это и тому подобное заставило меня просить Ваше Пре-во—о предоставленіи мнѣ права, гдѣ-бы ни было, лишь-бы только безпрепятственно дѣйствовать согласно цѣли Правительства, которому я душевно желаю на дѣлѣ быть полезнымъ».

И. А. Никотинъ сыгралъ на столько важную роль при пер-

выхъ шагахъ молодого Сенчиковскаго по пути обрусенія католицизма, что мы приведемъ еще отзывъ о немъ покойнаго *).

„Иванъ Акимовичъ Никотинъ", поясняетъ мнѣ Сенчиковскій въ письмѣ отъ 29 сент. 1900 г. по поводу одного документа: - „именно тотъ самый, который при Муравьевѣ былъ правителемъ канцеляріи, а, затѣмъ, при Кауфманѣ, Минскимъ вице-губернаторомъ (а по смерти губернатора нѣкоторое время исполнялъ должность Минскаго губернатора). Но Потаповъ съѣлъ Никотина. А это былъ истинно-русскій человѣкъ и много мнѣ сдѣлалъ добра...

Вотъ одинъ изъ фактовъ его поддержки, оказанной мнѣ въ 1869 году. Весною я узналъ, что мѣстный становой приставъ (я былъ тогда настоятелемъ въ селѣ Блонь, имѣньи Бончъ-Осмоловскаго, на самой границѣ имѣнья Макова) составилъ протоколъ и передалъ судебному слѣдователю, для производства обо мнѣ уголовнаго дѣла о растлѣніи и изнасилованіи дѣвицы, отъ чего она и родила ребенка. Какъ мнѣ до начала слѣдствія разсказалъ судебный слѣдователь, становой писалъ въ протоколѣ, что ребенокъ этотъ родился отъ меня и отъ моего воспитанника 14-лѣтняго мальчика, который вмѣстѣ со мной и на одной кровати..... эту дѣвку.—Тогда я изъ Блони поѣхалъ въ Минскъ (за 70 в.) и, лично разсказавъ Никотину все это, просилъ прислать кого либо изъ Минска, для производства слѣдствія совмѣстно съ судебнымъ слѣдователемъ. Никотинъ поручилъ это дѣло Игуменскому исправнику Шишкину. И что-же нашли судебный слѣдователь и исправникъ?—Оказалось, во 1-хъ, что я прибылъ въ Блонь 24 декабря 1868 года, а ребенокъ у дѣвки родился въ апрѣлѣ 1869 г. и въ маѣ 1869 года, на слѣдствіи, ребенокъ былъ совершенно здоровъ и, по заключенію врача, родился своевременно. Во 2-хъ, оказалось, что у этой невинной дѣвицы уже четвертый ребенокъ и всѣ четверо живы и здоровы. Въ 3-хъ, множество свидѣтелей показало, что эта дѣвка публично-распутнаго поведенія, да, вдобавокъ еще, и съ бѣльмомъ на глазу и этотъ глазъ - громадный; при томъ вся изрыта оспою; что ей отъ роду лѣтъ 30-ь. И вотъ этакая невинная красавица привлекла къ себѣ меня и моего воспитанника!.. Когда все это исправникъ сооб-

---

*) Изъ бумагъ С-го, находящихся у А. В. Ж-ча.

Вотъ краткія біографическія данныя о Никотинѣ.

Родился въ 1824 г. Въ 1863 г. былъ прикомандированъ къ управленію Главнаго Начальника Сѣверо-Западнаго края, для исполненія его порученій, а съ 1 іюля 1864 г. назначенъ управляющимъ особой его канцеляріей (затѣмъ, съ декабря того-же года, помощникомъ правителя канцеляріи генералъ-губернатора, оставаясь на той-же должности). Съ 1868 г. былъ Минскимъ вице губернаторомъ. Въ 1870 г. перешелъ на должность управляющаго Люблинской Контрольной Палатой. Умеръ 4 апрѣля 1890 г. на должности управляющаго Минской Контр. Палатой. Никотинъ издалъ два тома сочиненія «Столѣтній періодъ (1772—1872 г.) русскихъ законодательствъ въ возсоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ». Ему-же принадлежатъ мемуары, о которыхъ мы упоминали, и только часть которыхъ напечатана.

щилъ Никотину, съ прибавленіемъ, что дѣвка на слѣдствіи созналась въ томъ, что два сосѣдніе мелкопомѣстные пана подговорили ее, а становой что-то у нихъ писалъ (а что—она не знаетъ), тогда Никотинъ этого станового уволилъ отъ должности по третьему пункту, о чемъ меня увѣдомилъ исправникъ Шишкинъ. Злоба-же пановъ была на меня за то, что я, со дня пріѣзда моего въ Блонь на должность викарнаго, говорилъ поученья и проповѣди, и совершалъ молебенъ за Царствующій Домъ на языкѣ русскомъ; настоятель-же костела кс. Шабловскій былъ ярый фанатикъ-полякъ. При мнѣ онъ былъ настоятелемъ только два съ половиною мѣсяца, ибо Никотинъ сослалъ его въ монастырь, а меня назначилъ въ Блонь настоятелемъ. Вотъ за что хотѣли меня погубить. Становой-же, за хорошую взятку, такъ поусердствовалъ, что вышла явная нелѣпость. Удивительное стеченіе обстоятельствъ: вѣдь объ этомъ-же ксендзѣ Шабловскомъ, въ своихъ письмахъ ко мнѣ, много говоритъ и Яворскій, котораго старался тоже погубить Шабловскій»!» *).

Къ этому времени исключительная дѣятельность кс. Сенчиковскаго начинаетъ обращать уже на себя вниманіе не только мѣстнаго общества и властей, но и печати.—

Такъ, въ № 70 «Виленскаго Вѣстника» за 1869 годъ появляется статья подъ заглавіемъ „Письмо изъ Игумена, Минской губерніи“.

Въ статьѣ сообщалось **):

„Къ числу р.-к. пастырей, начавшихъ въ разныхъ мѣстахъ Сѣверо-Западнаго края совершать въ костелахъ молебствія и нѣкоторые обряды надъ мірянами на русскомъ языкѣ, присоединяется у насъ еще одинъ священникъ, глубоко и искренно проникнутый сознаніемъ важности и благотворности этого дѣла. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что викарный ксендзъ Блонскаго костела, находящагося въ Игуменскомъ уѣздѣ, Фердинандъ Сенчиковскій, по полученіи извѣстія о рожденіи Великаго Князя, 8-го сего іюня, совершилъ по случаю этого радостнаго событія благодарственное молебствіе на русскомъ языкѣ въ придѣльномъ алтарѣ костела. Кромѣ того, онъ окрестилъ нѣсколько католическихъ дѣтей съ произнесеніемъ воспріемниками молитвъ и требующихся по требнику отвѣтовъ, вмѣсто польскаго, на русскомъ языкѣ, а также и молитву предъ причастіемъ вслухъ всего народа произносилъ также на русскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, такое поведеніе почтеннаго отца Фердинанда, рѣшившагося не смѣшивать святого дѣла религіи съ дѣломъ польщизны,

*) Интересныя письма кс. Яворскаго къ Сенчиковскому мы приведемъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ, въ своемъ мѣстѣ.—

**) Беремъ статью изъ дѣла канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1869—71 г. № 66 (3-е отдѣл.) подъ заглавіемъ «О ксендзахъ, служившихъ молебствіе и дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ».

не понравилось одному лицу, по распоряженію котораго онъ болѣе мѣсяца уже устраняется отъ служенія на главномъ престолѣ: ему дозволяется только служить на придѣльномъ алтарѣ раннія *читанныя мши*, равнымъ образомъ не дозволяется ему говорить проповѣдей—изъ опасенія, чтобы онъ предъ проповѣдью не прочиталъ народу Евангеліе на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, кс. Сенчиковскій, уставомъ подчиненный старшему ксендзу, лишается возможности вводить постепенно русскій языкъ и въ другія части дополнительнаго богослуженія, имѣя къ тому совершенную добрую волю. Мѣстные православные священники, съ которыми мнѣ случалось бесѣдовать, отзываются о кс. Сенчиковскомъ, какъ о человѣкѣ энергическомъ и сознательно преданномъ дѣлу: еще со времени пріѣзда своего на приходъ въ концѣ прошедшаго года, онъ уже употреблялъ и постоянно съ тѣхъ поръ употребляетъ въ разговорѣ съ домашними только русскій языкъ. Мелкая католическая шляхта, которой много живетъ въ окрестности Блони, хотя и смотритъ пока на дѣйствія отца Фердинанда нѣсколько недовѣрчиво, но она, разумѣется, очень скоро и легко можетъ свыкнуться съ русскимъ языкомъ въ молитвахъ и при совершеніи обрядовъ, если не будутъ тому противодѣйствовать нѣкоторыя темныя силы. Желательно, чтобы кс. Сенчиковскій былъ назначенъ законоучителемъ р.-к. исповѣданія въ мѣстное народное училище, такъ какъ шляхта, какъ слышно, хотѣла-бы учить своихъ дѣтей по-русски, но опасается отдавать ихъ въ народную школу потому, что тамъ нѣтъ р.-к. законоучителя".

По докладѣ ему этой корреспонденціи, ген. Потаповъ (30 іюня 1869 г., за № 117) запросилъ Минскаго губернатора Касинова, по содержанію послѣдней, а также о томъ, почему ему, генералъ-губернатору, не было донесено о Сенчиковскомъ своевременно? *)

Когда же, затѣмъ, въ № 175 Катковскихъ «Московскихъ Вѣдомостей» того-же 1869 года появилась о кс. Сенчиковскомъ новая статья, еще болѣе хвалебная, то Потаповъ (14 авг., за № 11,347) запрашиваетъ Минскаго губернатора въ такой формѣ:

«Въ № 175 „Московскихъ Вѣдомостей", вслѣдъ за передовою статьею, напечатана корреспонденція изъ г. Игумена о богослуженіи, совершенномъ на русскомъ языкѣ кс. Сенчиковскимъ въ день тезоименитства Государыни Императрицы и о неблаговидномъ поступкѣ, оказанномъ, при этомъ, органистомъ Шташинскимъ, а также о противодѣйствіи къ употребленію русскаго языка въ р.-к. богослуженіи со стороны кс. Лавцевича.

Не имѣя объ этомъ никакихъ свѣдѣній, я покорнѣйше прошу Ваше Пре—во увѣдомить меня, что̀ послужило поводомъ къ

*) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1869 г. № 118. Касиновъ былъ Минскимъ губернаторомъ съ 1868 по 1869 годъ.

означенному печатному заявленію и, если таковое справедливо, то почему не было Вами мнѣ о томъ представлено?».

Надо замѣтить, что тревога Потапова по поводу корреспонденціи «Московскихъ Вѣдомостей» объясняется страхомъ, который въ тѣ дни внушали и Катковъ, и его газета, зорко слѣдившіе, черезъ Виленскихъ корреспондентовъ, за тѣмъ, что дѣлалось въ С.-З. краѣ, къ голосу которыхъ прислушивались не въ одной провинціи, но и въ высшихъ сферахъ С.-Петербурга.

Съ назначеніемъ Потапова въ Вильну и съ выясненіемъ политической его физіономіи, все чаще и чаще въ разныхъ столичныхъ газетахъ стали появляться обличительныя статьи изъ С. З. края анонимныхъ авторовъ, несомнѣнно, русскихъ людей, возмущенныхъ курсомъ новой политики въ краѣ.

Покойный С. В. Шолковичъ, передавая мнѣ, въ увлекательномъ изложеніи, про тяжелыя, мрачныя для русскаго дѣла, времена «Потаповщины», особенно подробно останавливался на приниженномъ, почти рабскомъ положеніи, тогдашней мѣстной печати при Потаповѣ, и на тѣхъ усиліяхъ, которыя принималъ — по части разоблаченія газетныхъ анонимовъ, ихъ преслѣдованія и искорененія—Виленскій генералъ-губернаторъ.

По отношенію-же къ Сенчиковскому, открыто дѣйствовавшему въ интересахъ Правительства и русскаго дѣла, Потапову, конечно, приходилось быть еще осторожнѣе, чтобы не выказать себя явнымъ другомъ Польши, врагомъ Муравьева и гонителемъ его сотрудниковъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ Батюшкова, къ тому времени, у Сенчиковскаго было уже много защитниковъ, а въ ихъ рядахъ такія личности, какъ Минскіе епископъ Александръ, вице-губернаторъ Никотинъ и др.

На запросъ Потапова, по поводу упоминаемой корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей“, отвѣтилъ ему И. А. Никотинъ (27 авг. 1869 г., за № 1036) *) слѣдующее:

«Во исполненіе предложенія отъ 14 августа за № 11347, имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Высо — ва, что 27 прошедшаго іюля кс. Сенчиковскій, прибылъ изъ м. Блони въ г. Игуменъ къ исправнику съ жалобою на администратора Блонскаго костела кс. Шабловскаго въ томъ, что онъ не допускаетъ его въ воскресные и праздничные дни совершать въ костелѣ литургію. Вслѣдствіе чего исправникъ обратился къ Игуменскому декану кс. Лавцевичу съ просьбою—вникнуть въ положеніе Сенчиковскаго, и такъ какъ, по увѣренію Сенчиковскаго, онъ давно уже не имѣлъ случая совершать позднюю обѣдню, то просилъ декана, нельзя-ли дозволить ему совершить таковую

*) Тамъ-же.

въ Игуменскомъ костелѣ. Но ходатайство исправника не было уважено, и кс. Лавцевичъ дозволилъ Сенчиковскому отслужить только раннюю обѣдню, на которой Сенчиковскій прочелъ на русскомъ языкѣ Апостолъ, Евангеліе и сказалъ проповѣдь, по окончаніи-же обѣдни отслужилъ на русскомъ языкѣ молебенъ о здравіи и благоденствіи Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Царствующаго Дома.

Во все время Богослуженія порядокъ въ костелѣ никѣмъ изъ прихожанъ нарушаемъ не былъ; но, во время молебствія, органистъ Пташинскій ушелъ съ хоръ, и кс. Сенчиковскій отслужилъ молебенъ безъ должнаго пѣнія и игры на органѣ.

Призванный послѣ обѣдни къ исправнику, Пташинскій отвѣчалъ, что не зналъ о намѣреніи Сенчиковскаго служить молебенъ и потому ушелъ съ хоръ. Оправданіе это не заслуживаетъ никакого уваженія, потому, что, по словамъ кс. Сенчиковскаго, онъ еще до обѣдни сказалъ исправнику, что заявилъ Пташинскому о своемъ намѣреніи служить молебствіе. Кромѣ этого, органистъ явился къ исправнику въ траурномъ костюмѣ, не имѣя на ношеніе онаго установленнаго разрѣшенія.

Представляя объ этомъ на благоусмотрѣніе Вашего Высоко—ва, я полагалъ-бы необходимымъ органисту Пташинскому воспретить продолжать занятія органиста и отдать его подъ строгій надзоръ полиціи, за ношеніе-же имъ безъ установленнаго разрѣшенія траура, подвергнуть денежному взысканію въ размѣрѣ десяти рублей.

При семъ долгомъ считаю доложить В. В-ву, что деканъ Лавцевичъ, отказавъ въ просьбѣ исправнику—о дозволеніи Сенчиковскому отслужить позднюю обѣдню (сумму), прибавилъ, что самъ онъ, не зная русскаго языка, не можетъ употреблять его и при богослуженіи, и что, при преклонныхъ лѣтахъ, ему уже невозможно выучиться этому языку, а потому и наводитъ сомнѣніе, что отказъ произошелъ единственно потому, чтобы не допустить при большомъ стеченіи народа ксендзу Сенчиковскому произнести проповѣдь на русскомъ языкѣ. Но такъ какъ въ обязанность декана входитъ непремѣннымъ условіемъ знаніе русскаго языка, для передачи распоряженій Правительства и яснаго пониманія ихъ, то, помимо явной преданности его польской пропагандѣ, въ чемъ, какъ доноситъ исправникъ, онъ успѣлъ убѣдиться, Лавцевичъ, по незнаніи русскаго языка, не можетъ оставаться въ должности декана а, потому я полагалъ-бы необходимымъ удалить его и назначить другого.

По донесеніямъ Игуменскаго исправника и и. д. Начальника Минскаго губ. Жанд. Управленія, кс. Сенчиковскій 6-го сего августа, въ день Преображенія Господня, въ Березинскомъ костелѣ, съ согласія мѣстнаго администратора кс. Войновскаго, совершилъ литургію съ чтеніемъ Апостола и Евангелія и от-

служилъ молебенъ о благоденствіи Государя Императора и всего Царст. Дома съ пѣніемъ гимна «Тебѣ Бога хвалимъ и подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице» также на русскомъ языкѣ. Во время богослуженія произнесена проповѣдь, сказанная имъ 29 іюня въ Блонскомъ костелѣ, копія которой мною представлена Вашему Высокопре-ву при донесеніи отъ 14 іюля, за № 954. При чемъ прихожане, собравшіеся въ большомъ числѣ по случаю храмового праздника, съ видимымъ вниманіемъ тѣснились къ алтарю, чтобы яснѣе слышать раздающуюся въ первый разъ въ Березинскомъ костелѣ русскую рѣчь.

По окончаніи литургіи кс. Сенчиковскій, приглашенный благочиннымъ, отцомъ Постарнацкимъ, отправился въ мѣстную православную церковь, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ, съ колѣнопреклоненіемъ передъ престоломъ, пропѣлъ молитву къ Пресвятой Богородицѣ.

Впечатлѣніе, произведенное кс. Сенчиковскимъ на прихожанъ Березинскаго костела, было парализовано умышленнымъ поступкомъ мѣстныхъ викарныхъ ксендзовъ, Піонтковскаго и Томковича. По окончаніи Сенчиковскимъ литургіи, Піонтковскій поспѣшилъ подойти къ алтарю и весьма громко, на польскомъ языкѣ, запѣлъ акафистъ Божьей Матери. При объясненіи по этому поводу съ исправникомъ, въ присутствіи администратора, онъ утверждалъ, что церковно-дѣйствіе это требуется ихъ религіознымъ обрядомъ, но, оспоренный Сенчиковскимъ, объяснилъ, что акафистъ этотъ былъ ему заказанъ однимъ изъ прихожанъ, но кѣмъ именно—указать не могъ.

Въ тотъ-же день, вечеромъ, по отъѣздѣ Сенчиковскаго, въ Березинскомъ костелѣ начался звонъ; пришелъ кс. Піонтковскій, облачился и, взявъ большую книгу, сѣлъ, поджидая собиравшійся народъ. Когда костелъ наполнился и Піонтковскій убѣдился, что кромѣ окрестныхъ жителей никого нѣтъ въ костелѣ, то вышелъ черезъ ризницу изъ костела въ полномъ облаченіи, съ книгою въ рукахъ, обошелъ костелъ кругомъ, читая про себя какія-то молитвы; послѣ чего подошелъ къ алтарю и вмѣстѣ съ кс. Томковскимъ отслужилъ на польскомъ языкѣ акафистъ, произнося особенно громко слова *«крулёва польска и крулёва ойчизны нашей»*, при чемъ весь народъ стоялъ на колѣняхъ. Послѣ этого ксендзы пустили въ народѣ слухъ, что освящали костелъ отъ русскаго служенія Сенчиковскаго.

Доводя о вышеизложенномъ до свѣдѣнія В. В—ва, я полагалъ-бы необходимымъ — удалить отъ должностей викарныхъ Піонтковскаго и Томковича, и назначить вновь одного, тѣмъ болѣе, что при Березинскомъ костелѣ присутствіе двухъ викарныхъ при настоятелѣ - совершенно излишнее; при чемъ долгомъ считаю присовокупить, что кс. Піонтковскій — іеромонахъ Бенедиктинскаго ордена, пользуется большимъ вліяніемъ на прихо-

жанъ и своего администратора, человѣка очень слабаго, и потому весьма вреденъ.

Независимо этого, имѣю честь донести В. В—ву, что вслѣдствіе предложенія Вашего отъ 28, іюля за № 136, я входилъ въ сношеніе съ управляющимъ Виленскою епархіей—объ удаленіи отъ должности кс. Шабловскаго и о назначеніи настоятелемъ Сенчиковскаго. Послѣ двухъ настояній прелатъ Жилинскій увѣдомилъ Губернатора, что имъ сдѣлано распоряженіе объ удаленіи Шабловскаго съ прикомандированіемъ къ Минскому Троицкому костелу; о назначеніи-же Сенчиковскаго ничего не упоминаетъ. На основаніи циркуляровъ 24 іюня 1864 года за № 62 и 7 февраля 1868 года за № 25, назначеніе, увольненіе и перемѣщеніе ксендзовъ зависитъ отъ епархіальнаго начальства по соглашенію съ начальникомъ губерніи. Въ настоящемъ-же случаѣ прелатъ Жилинскій назначилъ кс. Шабловскаго къ Минскому Троицкому костелу, вопреки вышеуказаннымъ циркулярамъ, безъ согласія начальника губерніи. А потому вмѣстѣ съ симъ я опять просилъ прелата Жилинскаго, не признаетъ-ли онъ возможнымъ сдѣлать распоряженіе о назначеніи Сенчиковскаго настоятелемъ костела на мѣсто Шабловскаго, на что изъявлено и согласіе Вашего Высокопре—ва».

На этомъ донесеніи ген.-ад. Потаповъ положилъ резолюцію: «О назначеніи Сенчиковскаго настоятелемъ и объ удаленіи Шабловскаго потребовать объясненія отъ управляющаго епархіей по общей канцеляріи». Шабловскего перевели въ Минскъ, поближе къ надзирающей за нимъ губернской администраціи.

Какъ-бы въ дополненіе къ донесенію своему № 1036, Никотинъ (1 сент. 1869 г. № 1050) *) довелъ до свѣдѣнія Потапова: «Прикомандированный управляющимъ Виленской р.-к. епархіей къ Минскому Троицкому костелу кс. *Шабловскій*, молодой человѣкъ и фанатикъ; 28 августа онъ, въ моемъ присутствіи, приводилъ въ Губернскомъ Правленіи прусско-подданнаго къ присягѣ на подданство Россіи. Я ему далъ присяжный, четко переписанный по-русски, листъ. Оказалось, что онъ по-русски весьма плохо читаетъ, съ постоянными запинками, ошибками, такъ что присягавшій поправлялъ его».

Понятно, что подобная литературная характеристика, сдѣланная Никотинымъ, осталась безъ всякой резолюціи.

Чтобы покончить съ вопросомъ о положеніи Сенчиковскаго въ Блони, мы должны нѣсколько забѣжать впередъ, упомянувъ,

*) Тамъ-же.

что въ 1870 г. кс. Томкевичъ, пользуясь временнымъ отсутствіемъ Сенчиковскаго, находившагося въ служебной командировкѣ по Минской губерніи, возмутилъ противъ него и русскаго языка Блонскихъ прихожанъ, доведя ихъ до грубыхъ, неприличныхъ демонстрацій въ костелѣ.

Объ этой исторіи будетъ нами разсказано впослѣдствіи подробно, на основаніи подлинныхъ документовъ дѣла канцеляріи Минскаго губернатора.

А пока воспользуемся другимъ дѣломъ той-же канцеляріи, гдѣ приведены интересныя данныя какъ о состояніи р.-к. Блонскаго прихода того времени такъ и о самомъ кс. Сенчиковскомъ.

Положивъ столько трудовъ на располяченіе католицизма въ Блонскомъ костелѣ, Сенчиковскій, конечно, не желалъ, чтобы дѣло его было испорчено съ его уходомъ.

Исторія-же съ ксендзомъ Томкевичемъ показала ему, во что обратится обрусившійся приходъ, когда его тамъ не будетъ.

И вотъ онъ поднимаетъ вопросъ о совершенномъ закрытіи Блонскаго костела, чтобы спасти мѣстное населеніе отъ вліянія польско-іезуитской пропаганды. —

Въ подобныхъ соображеніяхъ 14 апрѣля 1870 г. (за № 101) Сенчиковскій подаетъ Минскому губернатору Токареву *) записку» такого содержанія **).

«Пробывъ нѣкоторое время настоятелемъ Блонской католической церкви, я успѣлъ достаточно ознакомиться съ состояніемъ этого прихода и считаю необходимымъ доложить Вашему Пре—ву слѣдующее:

1) Численность прихожанъ Блонской католической церкви до того незначительна, что въ м. Блони только два дома католиковъ и во всемъ приходѣ прихожанъ-католиковъ очень мало изъ мѣстныхъ жителей. Весь-же приходъ составляетъ шляхта, временно-арендующая помѣщичьи земли. Но и та, вслѣдствіе повышенія помѣщиками цѣны на арендуемую землю, мало-по-малу перемѣщается въ болѣе выгодныя мѣста другихъ уѣздовъ и даже губерній. Помѣщиковъ въ Блонскомъ приходѣ также очень мало; мѣста ихъ занимаютъ люди, бывшіе прежде въ должности экономовъ, управляющихъ, досмотрщиковъ и даже лакеевъ. Это также народъ кочующій.

2) Почти весь Блонскій приходъ расположенъ за рѣкою, которая затрудняетъ проѣздъ въ Блонь, а во время разлива положительно невозможно переправиться прихожанамъ, а тѣмъ болѣе настоятелю — въ приходъ. Прихожане, пользуясь близкимъ

---

*) Токаревъ былъ Минскимъ губернаторомъ съ 1869 по 1875 г.

**) Дѣло канц. Минскаго губернатора 1870 г. № 1 «Объ упраздненіи Блонскаго р.-к. костела, Игуменскаго уѣзда».

разстояніемъ отъ г. Игумена, постоянно ходятъ туда для продажи разныхъ хозяйственныхъ продуктовъ, поэтому очень рѣдко бываютъ въ Блонской католической церкви, часто даже для исполненія требъ обращаются въ Игуменъ.

Посему, дабы сдѣлать облегченіе самимъ немногочисленнымъ прихожанамъ и настоятелю, осмѣливаюсь просить Ваше Пре—во сдѣлать распоряженіе, дабы Блонскіе прихожане были присоединены къ Игуменскому приходу. Къ этой просьбѣ моей побуждаетъ меня еще и то, что введенный мною русскій элементъ, какъ въ Блонской католической церкви, такъ и въ приходѣ, уже поставленъ на такой степени, что, могу сказать, ни одинъ католическій приходъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ не можетъ сравниться, въ чемъ лично нѣсколько разъ убѣдились Игуменскій исправникъ и многіе, заслуживающіе довѣрія, русскіе люди.

Но, къ сожалѣнію, во время моей отлучки по причинѣ командированія для исповѣдыванія воинскихъ чиновъ, ксендзы Томкевичъ, Людовичъ и присланный изъ Вильны Жебровскій, тайными, польско-іезуитскими интригами, повліяли на нѣкоторыхъ, а именно на женщинъ, польскихъ пань, изъ коихъ нѣкоторыя осмѣлились протестовать противъ русскаго дѣла.

Если кратковременное присутствіе ксендзовъ столь вредно Блони, то что-же будетъ, если тамъ будутъ постоянно ксендзы?!.. Тогда начатое и успѣшно-веденное мною дѣло не только не подвинется впередъ, но, напротивъ, разрушится.

Посему честь имѣю просить Ваше Пре—во сдѣлать начальническое распоряженіе, дабы до присоединенія Блонскаго прихода къ Игуменскому приходу не было-бы въ Блони ксендзовъ, которые могли-бы уничтожить то, что уже введено и упрочено.»

Ходатайство Сенчиковскаго, надо думать, не по простой случайности, совпало съ заявленіями мѣстнаго (Игуменскаго) исправника и православнаго духовенства.

Такъ, въ мартѣ того-же года исправникъ (на предписаніе Минскаго губернатора) доносилъ:

„По документамъ Блонскій костелъ построенъ въ 1809 году; по преданію былъ первоначально іезуитскимъ монастыремъ, чему служатъ доказательствомъ находящіяся въ немъ иконы. Хотя—по цифровымъ даннымъ, цифра католиковъ-прихожанъ Блонскаго костела и значительна, но, въ сущности, бо́льшая изъ нихъ часть только числится при костелѣ. Отправляясь въ праздничные и вмѣстѣ торговые дни со своими произведеніями на рынокъ въ г. Игуменъ, они, по необходимости, посѣщаютъ Игуменскій костелъ. Рѣка Свислочь, протекающая въ мѣстности Блонскаго прихода, во время разлитія своего весною и осенью, совершенно разобщаетъ бо́льшую часть прихожанъ съ костеломъ и принуж-

дастъ ихъ посѣщать Игуменскій костелъ. Принимая-же во вниманіе малочисленность осѣдлыхъ жителей католиковъ, я нахожу, что существованіе костела въ этой мѣсности совершенно излишне.

Зданіе костела, въ раіонѣ котораго православные превышаютъ количествомъ католиковъ, необходимо обратить въ православный храмъ, такъ какъ находящаяся въ Блони православная церковь, по ветхости, потребуетъ скораго и капитальнаго исправленія.

Къ этому присовокупляю, что во время бывшаго возстанія Блонскій приходъ составлялъ центръ возмущенія въ уѣздѣ; бывшій владѣлецъ Блони—Сосновскій—сосланъ въ Сибирь, ксендзъ-настоятель тоже сосланъ. Въ настоящее время, хотя и кажется въ прихожанахъ-католикахъ видимое спокойствіе, но духъ бывшей пропаганды заявляетъ себя въ нерасположенности къ настоящему настоятелю, ксендзу Сенчиковскому, дѣйствующему въ духѣ Правительства,—въ особенности въ средѣ высшаго сословія, и можно быть увѣреннымъ, что существованіе костела въ этой мѣстности, при другихъ обстоятельствахъ, можетъ оказывать большое вліяніе на своихъ прихожанъ-католиковъ».

Епископъ Минскій и Туровскій Александръ *), препровождая 3 мая 1870 г. за № 1521 губернатору Токареву копію съ рапорта Игуменскаго протоіерея Доминиковскаго (отъ 14 апрѣля № 322)—съ ходатайствомъ о закрытіи Блонскаго костела, съ своей стороны, просилъ губернатора о закрытіи сказаннаго костела, «какъ ненужнаго и крайне вреднаго для православія».

Самая «записка» свящ. Доминиковскаго (рапортъ его) на столько ярко характеризуетъ положеніе той мѣстности, въ которой трудился на зарѣ своей политической карьеры Сенчиковскій, что приводимъ ее здѣсь цѣликомъ.

«Въ селѣ Блони, Игуменскаго уѣзда и благочинія, среди густого православнаго народонаселенія есть деревянный римско-католическій костелъ, очень вредный для Православія и правительства», пишетъ о. Доминиковскій: „О закрытіи въ благочиніи вредныхъ для православія костеловъ, въ томъ числѣ и Блонскаго, я представлялъ Преосвященному Михаилу, б. Архіепископу Минскому и Бобруйскому, особую вѣдомость при рапортѣ отъ 27 октября 1865 г. за № 890—о Блонскомъ костелѣ и о вредности его для Православія и правительства, имѣю честь Вашему Преосвященству представить слѣдующее: извѣстно, что латино-польская пропаганда, усиливщись въ здѣшнемъ краѣ, употребляла всѣ средства къ совращенію православныхъ въ ла-

*) Впослѣдствіи большой доброжелатель кс. Сенчиковскаго, архіепископъ Литовскій и Виленскій.

тинство. Для этого ксендзы употребляли лесть, хитрость и даже насиліе; а дабы успѣшнѣе и рѣшительнѣе вліять на православныхъ крестьянъ, ксендзы, при помощи фанатиковъ-пановъ, начали строить костелы для того, чтобы разными богослужебными церемоніями и даже демонстраціями, удобнѣе повліять на православныхъ. Съ этою-то собственно цѣлью и былъ построенъ въ селѣ Блони римскій костелъ, среди густого, сплошного православнаго народонаселенія. Сначала костелъ этотъ не имѣлъ коренныхъ своихъ прихожанъ, такъ какъ всѣ жители Блони и всѣхъ сосѣднихъ деревень были православными; но чтобы пріобрѣсть прихожанъ, ксендзы посовѣтовали помѣщикамъ продавать возлѣ Блони землю шляхтамъ; вслѣдствіе этого явилось много шляхтъ изъ другихъ уѣздовъ, даже и православныхъ, которые и водворились на помѣщичьей землѣ по купчимъ крѣпостямъ и по большей части по временнымъ контрактамъ, но съ непремѣннымъ условіемъ: быть прихожанами Блонскаго костела. Тутъ собственно много шляхты православной, выселившейся изъ другихъ уѣздовъ, вынуждены были перейти изъ православія въ латинство. Упомяну извѣстные мнѣ фамиліи: Константиновичи и Лыжикевичи и проч. О совращеніи первыхъ производилось дѣло даже судебнымъ порядкомъ. А что шляхта—прихожане Блонскаго костела совратились изъ православія въ латинство, доказательствомъ тому служитъ то, что многіе изъ нихъ и въ настоящее время соблюдаютъ нѣкоторые обряды и обычаи нашей православной церкви и имѣютъ у себя церковныя православныя вещи. Такъ у прихожанина Блонскаго костела, жителя деревни Подкосья Карла Татура въ 1869 г. найдены православная икона Божіей Матери и потиръ съ славянскою надписью. Объ этомъ я доносилъ Вашему Преосвященству 21 сентября 1869 года за № 789 и указомъ Минской Духовной Консисторіи отъ 30 ноября прошедшаго года за № 10881 предписано мнѣ: найденные у Татура икону и потиръ передать въ ближайшую къ Подкосью православную церковь. Значитъ, сами прихожане Блонскаго костела дорожатъ оставшимися у нихъ памятниками православія, и будь закрытъ этотъ костелъ и не фанатизируй ксендзы своихъ прихожанъ, они всѣ были бы чадами православной церкви. Изъ сказаннаго мною ясно можно видѣть, какъ много зла причинилъ Блонскій костелъ православію; но онъ еще болѣе зла сдѣлалъ православію, поселивъ религіозный индефферентизмъ въ самихъ православныхъ жителяхъ села Блони.

Я сказалъ, какимъ порядкомъ Блонскій костелъ пріобрѣлъ себѣ прихожанъ· но новые прихожане эти живутъ очень далеко отъ костела, ближе къ другимъ сосѣднимъ костеламъ Игуменскому и Серафимскому, а для костела нужна была костельная прислуга, и вотъ ксендзы, по распоряженію мѣстнаго помѣщика-

поляка Оссовскаго, начали употреблять православныхъ крестьянъ для послуги. Когда я вступилъ въ должность Благочиннаго, то при первыхъ обозрѣніяхъ мною Блонскаго прихода, въ январѣ мѣсяцѣ 1860 года, мѣстный священникъ заявилъ мнѣ объ этомъ и я тотчасъ-же прекратилъ это зло, собравъ прихожанъ и приказавъ имъ отнюдь не ходить въ костелъ и не дѣлать никакой послуги въ костелѣ. Но, къ несчастію, брошенныя ксендзами сѣмена на воспріимчивыя православныя сердца взошли и явили свой плодъ, поселивъ въ нѣкоторой части православныхъ прихожанъ религіозный индефферентизмъ. Въ доказательство этого привожу слѣдующій фактъ: 11 декабря 1864 года православные крестьяне села Блони принесли къ Блонскому православному священнику крестить православнаго ребенка, но не застали дома священника, который отлучился за 4 версты къ фельдшеру за медикаментами для больной своей жены. На ту пору къ этимъ воспріемникамъ подвернулся Блонскій ксендзъ, который такъ успѣшно подѣйствовалъ на добродушныхъ крестьянъ, что они согласились, чтобы этотъ-же самый ксендзъ крестилъ здороваго ихъ, православнаго ребенка по римскому обряду. Нужно замѣтить, что ксендзъ рѣшился на указанный мною поступокъ тогда, когда уже правительство заставило умолкнуть волнующіяся страсти римскихъ пропагандистовъ и когда за всѣми дѣйствіями ксендзовъ зорко уже слѣдили. Чего же ксендзы Блонскаго костела не дѣлали во вредъ православію въ мирное время, особенно при покровительствѣ бывшаго ополяченнаго чиновничества! Когда я узналъ о окрещеніи въ Блони римскимъ ксендзомъ православнаго ребенка, то немедленно распорядился, чтобы мѣстный приходскій священникъ дополнилъ это крещеніе по чиноположенію православной церкви, и о происшествіи этомъ я тотчасъ сообщилъ Воинскому Начальнику Игуменскаго уѣзда отъ 24 марта 1866 года за № 273 на тотъ конецъ, чтобы подобный фактъ еще не повторился гдѣ-либо и чтобы съ виновными было поступлено по законамъ; но чѣмъ дѣло это кончилось, мнѣ неизвѣстно.—Вотъ сколько зла Блонскій костелъ сдѣлалъ православію! Неменьше онъ сдѣлалъ зла и въ будущемъ еще сдѣлаетъ правительству. Самое приготовленіе къ минувшему польскому мятежу, на нашихъ глазахъ, совершалось въ Блонскомъ костелѣ. Настоятель этого костела ксендзъ Янушкевичъ былъ рьяный и закоренѣлый революціонеръ. Онъ дозволялъ въ этомъ костелѣ пѣть возмутительные гимны, производилъ съ помѣщиками демонстраціи, исповѣдывалъ въ костелѣ мятежниковъ и давалъ имъ разрѣшеніе поступать въ шайки, и даже тайнымъ образомъ перевозилъ мятежниковъ изъ Блони въ Сушинъ—въ самый мятежническій лагерь. Естественное дѣло, что фанатики поляки — прихожане покойнаго ксендза Янушкевича не могли не осуществить на дѣлѣ внушеній и наставленій своего патера-проповѣд-

ника и многіе изъ нихъ до того увлеклись его революціонною проповѣдію, что, оставивъ все, эмигрировали въ лѣсъ, примкнули къ шайкѣ своихъ собратій-мятежниковъ и принимали дѣятельное участіе при нападеніи 1863 г. мятежниковъ на Новоселки; два-же крупные землевладѣльца, прихожане Блонскаго костела, помѣщики Крупскій и Оссовскій, за дѣятельное участіе въ мятежѣ, сосланы правительствомъ. Крупскій изъ прихожанъ Блонскаго костела, какъ носились слухи, намѣревался устроить въ родѣ какого-то польскаго легіона, а Оссовскій, какъ владѣлецъ имѣнія Блони, собравъ Блонскихъ крестьянъ, требовалъ отъ нихъ подписанія какой-то грамоты; но крестьяне обратились за совѣтомъ къ православному священнику, который отклонилъ ихъ отъ подписи. За то священнику мятежники грозили висѣлицею. Но теперь въ Блони носятся слухи, пущенные въ ходъ Блонскими ксендзами, что все будетъ не такъ, что Польша воскреснетъ и проч. Вредъ существованія Блонскаго костела и въ настоящее, мирное время, очевиденъ и пока костелъ этотъ будетъ существовать, всегда онъ будетъ вреденъ и противодѣйствовать благимъ цѣлямъ правительства, и всегда будетъ тормозить только дѣло.

Изъ всѣхъ римскихъ ксендзовъ Игуменскаго уѣзда, одинъ только ксендзъ Сенчиковскій былъ приверженнымъ сыномъ нашего отечества, для котораго онъ въ Блони не мало потрудился. Благія начинанія и дѣйствія ксендза Сенчиковскаго извѣстны правительству. Онъ, между прочимъ, ввелъ дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, а въ плебаніи своей, т. е. въ своемъ домѣ, установилъ разговоръ только на русскомъ языкѣ. Но ксендзъ Сенчиковскій, въ минувшій великій постъ, былъ командированъ правительствомъ для выслушанія исповѣди воинскихъ чиновъ, расположенныхъ въ Минской губерніи, и вчерашняго числа, т. е. 13 апрѣля, ксендзъ Сенчиковскій публично, въ присутствіи Игуменскаго уѣзднаго исправника, начальника уѣздной команды и другихъ чиновниковъ, объявилъ мнѣ слѣдующее: что когда онъ отлучился изъ Блони для исполненія возложеннаго на него правительствомъ порученія, то въ его отсутствіе пріѣхали въ Блонь два ксендза —Березинскаго костела Томкевичъ и Серафимскаго костела Людовичъ, подъ предлогомъ слушанія исповѣди Блонскихъ прихожанъ.—Винюсь, Преосвященнѣйшій Владыко, что отступаю отъ дѣла, но не могу скрыть того, что если гдѣ, то собственно во время исповѣди, нужно зорко слѣдить за ксендзами. Иной ксендзъ два часа продержитъ какую-нибудь паню; та отходитъ послѣ исповѣди вся взволнована и въ слезахъ, и на первый разъ покажется, что кающимся слѣдуетъ только принести достойные плоды покаянія.—Дѣйствительно, они и приносились; но плоды эти были горьки для насъ. Закоренѣлыя польки, принявшія впослѣдствіи православіе, сравнивая исповѣдь поль-

каго ксендза и православнаго священника, не разъ говорили мнѣ, что во время этой двухъ-часовой исповѣди, ксендзъ ни слова не говорилъ о грѣхахъ, а только объ одномъ тяжкомъ грѣхѣ, что Польша погибаетъ, и заклиналъ, и грозилъ проклятіемъ и отлученіемъ, если не будетъ способствовать ихъ гнуснымъ цѣлямъ и противиться и преслѣдовать все русское. Вотъ для подобной исповѣди ксендзы Томкевичъ и Людовичъ прибыли въ Блонь и, вошедши въ костелъ, увидѣли на конфессіоналахъ, т. е. на особыхъ сѣдалищахъ, въ которыхъ ксендзы слушаютъ исповѣдь, изреченія священнаго Писанія на русскомъ языкѣ, написанныя ксендзомъ Сенчиковскимъ. Пришедши отъ этого въ какое-то бѣшенство, они начали плевать на русскія надписи и разъѣзжать по сосѣднимъ помѣщикамъ, осуждая добрыя цѣли ксендза Сенчиковскаго. Когда-же ксендзъ Сенчиковскій возвратился въ Блонь, то на первый день Святой Пасхи обычнымъ своимъ порядкомъ говорилъ проповѣдь на русскомъ языкѣ.— Какъ вдругъ мелкопомѣстная помѣщица Фрибесъ вышла на средину костела, остановила рѣчь ксендза Сенчиковскаго и начала кричать: «Precz z ta ruzczyzna» (вонъ съ этою русчизною). Когда-же ксендзъ Сенчиковскій началъ служить молебенъ на русскомъ языкѣ и органъ запѣлъ тропарь: «Спаси, Господи, люди твоя», то Фрибесъ и другіе мелкопомѣстные громогласно запѣли польскую пѣснь: „Wesoły nam dsis dzien nastal“ (радостный для насъ сегодня насталъ день). На другой день нѣкто Шабуня, жена арендовнаго владѣльца, тоже остановила публично рѣчь ксендза Сенчиковскаго, требуя, отъ имени всѣхъ прихожанъ, чтобы онъ не говорилъ по-русски и чтобы вывелъ русскій языкъ изъ костела. Послѣ всего этого, какую-же пользу Блонскій костелъ можетъ оказать правительству и православію?! Смѣло и съ убѣжденіемъ скажу, что, кромѣ существеннаго зла и вреда, никакой. Да вообще Блонскій костелъ, кромѣ своей зловредности, совершенно ненуженъ; это подтверждаютъ статистическія и географическія данныя. Въ отношеніи статистическомъ Блонскіе ксендзы обманывали правительство. По ихъ спискамъ за 1866 г. при Блонскомъ костелѣ числится 2064 души. Комиссія-же, учрежденная въ г. Игуменѣ для приведенія въ извѣстность римско-католическаго исповѣданія въ уѣздѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1866 г. открыла, что Блонскій костелъ имѣетъ коренныхъ прихожанъ только 489 душъ, а неосѣдлыхъ, т. е. временно проживающихъ, 1088 душъ. Въ этомъ тоже нельзя не подмѣтить тайной интриги и подпольной работы римскихъ ксендзовъ Блонскаго костела. Опасаясь, чтобы малочисленное стадо ихъ не растерялось въ сплошной и густой массѣ православнаго народонаселенія, польская корпорація всѣми мѣрами старается увеличить своихъ приверженцевъ, чрезъ приписку къ себѣ мелкой шляхты и другихъ разночинцевъ, съ цѣлью усилить латинопольское вліяніе на пра-

вославныхъ.—Въ отношеніи-же географическомъ Блонскій костелъ положительно безнуженъ. Почти всѣ коренные прихожане онаго расположены въ далекомъ разстояніи отъ Блони, а ближе къ Игуменскому и Серафимскому костеламъ, гдѣ всѣми христіанскими требами и заимствуются, особенно у Игуменскихъ ксендзовъ; а слѣдовательно, если коренныхъ приходскихъ причислить въ Игуменскому костелу, то это еще будетъ для нихъ и полезнѣе, и выгоднѣе. А о временно проживающихъ не можетъ быть и рѣчи потому, что они не живутъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ.

Наконецъ, Блонскій костелъ непремѣнно слѣдуетъ обратить въ православную церковь по слѣдующимъ причинамъ: Блонскій православный приходъ всѣхъ прихожанъ имѣетъ 1385 душъ; при предстоящемъ-же сокращеніи приходовъ, близь лежащія къ Блони деревни будутъ причислены отъ сосѣднихъ дальнѣйшихъ приходовъ къ Блонскому приходу. Такимъ образомъ, народонаселеніе православнаго Блонскаго прихода очень увеличится, а по причинѣ многочисленности Блонскаго прихода, одного православнаго священника будетъ недостаточно. По сему въ Блони нужно открыть два православныхъ прихода и назначить двухъ священниковъ, и это тѣмъ паче нужно, чтобы удобнѣе противодѣйствовать латино-польскому вліянію въ Блони, гдѣ есть смѣшанные браки. А извѣстно, на что не рѣшится фанатичка-мать, наэлектризованная внушеніями своего ксендза. При томъ Блонскій костелъ—крѣпкій, недавно возобновленъ: слѣдуетъ только дать ему видъ православнаго храма и устроить иконостасъ. А плебаніальный домъ и прочія строенія удобны для размѣщенія причта.

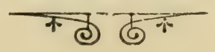
Изложенныя мною обстоятельства повергая на милостивое воззрѣніе Вашего Преосвященства, имѣю честь покорнѣйше просить о скорѣйшемъ закрытіи Блонскаго римско-католическаго костела и обращеніи его въ православную церковь. При томъ долгомъ считаю покорнѣйше доложить Вашему Преосвященству, что пока будетъ существовать вредный и безнужный Блонскій костелъ, до тѣхъ поръ въ Блони православіе не станетъ на твердую и незыблемую почву и до тѣхъ поръ не водворятся въ мѣстности этой тишина и спокойствіе. И кто только ближе вникалъ въ Блонскія дѣла и слѣдилъ за ходомъ ихъ, тотъ убѣдился и невольно пришелъ къ тому заключенію, что собственно изъ Блонскаго костела, какъ изъ какого-то злого разсадника, происходятъ всѣ неустроенія и неурядицы, и что костелъ этотъ дѣйствіями своихъ ксендзовъ и прихожанъ давно уже потерялъ святость, подобающую Дому Божіему».—

Въ томъ-же дѣлѣ канцеляріи Минскаго губернатора 1870 г. № 1 имѣется еще оффиціальная справка (безъ подписи), какъ-бы дополняющая только что приведенные документы, такого содержанія:

„Игуменскаго уѣзда въ Блонскомъ римско-католическомъ приходѣ находятся два костела, одинъ въ селѣ Блони, гдѣ живетъ и приходской ксендзъ, а другой въ Серафимѣ, куда онъ по временамъ пріѣзжаетъ для богослуженія. Настоятелемъ этого прихода въ настоящее время ксендзъ Сенчиковскій, извѣстный тѣмъ, что онъ, одинъ изъ первыхъ, ввелъ дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ. Стремленіе Сенчиковскаго, конечно, имѣетъ полезное значеніе и должно быть поддержано. Но нельзя не сказать, что дѣятельность эта могла бы быть обширнѣе, еслибы Сенчиковскій имѣлъ въ управленіи приходъ съ болѣе сплошнымъ, католическимъ населеніемъ, гдѣ польскія традиціи и приверженность къ польщизнѣ до сихъ поръ упорно поддерживаются, или гдѣ существуютъ костелы особенно вліятельные, вслѣдствіе уважаемыхъ иконъ, сбора народа на поклоненіе, на ярмарки и проч. Такихъ костеловъ, расположенныхъ въ мѣстечкахъ и городахъ, съ густымъ католическимъ народонаселеніемъ, въ Минской губерніи довольно. Въ Блонскомъ-же приходѣ направленіе и дѣятельность Сенчиковскаго отразились только съ внѣшней, такъ сказать, формальной стороны введеніемъ богослуженія на русскомъ языкѣ; но далѣе идти не могутъ, ни въ усвоеніи народу правильнаго взгляда на родовую принадлежность къ русской семьѣ, ни въ воспитаніи въ этомъ духѣ подрастающаго поколѣнія. Сама мѣстность неблагопріятна для достиженія такихъ результатовъ.—Село Блонь, гдѣ — постоянное пребываніе ксендза не выдается ни въ какомъ отношеніи изъ ряда обыкновенныхъ деревень. Крестьянское населеніе, какъ въ Блони, такъ и въ окрестностяхъ, на разстояніи 30 верстъ, все православное. Среди этого населенія отдѣльными дворами и небольшими группами проживаетъ такъ называемая шляхта, большею частью мелкіе арендаторы, или чиновники, постоянно переходящіе съ мѣста на мѣсто, отчасти православные, но болѣе католическаго исповѣданія, и католики-помѣщики. Въ самомъ селѣ прихожанъ католиковъ два семейства шляхтичей собственниковъ, да нѣсколько чиновниковъ. Болѣе-же значительное населеніе католиковъ шляхтичей расположено за рѣкою Свислочью, ближе къ городу Игумену и тамошнему костелу, а также вблизи другого принадлежащаго къ Блонскому приходу Серафимскаго костела. Затѣмъ въ селѣ Блони католическому ксендзу дѣлать рѣшительно нечего и вліять не на кого, если не допустить католической пропаганды, хотя и на русскомъ языкѣ. Для примѣра можно указать, что ксендзъ Сенчиковскій, въ видахъ поощренія его дѣятельности, хотя и назначенъ законоучителемъ римско-католическаго исповѣданія въ Блонское народное училище, содержимое на средства православныхъ крестьянъ, но, за неимѣніемъ изъ числа ихъ учениковъ, успѣлъ завербовать себѣ только двухъ учениковъ шляхтичей. Такимъ образомъ ка-

залось бы, что не только для дѣятельности Сенчиковскаго, вообще весьма похвальной и полезной при другихъ обстоятельствахъ и въ другихъ мѣстахъ, долженъ быть открытъ бо́льшій просторъ, предоставленіемъ ему прихода съ болѣе компактнымъ ополяченнымъ населеніемъ, гдѣ дѣятельность эта принесетъ не видимую только, а дѣйствительную пользу, но и самое существованіе Блонскаго костела должно быть подвергнуто вопросу. Какъ сказано уже; Блонскій католическій приходъ имѣетъ два костела, въ Блони и въ Серафимѣ. Въ Блони и кругомъ католики рѣдки; возлѣ Серафима, а также за Свислочью, ближе къ Игуменскому костелу, напротивъ, существуютъ значительныя католическія населенія, шляхетскія околицы. Для чего-же тогда нуженъ особый Блонскій костелъ среди православнаго населенія? Одного Серафимскаго, кажется, совершенно достаточно для прихода, если оставить его и въ настоящемъ составѣ, хотя за—Свислочская часть съ бо́льшимъ удобствомъ для самихъ прихожанъ можетъ быть присоединена къ Игуменскому, куда и теперь они обращаются за требами. Существованіе Блонскаго костела среди сплошного православнаго населенія въ прошломъ объясняется очень просто: въ началѣ текущаго столѣтія имѣніе Блонь находилось во владѣніи іезуитовъ, которые устроили, было, здѣсь свою миссію и выстроили костелъ, на мѣстѣ, издревлѣ чтимомъ народомъ, подъ именемъ Св. Бориса и Глѣба, а для успѣха пропаганды ввели даже богослуженіе этимъ Святымъ, непризнаваемымъ одною римскою Церковью. Миссія іезуитовъ кончилась, съ изгнаніемъ ихъ въ 1819—1820 г.; но костелъ остался, поддерживаемый съ тою-же цѣлью вліятельными помѣщиками. Въ настоящее время нѣтъ никакихъ уважительныхъ причинъ продолжать существованіе этого костела: для прихода достаточно одного Серафимскаго. Закрытіе-же костела въ Блони необходимо, какъ въ видахъ устраненія католической пропаганды, совершенно нежелательной, хотя бы и на русскомъ языкѣ, что́, кстати сказать, дастъ ей только новую силу, среди православнаго теперь, но бывшаго уніатскаго и, слѣдовательно, далеко не равнодушнаго къ обрядамъ католическимъ, населенія, такъ и потому еще, что въ Блонскомъ православномъ приходѣ, какъ видно изъ дѣлъ Церковно-Строительнаго Комитета, предстоитъ постройка новой церкви, вмѣсто обветшавшей, съ значительными для казны издержками; съ закрытіемъ-же костела зданіе его, хотя и деревянное, но совершенно прочное, съ удобствомъ можетъ быть обращено въ церковь".

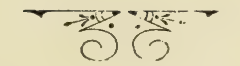
Но дѣло о закрытіи Блонскаго костела тѣмъ и заканчивается, т. е. костелъ повидимому закрытъ не былъ.

ГЛАВА III-я.

(1869—1870 годы).

Высочайшее повелѣніе 25 дек. 1869 г.—о русскомъ языкѣ въ дополнительномъ богослуженіи р.-к. костеловъ.—Исторія его возникновенія —Участіе въ этомъ дѣлѣ каноника Сенчиковскаго.—А. Л. Потаповъ—въ несвойственной ему роли ревностнаго обрусителя костела...—Пессимистическій взглядъ Сенчиковскаго на Высочайшее повелѣніе, какъ на полу-мѣру; предсказаніе имъ послѣдствій лазейки, устроенной здѣсь польско-іезуитской пропагандою. — Разъясненія Министерства Вн. Дѣлъ.—Что такое представлялъ изъ себя прелатъ Жилинскій?

25 декабря 1869 года состоялось Высочайшее повелѣніе о разрѣшеніи вводить русскій языкъ въ дополнительное богослуженіе р.-к. костела. Оно явилось событіемъ крупной величины на религіозно-политическомъ горизонтѣ Бѣлоруссіи, а также въ жизни Сенчиковскаго.

О томъ, при какихъ условіяхъ, оффиціально подготовлялась эта мѣра въ правительственныхъ канцеляріяхъ, свидѣтельствуетъ «Замѣтка», препровожденная Министромъ Вн. Дѣлъ г.-а. Тимашевымъ (при письмѣ отъ 30 ноября 1869 г., за № 200) *) Виленскому генералъ-губернатору Потапову.

«Вслѣдствіе возбужденнаго Вашимъ Пре—вомъ вопроса о замѣнѣ польскаго языка русскимъ при богослуженіи въ католическихъ приходахъ Виленской епархіи и ходатайства Вашего объ отмѣнѣ Высочайшаго повелѣнія 1848 г., воспретившаго р.-к. ксендзамъ произносить проповѣди на русскомъ языкѣ», говорится въ письмѣ: „я докладывалъ всеподданнѣйше о необходимости подвергнуть всестороннему обсужденію вопросъ объ употребленіи русскаго языка въ богослуженіи всѣхъ вообще терпимыхъ исповѣданій, полагая, что по важности и политическому значенію онаго и по отношенію его къ православію слѣдовало-бы обсудить этотъ вопросъ въ особомъ комитетѣ; на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ, чтобы означенный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Дѣйств. Т. Сов. кн. Гагарина былъ составленъ изъ: Мин. Вн. Дѣлъ, главнаго начальника III отд. Собственной Его Импер. Величества канцеляріи, оберъ-прокурора Св. Синода, главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собств. Его Импер. Велич. канцеляріи, двухъ генералъ-губернаторовъ Западнаго края и Дир. Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій. Сообщая Вашему П—ву о таковой Высочайшей волѣ, имѣю честь препроводить при семъ записку, заключающую въ себѣ подробное изложеніе содержанія всеподданнѣйшаго моего по сему предмету доклада“.

---

*) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1869—70 г.г. № 71 подъ заглавіемъ «По представленію ревизіонной комиссіи по дѣламъ р.-к. духовенства о молитвѣ за Государя Императора, употребляемой при р.-к. богослуженіи».

Въ Департаментѣ Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій, работая по собиранію матеріаловъ для настоящей біографіи, мы видѣли многотомное дѣло по вопросу о введеніи русскаго языка въ практику р.-к. костеловъ, но использовать его содержаніе не успѣли.

При этомъ письмѣ приложена была памятная записка слѣдующаго содержанія:

„Ген.-адъют. Потаповъ, объясняя, что въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской, въ постоянно увеличивающемся числѣ, возникаютъ заявленія р.-к. духовенства въ пользу введенія русскаго языка въ богослуженіе и часто совершаются р.-к. ксендзами молитвословія, а также произносятся поученія на русскомъ языкѣ, находитъ, что такимъ образомъ заявленія р.-к. духовенства даютъ средства къ осуществленію одной изъ важнѣйшихъ задачъ Правительства въ Западномъ краѣ, и именно къ разобщенію католицизма отъ вопроса о національности. Имѣя засимъ въ виду, что замѣна въ р.-к. богослуженіи польскаго языка русскимъ окончательно разъединитъ вопросъ религіозный католическій отъ національнаго (польскаго), ген.-адъют. Потаповъ признаетъ совершенно благовременнымъ приступить къ замѣнѣ польскаго языка русскимъ въ богослуженіи католическихъ приходовъ Виленской епархіи и ходатайствуетъ объ отмѣнѣ Высоч. повелѣнія 1848 г., воспретившаго р.-к. ксендзамъ произносить проповѣди на русскомъ языкѣ.

Съ своей стороны генералъ-губернаторъ Юго-Западнаго края, вслѣдствіе сношенія съ нимъ по вопросу о замѣнѣ въ р.-к. богослуженіи польскаго языка русскимъ, сообщилъ, что во всѣхъ р.-к. приходахъ ввѣреннаго ему края слѣдовало-бы ввести русскій или славянскій языкъ для молитвъ за Августѣйшій Домъ, что тексты русскій и славянскій этихъ молитвъ будутъ совершенно понятны всему населенію, за исключеніемъ немногихъ иностранцевъ, ни гдѣ не составляющихъ особыхъ приходовъ, что при объѣздѣ края онъ лично убѣдился, что все населеніе, хотя и употребляетъ въ домашней жизни малороссійское нарѣчіе, а меньшинство—польскій языкъ, но всѣ безъ исключенія понимаютъ русскій языкъ и вполнѣ поймутъ означенныя молитвы.

Всеподданнѣйше доведя о семъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, Мин. Внутр. Дѣлъ счелъ долгомъ доложить, что въ прежнее время употребленіе русскаго языка при богослуженіи и вообще въ дѣлахъ религіи признавалось исключительнымъ правомъ Господствующей Православной Церкви, и всякая попытка другихъ терпимыхъ исповѣданій пользоваться въ дѣлахъ ихъ религіи языкомъ русскимъ считалась посягательствомъ на права Церкви Православной. Въ этомъ смыслѣ въ 1848 году тогдашній Мин. Вн. Дѣлъ Перовскій, во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ, по случаю произнесенія настоятелемъ Царско-сельской р.-к. церкви Онихимовскимъ проповѣдей на русскомъ языкѣ, объяснялъ, что „принимая въ соображеніе, что въ Россіи доселѣ дозволялось только священнослужителямъ православной церкви проповѣдывать по русски, подобное посягатель-

ство доминиканина Онихимовскаго на права духовенства господствующей Церкви можетъ имѣть вредныя послѣдствія', и вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалъ Высочайшаго по сему случаю повелѣнія; вслѣдствіе чего состоялась собственноручная Высочайшая резолюція: «по-русски запретить, можетъ говорить проповѣди на всѣхъ иностранныхъ языкахъ». О таковой Высочайшей волѣ было предложено Р.-К. Духовной Коллегіи 15 іюня 1848 года».

Въ бытность нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Главнымъ Начальникомъ военно - учебныхъ заведеній, Его Величество соизволилъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ сихъ заведеніяхъ даже и тѣмъ воспитанникамъ р.-к. исповѣданія, которые знали только русскій языкъ, преподавался Законъ Божій на языкѣ польскомъ, и что посему таковые воспитанники должны были изучать языкъ польскій, чтобы имѣть возможность участвовать въ урокахъ Закона Божія. Дабы устранить эту несообразность, было поручено, по приказанію Его Величества, тогдашнему законоучителю (нынѣ ректору р.-к. Духовной Академіи) Стацевичу составить р.-к. катехизисъ на русскомъ языкѣ; но и эта мѣра встрѣтила тогда затрудненія со стороны Министерства Вн. Дѣлъ, и лишь вслѣдствіе настоянія Его Величества было разрѣшено литографировать, но не печатать, упомянутый катехизисъ на русскомъ языкѣ.

Вышеизложенный взглядъ на употребленіе русскаго языка въ дѣлахъ религіи иностранныхъ исповѣданій, соединенный съ тѣмъ обстоятельствомъ, что р.-к. духовенство у насъ принадлежало, по происхожденію своему, исключительно къ губерніямъ Западнымъ или къ Царству Польскому, имѣлъ послѣдствіемъ отождествленіе у насъ р.-к. исповѣданія съ польскою національностью въ такой степени, что и нѣмецкія р.-к. колоніи Саратовскія и южныя имѣли ксендзовъ польскихъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе взглядъ Министерства Вн. Дѣлъ въ этомъ отношеніи совершенно измѣнился. Найдя необходимымъ приложить все стараніе свое къ разобщенію религіознаго католическаго элемента отъ національнаго польскаго, Министерство прежде всего обратило вниманіе на необходимость ввести въ наше р.-к. духовенство другой, кромѣ польскаго, элементъ, и, не считая себя еще въ правѣ открыть р.-к. костелы для русскаго языка, воспользовалось Саратовскою семинаріею для образованія, для нашихъ нѣмецкихъ р.-к. колоній, р.-к. духовенства нѣмецкаго происхожденія и языка. Съ разрѣшенія Его Императорскаго Величества были для сего выписаны р.-к. священники изъ Баваріи, которые опредѣлены отчасти къ нѣкоторымъ колонистскимъ приходамъ, отчасти-же преподавателями въ Саратовскую семинарію. Министерство находило также, что было-бы весьма важно въ семъ отношеніи имѣть у насъ хотя-бы одного или

двухъ епископовъ не польскаго происхожденія, но попытки его въ семъ смыслѣ остались безъ успѣха, ибо встрѣтили отказы со стороны Рима, которые, конечно, должно приписывать интригамъ польской партіи въ Римѣ. Въ 1865 году присоединилось къ упомянутому стремленію Министерства Вн. Дѣлъ—разобщить религіозный католическій элементъ отъ національнаго польскаго, убѣжденіе въ необходимости обрусенія Западнаго края. Въ этихъ видахъ было признано полезнымъ распространить преподаваніе Закона Божія р.-к. исповѣданія на русскомъ языкѣ на всѣ вообще заведенія въ Западномъ краѣ, а дабы дать возможность къ осуществленію сего, Министерство Вн. Дѣлъ сочло нужнымъ испросить разрѣшеніе къ напечатанію сначала пространнаго, а впослѣдствіи и краткаго р.-к. катехизиса на русскомъ языкѣ, и сей послѣдній изданъ вмѣстѣ съ переводомъ повседневныхъ молитвъ для воспитанниковъ р.-к. исповѣданія. Мѣра преподаванія католикамъ Западнаго края Закона Божія на русскомъ языкѣ и введенія въ употребленіе катехизиса для католиковъ на русскомъ языкѣ встрѣтила особенное сопротивленіе со стороны епископа Луцко-Житомірскаго Боровскаго, который возражалъ, что введеніе русскаго языка, почитаемаго въ томъ краѣ исключительно православнымъ, возбудитъ опасенія католиковъ и будетъ считаться за одно съ принятіемъ православія; что, требованіе о преподаваніи Закона Божія на русскомъ языкѣ противорѣчитъ Высочайшему повелѣнію 1848 г. о запрещеніи проповѣдывать р.-к. вѣру на русскомъ языкѣ, ибо законоучители обязаны не только преподавать Законъ Божій, но и проповѣдывать своимъ ученикамъ по воскресеньямъ и праздникамъ, что при печатаніи руководствъ р.-к. исповѣданія должно ожидать, что, для устраненія опасности для православныхъ отъ иновѣрнаго ученія, послѣдуетъ запрещеніе такихъ католическихъ догматовъ, которые составляютъ разницу между Православіемъ и что, такимъ образомъ, католическое ученіе на русскомъ языкѣ не будетъ уже католическимъ. Для устраненія такихъ возраженій Министерство Вн. Дѣлъ, при изданіи перевода катехизиса на русскій языкъ, спѣшило исправить въ переводѣ все то, что по замѣчаніямъ Боровскаго не совершенно соотвѣтствовало ученію Р.-К. Церкви. Нельзя не замѣтить, при этомъ, что, при разрѣшеніи по Комитету Министровъ напечатанія катехизиса, было именно оговорено, чтобы ограничить число печатныхъ экземпляровъ.

Независимо отъ сего Министерство Вн. Дѣлъ приняло мѣры къ усиленію преподаванія русскаго языка, а равно россійской исторіи на этомъ-же языкѣ въ семинаріяхъ, и просило содѣйствія Министерства Народн. Просвѣщенія къ наблюденію за успѣхами воспитанниковъ семинарій въ семъ отношеніи.

Въ прошломъ году, по ходатайству ген.-адъют. Потапова,

разрѣшено Министромъ Вн. Дѣлъ отпустить особую сумму на расходъ по напечатанію р.-к. требника, съ замѣною въ немъ польскаго текста русскимъ, а по всеподданнѣйшему докладу Министра Военнаго, вслѣдствіе предварительнаго о томъ сношенія его съ Министерствомъ Вн. Дѣлъ, вмѣнено р.-к. священникамъ въ обязанность, при исполненіи духовныхъ требъ для нижнихъ воинскихъ чиновъ католическаго исповѣданія, польскаго языка не употреблять.

Между тѣмъ, нѣкоторые ксендзы, преимущественно-же законоучители, въ Сѣверо-Западномъ краѣ, по собственному побужденію начали совершать молебствія и говорить поученія воспитанникамъ на русскомъ языкѣ, и вслѣдствіе представленій о семъ генералъ-губернаторовъ, были испрашиваемы въ поощреніе ихъ Высочайшія награды.

Все вышеизложенное представляетъ рядъ распоряженій и мѣръ, которыя могутъ быть признаны подготовленіемъ къ введенію въ употребленіе русскаго языка въ р.-к. богослуженіи въ Западномъ краѣ. Нынѣ-же возбужденный ген.-адъют. Потаповымъ вопросъ заключаетъ въ себѣ окончательную къ достиженію сего результата мѣру и осуществленіе новой совершенно системы, противуположной прежнему въ семъ отношеніи взгляду и направленію. Къ тому-же, принимая въ соображеніе, что вопросъ необходимо долженъ коснуться и другихъ иностранныхъ исповѣданій, что онъ затронутъ уже отчасти въ отношеніи къ реформатскому исповѣданію введеніемъ преподаванія Закона Божія на русскомъ языкѣ реформатскимъ воспитанникамъ въ Слуцкой гимназіи и напечатаніемъ для сихъ послѣднихъ повседневныхъ молитвъ на русскомъ-же языкѣ, въ отношеніи къ исповѣданію Лютеранскому, ходатайствомъ Лютеранскаго духовнаго начальства о разрѣшеніи исполнять требы и преподавать конфирмаціонное обученіе на этомъ языкѣ лютеранамъ, владѣющимъ однимъ русскимъ языкомъ, наконецъ, и въ отношеніи къ еврейской вѣрѣ ходатайствомъ о разрѣшеніи напечатанія русскаго перевода еврейскихъ молитвъ,—Министръ Вн. Дѣлъ полагалъ необходимымъ подвергнуть вопросъ этотъ всестороннему обсужденію, не только въ отношеніи къ Западному краю, но и въ болѣе общемъ видѣ и въ объемѣ, по отношенію къ Православной Церкви и ко всѣмъ вообще иновѣрческимъ исповѣданіямъ, дабы разрѣшить оный въ принципѣ, такъ, чтобы разрѣшеніе это могло служить руководствомъ Министерству къ дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ и дать ему возможность разрѣшать соотвѣтственно сему и возникающіе частные случаи и ходатайства.

При такомъ обсужденіи будутъ необходимо подлежать разрѣшенію слѣдующіе вопросы:

1) Надлежитъ-ли ограничиться нынѣ только постановленіемъ по сему предмету въ отношеніи къ Р.-К. Церкви, или-же должно

вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить вопросъ и въ отношеніи къ прочимъ терпимымъ исповѣданіямъ?

2) Въ какой мѣрѣ должно быть допущено или требоваться преподаваніе на русскомъ языкѣ Закона Божія и вообще религіознаго ученія иновѣрческихъ исповѣданій?

3) Въ какой мѣрѣ надлежитъ разрѣшить или требовать введеніе русскаго языка, или же славянскаго языка въ богослуженіе иновѣрческихъ Церквей, и

4) Надлежитъ-ли, въ отмѣну Высочайшаго повелѣнія 1848 г., разрѣшить произнесеніе проповѣдей въ иновѣрческихъ церквахъ на русскомъ языкѣ?

По важности и политическому значенію сего дѣла и по отношенію его къ Православію, Министръ Вн. Дѣлъ, изложивъ все вышеизложенное, испрашивалъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія на обсужденіе онаго въ особомъ Комитетѣ.

Чья-то приписка на „запискѣ“ сдѣлана карандашомъ: 5) „Вообще разъяснить, можетъ-ли быть допущено или должно требовать употребленіе русскаго языка въ иновѣрческихъ исповѣданіяхъ.“

Рѣшивъ ввести русскій языкъ въ дополнительное богослуженіе, Министерство Вн. Дѣлъ увѣдомило объ этомъ Римско-Католическую Духовную Коллегію, прося послѣднюю высказаться по этому поводу.

Въ дѣлѣ Департамента Дух. Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, № 262, подъ заглавіемъ „Русскій языкъ въ р.-к. богослуженіи“, по этому поводу имѣется слѣдующій отвѣтъ Коллегіи (отъ 7 іюня 1868 г., № 1435) Министру Вн. дѣлъ Тимашеву:

«Ваше Высокопревосходительство, находя необходимымъ ввести однообразіе въ произнесеніи молитвъ за Государя Императора и Царствующій Домъ и чтеніе ихъ на языкѣ, употребляемомъ прихожанами, 20 января сего года за № 110 предложили Коллегіи представить Министерству свои соображенія о порядкѣ, въ коемъ могли-бы получить осуществленіе и быть примѣнены ко всѣмъ епархіямъ Имперіи слѣдующія предположенія Главнаго Начальника Сѣверо-Западнаго края:

1) Замѣнить нынѣ произносимую молитву за короля молитвой Missale Romanum за Императора.

2) Перевести, какъ эту молитву, такъ и другія за Августѣйшій Домъ на русскій языкъ и произнесеніе ея на таковомъ сдѣлать обязательнымъ во всѣхъ тѣхъ костелахъ Сѣверо-Западнаго края, гдѣ католицизмъ исповѣдуется бѣлорусскимъ населеніемъ.

3) Моленіе за Государя Императора и Царствующій Домъ на латинскомъ или польскомъ языкахъ во всѣхъ костелахъ Сѣверо-Западнаго края тѣмъ самымъ отмѣнить и

4) Принять мѣры, дабы произнесеніе сихъ молитвъ происходило непремѣнно во всѣ воскресные, праздничные и высокоторжественные дни, и притомъ непосредственно послѣ окончанія литургіи, предварительно слѣдующихъ за литургіею дополнительныхъ молитвословій и пѣснопѣній.

Какъ общенародныя молитвы за Государя Императора и Царствующій Домъ должны быть произносимы въ римско-католическихъ церквахъ на языкѣ, употребляемомъ прихожанами, а свѣдѣнія о мѣстномъ языкѣ каждаго прихода извѣстны ближе непосредственному Епархіальному Начальству, то, предварительно требуемыхъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ соображеній, Коллегія сочла нужнымъ истребовать отъ всѣхъ Епархіальныхъ Начальствъ и Могилевской Консисторіи необходимыя свѣдѣнія объ употребляемомъ прихожанами языкѣ и вмѣстѣ ихъ заключенія о порядкѣ, въ коемъ предположенія Главнаго Начальника Сѣверо-Западнаго края могутъ быть осуществлены и примѣнены въ предѣлахъ каждому Начальнику подчиненной епархіи.

Во исполненіе чего разновременно получены отъ всѣхъ Епархіальныхъ Начальствъ донесенія, сущность которыхъ сводится къ слѣдующимъ объясненіямъ:

а) Для тщательнаго и постояннаго наблюденія за единствомъ не только въ догматахъ, но и во всѣхъ вообще обрядахъ и молитвахъ римско-католической Церкви, Папа Сикстъ V въ 1587 г. учредилъ особую Конгрегацію обрядовъ (Rituum). Трудами оной, согласно постановленіямъ Вселенскаго Триденскаго Собора Зас. XXII гл. 8 de Sacrif. Missae, были пересмотрѣны и Папою изданы въ 1614 г. литургическія книги, въ томъ числѣ Rituale Romanum i Missale Romanum, которыя Папа Павелъ V утверждая, повторилъ буллы Папъ Пія V, Клементія VI и Урбана VIII, въ коихъ, подъ строжайшими церковными наказаніями (sub poena suspensionis, excommunicationis et inhabitatis in posterum), повелѣно всему духовенству отъ Патріарха до простого священника во всѣхъ римско-католическихъ церквахъ, по всѣмъ государствамъ и странамъ свѣта, буквально придерживаться не только самыхъ словъ, но и всей рубрики оныхъ, безъ малѣйшей въ чемъ либо перемѣны. Съ принятіемъ католицизма народами Литвы и Польши, цѣлое богослуженіе у нихъ совершалось, по церковнымъ правиламъ, на одномъ лишь латинскомъ языкѣ. Когда-же впослѣдствіи, въ половинѣ XVI столѣтія, съ появленіемъ реформатскаго ученія, оказалась крайняя необходимость ввести при богослуженіи въ костелахъ употребленіе польскаго, литовскаго и латышскаго нарѣчій, то на сей предметъ съ 1556 по 1631 г., въ разныхъ мѣстахъ б. Польскаго Государства, созвано было разновременно 40 епархіальныхъ и 12 провинціальныхъ синодовъ, а одобренные ими переводы нѣкоторыхъ молитвъ и святыхъ пѣсенъ были посылаемы на утвержденіе Папы въ Римъ. Такимъ образомъ на

Піотрковскомъ Синодѣ окончательно былъ примѣненъ Rituale Romanum Павла V къ духовнымъ потребностямъ польскихъ и литовскихъ провинцій, введеніемъ въ оный весьма небольшой части польскаго, литовскаго и латышскаго нарѣчій, однако не прежде былъ напечатанъ и обнародованъ (1631 г.), какъ послѣ предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія въ Римѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что по церковнымъ правиламъ недозволительно для костельнаго богослуженія дѣлать переводы молитвъ изъ литургическихъ книгъ на какой либо общенародный языкъ, тѣмъ болѣе, когда таковой не былъ еще употребленъ въ католической Церкви, и подобные переводы невозможно вводить въ богослужебное употребленіе даже подъ наказаніемъ отлученія отъ Церкви (sub poena excommunicationis), доколѣ не будутъ одобрены Папою или Конгрегаціею Rituum. Таковое неоспоримое право о литургическихъ книгахъ, какъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, возникаетъ изъ общаго правила церкви Regula juris: „nihil innoretur, nisi quod traditum est“ и существуетъ не только въ римско-католическомъ, но и въ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, которыя тоже имѣютъ свои церковныя книги, писанныя на старинныхъ, мертвыхъ, непонятныхъ уже для простонародья, нарѣчіяхъ, однако все таки свято ненарушимыя. Таковы литургіи: Холдейская, Коптская, Армянская, Старославянская, Старогреческая и др. Встрѣчаются подобныя-же права о молитвенныхъ книгахъ даже у нехристіанъ, не имѣющихъ столь крѣпкаго единства своей церкви. Напримѣръ: Магометане разныхъ націй по всему міру молятся только на священномъ для нихъ языкѣ аравійскомъ,—Евреи во всѣхъ государствахъ и странахъ свѣта молятся единственно на древнемъ еврейскомъ языкѣ, безъ малѣйшей примѣси какого либо другого,—Индѣйцы - идолопоклонники молятся на санскритскомъ, Тибетанцы на ламайскомъ языкѣ и т. д.

б) Когда, по предложенію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, указомъ Коллегіи отъ 31 августа 1832 г. предписано было Епархіальнымъ начальствамъ о провозглашеніи въ табельные и праздничные дни молитвъ за Августѣйшій Домъ на томъ языкѣ, который употребляютъ прихожане, то таковыя молитвы стали произноситься на польскомъ языкѣ, потому, во первыхъ, что языкъ этотъ, какъ выше изъяснено, съ разрѣшенія верховной духовной власти введенъ уже искони въ костельное богослуженіе, и во вторыхъ, потому, что самое большое число прихожанъ употребляютъ польскій языкъ, изъ простонародья-же, хотя говорятъ на Бѣлорусскомъ, Литовскомъ и Латышскомъ языкахъ, но и они преимущественно усвоили себѣ польскій языкъ, такъ какъ они отъ предковъ съ младенчества только на немъ одномъ молятся, обучаются катехизису, поютъ псалмы и священныя пѣсни, и слушаютъ проповѣди. Слѣдовательно означенное распоряженіе

Министерства не заключало въ себѣ никакого нововведенія, и тогда же приведено въ точное исполненіе. Если-же въ настоящее время въ тѣхъ-же молитвахъ необходимо польскій языкъ замѣнить другимъ, то можно однимъ лишь только латинскимъ, на которомъ моленія за Державный Домъ, отъ начала введенія оныхъ, произносились здѣсь и произносятся во всѣхъ прочихъ государствахъ, гдѣ существуютъ римско-католическія церкви. Хотя-же языкъ сей для бо́льшей части прихожанъ непонятенъ, однако всѣ они привыкли понимать богослуженіе на ономъ съ самаго юнаго возраста. Не говоря о грамотныхъ, которые имѣютъ на родномъ языкѣ книги, гдѣ подробно излагаются молитвы и поученія, примѣненныя ко всякому публичному богослуженію,— каждый изъ неграмотныхъ понимаетъ цѣль и значеніе молитвъ сего рода. Для этого имъ заблаговременно съ амвона объявляютъ о наступающемъ торжественномъ табельномъ и праздничномъ днѣ, приглашая ихъ къ общенародной молитвѣ о Царственномъ Домѣ, объясняютъ имъ въ проповѣдяхъ обязанности вѣрноподданнаго, а во время самаго молебствія слышатъ они произносимыя имена Августѣйшихъ Особъ, которыя, какъ имена собственныя, на всѣхъ языкахъ неизмѣняются, слѣдовательно вполнѣ знаютъ смыслъ и содержаніе сихъ молитвъ, а затѣмъ въ переводѣ ихъ на русскій языкъ не нуждаются.

и в) Событія прошедшихъ временъ показываютъ, что всякое, даже полезное, нововведеніе въ церковное богослуженіе, сопровождалось ропотомъ народнымъ, а иногда вредными послѣдствіями. Такъ, въ западной Церкви народъ ни подъ какимъ видомъ не принялъ псалтыря, переведеннаго Св. Геронимомъ съ Еврейскаго, и Церковь вынуждена была оставить in vulgata старинный переводъ псалмовъ. Такъ, изъ русской исторіи видно, что малое лишь исправленіе Московскимъ Патріархомъ Никономъ въ 1654 г. церковныхъ книгъ, безъ малѣйшей, впрочемъ, перемѣны богослужебнаго нарѣчія, породило въ Православной Церкви множество раскольничьихъ сектъ, понынѣ существующихъ. Въ настоящемъ случаѣ, что́ весьма естественно, произношеніе молитвъ на русскомъ языкѣ, доселѣ въ римско-католическихъ церквахъ небывалое и безъ предварительнаго разрѣшенія Верховнаго главы Церкви, возбудило-бы напрасно у прихожанъ, вмѣсто чувствъ благоговѣнія къ Богу и преданности къ Монарху, въ однихъ недоумѣніе, въ другихъ опасеніе о неприкосновенности прародительской вѣры и храмовъ своихъ,—что навлекло бы превратное религіозное настроеніе умовъ; между тѣмъ духовенство, лишенное тогда всякаго довѣрія прихожанъ, да притомъ неумѣющее, равно какъ и прислуга, пѣть сіи молитвы по-русски, поставлено было-бы въ крайне затруднительное и тяжелое положеніе.

Все вышепрописанное приводитъ къ полному убѣжденію,

что языкъ латинскій, какъ языкъ литургическій, на которомъ и прежде произносились моленія за Государя въ Западномъ краѣ, и произносятся во всѣхъ странахъ свѣта, можетъ лишь только одинъ замѣнить польскій въ тѣхъ-же молитвахъ, молитвахъ по существу, смыслу и содержанію своему, на какомъ бы то ни было языкѣ, всѣмъ и каждому удобопонятныхъ.

Затѣмъ Епархіальныя Начальства присовокупляютъ свѣдѣнія о языкѣ, употребляемомъ прихожанами.

По донесенію Могилевской Консисторіи, мѣстный языкъ прихожанъ костеловъ: Люцинскаго, Рѣжицкаго и Динабургскаго уѣздовъ, Витебской губерніи, есть Латышскій; въ прочихъ же уѣздахъ и во всей Могилевской губерніи польскій языкъ, и только очень не многіе, и то изъ простонародья, говорятъ однимъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, составляющимъ смѣсь польскаго съ русскимъ.

По Виленской Епархіи большая часть прихожанъ въ уѣздахъ: Трокскомъ, Свенцянскомъ, Вилейскомъ, Брестскомъ, Лидскомъ, и меньшая часть въ уѣздѣ Виленскомъ говорятъ на польскомъ языкѣ; меньшая-же часть прихожанъ пяти первыхъ уѣздовъ и большая Виленскаго употребляютъ: одни языкъ литовскій, а другіе бѣлорусскій, но всѣ они приносятъ Богу молитвы на польскомъ языкѣ. Въ городѣ-же Вильно и въ уѣздахъ: Дисненскомъ, Волковыскомъ, Ошмянскомъ, Гродненскомъ, Слонимскомъ, Кобринскомъ, Пружанскомъ, Бѣльскомъ, Бѣлостокскомъ и Сокольскомъ всѣ прихожане говорятъ и молятся на польскомъ языкѣ.

По Тираспольской Епархіи въ наибольшей части приходовъ употребляется нѣмецкій языкъ, такъ какъ въ нихъ населеніе исключительно происхожденія нѣмецкаго; другіе приходы населены исключительно армянами, и въ нихъ общеупотребительный языкъ армянскій, а прочіе приходы состоятъ изъ разныхъ націй: французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, грузинъ и частью поляковъ. Молитвы-же за Государя Императора и Царствующій Домъ произносятся въ церквахъ нѣмецкихъ приходовъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ церквахъ прочихъ приходовъ на латинскомъ. А какъ въ Тираспольской Епархіи нѣтъ населенія, употребляющаго русскій языкъ, то Епископъ Липскій находитъ удобнымъ и на будущее время произносить означенныя молитвы на латинскомъ языкѣ.

По Тельшевской Епархіи жители Ковенской губерніи употребляютъ польскій и литовскій языки, а Курляндской—по городамъ нѣмецкій, а по селеніямъ латышскій.

По Минской Епархіи четыре пятыхъ частей всего народонаселенія Минской Епархіи употребляютъ польскій языкъ, а одна пятая, которую составляютъ крестьяне, говорятъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

По донесенію Епископа, въ Луцко-Житомірской Епархіи, при произнесеніи означенныхъ молитвъ, польскій языкъ болѣе доступенъ, даже для деревенскихъ жителей римско-католическаго исповѣданія, нежели русскій.

Во исполненіе предложенія Вашего Высокопревосходительства отъ 20 января сего года за № 110 Коллегія имѣетъ честь донести, что она совершенно раздѣляетъ взглядъ подвѣдомственныхъ ей епархіальныхъ начальствъ относительно невозможности осуществленія предположеній Главнаго Начальника Сѣверо-Западнаго края, что по ея мнѣнію было бы удобнѣе, для соблюденія однообразія, совершать на латинскомъ языкѣ молитву за Государя Императора и Царствующій Домъ, которая должна быть произносима непосредственно по окончаніи литургіи и предварительно дополнительныхъ молитвословій и пѣснопѣній. Причемъ присовокупляетъ, что молитва за Императора, находящаяся in Missali Romano, исключительно предписывается за Императора Sacri Imperii Romani, *) молитва-же pro Rege **) назначена за всѣхъ прочихъ монарховъ, она не подлежитъ измѣненію безъ разрѣшенія Апостольскаго Престола.»

Но, независимо отъ того, что гр. М. Н. Муравьевъ, подавивъ мятежъ, выяснилъ вполнѣ точно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи соотношенія между русской и польской народностью, у Министерства Вн. Дѣлъ, ко времени отвѣта Коллегіи, имѣлись иныя статистическія данныя, собранныя администраціей, чѣмъ тѣ, на которыя ссылалась Коллегія. Не могло согласиться, на основаніи этихъ-же данныхъ, Министерство и со взглядомъ Коллегіи на русскій и польскій языки...

По поводу того-же хода развитія вопроса по отношенію къ Литвѣ и Бѣлоруссіи нѣсколько интересныхъ подробностей даетъ и статья б. попечителя Виленскаго учебнаго округа П. Н. Батюшкова въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1891 г., № 22).

«Дозволить обезличеніе *русскаго католика* для обращенія его въ *католика-поляка* и не противодѣйствовать этому» — говоритъ Батюшковъ: «немыслимо со стороны *русскаго православнаго Правительства*. Еще въ 1867 году, въ видахъ фактическаго огражденія *русскихъ* католиковъ отъ полнѣйшаго совращенія ихъ *въ полонизмъ*, бывшій Виленскій генералъ-губернаторъ, покойный гр. Э. Т. Барановъ, ***) сознавая, что, со введеніемъ въ костелы съ русскими прихожанами мѣстнаго языка взамѣнъ польскаго, рушилась-бы одна изъ главныхъ препонъ къ окончательному располяченію

*) „Священной Римской Имперіи“.

**) „За короля“.

***) Ген. Барановъ былъ въ Вильнѣ генералъ-губернаторомъ съ 9 октября 1866 г. по 2 марта 1868 г., передъ Потаповымъ.

Западно-Русскаго края,—ходатайствовалъ о томъ, чтобы молитвы за Царя произносимы были на природномъ мѣстномъ языкѣ прихожанъ, т. е. *по-русски*, какъ это дѣлалось почти повсемѣстно, даже въ печальные дни польскаго владычества надъ краемъ, и по его возвращеніи Россіи, вплоть до 50-хъ годовъ, на основаніи мѣстныхъ, обязательныхъ для р.-к. духовенства, соборныхъ постановленій XVII и XVIII вѣковъ, утвержденныхъ Папами. Въ этихъ постановленіяхъ, между прочимъ, было узаконено, что всѣмъ и каждому изъ ксендзовъ *обязательно* произносить *по-русски* (lingua nativa, popularis, vulgaris) проповѣди и причастныя молитвы, которыя повторялись-бы за священникомъ прихожанами, Отче нашъ, Ave Maria, Сумволъ вѣры и др.—вообще предоставлялось прихожанамъ естественное право молиться на ихъ *природномъ* языкѣ—lingua vernacula, а не на польскомъ — idioma polonicum. И эти постановленія мѣстныхъ соборовъ, утвержденныя Папами (Урбаномъ VIII, Венедиктомъ III и др.), соблюдались до изданія въ 1858 — 1864 годахъ виленскихъ требниковъ, въ которыхъ *впервые* польскій языкъ возведенъ на степень *народнаго* (vulgaris). На точномъ основаніи означенныхъ постановленій, *все, что противно имъ, лишено силы и значенія.* Но ходатайство гр. Баранова, несмотря на полное законное его требованіе, было, однако, отклонено, подъ тѣмъ предлогомъ, что *русскій языкъ* якобы неразрѣшенъ Папами въ костельныхъ богослуженіяхъ; въ дѣйствительности-же потому, что, по мнѣнію поляковъ-ультрамонтановъ, ихъ языкъ, какъ сроднившійся съ католичествомъ, менѣе опасенъ для послѣдняго, чѣмъ русскій языкъ „схизматиковъ“.

Затѣмъ, въ 1869 году, покойный гр. Д. А. Толстой, который занималъ тогда должность Мин. Нар. Просвѣщенія и оберъ-прокурора Св. Синода, принимая во вниманіе, что польскій языкъ по Высочайшимъ повелѣніямъ безусловно запрещенъ не только въ преподаваніи Закона Божія, но вообще въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, и усматривая неотложную необходимость противодѣйствовать совращенію учащагося юношества, черезъ костелъ, въ полонизмъ, призналъ надежнѣйшимъ къ тому средствомъ замѣнять польскій языкъ въ проповѣдяхъ и дополнительномъ богослуженіи въ костелахъ, *посѣщаемыхъ учащимися*, мѣстнымъ русскимъ государственнымъ языкомъ, который, вслѣдствіе давленія на него внѣшнихъ обстоятельствъ религіозно-политическаго свойства, былъ замѣненъ чуждымъ населенію нарѣчіемъ, на каковую мѣру свѣтская власть, *безъ всякаго на то разрѣшенія римской куріи*, имѣетъ неотъемлемое право. Сдѣлавъ черезъ бывшаго попечителя учебнаго округа предварительное распоряженіе о переводѣ молитвенниковъ (алтариковъ), воскресныхъ и праздничныхъ евангелій (по вульгатѣ), катехизиса и другихъ книгъ духовнаго содержанія для учениковъ-католиковъ съ польскаго на

русскій языкъ, гр. Толстой поручилъ ксендзамъ-законоучителямъ принять къ руководству эти переводы, одобренные римско-католическою коллегіею, которая, конечно, затруднилась-бы дать на это свое согласіе, еслибы нуждалась въ разрѣшеніи римской куріи. Переводы эти, напечатанные съ вѣдома Св. Синода, были въ значительномъ количествѣ экземпляровъ розданы безмездно учащимся; прежніе-же польскіе молитвенники, изъ коихъ многіе по указаніямъ самихъ законоучителей, оказались съ тенденціознымъ, враждебнымъ Россіи, направленіемъ, съ молитвами объ «ойчизнѣ» къ королевичу Казимиру, патрону Литвы, къ Станиславу, патрону Польши, и др., большею частью заграничной печати, непропущенные цензурой, были ксендзами отобраны отъ учениковъ и сданы въ архивъ управленія учебнымъ округомъ. Съ приведеніемъ въ дѣйствіе означенныхъ мѣръ, учащіеся стали посѣщать костелы съ новыми *русскими* молитвенниками. Одобренныя р.-к. коллегіей *въ переводѣ*, молитвы дополнительнаго богослуженія вошли въ употребленіе въ костелахъ, безъ малѣйшаго со стороны ксендзовъ и прихожанъ протеста, взамѣнъ прежнихъ польскихъ; проповѣди стали произноситься по-русски, черезъ что костелы перестали быть очагами полонизаціи русскаго учащагося юношества.

Одновременно со введеніемъ русскаго языка въ костелы, посѣщаемые учащимися, по вчинанію б. Виленскаго губернатора, контръ-адмирала И. А. Шестакова, а за нимъ и другихъ начальниковъ С.-Западнаго края, весьма немногіе костелы съ *русскими прихожанами*, совращенными въ папизмъ, огласились родными для нихъ звуками, особенно въ Минской губерніи, *) гдѣ не только проповѣди и дополнительное богослуженіе стали произноситься ксендзами на родномъ (lingua nativa) языкѣ прихожанъ, но и молитвы при крещеніи, бракосочетаніи, погребеніи и др., которыя неправильно произносились на чуждомъ прихожанамъ языкѣ, замѣнены русскими.

Ксендзы-законоучители гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, принимавшіе motu proprio участіе во введеніи русскаго языка въ дополнительное богослуженіе и въ молитвословія, произносимыя въ костелахъ по-польски, вопреки правилъ мѣстныхъ соборовъ, утвержденныхъ Папами, удостоились Высочайшаго вниманія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, изволившаго въ 1868—69 годахъ, по всеподданнѣйшимъ ходатайствамъ Министровъ Вн. Дѣлъ и Народн. Просвѣщенія и синодальнаго оберъ-прокурора отличить полезную ихъ дѣятельность пожалованіемъ медалей и орденовъ.

При постоянной заботливости о русскихъ началахъ и интересахъ Западнаго края, гр. Д. А. Толстой всеподданнѣйше исхо-

*) Изъ числа 52 костеловъ Минской губерніи русскій языкъ былъ введенъ въ концѣ 60 хъ и началѣ 70-хъ годовъ въ 32-хъ.—(Примѣч. Батюшкова).

датайствовалъ Высочайшее повелѣніе (въ февралѣ 1869 г.), на основаніи котораго со стороны Министерства Нар. Просвѣщенія учрежденъ былъ ближайшій надзоръ за преподаваніемъ русскихъ предметовъ въ р.-к. семинаріяхъ, куда большинство учениковъ вербуется изъ польской шляхты и изъ фанатическихъ семействъ ополяченныхъ русскихъ католиковъ. Эта мѣра была крайне необходима въ виду того, что клерики, послѣ ихъ рукоположенія въ ксендзы, не владѣя свободно русскимъ языкомъ, не могли исполнять обязанностей, возложенныхъ на нихъ вышеозначенными постановленіями».

Что касается до, такъ называемой, закулисной стороны этого дѣла, по отношенію къ русскому языку, вводимому въ р.-к. костелахъ Бѣлоруссіи, то несомнѣнно, что вопросъ этотъ, столь неудачно поднятый Виленскимъ генералъ-губернаторомъ Барановымъ, получилъ новый толчекъ въ то время, когда во главѣ Министерства Вн. Дѣлъ стояли генералъ Тимашевъ и статсъ-секретарь Маковъ, только благодаря личному воздѣйствію кс. Сенчиковскаго.

Будучи первымъ ксендзомъ Бѣлоруссіи, въ силу глубокаго убѣжденія, по собственному почину, начавшимъ вводить русскій языкъ въ тѣ костелы, гдѣ онъ служилъ, еще въ эпоху возстанія, увлекши, затѣмъ, примѣромъ своимъ по этому пути и другихъ бѣлорусскихъ ксендзовъ, Сенчиковскій, близко знакомый съ Л. С. Маковымъ (игравшимъ видную роль при Тимашевѣ въ качествѣ Правителя Особенной при немъ канцеляріи, и пріѣзжавшимъ въ имѣнье свое «Марьина-Горка», Минской губерніи, Игуменскаго уѣзда), постепенно успѣлъ убѣдить послѣдняго не только въ исторически-бытовомъ и государственномъ значеніи русскаго языка въ дѣлѣ располяченія бѣлорусскаго католицизма, но, что еще важнѣе, наглядно показалъ ему въ Блонскомъ костелѣ, на сколько подобная мѣра и осуществима на практикѣ, и не вызываетъ протестовъ со стороны мѣстнаго р.-к. населенія.

Отсюда ясенъ былъ выводъ, что возможно надѣяться на введеніе русскаго языка во всей Минской губерніи, а, затѣмъ, и далеко за ея предѣлами, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, при извѣстномъ подборѣ преданныхъ Правительству, проникнутыхъ обрусительнымъ направленіемъ, ксендзовъ, при давленіи на нихъ высшей власти, и также при умѣломъ содѣйствіи на мѣстѣ губернской и уѣздной администрацій.

Къ 1869 году были замѣчены отдѣльныя попытки и другихъ ксендзовъ Сѣверо-Западнаго края, свидѣтельствовавшія о томъ, что стремленіе въ сторону русскаго языка какъ-бы начинаетъ укрѣпляться, какъ въ сознаніи населенія нашихъ Западныхъ окраинъ, такъ и среди р.-к. духовенства.

Это еще болѣе поддержало Л. С. Макова въ томъ, что столь настойчиво и давно проповѣдывалъ ему Сенчиковскій, т. е. въ осуществимости національно-патріотическаго начинанія.

Когда въ Министерствѣ Вн. Дѣлъ накопился, затѣмъ, достаточный матеріалъ, то Маковъ, котораго Сенчиковскій окончательно увѣрилъ въ своевременности и удобоисполнимости общей реформы, поручившись, что проведетъ ее въ Минской губерніи, рѣшилъ первоначально, при поддержкѣ Тимашева, осуществить эту реформу такъ, какъ совѣтовалъ Сенчиковскій, т. е. въ видѣ категорическаго Высочайшаго повелѣнія, при томъ одновременно, во всѣхъ костелахъ нашей Западной окраины—Сѣверной и Южной...

Однако, подобный проектъ встрѣтилъ противодѣйствіе, какъ изъ Рима, такъ и въ Петербургѣ—со стороны Митрополита всѣхъ р.-к. церквей Россіи.

Пришлось согласиться на нѣчто среднее, на полу-мѣру, продиктованную Ватиканомъ, гдѣ все было сведено къ желанію прихожанъ, къ сочувствію р.-к. духовенства...

Такимъ-то образомъ Высочайшее повелѣніе 25 декабря 1869 г. вылилось, въ сущности, въ Высочайшее «разрѣшеніе».

А этого только и нужно было, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, польско-іезуитской пропагандѣ, руководимой Римомъ...

Несомнѣнно, что Маковъ и Сенчиковскій питали надежду на то, что, брошенная въ бѣлорусское населеніе, въ практику бѣлорусскаго костела, идея русскаго національнаго языка, пробудитъ, со временемъ, въ томъ-же населеніи р.-к. обрядности, болѣе глубокія струны...

Тогда возможно было-бы полумѣру обратить въ нѣчто болѣе опредѣленное, обязательное...

Все, конечно, зависѣло отъ успѣха попытки...

Въ случаѣ такого успѣха можно было и Риму поднести, въ отвѣтъ, настроеніе массъ...

Можетъ удивить, однако, то обстоятельство, что инициатива, въ данномъ опытѣ располяченія р.-к. костеловъ, исходила какъ-бы отъ самаго полякующаго А. Л. Потапова.

Это ненормальное явленіе, на сколько намъ извѣстно, произошло опять-таки подъ давленіемъ Министерства Вн. Дѣлъ—въ лицѣ Л. С. Макова, а не потому, чтобы Потаповъ сочувствовалъ русскому языку, какъ обрусительному элементу.

Маковъ-же былъ причиною и благопріятнаго отзыва по предполагавшейся мѣрѣ со стороны генералъ-губернатора Юго-Западнаго края—отзыва, совпавшаго, по существу, съ докладомъ Потапова и вызвавшаго созданіе особаго „Комитета“.

Роль Сенчиковскаго, явившагося душой дѣла, вдохновителемъ Л. С. Макова, а, значитъ, и всего Министерства Вн. Дѣлъ

того времени, хорошо была извѣстна и въ Россіи, и за-границей, чему можетъ служить доказательствомъ и брошюра («открытое письмо») профессора Краковскаго университета кс. Кнапинскаго къ покойному канонику, съ которой мы познакомимся своевременно (въ главѣ XII).

Какъ-бы то ни было, но Высочайшее повелѣніе 25 декабря 1869 года, наконецъ-то, появилось *).

Приведемъ текстъ его:

„Государь Императоръ, въ отеческомъ попеченіи о своихъ вѣрноподданныхъ безъ различія вѣроисповѣданія, желая, чтобы тѣ изъ нихъ, которые роднымъ своимъ языкомъ считаютъ языкъ русскій, въ томъ или другомъ его нарѣчіи, не были лишены права пользоваться имъ въ дѣлахъ своей религіи, Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить употребленіе русскаго языка въ Богослуженіи и вообще въ дѣлахъ религіи всѣхъ иновѣрческихъ исповѣданій; но, какъ само собой разумѣется, въ примѣненіи этого распоряженія къ Богослуженію римско-католической Церкви для оной остается литургическимъ языкомъ установленный таковой Церковью языкъ латинскій, то и разрѣшеніе относится только къ дополнительному Богослуженію, или къ тѣмъ частямъ онаго, для которыхъ вмѣсто языка латинскаго употребляются уже другіе языки, какъ-то нѣмецкій, французскій, польскій, латинскій и др.“.

Предлагая Римско-Католической Духовной Коллегіи (31 января 1870 г., за № 9) **) это Высочайшее повелѣніе, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ писало:

«Его Высокопревосходительство, предлагая о семъ Коллегіи, для объявленія подлежащимъ начальствамъ, изволилъ объяснить, что такъ какъ настоящая мѣра имѣетъ цѣлью—удовлетворить потребностямъ мѣстнаго населенія, то на духовномъ начальствѣ будетъ лежать обязанность—содѣйствовать примѣненію ея тамъ, гдѣ она будетъ соотвѣтствовать нуждамъ и желанію прихожанъ. Сообразно сему начальники епархіей, усмотрѣвъ пользу введенія этой мѣры въ данной мѣстности, или въ случаѣ поступленія къ нимъ ходатайствъ отъ приходского духовенства о разрѣшеніи ввести русскій языкъ въ проповѣди и дополнительное богослуженіе, будутъ представлять свои соображенія и заключенія по всѣмъ таковымъ ходатайствамъ въ Министерство Вн. Дѣлъ, на которое означеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ возложено окончательное ихъ разрѣшеніе“.

Съ чуткостью человѣка, слишкомъ близко и хорошо знав-

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча.

**) Тамъ-же, въ копіи.

шаго Бѣлоруссію, подпольную дѣятельность тамъ р.-к. духовенства и наличныя силы мѣстной администраціи, Сенчиковскій сейчасъ-же увидѣлъ въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи ту слабую сторону, которою непремѣнно воспользуются враги русскаго дѣла.

Въ бумагахъ его сохранилась, по этому поводу, слѣдующая его, любопытная замѣтка (безъ даты) *).—

«Вчера прочиталъ я въ газетѣ «Свѣтъ» о томъ, что переговоры съ Римомъ окончены», пишетъ Сенчиковскій для кого-то: «Папа согласился на замѣну языка польскаго въ проповѣдяхъ русскимъ—въ русскихъ провинціяхъ «*тамъ, гдѣ этого пожелаютъ прихожане и ксендзы*». Вотъ и умудрились! Это значитъ, что нигдѣ языкъ русскій не будетъ употребляемъ.—Это тонкая лазейка, на которую можетъ согласиться каждый ярый изъ ярыхъ поляковъ и которая вопросъ о языкѣ русскомъ окончательно уничтожаетъ и предоставляетъ законное и полнѣйшее раздолье интригѣ, противодѣйствію и борьбѣ съ Правительствомъ, ибо хотя многіе бы и пожелали, но ихъ не только не допустятъ заявить объ этомъ, но выживутъ, съѣдятъ и, опозоривъ, предадутъ анаѳемѣ. Ну, услужили, нечего сказать! Только враги Россіи могли придумать эту лазейку. По моему, слѣдовало-бы такъ: на картѣ Россіи обозначить провинціи Малорусскія, Бѣлорусскія, Литовскія и Великорусскія; въ этихъ-то провинціяхъ, искони русскихъ, и долженъ быть языкъ русскій;—обозначивъ на картѣ не фантастическія, но истинно-польскія губерніи—въ оныхъ и оставить языкъ польскій. А то выходитъ, что напр. въ Сибири можетъ остаться языкъ польскій, ибо здѣсь, хотя коренной народъ чисто русскій, но католики—это ссыльные поляки за польскій мятежъ. Но такъ-ли это? Въ Сибири едва 2—3% находится чистыхъ поляковъ; всѣ остальные, даже ссыльные за польскій мятежъ, это бѣлоруссы, литовцы, малороссы и даже москвичи но они католики, вовлеченные, одураченные, сбитые съ толку до того, что, не понимая даже языка польскаго, какъ многіе здѣшніе латыши и жмудяки, называютъ себя поляками потому, что они католики. Это выходитъ, что куда-бы ни заѣхалъ или ни былъ сосланъ католикъ, нѣмецъ-ли онъ, французъ, италіанецъ или бѣлоруссъ—тамъ уже и польскій языкъ и Польша, и поляками должны значиться. Значитъ и въ Туркестанѣ останется языкъ польскій, ибо и тамъ мнимые и мнящіе себя поляками—бѣлоруссы и малоруссы?! Это выйдетъ такой сумасбродный абсурдъ, такая нелогичность, что, какъ говорится: „ни самому поглядѣть, ни другому показать“.—Словомъ, это сдѣлано для того, чтобы потеряться въ лабиринтѣ глупѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вреднѣйшихъ лазеекъ и этимъ окончательно затормозить

*) Бумаги С—го, находящіяся у А. В. Ж—ча.

дѣло. И какъ это не подумали, что послѣ такого гоненія и нравственно-инквизиціоннаго преслѣдованія, какое претерпѣли всѣ, неподдѣльно преданные русскому дѣлу люди, послѣ того, какъ все, ими сдѣланное, уничтожено—теперь явится кто либо, который бы, очертя голову, заявилъ, что онъ желаетъ языка русскаго на мѣсто польскаго?

Это и сбылось, что Римъ взялъ все, что́ можно только было взять, но не только ничего не далъ взамѣнъ взятаго, а, напротивъ, уничтожилъ то, что́ было уже, да еще бросилъ въ Россіи кость раздора и пламя интригъ, непокоя и пропаганды. И вышли дѣла послѣднія —хуже первыхъ. Потому, что дѣла эти дѣлались нашими выскочками А..., М..., Б... и К° *) либералами, которые умѣютъ наварить кашу, но расхлебывать ее должна Россія и ея вѣрные сыны.—Этого-бы не было, если-бы оберъ-прокуроръ Св. Синода былъ главнымъ начальникомъ надъ Департаментомъ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій».

Изъ другихъ бумагъ и переписки Сенчиковскаго видно, что эту «лазейку», по его мнѣнію, измѣннически подсказали въ Петербургѣ поляки изъ лагеря польско-іезуитской пропаганды...

Не могло не имѣть въ глазахъ его угрожающаго значенія и то обстоятельство, что, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Вильнѣ, чиновничество, вмѣстѣ съ римско-католическимъ духовенствомъ, поспѣшило перекрестить Высочайшее „повелѣніе" въ „Высочайшее разрѣшеніе", какъ-бы подчеркивая тѣмъ необязательность вводимой Правительствомъ реформы...

Приходится и намъ считаться, поэтому, въ будущемъ, съ такимъ канцелярско-іезуитскимъ терминомъ.

Какъ увидимъ въ послѣдующемъ изложеніи, дальновидныя опасенія Сенчиковскаго вполнѣ и притомъ немедленно-же оправдались, а замѣченная имъ «лазейка» была использована врагами его и родины—агентами польско-іезуитской справы въ полной степени...

Онъ хорошо, конечно, видѣлъ, что изъ подобной полу-мѣры ничего путнаго не выйдетъ, что идти въ народъ и проводить подобное, шаткое начинаніе въ жизнь послѣдняго, въ практику р.-к. костеловъ Бѣлоруссіи,—равносильно добровольному преданію себя на позорное, крестное страданіе.

Но не въ его натурѣ было останавливаться на полъ-дорогѣ. Оставалось на дѣлѣ доказать обѣщаніе, данное Макову...

Кромѣ того, Сенчиковскій убѣдилъ себя, что Высочайшее повелѣніе, даже въ томъ видѣ, какъ оно создалось Петербургс-

---

*) Въ текстѣ рукописи названы фамиліи.

кимъ чиновничествомъ,все-же--шагъ впередъ въ дѣлѣ располяченія католицизма, какъ гласное признаніе русскимъ Правительствомъ извѣстнаго принципа о значеніи русскаго языка.

Въ одномъ изъ документовъ, съ которымъ мы познакомимся позднѣе, покойный высказываетъ ту мысль, что означенное повелѣніе, въ сущности, «нисколько не стѣсняетъ дѣйствій приходского духовенства и не подчиняетъ онаго безпрекословно повиноваться всѣмъ и каждому изъ прихожанъ. Напротивъ, Правительство, согласно праву каноническому, предоставляетъ духовенству полную возможность (какъ и всегда это было) руководить прихожанами и вести ихъ путемъ истины».

Исходя изъ такихъ, вполнѣ разумныхъ, положеній, Сенчиковскій и производилъ неуклонное давленіе на подчиненное ему р.-к. духовенство, требуя отъ него, по духу и смыслу Высочайшаго повелѣнія, введенія русскаго языка въ дополнительное богослуженіе, какъ дѣла патріотическаго, полезнаго бѣлорусскому населенію (ибо оно, это введеніе, вмѣстѣ съ польскимъ языкомъ, изгоняло вредный народу полонизмъ изъ костела).

Покойный по опыту зналъ, что если ксендзы пожелаютъ пойти на встрѣчу Правительству и ввести русскій языкъ, то народъ двинется за ними слѣпо и безпрекословно...

Лучше, чѣмъ кому либо другому, была ему извѣстна главная причина, по которой р.-к. духовенство, при отрицательныхъ нравственныхъ качествахъ значительной его части, не отличаясь особой культурностью и образованіемъ, тѣмъ не менѣе деспотически властвуетъ надъ душой простолюдиновъ: при запрещеніи мірянамъ читать слово Божіе безъ разрѣшенія ксендза, этотъ послѣдній, въ глазахъ населенія р.-к. исповѣданія, является какъ-бы единственнымъ истолкователемъ народу слова Божія.

Отсюда и важное значеніе въ р.-к. Церкви для народа языка богослужебнаго, т. е. того языка, на которомъ ксендзами преподается слово Божіе.

А. П. Владимировъ, въ «Русскомъ Обозрѣніи» за 1893 г.— въ статьѣ объ изгнаніи польскаго языка изъ русскаго костела, писалъ совершенно вѣрно слѣдующее:

«Планъ введенія народнаго языка (для бѣлоруссовъ — русскаго, для литовцевъ и жмудиновъ — литовско-жмудскаго, для латышей—латышскаго)—въ богослуженіе р.-к. костела— ненавистенъ для поляковъ. Они хорошо знаютъ, что языкъ есть главное выраженіе народности и главный проводникъ ея, и что особенную важность для народа имѣетъ языкъ богослужебный. Для простолюдина храмъ есть почти единственный культурный факторъ. Для него по преимуществу богослужебный языкъ есть языкъ высшей жизненной сферы, и получаетъ высшій авторитетъ и освященіе—становится „священнымъ языкомъ“. Такимъ

образомъ для русскаго католика Западной Россіи дѣлается священнымъ языкомъ польскій — языкъ чужой и враждебной ему народности. Какой результатъ этого? – Польскій языкъ дѣлается языкомъ всей его жизни. А съ языкомъ польскимъ входятъ въ него польскія идеи, чувства, стремленія — и коренной русскій человѣкъ отрывается отъ своей родной народности и «ополячивается», т. е. начинаетъ сознавать себя полякомъ и дѣлается врагомъ своего отечества. Все это хорошо понимаютъ поляки и со всею ненавистью относятся къ этому плану. За него были умерщвлены ими виленскіе прелаты Тупальскій и Копцеговичъ, — объ ожесточенныхъ преслѣдованіяхъ другихъ ксендзовъ, содѣйствовавшихъ осуществленію этого плана, я здѣсь умалчиваю. Когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошелъ слухъ, что Папа согласенъ на располяченіе западно-русскаго католичества, то поляки печатно заявили, что они тогда весь польскій народъ переведутъ изъ католичества въ протестантство. Когда-же потомъ этотъ слухъ оказался ложнымъ, то поляки поздравляли себя съ тѣмъ, что «москалю не удалось разломить обручальное кольцо Ядвиги и Ягелло (читай – разорвать порабощеніе западно-русскихъ народностей польщизнѣ)».

Вотъ почему Сенчиковскій, близко знавшій Владимирова и солидарный съ нимъ во взглядахъ на значеніе языка и р.-к. духовенства въ практикѣ западно-русскаго костела, всю силу удара своего и направилъ на подчиненныхъ ему ксендзовъ.

Противодѣйствію зараженнаго воинствующимъ полонизмомъ р.-к. духовенства, да космополитизму Петербургскихъ чиновниковъ, приписываетъ онъ неудачу сдѣланныхъ имъ въ этомъ направленіи усилій.

Ожиданіе Высочайшаго повелѣнія заставило канцелярію Виленскаго генералъ-губернатора, на основаніи оффиціальныхъ документовъ, сдѣлать подсчетъ тѣмъ ксендзамъ, которые уже извѣстны были мѣстной гражданской власти, какъ дѣйствующіе въ направленіи введенія русскаго языка, на которыхъ, поэтому, можно было-бы положиться.

Въ результатѣ, въ вышеупомянутомъ дѣлѣ № 71 (1869 – 1870 г.г.) имѣются два списка.

1-й изъ нихъ «ксендзамъ, произносившимъ проповѣди или молитвы за Царствующій Домъ на русскомъ или бѣлорусскомъ языкѣ».

Въ спискѣ упомянутъ, между прочими: «Викарный Ѣлонскаго костела Ферд. Сенчиковскій при совершеніи обрядовъ употребляетъ русскій языкъ, произноситъ проповѣди и молитву за Царствующій Домъ на русскомъ языкѣ».

Противъ фамиліи Сенчиковскаго, въ графѣ „получилъ-ли награду, какую и когда; если не получилъ, то представленъ-ли

и когда?“ значится: „назначенъ настоятелемъ Блонскаго прихода“.

Въ томъ-же спискѣ (по Минской губерніи) показанъ и другой ксендзъ — законоучитель Минской гимназіи Брониславъ Заусцинскій, какъ «совершившій благодарственное молебствіе за спасеніе жизни Государя Императора» — съ отмѣткою въ вышеупомянутой графѣ, что онъ 27 іюня награжденъ орденомъ св. Станислава 3 ст.

Второй списокъ болѣе подробенъ.

Мы приводимъ его цѣликомъ, въ отношеніи не одной лишь Минской губерніи, а всего тогдашняго Сѣверо-Западнаго края, чтобы можно было составить себѣ хоть нѣкоторое понятіе объ общихъ размѣрахъ движенія русской идеи въ католицизмѣ всего С.-З. края, ко времени опубликованія Высочайшей воли.

«СПИСОКЪ

ксендзамъ, произносившимъ проповѣди или молитвы за Царствующій Домъ на русскомъ или бѣлорусскомъ языкахъ.

№	Имя и фамилія ксендза, названіе прихода, губерніи.	Получилъ-ли награду и когда? Если не получилъ, то представленъ-ли и когда?
	Витебской губерніи.	
1	Настоятель Лепельскаго костела кс. *Сморчевскій* первый въ 1868 году началъ проповѣдывать на русскомъ языкѣ.	15 іюля 1869 г. Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Станислава 3 ст.
	Ковенской губерніи.	
2	Настоятель Салатскаго прихода кс. Онуфрій *Рубажевичъ* произнесъ молитву за Царствующій Домъ.	9 мая 1869 г. Всемилостивѣйше награжденъ наперстнымъ крестомъ.
3	Филіалистъ Жеймельскаго прихода кс. Альбинъ *Рубша*, тоже, при чемъ мальчики пѣли на русскомъ языкѣ молитвы «Тебѣ Бога хвалимъ», «Коль Славенъ» и «Спаси, Господи».	Тоже.
	Минской губерніи.	
4	Законоучитель Минской гимназіи кс. Брониславъ *Заусцинскій* совершилъ благодарственное молебствіе за спасеніе жизни Государя Императора.	27 Іюня—орденомъ Св. Станислава 3 ст.

5	Викарный Блонскаго костела Фердинандъ *Сенчиковскій* при совершеніи обрядовъ употребляетъ русскій языкъ, произноситъ проповѣди и молитву за Царствующій Домъ на русскомъ языкѣ.	Назначенъ настоятелемъ Блонскаго прихода.
6	Законоучитель Слуцкой гимназіи кс. Станиславъ *Лемпицкій* совершилъ молебствіе и произнесъ слово по случаю начала учебнаго года.	Предполагается включить въ общее представленіе.
7	Законоучитель Мозырской гимназіи каноникъ *Копцеговичъ* при открытіи курса ученія служилъ молебенъ и произнесъ рѣчь.	Тоже.
8	Законоучитель Бобруйской гимназіи кс. Александръ *Янковскій* вмѣстѣ съ деканомъ *Макаревичемъ* отслужили молебенъ за Царствующій Домъ и объявили, что на будущее время въ высокоторжественные дни будутъ совершать послѣ литургіи молебствіе на русскомъ языкѣ.	Предполагается включить въ общее представленіе.
	Гродненской губерніи.	
9	Законоучитель Бѣлостокской гимназіи кс. Константинъ *Берниковичъ* при раздачѣ воспитанникамъ молитвенниковъ на русскомъ языкѣ произнесъ въ костелѣ рѣчь.	31 октября орденомъ Св. Станислава 3 ст.
10	Законоучитель Гродненской гимназіи почетный каноникъ Феліціанъ *Бедржинскій* сказалъ рѣчь на русскомъ языкѣ по случаю раздачи ученикамъ молитвенниковъ.	Гродненскій губернаторъ просилъ награжденія орденомъ Св. Станислава 2 ст.; но г. Главный Начальникъ края оставилъ это ходатайство безъ послѣдствій.
	Виленской губерніи.	
11	Лидскій деканъ Брониславъ *Карповичъ* совершилъ молебствіе за здоровье Его Величества.	31 октября—орденомъ Св. Станислава 3 ст.

12	Вилейскій деканъ *Юргевичъ*, тоже.	Состоитъ подъ слѣдствіемъ.
13	Настоятель Веверскаго приходского костела кс. Антоній *Кулаковскій*—тоже и заявилъ, что впредь, въ каждый табельный день, будетъ совершать молебствіе на русскомъ языкѣ.	Представленъ 6 ноября № 1869 къ ордену Св. Станислава 3 ст.
14	Настоятель ' венцянскаго костела и свенцянскій деканъ Іоаннъ *Каминскій* съ 5-го октября произноситъ проповѣди по-русски и читаетъ молитву за Царствующій Домъ на томъ-же языкѣ.	Предполагается включить въ общее представленіе.
15	Викарный Тургельскаго прихода кс. *Борковскій*, съ согласія настоятеля, 23-го минувшаго ноября произнесъ проповѣдь на Бѣлорусскомъ нарѣчіи.	Т о ж е.

Примѣчаніе: Предложеніемъ Витебскому губернатору 6 декабря 1868 г. № 17880 разрѣшено ксендзамъ въ Латышскихъ приходахъ произносить на латышскомъ языкѣ проповѣди, переводимыя изъ преподанныхъ руководствъ Филипецкаго и Бялобржескаго.

Въ Высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ въ отношеніи Министра Вн. Дѣлъ отъ 25 февр. 1852 г. № 490, сказано, что Государь Императоръ, обративъ вниманіе на то, что проповѣди въ Латышскихъ костелахъ вездѣ произносятся на мѣстномъ, понятномъ народу языкѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ подтвердить Латышскому духовенству произносить молитву о благоденствіи Августѣйшаго Дома не исключительно по-польски, а въ каждомъ приходѣ на томъ языкѣ, на которомъ говорятъ прихожане».

Статья В. П. Кулина «Вѣрноподданническіе адресы р.-к. духовенства и продѣлки ксендзовъ въ Вильнѣ» *) ярко рисуетъ дѣйствія прелата Жилинскаго и р.-к. духовенства Сѣверо-Западнаго края, въ эпоху появленія въ Вильнѣ Высочайшаго повелѣнія.

В. П. Кулинъ сообщаетъ:

«10 ноября минувшаго 1869 года прелатъ Жилинскій, адми-

*) Напечатанная въ 1870 г въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» и которую приводимъ изъ книги И. П. Корнилова «Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ» (выпускъ 1-й, 1908 г.) съ примѣчаніемъ Корнилова, что она «писана въ 1868 или 1869 г.»

нистраторъ Виленской р.-к. епархіи, имѣлъ счастіе быть представленнымъ Государю Императору; причемъ прелатъ выразилъ передъ Его Величествомъ вѣрноподданническія чувства духовенства Виленской епархіи. По возвращеніи въ Вильну, принимая подвѣдомственное ему духовенство, прелатъ Жилинскій произнесъ рѣчь, въ которой открыто выяснилъ свои отношенія къ католичеству и къ Россіи, какъ къ своему отечеству.

„Я“, говорилъ онъ: „по своимъ догматическимъ убѣжденіямъ, сущій католикъ; въ политическомъ-же отношеніи я ревностный русскій патріотъ и готовъ всѣмъ пожертвовать за Отечество и Государя“.

То же самое писалъ онъ и въ окружномъ посланіи къ духовенству своей епархіи. Такое заявленіе произвело сильное впечатлѣніе на духовенство и на паству: одни, на сколько искренно,— Богъ знаетъ, одобряютъ слова прелата; другіе кипятъ противъ него злобою, какъ противъ предателя «ойчизны». И, надо сказать правду, враговъ у прелата больше, чѣмъ друзей. Какъ-бы то ни было, но вскорѣ р.-к. духовенство Виленской губерніи и отчасти Минской откликнулось сочувственными адресами и письмами на голосъ своего администратора.

Въ адресѣ Виленскаго р.-к. каѳедральнаго капитула, довольно пространномъ, помѣщены, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя строки:

«Итакъ, призвавъ въ свидѣтели Всевышняго Бога, каѳедральный капитулъ торжественно заявляетъ, что Ваше (прелата Жилинскаго) донесеніе Государю Императору о безпредѣльной преданности духовенства Виленской епархіи Ему и всему Царствующему Дому есть самовѣрнѣйшее въ отношеніи сего капитула, и члены его останутся до послѣдней минуты жизни, какъ сущими римско-католиками, такъ и преданнѣйшими сынами Престола и дорогого своего отечества, святой Россіи. А чтобы увѣковѣчить сіе искреннее свое заявленіе, капитулъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ: настоящій документъ записать въ свои акты, чтобы грядущіе преемники знали одушевленныя чувства своихъ предшественниковъ и подражали ихъ примѣру».—

Въ адресѣ на имя Жилинскаго, представленномъ духовенствомъ Виленскаго уѣзднаго деканата, между прочимъ, значится:

„Мы всѣ единогласно говоримъ и клянемся, что всякое распоряженіе Правительства нашего, передаваемое черезъ Васъ, Ваше Высокопреподобіе, и, наконецъ, мѣры, избранныя Вами неукоснительныя въ цѣли достиженія блага отечества и народа его, мы свято исполнимъ“.

Въ адресѣ духовенства Слуцкаго деканата, Минской губерніи, подписанномъ 49 ксендзами, при выраженіи вѣрноподданническихъ своихъ чувствъ, упомянуто слѣдующее:

«Мы ничего общаго не имѣемъ, какъ и не имѣли, съ богопротивнымъ недавнимъ возстаніемъ».

Эти вѣрноподданническіе адресы р.-к. духовенства, разнесенные газетною печатью по всей Россіи, невольно наводятъ на размышленія. Вѣрить имъ или не вѣрить?—Недовѣрять было-бы обидно, больно за духовенство, за его человѣческое достоинство. Люди отрекаются отъ всякой солидарности съ мятежомъ, заявляютъ о своей вѣрности Правительству, о безпредѣльной преданности дорогому своему отечеству Россіи—и все это они дѣлаютъ открыто, торжественно, добровольно,—говорю—добровольно,—потому, что они могли-бы и не посылать адресовъ, какъ и сдѣлало большинство р.-к. духовенства въ Сѣверо-Западномъ краѣ: изъ губерній Ковенской и Гродненской не поступило ни одного адреса, изъ Минской заявилъ о себѣ только одинъ Слуцкій уѣздъ, изъ Виленской тоже далеко не всѣ уѣзды отправили адресы. Итакъ, неужели въ этихъ адресахъ нѣтъ правды, а все—лицемѣріе, завѣдомая ложь?—Въ такомъ случаѣ, что-же слѣдуетъ думать о подписавшихся?—Значитъ, въ нихъ отсутствуетъ простая, обыкновенная, житейская честность. Но не будемъ оскорблять ихъ подобнымъ тяжкимъ подозрѣніемъ, повѣримъ благородству человѣческаго сердца и повременимъ съ окончательнымъ приговоромъ; лучше подождемъ фактовъ и посмотримъ, какими дѣлами оправдаютъ ксендзы столь торжественно заявляемую ими нынѣ «безпредѣльную преданность Престолу и дорогому своему отечеству, святой Россіи».

Любопытно, съ какимъ чувствомъ лѣтъ черезъ 10 или 15 „грядущіе преемники" нынѣшнихъ членовъ Виленскаго капитула прочтутъ документъ, внесенный въ капитульные акты, «о чувствахъ, одушевлявшихъ ихъ предшественниковъ», и будутъ-ли «подражать ихъ примѣру». Кто доживетъ—узнаетъ.

Съ другой стороны, наученные горькимъ опытомъ недавняго прошлаго, зная и давно минувшее, опасаемся вполнѣ предаваться радостнымъ надеждамъ. Ну, а что думать о тѣхъ, которые не подавали адресовъ?—Или они не раздѣляютъ чувствъ Виленскихъ своихъ собратій, или, какъ настоящіе русскіе подданные, считаютъ излишнимъ заявлять о своей вѣрности государству, какъ о фактѣ, неподлежащемъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, русскій подданный, пользующійся со стороны государства значительными правами, получающій изъ казны жалованье, лицо духовнаго сана, которому ввѣрена паства изъ русскихъ-же подданныхъ, большею частію даже русскаго происхожденія, говоритъ публично, что онъ вѣренъ русскому Правительству. Да это разумѣется само собою, развѣ можетъ быть иначе! Но адресы поданы—и толковать нечего; остается ждать событій.

Пока, однако, что будетъ, а уже кое-что есть, и при томъ крайне неблаговидное; да и произошло-то оно не въ далекой

глуши гдѣ нибудь, а, какъ на бѣду, въ Вильнѣ, въ той самой Вильнѣ, гдѣ недавно еще такъ краснорѣчиво звучала благонамѣренная рѣчь прелата Жилинскаго; поистинѣ, совсѣмъ уже не кстати.

На-дняхъ четыре ксендза въ Вильнѣ, считавшіеся дотолѣ самыми благонадежными (впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно, неподписавшіе адресовъ), выкинули послѣдовательно такія штуки.

1. Законоучитель первой Виленской гимназіи, кс. Наркевичъ, награжденный въ прошломъ году наперстнымъ крестомъ, на словесное и затѣмъ письменное предложеніе директора—раздать ученикамъ такъ называемыя «евангелички» (воскресное и праздничное чтеніе изъ евангелистовъ) на русскомъ языкѣ, отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на каноническое право, запрещающее мірянамъ (римско-католикамъ) читать Евангеліе.—Основаніе невѣрное, ибо „евангелички" были переведены слово въ слово съ польскаго текста, *разрѣшеннаго въ употребленіе мірянамъ* р.-к. епархіальнымъ начальствомъ, которымъ былъ разсмотрѣнъ и разрѣшенъ къ употребленію также и русскій переводъ. Ясно, что не въ каноническомъ правѣ, а въ языкѣ (русскомъ) „евангеличекъ" заключалось дѣло. Конечно, ксендзъ Наркевичъ не могъ быть терпимъ на службѣ, и Попечитель Округа немедленно уволилъ его отъ должности законоучителя.

2) Законоучитель второй Виленской гимназіи, кс. Жебровскій не замедлилъ послѣдовать примѣру своего собрата и тоже уволенъ отъ службы въ гимназіи.

Спрашивается, какъ распорядится съ ними епархіальное начальство. Кажется, предполагаютъ дать имъ сельскіе приходы; безъ сомнѣнія, такъ оно и будетъ, т. е. двухъ зубастыхъ щукъ бросятъ въ прудъ съ карасями. У насъ, православныхъ, провинившагося священника ссылаютъ въ монастырь на послушаніе и постное житіе; у римско-католиковъ не такъ: у нихъ бойкій ксендзъ цѣнится; его упрячутъ подальше отъ глазъ свѣтской власти, а тамъ его ожидаютъ еще бо̀льшія блага міра и почетъ. Молодымъ-же ксендзамъ, безженнымъ, отважнымъ папскимъ воинамъ, собраться въ дорогу недолго: завязалъ чемоданы, бумажникъ съ деньгами въ карманъ—и готовъ. А слава-то какая! Такъ молоды и уже—страдальцы «за польщизну, за вѣру». Да ихъ новая паства, паны и шляхта примутъ съ распростертыми объятіями; не будетъ недостатка и въ утѣшеніяхъ всякаго рода: найдутся и новыя, свѣжія «господыни»...

3. Ксендзъ Шилейко, за неподписаніе адреса, епархіальнымъ начальствомъ перемѣщенъ въ село.

4. Но самый возмутительный фанатизмъ выказалъ ксендзъ Петровичъ, законоучитель Виленской женской гимназіи. Онъ мнѣ извѣстенъ съ 1861 г., со временъ здѣшнихъ манифестацій; тогда онъ былъ законоучителемъ въ мужской гимназіи. Человѣкъ

ничтожнаго ума и образованія (въ академіи не былъ), всегда смиренный съ виду, любившій, однако, втихомолку покутить и поразвратничать, онъ считался совершенно благонадежнымъ въ политическомъ отношеніи, получилъ медаль за усмиреніе мятежа, наперстный крестъ и Виленское декантство. Видимо, человѣкъ благонамѣренный, вѣрноподданный», какъ говорятъ поляки, не только не участвовалъ (не вѣрнѣе-ли, не попался) въ возстаніи, но даже усмирялъ мятежъ, за что и награжденъ медалью. Худенькій и невзрачный въ 1861—62 г. г., въ послѣднее время, сидя на хорошихъ хлѣбахъ, съ двумя „господынями" подъ бокомъ, онъ разжирѣлъ, какъ бернардинъ. И вотъ этотъ-то „вѣрноподданный" ксендзъ, Виленскій благочинный, не подписалъ адреса. За такую выходку прелатъ Жилинскій назначилъ его въ одно изъ благочиній уѣзда. Пришлось усмирителю мятежа подниматься съ насиженнаго мѣста. Какъ человѣкъ аккуратный, экономный, знающій цѣну каждой копѣечкѣ, кс. Петровичъ, не торопясь, распродалъ всѣ свои пожитки, 24 марта получилъ жалованье въ женской гимназіи и, затѣмъ, 25 числа, въ послѣдній разъ, служилъ обѣдню въ костелѣ св. Рафаила, котораго онъ былъ настоятелемъ. Публика, знавшая заранѣе объ этомъ послѣднемъ служеніи, во множествѣ собралась въ костелъ. Все шло обыкновеннымъ порядкомъ. Но вотъ появляется на амвонѣ кс. Петровичъ; въ рукахъ у него какая-то книга; всѣ ждутъ, что будетъ. Оказывается, что книга эта - латинскій требникъ, недавно изданный, въ которомъ, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, польскій текстъ былъ замѣненъ русскимъ. Потрясая такимъ ужаснымъ требникомъ, кс. Петровичъ во всеуслышаніе объявляетъ его еретическимъ и на глазахъ у всѣхъ присутствующихъ торжественно сжигаетъ еретическую книгу на двухъ костельныхъ свѣчахъ. Утверждаютъ, что при этомъ кс. Петровичъ объявилъ еще всѣмъ собравшимся въ костелѣ, что всѣ подобные требники, присланные къ нему для распространенія по благочинію, онъ уже истребилъ, и что прелаты Жилинскій, Тупальскій и Нѣмекша (главные дѣятели по составленію адресовъ и по переводу р.-к. книгъ на русскій языкъ) прокляты Папою. Затѣмъ онъ сошелъ съ амвона и распростерся передъ алтаремъ «крыжомъ», и такъ лежалъ довольно продолжительное время. Публика не выходила изъ костела, въ ожиданіи, что ксендза полиція арестуетъ въ костелѣ и произойдетъ желаемый скандалъ; быть можетъ, и самъ фанатикъ ожидалъ того-же. Но полиція неявляется, а ксендзъ все лежитъ «крыжемъ». Однако, не цѣлый-же день пребывать ему въ такомъ неудобномъ положеніи. Кс. Петровичъ всталъ, служба кончилась, и публика разошлась; такъ дѣло и обошлось безъ скандала. А когда ксендзъ Петровичъ возвратился домой, то здѣсь его встрѣтила тщетно въ костелѣ ожидаемая полиція; здѣсь она его и

арестовала. Говорятъ, что въ квартирѣ у него найдено посланіе, имъ составленное для своего деканата на прощанье и собственноручно имъ переписанное въ нѣсколькихъ экземплярахъ, отъ 10 до 14 листовъ каждый, посланіе самаго преступнаго содержанія; нѣкоторые ксендзы, получившіе его, препроводили экземпляры обратно.

По распоряженію Генералъ-Губернатора, 27 марта кс. Петровичъ отправленъ съ жандармами въ Архангельскую губернію, говорятъ, въ Колу, подъ строгій надзоръ полиціи. А здѣсь, въ Вильнѣ, остались горевать двѣ его „господыни", съ двумя или тремя дѣтьми каждая *).

Если прелаты Жилинскій, Тупальскій и Нѣмекша дѣйствуютъ искренно, честно, то нельзя не пожалѣть ихъ глубоко: положеніе ихъ крайне неловко, въ особенности перваго, который такъ недавно еще торжественно заявилъ предъ Государемъ и предъ всей Россіей о безпредѣльной преданности Престолу и Отечеству своего духовенства, и вдругъ, подъ самымъ носомъ, въ Вильнѣ, являются такіе молодцы».

Боязнь, чтобы Высочайшее повелѣніе все-таки не было истолковано въ смыслѣ обязательности, приказа, насилія надъ совѣстью римско-католическаго населенія С.-З. края и Бѣлоруссіи, заставила Петербургъ выслать въ Вильну нѣсколько послѣдующихъ разъясненій, которыя окончательно свели дѣло „на-нѣтъ", давъ возможность полнаго произвола польско-іезуитской пропагандѣ и ея вѣрнымъ слугамъ—ксендзамъ.

Такъ, Министръ Вн. Дѣлъ ген.-адъютантъ Тимашевъ пишетъ генералъ-губернатору Потапову (31 января 1870 г., за № 10): **)

---

*) Требникъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, въ одномъ экземплярѣ, хранится, какъ рѣдкость, въ Виленской Публичной Библіотекѣ. Мы его на-дняхъ просматривали. Польскій языкъ въ немъ замѣненъ русскимъ, литовскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ текстами. На требникѣ—печатное примѣчаніе, за подписью управляющаго Вил. р.-к. епархіей прелата Жилинскаго, такого содержанія:

«Разсмотрѣно Р. К. Духовной Коллегіей въ С.-Петербургѣ и Администраторомъ Могилевской Архіепархіи епископомъ Станевскимъ.

Такъ какъ настоящее изданіе требника разсмотрѣно Р.-К. Д. Коллегіей и Администраторомъ Могилевской Архіепархіи еп. Станевскимъ и сдѣланы надлежащія исправленія, то къ перепечаткѣ онаго со стороны Виленскаго р.-к. епархіальнаго начальства препятствія не встрѣчается. Ноября 21 дня 1869 года. Управл. Вил. епархіей оффиціалъ прелатъ препозитъ Жилинскій».

На томъ экз. «требника» (1870 г.), который мы видѣли, имѣется надпись:

«25 марта 1870 г. одинъ экз. сего изданія «Rituale» былъ сожженъ кс. Петровичемъ всенародно въ Виленскомъ костелѣ св. Рафаила, и, кромѣ того, 141 экз уничтожены имъ-же на дому».—

А. Ж—чъ.

**) Дѣло канц. Вил. генералъ-губернатора 1869—70 г. № 71 (по 3 отдѣл.). А. Е. Тимашевъ былъ Мин. Вн. Дѣлъ съ 1868 по 1878 г. Скрѣпившій эту бумагу Директоръ Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій графъ Э. К. Сиверсъ былъ директоромъ съ 1856 по 1877 г.

«Государь Императоръ, согласно заключенію особаго комитета, на который, какъ извѣстно Вашему Пр-ву, было возложено обсужденіе вопроса объ употребленіи русскаго языка въ иновѣрческомъ богослуженіи, въ 25 день декабря минувшаго года Высочайше повелѣть соизволилъ: отмѣнить послѣдовавшее въ 1848 году запрещеніе произносить на русскомъ языкѣ проповѣди въ иновѣрческихъ церквахъ и вообще ограниченія въ правѣ пользоваться языкомъ русскимъ въ дѣлахъ религіи иностранныхъ исповѣданій, *не дѣлая, однако, такого употребленія языка русскаго для иностранныхъ исповѣданій обязательнымъ* и съ тѣмъ, чтобы разрѣшеніе употребленія этого языка, въ примѣненіи къ Р.-К. Церкви, установившей литургическимъ языкомъ своимъ языкъ латинскій, относилось только къ дополнительному богослуженію, или къ тѣмъ частямъ онаго, для которыхъ, вмѣсто языка латинскаго, употребляются уже другіе языки и нарѣчія, какъ-то: нѣмецкій, французскій, польскій, латинскій и т. п. При семъ Его Величеству благоугодно было возложить на Министерство Вн. Дѣлъ дальнѣйшее развитіе и примѣненіе сего разрѣшенія, по соображенію съ дѣйствительными потребностями населенія въ разныхъ частяхъ Государства и съ мѣстными условіями.

Сообщая о таковой Высочайшей волѣ Вашему Пр—ву и признавая полезнымъ, *въ виду обнаружившагося въ Западномъ краѣ, въ средѣ мѣстнаго духовенства и населенія, желанія ввести въ ихъ богослуженіе русскій языкъ*, —прошу поставить ихъ въ извѣстность о вышеизложенномъ дозволеніи пользоваться симъ языкомъ въ дѣлахъ ихъ религіи, обращаюсь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшей просьбою—объявить въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ Вы признаете это нужнымъ, чрезъ мѣстныя гражданскія начальства, прихожанамъ-иновѣрцамъ ввѣреннаго управленію Вашему края, что Государь Императоръ, въ отеческомъ попеченіи о своихъ вѣрноподданныхъ, безъ различія вѣроисповѣданій, желая, чтобы тѣ изъ нихъ, которые роднымъ языкомъ своимъ считаютъ русскій, въ томъ или другомъ его нарѣчіи, *не были лишены* права пользоваться имъ въ дѣлахъ своей религіи, —Всемилостивѣйше разрѣшить соизволилъ произносить въ иновѣрческихъ церквахъ проповѣди и совершать дополнительное богослуженіе и молитвы на русскомъ языкѣ. При семъ В. Пр-во изволите поставить прихожанъ въ извѣстность, *что въ случаѣ желанія большинства ихъ* слушать на этомъ языкѣ молитвы и проповѣди, они могутъ ходатайствовать о семъ чрезъ мѣстныя гражданскія власти.

При переводѣ-же таковыхъ ходатайствъ на усмотрѣніе Вашего Пр—ва, Вы, Милостивый Государь, благоволите сообщать объ оныхъ, со своимъ заключеніемъ, Министерству Вн. Дѣлъ, на которое, какъ выше сказано, возложено развитіе и примѣненіе выработаннаго Комитетомъ и утвержденнаго Государемъ Им-

ператоромъ принципа -допущенія русскаго языка въ дѣлахъ религіи иностранныхъ исповѣданій.

Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что о настоящей Высочайшей волѣ сообщено мною Р.-К. Дух. Коллегіи, для объявленія подвѣдомственнымъ ей епархіальнымъ начальникамъ. Копія съ предложенія Коллегіи при семъ прилагается».

Этой бумагою намѣчался, такъ сказать, тотъ путь, по которому, въ оффиціальномъ порядкѣ, должно было проходить приведеніе въ исполненіе одобренной Государемъ Императоромъ реформы, и общее руководство этой реформою сосредоточивалось въ Мин. Вн. Дѣлъ.

Между тѣмъ жизнь Сенчиковскаго и до Высочайшаго повелѣнія 25 декабря 1869 г., и послѣ него, протекала по-прежнему среди мелей и скалъ бѣлорусской дѣйствительности.

Благодаря Высочайшимъ указамъ 15 іюля 1869 г. (объ упраздненіи Минской епархіи) и 25 декабря того-же года (о введеніи русскаго языка въ дополнительное р.-к. богослуженіе), судьба, на много лѣтъ, близко сводитъ его съ управляющимъ Виленскою епархіею прелатомъ Жилинскимъ.

Приведемъ, поэтому, для уясненія себѣ послѣдующаго изложенія, то, что говоритъ о Жилинскомъ самъ каноникъ Сенчиковскій.

«Мнѣ очень лестно, если Вы будете такъ добры—помѣстить, между прочими, и мою фотографію въ Муравьевскомъ музеѣ», пишетъ мнѣ покойный 12 апрѣля 1900 г., изъ Омска: «Слѣдовало-бы помѣстить еще тамъ фотографіи Жилинскаго, Нѣмекши и Тупальскаго: вѣдь этихъ троихъ Муравьевъ произвелъ въ прелаты и они, при Муравьевѣ, съ пользою служили русскому дѣлу, особенно Тупальскій. Онъ, во 1-хъ, сынъ или племянникъ того Тупальскаго, который былъ официаломъ уніатской консисторіи при Іосифѣ Сѣмашко въ Жировицахъ. Еще—Тупальскій первый, будучи уже прелатомъ, при Кауфманѣ, въ Виленскомъ каѳедральномъ костелѣ, съ амвона, произнесъ проповѣдь на языкѣ русскомъ, за что его не только убилъ его-же служка, но и въ куски порубилъ, бросивъ въ Вилію, а голову хотѣлъ перевезти за-границу. Этого служку звали Юрка (Юрій то-же, что Георгій) и, какъ говорятъ, онъ былъ сыномъ Тупальскаго. И вотъ, имѣя 16 лѣтъ, онъ былъ подкупленъ поляками—убить своего отца и благодѣтеля. Меня увѣряли, что къ этому убійству былъ причастенъ и Потаповъ, который, послѣ произнесенія Тупальскимъ проповѣди на языкѣ русскомъ, сдѣлалъ ему выговоръ и ужасно былъ недоволенъ. Это послѣднее мнѣ лично го-

ворилъ самъ прелатъ Тупальскій. Проповѣдь эту Тупальскій произнесъ по слѣдующему случаю: Было секретное распоряженіе, дабы всѣ ксендзы подписывали адресы Государю. Это было вскорѣ послѣ мятежа (такъ въ 1866 или въ 1867 году—не помню).—Но я подписывалъ. Жилинскій былъ управляюшимъ епархіей и строго требовалъ—черезъ декановъ - дабы ни одинъ ксендзъ не смѣлъ отказаться отъ подписи. Кто-же отказывался—того высылали въ отдаленныя губерніи и удаляли съ должности. Послѣ этого Жилинскій представлялся Государю, который подалъ ему руку: тотъ поцѣловалъ оную, а Государь пожаловалъ прелату Жилинскому орденъ Св. Владимира, на шею. Вотъ, по возвращеніи Жилинскаго изъ Петербурга, Тупальскій, съ амвона, и произнесъ свою проповѣдь, расхваливая доброту и милость Государя и описывая счастье прелата Жилинскаго, удостоившагося «*цѣловать десницу Самодержавнаго нашего Царя*». Это—подлинныя слова Тупальскаго. Вотъ за что его убили, въ куски порубили, въ ящикѣ бросили въ Вилію (въ Закретѣ ящикъ этотъ вытащили), а голову, въ ящикѣ-же, не доѣзжая до Прусской границы, отняли отъ убійцы Юрки, котораго и засадили въ тюрьму въ Вильнѣ. Но тамъ Юрка облилъ керосиномъ матрацъ на кровати, самъ на него легъ и спичкою поджегъ: онъ обгорѣлъ и умеръ. Юрка хвастался, когда его везли въ Вильну, что онъ ничего не боится потому, что его защититъ генералъ-губернаторъ. Жандармы это передали Потапову..... *)

Вотъ Вамъ вѣрный, историческій фактъ. Поэтому-то, о Тупальскомъ и слѣдовало-бы оставить память въ Муравьевскомъ музеѣ, какъ о ставленникѣ (произведенъ въ прелаты) Муравьевскомъ и какъ объ убитомъ за русскій языкъ.

Мнѣ говорили люди вѣрные, что и Жилинскій причастенъ къ убійству Тупальскаго. Жилинскій былъ фарисей, двуличный и, за деньги, готовъ былъ чорту душу продать. Опасаясь за рѣчь Тупальскаго на языкѣ русскомъ, Жилинскій поѣхалъ къ Потапову и настращалъ его тѣмъ, что русскій языкъ въ Вильнѣ можетъ вызвать бунтъ въ костелахъ».

„Хотя М. Н. Муравьевъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о производствѣ въ прелаты Жилинскаго, Нѣмекши и Тупальскаго, и хотя Жилинскій двадцать лѣтъ управлялъ епархіей въ духѣ и направленіи Правительства, но Жилинскій былъ человѣкъ честолюбивый, жадный, гордый и нестѣсняющійся съ совѣстью. То былъ магнатъ, но двуличный, дѣлавшій все только ради своей выгоды, а не изъ сочувствія русскому дѣлу. Нѣмекша былъ добрякъ, но безнравственный пьяница, почти ни во что невѣрующій, но вѣрно исполнявшій указанія Правительства.

---

*) Пропускаемъ въ рукописи изложенное здѣсь предположеніе Сенчиковскаго, ужасное, если оно—совпадало съ фактомъ.

Тупальскій-же дѣйствовалъ по убѣжденію и сердечно сочувствовалъ русскому дѣлу. За это его и убили. Это въ исторіи русскаго дѣла не должно быть забыто. Напротивъ, исторія эта должна отмѣтить этотъ фактъ, такъ точно отмѣтить и дѣла всѣхъ тѣхъ, которые за Россію животъ свой положили и свою кровь пролили. Я у Тупальскаго только нѣсколько разъ былъ, но убѣдился въ томъ, что это истинно-русскій въ душѣ. Не могу не отдать ему справедливости и безмолвно не преклониться предъ его памятью, какъ мученика за русское дѣло: вѣчная ему память! Царство небесное да пошлетъ ему Господь!..“

Біографія Петра Жилинскаго, думаемъ мы, была-бы крайне интересна и поучительна, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ біографія Сенчиковскаго: въ ней изобразилось-бы, до чего можетъ пасть духовно и нравственно человѣкъ, если онъ не положитъ въ основу жизни своей идеалъ, а будетъ ползать по землѣ, какъ рабъ земной похоти, земныхъ радостей, или заставитъ религію служить политикѣ.

Подобная біографія ждетъ еще своего бытописателя, который правдиво занялся-бы ею, съ документами и дѣлами въ рукахъ, изучивъ мемуары современниковъ, принявъ во вниманіе и «голосъ народа», т. е. то, что́ сохранилось о когда-то столь извѣстномъ въ Вильнѣ, эксцентричномъ, представительномъ прелатѣ въ преданіяхъ мѣстнаго общества, мѣстнаго простонародья.

Безъ характеристики Жилинскаго, хотя-бы и бѣглой, портретъ Сенчиковскаго вышелъ-бы, пожалуй, и блѣденъ, и лишенъ оригинальности: красота и прелесть солнечнаго, лѣтняго дня только потому и ощущаются нами, что за ними слѣдуетъ темная, холодная, сырая, таинственная ночь, съ которой ихъ можно сравнить...

Въ своихъ „Виленскихъ очеркахъ“ (Муравьевское время) о трехъ ксендзахъ—Тупальскомъ, Нѣмекшѣ и Жилинскомъ, при Муравьевѣ шедшихъ на встрѣчу администраціи С.-З. края, А. Н. Мосоловъ такъ описываетъ наружность Жилинскаго:

«Человѣкъ еще не старый, но съ бѣлыми какъ лунь волосами, съ видомъ католическаго епископа, важный и сдержанный».

Такимъ и я представляю себѣ прелата, въ юношескихъ моихъ воспоминаніяхъ, проѣзжающаго по Вильнѣ въ экипажѣ, на парѣ дорогихъ коней.

Жилинскій вынырнулъ на поверхность взбаламученнаго моря послѣдняго польскаго возстанія, со дна его, вмѣстѣ съ другой человѣческой мутью и нечистью, но, будучи яркимъ представителемъ польско-іезуитской справы, сумѣлъ ужиться даже съ Муравьевымъ, какъ успѣвалъ, вслѣдъ за тѣмъ, благополучно

уживаться съ А. Л. Потаповымъ и съ рядомъ другихъ Виленскихъ генералъ-губернаторовъ, приносившихъ съ собою въ Сѣверо-Западный край программы, иногда прямо исключавшія другъ друга и почти всегда уклонявшіяся отъ указаній Муравьева. Лица эти смѣняли другъ друга съ поразительной быстротою, а Жилинскій все управлялъ и управлялъ Виленскою р.-к. епархіею, получая отъ нихъ и черезъ нихъ благодарности, благоволенія, награды...

Уже одно это обстоятельство, бросающееся въ глаза при чтеніи хотя-бы послужного списка Жилинскаго, краснорѣчиво указываетъ на поразительную растяжимость совѣсти этого человѣка, на незавидную гибкость ума его, на эластичность его спины, на способность примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ, ко всякимъ начальствамъ, вѣяніямъ и требованіямъ...

И на самомъ дѣлѣ, девизами Жилинскаго, во внѣшнихъ сношеніяхъ съ высшими сферами Петербурга и Вильны, неизмѣнно были: „Слушаю-сь!“ «Что изволите приказать?!» И—снова «Слушаю-сь!»

Графъ М. Н. Муравьевъ, съ проницательностью геніальнаго, государственнаго ума и сердцевѣда, едва пріѣхавъ въ Вильну, сразу-же разгадалъ Жилинскаго, но, сдѣлавъ его орудіемъ своей политики, пользовался имъ, какъ пригоднымъ, въ данную эпоху умиротворенія смуты, матеріаломъ.

Близкій къ Виленскому диктатору человѣкъ, И. А. Никотинъ (тотъ самый, который, какъ мы видѣли, покровительствовалъ впослѣдствіи въ Минской губерніи Сенчиковскому), разсказываетъ, въ своихъ мемуарахъ, посвященныхъ Муравьевскому времени въ Вильнѣ, какъ пріѣхалъ къ нему однажды Жилинскій—съ предложеніемъ закрыть Остробрамскую часовню, увѣряя, что это обойдется безъ скандала, а въ сущности, для того, чтобы вывѣдать у него, Никотина, взглядъ на этотъ вопросъ гр. Муравьева.

Когда Никотинъ передалъ, затѣмъ, Муравьеву сущность бесѣды своей съ Жилинскимъ, то графъ, смѣясь, отвѣтилъ:

«Знаетъ кошка, чье мясо съѣла; боится потерять доходъ, который доставляетъ часовня... Спасибо ему за обѣщанное содѣйствіе! Будетъ нужно—припомнимъ ему объ этомъ... Впрочемъ, и безъ его помощи, надѣюсь, что спокойствіе въ краѣ не нарушится».

Сообщая про это, Никотинъ пишетъ:

«Нужно отдать полную справедливость прелату Жилинскому: онъ честно исполнилъ свои обязанности въ отношеніи русскаго Правительства и помогалъ по мѣрѣ своихъ силъ успокоенію взволнованныхъ умовъ...»

Точно возможно было въ тѣ дни что-либо иное, какъ честное, полезное Россіи, при Муравьевѣ въ Вильнѣ!..

Подобно Муравьеву, и прочіе генералъ-губернаторы, пользуясь услугами Жилинскаго, какъ правительственнаго агента, нужнаго въ данныхъ обстоятельствахъ, хотя и нравственно неопрятнаго,—какъ это видно изъ дѣлъ Виленской генералъ-губернаторской канцеляріи, мною просмотрѣнныхъ, постоянно, безъ церемоніи, покрикиваютъ на прелата, въ дѣловыхъ столкновеніяхъ съ нимъ какъ-бы глядятъ черезъ его голову, а, выбрасывая ему подачки—въ видѣ наградъ и благоволеній, при встрѣчахъ, съ нескрываемымъ, холоднымъ презрѣніемъ, вкладываютъ ему въ руку два пальца вмѣсто обычнаго, человѣческаго рукопожатія...

А онъ и не думаетъ уйти изъ этой унизительной роли, терпѣливо ждетъ въ пріемныхъ, безшумно скользитъ, въ своей мягкой обуви, по паркетамъ Виленскихъ административныхъ салоновъ, вѣчно-ожидающій, какое еще будетъ отдано ему новое приказаніе, важный, представительный, въ орденахъ, съ выхоленными, надушенными руками, но въ то-же время заискивающій, при случаѣ, робко-улыбающійся, слащавый, раболѣпный, на все готовый, какъ публичная женщина, пристающая къ прохожему на улицѣ, и незнающая, прогонятъ-ли ее или велятъ за собою слѣдовать...

Алчный до наживы, любящій широко, гастрономически—вкусно, съ тонкимъ пониманіемъ источниковъ земныхъ наслажденій, съ комфортомъ, пожить, до болѣзненности честолюбивый, умѣющій совмѣстить въ своей особѣ, какъ священнослужитель и духовный начальникъ, проповѣдь Христовой любви съ самыми анти-христіанскими побужденіями, покровительство изящнымъ искусствамъ, коллекціонерство съ практичнымъ устраиваніемъ своихъ дѣлъ и дѣлишекъ,—Жилинскій не терпѣлъ около себя, особенно, среди подчиненныхъ, личностей талантливыхъ, самобытныхъ, оригинальныхъ, ревниво видя въ нихъ опасныхъ конкуррентовъ въ сферѣ собственной своей карьеры (а, значитъ, и земного благополучія) и, быть можетъ, будущихъ замѣстителей на высокомъ посту, который онъ столь долго занималъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Но, какъ природный іезуитъ высшей школы, пережившій на спинѣ своей Муравьевскую эпоху, какъ фанатическій поборникъ идеала Польши, «отъ моря и до моря», тайно сочувствующій всему польскому, и какъ убѣжденный, замаскированный врагъ Россіи, хотя и состоящій на ея службѣ, получающій казенное содержаніе и пользующійся охраной русскаго закона, онъ, какъ и многіе изъ среды р.-к. духовенства, ловко умѣлъ учитывать значеніе тѣхъ или иныхъ политическо-общественныхъ обстоятельствъ данной минуты и никогда, поэтому, не выступалъ открыто противъ несимпатичныхъ, порою прямо—ненавистныхъ ему, противниковъ—пока тѣ, какъ, напримѣръ, Сен-

чиковскій, въ первую пору трудовъ его по располяченію костела въ Бѣлоруссіи, были въ силѣ, пользовались благоволеніемъ, поддержкою высшаго начальства.

Онъ, обыкновенно, сводилъ съ ними, подобными идеалистами въ дѣлѣ возвращенія С.-З. краю, Бѣлоруссіи прежняго ихъ русскаго облика, свои польско-русскіе счеты лишь тогда, когда фонды ихъ падали, даже только начинали еще колебаться въ Петербургѣ, Вильнѣ и Минскѣ, при томъ стараясь нанести противнику ударъ крадучись, сзади, изподтишка, на манеръ заправскаго, политическо-іезуитскаго кинжальщика. И въ то-же время, нерѣдко въ самый моментъ измѣнническаго нанесенія раны, этотъ человѣкъ могъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, дружески жать руку жертвѣ, съ улыбкой важнаго, духовнаго сановника прямо глядя ей въ глаза, увѣряя ее въ неизмѣнности дружбы...

Но вотъ въ Петербургѣ, Вильнѣ или Минскѣ сдвинули недовольно брови—на низкую вылазку прелата противъ самоотверженнаго, преданнаго Россіи, его подчиненнаго —и онъ снова идетъ на встрѣчу вчерашнему врагу, снова горячо жметъ ему руку, пишетъ ему сердечныя письма, оправдывается, предлагаетъ свои услуги, готовъ даже поступиться, если надо, закономъ, и, согнувъ покорно спину передъ недовольной администраціей, въ тайникахъ мрачной души своей, опять терпѣливо, дальнозорко ждетъ новаго удобнаго момента, для новаго предательскаго, но болѣе удачнаго, удара въ спину, изъ-за угла...

Таковы были столкновенія прелата Жилинскаго съ ксендзомъ Сенчиковскимъ по оффиціальнымъ дѣламъ, съ которыми мы познакомились въ подлинникахъ.

Всѣ отношенія этихъ двухъ людей, на протяженіи значительнаго промежутка времени, являлись, въ сущности—одной сплошною, непримиримою, озлобленной борьбою элементовъ свѣта и тьмы, и Сенчиковскій, слишкомъ хорошо изучившій на опытѣ этого типичнаго представителя польско-іезуитской пропаганды, видѣвшій порою насквозь польско-іезуитскія его тенденціи, какъ по раскрытой книгѣ читавшій нерѣдно въ самыхъ сокровенныхъ помыслахъ его и планахъ, въ концѣ-концовъ не довѣряетъ ни одному слову, ни одному душевному движенію вкрадчиваго прелата, гласно и въ оффиціальной перепискѣ постоянно изобличаетъ его въ измѣнѣ русскимъ интересамъ, въ продажности, въ неискренности. И каждый разъ Жилинскому удается оправдаться, сыграть роль невинно-обвиненнаго, наивно-непонимающаго даже въ чемъ дѣло, о которомъ говоритъ Сенчиковскій...

Но когда Жилинскій, въ административныхъ кабинетахъ Петербурга и Вильны, въ храмѣ Божіемъ или при застольныхъ спичахъ, начинаетъ усиленно и громко кричать о любви къ Рос-

сіи, о благодарной памяти.... къ Муравьеву, о готовности жизнь свою отдать на нужды родины Россіи, Престола, Правительства, то Сенчиковскій тревожится, стараясь угадать, какой новый тормазъ этотъ польскій іезуитъ готовитъ русскому дѣлу въ Бѣлоруссіи, для того, чтобы своевременно предупредить власти... И опять рѣдко вслушиваются въ его предостереженія!...

Какая бездна между обоими этими дѣятелями--по наружности, натурамъ, политическимъ и обще-житейскимъ симпатіямъ и антипатіямъ, по основнымъ задачамъ жизни, службы, священнической миссіи, по складу ума, по качествамъ души и сердца!.. У одного (Жилинскаго) девизами «Все для меня!» «Все для Польши!» У другого (Сенчиковскаго): «Жизнь для страждущаго, темнаго, угнетаемаго бѣлорусса!»—«Нѣтъ личнаго счастья, блага внѣ счастья, блага родины Россіи—Бѣлоруссіи!»

А, между тѣмъ, судьба сковала обоихъ прочными цѣпями: Жилинскому, для проведенія личныхъ честолюбивыхъ его и польско-патріотическихъ плановъ за кулисами обрусенія католицизма, нуженъ Сенчиковскій, какъ энергичный, стоящій на виду у администраціи, толковый, дѣльный ксендзъ; Сенчиковскій, въ свою очередь, слишкомъ хорошо понимаетъ, что трудно было-бы ему добиться многаго въ дѣлѣ русской націонализаціи бѣлорусскаго народа и располяченія католицизма безъ Жилинскаго, въ качествѣ управляющаго епархіей, его высшаго мѣстнаго начальника.

И вотъ, какъ два каторжника, прикованные судьбою къ одному и тому-же пруту правительственной идеи—Высочайшаго повелѣнія 25 декабря 1869 года,—подгоняемые обстоятельствами, подъ градомъ проклятій толпы, насмѣшекъ и клеветъ, они идутъ впередъ, физически ненавидя другъ друга, но, вынужденные соединить свои силы для того, чтобы крестный путь ихъ былъ легче, менѣе позоренъ, болѣе выносимъ,—одинъ (Жилинскій), проклиная этотъ крестъ, другой (Сенчиковскій)—въ несеніи его видя высокое, духовное наслажденіе...

Да, трагизмъ положенія Жилинскаго заключался именно въ томъ, что все, сдѣланное имъ для Рима, для Польши, всегда казалось недостаточнымъ и въ Римѣ и въ Польшѣ, почему вѣчно на голову его сыпались оттуда, откуда ждалъ онъ благословеній, еще при жизни удары политическаго бича польско-іезуитской пропаганды и крики: «Иди! Иди!»

И, какъ „вѣчный жидъ“ глубокой древности, шелъ онъ и шелъ впередъ, зная, что только смерть остановитъ эту длительную, невыносимую пытку, вырветъ его изъ-подъ тяжелаго ярма...

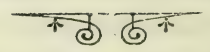
Но не одинъ Сенчиковскій хорошо понималъ роль Жилинскаго на древне-русскихъ нивахъ Литвы и Бѣлоруссіи.

Въ то время, когда сладкими словами и замаскированными дѣйствіями Жилинскому удавалось-таки по временамъ убаю-

кать, провести бдительность Петербургской и Виленской административной власти, когда даже многіе русскіе люди видѣли въ немъ порою искренняго, русскаго патріота, жертвующаго собою на благо и счастье Россіи, существовала въ Вильнѣ, уже въ эпоху мрачной «Потаповщины», группа мѣстныхъ, русскихъ старожиловъ, хорошо знавшихъ прошлое Жилинскаго, открыто говорившихъ, что прелатъ играетъ двуличную роль, часто одно сообщая тайкомъ въ Римъ, другое—въ Петербургъ, третье включая въ личные доклады Виленскому генералъ-губернатору — по одному и тому-же вопросу, на который, при этомъ, у него оставалась, про запасъ, еще четвертая—своя личная, польско-іезуитская точка зрѣнія; что, дѣйствуя наружно въ духѣ Правительства, напримѣръ, въ вопросѣ располяченія костеловъ Бѣлоруссіи, и тѣмъ отводя глаза власти отъ Литвы, онъ тайно, черезъ подчиненное ему р.-к. духовенство Литвы, черезъ костелъ, проводитъ здѣсь польскія, враждебныя русской государственности, идеи; что такіе самоотверженные, русскіе дѣятели, какъ ксендзы Сенчиковскій, Копцеговичъ, Малышевичъ и немногіе другіе, посылаются имъ, Жилинскимъ, нарочно по Бѣлоруссіи, на растерзаніе, глумленіе толпы, нафанатизированной ксендзами противнаго лагеря, дружно дѣйствующими по тайной командѣ его-же, Жилинскаго; что такія жертвы полезны самому Жилинскому, которому нужно и дискредитировать ихъ въ глазахъ населенія и Правительства, какъ возможныхъ опасныхъ конкуррентовъ въ личной его политической, служебной карьерѣ, и для нагляднаго убѣжденія администраціи въ безплодности тѣхъ опытовъ, какіе рекомендуютъ въ обрусительномъ направленіи для Бѣлоруссіи Сенчиковскій и его единомышленники...

И вотъ, пока Сенчиковскій, кочуя по родинѣ своей Бѣлоруссіи, согласно предписаніямъ Жилинскаго,—въ качествѣ убѣжденнаго, идейнаго миссіонера, сжигаетъ себя, свои силы, свою энергію, свои надежды и вѣру въ возможность успѣха,—на медленномъ огнѣ неравной борьбы съ тысяче-головой гидрою польско-іезуитской пропаганды, рискуетъ и жизнью своей, и честью, терпитъ неописуемыя лишенія и нравственныя пытки, которымъ слово человѣческое непридумало еще подходящихъ терминовъ и названій,—прелатъ Жилинскій, сидя въ Вильнѣ, въ собственномъ, пышномъ дворцѣ, окруженный коллекціями древностей и дорогими произведеніями искусства, пріобрѣтенными по случаю, на сомнительные источники средствъ, отрѣзая купоны безчисленныхъ своихъ процентныхъ бумагъ, да почитывая на досугѣ, съ улыбкой презрѣнія, пасквили, анонимную брань, ему присылаемые чуть не ежедневно съ почты, безъ сомнѣнія, съ радостью дальновиднаго дипломата, просматриваетъ заодно и пылкія, безграмотныя, непремѣнно по-русски написанныя, подчасъ безконечно-длинныя, многорѣчивыя страницы донесеній своего под-

чиненнаго — Сенчиковскаго, этого пламеннаго бѣлорусса-энтузіаста, заранѣе усчитывая, на долго-ли хватитъ молодого его задора и неукротимо-буйной энергіи, а, подъ рукою, при случаѣ, клевеща въ административныхъ салонахъ на него-же и объясняя неудачу правительственныхъ начинаній именно безнравственностью, извращенностью натуры, свойствами характера и пріемами дѣятельности того, кому пишетъ онъ порой такія нѣжныя письма и поощрительныя, оффиціальныя бумаги...

ГЛАВА IV-я.

(1870—1871 годы).

Время наиболѣе кипучей, молодой дѣятельности Сенчиковскаго.— Назначеніе его деканомъ Борисовскаго уѣзда. — Назначеніе деканомъ Игуменскаго уѣзда съ оставленіемъ при прежней должности.—Первая награда. — Полная ревизія всѣхъ костеловъ Минской губерніи — отъ имени управляющаго Виленской р.-к. епархіей.—Борьба въ костелахъ съ воинствующимъ полонизмомъ изъ за русскаго языка. — Роль администраціи—полякующей и неполякующей—въ примѣненіи къ жизни Бѣлоруссіи Высочайшаго повелѣнія 25 дек. 1869 г. — Полу-мѣра только въ руку польско-іезуитской справѣ.—Записка Сенчиковскаго Минскому губернатору—по вопросу о располяченіи бѣлорусскаго костела. — Забракованная ген. Потаповымъ, она одобрена въ Министерствѣ Вн. Дѣлъ.—Рекомендовано ею руководствоваться.—Еще и еще разъясненія Министерства. — Перетасовка Сенчиковскимъ упорствующихъ ксендзовъ.—Вопли, протесты, по этому поводу, польско-іезуитской пропаганды—изъ-за спины бѣлорусскаго народа.—Гнѣвъ Потапова. — Общая характеристика дѣятельности Сенчиковскаго за этотъ періодъ времени.—Ни одного свѣтлаго образа въ рядахъ политическихъ враговъ его—агентовъ польско-іезуитской справы!....

1870 годъ является, такъ сказать, наиболѣе „боевымъ“ годомъ въ жизни Сенчиковскаго.

Вотъ выписка изъ формулярнаго о службѣ его списка, относящаяся къ этому году:

1) «1870 года, января 17 дня, вслѣдствіе постановленія Минскаго губернскаго Статистическаго Комитета и отношенія Минской р.-к. духовной консисторіи, избранъ въ сотрудники Комитета.

2) 1870 года, по распоряженію г. генералъ-губернатора отъ 14 февраля, за № 1392, командированъ, для исповѣданія и Св. Причастія воинскихъ чиновъ р.-к. исповѣданія войскъ, расположенныхъ въ Минской губерніи.

3) 1870 года, апрѣля 3 дня, за № 820, согласно отзыва Начальника Минской губерніи отъ 21 марта, за № 170, назначенъ настоятелемъ Борисовскаго костела и деканомъ Борисовскаго уѣзда.

4) 1870 года, въ 17 день апрѣля, по Всеподданнѣйшему докладу г. Министра Вн. Дѣлъ, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Станислава 3 степ.

5) 1870 года, іюня 18 дня, за № 6453, по распоряженію Его Сіятельства кн. Багратіона, помощника Главн. Нач. края, назначенъ деканомъ Игуменскаго уѣзда, съ оставленіемъ при должности декана Борисовскаго уѣзда.

6) 1870 года, 27 іюня, за № 3453, назначенъ г. Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа законоучителемъ при Борисовскомъ уѣздномъ училищѣ.

7) 1870 года, іюля 8 дня, за № 3739, по представленію г. директора Минскихъ народныхъ училищъ, назначенъ г. Попечителемъ Вил. уч. округа законоучителемъ въ Борисовскомъ приходскомъ училищѣ.

8) 1870 года, 3 сентября, за № 2298, вслѣдствіе согласія г. Минскаго губернатора отъ 30 августа за № 545, назначенъ г. Управляющимъ епархіею, отъ имени его, сдѣлать полную ревизію костеламъ Минской губерніи.

9) 1870 года, 5 октября, за № 6647, награжденъ г. Главнымъ Начальникомъ края темно-бронзовою медалью, установленною въ память усмиренія польскаго мятежа 1863—64 годовъ».

Посмотримъ-же, какая буря поднялась вокругъ покойнаго, когда, слѣдуя указанію Высочайшаго повелѣнія 25 декабря 1869 г., инструкціямъ прелата Жилинскаго и требованіямъ администра-

тивныхъ властей, онъ энергично начинаетъ насаждать русскій языкъ въ дополнительное богослуженіе римско-католическаго костела, т. е. продолжаетъ дѣло, предпринятое имъ по собственной инициативѣ, которому онъ поклялся посвятить свою жизнь.

Новыя пытки Сенчиковскаго начались съ того времени, когда, въ 1870 году, по распоряженію Виленскаго генералъ-губернатора, былъ онъ командированъ управляющимъ Виленскою епархіею прелатомъ Жилинскимъ для исповѣди и причащенія воинскихъ чиновъ р.-к. исповѣданія частей войскъ, расположенныхъ въ предѣлахъ Минской губерніи.

Вотъ какая исторія разыгралась съ нимъ, напримѣръ, въ 120 п. Серпуховскомъ полку. *)

Командиръ этого полка, полковникъ Венландъ, въ рапортѣ на имя начальника 30 пѣх. дивизіи (отъ 5 марта 1870 г., № 6) доноситъ:

„3 марта прибылъ въ штабъ полка и явился мнѣ р.-к. настоятель Фердинандъ Сенчиковскій, съ цѣлью, по порученію начальства, исполнить духовныя требы надъ чинами ввѣреннаго мнѣ полка онаго происхожденія. При этомъ упомянутый Сенчиковскій объявилъ, что онъ будетъ не только совершать требы на русскомъ языкѣ, но и вся церковная служба и проповѣдь будутъ произнесены на ономъ языкѣ.

Въ видахъ этихъ обстоятельствъ, я счелъ нужнымъ присутствовать на этомъ богослуженіи, а потому въ происходившемъ въ костелѣ лично убѣдился:

1) Что Борисовскій деканъ Стржалка не дозволилъ военному капелану Сенчиковскому служить у Главнаго алтаря, гдѣ хранятся дары, почему причастіе совершалось не военнымъ капеланомъ, а деканомъ Стржалкой, вопреки распоряженія Правительства.

2) Причастіе совершалось на польскомъ языкѣ, вопреки Высочайшаго повелѣнія, изложеннаго въ конфиденціальномъ предписаніи начальника штаба Виленскаго военнаго округа (отъ 13 ноября 1869 г., за № 76).

3) Борисовскій деканъ Стржалка не дозволилъ военному капелану Сенчиковскому ни совершать богослуженіе, ни говорить проповѣдь на русскомъ языкѣ, принявъ къ тому всѣ зависящія отъ него мѣры, какъ-то: удаленіе прибывшаго съ военнымъ капеланомъ органиста съ хоръ и. т. д.

Заключая изъ этихъ обстоятельствъ, а равно изъ грубаго его обращенія съ военнымъ капеланомъ Сенчиковскимъ, явное противодѣйствіе видамъ Правительства, враждебное настроеніе къ русскому языку и самоуправство съ военными чинами ввѣ-

*) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1869—70 г. (по 3-му отдѣл.) № 118.

реннаго мнѣ полка, имѣвшаго послѣдствіемъ совершенную неопредѣленность ихъ положенія и военнаго капелана въ костелѣ (нѣкоторые безъ причастія ушли), я считаю долгомъ присовокупить, что распоряженія декана Стржалка явно роняютъ въ глазахъ общества, также и чиновъ ввѣреннаго мнѣ полка, значеніе и дѣйствіе нашего Правительства. О вышеупомянутомъ заявлено мнѣ военнымъ капеланомъ Сенчиковскимъ“.

Рапортъ этотъ штабъ дивизіи представилъ командующему войсками генералъ-адъютанту Потапову.

Почти одновременно и Начальникъ Минскаго Губернскаго Жандармскаго управленія (11 марта 1870 г., за № 58) *) донесъ ген. Потапову, какъ Вил., Ков. и Гродн. генералъ-губернатору, что деканъ Стржалко, предупрежденный младшимъ лекаремъ Серпуховскаго полка Островскимъ (р.-к. вѣроисповѣданія), слышавшимъ у командира полка о намѣреніи Сенчиковскаго (говорить на русскомъ языкѣ въ костелѣ проповѣдь), отказалъ Сенчиковскому, сославшись на то, что служить внѣ своихъ приходовъ ксендзамъ запрещено, вслѣдствіе чего кс. Сенчиковскій обратился къ содѣйствію мѣстной полиціи, которая и предложила декану допустить Сенчиковскаго въ костелъ.—

Далѣе въ донесеніи говорится: «На слѣдующій день, когда кс. Сенчиковскій, исповѣдавъ въ костелѣ собравшихся нижнихъ воинскихъ чиновъ, сталъ приготовляться къ служенію обѣдни, то деканъ (Стржалко) объявилъ ему, что будетъ самъ служить, а ему предложилъ служить въ боковомъ придѣлѣ, отслужилъ обѣдню и причастилъ всѣхъ воинскихъ чиновъ. Затѣмъ началъ службу Сенчиковскій, а прибывшій съ нимъ органистъ Осиповичъ запѣлъ молитву на русскомъ языкѣ. Тогда деканъ Стржалко, ставъ передъ толпою лицомъ къ органисту, замахалъ на него рукою и громко сказалъ—«Не смѣть распоряжаться въ моемъ костелѣ и пѣть по-русски! Я здѣсь господинъ, а не вы!»— вслѣдствіе чего органистъ Осиповичъ принужденъ былъ сойти съ хоръ, а мѣсто его занялъ мѣстный органистъ Густовскій, который запѣлъ по-польски. Видя все это, народъ сталъ поспѣшно выходить изъ костела, такъ что во время служенія Сенчиковскаго осталось всего нѣсколько человѣкъ, и проповѣдь по-русски сказана не была».

Новый Минскій губернаторъ Токаревъ (21 февраля 1870 г., за № 63) **) секретно донесъ генералъ-губернатору ген. Потапову (на предложеніе послѣдняго отъ 11 декабря 1869 года, за

*) Тамъ-же.

**) Тамъ-же. Кстати будетъ замѣтить, что кс. Сенчиковскій все время пользовался его довѣріемъ, расположеніемъ и поддержкою, о чемъ часто упоминаетъ въ своей перепискѣ.

№ 215): «Дѣйствительно, кс. Сенчиковскій, вступивъ въ должность администратора Блонскаго костела на мѣсто кс. Шабловскаго, произноситъ проповѣди, отправляетъ добавочное богослуженіе и церковное пѣніе на русскомъ языкѣ, надписи на памятникахъ католиковъ тоже пишутся по-русски, и что вслѣдствіе такихъ нововведеній р.-к. духовенство и прихожане дворяне Блонскаго костела выражаютъ свое нерасположеніе къ кс. Сенчиковскому. Эти обстоятельства и побудили кс. Сенчиковскаго обратиться къ Вашему Высокопре—ву съ письмомъ, которымъ, какъ заявилъ кс. Сенчиковскій Игуменскому уѣздному исправнику, онъ ходатайствовалъ о предоставленіи ему должности декана, имѣя въ виду болѣе обширный кругъ дѣйствій и вліяніе на подвѣдомственныхъ ему духовныхъ лицъ, а также для обезпеченія себя въ матеріальномъ отношеніи, чтобы не быть въ зависимости отъ своихъ прихожанъ».

Къ этому дѣлу приложено и подлинное письмо кс. Сенчиковскаго на имя ген.-адъютанта Потапова (отъ 29 ноября 1869 г. С. Блонь), въ которомъ Сенчиковскій пишетъ:

„Первоначальное устройство ввѣреннаго мнѣ прихода, препятствія и интриги, этому устройству противныя, такъ велики, что до настоящаго времени не былъ я въ возможности изъявить Вашему Высоко—ву благодарность, которою проникнутъ я до глубины моей души за Отцовское покровительство и предоставленіе мнѣ В. Высоко—вомъ возможности—на дѣлѣ заявить мою преданность къ Августѣйшему Государю Императору и приверженность къ великорусскому нашему Отечеству, равнымъ образомъ увѣрить, что чувства эти останутся въ моей душѣ до моего гроба.

Блонскій католическій приходъ положенъ въ столь скрытой мѣстности, что о совершенномъ его и церкви съ польскаго на русскій преобразованіи мало кто знаетъ. Но смѣло могу сказать, что Блонскій приходъ и католическая церковь въ Блони, подъ видомъ обрусенія, пока, занимаютъ первое мѣсто въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Языкъ, стремленіе, желанія—словомъ, кромѣ латинскаго языка у престола *въ одной только литургіи* (на хорѣ органистъ поетъ русскія или славянскія пѣсни)—вездѣ и все остальное русское. Даже на кладбищѣ вновь поставленные памятники—съ русскою надписью.

Прикажите, Ваше Высоко—во, кому либо прибыть въ Блонь и на мѣстѣ убѣдиться объ истинѣ моихъ словъ и объ успѣхѣ дѣла, полезнаго Россіи! Но дѣйствія мои, столь рѣшительно уничтожающія полонизмъ и вводящія природный нашъ русскій элементъ, повидимому, не нравятся польской интеллигенціи и служатъ поводомъ неисчислимыхъ преслѣдованій, клеветъ и интригъ. Одни черезъ злость и вражду, а тѣмъ болѣе черезъ

жалость по безвозвратно уничтоженному полонизму, другіе через непониманіе дѣла и зависть – словомъ съ обѣихъ сторонъ истязаютъ и преслѣдуютъ, чѣмъ духъ и энергію, столь необходимые для дѣла, а тѣмъ болѣе здоровье убиваютъ до того, что не знаю, къ какому придти заключенію и чего держаться. Послѣ столь открытаго заявленія моихъ убѣжденій и стремленій, буду мучительной жертвою польско-іезуитской и непонимающей дѣла пропаганды, если въ столь скрытомъ уголкѣ, какъ Блонь, не буду имѣть поддержки.

Поэтому, крайне горькое положеніе заставило меня покорно просить Вашего Высокопре—ва защиты и поддержки въ правомъ моемъ дѣлѣ.

Остаюсь въ полномъ увѣреніи, что чистосердечной моей просьбы, вынужденной горькими, не отъ меня зависящими, обстоятельствами, Ваше Высокопре—во, какъ истинно-русскій человѣкъ, не оставите безъ вниманія, а главноначальническимъ покровительствомъ не дозволите врагамъ русскаго дѣла погубить меня.

При семъ осмѣливаюсь заявить, что если-бы деканы сочувствовали и содѣйствовали введенію вмѣсто польскаго русскаго элемента, тогда все подчиненное католическое духовенство безпрекословно дѣйствовало-бы въ пользу русскаго дѣла. Слѣдовательно, цѣлые уѣзды были-бы похожи на Блонь, а въ то-же время интриги польско-іезуитской пропаганды и людей, непонимающихъ полезной для Россіи цѣли, совершенно упали-бы.

Примите ту глубокую честь и искреннее повиновеніе, съ какимъ честь имѣю оставаться Вашего Высоко—ва покорнѣйшій слуга, католическій священникъ Фердинандъ Сенчиковскій".

На письмѣ—резолюція Потапова:

«Препроводить Минскому Губернатору, прося провѣрить показанія просителя и сообщить, о чемъ проситъ кс. Сенчиковскій».

Затѣмъ генералъ Потаповъ, въ виду намека Сенчиковскаго, въ письмѣ къ нему, о желательности получить должность декана, запросилъ о личности Сенчиковскаго мнѣнія управляющаго Виленской р.-к. епархіею прелата Жилинскаго, который (отзывомъ отъ 20 марта 1870 г, № 603 *) увѣдомилъ генералъ-губернатора:

„Вслѣдствіе сообщенія Вашего Высоко—ва (отъ 16 сего марта, за № 3145), склоняясь къ желанію Блонскаго настоятеля кс. Сенчиковскаго, я, предположивъ назначить его Игуменскимъ деканомъ, вмѣстѣ съ симъ просилъ на это согласіе г. Минскаго губернатора“.

*) Тамъ-же.

Губернаторъ Токаревъ (12 апрѣля 1870 г., № 210), представляя Потапову отзывъ прелата Жилинскаго (въ которомъ послѣдній ходатайствовалъ о награжденіи Сенчиковскаго золотымъ наперстнымъ крестомъ), съ своей стороны, атестовалъ Сенчиковскаго, какъ дѣятеля, «вполнѣ заслуживающаго поощренія».

Онъ-же (16 августа 1870 г., № 239), по поводу демонстративной выходки настоятеля Борисовскаго костела кс. Стржалко во время исполненія Сенчиковскимъ требъ нижнимъ чинамъ 120 п. Серпуховскаго полка, просилъ ген. Потапова неограничиться наложеннымъ на Стржалко прелатомъ Жилинскимъ взысканіемъ—увольненіемъ этого ксендза отъ должности декана и курата Борисовскаго костела, съ причисленіемъ его къ Минскому Маріинскому костелу, но подвергнуть его еще денежному штрафу въ 100 р. и учредить за нимъ надзоръ полиціи.

На все это и послѣдовало согласіе генералъ-губернатора, а Сенчиковскій, въ апрѣлѣ 1870 года, дѣлается настоятелемъ Борисовскаго костела и деканомъ Борисовскаго уѣзда.

Во время той-же командировки по Минской губерніи (для требъ воинскимъ чинамъ), Сенчиковскій пережилъ непріятныя минуты и въ г. Слуцкѣ, какъ о томъ сообщилъ Виленскому генералъ-губернатору (16 апр. 1870 г., за № 238) Минскій губернаторъ Токаревъ. *)

„Слуцкій уѣздный Исправникъ донесъ мнѣ“, пишетъ Токаревъ: «что прибывшій 28 марта въ Слуцкъ, для преподанія духовныхъ требъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, настоятель Блонскаго костела кс. Фердинандъ Сенчиковскій обратился къ настоятелю Слуцкаго костела кс. Годецкому съ просьбою о дозволеніи ему служить въ тамошнемъ костелѣ; но, получивъ отказъ, просилъ по этому предмету участія уѣзднаго исправника. Вслѣдствіе сего исправникъ, вмѣстѣ съ Сенчиковскимъ, отправился въ квартиру кс. Годецкаго, гдѣ застали помѣщика Слуцкаго уѣзда Владислава Свиду. Кс. Годецкій, не обративъ вниманія на присутствіе исправника, началъ разговоръ съ означеннымъ помѣщикомъ Свидою на польскомъ языкѣ, почему исправникъ, чтобы прекратить польскій разговоръ, вызвалъ Годецкаго въ другую комнату и тамъ заявилъ ему ходатайство Сенчиковскаго, прося дозволенія Сенчиковскому служить въ Слуцкомъ костелѣ большую обѣдню. Кс. Годецкій первоначально требовалъ оффиціальной бумаги, потомъ—дать время подумать и, наконецъ, отказалъ. Послѣ чего исправникъ вмѣстѣ съ начальникомъ уѣзднаго жанд. управленія капитаномъ Шамраевымъ нашли нужнымъ

*) Дѣло канцел. Виленскаго генералъ губернатора 1869—71 г., № 66 (по 3 отдѣл.) подъ заглавіемъ «О ксендзахъ, служившихъ молебствіе и дополн. шт. богослуженіе на русскомъ языкѣ».

пригласить къ себѣ Годецкаго и здѣсь, по настоянію уже ихъ, Сенчиковскій получилъ разрѣшеніе на служеніе въ Слуцкомъ костелѣ. Во время служенія ксендзъ Годецкій не присутствовалъ въ костелѣ, а только былъ законоучитель Слуцкой гимназіи кс. Лемпицкій, съ которымъ вмѣстѣ кс. Сенчиковскій, по окончаніи обѣдни, отслужилъ благодарственный молебенъ о здравіи Государя Императора на русскомъ языкѣ.

Заключивъ изъ этого, что кс. Годецкій не желалъ допустить къ служенію Сенчиковскаго въ тѣхъ видахъ, чтобы не дать ему возможности служить дополнительное Богослуженіе и произнесть проповѣдь на русскомъ языкѣ, и, кромѣ сего, дозволилъ себѣ въ присутствіи исправника, прибывшаго къ нему по дѣламъ службы, говорить по-польски, я считаю долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Вашего Высокопре—ва и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣю честь покорнѣйше просить, не изволите-ли признать возможнымъ сдѣлать распоряженіе объ увольненіи Годецкаго отъ должности настоятеля Слуцкаго костела и о назначеніи на его мѣсто кс. Лемпицкаго".—

Нѣкоторую надежду на успѣхъ правительственной мѣры подало донесеніе новаго Попечителя Виленскаго учебнаго округа Сергіевскаго (9 апр. 1870 г., за № 2128) *), который довелъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора, въ свою очередь основываясь на донесеніи Инспектора Бобруйской прогимназіи, что «20 числа прошлаго марта было препровождено къ законоучителю р.-к. исповѣданія упомянутой прогимназіи кс. Янковскому, при отношеніи Бобруйскаго полиціймейстера, для объявленія ученикамъ р.-к. исповѣданія, циркулярное предложеніе г. Начальника Минской губерніи, въ которомъ выражено Высочайшее разрѣшеніе, въ установленномъ порядкѣ, произносить въ иновѣрческихъ церквахъ проповѣди и совершать дополнительное богослуженіе и молитвы на русскомъ языкѣ. Предложеніе это было того-же числа прочтено, въ присутствіи инспектора, ксендзомъ Янковскимъ ученикамъ Бобруйской прогимназіи р.-к. исповѣданія, которые вслѣдъ за тѣмъ выразили искреннее желаніе слушать все это на русскомъ языкѣ, вмѣсто нынѣ употребляемаго польскаго; ксендзъ-же Янковскій, съ своей стороны, изъявилъ на это готовность, о чемъ представилъ инспектору Бордоносу рапортъ».

Въ заключеніе, попечитель спрашиваетъ, какія будутъ распоряженія по этому предмету?

По донесенію и. д. генералъ-губернатора кн. Багратіона Министерству Вн. Дѣлъ о кс. Янковскомъ, изъ Министерства пришелъ отвѣтъ съ просьбой объявить кс. Янковскому, что «за

---

*) Тамъ-же.

послѣдовавшимъ 25 декабря 1869 г. Высочайшимъ разрѣшеніемъ употребленія русскаго языка въ иновѣрческихъ церквахъ, нѣтъ препятствій къ исполненію законоучителемъ въ Бобруйской прогимназіи заявленнаго въ семъ отношеніи воспитанниками оной желанія». —

Такіе-же отвѣты изъ Петербурга, по одному и тому-же казенному шаблону, присылались, затѣмъ, и при другихъ, весьма немногихъ, случаяхъ дѣятельности ксендзовъ въ желаемомъ Правительству направленіи.

Но то были рѣдкіе оазисы среди взбаламученнаго, потемнѣвшаго передъ грозою, моря человѣческихъ страстей.

Вернемся-же къ дѣятельности Сенчиковскаго.

Изъ дѣла канцеляріи Виленскаго генералъ - губернатора 1870 г. (отдѣленіе политическое) № 75, подъ заглавіемъ «О нанесеніи дерзости ксендзу Сенчиковскому при совершеніи имъ богослуженія на русскомъ языкѣ» —видно слѣдующее:

а) Начальникъ Минскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, 1 апрѣля 1870 г., за № 84, донесъ генералъ-губернатору, что, по полученному имъ свѣдѣнію, при совершеніи 23 марта въ Пинскомъ костелѣ, ксендзомъ Сенчиковскимъ, дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ, одинъ изъ бывшихъ въ костелѣ гимназистовъ позволилъ себѣ сказать ему въ полголоса: «дрянь московская». Когда-же Сенчиковскій шелъ, въ сопровожденіи квартальнаго Лебедева, изъ костела домой, то встрѣтившаяся съ нимъ вдова бухгалтера Журожиновская плюнула на него».

Вмѣстѣ съ тѣмъ нач. Минск. Губ. Жанд. Управленія о происшедшемъ довелъ до свѣдѣнія и Минскаго губернатора.

б) Онъ-же, секретно, доноситъ 5 апрѣля 1870 г., за № 88, тому же генералъ-губернатору слѣдующее:

«Начальникъ Слуцкаго и Новогрудскаго уѣзднаго Жандармскаго Управленія донесъ мнѣ, что въ бытность 20 прошлаго марта ксендза Сенчиковскаго въ г. Новогрудкѣ, деканъ Іосифъ *Шимкевичъ* и викарій *Кучевскій*, сначала не дозволяли ему служить большую литургію, но впослѣдствіи, при содѣйствіи помощника исправника, согласились. Во время обѣдни, какъ сообщилъ капитану Шамраеву самъ кс. Сенчиковскій, многія польки плакали, а одна изъ нихъ, Франциска *Новицкая*, довольно громко сказала: „подлый москаль пріѣхалъ учить Московщинѣ“. Та-же Новицкая, бывши вечеромъ у декана Шимкевича, говорила по-польски, укоряла Сенчиковскаго за русскій языкъ и, обратившись къ бывшему тамъ адъютанту Нарвскаго гусарскаго полка ротмистру Крангальсу, сказала, что удивляется,

какъ онъ, находясь въ Польшѣ и между поляками, говоритъ по-русски. Затѣмъ, въ г. Несвижѣ, 22 марта, Слуцкій деканъ Венедиктъ Шимкевичъ также не хотѣлъ позволить Сенчиковскому служить, и хотя, при содѣйствіи командира Митавскаго гусарскаго полка, позволилъ, но, во время обѣдни, выражалъ свое неудовольствіе разными гримасами; кромѣ того хотѣлъ подкупить находящагося при Сенчиковскомъ органиста Осиповича, чтобы тотъ не пѣлъ по-русски.

Наконецъ, въ г. Слуцкѣ, 29 марта, кс. Сенчиковскій встрѣтилъ большое сопротивленіе въ лицѣ настоятеля Слуцкаго костела *кс. Годецкаго,* такъ что вынужденъ былъ телеграфировать въ г. Минскъ, и, только при содѣйствіи начальника Слуцкаго и Новогрудскаго уѣзднаго Жандармскаго Управленія и помощника исправника, получилъ разрѣшеніе и отслужилъ обѣдню.

Донося о семъ Вашему Высокопре—ву, имѣю честь присовокупить, что о вышеизложенномъ мною вмѣстѣ съ симъ доведено до свѣдѣнія Минскаго губернатора».

в) Онъ же, тому-же, доноситъ 7 апрѣля 1870 г., за № 98.

«Въ концѣ прошлаго марта мною было получено свѣдѣніе, что при объявленіи приставомъ 3-го стана Минскаго уѣзда мѣщанамъ м. Койданова, не пожелаютъ-ли они, чтобы дополнительное богослуженіе въ мѣстномъ костелѣ производилось на русскомъ языкѣ, они отказались, вслѣдствіе подстрекательства одного изъ мѣщанъ того-же мѣстечка, каковое обстоятельство я въ то-же время довелъ до свѣдѣнія Минскаго губернатора.

Нынѣ подобные случаи, какъ я слышалъ, стали повторяться, вслѣдствіе чего мною вмѣстѣ съ симъ предписано Начальникамъ уѣздныхъ жандармскихъ управленій, строго слѣдить за подобными личностями».

г) Онъ-же (15 апр. 1870 г., № 120) *) доноситъ Виленскому генералъ-губернатору:

«Въ бытность ксендза Сенчиковскаго въ г. Пинскѣ, онъ передалъ тамошнимъ ксендзамъ Ящолту, Мошинскому, Новицкому и клерику Данилевичу—правила, какъ совершать на русскомъ языкѣ дополнительное богослуженіе; но они продолжаютъ до настоящаго времени служить по-польски».

Объ этомъ Нач. Губ. Жанд. Управленія довелъ до свѣдѣнія и Минскаго губернатора.

Затѣмъ, генералъ-губернаторъ Потаповъ (изъ Петербурга, гдѣ онъ находился въ то время) циркулярно (20 апр. 1870 г., № 1200 **) обратился къ подчиненнымъ ему губернаторамъ съ бумагою слѣдующаго содержанія:

*) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1869—71 г. (по 3-му отдѣл.), № 66.

**) Тамъ-же.

«До свѣдѣнія моего дошло, что будто-бы нѣсколько польскихъ эмисаровъ, въ числѣ коихъ находятся *Піонтковскій* и *Шукшта*, разъѣзжаютъ по губерніямъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ края съ цѣлью возбуждать крестьянъ противъ введенія въ костелахъ богослуженія на русскомъ языкѣ, а также, что между польскою молодежью, какъ въ помянутыхъ губерніяхъ, такъ и въ Петербургѣ, замѣчается въ послѣднее время какое-то движеніе; причемъ слышатся толки, доказывающіе, что польская молодежь основываетъ какія-то надежды на прибытіи будто-бы *Нечаева*, чрезъ Константинополь въ Южную Россію, куда, все по тѣмъ-же слухамъ, отправлены имъ уже два довѣренныя лица, снабженныя достаточными денежными средствами. Однимъ изъ этихъ лицъ называютъ какого-то Неплюева».

Генералъ-губернаторъ, въ виду изложеннаго, проситъ губернаторовъ доводить до его свѣдѣнія о каждомъ фактѣ, который состоялъ-бы въ какой либо связи съ настоящимъ вопросомъ.

Но такихъ сообщеній въ просмотрѣнныхъ нами дѣлахъ не усмотрѣно.

Игуменскій уѣздный Исправникъ доноситъ (23 апр. 1870 г., за № 8-мъ) Минскому губернатору слѣдующее: *)

„Блонскій католическій священникъ Сенчиковскій (отъ 12-го апрѣля с. г., №№ 79 и 87) сообщилъ мнѣ, что въ отсутствіи его изъ Блони, временно-назначенный на его мѣсто викарный Березинскаго костела кс. Томкевичъ, разными дѣйствіями своими, до того возбуждаетъ фанатизмъ нѣкоторыхъ прихожанъ, что жена помѣщика Фрибаса рѣшилась публично, въ костелѣ, во время совершенія литургіи, громко заявить священнику Сенчиковскому, чтобы онъ не читалъ на русскомъ языкѣ Евангеліе, прервавъ тѣмъ богослуженіе. Послѣ-же молебна, совершеннаго Сенчиковскимъ на русскомъ языкѣ о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, эта-же г-жа Фрибасъ съ г-жею Шабуневою начали пѣть польскіе гимны, въ которыхъ принимали участіе также г-жа Рудковская, дочь ея г-жа Вороничева, сынъ Викторъ и Станиславъ Крыжановскій. Въ отсутствіе-же Сенчиковскаго пріѣзжалъ въ Блонь 27-го марта кс. Серафимскаго костела ввѣреннаго мнѣ уѣзда Людовичъ и у Стан. Крыжановскаго исповѣдывалъ и пріобщалъ Св. Таинъ нѣкоторыхъ, вполнѣ здоровыхъ, прихожанъ. О чемъ донося Вашему Пре—ву, имѣю честь присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ, для разслѣдованія означеннаго дѣла и согласно предложенію Вашего Пре—ва (отъ 21 апр., за № 255), я отправляюсь въ Блонскій при-

---

*) Дѣло канцеляріи Минскаго губернатора 1870 г. № 55/48 подъ заглавіемъ: «О противодѣйствіи кс. Томкевича, помѣщицы Констанціи Фрибасъ, дворянина Михаила Шабуни и крестьянина Станислава Крыжановскаго, ксендзу Сенчиковскому при введеніи русскаго языка въ Блонскомъ костелѣ».

ходъ и о послѣдующемъ буду имѣть честь донести Вашему Пре - ву“.

По поводу того-же случая и Начальникъ Минскаго Губ. Жанд. Управленія (26 апр. 1870 г., № 132) доводитъ до свѣдѣнія Минскаго губернатора:

«Настоятель Блонскаго костела кс. Сенчиковскій постояннымъ употребленіемъ русскаго языка, какъ при богослуженіи, такъ и въ частномъ быту, до того пріучилъ къ нему крестьянъ, что многіе изъ нихъ стали посѣщать православную церковь. По отъѣздѣ Сенчиковскаго, въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ, по губерніи, на мѣсто его былъ командированъ кс. Березинскаго костела Томкевичъ, который, прибывъ 28 марта въ м. Блонь, остановился у извѣстнаго фанатика Крыжановскаго (а не на квартирѣ Сенчиковскаго, прислуга котораго говоритъ по-русски), принималъ для какихъ-то совѣщаній кс. Серафимскаго костела Людовича, дополнительное богослуженіе совершалъ по-польски и тайно старался возстановить прихожанъ противъ Сенчиковскаго. Вслѣдствіе чего, по возвращеніи послѣдняго въ Блонь и служеніи имъ въ первый день Пасхи на русскомъ языкѣ, одна изъ прихожанокъ, помѣщица им. Марковщины, Констанція Фрибасъ сказала ему: „Мы вашихъ молитвъ на русскомъ языкѣ не понимаемъ и не желаемъ слушать. Вы только насъ смущаете и не даете молиться по своему обряду Богу“. — Затѣмъ, на слѣдующій день, когда передъ началомъ богослуженія кс. Сенчиковскій, уговаривая прихожанъ не пѣть польскихъ пѣсенъ, упомянулъ имъ о неумѣстномъ поступкѣ г-жи Фрибасъ, то бывшая въ костелѣ дворянка, изъ им. Шаромысли, Михалина Шабуни сказала ему по-польски: «Мы по-русски не понимаемъ и не желаемъ понимать, а хотимъ молиться и говорить по-польски». За что, по приказанію Сенчиковскаго, и была выведена изъ костела».

Затѣмъ, Игуменскій исправникъ (27 апр. № 9) дополнительно донесъ губернатору:

„Священникъ Блонскаго костела Сенчиковскій, при выѣздѣ въ назначенную командировку по Минской губерніи, отнесся къ кс. Серафимскаго костела Людовичу, прося его, въ крайнихъ случаяхъ, исполнять вмѣсто него необходимыя требы, вслѣдствіе чего кс. Людовичъ и пріѣзжалъ въ Блонскій приходъ по приглашенію нѣкоторыхъ прихожанъ три раза: первые два раза онъ дѣйствительно исповѣдывалъ больныхъ женщинъ; третій-же разъ, пріѣхавши въ Блонь, онъ засталъ уже тамъ командированнаго изъ Березинскаго костела кс. Томкевича, и, вмѣсто того, чтобы возвратиться по этой причинѣ въ свой приходъ, оставался въ Блони еще двое сутокъ и въ это время два раза совершалъ богослуженіе въ костелѣ вмѣстѣ съ Томкевичемъ и вмѣстѣ съ нимъ

и причисленнымъ изъ гражданъ въ крестьяне Стан. Крыжановскимъ былъ въ гостяхъ у арендатора Франца Волка. Ксендзъ-же Томкевичъ вмѣстѣ съ Крыжановскимъ былъ въ гостяхъ у маіора Русецкаго. Кс. Томкевичъ, по прибытіи въ Блонь присланнаго изъ Вильны кс. Жабровскаго, оставался въ Блони до пріѣзда свящ. Сенчиковскаго.“

„О происшествіяхъ, случившихся въ костелѣ на первый и второй день св. Пасхи, открыто слѣдующее:

Во время чтенія Евангелія на русскомъ языкѣ, помѣщица Конст. Фрибасова обратилась къ Сенчиковскому и сказала, чтобы онъ служилъ такъ, какъ служили его предмѣстники, на что священникъ попросилъ ее замолчать, и, хотя показываетъ, что это случилось во время чтенія Евангелія, но г-жа Фрибасъ и другіе показали, что она обратилась къ Сенчиковскому по окончаніи чтенія Евангелія. Прихожане никакого участія въ этомъ не принимали.

На второй день праздника, едва свящ. Сенчиковскій вошелъ въ костелъ, какъ г-жа Шабунева обратилась къ нему съ просьбою, чтобы онъ служилъ такъ, какъ служили прежніе ксендзы, и не вводилъ-бы русскаго языка. Священникъ Сенчиковскій пригласилъ Шабуневу выйти на крыльцо, такъ какъ не мѣсто спорить объ этомъ въ костелѣ, и, выйдя вмѣстѣ съ нею, доказывалъ, какъ свои права на вводимый имъ порядокъ, такъ и заблужденіе прихожанъ въ приверженности къ польской пропагандѣ; при этомъ вышелъ за нимъ весь народъ на крыльцо. Но минутъ черезъ десять возвратились всѣ въ костелъ, свящ. Сенчиковскій, кончивъ обѣдню, отслужилъ молебствіе на русскомъ языкѣ. Въ это время Шабунева, дочь ея Вороновичова и сынъ Викторъ, 22 лѣтъ, и Крыжановскій начали пѣть польскій гимнъ «Іисусъ Христосъ воскресъ и веселый день насталъ»... — Хотя Крыжановскій и показываетъ, что онъ, послѣ спора свящ. Сенчиковскаго съ Шабуневой, пошелъ въ русскую церковь и тамъ оставался, но это ничѣмъ не подтвердилось. Польскій-же гимнъ, по указанію однихъ, былъ пропѣтъ нѣсколькими голосами; другіе-же говорятъ, что пѣли всѣ прихожане, и что это дѣлалось такъ всегда, во время праздника Пасхи и прежде. Вѣроятнѣе-же всего, что гимнъ этотъ начали указанныя выше лица, а остальные прихожане, если не всѣ, то бо́льшая часть, продолжали пѣть и вмѣстѣ съ тѣмъ выходили изъ костела.“

„При опросѣ мною разныхъ лицъ“, пишетъ исправникъ: «ясно было видно негодованіе противъ свящ. Сенчиковскаго, вызванное приверженностью его къ нашему Правительству. Но было-ли это слѣдствіемъ внушенія ксендзовъ Томкевича и Людовича—этого открыть невозможно, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что они могли тайнымъ образомъ дѣйствовать на фанатизмъ нѣкоторыхъ прихожанъ. Кс. Томкевичъ, отправляясь въ Блонь,

былъ у меня и на предложеніе—продолжать въ Блони заведенный Сенчиковскимъ порядокъ при богослуженіи, съ сарказмомъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ русскихъ молитвъ и никакого распоряженія объ этомъ со стороны начальства нѣтъ. Всѣ отвѣты опрошенныхъ мною лицъ ясно выказывали упорство фанатизма прихожанъ Блонскаго костела и открытую оппозицію къ дѣйствіямъ свящ. Сенчиковскаго—по введенію русскаго языка въ добавочномъ богослуженіи, и, по мнѣнію моему, Блонскій костелъ, послѣ заявленнаго факта, неминуемо долженъ быть закрытъ, тѣмъ болѣе, что поданное прошеніе нѣкоторыми прихожанами—о смѣщеніи свящ. Сенчиковскаго (о чемъ я продолжаю производить дознаніе), совпадая со временемъ перевода Сенчиковскаго въ Борисовскій уѣздъ деканомъ, дало имъ поводъ думать, что переводъ этотъ состоялся именно вслѣдствіе поданнаго ими прошенія. Если-же Ваше Пре—во изволите встрѣтить затрудненіе въ закрытіи Блонскаго костела, то позвольте имѣть честь покорнѣйше просить, чтобы при назначеніи на мѣсто Сенчиковскаго новаго настоятеля, исходатайствовать, дабы добавочное богослуженіе и молебствіе за Государя Императора и Царствующій Домъ были совершаемы въ Блонскомъ костелѣ на русскомъ языкѣ, такъ какъ въ этомъ приходѣ уже введенное большинствомъ прихожанъ усвоено и не должно быть нарушаемо по прихоти нѣсколькихъ фанатиковъ, увѣренныхъ при томъ, что прошеніе ихъ въ консисторію возымѣло свое дѣйствіе. Въ противномъ-же случаѣ бездѣйствіе со стороны Правительства можетъ послужить къ торжеству партіи и повлечь какіе либо безпорядки. При этомъ долгомъ считаю присовокупить, что, по заявленію самаго Сенчиковскаго, высланный изъ Вильны кс. Жабровскій не былъ причастенъ къ дѣйствіямъ вышеупомянутыхъ лицъ и велъ себя одобрительно. Въ настоящее время св. Сенчиковскій, выѣхавъ въ Борисовъ, счелъ за лучшее прислать кс. Жабровскаго въ Игуменъ, о чемъ увѣдомляя меня, сообщилъ, что объ этомъ онъ донесъ и начальству. Кс. Жабровскій въ Игуменъ прибылъ и вчерашняго числа былъ допущенъ деканомъ Лавцевичемъ—совершить въ костелѣ обѣдню."

Пропуская дальнѣйшія подробности оффиціальной переписки по этому дѣлу между Минскимъ губернаторомъ, ген. Потаповымъ и Министромъ Вн. Дѣлъ, сообщимъ лишь, что кс. Томкевичъ, въ концѣ-концовъ, былъ высланъ въ Несвижскій Доминиканскій монастырь, подъ строгій надзоръ настоятеля этого послѣдняго, а г-жа Фрибасъ, дворянка Шабуни и крестьянинъ Крыжановскій оштрафованы—первая на 100 р., а остальные на 25 р. каждый.—

Между тѣмъ, борьба Сенчиковскаго продолжалась, не ослабѣвая, а обостряясь и захватывая все бо́льшій и бо́льшій раіонъ.

Можно сказать съ положительностью, что въ этотъ періодъ времени онъ не живетъ дома, а ѣздитъ по приходамъ, пишетъ, проповѣдуетъ, протестуетъ и выноситъ непріятности, о которыхъ лишь слабое понятіе даютъ протоколы и рапорты оффиціальной переписки...

И всюду, куда онъ ни появляется—вносится имъ русское слово, русская мысль, русскій духъ, но въ то-же время и возрастаютъ сопротивленіе польско-іезуитской пропаганды, протесты, демонстраціи, скандалы, а съ ними неизбѣжныя донесенія, слѣдственныя производства: цѣлый адъ!!..

Пропаганда эта, въ лицѣ ксендзовъ и фанатиковъ изъ мѣстной интеллигенціи, успѣшно увѣряетъ простодушной бѣлорусскій народъ, что русскій языкъ, вводимый Сенчиковскимъ въ дополнительное богослуженіе—не болѣе, какъ ловкое, замаскированное средство для окончательнаго совращенія католиковъ въ Православіе, что это походъ противъ Польши и. т. п.

Въ Петербургъ, Вильну и Минскъ летятъ изъ мѣстностей, поочередно посѣщаемыхъ Сенчиковскимъ, не только жалобы и доносы, но и прошенія, подписанныя многочисленными прихожанами, съ просьбами—обуздать энергичнаго ксендза.

Въ то-же время и Сенчиковскій не дремлетъ: подъ его вліяніемъ туда же поступаютъ заявленія противуположнаго характера, тоже испещренныя многочисленными подписями.

Дѣятельность мѣстной, уѣздной администраціи, конечно, всѣмъ этимъ непріятно осложняется.—Въ Вильнѣ генералъ Потаповъ все болѣе и болѣе хмуритъ брови.

Но въ Минскѣ—губернаторъ Токаревъ, зная дѣло и подпольныя его теченія, всецѣло на сторонѣ Сенчиковскаго: между ними постоянныя сношенія, а вся уѣздная полиція къ услугамъ покойнаго — въ смыслѣ огражденія его личности отъ насилій, глумленій, заушеній...

Въ іюнѣ Сенчиковскій, какъ мы уже это видѣли въ началѣ настоящей главы, съ разрѣшенія помощника ген. Потапова кн. Багратіона, назначается деканомъ Игуменскаго уѣзда, при чемъ остается и при прежней должности декана Борисовскаго уѣзда.

Такимъ образомъ, въ рукахъ молодого ксендза, при посредничествѣ прелата Жилинскаго и губернатора Токарева, сосредоточивается значительная власть по двумъ смежнымъ уѣздамъ, а съ нею, конечно, предоставляется ему и болѣе широкое поле политической, въ обрусительномъ духѣ, дѣятельности.—

Тѣмъ не менѣе, онъ сознаетъ въ себѣ силъ и энергіи для гораздо еще болѣе обширнаго поля дѣятельности, лишь-бы скорѣе добиться желанныхъ результатовъ, увлечь за собою другихъ, пробудить сонную уѣздную администрацію....

Губернаторъ Токаревъ (5 мая 1870 г., № 281) *) доноситъ генералу Потапову:

«Въ Блонскомъ костелѣ съ 4 апрѣля 1869 г. кс. Сенчиковскій постоянно совершалъ дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ. Блонскіе прихожане 19 февраля сего года письменно заявили свою искреннюю благодарность за дозволеніе слушать богослуженіе на родномъ ихъ языкѣ. По случаю перемѣщенія въ Борисовскій деканатъ настоятеля Блонскаго костела кс. Сенчиковскаго, совершавшаго дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопре—во, не изволите-ли признать возможнымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ Блонскомъ костелѣ съ отъѣздомъ кс. Сенчиковскаго не вводился-бы вновь польскій языкъ? Заявленіе прихожанъ Блонскаго костела при семъ прилагается».

При этомъ было приложено слѣдующее *„Заявленіе“*: **)

«Его Превосходительству Господину Минскому Губернатору и кавалеру.

Католиковъ Блонскаго прихода русскаго происхожденія.

Мы, ниже-подписавшіеся, прихожане Блонскаго католическаго прихода, симъ честь имѣемъ покорнѣйше заявить Вашему Пре—ву нашу задушевную радость и удовольствіе, а также искреннюю благодарность русскому нашему начальству за то, что мы, оставаясь въ католической религіи, можемъ въ церкви нашей при богослуженіи слышать звуки родного русскаго нашего языка. Долгое время польская пропаганда клеветала на насъ и удерживала въ заблужденіи касательно русскаго нашего происхожденія; но, благодаря Богу, заблужденіе это уже уничтожено и хотя всегда мы были привержены къ Августѣйшему нашему Императорскому и русскому Правительству, но въ настоящее время, при введеніи русскаго языка при богослуженіи въ католической нашей Церкви, мы, кромѣ русскихъ обычаевъ, русскихъ стремленій и русскаго языка ничего не желаемъ; слова̀-же эти постараемся заявить дѣлами, уничтожающими все, что сопротивляется единству Великорусскаго нашего Отечества и благимъ интересамъ Государства. 1870 г. 19 февраля.

Католики русскаго происхожденія Блонскаго прихода».

(Слѣдуютъ подписи и значки крестами 32-хъ лицъ, съ указаніемъ селъ и деревень).

Нечего говорить, что въ этомъ документѣ, и безъ почерка Сенчиковскаго, по самому языку его и содержанію, не трудно было-бы угадать автора.

---

*) Дѣло канц. Виленскаго генералъ-губернатора 1869—70 г. (по 3 му отд.) № 71.

**) Текстъ документа написанъ рукою кс. Сенчиковскаго.

Ген.-адъютантъ Потаповъ (9 мая 1870 г., № 4897) *) о заявленіи Блонскихъ прихожанъ сдѣлалъ представленіе Министру Вн. Дѣлъ г.-а. Тимашеву.

На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ Тимашева (20 мая 1870 г., № 868) **):

„Отношеніемъ отъ 9 сего мая, за № 4897, Ваше Прево—во сообщили, что въ Блонскомъ р.-к. костелѣ дополнительное богослуженіе совершалось съ 4 апрѣля минувшаго года на русскомъ языкѣ кс. Сенчиковскимъ, перемѣщеннымъ нынѣ на должность Игуменскаго декана, и что прихожане сего костела заявили желаніе и впредь слушать богослуженіе на русскомъ языкѣ. Вслѣдствіе сего обращаюсь къ Вашему Пр—ву съ покорнѣйшей просьбою объявить Блонскимъ прихожанамъ, что за послѣдовавшимъ 25 декабря прошлаго года Всемилостивѣйшимъ разрѣшеніемъ—употреблять русскій языкъ въ иновѣрческихъ церквахъ и, за введеніемъ уже его въ Блонскомъ приходѣ, Правительство озаботится, чтобы, согласно желанію прихожанъ, былъ продолжаемъ введенный уже въ семъ приходѣ порядокъ. Къ сему имѣю честь присовокупить, что я просилъ Управляющаго Виленскою Епархіею, въ виду помянутаго Высочайшаго повелѣнія и желанія Блонскихъ прихожанъ,—озаботиться возможно скорѣйшимъ назначеніемъ къ приходу священника, знающаго русскій языкъ и могущаго продолжать совершеніе дополнительнаго богослуженія, произнесеніе проповѣдей и молитвословій на русскомъ языкѣ. Принимая-же при этомъ въ соображеніе, что по Высоч. повелѣнію 22 мая 1864 г. опредѣленіе ксендзовъ въ приходы производится съ согласія губернатора, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, поручить начальнику Минской губерніи наблюсти, чтобы священникъ, избранный настоятелемъ въ Блонскій приходъ, по знанію русскаго языка и политической благонадежности, удовлетворялъ условіямъ, нужнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ, для занятія этой должности".

Минскій губернаторъ Токаревъ (6 іюня 1870 г., № 358) ***) донесъ генералъ-губернатору Потапову:

„Изъ прилагаемой при семъ записки декана Борисовскаго уѣзда Сенчиковскаго Ваше Высоко—во изволите усмотрѣть, что въ шести костелахъ Борисовскаго деканата введенъ русскій языкъ при богослуженіи; вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высоко—во исходатайствовать разрѣшеніе на продолженіе въ этихъ костелахъ богослуженія на русскомъ языкѣ. Соглашаясь вполнѣ со взглядомъ декана Сенчиковскаго, выраженномъ имъ въ прилагаемой запискѣ объ употребленіи

*) Тамъ-же.
**) Тамъ-же.
***) Тамъ-же.

при богослуженіи переведенныхъ на русскій языкъ церковныхъ книгъ и находя прилагаемый въ копіи указъ р.-к. духовной консисторіи не вполнѣ соотвѣтствующимъ смыслу Высочайшаго повелѣнія о введеніи русскаго языка при богослуженіи въ католическихъ церквахъ, считаю долгомъ вышеизложенныя обстоятельства представить на усмотрѣніе Вашего Высоко--ва; при чемъ имѣю честь присовокупить, что мною уже изъявлено согласіе управляющему Виленскою Епархіею на соединеніе Игуменскаго и Борисовскаго деканатовъ въ одинъ, а также о назначеніи ксендза Лемпицкаго деканомъ Слуцкаго уѣзда. Что-же касается до кс. Жебровскаго, то, согласно ходатайства Сенчиковскаго и прелата Жилинскаго, имѣю честь покорнѣйше просить разрѣшенія на отправленіе его въ г. Бобруйскъ подъ надзоръ настоятеля, безъ должности.“

При этомъ донесеніи приложены слѣдующіе документы:

а) Копія съ указа Виленской р.-к. духовной консисторіи (отъ 30 марта 1870 г., № 2684) *), присланнаго Сенчиковскому изъ Вильны, имъ засвидѣтельствованная.

«Борисовскому декану. Консисторія слушали предложеніе г. управляющаго епархіей отъ 27 сего марта за № 701 о томъ, что, какъ присланные къ Его Высокопреподобію г. Главнымъ Начальникомъ края отъ 8 сего марта за № 2807 экземпляры требника (Rituale Sacramentorum), то въ дополненіе предписанія своего Его Высокопреподобіе нужнымъ считаетъ присовокупить, что этотъ требникъ не долженъ быть введенъ въ употребленіе какъ только тогда, когда, на основаніи переданнаго въ консисторію указа Духовной Коллегіи отъ 18 прошлаго февраля, за № 767, будетъ соотвѣтственно нуждѣ данной мѣстности желаніе прихожанъ на введеніе русскаго языка, когда будетъ признана польза этой мѣры и послѣдуетъ окончательное правительственное на то утвержденіе. О чемъ консисторія обязана поставить въ извѣстность надлежащимъ образомъ все духовенство. Приказали: о содержаніи настоящаго предложенія дать знать Вамъ въ дополненіе указа отъ 18 марта за № 2286, для объявленія всему духовенству при врученіи означенныхъ требниковъ».

б) Собственноручно подписанная замѣтка кс. Сенчиковскаго (безъ даты) слѣдующаго содержанія:

«Его Превосходительству господину Минскому Губернатору.

Декана Борисовскаго уѣзда

Записка.

Съ душевною радостью честь имѣю доложить Вашему Пр-ву, что не только въ Борисовскомъ, но и въ Докшицкомъ,

---

*) Тамъ-же. Какъ видно изъ дѣла, Жилинскій предписалъ по этому поводу Виленской р.-к. Консисторіи вслѣдствіе личнаго порученія генерала Потапова, даннаго ему 26 марта 1870 г., о чемъ и дѣлаетъ оговорку.

Кеменевицкомъ, Дзѣдиловицкомъ, Хотаевицкомъ и Зембинскомъ костелахъ введено мною отправленіе молебствія за Августѣйшій Царствующій Домъ и дополнительнаго богослуженія на отечественномъ нашемъ русскомъ языкѣ, на мѣсто чуждаго намъ польскаго языка, оставленнаго нами навсегда. Евангелички уже въ полномъ употребленіи; даже органисты изучили и поютъ священныя пѣсни на русскомъ языкѣ. Но въ дальнѣйшемъ полномъ развитіи русскаго элемента въ нашемъ католическомъ богослуженіи мы встрѣчаемъ большое затрудненіе въ неимѣніи печатныхъ гимновъ и дополнительнаго богослуженія, переведенныхъ на русскій языкъ и пропущенныхъ чрезъ цензуру, что̀ чрезвычайно тормазитъ святое русское дѣло, потому, что мы рѣшительно не имѣемъ чѣмъ руководиться. Почему покорнѣйше имѣю честь просить Ваше Пре—во исходатайствовать о скорѣйшемъ напечатаніи и высылкѣ намъ гимновъ и дополнительнаго богослуженія, которые имѣются уже въ русскомъ переводѣ у Его Высокопре—ва г. Попечителя Виленскаго учебнаго округа.

Изъ разговоровъ Его Высокопреподобія прелата Жилинскаго я узналъ, что поданъ проектъ Его Высокопре—ву, Г. генералъ-губернатору касательно евангеличекъ, которыя слѣдуетъ послать въ Римъ, къ Папѣ, для одобренія. Подобнаго рода проекты могутъ быть подаваемы только людьми, находящимися подъ вліяніемъ польско-іезуитской партіи или непонимающими, какъ это дѣло провести въ практикѣ, ибо евангелички у меня въ употребленіи болѣе года и во ввѣренномъ мнѣ благочиніи 11-ь настоятелей и всѣ викарные приняли ихъ. Въ Борисовскомъ-же и въ пяти вышепрописанныхъ костелахъ евангелички въ полномъ употребленіи для народа; въ учебныхъ заведеніяхъ тоже евангелички розданы. Къ чему-же послѣ того одобреніе Папы?— Это вѣрно, что интриги и польско-іезуитская партія помѣшаютъ одобренію. А тогда, какое положеніе Правительства, которое заботилось о напечатаніи, прелата Жилинскаго, который одобрилъ, духовенства, которое приняло въ употребленіе евангелички въ религіозную практику?!.. И, наконецъ, народъ окончательно собьется съ толку, и въ результатѣ останется то, что ничему впослѣдствіи вѣрить не будетъ. Послѣ этого всякую мелочь надо будетъ посылать въ Римъ для одобренія. Хотя невозможно ожидать, но, положимъ, что Римъ одобритъ евангелички, то и такъ слѣдовало-бы послать ее въ рукописи предъ напечатаніемъ и одобреніемъ г. управляющаго епархіей. А теперь, пока въ Римъ, да оттуда, мало на года два можетъ дѣло пріостановиться. А я смѣло и торжественно сказать могу, что при *власти*, *поддержкѣ и усердномъ дѣйствіи* въ два года въ Минской губерніи можно не только языкъ, но убѣжденія и духъ русскій ввести, какъ въ костелы, такъ и въ приходы. Нужно только *власти*,

дабы устранить всѣ преграды и облегчить дѣло переводами книгъ и безцеремонными дѣйствіями съ ксендзами, въ рукахъ которыхъ обрусеніе края, усмиреніе и удержаніе народа въ полномъ повиновеніи Правительству. Хорошо это понялъ почивающій въ Бозѣ Митрополитъ Сѣмашко, и потому ударилъ сильно на духовенство и перепечатаніе книгъ, чѣмъ въ скоромъ времени и покончилъ столь значительно трудное дѣло присоединенія уніи.

Касательно одобренія евангелички или какой либо книги для насъ достаточно епархіальнаго начальства, ибо власть Рима (у насъ, католиковъ) не простирается на столько, чтобы вмѣшиваться въ то, кто и на какомъ языкѣ молится или разговариваетъ: это дѣло національности. Для Рима-же достаточно, чтобы догматовъ не перемѣнить, что̀ въ совершенной точности соблюдается. Поднять наново вопросъ объ евангеличкахъ можно тогда только, еслибы дѣло русское понимать въ теоріи и не думать совершить фактомъ и провести его въ практикѣ. А что на практикѣ сдѣлать можно все—тому служитъ доказательствомъ Блонь, Борисовъ и пять Борисовскаго благочинія костеловъ, въ которыхъ я служилъ и оставилъ на всегда русскій языкъ; каждый-же настоятель получилъ увѣреніе, что если онъ хотя разъ осмѣлится служить молебенъ за Императорскій Домъ не на русскомъ языкѣ, то будетъ сосланъ въ крѣпость Бобруйскъ. А чтобы этого не было, охотно дѣлаютъ то, что имъ предлагаю, потому, что ксендзы серьезно объясняютъ дѣло. Слѣдовательно — побудить только ксендзовъ—и дѣло сдѣлано.

Одно, что для пользы русскаго дѣла необходимо, то это — разъясненіе циркуляра о введеніи русскаго языка въ католицизмѣ. Въ циркулярѣ ничего не сказано о настоятеляхъ и вообще о ксендзахъ.—Слѣдовательно, прихожане тѣ только могутъ просить о введеніи русскаго языка, которыхъ настоятель этого пожелаетъ. Но если настоятель, какъ вождь духовный въ приходѣ, дѣлаетъ, тамъ уже не дѣло прихожанъ вмѣшиваться въ дѣла духовныя. Понимать и толковать иначе—значитъ желать, чтобы никогда не былъ введенъ русскій языкъ и чтобы край нашъ и народъ навсегда остались подъ фирмою и вліяніемъ Польши и фанатико-іезуитской пропаганды, столь вредной *всему, что̀ русское.* Если въ настоящее время, когда такъ высоко поднятъ вопросъ о русскомъ языкѣ и располяченіи католицизма, дѣло это не упрочится, то въ будущемъ никто изъ духовенства не захочетъ жертвовать собою и принять борьбу со всѣмъ, что̀ польское и фанатически-іезуитское. А духовенство только въ силахъ сдѣлать съ народомъ, что захочетъ, и сдѣлаетъ мирно и тихо.

Выѣздъ прелата Жилинскаго въ епархію нуженъ и полезенъ будетъ тогда, если Его Высокопреподобіе будетъ во время

объѣзда постоянно въ разговорахъ и богослуженіи употреблять только русскій языкъ. Священникъ его, находящійся при г. управляющемъ, долженъ понимать цѣль и дѣло, по которому ѣдетъ прелатъ, дабы въ проповѣдяхъ, которыя будутъ необходимы во время визиты, были-бы развиты понятія о русскомъ дѣлѣ. Проповѣди-же эти произносить только на русскомъ языкѣ, да при томъ, чтобы хотя въ двухъ уѣздахъ, во всѣхъ костелахъ, былъ употребляемъ русскій языкъ, что̀ въ Борисовскомъ уѣздѣ, при помощи Божіей, скоро будетъ. Только необходимо сдѣлать тѣ перемѣны съ ксендзами, о которыхъ я уже просилъ Ваше Превосхо - во: иначе я могу потерять тѣ значеніе и вліяніе (столь необходимыя для каждаго начальника), которыя въ настоящее время я пріобрѣлъ надъ подчиненными ксендзами.

Объѣхавъ Минскую губернію вдоль и поперекъ, зная мѣстныя обстоятельства края и характеръ, даже совѣсть народа, я, какъ священникъ, понимаю, что̀ догматъ и что̀ только натяжка и политическое стремленіе іезуитской партіи, могу смѣло опредѣлить болѣе полезное и прочное русскому дѣлу, которое, какъ мое родное, я буду отстаивать до конца моей жизни, ибо искренно желаю вѣрно и полезно служить, на поприщѣ моего служенія, дорогому, великому, русскому нашему Отечеству. И это дало мнѣ иниціативу и смѣлость чистосердечно высказать мой взглядъ на дѣло. Ибо проекты высылки евангелички въ Римъ, препятствія въ напечатаніи гимновъ и книгъ, толкованіе іезуитами циркуляра, да еще высылка для раздачи ксендзамъ русско-латинскаго требника и вслѣдъ за тѣмъ указъ консисторіи, который въ копіи при семъ прилагаю (дабы этого требника не употреблять)—все это такъ сбиваетъ съ толку и такъ убиваетъ духъ и энергію (необходимые для дѣла), что многіе уже опускаютъ руки. Примѣръ тому - Заусцинскій, который перемѣщается въ Юго-Западный край, и деканъ Радушковицкій, который не знаетъ, чего держаться. Поэтому спѣшу просить Ваше Прево—во доложить о семъ Его Высокопр --ву г. генералъ-губернатору и ходатайствовать, дабы не поднимать вопроса объ евангеличкахъ. Пусть онѣ, съ доброю вѣрою принятыя нами, остаются безъ апробаты римской. Да мало-ли польскихъ книгъ и молитвъ существуетъ и употребляется ксендзами безъ одобренія Папы! Я это докажу, если только нужно будетъ.

Относительно о. Лемпицкаго, о которомъ я уже докладывалъ Вашему Пре - ву, осмѣливаюсь, ради пользы дѣла, просить о скорѣйшемъ назначеніи его на должность настоятеля и декана Слуцкаго; въ доказательство, каковъ это человѣкъ и каковы душевныя его убѣжденія и преданность Россіи, прилагаю въ подлинникѣ письмо его, мною полученное.

Относительно высылки въ наши деревенскіе приходы ксендзовъ, противодѣйствующихъ русскому дѣлу, смѣю при семъ

изложить Вашему Пре—ву мое мнѣніе: люди, воспитанные по самой тонкой іезуитско-польской программѣ, пропитанные до совершенства фанатизмомъ и настройствомъ женщинъ, люди, которые не могутъ быть терпимы въ г. Вильнѣ, на глазахъ начальства,—могутъ-ли быть исправимы въ деревнѣ, гдѣ настоятель, по ихъ мнѣнію, стоитъ гораздо ниже ихъ? (Многіе изъ высланныхъ—кандидаты польской справы и магистры богословія-польскаго). Мы не успѣваемъ присмотрѣться къ нимъ, этимъ фанатикамъ, какъ они уже затормазили русское дѣло: женщины -дѣвушки считаютъ ихъ мучениками „Ойчизны", а насъ—врагами «Ойчизны». И мы виноваты ужъ тѣмъ, что ихъ прислали къ намъ. Гораздо лучше было-бы безцеремонно выслать этихъ ксендзовъ въ Бобруйскую крѣпость. Тамъ, въ казармахъ, безъ должности, пусть ведутъ свои польскія интриги между солдатами. Это—одно, и самое дѣйствительное средство, можетъ примирить фанатиковъ со всѣмъ тѣмъ, что дорого и священно для всякаго истиннаго сына Отечества Россіи. Католическій священникъ Фердинандъ Сенчиковскій."—

О введеніи русскаго языка въ костелахъ Сенчиковскимъ генералъ-губернаторъ донесъ Министру Вн. Дѣлъ (11 іюня 1870 г., за № 146) *).

Сообщивъ Минскому губернатору (11 іюня того-же года, № 145) **) о томъ, что онъ вошелъ въ сношеніе съ Мин. Вн. Дѣлъ о разрѣшеніи совершенія въ Борисовскомъ, Докшицкомъ, Кемешевицкомъ, Дзѣдзиловичскомъ, Хотаевицкомъ и Зембинскомъ костелахъ дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ, а также съ управляющимъ Виленскою Р.-К. Епархіею о сдѣланіи имъ немедленнаго распоряженія къ назначенію кс. Лемпицкаго Слуцкимъ деканомъ и къ переводу кс. Жабровскаго въ гор. Бобруйскъ, безъ должности, подъ надзоръ мѣстнаго настоятеля генералъ Потаповъ сообщаетъ Минскому губернатору слѣдующее:

„Что-же касается до изложеннаго въ полученной при означенномъ представленіи Вашемъ запискѣ кс. Сенчиковскаго мнѣнія о необходимости скорѣйшаго изданія указанныхъ имъ переводовъ на русскій языкъ дополнительнаго богослуженія и церковныхъ гимновъ р.-к. исповѣданія, то вопросъ этотъ былъ уже въ моемъ разсмотрѣніи и я, отношеніемъ отъ 30 минувшаго мая за № 933, сообщилъ г. Министру Вн. Дѣлъ, *что осуществленіе этого вопроса по существу было бы безполезнымъ и могущимъ, по несвоевременности своей, подать неблагонамѣреннымъ лицамъ поводъ къ новымъ попыткамъ извращенія неустановившихся еще въ населеніи края понятій о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ и цѣляхъ Правительства.* При этомъ нужнымъ считаю присовокупить, что указъ Вил. р.-к. консисторіи, въ копіи ксендза Сенчиковскаго представлен-

*) Тамъ-же.
**) Тамъ-же.

ный (отъ 30 марта, № 2664), я нахожу совершенно согласнымъ съ духомъ и смысломъ Высочайшаго повелѣнія 25-го декабря 1869 г. — о разрѣшеніи введенія въ иновѣрное богослуженіе употребленія русскаго языка.“

Управляющій Виленскою Р.-К. епархіею, прелатъ Жилинскій (13 іюня 1870 г., № 1514) *) увѣдомилъ, затѣмъ, генералъ-губернатора, что имъ сдѣлано распоряженіе о высылкѣ кс. Жабровскаго въ Бобруйскъ и о назначеніи кс. Лемпицкаго деканомъ Слуцкаго уѣзда.

Управляющій Мин. Внутреннихъ Дѣлъ (17 іюня 1870 года, № 1311) **) сообщилъ, между прочимъ, и. д. Виленскаго ген.-губернатора:

„Предложивъ прелату Жилинскому озаботиться немедленнымъ объявленіемъ Борисовскому декану и настоятелямъ означенныхъ костеловъ, что за послѣдовавшимъ 25 декабря прошлаго года Высочайшимъ разрѣшеніемъ — употреблять русскій языкъ въ иновѣрческихъ церквахъ и за введеніемъ уже въ упомянутыхъ приходахъ дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ, такой порядокъ долженъ соблюдаться и на будущее время, съ порученіемъ епархіальному начальству имѣть за исполненіемъ сего неослабное наблюденіе, обращаюсь къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою — приказать объявить мѣстнымъ прихожанамъ, что Правительствомъ разрѣшено употребленіе русскаго языка въ вышепоименованныхъ 6-ти костелахъ при дополнительномъ богослуженіи, молитвословіи и проповѣдяхъ. При семъ Вы, Милостивый Государь, благоволите принять мѣры къ надлежащему разъясненію прихожанамъ означеннаго разрѣшенія и къ убѣжденію ихъ, что употребленіе русскаго языка нисколько не можетъ вліять на чистоту догматовъ исповѣдуемой ими вѣры.“

11 іюня того-же года, за № 146 ***), генералъ Потаповъ все-же представилъ вышеприведенную записку кс. Сенчиковскаго Министру Вн. Дѣлъ, для свѣдѣнія или справки.

Но въ Петербургѣ совершенно иначе взглянули на подобный документъ, забракованный имъ, Потаповымъ, и одобренный губернаторомъ Токаревымъ, придавъ заявленію Сенчиковскаго подобающее ему значеніе. Министерство Вн. Дѣлъ даже не затрудняется не только поучиться у практика-ксендза, но и сознаться въ этомъ на бумагѣ.

Можно смѣло сказать, что съ этого времени на Сенчиковскаго было обращено въ Министерствѣ еще большее вниманіе.

---

*) Тамъ-же.

**) Тамъ-же.

***) Тамъ-же.

Слѣдуетъ представить себѣ также и негодованіе болѣзненно-самолюбиваго А. Л. Потапова, мнѣнію котораго было противупоставлено мнѣніе «какого-то тамъ ксендза Сенчиковскаго»!..

Если-бы Потаповъ предвидѣлъ эффектъ, произведенный запискою послѣдняго, то, конечно, вполнѣ имѣлъ всѣ способы, чтобы не дать ей ходу, а положить подъ сукно, какъ дѣлалъ въ Вильнѣ со многими другими, подобными-же, русско-патріотическими, начинаніями...

А тутъ вдругъ получается отвѣтъ отъ управляющаго Минист. Вн. Дѣлъ (30 іюля 1870 г., за № 33), который сообщилъ исправл. должность Вил., Грод., Ковенскаго и Минскаго генералъ-губернатора кн. Багратіону слѣдующее:

«При отношеніи отъ 11 прошлаго іюня за № 146 генералъ-адъютантъ Потаповъ препроводилъ въ Министерство Вн. Дѣлъ копію съ доставленной ему Минскимъ губернаторомъ записки декана Борисовскаго уѣзда Сенчиковскаго, въ коей изложены соображенія о мѣрахъ къ отдѣленію въ Западномъ краѣ религіознаго элемента отъ полонизма.

Разсмотрѣвъ эту записку кс. Сенчиковскаго, *отличающуюся вообще правильнымъ взглядомъ на дѣло,* я въ особенности остановился на слѣдующихъ его соображеніяхъ:

Сообщая, что въ 6-и костелахъ Борисовскаго уѣзда, на русскомъ языкѣ, кромѣ совершенія дополнительнаго богослуженія, поются и священныя пѣсни, кс. Сенчиковскій заявляетъ, что полному развитію русскаго элемента въ богослуженіи моглибы служить слѣдующія мѣры: 1) изданіе печатныхъ переводовъ на русскій языкъ гимновъ и дополнительнаго богослуженія; 2) разъясненіе циркуляра о введеніи въ богослуженіе русскаго языка,—неясное пониманіе коего даетъ поводъ къ предположенію, что р.-к. духовенству не принадлежитъ никакая иниціатива по сему предмету и что ходатайство о семъ принадлежитъ только прихожанамъ; 3) совершеніе на русскомъ языкѣ богослуженія прелатомъ Жилинскимъ при объѣздѣ имъ епархіи; и 4) строгій надзоръ вообще за духовенствомъ, которое имѣетъ сильное вліяніе на населеніе, и, въ частности, для Борисовскаго уѣзда, перемѣна въ личномъ составѣ духовенства мѣстнаго, о коихъ Сенчиковскій уже заявилъ губернатору.

Относительно первой, изъ изложенныхъ кс. Сенчиковскимъ мѣръ, имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, что за полученіемъ отъ генералъ-губернатора Потапова, при письмѣ отъ 30 прошлаго года за № 933, рукописей перевода дополнительнаго богослуженія, Министерство Вн. Дѣлъ не оставитъ своевременно сообщить взглядъ свой на этотъ предметъ.

Засимъ относительно циркуляра считаю нужнымъ обратить вниманіе Вашего Сіятельства на то, что Министерство, незави-

симо отъ объявленія гражданскому начальству о послѣдовавшемъ 25 декабря прошлаго года Высочайшемъ разрѣшеніи употреблять русскій языкъ въ иновѣрческихъ церквахъ, предложило о семъ Р.-К. Духовной Коллегіи, объяснивъ при семъ, что „такъ какъ настоящая мѣра имѣетъ цѣлью удовлетвореніе потребностямъ мѣстнаго населенія, то на духовномъ начальствѣ будетъ лежать обязанность содѣйствовать примѣненію ея тамъ, гдѣ она будетъ соотвѣтствовать нуждамъ и желанію прихожанъ. Сообразно сему, начальники епархій, усмотрѣвъ пользу введенія этой мѣры въ данной мѣстности, или въ случаѣ поступленія къ нимъ ходатайствъ отъ приходского духовенства о разрѣшеніи ввести русскій языкъ въ проповѣди и дополнительное богослуженіе, будутъ представлять свои соображенія и заключенія по всѣмъ таковымъ ходатайствамъ въ Министерство Вн. Дѣлъ, на которое вышеозначеннымъ Высоч. повелѣніемъ возложено окончательное ихъ разрѣшеніе.“ На сіе Коллегія донесла Министерству, что объ означенной Высочайшей волѣ она дала знать епархіальнымъ начальникамъ. Между тѣмъ, объясненіе кс. Сенчиковскаго заставляетъ предполагать, что приходскому духовенству неизвѣстно о правѣ его представлять епархіальному начальству ходатайства о введеніи русскаго языка въ богослуженіе. Посему покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, привести въ извѣстность: въ какомъ смыслѣ объявлено епархіальнымъ начальствомъ духовенству содержаніе означеннаго предложенія Министерства Коллегіи, и, если приходскому духовенству не объяснено о правѣ его ходатайствовать о введеніи въ приходѣ богослуженія на русскомъ языкѣ, то пригласить прелата Жилинскаго - поставить о семъ духовенство его епархіи въ извѣстность.

Независимо отъ этого, прошу Васъ -- побудить прелата, чтобы въ случаѣ, если онъ предприметъ объѣздъ подвѣдомственной ему епархіи, онъ совершалъ въ посѣщаемыхъ имъ костелахъ дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ. Наконецъ, находя совершенно справедливымъ мнѣніе Сенчиковскаго о необходимости строгаго надзора за р.-к. ксендзами, принятія относительно ихъ энергическихъ мѣръ, — которыя ставили-бы ихъ въ невозможность парализировать стремленіе Правительства къ ослабленію въ краѣ польскаго элемента и слышать русскій языкъ въ богослуженіи и проповѣдяхъ, — и поддержки тѣхъ изъ священниковъ, которые дѣйствуютъ въ духѣ Правительства, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, обратить на этотъ предметъ полное вниманіе мѣстныхъ гражданскихъ начальниковъ, и, въ частности, поручить начальнику Минской губерніи 1) озаботиться скорѣйшимъ приведеніемъ въ исполненіе тѣхъ измѣненій въ личномъ составѣ ксендзовъ Борисовскаго деканата, о какихъ заявлялъ ксендзъ Сенчиковскій, и 2) объявить сему ксендзу, что онъ можетъ быть увѣренъ въ поддержкѣ

со стороны Правительства въ благонамѣренныхъ его дѣйствіяхъ.

О послѣдующемъ покорнѣйше прошу В. Сіятельство поставить Министерство въ извѣстность, сообщивъ при семъ копію съ упоминаемаго въ запискѣ кс. Сенчиковскаго указа Вил. консисторіи о неупотребленіи р.-к. требника, о чемъ Министерство не имѣетъ свѣдѣній».

Такимъ образомъ Вильнѣ было рекомендовано Мин. Вн. Дѣлъ не только руководствоваться указаніями Сенчиковскаго, но и донести, на сколько таковыя осуществлены на дѣлѣ.

Сенчиковскій, со свойственной ему настойчивостью убѣжденнаго въ правотѣ своихъ дѣйствій человѣка, не приминулъ, по поводу того-же вопроса о церковныхъ книгахъ на русскомъ языкѣ, обезпокоить и Попечителя Вил. учебн. округа, который (10 іюня 1870 г., № 3107) *) представилъ на благоусмотрѣніе Виленскаго генералъ-губернатора слѣдующую записку кс. Сенчиковскаго (отъ 30 мая того-же года, № 331. Борисовъ) ему, попечителю, поданную:

„Такъ какъ не только въ Борисовскомъ, но еще въ пяти костелахъ ввѣреннаго мнѣ благочинія уже въ молебствіи за Августѣйшій Домъ и дополнительное богослуженіе введенъ мною и оставленъ навсегда вмѣсто польскаго родной нашъ, русскій языкъ, но, кромѣ переведенныхъ мною на скорую руку нѣкоторыхъ только гимновъ, не имѣемъ чѣмъ руководиться, то честь имѣю, ради пользы дѣла, просить ходатайства Вашего Высокопре—ва о скорѣйшемъ напечатаніи находящихся въ канцеляріи округа переведенныхъ гимновъ и дополнительнаго богослуженія, которые, какъ-бы некраснорѣчиво были переведены, лишь-бы только можно было употреблять тотъ-же напѣвъ, какой былъ на польскомъ языкѣ, вѣрно будутъ хороши и полезны. По этому дѣлу я уже просилъ г. Минскаго губернатора“.

На сообщеніи Попечителя Сергіевскаго—резолюція: „Ожидать отвѣта отъ Министра Вн. Дѣлъ“.

О результатахъ реформы Начальникъ Минскаго Губ. Жандармскаго управленія (13 іюня 1870 г., № 210) **) доноситъ Виленскому генералъ-губернатору:

„Въ дополненіе докладной записки моей отъ 7 апрѣля сего года за № 98, Вашему Высокопре—ву донести честь имѣю, что по дѣлу о предложеніи крестьянамъ р.-к. исповѣданія, не пожелаютъ-ли они, чтобы дополнительное богослуженіе въ костелахъ совершалось на русскомъ языкѣ, мною получены нынѣ отъ начальниковъ уѣздныхъ управленій слѣдующія свѣдѣнія:

*) Тамъ-же.

**) Дѣло канцел. Виленскаго генералъ-губернатора 1870 г. (отдѣленіе политическое) № 75.

Въ Борисовскомъ уѣздѣ крестьяне Витуринской волости на предложеніе мѣстнаго мирового посредника Афанасьева, охотно изъявили согласіе и дали въ томъ подписку.

Въ Бобруйскомъ уѣздѣ предложеніе крестьянамъ сдѣлано мировыми посредниками и противодѣйствія тому никто не высказалъ.

Въ Рѣчицкомъ уѣздѣ объ означенномъ предложеніи крестьянамъ еще ничего не слышно.

Въ Слуцкомъ уѣздѣ изъявили желаніе крестьяне Тимковичской, Лонской, Синявской и Медвѣдецкой волостей; Ляховичская-же волость не согласилась, почему мѣстнымъ мировымъ посредникомъ предложено крестьянамъ той волости—обдумать.

Въ Новогрудскомъ уѣздѣ объявленіе производилось черезъ волостныхъ старшинъ, писарей и старостъ, а такъ какъ крестьянамъ недостаточно объяснена сущность дѣла, то они, *полагая, что согласіе ихъ на введеніе въ богослуженіе русскаго языка равносильно будетъ принятію православія*, вездѣ отказались.

Въ Мозырскомъ и Пинскомъ уѣздахъ объявленіе сдѣлано черезъ волостныхъ писарей и тысяцкихъ; мировые-же посредники никакого участія въ этомъ дѣлѣ не приняли и никто изъ крестьянъ желанія не изъявилъ.“—

Несомнѣнно, для опроверженія злонамѣренныхъ слуховъ, которые распускались въ обществѣ и народѣ относительно тайной тенденціи Правительства—насильственно, въ цѣляхъ совращенія въ православіе, навязать Высочайше одобренную мѣру населенію, былъ присланъ слѣдующій отзывъ управляющимъ Мин. Вн. Дѣлъ (отъ 28 іюня 1870 г., № 22) *) на имя и. д. Виленскаго генералъ-губернатора:

„Прихожане Недзведзичской р.-к. церкви обратились въ Мин. Вн. Дѣлъ съ прошеніемъ, въ коемъ объясняя, что мѣстный мировой посредникъ принуждаетъ ихъ дать подписку о желаніи ввести употребленіе русскаго языка въ проповѣди и дополнительное богослуженіе, ходатайствуютъ о распоряженіи, чтобы это богослуженіе совершалось въ Недзведзичскомъ приходѣ попрежнему и чтобы въ оный былъ возвращенъ священникъ, съ 9-го апрѣля находящійся, по распоряженію начальства, въ г. Слуцкѣ.

Препровождая вышеозначенное прошеніе къ Вашему Пре   ву, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивой Государь, съ возвращеніемъ приложенія, увѣдомить Министерство: въ какой степени оказываются справедливыми изложенныя въ оном обстоятельства, и почему Недзведзичскій настоятель находится въ Слуцкѣ?

*) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1869—70 г., № 71 (по 3-му отдѣл.).

При семъ, для избѣжанія случаевъ, подобныхъ настоящему, я нахожу необходимымъ обратить вниманіе мѣстнаго гражданскаго начальства на то, что если съ одной стороны необходимо устранять въ настоящемъ дѣлѣ всякое принужденіе со стороны полицейскихъ и другихъ мѣстныхъ властей, то съ другой стороны не менѣе должно слѣдить и за тѣмъ, чтобы не были дѣлаемы въ противномъ смыслѣ внушенія и подговоры, а, въ особенности, чтобы не были католики вводимы въ заблужденіе ложными толкованіями, будто употребленіе русскаго языка тождественно или ведетъ къ переходу въ православіе, и чтобы, напротивъ того, всѣ мѣры были употребляемы для надлежащаго пониманія католиками разрѣшенія употреблять русскій языкъ“.—

Минскій губернаторъ Токаревъ, позднѣе (12 сент. 1870 г., № 6046) *), доноситъ по этому поводу ген.-губернатору Потапову, что «никакихъ принужденій для полученія подписки отъ крестьянъ Медвѣдицкой (Недзведзической) волости со стороны мирового посредника производимо не было и подписки никакой не существуетъ; кс. Лазаревичъ вызванъ въ г. Слуцкъ вслѣдствіе подстрекательствъ присоединившихся къ православію прихожанъ Ляховицкаго прихода; о поступкахъ-же его производится слѣдствіе; фамилія подписавшаго прошеніе «Вижуковскій», вѣроятно, вымышлена потому, что таковой въ Медвѣдицкой волости и въ окрестностяхъ не существуетъ».

Такимъ образомъ, это прошеніе оказалось однимъ изъ сорвавшихся закулисныхъ подвиговъ воинствующаго полонизма.

А вотъ и подлинный документъ въ томъ-же духѣ, изъ лагеря того-же полонизма, какъ всегда и вездѣ, впрочемъ, остающагося неуловимымъ:

Въ дѣлѣ канцеляріи Минскаго губ—ра за № 95 (1870 г.), озаглавленномъ „По жалобѣ прихожанъ Кемешевскаго р.-к. костела на декана кс. Сенчиковскаго на сдѣланное имъ введеніе, безъ ихъ вѣдома, въ богослуженіе русскаго языка“, имѣется слѣдующее прошеніе (82 лицъ), поданное Виленскому генералъ-губернатору въ іюнѣ 1870 г.:

«Вѣра наша римско-католическая, распространенная по всему кругу Европы, ни однимъ правительствомъ, ни нашимъ Государствомъ, не была угнетаема; она до сего времени исполняла свои обряды, съ древнихъ временъ установленные, при которыхъ и должна оставаться.

Между тѣмъ, 27 числа мая мѣсяца сего года, прибывъ въ нашъ приходъ, вновь назначенный Борисовскій деканъ Сенчи-

*) Тамъ же.

ковскій, безъ предъявленія оффиціальнаго распоряженія начальства и приглашенія прихожанъ, приказалъ администратору нашего прихода кс. Добкевичу вмѣсто молебствія на польскомъ языкѣ замѣнить оное на русскій.

Имѣемъ въ виду указъ Духовной Коллегіи, послѣдовавшій въ Виленскую р.-к. духовную консисторію, отъ 18 февраля, за № 467-мъ, изъ коего видно, что русскій языкъ можетъ быть введенъ въ нашихъ костелахъ, въ такомъ только случаѣ, гдѣ прихожане изъявятъ согласіе, и когда послѣдуетъ окончательное Правительственное на то утвержденіе; но нисколько смыслъ означеннаго указа не предоставляетъ самовольной власти декану Сенчиковскому, одному лицу, безъ согласія прихожанъ, дѣлать перемѣны въ нашемъ богослуженіи, на что мы, прихожане, не изъявляли согласія.

Борисовскій-же деканъ Сенчиковскій, кромѣ вышеозначеннаго своего дѣйствія, въ предписаніи, данномъ администратору Кемешевскаго костела отъ 27 мая, за № 111, позволилъ себѣ письменно обезчестить и оскорбить всѣхъ насъ, прихожанъ, исповѣдающихъ р.-к. вѣру, названіемъ фанатиками и противниками самой религіи. За каковой поступокъ Сенчиковскій, по силѣ существующихъ узаконеній, долженъ быть подвергнутъ законному взысканію. А потому покорнѣйше честь имѣемъ просить Ваше Высокопре—во предписать кому слѣдуетъ — о возстановленіи въ нашемъ приходѣ всѣхъ тѣхъ-же самыхъ порядковъ въ богослуженіи, какіе существовали до сего времени безъ всякой перемѣны, а Борисовскаго декана Сенчиковскаго, за оскорбленіе всѣхъ насъ, прихожанъ, письменно, подвергнуть законному взысканію, и о послѣдующей резолюціи дать намъ знать».

Губернаторъ, къ которому была препровождена эта жалоба, призналъ ее „неосновательною“ и велѣлъ это объявить черезъ Борисовскаго исправника просителямъ на ихъ прошеніе.

Какъ-бы дополненіемъ къ этому дѣлу служатъ личныя бумаги кс. Сенчиковскаго. *)

Изъ нихъ видно, что администраторъ Кемешевскаго р.-к. костела кс. Добкевичъ (рапортомъ отъ 11 іюня 1870 г., за № 25) доноситъ (по русски) Сенчиковскому, какъ «Борисовскому декану»:

«Вслѣдствіе введеннаго Вашимъ Высокопреподобіемъ русскаго дополнительнаго языка въ богослуженіе въ Кемешевской церкви, я, 7-го числа сего іюня мѣсяца, при бытности становаго пристава, употребилъ въ молебствіи вмѣсто польскаго русскій языкъ. Услышавъ это, прихожане, собравшіеся къ обѣднѣ, сейчасъ-же всѣ ушли съ костела, оставили только меня съ прислугой

*) Хранящіяся въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

и г. пристава, объявивъ при томъ, что «если напередъ введена будетъ въ костелѣ новая реформа въ богослуженіи—ни одинъ изъ нихъ не будетъ и входить въ костелъ».

Кс. Добкевичъ проситъ, затѣмъ, въ бумагѣ, дать ему предписаніе о введеніи русскаго языка, добавляя: «для меня, по угрозамъ ихъ ежедневнымъ, будетъ легче исполнять предначертанія въ цѣли Правительства и Вашего Высокопреподобія распоряженія».

Каноникъ Сенчиковскій, 20 іюня 1870 года ему, кс. Добкевичу (за № 386), и Дошицкому администратору (за № 387) отвѣчаетъ слѣдующимъ разъясненіемъ (оффиціально, на бланкѣ декана Борисовскаго уѣзда): *)

«Такъ какъ родной нашъ языкъ въ молебствіе за Государя Императора и въ дополнительное богослуженіе введенъ мною во ввѣренномъ Вашему Преподобію костелѣ и такъ какъ это ничуть не сопротивляется и не измѣняетъ догматы католической нашей религіи, то строго предписываю Вамъ, Милостивый Государь, не обращая ни малѣйшаго вниманія на выходки заблужденныхъ Вашихъ овецъ, продолжать начатое мною въ Вашей церкви полезное для края и дорогого русскаго нашего Отечества дѣло. Если-же найдутся въ Вашемъ приходѣ польско-іезуитскіе пропагандисты и враги Правительства и Россіи, то прошу Васъ въ скорѣйшемъ времени сообщить мнѣ ихъ фамиліи для представленія г. Губернатору и Главному Начальнику края, которые, навѣрно, не оставятъ виновныхъ безъ наказанія, ибо я самъ буду просить на первый разъ по крайней мѣрѣ штрафа въ количествѣ 100 р. с. - это съ менѣе виновныхъ. Зачинщики-же и главные бунтовщики пострадаютъ еще личной свободою, такъ, какъ требуетъ этого законъ, установленный для всѣхъ враговъ Отечества и законнаго Правительства. Если кто не хочетъ ходить въ костелъ, то пусть себѣ и не ходитъ. Католическая религія въ нашемъ русскомъ краѣ можетъ существовать и безъ бунтовщически-польскихъ примѣсей и обойдется безъ поляковъ, на которыхъ не стоитъ обращать вниманія, а свое—дѣлать».

Нельзя не отмѣтить властный, энергичный, недопускающій ни возраженій, ни колебаній, тонъ этой бумаги: въ ней, въ сущности, весь Сенчиковскій.

7 августа, прибывъ въ Березину, Сенчиковскій неожиданно находитъ тамъ спрятавшагося, уклоняющагося отъ отбытія наказанія, кс. Томкевича. **)

---

*) Въ тѣхъ-же бумагахъ.

**) Дѣло канцеляріи Минскаго губернатора 1870 г., № 55—48. Кс. Томкевичъ (Томковичъ)—тотъ самый, о которомъ упоминалось выше, какъ о лицѣ, воспользовавшемся отсутствіемъ Сенчиковскаго изъ Блони, для уничтоженія обрусительныхъ трудовъ послѣдняго.

Посѣщеніе Березины описано имъ, Сенчиковскимъ, въ характерномъ рапортѣ его къ Минскому губернатору (отъ 7 авг. 1870 г., за № 534. *)

„6-го августа“, пишетъ Сенчиковскій: «я прибылъ въ Березину (Игуменскаго уѣзда), гдѣ относительно русскаго дѣла все пошло благополучно, и, хотя день былъ ярмарочный, а народа очень много, но всѣ были спокойны, „простонародье вполнѣ довольно и съ видимой радостью принимало участіе въ молебствіи за Августѣйшій Царствующій Домъ, отслуженномъ на русскомъ языкѣ“. —

„Въ Березинѣ“—продолжаетъ онъ: «я нашелъ кс. Томкевича, который, хотя полтора мѣсяца какъ получилъ распоряженіе—выѣхать въ Несвижскій монастырь, однако-же сидитъ въ Березинѣ, клевещетъ, пьянствуетъ и противодѣйствуетъ введенію русскаго языка то я бумагою отъ 6 сего мѣсяца за № 531 просилъ Березинскаго станового пристава принять мѣры для скорѣйшаго выправленія кс. Томкевича, да при томъ лично приказалъ кс. Томкевичу выѣхать, который согласился сейчасъ оставить Березину, между тѣмъ цѣлый день скрывался въ Березинскомъ дворѣ, у управляющаго помѣщика Потоцкаго. О чемъ, когда узналъ г. Игуменскій исправникъ, то пришелъ ко мнѣ на квартиру—спросить, какія приняты мною мѣры для выправленія кс. Томкевича? Поэтому послано было за кс. Томкевичемъ, который пришелъ въ совершенно пьяномъ видѣ и въ шапкѣ, съ палкою, усѣлся, а на вопросы мои, въ присутствіи г. исправника, отвѣчалъ дерзостями. Наконецъ, между прочимъ, дозволилъ себѣ сказать, что онъ тутъ не знаетъ, не имѣетъ и знать не хочетъ никакого начальства; что онъ имѣетъ свое начальство. Я просилъ исправника о скорѣйшей высылкѣ Томкевича въ монастырь.

О чемъ считаю нужнымъ донести Вашему Пре—ву, ибо изъ разговора съ кс. Томкевичемъ можно было видѣть, что онъ находится подъ покровительствомъ не нашего русскаго, а какого-то другого, чужого намъ, начальства. Введенный-же мною русскій языкъ въ богослуженіи въ Березинскомъ костелѣ остался уже навсегда и продолжается мѣстнымъ священникомъ».

Кстати будетъ пояснить, что, какъ въ описанныхъ уже случаяхъ, такъ и въ будущихъ столкновеніяхъ съ р.-к. духовенствомъ по введенію русскаго языка въ дополнительное богослуженіе, Сенчиковскій отбиралъ отъ ксендзовъ, согласившихся на введеніе этой правительственной реформы, подписку такого содержанія:

* Тамъ-же.

„Даю сію въ томъ, что отъ времени бытности въ моемъ приходѣ уполномоченнаго отъ имени управляющаго епархіей о. Ферд. Сенчиковскаго, введенный имъ въ дополнительное богослуженіе нашъ природный русскій языкъ буду постоянно употреблять въ богослуженіи и тѣмъ продолжать начатое о. Сенчиковскимъ дѣло, и усиленно заботиться, дабы русскій нашъ элементъ былъ развитъ между моими прихожанами. Дѣлами-же моими постараюсь доказать, что я, оставаясь католикомъ и полякомъ, истинно и искренно-русскій человѣкъ, вѣрою и правдою служащій интересамъ великорусскаго моего отечества и всероссійскаго Престола, усердно содѣйствуя скорѣйшему и прочному приведенію въ исполненіе всѣхъ благихъ предначертаній Правительства.»

Подобныя подписки неуклонно представлялись имъ, Сенчиковскимъ, Минскому губернатору и пріобщались въ канцеляріи послѣдняго къ дѣламъ по объѣзду Сенчиковскимъ подвѣдомственныхъ ему настоятелей и по столкновеніямъ съ ними, какъ документы.

Это, однако, нисколько не мѣшало подписавшимся ксендзамъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, преспокойно нарушать данное ими слово, что постоянно и подчеркивается Сенчиковскимъ при переводахъ неудобныхъ ему ксендзовъ съ мѣста на мѣсто и наложеніи взысканій на упорствующихъ.

По мѣрѣ того, какъ Сенчиковскій втягивался въ борьбу съ врагами правительственныхъ начинаній, ненависть къ нему въ населеніи, подогрѣваемая польско-іезуитскою пропагандою, все росла и росла, пока, наконецъ, не вылилась ярко въ фактѣ покушенія на его жизнь фанатички Гашинской.

Вотъ какъ разсказываетъ 25—26 августа 1870 года самъ потерпѣвшій Сенчиковскій объ этомъ событіи въ показаніи, данномъ имъ слѣдственной комиссіи, назначенной для обслѣдованія обстановки происшествія Минскимъ губернаторомъ *):

„Вслѣдствіе распоряженія г. управляющаго епархіей, основаннаго на согласіи г. Минскаго губернатора, 11 августа я прибылъ въ м. Корженъ для передачи церковнаго имущества вновь назначенному администратору о. Кипріану Яцевичу. Прибывъ въ м. Корженъ, я не нашелъ священника дома, за которымъ послалъ—розыскать; самъ-же отправился пройтись около церкви, и тогда уже Гашинская расхаживала по улицѣ, напротивъ церкви, и видѣла меня черезъ ограду. Я, возвратившись, быть можетъ, въ 1/2 часа на квартиру, нашелъ уже о. Яцевича дома, съ которымъ сейчасъ-же пошелъ въ церковь; при насъ былъ органистъ Николай Веремлевъ и жандармъ Давиденко. Когда мы прибли-

*) Бумаги Сенчиковскаго, хранящіяся въ Импер. Публ. Библіотеки. Черновикъ показанія. Подлиннаго слѣдственнаго дѣла я не видѣлъ, да и не искалъ, считая доста точнымъ того матеріала, который у меня былъ подъ рукою.

зились къ церкви, то впереди насъ въ ограду вбѣжала Гашинская, которая пошла направо, за церковь; мы-же пошли налѣво и черезъ ризницу вошли въ церковь, и туда-же, этими-же самыми дверьми, не имѣя на то права и надобности, вошла Гашинская, которая ходила по церкви съ одного мѣста на другое. При описѣ и сортировкѣ вещей необходимо было раскладывать ризы по полу; поэтому я находилъ присутствіе Гашинской вовсе неумѣстнымъ, то предложилъ о. Яцевичу - удалить Гашинскую, что̀ онъ и исполнилъ. Но тогда-же, когда я вошелъ въ ризницу, и Гашинская вышла изъ церкви. По окончаніи описи и передачи церкви, что̀ продолжалось около двухъ часовъ, мы всѣ вышли на улицу, то Гашинская ожидала уже насъ на улицѣ, вблизи церкви, съ правой стороны. Я, не обращая вниманія, шелъ дальше. Гашинская скорыми шагами начала приближаться къ намъ. Наконецъ я услышалъ громкое ругательство и слова: «Какъ онъ смѣлъ пріѣхать въ нашъ костелъ!» Поэтому, не зная, къ кому относятся эти слова, я пріостановился, и тогда замѣтилъ, что жандармъ держалъ Гашинскую за руки, которая мгновенно вырвалась изъ его рукъ. Я двинулся идти дальше; но, услышавъ громкое „Я его убью, ей Богу, я убью этого москаля!“, обратился въ ту сторону,—какъ увидѣлъ на очень близкомъ разстояніи летѣвшій сверху прямо въ мою голову камень, такъ что я едва успѣлъ поднять вверхъ руки—и камень попалъ мнѣ въ руку, которую я держалъ при вискахъ съ правой стороны. Откуда взяла Гашинская камень мнѣ неизвѣстно. Но человѣкъ, служащій у о. Яцевича, Іосифъ Янчевскій, говорилъ, что Гашинская тогда, когда мы были въ церкви, собирала камни на улицѣ и одинъ изъ нихъ схоронила за пазуху, о чемъ мнѣ сообщилъ о. Яцевичъ. Ударъ такъ былъ силенъ, что рука, защищающая мою голову, припухла, и цѣлую ночь я чувствовалъ боль въ кости.“

Далѣе, изъ показанія Сенчиковскаго видно, что Гашинскую заперли въ конюшню для составленія акта; при чемъ она кричала, ругалась, дѣйствовала совершенно сознательно. Она прибыла въ м. Корженъ изъ г. Минска — за нѣсколько дней до происшествія. Гашинская—совершенно незнакома ему, Сенчиковскому.

Кан. Сенчиковскій такъ заканчиваетъ свое показаніе:

«Изъ словъ Гашинской очень видно, что она искала только случая чѣмъ либо меня затронуть за то только, что я обыкновенно говорю и служу не на польскомъ, а на русскомъ языкѣ. Кто именно подговорилъ Гашинскую—мнѣ неизвѣстно; но изъ ея словъ очень ясно видно было, что она, какъ фанатичка и бѣдная женщина, по подговору, а, можетъ быть, и за деньги, есть орудіе поляковъ, недовольныхъ мною за употребленіе русскаго языка».

По обрывкамъ переписки, хранящимся въ бумагахъ Сенчиковскаго, видно, что слѣдственная комиссія предъявляла ему, Сенчиковскому, въ качествѣ вещественнаго доказательства, и поднятый на мѣстѣ происшествія камень; онъ призналъ его за тотъ самый, который Гашинская въ него бросила, какъ онъ выражается, „въ разстояніи пяти шаговъ, на сколько я могъ замѣтить“.

Дополнительныя подробности этого гнуснаго покушенія выясняются вполнѣ нижеприводимой перепискою, возбужденною самимъ Сенчиковскимъ, въ которой выражено покойнымъ, между прочимъ, недовѣріе къ безпристрастію мѣстнаго пристава.

Какъ часто та-же нота—недовѣрія къ мелкимъ мѣстнымъ полицейскимъ чинамъ—звучитъ и въ другихъ оффиціальныхъ заявленіяхъ покойнаго!

И всегда почти приводитъ онъ, при этомъ, факты, указывающіе на то, что полякующій чиновникъ или носитъ въ себѣ польскую кровь, или—еще чаще—находится подъ вліяніемъ польской женщины—фанатички и мѣстнаго ксендза...

11 августа 1870 г., за № 548, кс. Сенчиковскій, изъ м. Коржень, подалъ Минскому губернатору рапортъ такого содержанія *):

„Встрѣтившееся въ м. Корженѣ происшествіе касательно посяганія на мою жизнь—подробно описано въ приложенномъ при семъ актѣ. Я-же считаю необходимымъ пояснить нѣкоторыя обстоятельства, разъясняющія поступокъ Гашинской.

Шляхтянка Гашинская, ведущая кочующую жизнь, нѣсколько дней тому назадъ прибыла въ Коржень и когда я прибылъ туда, то она постоянно шаталась около костела. Когда-же она вошла въ костелъ, то ясно было видно, что за что либо прицѣпится ко мнѣ. Но какъ при описи и сортировкѣ вещей эта женщина мѣшала, то настоятель, по моему желанію и предложенію, объявилъ Гашинской, что она совершенно ненужна, а потому можетъ выйти изъ костела. Но, какъ говорятъ, Гашинская уже въ костелѣ имѣла за пазухою камень и когда она намѣревалась бросить въ меня камень, то выбѣжала на горку и съ горки бросила въ меня камнемъ, крича: „Ей Богу, таки, я этого москаля убью!.» Камень такъ мѣтко былъ брошенъ, что попалъ-бы мнѣ прямо въ високъ, но, на счастье, я закрылъ себя руками и камень ударилъ меня въ руку такъ сильно, что рука опухла. Послѣ чего Гашинская, не смотря на то, что она уже была въ рукахъ тысяцкаго, постоянно кричала: „Какъ

*) Дѣло канцеляріи Минскаго губернатора № 114/103 1870—73 г. подъ заглавіемъ: «О нанесеніи оскорбленія дворянкою Гашинскою Борисовскому декану Сенчиковскому.»

смѣлъ этотъ москаль пріѣхать въ нашъ костелъ! Мы не царской религіи, а польской! Мы—поляки!“ Изъ многихъ ея словъ ясно видно, что Гашинская была подослана и только искала случая—убить меня; но когда ей не удалось этого совершить въ костелѣ, то она рѣшилась сдѣлать это на улицѣ. Причина-же негодованія главная та, что я—«москаль»: это сама Гашинская нѣсколько десятковъ разъ, во всеуслышаніе, публично высказала. И она, дабы спасти поляковъ, рѣшилась меня убить. Гашинскую тысяцкій отправилъ въ г. Борисовъ, къ исправнику.

Три недѣли тому назадъ истинно-русскіе люди предостерегали меня, что въ Борисовѣ Станкевичъ и Буйницкій дѣлаютъ заговоръ убить меня; но я, полагая, что это—сплетни, не смѣлъ утруждать Ваше Пре—во. Но теперь, когда уже совершено фактомъ, осмѣливаюсь просить отцовскаго покровительства и начальнической защиты, ибо пріѣздъ мой въ м. Корженъ совершенно не далъ повода къ неудовольствію, такъ какъ я этого дня не служилъ и никого, кромѣ ксендза и церковной прислуги, не видѣлъ. Изъ этого яснѣе дня видно, что Гашинская подкуплена и подослана.

Объ одномъ только прошу Ваше Пре—во, дабы дознаніе на мѣстѣ преступленія не производилъ Логойскій приставъ, ибо не только я, но многіе подозрѣваютъ его, на основаніи фактовъ, въ сочувствіи панамъ польскимъ. Гашинская публично высказала, что есть люди, которые ее спасутъ, ибо она не кого другого, а Польшу спасала.

Что-же касается до меня, то не только камни, но пули и громы польскіе, не перемѣнятъ мои убѣжденія и преданности Россіи и Престолу!»

Какъ видно изъ донесенія Губернатору Борисовскаго исправника (15 авг. 1870 г., за № 2640) *), «Гашинская, около 50 лѣтъ отъ роду, безъ всякаго повода, обратилась къ декану Сенчиковскому съ самыми грубыми и оскорбительными выраженіями, начала бранить его; потомъ, когда жандармъ задержалъ ее, взявъ за руку, съ намѣреніемъ отвести въ сторону, то она вырвалась изъ его рукъ, говоря «Пусти! Я его убью!» и въ тотъ-же моментъ, поднявъ съ земли камень, около двухъ фунтовъ вѣсомъ, бросила его на декана Сенчиковскаго, по направленію въ его голову; но камень рукою кс. Сенчиковскаго былъ оттолкнутъ и тѣмъ Сенчиковскій отстранилъ приготовленный ударъ въ голову».

Дѣло это, послѣ разслѣдованія, произведеннаго слѣдственной комиссіей, вполнѣ установившею все изложенное, было пе-

*) Тамъ-же.

редано, для производства слѣдствія судебному слѣдователю 2 уч. Борисовскаго уѣзда.

Затѣмъ дѣло отъ судебнаго слѣдователя поступило въ Минскую Палату уголовнаго и гражданскаго суда.

Гашинскую судили и осудили.

Это была одна изъ многочисленныхъ жертвъ подпольной агитаціи польско-іезуитской пропаганды.....

Настоятель Корженскаго прихода, кс. Яцевичъ (перепуганный, очевидно, покушеніемъ на жизнь Сенчиковскаго), рапортомъ отъ „—“ августа 1870 г., спрашиваетъ его, какъ онъ долженъ поступать при дополнительномъ богослуженіи и проповѣдяхъ на русскомъ языкѣ—во дни табельныхъ торжествъ? *)

Отвѣта Сенчиковскаго мы не нашли. Но, конечно, нельзя сомнѣваться, въ какомъ духѣ далъ онъ колеблющемуся, перетрусившему подчиненному указанія и совѣтъ.

Въ періодъ времени, который мы описываемъ, на Сенчиковскаго, при посредничествѣ Жилинскаго, какъ изъ рога изобилія, сыплются отличія, награды, благоволенія начальства. Представленія о немъ Жилинскаго полны самыхъ лестныхъ выраженій и аттестацій. Да оно и понятно: Сенчиковскій былъ на виду, въ модѣ, въ силѣ — и съ нимъ приходилось-таки поневолѣ считаться прелату-карьеристу.

Достаточно было, напримѣръ, Сенчиковскому заявить о необходимости для него возможно бóльшаго раіона вліянія на р.-к. духовенство епархіи, въ видахъ располяченія костела, о чемъ онъ дѣлаетъ оффиціальное, мотивированное представленіе Жилинскому, выражая мнѣніе, чтобы Игуменскій деканатъ былъ присоединенъ къ Борисовскому, какъ пр. Жилинскій спѣшитъ уже схватиться за эту мысль и, кладя въ основаніе докладъ Сенчиковскаго, 12 іюня 1870 г., № 15040 **), входитъ съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ къ вр. и. д. Виленскаго генералъ-губернатора кн. Багратіону, высказывая ту мысль, что предполагаемая мѣра необходима, „какъ по близости и малочисленности расположенныхъ въ Игуменскомъ деканатѣ костеловъ — Березинскаго, Игуменскаго, Серафимскаго, Блонскаго и Королюцевицкаго, такъ и для поддержанія введеннаго тамъ имъ, Сенчиковскимъ, употребленія русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи,“ (т. е. повторяя рабски мысль Сенчиковскаго).

При этомъ, Жилинскій добавляетъ, что на соединеніе въ рукахъ Сенчиковскаго двухъ деканатовъ онъ уже заручился согласіемъ Минскаго губернатора.

---

*) Бумаги Сенчиковскаго, хранящіяся въ Импер. Публичной Библіотекѣ.

**) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1869 — 70 г., № 118 (по 3 отдѣл.).

Ранѣе этого, въ апрѣлѣ 1870 г., онъ-же представляетъ Сенчиковскаго, за выдающіяся заслуги по располяченію католицизма, къ наградѣ — къ золотому наперстному кресту, что́, однако, не проходитъ лишь потому, что за ту-же дѣятельность Сенчиковскій былъ уже представленъ въ то время къ высшей наградѣ, которую могъ получить при своемъ служебномъ положеніи,—къ ордену Станислава 3 ст., который и получаетъ.

При содѣйствіи Жилинскаго, 5 октября 1870 г., грудь его украшается темно-бронзовой медалью въ память усмиренія польскаго мятежа 1863—65 г.г.

Награжденіе это послѣдовало опять-таки вслѣдствіе заявленія самаго Сенчиковскаго, причемъ, 17 августа 1870 года, за № 2149, *) представляя объ этомъ Виленскому генералъ-губернатору и попутно напоминая о раньшемъ представленіи своемъ (отъ 2 апрѣля) Сенчиковскаго къ золотому наперстному кресту, управляющій епархіей пишетъ, что Сенчиковскій вполнѣ достоенъ испрашиваемой медали - «въ уваженіе усердной службы его, Борисовскаго декана, который стремленіемъ своимъ къ устраненію мятежныхъ тенденцій, успѣлъ уже ввести русскій языкъ во всѣхъ костелахъ своего деканата.»

Дальнѣйшій ходъ дѣла по введенію русскаго языка въ р.-к. костелы виденъ изъ нижеслѣдующихъ донесеній Минскаго губернатора Токарева и. д. Виленскаго генералъ-губернатора. **)

И снова Сенчиковскій всѣмъ руководитъ,—всему даетъ тонъ, наводя всюду порядокъ и попутно вызывая яростное противодѣйствіе польско-іезуитской пропаганды.

а) (17 іюля 1870 г., № 4811) Токаревъ доноситъ, что, по сообщенію декана Борисовскаго уѣзда (кс. Сенчиковскаго), въ Логойской католической церкви молебствіе за Августѣйшій Царствующій Домъ совершается на русскомъ языкѣ.

Это извѣстіе и. д. генералъ-губернатора (30 іюля, за № 8032) пересылаетъ Управляющему Министерства Вн. Дѣлъ.

б) (21 іюля 1870 г., № 468) губернаторъ доноситъ:

„На предложеніе отъ 17 іюля, за № 165, имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, что управляющій Виленскою р.-к. епархіею, получивъ отъ г. Министра Вн. Дѣлъ отъ 20 мая за № 869 и генералъ-адъютанта Потапова—отъ 24 мая—о назначеніи въ Блонскій приходъ Игуменскаго уѣзда ксендза, знающаго русскій языкъ и могущаго, согласно желанію прихожанъ, совершать дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, отъ 6-го истекшаго іюня за № 1468 рекомендовалъ мнѣ причисленнаго къ Минскому костелу ксендза Фортуната Томашевскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ препроводилъ подписку его, въ которой Тома-

*) Тамъ-же.

**) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1869—71 г. (по 3-м отдѣл.) № 66.

шевскій не только обязывается замѣнить польскій языкъ русскимъ при богослуженіи, но и обѣщаетъ почитать священнымъ долгомъ направлять прихожанъ въ народномъ русскомъ духѣ. Получивъ означенный отзывъ прелата Жилинскаго, я потребовалъ отъ полиціи свѣдѣнія о томъ, какъ заявилъ себя въ послѣднее время кс. Томашевскій въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, управляющій епархіею, вслѣдствіе полученнаго отъ Борисовскаго декана отношенія, въ которомъ священникъ Сенчиковскій представляетъ кс. Томашевскаго вполнѣ соотвѣтствующимъ для занятія должности настоятеля въ Блонскомъ приходѣ, вновь просилъ моего согласія на вышесказанное назначеніе кс. Томашевскаго. Въ виду этого и вслѣдствіе одобрительныхъ отзывовъ о благонадежности кс. Томашевскаго, я 16 сего іюля за № 4757 изъявилъ прелату Жилинскому мое согласіе на назначеніе его настоятелемъ въ Блонскій приходъ».

На запросъ и. д. генералъ-губернатора кн. Багратіона прелатъ Жилинскій (17 авг. 1870 г., № 2144) представляетъ князю копіи съ переписки своей по введенію русскаго языка въ дополнительное богослуженіе, *) заключающейся въ слѣдующемъ:

а) «1870 года, іюня 5 дня, я нижеподписавшійся, даю сію подписку управляющему Вил. р.-к. епархіею прелату Жилинскому въ томъ, что я, какъ ксендзъ р.-к. костела, по долгу моей совѣсти, исполняю всѣ обряды, присвоенные нашей Р.-К. Церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаю священнымъ долгомъ, какъ русскій вѣрноподданный, въ добавочномъ богослуженіи, какъ равно и при всѣхъ обрядахъ, гдѣ былъ употребляемъ польскій языкъ, употреблять народный русскій языкъ, присовокупляя при семъ, что священною моею обязанностью есть и будетъ направлять моихъ прихожанъ въ народномъ русскомъ духѣ. Причисленный къ Минскому Маріинскому костелу кс. Фортунатъ Ивановъ Томашевскій».

б) Предписаніе пр. Жилинскаго тому-же ксендзу Томашевскому (отъ 15 іюля 1870 г., № 1869):

«Назначивъ Васъ, съ согласія г. Минскаго губернатора отъ 16 сего іюля за № 4757 настоятелемъ Блонскаго костела и препровождая при семъ духовную аппробату и билетъ на проѣздъ, предписываю немедленно отправиться по назначенію и тамъ, принявъ отъ декана Сенчиковскаго по описи все костельное и плебаніальное имущество, служить усердно для блага костела и государства, съ духовною пользою для народа и продолжать, по желанію прихожанъ, на русскомъ языкѣ, введенный уже тамъ

*) Это былъ отвѣтъ на отзывъ и. д. ген.-губернатора отъ 14 авг. за № 8438. Здѣсь-же приводится копія предложенія прел. Жилинскаго Вил. р.-к. Дух Консисторіи отъ 12 мая 1870 г. № 1197, основаннаго на сообщеніи ген.-губ. отъ 7 мая 1870 г. № 4486.

порядокъ дополнительнаго богослуженія, произношенія проповѣдей и молитвословія.»

в) Предложеніе того-же прелата Жилинскаго (отъ 26 іюля 1870 г., № 1931) Вил. р.-к. Дух. консисторіи:

«За послѣдовавшимъ 5 декабря прошлаго 1869 г. Всемилостивѣйшимъ разрѣшеніемъ употреблять русскій языкъ въ иновѣрческихъ церквахъ и заведеніемъ уже согласно донесенію мѣстнаго начальства дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ въ шести костелахъ Борисовскаго уѣзда Минской губерніи (именно Борисовскомъ, Докшицкомъ, Кемешевицкомъ, Дзедзеловицкомъ, Хотаевицкомъ и Зембинскомъ), г. Управляющій Министер. Вн. Дѣлъ, отзывомъ отъ 17 сего іюля за № 1310, проситъ меня озаботиться немедленнымъ объявленіемъ декану и настоятелямъ означенныхъ костеловъ, чтобы дополнительное богослуженіе, молитвословія и проповѣди были въ означенныхъ костелахъ и впредь совершаемы на русскомъ языкѣ; за исполненіемъ чего епархіальному начальству имѣть неослабное наблюденіе.

Поставляя о семъ въ извѣстность консисторію, предлагаю обязать Борисовскаго декана и настоятелей упомянутыхъ костеловъ къ точному исполненію прописаннаго требованія Министерства Вн. Дѣлъ о совершеніи на русскомъ языкѣ дополнительнаго богослуженія, молитвословія и проповѣдей, и за исполненіемъ сего имѣть консисторіи должное наблюденіе.»

Какую выдающуюся, передовую, такъ сказать, аванпостную, роль во всемъ этомъ движеніи игралъ Сенчиковскій, видно хотя-бы изъ донесенія Минскаго губернатора Токарева и. д. Виленскаго генералъ-губернатора кн. Багратіону отъ 22 авг. 1870 г. № 556) *).

„На предложеніе отъ 14 августа, за № 184, имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство“, пишетъ Токаревъ: *„что измѣненія въ личномъ составѣ ксендзовъ Борисовскаго деканата приводятся въ исполненіе по мѣрѣ поступленія заявленій кс. Сенчиковскаго*; именно: деканъ Слуцкаго уѣзда кс. Шимкевичъ и настоятель Слуцкаго костела Годецкій 30 мая уволены отъ должностей и вмѣсто ихъ назначенъ законоучитель Слуцкой гимназіи кс. Лемпицкій, викарный Борисовскаго костела Жебровскій 30 іюля высланъ въ крѣпость Бобруйскъ; викарный Березинскаго костела Олешкевичъ 8 августа высланъ въ Несвижскій монастырь; настоятели Логойскаго костела Эйземблетеръ и Кемешевскаго Добкевичъ 8-го августа перемѣщены одинъ на мѣсто другого; викарный Каменскаго костела 8 августа представленъ къ назначенію настоятелемъ Березинскаго прихода; настоятели Холопеничскаго костела—Балевичъ и Дѣдиловическаго

*) Тамъ-же.

Гриневичъ представлены къ удаленію отъ должностей. Имѣя въ виду благонамѣренныя цѣли кс. Сенчиковскаго, считаю долгомъ при всякомъ свиданіи словесно ободрять его и, въ случаѣ надобности, оказывать свое содѣйствіе.»

Не дремали и жандармы, оказывая, съ своей стороны, въ случаяхъ надобности, законное содѣйствіе Сенчиковскому.

Начальникъ Минскаго губ. жанд. управленія (22 авг. 1870 г., № 250) *) доноситъ вр. и. должность Виленскаго генералъ-губернатора кн. Багратіону:

«Въ концѣ прошлаго іюля Слуцкій деканъ Лемпицкій, пригласивъ къ себѣ всѣхъ настоятелей костеловъ уѣзда, предложилъ имъ ввести въ богослуженіе русскій языкъ; но ксендзы, а въ особенности Тимковичскій Талвинскій, потребовали указа объ этомъ, ссылаясь, что не могутъ иначе исполнить его требованіе, такъ какъ боятся пановъ; проживающій-же по распоряженію начальства въ Слуцкѣ, Медвѣдецкій ксендзъ Лазаревичъ, окруживъ себя фанатичками (между коими главныя—Ковальницкая и вдова Крутка), распространяетъ между ними убѣжденіе, что деканъ Лемпицкій подвергъ себя проклятію Папы за введеніе въ костелы русскаго языка.»

Не ослабѣвала, повидимому, и энергія Министерства Вн. Дѣлъ, подогрѣваемая Л. С. Маковымъ.

Министръ Вн. Дѣлъ г.-а. Тимашевъ (15 сент. 1870 г., № 1647) **) сообщаетъ ген.-адъют. Потапову слѣдующее:

«При отношеніи отъ 31 авг. сего года за № 199, испр. д. ген.-губернатора препроводилъ копію съ постановленія Вил. р.-к. консисторіи, ***) коимъ, согласно предложенію управл. Вил. р.-к. епархіей, предписывается деканамъ объявить подвѣдомственному имъ духовенству, при раздачѣ вновь отпечатаннаго требника съ русскимъ текстомъ, что означенный требникъ можетъ быть введенъ въ употребленіе только въ тѣхъ приходахъ, въ коихъ будетъ разрѣшено, на основаніи указа Духовной Коллегіи отъ 18 февраля с. г., произнесеніе проповѣдей и дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ.

Усматривая изъ отношенія Вашего Пр-ва отъ 8 марта с. г., за № 2808, что упомянутый требникъ съ русскимъ текстомъ, въ количествѣ 684 экземпляровъ, былъ препровожденъ къ управл. Вил. р.-к. епархіей для безплатной раздачи всему р.-к. духовенству Виленской, Гродненской и Минской губерній, при чемъ не было установлено никакого срока, ни условія для введенія онаго

---

*) Тамъ-же.

**) Дѣло канц. Вил. генералъ-губернатора 1869—70 г. № 71 (по 3 отдѣл.).

***) См. о томъ-же раннюю переписку въ настоящей главѣ.

въ употребленіе, я нахожу вышеизложенное распоряженіе прелата Жилинскаго совершенно неправильнымъ, тѣмъ болѣе, что употребленіе означеннаго требника при преподаваніи требъ мѣстнымъ прихожанамъ не имѣетъ ничего общаго съ произнесеніемъ проповѣдей и дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ.

Вслѣдствіе сего я обращаюсь къ Вашему Пр—ву съ покорнѣйшею просьбою пригласить прелата Жилинскаго отмѣнить сдѣланное имъ распоряженіе о пріостановленіи употребленія новаго изданія требника въ тѣхъ приходахъ, гдѣ еще не разрѣшенъ русскій языкъ для проповѣдей и дополнительнаго богослуженія, и предписать подвѣдомственному ему духовенству принять означенный требникъ въ руководство безъ всякихъ ограниченій. О послѣдующемъ покорнѣйше прошу Васъ, Мил. Государь, меня увѣдомить».

Потаповъ (24 сент. 1870 г., № 222) сообщилъ, для исполненія, Жилинскому предложеніе Мин. Вн. Дѣлъ.

Жилинскій, въ свою очередь, предложилъ р.-к. духовенству,—принять къ руководству означенный требникъ.

3 сентября 1870 г. (предписаніемъ за № 2298) прелатъ Жилинскій, заручившись согласіемъ Минскаго губернатора, отправляетъ Сенчиковскаго въ долгую командировку, давая ему важное, отвѣтственное, самостоятельное порученіе—обревизовать вполнѣ всѣ костелы Минской губерніи отъ имени его, управляющаго епархіей. Самъ-же, по обыкновенію, онъ уклоняется отъ подобной „боевой“ поѣздки.

Порученіе это носило несомнѣнно политическій характеръ, что̀ и видно изъ нижеприводимыхъ секретныхъ предписаній, данныхъ Жилинскимъ Сенчиковскому—на случай возможныхъ затрудненій при исполненіи имъ его миссіи.

Вотъ они: *)

1) Отъ 20 августа 1870 г., № 2239. „Борисовскому декану ксендзу Сенчиковскому.

Поручаю Вамъ обратить особенное вниманіе на тѣ костелы, *гдѣ сталъ вводиться русскій языкъ въ дополнительномъ богослуженіи*, чтобы не только самое зданіе костела было въ должной исправности, но, какъ извнѣ, такъ и внутри, таковые костелы имѣли видъ самый лучшій, и настоятели ихъ приложили особенную заботливость на благолѣпное и отличительное украшеніе; для чего, въ необходимыхъ случаяхъ, входить съ представленіями—объ отпускѣ требующихся суммъ изъ процентовъ отъ ремонтнаго капитала р.-к. духовенства».

*) Изъ бумагъ С., хранящихся у А. В. Ж—ча.

2) Отъ 3 сентября 1870 г., за № 2298.

«Борисовско-Игуменскому Декану кс. Сенчиковскому.

Находя необходимымъ, на основаніи каноническихъ правилъ, сдѣлать оффиціальную визиту р.-к. костеламъ управляемой мною Епархіи, по предварительномъ сношеніи съ г. Минскимъ губернаторомъ и согласно сообщенію Его Превосходительства отъ 30 минувшаго августа за № 545, поручаю Вамъ, *въ имени моемъ*, сдѣлать таковую визиту по всѣмъ костеламъ въ Минской губерніи, и въ постепенномъ объѣздѣ лично удостовѣриться: во 1-хъ, въ какомъ порядкѣ имѣются и содержатся дарохранительницы, чаши, бѣлье и вообще церковная утварь и самые костелы; во 2-хъ въ цѣлости-ли, по инвентарю, и въ какомъ состояніи имѣется имущество костельное и хозяйственное; въ 3-хъ, въ какомъ порядкѣ ведутся церковныя, метрическія, брачныя и погребальныя, а также распорядительныя по должности, книги. И объ оказавшемся, сдѣлать въ этихъ книгахъ свое заключеніе, за подписью, съ приложеніемъ казенной печати.

Причемъ, имѣя въ виду опубликованный духовенству указъ Р.-К. Духовной Коллегіи отъ 18 февраля сего года, за № 467,— о Высочайшемъ разрѣшеніи —употреблять русскій языкъ въ дѣлахъ религіи, поручаю Вамъ: *удостовѣриться о направленіи мѣстнаго духовенства къ усвоенію отечественнаго языка въ дополнительномъ богослуженіи, проповѣдяхъ и молитвословіи*; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляю Вамъ право совершать это богослуженіе на русскомъ языкѣ въ посѣщаемыхъ Вами костелахъ, и вообще оказывать со стороны своей содѣйствіе къ успѣшному исполненію приведеннаго указа Коллегіи.

О послѣдующемъ обязываю Васъ представить мнѣ подробный отчетъ по всякому приходу».

Получивъ упоминаемую командировку, кс. Сенчиковскій, судя по донесеніямъ его Минскому губернатору, уже съ первыхъ чиселъ октября 1870 г. приступаетъ къ ревностному исполненію возложенной на него задачи со всей страстностью и энергіей, свойственными его натурѣ.

Прослѣдимъ-же нѣсколько за тѣмъ, что̀ и какъ онъ дѣлаетъ, съ какими препятствіями встрѣчается, кто на этомъ тернистомъ пути были ему враги, а кто друзья.

5 октября 1870 г., за № 799, съ пути, кс. Сенчиковскій, доноситъ Минскому губернатору: *)

„Честь имѣю представить Вашему Пре—ву, въ копіи, подписку декана Бобруйскаго уѣзда Макаревича. При чемъ считаю

*) Дѣло канцеляріи Минск. губ—ра 1870 г., № 147, «О введеніи русскаго языка въ дополнит. богослуженіе въ Бобруйскомъ костелѣ.»

нужнымъ доложить, что о. Макаревичъ, давнымъ-давно, заявилъ себя преданнымъ и послушнымъ волѣ Правительства, за что много терпитъ отъ польскихъ пановъ, которые до того раздражены и недовольны Макаревичемъ, что ни одинъ изъ нихъ не подаетъ ему руки: это — фактъ. Между тѣмъ финансовыя обстоятельства о. Макаревича - въ весьма скудномъ положеніи. Поэтому, дабы поставить о. Макаревича въ независимое, отъ пановъ и вообще прихожанъ, положеніе и тѣмъ предоставить ему возможность, не стѣсняясь, идти смѣло и открыто дѣйствовать въ пользу русскаго дѣла, осмѣливаюсь просить Ваше Пре—во ходатайства о выдачѣ Макаревичу единовременнаго денежнаго пособія.»—

На это губернаторъ Токаревъ (16 окт., № 6952) отвѣтилъ Сенчиковскому, что съ подобной просьбою ему слѣдуетъ обратиться къ управляющему Виленскою р.-к. епархіей.

5 окт. того-же года (за № 800) *) Сенчиковскій доноситъ губернатору, что послѣ ревизіи въ Бобруйскѣ католической церкви онъ совершилъ добавочное богослуженіе и молебствіе за Царствующій Домъ на русскомъ языкѣ.—

„Народа было много“, пишетъ онъ далѣе: «Но кромѣ приличія и участія въ молитвахъ ничего не случилось. Со стороны г. Коменданта и полиціймейстера оказано было душевное сочувствіе. Ген. Бабкинъ **) самъ лично былъ на богослуженіи, за которое благодарилъ, приказалъ своимъ адъютантамъ и плацъ-маіору быть въ церкви и ограждать меня отъ непріятностей. Но все это оказалось излишнимъ. Полиціймейстеръ г. Бобруйска, со всею преданностью истинно-русскаго человѣка, трудился, дабы служеніе мое было полезнымъ и повліяло на жителей г. Бобруйска. Напротивъ, г. исправнику и частному приставу непонравилось: эти господа съ пренебреженіемъ отнеслись къ дѣлу.

Собраннымъ ссылочнымъ ксендзамъ я, кромѣ нравоученія, поодиночкѣ, предлагалъ дать подписку; но они отказались, несмотря на присутствіе полиціймейстера и декана. Поэтому, хотя нѣкоторые ссылочные ксендзы объяснялись, что они имѣли словесное дозволеніе отъ г. управляющаго епархіей — на совершеніе литургіи, но я воспретилъ имъ служить. Тѣмъ-же, которые имѣютъ письменныя дозволенія, спѣшу просить Ваше Пре—во, дабы ссылочнымъ ксендзамъ воспрещено было служеніе. Ибо служба ссылочнаго ксендза — болѣе святая и пріятная каждому фанатику. Поэтому эти ксендзы пользуются гораздо бо́льшими доходами, чѣмъ настоятель. И такъ довольно тормазовъ противъ святого русскаго дѣла! Зачѣмъ-же вмѣсто прекращенія откры-

*) Тамъ-же.

**) Комендантъ Бобруйской крѣпости.

вать дорогу противодѣйствіямъ?! Служба ссылочнаго ксендза— сильное орудіе къ тому, чтобы въ народѣ, а тѣмъ болѣе въ панахъ, возбуждать сожалѣніе къ ссыльному, и негодованіе и отвращеніе къ тѣмъ, которые служатъ на русскомъ языкѣ. Къ чему-же раздражать народъ? Конечно, кто-же пойдетъ на службу, какъ паны зовутъ, „москаля“, когда пять или шесть „мши“ ежедневно совершаютъ мученики за польскій языкъ?! Ксендзамъ ссылочнымъ лучше назначать солдатское содержаніе, а воспретить имъ служить. Если которые ссылочные ксендзы бѣднаго состоянія, то почему-же они идутъ противъ воли Правительства и распоряженій епархіальнаго начальства, которое уже распорядилось въ послѣднихъ числахъ истекшаго сентября, чтобы ксендзы безъ всякихъ отговорокъ употребляли-бы русскій языкъ? Поэтому, ради пользы дѣлу, прошу Ваше Пре- во ходатайствовать, дабы изъ Вильны не высылали ссылочнымъ ксендзамъ дозволенія служить.“

По отношенію къ „ссылочнымъ ксендзамъ“ отъ Губернатора не послѣдовало никакого распоряженія, какъ и на нѣкоторыя другія, рекомендованныя Сенчиковскимъ, мѣры.

(20 окт. 1870 г., № 929) Сенчиковскій доноситъ губернатору: *)

„Находящійся подъ надзоромъ полиціи капеланъ Кимбаровскаго монастыря кс. Ф. Урбиковичъ, мало того, что отказался выдать подписку въ томъ, что онъ молебенъ за Царствующій Домъ будетъ совершать на русскомъ языкѣ и не отвѣтилъ на мое предписаніе, но наговорилъ мнѣ дерзости, что я не имѣю права требовать отъ него подписки, и что онъ, кромѣ управляющаго епархіей, и знать не хочетъ какихъ-то тамъ уполномоченныхъ гражданскаго начальства», а, въ заключеніе, сказалъ, что онъ не думаетъ оставлять польскій языкъ и слышать не хочетъ о русскомъ языкѣ. Оставляя личную обиду въ сторонѣ, я имѣю въ виду именно то, что Кимбаровскій монастырь, въ которомъ монашки и ихъ капеланъ—первѣйшіе фанатики и поляки, по своему сосѣдству съ Мозырскимъ костеломъ, въ которомъ введенъ русскій языкъ и въ постоянномъ употребленіи, будетъ самымъ сильнымъ препятствіемъ въ дѣйствіяхъ декана Янковскаго,—прихожане обратятся въ Кимбаровку, гдѣ интриги противъ русскаго языка о. Янковскаго и Правительства будутъ постоянны, которыхъ послѣ никто не уничтожитъ. Словомъ, Кимбаровка съ такимъ капеланомъ—источникъ полонизма и фанатизма. Поэтому честь имѣю просить Ваше Пре - во кс. Ур-

*) Дѣло канц Минскаго губернатора 1870—71 гг, № 152, «О введеніи русскаго языка въ г. Мозырѣ и о неблагонадежности капелана Кимбаровскаго монастыря Феликса Урбиковича».

биковича - отправить и сослать въ Несвижскій монастырь съ лишеніемъ права священнодѣйствовать.

Самоувѣренность и способъ обращенія кс. Урбиковича положительно заявляютъ, что онъ ничего не боится — по причинѣ ходатайствъ монашекъ къ польскимъ панямъ; а тѣ послѣднія обратятся къ управляющему епархіей, который не захочетъ разлучить Урбиковича съ Кимбаровкой. А я нахожу необходимымъ Урбиковича отправить; Кимбаровку-же оставить безъ капелана до того времени, пока я не найду въ губерніи отвѣтственнаго человѣка. Наказаніе кс. Урбиковича будетъ примѣромъ для многихъ и поддержкою для Янковскаго. При семъ считаю нужнымъ просить Ваше Пре—во приказать Мозырской полиціи— взять подъ строжайшій надзоръ Антона Цѣхановича, органиста Мозырскаго, такъ какъ онъ, кромѣ фанатизма, служитъ еще почтою для сообщенія всякаго рода интригъ и сплетенъ касательно русскаго дѣла. Человѣкъ этотъ —вліятельный и вредный.»

По этому рапорту изъ Минска тоже не послѣдовало никакого отвѣта Сенчиковскому.

Можно себѣ представить, въ какое неловкое, а подчасъ и безвыходное, положеніе, ставило его подобное молчаніе, если принять во вниманіе, что онъ заранѣе предупреждалъ подчиненныхъ ему и упорствующихъ ксендзовъ о готовящейся имъ изъ Минска административной карѣ....

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, какъ видно по дѣламъ канцеляріи Минскаго губернатора, сама администрація, въ концѣ-концовъ, добиралась впослѣдствіи до тѣхъ ксендзовъ, на которыхъ предусмотрительно обращалъ ея вниманіе Сенчиковскій.

Иногда-же представленіямъ его давалось должное направленіе.

Довольно странно звучатъ, напримѣръ, выраженія Сенчиковскаго «о душевномъ сочувствіи» и проч. при его объѣздахъ чиновъ полиціи.

Съ грустью приходится понимать это въ смыслѣ огражденія личной безопасности его, Сенчиковскаго, и сопротивленія нафанатизированному населенію.

По-прежнему неуклонно и открыто выводитъ онъ на чистую воду предателей изъ противнаго ему лагеря, смущающихъ простой народъ.

Такъ (20 окт. 1870 г., № 769, г. Игуменъ), Сенчиковскій доноситъ Минскому губернатору: *)

*) Дѣло канцеляріи Минскаго губернатора 1870—71 г., № 144—«О введеніи въ Игуменскомъ костелѣ русскаго языка въ дополнит. богослуженіе и удаленіи отгуда за неблагонадежность кс. Адама Станкевича и настоятеля кс Лавцевича съ помѣщеніемъ въ Несвижскій монастырь».

«Неоднократно и фактически я убѣдился въ фанатизмѣ и усердномъ противодѣйствіи введенію русскаго языка въ костелахъ викарнаго Игуменскаго, кс. Адама Станкевича. Въ настоящее время, проѣздомъ въ Бобруйскъ, я заѣхалъ къ Игуменскимъ ксендзамъ, дабы приготовить ихъ къ выдачѣ подписки. Но кс. Станкевичъ черезъ-чуръ энергически, при свидѣтеляхъ, возражалъ на мои слова; то, во избѣжаніе соблазна, а, можетъ быть, и скандала, я оставилъ его квартиру. Поэтому честь имѣю покорно просить В. Пре—во удалить кс. Станкевича съ назначеніемъ въ кр. Бобруйскъ безъ должности и съ лишеніемъ права священнодѣйствовать, ибо пока кс. Станкевичъ—въ Игуменѣ, мнѣ нечего тутъ дѣлать. На мѣсто его, равно и на мѣсто настоятеля кс. Лавцевича, осмѣлюсь просить назначить кс. Іоанна Билевича, или кс. Игнатовича, Першайскаго администратора. Билевичъ—это старичекъ изъ б. Базиліанскаго ордена, въ полномъ смыслѣ любящій и преданный славянскому и русскому дѣлу».

Какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, кс. Станкевичъ, при содѣйствіи Минскаго губернатора, былъ сосланъ, по представленію Сенчиковскаго, въ Несвижскій монастырь, а на его мѣсто назначенъ кс. Игнатовичъ.

Съ удивительной готовностью старается, однако, Сенчиковскій отмѣтить, если къ тому представляется возможность, заслуги ксендзовъ, которые идутъ рука объ руку съ Правительствомъ въ проведеніи реформы 25 декабря 1869 года.

Готовъ онъ снисходительно щадить и колеблющихся, сомнѣвающихся, по опыту зная, что не всякому по плечамъ иная крестная ноша, что надо считаться и съ особенностями того или иного характера, и съ данною обстановкою....

25 окт. 1870 г., № 957, *) онъ доноситъ, напримѣръ, Минскому губернатору (изъ м. Глусска) такимъ характернымъ рапортомъ:

«Представляя Вашему Пре-ву, въ копіи, подписки администратора о. Вроченскаго и администратора Глусскаго—о. Іосифа Черняка и викарнаго Глусскаго—о. Альфонса Гедройца, честь имѣю пояснить, что о. Вроченскій съ полною готовностью принялъ въ употребленіе русскій языкъ и, кромѣ подписки, видно, что данное имъ слово сдержано будетъ. Органистъ Хоромецкій вмѣстѣ съ моимъ органистомъ пѣлъ славянскія церковныя пѣсни.

Въ м. Глусскѣ о. Чернякъ хотя и радъ былъ дѣлать дѣло, но повидимому чего-то опасается. Поэтому долго упрямился съ

*) Дѣло канцеляріи Минскаго губернатора 1870 г. № 166—«О введеніи русскаго языка въ дополнит. богослуженіе въ Хоромецкомъ и Глусскомъ костелахъ».

выдачей подписки. Наконецъ, до того дошелъ, что плакалъ, а таки подписалъ и, въ присутствіи становаго пристава, далъ слово, что постоянно будетъ употреблять только латинскій и русскій языки. О. Гедройцъ болѣе охотно выдалъ подписку. Въ мѣст. Глускѣ нынѣшняго числа вмѣстѣ съ духовенствомъ я отслужилъ все добавочное богослуженіе на русскомъ языкѣ. Во время моего служенія не только все было спокойно, но при выходѣ моемъ случилось неожиданное: народъ ожидалъ меня у дверей; когда я приблизился, то заступили мнѣ дорогу и громкимъ голосомъ заявили всѣ благодарность за то, что я ввелъ русскій языкъ· провожая меня въ экипажъ, постоянно цѣловали мнѣ руки, повторяя: „благодаримъ васъ!“ Да при отъѣздѣ моемъ отъ церкви крикнули: «Добрый нашъ Царь. Онъ намъ дозволилъ быть русскими!» Это — фактъ, при которомъ былъ становой приставъ. Фактъ этотъ окончательно поразилъ всѣ тенденціи и дѣйствія польскихъ пановъ противъ русскаго языка. Нѣкоторыя пани вышли изъ костела, а одна коляска подъѣхала подъ костелъ, но «ясная пани», узнавъ, что служба идетъ на русскомъ языкѣ, не вышла изъ коляски и обратно отправилась домой. Глусскій становой приставъ г. Ральцевичъ не только чувствовалъ, но и дѣйствіями оказалъ душевное содѣйствіе въ томъ именно, дабы служеніе мое было полезнымъ и отвѣчало желанію Правительства. Я смѣло могу доложить В. Пре—ву, что мало встрѣчалъ я становыхъ приставовъ, которые-бы, подобно г. Ральцевичу, такъ душевно относились-бы къ дѣлу и такъ усердно исполняли долгъ русскаго человѣка. Но при всемъ этомъ, успѣхъ русскаго дѣла, спокойствіе католическаго духовенства, служащаго по-русски, и политическій порядокъ въ м. Глусскѣ до тѣхъ поръ не будутъ существовать, пока Правительство не обратитъ самое строгое вниманіе на дѣйствія одного изъ жителей м. Глусска — именно Франковскаго. Личность эта, просидѣвши нѣсколько лѣтъ въ острогѣ, нынѣ занимается только пьянствомъ, интригою, писаніемъ ябедъ и подстрекательствомъ. Незадолго до моего пріѣзда въ Глусскъ, Франковскій ѣздилъ по приходу, подстрекалъ, дабы мнѣ сдѣлали скандалъ, наконецъ, пришелъ къ ксендзамъ, и когда настоятель не принялъ его совѣтовъ, то онъ побилъ ему окошки. Франковскій сосланному ксендзу Томашевичу писалъ всѣ ябеды и привелъ, наконецъ, къ тому, что тотъ пошелъ въ Сибирь. Если Франковскій будетъ долѣе въ м. Глусскѣ, то вѣрно будутъ постоянные тормазы и безпорядки въ русскомъ дѣлѣ.

Донося обо всемъ В. Пре—ву, покорно прошу Вашего распоряженія, дабы полиція имѣла въ виду тѣхъ ксендзовъ, которые выдали подписку, дѣйствительно-ли они исполняютъ сказанное въ подпискѣ, если исполняютъ и послѣ моего выѣзда, то слѣдуетъ болѣе заботиться, дабы устранить тѣ непріятности,

какими забрасываютъ фанатическія женщины ксендзовъ, служащихъ по-русски. Люди съ характеромъ не обращаютъ вниманія на бабскія выходки и дѣлаютъ свое. Но есть люди, слабые и безхарактерные, которые, подобно кс. Дойняку, опасаясь непріятностей, не хотятъ выступить въ дѣло. За удаленіе Капотисвицкаго ксендза я получилъ благодарность отъ крестьянъ и православныхъ священниковъ, ибо кс. Пржимыцкій, по словамъ одного крестьянина, «командовалъ даже польскими панами»... О высылкѣ Франковскаго находится дѣло въ канцеляріи Вашего Пр—ва еще съ 1866 года».

Изъ того-же дѣла (№ 166) видно, что Франковскій не былъ высланъ изъ Глусска лишь потому, что губернаторъ согласился съ довольно страннымъ мнѣніемъ Бобруйскаго уѣзднаго исправника, который, по поводу заявленія Сенчиковскаго, высказался, что „Франковскій, состоящій подъ надзоромъ полиціи и постоянно нетрезвый, не можетъ имѣть вліянія на введеніе русскаго языка».

Можно только удивляться подобной логикѣ!...

Обыкновенно, Сенчиковскій не настаивалъ при отказѣ на приведеніи въ исполненіе ходатайствъ его и заявленій по поводу того или иного ксендза: онъ слишкомъ спѣшилъ впередъ, имѣлъ слишкомъ большіе общіе горизонты, для того, чтобы размѣниваться на борьбу по мелочамъ. Ему некогда было и плодить переписку, тѣмъ болѣе, что впереди предстояли и новыя битвы, и новые враги, которыхъ надлежало еще уничтожить....

Къ какимъ оригинальнымъ пріемамъ приходилось ему иногда прибѣгать, при отобраніи подписокъ отъ подвѣдомственнаго ему духовенства и для спасенія прихожанъ отъ настоятелей, пропагандистовъ польско-іезуитской справы, видно, хотя-бы, изъ дѣла № 163 канцеляріи Минскаго губернатора подъ заглавіемъ «О введеніи русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи въ Тимковицкомъ и Копыльскомъ костелахъ, объ увольненіи по неблагонадежности кс. Каждайневича и противодѣйствіи б. органиста Домбровскаго и Колянскаго.»

Сенчиковскій, 1 ноября 1870 г., за № 992, доноситъ Минскому губернатору:

«Представляя Вашему Пр—ву въ копіи подписки настоятеля Тимковицкаго о. Толвинскаго и администратора Копыльскаго о. Петкевича, честь имѣю пояснить, что о. Толвинскій выдалъ подписку вслѣдствіе принятыхъ мною энергическихъ мѣръ. Я вынужденъ бытъ дать распоряженіе, приложенное при семъ; получивъ отвѣтъ, я удалилъ Толвинскаго отъ должности, а г. исправникъ обязалъ его подпискою—безъ выѣзда, въ г. Слуцкѣ, ожидать дальнѣйшаго распоряженія. Тогда уже о. Толвинскій, въ

пять часовъ утра, подалъ подписку и принялся за дѣло серiозно. Толвинскiй объяснялся, что онъ отказывался по подстрекательству какого-то поляка, праздношатающагося въ г. Слуцкѣ, Волянскаго. О. Толвинскiй вмѣстѣ со мною и честнымъ, преданнымъ дѣлу деканомъ о. Мистицкимъ, отслужилъ дополнительное богослуженiе и молебствiе за Царствующiй Домъ на русскомъ языкѣ и навѣрно будетъ продолжать употреблять русскiй языкъ. Въ Тимковичахъ, на моемъ богослуженiи, было народа очень много; все было спокойно; даже нѣкоторые католики становились на колѣни передо мною. Въ костелѣ тоже народъ собрался, молился примѣрно и оказывалъ честь, когда я проходилъ. Только бывшiй Копыльскiй органистъ, во время богослуженiя, заявлялъ свое неудовольствiе, махалъ руками и постояннымъ разговоромъ старался объяснить народу, что это я неправильно дѣлаю. Это вынудило меня просить Вашего распоряженiя, дабы Волянскiй и б. органистъ Домашевскiй были оштрафованы. Этотъ примѣръ спасетъ многихъ.

Администраторъ Копыльскаго прихода о. Петкевичъ не только охотно выдалъ подписку и вмѣстѣ съ нами служилъ на русскомъ языкѣ, но своею готовностью, убѣжденiемъ и положительнымъ характеромъ даетъ надежду въ томъ, что Правительство и русское дѣло имѣютъ въ немъ преданнаго служителя. Копыльскiй становой приставъ усердно пособлялъ и сочувствовалъ дѣлу.

Викарный Копыльскiй кс. Iоаннъ Каждайлевичъ не только больно обругалъ меня, декана и настоятеля, и рѣшительно отказался выдать подписку, но еще обнаружилось, что онъ, разъѣзжая по приходу, подстрекалъ прихожанъ противъ русскаго языка и настоятеля. Дабы прекратить польскiя интриги и пособить дѣлу, я нашелъ необходимымъ удалить кс. Каждайлевича и сослать въ г. Несвижъ, съ тѣмъ, чтобы ожидалъ распоряженiя Вашего Пре—ва.

Такъ какъ въ Копыльскомъ приходѣ около 3000 душъ, а въ смежномъ Тимковицкомъ около 900, то я нашелъ совершенно ненужнымъ викарнаго въ Копылѣ, ибо десятиверстное разстоянiе Тимковицъ отъ Копыля и служенiе на русскомъ языкѣ совершенно на руку, чтобы о. Толвинскiй, въ случаѣ надобности, пособлялъ-бы въ исполненiи требъ Копыльскимъ прихожанамъ, то я, посредствомъ декана дозволилъ вышесказанное вмѣшательство въ Копыльскiй приходъ Томковицкаго настоятеля.

Чѣмъ менѣе ксендзовъ—тѣмъ менѣе польскихъ интригъ, и тѣмъ скорѣе и прочнѣе прививаются народу русскiя чувства и русскiй элементъ. Поэтому честь имѣю просить Ваше Пр—во утвердить удаленiе кс. Каждайлевича съ тѣмъ, чтобы въ Копылѣ не было уже викарнаго.

Во время ревизіи только удалилъ я двухъ ксендзовъ. Однако-жъ мѣра эта на столько подѣйствовала, что не только подписки, но и богослуженіе идетъ на русскомъ языкѣ. Душевно радуюсь, ибо постоянныя мои заявленія Правительству въ томъ отношеніи, что при полной власти и поддержкѣ, дѣйствуя усердно и сознательно-энергически, не только русскій языкъ, но со временемъ чувства, духъ и убѣжденія замѣнятъ польскую пропаганду. Католицизмъ польскій будетъ истинно русскимъ. Это такъ вѣрно, что если пользуясь властью, поддержкою и соотвѣтственною обстановкою, я не рѣшу этого вопроса въ пользу Россіи, то я тогда готовъ голову мою подать подъ петлю.

Такъ какъ въ Слуцкомъ, Копыльскомъ и Тимковицкомъ приходахъ служатъ на русскомъ языкѣ, то я не вижу никакого препятствія совершать требы Тимковицкому настоятелю Копыльскимъ прихожанамъ.

Искренно желая съ корнемъ уничтожить полонизмъ и зная, сколько дѣйствуютъ въ этомъ дѣлѣ органисты, зная, какъ трудно настоятелю найти органиста, преданнаго русскому дѣлу, *я просилъ Ваше Пре—во походатайствовать у Правительства дозволенія и пособія на открытіе школы органистовъ.* Это—вопіющій недостатокъ. Если этотъ вопросъ не будетъ скоро рѣшенъ, то я откровенно долженъ заявить, что много трудовъ и времени пройдетъ напрасно и безполезно. Еслибы Правительство пожертвовало рублей 500, то на эти деньги можно вызвать старыхъ органистовъ, научить ихъ одному и тому-же, т. е. всѣмъ славянскимъ гимнамъ. Тогда не было-бы разницы. Безъ этого, домъ будетъ поставленъ на пескѣ. А я-бы душевно желалъ построить его на каменномъ фундаментѣ.»

Изъ этого документа видно, что во время описываемой поѣздки, впервые зародилась у Сенчиковскаго мысль о школѣ органистовъ, впервые вылилось оффиціальное объ этомъ заявленіе. Но провести эту идею въ жизнь ему удалось лишь впослѣдствіи, когда онъ обосновался въ Минскѣ и всталъ въ непосредственныя, близкія сношенія съ покровительствующимъ ему губернаторомъ.

А пока что́ затрудненія на каждомъ шагу тормазили его планы. Злоба, клевета, доносы, распусканіе невѣроятныхъ слуховъ въ народѣ, возбужденіе дѣлъ о невѣроятныхъ, грязныхъ дѣяніяхъ, никогда имъ несовершавшихся, постоянно сопутствуютъ Сенчиковскому. И простодушные бѣлоруссы, спасти которыхъ отъ польскаго ига задумалъ покойный, искренно всему этому вѣрятъ,—вѣрятъ потому, что источникомъ подобной „литературы“, въ большинствѣ случаевъ, являлись ксендзы... А можно-ли не вѣрить служителю алтаря?!..

Въ десяткахъ лишнихъ случаевъ убѣждается Сенчиковскій въ томъ, на сколько основательно вбито р.-к. духовенствомъ въ сознаніе массъ, что каждый, исповѣдующій р.-к. вѣру—тѣмъ самымъ становится «полякомъ.»

Дамскій элементъ, какъ это водится въ дѣлахъ костела, дѣятельно содѣйствуетъ въ работѣ ксендзовъ противъ Сенчиковскаго.

Такъ, Начальникъ Минскаго губернскаго Жанд. управленія (18 дек. 1870 г., № 315) доводитъ до свѣдѣнія губернатора: *)

«Викарный ксендзъ Узденскаго костела (Игуменскаго уѣзда) Михаелисъ противодѣйствуетъ ксендзу того-же костела Богинскому совершать богослуженіе на русскомъ языкѣ, тайно отклоняя прихожанъ отъ изъявленія желанія на совершеніе богослуженія по-русски; а проживающая при Узденскомъ костелѣ сестра бывшаго настоятеля Серафима Калечицкая распускаетъ слухи, что кс. Сенчиковскаго будто-бы уже повѣсили, а тѣхъ ксендзовъ, которые служатъ по-русски, выгоняютъ и бьютъ палками.

Того-же уѣзда кс. Серафимскаго костела Андржеевскій также распускаетъ разные слухи про кс. Сенчиковскаго и уговариваетъ жителей отнюдь несоглашаться на русское богослуженіе, угрожая, что если они согласятся, то ихъ заставятъ принять православіе и будутъ крестить дѣтей въ русскихъ церквахъ, костелъ-же мѣстный обратятъ въ церковь.»

Въ томъ-же дѣлѣ (№ 196) имѣется донесеніе кс. Сенчиковскаго Минскому губернатору (отъ 19 дек. 1870 г., № 1247):

«Мнѣ положительно и оффиціально извѣстно, что въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, настоятель Кайдановскаго прихода кс. Гудвиловичъ ѣздилъ въ г. Вильну и, возвратясь оттуда, распускаетъ слухи, что будто-бы управляющій епархіей объявилъ ему, что нужно только держаться польскаго языка, а это скоро кончится, ибо Сенчиковскій скоро пропадетъ и я (управляющій) дѣлаю все по своей волѣ. Къ Гудвиловичу ѣздилъ Узденскій викарный Михаелисъ и все это разсказываетъ Узденскимъ прихожанамъ. Конечно, г. управляющій не могъ этого говорить, а это—польская штука Гудвиловича и Михаелиса. Михаелисъ, какъ извѣстный пропагандистъ, агентъ и дѣятель польской справы, очень мѣшаетъ кс. Богинскому, вновь назначенному Узденскому настоятелю. До того ему горько жить съ польскимъ ксендзомъ Михаелисомъ, что онъ готовъ отказаться отъ прихода, если Михаелисъ долѣе будетъ въ Уздѣ. Кромѣ Михаелиса

---

*) Дѣло канц. Минскаго губернатора 1870—71 г., № 196, «О противодѣйствіи кс. Михаелиса при введеніи въ дополн. богослуженіе русскаго языка въ Узденскомъ костелѣ и распространеніи ложныхъ слуховъ кс. Андржеевскимъ и Калечицкой на кс. Сенчиковскаго».

находится въ Узденской плебаніи господыня (или подъ фирмою сестры подруга ксендзовская), которая въ близкомъ родствѣ была съ кс. Наркевичемъ, а послѣ его выѣзда изъ Узды въ такой-же степени родства находится съ кс. Михаелисомъ. Какая-то Серафима, которая до того ярая полька, что осмѣливается въ квартирѣ кс. Богинскаго ругать его за то, что онъ по-русски служитъ. Словомъ, о. Богинскій доведенъ до крайности, не знаетъ, что дѣлать и чему вѣрить. Поэтому, ради успѣха русскаго дѣла, ради поддержки о. Богинскаго—человѣка, преданнаго Правительству, всепочтительнѣйше прашу Ваше Пре—во, какъ можно скорѣе удалить польскаго іезуита Михаелиса и сослать въ монастырь, а назначить на его мѣсто ксендза Шишко, находящагося за штатомъ въ м.供Уздѣ. Человѣкъ этотъ идетъ въ руку о. Богинскаго. Панью-же господыню Серафиму необходимо, посредствомъ станового пристава, удалить изъ плебаніальнаго дома, такъ какъ она кс. Богинскаго въ этомъ не послушалась.»

Приходилось прибѣгать Сенчиковскому и къ разнаго рода хитростямъ, уловкамъ, въ чемъ, опять-таки, оказывала ему «душевное содѣйствіе» уѣздная полиція.

29 дек. 1870 г., № 973, изъ г. Слуцка, Сенчиковскій доноситъ губернатору: *)

„Имѣю честь пояснить, что имѣя въ виду мѣстныя обстоятельства и положеніе г. Несвижа—по причинѣ бытности тамъ кс. Шимкевича и сборища фанатиковъ ксендзовъ, я счелъ необходимымъ пригласить туда декана, и такъ какъ въ Несвижѣ имѣется дѣло серіозное, то г. исправникъ, будто-бы нечаяннымъ образомъ и по другимъ совершенно дѣламъ, пріѣдетъ въ Несвижъ и тамъ будетъ свидѣтелемъ моихъ дѣйствій. Зная уже изъ опыта самое дѣло и мѣры къ успѣшному и полезному окончанію вопроса о располяченіи католицизма, а тѣмъ болѣе желая искренно и окончательно уничтожить всѣ низости и продѣлки польскихъ фанатиковъ и стремленія ксендзовъ, подобныхъ Шимкевичу, я нашелъ, что обстановка поѣздки въ г. Несвижъ должна быть болѣе замѣчательна, такъ какъ положительно знаю, что Несвижъ - это столица полонизма, источникъ всѣхъ интригъ и противодѣйствій Правительству. Это—гнѣздо польской пропаганды, надъ которымъ царствуетъ кс. Шимкевичъ. Это, наконецъ,—яма, полная всякаго рода польско-іезуитской грязи, которую необходимо закрыть, дабы заразительный польскій воздухъ не распространялся по нашему русскому краю.»

Слѣдуетъ замѣтить, что слишкомъ подчасъ крутыя мѣры, принимаемыя Сенчиковскимъ при объѣздѣ упомянутыхъ прихо-

*) Дѣло канцеляріи Минскаго губернатора 1870 г., № 161, «О введеніи русскаго языка въ дополнит. богослуженіе въ Слуцкомъ и Урецкомъ костелахъ.»

довъ — по отношенію къ ксендзамъ, открыто возставшимъ противъ введенія русскаго языка, и обращавшихся тотчасъ-же въ «мучениковъ», все болѣе и болѣе волновали не только простой народъ, но и провинціальную польскую интеллигенцію. И вотъ, въ Вильну, къ генералу Потапову, уже въ октябрѣ 1870 г. (т. е. въ началѣ поѣздки Сенчиковскаго), полетѣли жалобы и доносы, сильно встревожившіе, приводившіе въ негодованіе генералъ-губернатора.

Это видно изъ тона и содержанія его конфиденціальнаго письма къ Минскому губернатору (отъ 15 окт. 1870 г., № 240). *)

Ген. Потаповъ пишетъ Токареву:

«Католическій священникъ, ввѣренной Вамъ губерніи Ф. Сенчиковскій въ бумагѣ на имя Попечителя Виленскаго учебнаго округа отъ 5 сего октября, *величая себя уполномоченнымъ въ имени управляющаго Епархіею по Минской губерніи*, настойчиво ходатайствуетъ о назначеніи Бобруйскаго декана Макаревича законоучителемъ Бобруйской прогимназіи. Признавая неумѣстнымъ, какъ вмѣшательство священника Сенчиковскаго въ дѣла, некасающіяся до возложеннаго на него порученія—ревизіи нѣкоторыхъ приходовъ Минской губерніи, — такъ равно, и непосредственное сношеніе съ Правительственными лицами и при томъ въ такой формѣ, въ какой онъ себѣ дозволяетъ, я передалъ доставленную мнѣ г. Попечителемъ бумагу Сенчиковскаго управляющему Виленской епархіей прелату препозиту Жилинскому, для строгаго взысканія съ виновнаго.

Независимо отъ сего, препровождая точную копію съ означенной бумаги, покорнѣйше прошу Ваше Пре—во вызвать къ себѣ священника Сенчиковскаго и сдѣлать ему строгое внушеніе, чтобы онъ не позволялъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла, некасающіяся его деканата и возлагаемыхъ на него особыхъ порученій. Приэтомъ не оставьте, Милостивый Государь, предварить его, что только на первый разъ я ограничиваюсь такимъ внушеніемъ; на будущее-же время, въ случаѣ повторенія подобныхъ неумѣстныхъ поступковъ, онъ не избѣжитъ болѣе строгаго взысканія.»

Незнающій о настроеніи Потапова по отношенію къ Сенчиковскому, тоже смущенный крутыми мѣрами, принятыми Сенчиковскимъ, а также его требованіями, новый Попечитель Виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскій (въ письмѣ отъ 22 окт. 1870 г., № 6006) **) сообщаетъ, между прочимъ, Потапову:

«Считаю долгомъ препроводить при семъ Вашему Высокопре—ву: 1) записку декана Борисовскаго и Игуменскаго уѣздовъ, кс. Сенчиковскаго отъ 14 августа с. г., за № 566—о перемѣщеніи

---

*) Дѣло канц. Вил. генералъ-губернатора 1869 -70 г., № 118 (по 3 отдѣл.

**) Тамъ-же.

викарнаго Игуменскаго и тамошняго законоучителя кс. Станкевича и о назначенiи на его мѣсто ксендза Бутерлевича; и 2) рапортъ того-же декана (отъ 21 авг. за № 587) о назначенiи на мѣсто вышеупомянутаго законоучителя не Бутерлевича, а кс. Игнатовича.

По первой запискѣ сдѣлано было сношенiе отъ 19 авг., за № 4668, съ Исправл. должность Вашего Высокопре—ва кн. Багратiономъ, который, письмомъ отъ 9 минувшаго сентября, за № 9195, увѣдомилъ о предположенiи Управл. Вил. Р.-К. епархiей—смѣстить Станкевича и на его мѣсто назначить Бутерлевича. Между тѣмъ, Минскiй директоръ училищъ отъ 10-го сего октября за № 9049 доноситъ мнѣ, что о перемѣщенiи законоучителя Станкевича и о назначенiи на его мѣсто Бутерлевича до сего времени никакого распоряженiя отъ епархiальнаго начальства не послѣдовало, и самъ кс. Станкевичъ о подобномъ перемѣщенiи еще ничего не знаетъ. Въ отвѣтъ на это донесенiе директора мною будетъ отвѣтствовано ему, чтобы, въ случаѣ перемѣщенiя кс. Станкевича, директоръ вошелъ ко мнѣ съ представленiемъ о новомъ кандидатѣ въ установленномъ порядкѣ; если-же такое перемѣщенiе не состоится, то чтобы секретно представилъ мнѣ подробныя свѣдѣнiя, какiя имѣетъ о личности кс. Станкевича, какъ законоучителя. 3) Отношенiе того-же декана Сенчиковскаго—отъ 5 окт. за № 798—о назначенiи законоучителемъ Бобруйской прогимназiи кс. Макаревича. По этому дѣлу, я ожидаю отъ инспектора Бобруйской прогимназiи представленiя о кандидатѣ въ установленномъ порядкѣ.»

Потаповъ сообщилъ, въ виду подобнаго представленiя Сергiевскаго (24 окт. 1870 г., № 246), *) Минскому губернатору — о сдѣланiи кс. Сенчиковскому строгаго внушенiя за вмѣшательство «въ неподлежащiя его вѣдѣнiю дѣла», прося «воспретить ему таковое вмѣшательство на будущее время.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Потаповъ (24 окт. 1870 г., № 247) **) пишетъ и попечителю Н. А. Сергiевскому — о сдѣланномъ черезъ Минскаго губернатора внушенiи Сенчиковскому за его „вмѣшательство въ неподлежащiя его вѣдѣнiю дѣла,“ ни слова не упомянувъ о разрѣшенiи ходатайствъ Сенчиковскаго и какъ-бы ихъ игнорируя, чѣмъ и дѣлаетъ Сергiевскому косвенное замѣчанiе за неумѣстность его представленiя.

Самыя ходатайства кс. Сенчиковскаго, здѣсь упоминаемыя, на имя попечителя Вил. уч. округа, содержали въ себѣ такiя выраженiя:

а) Ходатайство 14 авг., № 566: «Неоднократно имѣя случай положительно и наглядно увѣриться о фанатическомъ и вполнѣ

*) Тамъ-же.

**) Тамъ-же.

вредномъ Россіи убѣжденіи кс. Станкевича, викарнаго Игуменскаго и законоучителя тамошняго уѣзднаго училища, я, дабы прекратить польско-іезуитское его вліяніе на молодое поколѣніе, вмѣстѣ съ симъ, объяснивъ причину, просилъ г. Управл. епархіей перемѣстить кс. Станкевича на деревню, на должность викарнаго, а въ Игуменъ рекомендовалъ кс. Бутерлевича, о которомъ имѣю свѣдѣніе, какъ о человѣкѣ не фанатикѣ и приверженномъ отечеству нашему Россіи, о чемъ доводя до свѣдѣнія Вашего Пре—ва» и т. д.

б) Ходатайство 21 авг., №587: «Узнавъ въ послѣднее время болѣе хорошаго о кс. Игнатовичѣ, чѣмъ о кс. Бутерлевичѣ, я нынѣшняго числа просилъ г. Управляющаго Епархіей» и т. д.

в) Ходатайство отъ 5 окт., за № 798—«Во время ревизіи по Минской губерніи я нашелъ законоучителя Бобруйской прогимназіи перемѣщеннымъ въ г. Мозырь. Поэтому, какъ хорошо знакомый съ мѣстными обстоятельствами, я нахожу назначеніе Бобруйскаго декана о. Макаревича законоучителемъ вполнѣ полезнымъ и соотвѣтственнымъ: человѣкъ этотъ преданъ Правительству и русскому дѣлу. Потому спѣшу просить Ваше Пр—во» и т. д.

Законоучитель Минской гимназіи р.-к. исповѣданія кс. Заусцинскій, въ прошеніи своемъ на имя Минскаго Директора училищъ Ст. Сов. Богушевскаго (помѣченномъ 16 октября 1870 г. *), доноситъ:

«. . . . Положеніе мое болѣе ухудшилось по случаю назначенія новаго духовнаго начальника, католическаго священника Сенчиковскаго, уполномоченіемъ его отъ имени г. Управл. Епархіей для обревизованія костеловъ Минской губерніи, нераціональныя котораго требованія, при заносчивомъ характерѣ, свойственномъ молодости его, поставили меня и все духовенство моего деканата **) въ оппозиціонное положеніе, что̀ и заставило меня донести о томъ высшей духовной власти и просить отъ имени подвѣдомаго мнѣ духовенства о назначеніи въ г. Минскъ на мѣсто Сенчиковскаго кого-либо изъ чиновъ консисторіи, болѣе достойныхъ признательности, съ увольненіемъ меня отъ должностей сверхъ учебнаго вѣдомства, ибо, на сколько мнѣ извѣстно изъ полученныхъ бумагъ отъ Сенчиковскаго—о степени его инструкціи и неограниченной власти, требованія его, по недостатку силъ и неспособности моей, не могутъ быть мною ни приняты, ни исполнены; такъ какъ дерзнуть на дѣйствія, согласно начертанію Сенчиковскаго, было-бы—неминовать неблагополучнаго исхода, а, въ такомъ случаѣ, предстоящая отвѣтственность неминуемо упадетъ

*) Тамъ-же.

**) Минскаго.

на мою личность и я долженъ буду остаться самъ одинъ жалкою передъ народомъ жертвою, послѣдствіемъ которой и мать моя, и братъ, и сестра, останутся нищими.»

Въ заключеніе, кс. Заусцинскій убѣдительно проситъ «объ изъятіи» его «отъ всякихъ постороннихъ вліяній, кромѣ единственнаго» его «учебнаго начальства», т. е. объ избавленіи его отъ кс. Сенчиковскаго.

Необходимо замѣтить, что кс. Заусцинскій принадлежалъ къ числу лицъ, преданныхъ Правительству, въ какомъ смыслѣ отзывается о немъ и самъ Сенчиковскій. Но и его обезпокоила та муть, которая поднялась со дна подвѣдомственнаго ему деканата послѣ ревизіи Сенчиковскаго...

Девизами почтеннаго Заусцинскаго были: идти впередъ постепенно, не спѣша, не раздражая, не усердствуя слишкомъ, не рискуя и не особенно волнуясь, благо повелѣніе 25 дек. 1869 г., а, главное, позднѣйшія къ нему разъясненія Мин. Вн. Дѣлъ, давали полный произволъ и населенію, и ксендзамъ, ни къ чему, въ сущности, не обязывая послѣднихъ...

Личность Заусцинскаго, какъ невольнаго сотрудника Сенчиковскаго, довольно характерна и типична.

Упоминая въ своихъ интересныхъ «Виленскихъ очеркахъ«, посвященныхъ Муравьевскому времени, о возникновеніи въ 1864 г. движенія въ средѣ р.-к. духовенства Минской губерніи на встрѣчу русскому Правительству, А. Н. Мосоловъ пишетъ:

„Тамъ-же, въ глубинѣ Игуменскаго уѣзда, появился молодой ксендзъ Заусцинскій, краснорѣчиво проповѣдывавшій крестьянамъ, что они—русскіе и что только въ единеніи съ господствующею въ государствѣ народностью и Церковью они могутъ быть счастливы. Смѣлая рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе. На него сначала не обращали почему-то вниманія. Время, однако, показало, что молодой ксендзъ не увлекался, а выдерживалъ всевозможныя стѣсненія и преслѣдованія отъ своего начальства, былъ переводимъ изъ прихода въ приходъ (конечно, въ худшіе), но вездѣ неизмѣнно слѣдовалъ своему побужденію. Впослѣдствіи онъ былъ вызванъ въ Вильну; но и тамъ правительственные прелаты хотѣли его затереть; однако на него было обращено вниманіе и, хотя до времени, по крайней его молодости, всѣ предположенія его оставлены безъ послѣдствій, ему дали значительный приходъ въ Виленской губерніи.

Впослѣдствіи личность ксендза Заусцинскаго совершенно стушевалась. Ему, однако, принадлежитъ починъ въ употребленіи русскаго языка въ дополнительномъ р.-к. богослуженіи.

Я привелъ этотъ эпизодъ для того, чтобы показать, насколько Правительство, въ предпринятомъ имъ обрусеніи того края (Бѣлоруссіи) опирается на мѣстныя потребности и природныя силы, и что задача наша въ томъ краѣ, особенно въ нѣкоторыхъ частяхъ его, не такъ сложна: она затемняется только по нашей собственной нерѣшительности...»

А. Н. Мосоловъ ошибочно приписалъ починъ въ этомъ вопросѣ кс. Заусцинскому, тогда какъ первымъ, иниціаторомъ, явился Сенчиковскій.

Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, почему онъ такъ сдѣлалъ.

Намъ, къ сожалѣнію, не удалось выяснить, кто повліялъ на прелата Жилинскаго—Потаповъ, агенты польско-іезуитской справы -паны и ксендзы, уѣздныя «девотки»—или всѣ вмѣстѣ, но онъ, ненавидящій въ душѣ Сенчиковскаго, начинаетъ сожалѣть, что далъ послѣднему слишкомъ большія полномочія—по ревизіи костеловъ Минской губерніи.

Это видно изъ отвѣта ему покойнаго (отъ 20 ноября 1870 г., № 1057) *).

Сенчиковскій пишетъ Жилинскому:

„Вслѣдствіе распоряженій Вашего Высокопреподобія (отъ 15 октября, за № 2608 и 19 октября, за № 2638), полученныхъ мною едва 18-го сего ноября, имѣю честь всепокорнѣйше разъяснить, что я и не думалъ даже въ дѣйствіяхъ моихъ по службѣ идти противъ воли прямого, а тѣмъ болѣе верховнаго, моего начальства. Напротивъ, самъ я, требуя повиновенія и уваженія отъ моихъ подчиненныхъ, строго наблюдаю за собою, дабы собственнымъ примѣромъ заставить подчиненныхъ ввѣреннаго мнѣ деканата почитать и безпрекословно повиноваться верховному епархіальному начальству, который ordinario loci пользуется властью епископа. Но чувствуя въ моей душѣ горячую любовь къ отечеству моему Россіи, зная изъ опыта, сколь велики тормазы и противодѣйствія противъ введенія природнаго намъ русскаго языка въ католицизмъ, зная, сколько низкихъ интригъ употребляетъ польско-іезуитская партія противъ святого русскаго дѣла и неограничивая моихъ дѣйствій тѣмъ, *дабы «польскія слова писать русскими буквами»* и польскую пропаганду прикрыть какъ можно *нѣжно кое-какимъ употребленіемъ русскаго языка,* я съ жаромъ сыновней любви къ Матушкѣ нашей Россіи, бросаюсь въ дѣло, желая съ корнемъ уничтожить *все, рѣшительно все,* что -вредно дорогому великорусскому отечеству и благимъ предначертаніямъ Правительства, искренно желая дѣлать дѣло не поверхностно только, лишь-бы паутиновою сѣтью опутать глаза, что бы ни было, но, напротивъ того, на сколько отъ меня зави-

*) Бумаги С., хранящіяся въ Импер. Публ. Библіотекѣ. Воспроизводится по черновику.

ситъ, искренно желаю дѣло русское въ католицизмѣ поставить па фундаментахъ изъ скалы, прочныхъ и необманчивыхъ. И, хотя я вполнѣ увѣренъ въ то, что дѣло русскаго народа въ Сѣверо-Западной Руси, страдавшаго подъ гнетомъ полонизма,— есть дѣло Божіе, однако-жъ дорожу временемъ, въ которое мы можемъ освободиться отъ чуждаго и навязаннаго намъ, русскимъ, польскаго элемента и каждою минутой моей жизни желаю быть искренно полезнымъ русскому дѣлу. Поэтому-то, и по причинѣ мѣстныхъ обстоятельствъ, я по сущей справедливости заявилъ г. Попечителю мое мнѣніе о ксендзѣ Макаревичѣ, не имѣя въ этомъ дѣлѣ ни малѣйшей задней мысли, а дѣйствуя только въ видахъ ходатайства. Возвратившись въ Борисовъ, считаю долгомъ донести объ этомъ Вашему Высокопреподобію.

Что-же касается употребляемаго мною титула уполномоченнаго, то, по праву каноническому, дѣлая ревизію отъ имени Вашего, не могу иначе понимать данной мнѣ власти, какъ только властью уполномоченнаго, что̀ даетъ мнѣ каноническое право и церемоніалъ, установленный въ нашихъ требникахъ для принятія въ церкви визитатора отъ имени верховной власти, и слова, которыя Ваше Высокопреподобіе изволили произнести мнѣ: «не ѣдете для ревизіи вы, а ѣду я»; „не ѣдетъ деканъ, а ѣдетъ управляющій». И, наконецъ, встрѣчая отъ ярыхъ фанатиковъ и польскихъ пропагандистовъ ксендзовъ неисчислимыя демонстраціи и пренебреженіе противъ Васъ и меня, я чувствовалъ себя обязаннымъ защищать высокодостойное Ваше имя. Этимъже именемъ желалъ я оградить себя отъ польско-іезуитскихъ выходокъ.

Все, заключающееся въ нынѣшнемъ моемъ объясненіи, есть убѣжденіе моей души, до того искреннее, что въ каждое время я охотно приму случай, въ которомъ пришлось-бы кровію моею запечатлѣть слова мои. Если-же Ваше Высокопреподобіе находите дѣйствія мои несовмѣстными и труды мои неусердными, то всепокорнѣйше принимая Ваши главноначальническія замѣчанія и извиняясь за оныя, всепокорнѣйше осмѣливаюсь просить уволить меня отъ дальнѣйшей командировки по губерніи, такъ какъ я, по причинѣ вышесказанной, не могу относиться къ столь великому въ пользу Россіи дѣлу гомеопатически и хладнокровно. Для дѣйствій-же моихъ необходимо нужна поддержка и власть: безъ этого я не ручаюсь за успѣхъ дѣла.

Касательно жалобы о неисполненіи мною обязанности законоучителя, считаю нужнымъ пояснить, что таковую могъ принести Вашему Высокопреподобію только умалишенный, желающій, дабы я по телеграфу развѣ объяснялъ уроки. Но, къ сожалѣнію, не при всѣхъ костелахъ, ревизованныхъ мною, находятся телеграфы. Слѣдовательно, и въ этой жалобѣ видна польская интрига и выходка».

Къ этому времени слѣдуетъ отнести то, что высказывалъ мнѣ покойный изъ Омска по поводу одного документа, о которомъ я его спрашивалъ:

«Я писалъ (въ Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исп.) о томъ, что русскій языкъ долженъ быть введенъ въ костелы, во всей Россіи, кромѣ Царства Польскаго и Жмуди, а не только въ части Минской губерніи (т. е. не только въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ я ввелъ этотъ языкъ), какъ писали въ газетахъ, что Папа намѣренъ былъ сдѣлать это. *) Мое мнѣніе было: или вездѣ, или нигдѣ, чтобы интрига польская не глумилась и не губила-бы тѣхъ ксендзовъ, которые будутъ употреблять языкъ русскій...»

Между тѣмъ, пока Виленская епархіальная власть озабочивалась смѣлымъ разгромомъ Сенчиковскимъ гнѣздъ польско-іезуитской крамолы по Минской губ., самъ Сенчиковскій дѣлалъ свое дѣло, что̀ и видно изъ послѣдующихъ донесеній Минскаго губернатора Токарева Виленскому генералъ - губернатору объ «окончательномъ введеніи въ дополнительное богослуженіе русскаго языка», при содѣйствіи его, Сенчиковскаго,—въ качествѣ ревизующаго по поруч. управл. епарх. прел. Жилинскаго.

Постепенно языкъ этотъ былъ введенъ имъ, Сенчиковскимъ, въ костелахъ: 1) Логойскомъ (Борисовскаго уѣзда), 2) Березинскомъ (того-же уѣзда), 3) Холопеничскомъ; 4) Свислочскомъ, 5) Бобруйскомъ; 6) Мозырскомъ, 7) Петриковскомъ (Мозырскаго у.); 8) Слуцкомъ и Урѣчской филіи; 9) Хоромецкомъ и Глусскомъ (Бобр. уѣзда); 10) Тимковицкомъ и Копыловскомъ; 11) Игуменскомъ; 12) Каменскомъ; 13) Околовицкомъ (Борис. уѣзда).

Нѣсколько ранѣе, по просьбѣ Сенчиковскаго, высланы были ему изъ Вильны ген. Потаповымъ, черезъ губернатора Токарева, по 100 экз. «алтариковъ», „катехизисовъ“ и „краткаго молитвенника на русскомъ языкѣ“; причемъ въ высылкѣ ему „Евангеличекъ“ было отказано „по неимѣнію ихъ въ обращеніи“.

Затѣмъ, по проискамъ прелата Жилинскаго, при содѣйствіи Потапова, ревизія Сенчиковскаго была внезапно остановлена и ему не дали довершить начатаго порученія.

Дѣло канцеляріи Виленскаго ген.-губернатора, матеріалами котораго мы пользовались, обрывается на донесеніи Потапову Виленскаго полиціймейстера (отъ «2-го» марта 1871 г.) о томъ, что крестьяне Минской губерніи, Борисовскаго уѣзда, Слободской волости, Казимиръ Лиса и Францъ Гусаковъ отправились 1 марта въ Петербургъ, для подачи Государю Императору всеподданнѣйшаго прошенія на своего ксендза (очевидно Сенчи-

*) Высказано было Сенчиковскимъ о документѣ эпохи поѣздки Мосолова въ Римъ, при гр. Игнатьевѣ, въ 1881 году, для переговоровъ съ римской куріей.

ковскаго), который будто-бы принуждаетъ прихожанъ принять православіе.

„Эти-же крестьяне", добавляетъ полиціймейстеръ: „какъ повѣренные общества, приходили 28 февраля къ Вашему Высокопревосходительству—съ жалобами—на принужденіе ихъ употреблять русскій языкъ въ дополнительномъ богослуженіи".

По справкѣ, имѣющейся въ дѣлѣ, прошеніе этихъ крестьянъ было направлено къ Минскому губернатору, а просителямъ отказано—„за отдѣленіемъ Минской губерніи отъ Виленскаго генералъ-губернаторства".

Судьба предусмотрительно спасла Сенчиковскаго отъ мстительной ярости Потапова: „Высочайшимъ указомъ, 25 дек. 1870 г., Правительствующему Сенату даннымъ, повелѣно: Минскую губернію изъять изъ вѣдѣнія главнаго управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ, на коихъ въ 1869 году были изъяты изъ него губерніи Могилевская и Витебская". (Отзывъ канцеляріи Министра Вн. Дѣлъ отъ 2 января 1871 г., № 81, на имя Виленскаго генералъ-губернатора. *)

Въ то-же время, при энергичномъ содѣйствіи Минскаго губернатора Токарева и косвенномъ давленіи изъ Петербурга, получаетъ онъ новое повышеніе.

Какъ видно изъ формулярнаго о службѣ Сенчиковскаго списка, 1871 года, вслѣдствіе представленія г. Минскаго губернатора отъ 15 янв., за № 201, «онъ былъ назначенъ епархіальнымъ начальствомъ (отъ 23 января, за № 83) настоятелемъ Минскаго св. Троицкаго прихода, деканомъ гор. Минска и Надиѣманскаго деканата, и оставленъ въ должности Игуменскаго декана и законоучителя Минской гимназіи.»

Это было рѣзкимъ движеніемъ впередъ, по служебному пути, для молодого ксендза—къ огорченію прелата Жилинскаго и польско-іезуитской пропаганды.

1870 годъ является однимъ изъ самыхъ „боевыхъ" періодовъ дѣятельности Сенчиковскаго — по введенію русскаго языка въ дополнительное богослуженіе р.-к. костеловъ Минской губерніи, вообще по распоряженію костела.

Этотъ періодъ кипучихъ работъ, съ внѣшней, оффиціальной стороны, можно охарактеризовать полной зависимостью его, Сенчиковскаго, отъ Виленскаго генералъ-губернатора Потапова, отчасти и отъ прелата Жилинскаго...

Затѣмъ, какъ мы увидимъ, Сенчиковскій начинаетъ сноситься съ Министерствомъ Внутр. Дѣлъ уже непосредственно, или черезъ Минскаго губернатора, такъ сказать, черезъ головы ненавидящаго его, полякующаго Виленскаго временщика и прелата-іезуита.

---

*) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора № 1, 1871 г.

Надо, по-истинѣ, удивляться, какъ только человѣческіе нервы, сердце и мозгъ въ состояніи были выдержать благополучно тотъ «адъ», въ которомъ приходилось непрерывно кипѣть тогда покойному!

Лишь высокій, душевный, патріотическій подъемъ, все время непрекращавшійся, помогъ ему не заболѣть, не сойти съ ума, не опустить руки...

Слѣдя шагъ за шагомъ за борьбою Сенчиковскаго на почвѣ р.-к. костела съ анти-государственнымъ теченіемъ польско-іезуитской пропаганды, мы невольно, не разъ, въ воспоминаніяхъ своихъ, переносились къ эпохѣ возстанія 1863—64 г.г...

И передъ нами вставалъ благородный, гуманный В. И. Назимовъ, сначала увѣровавшій, подъ гипнозомъ окружавшей его польской интеллигенціи Вильны, въ то, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ „все обстоитъ благополучно", а, затѣмъ, когда начались по краю демонстраціи, процессіи, пѣнье преступныхъ гимновъ и политическія убійства, напрасно надѣявшійся успокоить обезумѣвшее, Панургово стадо польскаго населенія, руководимое фанатиками-ксендзами и женщинами—девотками, отрезвляющимъ, разумнымъ словомъ, полу-мѣрами, полу-фразами,—а рядомъ съ нимъ—грозный графъ М. Н. Муравьевъ, рѣшительными, строго-систематическими, крутыми мѣрами — ударами штыка, бича, властнымъ окликомъ, заставившій то-же самое стадо быстро и покорно вернуться въ стойла государственнаго порядка, закона, повиновенія власти.

Но, проводя это, само собой напрашивающееся, сравненіе между прошлымъ и настоящимъ, между кровавой эпохою Муравьевскаго «усмиренія» и дѣятельностью Сенчиковскаго въ Бѣлоруссіи въ обстановкѣ мирнаго времени, изучивъ основательно, частью даже по неизданнымъ документамъ, оба эти интересные періода политической лихорадки польскаго населенія, мы видимъ, однако, между ними и огромную разницу.

Никто не станетъ, конечно, отрицать того, что во время послѣдняго возстанія являлись герои, патріоты, мученики идеи, въ польскихъ рядахъ люди, которымъ, не смотря на ихъ враждебное къ намъ отношеніе, невольно хотѣлось-бы протянуть примирительно руку.

То были единичныя личности, недѣйствовавшія подло, измѣннически, изъ засадъ, неприбѣгавшія къ отравленнымъ кинжаламъ, поджогамъ и убійствамъ беззащитныхъ женщинъ, дѣтей, священниковъ, чиновъ полиціи, сонныхъ солдатъ, а шедшіе въ открытый, честный, хотя и завѣдомо неравный бой съ могущественной Россіей за идею—свободы родины своей Польши, молодежь обоего пола, совращенная въ банды обезумѣвшими отцами, матерями, ксендзами-іезуитами и заправилами возстанія, т. е. польско-іезуитской пропагандою, пожертвовавшая жизнью сво-

ею изъ-за тѣхъ, кто благополучно командовалъ, сидя, подчасъ на народныя средства, за-границей, или трусливо бѣжалъ туда, бросивъ вовлеченныхъ въ омутъ мятежа, когда знамя возстанія было мощно вырвано Муравьевымъ изъ рукъ этой побѣжденной пропаганды.—

Намъ извѣстно, что и гр. М. Н. Муравьевъ, читая донесенія о такихъ жертвахъ политической инфлюэнціи, утверждая, въ силу необходимости, для спасенія милліоновъ, смертные о нихъ приговоры, не стѣснялся высказывать, при этомъ, свое глубокое сожалѣніе.

Это о нихъ-то, объ этихъ маленькихъ герояхъ великаго народнаго безумія, о невинныхъ, искупительныхъ жертвахъ смуты, навѣрное, вспомнилъ Виленскій «диктаторъ», человѣкъ, котораго озлобленная польско-іезуитская пропаганда, ошибшаяся въ своихъ разсчетахъ, до сихъ поръ завѣдомо—клеветнически изображаетъ въ обликѣ какого-то людоѣда, человѣка-звѣря, когда писалъ въ Вильнѣ, въ мая 1863 года, свой отвѣтъ знаменитому Московскому святителю Митрополиту Филарету (приславшему ему—на подвигъ „усмиренія“—благословеніе свое и икону):

«Я неожиданно призванъ волею Государя отъ жизни мирной на поприще брани, для подавленія крамолы и мятежа. Тяжелая пала на меня обязанность: умиротворить край, карать клятвопреступниковъ мѣрами казни и крови!...»

Преклонимъ-же и мы мысленно колѣна наши передъ мученическими могилами, передъ крестнымъ страданіемъ этихъ скромныхъ героевъ и жертвъ послѣдняго польскаго возстанія, хотя они и были враги наши!...

Но что́ сказать о недавнихъ врагахъ каноника Сенчиковскаго—объ этихъ безчисленныхъ ксендзахъ, нарушающихъ долгъ вѣрноподданнаго, искажающихъ евангельскія истины въ угоду польско-іезуитской политикѣ, служащихъ и Богу, и Мамону, возстановляющихъ народъ противъ законной власти, дѣйствующихъ тайно, изподтишка, подбивающихъ темную массу народа, матерей семействъ, дѣвушекъ и безусыхъ гимназистовъ къ открытому противодѣйствію волѣ русскаго Монарха, охраной законовъ котораго они пользуются, обращающихъ мирный храмъ Божій въ недостойную арену политической борьбы, негнушающихся клеветой, доносами, насиліемъ - и противъ кого-же — противъ такого-же служителя алтаря?!.

Ни одного свѣтлаго, благороднаго, вызывающаго симпатію, облика въ рядахъ безчисленныхъ противниковъ Сенчиковскаго! Ни одного, достойнаго уваженія, ни одного, мало-мальски, благороднаго поступка!!.. Ни одного честнаго, открытаго, благороднаго, продиктованнаго завѣтами Христа, движенія души и сердца!!..

Мракъ и грязь... Грязь и мракъ...

И изъ-за чего?!—Видите-ли, изъ-за «русскаго языка»!..

Такъ, по крайней мѣрѣ, открыто кричатъ ксендзы, девотки, юноши, дѣвицы, крестьяне и мѣщане—въ костелахъ, при демонстраціяхъ противъ Сенчиковскаго, въ прошеніяхъ, подаваемыхъ на него гражданскому начальству, увѣряя, въ то-же время, простой бѣлорусскій народъ въ томъ, что они идутъ лишь противъ „языка“, въ интересахъ его, народа...

Но мы, русскіе, изучившіе прошлое Бѣлоруссіи и Литвы, сравнительно близко еще стоящіе къ эпохѣ мятежа 1863 -64 гг., хорошо понимаемъ, откуда такое гоненіе, воздвигнутое среди русскаго народа, въ русскомъ государствѣ, на русскій-же «языкъ»...

Мы хорошо видимъ причины возмущенія, растерянности, испуга, тревоги и ярости благодушествовавшей до того на лаврахъ польско-іезуитской пропаганды—по поводу дѣятельности кс. Сенчиковскаго, вводящаго мысль Высочайшаго повелѣнія 25 дек. 1869 г. въ жизнь бѣлоруссовъ-католиковъ....

Дѣло, конечно, не въ «языкѣ», а вотъ въ чемъ:

Русскій языкъ, такъ сказать, есть только предтеча, авангардъ вновь оживающей русской національной политики, русско-національной идеи, въ древне-русскихъ провинціяхъ Литвы и Бѣлоруссіи, забывшихъ кровную связь свою съ Великороссіей и ждущихъ только толчка, для того, чтобы прозрѣть и зашагать въ сторону Россіи.

А народъ бѣлорусскій вѣками усыпляли, увѣряя, что эти-же земли—природная Польша, что полякъ здѣсь исконный хозяинъ, что всякій, принадлежащій къ р.-к. исповѣданію,—полякъ, что польскій языкъ—природный языкъ мѣстнаго народа и т. п.

Правда, гр. Муравьевъ грубо разрушилъ, было, эту историческую ложь, эти смѣлыя иллюзіи. Но послѣ него, при дружномъ содѣйствіи русскихъ чиновниковъ и польско-іезуитской пропаганды, все снова зашагало неудержимо въ сторону Польши...

И вдругъ... Вдругъ Сенчиковскій, ксендзъ, т. е. человѣкъ, которому, какъ р.-к. священнику, можетъ на слово повѣрить бѣлорусскій простолюдинъ, въ стѣнахъ костела, давно уже ополяченнаго, снова подымаетъ вопросъ, казалось, уже основательно забытый, сданный въ архивъ.... о.... «русскомъ языкѣ.»

Русскій языкъ!...

Да за русскимъ языкомъ вѣдь неудержимо прійдетъ сознаніе древней связи между Литвой, Бѣлоруссіей и остальной Россіею!!.

Съ нимъ, съ этимъ сознаніемъ, усиленно ворвутся въ Литву и Бѣлоруссію—русская школа, русская книга, русскіе дѣятели—цѣлый новый крестовый походъ русскаго ума, сердца, духа, вѣры, надеждъ, убѣжденій...

И все это противъ, въ сущности, небольшой горсти представителей польско-iезуитской пропаганды, вся сила которыхъ въ основательномъ знанiи законовъ гипнотизированiя массъ, при безучастiи или невѣжествѣ окружающихъ...

А тамъ—изъ книги, изъ разумныхъ, убѣжденныхъ, здравыхъ рѣчей къ народу будущихъ русскихъ просвѣтителей Бѣлоруссiи и Литвы, засiяетъ вдругъ снова, какъ при Муравьевѣ, животворящимъ, побѣднымъ свѣтомъ на нивахъ Бѣлоруссiи, по холмамъ Литвы, заря исторической правды: бѣлорусскiй народъ узнаетъ, наконецъ, про свое прошлое, проснется вдругъ отъ вѣкового гипноза польско-iезуитской справы, расправитъ могучiе свои члены, ослабѣвшiе отъ долгаго сна, отшатнется съ омерзенiемъ отъ насильственно навязанной ему панско-ксендзовской идеи и..... бросится въ объятiя матери—Россiи...

А тогда прощай навсегда надежда — подготовить здѣсь одинъ изъ форпостовъ будущей «Польши отъ моря и до моря», будущаго сосѣда Россiи, ее ненавидящаго и отмщающаго ей за прошлое! Прощай и ксендзовское благополучiе!!...

О Польшѣ здѣсь останется тогда одно лишь тяжелое, недоуменное, кошмарное воспоминанiе...

И, слѣдя за озлобленной, озвѣрѣвшей, обезумѣвшей, безчинной толпою, окружавшей въ костелахъ Бѣлоруссiи Сенчиковскаго, за толпой, руководимой фанатиками-ксендзами и старухами-девотками, пытающейся остановить побѣдоносное шествiе его въ народъ, къ народу, съ народомъ, снова вспоминаешь подобные же, бурные демонстрацiи и скандалы времени послѣдняго возстанiя.

Снова возникаетъ вопросъ: какими-же иными мѣрами, кромѣ крутого, административнаго воздѣйствiя, возможно заставить это человѣческое стадо повиноваться закону, уважать власть, порядокъ, чужую личность, чужiя убѣжденiя?!..

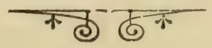
Невольно думается о томъ, что̀ было-бы, если-бы вмѣсто противодѣйствiя ни въ чемъ неповинному «русскому языку» со стороны ксендзовъ и польской интеллигенцiи, силы эти,—забывъ несбыточныя мечтанiя о возстановленiи Польши, пошли-бы на встрѣчу русскому Правительству—въ тяжеломъ дѣлѣ духовнаго, умственнаго просвѣтленiя темнаго, бѣлорусскаго народа, какъ дикарей извѣстной части человѣчества!..

Боже! Сколько можно было-бы сдѣлать чудесъ при совмѣстной, мирной, дружной работѣ,—поляка и русскаго—на Бѣлорусской нивѣ!..

И настанетъ-ли когда либо конецъ этому противу-христiанскому безумiю?!..

Или, по-прежнему, долго еще будетъ силенъ «врагъ рода человѣческаго», сѣющiй столь успѣшно раздоръ между двумя братскими, славянскими народами?!..

Поживемъ—увидимъ...

ГЛАВА V-я.

(1871 годъ).

Назначеніе Сенчиковскаго деканомъ г. Минска и Наднѣманскаго деканата, настоятелемъ Минскаго Св.-Троицкаго прихода, съ оставленіемъ въ должности Игуменскаго декана.—Введеніе русскаго языка въ костелъ на Золотой-Горкѣ.—Новые, безрезультатные вопли, по этому поводу, воинствующаго полонизма.—Борьба въ городѣ и уѣздахъ покойнаго изъ-за русскаго языка.—Командировка—отъ имени Жилинскаго—по Минской губерніи.—Философствующій исправникъ.—Сенчиковскій въ Петербургѣ.—Л. С. Маковъ.—Рядъ записокъ, поданныхъ Сенчиковскимъ Директору Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій—по вопросу о располяченіи р.-к. костела.—Въ Департаментѣ начинается особое дѣло „Свящ. Сенчиковскій".—Неудавшаяся попытка покойнаго получить ученое званіе.—Тревога III отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи.—Сенчиковскій поднимаетъ въ Министерствѣ Вн. Дѣлъ вопросъ—объ учрежденіи въ Минскѣ на русскихъ началахъ училища органистовъ.—Училище открывается покойнымъ.—Замѣтки его о заведеніи.—Инструкція р.-к. органистамъ.—Печальная судьба благого начинанія.

Изъ формулярнаго о службѣ Сенчиковскаго списка видно, что скоро по пріѣздѣ его въ г. Минскъ (1 марта того-же года, за № 15), онъ приглашается на должность законоучителя Минской женской гимназіи, а нѣсколько позднѣе (въ томъ-же году) получаетъ, по предложенію директора Минской классической гимназіи, назначеніе преподавателемъ Закона Божія въ Минскій частный четырехъ-классный пансіонъ.

Препровождая по поводу новаго назначенія Сенчиковскому «духовную аппробату» и предписывая, по сдачѣ дѣлъ Борисовскаго деканата и имущества Борисовской бенефиціи по описи новому ксендзу Піотровскому, прелатъ Жилинскій (23 янв. 1871 г., № 83) *) предлагаетъ Сенчиковскому:

„служить съ усердіемъ для блага костела и государства, съ духовною пользою для народа".

Первымъ дѣломъ Сенчиковскаго, по пріѣздѣ его въ Минскъ, (куда онъ прибылъ 15 февраля 1871 г.) было, конечно, введеніе русскаго языка въ Минско-Св.-Троицкомъ костелѣ.

Уже 20 февраля того-же года (за № 243) онъ доноситъ Минскому Губернатору **):

«Вчерашняго числа, т. е. 19 февраля сего года, во ввѣренномъ мнѣ Минско-Св.-Троицкомъ костелѣ было отслужено мною молебствіе о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома, а также и дополнительное богослуженіе *все на русскомъ языкѣ.* Даже органистъ вмѣсто *польскихъ пѣлъ при органѣ только русскіе и славянскіе гимны.* А такъ какъ этотъ порядокъ и употребленіе вмѣсто чуждаго намъ польскаго природнаго намъ русскаго языка будетъ свято соблюдаться постоянно, то честь имѣю всепокорнѣйше просить Ваше Пре-во исходатайствовать у г. Министра окончательное утвержденіе на употребленіе русскаго языка во ввѣренной мнѣ Св.-Троицкой католической церкви.»

Какъ мы уже видѣли изъ предыдущей главы, на подобное ходатайство, канцелярскимъ путемъ, послѣдовало соотвѣтствующее, шаблонное одобреніе изъ Петербурга.

---

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча.

**) Дѣло канцел. Минскаго губ-ра 1871—73 г., № 68, подъ заглавіемъ «О введеніи русскаго языка въ Минско-Троицкомъ костелѣ.»

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (14 авг. 1871 г., за № 1476 и 23 авг. того-же года, за № 1513) *), управляющій Виленскою р.-к. епархіею прелатъ Жилинскій препроводилъ уже Минскому губернатору Токареву прошенія прихожанъ Минскаго Св.-Троицкаго костела съ жалобами ихъ на Сенчиковскаго относительно употребленія имъ русскаго языка, перемѣны обрядовъ въ костелѣ и проч.

По разслѣдованію губернатора найдены были и лица, подстрекавшія мирное населеніе г. Минска къ подачѣ указанныхъ жалобъ.

13 февр. 1872 г. (за № 16) **), Мин. Вн. Дѣлъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ сообщаетъ Минскому губернатору о томъ, что не встрѣчается препятствій къ наложенію на отставныхъ чиновниковъ Жебровскаго и Кмито, а также на еврея Фаина, дѣйствовавшаго изъ личной непріязни къ Сенчиковскому, за подстрекательство къ ходатайству объ отмѣнѣ употребляемаго въ Минскомъ Св.-Троицкомъ костелѣ русскаго языка и за принятіе участія въ составленіи и подачѣ прошенія о Сенчиковскомъ, денежнаго штрафа въ размѣрѣ по 50 р. съ каждаго (или съ замѣной арестомъ въ случаѣ несостоятельности), съ препупрежденіемъ ихъ, что если они и впредь будутъ замѣчены въ подобныхъ поступкахъ, то будутъ высланы изъ Западнаго края.

Тѣмъ не менѣе, еще разъ, послѣ такого предупрежденія, прихожане Св.-Троицкаго костела, руководимые тайными вдохновителями, подаютъ Министру Вн. Дѣлъ новую жалобу на Сенчиковскаго; но имъ объявляется, что жалоба признана начальствомъ „неумѣстной."

По-прежнему, Сенчиковскій, живя и въ Минскѣ, продолжаетъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ уѣздахъ, гдѣ работаетъ р.-к. духовенство, принимая энергичныя мѣры къ удаленію, перемѣщенію наиболѣе строптивыхъ элементовъ.

По донесенію его управляющему Вил. р.-к. епархіей, прелату Жилинскому (отъ 29 апрѣля 1871 г., № 706), кс. Карлъ Гудвиловичъ «за противодѣйствіе введенію русскаго языка» и «полную неблагонадежность въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ», при вмѣшательствѣ Минскаго губернатора (отъ 24 апр., за № 2082), удаленъ съ должности настоятеля Койдановскаго костела и сосланъ въ Несвижскій Доминиканскій монастырь подъ особое наблюденіе настоятеля этого монастыря. ***)

---

*) Тамъ-же.

**) Тамъ-же.

***) Изъ бумагъ С., хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

Приходилось страдать не одному Сенчиковскому, но и тѣмъ ксендзамъ, которые, по его настоянію и убѣжденію, ввели русскій языкъ въ свои костелы и трудились въ этомъ направленіи.

Характерна для положенія Минской губерніи—въ то время, когда въ Минскѣ появился Сенчиковскій, нижеслѣдующая исторія.

Новогрудскій исправникъ (28 ноября 1871 г., № 73) донесъ Минскому губернатору: *)

„Графиня О'руркъ и ея дочь Александра вооружаютъ прихожанъ Вселюбскаго костела противъ ксендза Наркевича—за введеніе имъ дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ, дѣйствуя черезъ бывшаго органиста того-же костела Барщевскаго и его семейство. Мною, въ то-же время, т. е. 30 іюля, поручено было приставу 1 стана за № 28 произвести секретное разслѣдованіе о справедливости вышеизложеннаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ впредь до прибытія гр. О'руркъ изъ Несвижа, куда она ѣздила, по ея заявленію, лѣчиться, а, по собраннымъ свѣдѣніямъ, на свиданіе съ ксендзами, находящимися въ тамошнемъ монастырѣ, учрежденъ былъ мною строгій надзоръ за всѣми дѣйствіями Вселюбской дворовой прислуги и семействомъ Барщевскаго.

По возвращеніи гр. О'руркъ, я долго бесѣдовалъ съ нею, заводилъ разговоръ нарочно о предметахъ, повидимому для нее очень щекотливыхъ, и изъ разговора этого вынесъ такое заключеніе, что графиня—большая фанатичка и, какъ слишкомъ старая женщина, чрезвычайно упряма въ своихъ устарѣлыхъ убѣжденіяхъ, вполнѣ преданная польскому дѣлу, и свято вѣритъ въ воскресеніе Польши. Между прочимъ, она проговорилась, что костелъ во Вселюбѣ сталъ православной церковью съ тѣхъ поръ, какъ ксендзъ Наркевичъ принялъ православіе, выражая этимъ введеніе дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ, и что это не ея одной убѣжденіе, а тѣмъ болѣе ея прислуги, которая ей и дочери ея Александрѣ слишкомъ предана; что на прислугу свою она имѣетъ въ религіозномъ отношеніи вліяніе и положительно запретила имъ посѣщать костелъ, чтобы не погубить своей души, такъ что никто изъ ея дома въ костелъ болѣе не ходитъ. 13-го же іюля, въ день введенія дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ, она вмѣстѣ со своею дочерью дѣйствительно вышла изъ костела, когда ксендзъ сталъ читать по-русски, и сказала своей прислугѣ, чтобы выходила изъ костела, что ксендзъ принялъ схизму—и тѣ, повинуясь ей, вышли. Никакіе доводы и убѣжденія съ моей стороны

---

*) Дѣло канц. Минскаго губернатора 1871—73 г., № 166—«О введеніи русскаго языка во Вселюбскомъ костелѣ Новогрудскаго уѣзда».

не могли подѣйствовать на ея, слишкомъ закоренѣлый, фанатизмъ и я вынужденъ былъ выставить ей всю неразумность подобнаго фанатизма, строго предупредивъ, чтобы она на будущее время не позволяла себѣ разныхъ выходокъ, совершенно несвойственныхъ ни лѣтамъ, ни званію ея, которыя даютъ поводъ заключать объ ея неблагонадежности въ политическомъ отношеніи, за что она будетъ подвергнута строгой законной отвѣтственности.

Въ началѣ настоящаго мѣсяца я производилъ секретное разслѣдованіе, по которому подтвердилось, что дѣйствительно гр. О'рУркъ и ея дочь Александра вооружаютъ прихожанъ Вселюбскаго костела противъ кс. Наркевича, дѣйствуя черезъ Барщевскаго и его жену, которая, по показанію нѣкоторыхъ лицъ, встрѣчаясь съ прихожанами, постоянно отговариваетъ всѣхъ и каждаго, дабы они въ костелъ не ходили, что ксендзъ принялъ русскія книжки, и что скоро присоединится къ Православію и ихъ присоединитъ. (За эту услугу Барщевскаго, графиня дала ему даромъ одну десятину земли и нанимаетъ для него домъ въ мѣстечкѣ фельдшера Чернявскаго—за 14 руб. въ годъ).

Почему я полагалъ-бы полезнымъ и необходимымъ немедленно выселить Барщевскаго съ семействомъ на родину, въ Лидскій уѣздъ, съ учрежденіемъ надъ нимъ самаго строгаго надзора полиціи и съ воспрещеніемъ являться въ предѣлы Новогрудскаго уѣзда, а также воспретить ему и взрослому сыну занимать гдѣ-бы то ни было должность органиста. - До выселенія-же его изъ Вселюба мною учрежденъ за нимъ и его семействомъ строгій надзоръ полиціи и особый надзоръ жандарма.

Что-же касается до того, что прихожане сами крестятъ дѣтей и хоронятъ умирающихъ, не давая знать ксендзу, то въ этомъ положительно виновенъ кс. Наркевичъ, который, изъ своего личнаго интереса, боясь попасть въ Несвижскій монастырь, по моему предложенію, принужденъ былъ ввести дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ (о чемъ мною будетъ донесено Вашему Пре—ву дополнительно). По интригѣ О'рУркъ и Барщевскаго, онъ лишился дохода отъ посѣщенія прихожанами костела и сталъ извлекать свои выгоды другимъ путемъ, требуя съ каждаго за похороны по 9 р., за крестины — то-же. Поэтому понятно, почему крестьяне сами хоронятъ умирающихъ и не крестятъ дѣтей своихъ до пріѣзда другого ксендза, котораго они ожидаютъ, по увѣренію того-же Барщевскаго.

Кромѣ того, я долгомъ считаю донести Вашему Пре—ву, что ксендзъ Наркевичъ, начавъ служить дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, вдругъ, безъ всякой видимой причины, сталъ уклоняться отъ этого и впродолженіи нѣсколькихъ праздничныхъ дней служитъ на польскомъ языкѣ. На замѣчанія мои онъ постоянно отговаривается, что этимъ хочетъ привлечь

прихожанъ, и, наконецъ, въ бытность мою 10 ноября во Вселюбѣ, когда я ему напомнилъ, что онъ обязанъ отнынѣ служить все дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, такъ какъ далъ подписку, и что это богослуженіе должно и впредь, при другихъ настоятеляхъ, совершаться на русскомъ языкѣ, то онъ положительно отказался отъ этого и, при бытности священника Гречико, сказалъ, что онъ подписки никакой не давалъ, и что его никто не заставитъ, а обязался только читать по-русски молитву за Царя, и въ оба прошедшія воскресенья служилъ попольски, а сейчасъ службы въ костелѣ не было, такъ какъ онъ, безъ всякаго разрѣшенія, уѣхалъ на ст. Городею, а оттуда, по желѣзной дорогѣ, въ Минскъ или-же въ Варшаву.»

Позднѣе, тотъ-же Новогрудскій исправникъ (28-го января 1872 г., № 15) *) доноситъ губернатору:

«Во ввѣренномъ мнѣ уѣздѣ ни одинъ изъ ксендзовъ, не исключая и Вселюбскаго кс. Наркевича, который далъ подписку о совершеніи дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ,— никто не служитъ на русскомъ языкѣ. Всѣ они, въ политическомъ отношеніи, — крайне неблагонадежны и нравственности очень сомнительной, почему положительно не заслуживаютъ никакого поощренія начальства.»

Интересно объясненіе кс. Наркевича (отъ 17 іюля 1872 г., № 67) **), оштрафованнаго за неупотребленіе русскаго языка, данное Минскому губернатору.

Кс. Наркевичъ пишетъ:

„Вполнѣ сознавая пользу, съ которой соединено отправленіе добавочныхъ костельныхъ службъ на русскомъ языкѣ, и согласно желанію Правительства, я еще въ прошломъ, 1871 году (13 іюня), по своему собственному влеченію и убѣжденію, началъ отправлять моленіе о здравіи и благоденствіи Государя Императора и Августѣйшаго Дома во Вселюбскомъ костелѣ на родномъ русскомъ языкѣ, говорю „моленіе“ за Царя, а не всѣ добавочныя службы потому, что знаю крайній фанатизмъ своихъ прихожанъ и чтобы не отвлечь ихъ отъ костела, а довести ихъ до сознанія неоспоримой истины введенія въ костелѣ богослуженія на понятномъ, родномъ, русскомъ языкѣ—вмѣсто совершенно непонятнаго латинскаго или польскаго,—не вдругъ, а постепенно. Но, къ крайнему моему огорченію, встрѣтилъ я сильный отпоръ и мнѣ пришлось неутомимо бороться за осуществленіе упомянутой желанной цѣли со всѣми прихожанами. Они, будучи подстрекаемы графами О'рурками, въ особенности Александрой О'руркъ, перестали совершенно ходить въ костелъ, требовать отъ меня духовныхъ требъ, не крестятъ своихъ дѣтей,

*) Тамъ-же.
**) Тамъ-же.

несочетаются законнымъ бракомъ, не бываютъ у исповѣди и св. причастія, даже и великопостныхъ,—единственно по той причинѣ, что я молюсь въ костелѣ за Отца—Царя на русскомъ языкѣ и призываю къ тому-же и ввѣренную мнѣ паству, которая, будучи наэлектризована полонизмомъ, не слушала и не слушаетъ моихъ справедливыхъ, отеческихъ наставленій, а, напротивъ, очень враждебно относится ко мнѣ. Я объяснялъ мое положеніе Сенчиковскому и просилъ его—защитить меня: но все это осталось безъ послѣдствій, черезъ что прихожане еще болѣе начали волноваться и подбросили даже угрожающее письмо. Но я шелъ и иду къ однажды предположенной, благой цѣли твердыми шагами, не смущаясь никакими кознями ярыхъ фанатиковъ—прихожанъ и подстрекателей — помѣщиковъ, которые чѣмъ только могли язвить - язвили. Я утѣшался тою мыслію, что введеніе въ костелы богослуженія на русскомъ языкѣ — есть мѣра самая раціональная и что молитва за благодѣтеля Царя на родномъ языкѣ не противна ни закону Божію, ни гражданскому. Между тѣмъ кляузы и интриги, во всей силѣ направленныя противъ меня - прихожанами и гоненіе разрушительно дѣйствовали на мой, и безъ того слабый, организмъ, здоровье разстроено совершенно и я вынужденъ былъ обратиться къ управляющему епархіей прелату Жилинскому—о переводѣ меня въ Виленскую губернію.»

Далѣе, кс. Наркевичъ, упомянувъ о попыткѣ своей уйти въ Ковенскую губернію и о наложенномъ на него, за отправленіе во Вселюбскомъ костелѣ богослуженія на польскомъ языкѣ, штрафѣ, пишетъ:

«Волненіе-же прихожанъ продолжается и по нынѣ. Не имѣю средствъ внести 25 р. штрафа, не имѣя доходовъ. Не имѣя поддержки и будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами-прихожанами, неминуемо я долженъ пасть ихъ жертвою, или-же, если не послѣдуетъ мое перемѣщеніе, оставить санъ, служеніе и идти съ посохомъ въ рукѣ—добывать насущный кусокъ хлѣба, потому, что я не въ силахъ бороться съ мѣстными помѣщиками, графами О'руркъ, которые не только въ моемъ приходѣ, но и въ окрестностяхъ, волнуютъ народъ противъ русскаго элемента и запрещаютъ католикамъ ходить въ костелъ, гдѣ русскій языкъ.»

Нѣкоторыя новыя подробности дѣла мы находимъ въ донесеніи Сенчиковскаго Минскому губернатору (отъ 13 августа 1871 г. изъ г. Новогрудка) *):

«Представляя при семъ, въ копіи, выданную мнѣ подписку настоятелемъ Вселюбскаго прихода, о. Наркевичемъ, честь имѣю

*) Тамъ-же.

всепокорнѣйше пояснить Вашему Пре—ву, что о. Наркевичъ, по причинѣ усердныхъ трудовъ станового пристава 1 стана Новогрудскаго уѣзда г. Рыхлицкаго, неожидая моего пріѣзда (хотя и въ очень ограниченномъ количествѣ) началъ употреблять русскій языкъ. Нынѣшняго-же числа торжественно было совершено мною на русскомъ языкѣ молебствіе за Государя Императора и Царствующій Домъ и произнесена рѣчь, объясняющая народу сущность дѣла и необходимость нашего возврата къ родному намъ, русскому элементу. Все обошлось спокойно и весьма прилично, благодаря дѣйствительно искреннему сочувствію и съ выдержкою принятымъ г. Рыхлицкимъ мѣрамъ. Вслѣдствіе чего, г. исправникъ командировалъ г. Рыхлицкаго, для содѣйствія мнѣ во время поѣздки по своему уѣзду, что̀ очень, по моему мнѣнію, полезно дѣлу: такъ какъ г. Рыхлицкій—католикъ, то ему скорѣе повѣрятъ ксендзы и народъ. А это самое служитъ поддержкою и для меня. Отецъ Наркевичъ, кромѣ другихъ, вынужденъ много переносить и бороться съ Всселюбскимъ органистомъ Барцевскимъ, котораго за интриги польскія и подстрекательство прихожанъ удалилъ. И, конечно, органистъ, какъ мученикъ за ойчизну, получилъ отъ пани О'рурковой кусокъ земли и довольно порядочное пособіе, за что̀, въ благодарность, постоянно волнуетъ народъ и дѣлаетъ неисчислимыя непріятности о. Наркевичу. Обо всемъ этомъ было уже произведено дознаніе г. Рыхлицкимъ.

Анонимное письмо, прилагаемое при семъ въ подлинникѣ *), замѣчательно тѣмъ, что въ немъ безъ церемоніи даже заявляютъ намѣреніе убить о. Наркевича—именно тѣ личности, которыя уже убивали людей. Да, при томъ, штемпель почтовый—только г. Новогрудка.—Такъ какъ въ Новогрудкѣ цѣлая польская пропаганда, очень сильная, что ясно доказалъ на дѣлѣ г. Гаевскій, бывшій исправникъ, который вчерашняго числа, на моей квартирѣ, цѣлый вечеръ увѣщевалъ меня,—дабы я оставилъ Новогрудскій уѣздъ въ покоѣ и не служилъ-бы въ г. Новогрудкѣ, поддерживая свое мнѣніе тѣмъ, что онъ имѣетъ положительныя извѣстія изъ г. Вильны, гдѣ, по его словамъ, «и слушать уже не хотятъ о введеніи русскаго языка и не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на это дѣло». (Это—слова г. Гаевскаго, въ присутствіи кс. Исаевича, мнѣ высказанныя). Поэтому, необходимо поддержать и оградить отъ непріятностей о. Наркевича, на котораго со всѣхъ сторонъ летятъ кляузы.»

Поучительно окончаніе всей этой исторіи.

Въ концѣ-концовъ прихожане Вселюбскаго костела добились-таки своего: кс. Наркевичъ былъ убранъ изъ Вселюба, вмѣсто его назначили кс. Піотровскаго, служившаго дополнительное богослуженіе по-польски, при чемъ (по донесенію исправника гу-

*) На польскомъ языкѣ; приложено къ дѣлу.

бернатору) графиня О'руркъ обѣщала Піотровскому, что будетъ платить за него штрафы, лишь-бы только онъ служилъ по-польски. Сама графиня и народъ стали посѣщать съ тѣхъ поръ костелъ.

Въ декабрѣ 1872 г. исправникъ арестовалъ Барщевскаго, за противодѣйствіе распоряженіямъ полиціи—„впредь до распоряженія“—о чемъ и донесъ губернатору.

Изъ Минска послѣдовало приказаніе.... освободить Барщевскаго изъ-подъ ареста.

На томъ дѣло и кончилось.

Но хорошъ этотъ «бывшій исправникъ», послѣ Высочайшаго повелѣнія 25 дек. 1869 г. осмѣливающійся имѣть свое сужденіе на вопросъ о введеніи русскаго языка въ дополнительное богослуженіе!

Недаромъ-же Сенчиковскій, какъ на одну изъ главныхъ причинъ неудачи въ проведеніи реформы, постоянно указывалъ на тайное и явное противодѣйствіе, а также на несочувствіе этой мѣрѣ, уѣздной полиціи....

Дѣятельность кс. Сенчиковскаго, его заявленія и докладныя записки, давно уже, во всякомъ случаѣ до 1871 года, какъ мы это видѣли въ предыдущихъ главахъ, обращали на себя вниманіе Министра Вн. Дѣлъ генералъ-адъютанта Тимашева, правителя особенной его канцеляріи Л. С. Макова и Директора Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій гр. Сиверса.

Первые два изъ нихъ, какъ это постоянно подчеркиваетъ съ живѣйшей благодарностью Сенчиковскій въ письмахъ своихъ и замѣткахъ, оцѣнили его труды. Графъ-же Сиверсъ не сочувствовалъ реформаторской дѣятельности покойнаго, хотя оффиціально и не имѣлъ возможности идти ей поперекъ.

Но, въ сущности, только съ 1871 года, въ упомянутомъ Департаментѣ, заводится особое „дѣло“ о Сенчиковскомъ. *)

Въ томъ-же, 1871 году, Сенчиковскій, повидимому впервые, лично представляется въ Петербургѣ — въ Министерствѣ Вн. Дѣлъ и въ Департаментѣ Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. (Л. С. Макова онъ зналъ уже гораздо ранѣе, какъ помѣщика Минской губ.).

---

*) Дѣло это, озаглавленное «Свящ. Сенчиковскій,» подъ № 63, состоитъ изъ трехъ объемистыхъ томовъ, въ которыхъ сосредоточены всѣ оффиціальныя заявленія покойнаго и многое, относящееся вообще къ его дѣятельности, по годамъ: а) 1-й томъ—съ 12 апр. 1871 года по 28 мая 1878 г.; б) 2-й т.—съ 28 мая 1878 г. по 8 іюня 1882 г.; и в) 3-й т.—съ 8 іюня 1878 г. (съ болъшими перерывами — почти по годъ его кончины).

Въ этотъ-же пріѣздъ свой Сенчиковскій вручаетъ гр. Сиверсу рядъ записокъ, которымъ, судя по отмѣткамъ на поляхъ ихъ, Маковъ и ген.-адъют. Тимашевъ придаютъ большое, государственное значеніе, какъ голосу человѣка-практика изъ провинціи, хорошо знакомаго съ вопросами, составляющими содержаніе этихъ докладовъ.

Приведемъ, поэтому, записки кс. Сенчиковскаго здѣсь полностью.

Вотъ онѣ: *)

а) Записка Сенчиковскаго (отъ 26 марта 1871 г., С.-Петербургъ) — на имя Директора Департ. Иностр. Исповѣданій, какъ Минскаго декана.

«Считая русское дѣло своимъ роднымъ дѣломъ и положительно зная о томъ, что *съ располяченіемъ католицизма, онъ очистится отъ польско-іезуитскихъ примѣсей и тѣмъ самымъ перестанетъ быть въ рукахъ враговъ Россіи орудіемъ бунта и измѣны, а, напротивъ того, сдѣлается сильнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго Правительство, по волѣ своей, легко поведетъ народъ католическій, куда пожелаетъ*, нахожу необходимымъ заявить Вашему Сіятельству слѣдующее:

Церковь католическая съ полонизмомъ это—источникъ непримиримой вражды и ненависти ко всему, что̀ русское, это— постоянная Польша вездѣ, гдѣ *только существуетъ въ Россіи католицизмъ.* Изъ этого видно, что пока въ церквахъ католическихъ будетъ въ употребленіи польскій языкъ, дотолѣ исповѣдующіе католическую вѣру въ Россіи будутъ считать себя поляками, дотолѣ эмиграція польская будетъ вліять на ксендзовъ и дотолѣ, наконецъ, католицизмъ будетъ сильнымъ противодѣйствіемъ Православію, Правительству и Россіи. Напротивъ того, *съ уничтоженіемъ польскаго языка, мы сливаемся въ одно цѣлое русское государство,* край нашъ окончательно отрѣзанъ отъ Польши, и тогда пропагандисты польскіе оставятъ насъ въ покоѣ, подобно тому, какъ оставили уніатовъ послѣ окончательнаго присоединенія ихъ къ Православію. *Изъ этого видно, что уничтоженіе полонизма въ католицизмѣ это — агонія Польши въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Неудивительно вѣдь, что поляки и фанатики употребляютъ всѣ, даже низкія, интриги, дабы только помѣшать или отвлечь уничтоженіе полонизма въ католическомъ богослуженіи.*

Покойный митрополитъ Сѣмашко, при всей власти и преданности дѣлу, навѣрно не успѣлъ-бы въ дѣлѣ присоединенія уніи, если-бы не ударилъ такъ сильно на духовенство. Слѣдовательно, и въ настоящее время *необходимо взять крѣпко ксендзовъ и также обратить самое строгое вниманіе на дѣйствія епархіальнаго*

*) Дѣло Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд., № 63, подъ заглавіемъ «Свящ. Сенчиковскій.»

начальства, которое на словахъ, кажется, оказываетъ, положимъ, кое-какое сочувствіе русскому дѣлу, въ сущности-же, подъ вліяніемъ польской партіи, положительно противудѣйствуетъ введенію русскаго языка. Факты ясные это раскроютъ.

Ксендзъ Монардъ Тржосковскій заявилъ Надвилейскому декану кс. Юргевичу, что онъ охотно и усердно будетъ служить русскимъ интересамъ, если ему предоставятъ мѣсто въ Надвилейскомъ деканатѣ. Кс. Юргевичъ оффиціально заявилъ объ этомъ г. управляющему епархіей, послѣ чего случилось то, что, кс. Тржосковскій сосланъ въ монастырь, гдѣ фанатики на столько успѣли, что кс. Тржосковскій ума лишился. Потребуйте, Ваше Сіятельство, отъ г. Виленскаго губернатора подлинную переписку кс. Тржосковскаго съ кс. Юргевичемъ и объясненіе послѣдняго, данное по этому дѣлу г. Виленскому губернатору — и дѣло ясно откроется!

Въ м. Березинѣ (Игуменскаго уѣзда) администраторъ отецъ Войновскій, за то, что дозволилъ мнѣ во ввѣренной ему церкви совершить молебствіе и произнести проповѣдь на русскомъ языкѣ, по ходатайству Березинскаго пана и его повѣреннаго, *г. управляющимъ* сосланъ въ монастырь, откуда едва мои и Игуменскаго исправника рапорты спасли его, о. Войновскаго, и предоставили ему мѣсто въ Окоповѣ, Борисовскаго уѣзда, гдѣ кс. Войновскій постоянно служитъ на русскомъ языкѣ.

Могу въ подлинникѣ представить Вашему Сіятельству распоряженіе г. управляющаго, данное б. Минскому декану кс. Заусцинскому и отвѣтъ Минскихъ заштатныхъ ксендзовъ, гдѣ сказано, что «*только г. Минскій губернаторъ* требуетъ введенія русскаго языка». Ксендзы-же говорятъ: «на неосновательное требованіе *лишь только* Минскаго гражданскаго начальства мы согласиться не можемъ».

Чрезвычайно много повредили дѣлу тѣмъ, что недозволили мнѣ окончить ревизіи по Минской губерніи, чѣмъ и меня, и ксендзовъ, выдавшихъ подписку и служащихъ на русскомъ языкѣ, поставили въ самое непріятное положеніе. Какъ-же послѣ этого смотрѣть на слѣдующіе факты?

Кс. Годецкій, б. администраторъ Слуцкій, за явное противодѣйствіе русскому языку, по предложенію Минскаго губернатора, сосланъ былъ въ кр. Бобруйскъ. Но кс. Годецкій прямо изъ Слуцка поѣхалъ въ г. Вильну и тамъ успѣлъ получить не только перемѣщеніе въ Могилевскую епархію, но и предоставленіе ему мѣста военнаго капелана.

Кс. Людовичъ и кс. Гриневичъ, произносившіе съ амвона проповѣди противъ русскаго языка, удалены изъ Минской губерніи, а не въ монастырь отправлены. Напротивъ, первый получилъ мѣсто (одно изъ лучшихъ) въ Свенцянскомъ уѣздѣ, а другой преспокойно сидитъ въ м. Буцлавѣ,—оба—на границѣ Минс-

кой губерніи. Мало того, ксендзы публично заявляютъ, что г. управляющій самъ имъ говоритъ: „если вамъ трудно жить въ Минской губерніи, перемѣщайтесь въ Виленскую: тутъ получите хорошія мѣста“.—Вотъ почему нѣкоторые ксендзы, служащіе уже на русскомъ языкѣ, пріостановились, а многіе подали въ отставку. И дѣйствительно, къ чему борьба съ полонизмомъ, къ чему оставлять дружбу съ польскими панами, къ чему лишать себя доходовъ, когда и безъ этого можно получить въ Виленской губерніи лучшее мѣсто, чѣмъ то, которое потерялъ въ Минской губерніи?!..

Ксендзы, сосланные въ монастырь или оставленные безъ должностей, получили отъ г. управляющаго епархіей печатанныя дозволенія (апробаты) на то, что имъ вольно совершать требы народу: ясно видно, что ксендзы эти не только имѣютъ громадные доходы, но, какъ мученики за польщизну, своимъ богослуженіемъ развращаютъ народъ.

Въ малыхъ городахъ, а тѣмъ болѣе въ деревенскихъ приходахъ, не только исправникъ, но и становой приставъ, очень много значатъ. Поэтому необходимо, дабы они сознательно и серьезно относились къ дѣлу, но только въ поддержкѣ ксендза, служащаго на русскомъ языкѣ и не принимая во вниманіе ходатайствъ польскихъ пропагандистовъ, добросовѣстно доносили-бы высшему начальству о зачинщикахъ и интриганахъ противъ русскаго языка. Къ несчастію, иначе идетъ дѣло.

Вотъ, напримѣръ, въ г. Борисовѣ есть страшный полякъ, нѣкто Бѣлинскій.—Человѣкъ этотъ уже тѣмъ важенъ для каждаго поляка, что женатъ на родной сестрѣ Цюндзевицкаго, за политическія дѣла разстрѣляннаго въ г. Минскѣ. Бѣлинскій до того фанатикъ, что, подъѣхавъ къ церкви и узнавъ, что я служу на русскомъ языкѣ, отправился обратно домой. Это онъ совершилъ передъ народомъ, который, конечно, соблазнился. Между тѣмъ, Бѣлинскій и по настоящее время имѣетъ прекрасное мѣсто путей сообщенія въ г. Борисовѣ, даетъ обѣды съ музыкой и шампанскимъ, угощаетъ, и на столько дѣйствуетъ, что командиръ Серпуховскаго полка г. Вендландъ, по вліянію Бѣлинскаго, потребовалъ меня къ себѣ на́-домъ и тамъ обѣщалъ мнѣ всякаго рода помощь, а, наконецъ, серьезно требовалъ, дабы я оставилъ употребленіе русскаго языка.

Положимъ, вышесказанныя обстоятельства не очень важны въ Петербургѣ, такъ какъ они—мѣстныя, постоянныя и домашнія; тѣмъ не менѣе въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится русское дѣло, они очень вредны.

Наконецъ, если епархіальное начальство находится подъ столь сильнымъ вліяніемъ польской партіи, да еще желаетъ и дѣлаетъ попытки овладѣть многимъ, то легко представить, что̀-же дѣлается скрытно въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ ксендзы шаткаго характера.

Спрашиванiе у прихожанъ согласiя на употребленiе русскаго языка было сдѣлано для того, чтобы русскiй языкъ до окончанiя мiра не былъ введенъ въ католическую церковь. Почему ксендзы не спрашивали народъ, когда вели его въ мятежъ? Почему ксендзы до сего времени руководили прихожанами, а теперь прихожане имѣютъ руководить духовенствомъ?

Ясно видно, что все, дѣланное до настоящаго времени, само собою сбивало съ толку народъ, озадачивало насъ, тормазило дѣло и, тѣмъ самымъ, способствовало польской партiи—успѣвать въ интригахъ и вездѣ дѣлать намъ преграды.—*Поэтому-то необходимо орудiе, которымъ воевали поляки, поставить противъ нихъ самихъ.*

И такъ... До мятежа, въ Варшавѣ, посредствомъ сбора денегъ, даже съ нашихъ губернiй, епископы польскiе устроили школу органистовъ; школа эта даетъ людей, самыхъ вредныхъ Россiи. *Наша-же школа органистовъ должна быть въ совершенно противномъ направленiи*; такъ какъ должность органиста требуетъ, дабы органисты постоянно бесѣдовали съ народомъ, то органистъ иногда можетъ болѣе повлiять на темный народъ, чѣмъ ксендзъ. Поэтому-то, органисту, служащему на русскомъ языкѣ, нужно дать обезпеченiе, ибо онъ, получая отъ настоятеля 25 р. годового содержанiя, поневолѣ долженъ заискивать у прихожанъ, дабы пропитать семейство. Тамъ болѣе нынѣшнiе органисты вредны, что они почти всѣ—воспитанники фанатиковъ—ксендзовъ. Чего-же отъ нихъ можно ожидать?!..

Ксендзовъ не увольнять къ родственникамъ, будто-бы для отдыха и покоя. Это—ложь: ксендзы тайкомъ совершаютъ требы на польскомъ языкѣ и волнуютъ, сидя по панскимъ дворамъ, темный народъ, и само собою разумѣется, мѣшаютъ настоятелю, служащему на русскомъ языкѣ. Если который-либо ксендзъ неспособенъ служить въ приходѣ, то самое соотвѣтственное мѣсто для духовнаго—монастырь. Подача-же ксендзовъ въ отставку не что иное, какъ демонстрацiя. Поэтому, ксендзовъ, подавшихъ въ отставку, надо немедленно оштрафовывать по крайней мѣрѣ въ 100 руб., а послѣ этого посылать ихъ въ тѣ мѣста, въ которыхъ уже служили на русскомъ языкѣ, съ тѣмъ, чтобы г. управляющiй, въ своемъ распоряженiи, приказывалъ-бы продолжать употребленiе русскаго языка, сообщалъ-бы объ этомъ г. Минскому губернатору, прося его, дабы полицiя наблюдала за ксендзами. *Если-же ксендзъ не будетъ служить на русскомъ языкѣ, то опять его штрафовать. Два—три такихъ примѣра будутъ самымъ лучшимъ средствомъ для достиженiя цѣли.* Точно также надо штрафовать ксендзовъ, которые выдали подписку, а не служатъ. Наконецъ, такъ какъ паны польскiе всѣми силами поддерживаютъ своихъ ксендзовъ, то необходимо Правительству поддержать и обезпечить людей, преданныхъ Россiи.

Необходимо наградить Слуцкаго декана кс. Лемпицкаго, который три года служитъ на русскомъ языкѣ и, кромѣ преслѣдованія отъ поляковъ, ничего не получилъ, Бобруйскаго декана кс. Макаревича и администратора Березинскаго, администратора Игуменскаго уѣзда кс. Эйзенблеттера. —Это—люди положительные и твердо преданные Россіи: въ этомъ я ручаюсь.

Самое великое зло для русскаго дѣла это—костелы и каплицы, находящіеся въ дворахъ панскихъ. Тамъ не только костельная прислуга, но ксендзъ и самъ костелъ положительно во всемъ зависятъ и подчиняются яснымъ панамъ. Поэтому, чтобы не было злости, не стоило-бы закрывать ихъ, а только не дозволять ксендзамъ тамъ проживать, что̀ не одно и то же выйдетъ. Если-же прихожане начнутъ просить дать имъ ксендза, то пусть они сами выпросятъ себѣ ксендза, который служилъ-бы на русскомъ языкѣ; иначе-же не посылать ксендзовъ. Я увѣренъ, что прійдетъ къ тому, что сами прихожане будутъ слѣдить, чтобы ксендзъ служилъ по-русски. *При каплицахъ-же положительно не должны находиться ксендзы.* Развѣ только тогда, когда ксендзъ въ домашней каплицѣ будетъ служить на русскомъ языкѣ.

Чѣмъ болѣе разнообразія, тѣмъ дѣлу хуже. *Поэтому, исключая Царства Польскаго, одно и то же должно дѣлаться во всей Имперіи.* Почему, въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ ксендзы произносятъ проповѣди на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, не могли-бы они этого совершать на русскомъ языкѣ?

Ваше Сіятельство! *Чтобы дѣло было прочнымъ, чтобы подчинить дѣлу народъ, необходимо, чтобы оно совершалось людьми, имѣющими значеніе и достоинства. Вѣдь при оединеніемъ уніи занимались не благочинные, подобно мнѣ, а епископы Сѣмашко, Голубовичъ и Зубко!*

По моему, слѣдуетъ созвать въ Петербургѣ г. г. управляющихъ епархіями и членовъ консисторій, созвать вмѣстѣ людей, искренно преданныхъ дѣлу и понимающихъ оное уже на практикѣ, и потребовать отъ нихъ подписки въ томъ, что они будутъ служить по-русски. Члены Академіи тоже должны выдать подписки. Главное въ томъ, что подписки эти укажутъ, кто, что̀ и какъ думаетъ.

Мы, такъ сказать, нижніе чины церковной іерархіи, хотя бы и жизнью пожертвовали за дѣло, немного успѣемъ. Но тѣ, которые стоятъ во главѣ духовенства, или они ничего не понимаютъ въ дѣлѣ, или не хотятъ дѣлать... *Я изъ опыта положительно убѣдился, что при власти, значеніи и поддержкѣ, да при томъ, при искреннемъ желаніи и преданности дѣлу, можно все сдѣлать.*

Всѣ тормазы и противодѣйствія польской партіи, всѣ мѣры, которыя я находилъ удобными для пользы русскаго дѣла, всѣ взгляды мои для упроченія этого дѣла, я болѣе обстоятельно описалъ въ моихъ секретныхъ и конфиденціальныхъ рапортахъ

г. Минскому губернатору. Еслибы рапорты эти Ваше Сіятельство въ подлинникѣ вытребовали-бы къ себѣ, тогда дѣло лучше-бы разъяснилось.

Епархіальное начальство и вообще мы, духовные, должны быть для Правительства вродѣ занавѣси или ширмы въ русскомъ дѣлѣ: тогда только дѣло привьется и принесетъ пользу.

Вполнѣ понимая важность реформы и не желая, дабы Правительство, исторія и русскій народъ обвинили меня въ неустойчивости и порчѣ столь полезнаго Россіи, я чистосердечно высказалъ Вашему Сіятельству все, что̀ вредно русскому дѣлу, равнымъ образомъ заявилъ о томъ, что̀ въ настоящую минуту и въ тѣхъ данныхъ можетъ быть полезнымъ, такъ какъ къ этому дала мнѣ право положительная извѣстность Минской губерніи, тѣмъ болѣе извѣстность духа и совѣсти католиковъ, населяющихъ Минскую губернію.

Считаю нужнымъ присовокупить, что необходимо, дабы въ Минской губерніи былъ *помощникъ управляющаго Епархіей* и дабы самъ управляющій, не словами только и поверхностно, но и дѣломъ, съ добросовѣстною преданностью, дѣйствовалъ въ пользу русскаго дѣла, и тѣмъ далъ-бы намъ, подчиненнымъ, примѣръ.

Хотя временнымъ *пособіемъ* необходимо обезпечить ксендзовъ, служащихъ на русскомъ языкѣ, такъ какъ они рѣшительно не имѣютъ никакихъ доходовъ. Иначе, или нужно заискивать у пановъ, или страдать.

Католическій священникъ Фердинандъ Сенчиковскій.

На этой запискѣ сдѣланы сбоку карандашемъ, рукой Тимашева или Макова, слѣдующія отмѣтки:

1) Противъ просьбы—потребовать отъ Виленскаго губернатора подлинную переписку кс. Тржосковскаго съ кс. Юргевичемъ и объясненіе послѣдняго, стоитъ замѣтка: «NB. Потребовать.»

2) „NB“ поставлено противъ тѣхъ мѣстъ записки Сенчиковскаго, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что ему не дали окончить ревизію по Минской губерніи, о перемѣщеніи агитатора кс. Годецкаго въ Могилевскую епархію, о такихъ-же ксендзахъ Людовичѣ и Гриневичѣ, о спрашиваніи у прихожанъ о согласіи на введеніе русскаго языка, о школѣ органистовъ, о запрещеніи увольнять ксендзовъ къ родственникамъ, будто-бы для отдыха и покоя, о наградѣ кс. Лемпицкому, о назначеніи помощника управляющаго епархіей, о временномъ пособіи тѣмъ ксендзамъ, которые служатъ на русскомъ языкѣ.

3) Противъ свѣдѣнія о полякѣ Бѣлинскомъ, женатомъ на сестрѣ казненнаго Цюндзевицкаго, — имѣется резолюція: «NB. По сему будетъ сдѣлано согласно приказа Министра. По канцеляріи.»

4) Знаки вопроса поставлены противъ мѣстъ записки, гдѣ Сенчиковскій говоритъ о непріятномъ положеніи, въ какое попалъ онъ, благодаря пріостановкѣ ревизіи по Минской губерніи, и о ссылкѣ кс. Войновскаго въ монастырь управляющимъ Березинскаго «пана».

б) Записка кс. Сенчиковскаго тому-же Директору Департамента (отъ 4 апрѣля 1871 г. С.-Петербургъ):

«Въ добавленіе къ запискѣ, поданной мною Вашему Сіятельству, честь имѣю присовокупить слѣдующее:

Политическое зло и противодѣйствіе всему, чтó полезно Россіи, нерѣдко беретъ начало, а постоянно есть, удерживается и подстрекается польскимъ католическимъ духовенствомъ.

Фактъ этотъ самъ про себя очень ясно говоритъ.

Мы знаемъ, что польскіе епископы занимали самыя высокія мѣста, были министрами, сенаторами; даже кн. Мосальскій, епископъ Виленскій, имѣлъ свое собственное войско. *Словомъ, ксендзы управляли краемъ польскимъ. Поэтому-то, и въ настоящее время духовенство католическое—не что иное, какъ только представители Польши, адвокаты польской справы и, наконецъ, интриганы, постоянно противодѣйствующіе вездѣ и всему, чтò вредно Польшѣ и полезно Россіи. Поэтому, чѣмъ менѣе ксендзовъ польскаго направленія, тѣмъ менѣе враговъ Россіи,* ибо тогда народъ, не имѣя поддержки въ фанатизмѣ и полонизмѣ, отвыкнетъ отъ прежняго и въ недалекомъ будущемъ полюбитъ Россію, и самъ-собою сольется съ нею.

Если ксендзъ-фанатикъ самъ одинъ много дѣлаетъ зла русскому дѣлу, то въ совокупности и вмѣстѣ собранные ксендзы несравненно болѣе приносятъ вреда. Вслѣдствіе этого *необходимо позакрывать католическіе монастыри.* Одинъ изъ самыхъ вредныхъ монастырей находится въ г. Несвижѣ, Минской губерніи.— Его, какъ можно скорѣе, закрыть, а монаховъ-фанатиковъ выслать въ Царство Польское. Но, закрывая источники, вредные Россіи, необходимо открывать таковые въ пользу ея, къ чему много поможетъ *устройство школы органистовъ въ духѣ русскомъ.*

Духовенство это—ближайшіе наставники и руководители, это—нравственная жизнь, это, наконецъ, душа народа. Поэтому, при содѣйствіи и поддержкѣ Правительства, духовенство имѣетъ въ своихъ рукахъ всѣ средства, для того, чтобы покорить народъ. Слѣдовательно, Правительству положительно не слѣдуетъ трогать народъ въ дѣлѣ обрусенія Сѣверо-Западнаго края, а попросту и серьезно *ударить на духовенство,* которое, при сознательномъ и добросовѣстномъ, какъ епархіальнаго начальства, такъ и своемъ, дѣйствіи, на сколько было вреднымъ, на столько можетъ быть полезнымъ Россіи. Но къ этому не придемъ, пока польщизна будетъ господствовать въ католицизмѣ. Ибо съ рас-

полячепіемъ католицизма, не только Польша, но и власть Папы теряютъ свою деспотическую силу. При помощи Божіей, я это докажу на дѣлѣ.

Мнѣ положительно извѣстно, что многіе католики въ провинціи потому только враги Россіи, что польскаго направленія ксендзы представили ее въ самыхъ черныхъ краскахъ. Слѣдовательно, пока Правительство окончательно не уничтожитъ полонизма въ католицизмѣ, и тѣмъ самымъ не отдѣлитъ насъ отъ Польши, до того времени народъ, исповѣдующій католическую религію, будетъ подъ вліяніемъ и руководствомъ польскихъ ксендзовъ, дотолѣ народъ этотъ не будетъ понимать и сочувственно относиться къ духу и элементу русскому, и дотолѣ, наконецъ, враждебныя отношенія его ко всему, что̀ русское, не прекратятся».

Въ этой запискѣ Сенчиковскаго NB. стоитъ противъ мѣста, гдѣ онъ обѣщаетъ доказать на дѣлѣ, какъ слѣдуетъ располячить католицизмъ.

Въ апрѣлѣ 1871 года Сенчиковскій дѣлаетъ первую попытку добиться ученаго званія, обращаясь къ ректору Р.-К. Духовной Академіи, на предметъ допущенія его къ экзамену на степень «кандидата богословія».

Въ отвѣтъ на это, ректоръ Академіи Д. Стацевичъ (15 мая 1871 г., за № 212) пишетъ ему, что конференція Академіи была «крайне удивлена», тѣмъ, что онъ, Сенчиковскій, «вопреки Высочайше утвержденныхъ правилъ: 1) обращается въ Академію съ запиской, а не съ прошеніемъ, прилагая лишь одно свидѣтельство управляющаго епархіею—о дозволеніи ходатайствовать о допущеніи его къ экзамену на степень кандидата богословія, тогда какъ по закону, для полученія только степени студента богословія, необходимо представить свидѣтельства о хорошемъ поведеніи и о слушаніи по крайней мѣрѣ въ теченіи 3-хъ лѣтъ богословскихъ предметовъ; 2) проситъ запиской о допущеніи къ испытанію на степень кандидата, а по закону требуется, чтобы ищущій, сверхъ степени студента, степени кандидата, кромѣ свидѣтельства о хорошемъ поведеніи, представилъ-бы свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса наукъ въ епархіальной семинаріи и о томъ, что на ежегодныхъ испытаніяхъ въ семинаріи онъ оказалъ отличные успѣхи и свою способность къ высшимъ наукамъ; 3) самъ назначаетъ себѣ делегаціонныхъ экзаменаторовъ, тогда какъ эти делегаты назначаются конференціей Академіи, и то не прежде, какъ если писанная ищущимъ ученую степень работа, по предварительно предложенной отъ конференціи темѣ, диссертація, будетъ признана удовлетворительной».

За несоблюденіемъ всѣхъ этихъ формальностей Конференція Академіи не нашла возможнымъ удовлетворить желанія Сенчиковскаго, почему и отказала ему. *)

Между тѣмъ, начальство Петербургское, Минское и Виленское было по-прежнему засыпано жалобами, доносами на Сенчиковскаго.

Такъ, прихожане Недзвѣдзицкаго р.-к. приходского костела (Слуцкаго уѣзда, Минской губ.), въ прошеніи отъ 13 окт. 1871 г. **), жаловались на то, что Сенчиковскій, прибывъ въ Недзвѣцкъ, потребовалъ отъ викарнаго ксендза Ивашкевича, чтобы тотъ произносилъ проповѣди и совершалъ дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, а когда тотъ несогласился, то Сенчиковскій, устранивъ его отъ должности, сослалъ въ Несвижскій Доминиканскій монастырь.

Въ заключеніе, жалобщики просятъ о назначеніи имъ такого ксендза, который по-прежнему совершалъ-бы богослуженіе «на прародительскомъ языкѣ», такъ какъ русскій языкъ они мало понимаютъ.

Наконецъ изъ 3-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 2 ноября 1871 года ***) поступилъ къ Минскому губернатору запросъ такого содержанія:

«Въ послѣднее время въ 3-е отдѣленіе канцеляріи стали поступать исключительно изъ Минской губерніи, и при томъ въ значительномъ числѣ, жалобы на принудительное введеніе русскаго языка въ дополнительное богослуженіе мѣстныхъ р.-к. церквей.

Сообщенныя Вашимъ Пре-мъ свѣдѣнія по нѣкоторымъ изъ сихъ жалобъ показали, что большинство прихожанъ р.-к. костеловъ въ Минской губерніи не только ничѣмъ не заявило своего неудовольствія къ означенному нововведенію, но отнеслось къ нему даже сочувственно и что противодѣйствіе этому нововведенію было дѣломъ весьма немногихъ личностей, съ удаленіемъ которыхъ принятый порядокъ въ богослуженіи уже не нарушался.

Тѣмъ не менѣе, въ виду продолжающихъ получаться жалобъ по настоящему предмету, желательно было-бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія объ истинныхъ причинахъ, вызывающихъ оныя.»

---

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча.

**) Дѣло канцел. Минскаго губернатора 1871—72 г., № 273,—«О собраніи свѣдѣній по жалобамъ прихожанъ о неправильномъ введеніи русскаго языка въ р.-к. церквахъ.»

***) Тамъ-же.

Прося прислать разслѣдованія по жалобамъ, Канцелярія препроводила губернатору поступившія вновь жалобы прихожанъ церквей Березинской (Игуменскаго у.) и Недзвѣдзицкой (Слуцкаго у.).

По поводу заявленія прихожанъ Недзвѣдзицкаго р.-к. костела, Мин. Вн. Дѣлъ Тимашевъ (26 ноября того-же года, за № 79) *), распорядившись удалить кс. Ивашкевича «за то, что тотъ, не имѣя согласія на это прихожанъ, отказался ввести русскій языкъ въ дополнительное богослуженіе», сообщилъ Минскому губернатору:

«При семъ, по соображенію, что успѣшность мѣры введенія русскаго языка въ католическомъ богослуженіи зависитъ отъ сознанія католиками сущности оной и увѣренности ихъ, что она не имѣетъ отношенія къ догматической сторонѣ исповѣдуемой ими вѣры, покорнѣйше прошу Ваше Пре—во неослабно наблюдать, чтобы съ одной стороны этой мѣрѣ не было придаваемо принудительнаго характера, а съ другой были устранены всякія подстрекательства и подговоры къ противодѣйствію оной.»

Тотъ-же Тимашевъ писалъ губернатору Токареву (30 ноября 1871 г., за № 80) **):

«Нѣкоторые изъ прихожанъ Блонскаго и Березинскаго р.-к. костеловъ (Игуменскаго у., Минской губ.) обратились въ Министерство съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ употребленія въ этихъ костелахъ русскаго языка, введеннаго, по объясненію просителей, въ употребленіе противъ желанія мѣстнаго населенія.

Усматривая изъ дѣлъ Министерства, что въ Блонскомъ костелѣ дополнительное богослуженіе совершалось на русскомъ языкѣ съ апрѣля 1869 года, *т. е. раньше, чѣмъ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе употреблять русскій языкъ въ дѣлахъ религіи иностранныхъ исповѣданій,* а въ Березинскомъ костелѣ этотъ языкъ введенъ въ богослуженіе съ апрѣля текущаго года, и что доселѣ прихожане не домогались отмѣны введеннаго у нихъ порядка, въ настоящее-же время подобныя прошенія стали поступать довольно часто, я останавливаюсь на предположеніи, что эти ходатайства не являются выраженіемъ свободнаго желанія большинства прихожанъ, а представляютъ собою результатъ подстрекательства, принявшаго значительные размѣры и систематически противодѣйствующаго мѣрамъ Правительства къ ослабленію въ краѣ польскаго элемента.»

Въ заключеніе Тимашевъ рекомендуетъ губернатору «принять дѣятельныя мѣры къ тщательному изслѣдованію причинъ,

*) Тамъ-же.
**) Тамъ же.

вызвавшихъ нынѣ подобныя ходатайства и, не придавая дѣлу гласности, привести въ извѣстность, кто составляетъ просителямъ подобныя просьбы и какимъ порядкомъ собираются подъ ними подписи?»

Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что въ 1872 году, несомнѣнно подъ вліяніемъ польско-іезуитской пропаганды, въ то-же III-е отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, поступили изъ Минска свѣдѣнія о яко-бы безнравственномъ отношеніи Сенчиковскато къ воспитанникамъ училища органистовъ.

По этому поводу даже шла переписка между шефомъ жандармовъ и Министромъ Вн. Дѣлъ.

Затѣмъ, такъ какъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ минскія сплетни, на лицо неоказалось, то эта исторія была прекращена.

Нѣсколько лѣтъ дѣятельной борьбы за введеніе русскаго языка въ дополнительное костельное употребленіе убѣдили Сенчиковскаго въ томъ, что, какъ всегда и во всемъ, для успѣшнаго проведенія реформы, нужны люди, и при томъ люди-католики съ русскимъ направленіемъ.

По пріѣздѣ въ Минскъ и чувствуя себя нѣсколько бодрѣе и смѣлѣе, благодаря поддержкѣ въ Петербургѣ—со стороны Министерства Вн. Дѣлъ, въ Вильнѣ—со стороны прелата Жилинскаго и въ Минскѣ—со стороны губернатора Токарева, Сенчиковскій первый поднимаетъ вопросъ—о необходимости учрежденія въ Минскѣ училища органистовъ, откуда по всей Минской губерніи, въ помощь ксендзамъ, работающимъ по введенію русскаго языка въ дополнительное бсгослуженіе, были-бы выпускаемы органисты, воспитанные въ русскомъ духѣ.

Въ формулярномъ о службѣ Сенчиковскаго спискѣ значится, что онъ—

«въ 1871 году, по распоряженію Минскаго губернатора отъ 6 октября за № 5350, основанному на распоряженіи г. Министра Вн. Дѣлъ, согласно Высочайшей волѣ, учредилъ на чисто-русскихъ началахъ училище для р.-к. органистовъ по иниціативѣ и подъ особливымъ наблюденіемъ и распоряженіемъ его, Сенчиковскаго.»

Привожу здѣсь, изъ числа другихъ, однородныхъ по содержанію, два документа, написанные рукою Сенчиковскаго, изъ которыхъ видно, что именно вынудило его поднять вопросъ о подобномъ учебномъ заведеніи.

Вотъ записка Сенчиковскаго (безъ даты и безъ указанія, кому она была подана), къ этому учрежденію относящаяся *):

*) Изъ бумагъ С., хранящихся въ Импер. Публ. Библіотекѣ. Часть этой записки, относящаяся къ дѣтству и юности Сенчиковскаго, приведена нами уже въ I-й главѣ настоящей книги.

«Впродолженіи моего воспитанія, восьми-лѣтняго моего постояннаго пребыванія капеланомъ въ домахъ перв҃ѣйшихъ польскихъ помѣщиковъ и во время до мятежа и послѣ онаго, наконецъ, въ теченіи безпрерывнаго общенія съ народомъ въ качествѣ викарнаго, настоятеля и декана—въ продолженіи тоже 8 лѣтъ, а, главное, какъ уроженецъ Бѣлоруссіи, какъ католикъ, на себѣ испытавшій, за время сорока-лѣтней жизни, многія и разнородныя выходки судьбы, я имѣлъ достаточно поля и времени для того, чтобы познакомиться, узнать и убѣдиться, въ чемъ собственно заключается то, что̀ зловредно видамъ русскаго Правительства и тормазитъ всѣ его предначертанія. Какъ внукъ уніатскаго священника, проведшій дѣтскія лѣта въ средѣ православныхъ, русскихъ родныхъ, какъ родной племянникъ русскаго генерала, я успѣлъ усвоить себѣ и твердо заучилъ тѣ наставленія въ пользу Россіи, которыя многократно довелось мнѣ слышать въ семейной бесѣдѣ родныхъ чисто-русскаго убѣжденія. И, обратно, сколько разъ пришлось мнѣ выслушать сужденій ироніи и заявленій иного рода, сколько предложеній и проектовъ польскаго стремленія, при стараніи меня вовлечь въ число этой партіи!—Это извѣстно Богу....

Дѣтскія мои лѣта прошли въ средѣ польской интеллигенціи и въ достаткѣ; но юныя лѣта я провелъ въ горѣ и тяжеломъ испытаніи: судьба горькую приготовила мнѣ чашу. Тогда-то, проводя время сознательной уже жизни въ средѣ крестьянъ и мелкой шляхты, я узналъ и вполнѣ изучилъ эту среду. И все это окончательно убѣдило меня, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ вредные Россіи элементы существуютъ *только въ направленіи польскаго происхожденія помѣщиковъ и ксендзовъ,* и эти два класса людей, имѣя при себѣ—первые дворовыхъ, а вторые костельныхъ служителей, распространяютъ свои идеи и стремленія по всему краю. А такъ какъ польская интеллигенція—довольно богатая, то она умѣетъ съ успѣхомъ подчинить своему стремленію *и русскихъ мелкихъ чиновниковъ,* которые, ради своей корысти, забываютъ долгъ службы и присяги. Главная, завѣтная, впившаяся въ плоть и кровь, цѣль и мысль польскихъ пановъ и ксендзовъ—это—*постоянно противодѣйствовать Россіи, серіозно поддержать духъ Польши и,* на столько содѣйствовать поддержкѣ и развитію этого стремленія, дабы истекающіе вѣка времени не сгладили въ народѣ памяти и сочувствія къ польской „ойчизнѣ.“ *Для этого остались у поляковъ единственныя, но самовѣрнѣйшія средства—ксендзъ, костелъ и католическая религія, которая, для этого, и названа «польской религіей.»*

Мнѣ жаль католиковъ, находящихся въ заблужденіи, и, поэтому, всѣми силами я желалъ-бы ихъ вывести изъ этого заблужденія, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ...

Все вышесказанное я вспомнилъ лишь потому, что оно имѣетъ связь съ назначеніемъ и направленіемъ основанной мною школы органистовъ, главное и единственное назначеніе которой заключается въ томъ, чтобы создать главную костельную прислугу, т. е. органистовъ и ризниковъ (закристіанъ) съ совершенно другимъ направленіемъ и взглядомъ, какіе были у старыхъ органистовъ и ризниковъ. Направленіе-же это и взглядъ состоятъ собственно въ томъ, *чтобы органистъ и ризникъ, считая себя римско-католиками по религіи, въ то-же время считали себя чисто-русскими по происхожденію и народности.* Но для этого необходимо убѣдить мальчика въ то, что *польскій языкъ для него — чужой, что польская интеллигенція—вредна Россіи, что русскій не долженъ вѣрить панамъ, не долженъ подчиняться имъ и не долженъ слушать ихъ внушеній, всегда ведущихъ къ злу и вредныхъ Правительству.* Необходимо мальчика воспитать въ такомъ духѣ, дабы онъ, во время своей бытности въ приходѣ, питалъ полное недовѣріе и *даже благородную ненависть* ко всякимъ заявленіямъ польской партіи и дабы онъ устранялъ себя отъ всякаго знакомства и бесѣдъ съ польскими панами, а, напротивъ, дабы органистъ и ризникъ знакомился, жилъ и какъ-бы сплотился съ народомъ, у котораго вѣками уже сложилось и усвоилось недовѣріе къ панамъ: *народъ скорѣе повѣритъ еврею, чѣмъ пану.* Мальчика—органиста надо образовать такъ, *дабы онъ смотрѣлъ правильно на религію и понималъ ясно и серьезно настоящую жизнь*; дабы воспитаніе его и направленіе были нравственны и соотвѣтствующи его происхожденію, но дабы желанія и стремленія его ничуть не выходили изъ предѣловъ его природной и натуральной среды; дабы его приверженность къ натуральной его жизни и естественный его бытъ давали ему вполнѣ достаточную пищу для его обыденной деревенской и народной жизни, ибо какъ скоро мальчикъ, по своему воспитанію, будетъ вырванъ изъ природной ему почвы и получитъ барское воспитаніе, тогда по естественному влеченію къ довольству онъ будетъ знакомиться и даже заискивать у польской интеллигенціи, онъ знакомство съ паномъ предпочтетъ знакомству съ крестьяниномъ и даже начнетъ пренебрегать имъ. Тогда потеряно все направленіе мальчика; тогда недостижима цѣль, для которой воспитывался органистъ или ризникъ. Пребываніе мальчика въ училищѣ не должно быть гибельно для его будущности; а это будетъ тогда, если мальчикъ воспитывается по-барски. Напротивъ, мальчики должны исполнять всѣ послуги въ училищѣ, костелѣ и у настоятеля по очереди. Тогда мальчикъ, во 1-хъ, свыкнется съ тѣмъ, чего онъ прежде боялся. Т. е. мальчикъ, до поступленія въ училище, смотрѣлъ на ксендза, служащаго на языкѣ русскомъ, и на русское общество, какъ на что-то проклятое и ужасное. Этотъ взглядъ у него непремѣнно

измѣнится, если онъ постоянно будетъ вращаться въ средѣ ксендза и этого (русскаго) общества. Во-вторыхъ, мальчикъ, поступающій въ училище, положительно полудикое твореніе, неимѣющее понятія о самыхъ необходимыхъ предметахъ ежедневной цивилизованной жизни. Такъ, онъ, живя въ деревнѣ въ свиткѣ и лаптяхъ, не имѣетъ понятія о томъ, какъ поставить самоваръ, какъ приготовить чай, во время-же употребленія пищи, онъ не слышалъ даже объ употребленіи вилокъ и ножа. Какое либо стѣсненіе и удержаніе въ порядкѣ натуральной жизни ему вовсе непонятно. Мальчикъ, въ присутствіи товарища и учителя, стѣсняется и удивляется до того, что ходить и говорить не смѣетъ. И гдѣ или когда-же все это приведется въ мало-мальскій порядокъ? Гдѣ и когда онъ выучится держать себя прилично и натурально? Гдѣ онъ выучится правильно раскланяться вѣжливо отвѣтить и столь быстро образовать себя въ житейскомъ быту, если онъ будетъ засаженъ въ училищѣ, если онъ будетъ недопущенъ къ настоятелю, въ его квартиру—именно тогда, когда у настоятеля есть гости, люди приличные и образованные? Мальчикъ, прислуживая подъ надзоромъ самого-же настоятеля, учится порядку, ловкости и приличію, а зная все это, какъ ему будетъ пріятно, когда онъ въ деревнѣ устроитъ прилично свою квартиру и будетъ въ состояніи честно, съ необходимымъ порядкомъ, принимать своихъ гостей. Нѣтъ, дежурные и присутствующіе у настоятеля мальчики—это не лакеи, это—будущіе самостоятельные и семейные люди, которые, зная сами, выучатъ и другихъ порядку и приличію, необходимыхъ для ежедневной жизни. И развѣ ксендзы въ приходахъ ведутъ порядочную, цивилизованную жизнь!. Что-же будетъ, если выпущенный изъ училища органистъ не будетъ умѣть найтись въ приличномъ, соотвѣтствующемъ ему обществѣ?»

«Зная домашнюю службу и жизнь, мальчикъ не возгордится, будучи въ приходѣ; онъ устроитъ свой домикъ и будетъ жить, не завидуя панамъ, и во всемъ этомъ обойдется безъ чужой помощи.»

Затѣмъ, въ бумагахъ Сенчиковскаго сохранилась и другая замѣтка о школѣ органистовъ, озаглавленная имъ „лѣтописью“.*)

Приводимъ ее:

«Въ 1869 году, ревизуя костелы, принадлежащіе къ Борисовскому деканату, и совершая добавочное богослуженіе на русскомъ языкѣ, я убѣдился въ томъ, что органисты не только окончательные мошенники, пьяницы и воры, но еще и страшнѣйшіе фанатики и враги, какъ русскаго языка, такъ и Прави-

*) Бумаги С., хранящіяся въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

тельства. Тогда я, подробно описавъ мой взглядъ б. губернатору Владимиру Николаевичу Токареву, просилъ его ходатайствовать объ открытіи особаго и спеціальнаго училища для органистовъ. Губернаторъ Токаревъ серьезно отнесся къ моему заявленію, и въ 1871 году было уже Высочайше утверждено открытіе училища на 10 мальчиковъ, на первоначальное обзаведеніе училища отпущено 1000 р., дано 100 р. впередъ и назначено по 20 р. на каждаго мальчика. Согласно моему желанію, назначенъ старшій чиновникъ особыхъ порученій г. Полѣновъ—въ родѣ попечителя, съ которымъ я занялся устройствомъ училища въ 1872 году, и 19 февраля училище было открыто. Именно я пригласилъ, между прочимъ, правителя губернаторской канцеляріи Виктора Александровича Гойера, Осипа Александровича Бончъ-Осмоловскаго, вновь нанятыхъ для училища учителей музыки Клейнишена и пѣнія Морошкина и другихъ; было шесть вновь принятыхъ мальчиковъ. Послѣ совершенія молебствія за Царствующій Домъ и пѣнія «Подъ Твою милость , я, въ нѣсколькихъ словахъ, разъяснилъ цѣль, для которой открыто училище. Въ этомъ году была въ Минскѣ сильная холера, два мальчика въ августѣ заболѣли этой болѣзнью. Перваго изъ нихъ хватило ночью. Я, не зная, что дѣлать, послалъ мальчика въ городскую больницу, тутъ-же находящуюся, въ 20-ти шагахъ отъ моего дома, на Троицкой Горѣ. Утромъ, въ 8 часовъ, я пошелъ узнать, какъ живетъ больной мальчикъ Георгій Глинскій и былъ-ли докторъ? — Но мнѣ сказали, что мальчикъ—очень слабъ, и что докторъ (еврей) Шацкинъ едва въ 12 ч. пріѣдетъ осматривать больныхъ. Я послалъ—взять мальчика обратно домой и пригласилъ изъ города другого доктора; но мальчика мнѣ не выдали подъ предлогомъ, что разъ принятый въ больницу не можетъ выйти иначе, какъ здоровый или мертвый. Тогда я отправился лично и, не взирая на протесты фельдшеровъ, забралъ мальчика, которому прибывшій докторъ Архангельскій подалъ помощь и мальчикъ выздоровѣлъ черезъ недѣлю. *)

Въ 1873 году, по выѣздѣ г. Полѣнова, назначили попечителемъ училища г. Гойера. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Минскъ Министръ Нар. Просвѣщенія гр. Толстой, который, ради поддержки училища, противъ котораго уже возстали поляки, въ сопровожденіи губернатора, посѣтилъ и училище, въ которомъ, послѣ пѣнія мальчиковъ, Его Сіятельство далъ 10 руб. на конфекты мальчикамъ. Послѣ чего училище осталось подъ моимъ только надзоромъ.

---

*) Мы имѣли возможность, послѣ смерти кан. Сенчиковскаго, провѣрить этотъ фактъ и онъ вполнѣ подтвердился. Мальчикъ (нынѣ Георгій Петровичъ) Глинскій, въ благодарность за спасеніе его жизни, такъ привязался къ кан. Сенчиковскому, что неразлучно жилъ съ нимъ до самой его смерти. На рукахъ Глинскаго Сенчиковскій и скончался въ Омскѣ.

Въ 1876 г., въ январѣ мѣсяцѣ, посѣтилъ училище вновь назначенный губернаторъ Валерій Ивановичъ Чариковъ. Затѣмъ, училище было перенесено изъ совершенно стараго, казеннаго домика въ прекрасную квартиру собственнаго моего, каноника Сенчиковскаго, дома. Квартира дана каноникомъ безвозмездно. На освященіи этой квартиры присутствовалъ г. губернаторъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прибылъ въ училище г. Директоръ Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій гр. Сиверсъ, въ маѣ мѣсяцѣ былъ въ училищѣ управляющій канцеляріей г. Министра тайный совѣтникъ Левъ Саввичъ Маковъ, наконецъ, въ іюнѣ прибылъ въ училище Министръ Вн. Дѣлъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ. Всѣ эти лица остались очень довольны устройствомъ училища и богослуженіемъ въ костелѣ, произносили рѣчи и благодарили меня, каноника Сенчиковскаго, за устройство училища.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на постройку дома на 30 учениковъ и, по принятіи немедленно еще пяти мальчиковъ въ домъ, даны на обзаведеніе этихъ пяти мальчиковъ и на покупку фортепіано всего 450 руб. Попечителемъ училища былъ назначенъ католикъ, учитель Озенбловскій, который въ октябрѣ умеръ.

Въ 1877 году, 10 іюня, совершилась закладка новаго дома училища. Въ 11 часовъ я, каноникъ Сенчиковскій, деканъ Олеховичъ и кс. Добкевичъ, со всѣми мальчиками, изъ костела пришли процессіей къ плацу, на которомъ назначено было мѣсто для новой постройки. Въ это время прибылъ туда-же Минскій губернаторъ тайный совѣтникъ В. И. Чариковъ съ женою, полковникъ корпуса жандармовъ фонъ-Роткирхъ и другія высокопоставленныя лица, въ числѣ 24 человѣкъ, въ присутствіи которыхъ я освятилъ мѣсто и камень, положенный на приготовленное мѣсто губернаторомъ. Затѣмъ я произнесъ соотвѣтствующую торжеству рѣчь, привелъ къ присягѣ двухъ окончившихъ воспитаніе мальчиковъ—Георгія Глинскаго и Владислава Володзьку. (Эти первые, выпущенные изъ училища, воспитанники были назначены—Глинскій надзирателемъ и учителемъ пѣнія въ училищѣ, а Володзько—органистомъ при Минскомъ Свято-Троицкомъ костелѣ). Во время закуски у меня мальчики пѣли выдержки изъ оперъ. Закладка кончилась раздачей выпускнымъ мальчикамъ свидѣтельствъ. Торжество было полное, задушевное и рѣдкое по своему значенію.

Постройкой дома специально усерднѣйшимъ образомъ занимался я, каноникъ Сенчиковскій, всѣ планы, распоряженія и устройство внутреннее дома составлены мною самимъ.

1877 г., 28 октября, выполнилъ присягу окончившій воспитаніе въ училищѣ Михалъ Ц—ій, который назначенъ на должность органиста въ мѣст. Узду съ жалованьемъ отъ Правительс-

тва—180 р. въ годъ. Володзько тоже получаетъ 180 р. въ годъ. Глинскій-же получаетъ отъ Правительства 100 р. жалованья, имѣя столъ и всѣ выгоды отъ того-же училища, чего Володзько не имѣетъ.

20 ноября 1877 года выполнилъ присягу на вѣрность службѣ и выпущенъ, какъ окончившій воспитаніе въ училищѣ, Антоній Густовскій (19 лѣтъ) и назначенъ на должность органиста въ м. Кошитовцы, съ жалованьемъ въ 180 р. въ годъ. Володзько окончилъ училище 20-ти л., Глинскій 20 л., Ц— кій 22-хъ лѣтъ.

1877 г., 21 августа, осматривалъ строющійся домъ для училища тайный совѣтникъ Л. С. Маковъ и остался доволенъ постройкою» *).

Въ письмѣ (отъ 17 янв. 1873 г., Минскъ) **) на имя Дир. Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. кс. Сенчиковскій проектируетъ ходатайствовать у Государя Императора,—для поддержки русскаго дѣла,—объ освобожденіи воспитанниковъ Минской школы органистовъ, хотя-бы во время бытности ихъ на службѣ, «отъ рекрутской повинности», если нельзя освободить отъ этой повинности органистовъ и ризниковъ (закристіанъ), находящихся въ прислугѣ при тѣхъ церквахъ, въ которыхъ утвержденъ Министерствомъ русскій языкъ.

Но видимо это не встрѣтило сочувствія въ Петербургѣ, такъ какъ было обойдено молчаніемъ.

Между прочимъ, въ томъ-же письмѣ на имя гр. Сиверса, покойный, жалуясь на непосильность борьбы своей съ польско-іезуитской пропагандою, признается:

«Съ каждымъ днемъ обрусеніе католицизма становится тяжелѣе и хуже».

Объ училищѣ органистовъ, его возникновеніи, нуждахъ, ростѣ, перемѣнахъ въ его училищномъ персоналѣ, вообще о внѣшней, оффиціальной жизни заведенія сухо, казенно, говорятъ дѣла́ Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій «Органисты» и «Минское училище органистовъ» въ нѣсколько томовъ, съ которыми я имѣлъ случай ознакомиться.

Къ сожалѣнію, просматривая дѣла́, я не нашелъ въ нихъ почти ничего, касающагося духовной, внутренней, такъ сказать, интимной жизни этого дѣтища Сенчиковскаго, объ отношеніи къ заведенію самаго Сенчиковскаго, какъ его основателя и щедраго жертвователя на нужды школы, и т. п.

Тамъ нѣтъ даже и тѣхъ замѣтокъ покойнаго, которыя мы привели выше.

Однако, въ пору его возникновенія и расцвѣта, училище

*) На этомъ мѣстѣ «лѣтопись» кан Сенчиковскаго, къ сожалѣнію, обрывается, видимо недоконченная.

**) Дѣло Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов № 63, «Свящ. Сенчиковскій».

стало обращать на себя вниманіе печати, какъ единственное пока въ Россіи по цѣли его и организаціи.

Такъ, въ газетѣ «Русскій Міръ» (27 апрѣля 1876 года, № 114) появилась слѣдующая замѣтка:

„Вильна. (Корреспонденція «Русскаго Міра»).

Въ римско-католической церкви органистъ занимаетъ первое послѣ ксендза мѣсто. Онъ его ближайшій совѣтникъ, довѣреннѣйшее лицо въ составленіи прошеній и ходатайствъ къ ксендзу, помѣщикамъ и гражданскому начальству. Кромѣ того, онъ наставникъ приходскихъ дѣтей; однимъ словомъ органистъ играетъ важную роль не только въ своемъ приходѣ, но и въ окрестныхъ. Не смотря однако на это, по настоящее время при римско-католическихъ церквахъ органисты—только самоучки, выросшіе въ плебаніальномъ домѣ, нерѣдко и почти всегда потомки мѣстныхъ органистовъ. Воспитываются они обыкновенно на дворѣ и хлѣбѣ ксендза и невольно пропитываются фанатизмомъ.

Желая измѣнить такое положеніе дѣлъ, каноникъ Фердинандъ С. представилъ бывшему Минскому губернатору Токареву проектъ, вызвавшій полное сочувствіе г. губернатора. Вслѣдствіе этого въ 1872 г. 19 февраля въ г. Минскѣ открыто и ввѣрено о. С. училище для римско-католическихъ органистовъ. Училище это Высочайше утверждено и на содержаніе въ немъ 10 мальчиковъ отпускается изъ суммъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1200 р. с. ежегодно; на эти деньги содержатся учитель музыки, учитель пѣнія, кухарка, прачка, докторъ, уплачивается въ аптеку за лѣкарство и дается мальчикамъ полная лѣтняя и зимняя одежда, а также производится отопленіе и освѣщеніе, но суммы этой не совсѣмъ достаточно, и отецъ Фердинандъ нерѣдко пополняетъ недостатокъ изъ своихъ собственныхъ средствъ; изъ сочувствія-же и любви къ сиротамъ и русскому дѣлу, онъ помѣстилъ училище и мальчиковъ въ собственномъ домѣ и въ занимаемой имъ самимъ квартирѣ; самъ-же перемѣстился на второй этажъ, т.-е. въ квартиру, предполагаемую къ отдачѣ въ аренду, такъ что въ настоящее время мальчики-сироты занимаютъ роскошную квартиру и находятся на глазахъ о. С. Въ нынѣшнемъ году 1 февраля отецъ-каноникъ Сенчиковскій приглашалъ на-дняхъ прибывшаго вновь назначеннаго въ Минскъ губернатора тайнаго совѣтника Чарикова и другихъ лицъ, сочувствующихъ распространенію русскаго языка. Его Превосходительство, прибывъ въ домъ каноника Сенчиковскаго, присутствовалъ на молебнѣ, совершенномъ отцемъ-каноникомъ на русскомъ языкѣ, и остался вполнѣ доволенъ воспитаніемъ и направленіемъ молодыхъ органистовъ.»

Лучше всего о цѣляхъ, направленіи, значеніи училища органистовъ говоритъ слѣдующая, разработанная самимъ Сенчи-

ковскимъ, «инструкція для римско-католическихъ органистовъ въ 1-мъ визитаторствѣ Минской губерніи» *), примѣнявшаяся имъ на практикѣ. (Органисты давали подписку въ точномъ ея исполненіи).

Содержаніе инструкціи слѣдующее:

1. Органистъ, назначенный на должность, обязанъ точно и акуратно исполнять таковую, во всемъ безпрекословно повинуясь требованію костельнаго устава и гражданскихъ законовъ.

2. Органистъ обязанъ вести себя честно и трезво, усердно досматривая порядокъ и цѣлость въ костелѣ и ризницѣ (именно тамъ, гдѣ особаго ризника не имѣется).

3. Органистъ обязанъ безпрекословно, съ кротостію и честію исполнять всѣ законныя и относящіяся къ должности распоряженія настоятеля или его викарнаго.

4. Органистъ долженъ быть вѣжливъ и кротокъ въ обращеніи съ прихожанами и удовлетворять безотлагательно всѣмъ законнымъ требованіямъ прихожанъ, какъ то: немедленно доложить настоятелю или викарному о требованіи прихожанъ и. т. п., безъ малѣйшаго стѣсненія или вымогательства за эту или подобную услугу.

5. Органистъ, при условіи съ прихожанами за исполненіе требъ, не долженъ требовать лишняго вознагражденія, тѣмъ болѣе грубо или невѣжливо относиться къ прихожанамъ съ цѣлью заставить таковыхъ платить больше.

6. Органистъ въ разговорахъ съ настоятелемъ по дѣламъ службы, въ костелѣ, въ ризницѣ и на дому, въ присутствіи прихожанъ, строго обязанъ разговаривать только на русскомъ языкѣ; съ прихожанами-же онъ можетъ говорить на бѣлорусскомъ, смотря по тому, какъ кто разговариваетъ.

7. Въ случаѣ обиды или какой либо несправедливости, причиненной кѣмъ-бы то ни было, органистъ обязанъ сохранять приличіе, кротость и воздержаться отъ малѣйшаго даже волненія, но немедленно онъ долженъ пожаловаться настоятелю, декану или визитатору.

8. Органистъ, во время совершенія какого либо костельнаго богослуженія или христіанскимъ прихожанамъ требъ, обязанъ постоянно употреблять только языки латинскій и русскій.

9. Органистъ обязанъ, подъ надзоромъ настоятеля, содержать въ порядкѣ настоятельскую, деканскую и визитаторскую канцеляріи и безотлагательно исполнять всѣ требованія, относящіяся къ канцеляріи, такъ какъ за небрежность, оплошность или недобросовѣстное содержаніе приходскихъ бумагъ, списковъ и вообще документовъ, кромѣ настоятеля или викарнаго, подвергается строжайшей отвѣтственности и органистъ.

---

*) Изъ бумагъ С., находящихся у А. В. Ж—ча.

10. Органисту строго воспрещается, безъ вѣдома и согласія настоятеля или викарнаго, выдавать кому бы то ни было и какія либо приходскія свидѣтельства, удостовѣренія или-же справки, относящіяся къ документамъ прихода или костела.

11. Органистъ обязанъ кротко и вѣжливо, въ случаѣ надобности, увѣщевать непонимающихъ сущности дѣла въ употребленіи русскаго языка, добросовѣстно разъяснять правду, вліять на прихожанъ; вслучаѣ-же какого либо сомнительнаго и подозрительнаго, въ политическомъ отношеніи, разговора или дѣйствія кого-бы то ни было, органистъ, согласно выполненной присягѣ, немедленно долженъ сообщить объ этомъ визитатору. Самому-же органисту воспрещается забирать знакомство и входить въ какую-бы то ни было бесѣду или дружбу съ людьми дурного или подозрительнаго поведенія. Органистъ обязанъ быть религіозенъ и добрый христіанинъ римско-католическаго исповѣданія.

и 12. Органистъ обязанъ самъ лично исполнять усердно и ревностно свою должность, именно играть на хорахъ во время богослуженія, и прислуживать при исполненіи христіанскихъ требъ духовенствомъ.

За неисполненіе настоящихъ правилъ органистъ подвергается взысканію, опредѣленному визитаторомъ на основаніи устава и существующаго обычая.»

На копіи инструкціи, пересланной мнѣ Сенчиковскимъ,—позднѣйшая, собственноручная отмѣтка покойнаго каноника, сдѣланная для меня, въ Омскѣ:

«Вотъ чего я хотѣлъ и какіе должны были быть (и дѣйствительно стали-бы такими) мои органисты, и поэтому они не нравились полякамъ.»

Чтобы не возвращаться болѣе къ училищу органистовъ, основанному на русскихъ началахъ, скажемъ, что оно долго было болѣзненнымъ бѣльмомъ въ глазу польско-іезуитской пропаганды. Но пока имъ завѣдывалъ Сенчиковскій, пока ему покровительствовали Тимашевъ и Маковъ, а въ Минскѣ были губернаторы Токаревъ и Чариковъ, русское направленіе неукоснительно проводилось и поддерживалось въ немъ энергичнымъ каноникомъ.

Охотно допускаемъ, вмѣстѣ съ недругами Сенчиковскаго, что, какъ педагогъ, покойный былъ не на своемъ мѣстѣ:—истинные педагоги родятся и всякій быть ими не можетъ!...

Но польско-іезуитская интрига, играя на этой струнѣ и на обвиненіяхъ Сенчиковскаго въ безнравственномъ отношеніи къ воспитанникамъ заведенія, въ сущности, била по самому непріятному ей мѣсту училища—по русскому языку, русскому

духу, по бѣлорусскимъ, патріотическимъ тенденціямъ, съ неумолимой строгостью проводившимся Сенчиковскимъ.

Хотя все, что̀ говорилось, писалось и печаталось—по отношенію къ Сенчиковскому, какъ мы это и увидимъ въ своемъ мѣстѣ, было гнусной, чистѣйшей клеветою, но общая неудача съ правительственной мѣрою по введенію русскаго языка въ дополнительное богослуженіе костела косвенно помогла врагамъ каноника, при содѣйствіи Дир. Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. А. Н. Мосолова, оторвать въ 1879 году, переводомъ изъ Минска въ Бобруйскъ, Сенчиковскаго отъ его любимаго дѣтища и передать послѣднее въ руки фанатика-поляка кс. Макаревича (одно лишь время дѣйствовавшаго въ видахъ русскаго дѣла) и его единомышленниковъ.

Присутствіе въ это время въ Минскѣ полякующаго губернатора А. И. Петрова, ненавидѣвшаго Сенчиковскаго, способствовало окончательному духовному паденію заведенія.

Изъ училища быстро были выкурены русскій духъ, русскій языкъ, а поселились духъ польско-іезуитской пропаганды, польская рѣчь, а съ ними—ненависть къ Сенчиковскому, Россіи и проч.

Подъ видомъ развращенности Сенчиковскаго ему, по отъѣздѣ изъ Минска, даже было воспрещено входить въ заведеніе, имъ-же основанное, и на которое онъ потратилъ столько любви, личныхъ средствъ и энергіи. Ученикамъ-же запрещалось имѣть какія либо сношенія съ покойнымъ...

И все это—безъ всякихъ фактовъ, доказательствъ, открытыхъ мотивовъ! Самъ Сенчиковскій такъ и умеръ, не подозрѣвая истинныхъ причинъ подобнаго гоненія со стороны русскихъ.

Но А. Н. Мосоловъ, посѣтивъ на два—три дня Минскъ, когда Сенчиковскаго уже въ училищѣ не было, убаюканный увѣреніями и внѣшними пріемами порядка и воспитанія въ заведеніи, доносилъ, въ іюнѣ 1879 г. *), т. е. черезъ полъ-года послѣ удаленія Сенчиковскаго, что съ уходомъ послѣдняго училище стало прямо неузнаваемо и безпорядки, яко-бы заведенные Сенчиковскимъ, постепенно устраняются...

Затѣмъ (судя по дѣлу объ училищѣ—Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій, мною просмотрѣнномъ) о заведеніи какъ-бы забыли.

Такимъ безразличнымъ отношеніемъ къ училищу еще болѣе воспользовались враги русскаго дѣла въ Бѣлоруссіи.

Со словъ Сенчиковскаго, неперестававшаго постоянно издали слѣдить за агоніей своего любимаго дѣтища, даже въ бытность покойнаго въ Ташкентѣ и Омскѣ, скажемъ, что заведеніе скоро обратилось совершенно въ типичное гнѣздно польско-іезуитской пропаганды.

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Ин. Испов.

Изъ него стали выходить органисты, совсѣмъ незнающіе русскаго языка, распаленные враждой ко всему русскому, надеждами на воскрешеніе въ Бѣлоруссіи Польши, а, главное, совершенно почти незнакомые съ той музыкальной спеціальностью, которая ихъ должна была встрѣчать въ костелѣ, т. е. съ оргáномъ...

Послѣднее было неудивительно, если принять во вниманіе, что, отодвинувъ на задній планъ обученіе воспитанниковъ на оргáнѣ, новыя заправилы заведенія устроили въ училищѣ духовой оркестръ музыки.

Со словъ одного лица, знакомаго съ этой эпохою жизни заведенія, можемъ сказать, что послѣ ухода Сенчиковскаго, нравственность училища была очень низка, воспитанники грубы, развращены, непокорны; происходили постоянныя столкновенія ихъ съ воспитателями, съ окружающимъ населеніемъ. Въ училищѣ процвѣтали пьянство, карты....

Неудивительно, что изъ уѣздовъ стали поступать жалобы отъ ксендзовъ на присланныхъ въ ихъ приходы, плохо-подготовленныхъ, безнравственныхъ, дерзкихъ органистовъ.

Все это было, конечно, еще болѣе въ руку польско-іезуитской пропагандѣ.

Наконецъ, ясно сознались, что заведеніе пало, безполезно, только напрасно требуетъ поддержки отъ казны; что его пора совершенно закрыть.

И вотъ 20 февраля 1896 года *) А. Н. Мосоловъ дѣлаетъ соотвѣтствующій докладъ Министру Вн. Дѣлъ, въ которомъ, между прочимъ, пишетъ:

«Вмѣстѣ съ тѣмъ Департаментъ считаетъ долгомъ доложить Вашему Высокопре—ву о необходимости прекратить существованіе названнаго училища.

Учрежденіе послѣдняго состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ 1869 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе (на отмѣну Высочайшаго повелѣнія 1848 г.) – о воспрещеніи употреблять русскій языкъ для проповѣдей священно-служителями иностранныхъ исповѣданій. При предпринятомъ, затѣмъ, Министерствомъ Вн. Дѣлъ введеніи дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ въ р.-к. церквахъ Минской губерніи, встрѣтилось затрудненіе въ пріисканіи органистовъ, которые могли-бы пѣть молитвы на русскомъ языкѣ. До сего времени органисты вышеозначенными церквами приглашались изъ лицъ, обучавшихся въ Варшавской школѣ органистовъ; но воспитанники ея не знали русскаго языка. Вслѣдствіе сего, согласно представленія началь-

*) Дѣло № 264 Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. подъ заглавіемъ «Минское училище органистовъ.»

ника губерніи объ устройствѣ при одномъ изъ Минскихъ костеловъ, подъ наблюденіемъ декана, небольшого училища для подготовленія органистовъ, въ іюнѣ 1871 года, было испрошено Высочайшее разрѣшеніе—ассигновать единовременно изъ остатковъ отъ содержанія р.-к. духовенства сумму, какая потребуется на покупку органа для училища и вообще на устройство онаго, и отпускать ежегодно на содержаніе десяти воспитанниковъ школы по 1200 р. изъ того-же источника. Впослѣдствіи сумма, отпускаемая по смѣтѣ на содержаніе Минскаго училища органистовъ, была увеличена до 2000 р.

Въ 1877 г. было отпущено 21,953 р. 70 коп.—на устройство дома для названнаго училища. Въ томъ-же году, съ Высочайшаго разрѣшенія, Министерствомъ Вн. Дѣлъ утвержденъ уставъ Минскаго училища органистовъ.

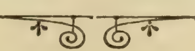
Въ настоящее время вполнѣ выяснилось, что цѣль, для которой учреждено было Минское училище органистовъ, должна считаться неосуществленной. Оно, по имѣющимся въ Департаментѣ по 1894 г. свѣдѣніямъ, выпустило всего 32 органистовъ, изъ коихъ 8 человѣкъ, вскорѣ по выходѣ изъ училища, были уволены отъ должности органиста. Остальные 24 не могли примѣнить къ дѣлу пріобрѣтенныя ими въ училищѣ знанія, такъ какъ число костеловъ съ богослуженіемъ на русскомъ языкѣ въ настоящее время не превышаетъ девяти. Между тѣмъ, большинству изъ нихъ производится, за одну, такъ сказать, готовность участвовать въ дополнительномъ богослуженіи на русскомъ языкѣ, по 180 р. въ годъ; на самое-же училище, со времени его учрежденія, израсходовано болѣе 105 тысячъ рублей, а содержаніе его ежегодно обходится около 350 р.

Спрошенный по сему предмету Минскій губернаторъ *) признаетъ дальнѣйшее существованіе сего училища ненужнымъ.

Принимая во вниманіе, что названное училище *не оказало никакой пользы дѣлу русскаго языка и въ настоящее время, въ виду неудачи общей мѣры, является безполезнымъ,* и что суммы, расходуемыя на его содержаніе, могли-бы съ бо́льшею пользою быть употребляемы на поддержаніе, до конца дней, тѣхъ р.-к. священниковъ, которые продолжаютъ и нынѣ, при скудномъ правительственномъ вознагражденіи, совершать дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, Департаментъ имѣетъ честь испрашивать разрѣшеніе Вашего Высокопре—ва на прекращеніе, съ осени текущаго года, пріема новыхъ учениковъ въ Минское училище органистовъ.»

Съ заведеніемъ быстро покончили. Да оно было и къ лучшему—въ виду духа и направленія, которое училище приняло....

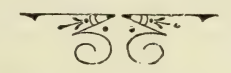
*) Въ это время губернаторомъ въ Минскѣ былъ кн. Н. Н. Трубецкой.

ГЛАВА VI-я.

(1872—73 годы).

Траурная манифестація, организованная Минскимъ отдѣломъ польско-іезуитской пропаганды противъ Сенчиковскаго и губернатора Токарева.—Любопытныя замѣтки покойнаго Сенчиковскаго о подчиненномъ ему духовенствѣ.—Попытка Минскаго губернатора повысить Сенчиковскаго—переводомъ его въ Вильну.—Яростный отпоръ со стороны ген. Потапова.—Грязный доносъ на Сенчиковскаго двухъ Минскихъ «дамъ».—Снова на сценѣ польско-іезуитская справа!—И все еще разъ—клевета!..—Ироническое объясненіе въ Виленскую р.-к. духовную консисторію Сенчиковскаго.—Новыя жалобы на него прихожанъ Св.-Троицкаго костела.—Покойный перевозитъ въ костелъ на Золотой Горкѣ прахъ своихъ родителей.

Враги Сенчиковскаго, конечно, по-прежнему, не дремали, а наводняли петербургскія канцеляріи жалобами, прошеніями, доносами. Но вся эта польско-іезуитская интрига, какъ о скалу, разбивалась о сочувствіе Тимашева и Макова Сенчиковскому.

2 февраля 1872 г., въ г. Минскѣ, состоялась грандіозная уличная манифестація –въ видѣ траурной процессіи, значительной толпы мѣстныхъ жителей, въ которой преобладалъ среднiй классъ. Толпа съ зажженными свѣчами въ рукахъ (такъ называемыми «громницами») двинулась изъ костела къ дому губернатора Токарева, какъ поддерживавшаго Сенчиковскаго, чтобы добиться запрещенія послѣднему—употреблять въ богослуженіи русскій языкъ. Процессія была быстро разогнана полиціей, а зачинщики ея—отставные чиновники Рачковскій, Шебеко, Польковскій и Вержбовскій, административнымъ порядкомъ, по распоряженію губернатора Токарева, высланы по этапу изъ Минска.

Какъ образчикъ доносовъ того времени на Сенчиковскаго, приведемъ здѣсь прошеніе, поданное Министру Внутр. Дѣлъ 9 февр. 1872 г. письмоводителемъ Минской губерніи, «Борисовскимъ уѣзднымъ стряпчимъ» Фелиціаномъ Петровичемъ Ягодзинскимъ: *)

«По приказанію викарнаго кс. Минскаго Златогорскаго р.-к. костела Маткевича, когда я прибылъ къ нему, то онъ предъявилъ мнѣ донесеніе, писанное имъ собственноручно на имя Минскаго губернскаго прокурора, и объявилъ, что желаетъ таковое подать въ собственныя руки. Какъ прокуроръ съ губернаторомъ не въ миролюбивыхъ отношеніяхъ, то и нескроетъ поступки Минскаго декана кс. Сенчиковскаго. Въ какомъ донесеніи изложено, что кс. Сенчиковскій тайнымъ образомъ взялъ изъ Блонскаго р.-к. костела чашу, въ коей сохранялись св. Тайны, книгу молитвенную, обдѣланную въ серебро, съ которой серебро снялъ, и таковыя обратилъ въ свою пользу; изъ Минскихъ—Златогорскаго костела—большое зеркало, серебряную дароносицу, два ковра, факелъ, пожертвованный въ оный костелъ, нѣсколько подсвѣчниковъ чистаго серебра, три серебряные креста, снятые имъ, Сенчиковскимъ, съ образа св. Роха, и проч., съ Маріинскаго костела, въ ночное время, т. е. послѣ девяти часовъ вечера, пріѣхавши самъ одинъ, велѣлъ отпереть кос-

*) Дѣло Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій № 63 «Священникъ Сенчиковскій.»

телъ, забралъ ковры, золотыя и серебряныя вещи; такъ равно, что кс. Сенчиковскій ведетъ самую блудную и развратную жизнь, такъ, что даже велитъ своей прислугѣ, находящейся у него хозяйкою, раздѣться до нага и привести къ себѣ, и о прочихъ подобныхъ поступкахъ, такъ что я даже, проситель, не осмѣливаюсь въ семъ прошеніи пояснить. И когда о таковыхъ поступкахъ Минскаго декана кс. Сенчиковскаго объявилъ мѣстному начальству, какъ и публикою, было подаваемое прошеніе Минскому губернатору, каковаго вовсе не принялъ, а для скрытія святокрадскихъ и чудоложскихъ поступковъ ксендза Сенчиковскаго меня безъ всякаго слѣдствія предали суду. Но, будучи православнымъ и ни къ какимъ сектамъ непринадлежащій, видя такіе неслыханные поступки, а особенно духовнаго лица, не могу умолчать, опасаясь наказанія отъ Всевышняго Создателя и отъ Правительства.

А потому пріемлю смѣлость припасть къ стопамъ Вашего Высоко—ва въ защиту моей правильности и къ открытію самой истины, всепокорнѣйше просить--назначить комиссію съ откомандированіемъ предсѣдателя таковой комиссіи. Тогда будутъ всѣ поступки кс. Сенчиковскаго открыты, и какая послѣдуетъ резолюція мнѣ, просителю, объявить. Сіе прошеніе, по бѣдности своей, писалъ на сей бумагѣ *) письмоводитель Ягодзинскій».

На копіи прошенія—помѣтка: «сообщаю начальнику Минской губерніи. 17 марта 1872 г.»

По провѣркѣ все, написанное доносчикомъ, оказалось неправдою, было опровергнуто, а самому Ягодзинскому сдѣлано надлежащее внушеніе.

Озабоченный устройствомъ, организаціей и жизнью своего любимаго дѣтища—училища органистовъ, какъ важнаго пособія въ дѣлѣ располяченія костела, Сенчиковскій не оставляетъ и въ 1872 году главнаго, чему придавалъ особое значеніе,—борьбы съ ксендзами, противодѣйствовавшими его нововведеніямъ, и съ поддерживающими ихъ польскими помѣщиками.

Мы обойдемъ нѣкоторыя событія изъ его жизни, въ которыхъ повторились, въ томъ или иномъ видѣ, обстоятельства раннихъ его столкновеній по тому-же поводу, такъ какъ въ этомъ направленіи можно было-бы исписать сотни листовъ бумаги. Скажемъ только, что, какъ это видно изъ оффиціальной переписки, энергія Сенчиковскаго не уменьшалась. Напротивъ,—онъ, пользуясь поддержкою Минска и Петербурга, начинаетъ вмѣшиваться даже въ дѣла сосѣднихъ, неподвѣдомственныхъ ему деканатовъ, когда усматриваетъ тамъ польско-іезуитскую крамолу.

---

*) Полу-бѣлая бумага.

Такъ, 28 февраля 1872 г., за № 274, *) онъ доноситъ Минскому губернатору:

«Дошло до моего свѣдѣнія, что викарный Раковскаго прихода кс. Бутарлевичъ не только усердно интригуетъ противъ введенія русскаго языка въ католической Церкви, но до того по-іезуитски дѣйствуетъ, что выговариваетъ принявшимъ Православіе, дабы они въ настоящемъ Великомъ Посту не совершали пасхальной исповѣди у православнаго священника, а прямо у него, по обряду католическому, именно потому, что кто въ нынѣшнемъ году недопуститъ введенія русскаго языка, или кто будетъ у исповѣди по католическому обряду, тотъ навсегда останется полякомъ и католикомъ. Несмотря на то, что м. Раковъ не моего деканата, о таковомъ поступкѣ кс. Бутарлевича считаю, однако-же, долгомъ донести Вашему Пре—ву.»

21 іюня того-же года **) Начальникъ Минск. губ. жанд. управленія донесъ губернатору, что «деканъ Минскаго уѣзда, настоятель Каменскаго костела, кс. Олехновичъ, 8 числа сего іюня прибывъ въ м. Раковъ и, остановясь въ становой квартирѣ, потребовалъ къ себѣ ксендзовъ Раковскаго костела Свидерскаго и Бутарлевича; за отсутствіемъ послѣдняго явился одинъ Свидерскій, который, на предложеніе декана Олехновича—о принятіи въ дополнительное богослуженіе русскаго языка, отвѣтилъ: «какъ я, такъ и Бутарлевичъ никогда не примемъ русскаго языка въ богослуженіе. У насъ есть еще совѣсть и мы готовы снести какое угодно наказаніе, а слóва своего не измѣнимъ.» — Вслѣдствіе чего предписаніе декана Олехновича не имѣло успѣха.»

Въ заключеніе начальникъ жандармскаго управленія говоритъ:

«Прихожане другихъ костеловъ Минскаго уѣзда, гдѣ богослуженіе отправляется на русскомъ языкѣ, обратились всѣ за требами въ Раковскій костелъ.»

Надо думать, что къ этому (приблизительно) времени относятся замѣтки Сенчиковскаго съ характеристиками ксендзовъ, съ которыми его столкнула въ Минской губерніи дѣйствительность.

Во всякомъ случаѣ, эти документы указываютъ на основательное знаніе имъ тѣхъ элементовъ враждебнаго лагеря, съ которыми ему приходилось бороться, на тонкость психологіи покойнаго.

Первая замѣтка (безъ даты) озаглавлена:

«*Вѣдомость р. к. церквамъ, въ которыхъ введенъ и утвержденъ*

*) Дѣло канцеляріи Минскаго губернатора 1872—73 г., № 76.

**) Тамъ-же.

Министерствомъ русскій языкъ, и находящимся при оныхъ ксендзамъ.» *)

1. «*Минскій Св.-Троицкій.* Въ этомъ приходѣ постоянно, съ 1871 г., употребляется только русскій и латинскій языки. Администраторъ деканъ, каноникъ Ф. Сенчиковскій.

2. *Въ мѣст. Каменѣ* Кс. Олехновичъ (онъ-же и деканъ по Минскому уѣзду) постоянно употребляетъ русскій языкъ, но сильно преслѣдуемъ поляками и епархіальнымъ управленіемъ

3. *Въ м. Койдановѣ* администраторъ кс. Эйзенблеттеръ только въ молебствіи за Царствующій Домъ употребляетъ русскій языкъ; остальное-же все —на польскомъ языкѣ, хотя выдалъ подписку — служить на русскомъ языкѣ. Викарный-же кс. Піонтковскій служитъ на польскомъ языкѣ.

4. *Въ м. Уздѣ.* Вновь назначенный кс. Людовичъ, хотя и выдалъ подписку въ томъ, что будетъ употреблять русскій языкъ, но не служитъ на русскомъ языкѣ. Прежде въ м. Уздѣ, четыре года, постоянно былъ употребляемъ русскій языкъ

5. *Въ м. Свержнѣ.* Администраторъ кс. Маркевичъ постоянно служитъ молебствіе за Царствующій Домъ на русскомъ языкѣ. Это—добросовѣстный и честный старикъ.

6. *Въ уѣздн. городѣ Борисовѣ.* Деканъ кс. Піотровскій далеко не духовной и нетрезвой жизни, весьма недобросовѣстно и очень рѣдко (именно тогда только, когда въ костелѣ присутствуетъ кто-либо изъ оффиціальныхъ лицъ) совершаетъ молебствіе на русскомъ языкѣ; постоянно-же служитъ по-польски, несмотря на то, что подписку выдалъ въ томъ, что рѣшительно все будетъ служить на русскомъ языкѣ Въ Борисовскомъ костелѣ, въ бытность Борисовскимъ деканомъ каноника Сенчиковскаго, рѣшительно все совершалось на русскомъ языкѣ.

Кс. Піотровскаго сильно поддерживаетъ Логойскій становой приставъ и Борисовскій исправникъ. Жены этихъ лицъ — ярыя польки, хотя православныя, но рождены отъ католиковъ и уроженки Царства Польскаго

7. *Село Корженъ.* Хотя русскій языкъ введенъ уже нѣсколько лѣтъ, но не имѣется администратора

8. *М. Околово.* Админ. кс. Войновскій выдалъ подписку — служить на русскомъ языкѣ, но не служитъ Это — недобросовѣстный человѣкъ.

9. *Село Хотаевичи* Адм. кс. Пучинскій выдалъ подписку, но не служитъ на русскомъ языкѣ — по оплошности декана Піотровскаго.

10. С. *Дзедзиловичи.* Адм кс. Сырповичъ подписку выдалъ, но не служитъ на русскомъ языкѣ.

---

*) Изъ бумагъ С., находящихся у А. В. Ж—ча.

11. *М. Логойскъ.* Адм. кс. Лазаревичъ подписки не выдавалъ и, за противодѣйствіе русскому языку, сидѣлъ долгое время безъ мѣста и подъ надзоромъ полиціи. Однако-же епархіальное управленіе назначило его администраторомъ при томъ костелѣ, въ которомъ русскій языкъ былъ употребляемъ двумя администраторами, т. е. кс. кс. Эйзенблеттеромъ и Добкевичемъ.

12. *С. Кем шевцы.* Нѣсколько лѣтъ уже нѣтъ ксендза; но русскій языкъ былъ употребляемъ прежде.

13. *М. Холопеничи.* Нѣтъ ксендза; но русскій языкъ былъ прежде употребляемъ.

14. *М. Зембинъ.* Адм. Сомковичъ выдалъ подписку, но не служитъ на русскомъ языкѣ, хотя этотъ человѣкъ охотно служилъ и добросовѣстно исполнялъ прежде все на русскомъ языкѣ. Это—умный, честный, далеко не фанатикъ, а, главное, —безукоризненнаго поведенія. Но, по оплошности декана Піотровскаго и по причинѣ мѣстныхъ обстоятельствъ, главное-же, опасаясь преслѣдованія и нуждаясь въ поддержкѣ, онъ стушевался.

15. *М. Березина.* Нѣтъ ксендза. Русскій языкъ прежде былъ употребляемъ.

16. *Зашт. гор. Докшицы.* Адм кс. Горбатовскій подписку выдалъ, но не служитъ, только иногда молебенъ за Царствующій Домъ и то очень рѣдко.

Вообще въ Борисовскомъ деканатѣ, кс. Піотровскій, получая отъ помѣщиковъ и ксендзовъ дань, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на употребленіе русскаго языка, а, главное, заботится объ уплатѣ долговъ, которыхъ собралось уже очень много. Нѣкоторымъ ксендзамъ, напримѣръ кс. Пучинскому, жалованья не уплатилъ уже 1150 р. Вотъ почему въ Борисовскомъ деканатѣ прежде употреблялся русскій языкъ, а въ настоящее время или употребляется только поверхностно, или совсѣмъ не употребляется.

17. *Г. Игуменъ.* Админ. и деканъ кс. Юргевичъ прежде служилъ почти все добавочное богослуженіе на русскомъ языкѣ, но, когда епархіальное управленіе, безъ всякой причины, перемѣстило его изъ прекраснаго прихода (Радошковичи) и никто его не поддержалъ, то онъ обратился къ г. губернатору Токареву, выдалъ подписку и служитъ только молебствіе на русскомъ языкѣ.

18. *Село Блонь.* Админ. кс Наркевичъ—человѣкъ весьма испорченной нравственности, родомъ изъ Жмуди; грубъ, ярый фанатикъ, интриганъ противъ русскаго языка, сильно вліяющій на простой народъ; сплетнями и обѣщаніями всѣхъ благъ за сопротивленіе русскому языку, онъ сильно тормазитъ развитіе русскаго языка.—Ксендзъ этотъ назначенъ въ Блонь во время отсутствія г. губернатора. Въ Блони-же, съ 1869 года, введенъ русскій языкъ, и это—первый приходъ, въ которомъ сами при-

хожане подали прошеніе объ утвержденіи русскаго языка, во время бытности тамъ ксендза Сенчиковскаго.

19. *С. Серафинъ.* Адм. ксендзъ Карпь Служитъ только молебствіе за Царствующій Домъ, но и то рѣдко.

20. *С. Королещевичи.* Адм. кс. Бертовичъ, человѣкъ весьма нравственный, честный и вполнѣ добросовѣстно употребляетъ русскій языкъ, а, главное, сладостью характера и знаніемъ духа простого народа, весьма хорошо вліяетъ на народъ. Но и его безъ всякой причины перевели изъ г. Игуменя, т. е. изъ хорошаго прихода въ дурной, чѣмъ и этого старика обидѣли и отняли у него охоту къ труду въ пользу русскаго дѣла.

21. *Г. Бобруйскъ.* Деканъ кс. Макаревичъ служитъ только молебствіе на русскомъ языкѣ, хотя выдалъ подписку служить на языкѣ русскомъ. А викарный его служитъ на польскомъ языкѣ. Самъ Макаревичъ все остальное тоже служитъ на польскомъ языкѣ. Это тонкій, весьма корыстолюбивый человѣкъ, заботящійся больше о собственномъ положеніи, чѣмъ о положеніи русскаго дѣла.

22. *М. Глускъ.* Адм. кс. Гедройцъ служитъ на русскомъ языкѣ молебствіе, а остальное все—на польскомъ языкѣ.

23. *М. Свислочь.* Адм. кс. Бабицкій не выдалъ подписки, однако-жъ сдѣланъ администраторомъ, несмотря на то, что въ этомъ костелѣ русскій языкъ утвержденъ г. Министромъ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ употреблялся.

24. *Хоромцы.* Адм. кс. Воеводскій, фанатикъ и ярый полякъ, не выдалъ подписки, хотя въ этомъ приходѣ утвержденъ г. Министромъ русскій языкъ и былъ употребляемъ нѣкоторое время кс. Вроченскимъ.

25. *Г. Мозырь.* Деканъ и администраторъ кс. Янковскій служитъ на русскомъ языкѣ только молебенъ. Викарный-же служитъ все по-польски.

26. *М. Петрыковъ.* Адм. кс. Добожинскій—очень недобросовѣстно и только молебенъ служитъ на русскомъ языкѣ, хотя прежде, въ этомъ костелѣ, кс. Бертовичъ служилъ все на русскомъ языкѣ.

27. *Г. Пинскъ.* Деканъ прелатъ Мошинскій—весьма честный, добросовѣстный старикъ. Онъ служитъ только на латинскомъ языкѣ, а гдѣ уже никакъ нельзя по-латынѣ, то—по-польски. Но онъ могъ-бы молебенъ служить на русскомъ языкѣ, если-бы заставить его, ибо онъ не фанатикъ.

28. *Г. Слуцкъ.* Адм. кс. Кулаковскій—человѣкъ ученый и далеко не фанатикъ; много испыталъ непріятностей по причинѣ чистосердечнаго усердія по русскому языку. Его тоже, по причинѣ интригъ и негодованія князя Радзивилла, безъ всякаго повода перемѣстили изъ г. Несвижа въ Слуцкъ, чѣмъ убили въ немъ энергію и предали его посмѣшищу и порицанію польской

партіи. Онъ добросовѣстно употребляетъ русскій языкъ, но, по болѣзненной раздражительности, весьма много страдаетъ отъ поляковъ.

29. *Г. Несвижъ.* Адм. ксендзъ Вроченскій выдалъ подписку и постоянно служитъ на русскомъ языкѣ, но только молебенъ.

30. *М. Клецкъ.* Адм. ксендзъ Подлипскій – фанатикъ и тонкій полякъ; въ большихъ милостяхъ у князя Радзивилла; выдалъ подписку въ томъ, что только будетъ служить на латинскомъ языкѣ. Но это—весьма нелогично, ибо съ народомъ онъ не будетъ-же говорить по-латынѣ Это—хитрая лазейка, дабы только отдѣлаться отъ русскаго языка.

31. *Вселюбъ.* Адм. ксендзъ Исаевичъ—тонкій интриганъ противъ русскаго языка и фанатикъ. Весьма дружно живетъ съ ополяченными чиновниками и, поэтому, благоденствуетъ. Не выдалъ подписки и не служитъ на русскомъ языкѣ; однако-жъ назначенъ въ тотъ приходъ, въ которомъ уже нѣсколько лѣтъ русскій языкъ употребляется въ молебствіи за Царствующій Домъ.

32. *М. Березина* (Игуменскаго уѣзда). Адм. кс. Войчинскій, возвращенный изъ ссылки, выдалъ подписку и служитъ молебенъ за Царствующій Домъ на русскомъ языкѣ».

«Вѣдомость» заканчивается такими соображеніями Сенчиковскаго:

«Общая и главная причина, почему многіе ксендзы, выдавшіе подписку, или совершенно не употребляютъ русскій языкъ, или игнорируютъ его и обманываютъ, *это—сильное и тонкое іезуитское преслѣдованіе, какъ епархіальнымъ управленіемъ, такъ и польской интеллигенціей, лишеніе всѣхъ приходскихъ финансовыхъ доходовъ и недостатокъ обезпеченія и поддержки со стороны мѣстныхъ властей.*

Случаются въ провинціи исправники и становые пристава, окруженные польскими интриганами, пропагандистами, которые сильно вліяютъ на чиновника, непонимающаго сущности дѣла, почему чиновникъ, хладнокровно относясь къ ксендзу, служащему на русскомъ языкѣ, поддерживаетъ недобросовѣстнаго ксендза въ неупотребленіи русскаго языка Многіе-же изъ чиновниковъ, или женатые на польскихъ фанатичкахъ, или происходящіе изъ поляковъ, пропитаны польскими стремленіями до того, что сами преслѣдуютъ ксендза, употребляющаго русскій языкъ, что̀—весьма на руку польской партіи. И нерѣдко сами-же поляки подсылаютъ и подводятъ этакихъ, по имени русскихъ, православныхъ, чѣмъ и скрываютъ свою собственную интригу.

Дабы дѣло подвинуть впередъ, дабы ксендзы всецѣло могли приняться за это-же дѣло, необходимы твердая поддержка Пра-

вительства и обезпеченіе, дабы преданные дѣлу люди совершенно не зависѣли отъ прихожанъ въ матеріальномъ отношеніи и самостоятельно могли-бы положиться на Правительство въ томъ отношеніи, что они не будутъ погублены и обижены епархіальнымъ управленіемъ и польскою партіею, а, главное, дабы ксендзъ, служащій на русскомъ языкѣ, послѣ того, какъ онъ устроилъ свой приходъ, не былъ-бы перемѣщаемъ, безъ его согласія и безъ причины, съ лучшаго мѣста на худшее, ибо эта мѣра, принятая поляками и епархіальнымъ управленіемъ, окончательно убиваетъ духъ и энергію, совершенно отнимая охоту къ дѣлу, предаетъ насмѣшкѣ враговъ и дѣло, и людей, служащихъ этому дѣлу.

Въ остальныхъ костелахъ Минской губерніи, хотя не утвержденъ Министерствомъ русскій языкъ, но въ оныхъ нѣсколько разъ было совершаемо добавочное богослуженіе и молебствіе за Царствующій Домъ на русскомъ языкѣ. Это было въ бытность каноника Сенчиковскаго военнымъ капеланомъ и во время дѣланія имъ-же генеральныхъ, отъ имени управляющаго епархіей, ревизій, такъ что въ Минской губерніи нѣтъ ни одного костела, въ которомъ-бы прихожане не менѣе четырехъ разъ слушали богослуженіе на русскомъ языкѣ.

Кромѣ вышесказаннаго, необходимо устроить ближайшій надзоръ надъ ксендзами и приходами, въ которыхъ уже введенъ русскій языкъ въ Минской губерніи Для этого необходимо назначить лицо, въ родѣ помощника управляющаго епархіей. Тогда ксендзы будутъ имѣть опору и защитника. А это лицо, облеченное гораздо бо́льшею властью, чѣмъ обыкновенный деканъ, болѣе самостоятельное, а тѣмъ самымъ съ бо́льшимъ успѣхомъ наблюдающее за ходомъ дѣла, поддержитъ соотвѣтствующихъ ксендзовъ. И тогда оно не только не допуститъ окончательно пасть таковое, но, при помощи Божьей, подвинетъ дѣло впередъ. При нынѣшнемъ-же положеніи дѣла и при окончательномъ несочувствіи епархіальнаго управленія, дѣло это непремѣнно и окончательно уничтожится.»

Какъ-бы дополненіемъ къ этой замѣткѣ служитъ разговоръ съ Сенчиковскимъ профессора М. О. Кояловича, приведенный въ статьѣ послѣдняго подъ заглавіемъ «Польское приглашеніе бѣлорусскаго юношества къ сепаратизму» *).

«Недавно мнѣ случилось видѣться съ однимъ почтеннымъ бѣлорусскимъ ксендзомъ», пишетъ Кояловичъ: «съ которымъ я давно нахожусь въ пріятельскихъ отношеніяхъ и который имѣетъ мужество признавать себя не полякомъ, а русскимъ **). Я,

*) «Нов. Время», 1882 г. Статья перепечатана въ «Литовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» 1882 г. № 10-й.

**) Каноникъ Сенчиковскій.

между прочимъ, спросилъ почтеннаго ксендза: «Чего теперь хотятъ бѣлорусскіе поляки?»—«Чтобы поменьше было русскихъ людей въ нашей странѣ,» отвѣчалъ онъ. Того-же желаютъ и тѣ поляки, которые приглашаютъ бѣлорусское юношество къ сепаратизму.»

Вторая «замѣтка» *) Сенчиковскаго, тоже безъ даты, но, судя по почерку писца и бумагѣ,—одновременнаго происхожденія съ предыдущей:

«Кс. Піотровскаго перемѣстить въ Холопеничи, или въ другой какой-либо приходъ, а кс. Сомковича—въ г. Борисовъ (и сдѣлать деканомъ).

Кс. Наркевича удалить изъ Блони и выслать изъ Минской губ. въ Вильну.

Кс. Бертовича возвратить въ г. Игумень, сдѣлать деканомъ, или наградить наперстнымъ крестомъ съ оставленіемъ на мѣстѣ въ Королещевичахъ.

Кс. Юргевича, который очень обиженъ и недоволенъ перемѣщеніемъ въ г. Игумень, перемѣстить обратно въ м. Радошковичи или въ г. Новогрудокъ.

Кс. Олехновича оставить на мѣстѣ и на деканской должности.»

Изъ этихъ замѣтокъ Сенчиковскаго видно, какъ трудно было ему найти подходящихъ людей въ средѣ р.-к. духовенства, которые были-бы съ нимъ солидарны и на которыхъ можно было-бы положиться...

Бумаги Сенчиковскаго, хранящіяся въ Импер. Публ. Библіотекѣ, полны замѣтками его и перепискою о безнравственной жизни р.-к. духовенства, ему подчиненнаго. Развратъ, пьянство, сожительство съ женщинами сомнительнаго поведенія, «семейныя» неурядицы и скандалы, поборы съ населенія (какъ говорится «съ живого и мертваго») для поддержанія многочисленныхъ членовъ семействъ, иногда накопившихся отъ двухъ браковъ—вотъ обычныя явленія, которыя его возмущали и на которыя, при безбрачіи духовенства, приходилось ему смотрѣть поневолѣ снисходительно, сквозь пальцы.

Не были безупречны въ этихъ отношеніяхъ и тѣ ксендзы, которые соглашались употреблять русскій языкъ въ дополнительномъ богослуженіи и твердо держались данной подписки.

А народъ все видѣлъ, былъ посвященъ во всѣ тайны ксендзовскаго быта и.... поучался.

Минскій губернаторъ Токаревъ, хорошо знавшій Сенчиковскаго и его дѣятельность, а также враговъ его и общее положеніе того времени въ Минской губерніи, хотѣлъ не только наградить Сенчиковскаго, но, выдѣливъ его въ средѣ духовенства, поднять его авторитетъ и значеніе.

*) Изъ бумагъ С., находящихся у А. В Ж-ча.

Когда въ Вильнѣ случилось надѣлавшее много шума убійство преданнаго Россіи прелата Тупальскаго (по общему убѣжденію, явившагося жертвой польско-іезуитской пропаганды за честное введеніе русскаго языка въ дополнительное богослуженіе), то Токаревъ пытается на мѣсто его (ассесора Виленской р.-к. духовной консисторіи) провести Сенчиковскаго, почему и посылаетъ конфиденціальное письмо (отъ 15 мая 1872 г., № 130) Директору Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій гр. Сиверсу *) слѣдующаго содержанія:

«Мил. Государь графъ Еммануилъ Карловичъ. Начавшій въ Минской губерніи дѣло введенія русскаго языка при католическомъ богослуженіи, деканъ Сенчиковскій съ успѣхомъ выполнилъ свою задачу. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла во ввѣренной мнѣ губерніи не нуждается въ личномъ его присутствіи. Напротивъ, *на Сенчиковскаго, какъ перваго, выступившаго на указанный Правительствомъ путь,* обрушивается все негодованіе фанатической части населенія, и, при другомъ руководителѣ, вводимый порядокъ встрѣтилъ-бы менѣе сопротивленія. Но въ виду значительныхъ заслугъ Сенчиковскаго предъ Правительствомъ, его неудобно переводить на низшую должность. Въ настоящее время, вслѣдствіе убійства прелата Тупальскаго, открывается вакансія ассесора Виленской Духовной Консисторіи. Если-бы Ваше Сіятельство сочли возможнымъ предоставить эту вакансію декану Сенчиковскому, то назначеніе это, поощривъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ лишило-бы дѣйствія его единоличнаго характера, и тѣмъ придало-бы таковымъ болѣе вѣсу въ глазахъ духовенства. Въ Минской-же губерніи такое назначеніе произвело-бы весьма благотворительное вліяніе, какъ на духовенство, такъ и на мірянъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

В. Токаревъ.»

Вслѣдствіе этого письма, гр. Сиверсъ конфиденціально, письмомъ-же, сообщивъ подробно содержаніе заявленія губернатора Токарева генералъ-губернатору Потапову (9 іюня 1872 года, за № 42/29), **) пишетъ, между прочимъ, послѣднему:

«Полагая съ своей стороны, что было-бы желательно осуществить это предположеніе Д. С. С. Токарева, которое, независимо отъ указанныхъ губернаторомъ благопріятныхъ послѣдствій, имѣло-бы и ту пользу, что усилило-бы въ капитулѣ число лицъ, дѣйствующихъ въ духѣ Правительства, я имѣю честь сообщить о вышеизложенномъ Вашему Пре—ву. Конечно, я не сомнѣваюсь, что проведеніе этой мѣры встрѣтитъ нѣкоторыя попытки къ противодѣйствію ей; но тогда можно будетъ объяснить

*) Дѣло Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд. № 63 «Свящ. Сенчиковскій.»
**) Тамъ-же.

прелату Жилинскому, что ему надлежало-бы воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы на дѣлѣ оправдать данныя имъ, при словесныхъ объясненіяхъ въ С.-Петербургѣ, обѣщанія.»

По быстротѣ, съ какой Потаповъ отвѣчаетъ гр. Сиверсу, по тону отвѣта, можно судить о той ярости, въ какую привела Виленскаго генералъ-губернатора перспектива—увидѣть въ Вильнѣ, возлѣ себя, на почетной должности, столь ненавистнаго ему человѣка, какъ Сенчиковскій.

Вотъ что (16 іюня 1872 г., за № 77), *) конфиденціально-же, пишетъ онъ гр. Сиверсу:

«Получивъ сегодня письмо Вашего Сіятельства отъ 9 іюня № 42, спѣшу увѣдомить, что всѣ представленныя Минскимъ губернаторомъ соображенія относительно кс. Сенчиковскаго вполнѣ справедливы и должны-бы быть безусловно приняты во вниманіе, если-бы кс. Сенчиковскій, какъ близко извѣстно и Вашему Сіятельству, не былъ самаго предосудительнаго поведенія. Положительно извѣстно, что, благодаря своему поведенію, кс. Сенчиковскій заслужилъ полное презрѣніе не только отличающихся фанатизмомъ римско-католиковъ, но и всѣхъ честныхъ людей, знакомыхъ съ образомъ его жизни и дѣйствіями. Могу сослаться при этомъ на отзывъ, лично мнѣ переданный Директоромъ Канцеляріи Министра Тайнымъ Совѣтникомъ Маковымъ, которому, какъ землевладѣльцу Минской губерніи, близко извѣстны поступки кс. Сенчиковскаго.

По моему глубокому убѣжденію, уважающее себя Правительство не вправѣ поощрять и повышать лицъ, хотя и оказавшихъ ему услуги, но заслужившихъ всеобщее презрѣніе; въ настоящемъ-же случаѣ, еслибы и могла произойти нѣкоторая польза отъ удаленія кс. Сенчиковскаго изъ Минской губерніи, то едва-ли эта польза можетъ быть поставлена въ равновѣсіе съ тѣми справедливыми нареканіями, которыя неизбѣжно возбудитъ назначеніе его въ званіе прелата Виленскаго Каѳедральнаго Капитула, могущее окончательно уронить въ глазахъ р.-к. населенія это званіе, и безъ того, къ сожалѣнію, непользующееся должнымъ значеніемъ и уваженіемъ.

Въ виду всего изложеннаго и принимая во вниманіе, 1) что я, съ своей стороны, въ отзывѣ моемъ Виленскому губернатору отъ 27 минувшаго мая, № 5544, уже изъявилъ согласіе на назначеніе вмѣсто прелата Тупальскаго каноника Капитула Клементія Линкина, и 2) что въ настоящее время предпочтеніе съ моей стороны этому канонику, о которомъ имѣются весьма выгодные отзывы въ пользу лица, отнюдь несоотвѣтствующаго важному

---

*) Тамъ-же.

значенію прелата Капитула, могло-бы компрометировать званіе генералъ-губернатора,—я не счелъ даже удобнымъ сообщить содержаніе письма Вашего Сіятельства прелату препозиту Жилинскому и убѣдительно просилъ-бы Васъ, отклонивъ кандидатуру кс. Сенчиковскаго, оказать содѣйствіе къ назначенію на открывающуюся вакансію каноника Линкина.»

Конечно, въ виду подобнаго энергичнаго противодѣйствія со стороны Потапова, проектированное назначеніе Сенчиковскаго въ Вильну не состоялось. Но смѣло, съ документами въ рукахъ, можемъ сказать, что все, столь прозрачно, въ видѣ намековъ и общихъ фразъ, сказанное въ письмѣ къ гр. Сиверсу о жизни и поведеніи Сенчиковскаго, явилось сплошною клеветою.

Между тѣмъ, исторія съ процессіей 2 февраля 1872 г. изъ костела къ дому губернатора, о которой мы упоминали въ началѣ этой главы, еще не кончилась.

Такъ, Могилевскій архіепископъ, Митрополитъ всѣхъ р.-к. въ россійской Имперіи церквей Фіалковскій (3 іюля 1872 г., за № 1543) *) пишетъ Мин. Вн. Дѣлъ генералъ-адъютанту Тимашеву:

«Жены отставныхъ чиновниковъ Рачковская и Шебекова вошли ко мнѣ съ прошеніемъ, въ которомъ жалуются на Минскаго декана кс. Сенчиковскаго, а также на мѣстныя гражданскія власти за несправедливую, будто-бы, высылку ихъ мужей въ отдаленныя губерніи, съ приложеніемъ объяснительной записки о безнравственныхъ и противузаконныхъ поступкахъ кс. Сенчиковскаго.

Усматривая изъ прошенія, что переписка по сему дѣлу восходила уже въ Министерство и что обсужденіе законности дѣйствій к. Сенчиковскаго и мѣстныхъ властей подлежитъ вѣдѣнію высшаго гражданскаго начальства, имѣю честь означенное прошеніе съ запискою препроводить на благоусмотрѣніе и дальнѣйшее распоряженіе Вашего Высокопре—ва».

Самое прошеніе женъ отставныхъ чиновниковъ Рачковской и Шебековой на имя Митрополита Фіалковскаго, упоминаемое въ перепискѣ (отъ 11 іюня 1872 года **), заключается въ слѣдующемъ:

«Сего года, 2 февраля, прихожане С. Маріинскаго Минскаго костела, въ день Божьей Матери Громничной, посредствомъ трехъ избранныхъ изъ среды себя лицъ, подали прошеніе г. Начальнику губерніи, за подписомъ 183 домохозяевъ—о воспре-

---

*) Дѣло Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд. «Свящ. Сенчиковскій», № 63.
**) Тамъ-же.

щеніи декану Сенчиковскому—отправлять богослуженіе на русскомъ языкѣ (какъ этого не требуетъ верховная правительственная власть) и о преданіи суду того-же Сенчиковскаго за похищеніе имъ церковнаго имущества Для узнанія-же, какая послѣдуетъ на поданное прошеніе резолюція, многіе, по окончаніи литургіи, выйдя изъ костела и держа громничныя свѣчи въ рукахъ, ожидали возврата посланныхъ къ губернатору; но когда таковые, возвратясь, объявили, что г. начальникъ губерніи прошенія не принялъ (считая оное подлежащимъ вѣдомству властей духовныхъ), то всѣ, остановившіеся на площади, противъ костела и дома губернаторскаго, тотчасъ спокойно разошлись по домамъ.

Минская полиція, пользуясь исключительнымъ, въ настоящее время, положеніемъ Западнаго края, дабы отличиться рачительностью по службѣ предъ высшимъ начальствомъ, подачу вышеупомянутаго прошенія (которое теперь разсматривается уже въ Правит. Сенатѣ, по представленію онаго прихожанами при особой жалобѣ), а также собраніе выходящихъ изъ костела, на площади, особенно со свѣчами въ рукахъ, назвала демонстраціей противъ Правительства, и вслѣдствіи таковаго превратнаго толкованія истины, четырехъ, названныхъ полиціею зачинщиками, а именно мужей нашихъ, равно Польковскаго и Вержбовскаго, г. начальникъ губерніи, безъ всякихъ объясненій и предварительнаго въ чемъ слѣдовало дознанія, административнымъ порядкомъ выслалъ по этапу, какъ преступниковъ, въ Сибирь или отдаленныя Великорусскія губерніи

Таковымъ несправедливымъ наказаніемъ людей невинныхъ, честнаго поведенія, которые долговременными государственными службами доказали вполнѣ свою преданность Престолу и Отечеству, наказаны и ихъ семейства, оставшіяся теперь безъ всякихъ средствъ къ дневному существованію, и хотя поданы уже нами и мужьями нашими жалобы гг. Шефу Жандармовъ, Министру Вн. Дѣлъ и въ Правительствующій Сенатъ на столь вопіющій произволъ со стороны мѣстныхъ властей, домогаясь только правосудія, но и по сіе время никакого удовлетворительнаго распоряженія не сдѣлано.

Между тѣмъ, деканъ Сенчиковскій, человѣкъ совершенно порочной жизни, недостойный быть служителемъ св. алтаря, какъ состоящій уже подъ слѣдствіемъ по многимъ уголовнымъ дѣламъ, и по сіе время не устраненъ отъ занимаемой должности приходского священника, хотя прихожане жаловались на него поданными прошеніями Виленской консисторіи и С.-Петербургской Р.-К. Коллегіи; но по жалобамъ этимъ тоже не сдѣлано никакого распоряженія, а Сенчиковскій угрожаетъ постоянно, что ежели кто будетъ на него-же жаловаться, то каждаго встрѣтитъ участь такая, какая постигла мужей нашихъ».

Въ концѣ прошенія просительницы умоляли митрополита — принять участіе въ исходатайствованіи у Правительства назначенія относительно мужей ихъ формальнаго слѣдствія, а также объ истребованіи отъ кого слѣдуетъ прошеній прихожанъ на Сенчиковскаго, какъ на священника, который «поведеніемъ своимъ приноситъ безчестіе католическому духовенству, не можетъ служить примѣромъ и для подвѣдомственнаго духовенства».

Къ прошенію была приложена замѣтка (безъ подписи) подъ заглавіемъ: «Объясненія, изложенныя по пунктамъ о противузаконныхъ поступкахъ учителя нравственности, декана Фердинанда Сенчиковскаго».

Въ замѣткѣ этой говорится слѣдующее:

«1) Деканъ Минскій, учитель нравственности и Закона Божія, Фердинандъ Сенчиковскій, изъ Блонскаго костела, въ Игуменскомъ уѣздѣ, забралъ къ себѣ серебряную чашу и два таковыхъ подсвѣчника, служебникъ (мисалъ) въ окладкахъ изъ фіолетоваго бархата съ золотыми нарожниками, кои уже сорвалъ для продажи.

Изъ Минско-Троицкаго костела забралъ къ себѣ ковры, фотель вызолоченный, пожертвованный г-жею Ралинскою, два серебряные подсвѣчника, стѣнные часы, большое стѣнное зеркало и поснималъ съ образа св. Роха серебряныя вещи, пожертвованныя прихожанами.

Изъ Минско-Маріинскаго костела забралъ два ковра, прислонку съ золотой проволокой (Timele Deum) и другія вещи.

О чемъ викарный Маткевичъ, опасаясь могущей пасть на него отвѣтственности, донесъ оффиціально рапортомъ въ Виленскую р.-к. духовную консисторію и о томъ многимъ разсказывалъ въ г. Минскѣ. О таковомъ захватѣ Сенчиковскимъ въ свою пользу костельныхъ вещей чиновникъ Ягодзинскій подалъ на Высочайшее Имя прошеніе, а также г.г. Министру Юстиціи и Шефу жандармовъ.

2) Въ февралѣ мѣсяцѣ 1872 г. Ф. Сенчиковскій, посредствомъ еврея Берки Ляховскаго, продалъ жительствующему въ г. Минскѣ на Зыбицкой ул., въ собственномъ домѣ, котляру Мовшѣ мѣдь и олово изъ Минскаго Венедиктинскаго костела, а какъ сія продажа учинена безъ публичныхъ торговъ и Сенчиковскій не требовалъ даже отъ покупщика росписки, то полагать надлежитъ, что продажа сія учинена имъ въ свою личную пользу.

3) Ф. Сенчиковскій, дѣлая себѣ лисью шубу, велѣлъ жительствующему въ г. Минскѣ по Зыбицкой ул., во 2-мъ домѣ

отъ угла, портному еврею Нетѣ Шмуйловичу Мета покрыть вату костельными цвѣтными шарфами, употребляемыми для ношенія Св. Тайнъ.

4) Онъ, Сенчиковскій, приносилъ къ жительствующему въ г. Минскѣ при Губернаторской ул., въ домѣ Поляка, еврею, золотыхъ дѣлъ мастеру, для продажи, разныя серебряныя вещи; но мастеръ, узнавъ, что вещи сіи костельныя, посовѣстился и не захотѣлъ покупить.

5) Служившую у него дѣвку Викторію Гилевскую (или Пилевскую), 25 лѣтъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1871 года, велѣлъ своимъ кучеру, лакею и билетному солдату - раздѣть до нага, съ тѣмъ, чтобы они при немъ поочереди съ нею сообщались: о томъ знаютъ многіе, а между ними докторъ Коллежскій Сов. Фохтъ, служанка члена Минск. уѣздн. суда Бартошевича, по имени Терезія, занимающійся у Сенчиковскаго письмоводствомъ Гилярій и другіе.

6) 24 ноября 1870 г., за № 1033, предписалъ циркуляръ настоятелямъ Игуменскаго уѣзда католическихъ приходовъ, чтобы отъ сторонъ, требующихъ копіи метрикъ, взыскивать кромѣ одного рубля пошлинъ еще другой рубль на его, Сенчиковскаго, канцелярію; ежели это не будетъ соблюдено, то настоятелю будетъ сдѣланъ вычетъ изъ жалованья. Какъ-же по законамъ этого сбора не назначено и сіе въ здѣшнихъ странахъ никогда не бывало, то сборъ сей слѣдуетъ почитать самовольною Сенчиковскаго взяткою, которую доказываетъ въ Блонѣ кс. Стецкій.

7) Съ находящеюся Игуменскаго уѣзда, въ м. Блони, солдатскою дочерью Михалиною Ленскою, прозываемою Юдицкою, Сенчиковскій прижилъ блудно ребенка. Въ январѣ мѣсяцѣ 1872 г., когда онъ, Сенчиковскій, отправился, было, въ Блонь для высылки въ монастырь тамошняго ксендза и, заперевъ костелъ, отъѣзжалъ въ Минскъ, Михалина, при многихъ лицахъ, домогалась, чтобы ей Сенчиковскій далъ денегъ на содержаніе ребенка. Для удостовѣренія въ семъ—спросить подъ присягою, при бытности депутатовъ, Блонскихъ жителей Янку Пуцыница, Адама Тенцея, Янку Суконыва, Кржижановскаго и др. лицъ, жительствующихъ въ сосѣдствѣ съ Юдицкою.

8) Ф. Сенчиковскій взятаго имъ для обученія въ органисты мальчика сироту Фелиціана Шишло у. . . . .ъ, какъ женщину, а когда, во время бытности его въ м. Блони, жестоко избилъ Шишлу и тотъ, убѣжавъ отъ него, разсказалъ о совершаемомъ съ нимъ м . . . . .ѣ, Сенчиковскій со стыда принялъ, было, отраву; но отъ смерти спасенъ гомеопатомъ барономъ фонъ-деръ-Эмилемъ-Бринкинымъ. Въ удостовѣреніе въ семъ спросить подъ присягою г. Аполинарія Заленскаго, православнаго священника Блонскаго прихода, и сосѣдственнаго прихода свящ. Русецкаго, фонъ-Бринкина, разсказавшаго Заленскому, бывшаго упра-

вителя имѣнія Блони, Верниковскаго, бывшаго пристава 2 стана Андрея Петрова, бывшаго исправника Шишкина, жандармскаго маіора Попова, бывшаго органиста Блонскаго костела и самаго Франца Шишлу.

9) Сенчиковскій съ прибывшимъ мальчикомъ Маврикіемъ Абрамовичемъ въ школу органистовъ совершалъ м. . . . .о; о томъ знаютъ и подъ присягою могутъ показать занимающійся у Сенчиковскаго письмоводитель, по имени Гилярій, и прислуга Сенчиковскаго.

10) Въ гор. Несвижѣ пріоры Батулевичъ, Монконовичъ и прислуга ксендза, умершаго въ 1870 году, посвидѣтельствуютъ, что Сенчиковскій, прибывъ туда, самовольно сорвавъ печати, бывшія на дверяхъ той камеры, гдѣ хранились вещи покойнаго, забралъ нѣкоторыя изъ нихъ на нѣсколько сотъ рублей и обратилъ въ свою пользу.

11) Женщина Гашинская, смотря на безнравственные поступки Сенчиковскаго, бросила въ него камень за что въ Борисовской тюрьмѣ просидѣла годъ.

и 12) Топицеръ Бартенъ, проживающій въ г. Минскѣ на Троицкой улицѣ, подъ присягою покажетъ, что Сенчиковскій развратничалъ, и знаетъ ту женщину, которая у него утащила деньги и часы и была представлена въ полицію, а также, что онъ, Сенчиковскій, изъ костельнаго краснаго сукна сдѣлалъ одѣяло на свои сани. Кромѣ того многія другія его преступленія сему служатъ доказательствомъ—дѣла въ Минскомъ уѣздномъ судѣ, въ уголовной Палатѣ, по предписанію оной—слѣдователю отъ 30 октября 1870 года, за № 8443, въ Виленской консисторіи и С.-Петербургской Р.-К. Коллегіи, по поданнымъ прошеніямъ прихожанъ.»

Въ Департаментъ Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. была прислана изъ Правит. Сената, въ февр. 1873 г., справка о томъ, что жители г. Минска Шебеко и Мацѣевскій жаловались на Сенчиковскаго и ходатайствовали о невведеніи русскаго языка въ Маріинскомъ костелѣ и что Сенатъ нашелъ, что эта просьба не подлежитъ его разсмотрѣнію, а потому оставилъ ее безъ послѣдствій.

Затѣмъ, какъ и всѣ предыдущія жалобы на Сенчиковскаго, и эти заявленія не подтвердились, а были, напротивъ того, опровергнуты произведеннымъ разслѣдованіемъ. О дѣлѣ-же Фелиціана Шишло мы подробно говорили въ 1-й главѣ книги.

Но подумаешь, что эту грязь и ложь сознательно, съ цѣлью сдѣлать зло ближнему, писали женщины, жены чиновниковъ, т. е. лица, занимающія кое-какое положеніе въ обществѣ, считающія себя христіанками и очевидно нравственными!!...

На предложеніе управляющаго Мин. Вн. Дѣлъ кн. Лобанова-Ростовскаго (отъ 16 іюля 1872 г., № 54/35) *), Минскій губернаторъ Токаревъ (22 ноября того-же года, за № 304) **) доноситъ въ Министерство:

«Негласнымъ дознаніемъ по обвиненіямъ декана Сенчиковскаго, приложеннымъ къ прошенію, посланному митрополиту р.-к. церквей Фіалковскому женами высланныхъ за участіе въ уличныхъ безпорядкахъ, бывшихъ въ г. Минскѣ 2 февраля сего года, Рачковскаго и Шебеки, обнаружено, что

1-е) деканъ Сенчиковскій дѣйствительно, по случаю торжественнаго праздника въ Минскомъ Троицкомъ костелѣ, позаимствовалъ, для украшенія храма, ковры изъ Минскаго Маріинскаго костела, но, по миновапіи въ нихъ надобности, таковые возвратилъ.

2-е) По заявленію чиновника Ягодзинскаго о расхищеніи Сенчиковскимъ церковнаго имущества Маріинскаго костела и вмѣстѣ съ тѣмъ объ оскорбленіи Ягодзинскимъ, какъ священника Сенчиковскаго, такъ и помощника пристава Валицкаго, при исполненіи служебной обязанности, производится у судебнаго слѣдователя г. Минска слѣдствіе.

3-е) Церковныя вещи упраздненнаго Минскаго Бенедиктинскаго монастыря, сданныя декану Сенчиковскому, не были продаваемы котельному мастеру Маршаку. Онъ только пріобрѣлъ отъ декана Сенчиковскаго старый органъ изъ упраздненнаго Дукорскаго р.-к. костела.

4-е) Золотыхъ дѣлъ мастеръ Янкель Изгуръ объявилъ, что онъ не только не покупалъ отъ декана Сенчиковскаго золотыхъ и серебряныхъ вещей, но что ему даже и предлагаемо не было купить таковыя.

5-е) Проживающая въ м. Блонѣ (Игуменскаго уѣзда) мѣщанка Юдицкая дѣйствительно распространяла слухъ, что она просила у декана Сенчиковскаго денегъ на содержаніе ребенка, и что онъ ей отказалъ; провѣрить слова Юдицкой было невозможно, такъ какъ при разговорѣ съ Сенчиковскимъ свидѣтелей не было.

6-е) Деканъ Сенчиковскій, во время бытности на ревизіи въ Несвижѣ, по предложенію настоятеля Несвижскаго Доминиканскаго монастыря Батулевича, купилъ, въ присутствіи Слуцкаго исправника, изъ вещей умершаго настоятеля Манкуновича шубу, за которую сполна уплатилъ деньги и росписался на описи; другихъ-же вещей не пріобрѣталъ. Заявленіе о томъ, будто-бы Сенчиковскій сорвалъ печати, бывшія на дверяхъ комнаты, въ которой хранились вещи покойнаго и присвоилъ нѣкоторыя изъ нихъ безплатно, дознаніемъ не подтвердилось.

---

*) Тамъ-же.

**) Тамъ-же.

и 7-е) Дворянка Гашинская, при посѣщеніи Сенчиковскимъ Корженскаго костела, Борисовскаго уѣзда, негодуя на него за введеніе русскаго языка при католическомъ богослуженіи, бросила въ него камнемъ; объ этомъ производилось дѣло въ Минской Соединенной Палатѣ Угол. и Гражд. Суда, рѣшеніемъ которой Гашинская признана виновной.

Объ остальныхъ обвиненіяхъ никакихъ свѣдѣній и заявленій не поступало.»

Но приведенная жалоба-доносъ не была единичнымъ явленіемъ.

На Сенчиковскаго сыпались подобныя-же произведенія, за подписями, и анонимныя, въ Петербургъ, во всѣ высшія учрежденія, которыя могли имѣть къ нему отношеніе и влiять на судьбу его, а также и въ Вильну.

О положеніи Сенчиковскаго, въ этотъ періодъ его политической дѣятельности, не менѣе краснорѣчиво говоритъ слѣдующій рапортъ-объясненіе его (отъ 21 янв. 1872 г., № 75), поданный въ Виленскую р.-к. духовную консисторію *) въ качествѣ «Минско-Игуменскаго и Наднѣманскаго декана.»

Приводимъ этотъ документъ:

«Вслѣдствіе Указа оной Консисторіи отъ 4-го сего мѣсяца за № 8546, основаннаго на Указѣ Духовной Коллегіи отъ 10-го истекшаго сентября за № 2355, даннаго на имя г. управляющаго епархіею, честь имѣю всепочтительнѣйше пояснить слѣдующее: Во 1-хъ, въ Минскомъ Св.-Троицкомъ приходѣ находится душъ обоего пола 5,300, слѣдовательно 54 подписи въ четырехъ прошеніяхъ еще не составляютъ голоса всего прихода. Я нахожу даже, что, посчитавъ яркихъ фанатиковъ, польскихъ пань, девотокъ и заштатныхъ ксендзовъ польскихъ, враждебно относящихся ко всему, что̀ Русское, 54-е подписи, это еще слишкомъ мало для того, чтобы обратить на себя какое либо вниманіе.

Во 2-хъ, прошенія, какъ это очень ясно видно по приведеннымъ выдержкамъ изъ каноническаго права, о которомъ прихожане и знать не знаютъ, сочинялъ ксендзъ, который хотя и ссылается на требникъ и право каноническое, но самъ заявляетъ, что выраженій требника и права каноническаго (что̀ говорится) и въ зубъ не понимаетъ, ибо въ требникѣ, **) на 1-й страницѣ

---

*) Дѣло «Свящ. Сенчиковскій», № 63, Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій.

**) Упоминаемый требникъ—«Rituale Sacramentorum»—(1870 г.)—тотъ самый, такъ называемый у нынѣшняго р.-к. духовенства «Требникъ Жилинскаго» съ русскимъ текстомъ, который былъ сожженъ всенародно кс. Петровичемъ въ мартѣ 1870 г. въ Виленскомъ костелѣ Св. Рафаила (см. III главу настоящей книги).
А. Ж.

сказано (на что и ссылаются просители): «Si quis dixerit, receptos et approbatos Ecclesiae Catholicae ritus, in solemni Sacramentorum administratione ad hiberi consuetos, aut contemni, aut sine peccato a ministris pro libitu omitti, aut in novos alios per quemcumque Ecclesiarum Pastorem mutari posse, anathema sit.» (Sess. 7 cap. 13). *)

Конечно, каждый духовный хорошо знаетъ, что все, сказанное въ приведенномъ каноническомъ правѣ, относится лишь только къ тому, дабы не было ни малѣйшей перемѣны въ формѣ, обрядахъ и церемоніяхъ въ совершеніи Таинства (Sacramentorum), что̀ въ совершенной точности и соблюдается по этому-же самому требнику, на который ссылаются просители.

Что-же касается до употребленія русскаго языка, а не польскаго, то право каноническое Тридентинскимъ соборомъ опредѣлено, да и Папа Клементій VIII очень ясно говоритъ, что разъясненіе догматовъ, проповѣди, молитва Господня, символъ вѣры, ангельское привѣтствіе, десять заповѣдей Господнихъ должны быть разъясняемы народу и употребляемы духовенствомъ на обыкновенномъ народномъ языкѣ («lingua Vulgaria»), а нисколько не на языкѣ 54 польскихъ фанатиковъ, находящихся въ числѣ 5300 душъ католиковъ, употребляющихъ обыкновенно бѣлорусскій языкъ, который опять есть вѣтвь чисто русскаго языка, а не польскаго.

3) Высочайшая воля, разрѣшая употреблять въ католицизмѣ на мѣсто чуждаго намъ польскаго природный нашъ русскій языкъ, нисколько не стѣсняетъ дѣйствій приходского духовенства и не подчиняетъ онаго безпрекословно повиноваться всѣмъ и каждому изъ прихожанъ. Напротивъ, Правительство, согласно праву каноническому, предоставляетъ полное право, (какъ и всегда это было), руководить прихожанами и вести оныхъ путемъ истины. То и духовенство католическое, какъ всегда, такъ и въ настоящее время, стоя въ главѣ народа, находя въ располяченіи католицизма въ нашемъ русскомъ краѣ величайшее благо для Церкви и народа, до настоящаго времени ложно понимающаго, что католицизмъ есть точно то же самое, что и полонизмъ, и что съ уничтоженіемъ послѣдняго, уничтожается и первый, должно употребить всѣ возможныя силы, дабы уничтожить столь вредный для Церкви и народа полонизмъ.

4) Что-же касается до заявленія о томъ, что употребленіе языка русскаго тогда только можетъ быть приведено въ дѣйствіе, когда Папа согласится, то на этотъ вопросъ намъ яснѣе всего отвѣчаетъ кс. Іоаннъ Лупкевичъ, піарскаго ордена, кото-

*) «Если кто станетъ утверждать, что обряды, принятые, одобренные Католическою Церковью и употребляемые обычно при торжественномъ совершеніи Таинствъ, могутъ быть безнаказанно какимъ либо пастыремъ Церкви несоблюдаемы, по желанію опускаемы или замѣняемы какими нибудь другими, новыми — тотъ да будетъ анаѳема». (Трид. соб. сессія 7, прав. 13).

рый, въ своей книгѣ, изданной въ г. Вильнѣ въ 1851 году объ обрядахъ римско-католической Церкви, одобренной покойнымъ митрополитомъ Вацлавомъ Жилинскимъ, между прочимъ, говоритъ: «Въ V вѣкѣ литургія была переведена на многіе языки, отчего на востокѣ именно беретъ начало совершеніе требъ на разныхъ языкахъ. Въ IX и X столѣтіяхъ переведена литургія на языкъ славянскій, для христіанъ Моравіи и Руссіи.—Апостолы и первыхъ вѣковъ учители народовъ считали главнымъ и необходимымъ, не только научая народъ, но и совершая богослуженіе, употреблять языкъ тотъ, на которомъ народъ въ то время обыкновенно разговаривалъ». Глава XIV о церковномъ языкѣ (стр. 162): «Святѣйшіе Папы довольны были уніатами; однакожъ они произносили проповѣди и совершали требы не на польскомъ языкѣ. Епископъ Терлецкій, присоединяясь къ католицизму въ Римѣ въ Ватиканской церкви, въ присутствіи Папы, совершилъ нѣкоторыя богослуженія и произносилъ символъ вѣры на русскомъ языкѣ. Наконецъ, не имѣя по настоящее время ни малѣйшаго запрещенія отъ Папы, дабы не употреблять русскаго языка, мы остаемся въ полной вѣрѣ, что Папѣ совершенно не противенъ русскій языкъ, такъ какъ это есть дѣло чисто-національное, а не религіозное, тѣмъ болѣе, что литургическій языкъ остается въ полной своей силѣ.

5) Подписавшіяся на прошеніяхъ 54 личности заявляютъ, что онѣ, по причинѣ постояннаго и упрямаго употребленія мною русскаго языка, не могутъ посѣщать приходской церкви. Я согласенъ, что 54 польскіе пропагандиста и фанатика не бываютъ въ церкви; но это доказываетъ, что эти лица, до введенія русскаго языка, посѣщали Золотогорскую церковь, не для молитвы, службы Богу и спасенія души, а прямо для польской пропаганды.—Церковь-же Св. Троицкая, не смотря на то, что построена далеко за городомъ, не только въ праздничные, но и въ будніе дни бываетъ полна, до того, что въ день поминовенія всѣхъ усопшихъ (dzień zaduszny) едва можно было совершить крестный ходъ, столько была народа. Правда, что посѣщаетъ ввѣренную мнѣ церковь народъ простой, въ свиткахъ и лаптяхъ; онъ то съ усердіемъ разомъ съ священникомъ молится на понятномъ и природномъ ему русскомъ языкѣ, примѣрно слушаетъ произносимыя проповѣди и поученія на этомъ-же языкѣ. Куда-же ясному пану и ясной пани обижать себя и находиться въ средѣ крестьянъ! Но и Спаситель, къ великому распространенію истины, не ясныхъ пановъ избралъ, а рыболововъ. Опекунъ-же Богочеловѣка былъ плотникъ, а Св. писаніе ясно говоритъ, что богачу не легко войти въ Царство Небесное.

6) Просители жалуются на недостатокъ молитвословія. Между тѣмъ они просятъ, дабы проповѣди, добавочное Богослуженіе и чтеніе Евангелія, которыя въ настоящее время совершаю я на

русскомъ языкѣ, были совершаемы на польскомъ. Слѣдовательно все, что̀ совершалось давнымъ-давно, совершается и теперь, безъ малѣйшаго опущенія, но только не на польскомъ языкѣ, а на русскомъ и латинскомъ.

7) Дабы я и всѣ духовные впредь, въ Св. Троицкомъ костелѣ, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія, не позволяли себѣ употреблять польскій языкъ, дано мнѣ о томъ распоряженіе г. управляющаго епархіею, которое основано на распоряженіи г. Министра. Если-же Консисторія находитъ, что, для угожденія 54 польскихъ интригановъ, я не долженъ точно, добросовѣстно и усердно повиноваться распоряженію высшаго начальства, и что это повиновеніе воли Правительства есть, съ моей стороны, преступленіе, то прошу мнѣ дать объ этомъ указъ, а я таковому долженъ буду повиноваться.

8) Просители употребленіе мною русскаго языка называютъ измѣной долгу религіи и, въ общихъ выраженіяхъ, безъ малѣйшихъ фактовъ, называютъ меня безнравственнымъ и недостойнымъ духовнаго сана. Поэтому они желаютъ, дабы меня переместили изъ Св. Троицкаго прихода, а на мое мѣсто назначили-бы ксендзовъ, сосланныхъ высшимъ начальствомъ за политическую неблагонадежность въ монастырь или кр. Бобруйскъ. Этотъ вопросъ такъ ясно самъ за себя говоритъ, что я даже не считаю нужнымъ объясняться: это еще разъ доказываетъ, что не прихожане, а ксендзы тутъ главное дѣйствовали; имъ-то мѣсто мое и нужно.

9) Какъ при похоронахъ, такъ и при панихидахъ (экзеквіяхъ), обыкновенно поетъ священникъ и органисты при органѣ (иногда) «Ангелъ Господній» (anioł Pański); но только вся бѣда въ томъ, что на русскомъ языкѣ.—На обыкновенно принятое поздравленіе «нѣхъ бендзѣ похвалены , я всегда отвѣчаю «Во вѣки вѣковъ. Аминь», а послѣ этого говорю (если нужно) «Здравствуйте».

10) Я нахожу, что не мы, употребляющіе русскій языкъ и въ точности исповѣдующіе догматы католической церкви Христовой, но нѣкоторые ксендзы, образовавшіе какую-то талмудическо-польскую религію, могутъ быть причиною раскола и толковъ, ведущихъ народъ къ измѣнѣ и заблужденію.

11) Каждому извѣстно, что въ Минской губерніи не только крестьяне, но мѣщане, такъ называемая шляхта, б. однодворцы и хлѣбопашцы, постоянно и вездѣ (за исключеніемъ квартиры ксендза) говорятъ на бѣлорускомъ языкѣ. Слѣдовательно, я нашелъ полезнымъ и соотвѣтственнымъ мѣстности, употреблять и въ церкви не польскій, а прямо русскій языкъ. Если-же, по этой причинѣ, считая край русскимъ, а не польскимъ, я ошибаюсь, то покорно прошу консисторію своимъ указомъ вывесть меня изъ заблужденія.

12) Наконецъ, самое замѣчательнѣйшее заявленіе просителей то, что я не дозволяю развозить оплатокъ. Оплатки развозить еще б. главнымъ начальникомъ края графомъ Муравьевымъ воспрещено; это хорошо извѣстно каждому. Да если бы и не было этого воспрещенія, то какимъ-же родомъ я, прибывъ въ г. Минскъ въ нынѣшнемъ году, въ февралѣ мѣсяцѣ, значитъ послѣ Рождества Христова (прошеніе-же подано въ августѣ мѣсяцѣ этого-же года, значитъ до Рождества Христова) могъ-бы воспретить развозить оплатки, которыя развозились, раздаются и употребляются исключительно только наканунѣ Рождества Христова?!..

Въ заключеніе выше сказаннаго считаю нужнымъ присовокупить, что прошенія сочинялъ и главнымъ образомъ руководилъ всякаго рода подстрекательствами ксендзъ Ярославъ Росинскій, сидѣвшій за политическія дѣла въ острогѣ, а послѣ освобожденія находившійся въ г. Минскѣ лѣтъ 8 за штатомъ и подъ надзоромъ полиціи, теперь-же, за подстрекательство, высланный начальствомъ въ кр. Бобруйскъ. Подписи-же собиралъ и подговаривалъ къ подписыванію прошеній еврей Файнъ, дѣлающій надгробные памятники, весьма недовольный мною за недозволеніе выдѣлыванія памятниковъ съ польскою надписью, за что онъ платилъ и платилъ, и поилъ тѣхъ, кто подписался на прошеніи, имѣя въ виду, такимъ образомъ, успѣть находящіеся у него оконченными на 1500 рублей памятники съ польскою надписью умѣстить на Золотогорскомъ кладбищѣ. Все это уже оффиціально раскрыто.

Касательно-же непониманія прихожанами русскаго языка и нежеланія введенія таковаго въ католицизмъ, очень громко противорѣчатъ этому слѣдующаго рода обстоятельства: 1-е на билетахъ кредитныхъ (бумажкахъ) и вообще на монетахъ—надписи на русскомъ языкѣ; однако-жъ ни одинъ панъ, ксендзъ, хотя-бы и очень высоко поставленъ, ни одна пани, девотка и польская пропагандистка, не выбросятъ этихъ вещей за окошко; напротивъ, очень усердно, иногда и покрививъ совѣстью, собираютъ эти монеты. 2-е, прихожане, въ своемъ прошеніи (если интригу ксендза Росинскаго и низость еврея Файна можно назвать прошеніемъ прихожанъ), всѣ бѣды, всѣ натяжки и незаслуживающія даже вниманія заявленія написали не на польскомъ, столь любимомъ и необходимомъ для нихъ языкѣ, а чисто на русскомъ. Конечно, они желали-бы, чтобы и удовлетворительная для нихъ резолюція была написана по русски.

Все это очень ясно доказываетъ, что дѣло не можетъ быть правымъ тамъ, гдѣ для защиты (будто-бы католицизма), какъ они выражаются, главную роль играютъ ксендзы и еврей, котораго дѣйствія давнымъ-давно выработали въ обществѣ для него названіе, которое въ печати пропускается.

Изъ подписавшихся на прошеніи мало того, что нѣкоторые принадлежатъ къ Минскому Маріинскому приходу, но именно Минкевичъ—православнаго вѣроисловѣданія. Слѣдовательно положительно можно сказать словами Спасителя: «прости имъ, Господи, ибо не вѣдали, что творили!»

Конецъ этой интриги—таковъ.

19 декабря 1873 г., за № 3393, *) Римско-Католическая Духовная Коллегія сообщила въ Департаментъ Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій, что прихожане Минско-Св. Троицкаго костела, четырьмя прошеніями, полученными въ Коллегіи 14 и 24 августа 1871 года, жаловались на декана Сенчиковскаго, будто-бы превысившаго власть неправильнымъ исполненіемъ Высочайшей воли о введеніи русскаго языка въ дополнительное богослуженіе.

Коллегія, имѣя въ виду, что о Высочайшемъ разрѣшеніи ввести въ употребленіе русскій языкъ дано знать циркулярнымъ указомъ 18 февр. 1870 г. всѣмъ епархіальнымъ начальствамъ, вышеозначенныя прошенія препроводила, при особомъ указѣ 10 окт. 1871 г., за № 2355, къ управляющему Виленскою р.-к. епархіей «для надлежащаго, въ чемъ слѣдовать будетъ, распоряженія», о послѣдствіяхъ котораго предписала донести ей, Коллегіи.

Жилинскій препроводилъ, въ свою очередь, пояснительный рапортъ Сенчиковскаго (отъ 21 янв. 1872 г., за № 75) въ Виленскую консисторію съ четырьмя прошеніями, а консисторія высказалась за то, что, для положительнаго удостовѣренія, на сколько справедливы улики означенныхъ прихожанъ на декана Сенчиковскаго, приведенныя въ ихъ прошеніяхъ, и для изобличенія виновныхъ на предметъ привлеченія къ законной отвѣтственности, слѣдовало-бы нарядить формальное слѣдствіе, или же сдѣлать мѣстное дознаніе.

Коллегія, согласившись съ Жилинскимъ, и направила подлинныя прошенія въ Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій.

Затѣмъ дѣло такъ и заглохло на этомъ, по очевидной злонамѣренности и бездоказательности взведенныхъ на Сенчиковскаго обвиненій.

Въ письмѣ (отъ 17 янв. 1873 г.), **) на имя директора Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій, Сенчиковскій, изнемогая уже въ борьбѣ, настойчиво проситъ вызвать его, для личныхъ объясненій, въ Петербургъ, на казенный счетъ, такъ какъ, по словамъ его,

---

*) Тамъ-же.

**) Тамъ-же.

«вновь случившіяся важныя дѣла по замѣщенію упраздненныхъ приходовъ, со смертью ксендзовъ, служащихъ на русскомъ языкѣ, заставляютъ» его «крайне опасаться — о невозможности продолжать замѣщеніе приходовъ, въ которыхъ введенъ русскій языкъ, и приходится допустить и терпѣть ксендзовъ фанатиковъ съ іезуитско-польскимъ направленіемъ». А это онъ «находитъ равносильнымъ окончательному и совершенному уничтоженію всего того, что до настоящаго времени сдѣлано въ пользу русскаго языка.»

Онъ, при этомъ, добавляетъ: «На собственный-же счетъ вторичная въ одномъ и томъ-же году поѣздка въ столицу для меня крайне затруднительна.»

Въ томъ-же письмѣ онъ сознается, что «съ каждымъ днемъ обрусеніе католицизма становится тяжелѣе и хуже.»

Въ подобномъ-же духѣ—и представленная имъ гр. Сиверсу 17 января того-же года *) «памятная записка», которой не приводимъ, чтобы не повторять того, что уже сказано Сенчиковскимъ въ приведенныхъ нами письменныхъ его заявленіяхъ.

19 янв. 1872 г., за № 290, Минскій губернаторъ Токаревъ, на основаніи разрѣшенія Министра Вн. Дѣлъ (отъ 11 янв. того-же года, № 800), **) дозволилъ Сенчиковскому перевезти въ г. Минскъ, для преданія землѣ на Золотогорскомъ р.-к. кладбищѣ, тѣло отца его Евстафія Сенчиковскаго, погребенное на Борисовскомъ приходскомъ кладбищѣ.

24 февраля 1873 г., за № 5736, ***) такое-же разрѣшеніе, за подписью Мин. Вн. Дѣлъ г.-а. Тимашева, дано было Сенчиковскому на перевезеніе въ Минскъ и тѣла матери его Маріи Сенчиковской, погребеннаго ранѣе на Кринскомъ р.-к. кладбищѣ.

Въ томъ-же, 1873 году, ****) Сенчиковскій перевезъ тѣла родителей своихъ въ Минскъ и похоронилъ ихъ въ одномъ склепѣ, въ самомъ костелѣ на Золотой горкѣ, поставивъ надъ прахомъ ихъ особый алтарь съ соотвѣтственной русской надписью.

Такъ какъ врагами каноника Сенчиковскаго, одно время, упорно распространялись, по словамъ его, слухи—о томъ, что будто-бы онъ убилъ своего отца, то можемъ, кстати, удостовѣрить, что по метрикѣ о смерти и погребеніи дворянина Евс-

---

*) Тамъ-же.

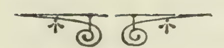
**) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча.

***) Тамъ-же

****) Тамъ-же.

тафія Сенчиковскаго (отъ 30 іюля 1870 г., № 38) *) значится: отецъ Сенчиковскаго умеръ отъ рака, на 58 году жизни, будучи причащенъ Св. Тайнъ, въ г. Борисовѣ.

Какъ видно изъ формулярнаго о службѣ Сенчиковскаго списка, 16 апрѣля 1872 г., Государь Императоръ, по засвидѣтельствованію Министра Вн. Дѣлъ, за усердную и полезную службу, соизволилъ наградить его орденомъ Св. Анны 3-ей степ.

*) Тамъ-же.

ГЛАВА VII.

(1872—1875 годы).

Тревожное донесеніе Сенчиковскаго Минскому губернатору относительно положенія вопроса о русскомъ языкѣ.—Самовольный, безъ билета, выѣздъ его въ Петербургъ.—Содѣйствіе градоначальника Трепова.—Записки, поданныя Сенчиковскимъ въ Департаментъ Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій—о готовящемся крахѣ правительственнаго начинанія—подъ напоромъ польско-іезуитской интриги.—Какъ результатъ этой поѣздки—вызовъ пр. Жилинскаго въ Петербургъ, его аудіенція у Государя Императора, а, по возвращеніи въ Вильну, объѣздъ Минской эпархіи.– Выдуманный польско-іезуитской пропагандою кн. Голицынъ.—Назначеніе Сенчиковскаго почетнымъ каноникомъ; избраніе его членомъ Виленскаго Каѳедральнаго Капитула.—Неудача реформы введенія русскаго языка въ практику костеловъ С. З. края—по оффиціальнымъ донесеніямъ.—Угрожающее письмо пр. Жилинскому изъ Рима.—Записки Сенчиковскаго, въ разное время поданныя гр. Сиверсу, Мин. Вн. Дѣлъ, ген. Тимашеву, Минскимъ губернаторамъ Токареву и Чарикову—относительно желательныхъ общихъ реформъ по располяченію бѣлорусскаго костела.

14 ноября 1872 года (за № 1521) *) Сенчиковскій доноситъ Минскому губернатору:

«Дѣло уничтоженія польскихъ стремленій въ католикахъ и заставленія оныхъ оставить навсегда мысль и надежду въ будущности на царствованіе польскаго короля и польское правительство надъ здѣшнимъ краемъ; дѣло, наконецъ, объ уничтоженіи въ католицизмѣ главнаго орудія, которое каждаго исповѣдующаго вселенскую религію римской обрядности (такимъ только понимаю католицизмъ) заставляло вѣрить въ будущее королевство польское, дѣйствовать въ духѣ Польши и, тѣмъ самымъ, противорѣчить русскому Правительству, и, не обращая вниманія на мѣры и средства, стремиться и серьезно пещись объ искорененіи, такъ скажу, всего, что̀ русское и введеніи на Престолъ Славы и господства всего, безъ исключенія, что̀ польское, — къ этому, столь сильному заблужденію католиковъ, къ этому столь вредному и дорого стоющему нашему Правительству убѣжденію оныхъ было, есть и будетъ орудіемъ польскій языкъ въ рукахъ католическаго духовенства, которое, если-бы было на сторонѣ Правительства, то безъ сомнѣнія успѣло-бы сдѣлать съ народомъ все, и сдѣлало бы мирно и тихо. Но вотъ четвертый годъ мы бьемся, боремся, переносимъ неисчислимыя непріятности, а дѣло не только не подвинулось впередъ, а, прискорбно сказать, значительно пошатнулось назадъ, полонизмъ злобнѣе, упрямѣе и торжественнѣе выступилъ на сцену. Ксендзы по судебнымъ мѣстамъ, при исполненіи должности, говорятъ и увѣщеваютъ принимающихъ присягу по польски.

По распоряженію Коллегіи уничтожены печати съ государственнымъ гербомъ и русскою надписью, а на мѣсто оныхъ приказано имѣть печати съ изображеніемъ святого, подъ именемъ котораго сооруженъ костелъ. Вотъ и появятся печати съ патронами царства польскаго, а, пожалуй, и съ языкомъ польскимъ, котораго можно окрестить голубемъ, какъ Символъ Свято-Духовскаго Костела. Да, главное, всѣ печати уже дѣлаются только съ латинскою надписью, и за то, что я, къ метрической выписи, приложилъ печать съ государственнымъ гербомъ и русскою надписью, консисторія оштрафовала меня въ одинъ рубль, т. е. приказала на мой счетъ купить рублевую бумагу и выписать на ней другую метрику.—Ксендзы, выдавшіе подписки слу-

---

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд.

жить на русскомъ языкѣ, видя, что полонизмъ беретъ верхъ надъ русскимъ языкомъ, за хорошія деньги совершаютъ требы на польскомъ языкѣ; кто бѣдный, тому служатъ на русскомъ.— Ксендзы, находящіеся за штатомъ, упрямо держащіеся и усердно проповѣдующіе и протежирующіе полонизмъ, секретно, безъ вѣдома и согласія мѣстнаго настоятеля, а тѣмъ болѣе декана, служащаго на русскомъ языкѣ, получаютъ разрѣшеніе отъ епархіальнаго начальства не только крестить, но и вѣнчать въ комнатѣ и безъ предварительныхъ предбрачныхъ оглашеній, — все это во избѣжаніе того, дабы оглашенія и бракъ не были совершены на русскомъ языкѣ.

При Маріинскомъ костелѣ, гдѣ служатъ по-польски, всѣхъ ксендзовъ шесть человѣкъ; при Золотогорскомъ, гдѣ на русскомъ языкѣ прочно служится, я одинъ, хотя прежде были здѣсь два викарные. Въ Мозырскомъ деканатѣ, гдѣ три костела, шесть ксендзовъ; въ Игуменскомъ 5-ть костеловъ, а только три ксендза. Остальные два костела, вмѣстѣ съ Золотогорскимъ костеломъ, поручены моему завѣдыванію, хотя у меня не имѣется ни одного викарнаго и хотя я состою законоучителемъ въ трехъ учебныхъ заведеніяхъ. Уже два года кс. Бертовичъ, назначенный Игуменскимъ администраторомъ, едва въ настоящее время прибылъ для занятія должности, ибо самъ-же г. управляющій епархіею кс. Друктейта, врага русскаго дѣла, назначеннаго на мѣсто кс. Бертовича (служащаго честно уже три года на русскомъ языкѣ), уволилъ въ Ковенскую губернію и самъ-же ходатайствовалъ объ оставленіи Друктейта въ Ковнѣ.

Все это дѣлалось и дѣлается для того, чтобы показать и доказать, что русское дѣло, даже въ деканатахъ Сенчиковскаго, не можетъ упрочиться. Конечно, послѣ всего этого и послѣ тѣхъ страданій, которыя я переношу, и мнѣ не стоитъ излишне выбиваться изъ силъ, ибо пословица говоритъ: «Лбомъ стѣны не перебить,» тѣмъ болѣе, что епархіальное начальство такъ поставило меня и лишило до того власти и обстановки, что не только подвѣдомственное мнѣ духовенство, но и костельная прислуга находитъ вполнѣ удобнымъ и пріятнымъ дѣломъ для консисторіи, если ослушается и противъ моихъ распоряженій поступитъ.

Всѣ дѣйствія епархіальнаго начальства въ дѣлѣ обрусенія католиковъ и располяченія католицизма ясно доказываютъ, что Польша должна остаться во всей своей силѣ въ костелахъ и что католики должны быть только поляками. Да развѣ что либо мѣшаетъ г. управляющему епархіею время отъ времени предложить заточеннымъ въ монастырь ксендзамъ, не согласенъ-ли кто употреблять русскій языкъ! Да развѣ консисторія хотя однимъ указомъ, однимъ словомъ поощрила служащихъ на русскомъ языкѣ ксендзовъ! Да развѣ г. управляющему не стоило-бы прибыть въ Минскую губернію, въ которой столько ксендзовъ

употребляютъ еще русскій языкъ, и своимъ примѣромъ и словомъ поощрить духовенство и образумить народъ! Епархіальное начальство такъ меня поставило, что я не только безъ всякой власти, но и безъ голоса; дѣйствія мои служатъ насмѣшкою польской партіи; заявленія мои епархіальному начальству вызываютъ указы, которые переполнены противодѣйствіемъ и угрозами для меня; все, что-бы я ни заявилъ о ксендзѣ, вредящемъ русскому дѣлу, пересылается консисторіею подлинникомъ тому ксендзу, о которомъ я сообщилъ, чѣмъ разсѣвается раздоръ и вражда,—тѣмъ болѣе, что на мѣсто заслуженнаго взысканія виновные поощряются.

Къ чему же доведетъ русское дѣло въ католицизмѣ такая обстановка и такое сочувствіе епархіальнаго начальства?! Неужели уничтоженіе польскаго языка въ нѣсколькихъ костелахъ есть дѣло болѣе опасное и трудное, чѣмъ освобожденіе крестьянъ, чѣмъ усмиреніе мятежа, чѣмъ, наконецъ, конфискація духовныхъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ имѣній, чѣмъ удаленіе и непринимапіе поляковъ на государственную службу, а тѣмъ болѣе, чѣмъ закрытіе и передѣлка на православные храмы столькихъ десятковъ монастырей и приходскихъ костеловъ?!. Не только все, выше приведенное, но и мои дѣйствія въ Минской губерніи, въ которой успѣлъ я окончательно уничтожить въ 30-ти костелахъ польскій языкъ, въ которой 30 ксендзовъ употребляло русскій языкъ, ясно доказываютъ, что располяченіе католицизма, при искренней поддержкѣ и сочувствіи властей, дѣло само собой неопасное и весьма легкое. Только противорѣчія и противодѣйствующія польской партіи интриги, только польскими пропагандистами въ пользу польской справы, разброшенныя и розданныя деньги, только преслѣдованіе, которое на каждомъ шагу встрѣчаетъ людей, преданныхъ русскому дѣлу, дѣлаютъ таковое непрочнымъ и ставятъ оное въ непріятное положеніе. Духовенство католическое, упорно преданное полонизму, пользуется полною поддержкою и защитою со стороны епархіальнаго начальства, осыпано благодѣяніями со стороны пановъ и польскихъ пропагандистовъ, на каждомъ шагу встрѣчаетъ поощреніе въ достиженіи цѣли, такъ что никто и ничто имъ не мѣшаетъ дѣлать почти все, что они находятъ полезнымъ для препятствія обрусенію и для распространенія полонизма. Наконецъ, духовенство, употребляющее польскій языкъ, ясно видитъ всѣ преслѣдованія и почти истязанія, какія со стороны епархіальнаго начальства встрѣчаютъ служащихъ на русскомъ языкѣ, видитъ и осязательно понимаетъ нерѣшимость, боязнь и тѣ пріемы, которые менѣе, чѣмъ полумѣры, принимаются въ пользу русскаго языка. Сопоставляя все это съ той обстановкою, съ которою удерживается полонизмъ, оно безостановочно, охотно и энергически предается польскимъ интересамъ. И кто-же, нако-

нецъ, захочетъ съ самоотверженіемъ оставить вѣрное благо и перемѣнить имѣющееся въ его рукахъ счастье и спокойствіе, на вѣрныя непріятности и вѣрнѣйшее преслѣдованіе? Пожалуй, постоянное и прочное стремленіе и серіозныя мѣры, принятыя для обрусенія католиковъ съ католицизмомъ (ибо одно безъ другого будетъ всегда обманомъ и фирмою польской справы), были-бы сколько нибудь основаніемъ и поводомъ слѣдовать и трудиться надъ развитіемъ русскаго дѣла. Но эта безнадежность, эта шаткость, эта нерѣшимость, и это явное несочувствіе епархіальнаго начальства болѣе всего служатъ препятствіемъ къ распространенію русскаго дѣла. Русское дѣло въ католицизмѣ, однако, при всемъ этомъ уже такъ поставлено и занимаетъ уже такую ступень, что прекратить таковое или низвергнуть съ занимаемаго имъ мѣста не иначе можно, какъ со святотатственною насмѣшкою надъ общественнымъ элементомъ и всѣмъ, что̀ русское. Оставить его опять въ настоящемъ положеніи —невозможно, грѣшно, и стыдно. Мѣры, которыя принимаются въ настоящее время для располяченія католицизма и уничтоженія польскихъ тенденцій, способствуютъ болѣе развитію ярости и злости, съ которыми бросаются польскіе фанатики на защиту полонизма, чѣмъ могутъ служить для пользы русскаго дѣла. А такъ какъ ко всему вышепоясненному были поводомъ неисчислимые факты, то, руководясь искреннимъ желаніемъ и преданностію русскому дѣлу, я считалъ совѣстнымъ и священнымъ долгомъ взглядъ мой на дѣло чистосердечно довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, вседушевно прося извиненія за мою смѣлость. Равнымъ образомъ умоляю ходатайствовать въ Министерствѣ о всеподданнѣйшемъ докладѣ Его Императорскому Величеству (если это возможно)—объ окончательномъ уничтоженіи полонизма въ костелахъ, находящихся въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краяхъ.—Что же касается меня, то всеторжественно честь имѣю заявить, что скорѣе лишусь жизни, чѣмъ измѣню дѣлу, которое, по моему разумѣнію и съ моей точки зрѣнія, есть единственное для прекращенія тенденціи къ польской справѣ, для освобожденія стольких тысячъ католиковъ отъ польскихъ притязаній и, наконецъ, для сдѣланія изъ каждаго католика на столько русскаго и преданнаго Россіи, на сколько, при употребленіи польскаго языка, былъ онъ полякъ и на сколько сочувствовалъ польской отчизнѣ.»

Отъ этого донесенія какъ-бы вѣетъ усталостью человѣка, начинающаго понемногу убѣждаться въ томъ, что почва уходитъ изъ подъ ногъ его.

Видя, что въ Минской губерніи дѣло располяченія костела вступаетъ на путь обычной канцелярской волокиты, что гибнутъ

надежды на какой либо осязательный успѣхъ въ будущемъ, что надъ нимъ самимъ хотятъ сдѣлать насиліе - въ смыслѣ удаленія изъ Минска и перемѣщенія въ какой либо глухой приходъ, что, не смотря на просьбу, его въ Петербургъ не вызываютъ, Сенчиковскій, обманнымъ способомъ, рѣшается отправиться въ Петербургъ и тамъ, кому слѣдуетъ, раскрыть глаза на положеніе вопроса о располяченіи костела.

Въ числѣ бумагъ, подаренныхъ мнѣ покойнымъ, находится, между прочимъ, и подлинный «билетъ», выданный въ г. Минскѣ и. д. Минскаго губернатора, вице-губернаторомъ Дарагановъ, 27 декабря 1872 г., за № 6706, ему, Сенчиковскому, какъ декану и р.-к. священнику, отправляющемуся «въ Вильну на семь дней».

На билетѣ, карандашомъ, сдѣлана градоначальникомъ С.-Петербурга генералъ-адъютантомъ Треповымъ, собственноручно надпись такого содержанія:

«Дозволяю проживать семь дней въ столицѣ. Треповъ».

На томъ-же билетѣ — позднѣйшая, для меня написанная кан. Сенчиковскимъ, замѣтка, вызванная просьбою — объяснить происхожденіе резолюціи Трепова.

«Архіепископъ Александръ», пишетъ мнѣ Сенчиковскій: «узналъ отъ Дарагана, *) что Жилинскій хлопочетъ о моемъ перемѣщеніи изъ Минска куда либо въ деревню, въ глухую мѣстность. Тогда я попросилъ Жилинскаго разрѣшить мнѣ поѣздку въ Петербургъ: Жилинскій отказалъ, но разрѣшилъ мнѣ пріѣхать въ Вильну. Тогда я изъ Минска черезъ Москву поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ немедленно явился къ градоначальнику Трепову, разсказавъ ему, что я — безъ билета прибылъ въ столицу только ради того, чтобы лично разъяснить Министру тѣ интриги противъ русскаго дѣла Жилинскаго, которыя онъ ведетъ и которыми обманываетъ Правительство. Тогда Треповъ спросилъ меня: «Сколько вы желаете пробыть въ Петербургѣ?» — Я отвѣтилъ: «Не болѣе трехъ дней.» Но ген. Треповъ, взявъ этотъ билетъ, карандашомъ надписалъ: «Дозволяю проживать семь дней въ столицѣ. Треповъ.»

Вотъ Вамъ — подлинная надпись покойнаго генерала Трепова, который тоже страдалъ отъ враговъ Россіи и который оказалъ мнѣ тогда такое сочувствіе.

Побывавъ у Макова (тогда еще правителя канцеляріи Министра) и, затѣмъ, у министра Тимашева, которому разъяснилъ двуличныя дѣйствія Жилинскаго, я просилъ поддержать русское дѣло тѣмъ, чтобы Жилинскому было приказано — поѣхать

---

*) Минскій вице губернаторъ.

по Минской губерніи—и, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ костелахъ, въ которыхъ я ввелъ употребленіе русскаго языка вмѣсто польскаго, чтобы онъ, Жилинскій, тоже употреблялъ русскій языкъ. Министръ одобрилъ этотъ проектъ, успокоивъ меня тѣмъ, что я останусь въ Минскѣ, что буду произведенъ въ каноники и что Жилинскій будетъ вызванъ въ Петербургъ и Государь Самъ повелитъ ему—поѣхать по Минской губерніи. Я немедленно отправился въ Вильну. Прибывъ къ Жилинскому, я спросилъ его, почему онъ хотѣлъ меня перемѣстить изъ Минска?—На это Жилинскій, со злостью и ироніей, сказалъ: «Въ Минскѣ вамъ много работы по училищу органистовскому, по тремъ деканатамъ, по двумъ гимназіямъ, да по приходу. Поэтому я, зная о вашемъ слабомъ здоровьѣ, хочу васъ облегчить и дать вамъ приходъ, гдѣ—мѣстность лѣсная, гдѣ—рѣка. Тамъ можно будетъ вамъ отдохнуть.» На это я отвѣтилъ, что, во 1-хъ, я дѣйствительно слабаго здоровья, но доктора и аптеки въ деревнѣ нѣтъ. Поэтому, для моего здоровья, будетъ тамъ хуже. Во 2-хъ, я никому не заявлялъ о томъ, что мое слабое здоровье мѣшаетъ мнѣ служить въ Минскѣ. Въ 3-хъ, мои прихожане никому не жаловались, что имъ отказываютъ въ исполненіи требъ такъ какъ я и мой викарный всегда и со всею акуратностью служимъ прихожанамъ. И, въ 4-хъ, только второй годъ, какъ я устроилъ и открылъ училище для органистовъ. Поэтому я не могу передать оное въ чьи бы-то ни было руки опасаясь, дабы дѣло не испортили. И тогда скажутъ, что это я такъ дурно все устроилъ. Но въ эту минуту подаютъ Жилинскому телеграмму, прочитавъ которую, онъ поблѣднѣлъ и подалъ мнѣ. Тамъ сказано: «По Высочайшему повелѣнію прошу прелата немедленно прибыть въ Петербургъ. Министръ Тимашевъ.»—Я уѣхалъ въ Минскъ, а черезъ нѣсколько дней получаю изъ Петербурга отъ Жилинскаго телеграмму: «Приготовьтесь поѣхать со мною по Минской губерніи. Скоро прибуду въ Минскъ. Прелатъ Жилинскій.»—Дѣйствительно я и прелатъ Капцеговичъ мѣсяцъ ѣздили съ Жилинскимъ, который пѣлъ молебенъ за Государя, а Капцеговичъ произносилъ рѣчи на языкѣ русскомъ. За это Жилинскій получилъ орденъ Станислава 1 степ., Капцеговичъ произведенъ въ прелаты, а я—въ каноники.—Вотъ Вамъ вся исторія, почему Треповъ сдѣлалъ эту надпись на билетѣ.»

Въ письмѣ ко мнѣ (отъ 14 ноября 1899 г. Омскъ) Сенчиковскій какъ-бы дополняетъ имъ сказанное.

Онъ сообщаетъ:

«Когда, кажется, въ 1872 или 1873 году *), я былъ у Льва Саввича Макова, въ Петербургѣ, то онъ, Маковъ, мнѣ сказалъ:

*) Когда это имъ писалось, онъ уже не имѣлъ подъ рукою отосланныхъ мнѣ своихъ документовъ, почему и говоритъ такъ гадательно о годѣ.

«Я-бы вамъ совѣтовалъ, въ вашихъ дѣйствіяхъ, быть немного іезуитомъ.»

На это я отвѣтилъ ему:

«Я, Ваше Пре—во, на это неспособенъ. Я хочу доказать, что и ксендзъ можетъ быть истинно-русскимъ и вѣрноподданнымъ.»

Будучи въ Петербургѣ, Сенчиковскій лично подаетъ Директору Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд. гр. Сиверсу объяснительную записку (отъ 3 янв. 1873 г., Петербургъ) такого содержанія *):

«Неисчислимыя преслѣдованія со стороны фанатиковъ и противодѣйствія польскихъ пропагандистовъ заставляли меня неоднократно обращаться къ г. Минскому губернатору и г. управляющему епархіей, прося защиты и поддержки; но, на сколько удостоился я вниманія и сочувствія со стороны г. Минскаго губернатора, на столько Виленскія духовныя власти противодѣйствуютъ развитію въ католической средѣ русскаго дѣла и враждебно относятся ко мнѣ лично. Подробности хорошо извѣстны г. Минскому губернатору, которому во многихъ моихъ рапортахъ я докладывалъ обо всемъ. Поэтому, нѣсколько приведенныхъ фактовъ очень ясно заявятъ серьезное стремленіе консисторіи—погубить меня, и, тѣмъ самымъ, пріостановить или навсегда уничтожить мои дѣйствія въ пользу русскаго дѣла, которому служилъ я три года и буду служить до послѣдняго издыханія моего:

1-е) Кс. Гудвиловичъ, дабы я не препятствовалъ ему и заштатнымъ ксендзамъ дѣйствовать во вредъ русскому дѣлу, предложилъ мнѣ деньги, которыя немедленно были мною представлены начальству. Консисторія-же, безъ суда и слѣдствія, безъ запроса и моего объясненія, помѣстила въ моемъ формулярномъ спискѣ, что я нахожусь подъ судомъ за взятіе взятки отъ кс. Гудвиловича, и копію этого формулярнаго списка переслала г. Минскому губернатору и г. директору Минской гимназіи.

2-е) По указу консисторіи отъ 16 августа 1872 г., за № 6470, оставшіяся послѣ смерти кс. Багинскаго вещи были проданы съ публичнаго торга, въ присутствіи полиціи и свидѣтелей, и проданы не мною, но командированнымъ для этой надобности кс. Томашевскимъ. Консисторія, этимъ-же указомъ, предписала мнѣ вырученныя деньги представить въ консисторію. (Слова рукописи неразобраны)... представлены въ консисторію росписки получателей и покупателей. Между тѣмъ, кредиторовъ покойнаго ксендза консисторія оффиціально отослала къ мировому

---

*) Изъ бумагъ С., находящихся у А. В. Ж—ча.

судьѣ, требуя, дабы было взыскано съ меня слѣдующее кредиторамъ отъ кс. Багинскаго; но ни консисторія, ни мировой судья не опредѣлили, находятся-ли у меня какія либо суммы, принадлежащія покойному ксендзу.

3-е) Сосланный за противодѣйствіе русскому дѣлу въ монастырь кс. Яцевичъ заявилъ мнѣ, что ему слѣдуетъ жалованье за одну треть; консисторія-же требовала, дабы я заплатилъ кс. Яцевичу за двѣ трети; поэтому я пояснилъ консисторіи, что разногласіе очень рѣзкое и что я при передачѣ Борисовскаго деканата передалъ моему преемнику кс. Піотровскому и слѣдуемое ксендзамъ жалованье, на что у меня имѣются росписки. Послѣ чего я получилъ указъ консисторіи, предписывающій мнѣ выслать въ консисторію всѣ, находящіяся у меня росписки ксендзовъ, получавшихъ у меня жалованье, и вслѣдъ за тѣмъ претензію кс. Яцевича она переслала къ мировому судьѣ, требуя взыскать съ меня заявленныя кс. Яцевичемъ требованія. Но и на этотъ разъ консисторія ни словомъ не опредѣлила, принято-ли во вниманіе мое поясненіе, и, если непринято, то почему. Вышесказанное едва въ милліонной части обрисовываетъ тѣ натяжки и преслѣдованія, которыми забрасываетъ меня консисторія и которыя дошли уже до нельзя. Поэтому осмѣливаюсь прибѣгнуть подъ защиту Вашего Сіятельства, вседушевно умоляя о поддержкѣ и содѣйствіи въ уничтоженіи польско-политической идеи въ католицизмѣ и въ прекращеніи гоненія, какому я подвергаюсь со стороны консисторіи, дабы въ данномъ случаѣ былъ я въ состояніи дѣйствовать въ пользу русскаго дѣла.»

На этой запискѣ—резолюція гр. Сиверса: «Доложено г. Министру 24 апрѣля 1873 г. Его Высоко—во приказалъ переговорить съ ген.-адъют. Потаповымъ о внушеніи прелату Жилинскому—содѣйствовать съ своей стороны усиліямъ Сенчиковскаго и другихъ благонадежныхъ ксендзовъ къ введенію русскаго языка въ дополнит. богослуженіе въ костелахъ.»

А вотъ и другая записка (отъ 5 января 1873 года), поданная въ С.-Петербургѣ-же гр. Сиверсу Сенчиковскимъ *):

«Для памяти.

1-е) Дабы ксендзы и польскіе пропагандисты не могли называть духовныхъ, служащихъ на русскомъ языкѣ, казенными раввинами и десяцкими, необходимо, дабы тѣхъ, которыхъ Правительство награждаетъ, тоже управляющій епархіей и его Капитулъ наградили духовнымъ чиномъ, именно пригласить ихъ, хотя-бы въ номинальные члены консисторіи и хотя-бы почетными сдѣлать канониками. Такъ какъ актуальный каноникъ

*) Тамъ-же

только по Высочайшей волѣ можетъ быть, то этакого представленія нечего намъ ожидать отъ епархіальнаго начальства.

2-е) Главное и необходимое для пользы русскаго дѣла, дабы самъ управляющій епархіей лично побывалъ въ г.г. Минскѣ, Бобруйскѣ, Несвижи, Койдановѣ, Борисовѣ и Мозырѣ, и въ этихъ костелахъ, если не самъ лично употреблялъ русскій языкъ, то хотя-бы присутствовалъ при совершаемомъ мною или мѣстнымъ настоятелемъ богослуженіи на русскомъ языкѣ и молебствіи за Импер. Домъ. Безъ этого русское дѣло въ Минской губерніи окончательно пропадетъ и никто его уже не подниметъ. Съ управляющимъ епархіею слѣдовало-бы поѣхать мнѣ, ибо три раза, для ревизіи костеловъ, проѣхавъ губернію, я подробно знаю мѣстныя обстоятельства. Поэтому ни ксендзы, ни польскіе пропагандисты не надули-бы русское дѣло. Но, если возьмутъ фанатика Виленскаго, то, конечно, дѣло испортятъ.

3-е) Управляющій епархіею годъ тому назадъ, возвратясь изъ Петербурга, вызвалъ меня въ г Вильну, для совѣщанія по дѣламъ службы, а когда я прибылъ, то три дня угощалъ меня, приглашалъ обѣдать постоянно и обѣщалъ золотыя горы. Но уже годъ прошелъ, и буквально ни одного слова неисполнено въ пользу русскаго дѣла.

4-е) Г. управляющій епархіею самъ ничего не дѣлаетъ, а все передаетъ консисторіи, какъ судебному мѣсту, и, такимъ образомъ, всегда остается въ сторонѣ и безвреднымъ полякамъ, и Правительству. Трусость, нерѣшительность и безхарактерность его не способствуютъ, но вредятъ дѣлу.

5-е) Консисторія, съ разрѣшенія управляющаго, всѣ дѣла духовныхъ, служащихъ на русскомъ языкѣ, отсылаетъ къ мировымъ судьямъ, чѣмъ понижаетъ насъ и соблазняетъ католиковъ, и безъ этого подстрекаемыхъ польскими пропагандистами.

6-е) Въ Блони жила отставная уже хозяйка (экономка) ксендзовская, нѣкто г-жа Биневичова. Когда я началъ служить въ Блони на русскомъ языкѣ, то г-жа Биневичова (получившая послѣ смерти кс. Янушевскаго нѣсколько тысячъ рублей и все хозяйство) заявила, что она—православная и положительно не посѣщала костела, не участвовала въ богослуженіи и не бывала у исповѣди. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, г-жа Биневичова умерла и хотя кс. Карпъ, администраторъ Серафинскаго прихода,—точно на такомъ-же разстояніи отъ Блони, что́ и я, и хотя Блонскій приходъ въ моемъ распоряженіи,—однакожъ родственники ксендзовской экономки пригласили кс. Карпя для похоронъ, который удостоился этой чести потому, что для польскихъ пановъ служитъ тайкомъ по-польски. Вотъ кс. Карпъ не только безъ моего вѣдома и согласія похоронилъ прихожанку моего прихода, но и послѣ похоронъ, черезъ два слишкомъ мѣсяца, не увѣдомилъ о томъ меня и не прислалъ даже метрики для вне-

сенія въ подлинную метрическую книгу, что необходимо для статистическихъ вѣдомостей и для выдачи справокъ и документовъ. И когда я со стороны узналъ объ этомъ, то, при свиданьи съ кс. Карпемъ, въ кабинетѣ, сдѣлалъ ему замѣчаніе именно за то, что онъ пановъ богатыхъ тайкомъ хоронитъ и вѣнчаетъ въ чужихъ приходахъ, а крестьянъ не позволяетъ, за что, по распоряженію Министерства, дабы никто не могъ вмѣшиваться въ чужой приходъ, онъ можетъ строго отвѣтить. Сдѣлавъ замѣчаніе, я предписалъ кс. Карпю, дабы обращающимся къ нему католикамъ изъ Блонскаго прихода онъ отказывался исполнять требы, а о важнѣйшихъ бракахъ и похоронахъ сообщалъ-бы мнѣ, какъ настоятелю.

Другое дѣло, если-бы кс. Карпь окрестилъ или напутствовалъ умирающаго. Но въ этомъ-то онъ и отказывается. Поэтому, и по долгу совѣсти и по обязанности настоятеля и декана, я долженъ былъ сдѣлать замѣчаніе ксендзу, который, ради польскаго и денежнаго интереса, вмѣшивается въ предѣлы другого прихода. Иначе не будетъ порядка. Но кс. Карпя не оштрафовалъ я самъ, не представлялъ къ штрафу.

и 7-е) Заштатныхъ ксендзовъ, находящихся въ монастырѣ въ г. Минскѣ и кр. Бобруйскѣ, управляющій епархіею не долженъ заблуждать надеждою освобожденія, но самъ лично обязанъ увѣщевать, дабы они приняли въ употребленіе русскій языкъ, а, если не примутъ, то выслать въ Царство Польское или въ Петербургъ, въ монастыри. А то изъ монастыря ихъ вызываютъ въ Вильну и тамъ даютъ имъ хорошія мѣста; служащихъ-же на русскомъ языкѣ преслѣдуютъ.

Всѣ проекты и планы могутъ быть хороши и полезны дѣлу только тогда, когда мы желаемъ искренно воспользоваться временемъ и обстоятельствами. Поэтому сомнѣваюсь, дабы г. управляющій согласился поѣхать и присутствовать по крайней мѣрѣ при молебствіи за Царствующій Домъ, совершаемомъ на русскомъ языкѣ. А, если и поѣдетъ, то строжайше надо наблюдать и крайне быть осторожнымъ, дабы добросовѣстно была исполнена эта поѣздка.»

Мы видѣли уже, какое вліяніе имѣли подобныя заявленія Сенчиковскаго въ Петербургѣ на вызовъ прелата Жилинскаго, на понужденіе его—къ объѣзду епархіи и проч.

Перепуганный небывало-смѣлою поѣздкою Сенчиковскаго и ея результатами, благодарный за Высочайшую аудіенцію, Жилинскій поспѣшилъ, затаивъ злобу и месть, еще разъ расшаркаться передъ смѣлымъ своимъ подчиненнымъ и оказать ему услуги—въ смыслѣ, хотя-бы временной защиты—отъ его враговъ.

Это свидѣтельствуетъ слѣдующій документъ *):

«1873 г., марта 3 дня, нижеподписавшійся, ксендзъ Альфонсъ Маткевичъ далъ сію подписку въ томъ, что всѣ мои претензіи, какія я имѣлъ къ Минскому декану ксендзу Сенчиковскому, отнынѣ навсегда прекращаю и никакихъ жалобъ на него возобновлять не буду, подъ собственною за противное тому отвѣтственностью. Подписалъ: кс. Альфонсъ Юльяновъ Маткевичъ. Вѣрно: секретарь Ленкшевичъ» **).

На этой «подпискѣ»—позднѣйшая, рукой кан. Сенчиковскаго сдѣланная для меня, надпись:

«Этотъ кс. Маткевичъ,—мой викарный, сознался, что паны его подговаривали взводить на меня ябеды. Когда Жилинскій возвратился изъ Петербурга и тамъ, въ С.-Петербургѣ, Жилинскому сказали—оставить меня въ покоѣ, то, по пріѣздѣ Жилинскаго въ Минскъ для объѣзда костеловъ Минской губерніи, Жилинскій потребовалъ, чтобы кс. Маткевичъ выдалъ это обязательство.»

Передъ поѣздкой въ Петербургъ Сенчиковскаго, Жилинскій и Виленская р.-к. духовная консисторія запачкали умышленно формулярный списокъ Сенчиковскаго особой графою о подсудности его, Сенчиковскаго,—какъ-бы предрѣшая, что графа́ эта быстро заполнится.

Послѣ-же его возвращенія изъ Петербурга и энергичнаго протеста, Виленскій кс. Вашкевичъ пишетъ ему (26 января 1873 г.) ***):

«Почтенный и любезный отецъ Фердинандъ! Пріятнымъ для себя долгомъ считаю увѣдомить Васъ, что вслѣдствіе Вашего рапорта, поданнаго къ г. управляющему епархіей, а Его Высокопреподобіемъ переданнаго въ консисторію, для законнаго постановленія, въ сей-же консисторіи состоялось журнальное постановленіе (24 с. января): «Формулярный списокъ о службѣ декана кс. Сенчиковскаго выдать ему-же — въ исправленномъ и чистомъ видѣ, безъ всякихъ оговорокъ о подсудности.»

О томъ-же, собственноручнымъ, дружескимъ письмомъ (представленнымъ впослѣдствіи Сенчиковскимъ по-начальству, въ доказательство фарисейско-іезуитской политики прелата) Жилинскій увѣдомляетъ Сенчиковскаго.

3 февраля 1873 г. (изъ Минска) Сенчиковскій донесъ гр. Сиверсу, для успокоенія послѣдняго, о томъ, что Виленская р.-к. духовная консисторія выслала ему его формулярный списокъ «безъ всякихъ статей и заявленій о подсудности.» ****)

*) Изъ бумагъ С., находящихся у А. В. Ж—ча.

**) Ленкшевичъ—секретарь управляющаго Виленской р.-к. епархіей—Жилинскаго.

***) Изъ бумагъ С., находящихся А. В. Ж—ча.

****) Тамъ-же.—Приводится по черновику.

Послѣ аудіенціи у Государя и надлежащихъ инструкцій, полученныхъ отъ Тимашева и Макова, Жилинскій энергично принимается исполнять Высочайшую волю, столь милостиво ему объявленную лично.

Это видно изъ приводимыхъ ниже его предписаній. *)

а) Предписаніе (отъ 17 февр. 1873 г., № 333) съ надписью «в. нужное»:

«Бобруйскому Декану ксендзу Макаревичу.

Предположивъ въ непродолжительномъ времени, на основаніи каноническихъ правилъ, сдѣлать визитаціонный осмотръ р.-к. церквей по Минской губерніи, предлагаю Вамъ (по исполненіи даннаго Вамъ порученія за № 326) озаботиться, чтобы ко времени моего прибытія, о которомъ Вы будете особо извѣщены, во всѣхъ церквахъ подвѣдомственнаго Вамъ деканата были приготовлены въ должномъ порядкѣ метрическія книги и въ оныя внесены всѣ записи, очищены и находились въ опрятности: костельная утварь, бѣлье, аппараты, дарохранительницы и прочія вещи. *При чемъ мною будетъ обращено особое строгое вниманіе, на сколько исполнена Высочайшая воля относительно замѣны польскаго языка русскимъ въ дополнительномъ богослуженіи.»*

б) Предписаніе (отъ 10 марта 1873 г., № 78) (г. Слуцкъ):

«Минско-Наднѣманскому и Игуменскому Декану кс. Сенчиковскому.

Такъ какъ, согласно Высочайшей воли Государя Императора, которую я лично имѣлъ счастье выслушать въ 13 день минувшаго февраля, русскій языкъ непремѣнно долженъ быть общеупотребительнымъ въ добавочномъ богослуженіи въ р.-к. костелахъ, и этотъ порядокъ мною самимъ введенъ въ нѣкоторыхъ костелахъ по пути моего слѣдованія, то предписываю Вамъ наблюсти тщательно, чтобы сей порядокъ былъ также соблюдаемъ, какъ въ Вашемъ, такъ и въ подвѣдомственныхъ Вашему деканату костелахъ неукоснительно.»

в) Предписаніе (отъ 22 марта 1873 г., № 200),

«Весьма нужное.

Бобруйскому Декану ксендзу Макаревичу.

Такъ какъ, согласно Высочайшей воли Государя Императора, которую я имѣлъ счастье выслушать лично въ 13 день минувшаго февраля, русскій языкъ долженъ быть общеупотребительнымъ въ добавочномъ богослуженіи въ р.-к. костелахъ и

*) Всѣ они, въ подлинникахъ, хранятся въ бумагахъ С., находящихся у А. В. Ж—ча.

при посѣщеніи нынѣ Бобруйскаго костела объявлено о семъ народу и совершено таковое служеніе по-русски, то предлагаю Вамъ соблюдать этотъ порядокъ неукоснительно, и настоящее предложеніе хранить при дѣлахъ Бобруйскаго костела для руководства и напредь Вашимъ преемникамъ; сверхъ того, строго наблюсти за непремѣннымъ исполненіемъ вышеизложеннаго въ костелахъ своего деканата.»

На послѣдней бумагѣ—позднѣйшая, для меня написанная, замѣтка каноника Сенчиковскаго:

«Послѣ того, когда я безъ билета поѣхалъ въ Петербургъ и только благодаря градоначальнику Трепову могъ повидаться съ Министромъ Тимашевымъ, Жилинскаго Государь командировалъ по Минской губерніи. Вотъ Жилинскій, гдѣ самъ служилъ молебенъ на языкѣ русскомъ, давалъ ксендзамъ такія бумаги. Но, затѣмъ, все исчезло. Когда меня съѣли и когда я удалился, то и въ 32-хъ костелахъ русскій языкъ остался только на бумагѣ. А всему виноваты Гр. Игнатьевъ, Лорисъ-Меликовъ и ихъ адептъ—Минскій губернаторъ Петровъ!...»

Въ это время была сдѣлана еще одна попытка—въ формѣ оригинально-задуманнаго анонимнаго доноса—очернить Сенчиковскаго передъ Петербургомъ *).

Директоръ Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исп. Гр. Сиверсъ препровождаетъ Минскому губернатору Токареву (2 іюля 1873 г., № 51/36) слѣдующее письмо, присланное на его имя:

«22 іюня 1873 г. Минскъ. Ваше Сіятельство Эммануилъ Карловичъ. Проѣзжая изъ Москвы за границу, я совершенно случайно, вслѣдствіе болѣзни, принужденъ былъ остановиться въ губ. гор. Минскѣ. Здѣсь я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ про католическаго священника Сенчиковскаго такія вещи, которыми онъ положительно позоритъ Правительство, его удерживающее на посту приходского священника въ городѣ. Онъ, своими поступками, подрываетъ уваженіе къ священническому сану и, играя роль преданнаго интересамъ Россіи предъ здѣшними властями, дѣйствуетъ въ революціонномъ духѣ, подбивая здѣшнюю молодежь, въ чемъ я лично убѣдился въ одномъ семейномъ, мнѣ издавна знакомомъ, домѣ. Не желая говорить безъ доказательствъ, за неимѣніемъ времени ихъ собрать, я въ частности пускаться не буду. Объ его дѣятельности наружной здѣсь знаетъ каждый; но, какъ видно, не каждый подозрѣваетъ въ немъ фанатика-іезуита католика, дѣйствующаго изъ-подъ руки. Это, я полагаю, потому, что власти здѣшнія ему покровительствуютъ.

---

*) Дѣло № 63 Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій «Свящ. Сенчиковскій.»

Говоря съ нимъ, я ему высказалъ, что главное направленіе здѣшнимъ дѣламъ даетъ Департ. Дух. Дѣлъ въ Петербургѣ Вашего Сіятельства; но онъ мнѣ только намекнулъ, что онъ здѣсь можетъ дѣйствовать, какъ ему вздумается, отводя глаза начальствующихъ. Обращая вниманіе Вашего Сіятельства, въ интересахъ нашего Отечества, на слова этого священника, остаюсь съ отмѣннѣйшимъ уваженіемъ и преданностью покорнымъ слугою Вашего Сіятельства князь А. Голицынъ. Адр. Baden-Baden. Poste-restante.»

На письмо графа Сиверса губ. Токаревъ (21 іюля 1873 г., № 110) увѣдомилъ его, что «въ городѣ Минскѣ въ теченіи всего времени ни одного изъ князей Голицыныхъ не было, а въ концѣ іюня мѣсяца изъ Москвы, по Московско-Брестской жел. дорогѣ, проѣзжалъ генералъ свиты кн. Голицынъ; но, какъ его имя и отчество —неизвѣстно; въ г. Минскѣ онъ не былъ, но останавливался на вокзалѣ желѣзной дороги, гдѣ, ожидая нѣкоторое время поѣзда въ Вильну, обращался за совѣтомъ къ доктору 7-го резервнаго бат. Онацевичу; изъ Минска къ князю Голицыну никто не пріѣзжалъ и кс. Сенчиковскій съ нимъ не разговаривалъ.»

Несомнѣнно, что письмо князя Голицына было выдумано польско-іезуитскою пропагандою.

Къ какимъ ничтожнымъ результатамъ привела попытка ввести русскій языкъ въ дополнительное р.-к. богослуженіе, лучше всего видно изъ слѣдующихъ документовъ, находящихся въ дѣлѣ канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора № 28 (1873 г., по 3-му отдѣленію) подъ заглавіемъ «По отзыву управляющаго р.-к. епархіей прелата Жилинскаго—относительно осмотра р.-к. церквей въ Минской губерніи.»

Отправляясь, въ силу Высочайшаго повелѣнія, въ объѣздъ по Минской губерніи, Жилинскій, на всякій случай, заручился особыми полномочіями отъ гражданской власти.

Это видно изъ слѣдующихъ документовъ, имѣющихся въ дѣлѣ:

а) Изъ шифрованной телеграммы Минскаго губернатора Токарева генералъ-губернатору Потапову, отправленной въ С.-П—гъ (4 марта 1873 г.):

«Прелатъ Жилинскій проситъ, не изволите-ли признать возможнымъ разрѣшить ему, въ случаѣ необходимости, выслать безотлагательно изъ Несвижа ксендзовъ въ монастыри Гродненской и Виленской губерній?».

4 марта Токареву послана была такая отвѣтная телеграмма генералъ-адъютанта Потапова:

«На шифрованную телеграмму разрѣшаю. Прошу Ваше Пре—во сообщать по принадлежности губернаторамъ.»

б) Изъ конфиденціальнаго донесенія прелата Жилинскаго (отъ 7 марта 1873 г., № 62. Г. Клецкъ) генералъ-губернатору ген.-адъютанту Потапову, изъ котораго видно, что Жилинскому пришлось сейчасъ-же прибѣгнуть къ той мѣрѣ, о которой онъ ходатайствовалъ. Жилинскій пишетъ Потапову:

«Долгомъ считаю почтительнѣйше довести до свѣдѣнія Вашего Высокопре—ва, что мною сдѣлано распоряженіе о перемѣщеніи находящихся въ Несвижскомъ Доминиканскомъ монастырѣ ксендзовъ (слѣдуютъ 19 фамилій) въ Гродненскій Францисканскій монастырь, а также (слѣдуютъ фамиліи 8 другихъ ксендзовъ) въ Виленскій Кармелитскій монастырь, и особо о причисленіи временно къ Минско-Троицкому костелу, въ вѣдѣніе декана Сенчиковскаго, помѣщеннаго въ Несвижскій монастырь ксендза Станислава Лемпицкаго, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи я имѣлъ возможность по своему усмотрѣнію распредѣлить упомянутыхъ священниковъ къ соотвѣтственнымъ служебнымъ должностямъ; на что имѣю честь всепокорнѣйше испрашивать предварительнаго распоряженія Вашего Высокопре—ва.»

Самый ходъ ревизіи пр. Жилинскаго видѣнъ изъ слѣдующихъ документовъ: *)

1) Прелатъ Жилинскій тому-же генералъ-губернатору (отъ 5 марта 1873 г., № 19. Ст. жел. дороги Негорѣлое) доноситъ:

«2 числа сего марта мѣсяца, съ Гродненскимъ деканомъ и Бѣлостокскимъ архидіакономъ, почетнымъ каноникомъ Копцеговичемъ, и съ необходимыми для сопутствованія мнѣ лицами, я отправился изъ г. Вильны для осмотра, по каноническимъ правиламъ, костеловъ по Минской губерніи.

Прибывъ въ г. Минскъ, въ 4 часа по полудни, прямо я отправился въ Маріинскій приходской (б. каѳедральный) костелъ и, заставъ таковой полнымъ народа (по случаю обыкновеннаго въ этотъ день молебствія), по окропленіи онаго святой водою, произвелъ канонически—предписанный осмотръ костельныхъ предметовъ, а затѣмъ, для сей-же надобности, отправившись въ Троицкій приходской костелъ, совершилъ, по введенному тамъ порядку, на русскомъ языкѣ краткое молебствіе. Въ слѣдующій-же день, 3 марта, совершена мною въ семъ костелѣ торжественная литургія, а, по окончаніи оной и послѣ краткой къ народу рѣчи на русскомъ языкѣ о необходимости употребленія въ добавочномъ богослуженіи взамѣнъ чуждаго нашему краю польскаго—отечественнаго русскаго языка, произнесено мною тоже по-русски торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ за Государя Императора и Царствующій Домъ.

4-го марта, въ Маріинскомъ костелѣ, отслужена мною торжественно обѣдня и произнесена къ народу, наполнявшему кос-

*) То-же дѣло канцеляріи Вил. генералъ-губернатора № 28-й.

телъ, подобная, какъ выше, рѣчь по-польски, и, затѣмъ, пропѣта за Государя и Царствующій Домъ по-русски молитва, которая здѣсь произносилась обыкновенно по-латыни.—

За симъ, отправившись въ дальнѣйшій путь, предусматриваю необходимость немедленно размѣстить изъ Несвижскаго Доминиканскаго монастыря помѣщенныхъ тамъ въ немаломъ числѣ священниковъ въ другіе монастыри, для дачи имъ впослѣдствіи соотвѣтственнаго назначенія на службу.

Почтительнѣйше доводя о вышеизложенномъ до свѣдѣнія Вашего Высокопре--ва, имѣю честь всепокорнѣйше просить о предварительномъ распоряженіи, чтобы со стороны г.г. Виленскаго и Гродненскаго губернаторовъ не было мнѣ отказано въ помѣщеніи ксендзовъ въ Виленскій Кармелитскій и Гродненскій Францисканскій монастыри.»

На донесеніи—двѣ резолюціи:

1) Мин. Вн. Дѣлъ г.-а. Тимашева·

«Свѣдѣнія эти уже имѣлъ и съ особымъ удовольствіемъ доложилъ ихъ сегодня Его Величеству. 9 марта.»

2) Ген.-адъютанта Потапова:

«Сообщить Виленскому и Гродненскому губернаторамъ о принятіи изъ Несвижскаго монастыря ксендзовъ, которые будутъ высланы Минскимъ губернаторомъ.»

2) Тотъ-же Жилинскій тому-же Потапову (6 марта 1873 г. № 43, г. Несвижъ):

«Въ продолженіе моего отзыва отъ 5 с. марта, за № 19„ имѣю честь почтительнѣйше довести до свѣдѣнія Вашего Высокопре—ва, что, отправившись изъ г. Минска въ м. Койданово, въ тамошнемъ костелѣ, 5 числа, при немаломъ собраніи простого народа, я совершилъ св. литургію, а, по окончаніи ея и произнесеніи къ народу по-русски краткой рѣчи—о необходимости дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ, была также по-русски мною пропѣта молитва за Государя Императора и Царствующій Домъ. Затѣмъ, чрезъ нѣкоторое время моего нахожденія въ плебаніи, на желаніе народа, собравшагося въ костельной оградѣ (около 500 чел.)—видѣть меня, я, выйдя въ церковномъ облаченіи и поздравивъ словами Спасителя, въ средѣ собранія онаго съ открытыми головами, истолковалъ на мѣстномъ, простомъ, русскомъ нарѣчіи, о долгѣ не разъ объявленной вѣрноподданнической его преданности, о заботливости Правительства, о благѣ онаго, и которое заключается въ стремленіи къ искорененію всякихъ польскихъ тенденцій и устраненіи изъ костела польскаго языка съ замѣною его отечественнымъ русскимъ, нисколько непротивнымъ ученію р.-к. вѣры; а народъ,

оставаясь въ почтительномъ смиреніи, это назиданіе принялъ со вниманіемъ и благосклонно со мною распрощался.

Послѣ сего, я отправился въ г. Несвижъ и здѣсь, въ приходскомъ костелѣ, при небольшомъ сборѣ людей, по обыкновенію отслужена была обѣдня, произнесена затѣмъ по-русски къ народу рѣчь и совершено, тоже по-русски, молебствіе. Изъ мѣстныхъ жителей явилось ко мнѣ, въ плебанію, до 100 человѣкъ прихожанъ съ хлѣбомъ-солью. Къ нимъ, какъ и выше значится, убѣдительно я говорилъ по-русски о пользѣ этого языка въ добавочномъ богослуженіи; но, повидимому, здѣсь еще существуетъ противу того предубѣжденіе, и мое вліяніе по сему предмету не могло подѣйствовать рѣшительно.»

3) Тотъ-же тому-же (отъ 10 марта 1873 г., № 80, г. Слуцкъ):

«Имѣю честь почтительнѣйше сообщить В. Выс—ву, что мною посѣщены, по пути моего слѣдованія, приходскіе костелы Клецкій 7-го и Копыльскій 9-го сего марта; въ нихъ, при собраніи прихожанъ, какъ и въ предшествовавшихъ мѣстахъ, были отслужены торжественно обѣдни, а по ихъ окончаніи, имѣлись на русскомъ языкѣ къ народу рѣчи—о необходимости употребленія въ добавочномъ богослуженіи русскаго языка, который ни въ чемъ непротивенъ вѣрованію р.-к. религіи, и затѣмъ пропѣта мною также по-русски установленная молитва за Государя Императора и Царствующій Домъ. Однако не было видимо благосклоннаго сочувствія къ моимъ назиданіямъ, въ особенности въ Клецкомъ и Тимковическомъ костелахъ.—

Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ предписано мною настоятелямъ приходскихъ костеловъ—Минскаго Маріинскаго за № 72, Койдановскаго—за № 73, Несвижскаго—за № 74, Клецкаго—за № 75, Тимковическаго—за № 76 и Копыльскаго—за № 77, чтобы они неукоснительно соблюдали введенный мною порядокъ молитвословія на русскомъ языкѣ, а сверхъ того поручено мѣстнымъ деканамъ имѣть наблюденіе за точнымъ исполненіемъ сего распоряженія.»

4) Тотъ-же тому-же (отъ 16 марта 1863 г., № 135, г. Бобруйскъ):

«Продолжая осмотръ костеловъ, послѣ моего сообщенія В. В—ву отъ 10 с. марта, за № 80, я посѣтилъ таковые въ г. Слуцкѣ, м. Глускѣ и Хоромцѣ, а также въ г. Бобруйскѣ.—

Въ этихъ мѣстахъ, по предначертанному порядку, отслужены мною торжественно обѣдни, произнесены были къ собравшемуся народу по русски назидательныя рѣчи—о введеніи русскаго языка въ добавочное богослуженіе, и, затѣмъ, мною пропѣта на томъ-же языкѣ установленная за Государя Императора и Царств. Домъ молитва. Прибывшему-же въ Слуцкъ админи-

стратору Старчинскаго костела и и. д. администратора Медвѣдицкаго костела даны мною строгія предписанія, чтобы таковой-же порядокъ дополнительнаго богослуженія по-русски неукоснительно былъ соблюдаемъ въ ихъ костелахъ.

Замѣтивъ особенную готовность къ выполненію современныхъ мѣропріятій въ администраторѣ Хоромецкаго костела кс. Вроченскомъ, для поощренія, я распорядился о переводѣ его на болѣе видное поприще въ г. Несвижъ, съ назначеніемъ Слуцкимъ деканомъ -для поддержанія тамъ и по всему деканату введеннаго порядка добавочнаго богослуженія.

Изъ упомянутыхъ выше приходовъ, замѣтнѣе другихъ этотъ порядокъ усвоенъ въ Бобруйскомъ костелѣ, по особенно ревностному старанію мѣстнаго декана кс. Макаревича, который, въ уваженіе его заслугъ и преданности Правительству, мною сего числа возведенъ въ санъ почетнаго каноника Виленскаго каѳедральнаго капитула.

О чемъ имѣю честь почтительнѣйше довести до свѣдѣнія В. В—ва и къ тому присовокупляю, что какъ о вышеизложенномъ, такъ и о предшествовавшихъ моихъ дѣйствіяхъ, одновременно сообщается мною и Его Сіятельству, г-ну Директору Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. графу Сиверсу».

5) Тотъ-же тому-же (отъ 28 марта 1873 г., № 275, гор. Минскъ):

«Послѣ моего сообщенія отъ 22 марта, за № 204, на обратномъ пути, посѣщены мною слѣдующіе костелы: Борисовскій, Логойскій, Корженскій, Хотаевическій, Околовскій и, наконецъ, Королищевичскій, въ которыхъ, такимъ-же точно порядкомъ, какъ и вездѣ, были мною совершены св. литургіи, а, затѣмъ, по произнесеніи къ прихожанамъ рѣчей на русскомъ языкѣ—о необходимости употребленія того языка въ добавочномъ богослуженіи, вознесены мною по-русски-же молитвы о благоденствіи Государя Императора и всего Царствующаго Дома.

Нельзя сказать, чтобы въ прихожанахъ обнаружилось сочувствіе къ этому порядку, ибо, кромѣ словесныхъ заявленій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы не были измѣняемы прежніе обычаи, были поданы мнѣ объ этомъ отъ прихожанъ прошенія: въ Логойскѣ, Коржени, Хотаевичахъ и Околовѣ. Съ моей-же стороны, какъ настоятелямъ всѣхъ этихъ костеловъ, которые мною были посѣщены, такъ и нѣкоторыхъ, гдѣ, по случаю распутицы, мнѣ не имѣлось возможности быть въ настоящее время, а именно: Узденскаго, Сверженскаго, Дзедзиловичскаго, Зембинскаго, Докшицкаго, Серафимскаго, Любешевскаго, Давидгрудецкаго, Пинскаго, Каменскаго, Раковскаго и Першайскаго, а также филіалисту Волкслицко-Анопольскому мною строго предписано неукоснительно соблюдать порядокъ дополнительнаго богослу-

женія на русскомъ языкѣ и, сверхъ того, мѣстнымъ деканамъ поручено имѣть неослабное за симъ наблюденіе.

Во вниманіе къ особенно-ревностной и полезной службѣ декана Сенчиковскаго, онъ удостоенъ мною званіемъ почетнаго каноника Виленскаго Каѳедральнаго Капитула.

О чемъ почтительнѣйше имѣю честь сообщить В. В—ву и къ тому присовокупить, что нынѣ изъ Минска я возвращаюсь въ Вильну.»

6) Тотъ-же тому же (отъ 22 марта 1873 г., № 204, г. Борисовъ):

«Въ дополненіе къ послѣднему моему сообщенію отъ 16 с. марта, за № 135, имѣю честь почтительнѣйше довести до свѣдѣнія В. В—ва, что, продолжая осмотръ костеловъ, я посѣтилъ таковые 18 марта въ Свислочи, 19-го въ Игумени и 20-го—въ Березинѣ, Игуменскаго уѣзда. По совершеніи мною въ сихъ костелахъ торжественно св. литургіи, были произнесены къ прихожанамъ по-русски краткія рѣчи о томъ, что русскій языкъ въ добавочномъ богослуженіи въ нашихъ костелахъ долженъ быть общеупотребительнымъ и что это ни въ чемъ не противно вѣрованію и ученію нашей религіи, и, затѣмъ, пропѣта мною по-русски установленная молитва за Государя Императора и Царствующій Домъ. О неукоснительномъ соблюденіи сего порядка мною даны строгія предписанія настоятелямъ и мѣстнымъ деканамъ».

7) Собственноручное письмо Виленскаго губернатора Стеблинъ-Каменскаго къ ген.-ад. Потапову (отъ 4 апрѣля 1873 г., № 25):

«М. Гос. Александръ Львовичъ. Въ воскресенье прелатъ Жилинскій совершалъ служеніе въ Каѳедральномъ костелѣ, какъ и всегда. Наканунѣ получено имъ нѣсколько анонимныхъ писемъ изъ Минской губерніи, порицающихъ его за послѣднюю поѣздку. Относительно германскихъ и прусскихъ флаговъ мною сдѣланы надлежащія распоряженія. Въ городѣ все благополучно.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть Вашего В—ва покорнѣйшій слуга Егоръ Стеблинъ-Каменскій.»

8) Донесеніе управляющаго Виленской Р.-К. Епархіей прелата Жилинскаго (отъ 2 апрѣля 1873 г., № 585, г. Вильна) Вил., Ков. и Гродн. генералъ-губернатору ген.-ад. Потапову:

«Вашему В—ву имѣю честь при семъ препроводить копію съ моего сообщенія г. Минскому Губернатору сего числа за № 583—о подробностяхъ моего объѣзда и осмотра костеловъ по Минской губерніи и о моихъ замѣчаніяхъ и соображеніяхъ по настоящему предмету, и почтительнѣйше къ этому присовокупить, что, по возвращеніи моемъ въ г. Минскъ, 29 марта, мною еще отслужена въ Маріинскомъ костелѣ св. литургія.

Въ Минскѣ получилъ я анонимное письмо возмутительнаго содержанія, которое и передалъ черезъ полиціймейстера г. Губернатору. По прибытіи-же въ г. Вильну, я нашелъ изъ почты два подобныхъ анонимныхъ письма и таковыя передалъ мѣстному полиціймейстеру, для представленія по принадлежности.

Г. Минскій губернаторъ сообщилъ мнѣ въ дорогѣ (отъ 14 марта, за № 1202) о поступившемъ къ нему прошеніи отъ Несвижскихъ прихожанъ—о нежеланіи ихъ, чтобы русскій языкъ былъ введенъ въ костелѣ; а, прибывъ въ Вильну, я нашелъ подобное-же ихъ прошеніе, присланное ко мнѣ по почтѣ, которое, вмѣстѣ съ полученными мною на мѣстѣ о семъ прошеніями отъ прихожанъ Логойскаго, Корженскаго, Хотаевичскаго и Околовскаго костеловъ, я препроводилъ въ подлинникахъ къ г. Директору Департ. Д. Дѣлъ Иностр. Исп. графу Сиверсу вмѣстѣ съ сообщеніемъ о всемъ вышеизложенномъ.»

Къ этому донесенію приложено (въ копіи) сообщеніе Жилинскаго Минскому губернатору (отъ 2 апрѣля 1873 г., № 583), въ которомъ, въ общемъ, повторено Жилинскимъ то-же, что́ имъ доносилось уже выше ген.-ад. Потапову, а затѣмъ, въ концѣ, сказано слѣдующее:

«Во многихъ мѣстахъ лично жаловались прихожане, что, за недопущеніемъ польскаго языка, прекратились, противу-увѣковѣченнаго обычая, всѣ употребляемыя въ костелахъ набожныя пѣсни, чтенія св. Евангелія и поученія изъ онаго, которыя съ душевною отрадою были народомъ усвоены; а съ лишеніемъ всего того прихожане остаются въ печальномъ унынiи; заставить-же себя учиться этому по-русски считаютъ затруднительнымъ.

Священниковъ, согласившихся, за всѣми моими увѣщеваніями, служить на русскомъ языкѣ, оказалось весьма мало, и тѣ мною распредѣлены въ лучшіе приходы, для поощренія. Однако, въ настоящее время, за недостаткомъ ксендзовъ, соглашающихся употреблять русскій языкъ, остаются вовсе безъ нихъ слѣдующіе приходы и костелы: Кемешевскій, Холопеническій, Березинскій (Борисовскаго уѣзда), Блонскій, Свислочскій, Хороцецкій и Копаткевическій, а также филіальные костелы: —Анопольскій, Дутковскій, Прусиновскій, Ганевичскій, Заваническій, Шатилковскій, Холуйскій, Лоевскій, Туровскій, Любешевскій, Урѣчскій, Соловейскій и Новогрудскій, и въ виду преклонности лѣтъ или немощности нѣкоторыхъ ксендзовъ, за убылью ихъ, предвидится, что еще больше останется приходовъ безъ священниковъ.

Вообще-же, изъ заявленій тѣхъ приходскихъ священниковъ, которые не желаютъ употреблять русскій языкъ въ костельной службѣ, и тѣхъ, которые согласились соблюдать сей порядокъ, оказывается, что первые не рѣшаются примѣняться къ сему по-

рядку изъ опасенія неудовольствія и пренебреженія со стороны прихожанъ, а послѣдніе, что по этому случаю они возненавидѣны ими и лишены всякой отъ нихъ поддержки, такъ что, презирая ихъ, иные не ходятъ въ костелъ, не исповѣдуются вовсе, не крестятъ дѣтей, сами хоронятъ мертвыхъ, и даже живутъ безъ вѣнчанія. Посему, многіе священники желаютъ перечислиться на службу въ другія епархіи и губерніи, гдѣ не вводится русскій языкъ въ костелахъ, оправдываясь и тѣмъ, что прихожане ихъ упрекаютъ, ссылаясь на порядокъ служенія, неизмѣняемый до сихъ поръ, въ сосѣднихъ и другихъ епархіяхъ, а даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ исключительно русскій языкъ есть преобладающій.

Въ виду вышеизложеннаго, нельзя не обратить еще вниманія на то обстоятельство, что никто изъ ксендзовъ, получившихъ высшее образованіе въ Духовной Академіи, а слѣдовательно и служащихъ примѣромъ для меньшихъ собратій, не склоняется не только ко введенію русскаго языка, но и къ поддержанію уже существующаго въ иныхъ мѣстахъ порядка богослуженія на этомъ языкѣ. Изъ сего заключить можно, что во время наукъ не было обращено усиленнаго вниманія на усвоеніе на твердыхъ началахъ потребности русскаго языка, чтобы впослѣдствіи могли быть сами надежными руководителями, какъ для духовенства, такъ и для народа.

Наконецъ, за подтвержденіемъ мною въ настоящую поѣздку Правительственной мѣры въ необходимости добавочнаго богослуженія по-русски, и что это не было выдумкою возненавидѣнныхъ ксендзовъ, чтобы сія мѣра имѣла должную прочность, по моему мнѣнію, необходимо обезпечить, независимо отъ прихожанъ, существованіе тѣхъ священниковъ, которые неуклонно будутъ продолжать означенное служеніе по-русски, присвоивъ имъ лично и пожизненно безбѣдное денежное отъ казны содержаніе, такъ какъ отпускаемое нынѣ по штату, за вычетомъ %, декану едва достаточно на удовлетвореніе расходовъ костельныхъ, т. е. на причтъ, освѣщеніе, отопленіе, починку и мытье бѣлья и утвари церковной, поддержку строеній и опрятности въ костелѣ, уплату прислугѣ, содержаніе викарныхъ (гдѣ есть таковые), веденіе книгъ, переписки и проч.»

Читая всѣ, только что приведенныя, донесенія, точно слышишь голосъ и мнѣнія Сенчиковскаго, на столько они несомнѣнно продиктованы его вліяніемъ на Жилинскаго, сознаніемъ послѣдняго, что о всякомъ его измѣнническомъ шагѣ будетъ немедленно-же сообщено въ Петербургъ, по административному начальству.

Въ то-же время, можно себѣ представить тайную радость

Жилинскаго, при видѣ, что задуманная Правительствомъ реформа, едва начатая, уже находится въ періодѣ явнаго угасанія...

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что прелатъ Жилинскій посѣтилъ только тѣ костелы, въ которыхъ Сенчиковскимъ было уже введено дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, т. е. гдѣ была подготовлена послѣднимъ, такъ сказать, собственными боками, благопріятная для того почва. Онъ уклонился отъ явки въ тѣ костелы, гдѣ народъ враждебно относился къ нововведенію.

Подобное отношеніе къ Высочайшему порученію лучше всего характеризуетъ эту личность.

Какъ мы видимъ изъ формулярнаго о службѣ Сенчиковскаго списка, онъ «27 марта 1873 г, за № 258, управляющимъ Виленскою р.-к епархіею прелатомъ Жилинскимъ, произведенъ въ санъ «почетнаго каноника» и того-же 1873 года, 4 апрѣля, за № 583, «съ утвержденія Жилинскаго, Виленскимъ каѳедральнымъ Капитуломъ избранъ въ члены этого Капитула.»

Прелатъ Жилинскій, препровождая Сенчиковскому грамоту на званіе «почетнаго каноника», 27 марта, за № 258, пишетъ ему, на оффиціальномъ бланкѣ «управляющаго Вил. р.-к. епархіей»:

«Въ особенномъ вниманіи къ постоянно ревностной и полезной службѣ Вашей, съ совершенной преданностью Правительству, въ неутомимомъ и точномъ выполненіи всѣхъ его мѣропріятій, я считаю пріятнымъ долгомъ возвести Васъ въ санъ почетнаго каноника Виленскаго Каѳедральнаго Капитула, и, примѣняясь къ существующему по Минской губерніи привилегированному обычаю, дозволяю носить присвоенный званію каноника крестъ (Distinctorium). Установленная по правиламъ грамота на сіе званіе мною будетъ Вамъ выслана изъ г. Вильны.»

Затѣмъ была выслана Жилинскимъ Сенчиковскому и подлинная грамота (№ 583) съ латинскимъ текстомъ на это званіе.

Мы не приводимъ ее, такъ какъ это—обычный, оффиціальный документъ, повторяющій, въ общемъ, содержимое отзыва Жилинскаго № 258.

Въ дѣлѣ Виленскаго генералъ-губернатора (1873 г., по 3 отдѣл., № 176—подъ заглавіемъ «О ксендзахъ, принявшихъ требникъ съ русскимъ текстомъ») имѣются данныя, указывающія на то, что, кромѣ части Минской губерніи, поднятый Правительствомъ вопросъ о русскомъ языкѣ въ р.-к. костелѣ не нашелъ, для развитія своего, благопріятной почвы и въ другихъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края—Виленской и Гродненской.

Это видно изъ приводимыхъ ниже донесеній Виленскому генералъ-губернатору подчиненныхъ ему губернаторовъ означенныхъ губерній.

Такъ, Виленскій губернаторъ (11 ноября 1873 г., № 2298) доноситъ, что, по увѣдомленію управляющаго Виленскою р.-к. епархіей, сверхъ лицъ, показанныхъ въ спискѣ, представленномъ имъ, губернаторомъ, 9 января 1871 г., за № 342, болѣе никто изъ ксендзовъ Виленской губерніи не принялъ новоизданнаго съ русскимъ текстомъ требника, а чтобы въ дополнительномъ богослуженіи въ какомъ либо приходѣ здѣшней губерніи былъ употребляемъ русскій языкъ, о томъ, какъ имъ, губернаторомъ, такъ и прелатомъ Жилинскимъ, не получено никакихъ свѣдѣній

По донесенію генералъ-губернатору Ковенскаго губернатора (отъ 24 ноября 1873 г., № 295)—по день донесенія ни одинъ изъ р.-к священниковъ Ковенской губерніи не принялъ требника съ русскимъ текстомъ и не употреблялъ русскій языкъ въ дополнительномъ богослуженіи, «чего, впрочемъ» по замѣчанію губернатора, «нельзя было и ожидать—въ виду отзыва епископа Волончевскаго по сему предмету», представленнаго ему, генералъ-губернатору, губернаторомъ 21 мая 1871 г., № 179.

Гродненскій губернаторъ (31 января 1874 г, № 749), представляя генералъ-губернатору дополнительный списокъ р.-к. священниковъ, принявшихъ требникъ съ русскимъ текстомъ или, какъ имъ сказано, «правильнѣе, давшимъ росписку въ полученіи экземпляра» (всего 10-ь ксендзовъ г. Гродны и по Гродненской губ.), донесъ, что «никто изъ р.-к. духовенства губерніи русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи не употребляетъ; что только одинъ Кобринскій деканъ Бродовичъ въ 1870 году попытался, было, совершать дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, но и тотъ въ настоящее время пересталъ».

Такимъ образомъ, по всему Сѣверо-Западному краю и Бѣлоруссіи дѣло, къ этому времени, считалось уже безвозвратно проиграннымъ для интересовъ Россіи.

Мы останавливаемся на этомъ фактѣ—въ виду того, чтобы показать, что Сенчиковскій въ Минской губерніи, съ немногими, подчиненными ему, въ его направленіи дѣйствовавшими, ксендзами, очутился вдругъ по сосѣдству съ другими губерніями, гдѣ жизнь реформы едва-едва теплилась, готовая угаснуть...

Это увеличивало трагизмъ его положенія...

А девизомъ покойнаго, по отношенію къ русскому языку, какъ мы знаемъ, было: «Или вездѣ, или нигдѣ!»

Какъ-бы въ отвѣтъ на усиленную, вынужденную дѣятельность прелата Жилинскаго по располяченію костела, несомнѣнно произведшую-таки извѣстное впечатлѣніе на подчиненное ему духовенство, а потому сочтенную вредной и опасною для польско-іезуитской справы, изъ Рима получено было имъ въ 1873 году, такъ сказать, первое грозное предостереженіе —въ видѣ письма кардинала Катерини, которое въ подлинникѣ не находится въ нашемъ распоряженіи, но на которое ссылается этотъ кардиналъ въ позднѣйшемъ письмѣ своемъ къ Жилинскому-же, приводимомъ нами въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

Тѣмъ не менѣе изъ письма кардинала видно, что 26 окт. 1873 г. Жилинскій писалъ о чемъ-то въ Римъ, въ чемъ-то оправдывался, давалъ какія-то обѣщанія....

Интересно, что объ этой тайной перепискѣ съ Римомъ даже Сенчиковскому, столь близко стоявшему къ Жилинскому, недовѣрявшему послѣднему, а, поэтому, зорко за нимъ слѣдившему, сдѣлалось извѣстнымъ значительно позднѣе, когда самъ онъ сталъ удостоиваться получать такія-же угрожающія письма изъ Рима.

Почти полный провалъ партіей польско-іезуитской пропаганды правительственныхъ начинаній въ Сѣверо-Западномъ краѣ и Бѣлоруссіи — по дѣлу о располяченіи католицизма, еще разъ поднялъ передъ Сенчиковскимъ тотъ вопросъ, который онъ уже имѣлъ въ виду ранѣе—при проектированіи училища органистовъ—вопросъ о созданіи такихъ людей въ р.-к. костелѣ, которые, оставаясь католиками, перестали-бы служить *анти-государственнымъ цѣлямъ этой пропаганды*, а были-бы искренно, нелицемѣрно проникнуты національно-русскимъ духомъ и стремленіями.

По-прежнему онъ видѣлъ, что главный тормазъ, вся бѣда— въ реформѣ съ русскимъ языкомъ—въ р.-к. духовенствѣ, въ его воспитаніи, въ его тлетворномъ вліяніи на массу простого, темнаго народа.

Вотъ почему, сидя въ Минскѣ, пользуясь матеріалами своего огромнаго опыта,- вырабатываетъ онъ цѣлую систему оздоровленія въ древле-русскихъ губерніяхъ римскаго католицизма,— систему, конечно, не новую, такъ какъ на нее указывали до него и другіе, по преимуществу русскіе писатели, хотя и указывали теоретически...

Голосъ-же Сенчиковскаго въ Петербургѣ звучалъ и въ этомъ вопросѣ особенно цѣнно, властно и авторитетно, какъ голосъ практика-ксендза, на собственномъ опытѣ испытавшаго

розы и терніи по-истинѣ каторжной работы въ дѣлѣ располяченія костела.

Въ запискѣ, поданной Директору Деп. Дух. Дѣлъ Ин. Исп. графу Сиверсу (27 іюля 1874 г., за № 980) *) самъ Сенчиковскій такъ объясняетъ причину неудачи предпринятой реформы—по введенію русскаго языка въ дополнительное богослуженіе:

«Почти два года прошло съ того времени, когда я имѣлъ счастіе лично докладывать Вашему Сіятельству обстоятельства, въ которыхъ находилось дѣло о замѣнѣ польскаго языка русскимъ въ Р.-К. Церкви, и тѣ мѣры, которыя въ ту минуту были полезными оному, и, наконецъ, тѣ противодѣйствія, которыя сильно вредили этому-же русскому дѣлу.

Но вотъ все возможное въ пользу дѣла приведено было въ дѣйствіе. Правительство щедро вознаградило тѣ лица, которыя обнаружили готовность начать работу для развитія вопроса. Однако-жъ самое дѣло не только не подвинулось впередъ, но почти исчезло изъ плана, ибо все, что́ начато, неокончено, сдѣлано поверхностно и несовсѣмъ добросовѣстно. А между тѣмъ, чѣмъ болѣе ослабѣваетъ поддержка въ обрусеніи католицизма, тѣмъ болѣе усиливается польская агитація и пропаганда, и чѣмъ менѣе остается на полѣ борьбы лицъ, преданныхъ русскому дѣлу, тѣмъ серьезнѣе и рѣшительнѣе нападаютъ на нихъ фанатики и польскіе пропагандисты, и тѣмъ труднѣе переносить тяжелыя минуты жизни.

Интриги невыносимы, а противодѣйствія этимъ интригамъ совсѣмъ никакого. Вся наша побѣда заключается единственно въ томъ, *что въ нѣсколькихъ костелахъ еще пока не совсѣмъ забытъ русскій языкъ въ молебствіи за Государя Императора и Августѣйшій Домъ.* Да и это, собственно, только по разсчету ксендза. Только во ввѣренномъ мнѣ Золотогорскомъ костелѣ, въ полномъ смыслѣ слова, уничтожены не только буква, но и духъ полонизма. Но одинъ костелъ—это слишкомъ мало для русскаго дѣла, и потому одному этому костелу труднѣе всѣхъ другихъ костеловъ, ибо епархіальное начальство употребляетъ всѣ силы, дабы въ этомъ мѣстѣ прекратить употребленіе русскаго языка. Тогда уже само собою исчезнетъ и въ другихъ костелахъ русское дѣло; тогда съ бо́льшимъ еще торжествомъ водворится полонизмъ не только въ буквѣ, но еще сильнѣе въ духѣ.

Дабы помѣшать этому водворенію, дабы не допустить русскій вопросъ въ католицизмѣ до окончательнаго паденія и насмѣшки, дабы спасти отъ убійственнаго преслѣдованія, индивидуумы, преданные русскому дѣлу, которые еще пока оконча-

*) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1875 г., № 45 (по 3-му отдѣл.).

тельно не убиты и остались вѣрными сознательно понятымъ благимъ предначертаніямъ Правительства, ко всему этому сильной опорою послужатъ слѣдующаго рода мѣры:

Дабы р.-к. народъ спокойно и прочно повиновался идеѣ Правительства, надо искренно преданныхъ Россіи и Престолу руководителей; а эти *руководители—ксендзы*. Дабы, въ свою очередь, ксендзы были полезны Правительству, не поверхностно только, но искренно и сознательно, *необходимо устроить на чисто русскихъ началахъ духовныя семинаріи, какъ источники, откуда распространяются руководители для народа*. Но для того, чтобы семинарія была соотвѣтственна видамъ Правительства, необходимо дать совершенно другое направленіе *Духовной Академіи*, откуда высылаютъ профессоровъ для семинаріи, начальниковъ и сотрудниковъ въ епархіальныя управленія. *Въ академіи и въ семинаріи, а равно и въ епархіальныхъ консисторіяхъ, какъ въ учрежденіяхъ чисто оффиціальныхъ и казенныхъ, безусловно долженъ быть принятъ и господствовать только русскій языкъ*. Академики и семинаристы должны обучаться совершенію требъ только на латинскомъ и русскомъ языкахъ. *Въ академіи и семинаріяхъ слѣдуетъ окончательно уничтожить преподаваніе польскаго языка*, какъ въ практическомъ, такъ и въ грамматически-научномъ отношеніяхъ, ибо самая буква польская, которой присвоено фанатиками политическое значеніе, весьма вредныя рождаетъ послѣдствія. Академики и семинаристы, а равно и ихъ наставники,—коль скоро они на урокахъ и въ стѣнахъ заведенія, консисторскіе-же члены -когда они на судебной должности, говорили-бы на русскомъ языкѣ. *Книги учебныя съ польскимъ текстомъ въ семинаріи и академіи слѣдовало-бы окончательно изгнать. И, дабы все это добросовѣстно и неповерхностно было исполнено, епархіальные начальники обязаны словомъ и примѣромъ содѣйствовать. Со стороны-же Правительства довѣренное лицо должно вести строгій контроль.*

Тогда уже не будетъ борьбы съ темнымъ и со всѣхъ сторонъ подстрекаемымъ народомъ. Тогда выпущенный изъ академіи или семинаріи ксендзъ не будетъ чуждаться русскаго языка, на которомъ онъ нѣсколько лѣтъ говорилъ и обучался исполненію духовныхъ требъ. Тогда не трудно будетъ замѣнить приходского ксендза, стараго фанатика, молодымъ ксендзомъ съ русскимъ направленіемъ.

Какъ-же можетъ въ настоящее время прихожанинъ равнодушно слушать русскій языкъ въ приходскомъ костелѣ, когда онъ приходитъ за дѣломъ въ епархіальную консисторію и тутъ, въ Присутствіи, прелаты и чиновники говорятъ не иначе, какъ по-польски? Какъ можетъ академикъ или семинаристъ употреблять русскій языкъ въ религіозной практикѣ, когда его профессора и наставники на урокахъ бросаютъ анаѳему и проклятіе на ксендзовъ, имѣющихъ въ своихъ домахъ требники съ рус-

скимъ текстомъ? *)—Иначе будетъ, если эти господа сами будутъ преподавать уроки и обучать совершенію требъ на русскомъ языкѣ, по тѣмъ-же самымъ требникамъ, въ которыхъ текстъ польскій не существуетъ.

Принимать-же въ семинарію, а тѣмъ болѣе въ академію, слѣдовало-бы только такихъ, которые предварительно выдадутъ подписку въ томъ, что будутъ употреблять русскій языкъ, и выполнятъ присягу на вѣрность Отечеству Россіи и Престолу. Тогда только уже слѣдуетъ рукополагать ихъ и высылать на должности.

Все вышесказанное не только не практиковалось въ р.-к. духовной іерархіи, но и не практикуется по настоящее время. Мы всѣ, ксендзы, предъ рукоположеніемъ, не присягали на вѣрность Правительству.

Если Правительство не обратитъ вниманія на вышесказанныя *мѣры, которыя въ будущности преобразуютъ духъ и направленіе въ р.-к. духовенствѣ* и, само собою, не подготовитъ исполненіе предначертаннаго Правительствомъ плана, то, конечно, намъ, нѣсколькимъ личностямъ, невозможно ускользнуть отъ самыхъ горькихъ и тяжелыхъ послѣдствій въ настоящее время, потому собственно, что и мы лично, и дѣло, которому мы служимъ, еще слишкомъ низко поставлены. Мы не въ состояніи дѣйствовать не только самостоятельно, но мало-мальски свободно, ибо каждый шагъ впередъ намъ приходится добывать, такъ сказать, кровавымъ пótомъ. Да при всемъ этомъ еще надо думать о томъ, чтобы спасти себя отъ преслѣдованія епархіальнаго начальства и польскихъ агитаторовъ. Надо каждую минуту опасаться за жизнь свою. Когда-же тутъ заняться дѣломъ и какъ сдѣлать что-либо полезное, когда отъ себя и своей воли не зависитъ человѣкъ, когда каждый, полезный дѣлу, планъ окончательно уничтожаетъ взглядъ тѣхъ духовныхъ сановниковъ, отъ которыхъ зависитъ исполненіе таковаго плана!! *Для того, чтобы былъ въ дѣлѣ успѣхъ, нужна свобода (относительно), самостоятельность, власть и поддержка.* Тогда только можно дѣлать, и тогда только можно отвѣчать за сдѣланное.

А такъ какъ мѣстныя обстоятельства не дозволяютъ мнѣ ежегодно лично являться для всепокорнѣйшаго доклада Вашему Сіятельству о ходѣ драгоцѣннаго русскому человѣку дѣла, то, пользуясь милостивымъ разрѣшеніемъ, которымъ меня Ваше Сіятельство удостоили, я, со всѣмъ чистосердечіемъ, счелъ долгомъ взглядъ мой, всепокорнѣйше представивъ Вашему Сіятельству на благоусмотрѣніе, просить милостивой поддержки,—такъ какъ епархіальное управленіе твердо положило покончить

*) Препровождая мнѣ копію съ того-же письма, изъ Омска, Сенчиковскій дополнилъ это мѣсто вставкою «какъ это дѣлаетъ ректоръ С.-Петербургской р.-к. семинаріи кс. Гриневецкій, впослѣдствіи Виленскій епископъ, сосланный и принявшій австрійское подданнство».

съ вопросомъ объ употребленіи русскаго языка. Оно уже не находитъ ксендзовъ, согласныхъ на это употребленіе; употребляющихъ-же русскій языкъ преслѣдовало и преслѣдуетъ до того, что многіе вынуждены были стушеваться. Замѣнить же таковыхъ некѣмъ. Для устраненія-же преградъ и вреда дѣлу, для обдуманія источниковъ, основывающихъ это дѣло на прочныхъ фундаментахъ, рѣшительно ничего не дѣлается. Поэтому и само дѣло должно будетъ совершенно исчезнуть.»

Болѣе опредѣленно и подробно излагаетъ Сенчиковскій намѣченную имъ реформу р.-к. духовенства—въ другой, позднѣйшей запискѣ (отъ 3 іюня 1876 г. № 438. Минскъ) *), представленной Министру Вн. Дѣлъ, генералъ-адъютанту Тимашеву.

Приведемъ ее дословно:

«Желая добровольно исполнить возложенную на меня начальствомъ обязанность и, по мѣрѣ моихъ силъ, отвѣтить на то довѣріе, какимъ имѣю счастье пользоваться у Правительства, считаю священнымъ долгомъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопре - ва нѣкоторыя соображенія, которыя, по моему крайнему разумѣнію, составляютъ основу и фундаментъ всего дѣла и безъ осуществленія которыхъ вся работа и всѣ труды наши не только будутъ напрасными и безполезными, но и само русское дѣло должно упасть. И оно непремѣнно упадетъ, потерявъ навсегда надежду на возобновленіе.

Соображенія мои слѣдующія:

1. *Подготовка переводовъ необходимыхъ богослужебныхъ книгъ съ русскимъ текстомъ вмѣсто польскаго текста.*

2. *Существенная реформа въ С.-Петербургской Духовной р.-к. Коллегіи, академіи, во всѣхъ р.-к. консисторіяхъ, а, главное, въ семинаріяхъ, находящихся въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ,* за исключеніемъ, на первыхъ порахъ, семинаріи на Жмуди, гдѣ все должно быть только на латинскомъ и жмудскомъ языкахъ, а послѣ—и на русскомъ.

Реформу эту обусловливаю тѣмъ, *дабы въ р. к. академіи и во всѣхъ семинаріяхъ безусловно практически были употребляемы только латинскій и русскій языки. Затѣмъ тамъ должны быть въ употребленіи р.-к. требникъ* («Rituale Sacramentorum») *и пѣвникъ* («Cantionale Romanum») *съ русскимъ, вмѣсто польскаго, текстомъ. Ректора, инспектора и профессора этихъ учебныхъ заведеній, во главѣ съ управляющимъ епархіей, безусловно обязаны употреблять сами и преподавать уроки воспитанникамъ по этимъ книгамъ.*

3. *Принимать въ католическія семинаріи хотя-бы и неокончившихъ среднія учебныя заведенія, даже окончившихъ уѣздное училище, а равно и съ домашнимъ только приготовленіемъ, лишь-бы такой ас-*

*) Черновикъ, находящійся въ бумагахъ С., хранящихся у А. В. Ж—ча.

пирантъ выдержалъ по извѣстной программѣ экзаменъ, хотя-бы поступающій въ семинарію былъ изъ крестьянъ или мѣщанъ, но изъ такихъ, которые, по своей бѣдности, не заражены польско-политическимъ фанатизмомъ. Ибо по причинѣ той-же бѣдности, жизни и воспитанія среди простонародья, они были въ пренебреженіи у польскихъ пановъ и фанатиковъ-ксендзовъ и этимъ защитили себя отъ вліянія польскаго фанатизма.

На сколько мнѣ извѣстно, въ настоящее время въ Виленскую р.-к. семинарію принимаются почти исключительно изъ среды польскихъ пановъ или болѣе образованнаго класса польской шляхты. Воспитанники эти заявляютъ себя болѣе польско-папскими фанатиками, чѣмъ старики-ксендзы, происходящіе изъ крестьянъ и мѣщанъ. Спрашивается, чего-же ожидать русскому дѣлу отъ ксендзовъ, которые еще въ семинаріи проявляли ненависть ко всему русскому?!...

4. Такъ какъ въ рукахъ ректора и инспектора семинаріи находится источникъ, изъ котораго добро или зло, и даже несчастье, разойдется на весь край, а этимъ источникомъ являются воспитанники—будущіе ксендзы, — то они, т. е. *ректоръ и инспекторъ должны быть въ высшей степени преданы Правительству, русскому дѣлу и Престолу.*

Семинарія — единственный источникъ, на который необходимо Правительству обратить самое зоркое и серіозное вниманіе. Поэтому, съ величайшей осмотрительностью избравъ ректора и инспектора, надо предоставить имъ свободу, власть и поддержку въ подборѣ преподавателей, воспитанниковъ и даже семинарской прислуги.

А дабы ректоръ и инспекторъ добросовѣстно исполняли одну изъ величайшихъ обязанностей воспитанія *алюмновъ*, *) т. е. будущихъ ксендзовъ на русскихъ началахъ, въ любви къ отечеству Россіи и въ преданности Престолу и русскому дѣлу, *Правительство должно имѣть строгій надзоръ и контроль изъ лицъ неполякующихъ, а истинно-русскихъ и понимающихъ сущность русскаго дѣла въ католицизмѣ.* Эту обязанность можетъ исполнять такъ называемый «*провизоръ*» (*или «прокуроръ»*), спеціально для этого назначенный, который, при постоянныхъ посѣщеніяхъ и осмотрахъ всѣхъ семинарій, легко можетъ провѣрить и убѣдиться, на сколько добросовѣстно ректоръ и инспекторъ ведутъ русское дѣло во ввѣренныхъ имъ семинаріяхъ.

Органистъ или псаломщикъ, воспитанные въ новомъ органистовскомъ училищѣ на чисто русскихъ началахъ, не могутъ быть полезными русскому дѣлу, служа у ксендза, воспитаннаго въ польскомъ фанатизмѣ и дѣйствующаго враждебно противъ Россіи и Правительства. *Ксендзъ въ приходѣ—это фундаментъ относительно русскаго дѣла,* такъ какъ даже слабый, и даже вред-

*) Алюмны—воспитанники семинаріи.

ный, ксендзъ все-же руководитъ приходъ. Что-же можетъ сдѣлать подчиненный ксендзу органистъ, даже самый преданный Россіи?!

Поэтому необходимо, дабы ксендзы и органисты получили однообразное, на русскихъ началахъ, воспитаніе И коль скоро можно будетъ поступать въ семинарію окончившимъ съ успѣхомъ курсъ въ органистовскомъ училищѣ, и если семинаріи будутъ точно такъ-же, какъ и это училище, устроены на русскихъ началахъ, тогда навѣрное можно ожидать полезныхъ въ Россіи ксендзовъ.

5. *Въ стѣнахъ духовной р.-к. академіи и семинаріи, въ Коллегіи и консисторіи, какъ въ числѣ казенныхъ учрежденіяхъ, долженъ быть обязательнымъ и строго употребляемымъ въ обыкновенномъ разговорѣ только русскій языкъ.*

6. *Необходимо учредить строгій контроль надъ епархіальнымъ духовенствомъ.* Контроль этотъ долженъ быть въ лицѣ визитатора, отвѣтственнаго за направленіе и вредныя Россіи дѣйствія ксендзовъ. Поэтому *визитатору* должно быть предоставлено право избирать благонадежныхъ декановъ и настоятелей, которые, завися отъ визитатора, не будутъ обращать вниманія или бояться епархіальной канцеляріи и польско-фанатическихъ интригановъ.

Собственно, за направленіемъ духовенства должны смотрѣть *епископы,* которые и обязаны поддерживать и защищать ксендзовъ, сочувствующихъ видамъ Правительства и пользѣ русскаго дѣла, а не преслѣдовать оныхъ.

7. *Самая-же существенная мѣра это —обезпечить въ матеріальномъ отношеніи ксендзовъ и органистовъ, искренно преданныхъ Правительству и русскому дѣлу, дабы оныхъ поставить въ полную матеріальную независимость отъ польскихъ фанатиковъ-пановъ и шляхты.* Ибо ксендзъ-настоятель, получая по большей части 230 руб. въ годъ штатнаго жалованья, обязанъ на эту ничтожную сумму содержать себя, своего помощника ксендза, органиста и церковнаго служителя. Послѣ этого, согласится-ли кто изъ ксендзовъ, ради русскаго дѣла и преданности Правительству, подвергнуть себя гоненію и преслѣдованію, а, въ придачу къ этому, лишиться тысячи, а не рѣдко и двухъ-трехъ тысячъ рублей, какіе, за свою преданность польской справѣ, фанатикъ-ксендзъ получаетъ ежегодно отъ вліятельныхъ и богатыхъ польскихъ своихъ прихожанъ?!..

8. *Поступающіе въ семинарію непремѣнно должны выдать подписку въ томъ, что они, послѣ рукоположенія, будутъ употреблять въ дополнительномъ богослуженіи и въ разговорѣ съ народомъ русскій языкъ,* а, при рукоположеніи въ пресвитеры, обязательно въ присутствіи епископа и гражданскихъ властей, выполнять *присягу* на вѣрность службѣ, Отечеству Россіи и Престолу.

Это по настоящее время не дѣлается. Поэтому-то и ксенд-

зы ни чѣмъ нравственно-религіозно не связаны въ своихъ дѣйствіяхъ во вредъ Россіи.

9. *Въ семинаріяхъ, во время ежедневнаго, особенно въ праздничные дни, совершаемаго богослуженія для воспитанниковъ, профессора́ должны употреблять въ добавочномъ богослуженіи русскій языкъ вмѣсто польскаго.*

Вотъ тѣ соображенія и проекты, на осуществленіи которыхъ, по моему разумѣнію, лежитъ прочность русскаго дѣла въ католицизмѣ. Вотъ тѣ препятствія, которыя постоянно тормазили и служили серьезною преградой развитію этого дѣла. Если устранить ихъ, то несомнѣнно русское дѣло встанетъ прочно и пойдетъ успѣшно. Если-же оставить все по-прежнему, то русское дѣло въ католицизмѣ погибнетъ.»

Въ письмѣ къ Минскому губернатору Валерію Ивановичу Чарикову (отъ 20 іюля 1878 г.) *) Сенчиковскій, какъ-бы дополняя то, что́ сообщалъ въ Министерство Вн. Дѣлъ, пишетъ:

«Въ продолженіи близко трехъ-лѣтняго моего служенія подъ ближайшимъ руководствомъ Вашимъ, я фактически и на себѣ испыталъ по-истинѣ отцовское сочувствіе и поддержку, относящуюся ко мнѣ лично. Что-же касается русскаго дѣла, то безграничная и неусыпная бдительность и полная преданность оному научили меня, кромѣ Васъ, никому не вѣрить и Вамъ только открыть, въ пользу этого дѣла, такъ сказать, тайны моей души. Вслѣдствіе такого моего убѣжденія я позволяю себѣ безпокоить Ваше Превосходительство приложенною при семъ замѣткою, составленною мною единственно для собственной памяти и для оставленія слѣдовъ первоначальнаго, такъ сказать, зародыша русскаго дѣла въ костелахъ.

Простите великодушно, Ваше Превосходительство, за, быть можетъ, неумѣстное желаніе мое—открыть предъ Вами мои мысли и мнѣніе! Но къ этому осмѣлило меня всегдашнее и по-истинѣ отцовское благоволеніе ко мнѣ Вашего Превосходительства.»

А вотъ и самая *«Замѣтка»*, о которой онъ упоминаетъ:

«Получивъ назначеніе на должность Блонскаго викарнаго въ 1868 году, въ послѣднихъ числахъ декабря, я прибылъ въ Блонь, и съ первой минуты моей тамъ бытности началъ говорить на языкѣ русскомъ, объявляя всѣмъ и каждому, что польскій языкъ мнѣ мало знакомъ. Обыкновенный разговоръ нисколько не былъ принятъ враждебно прихожанами; но когда я началъ служить на языкѣ русскомъ, тогда первые вооружились и возстали противъ меня ксендзы и деканъ, затѣмъ уже епис-

*) Чариковъ былъ Минскимъ губернаторомъ съ 1875 по 1879 годъ. Письмо воспроизводится по черновику, находящемуся въ бумагахъ С., хранящихся у А. В. Ж—ча.

копъ Войткевичъ. Послѣдствіемъ чего было то, что настоятель Шабловскій три мѣсяца меня не впускалъ въ костелъ и недозволялъ даже тихую совершать литургію. Но сильная поддержка губернатора Касинова и попечителя Батюшкова – не только исходатайствовала мнѣ награду—орденъ Станислава 3-й ст., но и вызвала Высочайшее разрѣшеніе—употреблять языкъ русскій въ римско-католическомъ богослуженіи. Но и въ этомъ, такъ скажу, зародышѣ русскаго языка въ костелахъ, *въ этомъ первомъ—Высочайшемъ одобреніи, уже проявилась польская интрига, стремящаяся и этотъ зародышъ убить и окончательно уничтожить: снято было запрещеніе съ употребленія въ Россіи русскаго языка и добавлено что «въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ этого пожелаютъ вообще прихожане.»* Пусть было-бы сказано «крестьяне» или «низшее сословіе». Но и это ненужно, не на столько вредно дѣлу. А то и въ этомъ поскупились. Послѣ совращенія въ православіе народъ дрожалъ отъ самой мысли о перемѣнѣ религіи. Можно-ли было думать, что кто либо подастъ прошеніе объ языкѣ русскомъ?!.—Да кто-же долженъ былъ начать вопросъ объ этомъ прошеніи?—Ксендзъ и польская интеллигенція до мозга костей пропитаны желаніемъ устроить въ этомъ краѣ Польшу. Крестьяне и средняго класса люди заняты трудомъ. Да и если-бы пришло кому въ голову, то совѣтъ ксендза и его проклятіе, непринимание къ исповѣди и недача разрѣшенія и десятаго перепугаютъ. Да, наконецъ, почему только въ пользу русскаго языка Правительство безусловно подчинило римско-католическое духовенство прихожанамъ, даже крестьянамъ, тогда какъ вѣками признано, а въ послѣднемъ мятежѣ хорошо всѣ убѣдились въ томъ, что римско-католическое духовенство, всегда, вездѣ и всѣми прихожанами руководило и по своему желанію направляло нерѣдко на гибель массу темнаго римско-католическаго народа?—Только въ дѣлѣ о русскомъ языкѣ ксендза подчинили крестьянину; въ дѣлѣ-же польской справы ксендзъ велъ «до лясу» сотни народа, а ксендзъ Мицкевичъ даже былъ командующимъ громаднымъ отрядомъ. Нужны-ли болѣе ясныя доказательства ошибки Правительства въ данномъ вопросѣ?!..

Затѣмъ, *вторая непростительная и положительно вредная дѣлу ошибка—это циркулярное посланіе бывшаго и. д. митрополита епископа Станевскаго,* которое приказано было всему духовенству Могилевской архіепархіи прочесть съ амвона и, затѣмъ, пригласить прихожанъ въ квартиру ксендза, предложивъ имъ подписаться *на этомъ циркулярѣ.* Боже мой! Какъ много здѣсь знанія и пониманія настроенія и духа ксендзовъ и католиковъ!.. Какую страшную принялъ на себя отвѣтственность тотъ, кто выдумалъ такую грубую иронію и вредъ дѣлу! *Во-первыхъ, въ первомъ циркулярѣ не было предписано, прежде всего, подписываться ксендзу.* Нѣтъ, ксендзъ освобождался потому, что ксендза, неподписав-

шагося, сейчасъ-же можно было-бы устранить, или оштрафовать. *Но въ циркулярѣ сказано было—пригласить прихожанъ...* Надо, прежде всего, замѣтить, ка́къ читалъ ксендзъ этотъ циркуляръ. Онъ могъ читать его сочувственно, могъ читать съ пренебреженіемъ, съ ироніей или убитымъ голосомъ, и такъ даже, что никто ничего не слышалъ. Затѣмъ, любопытные явятся въ плебанію и спросятъ, что это ксендзъ читалъ? Ну, и ксендзъ броситъ циркуляръ на столъ съ явнымъ негодованіемъ: «на, читай, если хочешь знать!»—Прочесть-то, пожалуй, прочтутъ, да кто первый подпишетъ? Кто осмѣлится первымъ подписать свою фамилію, тому не сдобровать въ приходѣ. Да развѣ ксендзъ-фанатикъ въ своей квартирѣ допуститъ подписаться?—Да, вотъ, напримѣръ, случай... Въ одномъ костелѣ, кажется, Рѣжицкаго уѣзда, гдѣ прихожане всѣ—латыши, непонимающіе ни польскаго, ни русскаго языка, ксендзъ прочиталъ этотъ циркуляръ. И что-же?—Латыши стянули ксендза съ амвона и вытащили изъ костела. Все было устроено нарочно. Между тѣмъ донесено, что прихожане полу-избили ксендза за языкъ русскій. Это было поводомъ прекратить употребленіе языка русскаго. Да развѣ это не нарочно сдѣлано, дабы языкъ русскій окончательно оставить?!..

Затѣмъ, послѣдовало требованіе- раздать ксендзамъ требникъ, съ текстомъ, переведеннымъ пополамъ русскимъ и славянскимъ языками. И что-же?—Едва этотъ требникъ, весьма непрактично, со славянскими выраженіями, переведенный (что̀ весьма отталкиваетъ католиковъ и даетъ поводъ клеветать), явился на свѣтъ, какъ тутъ-же, въ г. Вильнѣ, публично, съ амвона, въ Каѳедральномъ костелѣ, сожигаютъ его, бросая проклятія на всякаго, кто осмѣлится принять въ домъ эту книгу. (При этомъ была произнесена моя фамилія). *Дѣлаются усилія—поощренія и даже наградъ, предоставленія лучшихъ мѣстъ и должностей за то только, кто приметъ этотъ требникъ. Но это—часмѣшка только,* ибо ксендзъ, имѣющій самаго безнравственнаго сочиненія книги и картины, даже боится принять требникъ потому только, что въ немъ буквальный переводъ съ польскаго на русскій языкъ. А, если онъ и принялъ, то что же тутъ особеннаго, что́ было-бы достойно вниманія?—Вѣдь этотъ требникъ лежитъ гдѣ-то, на чердакѣ даже, а, быть можетъ, и тутъ-же, послѣ принятія, уничтоженъ.

Дальше, оффиціальное преподаваніе предметовъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ въ семинаріи и академіи, чисто казенныхъ и закрытыхъ учрежденіяхъ, постоянный разговоръ въ этихъ учрежденіяхъ, тоже на языкѣ польскомъ, постоянная польская рѣчь въ Коллегіи и консисторіяхъ—много и много вредятъ развитію языка русскаго въ католицизмѣ. Да развѣ семинаристы и академики, члены консисторій и Коллегіи на должности не могутъ говорить по-русски?

Развѣ въ семинаріяхъ и въ академіи опасаются бунта? Развѣ членъ консисторіи или Коллегіи, еслибы этого пожелалъ предсѣдатель, осмѣлился-бы говорить по-польски въ Присутствіи?— Я дома говорю постоянно по-русски; но, если бываю въ консисторіи, то вынужденъ тамъ говорить по-польски потому, что всѣ говорятъ по-польски. Да иногда бывали случаи по-серьезнѣе. Я говорю по-русски, а ко мнѣ обращаются всѣ по-польски. Прихожанинъ, въ Присутствіи, говоритъ мнѣ по-русски, а къ членамъ обращается по-польски. Это было, кажется, въ 1876 году. Въ консисторіи, и Коллегіи, въ Присутствіи, разсматриваются текущія дѣла. Это—казенныя, судебныя учрежденія, это не костелъ и не богослуженіе. Почему-же тамъ постоянно говорятъ по-польски? У нихъ (дѣла́) пишутся на языкѣ русскомъ; обсужденіе-же дѣлъ ведется на языкѣ польскомъ. И это—члены консисторіи, свѣтила епархіи!.. Удивительнѣе всего то, что въ обѣихъ столицахъ—Петербургѣ и Москвѣ,—существуетъ обычай, по которому обыкновенно ксендзы произносятъ проповѣди очередно, по воскресеньямъ на польскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Почему-бы четвертое воскресенье не произнести и на русскомъ языкѣ?—Да тамъ многіе католики почти и не говорятъ по-польски. Да развѣ въ Москвѣ опасаются польскаго мятежа въ костелѣ? Да развѣ постоянное употребленіе въ столицѣ языка русскаго не повліяло-бы и на провинцію?—*Употребленіе языка русскаго въ Петербургѣ и Москвѣ доказало-бы уже согласіе на то Митрополита. Это было-бы для провинціи своего рода подражаніемъ столичнымъ обычаямъ.* Но что-же сдѣлать, если за городомъ, почти въ лѣсу, употребляется языкъ русскій; въ Москвѣ-же, сердцѣ Россіи, какъ-бы опасаются двухъ-трехъ ксендзовъ...

Затѣмъ слѣдовало-бы серіозное обратить вниманіе на провинціи великорусскія, малороссійскія и бѣлорусскія. Развѣ въ Кіевѣ, Черниговѣ, Могилевѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, да и въ Ярославлѣ, гдѣ существуютъ костелы, опасно заставить мѣстнаго настоятеля отслужить, хотя-бы молебствіе, за Царствующій Домъ на языкѣ русскомъ? Между тѣмъ, разнеслись-бы слухи о томъ, что языкъ русскій употребляется не только въ Минской губерніи. Развѣ наставники семинаріи или академіи, ежедневно служащіе только для воспитанниковъ (ибо даже двери каплицы заперты для народа), не могутъ или опасаются отслужить на языкѣ русскомъ, или говорить съ воспитанниками на этомъ-же языкѣ? Развѣ военно-окружные капеланы, капеланы военно-учебныхъ заведеній, какъ, напримѣръ, при Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, опасаются дѣтей въ солдатской шинели—отслужить молебенъ на языкѣ русскомъ?

Я полагалъ-бы весьма возможнымъ и полезнымъ, дабы молебенъ за Царствующій Домъ (первоначально) положительно было запрещено совершать на языкѣ польскомъ. А слѣдовало-бы, во всѣхъ выше-поиме-

нованныхъ провинціяхъ, прямо повелѣть совершать—таковой на языкѣ русскомъ. Это много-бы помогло развитію дѣла, и даже Папа не вправѣ былъ-бы противорѣчить, ибо Вселенскими Соборами и многими Папами (о чемъ я писалъ въ моемъ печатномъ циркулярѣ) опредѣлено разъясненіе—по роду катехизиса и молитвъ совершать на языкѣ народномъ. Но горе въ томъ, что даже въ Москвѣ и Смоленскѣ, даже въ С.-Петербургѣ ксендзы признаютъ «народнымъ» языкъ польскій, поэтому-же и употребляется тамъ польскій языкъ. Это —непонятное для меня убѣжденіе. Его развѣ только можно сравнить съ пословицею: «Ubi Petrus ubi Eclesia» (Гдѣ—Петръ, тамъ и Церковь). *Иными словами, гдѣ ксендзъ и католикъ—тамъ и Польша.* Иначе я не умѣю понять этого заблужденія.

Распространеніе книгъ, брошюръ и въ газетахъ—о цѣли, для которой употребляется языкъ русскій, разъясненіе этого употребленія, разъясненіе стремленія правительства, разсѣяли-бы то подозрѣніе и тѣ недоразумѣнія, какія существуютъ въ народѣ по причинѣ польско-iезуитскихъ интригъ и клеветъ. *Но главное вниманіе Правительства должно быть обращено на ксендзовъ, ибо въ нихъ только—источникъ зла. Но ксендзовъ, вѣрныхъ дѣлу, не будетъ до того времени, пока не будетъ сдѣлано коренной реформы въ семинаріяхъ и академіи*

Надо замѣтить, что̀ было съ уніатами, хотя и присоединившимися къ православію. Первое, что сдѣлалъ покойный Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко (онъ-же изъ уніатовъ), это основалъ въ Вильнѣ на чисто новыхъ и православныхъ началахъ семинарію. Этимъ только онъ и достигъ цѣли.

Наконецъ, непониманіемъ сущности вопроса, и даже кривымъ толкованіемъ его многіе чиновники вмѣсто пособія приносятъ вредъ дѣлу, чего не было-бы, если-бы брошюрами, книгами, и вообще печатно, было объявлено о цѣли и сущности стремленія правительства».

Въ болѣе раннемъ рапортѣ кан. Сенчиковскаго, какъ Минско-Игуменскаго и Наднѣманскаго декана (отъ 4 декабря 1874 г., № 1667), Минскому губернатору, В. Н. Токареву *), говорится:

«Во время бытности моей Борисовскимъ деканомъ, двѣнадцать человѣкъ подвѣдомственныхъ мнѣ ксендзовъ, принявъ въ употребленіе на мѣсто польскаго русскій языкъ, выдали мнѣ подписку въ томъ, что они постоянно будутъ употреблять этотъ-же русскій языкъ. Затѣмъ, въ Минскомъ, Игуменскомъ и Наднѣманскомъ деканатахъ, по принятіи этихъ деканатовъ, я пригласилъ ксендзовъ, которые, подобно Борисовскому деканату, приняли употребленіе русскаго языка и выдали въ томъ росписки.

---

*) Бумаги С., хранящіяся въ Импер. Публичной Библіотекѣ.

Это уже достаточно указываетъ, на сколько служенie мое содѣйствовало распространенiю русскаго языка въ католицизмѣ. Но, при всемъ томъ, если сообразить тѣ противодѣйствiя и тѣ гоненiя, какимъ я подвергался и какiя испытываю понынѣ, то 32 ксендза, по моему увѣщеванiю и примѣру, выдавшiе мнѣ подписки въ употребленiи русскаго языка, достаточно говорятъ въ пользу трудовъ моихъ на полѣ борьбы съ врагами русскаго вопроса».

Въ томъ же рапортѣ кан. Сенчиковскiй пишетъ, что потомъ нѣкоторые ксендзы отказались отъ употребленiя русскаго языка при сочувствiи «епархiальныхъ сановниковъ» и «преспокойно пожинаютъ лавры въ предѣлахъ Гродненской и Виленской губернiй»; но, что если нѣкоторые и остались въ губернiи Минской, то «подъ прочною оградой Виленской защиты они спокойны и довольны»; что, на мѣсто умершихъ въ деканатахъ за пять лѣтъ шести ксендзовъ, онъ, Сенчиковскiй, позаботился подобрать опять ксендзовъ, сочувствующихъ русскому дѣлу, но «епархiальное начальство отказало въ перемѣщенiи этихъ лицъ.»

Рапортъ Сенчиковскаго заканчивается просьбою, обращенной къ губернатору,—оказать влiянie на перемѣщенie въ его деканаты двухъ соотвѣтствующихъ взглядамъ его ксендзовъ.

Мы нарочно привели здѣсь, въ настоящей главѣ, письменныя заявленiя Сенчиковскаго, относящiяся къ разнымъ годамъ его службы, для того, чтобы, помѣстивъ ихъ одно за другимъ, выяснить читателю общую программу покойнаго по располяченiю костела.

Конецъ этого перiода Минской дѣятельности Сенчиковскаго можно охарактеризовать упадкомъ энергiи въ Петербургскихъ, Минскихъ, Виленскихъ высшихъ административныхъ сферахъ: видимо, всѣ сошлись на заключенiи, что правительственный опытъ со введенiемъ русскаго языка въ дополнительномъ р.-к. богослуженiи не удался, а на самый вопросъ, какъ на подающiй мало надеждъ на успѣхъ, стали махать рукою, тѣмъ болѣе, что къ этому времени надвинулись другiе, болѣе неотложные, жгучiе вопросы государственной жизни...

Но такъ какъ Высочайшее повелѣнiе 25 дек. 1869 г. существовало еще и его было невозможно игнорировать, то канцелярiи работали въ прежнемъ направленiи: писались бумаги съ подтвержденiями, разъясненiями: происходили пререканiя между Министерствомъ Вн. Дѣлъ и Митрополитомъ всѣхъ р.-к. церквей Россiи, съ одной стороны, между Минскимъ губернаторомъ и управляющимъ Виленскою епархiею прелатомъ Жилинскимъ, съ другой; упорствующiе ксендзы смѣщались, штрафовались, зато-

чались въ монастыри для того, чтобы вновь ожить, появиться подъ другимъ соусомъ, въ иномъ мѣстѣ и т. п.

Пользуясь подобнымъ настроеніемъ обычной у насъ, въ Россіи, реакціи, затихъ почти совсѣмъ и Жилинскій, плывя по теченію, а не дѣлая, какъ прежде, видъ, что даетъ тонъ вопросу по ввѣреннымъ ему епархіямъ.

Не думалъ лишь сдаваться Сенчиковскій.

Только его голосъ, да враждебная агитація около его имени польско-іезуитской интриги, напоминали еще, что Высочайшая воля не упразднена, хотя и сведена чиновничествомъ къ пустому толченію воды..

Нечего говорить, что Жилинскій, пользуясь удобной минутой, всѣми силами старается въ «правящихъ сферахъ», если не уничтожить ненавистнаго ему русскаго патріота Сенчиковскаго, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать обрусительныя попытки его вполнѣ безвредными...

Къ счастью для Сенчиковскаго, еще существуютъ, еще въ силѣ поддерживающіе его Тимашевъ и Маковъ...

ГЛАВА VIII.

(1876 годъ).

Неудавшаяся попытка прелата Жилинскаго запрятать Сенчиковскаго въ Бобруйскъ.—Переписка по этому поводу между покойнымъ, Петербургомъ, Минскомъ и Вильною.—Характерная резолюція генералъ-адъютанта Тимашева на объясненіи Жилинскаго.—Мысль Сенчиковскаго—объ учрежденіи должности визитаторовъ костеловъ по Минской губерніи.—Новая поѣздка покойнаго въ С.-Петербургъ.—Сенчиковскій опять даетъ указанія Департаменту Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій.—Первое представленіе Министру Тимашеву.—Неудовольствіе на Сенчиковскаго гр. Сиверса и вице-директора Департамента Григорьева.—Печатные труды покойнаго.—Начало его письменныхъ сношеній съ Л. С. Маковымъ.—Сенчиковскій назначается визитаторомъ костеловъ и помощникомъ управляющаго Виленскою епархіей въ 1-мъ визитаторствѣ Минской губерніи.—Анонимное письмо изъ-за границы на нѣмецкомъ языкѣ.—Странная исторія съ увольненіемъ Сенчиковскаго отъ должности законоучителя Минской гимназіи.—Еще и еще заявленія Сенчиковскаго.—Переписка о поученіяхъ въ переводѣ съ польскаго языка.

Въ 1876 году Жилинскій дѣлаетъ попытку перевести Сенчиковскаго изъ Минска въ кр. Бобруйскъ и тѣмъ уничтожить его политическую дѣятельность въ Минскѣ; но попытка эта встрѣчаетъ, какъ энергичный отпоръ со стороны самого Сенчиковскаго, такъ и явное неудовольствіе въ Министерствѣ Вн. Дѣлъ, у котораго еще на глазахъ заслуги послѣдняго.

Въ рапортѣ къ Минскому губернатору В. И. Чарикову отъ 12 янв. 1876 г., № 43 *), Сенчиковскій, прося оставить его въ Минскѣ, такъ объясняетъ вѣроломный поступокъ Жилинскаго:

«Представленіе прелата Жилинскаго», пишетъ онъ: «я нахожу одной изъ тѣхъ интригъ и козней, коими польско-фанатическая партія постоянно меня преслѣдовала. Это—интрига, какъ противъ меня, такъ и противъ русскаго дѣла въ католицизмѣ, которому я уже столько лѣтъ служилъ и добросовѣстно служу. Въ г. Минскѣ, во ввѣренномъ мнѣ приходѣ, шесть лѣтъ постоянно употребляется на мѣсто польскаго только русскій языкъ; шесть лѣтъ уже прихожане въ праздничные дни слушаютъ проповѣди только на русскомъ языкѣ. Три уже года, какъ Высочайше утвержденное, устроенное по моей иниціативѣ и ввѣренное мнѣ, училище для р.-к. органистовъ существуетъ на чисторусскихъ началахъ; поэтому, какъ проектъ училища, такъ и самое училище, по причинѣ моихъ трудовъ, есть единственные въ Имперіи. И вдругъ интрига польская, выбравъ удобное время, перемѣщаетъ меня, дабы этимъ уничтожить мои труды, затормазить дѣло и окончательно убить во мнѣ духъ и энергію!»

Съ той-же просьбою объ оставленіи его въ г. Минскѣ—каноникъ Сенчиковскій обращается: а) къ управляющему епархіей прелату Жилинскому (12 января 1876 г., за № 44) **) и б) къ Министру Вн. Дѣлъ генералъ-адъютанту Тимашеву (12 января того-же года, за № 47). ***)

---

*) Черновикъ въ бумагахъ С—го, хранящихся въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

**) Тамъ-же.

***) Дѣло Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. № 63 «Св. Сенчиковскій.»

Вотъ, по тому-же поводу, собственноручное письмо кс. Сенчиковскаго (отъ 1876 г., 12 янв., г. Минскъ) *) на имя Дир. Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій гр. Сиверса:

«Ваше Сіятельство, Милостивый Государь!» пишетъ Сенчиковскій: «Нѣсколько недѣль тому, какъ выѣхалъ изъ Минска г. губернаторъ; новый-же не пріѣхалъ, а и. д. губернатора уѣзжаетъ. Въ этомъ-то хаосѣ вчера получено представленіе прелата Жилинскаго о моемъ перемѣщеніи въ кр. Бобруйскъ. Нахожу мое перемѣщеніе крайне убійственнымъ, какъ для меня лично, такъ и для русскаго дѣла, а, главное, для училища органистовъ, въ которомъ 10-ь сиротъ мальчиковъ воспитаны въ духѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ волѣ Правительства; нѣкоторымъ изъ нихъ въ нынѣшнемъ году назначенъ выпускъ. И все это—потеряно!— Ничего лучшаго, ничего болѣе цѣлесообразнаго для уничтоженія всего, сдѣланнаго въ пользу русскаго языка и водворенія полонизма, придумать нельзя, какъ мое перемѣщеніе въ Бобруйскъ, гдѣ прихожане—солдаты. А такъ какъ о всѣхъ другихъ обстоятельствахъ я могу только лично всепочтительнѣйше доложить Вашему Сіятельству, то въ настоящее время, припадая къ стопамъ Вашего Сіятельства, со слезами умоляю—защитить меня и училище органистовъ! Пусть меня оставятъ на одинъ годъ, дабы я въ состояніи былъ устроить новыхъ органистовъ, или пусть оставятъ меня законоучителемъ при гимназіи: тогда и органисты будутъ при мнѣ. Да, главное, что къ моему перемѣщенію нѣтъ ни малѣйшаго повода...

Отъ глубины души прося извиненія за мою смѣлость, со слезами умоляю—отцовскаго покровительства, всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга Вашего Сіятельства Минскій деканъ Ф. Сенчиковскій».—

16 января 1876 г., по поводу того-же перевода, кс. Сенчиковскій подаетъ гр. Сиверсу и записку, **) въ которой излагаетъ:

«Нынѣшняго числа и. д. Минскаго губернатора дѣйств. ст. сов. Дараганъ объявилъ мнѣ, что г. управляющій епархіею прелатъ Жилинскій, не объясняя причины, представилъ меня къ удаленію изъ г. Минска и перемѣщенію въ кр. Бобруйскъ. При этомъ и. д. губернатора заявилъ, что онъ далеко не раздѣляетъ желанія прелата Жилинскаго, и на мое перемѣщеніе не согласился-бы; но такъ какъ онъ уѣзжаетъ, то оставляетъ рѣшеніе вопроса новому губернатору, которому и объяснитъ сущность интригъ.

Виленское епархіальное управленіе, при губернаторѣ тайномъ совѣтникѣ Токаревѣ, не могло меня погубить, а тѣмъ самымъ добиться отъ лица, постоянно разъясняющаго злопамѣ-

*) Тамъ-же.
**) Тамъ-же.

ренныя желанія духовнаго управленія, не могло освободиться отъ человѣка, который открытымъ служеніемъ на русскомъ языкѣ въ губернскомъ городѣ, устройствомъ и содержаніемъ училища для р.-к. органистовъ на чисто-русскихъ началахъ, весьма рѣзко парализируетъ дѣйствія фанатическо - польской партіи. Поэтому, прелатъ Жилинскій пожелалъ воспользоваться, такъ можно сказать, хаосомъ, по причинѣ перемѣщенія г. губернатора, непріѣзда новаго и выѣзда и. д. губернатора, дабы моимъ перемѣщеніемъ окончательно убить во мнѣ охоту, духъ и энергію, затормазить развитіе русскаго языка въ католицизмѣ и разорить все, сдѣланное для пользы этого языка въ г. Минскѣ. Однимъ словомъ, мое перемѣщеніе, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ желанію польской партіи.

Къ перемѣщенію я не подалъ ни малѣйшаго повода; моя вина заключается въ томъ, что я восьмой уже годъ, неподдѣльно и всецѣло повинуясь святой для меня волѣ моего Государя, объявленной мнѣ лично Вашимъ Сіятельствомъ и г. Министромъ Вн. Дѣлъ, добросовѣстно употребляю на мѣсто польскаго русскій языкъ, строго отношусь къ воспитанію и направленію мальчиковъ органистовъ и добросовѣстно стремлюсь къ осуществленію благихъ предначертаній Правительства. Поэтому, если по причинѣ вышесказаннаго я недостоенъ быть въ Минскѣ деканомъ, настоятелемъ и законоучителемъ, то по этой-же самой винѣ я негожусь и въ кр. Бобруйскѣ,—ибо, не смотря на всѣ интриги, козни и гоненія, не измѣню самому себѣ, не измѣню Правительству, разъ сознательно принятому направленію, и лучше готовъ остаться совершенно безъ должности, а тѣмъ самымъ и безъ куска хлѣба, нежели своимъ позорнымъ перемѣщеніемъ предать насмѣшкѣ и порицанію поляковъ устроенное по моей инициативѣ училище органистовъ, распоряженія и стремленія Правительства, себя и русское дѣло, для пользы котораго въ г. Минскѣ я столько трудился.

Во ввѣренномъ мнѣ приходѣ рѣшительно все, что́ было на польскомъ, употребляется и совершается только на русскомъ языкѣ. Прихожане уже шесть лѣтъ слушаютъ проповѣди тоже на русскомъ языкѣ, училище органистовъ чуждо всего польскаго и несогласнаго съ русскимъ направленіемъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что мой приходъ и училище — единственные въ Имперіи по совершенію въ оныхъ всѣхъ требъ и ученія на русскомъ языкѣ. Но послѣ того не даютъ мнѣ продолжать начатое дѣло, меня гонятъ въ крѣпость, гдѣ прихожане-солдаты и военные, меня лишаютъ возможности окончить воспитаніе и выпустить изъ училища новыхъ органистовъ, лишаютъ моего вліянія и направленія, какъ законоучителя въ обѣихъ гимназіяхъ; и это—безъ всякой причины и вины съ моей стороны.

Считая все вышесказанное весьма серьезнымъ и оконча-

тельно убивающимъ развитіе русскаго вопроса въ католицизмѣ я осмѣливаюсь всепочтительнѣйше просить у Вашего Сіятельства поддержки и защиты, необходимыхъ, какъ дѣлу, такъ и мнѣ лично. Пусть хоть одинъ годъ еще меня оставятъ въ г. Минскѣ, пока я не выпущу новыхъ органистовъ.

Деканъ Сенчиковскій.» *)

Вслѣдствіе письма Сенчиковскаго, Мин. Вн. Дѣлъ ген.-ад Тимашевъ, 19 января 1876 года, **) телеграфируетъ управляющему Минской губерніей:

«Не дѣлая никакого исполненія по отношенію прелата Жилинскаго о переводѣ Сенчиковскаго, представить эту бумагу мнѣ неотлагательно.»

19 января 1876 года ***) Л. С. Маковъ пишетъ гр. Сиверсу собственноручное письмо слѣдующаго содержанія:

«Письмо декана Сенчиковскаго къ Вашему Сіятельству было мною сегодня утромъ доложено г. Министру и вслѣдствіе сего, сегодня-же утромъ, управляющему Минской губерніей телеграфировано: воздержаться отъ всякихъ распоряженій и представить сюда въ подлинникѣ отношеніе прелата Жилинскаго. Отпускъ съ депеши и письма я распорядился возвратить Вамъ.

Вечеромъ-же получена прилагаемая при семъ записка Сенчиковскаго къ Министру, по которой, съ нашей стороны, ничего сдѣлано быть не можетъ, такъ какъ депеша совершенно гарантируетъ его, и при томъ, какъ видно изъ его словъ, Дараганъ и не предполагалъ переводить его въ Бобруйскъ. Прошеніе это считаю долгомъ сообщить В. Сіятельству, присовокупляя, что я не замедлю прислать Вамъ и телеграфическій отвѣтъ Дарагана, если только онъ сочтетъ нужнымъ что-либо телеграфировать по этому дѣлу.

Мнѣ кажется, настало время, когда можно рѣшиться сдѣлать посѣщеніе того католическаго пріюта или убѣжища, о которомъ мы неоднократно говорили. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, необходимо намъ предварительно условиться и составить родъ маленькой программы нашихъ дѣйствій на мѣстѣ и тѣхъ пріемовъ, которые нужно будетъ употребить для того, чтобы достигнуть цѣли и узнать истину.

Искренно уважающій и готовый къ услугамъ Маковъ.»

И. д. Минскаго губернатора Дараганъ (20 янв. 1876 г., за № 9) ****) донесъ Министру Вн Дѣлъ (представляя, на усмотрѣніе,

---

*) Такое-же точно заявленіе послалъ кс. Сенчиковскій и Мин. Вн. Дѣлъ ген.-адъют. Тимашеву.

**) Тамъ-же.

***) Тамъ-же.

****) Тамъ-же.

подлинное отношеніе прелата Жилинскаго о перемѣщеніи ксендзовъ Сенчиковскаго и Макаревича, — за № 22, отъ 8-го января 1876 года), что оставилъ вопросъ безъ движенія, до пріѣзда новаго губернатора Чарикова.

Попытка каноника Сенчиковскаго, черезъ Виленскаго губернскаго архитектора, академика Ник. Мих. Чагина — уговорить Жилинскаго—не дѣлать подобнаго перевода—не имѣла успѣха, какъ это и видно изъ слѣдующаго письма къ Сенчиковскому Н. Левикова (отъ 25 января 1876 г., г. Вильна): *)

«Получивъ письмо Ваше», пишетъ Левиковъ: «я тотчасъ-же просилъ Николая Михайловича съѣздить къ Жилинскому и переговорить о Васъ. Въ результатѣ вотъ что оказалось. Жилинскій говоритъ, что мѣсто въ Бобруйскѣ никакъ не ниже Минскаго, и въ этомъ перемѣщеніи никакого нѣтъ для Васъ наказанія; сдѣлано-же это вслѣдствіе многократныхъ жалобъ на Васъ (въ послѣднее время—трехъ, въ томъ числѣ Минскаго полиціймейстера), и что какъ Виленское, такъ и Петербургское начальство нехорошо на Васъ смотрятъ. Говорилъ еще Жилинскій, что такъ какъ перемѣщеніе уже состоялось, то онъ измѣнить своему слову не можетъ; но, что, если новый губернаторъ согласится оставить Васъ въ Минскѣ, то онъ противъ этого ничего не будетъ имѣть и не станетъ препятствовать.

Очень жаль, что ходатайство мое у Николая Михайловича, а Николая Михайловича — у Жилинскаго, не привели къ болѣе благопріятнымъ послѣдствіямъ. Остается хлопотать у новаго губернатора Минскаго.»

Несомнѣнно, однако, что заявленіе самого Сенчиковскаго, сдѣланное Министру Вн. Дѣлъ, оказалось болѣе дѣйствительнымъ, и подъ вліяніемъ этого заявленія состоялось слѣдующее отношеніе генералъ-адъютанта Тимашева (отъ 17 февр. 1876 г., № 19) **) на имя Вил., Ков. и Гродн. генералъ-губернатора Альбединскаго:

«Исправл. должность Минскаго губернатора довелъ до свѣдѣнія Министерства о предположенномъ Управляющимъ Виленскою р.-к. епархіею перемѣщеніи Минскаго городского декана и администратора костела Св. Троицы Сенчиковскаго и Бобруйскаго декана и настоятеля Макаревича, одного на мѣсто другого; а вслѣдъ за симъ начальникъ Минской губерніи сообщилъ объ изъявленномъ имъ согласіи на перемѣщеніе Минскаго уѣзднаго

*) Изъ бумагъ С., находящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

Авторъ письма *Левиковъ*, Николай Арсеньевичъ, старшій врачъ 27 артиллер. бригады (умеръ въ 1880 году).—Упоминаемый въ письмѣ «Николай Михайловичъ» —и есть жившій въ Вильнѣ, въ то время, академикъ Чагинъ.

**) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1876 г., № 20, по 3-му отдѣленію.

декана и администратора Каменскаго костела Олехновича — настоятелемъ въ Блонскій приходъ, Игуменскаго уѣзда, состоящій въ вѣдѣніи Минскаго городского декана.

Находя необходимымъ не допускать въ губерніи Минской перемѣщеній ксендзовъ, которыя могли-бы имѣть вредное вліяніе на вопросъ о введеніи русскаго языка въ употребленіе при дополнительномъ богослуженіи, и оградить, въ особенности Сенчиковскаго, отъ распоряженій, которыя имѣли-бы свою причину въ интригахъ какихъ-либо лицъ противъ вышеупомянутой мѣры, требующей энергичнаго поддержанія со стороны правительственныхъ властей—я потребовалъ отъ прелата Жилинскаго сообщенія законныхъ основаній, по коимъ онъ призналъ нужнымъ таковой переводъ ксендзовъ Сенчиковскаго, Макаревича и Олехновича, при чемъ предложилъ ему воздержаться, до дальнѣйшаго моего распоряженія, всякимъ перемѣщеніемъ ксендзовъ въ Минской губерніи—о чемъ считаю нужнымъ конфиденціально сообщить Вашему Превосходительству».

Въ виду подобнаго оборота, какое неожиданно приняло дѣло о переводѣ Сенчиковскаго въ кр. Бобруйскъ, Жилинскій поспѣшилъ объясниться передъ Петербургомъ.

23 февр. 1876 г., № 274, *) онъ доноситъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ:

«Вашему Высокопре-ву, на отзывъ отъ 17 сего февраля за № 610, имѣю честь почтительнѣйше сообщить, что я съ особеннымъ вниманіемъ, озабочиваясь усиленіемъ употребленія и распространенія русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи, призналъ полезнымъ декановъ Сенчиковскаго и Макаревича перевести одного на мѣсто другого, а декана Олехновича перемѣстить отъ Каменскаго костела къ Блонскому, имѣя въ виду слѣдующія основанія: кс. Сенчиковскій нетактически направляетъ дѣло введенія и упроченія русскаго языка; своимъ порочнымъ поведеніемъ, задорнымъ характеромъ и крайне рѣзкими поступками отстранилъ почти всѣхъ прихожанъ отъ Троицкаго костела въ Минскѣ и противъ себя, можно сказать, всѣхъ вооружилъ. Тамъ, гдѣ поселилось явное къ нему отвращеніе, не можетъ быть никакой пользы для русскаго дѣла. Напротивъ, въ Бобруйскѣ и по всему деканату кс. Макаревичъ мирнымъ образомъ, безропотно успѣлъ ввести русскій языкъ, и этотъ священникъ, нравственнымъ поведеніемъ и честнымъ исполненіемъ своего долга, съ твердою волею, но благоразумнымъ образомъ, несомнѣнно успѣетъ привлечь къ себѣ народъ и гораздо вѣрнѣе, чѣмъ Сенчиковскій, приспособитъ прихожанъ не чуждаться отечественнаго русскаго языка. Въ отношеніи-же кс. Олехновича, который, по своему безнравственному поведенію, потерялъ всякое къ себѣ

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов.

уваженіе и даже, по происходившей дракѣ, вслѣдствіе недоразумѣнія въ воровствѣ, публично былъ оскорбленъ дѣйствіемъ, возбуждалъ постоянно противъ себя общее нареканье и безпрестанныя жалобы и состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, по заключенію самого декана Сенчиковскаго и назначеннаго къ слѣдствію декана Юргевича, не могъ быть терпимъ въ Каменскомъ приходѣ, и потому, съ согласія г. Минскаго губернатора, мною 27 мин. января, перемѣщенъ къ Блонскому костелу, а на его мѣсто назначенъ кс. Ив. Лукашевичъ, принявшій требникъ съ русскимъ текстомъ и обязавшійся подпискою совершать дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ...»

На этой бумагѣ Министръ г. Тимашевъ 25 февраля положилъ резолюцію:

«Просить прелата Жилинскаго не дѣлать своего хорошаго, а дѣлать мое дурное».

Эта характерная резолюція показываетъ, что Тимашевъ хорошо зналъ и Жилинскаго, и Сенчиковскаго, а также, на сколько были основательны секретные доносы Жилинскаго о яко-бы «порочномъ поведеніи» Сенчиковскаго.

Изъ справки (отъ 11 марта 1876 г.), находящейся въ дѣлѣ № 63 Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій «Свящ. Сенчиковскій», сдѣланной для гр. Сиверса, видѣнъ дальнѣйшій ходъ сношеній Сенчиковскаго съ Министерствомъ Вн. Дѣлъ.

А именно тамъ сказано:

«Въ письмѣ на имя Вашего Сіятельства отъ 24 прошлаго февраля Сенчиковскій изложилъ, что епархіальное начальство покровительствуетъ ксендзамъ, сопротивляющимся введенію русскаго языка, и преслѣдуетъ тѣхъ, которые способствуютъ сему. Въ основаніе своего мнѣнія онъ представилъ нѣсколько примѣровъ, что ксендзы, заключенные въ монастырь, за неупотребленіе русскаго языка, были, по освобожденіи изъ монастыря, назначаемы внѣ Минской губерніи на лучшіе приходы, гдѣ совершаютъ богослуженіе по-польски, и, напротивъ, ксендзы, подчинившіеся сему порядку, были безъ всякой причины перемѣщаемы въ приходы, гораздо менѣе выгодные.

По заявленію Сенчиковскаго, ксендзы, несовершающіе богослуженія по-русски, пользуются расположеніемъ, какъ епархіальнаго начальства, такъ и прихожанъ, которые заботятся объ обезпеченіи ихъ быта, — когда между тѣмъ подчинившіеся сему порядку, не находя поддержки у духовной власти и будучи лишены со стороны паствы матеріальныхъ средствъ, находятся въ незавидномъ положеніи. Вотъ причина, по мнѣнію Сенчиковскаго, почему изъ 42 ксендзовъ, давшихъ ему подписки служить

на русскомъ языкѣ, многіе служатъ по-польски, а другіе обманываютъ только мѣстную власть, угождая польской интеллигенціи и епархіальному начальству. Кромѣ сего, Сенчиковскій упомянулъ о ревизіи Минскихъ приходовъ управляющимъ епархіею. Ревизія эта, какъ докладываетъ помянутый ксендзъ, совершилась только въ 16 костелахъ, и только въ тѣхъ, въ коихъ онъ ввелъ русскій языкъ. Присемъ Прелатъ Жилинскій не приказывалъ ксендзамъ совершать богослуженіе по-русски, а только совѣтовалъ имъ придерживаться сего порядка. Чтобы хотя отчасти исправить зло, сдѣланное управляющимъ епархіею, по мнѣнію Сенчиковскаго, необходимо: ксендза Юргевича возвратить въ Радошковичи; ксендза Олехновича назначить въ Борисовъ; ксендза Піотровскаго перевести изъ Борисова въ Холопеничи; ксендза Бертовича назначить обратно въ Игуменъ и, кромѣ сего, назначить визитатора по Минской губерніи, который-бы защищалъ ксендзовъ, преданныхъ Правительству, отъ преслѣдованія злонамѣренныхъ лицъ.

Въ письмѣ на имя Ваше Сіятельства отъ 2 сего марта Сенчиковскій изложилъ, что прелатъ Жилинскій заявляетъ, что даваемыя имъ предписанія совершать богослуженіе по-русски, это простая формальность,—и что по сему ксендзъ Лукашевичъ, назначенный въ приходъ Камень вмѣсто Олехновича, служитъ по-русски, а ксендзъ Юргевичъ изъявилъ, что если его обратно не перемѣстятъ въ Радошковичи, то онъ окончательно оставитъ употребленіе русскаго языка. При семъ Сенчиковскій просилъ о недозволеніи перемѣщать ксендзовъ, употребляющихъ русскій языкъ; они-же съ своей стороны будутъ во всемъ подчиняться волѣ Правительства. Далѣе Сенчиковскій привелъ, что Минскій губернаторъ вполнѣ одобряетъ его мнѣніе о назначеніи визитатора, или объ окончаніи ревизіи Минской губерніи прелатомъ Жилинскимъ. При этомъ Сенчиковскій представилъ соображенія свои относительно распространенія употребленія русскаго языка въ богослуженіи въ приходахъ Минской губерніи, которыя сводятся къ необходимости *назначенія епархіальнымъ начальствомъ визитатора.*—Обязанности визитатора, по мнѣнію Сенчиковскаго, должны быть слѣдующія: 1) онъ обязанъ непремѣнно разъ въ годъ посѣтить всѣ 52 костела Минской губерніи, а въ случаѣ надобности,—какъ напримѣръ для поддержки ксендза или русскаго языка,—и больше. Въ случаѣ ослушанія ксендза, визитаторъ представляетъ гражданскому и епархіальному начальству о наказаніи ксендза, а органистовъ за ослушаніе удаляетъ самъ, доводя до свѣдѣнія епархіальнаго начальства. 2) Визитатору подчинены не только викарные, но и настоятели и деканы, какъ употребляющіе, такъ и неупотребляющіе въ богослуженіи русскій языкъ. 3) Визитаторъ, какъ посредникъ между духовенствомъ и гражданскимъ и епархіальнымъ начальствомъ, обязанъ

наблюдать за нравственностью духовенства и точнымъ исполненіемъ, какъ церковныхъ, такъ и правительственныхъ постановленій.—О мѣрахъ-же, предпринимаемыхъ въ видахъ распространенія русскаго языка, онъ обязанъ доносить гражданскому и епархіальному начальству; сіе-же послѣднее обязано ставить его въ извѣстность о своихъ распоряженіяхъ относительно духовенства Минской губ. 4) Визитаторъ на поѣздки получаетъ прогонныя и суточныя деньги, а также на писца и человѣка, но жалованья ему не полагается. Въ заключеніе онъ привелъ, что если онъ будетъ визитаторомъ, то въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ въ костелахъ Минской губерніи, если не все дополнительное богослуженіе, то по крайней мѣрѣ молитвы о Царствующемъ Домѣ, будутъ читаться по-русски.

Минскій губернаторъ въ отношеніи отъ 4 марта за № 179 сообщаетъ Министерству предположеніе о необходимости командировать кого либо изъ декановъ для ревизіи костеловъ и утверженія русскаго языка. Для этой цѣли губернаторъ рекомендуетъ Сенчиковскаго или Макаревича».

Тѣмъ не менѣе новыя интриги враговъ и сдѣланная попытка Жилинскаго—убрать его изъ Минска—вынуждаютъ Сенчиковскаго еще разъ отправиться, для личныхъ объясненій, въ Петербургъ.

По этому поводу у покойнаго, въ его бумагахъ, имѣется интересная замѣтка. *)

«1876 г., 6 апрѣля», пишетъ онъ: «я выѣхалъ въ Петербургъ; пріѣхалъ на ст. «Вилейку» изъ Минска въ 1-мъ классѣ, ибо общество Ландварово—Роменской желѣзной дороги выдало мнѣ годичный билетъ дороги на 1-й классъ. Изъ Вильны, въ 3-мъ классѣ, выѣхалъ я въ С.-Петербургъ. Стоило: 8 рублей билетъ, да два рубля содержаніе. Въ Петербургѣ, по обыкновенію, заквартировалъ въ гостиницѣ «Бель-Вю», въ рублевомъ № въ сутки. Побывавъ у Л. С. Макова, у гр. Сиверса и доктора Эйвальда, который меня лечитъ и ради котораго я прибылъ въ Петербургъ, я намѣренъ былъ на второй день, т. е. 9 числа, уѣхать обратно домой, но докторъ посовѣтовалъ дней восемь непремѣнно прожить въ столицѣ, дабы при немъ принимать новое лекарство. Я заявилъ объ этомъ Его Превосходительству г. Макову **) и гр. Сиверсу, и тогда родилась у меня мысль—представиться Министру Вн. Дѣлъ. ***) Маковъ и гр. Сиверсъ приняли живѣйшее участіе въ

---

*) Изъ бумагъ С., находящихся въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

**) Левъ Саввичъ Маковъ съ 1865 по 1876 г. состоялъ правителемъ особой канцеляріи Министра Вн. Дѣлъ, съ 1876 по 1878 годъ былъ товарищемъ Министра Вн. Дѣлъ, а съ 1878 по 1880 г. управляющимъ Министерствомъ Вн. Дѣлъ.

***) Тимашеву.

этомъ намѣреніи, и я получилъ отъ г. Министра приглашеніе—представиться 10 апрѣля, въ воскресенье, въ 12 часовъ дня. Но въ воскресенье г. Министръ очень былъ занятъ и мое представленіе было отложено на 11 апрѣля, въ половинѣ 12-го часа. Въ назначенное время меня принялъ г. Министръ, и, на получасовой аудіенціи, я имѣлъ возможность откровенно передать ему многіе проекты и взгляды мои объ успѣхѣ по введенію русскаго языка въ католическомъ нашемъ богослуженіи. Тутъ-то я услышалъ замѣчательныя слова г. Министра: «Прошу Васъ, независимо отъ гр. Сиверса, съ полною откровенностью обращаться къ Льву Саввичу Макову.» Это было для меня верхомъ счастія, ибо я только и вѣрилъ г. Макову, но обращаться къ нему стѣснялся. Послѣ того, обо многомъ, около часа времени, говорилъ я въ кабинетѣ г. Макова и желалъ, было, на другой день выѣхать изъ Петербурга; но вечеромъ я заболѣлъ сильной лихорадкою; дѣла́, о которыхъ гр. Сиверсъ желалъ поговорить со мною, потребовали моего присутствія. Немного подлечившись, я, въ четвергъ, 15 апрѣля, въ 11 часовъ утра, прибылъ къ графу Сиверсу и у него, въ кабинетѣ, работалъ вмѣстѣ съ нимъ до 3-хъ часовъ пополуночи, окончивъ всѣ проекты и планы. На другой день, утромъ, въ 10 ч., я уѣхалъ на вокзалъ, и такъ какъ очень былъ нездоровъ, то во второмъ классѣ пріѣхалъ въ «Вилейку.» Возвратясь домой въ Минскъ, въ субботу, 17-го апрѣля, я занялся исполненіемъ тѣхъ работъ, проектовъ и заявленій, которые мнѣ поручили г. Министръ, Маковъ, гр. Сиверсъ и губернаторъ. Работа эта была трудная. При лихорадкѣ, я, все-таки, цѣлые дни сидѣлъ за письменнымъ столомъ, писалъ черняки, а два мальчика, при всей скорости почерка, едва успѣвали переписывать на̀ чисто. Просидѣвъ 7 дней за этой работою, ровно въ среду ночью, я получилъ отъ г. губернатора увѣдомленіе, что гр. Сиверсъ прибылъ въ Минскъ и желаетъ, дабы въ четвергъ, утромъ, въ 11 часовъ, я представилъ-бы ему духовенство. Утромъ явился ко мнѣ кс. Макаревичъ, изъ Бобруйска, котораго я вызвалъ телеграммою. Я-же, въ два часа ночи, велѣлъ разбудить людей, устроилъ и очистилъ училище и костелъ. Въ 10 часовъ, вмѣстѣ съ кс. Макаревичемъ, я направился къ Маріинскому ксендзу Добкевичу, у котораго должны были собраться ксендзы, и тутъ нашелъ кс. Лавриновича въ бронзоваго цвѣта сюртукѣ, съ небритою бородой. Надо было у кс. Добкевича взять сутану и надѣть на Лавриновича, обривъ ему бороду. Въ 11 ч. отправились мы въ квартиру губернатора, тайнаго совѣтника В. И. Чарикова, и ожидали до 12 часовъ выхода Его Сіятельства, директора Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій, гр. Эммануила Карловича Сиверса.»

Какъ бы дополненіемъ къ этой замѣткѣ служатъ:

а) Повѣстка кан. Сенчиковскому отъ Министра Вн. Дѣлъ: *)

«Министръ Вн. Дѣлъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Его Высокопреподобіе каноника Сенчиковскаго пожаловать къ нему завтра, въ воскресенье, въ 12 ч. дня.

10 апрѣля 1876 г.»

На препроводительномъ конвертѣ—надпись:

«Его Высокопреподобію канонику Сенчиковскому. Въ собственныя руки. Отъ Министра Вн. Дѣлъ.»

б) Письмо ко мнѣ Сенчиковскаго (отъ 14 ноября 1899 г., Омскъ), въ которомъ онъ поясняетъ:

«Когда я, въ первый разъ, представлялся министру Тимашеву, то онъ сказалъ мнѣ: «Дайте подписку, что будете безусловно вѣрны Россіи и употреблять добросовѣстно русскій языкъ вмѣсто польскаго!»—Я отвѣчалъ, что подписки не дамъ, но даю честное слово русскаго дворянина и священника Христовой Церкви. Тогда Тимашевъ сказалъ «А что, если-бы вы приняли православіе?»—На это я отвѣтилъ: «Ваше Высокопревосходительство! Тогда я буду потерянъ и безполезенъ для русскихъ подданныхъ русскаго народа, исповѣдующихъ католическую религію. И неужели только Православіе сдѣлаетъ меня болѣе русскимъ по чувству, чѣмъ я въ настоящее время?!» Тогда Тимашевъ всталъ и, подавая мнѣ руку, сказалъ: «Скажу вамъ искренно, что, послѣ вашихъ словъ, я васъ болѣе цѣню, чѣмъ тѣхъ, которые приняли Православіе. Вы намъ нужны, и о васъ я доложу Государю. Ничего не бойтесь: васъ Правительство поддержитъ и защититъ!» Я попрощался и черезъ непродолжительное время получилъ орденъ. А теперь мнѣ-же надо бояться сказать, что я—русскій! Это очень больно.»

О натянутости-же отношеній своихъ къ директору Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій гр. Сиверсу упоминаетъ покойный въ письмѣ ко мнѣ (отъ 21 сент. 1899 г. Омскъ), гдѣ говорится:

«Когда я подалъ первую записку министру Тимашеву объ уничтоженіи польскаго языка въ костелахъ и о замѣнѣ его языкомъ русскимъ, бѣлорусскимъ и другими народными нарѣчіями (тамъ, гдѣ нельзя будетъ употреблять чисто-русскій языкъ),—о реформѣ въ семинаріяхъ, академіи, Коллегіи и консисторіяхъ, то графъ Сиверсъ лично мнѣ сказалъ: «Я васъ вышлю въ Сибирь, если вы будете тревожить спокойствіе въ государствѣ!» А Григорьевъ (тогда—вице-директоръ Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исп.) **) съ ироніей спросилъ меня: «Какъ-же вы смѣете

---

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча.

**) Н. Л. Григорьевъ былъ вице-директоромъ Департамента съ 1872 по 1878 годъ.

употреблять языкъ русскій, когда вамъ этого не разрѣшили не только Папа, но и епископы?!..»

Хорошо, что обо всемъ этомъ я немедленно разсказалъ Льву Саввичу Макову, а тотъ Министру Тимашеву.»

Къ этому времени у Сенчиковскаго завелись уже вліятельныя знакомства въ Москвѣ (напримѣръ М. Н. Катковъ) и въ С.-Петербургѣ, нужныя ему для его политической дѣятельности.

Покойный, передавая мнѣ свои бумаги, прислалъ и старый списокъ лицъ, которыхъ посѣщалъ онъ въ Петербургѣ, съ указаніемъ ихъ адресовъ, и съ такимъ примѣчаніемъ, для меня сдѣланнымъ:

«Вотъ адресы тѣхъ, у кого я бывалъ въ Петербургѣ и передъ кѣмъ я хлопоталъ за русскій языкъ и русское дѣло.»

Въ спискѣ обозначены:

1) Графъ Сиверсъ (съ отмѣткой: «а) объ уставѣ для училища органистовъ; б) о переводѣ гимновъ и канціоналахъ; в) о торжественномъ богослуженіи.»).

2) Александръ Алексѣевичъ Кирѣевъ (адъютантъ Вел. Кн. Константина).

3) Ив. Терентьевичъ Осининъ.

4) Ив. Петр. Корниловъ.

При дальнѣйшемъ изложеніи біографіи Сенчиковскаго я приведу письма къ нему многихъ выдающихся личностей, присоединивъ къ нимъ и бѣглыя замѣтки о нихъ самого Сенчиковскаго, для меня сдѣланныя и нелишенныя порой наблюдательности, хлесткости и даже юмора.

Но многіе, знавшіе его хорошо, какъ, напримѣръ, Кояловичъ, Аксаковъ и др., съ нимъ не переписывались, а довольствовались личными свиданіями.

Для примѣра «стиля Сенчиковскаго приведу пока двѣ его замѣтки, для меня написанныя, о личностяхъ, письма которыхъ къ покойному, по содержанію своему, не представляютъ особаго интереса, а потому мною, въ этомъ трудѣ, и не приводятся.

1) «Г . . . ъ—очень ученая личность—состоялъ чѣмъ-то въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, а, главное, при Департаментѣ Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій. Нѣмецъ-католикъ, онъ пользовался въ Министерствѣ, а равно у кардиналовъ и у Папы, великимъ авторитетомъ. Мнѣ кажется, что Г. . . ъ былъ тайнымъ агентомъ правительства при Папѣ; но это былъ не двуличный только, а десятиличный господинъ, умѣвшій замылить и замазать глаза нашимъ министрамъ, а хитро дѣйствующій въ пользу Папы и поляковъ. Въ этомъ я убѣдился, и когда объ этомъ я сообщилъ Макову, то меня перестали посылать къ Г. . . у. А то ранѣе постоянно отсылали меня изъ Департамента къ Г. . . у, совѣтуя все раз-

сказывать ему. Г. . . .а частенько посылали въ Римъ и въ Парижъ. Прилагаю адресы Г. . . .а: ихъ мнѣ давали въ Департаментѣ. Какъ всѣ и постоянно, такъ и Г. . . .ъ, надувалъ наше Правительство, а ему вѣрили и довѣряли. Онъ-же служилъ и нашимъ, и вашимъ. Я убѣжденъ, что это былъ папскій шпіонъ, и когда я объ этомъ поговорилъ съ Маковымъ и съ Мих. Никифоровичемъ Катковымъ, то Г. . . .ъ куда-то исчезъ и я его больше не видѣлъ, хотя прежде, раза три-четыре, былъ у него, по совѣту Мосолова и даже Макова.»

2) «Камеръ-юнкеръ Казариновъ проживалъ въ Петербургѣ, а его родной братъ былъ прежде въ Минскѣ г. мировымъ судьею, а, затѣмъ, и городскимъ головою. Познакомился я съ нимъ у преосвященнаго Александра. (Казариновъ навѣстилъ тогда брата въ Минскѣ). Видя, какъ я былъ поставленъ у губернатора и у архіерея, онъ, повидимому, сочувственно относился къ русскому дѣлу и, поэтому, когда я бывалъ въ Петербургѣ, то заходилъ къ нему. Онъ даже устраивалъ для меня завтраки, на которые приглашалъ нѣсколькихъ придворныхъ лицъ. Помнится мнѣ, въ числѣ ихъ, какой-то полковникъ (флигель-адъютантъ) съ женою, какой-то чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ и др. Понятно, что разговоръ шелъ объ языкѣ русскомъ. Всѣ соглашались, что Папа не можетъ воспрещать въ Россіи русскому народу, хотя-бы и католическаго исповѣданія, говорить по-русски. Казариновъ желалъ распространять идею о русскомъ дѣлѣ въ католицизмѣ—и это ему удавалось.»

Къ этому-же времени (1876 году) уже имѣлось нѣсколько трудовъ Сенчиковскаго, тѣсно связанныхъ съ дѣятельностью его по располяченію имъ костела, какъ это видно, напримѣръ, изъ замѣтокъ, находящихся въ его бумагахъ *).

Въ этихъ бумагахъ мною, напримѣръ, найдены:

а) Отрывки рукописи кан. Сенчиковскаго подъ заглавіемъ:

«Разъясненіе Св. Евангелія, читаемаго въ праздники цѣлаго года, на основаніи Священнаго Писанія и толкованій Вселенскаго Костела докторовъ и богослововъ—для духовной пользы вѣрныхъ христіанъ, съ усердіемъ составленное ксендзомъ Мартиномъ Бѣлобржесскимъ. Томъ I-й. Изданіе 2-е, исправилъ и перевелъ съ польскаго языка кс. Ферд. Сенчиковскій.» (1 декабря 1876 г.).

б) Черновикъ труда кан. Сенчиковскаго подъ заглавіемъ—

«Апостолъ, читаемый народу во всѣ праздничные и воскресные дни, по установленному обряду р.-к. костела, въ продолженіи цѣлаго года. Собралъ и перевелъ съ польскаго каноникъ Ф. Сенчиковскій». (1876 г.).

---

*) Бумаги С., находящіяся въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

Какъ видно изъ надписи Сенчиковскаго на рукописи, рукопись эта была представлена имъ Минскому губернатору, причемъ кан. Сенчиковскій пишетъ послѣднему:

«Это—трудъ, переведенный съ польскаго языка на русскій, для добавочнаго богослуженія на русскомъ языкѣ Нельзя-ли представить его въ Мин. Вн. Дѣлъ, ходатайствуя о напечатаніи этого перевода на русскомъ языкѣ?»

Далѣе, Сенчиковскій оговаривается, что онъ не претендуетъ на награду за свою работу, такъ какъ глядитъ на нее, «какъ на поприще служенія» его «для пользы русскаго дѣла, для заявленія Правительству искренней и неподдѣльной преданности Престолу и дорогому Отечеству Россіи.»

в) Рукопись по-русски подъ заглавіемъ «Бѣлорусскія пѣсни, употребляемыя во время крестныхъ ходовъ и процессій въ Витебской, Могилевской, Минской и отчасти Гродненской губерніяхъ.»

Кромѣ того передо мною лежитъ печатная брошюра Сенчиковскаго, подъ заглавіемъ «Римско-Католическій катехизисъ о повиновеніи и преданности Престолу и Отечеству нашему Россіи, или объясненіе IV-й Заповѣди Господней касательно начальства и его власти. По изданію, одобренному Виленскимъ р.-к. епископомъ Красинскимъ. Перевелъ съ польскаго кс. Сенчиковскій. Вильна, 1871 года.»

Пользуясь указаніемъ генералъ-адъютанта Тимашева - со всѣми своими сомнѣніями обращаться къ Л. С. Макову, Сенчиковскій 22 іюня 1876 г. *) пишетъ послѣднему:

«У насъ разнеслись слухи, что Его Сіятельство гр. Сиверсъ уѣхалъ изъ С.-Петербурга въ имѣнье. Не знаю, на сколько вѣрны эти слухи, но желаю какъ можно скорѣе довести до свѣдѣнія и какъ-бы подѣлиться радостнымъ событіемъ, совершившимся на моемъ, такъ скажу, горизонтѣ. Нынѣшняго числа явился ко мнѣ въ квартиру бывшій предводитель дворянства Виленскаго уѣзда г. Писанко, который состоитъ моимъ прихожаниномъ, съ просьбою, дабы окрестить новорожденнаго его ребенка. Я, объявивъ мою готовность услужить, счелъ нужнымъ, во избѣжаніе непріятности, предварительно предупредить Яснаго Пана о томъ, что я, на основаніи выданной мною подписки и другихъ серьезныхъ обстоятельствъ, не могу употреблять польскаго языка при совершеніи христіанскихъ требъ, на чтó г. Писанко заявилъ мнѣ, что онъ положительно согласенъ на употребленіе русскаго языка при совершеніи обряда св. крещенія надъ его новорожденною дочерью, и что ему рѣшительно все

---

*) Дѣло № 63 Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд. «Свящ. Сенчиковскій».

равно, на какомъ-бы языкѣ ни говорили, лишь-бы только крестъ былъ совершенъ по р.-к. обрядности, добавляя, что онъ знаетъ лицъ, которыхъ дѣти крещены въ Парижѣ на французскомъ языкѣ; почему-же въ Россіи неможно крестить на русскомъ языкѣ!? Послѣ чего, согласно желанію г. Писанко, я отправился въ костелъ, куда привезли и младенца, котораго я и окрестилъ въ присутствіи душъ 15-и сбѣжавшихся бабъ и девотокъ-сплетницъ: это-то и важно для меня и для дѣла.

Вотъ явные и скорые результаты того серьезнаго вниманія Правительства, какое въ послѣднее время обращено на русское дѣло въ католицизмѣ. И я увѣренъ, что еслибы сначала, т. е. 6 лѣтъ тому назадъ, не полу-мѣры, а серьезныя мѣры были употребляемы для развитія вопроса, еслибы дѣлалось пооснователънѣе и пофундаментальнѣе, то эти 6 лѣтъ были-бы поистинѣ историческими и вполнѣ полезными русскому дѣлу. Бытность Его Высокопревосходительства въ моемъ костелѣ, его памятныя и драгоцѣнныя слова, сказанныя ксендзамъ, сдѣлались извѣстными не только въ Минской, но и въ окрестныхъ губерніяхъ. Въ г. Минскѣ даже выдающіяся и во главѣ фанатизма стоящія лица, притихли и примолкли; теперь-то и время дѣйствовать, пока серьезный страхъ не улетучится. Но что-же, когда изъ Вильны—ничего и ничего!?. Время уходитъ, а работы не даютъ...

Въ № 168 газеты «Русскій Міръ» напечатано заявленіе о р.-к. семинаріяхъ и присягѣ для р.-к. викарныхъ, тоже серьезно подѣйствовавшее на наше духовное и интеллигентное общество. Однимъ словомъ, совершенно другое настроеніе въ обществѣ явно и открыто замѣчаю въ пользу дѣла. До настоящаго времени этотъ самый г. маршалокъ ни одного раза не былъ въ моемъ костелѣ, и вдругъ пожелалъ, дабы непремѣнно я; и въ костелѣ, окрестилъ его дочь.

Копію крестной метрики дочери г. Писанко при семъ прилагаю.»

Какъ видно изъ резолюціи, это письмо было доложено Министру Вн. Дѣлъ Маковымъ 2 іюля 1876 г.

Въ формулярномъ спискѣ о службѣ Сенчиковскаго за 1876 годъ значится:

«По Высочайшему повелѣнію въ 9 день іюля назначенъ былъ визитаторомъ костеловъ и помощникомъ управляющаго Виленской р.-к. епархіей въ 1-мъ визитаторствѣ Минской губ.»

Такимъ образомъ, добившись еще бо̀льшаго расширенія власти, Сенчиковскій сдѣлался какъ-бы контролеромъ дѣйствій прелата Жилинскаго и посредникомъ между нимъ и р.-к. духовенствомъ части епархіи—той именно части, гдѣ все еще тлѣла,

благодаря ему, Сенчиковскому, идея располяченія костела путемъ введенія русскаго языка. Кромѣ него, назначенъ былъ еще и другой визитаторъ, по 2-му визитаторству Минской губерніи. Повышеніе Сен—го было внушительнымъ отвѣтомъ пр. Жилинскому — на его низкую попытку прервать дѣятельность Сенчиковскаго.

Это новое назначеніе придало силы Сенчиковскому, освѣжило его надежды на успѣхъ, утвердило его въ томъ значеніи, какое придавало ему, его трудамъ, Министерство.

По-прежнему не заботится онъ о себѣ, о томъ приливѣ всеобщей ненависти, которую должно вызвать его новое положеніе—визитатора, а спѣшитъ использовать, на благо бѣлорусскаго народа, данную ему Правительствомъ власть...

Имъ-же выработана была, утвержденная, затѣмъ, Министерствомъ Вн. Дѣлъ, инструкція по должности визитатора.

На сколько за-границей продолжали придавать большое значеніе политической дѣятельности Сенчиковскаго и старались или запугать, или поколебать его, видно изъ его переписки съ Мин. Вн. Дѣлъ.

Такъ, въ письмѣ къ Л. С. Макову (13 авг. 1876 г., Минскъ), *) представляя въ копіи полученное имъ изъ-за границы анонимное письмо, онъ попутно сообщаетъ:

«Не имѣю возможности безъ разрѣшенія безпокоить лично Ваше Прево—во, но полученное мною письмо изъ-за границы нахожу нужнымъ въ копіи, для свѣдѣнія, представить В. П—ву. да и нѣкоторыя обстоятельства относительно новой должности, да и назначеніе кс. Копцеговича ректоромъ — вынудили меня безпокоить Ваше Пр—во настоящимъ письмомъ. Я нахожу, что 2-й п. инструкціи вызоветъ постоянное волненіе и демонстраціи въ костелахъ, ибо консисторія, получивъ отъ прелата Жилинскаго копію таковой, не только скрываетъ, но рекомендуетъ всякому читать и соображать. Что-же касается до Копцеговича, то прелатъ Жилинскій прямо объявилъ ему, что приказано назначить его ректоромъ; поэтому все Виленское духовенство возбуждено противъ кс. Копцеговича.»

Самое письмо онъ представилъ Минскому губернатору (13 авг. 1876 г.) **) при такомъ объясненіи:

«На-дняхъ я получилъ изъ-за границы, какъ видно на одномъ штемпелѣ на конвертѣ, изъ Кракова, прилагаемое при семъ въ подлинникѣ письмо на нѣмецкомъ языкѣ. Представляя таковое В. П—ву на благоусмотрѣніе, считаю долгомъ присовокупить, что письма подобнаго содержанія, какъ-бы они ни были угрожающими, на меня не производятъ такого впечатлѣнія, ка-

*) Дѣло № 63, Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исп.в. «Свящ. Сенчиковскій».
**) Тамъ же.

кое намѣревается произвести враждебная Россіи и русскому дѣлу партія. И, поэтому, партія эта, подобнаго рода угрозами, не достигаетъ цѣли, ибо въ ту минуту, когда я рѣшился произнесть первую проповѣдь на русскомъ языкѣ, тогда-же я предвидѣлъ всѣ стремленія инквизиціонной пропаганды, и тогда уже я рѣшилъ мою участь и пожертвовалъ собою. Но подобнаго рода письма могутъ быть посланы и другимъ, не только ксендзамъ, но и свѣтскимъ, а именно женщинамъ. Вотъ что̀ собственно меня заставило обращать серьезное вниманіе на подобныя продѣлки польской партіи. Поэтому я намѣренъ составить отвѣтъ и посредствомъ газетъ отвѣтить инквизиціонной куріи, которая до того нелѣпа и пуста въ своихъ выходкахъ, что не въ состояніи была сообразить даже того, что она, уговаривая меня возвратиться на путь истины (понимаю — къ употребленію польскаго языка) и обратить вниманіе на несчастье, въ какомъ находится (польское) отечество, сама-же свою миссію совершаетъ на нѣмецкомъ языкѣ, который считаетъ языкомъ протестантскаго вѣроисповѣданія; въ политическомъ-же отношеніи нѣмцы никогда не были защитниками польской ойчизны.»

Упоминаемое нѣмецкое письмо, въ переводѣ, содержало слѣдующее:

«Бреславль. 15 окт. 1877 г. Священнику Сенчиковскому. Злота-Горка, Минской губ. (Россія).

Послѣ того, какъ мы вполнѣ извѣстились о Вашемъ грѣховномъ поведеніи, какъ духовнаго лица, мы симъ приказываемъ Вамъ, чтобы Вы съ раскаяніемъ признали Ваши, столь великія и грѣшныя, ошибки противъ Р.-К. Церкви и вернулись на путь, который подобаетъ достойному католическому духовному лицу. Въ противномъ случаѣ, мы Васъ объявимъ духовнымъ, подпавшимъ отлученію, объявимъ передъ клиромъ и вѣрующими ввѣренной Вамъ Церковью паствы.

Вы хорошо знаете, какимъ церковнымъ карамъ подвергаются подобные Вамъ священно-служители, ведущіе жизнь столь предосудительную и запятнанную даже родительской кровью, служащіе св. Мессу вооруженные револьверомъ, и кощунствующіе при совершеніи таинствъ.

Предайтесь, поэтому, раскаянію и смиренію посредствомъ великаго Таинства покаянія, сдѣлайтесь достойнымъ Вашего, столь высокаго, положенія, какъ праведный пастырь, будьте священнослужителемъ, подражающимъ нашему Спасителю и ученіямъ, принадлежащимъ единой, святой Католической Церкви. Въ противномъ случаѣ, если въ теченіи трехъ мѣсяцевъ отъ полученія сего, перемѣны не послѣдуетъ, то висящее надъ Вами наказаніе тотчасъ войдетъ въ силу и Вы должны будете приписать Вашей строптивости, если подпадете великому отлу-

ченію и будете подвергнуты всѣмъ, изъ него истекающимъ, церковнымъ карамъ.

Мы не преминемъ за Васъ молиться, дабы Св. Духъ даровалъ Вамъ необходимую благодать и силу — побороть зло, которому Вы подпали, и дабы Вы могли снова вернуться, какъ вѣрный священнослужитель, въ лоно Св. Церкви.

№№, делегатъ апостолическій. Вѣрно: Люззани, прелатъ.»

Л. С. Маковъ (за Министра Вн. Дѣлъ, въ качествѣ Товарища Министра, 21 окт. 1877 г., № 3687) *) пишетъ управляющему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, между прочимъ, слѣдующее, по поводу нѣмецкаго письма:

«Приписывая таковыя нападки на кс. Сенчиковскаго интригамъ неблагонамѣренныхъ лицъ, озлобленныхъ на него за его, согласную съ видами Правительства, дѣятельность и усматривая въ этомъ фактѣ доказательство вредныхъ происковъ заграничнаго р.-к. духовенства, имѣю честь препроводить означенное письмо къ Вашему Пре -ву, покорнѣйше прося Васъ, Милостивый Государь, почтить меня отзывомъ о томъ: не будетъ-ли признано возможнымъ произвести разслѣдованіе, изъ какого источника происходитъ это письмо?»

Министерство Иностр Дѣлъ (28 ноября 1877 г., № 80) **) увѣдомило Министра Внутр. Дѣлъ, послѣ сдѣланнаго разслѣдованія:

«Къ сожалѣнію, консулъ нашъ не вполнѣ точно согласовался съ данными ему на сей предметъ указаніями и обратился непосредственно къ Бреславской полиціи. Нынѣ, имѣю честь увѣдомить, что по отзыву президента Бреславской полиціи, означенное письмо не принадлежитъ перу кого-либо изъ духовныхъ лицъ тамошняго края, и что по всему вѣроятію оно послано, съ цѣлью мистифицировать священника Сенчиковскаго. Президентъ полиціи въ Познани, отъ котораго были потребованы свѣдѣнія по этому дѣлу, полагаетъ даже, что письмо написано полякомъ, который, можетъ быть, проживаетъ въ Привислянскомъ краѣ.»

Къ 1876-му году относится и загадочная исторія—съ увольненіемъ Сенчиковскаго отъ должности законоучителя Минской гимназіи.

7 сентября 1876 года (Минскъ) ***) Сенчиковскій находитъ нужнымъ довести до свѣдѣнія директора Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. гр. Сиверса о слѣдующемъ:

*) Тамъ-же.
**) Тамъ-же.
***) Тамъ-же.

«Полное и теплое сочувствіе и благоволеніе ко мнѣ Вашего Сіятельства, какъ всегда, такъ и въ настоящую минуту, даютъ мнѣ смѣлость съ полною откровенностью представить въ копіи всю переписку по причинѣ случившагося вопроса относительно меня. Тѣмъ болѣе считаю долгомъ поступить такъ потому, что при разговорѣ, которымъ В. Сіят—ву благоугодно было меня осчастливить, я удостоился услышать Ваши слова о кс. Лемпицкомъ—о томъ, что ему надо было обратиться къ В. Сіят—ву, и дѣло приняло-бы правильное направленіе.

Едва годъ времени, какъ директоръ мужской гимназіи г. Стефани прибылъ въ г. Минскъ изъ г. Вильны и отъ перваго дня своего директорства г. Стефани прямо навязывался на непріятности относительно меня. На это неоднажды обращали вниманіе учителя. Наконецъ, находя слишкомъ тяжелымъ мое положеніе, кажется, въ маѣ мѣсяцѣ, я заявилъ г. губернатору о томъ, что при моихъ многостороннихъ занятіяхъ и разстроенномъ здоровьѣ, постоянныхъ непріятностей переносить дольше не могу; поэтому послѣ каникулъ я намѣренъ оставить мужскую гимназію, лишь-бы только розыскать соотвѣтственнаго кандидата на мое мѣсто. Губернаторъ объявилъ объ этомъ г. Стефани, который, не дождавшись возврата г. губернатора и моего преемника, поднялъ вопросъ, дабы во что-бы то ни стало меня не было въ гимназіи. Г. Стефани положительно не сочувствуетъ русскому языку въ католицизмѣ; польская-же партія давно желала избавить гимназистовъ отъ моего вліянія; поэтому-то, по слабости своего характера, г. Стефани, быть можетъ, и необдуманно, дѣйствуетъ въ пользу польскихъ стремленій.

Во время каникулъ я ничѣмъ не могъ навлечь на себя неблаговоленіе г. Стефани и въ одинъ годъ не могъ окончательно испортиться, будучи нужнымъ и полезнымъ въ продолженіи 7-ми лѣтъ моей службы въ обѣихъ гимназіяхъ. Наконецъ, предоставленіе двухъ дней сроку, разсказъ объ этомъ на бульварѣ многимъ лицамъ, подговариваніе директора женской гимназіи, дабы въ одно время меня устранить отъ преподаванія Закона Божія, объявленіе мнѣ, что ксендзъ, хотя-бы служащій на польскомъ языкѣ въ костелѣ, лишь-бы только въ гимназіи говорилъ на русскомъ языкѣ—это все равно; по моему все это слишкомъ странно и подозрительно, тѣмъ болѣе потому, что воспитанники въ продолженіи 7-ми лѣтъ привыкли не только въ костелѣ, но и на исповѣди, слышать употребленіе мною только русскаго языка. Да, главное, при нынѣшнемъ, Слава Богу, отрадномъ положеніи, въ какомъ поставленъ вопросъ о русскомъ языкѣ, невозможно допустить, дабы законоучитель въ г. Минскѣ служилъ на польскомъ языкѣ: это было-бы убійственнымъ и сильнѣйшимъ препятствіемъ, какъ дѣлу, такъ и намъ, служащимъ этому-же дѣлу. Я охотно отказываюсь отъ мужской гимназіи, но толь-

ко тогда, когда мой преемникъ будетъ служить на русскомъ языкѣ.

Я-же не просилъ о назначеніи меня законоучителемъ; б. губернаторъ Токаревъ, да и гр. Толстой, лично удостоили меня чести,—предложивъ мнѣ эту должность. Поэтому и двухдневный срокъ для моего отказа, и вообще все поведеніе г. Стефани вынудило меня утруждать Ваше Сіятельство и г. губернатора.»

Еще ранѣе, въ письмѣ къ Минскому губернатору (отъ 30 авг. 1876 г.),*) кс. Сенчиковскій, между прочимъ, пишетъ:

«Въ концѣ мая мѣсяца, по причинѣ постоянныхъ непріятностей, дѣлаемыхъ мнѣ директоромъ мужской гимназіи г. Стефани, я вынужденъ былъ порѣшить послѣ каникулъ отказаться отъ должности законоучителя въ оной гимназіи, о чемъ я докладывалъ В. П—ву. Но такъ какъ воспитаніе р.-к. юношества есть дѣло весьма серьезное и крайне сложное по причинѣ польско-фанатическаго направленія домашней среды, въ которой мальчики получаютъ первоначальное образованіе, и такъ какъ на обязанности р.-к. законоучителя лежитъ строгая отвѣтственность не только въ отношеніи назначенія и объясненія урока, но, главное, какъ онъ направляетъ, руководитъ и вліяетъ на молодежь въ политическомъ отношеніи, именно при настоящихъ по введенію въ г. Минскѣ русскаго языка обстоятельствахъ, то я пока не нашелъ еще ксендза—кандидата, котораго-бы безъ обремененія совѣсти можно было-бы рекомендовать на должность законоучителя. Поэтому, по настоящее время, я стѣснялся оффиціально отказаться отъ должности законоучителя. Но нынѣшняго числа, директоръ г. Стефани, встрѣтивъ меня на площади, при часовнѣ св. Александра Невскаго, объявилъ мнѣ, что онъ нынѣшняго числа возвратился изъ г. Вильны, откуда привезъ распоряженіе—предложить мнѣ немедленно подать въ отставку, но съ тѣмъ, дабы я тутъ-же рекомендовалъ ксендза на мое мѣсто.— На мое заявленіе, что я необдуманно, на столь серьезную должность, не могу кого-либо рекомендовать, дабы тѣмъ не испортить моихъ семилѣтнихъ трудовъ въ гимназіи, тѣмъ болѣе, что не имѣется въ виду ксендза, служащаго на русскомъ языкѣ, г. Стефани объявилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до того, на русскомъ или на польскомъ языкѣ служитъ ксендзъ, лишь-бы только онъ былъ на моемъ мѣстѣ законоучителемъ, а на мое возраженіе, что я, какъ деканъ, не могу допустить, дабы кто-либо изъ ксендзовъ употреблялъ польскій языкъ въ костелахъ, г. Стефани, сказалъ, что кс. Добкевичъ, хотя и не служитъ на русскомъ языкѣ, но можетъ быть законоучителемъ, и потому онъ предлагаетъ мнѣ подать въ отставку, на что даетъ мнѣ сроку только два дня, и если я не

*) Тамъ-же.

исполню его предложеніе, то онъ меня уволитъ отъ должности. Такое наглое, странное и оскорбительное для меня поведеніе г. Стефани дало мнѣ поводъ обратить на сіе обстоятельство вниманіе, и я положительно узналъ, что Виленская и Минская польская партія серіозно вліяетъ на г. Стефани, дабы устранить меня отъ какого либо вліянія на воспитанниковъ. Вотъ главная причина, почему г. Стефани, отъ пріѣзда своего въ Минскъ, постоянно дѣлалъ мнѣ непріятности и желаетъ моего удаленія.»

Пока Сенчиковскій готовился самъ, по доброй волѣ, уйти изъ гимназіи, директоръ Стефани предупредилъ его бумагою на его имя (отъ 12 сент. 1876 г. № 1387),*) въ которой, между прочимъ, сказано: «Воля Его Превосходительства г. Попечителя Виленскаго учебнаго округа, который не нашелъ возможнымъ оставить Васъ долѣе въ должности законоучителя ввѣренной мнѣ гимназіи, не подлежитъ какому либо видоизмѣненію, и вмѣстѣ съ симъ мнѣ предложено, со дня объявленія Вамъ таковой резолюціи г-на Попечителя, т. е. съ сего числа, должность законоучителя р.-к. исповѣданія въ Минской гимназіи считать вакантною.»

Въ пространной запискѣ на имя Н. Л. Григорьева *) попечитель Виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскій объясняетъ причины увольненія Сенчиковскаго.

Запискѣ предшествуетъ оффиціальное письмо Сергіевскаго на имя Григорьева (отъ 18 окт. 1876 г. № 119 **).

Приводимъ самую «записку», озаглавленную:

«Записка изъ дѣла объ увольненіи отъ службы законоучителя римско-католическаго исповѣданія Минской гимназіи ксендза Сенчиковскаго.»

Въ ней говорится***):

«29 апрѣля 1876 года г. Попечителемъ было получено изъ Минска письмо, подписанное А. Подольскимъ, въ коемъ, между прочимъ, заключалось нареканіе на законоучителя римско-католическаго исповѣданія Минской гимназіи ксендза Сенчиковскаго, который, будто бы, предъ учениками позволялъ себѣ называть Іисуса Христа «Іисусомъ Осиповичемъ.»

Вслѣдствіе такого заявленія, г. Попечителемъ 1 мая было предложено директору Минской гимназіи доставить подробныя свѣдѣнія о нравственныхъ качествахъ и педагогической дѣятельности ксендза Сенчиковскаго.

---

*) Григорьевъ въ то время былъ вице-директоромъ Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій.

**) Дѣло Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. № 63 «Свящ. Сенчиковскій»

***) Сохраняемъ правописаніе подлинника.

Во исполненіе сего директоръ гимназіи, коллежскій совѣтникъ Стефани, какъ недавно назначенный на эту должность, представилъ о кс. Сенчиковскомъ истребованный имъ рапортъ инспектора гимназіи, статскаго совѣтника Трофимова, какъ лица, которое въ теченіе почти 6-лѣтней службы своей въ Минской гимназіи имѣло возможность болѣе ознакомиться съ нравственными качествами каждаго изъ служащихъ въ гимназіи преподавателей.

Въ рапортѣ этомъ изложено о законоучителѣ Сенчиковскомъ слѣдующее: «О законоучителѣ, о. Сенчиковскомъ, выходя изъ разнородныхъ и обильныхъ слуховъ, можно было бы высказать весьма много; но въ данномъ случаѣ именно очень трудно отличать факты отъ продуктовъ враждебнаго настроенія польско - католическаго общества. Поэтому я долженъ ограничиться одними личными наблюденіями и положительно извѣстными фактами въ средѣ заведенія, которые приводятъ къ слѣдующему заключенію: 1, что у него нѣтъ требуемыхъ познаній и педагогической подготовки; 2, что, независимо отъ этого, не усматривается достаточно любви и преданности служебному дѣлу, заключая по громадному числу пропускаемыхъ имъ ежегодно уроковъ по весьма разнообразнымъ причинамъ; равно заключая изъ того, что почти всякій разъ онъ оставляетъ классъ подъ всевозможными предлогами, какъ то: для сообщенія мнѣ или помощникамъ классныхъ наставниковъ разныхъ слуховъ и свѣдѣній, добытыхъ имъ на урокѣ, для представленія воспитанниковъ, несоблюдающихъ формы, незнающихъ урока, не имѣющихъ учебныхъ принадлежностей и т. п.; иногда случается, что онъ позволяетъ ученикамъ оставлять свои мѣста и толпиться у окна, если является какое нибудь обстоятельство, вызывающее пустое любопытство молодежи; 3, къ отрицательнымъ условіямъ его преподавательской дѣятельности едва ли не слѣдуетъ отнести, что онъ, если онъ не постоянно, то весьма часто является на уроки безъ предварительной подготовки, даже не зная, что̀ назначено къ извѣстному дню; 4, къ педагогическимъ аномаліямъ, строго относясь къ дѣлу, слѣдуетъ отнести, что мораль и наставленіе, едва-ли не слишкомъ расточаемыя на урокахъ о. Сенчиковскимъ, являются большею частью съ примѣсью какого-то особеннаго простодушія, безцеремонности и даже извѣстной доли цинизма; что же касается прибаутокъ и пословицъ, произносимыхъ притомъ обыкновенно на польскомъ языкѣ, то онѣ большею частью бываютъ приправлены началомъ, несовмѣстнымъ не только съ званіемъ духовнаго лица, но даже съ достоинствомъ всякаго серьезнаго человѣка. Доказательствомъ тому, что о. Сенчиковскій смотритъ на себя, какъ на лицо выше всякой критики, служатъ два свѣжіе, извѣстные Вашему Высокородію, факта, именно, разсказъ о слезахъ Божіей Матери, переданный имъ членамъ Совѣта внѣ

засѣданія, и торжественно данный имъ кукишъ воспитанникамъ въ корридорѣ у дверей актоваго зала. Относительно упоминаемаго выраженія о. Сенчиковскаго «Іисусъ Осиповичъ» ничего утверждать не могу. Правда, это выраженіе было предметомъ толковъ и помѣщено было едва ли не на столбцахъ двухъ газетъ; но такъ какъ быв. директоръ не призналъ нужнымъ провѣрить этотъ слухъ, то и остался недоказаннымъ даннымъ общественнаго говора.»

Директоръ Стефани, представляя прописанный выше рапортъ, съ своей стороны заявилъ, что: 1, не касаясь заслугъ кс. Сенчиковскаго русскому дѣлу, которыя не подлежатъ сомнѣнію, онъ не можетъ, однако, не сказать, что нравственная состоятельность кс. Сенчиковскаго, какъ законоучителя и педагога, болѣе чѣмъ сомнительна, доказательствомъ чему служитъ рядъ фактовъ, приводимыхъ въ отзывѣ инспектора, г. Трофимова, и упоминаемый въ этомъ отзывѣ о слезахъ Божіей Матери, и, хотя по словамъ кс. Сенчиковскаго, это былъ фактъ, приведенный имъ въ доказательство крайняго суевѣрія, а не анекдотъ, тѣмъ не менѣе, по циническимъ подробностямъ, которыми былъ фактъ обставленъ, разсказъ этотъ былъ неприличенъ, особенно въ устахъ духовнаго лица и еще въ вопросѣ о религіозныхъ предметахъ, 2, отсутствіемъ надлежащихъ педагогическихъ качествъ и уклоненіемъ подъ разными предлогами отъ надлежащаго исполненія своихъ обязанностей, кс. Сенчиковскій представляетъ нѣкоторую аномалію въ общемъ строѣ педагогической жизни Минской гимназіи и 3, что бывшій начальникъ Минской губерніи, въ секретномъ отношеніи своемъ отъ 2 февраля 1868 г., за № 318, на имя бывшаго директора Минской гимназіи, признаетъ кс Сенчиковскаго несоотвѣтствующимъ назначенію законоучителя, имѣя въ виду, что ксендзъ Сенчиковскій въ 1865 г. былъ замѣченъ въ самовольныхъ разъѣздахъ по нѣкоторымъ деревнямъ Рѣчицкаго уѣзда и навлекъ на себя подозрѣніе въ подстрекательствѣ католиковъ къ подачѣ на Высочайшее Имя прошенія о возвратѣ въ римско-католическое вѣдомство упраздненнаго Юревичскаго костела, за что оштрафованъ 25 рублями, *а также, что онъ состоитъ подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ истязаніи мальчика Пшило и въ блудной жизни.*

Въ виду вышеизложенныхъ фактовъ г. Попечитель Округа не нашелъ возможнымъ оставить законоучителя Сенчиковскаго въ занимаемой имъ должности, о чемъ и сообщено директору Минской гимназіи, для зависящихъ распоряженій, въ предложеніи г. Управлявшаго Виленскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 25 августа 1876 года, за № 106.

По объявленію о такомъ распоряженіи г. Попечителя кс. Сенчиковскому, сей послѣдній заявилъ директору гимназіи, что онъ, до возвращенія изъ заграницы г. начальника Минской гу-

берніи, не можетъ оставить занимаемой имъ должности законоучителя Минской гимназіи, тѣмъ болѣе, что, по словамъ кс. Сенчиковскаго, онъ долженъ прежде пріискать лицо, которое моглобы замѣнить его въ Минской гимназіи. На это директоръ замѣтилъ кс. Сенчиковскому, что выборъ преемника, зависящій отъ г. Попечителя Округа, не можетъ быть предметомъ его, Сенчиковскаго, заботливости и сказалъ кс. Сенчиковскому, чтобы онъ подумалъ и черезъ два дня далъ-бы рѣшительный отвѣтъ; но кс. Сенчиковскій въ другой разъ повторилъ ему, директору, то же самое. Тогда директоръ объявилъ кс. Сенчиковскому, что обратится въ Управленіе Округа за дальнѣйшими инструкціями. Ксендзъ же Сенчиковскій въ тотъ-же день подалъ на директора жалобу г. и. д. Губернатора, въ которой, извращая слова директора, утверждаетъ, что директоръ угрожалъ ему увольненіемъ отъ должности, если онъ въ двухъдневный срокъ не подастъ въ отставку, каковая угроза, замѣчаетъ директоръ, уже потому не могла быть сдѣлана имъ, что увольненіе Сенчиковскаго вовсе не зависитъ отъ директора. Далѣе, присовокупляетъ директоръ, въ жалобѣ Сенчиковскаго заключались клеветы, что онъ, директоръ, находится подъ вліяніемъ польской партіи въ Вильнѣ и въ Минскѣ, и будто бы высказывалъ ему, Сенчиковскому, что для него, директора, все равно, на русскомъ или на польскомъ языкѣ будетъ идти преподаваніе Закона Божія р.-катол. исповѣданія, и т. под.

По доведеніи объ этомъ директоромъ Минской гимназіи до свѣдѣнія Управленія Округомъ, причемъ коллежскій совѣтникъ Стефани испрашивалъ указанія, какъ ему надлежитъ далѣе поступать въ настоящемъ случаѣ, г. Управляющимъ Округомъ отъ 7 сентября 1876 года, за № 5577, сообщено директору, что изложенное въ приведенномъ представленіи его объясненіе кс. Сенчиковскаго не представляется уважительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Управлявшій Округомъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малиновскій предложилъ: 1, считать должность законоучителя римско-католическаго исповѣданія въ Минской гимназіи вакантною со дня объявленія кс. Сенчиковскому и 2, безотлагательно, въ установленномъ порядкѣ, озаботиться пріисканіемъ другого лица, вполнѣ достойнаго для замѣщеніи должности законоучителя.

Въ этомъ своеобразномъ документѣ интересна оффиціальная ссылка на давно прекращенныя, по бездоказанности и лживости заявленій, дѣла о Ф. Шишло и о блудной жизни Сенчиковскаго... И подъ слѣдствіемъ въ 1876 г., какъ мы знаемъ уже, онъ не состоялъ ни по этимъ, ни по другимъ какимъ либо дѣламъ.

А, между тѣмъ, гнусная сплетня, поддерживаемая врагами Сенчиковскаго, изъ лагеря представителей польско-iезуитской пропаганды, о подобныхъ обвиненiяхъ, продолжала жить и несомнѣнно сыграла свою роль и въ дѣлѣ отставки отъ должности законоучителя. А начальство Виленскаго учебнаго округа не сочло нужнымъ даже провѣрить канцелярскую справку, устарѣлость которой не могла подлежать сомнѣнiю!...

Нельзя не обратить вниманiя и на своеобразныя (чтобы не выразиться рѣзче) позицiи, занятыя въ разсматриваемомъ нами вопросѣ Виленскимъ учебнымъ округомъ и Директоромъ Минской гимназiи...

Такъ какъ округъ ничего дурного не числитъ за Сенчиковскимъ (а мы знаемъ, кáкъ на покойнаго смотрѣли тамъ еще недавно, во времена П. Н. Батюшкова), то округъ сваливаетъ все на директора Стефани.

Но директоръ Стефани, недавно вступившiй въ должность, тоже ничего, кромѣ сплетенъ и слуховъ о Сенчиковскомъ не знаетъ, хотя почему-то пылаетъ къ нему ненавистью...

Поэтому онъ все сваливаетъ, въ свою очередь, на долгослужащаго въ заведенiи инспектора Трофимова, какъ на свидѣтеля разныхъ преступленiй покойнаго, заставивъ его высказаться на бумагѣ.

Что же находитъ ужаснаго г. Трофимовъ за семь лѣтъ службы въ гимназiи Сенчиковскаго?—

У покойнаго, видите-ли, нѣтъ «требуемыхъ познанiй и педагогической подготовки....»

Но, спрашивается, чтó-же начальство гимназiи (въ томъ числѣ и г. Трофимовъ) смотрѣло въ теченiи *семи лѣтъ,* все время аттестуя прекрасно Сенчиковскаго, награждая его, именно, какъ преподавателя гимназiи, и почему только на седьмомъ году открыло оно подобные его недостатки? И компетентно-ли это, православное начальство, въ вопросѣ «о познанiяхъ» по части р.-к. Закона Божiя!?...

Странно слышать, что манкированiе уроками объясняется только «недостаткомъ любви и преданности къ служебному дѣлу.»

И подобные-то педагогическiе недостатки (какъ отсутствiе любви и преданности къ взятымъ на себя обязательствамъ) терпѣлись педагогами 7 лѣтъ въ заведенiи!..

Если въ классѣ ученики вели себя «иногда» дурно, то гдѣже былъ самъ инспекторъ Трофимовъ и надзиратели?

Въ число «отрицательныхъ условiй» преподавательской дѣятельности Сенчиковскаго поставлено и то, что покойный являлся на уроки Закона Божiя «безъ предварительной подготовки».

Но какая-же «подготовка» можетъ требоваться по такому предмету, какъ объясненіе истинъ вѣры, отъ священника, т.-е. отъ человѣка, всю жизнь имѣющаго отношеніе къ подобнымъ вопросамъ?

Нельзя-же, напримѣръ, ждать отъ учителя, обучающаго начаткамъ русскаго языка, чтобы тотъ готовился къ подобнымъ урокамъ.....

Если Сенчиковскій позволялъ себѣ на урокахъ неумѣстные прибаутки, анекдоты и т. п, то, опять-таки, гдѣ-же семь лѣтъ было гимназическое начальство и почему не приняло оно мѣры къ изгнанію подобнаго элемента изъ классовъ? Наконецъ, развѣ это—достаточный мотивъ для удаленія преподавателя изъ заведенія?—

Въ рапортѣ своемъ, г. Трофимовъ, однако, наивно сознается въ томъ, что: 1) «выходя изъ разнородныхъ и обильныхъ слуховъ, можно было-бы высказать много, но въ данномъ случаѣ именно очень трудно отличать факты отъ продуктовъ враждебнаго настроенія польско-католическаго общества»; 2) «относительно упоминаемаго выраженія о. Сенчиковскаго «Іисусъ Осиповичъ» онъ, Трофимовъ, «ничего утверждать не можетъ, хотя это выраженіе было предметомъ толковъ «и помѣщено было *едва-ли не на столбцахъ* двухъ газетъ» и т. п.

Прочтя подобныя объясненія, невольно спросишь: да за что-же прогнали со службы человѣка?!..

Далѣе, мы видимъ, что дѣло началось по доносу попечителю округа, на основаніи какого-то письма, «подписаннаго» А. Подольскимъ, изъ чего видно, что само начальство сомнѣвалось въ томъ, что подписавшій доносъ существуетъ.

Но никто не далъ себѣ труда провѣрить, есть-ли на свѣтѣ подобный Подольскій, или это—фамилія вымышленная.

Не смотря на то, что донесшій сообщалъ лишь о фактѣ произнесенія Сенчиковскимъ словъ «Іисусъ Осиповичъ», занялись, внѣ программы доноса, общей характеристикой покойнаго.

Невольно ужаснешься тому, что подобная, тенденціозная, безграмотная литература исходитъ изъ педагогическихъ сферъ, т. е. отъ людей образованныхъ, что русскіе люди травятъ, не имѣя фактовъ, «на основаніи своихъ личныхъ впечатлѣній.» преданнаго Россіи русскаго человѣка, и травятъ бездоказательно, зло, несправедливо...

Ужаснешься, когда подумаешь, что все это строчится въ полной тайнѣ «педагогическихъ» канцелярій, безъ провѣрки сплетенъ, безъ критическаго отношенія къ матеріалу донесеній г.г. Стефани и Трофимова...

Невольно скажешь, вслѣдъ за покойнымъ Сенчиковскимъ, что тутъ, въ этой странной исторіи, дѣйствительно, пахнетъ

чѣмъ-то инымъ, закулиснымъ, ничего общаго съ «педагогикой» неимѣющимъ...

О дѣятельности своей Сенчиковскій пишетъ Л. С. Макову изъ Минска (24 сент. 1876 г.) *), попутно разоблачая интриги прелата Жилинскаго и подвиги Виленскихъ ксендзовъ, противныхъ русскому дѣлу.

«Если бы даже мнѣ было воспрещено обращаться къ Вашему Превосходительству», сообщаетъ онъ Макову: «и если бы я не былъ увѣренъ въ полномъ Вашемъ сочувствіи русскому дѣлу, все таки я бы не замолчалъ и не скрылъ передъ Вами тѣ козни, которыя устраиваются врагами дѣла для уничтоженія вопроса, въ которомъ такъ сильно заинтересованы Ваше Превосходительство и г. Министръ. Но, получивъ ясное распоряженіе г. Министра, въ случаѣ надобности съ полною откровенностью обращаться къ Вашему Превосходительству, я послѣ этого, считаю священною обязанностію сообщить то, о чемъ я положительно узналъ отъ нарочно и инкогнито пріѣхавшихъ ко мнѣ изъ гор. Вильны вчерашняго числа прелата Копцеговича и декана Піотровскаго.

Вся задача Виленской Куріи, во главѣ которой открыто стоятъ прелатъ Жилинскій, кс. Пацынко (Виленскій, по городу, деканъ) и кс. Шимкевичъ, которые собственно управляютъ епархіею, состоитъ въ томъ, дабы вполнѣ угодить полякамъ; въ этомъ уже нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія и это понятно. Прелатъ Жилинскій, по пріѣздѣ изъ Петербурга, не ходитъ въ консисторію и въ Каѳедру, всякому ксендзу объясняетъ, что Высочайшее повелѣніе вызвано мною, которое послѣдовало только для того, дабы убѣдиться, можно-ли успѣть въ этомъ дѣлѣ или нѣтъ; что поэтому теперь-то и надо отстоять польскій языкъ, и теперь-то время недопустить удачный исходъ, а потому надо навсегда погубить вопросъ и служащихъ ему. Это уже четыре ксендза мнѣ сообщили, а прелатъ Копцеговичъ увѣряетъ, что объ этомъ публично говорятъ въ Вильнѣ. Мало того, противъ всѣхъ служащихъ на русскомъ языкѣ открыто приготовляются всевозможныя мѣры притѣсненія и подстрекается всякій католикъ. Цѣль-же прелата Жилинскаго объяснилась уже: онъ употребляетъ всѣ силы, дабы, задобривъ польскую партію (которая открыто объявляетъ, что Жилинскій кается и уже исправляется), послѣ самому отказаться отъ управленія епархіею, или же заставить Правительство уволить его. Тогда ему еще болѣе чести въ глазахъ поляковъ; тогда онъ еще ближе къ желанной цѣли; тогда онъ уже мученикъ за польскую справу. Поэтому прелатъ Копцего-

*) Тамъ-же.

вичъ отказывается не только отъ ректорства, но и отъ всего, лишь бы только избѣгнуть приготовляющагося гоненія. Вслѣдствіе сего, многіе ксендзы, сочувствующіе дѣлу и, подобны прелату Копцеговичу, заявившіе уже готовность служить на русскомъ языкѣ во вновь устроенной семинаріи, на-дняхъ нарочно пріѣзжали къ ксендзу Копцеговичу и отказались отъ своего слова, и прямо заявили, что Жилинскій склонилъ ихъ къ этому. Началомъ къ этому открытому дѣйствію прелата Жилинскаго была телеграмма графа Сиверса, которому угодно было, на секретную телеграмму прелата Копцеговича, отвѣтить на имя прелата Жилинскаго. Телеграмма эта была носима и читаема почти всѣми Виленскими ксендзами, была публикована въ городѣ, какъ доказательство того, что ксендзъ Копцеговичъ — тайный агентъ Правительства, что онъ, принимая русскій языкъ, желаетъ обрусить семинарію и погубить полонизмъ. Прелатъ Копцеговичъ положительно намѣренъ, при свиданіи, объявить выше мною сказанное графу Сиверсу. Я-же всечувствительнѣйше осмѣливаюсь просить Ваше Превосходительство—ходатайствовать у г. Министра, дабы не освобождали Жилинскаго отъ управленія епархіею, пока онъ не исправитъ того зла, которое сдѣлалъ; надо заставить его служить; пусть не сидитъ на двухъ стульяхъ; а то онъ, заручившись наградами и обезпечившись капиталами, пожелаетъ еще быть мученикомъ за польскую справу. Это уже совершенно по-іезуитски. Онъ затормазилъ дѣло и захочетъ насъ бросить на съѣденіе и растерзаніе. Ваше Превосходительство, ради Бога, не допустите къ этакому недобросовѣстному выходу со стороны Жилинскаго! Онъ долженъ служить и онъ долженъ исполнить, хотя бы на первыхъ порахъ, все то, что̀ нужно для развитія русскаго дѣла.

Въ газетѣ «Новое Время», № 178, подъ заглавіемъ «Административныя новости», я прочелъ, что носятся слухи о подчиненіи р.-к. семинаріи Министерству Народнаго Просвѣщенія и подъ контроль мѣстныхъ попечителей и директоровъ гимназій. По этому случаю осмѣливаюсь высказать свое мнѣніе.

Если есть что либо болѣе неосновательное, запутанное и, поэтому, вредное относительно религіозно-политическаго направленія молодежи, то это Министерство Народнаго Просвѣщенія. Говорю это, основываясь на 8-лѣтнемъ моемъ служеніи законоучителемъ; на близкомъ моемъ столкновеніи, во время польскаго мятежа, съ учебными заведеніями, и на основаніи тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыхъ такъ много въ исторіи нашего времени. Всѣ безпорядки и выходы, какъ политическіе, такъ и религіозные, не только исходили изъ сферъ училищныхъ, но и первыми участниками всегда были и во главѣ стояли учебныя заведенія. Слѣдовательно, гимназическое начальство относительно

направленія и влиянія въ религіозно-политическомъ отношеніи не понимаетъ своей обязанности; оно основывается на формальной и, такъ скажу, внѣшней части воспитанія, ничуть не заботясь о внутреннемъ и фундаментальномъ убѣжденіи юношества. А въ семинаріи все это должно быть совершенно наоборотъ: тамъ необходимо убѣжденіе, вліяніе и направленіе чисто политическое, основанное на религіозномъ фундаментѣ. Клерикъ можетъ быть не ученый, но моральный, религіозный, скромный и добросовѣстно преданный Правительству, и это составляетъ сильный контрастъ съ требованіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а тѣмъ болѣе гимназическаго начальства. Кромѣ этого р.-к. семинарія состоитъ въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ особо, такъ скажу, спеціальномъ Департаментѣ. Къ чему-же и подчинять ее другому Министерству? Къ чему и на что начальникъ Святѣйшаго Синода и православныхъ семинарій будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ открыто и оффиціально начальникомъ и р.-к. семинарій? Развѣ мало враговъ поляковъ, чтобы они молчали объ этомъ? Развѣ не хватится за это польско-іезуитская пропаганда и не сумѣетъ воспользоваться до того, что ни одного семинариста, клерика, ни одного профессора, ректора и инспектора не будетъ въ р.-к. семинаріи? Да развѣ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не въ состояніи сдѣлать того, что̀ слѣдуетъ и что́ полезно Отечеству и Правительству? Контроль необходимъ, но контроль Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Департамента Иностранныхъ Исповѣданій, а не Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

Простите, Ваше Превосходительство, мою смѣлость, но я не могъ не высказать передъ Вами моего убѣжденія и не выразить моихъ чувствъ, волнующихъ въ настоящее время мою душу. Ибо подчинить семинаріи косвеннымъ образомъ оберъ-прокурору—это значитъ убить навсегда русскій вопросъ въ католицизмѣ. А что это вѣрно—на это отвѣтитъ приложенная при семъ статья въ газетѣ, которая хотя написана болѣе чѣмъ нелогично, неосновательно, превратно и низко, но она всетаки доказываетъ неопровержимо то, что Потаповъ есть защитникъ и прибѣжище поляковъ; что поляки непримиримые враги Россіи; что введеніе русскаго языка въ костелы отрываетъ простонародье р.-к. исповѣданія отъ польской интеллигенціи, которая теряетъ тогда свою силу; и что учрежденіе визитаторства и русскій языкъ окончательно убиваютъ полонизмъ. Вотъ почему появилась тревога и принимаются поляками послѣднія усиленныя мѣры къ защитѣ вреднаго намъ полонизма. Интриги эти, въ связи съ присылкою ко мнѣ не только газетъ, но и писемъ инквизиціонной Куріи, съ выходкой директора гимназіи съ моимъ немедленнымъ увольненіемъ отъ законоучительства, съ интригами противъ училища органистовъ и многими другими дѣйствіями поляковъ, о кото-

рыхъ прелатъ Концеговичъ много мнѣ разсказывалъ,—все это яснѣе дня показываетъ, что въ Вильнѣ и вообще въ польскомъ мірѣ дѣла́ принимаютъ весьма серьезный характеръ, и что это настроеніе постоянно увеличивается не столько въ г. Минскѣ, сколько въ г. Вильнѣ: въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Дѣла́ до того даже дошли, что ксендзы публично говорятъ, будто-бы генералъ Альбединскій сказалъ: «не допущу, дабы въ моемъ управленіи вводили русскій языкъ; это пустая попытка.» Вотъ до какой дерзости дошли польскіе интриганы.

Къ графу Сиверсу и къ г. Губернатору я ничего не писалъ и не напишу, ибо опасаюсь, дабы письма мои не были читаемы въ канцеляріяхъ.»

Надо замѣтить, что, какъ это видно изъ бумагъ Сенчиковскаго, къ тому времени у него дѣйствительно были въ рукахъ явныя доказательства, что многое изъ секретныхъ донесеній его Министерству Вн. Дѣлъ тотчасъ-же дѣлалось извѣстнымъ польско-іезуитской пропагандѣ.....

Въ октябрѣ 1876 г. Сенчиковскій, представляя Макову, при письмѣ (на которомъ не выставлена дата), письмо къ нему прелата Концеговича, сообщаетъ Макову *):

«Приложенное при семъ въ копіи письмо прелата Концеговича и мое по этому поводу, вмѣстѣ съ подлиннымъ письмомъ прелата, посланнымъ къ гр. Сиверсу, отчасти разоблачаютъ, какъ мѣстныя обстоятельства, дѣйствіе и положеніе, принятое Виленскою духовною администраціею, такъ и наглую по этому поводу участь и грусть.

Тотъ, кто не знакомъ, съ настойчивостью и низостью польско-іезуитскихъ интригъ, кто не испыталъ ихъ инквизиціонныхъ пытокъ,—тотъ не можетъ повѣрить тѣмъ мѣрамъ и средствамъ, къ какимъ прибѣгаютъ защитники польской справы. Хорошо извѣстны примѣры, даже и въ наше время совершающіеся, гдѣ іезуитско-польскіе агенты стремились произвести перевороты въ цѣляхъ государственныхъ. То объ уничтоженіи проекта о введеніи русскаго языка и о рѣшительномъ пораженіи и окончательной гибели нѣсколькихъ человѣкъ, открыто сочувствующихъ Правительству, нечего сомнѣваться, если только мы и дѣло будемъ оставлены полу-мѣрамъ или самимъ себѣ.

Прелатъ Концеговичъ, въ своемъ письмѣ, говоритъ, что «ксендзовско-польская партія растетъ не по днямъ, а по часамъ, и насъ, податливыхъ волѣ Правительства, встрѣчаютъ чуть не пощечинами.»

Этого, кажется, довольно, дабы обрисовать политику прелата Жилинскаго и ту участь, какая насъ ожидаетъ въ будущемъ,

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов.

если не будутъ серіозно воздержаны нахальство и свобода зачинщиковъ.

Серіозное стремленіе Правительства и серіозныя, принимаемыя имъ мѣры къ осуществленію плана о введеніи русскаго языка и тѣмъ самымъ объ окончательномъ уничтоженіи источника фанатическо-польской политики, вызвали польскихъ агитаторовъ тоже къ серіозной защитѣ своего дѣла.

Поэтому, въ настоящую минуту мѣстныя обстоятельства, дѣло и мы тоже находимся въ очень серіозной опасности. И потому я не считаю себя вправѣ скрывать всего этого передъ Вашимъ Пр—вомъ, и, по этой-же причинѣ, я такъ откровенно объяснился передъ графомъ, ибо какъ заграничные, такъ и наши ксендзы и польскіе агитаторы слишкомъ уже зашевелились. А намъ гораздо лучше не жить, нежели постоянно ожидать, что вотъ-вотъ топоръ падетъ на шею.

Богъ свидѣтелемъ, что съ моей стороны до конца жизни моей не послѣдуетъ ни на волосъ перемѣны въ сочувствіи дѣлу, и что я не измѣню ни моему убѣжденію, ни преданности Правительству! Но я имѣю основаніе серіозно опасаться за другихъ, да и за самое дѣло, ибо что-же я сдѣлаю, если останусь одинъ?!.. А что это, при существованіи теперешнихъ обстоятельствъ, легко можетъ случиться, то на это ежедневно поступаютъ ко мнѣ словесныя заявленія, подобнаго содержанія, какъ и письмо прелата Концеговича.

Многіе ксендзы, получивъ указъ консисторіи о назначеніи меня визитаторомъ, обращаются съ проектами, жалобами и за совѣтами. Между тѣмъ, я не могу ни отписать, ни поговорить съ ними. И что-же изъ этого визитаторства, когда оно, существуя только на бумагѣ, путаетъ и тормазитъ насъ и дѣло?!.. Это—новое испытаніе и пытка.

Съ измѣненіемъ 2 § визитаторской инструкціи, г. губернаторъ увѣдомилъ меня, что инструкція еще не введена въ практику и неизвѣстно, какія могутъ быть изъ этого § послѣдствія; поэтому и хлопотать объ измѣненіи онъ считаетъ преждевременнымъ. Но я все-таки остаюсь въ полной увѣренности, что этотъ § вызоветъ сильное противодѣйствіе и послѣ, Богъ знаетъ, успѣемъ ли мы потушить пожаръ, который сами-же раздули. Вѣдь безъ всякой оговорки воспрещено дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ крестить по р.-к. обряду, Нельзя-же переходить изъ греческой въ римскую обрядность! Безпрекословно должны въ судебныхъ мѣстахъ говорить или адресовать письма, посылаемыя по почтѣ, на русскомъ языкѣ. Почему-же этого нельзя сдѣлать только съ ксендзами и костелами?—Почему для нихъ только всегда и вездѣ предоставляется лазейка, служащая во вредъ Правительству? Еслибы кто либо изъ насъ, служащихъ на

русскомъ языкѣ, хотя-бы въ десятой долѣ дѣлалъ столько зла и вреда предначертаніямъ Правительства, то, я увѣренъ, что давнымъ-давно мы были-бы въ монастырѣ. Ксендзы-же, служащіе на польскомъ языкѣ, свободно дѣлаютъ, что̀ хотятъ.»

Кс. Копцеговичъ (21 окт. 1876 г.), въ прилагаемомъ Сенчиковскимъ письмѣ, между прочимъ, писалъ ему:

«Ради Бога, облегчите нашу участь, и если для Вильны больше ничего сдѣлать не можете, то, по крайней мѣрѣ, похлопочите о назначеніи въ Вильну благонадежнаго декана! Я убѣжденъ, что кс. Макаревичъ, какъ человѣкъ съ неподдѣльнымъ убѣжденіемъ, принесъ-бы на этомъ мѣстѣ большую пользу. На счетъ-же теперешняго декана кс. Пацынки, я Вамъ скажу, что его слѣдовало-бы давнымъ-давно прогнать изъ Вильны. Вы должно быть слышали, что онъ, когда-то на кс. Кулешу, пришедшаго къ нему съ предложеніемъ принять требникъ, напустилъ собаку, которая порвала на немъ платье. Теперь-же онъ—деканъ, да еще какой! Вотъ Вамъ образецъ его дѣятельности. Я, ожидая пріѣзда графа *) для переговоровъ о преобразованіи семинаріи, письмомъ пригласилъ въ Вильну кс. Юндзилла, который во многомъ о преобразованіи семинаріи со мною сходился, но бѣда въ томъ, что не надолго, т. е. до тѣхъ поръ, пока Пацынко не узналъ объ его прибытіи, заставивъ, посредствомъ полиціи, явиться къ себѣ, и такъ напугалъ, что тотъ, не простившись со мною, уѣхалъ.»

Позднѣе (26 окт. 1876 г.) **) кс. Сенчиковскій пишетъ гр. Сиверсу:

«Пользуясь довѣріемъ въ средѣ духовенства, сочувствующаго и болѣе или менѣе преданнаго русскому дѣлу въ католицизмѣ, я нерѣдко и невольно нахожусь поставленнымъ въ стѣснительное положеніе и вынужденъ играть роль, выходящую изъ предѣловъ моей, весьма ограниченной, общественной жизни и дѣятельности. Причина, ставящая, какъ меня, такъ и духовенство, въ безвыходное положеніе — это явное, сильное и упорное желаніе польско-фанатической партіи во что бы то ни стало и какими-бы то ни было путями и средствами недопустить развитія принятыхъ Правительствомъ мѣръ для пользы дѣла. Духовенство-же, сочувствующее планамъ Правительства, выведено въ открытое поле, поставлено лицомъ къ лицу съ сильнымъ и непримиримымъ врагомъ всего, что̀ русское. И чѣмъ болѣе принимается Правительствомъ мѣръ въ пользу дѣла, тѣмъ серьезнѣе польскими агитаторами защищаются польскія идеи. Поэтому,

*) Директора Департамента гр. Сиверса.

**) Тамъ-же.

какъ съ одной стороны, такъ и съ другой, явилось естественное желаніе полной побѣды надъ противникомъ. Вотъ почему противу сильнаго—за границею и въ Россіи — и поддерживаемаго іезуитско-польскимъ обществомъ стремленія—убить дѣло, и въ средѣ нашей составился и слился какъ-бы въ одно цѣлое маленькій кружокъ, защищающій другъ друга и уповающій на Бога и поддержку Правительства. А такъ какъ борьба далеко неровная, то есть основаніе ожидать сдѣлаться скорѣе жертвою безпощадной злобы фанатизма іезуитско-польской партіи, чѣмъ выйти изъ этой борьбы побѣдителями. Вслѣдствіе чего, и по чувству самосохраненія, многіе ищутъ спасенія и защиты.

Вотъ почему и я избранъ какимъ-то дружескимъ и надежнымъ центромъ, и хотя я глубоко цѣню довѣренность, какою облекли меня мои собратья, однако-жъ хорошо понимаю, что все это для меня тяжело и небезопасно. Поэтому, всечувствительнѣйше прося у В. Сіятельства извиненіе за мою смѣлость касательно настоящаго письма, я счелъ нужнымъ письмо, адресованное ко мнѣ прелатомъ Копцеговичемъ, представить В. Сіятельству, какъ документъ, болѣе или менѣе разоблачающій не только положеніе, принятое польскою партіею во вредъ дѣлу, но и то тяжелое испытаніе, какое переносятъ ксендзы, сочувствующіе Правительству.

Касательно проекта прелата Копцеговича относительно перемѣщенія кс. Макаревича въ г. Вильну, я положительно протестую, такъ какъ измѣнившіяся въ настоящее время обстоятельства таковы, что кс. Макаревичъ, на должности Виленскаго декана, скорѣе самъ охладѣетъ къ русскому дѣлу, нежели успѣетъ повліять на польско-іезуитскій фанатизмъ Вильны. Но это нисколько не мѣшаетъ удаленію кс. Пацынки и порученію деканской по городу должности кс. Рафаилу Юшкевичу, причисленному къ Бернардинскому, ввѣренному прелату Копцеговичу, приходу. Какъ викарный этого костела и законоучитель женской гимназіи, этотъ ксендзъ можетъ быть и деканомъ г. Вильны. Человѣкъ этотъ хорошо мнѣ извѣстенъ, и прелатъ Копцеговичъ много хорошаго мнѣ о немъ говорилъ. Онъ даже имѣлъ въ виду, еслибы послѣдовало преобразованіе семинаріи, хлопотать о назначеніи кс. Юшкевича преподавателемъ въ семинаріи.

Виленская р.-к. консисторія и г. управляющій епархіей предписали намъ исполнять визитаторскую должность и объ этомъ циркулярно оповѣстили духовенство, которое постоянными бумагами, адресованными на имя визитатора и относящимися къ исполненію пунктовъ, обозначенныхъ въ инструкціи, ставитъ насъ въ неловкое положеніе, такъ какъ, не получая распоряженія хотя бы исподволь и весьма осторожно дѣйствовать, мы не можемъ удовлетворять требованіе духовенства, и это съ на-

шей стороны молчаніе вызоветъ своего рода въ извѣстныхъ данныхъ и кружкахъ вредные дѣлу толки.»

По всѣмъ этимъ письмамъ Сенчиковскаго можно судить и о положеніи въ Бѣлоруссіи и Сѣверо-Западномъ краѣ дѣла обрусенія католицизма, и о той безднѣ, которую видѣли онъ, Сенчиковскій, и его немногіе единомышленники въ недалекомъ будущемъ отъ создавшагося Высочайшимъ повелѣніемъ 25 декабря 1869 года порядка вещей.

Къ тому-же, 1876 году, относится и нижеприводимая переписка о поученіяхъ, переводимыхъ съ польскаго языка на русскій, возникшая благодаря опять-таки Сенчиковскому.

Она начинается донесеніемъ Минскаго губернатора Чарикова Министру Вн. Дѣлъ (отъ 29 окт. 1876 г., за № 6875). *)

В. Н. Чариковъ пишетъ:

«Каноникъ Сенчиковскій довелъ до свѣдѣнія моего, что, по мѣрѣ распространенія русскаго языка въ дополнительномъ р.-к. богослуженіи, все больше и больше ощущается потребность въ руководствахъ при произнесеніи проповѣдей и пастырскихъ поученій на русскомъ языкѣ, а потому онъ ходатайствуетъ о переводѣ и изданіи двухъ подобнаго рода сочиненій, а именно «Разъясненія Св. Евангелія» Максима Бѣлобржецкаго, изданнаго въ Вильнѣ въ 1854 году въ 4-хъ томахъ (по-польски), и проповѣди Андрея Филипецкаго, изд. въ Вильнѣ въ 1854 г. въ 4-хъ томахъ.

Имѣя въ виду, 1) что изданіе проповѣдей на русскомъ языкѣ значительно облегчило-бы дѣло распространенія этого языка въ р.-к. богослуженіи, такъ какъ многіе ксендзы, по новости дѣла, затрудняются въ произнесеніи на немъ проповѣдей, и поученій; 2) что тѣ изъ нихъ, которые недостаточно окрѣпли въ своемъ сочувствіи къ русскому языку, хотя и дали подписки о желаніи употреблять его при богослуженіи, находятъ въ отсутствіи всякихъ по этому предмету руководствъ предлогъ къ уклоненіямъ отъ данной ими подписки, и 3) что, вообще, желательно, что-бы русскій языкъ, при произнесеніи на немъ проповѣдей, не искажался лицами, недостаточно свободно имъ владѣющими, я находилъ-бы вышеупомянутое ходатайство Сенчиковскаго не лишеннымъ основанія.

Вслѣдствіе сего и въ дополненіе къ представленію моему отъ 13 іюля с. г., за № 494, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопре—во, не изволите-ли признать возможнымъ сдѣлать распоряженіе о переводѣ на русскій языкъ, а затѣмъ и объ изданіи вышепоименованныхъ сборниковъ проповѣдей, въ количествѣ 200 экземпляровъ каждаго?

*) Дѣло Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд., № 63 «Свящ. Сенчиковскій.»

Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что для удовлетворительнаго выполненія перевода встрѣтится необходимость въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ, по духовному отдѣлу, знаніяхъ, а потому я полагалъ-бы полезнымъ поручить его нѣсколькимъ ксендзамъ Минской губерніи, отличающимся полнымъ знаніемъ русскаго языка и политическою благонадежностью, предложивъ имъ за этотъ трудъ соотвѣтственное денежное вознагражденіе.»

Въ отвѣтъ на это Департаментъ Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій (22 ноября 1876 г., № 3759) *) запрашиваетъ Минскаго губернатора, какимъ-же именно ксендзамъ предполагаетъ онъ поручить переводъ и каковы будутъ расходы?

Губернаторъ, въ свою очередь, сносится съ Сенчиковскимъ, который (8 декабря 1876 г., № 1196) **) доноситъ ему:

«Представляя Вашему Пре—ву въ копіи отзывъ мой къ ксендзамъ Макаревичу и Гавронскому и въ подлинникахъ ихъ, по этому случаю, отвѣты, честь имѣю пояснить, что, по моему крайнему разумѣнію, отказъ этихъ ксендзовъ отъ принятія участія въ переводѣ и причины, заявленныя ими, не заслуживающія никакого уваженія, а равно поступокъ ихъ въ этомъ отношеніи, вполнѣ доказываю недобросовѣстное сочувствіе къ дѣлу, доказываю еще, что на словахъ изъявленное ими мнѣ лично согласіе принимаетъ совершенно другое значеніе, коль скоро приходится сказанное доказать на дѣлѣ.

Что-же касается до меня, то, несмотря на отказъ ксендзовъ Макаревича и Гавронскаго и мои усиленныя и многостороннія занятія, я охотно принимаю на себя трудъ заняться переводами и коль скоро изберу еще двухъ или трехъ соотвѣтственныхъ ксендзовъ, то буду имѣть честь доложить обо всемъ В. Пр—ву.»

Наконецъ, ксендзъ Лемпицкій согласился дѣлать переводъ за вознагражденіе—по 20 р. съ листа.

Кан. Сенчиковскій (26 дек. 1876 г., за № 1363) ***) сообщаетъ Минскому губернатору:

«Весьма было-бы желательно и полезно, *дабы при переводѣ съ польскаго языка на русскій употребляемыхъ въ р.-к. церквахъ гимновъ и молитвъ, стихами или прозою, употреблялся-бы слогъ самый простой и легкій, и выраженія самыя обыкновенныя и подходящія къ понятію Бѣлорусскаго населенія, ибо какъ польскій языкъ, такъ равно и высокій слогъ съ высокопарными выраженіями, равно недоступны понятію нашего рабочаго люда.* Напротивъ, онъ съ полнымъ вниманіемъ, такъ сказать, хватаетъ и усваиваетъ всякое слово ксендза,

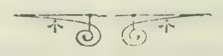
*) Тамъ-же.

**) Тамъ же.

***) Тамъ-же.

произнесенное въ костелѣ *домашнимъ слогомъ и самыми обыкновенными выраженіями.* Поэтому-то всѣ старинные молитвенники и спѣвники на польскомъ языкѣ изложены на необыкновенно простомъ польскомъ нарѣчіи, и эти-то книги необыкновенно цѣнны и, какъ драгоцѣнность, передаются даже въ наслѣдство. Поэтому я-бы полагалъ, что и на русскомъ языкѣ книги, если-бы были на доступномъ для народа языкѣ, а не на литературномъ, то принесли-бы гораздо болѣе пользы, *такъ какъ дѣло идетъ, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы простой народъ былъ на сторонѣ русскаго дѣла. Поэтому, его понятію слѣдовало-бы и угодить.* Вслѣдствіе такого моего, основаннаго на опытѣ, убѣжденія, честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Пре--во, не найдете-ли полезнымъ ходатайствовать въ Министерствѣ, дабы при переводахъ комиссія имѣла въ виду вышесказанное?»

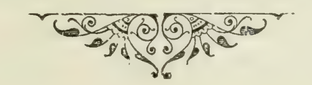
На этомъ донесеніи переписка и была прервана, чѣмъ лишній разъ сказался упадокъ энергіи у заправилъ гражданской администраціи, что мы уже подчеркнули выше.

ГЛАВА IX.

(1876—77 годы).

Замѣтки Сенчиковскаго о личномъ положеніи его въ Минскѣ.— Изданіе имъ знаменитаго его циркуляра р.-к. духовенству 1-го визитаторства Минской губерніи.—Благодарность за циркуляръ пр. Жилинскаго и Высочайшая награда.—Новая попытка получить степень магистра Богословія.—Проектъ письма къ Папѣ, неодобреннаго Министерствомъ Внутр. Дѣлъ.—Сенчиковскій по-прежнему занятъ перетасовкою, укрощеніемъ непокорныхъ ксендзовъ.—Его заявленія по этому поводу Минскому губернатору Чарикову и Л. С. Макову.—А. Л. Потаповъ лишній разъ въ его надлежащемъ видѣ.—Столкновеніе Сенчиковскаго съ нимъ и съ графиней Тышкевичъ.—Письма прелата Копцеговича.—Столкновеніе Сенчиковскаго съ отставнымъ рядовымъ Кирилловымъ и чиновникомъ Змаровичемъ.—Строгое внушеніе за все это отъ Тимашева.

Приведемъ нѣсколько замѣтокъ Сенчиковскаго, рисующихъ его дѣятельность въ Минскѣ и набросанныхъ имъ въ 1876 году.—

Первая рукопись озаглавлена самимъ Сенчиковскимъ такъ: «Дневныя записки, относящіяся къ Минскому Свято-Троицкому р.-к. приходу и костелу на Золотой Горкѣ (1876 г., 4 мая)»: *)

Она заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

«1) Въ 1861 году получено Высочайшее разрѣшеніе — о постройкѣ костела каменнаго—вмѣсто совершенно стараго, деревяннаго, на деньги, пожертвованныя Леоновичемъ и другими.

2) Постройкою этого костела, главнымъ образомъ, занимался б. Золотогорскій ксендзъ, каноникъ Феліиціанъ Гарбачевскій.

3) Послѣ мятежа, въ 1864 году, былъ деканомъ и настоятелемъ кс. Николай Томашевичъ, послѣ кс. Валентиновичъ, затѣмъ кс. Заусцинскій и въ 1870 году, 19 февраля, прибылъ кс. Фердинандъ Сенчиковскій, и въ тотъ-же день совершено въ этомъ костелѣ въ первый разъ все добавочное богослуженіе на русскомъ языкѣ. Затѣмъ, послѣдовало распоряженіе г. управляющаго епархіей прелата Петра Жилинскаго и консисторіи Виленской (такъ какъ въ 1868 году Минская епархія закрыта и присоединена къ Виленской), основанное на распоряженіи г. Министра Вн. Дѣлъ, генералъ-адъютанта Тимашева, дабы русскій языкъ постоянно былъ употребляемъ въ Златогорскомъ костелѣ.

4) Въ 1872 году, 19 февраля, при этомъ костелѣ, открыто Высочайше утвержденное, по проекту и ходатайству кс. Сенчиковскаго, училище для р.-к. органистовъ, на 10 мальчиковъ, съ содержаніемъ 1200 р. изъ суммъ Министерства Вн. Дѣлъ.

5) Въ 1876 году, 22 марта, лично былъ въ училищѣ и въ костелѣ Его Сіятельство графъ Э. К. Сиверсъ (сенаторъ, директоръ Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій) и минскій губернаторъ тайный сов. В. И. Чариковъ, и остались очень довольны. Гр. Сиверсъ, въ костелѣ, даже объявилъ народу, что «Государь желаетъ, чтобы были католики, но чтобы не было польскаго языка въ костелахъ.»

6) 8-го мая, въ субботу (день былъ ужасно холодный—3° мороза и шелъ весь день сильный снѣгъ), прибылъ вмѣстѣ съ

---

*) Бумаги С., хранящіяся въ Импер. Публичной Библіотекѣ.

губернаторомъ тайн. сов. Левъ Саввичъ Маковъ (правитель канцеляріи Мин. Вн. Дѣлъ) и, какъ самъ сказалъ, «до глубины души былъ тронутъ пѣніемъ мальчиковъ.» Тайный сов. Маковъ, въ длинной своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ воспитанникамъ школы органистовъ: «Недавно навѣстилъ васъ, дѣти, директоръ Деп. Дух. Дѣлъ, сенаторъ гр. Сиверсъ, и онъ разсказывалъ мнѣ и г. Министру о томъ пріятномъ впечатлѣніи, какое вынесъ изъ вашей школы. Я, не далѣе, какъ послѣ-завтра, буду у г. Министра и доложу ему также о томъ прекрасномъ направленіи, въ какомъ я васъ нашелъ. Помните, дѣти! Оставайтесь всегда такими, какими вы теперь! Глубоко примите къ сердцу и передайте вашему поколѣнію то направленіе, какому васъ учитъ вашъ наставникъ, ибо русскій языкъ нисколько не посягаетъ на догматы исповѣдуемой вами святой римско-католической вѣры, а, напротивъ, онъ вамъ предоставляетъ возможность исповѣдывать таковую въ полной свободѣ. Русскій языкъ только возвращаетъ васъ къ вашей Матери—Россіи, отъ которой васъ оторвали насильно. Но Государь Императовъ, уважая р.-к. религію наравнѣ съ другими христіанскими исповѣданіями, какъ благодѣтель своего народа, желаетъ, чтобы вы, оставаясь вѣрными своей р.-к. вѣрѣ, были-бы вѣрноподданными. Дѣти! Кто отступаетъ и не соблюдаетъ обрядовъ своей религіи, тотъ не можетъ быть вѣрнымъ ни Отечеству, ни Государю.»

На эти слова я отвѣтилъ: «Ручаюсь, что они, католики, никогда не измѣнятъ своему Отечеству Россіи, а теплыя слова Вашего Превосходительства до гроба останутся у нихъ въ памяти.»

На это Маковъ подалъ мнѣ руку.»

Вторая рукопись—«*Замѣтка*» (1876 г., 23 ноября) такого содержанія:

«Ничего смѣшнѣе и глупѣе быть не можетъ, какъ довѣрчивость, непониманіе сущности дѣла, недальновидность и ничѣмъ неодолимое заискиваніе съ площадною и низкою заботливостью русскихъ—постоянно угодить и получить себѣ всегда ироническую польскую похвалу. Но вышеописанная черта русскаго тогда только является во всей своей силѣ, когда полякъ, по своей привычкѣ, гордясь и пренебрегая русскимъ, относится ко всему свысока и покровительственно. А тамъ, гдѣ полякъ, поистинѣ преданный Правительству и Россіи, держитъ себя далеко отъ всѣхъ политическихъ интригъ и низостей польской бунтовщической партіи, часто сердечно и неподдѣльно исполняетъ принятую на себя обязанность, тамъ, повторяю, русскій пренебрегаетъ и даже угнетаетъ такого поляка. Касательно довѣрчивости русскихъ и недальновидности ихъ, заискиванія ради пох-

валы у поляковъ и насмѣшки отъ послѣднихъ, получаемой русскими въ отвѣтъ, достаточно привести два примѣра:

1) Въ Минскѣ есть докторъ (если этимъ титуломъ можно назвать ничего непонимающаго и ниже всякой критики стоящаго эскулапа) по фамиліи К . . . .ій. Человѣкъ этотъ—верхъ фанатизма, полонизма, интриги и глупости, но и адскаго лукавства. Всю жизнь проводя у ксендзовъ, въ монастыряхъ, квартируя у епископа Войткевича, онъ былъ центральнымъ комитетомъ и передаточной конторою всевозможныхъ сплетенъ, интригъ и тайныхъ свѣдѣній. Это—огниво и цѣпь всѣхъ и со всевозможными мѣстами и лицами; это—польско-іезуитскій агентъ, вездѣ и всюду готовый услужить въ пользу польской справы.—И этотъ человѣкъ, въ одно и то же время, состоялъ домашнимъ докторомъ чуть не всего русскаго политическаго и бюрократическаго міра. Губернаторъ, полиціймейстеръ, а, главное, оберъ и штабъ-офицеры жандармскіе, были и есть въ рукахъ и управленіи доктора К . . . .о. И какъ-же тутъ смотрѣть на эту комедію?!....

2) Второй примѣръ. Когда я, не желая брать ни одной копѣйки за похороны, катафалкъ, мѣсто на кладбищѣ, однимъ словомъ, отказываясь не менѣе, чѣмъ на 50 р. въ пользу сиротъ, оставшихся послѣ смерти учителя Озембловскаго, пожелалъ похоронить его потому только, что онъ умеръ на службѣ и состоялъ попечителемъ моего училища для органистовъ, то вдова Озембловскаго сказала, что она желаетъ, дабы все было на польскомъ языкѣ и она не желаетъ, дабы ксендзъ, употребляющій русскій языкъ, хоронилъ ея мужа, правовѣрнаго католика. Конечно, мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ отказаться отъ предложенія моей услуги, хотя за упокой Озембловскаго я совершилъ траурную литургію; объ этомъ никто изъ родственниковъ и не зналъ. Но когда обо всемъ этомъ узналъ губернаторъ, то онъ не согласился, дабы въ похоронной процессіи участвовали гимназисты и штатъ гимназіи. За то, не говоря уже о полякахъ, но директоръ гимназіи Мудровъ, начальница гимназіи генеральша Рейхнау, въ продолженіи трехъ дней, не давали мнѣ покою, почему я поспѣшилъ объявить о вышесказанныхъ мнѣ словахъ г-жи Озембловской. Еслибы я этого не сказалъ многимъ, еслибы не дошло все до свѣдѣнія губернатора, то гимназисты участвовали-бы въ похоронахъ; а еслибы я и сказалъ послѣ, то уже это ничего-бы не составляло. Вотъ—образчикъ заискиванія русскихъ у поляковъ; хотя эти послѣдніе и плюютъ имъ въ глаза, они все-таки оботрутся и опять подставятъ лицо, зная, что этимъ угодятъ своимъ господамъ. А пора, давно пора понять, какъ однимъ, такъ и другимъ, что все это комедія, опасно и вредно.»

17 декабря 1876 г., за № 869, *) препровождая Директору

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов.

Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. гр. Сиверсу памятную записку Сенчиковскаго по вопросу о русскомъ языкѣ въ богослуженіи р.-к. костела, В. И. Чариковъ пишетъ:

«Озабочиваясь установленіемъ между духовенствомъ р.-к. исповѣданія правильныхъ взглядовъ на отношеніе русскаго языка къ богослуженію въ костелахъ, я обратился къ визитатору 1-го визитаторства кс. Сенчиковскому съ просьбою указать тѣ каноническія основанія, въ силу коихъ употребленіе народнаго языка въ католическомъ богослуженіи почитается дозволеннымъ. Вслѣдствіе чего кс. Сенчиковскій, въ письмѣ отъ 8 сего дек. за № 1188, представилъ мнѣ подробныя извлеченія, какъ изъ книгъ священнаго писанія, такъ равно изъ папскихъ постановленій (буллъ) и позднѣйшихъ толкователей правилъ католической вѣры, коими указывается, что употребленіе народнаго нарѣчія не только ни мало не противорѣчитъ догматамъ католической религіи, но даже одобрено, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣнено въ обязанность Зселенскими Соборами и Папами.

Имѣя въ виду, что извлеченіе это представляетъ собою довольно полный догматическій очеркъ этого вопроса, я считаю долгомъ препроводить В. С—ву копію вышеупомянутаго письма кс. Сенчиковскаго за № 1188, дабы впослѣдствіи, когда въ другихъ губерніяхъ будетъ вводиться дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, какъ нынѣ въ Минской губерніи, имѣть факты къ обличенію лицъ, относящихся враждебно къ сему дѣлу.»

Скоро Сенчиковскій выпустилъ въ свѣтъ свой знаменитый «циркуляръ къ р.-к. духовенству Минской губерніи», который въ свое время надѣлалъ столько шума, не утерявъ значенія и въ наши дни, хотя, какъ мы имѣли возможность неоднократно въ томъ убѣдиться, совершенно забытый, особенно тѣми, кому о немъ болѣе всего знать надлежитъ, т. е. губернской администраціи Бѣлоруссіи и Сѣверо-Западнаго края.

Приведемъ здѣсь полностью этотъ замѣчательный, историческій документъ.

«Циркулярно.

Римско-католическому духовенству Минской губерніи.

Господинъ управляющій Виленскою римско-католическою епархіею прелатъ Жилинскій, отъ 19-го іюля сего года за № 1059, увѣдомилъ меня, что, согласно его ходатайству и представленію, Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть: учредить въ Минской губерніи двѣ постоянныя визитаторскія должности, и о назначеніи меня визитаторомъ въ 1-мъ визитаторствѣ Минской губерніи. О подробностяхъ

этого назначенія вы уже увѣдомлены указомъ консисторіи; но для руководства, въ случаѣ необходимыхъ сношеній Вашихъ и духовенства съ своимъ визитаторомъ, нахожу нужнымъ сообщить Вамъ выдержки изъ составленной прелатомъ Жилинскимъ и Высочайше утвержденной данной мнѣ инструкціи. При чемъ прошу обратить вниманіе ваше на важность инструкціи, такъ какъ таковая должна быть и будетъ буквально исполнена и приведена въ дѣйствіе. Для замѣчанія и распоряженія визитатора, прошу распорядиться, дабы въ каждомъ приходѣ (хотя-бы и вакантномъ) была шнуровая книга, которую представить ко мнѣ для подписи и приложенія визитаторской печати.

При семъ считаю долгомъ присовокупить, что русскій языкъ разрѣшено и поручено употреблять въ дополнительномъ нашемъ римско-католическомъ богослуженіи, единственно имѣя въ виду благо, спокойствіе края, а равно и той части населенія, которая исповѣдуетъ римско-католическую религію. Мѣра эта нисколько не противна духу святой католической религіи и нисколько не измѣняетъ римско-католическіе соблюдаемые нами обряды; напротивъ, Государь Императоръ, въ отеческой заботливости о всѣхъ Своихъ вѣрноподданныхъ, предоставляетъ намъ, католикамъ, полную свободу исповѣданія святыхъ догматовъ римско-католическаго костела.

Языкъ, какой-бы ни употреблялся нами во время молитвы, нисколько не измѣняетъ и не портитъ самой молитвы; ибо, по словамъ Спасителя, Богъ смотритъ не на слова, но на сердце и чувства, съ какими мы эту молитву совершаемъ. Неужели апостолы напрасно получили даръ духа святого говорить на всѣхъ языкахъ? Неужели французы, нѣмцы, испанцы, итальянцы, жмуйдины и латыши въ Витебской и Ковенской губ. грѣшатъ изъ за того только, что они не знаютъ польскаго языка, и молятся на своемъ природномъ языкѣ? Религія насъ учитъ, что Богъ насъ накажетъ на страшномъ судѣ, и потребуетъ отъ насъ отчета, не за то, на какомъ языкѣ мы говорили или молились, но за то, ка̀къ мы молились и что̀ говорили. Если мы будемъ на польскомъ языкѣ осуждать ближнихъ, чернить ихъ и не уважать старшихъ; если, держа въ рукахъ книгу для молитвы на польскомъ языкѣ, мы разсѣянно, съ пренебреженіемъ и только для глазъ людскихъ будемъ молиться, то неужели, повторяю, этакая наша молитва понравится Богу? Неужели на русскомъ языкѣ произнося сердечную молитву или защищая честь ближняго, мы лишаемся заслуги, или ближній нашъ не воспользуется? Къ сожалѣнію есть лица, которыя называются католиками, но которыя своими поступками стыдятъ и поносятъ самое имя католика; многіе, говоря на польскомъ языкѣ, клевещутъ, осуждаютъ и чернятъ другъ друга; да при этомъ о исповѣди, молитвѣ и постахъ и слушать не хотятъ; напротивъ, они

позволяютъ себѣ шутить надъ самою религіею и святыми обрядами. Да развѣ это католики? Это скорѣе враги католической религіи, враги общественнаго спокойствія и счастія! Такіе люди желаютъ счастья только польскому языку, а не католической религіи; они служатъ интригамъ и не согласному съ духомъ христіанства фанатизму, но не Богу и Его святой вѣрѣ!

Употребленіе русскаго языка въ дополнительномъ нашемъ римско-католическомъ богослуженіи предуказано Высочайшею волею Государя Императора,—тою державною волею, которая освободила крестьянъ отъ крѣпостного состоянія, установила порядокъ всеобщей воинской повинности и даровала всѣмъ вѣрноподданнымъ судъ скорый, правый и милостивый.

А такъ какъ употребленіе русскаго языка есть дѣло чисто гражданское, чисто народное, а не религіозное, то Правительство имѣетъ полное право требовать отъ своихъ гражданъ и подданныхъ повиновенія и исполненія этого требованія. Мы—же, духовные, мы, руководители ввѣренной намъ паствы Христовой, мы, учителя правды и блюстители исполненія божественнаго закона, даннаго намъ Іисусомъ Христомъ, неужели поведемъ нашихъ прихожанъ путемъ лжи и неправды? Мы постоянно объясняемъ народу слова священнаго писанія: «Нѣтъ власти, какъ только отъ Бога, а кто сопротивляется власти, тотъ сопротивляется самому Богу.» Мы повторяемъ слова Спасителя: «Отдайте Богу Божье, а Царю Царское». И неужели эти слова будутъ для насъ только пустымъ звукомъ? Неужели мы, первые, ради нелѣпыхъ и ни на чемъ не основанныхъ толковъ и фанатическихъ взглядовъ, позабывъ нашъ долгъ и священническій санъ, дадимъ дурной примѣръ неповиновенія законной власти? Мы укоряемъ прихожанъ за ихъ неповиновеніе и неуваженіе къ старшимъ, мы слѣдимъ, дабы дѣти уважали своихъ родителей, мы требуемъ чести и уваженія для самихъ себя; какое-же послѣ этого можемъ имѣть оправданіе, если мы сами, неповинуясь волѣ Правительства и епархіальнаго начальства, поведемъ нашу паству путемъ лжи и неправды. Народъ,—это воскъ въ рукахъ духовенства; надо только разъяснить ему истину, разъяснить добросовѣстно и честно— и дѣло приметъ вѣрное направленіе! Какой-же это будетъ пастырь, если онъ допуститъ, дабы имъ руководили овцы? Если ради своей матеріальной выгоды онъ губитъ прихожанъ?

Поэтому, повторяю, мы, духовные, обязаны быть служителями религіи, а не чуждыхъ ей интересовъ; мы, точно исполняя догматы римско-католической нашей обрядности, первые должны дать примѣръ повиновенія властямъ; мы, оставаясь истинными римско-католиками, вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть вѣрноподданными Государю Императору и Отечеству—Россіи; этого отъ насъ требуетъ нашъ санъ и званіе, святая римско-католическая наша

религія, и благо нашихъ прихожанъ, за которыхъ мы дадимъ строгій отчетъ на страшномъ судѣ.

Поэтому мы не должны обращать вниманія на толки и взгляды лицъ, превратно смотрящихъ на дѣло, и непонимающихъ его сущности, но, добросовѣстно и твердо разъясняя истину, мы обязаны вывести нашихъ прихожанъ изъ того грубаго невѣдѣнія и заблужденія, въ которомъ его держалъ полонизмъ; и коль скоро этого не сдѣлаемъ, тогда погубимъ самихъ себя, погубимъ паству и наши костелы.

Не забудемъ, что народъ, обитающій въ предѣлахъ Минской губерніи, есть народъ бѣлорусскій, природный языкъ коего есть русскій языкъ; что поляки представляютъ собою лишь ничтожное меньшинство населенія, и что только, въ силу неблагопріятно сложившихся историческихъ обстоятельствъ, нѣкоторая часть нашихъ простолюдиновъ усвоила себѣ польскую рѣчь.

Вотъ то убѣжденіе, какимъ исполнено мое сердце, по причинѣ употребленія русскаго языка. Вотъ на основаніи чего я пожелалъ, при вступленіи моемъ въ должность визитатора, раздѣлить мои чувства съ духовенствомъ. Молю Бога, дабы Онъ послалъ намъ всѣмъ крѣпость и силу, въ такомъ великомъ дѣлѣ, на полѣ нашего служенія; дабы не только словомъ, но примѣрною жизнію мы поощряли ввѣренную намъ паству Христову къ исполненію заповѣдей Божіихъ, требованій нашей святой римско-католической религіи и Богомъ поставленнаго надъ нами нашего Монарха.

Настоящую мою бесѣду поручаю Вашему Высокопреподобію циркулярно объявить духовенству ввѣреннаго Вамъ деканата. Копію—же внести въ книгу, вновь составленную для визитаторскихъ замѣчаній и распоряженій, и объ исполненіи настоящаго прошу меня увѣдомить съ вашимъ заключеніемъ, касательно мѣстностей и лицъ, особо выдающихся своими поступками или обстоятельствами, дабы я имѣлъ полную возможность постоянно и неуклонно слѣдить за ходомъ дѣла.

При семъ прилагаю выдержки изъ инструкціи и затѣмъ наскоро составленную, для болѣе нагляднаго образумленія нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, замѣтку злоупотребленій, совершаемыхъ на польскомъ языкѣ, постановленій соборовъ и повелѣнія Папъ, относящихся къ употребленію народнаго языка въ добавочномъ римско-католическомъ богослуженіи.»

«Выдержки изъ Высочайше утвержденной инструкціи, данной визитаторамъ костеловъ Минской губерніи.

§ 1.

Визитаторъ обязанъ не менѣе двухъ разъ въ годъ объѣзжать костелы и каплицы входящихъ въ составъ его визитатор-

ства уѣздовъ; при чемъ онъ долженъ производить подробную каноническую ревизію, провѣрять церковныя суммы и имущество и обращать особенное вниманіе на дѣло употребленія русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи и проповѣди, наблюдая, дабы этотъ порядокъ былъ неуклонно поддерживаемъ тамъ, гдѣ онъ уже введенъ и содѣйствуя къ введенію онаго въ другихъ костелахъ своего визитаторства.

§ 2.

При объѣздѣ своего визитаторства, визитаторъ совершаетъ въ костелахъ богослуженіе (дополнительное) на русскомъ языкѣ, и въ костелахъ, гдѣ таковой еще не введенъ, представляетъ свое мнѣніе епархіальному и гражданскому начальству о введеніи въ ономъ русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи и проповѣди.

§ 3.

Визитаторъ обращаетъ, при своемъ объѣздѣ, особенное вниманіе на органистовъ, которые опредѣлены къ костеламъ изъ Минскаго училища органистовъ; при чемъ, въ случаѣ справедливыхъ жалобъ ихъ на притѣсненія, оказываетъ имъ надлежащее удовлетвореніе и покровительство.

§ 4.

Визитаторъ имѣетъ строгій надзоръ за нравственностью и благонадежностію ксендзовъ своего визитаторства

§ 5.

Въ видахъ вліянія на нравственность приходского духовенства, визитаторъ можетъ назначать реколекціи или духовныя бесѣды, согласно каноническому праву.

§ 6.

Визитаторъ обращаетъ вниманіе на внѣшній и внутренній видъ костеловъ, особенно тѣхъ, гдѣ введенъ въ употребленіе русскій языкъ, и, въ случаѣ надобности, ходатайствуетъ объ отпускѣ денегъ на починку.

§ 7.

Визитаторъ разрѣшаетъ споры и недоразумѣнія, могущіе возникнуть между настоятелями, ихъ викарными или органистами.

§ 8.

Визитаторъ можетъ ходатайствовать у г. Губернатора о разрѣшеніи совершать въ приходахъ, гдѣ въ дополнительномъ

богослуженіи и проповѣдяхъ употребляется русскій языкъ, крестные ходы вокругъ костела.

§ 9.

Визитаторъ можетъ ходатайствовать о наградахъ и пособіяхъ духовнымъ лицамъ своего визитаторства, отличившимся рвеніемъ къ дѣлу о введеніи русскаго языка въ дополнительное богослуженіе и проповѣди, и представляетъ объ удаленіи или перемѣщеніи ксендзовъ, несочувствующихъ или противодѣйствующихъ этой мѣрѣ.

§ 10.

При объѣздахъ, визитатора долженъ сопровождать мѣстный деканъ; и настоятель костела обязанъ встрѣчать его съ подобающимъ почетомъ, соображаясь съ постановленіями римско-католической Церкви (Rituale Sacramentorum)

§ 11.

Визитаторъ наблюдаетъ, дабы настоятели костеловъ, гдѣ введенъ русскій языкъ, имѣли необходимыя для богослуженія и требъ на русскомъ языкѣ книги.

§ 12.

Визитаторъ обязываетъ настоятелей имѣть особую шнуровую, за его подписью, и печатью, книгу, въ которую онъ вноситъ свои замѣчанія.

Съ подлиннымъ вѣрно: (подписалъ) Вице-Директоръ И. Григорьевъ *).

Управляющій Виленской Епархіею, Оффиціалъ, Прелатъ, Препозитъ Жилинскій.»

«Опущенія и злоупотребленія, противящіяся праву каноническому, и отступленія отъ костельныхъ постановленій, какія совершаетъ р.-к. духовенство, ради поддержки польской политической идеи:

1. Относительно употребленія латинскаго языка тамъ, гдѣ онъ правомъ каноническимъ предписанъ употреблять. Rituale Sacramentorum въ требникѣ значится: «пріобщая народъ Тѣломъ и Кровію Господнею, священникъ обязанъ произносить на латинскомъ языкѣ громкимъ голосомъ, обращеннымъ къ народу: «Ecce Agnus Dei» etc., стр. 88 — между тѣмъ всѣ ксендзы постоянно произносятъ на польскомъ языкѣ: «oto Baranek Boży» etc.

2. При святомъ крещеніи младенца, въ требникѣ на стр. 22 сказано: «Sacerdos clare voce dicit Credo in Deum et Pater Noster», священникъ громко говоритъ: «Вѣрую въ Бога и Отче нашъ»;

---

*) Вице-Директоръ Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій.

между тѣмъ, ксендзы обыкновенно говорятъ на польскомъ языкѣ «Wierzę w Boga i Ojcze Nasz».

3. При похоронахъ умершихъ въ требникѣ на стр. 185 сказано: «Postremo dum perficitur sepultura cani ur perchorum Antipho: Salve Regina». Послѣ окончанія похоронъ, хоръ (органистъ и ксендзъ) поетъ антифону: «Радуйся, Царица». Между тѣмъ, ксендзы постоянно въ этомъ случаѣ поютъ не только на польскомъ языкѣ, но даже такую молитву, которая не находится ни въ одной церковно-служебной книгѣ и не указано, гдѣ и когда ее употреблять: это подъ заглавіемъ «Anioł Pański» (Ангелъ Господень). Гимнъ этотъ положительно не соотвѣтствуетъ даже траурному или похоронному богослуженію, такъ какъ, по своему существу и чисто костельному и религіозному смыслу, заключаетъ въ себѣ радостное и торжественное извѣстіе, провозглашенное Ангеломъ о пришествіи Мессіи и Спасителя рода человѣческаго. Поэтому папы Іоаннъ XXII-й въ 1318 году и Венедиктъ XIII-й въ 1724 году одобрили эту молитву только въ смыслѣ радостномъ, и повелѣли вѣрнымъ читать или пѣть таковую утромъ, въ полдень и вечеромъ, въ то время, когда звонятъ на молитву, но ничуть не при похоронахъ. См. томъ 3-й, стр. 496 и 497, сочиненіе кс. І. Гома (Gaume) и «Разъясненіе обрядовъ и религіозныхъ обычаевъ Римско-Католическаго костела», составленное кс. Іоанномъ Лункевичемъ, Піеромъ, въ 1851 году на стр. 96 и 97-й.

4. При окончаніи Божественной литургіи, обыкновенно ксендзы, въ полномъ облаченіи, подносятъ цѣловать (прикладываться) присутствующимъ на службѣ богачамъ (магнатамъ) Дискосъ (Patena), на которомъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ почивало таинство Тѣла Господняго, частицы котораго нерѣдко еще находятся между рѣзьбою и углубленіями, находящимися на Дискосѣ (Patenie). Между тѣмъ, въ правѣ каноническомъ и обрядахъ костельныхъ сказано: «Дискоса (Patenu) никогда, нигдѣ и никому не давать цѣловать, такъ какъ этотъ священный сосудъ, при освященіи его епископомъ, намазывается Св. Елеемъ, и назначенъ исключительно для непосредственнаго совершенія Таинства Евхаристіи и прямого прикосновенія къ Тѣлу Господнему. См. томъ 4-й, стр. 128-я сочиненія «Разъясненіе (выкладъ) вѣры католической кс. Амврозія Гилуа (Guillois)» въ 1864 году въ г. Вильнѣ.

Эти, нѣсколько, на скоро приведенные мною примѣры, полагаю, ясно опредѣляютъ то явное и упрямое пренебреженіе къ праву каноническому и костельному уставу, какое р.-к. духовенство, ради угожденія богатымъ прихожанамъ, постоянно оказываетъ.

Но многіе мнѣ скажутъ, что хотя въ требникахъ и сказано употреблять въ вышеприведенныхъ случаяхъ латинскій языкъ,

но такъ какъ уже принято и введено употреблять польскій языкъ, такъ пусть и останется. Да кто же это осмѣлился принять и вводить, когда въ требникѣ ясно сказано: анафема за этакій самовольный поступокъ!? Кто осмѣлился замѣнить мертвый каноническо-литургическій, латинскій языкъ, языкомъ живымъ, употребляющимся незначительнымъ числомъ лицъ, которыя по большей части жизнію своею, обычаями и стремленіями, явно и открыто отреклись и пренебрегли всѣми уставами и обрядами римско-католической религіи? Пусть мнѣ покажутъ, кто и кому дозволилъ, кѣмъ и когда разрѣшено измѣнить постановленія Вселенныхъ Соборовъ, такъ дерзко пренебрегаемыхъ ксендзами въ вышесказанныхъ случаяхъ?! Не сами-ли ксендзы произвольно, а нерѣдко съ большимъ вредомъ для религіи, ввели всѣ вышесказанныя и много другихъ злоупотребленій въ нашемъ святомъ костелѣ?

Въ требникѣ (Rituale Sacramentorum), изданномъ съ польскимъ текстомъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо употреблять польскій языкъ, отпечатаны вопросы и молитвы на польскомъ языкѣ. Почему-же духовенство позволило себѣ самовольно употреблять польскій языкъ даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ въ польскомъ даже требникѣ прямо требуется употребленіе латинскаго языка? Если можно было измѣнить даже латинскій текстъ въ совершеніи Таинства, и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ съ перемѣною литургическаго языка даже нѣтъ чѣмъ замѣнить таковаго, какъ употребленіе «Anioł Pański» и когда этою замѣною дѣлается явное посягательство на обряды р.-к. костела и постановленія Соборовъ, то въ добавочномъ, даже не входящемъ въ составъ литургіи, богослуженіи, какъ то молебствіе за Царствующій Домъ, разъясненія народу катихизиса и Евангелія, а тѣмъ болѣе въ предбрачныхъ оглашеніяхъ и въ частныхъ, въ ризницѣ или на дому у ксендза, разговорахъ съ крестьянами, употреблять русскій языкъ не только можно и умѣстно, но даже и необходимо, ибо польская интеллигенція не только не обращаетъ вниманія на требованія костельнаго устава, но нерѣдко, въ самыхъ грубыхъ и неприличныхъ формахъ и словахъ, иронически, и съ пренебреженіемъ относится къ Таинствамъ и заповѣдямъ Господнимъ. Слѣдовательно ксендзу болѣе чѣмъ необходимо, изъ мало просвѣщенныхъ нашихъ крестьянъ, мѣщанъ и шляхтъ прихожанъ, пріобрѣсть сознательныхъ сыновъ религіи.

Сердце сжимается отъ грусти, какъ подумаешь, насколько обширна, какъ невоздѣлана и какъ настойчиво требуетъ нашихъ усиленныхъ трудовъ вышепоименованная часть ввѣренной намъ паствы Христовой! Низшій классъ нашихъ прихожанъ, при усердномъ трудѣ и при христіанскомъ правильномъ со стороны ксендза направленіи, не только можетъ, но несомнѣнно принесетъ пользу обществу, костелу и славѣ Бога. Надо только на-

шему духовенству серьезно относиться къ своей прямой должности, которая обязываетъ не льстить гордости нѣкоторыхъ лицъ, и безъ этого тяжело грѣшныхъ въ этомъ проступкѣ, но необходимо на понятномъ и родномъ языкѣ, понятномъ для неразвитаго ума словомъ, разъяснять въ чисто религіозномъ духѣ заповѣди Божія и церковныя, а также, и обряды Римско-Католической Религіи. Ибо какъ тяжело отвѣтятъ предъ Богомъ тѣ ксендзы, которые, упрямо держась ложнаго пути, не только не пользуются величайшею щедротою Августѣйшаго Монарха, дозволяющею намъ на понятномъ для народа языкѣ разъяснять ему Законъ Божій и религіозные римско-католическіе обряды, но еще и противодѣйствуя этой благодѣтельной мѣрѣ, губятъ простой и невинный народъ, губятъ костелы и подвергаютъ Религію опасности.

Что-же касается опредѣленія Священнаго Писанія, постановленій Соборовъ и Папскихъ повелѣній объ употребленіи народнаго мѣстнаго языка въ добавочномъ римско-католическомъ нашемъ богослуженіи, то достаточно опредѣляютъ эту возможность ниже приведенные примѣры. Итакъ:

Въ Еван. Св. Матѳея, гл. 28-я, стихъ 19-й «И такъ, идите научайте всѣ народы,» стихъ 20-й: «уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ.» Въ Дѣяніи Апостоловъ гл. 2-я, стихъ 4-й: «И исполнились всѣ Духа Святаго, и начали говорить на другихъ языкахъ». На основаніи чего въ 879 году Папа Іоаннъ VIII писалъ къ Св. Меѳодію Архіепископу Панноніенскому: «Такъ какъ Костелъ Божій распространился по всему земному шару и оглашается для всѣхъ народовъ, то проповѣдывать (религію) на разговорѣ, употребляемомъ народомъ, тебѣ дозволительно, ибо и Псалмиста говоритъ (пс. CXVI-й): «Всѣ народы да славятъ Господа,» и Апостолъ Павелъ къ Филиппійцамъ (гл. II-я, стихъ II-й): «Да исповѣдуетъ всякій языкъ, что Іисусъ есть въ славѣ Бога-Отца.» Этотъ-же Папа Іоаннъ VIII, въ 880 году, писалъ къ Князю Святополку: «Не только всѣ народы, но и на всѣхъ языкахъ, да славятъ Бога всѣ народы» (Пс. 116, стихъ I-й).

Дальше пишетъ Папа Іоаннъ VIII-й: «Но не вѣрою только, да и ученіемъ, именно чтеніемъ Св. Евангелія или Апостола, Ветхаго и Новаго Завѣта, хорошимъ разъясненіемъ и чтеніемъ другихъ гимновъ и богослуженія на языкѣ славянскомъ, ибо Кто создалъ три главные языка: еврейскій, греческій и латинскій, Тотъ сотворилъ и многіе другіе, для Своей славы и чести. Поэтому желаемъ, дабы во всѣхъ костелахъ земли Вашей (Святополка) для бóльшей чести (Бога), остальное (богослуженіе) на языкъ славянскій переведено и народу объявлено было, такъ какъ это дѣлается и въ другихъ костелахъ.» Вотъ буквальный переводъ письма Папы Іоанна VIII-го. См. Исторія Костельная Іоанна Альзога, исправленный переводъ кс. Станиславомъ Кра-

синскимъ, б. епископомъ Виленскимъ, томъ 2-й, стр. 123-я; текстъ этотъ писанъ на латинскомъ языкѣ.

Въ книгѣ подъ заглавіемъ «Объясненіе обрядовъ Римско-Католическаго костела» («Wykład Obrzędów Rzymsko-Katolickiego Kościoła»), въ 1851 году изданной ксендзомъ Іоанномъ Лункевичемъ, Піаромъ, и поднесенной б. епископу и митрополиту Вацлаву Жилинскому, на стр. 162-й сказано: «Въ V вѣкѣ начали переводить (даже) литургію на многіе современные языки, отъ этого взяло начало совершеніе обрядовъ на разныхъ языкахъ». «Въ IX-мъ и X-мъ вѣкахъ переведена опять тоже литургія на славянскій языкъ для христіанъ Моравіи и Руси, и на этомъ языкѣ (не только обряды), но и литургію начали совершать.» См. «Обряды кс. Лункевича» («Obrzędy ks. Łunkiewicza, Pijara»).

Но кому-же неизвѣстно сочиненіе кс. Гома (Gaume), подъ заглавіемъ: «Цѣлость и основы вѣры Католической» («Zasady i całość Wiary Katolickiej»). Сочиненіе это одобрено Папою Піемъ IX и всѣми нашими епископами, издано въ Варшавѣ, въ 1854 году; въ 7-мъ томѣ на стр. 139-й значится: «Несправедливо порицаютъ Римско-Католическій Костелъ, что по причинѣ употребленія латинскаго языка, вѣрные лишены возможности знать то, что заключаетъ въ себѣ католическое богослуженіе; напротивъ, костелъ далекъ отъ всякаго препятствія къ этому знанію; онъ повелѣлъ своимъ пресвитерамъ (ксендзамъ), дабы они объясняли народу значеніе всѣхъ обрядовъ, а также сущность публичнаго богослуженія». См. Соборъ Тридентинскій, засѣданіе XXII-е постановленія, глава 8-ая («Conc. Frid. sess. XXII, c. 8»). «Да, главное, Костелъ не воспрещаетъ переводить даже молитвы, входящія въ составъ Св. Миссы (Missae), вслѣдствіе чего народъ имѣетъ на родномъ языкѣ разъясненіе того, что у алтаря совершаетъ священникъ.» Вотъ что гласитъ эта, единственная для римско-католика, книга,--единственная по своему авторитету, ясности и подробности.

Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Объясненіе Вѣры Католической» (Wykład Wiary Katolickiej), одобренномъ Папою Піемъ IX и многими нашими епископами, изданномъ кс. Амврозіемъ Гиліомъ (Gillois), въ 1864 году вновь изданномъ въ г. Вильнѣ, въ 4-мъ томѣ, на стр. 43-й, приводятся слова Тредентинскаго Собора, XXII-го засѣданія 8-й главы, въ которой говорится слѣдующее: «Римско-Католическій костелъ желаетъ, дабы дѣти Его не были лишены духовной пищи; поэтому Святой Соборъ повелѣваетъ всѣмъ пастырямъ и священникамъ объяснять народу нѣкоторые обряды литургіи и пр.». На стр. 44-й этого-же тома, кромѣ вышеприведеннаго письма Папы Іоанна VIII-го къ Св. Меѳодію, находится еще замѣчательный документъ слѣдующаго содержанія: «Въ IV-мъ вѣкѣ, Іоаннъ де-Монтекорвино (Jan de Montekorwino), проповѣдуя Св. Евангеліе *татарамъ*, перевелъ и совер-

шалъ Божественную литургію на мѣстномъ татарскомъ языкѣ; Папа Климентъ V-й не только не взыскивалъ за это, но наградилъ Іоанна, сдѣлавъ его архіепископомъ Комбаліотскимъ (Combaliath).»

Въ XVI-мъ вѣкѣ Папа Павелъ V-й буллою дозволилъ іезуитамъ переводить на китайскій языкъ римскій служебникъ и совершать даже литургію на этомъ языкѣ.» (См. Ks. Pasca lorf Longue liturgigue).

О постановленіи Папы Климента - о томъ, что духовенство должно произносить проповѣди и при исполненіи христіанскихъ требъ, кромѣ латинскаго языка, употреблять языкъ мѣстный, народный (Lingua vulgari) всякій, кто мало-мальски занимался и внималъ въ семинаріи и академіи, навѣрно помнитъ, ибо не однажды объ этомъ объясняли профессора.

Вотъ тѣ данныя, и данныя, ничѣмъ не опровергнутыя, тѣ каноническія постановленія Соборовъ и римско-католическихъ Папъ, записанныя и опубликованныя въ послѣднее время изданными польско-литературными и чисто римско-католическаго содержанія сочиненіями, которыя, своею громадною пользою для римско-католическаго костела, пріобрѣли похвалу не только всего католическаго міра, но и Главы католицизма,—Папы Пія IX-го и всѣхъ нашихъ епископовъ. Чего-же больше нужно? И какія нужны доказательства на то, что употребленіе русскаго языка въ католицизмѣ, въ Россіи, для русскаго народа, исповѣдующаго римско-католическую религію, не только возможно, но и необходимо. Латинскій языкъ, какъ литургическій, онъ долженъ остаться, онъ остается и его никто не смѣетъ тронуть—ибо это опредѣлено Соборами, канонами и Папами; но замѣна одного гражданскаго языка другимъ, тоже гражданскимъ языкомъ, совершенно дозволительна и справедлива. И такъ, Богу, Папѣ и Соборамъ рѣшительно все равно, на какомъ языкѣ кто говоритъ, лишь-бы только онъ былъ праведнымъ католикомъ и исполнялъ по совѣсти римско-католическіе обряды.

Везитаторъ костеловъ каноникъ *Ф. Сенчиковскій.*»

На подаренныхъ мнѣ Сенчиковскимъ «циркулярахъ» есть позднѣйшія, печатныя-же, справки, указывающія, что, живя въ разныхъ мѣстахъ, покойный возобновлялъ неоднократно это изданіе,—при томъ каждый разъ съ разрѣшенія того начальства, въ предѣлахъ власти котораго онъ жилъ. Послѣдняя такая справка относится въ 1904 году, когда онъ жилъ на покоѣ въ Омскѣ.

Одинъ экземпляръ этого, новаго, своего произведенія, Сенчиковскій, конечно, поспѣшилъ представить по-начальству, Жилинскому, какъ-бы въ отвѣтъ на тщетныя попытки прелата—обезвредить его, Сенчиковскаго, и на нескрываемое отъ подчи-

невнаго духовенства, въ интимныхъ бесѣдахъ, Жилинскимъ мнѣніе послѣдняго—о невозможности довести до конца начатую Правительствомъ реформу по введенію русскаго языка въ р.-к. костелы.

Въ то-же время циркуляръ явился, лишній разъ, открытымъ исповѣданіемъ Сенчиковскимъ своей политической вѣры, а также серіозною угрозой и предостереженіемъ для упорствующихъ и противодѣйствующихъ въ средѣ ксендзовскаго лагеря—со стороны только что назначеннаго визитатора.

Въ виду того, что «циркуляръ» Сенчиковскаго шелъ на встрѣчу взглядамъ Правительства, нашелъ полное себѣ сочувствіе и въ Министерствѣ Вн. Дѣлъ, и у Минскаго губернатора, прелату Жилинскому ничего не оставалось, какъ выразить гласно одобреніе этому документу.

Въ формулярномъ о службѣ Сенчиковскаго спискѣ, поэтому, мы читаемъ:

«1876 г., 28 декабря, за № 2066, получилъ отъ г. управляющаго Виленскою р.-к. епархіей прелата Жилинскаго благодарность за составленіе и изданіе циркуляра къ духовенству 1-го визитаторства, разъясняющаго законность употребленія русскаго языка въ дополнительномъ р.-к. Богослуженіи.»

Въ связи съ тѣмъ-же «циркуляромъ» было и награжденіе Сенчиковскаго 27 марта 1877 года орденомъ Св. Станислава 2 ст.

Излишне было-бы распространяться о томъ градѣ брани, клеветы, анонимовъ, который усиленно посыпался на голову смѣлаго сына Бѣлоруссіи—въ отвѣтъ на ошеломляющее впечатлѣніе, произведенное въ обществѣ и ксендзовскомъ мірѣ этимъ документомъ.

Печатая на своихъ страницахъ, въ выдержкахъ, «циркуляръ» Сенчиковскаго къ р.-к. духовенству о русскомъ языкѣ въ дополнительномъ р.-к. богослуженіи, редакція «Литовскихъ Епарх. Вѣдомостей» *) сопровождаетъ его такими разсужденіями:

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вопросъ объ обрусеніи нашей западной окраины считался вопросомъ очереднымъ, и наша журналистика занималась почти исключительно имъ однимъ. Въ настоящее время вопросъ этотъ заслоненъ другими, болѣе жгучими современными вопросами, вызванными внутренними и внѣшними событіями послѣдняго времени. Это невниманіе русской журналистики къ одной изъ важнѣйшихъ задачъ нашей внут-

*) «Лит. Епарх. Вѣдомости» 1878 г. № 35. Позаимствовано изъ «корреспонденціи изъ Минска» въ «Современныхъ Извѣстіяхъ.»

ренней политики, нельзя, однако, объяснять тѣмъ, что дѣло обрусенія Западнаго края поставлено надлежащимъ образомъ и не требуетъ уже никакого содѣйствія со стороны русскаго общества поборникамъ русскаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ. Нѣтъ, русскому обществу не слѣдуетъ успокаивать себя такими увѣреніями: осуществленіе задачи еще далеко и поборникамъ русскаго дѣла предстоитъ много труда, много усилій.

Къ числу наиболѣе видныхъ и почтенныхъ дѣятелей, посвятившихъ себя служенію русскому дѣлу въ здѣшнемъ краѣ, принадлежитъ визитаторъ костеловъ Виленской р.-к. епархіи, о. Сенчиковскій. Начиная съ 1876 года, когда были изданы правила о введеніи русскаго языка въ дополнительное р.-к. богослуженіе, о. визитаторъ не перестаетъ стремиться къ осуществленію предположенной имъ задачи. Въ видахъ ознакомленія русскаго общества съ характеромъ дѣятельности о. визитатора, позволяемъ себѣ привести выписки изъ его циркуляра духовенству перваго визитаторства здѣшней губерніи, которому были препровождены извлеченія изъ Высочайше утвержденной инструкціи визитаторамъ костеловъ.»

Въ сотняхъ отпечатанныхъ въ приведенномъ выше видѣ экземпляровъ покойный раздавалъ, затѣмъ, въ теченіи всей своей долгой жизни, «циркуляръ», сперва обращаясь къ подчиненному духовенству, потомъ, сойдя съ политической арены, какъ оправдательный для себя документъ, а въ концѣ жизни—просто въ качествѣ исторической справки изъ своего бурнаго прошлаго.

Одинъ изъ экземпляровъ циркуляра, сохранившійся въ его бумагахъ, адресованъ покойнымъ 24 декабря 1876 г., за № 1355 (изъ г. Минска) «Филіалисту Волчкевичскаго филіальнаго костела» и подаренъ мнѣ покойнымъ съ такой надписью:

«Не принялъ и возвратилъ мнѣ этотъ циркуляръ. Это—кс. Валентыновичъ. Такой гусь!»

Къ слѣдующему, 1877 году, относится неудавшаяся попытка Сенчиковскаго получить степень магистра богословія. *)

4 января этого года подаетъ онъ въ С.Петербургскую Р.-К. Духовную Академію прошеніе, въ которомъ ходатайствуетъ, на предметъ полученія вышеупомянутой ученой степени, назначить ему тему для составленія закономъ опредѣленной диссертаціи и разрѣшить держать устное испытаніе въ Виленской р.-к. семинаріи.

При этомъ онъ представляетъ свидѣтельство отъ губернатора о своей благонадежности и удостовѣреніе отъ управля-

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча.

ющаго Виленской епархіей о неимѣніи препятствій на полученіе сказанной степени.

Ректоръ Академіи прелатъ Рокицкій (15 янв. 1877 г., № 28) *) увѣдомилъ Сенчиковскаго, что, за непредставленіемъ имъ требуемыхъ закономъ документовъ, Конференція Академіи постановила оставить его просьбу безъ удовлетворенія.

Послѣ представленія въ Академію требуемыхъ документовъ, ректоръ Рокицкій сообщилъ Сенчиковскому, (который, между прочимъ, просилъ о томъ, что если нельзя допустить его къ соисканію степени магистра богословія, то предоставить ему «возможность потрудиться для пріобрѣтенія степени кандидата»), препровождая ему тему для диссертаціи:

«Вслѣдствіе прошенія Вашего отъ 5 февр. сего года, Конференція Р.-К. Дух. Академіи, въ засѣданіи своемъ, 21 минувшаго іюня состоявшимся, опредѣлила допустить Васъ къ соисканію степени кандидата богословія.»

Но къ этому времени жизнь Сенчиковскаго на столько осложнилась, горизонтъ, его окружавшій, сталъ на столько мраченъ и грозенъ, что ему было уже не до ученыхъ степеней, не до сочиненій на схоластическія, отвлеченныя темы.

Надо было думать чаще и чаще о спасеніи себя и тѣхъ, кто довѣрился ему въ дѣлѣ обрусенія католицизма.

Въ январѣ 1877 г. у Сенчиковскаго является отчаянная мысль—какъ послѣднее, крайнее средство, по поводу введенія русскаго языка въ дополнительное богослуженіе р.-к. костела, обратиться съ письмомъ къ самому Папѣ—въ лицѣ ксендзовъ, сочувствующихъ реформѣ.

Онъ составляетъ даже проектъ такого письма,**) въ которомъ пишетъ Римскому Первосвященнику:

«Ваше Святѣйшество,

Святѣйшій Отецъ!

Постоянныя клеветы и злословіе враговъ Святого Р.-К. нашего Костела, подъ видомъ услуги и доброжелательства, своими фарисейскими продѣлками безпокоятъ Костелъ нашъ и водворяютъ вражду и ненависть между слугами религіи и вѣрными сынами Костела и Вашего Святѣйшества. Враги Костела только желаютъ, къ тому только и стремятся, дабы засѣять вражду и раздоръ между видимымъ Главою Костела и Его членами. Но, при помощи Бога, всѣ усилія ихъ были и будутъ напрасны и

---

*) Тамъ-же.

**) Изъ бумагъ С., хранящихся въ Импер. Публ. Библіотекѣ и изъ дѣла Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. № 63 «Свящ. Сенчиковскій».

безполезны, ибо цѣпь и огниво, соединяющая и связывающая насъ съ Наслѣдникомъ Апостола Петра, такъ сильна и такъ крѣпка, что всѣ усилія ада не въ состояніи сокрушить духовной ея силы, хранящейся въ глубинѣ душъ вѣрныхъ католиковъ. Любовь къ Богу и къ религіи, любовь къ р.-к Костелу и видимой Главѣ Его, Вашему Святѣйшеству, глубоко вскоренилась въ сердцахъ нашихъ. Еще въ дѣтскихъ лѣтахъ нашей жизни, родители наши, при помощи Бога, успѣли влить въ наши души глубокую честь, уваженіе и безграничную вѣру въ р.-к. догматы. Чувства эти, увеличиваясь съ нашимъ возрастомъ, были поводомъ непоколебимаго и твердаго желанія,—въ духовномъ санѣ посвятить себя всецѣло на службу Костела и спасенію душъ ближнихъ. Въ семинаріи мы добросовѣстно старались усвоить и сознательно понять преподаваемые намъ Богословіе и догматическія науки и, благодаря Бога, мы, насколько доступно намъ было, поняли и любили таковыя. Во время-же многолѣтнихъ нашихъ іерейскихъ трудовъ въ виноградникѣ Христовомъ, мы не пропустили ни одного удобнаго случая для пользы религіи и Костела.—Но, при всей нашей заботливости, съ грустью должны сказать, что на обширномъ полѣ нашей духовной работы, мы мало успѣли. Причина тому та, что масса нашихъ прихожанъ-католиковъ Бѣлорусскаго происхожденія, не понимая языка польскаго, на которомъ наше р.-к. духовенство объясняло имъ катехизисъ и проповѣдывало слово Божіе, дошла до того, что начала относиться къ религіи съ пренебреженіемъ и даже ненавистью, и, наконецъ, начала оставлять самые необходимые религіозные обряды.

Для прекращенія столь великаго зла, мы, благодаря счастливой мысли и основываясь на многихъ примѣрахъ въ костельной исторіи, одобренныхъ Апостольскимъ Престоломъ, да и на постановленіи Св. Тридентинскаго Собора (Засѣд: XXII, постановленіе 8), твердо придерживаясь всѣхъ нашихъ р.-к. догматовъ, начали проповѣдывать Бѣлорусскому народу Слово Божіе на языкѣ народномъ (in lingua Vulgari), вслѣдствіе чего народъ началъ понимать догматы и обряды и полюбилъ таковые. Но этотъ нашъ поступокъ вызвалъ въ средѣ недобросовѣстныхъ лицъ и, прямо говоря, неимѣющихъ искренней вѣры, клевету въ томъ значеніи, что будто-бы мы отступили отъ догматовъ р.-к. религіи, уничтожаемъ таковую и не повинуемся костельной власти и праву каноническому.

Глубоко чувствуя это и тяжело страдая въ душѣ, по причинѣ столь несправедливаго оклеветанія насъ, мы, вѣрные сыны р.-к. Костела и Вашего Святѣйшества, припадая къ стопамъ Вашимъ, молимъ Васъ, Святой Отецъ, не вѣрьте этимъ клеветамъ, и примите насъ подъ свою Отцовскую защиту, пошлите намъ свое Апостольское благословеніе, столь необходимое для насъ,

трудящихся на тяжеломъ поприщѣ нашего служенія—собственно въ дѣлѣ объ употребленіи языка народнаго, для темныхъ нашихъ прихожанъ Бѣлоруссовъ. Мы-же, какъ вѣрныя дѣти Костела и Вашего Святѣйшества, ежедневно, во время Божественной литургіи, до конца нашей жизни не перестанемъ молить Законодателя нашего Іисуса Христа, дабы Онъ сохранилъ въ своей опекѣ р.-к. нашъ Костелъ и видимую Главу Его, Ваше Святѣйшество.

Составилъ 1877 года, 4-го Января, Каноникъ Ф. Сенчиковскій.»

Проектъ этотъ Сенчиковскій представилъ Л. С. Макову при письмѣ (отъ 10 янв. 1877 г.) *), въ которомъ излагалъ:

«Не знаю, какъ отнесется начальство къ моей мысли—начать намъ ходатайствовать передъ Папою Піемъ IX объ Его согласіи и присылкѣ намъ благословенія на употребленіе нами языка народнаго, которымъ мы считаемъ языкъ русскій, а не польскій, какъ въ этомъ заблужденіи и желаніи находятся враги русскаго языка. Я полагаю, что чего не успѣли въ Римѣ лица, посылаемыя Правительствомъ, то, быть можетъ, удастся намъ успѣть, а, по крайней мѣрѣ, успокоить мнѣніе и взглядъ Римской Куріи. Для этой цѣли я составилъ наскоро письмо къ Папѣ, которое на латинскомъ языкѣ и приблизительный переводъ съ онаго представляю Вашему Превосходительству, осмѣливаясь просить совѣта, ибо, если это письмо не соотвѣтствуетъ взглядамъ Правительства, тогда прошу прислать намъ такое, какое желательно Правительству; а я постараюсь собрать подписи. Но желательно, дабы и другое визитаторство участвовало въ этомъ, и тогда, посредствомъ Митрополита, или какъ будетъ удобнѣе, выслать къ Его Святѣйшеству. Это—только проектъ, и рѣшительно никому, даже и губернатору, неизвѣстный. Поэтому, если эта мысль заслуживаетъ одобренія, то лучше всего было-бы, дабы Министерство вызвало меня въ Петербургъ, для дачи мнѣ инструкцій и совѣта касательно устройства этого вопроса. Я увѣренъ, что всѣ ксендзы охотно подпишутъ это письмо, исполненное нѣжныхъ чувствъ любви и преданности къ религіи и къ Его Святѣйшеству. Я увѣренъ, что это, или подобное этому письмо, до-нельзя озадачитъ кардинала Ледуховскаго, перваго противника введенія русскаго языка. Вся его партія разсыпется. Да, наконецъ, мы ничего не потеряемъ, а есть большая надежд на выйгрышъ. Много и словесно можно было-бы яснѣе и подробнѣе объяснить этотъ вопросъ и мой взглядъ и намѣренія въ этомъ дѣлѣ. Для народа необходимо благословеніе Папы, и мы

*) Бумаги С., находящіяся въ Импер. Публ. Библіотекѣ, и дѣло № 63 Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. Воспроизводится по черновику.

таковое получимъ, если будетъ этого добиваться само духовенство. Я, по крайней мѣрѣ, такъ полагаю.»

Но подобный шагъ не встрѣтилъ никакого сочувствія въ Петербургѣ.

Объ этомъ можно заключить по слѣдующей резолюціи Макова (отъ 17 янв. 1877 г.) *) на письмѣ Сенчиковскаго (10 января):

«Передано мнѣ лично кс. Сенчиковскимъ въ Минскѣ. При этомъ я, въ присутствіи губернатора, объяснилъ кс. Сенчиковскому всю неумѣстность и непрактичность его предположенія. Я внушилъ ему необходимость совершенно оставить мысль о прямомъ обращеніи духовенства въ Римъ.

О всемъ этомъ доложилъ г. Министру.»—

На то, что начатое Сенчиковскимъ съ надеждою на успѣхъ дѣло располяченія костела въ Минской губерніи принимало все болѣе и болѣе неблагопріятный оборотъ, указываютъ дерзкія выходки нѣкоторыхъ, упорствующихъ ксендзовъ, разсчитанныя очевидно на полную безнаказанность.

Какъ примѣръ сказанному, приведемъ вызывающе—саркастическое донесеніе администратора Серафинскаго костела кс. Карпа (28 марта 1877 года, № 54) **)—«Игуменско-Наднѣманскому декану господину кс. Олехновичу» такого содержанія:

«Вслѣдствіе предписанія отъ 20 марта за № 278, о неявкѣ въ гор. Минскѣ къ г-ну визитатору, имѣю честь пояснить, что въ означенный день, въ 12 часовъ, схвативъ боль нечаянно моей головы и порча желудка; по этой причинѣ мнѣ нельзя было осмѣлиться явиться въ означенное число къ г-ну визитатору, наипаче по нечистотѣ желудка.»

Надо замѣтить, что деканъ Олехновичъ, выдвинутый Сенчиковскимъ, принадлежалъ къ числу ксендзовъ, вводившихъ русскій языкъ въ костельную практику, а кс. Карпъ—къ противуположному лагерю.

Документъ этотъ былъ пересланъ Олехновичемъ Сенчиковскому, въ видѣ живой иллюстраціи къ положенію вопроса.—

Съ прежней, неослабѣвающей, повидимому, энергіею, Сенчиковскій и въ 1877 году, пользуясь содѣйствіемъ Макова, Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій и Минскаго губернатора Чарикова, совершаетъ перемѣщенія подчиненныхъ ему ксендзовъ для

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд.
**) Изъ бумагъ С., хранящихся у А. В. Ж—ча.

того, чтобы создать по приходамъ Минской губерніи хоть сколько нибудь подходящій, для проведенія идеи располяченія р.-к. костела, элементъ съ національно-русскимъ направленіемъ.

И всѣ его ходатайства, по мѣрѣ возможности, пока еще принимаются во вниманіе: къ голосу его по-прежнему прислушиваются и въ Петербургѣ, и въ Минскѣ.

Приводимъ рядъ его писемъ и донесеній (изъ дѣла «Свящ. Сенчиковскій», № 63, Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій), попутно оставляя въ нихъ и то, что касается общихъ вопросовъ, имъ затрагиваемыхъ:

а) Изъ письма его къ Минскому губернатору (отъ 31 марта 1877 г. № 602. Минскъ):

«Вслѣдствіе предложенія Вашего Превосходительства, отъ 26-го сего мѣсяца, за № 399, честь имѣю всепокорнѣйше пояснить, что кс. Лазаревичъ, состоя за неблагонадежность нѣсколько лѣтъ безъ должности и подъ надзоромъ полиціи, вдругъ, въ 1874 году, получилъ назначеніе на должность Логойскаго администратора. Между тѣмъ Логойскъ, хотя по штату числится 5-го класса, но это одинъ изъ лучшихъ приходовъ въ этомъ классѣ; при немъ числится около 3500 душъ прихожанъ; а въ настоящее время, когда отъ Св. Троицкаго прихода болѣе 500 душъ отчислено къ Логойскому приходу, то этотъ приходъ состоитъ болѣе, чѣмъ изъ 4000 душъ. И, не смотря на это, кс. Лазаревичъ, какъ ярый фанатикъ и польскій пропагандистъ, назначенъ въ тотъ приходъ, въ которомъ съ 1870 года введенъ и окончательно утвержденъ русскій языкъ! Тѣмъ болѣе, что въ Логойскомъ костелѣ кс. Эйзенблеттеръ, кс. Добкевичъ, кс. Піотровскій и я лично, въ продолженіи трехъ лѣтъ, постоянно употребляли русскій языкъ. Однако-жъ кс. Лазаревичъ, третій годъ безпрепятственно употребляя польскій языкъ, проживалъ въ Логойскѣ, и никто его не безпокоилъ. Со вступленіемъ моимъ въ должность визитатора, я нашелъ подобное положеніе дѣла несоотвѣтственнымъ, и за неупотребленіе кс. Лазаревичемъ русскаго языка въ Логойскѣ, а, главное, дабы спасти столь многолюдный приходъ отъ вліянія кс. Лазаревича, дабы перервать въ продолженіи третьяго года существующія кс. Лазаревича связи, интриги и польскую пропаганду, я временно командировалъ его, кс. Лазаревича, въ Холопеничи, гдѣ прихожанъ только всего 1500 душъ; да и мѣстоположеніе Холопеничъ, на границѣ Могилевской и Витебской губерній и населенное старообрядцами и православными, не такое удобное для польской пропаганды кс. Лазаревича, нежели Логойскъ, расположенный въ центрѣ р.-католическихъ приходовъ (въ чемъ можно убѣдиться по картѣ Минской губерніи). Да, главное, Логойскій приходъ граничитъ съ Св. Троицкимъ прихо-

домъ, а потому-то сосѣдство кс. Лазаревича было въ высшей степени опасно и вредно Троицкому приходу, который хотя-бы одинъ желательно удержать въ полномъ смыслѣ слова вѣрнымъ Правительству и Россіи. Поэтому-то я нашелъ настойчивою необходимостью удаленіе кс. Лазаревича изъ Логойска. —Но, опасаясь вызвать безпорядки, которые могли-бы совершиться, если-бы кс. Лазаревичъ былъ окончательно удаленъ, я нашелъ болѣе подходящимъ временно командировать его въ этомъ-же самомъ уѣздѣ. Имѣя въ виду серьезно дѣйствовать на кс. Лазаревича, дабы или заставить его употреблять русскій языкъ, или-же окончательно устранить его отъ вліянія на прихожанъ, я сейчасъ-же, послѣ совершенія кс. Лазаревичемъ въ Холопеническомъ костелѣ богослуженія на польскомъ языкѣ, представилъ его къ штрафу въ 100 р. с.

Что-же касается вопроса о томъ, что въ Холопеничахъ окончательно введенъ и утвержденъ русскій языкъ, то почти въ такомъ-же положеніи, только при болѣе серьезныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, находится Логойскій костелъ. Если-же смотрѣть на утвержденіе русскаго языка въ какой либо мѣстности, какъ на серьезную административную мѣру, то я полагаю. что каждый ксендзъ, какъ только онъ получитъ назначеніе и отправится для исполненія должности, строго обязанъ исполнять распоряженіе, относящееся не къ его особѣ, а прямо къ данной мѣстности.—И, наоборотъ, ксендзъ, выдавшій подписку употреблять русскій языкъ, тоже серьезно обязанъ употреблять этотъ языкъ въ той мѣстности, куда онъ будетъ назначенъ. Я, напримѣръ, выдалъ подписку въ Блони; однако-жъ, послѣ назначенія моего въ Борисовъ и въ Минскъ, въ силу той подписки, употреблялъ и употребляю русскій языкъ въ сказанныхъ костелахъ. Иначе понимать невозможно, ибо тогда рождается вопросъ: какъ-же смотрѣть на употребленіе русскаго языка, какъ на правительственную и государственную мѣру въ обрусеніи края, яснѣе говоря, какъ на мѣру, способствующую къ возвращенію чисто русскому краю и населенію его природнаго русскаго элемента, отнятаго и потоптаннаго насильственными мѣрами польскихъ пропагандистовъ, какъ на единственную мѣру, для уничтоженія главнаго и единственнаго источника, въ которомъ скрывается вся ненависть и вражда къ Россіи и ко всему, что̀ русское, (понимаю здѣсь р.-к. костелы, въ которыхъ господствующій полонизмъ есть публичный источникъ сказанной вражды, и единственное мѣсто убѣжища для польской враждебной Россіи политики), или-же, какъ на современный только вопросъ, поднятый ради успокоенія Правительства? Ибо, понимая серьезно этотъ вопросъ, я не думаю, дабы употребленіе русскаго языка зависѣло отъ желанія, даже каприза того или другого ксендза или прихожанина. Тогда неисчислимыя препятствія, (которыхъ

и безъ этого достаточно), будутъ до нельзя тормазить развитіе дѣла; тогда выйдетъ, что въ одномъ мѣстѣ ксендзъ, выдавшій подписку, не можетъ употреблять русскаго языка, потому, что нѣсколько личностей фанатиковъ прихожанъ, (нерѣдко самимъ-же ксендзомъ подстрекаемыхъ), будутъ сопротивляться введенію русскаго языка; въ другой-же мѣстности, хотя и употреблялся прежде русскій языкъ и утвержденъ Министерствомъ, но опять ксендзъ, вновь назначенный, не выдалъ подписки.

Итакъ, въ Маріинскомъ костелѣ кс. Добкевичъ не употребляетъ русскаго языка потому, что прихожане не желаютъ,—хотя прелатъ Жилинскій два раза, а я лично кажется 15-ть разъ совершали все добавочное богослуженіе въ этомъ-же костелѣ на русскомъ языкѣ—и ничего особеннаго не произошло, и хотя кс. Добкевичъ не только выдалъ подписку, но три почти года служилъ въ Кемешевцахъ и въ Логойскѣ на русскомъ языкѣ. Да и ксендзъ Петкевичъ, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, въ Маріинскомъ костелѣ служилъ молебствіе на русскомъ языкѣ. Въ Холопеничахъ-же, хотя и введенъ русскій языкъ и кс. Сомковичъ два года служилъ на русскомъ языкѣ, но потому только, что кс. Лазаревичъ не выдалъ подписки, русскій языкъ прекращается въ этой мѣстности.

Подобныхъ обстоятельствъ я не могу понять,—ибо въ Блони, въ Борисовѣ, да и въ г. Минскѣ имѣлъ-же я на первыхъ порахъ непріятности, и встрѣчалъ, да и теперь еще встрѣчаю иногда таковыя; однако-жъ силы воли и желанія вѣрно служить Правительству ничто не измѣнило—и я во всѣхъ этихъ костелахъ ввелъ и употребляю русскій языкъ. Если есть ксендзы, выдавшіе подписку, какъ Добкевичъ, Петкевичъ, Піонтковскій, Сомковичъ, Пучинскій, Войновскій и другіе, то они не употребляютъ русскаго языка потому, что прихожане ихъ, въ настоящее время, уже не желаютъ, хотя прежде и желали. Если-же есть мѣста, какъ Свислочь, Березина, Холопеничи, Дѣдиловичи, Кемешевцы, гдѣ русскій языкъ утвержденъ, то туда нѣтъ ксендзовъ, ибо Лазаревичъ и ему подобные, не смотря на это утвержденіе, какъ въ Логойскѣ третій годъ, такъ и въ Холопеничахъ, употребляютъ польскій языкъ.

Посылая кс. Лазаревича на худшій и гораздо съ меньшимъ населеніемъ приходъ, кромѣ вышесказанныхъ причинъ, я желалъ еще заявить кс. Лазаревичу, что враги русскаго дѣла не могутъ безнаказанно пользоваться свободнымъ дѣйствіемъ и хорошими приходами, а такъ-же я имѣлъ въ виду поощрить кс. Юргевича, употребляющаго русскій языкъ, и этимъ выдвинуть впередъ Логойскій приходъ, ибо, употребленіе русскаго языка кс. Юргевичемъ въ Логойскѣ есть фактомъ неопровержимымъ, не только увеличивающимъ общество духовныхъ, употребля-

ющихъ русскій языкъ, но и число костеловъ, въ которыхъ русскій языкъ прививается, что весьма полезно дѣлу.

Вотъ тотъ взглядъ и убѣжденіе мое, которыми проникнутъ я и которыми я руководился при командировкѣ кс. Лазаревича въ Холопеничи, и не думаю, что ошибаюсь, ибо, какъ ксендзъ, католикъ и уроженецъ здѣшняго края, хорошо знающій мѣстныя обстоятельства, польскія интриги и заграничную пропаганду, искренно и сердечно желая успѣха бѣлорусской моей родинѣ и русскому элементу, я не могу скрывать моего сомнѣнія въ успѣхѣ дѣла, *не могу хладнокровно относиться къ завѣтной моей мысли—уничтожить вредный для Россіи и всего, что русское, господствующій въ здѣшнемъ краѣ польско-политическій духъ и элементъ; напротивъ, отъ глубины души моей желаю уничтоженія политическаго полонизма и закрытія для него главнѣйшаго источника его пребыванія, какими были и будутъ ксендзы и костелы.»*

б) Изъ письма Сенчиковскаго къ Л. С. Макову (отъ 7 апр. 1877 г. Минскъ):

«Виленская духовная администрація весьма уже открыто, не только сама, но и направляетъ духовенство—пренебрегать и положительно не узнавать визитаторской должности. Кс. Карповичъ ясно заявилъ г. губернатору, что въ Вильнѣ ему не дано инструкціи—явиться визитатору:—этого довольно для того, чтобы догадаться, какая инструкція была дана кс. Карповичу.

Что-же касается Раковскаго дѣла, то тутъ положительная причина всему—назначеніе туда кс. Пласковицкаго, Бутерлевича и другихъ, имъ подобныхъ. Въ настоящее время кс. Карповичъ докончилъ начатую его предмѣстниками работу. Я положительно того убѣжденія, что кс. Бутерлевича надо выслать, а Раковскій костелъ закрыть; въ противномъ случаѣ, пожаръ разойдется и вмѣсто одного зданія сгоритъ вся улица. Но, главное, безъ реформъ въ семинаріи, Академіи, Коллегіи и консисторіи, Правительство ничего не добьется, и всѣ труды будутъ напрасны.» .

в) Изъ письма его къ тому-же Макову (отъ 2 мая 1877 г.) *):

«Хотя и велика моя смѣлость, съ какою я позволяю себѣ утруждать Ваше Превосходительство своими письмами, но на этотъ разъ я чувствую себя по совѣсти обязаннымъ поспѣшить повергнуть передъ Вашимъ Превосходительствомъ глубокую, ис-

---

*) Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, онъ проситъ предоставить ему мѣсто дѣйствительнаго каноника—на открывающуюся вакансію при Виленскомъ Капитулѣ, объясняя это желаніе тѣмъ, что подобное назначеніе весьма облегчило-бы ему и мѣстной гражданской администраціи «наблюденіе за ходомъ консисторскихъ дѣлъ и направленія».

кренную и чистосердечную благодарность за поддержку въ утвержденіи устава, за постройку дома для моего училища.

Ваше Превосходительство! Я хорошо понимаю мое положеніе, мою жизнь и мое благосостояніе; понимаю, что за все я обязанъ Вамъ. Поэтому, отъ глубины души, съ жгучими слезами на моихъ глазахъ, благодарю Васъ, Ваше Превосходительство, за все сдѣланное, и умоляю—не оставьте меня и напередъ, ибо, съ выѣздомъ дорогого и незабвеннаго моего покровителя, архіепископа Александра, я остаюсь одинъ, среди враговъ, изъ которыхъ самые сильные пріѣзжаютъ на-дняхъ въ предѣлы моего прихода! Кромѣ губернатора, я не имѣю болѣе никого, доброжелающаго мнѣ.

Нѣсколько минутъ тому назадъ я имѣлъ счастье принять въ своей хаткѣ возлюбленнаго архіепископа Александра: осчастливилъ онъ меня въ послѣдній разъ уже своимъ посѣщеніемъ.

Повѣрьте, Ваше Превосходительство, что скорбь и болѣзнь моей души—выше всякихъ словъ. Не оставьте-же, Ваше Превосходительство, меня, умоляю Васъ! Будьте для меня руководителемъ, ибо, если, когда и кому, то именно мнѣ, въ настоящую минуту, очень и очень тяжело... Ахъ, Боже! Если-бы я имѣлъ возможность на дѣлѣ и фактически заявить и доказать Правительству и Россіи тѣ чувства и тѣ желанія моей души для общей государственной пользы! Я тѣмъ только желаю доказать мою благодарность за поддержку, представляющую мнѣ возможность моего существованія.

Утвержденіе устава для моего училища, утвержденіе плана и самая постройка дома для моихъ сиротъ, составляютъ для меня такое великое счастье, что превышаютъ всякую возможность выразить Вашему Превосходительству мою благодарность. Знаю, что мое заявленіе - какъ-бы капля въ море. Но примите, Ваше Превосходительство, и эту каплю, ибо она—искренняя и задушевная, ибо она составляетъ самое драгоцѣнное чувство человѣка.

Вслѣдствіе многихъ переговоровъ съ Валеріемъ Ивановичемъ*), мнѣ поручено сдѣлать нѣкоторыя представленія на счетъ инструкціи, для ежедневной, учебной и воспитательной жизни моего училища, и одно существенное дополненіе къ уставу. Но, думаю, что это дополненіе будетъ имѣть достаточно силы послѣ утвержденія г. Министромъ, о чемъ губернаторъ представилъ въ Министерство Добавленіе это заключается въ томъ, чтобы въ болѣе серьезныхъ проступкахъ мальчиковъ наказаніе и взысканіе назначались-бы совѣтомъ училища, т. е. управляющій училищемъ, попечитель, учитель музыки и пѣнія и надзиратель, обсудивъ вину, назначали-бы наказаніе, и это вписывали-бы въ

---

*) Минскій губернаторъ Чариковъ.

журналъ. Это мы просимъ для своего-же спокойствія и прекращенія пререканій и сплетенъ.

Новое счастье для меня:—Василій Ивановичъ Павловъ согласился быть попечителемъ училища.—Радуюсь этому. Сію минуту получилъ отъ губернатора увѣдомленіе.»

«Насколько у насъ слышно, то Виленское чтеніе Высочайшаго манифеста на польскомъ языкѣ есть интрига Виленскаго декана кс. Пацинки, который самъ лично, будто-бы, совѣтовалъ ксендзу Зноско такъ читать. Я удивляюсь, какъ это все случилось, какъ позволили кс. Зноско читать манифестъ, когда ему съ 1863 г. еще, какъ политически-неблагонадежному, воспрещено произносить проповѣди, и онъ считался душевно-больнымъ! Между тѣмъ, манифестъ читать выслали его. Какъ это деканъ Пацинко допустилъ?!»

г) Изъ письма къ тому-же Макову (отъ 18 сент. 1877 г.):

«Страшно, но необходимо начать вопросъ о несчастномъ ксендзѣ Барщѣ, который, могу ручаться, сдѣлался жертвою подстрекательства и сильной интриги. Къ несчастью, по особенному стеченію обстоятельствъ, въ г. Игуменѣ даже и судебный слѣдователь женатъ на католичкѣ, точно такъ-же, какъ и исправникъ. Самое арестованіе и отправленіе кс. Барща въ тюрьму, какъ мнѣ говорили, есть излишняя предосторожность со стороны судебнаго слѣдователя. Всѣ находящіеся у меня документы прилагаю при семъ, душевно прося Ваше Пре—во пожертвовать минутку времени для пересмотра этихъ бумагъ, и, если возможно, помочь горю, которое насъ всѣхъ, служащихъ на русскомъ языкѣ, до того убило и обезкуражило, что мы стыдимся пройти черезъ городъ, и какъ кс. Олехновичъ выразился: «Мы мучимся хуже, чѣмъ въ пеклѣ.»—Это для насъ—ужасная непріятность, а для враговъ—великая радость. Да, наконецъ, это даетъ поводъ и воодушевитъ нашихъ враговъ—заняться интригами противъ всѣхъ насъ, и, какъ сказалъ мнѣ деканъ Макаревичъ: «Послѣ этого многихъ изъ насъ запрячутъ въ тюрьму.» Мы всѣ не можемъ показать на улицу глазъ. Мнѣ говорили, что достаточно было обязать ксендза Барща подпискою—не отлучаться; но усердіе слѣдователя повело дальше.

Какъ курьезъ и особенную замѣчательность прилагаю при семъ копіи переписки моей о Потаповѣ и кс. Воеводскомъ.

О присылкѣ въ мое училище мальчиковъ, чеховъ, съ хорошими голосами убѣдительнѣйше прошу Ваше Пре—во».

Переписка-же, о которой упоминается Сенчиковскимъ, какъ видно изъ этихъ, представленныхъ имъ статсъ-секретарю Макову копій, заключалась въ слѣдующемъ:

а) Каноникъ Сенчиковскій (31 авг. 1877 г., за № 1258) донесъ Минскому губернатору:

«Маріинскій настоятель кс. Добкевичъ, рапортомъ отъ 22 сего мѣсяца, за № 337, донесъ мнѣ, что 22 числа, въ воскресенье, викарный Маріинскаго костела кс. Сырповичъ совершалъ божественную литургію въ Городецкой ораторіи, на которой присутствовали графиня Тышкевичъ съ семействомъ и дворовою прислугою и генералъ-адъютантъ Александръ Львовичъ Потаповъ. Кромѣ сего, кс. Добкевичъ лично пояснилъ, что прежде онъ самъ, а въ настоящее время кс. Сырповичъ видѣли, какъ генералъ Потаповъ, стоя на колѣняхъ вмѣстѣ съ графиней, молился на польскомъ молитвенникѣ.»

б) 11 сентября 1877 г., за № 1289, кс. Сенчиковскій, подтверждая то-же сообщеніе Минскому-же губернатору, донесъ ему:

Въ настоящее-же время имѣю честь представить подлинный рапортъ кс. Добкевича о томъ, что генералъ-адъютантъ Потаповъ 4-го сентября тоже присутствовалъ на богослуженіи. Но при всѣхъ домашнихъ данныхъ это событіе не имѣло-бы въ моихъ глазахъ ничего особеннаго и не вызывало-бы моего, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ моихъ о богослуженіи, совершаемомъ ксендзами, представленій, если-бы два №№ газеты «Русскій Міръ», которая во многомъ поддерживаетъ скорѣе «Польскій Міръ», не вынудили меня особенно обратить вниманіе на ту непростительную ложь и неправду, какую сказанная газета возвела о генералѣ Потаповѣ, даже въ двухъ своихъ №№, именно въ № 236 (среда, 31 авг. 1877 г.) и въ № 244-мъ (вторникъ, 6 сент. 1877 г.). Въ №№ этихъ ясно говорится, что б. шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Потаповъ уѣхалъ 28 августа въ дѣйствующую Дунайскую армію. Между тѣмъ, ген.-адъют. Потаповъ 22 августа и 4 сентября присутствовалъ въ им. Городкѣ на св. мшѣ и на колѣняхъ молился вмѣстѣ съ гр. Тышкевичъ и ея семействомъ. Поэтому, поддерживая во всемъ этомъ какую-то интригу и желаніе отвлечь общественное мнѣніе Россіи отъ уютнаго мѣстечка Городка и его жителей, преспокойно проводящихъ время въ молитвѣ, а ничуть не въ дѣйствующей Дунайской арміи, я счелъ нужнымъ всепокорнѣйше довести объ этомъ до свѣдѣнія В. П—ва.»

в) Къ этому донесенію приложенъ былъ и подлинный рапортъ кс. Добкевича (отъ 5 сент. 1877 г., г. Минскъ) на имя кс. Сенчиковскаго (какъ «визитатора костеловъ, помощника управляющаго Виленскою р.-католическою епархіею, каноника Виленскаго капитула)» такого содержанія:

«Честь имѣю донести, что 4 сего сентября, въ имѣніи Городокъ, графини Тышкевичъ, была совершена мною, въ тамош-

нейораторіи, божественная литургія, на коей присутствовали ген.-адьют., генералъ-отъ-кавалеріи А. Л. Потаповъ, Ея Сіятельство гр. Тышкевичъ со своимъ семействомъ и прислугою.»—

Въ сентябрѣ 1877 г. (Минскъ), кс. Сенчиковскій писалъ Макову: *)

«Нынѣшняго числа совершилось у насъ событіе, выходящее изъ ряду обыкновенныхъ, а именно: генералъ-адьютантъ Потаповъ нарочно и лично пріѣзжалъ къ губернатору жаловаться на меня за то, что я поручилъ кс. Добкевичу доносить мнѣ о родѣ богослуженія, совершаемаго имъ въ Городецкойораторіи, и о лицахъ, посѣщающихъ это богослуженіе. Это курьезно потому, что я, какъ вездѣ, такъ и въ этомъ вопросѣ, состою только добросовѣстнымъ исполнителемъ воли и порученій, какъ губернатора, такъ и Правительства. Не только о Городецкойораторіи, но и обо всѣхъ костелахъ еженедѣльно составляются такія-же самыя свѣдѣнія. Дѣлаю это по данному мнѣ предложенію г. губернатора. О каплицѣ-же Городецкой (хотя-бы и слѣдовало), но однако-жъ ничего особеннаго мною не доносится. Напротивъ, сообщаю только въ копіи рапорты кс. Добкевича. Конечно, я въ правѣ и долженъ, въ секретной моей бумагѣ изложить начальнику губерніи мой взглядъ на то, что́, по моему, не въ порядкѣ вещей. Но объ этомъ знаетъ только губернаторъ. Удивляться приходится желанію обитателей Городецкаго дворца до того скрывать все, дѣлаемое ими, что даже считается преступленіемъ и ставится мнѣ въ вину сообщеніе мною губернатору рапорта кс. Добкевича!!.. Почему собственно въ Городкѣ непремѣнно должно быть все скрыто даже отъ мѣстной администраціи?—Но это ко мнѣ не относится. Моя бѣда только въ томъ, что опять вооружились противъ меня такія лица, какъ генералъ-адьютантъ Потаповъ, который по газетамъ считается личнымъ участникомъ на полѣ битвы за Дунаемъ, а между тѣмъ онъ устраиваетъ планы скорѣйшей гибели Сенчиковскаго. Да, этого еще мало. Изъ прилагаемой копіи переписки о послѣднемъ служеніи въ Городецкойораторіи видно, какія лица присутствовали при богослуженіи, совершаемомъ въ прошедшее воскресенье, т. е. 25 числа сего мѣсяца; значитъ всѣ эти лица, не зная меня, уже враги мои, ибо кс. Добкевичъ, въ присутствіи ихъ всѣхъ, передалъ генералъ-адьютанту Потапову копію моего предложенія, которымъ я требую доносить мнѣ о родѣ и порядкѣ совершаемаго имъ богослуженія. Надо полагать, что-же тамъ было говорено обо мнѣ! Какіе проекты и обѣщанія въ мою пользу произносились всѣми этими высокопоставленными лицами?!.. Поэтому, отъ глубины души умоляю, не откажите Ваше

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов.

Пр—во въ Вашемъ отцовскомъ сочувствіи мнѣ и, въ случаѣ новаго на меня гоненія, объясните Его Высокопре—ву, г. Министру, мое положеніе, ибо я болѣе, чѣмъ увѣренъ, что Вашего взгляда на дѣло и мнѣнія обо мнѣ г. Министра никакая сила польской интриги не измѣнитъ!!.. Мое только единственное счастье заключается въ томъ, дабы, какъ Ваше Пре—во, такъ и г. Министръ, знали истину и сущность дѣла: тогда я вполнѣ гарантированъ отъ опасности.

Сію минуту былъ у меня правитель канцеляріи Минскаго губернатора, г. Лагода, котораго мой покровитель г. губернаторъ присылалъ ко мнѣ (ибо я еще не выхожу изъ квартиры по причинѣ болѣзни)—предостеречь меня о заварившихся козняхъ и интригахъ, съ совѣтомъ, дабы, немного погодя, кс. Добкевича устранить изъ Минска, а это время тихонько сидѣть. Но все-таки это мнѣ непріятно и отчасти опасно.»

17 сент. 1877 г., за № 1353, кс. Сенчиковскій доноситъ Минскому губернатору:

«Считаю долгомъ представить въ копіи рапортъ кс. Добкевича, который, наконецъ, повиновался моему настойчивому требованію—подробно доносить о родѣ богослуженія и о лицахъ, посѣщающихъ это богослуженіе въ Городецкой ораторіи.

Какъ-бы ни было безвинное и несочувственное польскому языку посѣщеніе стольких высокопоставленныхъ лицъ и присутствованіе таковыхъ на чтеніи Евангелія и совершеніи акафиста (или литаніи) къ Божьей Матери на польскомъ языкѣ, все-таки это дѣлаетъ громадную разницу въ успѣхѣ и развитіи русскаго языка. И, безъ малѣйшаго сомнѣнія, вслѣдствіе этого, распускаются слухи, самые вредные для употребленія языка русскаго и самые полезные для польской рѣчи. Къ чему-же въ ораторіи чтеніе Евангелія и еженедѣльное совершеніе акафиста на польскомъ языкѣ? Неужели недостаточно этого счастья, что въ собственномъ домѣ совершается божественная литургія? Пусть все, что угодно, но на латинскомъ языкѣ. Между тѣмъ, совершивъ литургію на латинскомъ языкѣ, акафистъ и Евангеліе на польскомъ языкѣ, кс. Добкевичъ, въ виду стольких присутствующихъ государственныхъ лицъ, не потрудился, хотя-бы на латинскомъ даже и на польскомъ языкѣ, совершить хотя-бы сокращенное молебствіе за Царствующій Домъ. Вслѣдствіе чего взглядъ мой на этотъ вопросъ не могу скрыть передъ Вашимъ Пре—вомъ.»

Затѣмъ Сенчиковскій представилъ Макову слѣдующій рапортъ кс. Добкевича (отъ 26 сент. 1877 г., № 396):

«Честь имѣю донести Вашему Высокопреподобію, что 25-го

сего сентября, въ им. Городокъ графини Тышкевичъ, была совершена мною, въ тамошней ораторіи, божественная литургія, читанная; послѣ оной были прочитаны мною Евангеліе и литанія къ Пресвятой Богородицѣ на польскомъ языкѣ. Болѣе-же никакого богослуженія и ни о чемъ не было говорено у алтаря. Присутствовали на оной литургіи: генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи А. Л. Потаповъ, адъютантъ финляндскаго генералъ-губернатора генералъ-отъ-инфантеріи графа Адлерберга 3-го, полковникъ гвардіи Слизень, и графиня Тышкевичъ съ дочерью своею и всею придворною прислугою. А всего вообще присутствовало 19 душъ».

Приводимъ, въ дополненіе къ приведеннымъ документамъ, выдержку изъ письма Сенчиковскаго къ Л. С. Макову (отъ 13 окт. 1877 г., Минскъ): *)

«А тутъ другое горе: генералъ-адъютантъ Потаповъ намѣренъ послать письмо Его Величеству, жалуясь на меня за то, что я учредилъ надъ генераломъ свой полицейскій надзоръ. Это заявленіе генерала очень многимъ извѣстно въ г. Минскѣ, и я, желая быть скромнымъ и точнымъ въ исполненіи секретныхъ, даваемыхъ мнѣ г. губернаторомъ, предложеній, вынужденъ перенести всю бурю на своихъ плечахъ; да еще неизвѣстно, что̀ и какъ будетъ, ибо уже въ городѣ разнеслись слухи, вышедшіе изъ устъ кс. Добкевича и привезенные имъ изъ имѣнья Городка, о томъ, что я буду викарнымъ; но Валерій Ивановичъ **) иначе объ этомъ говоритъ.»

Какъ-бы другимъ дополненіемъ къ сказанному столкновенію Сенчиковскаго съ всесильнымъ Потаповымъ служитъ и письмо ко мнѣ покойнаго каноника отъ 12 декабря 1899 г. (изъ г. Омска), гдѣ онъ разсказываетъ:

«Вотъ сію минуту я припомнилъ серіозный инцидентъ, случившійся со мною и съ Потаповымъ, когда онъ былъ уже шефомъ жандармовъ ***). Потаповъ былъ друженъ съ графиней, если не ошибаюсь, Маріей Павловною Тышкевичъ ****). Имѣніе этой графини Тышкевичъ находилось въ Минскомъ уѣздѣ и въ моемъ, Свято-Троицкомъ, приходѣ («Городокъ»—«Grodek»). Потаповъ, каждое лѣто, проживалъ въ этомъ имѣніи. На зиму пани графиня уѣзжала въ Петербургъ. Какъ-то лѣтомъ, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, приходитъ ко мнѣ кс. Добкевичъ, настоятель Минскаго Маріинскаго прихода (бывшаго когда-то епископ-

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій.» Деп Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд.,

**) Минскій губернаторъ Чариковъ.

***) Потаповъ находился на посту шефа жандармовъ съ 1874 по 1876 годъ.

****) Графиню Тышкевичъ, урожд. Радзивиллъ, звали не Маріей Павловной, а Маріей Николаевной.

ской каѳедрою), и показываетъ письмо графини, въ которомъ она просила его, ксендза Добкевича, на посланныхъ лошадяхъ, пріѣхать въ имѣнье—для совершенія литургіи въ дворцовой ея капллицѣ, такъ какъ завтра имянины генерала Потапова. А такъ какъ имѣнье находилось въ моемъ приходѣ, а я тогда былъ не только настоятелемъ, но и деканомъ, и помощникомъ управляющаго епархіей, то ксендзъ Добкевичъ не посмѣлъ (безъ моего разрѣшенія) ѣхать къ графинѣ.—Я-же командировалъ туда своего викарнаго ксендза Тышко, человѣка 65-и лѣтъ, прекрасно образованнаго, въ совершенствѣ владѣвшаго французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками. Но онъ молебствіе за Государя совершалъ на языкѣ русскомъ. Понятно, что графиня и Потаповъ вынуждены были принять кс. Тышко, который привѣтствовалъ графиню и Потапова не на польскомъ, а на французскомъ языкѣ. (Это я поручилъ сдѣлать ксендзу Тышко). На другой день—Александра Невскаго—30-го августа, Потаповъ (Александръ Львовичъ) былъ имянинникъ. Но у католиковъ другія имена приходятся на этотъ день. Вотъ кс. Тышко, послѣ литургіи, началъ служить молебствіе за Государя Александра II на языкѣ русскомъ. Тогда графиня и Потаповъ, *сидя въ креслахъ,* начали читать какую-то молитву изъ польскаго молитвенника (злóтый олтáжекъ), но такъ громко, что ихъ польская молитва заглушала тихое пѣніе старика-ксендза на языкѣ русскомъ. Ксендзъ Тышко, возвратясь домой, разсказалъ мнѣ объ этомъ. Я потребовалъ, чтобы кс. Тышко подалъ мнѣ обо всемъ рапортъ, чтó онъ и сдѣлалъ. Рапортъ этотъ я послалъ Министру Тимашеву, который лично что-то сказалъ Потапову. Потаповъ взбѣсился и съ азартомъ сказалъ: «Да что-же это такое?!.. Я—шефъ жандармовъ, а какой-то ксендзъ Сенчиковскій слѣдитъ за моими дѣйствіями!»—Это мнѣ лично передалъ Маковъ, который присутствовалъ при этомъ разговорѣ. (Онъ былъ тогда еще только правителемъ канцеляріи у Министра Тимашева). Но этимъ не кончилась исторія съ гр. Тышкевичъ и Потаповымъ. Случилось, что вскорѣ Государь ѣхалъ по Варшавской желѣзной дорогѣ, и въ «Ландваровѣ» на станціи желѣзной дороги, гр. Тышкевичъ, Іосифъ (женатый на Горваттъ, въ домѣ родителей которыхъ я былъ капелланомъ 8 лѣтъ), дѣлалъ завтракъ Государю. На этомъ завтракѣ были Потаповъ и всѣ Тышкевичи, понятно и Марія Павловна Тышкевичъ. И вотъ Государь, милостиво обращаясь къ ней, спросилъ о томъ, какъ ея здоровье?—На это, графиня, поблагодаривъ Государя, заявила: «Все бы, Государь, было хорошо. Но мнѣ тяжело жить въ имѣньи по причинѣ преслѣдованія ксендза Сенчиковскаго.» На это Государь моментально возразилъ: «Ахъ, графиня! Мы съ вами такъ давно не видѣлись... Такъ поговоримъ о чемъ нибудь другомъ, а не объ этомъ ксендзѣ... Ну, гдѣ вашъ мужъ? Удается-ли ему львиная охота?»—Ибо какъ разъ въ это время

мужъ графини былъ въ Африкѣ, на львиной охотѣ... Объ этомъ разговорѣ мнѣ разсказывала жена Іосифа Тышкевича (изъ «Ландвакрова»), урожденная Горваттъ, съ которой я бесѣдовалъ объ этомъ.

И вотъ Вамъ, дорогой мой, шефъ жандармовъ и бывшій генералъ-губернаторъ Виленскій, во время молебна за Государя, *сидитъ,* да еще демонстративно читаетъ по-польски, чтобы заглушить русскій языкъ, и чтобы этимъ всѣмъ дворовымъ, присутствующимъ въ каплицѣ, показать, что, если генералъ-адъютантъ такъ дѣлаетъ, то и они могутъ враждебно относиться къ русскому дѣлу въ католицизмѣ!!...

Никакихъ дѣлъ на меня или обо мнѣ въ канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора нѣтъ и быть не могло. Это потому, что Минская губернія уже не принадлежала къ Виленскому генералъ-губернаторству, а Минскіе губернаторы Токаревъ и Чариковъ, при которыхъ я служилъ въ г. Минскѣ, были самостоятельными губернаторами и сносились прямо съ министромъ, а не съ генералъ-губернаторомъ. Слѣдовательно, тотъ господинъ, который вамъ говорилъ о какомъ-то дѣлѣ и судѣ, какъ попугай, повторилъ только тѣ ябеды и низости, которыя выдумываютъ на меня поляки. Вотъ какой былъ случай по этому поводу. Губернаторъ Чариковъ потребовалъ, чтобы управляющій епархіей прелатъ Жилинскій выслалъ ему, Чарикову, мой формулярный списокъ и заявилъ о неимѣніи препятствій для представленія меня къ Станиславу 2-й степ. Тогда консисторія выслала губернатору мой послужной списокъ, въ которомъ, на видномъ мѣстѣ, крупными буквами, въ подлежащей графѣ, значилось: «Состоитъ подъ судомъ». Губернаторъ, пригласивъ меня и подавая мнѣ формуляръ, сказалъ: «Посмотрите, какіе мерзавцы!» Я сказалъ: «Потребуйте подробнаго указанія, за что̀ я — подъ судомъ, когда и кѣмъ было произведено слѣдствіе, и гдѣ этотъ судъ, который меня будетъ судить, такъ какъ ни вамъ, ни мнѣ объ этомъ ничего неизвѣстно!»—Губернаторъ такъ и сдѣлалъ; но для того, чтобы не истекло время, потребовалъ объясненіе телеграммою. И вотъ, черезъ 10 дней, консисторія выслала мой формулярный списокъ, уже чистый, а въ консисторской бумагѣ говорилось, что это было написано «*по ошибкѣ*». Я получилъ орденъ.

Вотъ Вамъ — подъ какимъ судомъ я состоялъ.

Правда, Маковъ, уже бывшій товарищемъ министра, какъ-то мнѣ сказалъ: «Знаете-ли, что если-бы не мы здѣсь, въ Петербургѣ, то поляки, да и многіе полякующіе русскіе, васъ-бы въ клочки растерзали. Но мы всѣ доносы на васъ тщательно провѣряемъ, и видимъ, что не вы, а они—негодяи.»

Поэтому, неудивительно, что какой-то *тузъ,* да еще въ настоящее время, болтаетъ. Даю Вамъ слово, что я описалъ Вамъ

это не для того, чтобы оправдываться, а только высказалъ то, что было. Да оправдываться мнѣ теперь нѣтъ и надобности; увѣрять-же въ томъ, кто такой я, то-же не приходится. Только скажу Вамъ, что у поляковъ такой обычай: подкопаться, очернить, забросать грязью, вызвать скандалъ и, затѣмъ уже, утопить ими очерненнаго человѣка.

Вы, вѣроятно, знали архіепископа Александра, который умеръ въ Вильнѣ? Чагинъ прекрасно его зналъ, а Левиковы—его родня. Слѣдовательно, нечего мнѣ говорить объ этомъ святителѣ. Это былъ ангелъ, и болѣе, чѣмъ мой другъ. И вотъ, когда въ Минскъ пріѣхалъ гр. Толстой (тогда оберъ-прокуроръ Св. Синода и Министръ Народнаго Просвѣщенія), а я, кромѣ приходскихъ должностей, былъ и законоучителемъ въ гимназіи, то, за обѣдомъ у архіепископа, графъ началъ говорить обо мнѣ,—о томъ, какъ ему понравились мои уроки. Надо замѣтить, что графъ присутствовалъ на трехъ урокахъ, а въ VIII классѣ пришелъ на урокъ о непогрѣшимости Папы. Понятно, что я изложилъ ученикамъ такъ, что графъ остался этимъ доволенъ и, пожавъ мнѣ руку, поблагодарилъ, говоря: «Такая непогрѣшимость, какую вы выяснили,—неопасна.»—Вотъ объ этомъ, на обѣдѣ у архіепископа Александра, и былъ разговоръ. Но тутъ-же гр. Толстой сказалъ: «Да, все-таки о Сенчиковскомъ дурно отзываются даже въ Петербургѣ.»—Тогда архіепископъ Александръ серіозно замѣтилъ: «Да, Ваше Сіятельство, о Сенчиковскомъ много говорятъ враги Россіи, ибо Сенчиковскій, хотя католикъ и ксендзъ, но истинно русскій человѣкъ. Я здѣсь живу и за Сенчиковскимъ слѣжу, и потому, по совѣсти это свидѣтельствую. А тѣ, которые говорятъ иначе, пусть укажутъ хоть на одинъ фактъ, подтверждающій ихъ слова!—Но такихъ фактовъ они не могутъ указать.»—Губернаторъ Токаревъ тоже подтвердилъ это. Послѣ такого разговора у архіерея (о которомъ послѣдній самъ мнѣ разсказывалъ), на другой день, графъ Толстой съ губернаторомъ пріѣхалъ въ домъ мой, былъ въ моемъ училищѣ, спрашивалъ мальчиковъ-органистовъ, далъ имъ 10 р. на конфекты, а, зайдя ко мнѣ на квартиру, посидѣлъ нѣсколько минутъ и, благодаря, сказалъ: «Побольше-бы у насъ такихъ органистовъ, которые не знаютъ польскаго языка, а поютъ на языкѣ русскомъ въ своихъ храмахъ!» Черезъ полъ-года я получилъ Анну III степ.—за усердіе, въ качествѣ законоучителя гимназіи.

Такъ видите, что тогда еще гр. Толстой слышалъ, что обо мнѣ дурно говорятъ... А будь я іезуитъ, фарисей и заядлый полякъ, тогда-бы—ахъ!-какъ меня захвалили-бы... Ужъ если такого человѣка, какимъ былъ митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, да хотѣли погубить и очернили такъ, что великій князь Константинъ былъ противъ него... Да если Потаповъ чуть было не погубилъ архіерея Александра, сдѣлавъ представленіе въ Св.

Синодъ о высылкѣ его, Александра, въ Соловецкій Монастырь (а Митрополитъ Сѣмашко устроилъ назначеніе его въ Минскъ), то что-же говорить обо мнѣ?!...»

Въ другомъ письмѣ ко мнѣ (отъ 15 авг. 1900 г., Омскъ) Сенчиковскій пишетъ по поводу Минскихъ отношеній своихъ съ Тышкевичами и Потаповымъ:

«Графиня Марія Павловна Тышкевичъ, жена Михаила Тышкевича, жила въ имѣніи «Городокъ» (Grudek), въ Минскомъ уѣздѣ и въ моемъ приходѣ. А такъ какъ у меня введенъ былъ русскій языкъ, то графиня пожелала перенести тѣло маленькой своей дочери, похороненной на кладбищѣ въ «Grudek», въ имѣніе Виленской губерніи. Въ Городкѣ (Grudk'ѣ) была домашняя каплица. Разрѣшеніе министра на вырытіе изъ могилы тѣла и на перенесеніе его въ Виленскую губернію послѣдовало. Это было зимою. Я лично пріѣхалъ въ Городокъ, въ 10 часовъ вечера, въ морозъ 20° по Реомюру. Меня съ органистомъ посадили въ какую-то комнату—сарай, всю зиму неотапливавшуюся; стекла въ окнахъ были выбиты, а печка испорчена, такъ что какой-то карликъ, лакей, объявилъ, что топить ее нельзя. Тогда я высказалъ этому карлику, что порядочные люди и собаку будутъ устраивать потеплѣе, чѣмъ графиня, приготовившая такую квартиру для ксендза—настоятеля, добавивъ, что видимо графиня хорошая католичка, когда такъ внимательно относится къ своему духовенству; но такъ какъ ночевать въ этомъ сараѣ я не буду, то попросилъ взять фонарь. Съ фонаремъ я совершилъ на могилѣ службу, приказалъ вынуть гробикъ и перенесъ его въ каплицу съ тѣмъ, чтобы уже могли перевезти его въ Виленскую губернію. При всемъ этомъ присутствовалъ становой приставъ, который вмѣстѣ со мною пріѣхалъ въ Городокъ изъ Минска. (Городокъ былъ отъ Минска въ разстояніи 20-и верстъ). Я желалъ, пріѣхавъ вечеромъ, на завтра совершить литургію и торжественно вынуть тѣло; но такой пріемъ побудилъ меня поступить иначе. Такъ, ночью, въ два часа, со становымъ приставомъ я и уѣхалъ изъ Городка. Обо всемъ былъ составленъ протоколъ, который я и передалъ губернатору Токареву, возмутившемуся всѣмъ этимъ. Графиня-же Тышкевичъ, въ это время, жила въ Вильнѣ... Вдругъ получается отъ Потапова секретная бумага, чтобы губернаторъ Токаревъ представилъ меня къ удаленію съ должности и къ заточенію въ монастырь. (Потаповъ былъ въ то время еще генералъ-губернаторомъ и надъ Минской губ.) Но Токаревъ, приложивъ копію съ протокола, отвѣтилъ Потапову, что тутъ не я, а служащіе графини виновны, и что, если-бы онъ, Токаревъ, былъ на моемъ мѣстѣ, то поступилъ бы такъ-же, какъ я. Этимъ дѣло и кончилось. Когда Потаповъ былъ уже шефомъ жандармовъ, то все лѣто проживалъ у графини, въ томъ-же Городкѣ.

И вотъ губернаторъ (уже Чариковъ) сообщаетъ мнѣ о томъ, что графиня Тышкевичъ и шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Потаповъ просятъ о присылкѣ ксендза, но только не меня, Сенчиковскаго, въ Городокъ, для совершенія литургіи въ домашней каплицѣ. Я послалъ моего викарнаго кс. Тышко.... *) Вотъ какія исторіи и какими нахальными способами продѣлывали со мною поляки, а вмѣстѣ съ ними и «панъ» Потаповъ, іезуитъ!...»

Свой циркуляръ по 1-му визитаторству Минской губерніи, какъ мы объ этомъ уже упоминали, каноникъ Сенчиковскій распространялъ далеко за предѣлами Минска.

Это видно и изъ личной переписки его.

Изъ послѣдней приведемъ письма къ нему прелата Копцеговича (тоже работавшаго по располяченію р.-к. костела и впослѣдствіи, какъ и Сенчиковскій, пострадавшаго за это) и писателя Гилярова.

Вотъ письма Копцеговича: (въ нихъ есть кое-что существенное и по интересующему обоихъ корреспондентовъ вопросу о введеніи русскаго языка):

1) Безъ даты.

«Многоуважаемый отецъ Фердинандъ!

На письмо Ваше отъ 20-го сего мѣсяца могу сказать Вамъ только: что́ не сдѣлано въ генварѣ, то не мыслимо въ апрѣлѣ. Враги русскаго дѣла не зѣваютъ, да и событія на Востокѣ не въ пользу его.»

2) 4 февраля 1877 г. Вильна.

«Многоуважаемый отецъ Фердинандъ!

За присланный Вами циркуляръ **) примите мое задушевное спасибо. Я смотрю на него, какъ на дѣло вполнѣ справедливое и очень полезное. Жаль только, что такъ смотрятъ очень немногіе.»

3) 17 декабря 1877 г.

«Прошедшее кс. Меера мнѣ неизвѣстно. Въ настоящее-же время онъ вращается въ кругу враждебнаго мнѣ лагеря, придерживаясь политики *хана*, ***) или, вѣрнѣе, его великаго визиря Нѣмекши, котораго можетъ быть достойнымъ товарищемъ по братству трезвости. Я о немъ могу Вамъ сказать столько-же хо-

---

*) Далѣе излагается Сенчиковскимъ исторія, изложенная въ его письмѣ ко мнѣ отъ 12 дек. 1899 г., вышеприведенномъ, почему мы ее и пропускаемъ. Сенчиковскій лишь добавляетъ, что Тимашевъ, по приказанію Государя, сдѣлалъ Потапову выговоръ.

**) Циркуляръ Сенчиковскаго по 1-му визитаторству Минской губерніи.

***) Прелатъ Жилинскій.

рошаго, сколько о кс. Маткевичѣ, а даже еще и больше. Если вамъ угодно, то это—второй экземпляръ его. Программы и свѣдѣнія собираются;—до праздника постараюсь выслать Вамъ. У насъ поговариваютъ, что г. Макова мѣтятъ въ министры Государств. Имуществъ. Если это правда, то насъ съѣдятъ. Я его только одного вижу, какъ истиннаго защитника нашего. Больше разсчитывать не на кого.»

4) 26 іюня 1878 г. Вильна.

«Расположеніе мое къ Вамъ всегда одинаково и повѣрьте мнѣ, что меня подвести интригою нелегко. Съ братомъ-же я не встрѣчаюсь и такихъ дураковъ, какъ онъ, не слушаю. Если-же Вы захотите знать причины, побудившія меня отказаться отъ поѣздокъ въ Минскъ, и о многомъ другомъ, то хорошо было-бы, если-бы Вы могли пріѣхать на станцію Вилейку, извѣстивъ меня преждевременно о времени Вашего прибытія, куда-бы я могъ прибыть, для свиданія съ Вами, и гдѣ я разскажу Вамъ причины моего отказа. И вы навѣрное согласитесь со мною. Изъ виленскихъ новостей доношу Вамъ, что кс. Герасимовичъ смѣщенъ съ должности ректора, и что на его мѣсто прочатъ кс. Абелевича, который чуть ли не хуже Герасимовича. Слѣдовало-бы назначить кого либо изъ заявившихъ себя въ русскомъ дѣлѣ.»

Гиляровъ-же писалъ Сенчиковскому (23 ноября 1877 г. Москва):

«Спѣшу принести Вамъ искреннюю благодарность и отъ себя, и отъ Никиты Петровича, за дорогой Вашъ подарокъ «въ память задушевной бесѣды 1 августа».

Пользуюсь случаемъ исправить нѣкоторое, впрочемъ, весьма незначительное, недоразумѣніе. Вы прислали деньги за подписку на 1879 г., тогда какъ Вы значитесь въ спискѣ редакціонныхъ подписчиковъ. Затрудняясь, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ, рѣшаюсь просить Васъ, не пожелаете-ли Вы указать, какому лицу или учрежденію могли-бы мы высылать въ слѣдующемъ году тотъ экземпляръ, который разъ навсегда принадлежитъ Вамъ? Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Вашъ собратъ во Христѣ.»

Въ письмѣ ко мнѣ (отъ 15 авг. 1900 г., Омскъ), Сенчиковскій, по поводу этого письма поясняетъ:

«Никита Петровичъ *Гиляровъ-Платоновъ*, издатель газеты «Современныя извѣстія», лично и близко былъ со мною знакомъ

точно такъ-же, какъ и Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. А Гиляровъ состоялъ при Гиляровѣ-Платоновѣ вторымъ редакторомъ газеты. Подаркомъ-же, о которомъ говорится въ письмѣ Гилярова, былъ мой циркуляръ духовенству объ языкѣ русскомъ и мною переведенная съ польскаго языка на русскій, такъ называемая, «цесажувка» (разъясненіе 4-й у насъ заповѣди о Монархѣ).

Особымъ эпизодомъ въ Минской жизни Сенчиковскаго является столкновеніе его съ отставнымъ рядовымъ Егоромъ Кирилловымъ *).

Упоминаемый рядовой подалъ Министру Вн. Дѣлъ (въ августѣ 1877 г., изъ г. Минска) **) прошеніе, въ которомъ жалуется на то, что ксендзъ Сенчиковскій и воспитанники подвѣдомственнаго ему училища органистовъ избили его 5 апрѣля того-же года, при чемъ Сенчиковскій, будто-бы, перстнемъ бывшимъ у него на рукѣ, до крови оцарапалъ ему, просителю, лицо.

На запросъ, по этому поводу, Министерства, Минскій Губернаторъ Чариковъ (25 сент. 1877 г., № 5311) ***) отвѣтилъ, что вслѣдствіе жалобы, поданной тѣмъ-же Кирилловымъ ему на визитатора Сенчиковскаго и воспитанниковъ училища органистовъ Глинскаго и Августовскаго въ нанесеніи ему, Кириллову, 5 апрѣля побоевъ, состоялось у мирового судьи 2 уч. Минскаго округа разбирательство, на которомъ выяснилось, что отставной рядовой Кирилловъ, съ заряженнымъ ружьемъ, былъ задержанъ около кладбища, находящагося возлѣ училища органистовъ, какъ лицо, угрожавшее воспитанникамъ выстрѣломъ и неуказавшее своего имени; при чемъ ружье было препровождено въ мѣстный полицейскій участокъ. Обвиненія-же Глинскаго и Августовскаго въ нанесеніи ими Кириллову побоевъ остались ничѣмъ недоказанными. Вслѣдствіе этого мировой судья призналъ ихъ невиновными. — По апелляціонному отзыву Кириллова это дѣло разсматривалось 21 августа того-же года въ съѣздѣ мировыхъ судей, которымъ приговоръ мирового судьи, какъ правильный, оставленъ въ своей силѣ.

Въ настоящее-же время, онъ, губернаторъ, получивъ изъ Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій новую жалобу Кириллова уже на побои, нанесенные ему будто-бы самимъ Сенчиковскимъ, препроводилъ ее къ Сенчиковскому съ просьбою—доставить ему, губернатору, надлежащія объясненія.

---

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій», Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов.

**) Тамъ-же.

***) Тамъ-же.

Сенчиковскій, по этому поводу, заявилъ губернатору, что «5 апрѣля текущаго года никакого происшествія въ училищѣ органистовъ, въ которомъ принимали-бы участіе Кирилловъ и онъ, Сенчиковскій, не было».

При чемъ онъ присовокупляетъ, что «возобновленіе Кирилловымъ жалобы на такое происшествіе, которое случилось полтора года тому назадъ и разсмотрѣно мировымъ судьею, приводитъ къ заключенію, что Кирилловъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не безъ цѣли, но по подговору лицъ, недоброжелательствующихъ успѣхамъ училища органистовъ, такъ что этотъ поступокъ Кириллова можетъ быть отнесенъ къ числу немалочисленныхъ интригъ, окружающихъ его, визитатора Сенчиковскаго, въ чемъ убѣждаетъ еще болѣе и то обстоятельство, что въ числѣ свидѣтелей, указанныхъ въ прошеніи Кириллова, помѣщенъ Ѳикентій Парфіановичъ, который, по отзыву его; каноника Сенчиковскаго, былъ уже разъ подвергнутъ взысканію за подстрекательства воспитанниковъ училища органистовъ къ пьянству и самовольному оставленію училища.»

Въ заключеніе, губернаторъ, доводя обо всемъ до свѣдѣнія Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій, сообщилъ:

«Настоящая жалоба отставного рядового Кириллова дѣйствительно представляется неосновательною; заявленіе-же визитатора Сенчиковскаго о причинахъ, ее вызвавшихъ, заслуживаетъ большого вѣроятія. Я полагалъ-бы необходимымъ объявить отст. ряд. Кириллову, что жалоба эта, какъ касающаяся обвиненій, уже разсмотрѣнныхъ въ судебномъ порядкѣ и признанныхъ неправильными, оставляется безъ всякихъ послѣдствій.»

Дѣло, однако, скоро осложнилось новымъ столкновеніемъ Сенчиковскаго—съ коллежскимъ секретаремъ Змаровичемъ.

Минскій губернаторъ Чариковъ (8 мая 1878 года) *) сообщаетъ Макову:

«Представленіями отъ 25 сент. 1877 г, за № 5311 и 2 сего мая за № 362, я имѣлъ честь доводить до свѣдѣнія господина Министра о столкновеніи, бывшемъ въ Минскомъ училищѣ органистовъ между отставнымъ солдатомъ Кирилловымъ и завѣдывающимъ училищемъ каноникомъ Сенчиковскимъ, а также и послѣдствіяхъ этого столкновенія. Затѣмъ, 3 сего мая, одновременно каноникъ Сенчиковскій увѣдомилъ меня, а коллежскій секретарь Змаровичъ подалъ прошеніе о томъ—первый, что Змаровичъ, принеся аренду ему, Сенчиковскому, за землю, сталъ наносить ему дерзости, и когда онъ отдалъ распоряженіе мальчикамъ органистамъ вывести его, то Змаровичъ замахнулся на него пал-

*) Тамъ-же.

кою и послѣ выбилъ въ дверяхъ два стекла; чиновникъ-же Змаровичъ жаловался на кан. Сенчиковскаго въ нанесенiи ему оскорбленiй. Кромѣ этихъ двухъ случаевъ, былъ еще одинъ, на праздникѣ Св. Пасхи, подобный описаннымъ, гдѣ противникомъ Сенчиковскаго былъ бухгалтеръ губернскаго казначейства Билявскiй; но случай этотъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствiй, такъ какъ, при посредствѣ начальства Билявскаго, удалось склонить его не начинать дѣло.

Доводя о семъ до свѣдѣнiя Вашего Пр—ва, долгомъ считаю обратить вниманiе Ваше на крайне неумѣстное распоряженiе кан. Сенчиковскаго—во всѣхъ описанныхъ случаяхъ, по которому онъ вмѣшиваетъ учениковъ училища, считая ихъ за своихъ тѣлохранителей, вслѣдствiе чего они дѣлаются участниками ссоры. Помимо того, что, присутствуя при нанесенiи оскорбленiй кѣмъ-бы то ни было, они получаютъ вообще дурной примѣръ нравственности, участiе ихъ въ такихъ ссорахъ неудобно еще и потому, что при нихъ могутъ выясниться такiя обстоятельства объ ихъ начальствѣ, о которыхъ желательно было-бы, чтобы они и не знали. Не говоря уже о томъ, что случаи, подобные вышесообщеннымъ, нежелательны вообще; но они становятся болѣе неумѣстными еще и потому, что кан. Сенчиковскiй каждый разъ видитъ въ нихъ что-то политическое, о чемъ и заявляетъ всѣмъ и каждому, какъ это сдѣлалъ и въ послѣднемъ случаѣ, уподобивъ его поступку Засуличъ съ генералъ-адъютантомъ Треповымъ. Вообще опытъ показываетъ, что кан. Сенчиковскiй въ дѣлѣ воспитанiя юношества не отличается сдержанностью и кротостью, какъ съ учениками, такъ и при нихъ съ посторонними, что̀ и послужило поводомъ къ устраненiю его отъ занятiй въ Минскихъ мужской и женской гимназiяхъ. Представленiе-же мое о награжденiи его по IV-му отдѣленiю тремя-стами рублей объясняется единственно желанiемъ замаскировать его выходъ и тѣмъ поддержать значенiе должности, которую онъ занимаетъ.

Вслѣдствiе всего вышеизложеннаго желательно было-бы, чтобы, при разсмотрѣнiи новаго устава училища органистовъ, сколь возможно было ограждено это училище отъ личныхъ и безконтрольныхъ распоряженiй завѣдующаго имъ.»

Но тѣмъ дѣло еще не кончилось.

Минскiй губернаторъ (2 мая 1878 г., за № 362) *) снова доноситъ Министру Вн. Дѣлъ:

«Въ дополненiе къ представленiю отъ 25 сент. 1877 г., за № 3511, имѣю честь почтительнѣйше довести до свѣдѣнiя Вашего Высокопре—ва слѣдующее: Минскiй полицiймейстеръ, ра-

*) Тамъ-же.

портомъ отъ 22 апрѣля, за № 31, донесъ мнѣ, что 19 минувшаго апрѣля доставленъ былъ изъ С.-Петербурга въ гор. Минскъ этапнымъ порядкомъ отставной унтеръ-офицеръ Егоръ Кирилловъ, какъ неимѣвшій собственныхъ средствъ на слѣдованіе въ гор. Минскъ, гдѣ онъ имѣетъ постоянное жительство. При освобожденіи его, онъ объяснилъ, что лѣтомъ 1876 г. Минскій деканъ, каноникъ Сенчиковскій, задержавъ его при проходѣ черезъ кладбище Золотой Горки и подозрѣвая почему-то въ немъ злоумышленника, съ помощью своихъ служителей, избилъ его и задержавъ, представилъ въ полицейскую часть; изъ части Кирилловъ, по собраніи объ его личности надлежащихъ справокъ и необнаруженіи въ его поведеніи ничего предосудительнаго, хотя и былъ тотчасъ-же освобожденъ, но, признавая себя обиженнымъ самоуправными дѣйствіями каноника Сенчиковскаго, обращался съ жалобою на него къ мировому судьѣ 2-го уч. Минскаго округа, но мировой судья отказалъ ему въ просьбѣ по неподсудности; затѣмъ Кирилловъ подавалъ прошеніе въ Виленскую р.-к. консисторію; но и эта его жалоба осталась безъ послѣдствій; поэтому Кирилловъ, въ началѣ февраля мѣсяца настоящаго года отправился, какъ онъ говоритъ, пѣшкомъ въ С.-Петербургъ, съ цѣлью лично жаловаться Его Императорскому Величеству Государю Императору, и задуманное привелъ въ исполненіе; а именно: дождавшись въ одно утро, когда Государь гулялъ около дворца, онъ изложилъ словесно свою жалобу на Сенчиковскаго. Государь Императоръ, выслушавъ его, приказалъ написать прошеніе и на слѣдующій день передать въ канцелярію, что̀ и было исполнено Кирилловымъ; при подачѣ этого прошенія опять распрашивалъ объ его дѣлѣ Его Импер. Высочество Государь Наслѣдникъ, который обѣщалъ ему лично наблюдать за ходомъ дѣла, приказалъ ему, въ случаѣ надобности, обращаться съ прошеніемъ прямо къ Его Высочеству; при этомъ еще Государь Наслѣдникъ, распросивъ, что у Кириллова нѣтъ средствъ на слѣдованіе обратно въ г. Минскъ, пожаловалъ ему на дорогу 5 рублей и приказалъ распорядиться объ отправленіи его этапнымъ порядкомъ.

О содержаніи вышеизложеннаго донесенія я увѣдомлялъ визитатора Сенчиковскаго, для свѣдѣнія, который сообщилъ мнѣ, что «какъ ему извѣстно, всю эту исторію начала и вела графиня М. П. Тышкевичъ, и Кирилловъ былъ только орудіемъ въ ея рукахъ и на ея деньги, для того собственно, дабы чѣмъ либо повредить ему. По этому-же самому дѣлу гр. Тышкевичъ обѣщала мировому судьѣ г. Соколову ходатайствовать о помѣщеніи его дѣтей на казенное содержаніе въ одномъ изъ лучшихъ заведеній, лишь-бы только жалоба Кириллова была принята и осуждена во вредъ ему.» —

На этомъ рапортѣ Маковъ положилъ 4 мая двѣ резолюціи:

1) Разсказъ Кириллова есть чистый вздоръ.»

2) «Изложенный въ концѣ отзывъ Сенчиковскаго совершенно вѣренъ. Исторія Кириллова мнѣ очень хорошо извѣстна. Слѣдовало-бы подчинить Кириллова особому наблюденію полиціи съ воспрещеніемъ отлучекъ въ Петербургъ.»

По поводу-же столкновенія Сенчиковскаго съ чиновникомъ Змаровичемъ, губернаторъ Чариковъ (14 мая того-же года, за № 411 *) представилъ на благоусмотрѣніе Министра Вн. Дѣлъ слѣдующее:

«Третьяго сего мая поступило ко мнѣ объясненіе отъ каноника Сенчиковскаго, изложенное имъ въ отношеніи за № 722, и прошеніе чиновника Змаровича, по поводу происшедшаго между ними столкновенія въ квартирѣ перваго изъ нихъ. По объясненію кан. Сенчиковскаго, столкновеніе это произошло по поводу неаккуратной уплаты арендныхъ денегъ за плацъ, принадлежащій къ Св.-Троицкому костелу, находящійся въ пользованіи жены Змаровича. При выдачѣ Змаровичу квитанціи въ полученіи отъ него принесенныхъ имъ арендныхъ денегъ, кан. Сенчиковскій замѣтилъ ему, что какъ не стыдно не уплачивать своевременно денегъ и тѣмъ самымъ заставлять его прибѣгать къ мѣрамъ взысканія,—на что Змаровичъ отвѣтилъ, что дѣлаютъ такъ только такіе негодяи, какъ онъ, и когда кан. Сенчиковскій велѣлъ ему убираться вонъ, то Змаровичъ, продолжая его ругать, намѣревался ударить его палкою - отъ чего былъ остановленъ присутствовавшимъ при этомъ ксендзомъ Олехновичемъ. Чтобы оградить себя отъ дальнѣйшихъ непріятностей со стороны Змаровича, кан. Сенчиковскимъ были призваны: органистъ Володзько, надзиратель Глинскій и нѣкоторые старшіе ученики-органисты, которые, по приказанію его, вывели Змаровича изъ дома. Въ прошеніи-же Змаровича этотъ случай объясняется такъ: когда Сенчиковскій, при выдачѣ квитанціи, возвыся голосъ сказалъ «почему не во время деньги внесены?», тогда Змаровичъ отвѣтилъ, что это произошло по причинѣ болѣзни семейства, то Сенчиковскій крикнулъ: «я знать этого не хочу! Убирайся вонъ съ плаца!», на что Змаровичъ замѣтилъ ему его дерзкое съ нимъ обращеніе, послѣ чего Сенчиковскій схватилъ его за воротникъ и, толкая въ плечи, ругалъ его разными неприличными словами. Обо всемъ этомъ Змаровичъ просилъ засвидѣтельствовать находившагося тутъ-же ксендза Олехновича, и когда опять замѣтилъ Сенчиковскому подобное его обращеніе съ чиновниками, то Сенчиковскій, войдя въ болѣе яростное состояніе, крикнулъ пять человѣкъ мальчиковъ-органистовъ, которымъ приказалъ связать

*) Тамъ-же.

Змаровича и отправить въ полицію. Повинуясь приказанію, мальчики-органисты, въ томъ числѣ и органистъ Володзько, схватили Змаровича и Володзько сталъ душить его за горло, осыпая всевозможною бранью Спустя нѣкоторое время Сенчиковскій велѣлъ освободить Змаровича, сказавъ: «я знаю, что съ нимъ сдѣлать.»

Доводя о вышеизложенномъ до свѣдѣнія Вашего Высокопре—ва и не вдаваясь въ обсужденіе этого случая, какъ частнаго, я имѣю честь почтительнѣйше просить обратить вниманіе Вашего Высокопре—ва на него лишь по отношенію къ оффиціальному положенію каноника Сенчиковскаго, какъ завѣдующаго училищемъ органистовъ. Исходя изъ этого, я нахожу, что обращеніе имъ учениковъ училища въ своихъ охранителей, черезъ что́ они дѣлаются невольными участниками столкновеній, подобно вышесказанному, едва-ли можетъ быть желательно въ интересахъ нравственнаго воспитанія, тѣмъ болѣе, что кан. Сенчиковскій, на сколько мнѣ извѣстно, неограничивается такого рода привлеченіемъ учениковъ къ его домашней жизни, но употребляетъ ихъ еще и какъ прислужниковъ за столомъ во время посѣщенія его знакомыми г. Минска.

Вслѣдствіе чего, я имѣю честь 1) почтительнѣйше ходатайствовать передъ Вашимъ Высокопре—вомъ, не изволите-ли признать полезнымъ принять вышеизложенное въ соображеніе при разсмотрѣніи вновь редактируемаго устава училища органистовъ, и 2) присовокупить, что столкновеніе кан. Сенчиковскаго съ Змаровичемъ не имѣло никакихъ послѣдствій, такъ какъ мнѣ удалось склонить послѣдняго не начинать дѣла, что̀ онъ намѣревался сдѣлать подачей жалобы на учениковъ училища мировому судьѣ, имѣя при этомъ въ виду, какъ онъ объяснилъ, то, что онъ не знаетъ, кому жаловаться на каноника Сенчиковскаго.»

На этомъ донесеніи имѣется такая резолюція ген.-адъют. Тимашева:

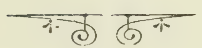
«Безпокойный характеръ кан. Сенчиковскаго мнѣ извѣстенъ. Поручить губернатору сдѣлать ему строгое внушеніе, какъ за его запальчивость, такъ и за отношеніе его къ ученикамъ ввѣренной ему школы.»

Какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, изъ Министерства написано было о такомъ рѣшеніи Министра Минскому губ—ру, а кан. Сенчиковскому сдѣланъ былъ выговоръ въ присутствіи попечителя училища органистовъ.

Запомнимъ, въ виду будущихъ осложненій жизни Сенчиковскаго въ Минскѣ, именно по отношенію къ училищу орга-

нистовъ, что въ 1878 г. идетъ о немъ переписка между губернаторомъ Чариковымъ и Министерствомъ, въ которой имѣются нареканія лишь на то, что онъ, Сенчиковскій, по характеру его, по пріемамъ воспитанія, дурной педагогъ, вообще нежелательный въ учебномъ заведеніи.

И ни слова не говорится объ его какихъ-либо безнравственныхъ сношеніяхъ съ воспитанниками заведенія.

ГЛАВА X.

(1877—78 годы).

Письмо къ Сенчиковскому изъ Рима отъ кардинала Якобини.— Новый способъ прелата Жилинскаго—допечь покойнаго—воскрешеніемъ о немъ давно уже законченныхъ и бездоказательныхъ дѣлъ.—Протесты Сенчиковскаго —Переписка, по этому поводу, между Маковымъ и губернаторомъ Чариковымъ.—Еще разъ агенты польско-іезуитской пропаганды въ проигрышѣ: Р.-К. Духовная Коллегія принуждена сознаться оффиціально, что никакихъ преступленій за Сенчиковскимъ не числится.—Польское анонимное письмо изъ Вильны.—Проектъ Сенчиковскаго о перемѣщеніи резиденціи управляющаго Виленской р.-к. епархіей изъ Вильны, какъ гнѣзда польско-іезуитской интриги—въ Минскъ.— Предостерегающее письмо изъ Рима прелату Жилинскому—отъ кардинала Катерини.—Юмористическій взглядъ на него Сенчиковскаго.— Предложеніе покойнымъ себя—въ качествѣ ректора Виленской р.-к. духовной семинаріи,—перепугавшее Макова.—Поѣздка Сенчиковскаго въ Петербургъ и первая встрѣча съ новымъ директоромъ Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. А. Н. Мосоловымъ.—Взглядъ на Сенчиковскаго Л. С. Макова.—Еще одинъ циркуляръ покойнаго подчиненному духовенству.—Но партія польско-іезуитской пропаганды не дремлетъ.— Грязь на страницахъ заграничнаго «Народнаго Листка».—Письмо Сенчиковскому изъ Рима отъ кардинала Катерини.

Въ 1877 году получилъ Сенчиковскій письмо слѣдующаго содержанія изъ Рима, отъ кардинала Якобини *):

«Блаженнѣйшій Отецъ.

Покровители схизмы, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, со всяческимъ рвеніемъ, стараются ввести русскій языкъ въ общественное богослуженіе р.-католическихъ церквей въ губерніяхъ Польши, Литвы и др., подчиненныхъ русскому правительству. Нововведеніе это, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, состоитъ въ томъ, что въ тѣхъ частяхъ Св. Литургіи и таинствъ, которыя называются дополнительнымъ богослуженіемъ и въ которыхъ съ незапамятныхъ временъ и до сихъ поръ употреблялся языкъ польскій, теперь вмѣсто польскаго эти покровители схизмы пытаются ввести языкъ русскій, не безъ тяжелой опасности для католической вѣры и величайшаго соблазна и преткновенія для вѣрующихъ.

Въ этихъ то трудныхъ обстоятельствахъ весьма многіе священники и свѣтскіе чины католической Церкви, заботясь о своей и многихъ другихъ совѣсти, прибѣгали къ Св. Апостольскому Престолу, прося у него помощи и разъясненія. И вотъ единственно ради спасенія Св. Католической Религіи, которую они получили отъ предковъ, и спокойствія совѣсти, эти священники и вѣрующіе просили объясненія слѣдующихъ вопросовъ:

1) Можно-ли безъ разрѣшенія Св. Престола употреблять въ такъ называемомъ дополнительномъ богослуженіи русскій языкъ, вмѣсто польскаго, употребляемаго въ немъ съ незапамятныхъ временъ?

2) Допустилъ ли Св. Престолъ этого рода введеніе русскаго языка или слѣдуетъ думать, что допускаетъ.

Ферія IV 11 іюля 1877 г., въ Генеральной Конгрегаціи Св. Римской и Всеобщей Инквизиціи, по представленіи этихъ вопросовъ Высокимъ и Почтеннымъ Господамъ Генеральнымъ Кардиналамъ Инквизиторамъ Св. Римской Церкви, послѣдніе на первый и второй вопросы отвѣтили отрицательно.

Якобини.»

---

*) Приводится въ переводѣ съ латинскаго языка. Подлинникъ его находится въ дѣлѣ Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. о введеніи русскаго языка въ дополнительное р.-к. богослуженіе.

Письмо это было нарочно оглашено въ заграничной печати польско-іезуитскою пропагандой. Можно себѣ представить, какъ оно охладило рвеніе тѣхъ немногихъ ксендзовъ, которые, по примѣру Сенчиковскаго, ввели у себя въ костелы русскій языкъ!...

«Литовскія Епархіальныя Вѣдомости» (1878 г., № 6) помѣстили, на своихъ страницахъ, статью подъ заглавіемъ «русскій языкъ въ дополнительномъ католическомъ богослуженіи», перепечатанную изъ «Церк. Общ. Вѣстника», въ которой, между прочимъ, говорится:

«Въ ультрамонтанской французской газетѣ «Міръ» (Le Monde) появился весьма любопытный документъ—постановленіе «священной инквизиціи» по вопросу объ отправленіи дополнительнаго католическаго богослуженія въ нашемъ Западномъ краѣ на русскомъ языкѣ вмѣсто польскаго.

Русское Правительство, какъ извѣстно, желало этимъ нововведеніемъ устранить изъ области религіозныхъ отправленій польскій языкъ, какъ враждебный Россіи политическій элементъ, стремившійся путемъ богослуженія ополячивать людей, русскихъ по происхожденію и языку. Желая дать этому дѣлу вполнѣ законный видъ, Правительство обратилось за разрѣшеніемъ вопроса къ римскому двору; но послѣдній, видя въ ополяченіи русскихъ католиковъ одно изъ средствъ къ уничтоженію въ нихъ русской національности и сліянію ихъ съ враждебною намъ частью польскихъ населеній, не изъявилъ на это своего согласія. Тѣмъ не менѣе, сами священники, изъ наиболѣе благомыслящихъ, не только ввели русскій языкъ въ дополнительное свое богослуженіе, но и донынѣ продолжаютъ молиться съ своими духовными дѣтьми на сочувственномъ и понятномъ имъ языкѣ. Но нашлись и такіе, которые увидѣли въ нововведеніи опасность для вѣры (?!!) на сколько искренно—это ужъ ихъ дѣло—и обратились за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній въ Римъ. Отвѣтъ и на этотъ разъ, по повелѣнію самого Папы, послѣдовалъ отрицательный, что́ и выразилось въ вышеупомянутомъ документѣ. Постановленіе инквизиціи появилось въ латинскомъ текстѣ. Сообщаемъ дословный его переводъ.»

Затѣмъ, въ статьѣ, слѣдуетъ, въ русскомъ переводѣ, текстъ того письма, которое получилъ Сенчиковскій, съ добавленіемъ, что подпись кардинала Якобини (Священной Инквизиціи ассесора) скрѣпилъ І. Пелапи, священной римской и вселенской инквизиціи секретарь. *)

---

*) Быть можетъ, такая-же скрѣпа имѣется и на письмѣ, присланномъ Сенчиковскому—не знаемъ, такъ какъ мы получили уже переведенную копію, безъ этой подписи.

Письмо кардинала Якобини только подтвердило предположенія Сенчиковскаго о томъ: 1) что походу противъ введенія русскаго языка въ костельное богослуженіе дается общій тонъ изъ Рима; 2) что между агитаціями противъ него, Сенчиковскаго, и взглядами Рима имѣется тѣсная связь; 3) что упорное сопротивленіе этой мѣрѣ со стороны р.-к. духовенства и населенія Сѣверо-Западнаго края и Бѣлоруссіи таитъ въ себѣ политическія, анти-государственныя задачи польско-іезуитской пропаганды.—

Нечего говорить, что подобный документъ, исходящій отъ самого Папы и Инквизиціи, несомнѣнно съ опредѣленною цѣлью разосланный по ксендзамъ, до того поддерживавшимъ Сенчиковскаго, не случайно проникшій въ печать, при томъ въ то время, когда правительственная реформа находилась въ періодѣ забвенія, упадка, равнодушнаго къ ней отношенія администраціи, и подъ особенно усиленными, яростными ударами враговъ Россіи, имѣлъ огромное значеніе.

Тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ какъ-бы этого не хотѣли понять.

Только практики, въ родѣ Сенчиковскаго, могли усчитать всѣ грядущія послѣдствія грознаго предостереженія изъ Рима.

По поводу этого письма Сенчиковскій пишетъ Л. С. Макову отъ 18 ноября 1877 г., за № 1595) *):

«Вчерашняго числа я получилъ и тогда-же представилъ губернатору письмо за подписью кардинала Якобини, начальника Всемірной Инквизиціи. Въ письмѣ этомъ насъ называютъ «союзниками и доброжелателями схизмы», развитію которой очень помогаетъ употребленіе нами языка русскаго. А, главное, что я получилъ таковое изъ г. Варшавы: слѣдовательно тамъ—гнѣздо пропаганды польско-іезуитской.

Но все это—пустое, и я не обратилъ-бы на это серьезнаго вниманія, если-бы это было сдѣлано только со мною. Но я полагаю, что если не всѣ, то многіе получатъ, или уже получили, подобныя-же прокламаціи, и это именно послужитъ во вредъ дѣлу, ибо найдутся усердные толкователи и пропагандисты, которые не пощадятъ ничего, лишь-бы только распространить опредѣленіе инквизиціонной комиссіи и мнѣніе Якобини, хотя оно и неосновательное, нелогичное и не заключающее въ себѣ ни одной мысли справедливой, ибо обвиненіе насъ, какъ «союзниковъ или доброжелателей схизмы», не можетъ имѣть ни малѣйшаго смысла и отношенія къ употребленію языка народнаго и

*) Бумаги С., хранящіяся въ Импер. Публ. Библіотекѣ. Дѣло № 63 Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. «Св. Сенчиковскій.»

государственнаго. Поэтому мнѣ и пришла мысль, не пора-ли теперь послать письмо на имя Папы Пія IX-го—то письмо, проектъ котораго я имѣлъ счастье представить Вашему Пре ву?— Худшаго ничего уже не будетъ; опроверженіе-же мнѣнія Якобини и наше возраженіе противъ осужденія, не думаю, дабы намъ повредили болѣе, чѣмъ закулисныя прокламаціи. Конечно, въ этомъ вопросѣ, я непозволю себѣ даже кому либо намекнуть до того времени, пока не получу на то разрѣшенія и указанія отъ Правительства. Понятно, что тутъ польская партія все это устроила и что въ этомъ вопросѣ участвовалъ кардиналъ Ледоховскій; въ этомъ я убѣжденъ. Но кто именно въ Варшавѣ такъ усердно разсылаетъ эти прокламаціи?—Это интересно.»

На письмо свое каноникъ Сенчиковскій не получилъ отвѣта.

Въ 1878 году умеръ Папа Пій IX, котораго Сенчиковскій справедливо считалъ однимъ изъ главныхъ, могущественныхъ враговъ Россіи и русскаго дѣла въ С.-З. краѣ (и Минской губ.), а также виновникомъ многихъ гоненій, лично, противъ него, Сенчиковскаго, воздвигнутыхъ.

«Литовскія Епарх. Вѣдомости» (1878 г., № 5) встрѣтили извѣстіе о смерти Пія IX такой замѣткою:

«Телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о кончинѣ Пія IX-го, 26 января. Умеръ злѣйшій врагъ Православія, ненавистникъ свободы православныхъ народовъ Балканскаго полуострова, немалый виновникъ религіозныхъ смутъ на Востокѣ и ссоры Болгаръ съ Греками,—человѣкъ, который въ продолженіи почти что тридцатилѣтняго первосвященства въ р.-к. Церкви только и заботился, какъ бы нанести вредъ правосл. Церкви на Востокѣ. — Въ самой католической Церкви онъ посѣялъ расколы, соблазны и безвѣріе. Провозглашеніе догмата непорочнаго зачатія Богородицы и папской непогрѣшимости заставило лучшихъ сыновъ католической Церкви прервать сношенія съ Римскою Церковью и искать спасенія въ другой.»—

Какъ видно изъ бумагъ Сенчиковскаго, отъ новаго Папы ждалъ онъ иного къ себѣ и къ своимъ единомышленникамъ отношенія.

Къ сожалѣнію, надежды его скоро разбила дѣйствительность, какъ мы въ этомъ скоро убѣдимся: явился новый Папа, но политика Рима, но отношенія Римской Куріи къ Россіи остались прежнія...

Въ Минскѣ жилось Сенчиковскому по-прежнему далеко не весело и не спокойно.

Новыя интриги Жилинскаго вынуждаютъ его, пользуясь лично даннымъ ему любезнымъ разрѣшеніемъ Л. С. Макова, обратиться къ послѣднему съ письмомъ (отъ 17 февр. 1878 г.)*) слѣдующаго содержанія:

«Приложенная при семъ копія моего представленія г. губернатору яснѣе всего доказываетъ то усердіе, съ какимъ прелатъ Жилинскій относится къ распоряженіямъ Правительства. Касательно-же меня пусть тамъ готовятъ для меня адскія страданія, пусть растерзаютъ меня въ клочки, но пока я еще въ живыхъ, будь даже я въ Сибири, — и тамъ останусь одинаково преданъ и вѣренъ видамъ Правительства, и тамъ охотно и добросовѣстно буду стремиться къ достиженію предначертанной имъ цѣли. Скажу яснѣе: я могъ погорячиться, но не могу и не умѣю измѣнить и быть двуличнымъ. Дѣло едва начато; поэтому и пòля, для доказательства сказаннаго, еще очень мало было. Но, если Всевышній позволитъ мнѣ пожить и враги не съѣдятъ, а Правительство поддержитъ, защититъ и предоставитъ мнѣ возможность—тогда буду я счастливъ, если на дѣлѣ докажу сказанное здѣсь. Помогите только, Ваше Пре—во, спасите отъ окончательной гибели, какую готовитъ мнѣ Вильна и Коллегія! Умоляю, сжальтесь надо мною и не дозвольте истязаться за то только, что упрямо, открыто и вѣрно служу Правительству! Приложенное здѣсь письмо прелата Жилинскаго ясно доказываетъ, что онъ все можетъ сдѣлать. Онъ подвелъ консисторію запачкать мой формулярный списокъ; онъ возбудилъ на меня всякія дѣла, и когда гр. Сиверсъ принялъ въ моей судьбѣ участіе, вотъ что̀ онъ тогда ко мнѣ написалъ, и какъ онъ былъ друженъ. Всѣ эти-же самыя дѣла признаны имъ нестоющими вниманія, и эти дѣла были въ консисторіи, а онъ представилъ меня къ наградѣ, и я удостоился таковой. *Почему-же, послѣ истеченія столькихъ лѣтъ, дѣла эти сдѣлались важными и необходимы Коллегіи? Я положительно знаю, что Коллегія желаетъ потихоньку покончить со мною,* и только вся моя надежда на отцовскую помощь и покровительство Вашего Пре—ва, и согласно совѣту и разрѣшенію, данному мнѣ лично г. Министромъ, я только къ Вамъ обращаюсь съ полною откровенностью. Спасите, ради Бога, не допустите погубить меня и дорогое мнѣ русское дѣло!

Училище мое—въ цвѣтущемъ состояніи; вновь выпущенные органисты съ удивительною преданностью служатъ не только на языкѣ русскомъ но и видамъ Правительства, во всемъ соотвѣтствуя указаніямъ г. губернатора, въ чемъ Валерій Ивановичъ

---

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов.

можетъ посвидѣтельствовать. Вотъ и это тоже тяжелое для меня обвиненіе.»

На письмѣ—резолюція Макова:

«Спросить губернатора, какія дѣла возбуждены вновь противъ Сенчиковскаго въ Виленской консисторіи?»

Къ письму приложено старое, собственноручное, на русскомъ языкѣ, письмо прелата Жилинскаго (отъ 7 марта 1872 г. Вильна) къ Сенчиковскому:

«Любезный деканъ Фердинандъ!» писалъ Жилинскій: «Можете убѣдиться въ моемъ хорошемъ расположеніи: сдѣлать Вамъ добро, столь Вами заслуженное. Я все готовъ для Васъ. Напишите свой формулярный списокъ и безъ подписей принесите ко мнѣ: я его самъ подпишу и приложу епархіальную печать. То и обойдется безъ консисторіи и ея членовъ, ибо останется въ сторонѣ. Но я-бы полагалъ, чтобы Вы попросили Его Пре—во г. губернатора, не благоугодно-ли было-бы вручить Вашъ формулярный списокъ Вамъ, а Вы бы его ко мнѣ отослали. Сдѣлайте, какъ получше, а я Вамъ во всемъ радъ служить. Слуга нижайшій

П. Жилинскій.»

Напомнимъ, что это и былъ тотъ подарокъ, который Жилинскій поднесъ Сенчиковскому—въ благодарность за содѣйствіе въ устройствѣ Высочайшей аудіенціи прелату.

Вотъ копія съ письма кс. Сенчиковскаго (отъ 13 февр. 1878 г., № 241. Минскъ) Минскому губернатору, приложенная къ письму его къ Макову (отъ 17 февраля) *):

«Нынѣшняго числа я получилъ отъ г. управляющаго епархіей предложеніе (отъ 10 сего мѣсяца, за № 211), и при ономъ документы о назначеніи кс. Бертовича настоятелемъ Игуменскаго р.-к. прихода, съ тѣмъ, дабы Королищевскій р.-к. приходъ передать въ управленіе декана Олехновича. Но какъ въ предложеніи ко мнѣ, такъ и въ предложеніи на имя кс. Бертовича и присланныхъ ему духовныхъ документахъ и аппробатахъ на русскомъ и латинскомъ языкѣ ни однимъ словомъ не сдѣлано даже намека о принесеніи кс. Бертовичемъ на вѣрность службѣ присяги. Между тѣмъ, кс. Бертовичъ перемѣщенъ въ Королищевицы еще до изданія распоряженія о присягѣ; прежде-же кс. Бертовичъ положительно не присягалъ, такъ что онъ совершенно даже и не слышалъ о какой либо присягѣ или обязательствѣ—быть вѣрнымъ службѣ и Престолу. Если прелатъ Жилинскій, въ распоряженіи о назначеніи настоятелемъ кс. Лемпицка-

*) Тамъ-же.

го, кс. Барща, кс. Воеводскаго, кс. Шишко и другихъ, даже повторялъ свое распоряженіе самъ, и еще поручалъ консисторіи предложить мнѣ о немедленномъ приведеніи сказанныхъ ксендзовъ къ присягѣ на вѣрность службѣ, то болѣе, чѣмъ странно настоящее хладнокровіе и небрежность къ единственной мѣрѣ, связывающей ксендза съ Правительствомъ и Отечествомъ, къ единственному случаю, когда ксендзъ, хотя разъ въ жизни, публично и въ лицѣ Церкви и народа, заявляетъ о томъ, что онъ— русскій подданный, и не только откровенно и публично признаетъ Россію своимъ отечествомъ, но и обязуется повиноваться Престолу. А это именно самое трудное для іезуита-поляка и фанатика, стоящаго во главѣ народа и защищающаго польскіе интересы. Неужели распоряженіе о ксендзовской присягѣ, опубликованное и поставленное на степени государственныхъ законовъ, есть только маловажная, продолжающаяся около одного года, игрушка? Неужели эта единственная, морально связывающая ксендза съ Правительствомъ, мѣра зависитъ отъ каприза и усмотрѣнія кого либо? Болѣе, чѣмъ необходимо, дабы всѣ р.-к. духовные хотя-бы разъ въ жизни выполнили присягу, дабы эта присяга строго соблюдалась не только годъ или два, но постоянно и всегда при перемѣщеніи на другое мѣсто; а тѣмъ болѣе тѣ ксендзы обязаны присягать, которые ни разу въ жизни еще не присягали. Къ такимъ именно принадлежитъ кс. Бертовичъ и въ принесеніи присяги не должно быть ни малѣйшаго исключенія и ни малѣйшаго отступленія. А такъ какъ принесеніе присяги на вѣрность Престолу и службѣ кс. Бертовичемъ я нахожу болѣе, чѣмъ необходимымъ и ничѣмъ незамѣнимою мѣрою для моральнаго подчиненія кс. Бертовича Правительству и понужденія его къ добросовѣстному исполненію распоряженій для блага Государства, то, донося Вашему Пр—ву о столь серьезномъ, по моему мнѣнію, опущеніи со стороны епархіальнаго начальника, честь имѣю всепокорнѣйше просить, не встрѣчается-ли со стороны Вашего Пре—ва препятствія, дабы я, не смотря на пропущенное г. управляющимъ молчаніемъ приведеніе кс. Бертовича къ присягѣ, визитаторскою властью пригласилъ его, кс. Бертовича, въ г. Минскъ и въ присутствіи гражданскаго и жандармскаго чиновниковъ привелъ его къ присягѣ?»

Продолженіе этой интересной переписки мы находимъ въ дѣлѣ канцеляріи Минскаго губернатора № 58 (1878 г.), которое начинается отзывомъ Л. С. Макова (тогда уже товарища Мин. Вн. Дѣлъ)—отъ 28 февр. № 27—на имя Минскаго губернатора Чарикова. (Изъ дѣла нами взяты всѣ, относящіяся къ этому вопросу, документы).

Маковъ пишетъ 28 февраля:

«Визитаторъ Сенчиковскій обратился ко мнѣ съ письмомъ,

въ которомъ ходатайствуетъ объ оказаніи ему поддержки противъ Духовной Коллегіи и Виленской консисторіи, желающихъ, будто-бы, ему повредить возбужденіемъ разныхъ противъ него дѣлъ.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Пре—во приказать собрать и сообщить свѣдѣнія, какія именно дѣла возбуждены Виленскою консисторіей противъ визитатора Сенчиковскаго.»

Губернаторъ Чариковъ, вслѣдствіе подобнаго запроса, въ свою очередь, обратился (6 марта) за объясненіями къ Сенчиковскому.

Послѣдній, въ отвѣтъ на это, прислалъ губернатору слѣдующій докладъ (отъ 14 марта, № 419):

«Вслѣдствіе предложенія Вашего Пре—ва отъ 6 сего мѣсяца за № 180, основаннаго на принятомъ г. Товарищемъ Министра Маковымъ участіи въ поддержкѣ и защитѣ меня отъ притѣсненій консисторіи и Коллегіи, честь имѣю всепокорнѣйше пояснить, во 1-хъ, что со времени, т. е. съ 1868 года, когда я началъ употреблять языкъ русскій въ дополнительномъ богослуженіи, епархіальное начальство, при содѣйствіи ксендзовъ, приняло самое дѣятельное участіе и даже подстрекало къ возведенію на меня всякаго, даже и неподуманнаго мною, преступленія. Ксендзы усердно и съ энергіею, достойною болѣе благородной цѣли, распространяли въ народѣ слухи, что я зарѣзалъ свою мать (которую 10 лѣтъ я не видѣлъ и которая умерла въ Гродненской губерніи, когда я былъ въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, Минской губерніи); что я убилъ своего отца (который прибылъ ко мнѣ въ г. Борисовъ, страдая ракомъ языка и котораго два Борисовскіе доктора постоянно пользовали отъ этой болѣзни). Ксендзы распространяли слухи и доносили консисторіи, которая требовала отъ меня объясненій, о томъ, что я совершаю литургію въ пьяномъ видѣ (но я 15 лѣтъ, страдая сильнымъ катарромъ желудка, не только пить горячіе напитки, но и кушать ничего не могу); что веду блудную жизнь; что дѣлаю подлоги по службѣ; что беру взятки отъ ксендзовъ за подлоги и обокралъ имущество умершихъ ксендзовъ; что выдаю подложныя метрики; что обокралъ костелы не только ввѣреннаго мнѣ прихода и деканата, но и костелы Минской губерніи, которые я, отъ имени г. управляющаго епархіей, ревизовалъ въ 1870 и 1871 годахъ. И, наконецъ, было заявлено, что я многое перемѣнилъ и многое совершенно уничтожилъ въ обрядахъ и даже догматахъ р.-к. религіи. А, главное, что я, тайно присоединившись къ Православію, стремлюсь обманомъ привлечь къ Православію и р.-к. прихожанъ.

Все вышесказанное было поводомъ того, что Я просилъ о выдачѣ мнѣ билета на поѣздку въ С.-Петербургъ, для личнаго объясненія и исходатайствованія у Министерства защиты и поддержки. Но Виленское епархіальное управленіе отказало мнѣ въ этомъ, по неизвѣстной мнѣ причинѣ. Между тѣмъ оно дѣятельно принялось всякую, взведенную на меня кляузу и написанную на меня ябеду, тайнымъ образомъ облекать въ законную форму, производить секретныя дознанія и даже десятками №№ требовать отъ меня объясненій, сбивая меня и запугивая противорѣчивыми вопросами, и даже нѣкоторыя письменныя заявленія ксендзовъ переданы были уже судебнымъ слѣдователямъ для производства дознанія, а, главное, раньше даже передачи судебнымъ слѣдователямъ письменно взведенныхъ на меня врагами моими преступленій, раньше даже потребованія отъ меня объясненій, консисторія внесла въ мой формулярный списокъ заглавіе, *что я «состою подъ судомъ.»* Списокъ съ этою аттестаціей консисторія прислала б. губернатору тайному совѣтнику Токареву, который намѣренъ былъ представить меня къ Высочайшей наградѣ. При этомъ г. управляющій епархіею, хотя разрѣшилъ Консисторіи въ моемъ формулярномъ спискѣ написать, что я—подъ судомъ, но самъ прислалъ г. Токареву самую лестную обо мнѣ аттестацію и написалъ ко мнѣ *собственноручно частное письмо,* совѣтуя прислать къ нему формулярный списокъ, мною переписанный, который г. управляющій, со своею подписью, перешлетъ г. бывшему губернатору, и «такимъ образомъ мы обойдемся безъ консисторіи.» Это буквально слова прелата Жилинскаго. Письмо это, въ подлинникѣ, представлено мною г. Товарищу Министра.

Все вышесказанное, а, главное, постоянные вызовы меня судебными слѣдователями въ противоположныя мѣста, для снятія съ меня допросовъ, и внесенное *самовольно* обидное для меня заявленіе въ мой послужной списокъ, да, наконецъ, постоянныя угрозы и новые безпрерывно—взводимые на меня обвиненія и доносы, которымъ епархіальное управленіе давало законное направленіе, не только убили мою энергію къ службѣ, отняли время, необходимое для занятій, но вынудили меня *безъ билета* поѣхать въ столицу и тамъ, благодаря милостивому вниманію г. Министра, его товарища и директора Департамента гр. Сиверса, я былъ выслушанъ и было принято теплое участіе въ моей защитѣ. Вслѣдствіе чего прелатъ Жилинскій былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ, гдѣ получилъ Высочайшее повелѣніе—объѣхать по ревизіи Минскую губернію. Министерство-же поручило принять мѣры для прекращенія противъ меня взведенныхъ *несправедливостей и гоненій. И когда послѣ ревизіи прелатъ Жилинскій лично убѣдился во многомъ о невинно на меня взведенныхъ кляузахъ, тогда поручилъ консисторіи вытребовать отъ судебныхъ слѣдователей взве-*

денныя на меня дѣла, и, какъ недостойныя вниманія и ложныя, оставить безъ послѣдствій, что консисторія исполнила. Послѣ чего семь лѣтъ я былъ спокоенъ и никто не тревожилъ меня и не мѣшалъ мнѣ свободно трудиться въ пользу принятаго на себя русскаго дѣла. Ни ябеды ксендзовъ и польскихъ пропагандистовъ, ни желаніе консисторіи -- погубить меня, не были уважены, и я оставался внѣ опасности и тревоги.

Но вотъ нынѣшняго года, въ февралѣ мѣсяцѣ, я получилъ частное увѣдомленіе отъ члена консисторіи прелата Концеговича, который пишетъ, что онъ удивляется моему самоотверженію, съ какимъ я тружусь надъ развитіемъ русскаго дѣла въ минуту, въ которую я самъ нахожусь въ неминуемой опасности; что не только русское дѣло, но и моя личность окончательно потеряны и погибли, такъ какъ Петербургская Коллегія, совмѣстно съ Виленскою консисторіею, приняли всѣ мѣры для достиженія вышесказанной цѣли, и что онъ, прелатъ Концеговичъ, тоже столько пострадалъ, что считаетъ себя навсегда похороненнымъ и отпѣтымъ для русскаго языка. *А, главное, что Коллегія потребовала къ себѣ всѣ какія только находятся взведенныя на меня дѣла, для возобновленія и своего постановленія; что Коллегія, съ неимовѣрною горячностью, дѣйствуетъ противъ меня, ибо въ продолженіи одной недѣли послѣдовало въ консисторію не только нѣсколько указовъ обо мнѣ, но и нѣсколько понужденій объ ускореніи исполненія этихъ указовъ.* Такое стремленіе Коллегіи, столь серьезныя письма прелата Концеговича и опасеніе серьезнаго преслѣдованія со стороны Коллегіи, которая можетъ *тайно и по злобѣ лишить меня духовнаго званія*, и, наконецъ, опасенія повторенія ужаснаго безпокойства, какое дѣлали мнѣ судебныя власти, безпрерывно приглашая меня для дачи показаній, чѣмъ не только отрывали меня отъ занятій, но и окончательно убивали во мнѣ духъ и энергію, столь необходимые въ трудѣ и моемъ служеніи, вынудили меня - выслать, вмѣстѣ съ подлинными письмами прелата Концеговича, къ г. Товарищу Министра просьбу — умоляя его защитить меня и прекратить стремленіе Коллегіи — *терзать меня возобновленіемъ дѣлъ, семь лѣтъ тому назадъ признанныхъ прелатомъ Жилинскимъ несправедливыми.* А, главное, я опасаюсь тайно-инквизиціоннаго постановленія Коллегіи - о лишеніи меня духовнаго сана, къ чему Коллегія и консисторія постоянно стремились и стремятся, зная, что послѣ этого постановленія Коллегіи я дѣлаюсь мертвымъ и даже вреднымъ русскому дѣлу въ католицизмѣ. Подобное стремленіе консисторіи и Коллегіи было и есть не только относительно меня, но и относительно декана Олехновича, который на дняхъ лично просилъ меня довести до свѣдѣнія Вашего Пре - ва, что и на него прежде необыкновенно много было взведено самаго ужаснаго свойства преступленій и дѣлъ, и все было такъ направлено, чтобы лишить его, кс. Олех-

новича, духовнаго сана, какъ сказалъ прелатъ Жилинскій «разстричь его, Олехновича.» Это—слова декана Олехновича, о которыхъ при этомъ случаѣ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Пре -ва.

Между прочими, возбужденными въ настоящее время противъ меня Коллегіей, дѣлами особенно выдающіяся своей серьезностью три слѣдующія дѣла:

1) Озаглавленное консисторіею «о подложныхъ метрикахъ.»

Суть дѣла слѣдующая. Проживая въ имѣньи г. Горватовъ «Барбарово», въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, я получилъ письмо отъ помѣщика, приглашающаго меня окрестить новорожденныхъ его сыновей. Я и отправился. Воспріемниками были не только извѣстные помѣщики Кеневичи, родственники г. Горватовъ, но и помѣщикъ Обуховичъ, родной дѣдъ новорожденныхъ, т. е. отецъ матери младенцевъ. Послѣ совершенія обряда крещенія, я, дописывая метрическую выпись, руководился показаніями воспріемниковъ, которые продиктовали, что окрещенные — законныхъ супруговъ. Проживая 4 года всего въ разстояніи 6-ти верстъ отъ сказаннаго помѣщика, я и не слышалъ о беззаконной ихъ жизни и видя въ его домѣ отца жены и многихъ замѣчательныхъ помѣщиковъ, я и не подозрѣвалъ о чемъ либо беззаконномъ. Но, по истеченіи шести, кажется, лѣтъ, т. е. когда я началъ служить на языкѣ русскомъ, на меня взведено обвиненіе и передано судебному слѣдователю дѣло о подложныхъ метрикахъ дѣтей—не помню хорошо—помѣщика Стоцкаго, который доказываетъ, что ксендзъ Римша, б. деканъ Мозырскій, обвѣнчалъ его съ настоящею его женою. Но если-бы даже меня и обманули родители и воспріемники, то обыкновенно въ этихъ случаяхъ консисторія поручаетъ мѣстному настоятелю спросить подъ присягою воспріемниковъ и лицъ, хорошо знающихъ, и по ихъ показанію предписываетъ исправить ошибочно-записанную метрическую выпись. Это сплошь да рядомъ практикуется. Только въ вопросѣ, въ которомъ замѣшанъ я, консисторія поступила иначе, т е. передала дѣло судебному слѣдователю. Но затѣмъ дѣло вытребовано обратно въ консисторію и 7 лѣтъ считалось оконченнымъ, и только въ настоящее время Коллегіи понадобилось это дѣло.

2) Дѣло, озаглавленное Консисторіею «уголовнымъ», по заявленію кс. Маткевича.

Удаленный по моему ходатайству и помѣщенный въ монастырь б. св. Тройцы, викарный кс. Маткевичъ письменно заявилъ о томъ, что я ограбилъ и обворовалъ многіе костелы, но болѣе всего отъ этой моей услуги пострадалъ Минскій Маріинскій костелъ, который болѣе чѣмъ на 12 тысячъ я обворовалъ и поворованныя мною вещи, золотыя и серебряныя, и драгоцѣнные камни продалъ евреямъ. Но когда лично прелатъ Жилинскій

убѣдился въ томъ, что въ Маріинскомъ костелѣ рѣшительно все цѣло и показанное по инвентарной описи существуетъ на лицо, то тутъ-же вызвалъ кс. Маткевича и, въ присутствіи прелата Копцеговича, своего секретаря Ленкшевича и моемъ, въ строгихъ и рѣзкихъ словахъ порицалъ низкій поступокъ кс. Маткевича, приказалъ ему извиниться передо мною и *выдать подписку*, что онъ беретъ назадъ свое заявленіе и никогда подобныхъ ябедъ на меня взводить не будетъ, что̀ кс. Маткевичъ немедленно исполнилъ и выданную имъ подписку прелатъ Жилинскій поручилъ секретарю Ленкшевичу хранить при дѣлахъ управленія.

Въ настоящее время, т. е. по истеченіи 6 лѣтъ, Коллегія потребовала заявленіе кс. Маткевича, для возбужденія противъ меня уголовнаго преслѣдованія.

и 3) Бывшій Надпѣманскій деканъ Гудвиловичъ, послѣ порученія даннаго мнѣ—завѣдывать Минско-Игуменскимъ и Надпѣманскимъ деканатами, явился ко мнѣ и предложилъ мнѣ 25 р. с. задатка, обѣщая прислать еще 175 р. с. лишь-бы только я не представлялъ его къ удаленію за употребленіе языка польскаго. Я эти деньги, т. е. не ожидая остальныхъ 175 р., а полученныя 25 р., въ присутствіи кс. Гудвиловича, запечаталъ и отослалъ б. губернатору г. Токареву, который переслалъ оныя г. управляющему епархіей, и затѣмъ уже я не знаю, что̀ сдѣлано съ этими 25. р Но, послѣ истеченія ровно 7-и лѣтъ, въ настоящее время, Коллегія возбудила вопросъ о взяткахъ, полученныхъ мною отъ кс. Гудвиловича за дѣла́, противныя долгу службы. .

Вотъ тѣ стремленія Коллегіи и консисторіи, во вредъ моей судьбѣ и будущности, тѣ дѣла, которымъ сказанныя духовно-судебныя учрежденія придаютъ такое великое и справедливое значеніе, за что меня намѣрены исключить изъ духовнаго сана. А кто знаетъ, можетъ быть Коллегія имѣетъ еще много другихъ дѣлъ противъ меня, и я даже о нихъ не знаю.

Дѣло то-же было передано судебному слѣдователю о вещахъ, поворованныхъ мною послѣ смерти кс. Багинскаго, б. Узденскаго администратора.

Кс. Багинскій, чувствуя себя слабымъ, пригласилъ меня для напутствованія его передъ смертью и причащенія св. Таинъ. Какъ деканъ, я прибылъ. Больной-же кс. Багинскій, въ присутствіи мѣстнаго православнаго священника, о. Яцевича, его семейства и другихъ свидѣтелей, заявилъ, что нѣкоторыя вещи онъ желаетъ дабы послѣ его смерти въ натурѣ были переданы его сестрѣ. И дѣйствительно, послѣ смерти ксендза Багинскаго, послѣдовавшей на другой день моего пріѣзда въ м. Узду, указанныя больнымъ вещи, подъ росписку, я передалъ въ натурѣ сосѣду и другу покойнаго кс. Багинскаго, сказанному священнику о. Яцевичу, который и передалъ ихъ сестрѣ покойнаго. За-

тѣмъ, по истеченіи, кажется, двухъ лѣтъ, взведено на меня судебное дѣло о покражѣ вещей покойнаго кс. Багинскаго. Но и это дѣло прелатъ Жилинскій, лично убѣдившись, во время ревизіи, въ моей невиновности, приказалъ вытребовать въ консисторію и оставить безъ послѣдствій.

Все вышесказанное, поднятое Коллегіею, безъ всякаго, даже малѣйшаго повода съ чьей-бы то ни было стороны, даетъ мнѣ основаніе положительно убѣдиться въ злонамѣренномъ и губительномъ противъ меня замыслѣ консисторіи и Коллегіи. Усердіе, энергія, настойчивость, съ которыми консисторія и Коллегія преслѣдують предпринятое противъ меня гоненіе, ясно доказываютъ, что существуетъ желаніе какъ можно скорѣе покончить со мною, а тѣмъ самымъ не только съ другими моими товарищами и сотрудниками по употребленію русскаго языка въ католицизмѣ, но и покончить съ самымъ вопросомъ о русскомъ языкѣ. Несочувствіе къ этой мѣрѣ и даже враждебное отношеніе и противодѣйствіе консисторіи неоднократно уже были разоблачены.

Вслѣдствіе чего и въ видахъ самосохраненія, а равно желая обезпечить себя отъ неисчислимыхъ непріятностей, какія неизбѣжны при всякаго рода судебнымъ порядкомъ производимыхъ дѣлахъ, а равно не желая быть лишеннымъ духовнаго, любимаго мною, сана, я осмѣливаюсь убѣдительнѣйше просить у Вашего Пре ва поддержки и защиты, дабы разъ навсегда консисторія и Коллегія оставили меня въ покоѣ и возбужденіемъ по временамъ дѣлъ, признанныхъ г. управляющимъ епархіею недостойными вниманія, не отнимали у меня дорогого времени, столь необходимаго для исполненія серіозныхъ и полезныхъ дѣлу служебныхъ обязанностей по управленію приходомъ, деканатомъ и визитаторствомъ.

Да, наконецъ, если консисторія и Коллегія всякій, даже безымянный, доносъ, всякую кляузу, взведенную на меня ксендзами или фанатиками, безъ различія и моего даже объясненія, будутъ принимать и давать онымъ судебное направленіе и преслѣдованіе, то не только этимъ вызовутъ безчисленныя кляузы и поощрятъ злонамѣренныхъ лицъ къ безпрерывнымъ доносамъ, но окончательно лишатъ меня возможности исполнять службу и убьютъ во мнѣ охоту къ дѣлу, ибо я вынужденъ буду не только постоянно защищаться, объясняться и отписываться отъ взведенныхъ на меня дѣлъ и обвиненій, но безпрерывно буду готовиться и ожидать новаго и новаго нападенія. Конечно такое положеніе болѣе, чѣмъ невыносимо, что и заставляетъ меня отъ глубины души просить Ваше Пре—во принять участіе въ обезпеченіи и огражденіи меня отъ систематическаго и опаснаго притѣсненія, какое проявляется въ стремленіи духовнаго управленія не только въ дѣлахъ, относящихся къ занимаемой мною должности,

но, главное, касательно моей личности, въ чемъ достаточно и фактически я убѣдился въ продолженіи восьми-лѣтняго моего служенія на языкѣ русскомъ, такъ какъ прежде я былъ даже любимъ духовнымъ начальствомъ и меня нерѣдко отличали и ставили даже въ примѣръ настоятелямъ. И только ровно съ началомъ употребленія мною языка русскаго и открытаго моего служенія видамъ Правительства, не только ксендзы и консисторія всякому ничтожному доносу давали судебное направленіе, но въ настоящее время даже тѣ дѣла́, которыя г. управляющій и сама-же консисторія признали недостойными вниманія и уже 7 лѣтъ оставлены безъ послѣдствій, Коллегія потребовала къ себѣ и возбудила противъ меня судебное преслѣдованіе.

Что-же касается до моего формулярнаго списка, то г. управляющій тогда-же поручилъ очистить оный, т. е. уничтожить самовольно помѣщенную статью «состоитъ подъ судомъ». Затѣмъ консисторія выдала мнѣ завѣренную ею-же копію сказаннаго списка безъ всякихъ замѣчаній. Это еще одинъ и ничѣмъ неопровержимый фактъ самовольнаго и систематическаго преслѣдованія меня консисторіею!»

Основываясь на этомъ объясненіи Сенчиковскаго, губернаторъ Чариковъ отвѣтилъ статсъ-секретарю Макову (19 марта № 233):

«Вашему Пре—ву небезызвѣстно, что визитаторъ Сенчиковскій, положившій въ Минской губерніи начало употребленія русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи, съ перваго-же времени служилъ предметомъ нападокъ и интригъ, какъ со стороны мѣстныхъ помѣщиковъ-фанатиковъ, такъ равно и со стороны высшаго духовнаго начальства, недовольныхъ этимъ нововведеніемъ.

Въ настоящее время, какъ Вы изволите усмотрѣть изъ представленія моего г-ну Мин. Вн. Дѣлъ отъ 16 сего марта, за № 226, появляются признаки, по которымъ можно заключить, *что агитація противъ введенія русскаго языка въ дополнительное католическое богослуженіе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и противъ главнаго его дѣятеля въ Минской губерніи визитатора Сенчиковскаго, вновь оживилась въ средѣ католиковъ и поддерживается Виленскою консисторіею.*

Между тѣмъ, есть слухи, будто-бы р.-к. Коллегія, въ случаяхъ, когда ей представлялась необходимость — удалить кого либо изъ лицъ, дѣйствующихъ вопреки ея взглядамъ, въ прежнее время прибѣгала къ выработанному іезуитскою практикою пріему—негласнаго лишенія духовнаго сана, безъ всякаго разслѣдованія вины и требованія объясненій отъ обвиняемаго, послѣ чего лица пострадавшія не могутъ продолжать свою дѣятельность, хотя она была-бы полезна Правительству.

Принимая во вниманіе, что пріемъ этотъ можетъ быть примѣненъ и въ настоящее время, и что примѣненіе его можетъ лишить Правительство многихъ полезныхъ дѣятелей по дѣлу введенія русскаго языка въ дополнительное богослуженіе, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Пре—во, не признаете-ли Вы полезнымъ, во избѣжаніе подобныхъ неожиданныхъ случаевъ лишенія духовнаго сана лицъ, полезныхъ Правительству, заблаговременно принять соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы поставить высшее католическое начальство въ невозможность прибѣгать къ такому средству?

Что-же касается въ частности до визитатора Сенчиковскаго, то *въ началѣ его дѣятельности противъ него были возбуждены разнаго рода гражданскіе иски и даже уголовныя обвиненія, объ основательности или неосновательности которыхъ нынѣ собираются мною, согласно письму Вашему отъ 28-го минувшаго февраля за № 27, свѣдѣнія.* Этими обвиненіями недовольное визитаторомъ Сенчиковскимъ духовное начальство можетъ воспользоваться, чтобы устранить его отъ дѣятельности въ пользу введенія русскаго языка въ католическое богослуженіе посредствомъ вышеприведеннаго способа, на каковое стремленіе и указываютъ уже доставленныя Вашему Пр—ву свѣдѣнія, а также, что Духовная Коллегія и Виленская консисторія возобновляютъ прежде возбужденныя противъ него и уже 6 или 7 лѣтъ бывшія въ безгласности дѣла.

Принимая во вниманіе неуклонное и долголѣтнее служеніе визитатора Сенчиковскаго на русскомъ языкѣ и услуги, оказанныя имъ Правительству на этомъ поприщѣ, я долгомъ считаю на вышеизложенное обратить вниманіе Вашего Пр—ва и покорнѣйше просить, не изволите-ли признать возможнымъ—охранить его отъ того, чтобы Духовная Коллегія не лишила его духовнаго сана, чего онъ именно и опасается?»

Позднѣе (18 мая 1878 г., № 428), тотъ-же губернаторъ Чариковъ сообщаетъ Макову:

«Въ дополненіе къ письму своему отъ 19 марта, за № 233, честь имѣю увѣдомить Ваше Пре—во, что согласно указаніямъ самого кан. Сенчиковскаго о возбужденныхъ въ настоящее время противъ него дѣлахъ, *были собираемы негласнымъ путемъ свѣдѣнія Свѣдѣнія эти, основанныя на неопредѣленныхъ слухахъ и произвольныхъ соображеніяхъ, не даютъ никакого понятія о положеніи этихъ дѣлъ и степени основательности взведенныхъ на Сенчиковскаго обвиненій; но, въ виду невозможности, за давностью времени, собрать, негласнымъ путемъ, другія, болѣе подробныя и положительныя свѣдѣнія, я пріостановился въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ.*

По доставленнымъ мнѣ свѣдѣніямъ и собственнымъ указаніямъ визитатора Сенчиковскаго: 1-е) по дѣлу объ ограбленіи имъ

будто-бы костеловъ ввѣреннаго ему деканата и о разныхъ другихъ его злоупотребленіяхъ видно, что бывшій викарный ксендзъ Маткевичъ, дѣйствительно, въ 1870 или 1871 г., подавалъ объ этомъ заявленіе въ Виленскую р.-к. духовную консисторію; но формальнаго дѣла объ этомъ почему-то непроизводилось, и вообще чѣмъ это все кончилось—неизвѣстно, и на сколько вѣрны были эти заявленія, въ настоящее время дознать нельзя, такъ какъ настоящіе администраторы ограбленныхъ будто-бы костеловъ не имѣютъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній; 2-е) по дѣлу о взяткахъ съ разныхъ ксендзовъ, въ томъ числѣ и съ кс. Гудвиловича, носятся только слухи, и, наконецъ, 3-е) по дѣлу о выдачѣ подложныхъ метрикъ сыновьямъ г. Горватта оказывается, что дѣйствительно, во время бытности кан. Сенчиковскаго въ имѣньи Барбарово въ 1862 году, объ этомъ производилось какимъ-то чиновникомъ разслѣдованіе, но куда дѣло поступило, свѣдѣній никакихъ нѣтъ; одни говорятъ, что дѣло это было прекращено бывшей Минской р.-к. епархіей, а другіе объясняютъ, что оно должно находиться въ Вил. р.-к. дух. консисторіи.»—

Еще позднѣе, поступило къ губернатору (на запросъ его) донесеніе Борисовскаго уѣзднаго исправника (отъ 14 авг. 1878 г., № 170) о томъ, что у суд. слѣдователя 1 уч. Борисовскаго уѣзда находилось въ производствѣ дѣло о разныхъ, будто-бы, противузаконныхъ поступкахъ Сенчиковскаго (присвоеніе принадлежавшей костелу фисъ - гармоніи, утрата костельнаго креста и проч.); *но дѣло это было вытребовано у него судебнаго слѣдователя, товарищемъ прокурора, а, затѣмъ, возвращено ему съ предложеніемъ прекратить производство.*

8 апрѣля 1878 г. (№ 39) статсъ-секретарь Л. С. Маковъ, (отвѣчая губернатору Чарикову—на письмо его за № 233), сообщаетъ ему:

«Опасенія визитатора Сенчиковскаго, чтобы недовольная имъ р.-к. Духовная Коллегія, въ видахъ лишенія его возможности дѣйствовать вопреки ея взглядовъ, не прибѣгла къ крайнему средству негласнаго лишенія его духовнаго сана, по мнѣнію моему, едва-ли представляются основательными, такъ какъ дѣла подобнаго рода не входятъ въ кругъ дѣятельности Коллегіи и подлежатъ исключительно мѣстной епархіальной власти (ст. 60-я и слѣд. т. XI ч. I Св. Зак.).

Въ ожиданіи засимъ собираемыхъ Вами, Милостивый Государь, свѣдѣній о степени основательности взведенныхъ на Сенчиковскаго обвиненій и возбужденныхъ противъ него исковъ, считаю нелишнимъ присовокупить, что, какъ извѣстно Министерству, *новыхъ жалобъ на Сенчиковскаго въ Коллегію съ 1873 г. не поступало*; но въ февралѣ сего года Коллегіею сдѣлано было

подтвержденіе Виленской консисторіи—объ исполненіи ея указовъ по прежнимъ дѣламъ, послѣдовавшимъ еще въ 1872 году.»

Такъ какъ и дальнѣйшія разслѣдованія, гласныя и негласныя, не подтвердили никакихъ преступленій Сенчиковскаго, а Коллегія и Виленская консисторія не предъявили ему никакихъ обвиненій, то дѣло на томъ и прекратилось.

Запомнимъ и это твердо—въ видахъ послѣдующаго изложенія его жизни, когда снова враги Сенчиковскаго начинали говорить время отъ времени о какихъ-то его преступленіяхъ въ прошломъ.

23 февр. 1878 г. Сенчиковскій пишетъ Макову *), снова жалуясь на дѣйствія Жилинскаго, вредящаго, по его мнѣнію, русскому дѣлу:

«Какъ одно изъ многихъ фактическихъ доказательствъ того несочувствія русскому дѣлу, какимъ постоянно, гдѣ только возможно, заявляетъ себя епархіальное управленіе, честь имѣю представить на благоусмотрѣніе Вашего Пре—ва подлинный рапортъ кс. Войчинскаго о бракѣ помѣщика Ваньковича. Неоднократно повторялись уже подобные случаи, гдѣ прелатъ Жилинскій не только даетъ разрѣшеніе вѣнчать ксендзу-фанатику прихожанъ того прихода, въ которомъ русскій языкъ обязателенъ, не только не требуетъ, согласно обычая, свидѣтельства мѣстнаго настоятеля, но еще, какъ я слышалъ, поощряетъ прихожанъ избѣгать ксендзовъ, употребляющихъ языкъ русскій.—Правда, кс. Войчинскій самъ сидитъ на двухъ стульяхъ; самъ онъ ярый полякъ и обманщикъ; но здѣсь затронуты его личные, финансовые интересы. Вотъ онъ и раскрылъ сущность дѣла. Но другіе ксендзы, вполнѣ преданные Правительству, неоднократно заявляли мнѣ о подобныхъ дѣйствіяхъ прелата Жилинскаго. На мои-же представленія г. управляющій никогда ни слова не отвѣчаетъ; слѣдовательно я и не считаю возможнымъ болѣе писать въ Вильну, развѣ для того только, чтобы подать поводъ къ насмѣшкѣ и разнаго рода натяжкамъ. Вотъ и на спросъ мой о томъ, слѣдуетъ-ли ксендза Бертовича привесть къ присягѣ,—и по настоящее время нѣтъ отвѣта, и я не могу поручить декану передать Игуменскій костелъ. Да, наконецъ, при окончательно разстроенномъ моемъ здоровьѣ и ежедневномъ ожиданіи чего либо худшаго и опаснаго для моей будущности, мнѣ уже не хватаетъ энергіи, и я окончательно убитъ для того, дабы противо-

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд.

стать злу, которое на каждомъ шагу съ новою силою вооружается противъ меня и дѣла.»

На письмѣ—резолюція Макова: «Надо спросить губернатора.»

Но подобнаго запроса такъ и не послѣдовало.

По-прежнему Сенчиковскій въ Минскѣ былъ заваленъ анонимами, пасквилями, неприличными стихами, грязными рисунками, угрожающими письмами и т. п. Но только нѣкоторымъ изъ нихъ онъ придавалъ значеніе, представляя ихъ по начальству.

Въ томъ-же, 1878 году, ему было прислано новое анонимное письмо, написанное по-польски, повидимому изъ Вильны, такого содержанія (приводимъ его въ переводѣ): *)

«Фердинандъ! Твой когда-то пріятель, который до сего времени Тебя любитъ и соболѣзнуетъ о Твоемъ заблужденіи, проситъ, умоляетъ и заклинаетъ Тебя ранами Бого-человѣка, чтобы Ты тотчасъ-же оставилъ насмѣхающихся надъ Тобою москалей и ихъ обманчивыя ласки, ведущія на землѣ къ безчестію, а послѣ смерти въ адъ, и уходи въ свѣтъ широкій, перенесись заграницу и оттуда опровергни все то, что Ты сдѣлалъ во вредъ костела и на скорбь правовѣрныхъ католиковъ! Умоляй Бога, чтобы простилъ Твои грѣхи—вѣдь Ты знаешь, что милосердіе Его—велико и Онъ легко прощаетъ тѣхъ, которые обращаются къ Нему, но только тѣхъ, *которые раскаиваются.* Помни-же, что надо взяться за дѣло сейчасъ, безотлагательно, чтобы послѣ не было поздно. Не расчитывай на свои, довольно еще молодыя, лѣта, ибо адъ наполненъ болѣе молодыми и здоровыми, нежели Ты! Быть можетъ этотъ дружескій голосъ—уже послѣднее предостереженіе для Твоего исправленія Но, если бы Ты пожелалъ, отбросивъ этотъ дружескій совѣтъ, исходящій отъ сердца, искренно Тебя любящаго, обратиться къ Правительству, то знай, что я Твоего Правительства монгольско-московскаго не опасаюсь, которое хотя хитро и прозорливо, однако, не откроетъ моей личности, ибо я пишу это рукою посторонняго человѣка, сегодня-же уѣзжающаго безвозвратно заграницу. Въ заключеніе и прощанія желаю припомнить Тебѣ тѣ главныя истины, о которыхъ грѣхи мѣшаютъ человѣку помнить:

1) что существуетъ Богъ, вѣчный, безсмертный и никогда неумрущій;

---

*) Дѣло политич. отдѣленія канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1878 г., № 37.

2) что существуетъ адъ (пекло), пламенный, никогда, никогда и никогда некончающійся;

3) что душа Твоя никогда не умретъ, ибо она также вѣчна и безконечна, какъ самъ Богъ.—

Желаю Тебѣ, дорогой Фердинандъ, на землѣ—спокойствія совѣсти, а по смерти—небеснаго блаженства!

Тотъ, кто еще Тебя любитъ. Прилагаемое при семъ письмо (печатное) прочти самъ и дай другимъ.

Марта 10 дня 1878 г.»

При анонимѣ прилагалось, въ печатномъ видѣ письмо кардинала Якобини, такого-же содержанія, какое въ 1877 году Сенчиковскій получилъ изъ Рима

Письмо было представлено Сенчиковскимъ Минскому губернатору.

Посылая его, Чариковъ (16 марта 1878 г., за № 226) *) сообщаетъ Министру Вн. Дѣлъ:

«Визитаторъ Сенчиковскій сего числа, въ 10 ч. утра, представилъ мнѣ только что полученное имъ, судя по почтовому штемпелю, изъ Вильны, письмо на польскомъ языкѣ, въ которомъ неизвѣстный другъ увѣщеваетъ его уклониться отъ преданности Правительству подъ страхомъ загробныхъ мученій. При этомъ письмѣ приложено печатное постановленіе Римской Куріи отъ 17 іюля 1877 года, подписанное ассесоромъ А. Якобини **) — о недозволенности употребленія русскаго языка въ католическомъ богослуженіи, совершенно тождественное съ тѣмъ, которое я имѣлъ честь представить Вашему Высокопре—ву при донесеніи отъ 17 ноября 1877 года, за № 55.

Представляя это письмо въ подлинникѣ вмѣстѣ съ переводомъ, конвертомъ и приложеніемъ, долгомъ считаю присовокупить, что содержаніе его указываетъ на усилившееся въ настоящее время стремленіе въ средѣ Виленскаго католическаго духовенства—ослабить успѣхъ распространенія русскаго языка въ католическомъ богослуженіи посредствомъ устраненія отъ этого дѣла визитатора Сенчиковскаго, и что письмо это, по всей вѣроятности, писано въ одномъ изъ Виленскихъ монастырей, такъ какъ печать съ знакомъ I. X. С. и именными буквами I. М. обыкновенно носится католическими монахинями въ видѣ перстней.»

Генералъ-адъютантъ Тимашевъ, получивъ это письмо отъ Минскаго губернатора, при письмѣ (отъ 20 марта 1878 г., № 34)***),

*) Дѣло № 63, Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов., «Св. Сенчиковскій».

**) Отпечатанное на четвертушкѣ бумаги, въ томъ числѣ и подпись Якобини.

***) Дѣло политич. отдѣленія канцеляріи Виленскаго генералъ-губернатора 1878 г., № 137.

препровождаетъ его Виленскому генералъ-губернатору Альбединскому, прося произвести разслѣдованіе съ цѣлью выяснить, кто изъ Виленскихъ жителей авторъ письма?

Вторичнымъ письмомъ (отъ 4 іюля 1878 года, № 94) *) на имя ген.-ад. Альбединскаго, Министръ Вн. Дѣлъ, ген.-ад. Тимашевъ, имѣя въ виду предположеніе Виленскаго губернатора о томъ, что анонимное письмо, по всей вѣроятности, писано въ Виленскомъ монастырѣ Бенедиктинокъ («хотя это и не можетъ быть доказано положительно»), находя, что «такое предположеніе подкрѣпляется тѣмъ, что и печать на конвертѣ, въ которомъ было вложено письмо, имѣетъ знаки, обыкновенно вырѣзаемые монахинями на носимыхъ ими перстняхъ», проситъ обратить на монастырь Бенедиктинокъ строгое вниманіе и учредить за живущими въ немъ лицами особенное, секретное наблюденіе.

Конечно, разслѣдованіе не привело ни къ какимъ результатамъ и авторъ анонима обнаруженъ не былъ.

Какъ видно изъ формулярнаго о службѣ Сенчиковскаго списка, 25 марта 1878 года, онъ удостоился, по Высочайшему повелѣнію, получить 300 р. «въ награду усердной и вполнѣ добросовѣстной службы по должности законоучителя при Минской женской гимназіи.»

Наградой этой онъ былъ обязанъ губернатору Чарикову.

Зная отлично современное ему положеніе Минской губерніи (а, быть можетъ, и косвенно предлагая въ новой формѣ услуги свои Правительству), изнемогая въ непосильной борьбѣ съ явными и тайными врагами, видя, въ то-же время, результаты ослабленія энергіи въ высшихъ административныхъ сферахъ, но по-прежнему изыскивая новыя средства для располяченія бѣлорусскаго костела и борьбы съ польско-іезуитскою пропагандою, Сенчиковскій впервые подаетъ Министерству Вн. Дѣлъ оригинальную мысль о переводѣ резиденціи управляющаго Виленскою р.-к. епархіей изъ Вильны въ г. Минскъ, какъ объ одномъ изъ средствъ, могущихъ благопріятно отразиться на дѣлѣ обрусенія бѣлорусскаго римско-католицизма.

Идею свою онъ подробно развиваетъ въ письмѣ къ Л. С. Макову (отъ 18 мая 1878 г., Минскъ), **) гдѣ пишетъ:

«Если когда либо Правительство пожелаетъ разрубить фанатическо-польскій узелъ, связывающій епархіальное управленіе въ его административныхъ дѣйствіяхъ, если когда либо

*) Тамъ-же.

**) Дѣло Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. № 63, «Свящ. Сенчиковскій».

серіозно пожелаетъ развязать руки управляющему епархіей и поставить его внѣ всякаго вліянія, интригъ и давленія заграничной іезуитской партіи, то для ограниченія этого самымъ радикальнымъ и самымъ вѣрнымъ послужитъ средствомъ *перемѣщеніе личности только управляющаго въ г. Минскъ.* На первый взглядъ проектъ этотъ, быть можетъ, покажется неудобнымъ, но я долго объ этомъ думалъ и разбиралъ всѣ данныя и нашелъ, что это возможно, и тогда покупка моего дома дѣлается необходимою. Если Всевышній поможетъ еще пожить и Ваше Пре—во дозволите мнѣ лично объяснить мой взглядъ, то, надѣюсь, что мнѣніе мое заслужитъ одобренія.

Вильно—это яма фанатическаго полонизма, это—источникъ іезуитскихъ интригъ, Вильно—опаснѣе и вреднѣе русскому дѣлу, чѣмъ Варшава; Вильно должно быть ослаблено и обезоружено, чему безспорно весьма поможетъ устраненіе управляющаго епархіей, который, лишаясь постоянныхъ іезуитскихъ совѣтниковъ и польскаго давленія, который, находясь, такъ сказать, на свободѣ, даже не сочувствуя дѣлу, можетъ и долженъ будетъ свободнѣе дѣйствовать. Само собою разумѣется, что вполнѣ сочувствующему дѣлу человѣку, въ Минскѣ были-бы тоже вполнѣ развязаны руки.»

На этомъ донесеніи даже нѣтъ резолюціи, которая указывала-бы, что на него обратили вниманіе.

25 іюня 1878 г. при рапортѣ № 1055 *), Сенчиковскій представляетъ Минскому губернатору присланную по почтѣ на его имя вырѣзку изъ какой-то польской газеты.

Вырѣзка эта заключала въ себѣ слѣдующее письмо изъ Рима на имя прелата Жилинскаго (въ переводѣ Сенчиковскаго) **):

«Собраніе Совѣта (Папскаго) издало слѣдующее увѣщеваніе Кс. Жилинскому:

Ксендзу Петру Жилинскому въ Вильнѣ.

Въ письмѣ твоемъ отъ 26 Октября 1873 г., ты увѣрялъ въ своей преданности и повиновеніи Апостолическому Престолу и заявилъ опасеніе страшнаго суда Божіяго, для своего и другихъ спасенія. Между тѣмъ, и по настоящее время безъ всякаго стыда, дѣлами весьма гласными, опровергаешь первое и второе, и даже оное потопталъ. Отъ самаго начала очень хорошо извѣстно тебѣ было, что всѣ присваивающіе себѣ власть въ епархіи Виленс-

---

*) Дѣло канцеляріи Минскаго губернатора 1878 г. № 174—«По сообщенію визитатора костеловъ Сенчиковскаго о полученномъ имъ письмѣ изъ Рима на имя прелата Жилинскаго.»

**) Такой же переводъ имѣется и въ Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов., въ дѣлѣ о введеніи русскаго языка въ р.-к. костелъ.

кой, вполнѣ достойны проклятія. Между тѣмъ ты вполнѣ необдуманно принялъ управленіе и *Минской Епархіи*, въ которой ты совершилъ столько безпокойствія и соблазна вѣрнымъ, по причинѣ установленія того, что ты безъ законной власти постановилъ.

Ты не могъ обѣщать даже себѣ оправданія въ этомъ, что посланнику епископа воспретилъ совершить таинство міропомазанія, или же, утверждая и усиленно поддерживая книги, на московскомъ нарѣчіи писанныя и назначенныя для католиковъ, или же удаляя наилучшихъ ксендзовъ, дабы ихъ мѣсто предоставить недостойнымъ, или-же оказывающимъ всякаго рода снисхожденіе врагамъ католичества и этому подобнымъ, совершающимъ преступленіе.

Ежели-бы ты однакожъ, зашедши уже такъ далеко, услышалъ, было, гласъ возлюбленнаго Отца и Первосвященника, который, письмомъ Его Свѣтлости Кардинала Статсъ-Секретаря (отъ 4 Марта 1874 года, желалъ предостеречь тебя и опомнить, дабы ты самоскорѣйше помогъ горю своей совѣсти. Но къ несчастію, сдѣлалось совершенно противное, ибо, что́ и невѣжливо, даже, ты и не отвѣтилъ; но болѣе всего, какъ бы для пренебреженія Апостолической Властію, ты осмѣлился совершить еще худшее: минуя небрежное молчаніе, ты не тревожился учредить епархіальныхъ визитаторовъ, которые, какъ непохвальное нововведеніе, пользуются властію законнаго епископа, дабы стоя близко правительства наблюдать и во́ время приносить обширнѣйшее пособіе этому-же правительству, въ дѣлѣ распространенія и употребленія нарѣчія московскаго въ добавочныхъ обрядахъ, ведущихъ вѣрныхъ къ схизмѣ. И такихъ то мужей, какъ кс. Фердинандъ Сенчиковскій, начальникъ гимназіи (?), и Іоаннъ Юргевичъ, Деканъ Виленскій *), о которыхъ слышн что они рабски подчиняются правительству, ты избралъ!

Столько зла, которое ты для собственной и другихъ гибели, не перестаешь упрямо совершать, не могло не тронуть любовь и заботливость Первосвященника, съ разрѣшенія котораго Ихъ Свѣтлости, отцы этого-же Священнаго Собранія, приказали формально напомнить тебѣ, какое напоминаніе ты въ дѣйствительности получаешь настоящимъ письмомъ съ тѣмъ, дабы ты въ продолженіи 40 дней, считая отъ числа этого письма, сложилъ съ себя незаконно и безбожно принятое управленіе, какъ капитульнаго викарія, такъ и управляющаго епархіею Минскою, а равно соблазнъ, словомъ и дѣломъ совершенный, старался-бы исправить, чего доказательства должны быть публичные, о чемъ немедленно увѣдомить это-же Святое собраніе.

---

*) Вѣроятно «Виленскій» (примѣч. Сенчиковскаго).

Ты долженъ знать, что хотя это увѣщеваніе первое, но оно будетъ имѣть значеніе тройного и наказаніе каноническое будетъ противъ тебя провозглашено, ежели, чего Боже сохрани, выше-, поименованный срокъ истечетъ безъ послѣдствій. Ихъ Свѣтлости эти-же самые Отцы, предаютъ проклятію и серіозно не похваляютъ учрежденіе епархіальныхъ визитаторовъ, твоими заботами и совѣтами введенныхъ, и приказываютъ тебѣ, дабы ты непремѣнно увѣдомилъ этихъ священниковъ, Фердинанда Сенчиковскаго и Іоанна Юргевича, увѣщевая ихъ, дабы безотлагательно отказались отъ должности, нелогично на нихъ тобою возложенной, дабы и они вмѣстѣ съ тобою не были принуждены испытать строгость каноническаго устава.

Исполняя это приказаніе Его Святѣйшества, молю Бога о ниспосланіи тебѣ необходимой и соотвѣтственной помощи для твоего исправленія.

Данъ въ Римѣ изъ Секретаріата Святого Собранія Совѣта. Кардиналъ Катерини.

Префектъ Н. Верга, и. д. Секретаря.»

Мы уже упоминали объ этомъ письмѣ, въ одной изъ предыдущихъ главъ настоящей книги.

Въ этомъ документѣ интересны:

1) указанія на сношенія Жилинскаго съ Римомъ;

2) неудовольствіе на Жилинскаго именно за тѣ мѣры по располяченію костела (учрежденіе визитаторствъ по Минской губерніи), которыя были введены по иниціативѣ и подъ вліяніемъ Сенчиковскаго;

3) подчеркиваніе Римомъ значенія дѣятельности послѣдняго.

Прочтя это письмо, Сенчиковскій, со спокойной совѣстью, могъ убѣдиться въ томъ, что предположенными имъ Правительству реформами онъ постоянно и мѣтко билъ въ самыя слабыя, больныя мѣста польско-іезуитской пропаганды.—

Самое появленіе подобнаго письма несомнѣнно указывало и на то, что, для такъ называемаго «русскаго дѣла», т. е. для располяченія католицизма въ Бѣлоруссіи, не все еще потеряно ..

Мы не знаемъ, представилъ-ли письмо своевременно прелатъ Жилинскій административнымъ властямъ, такъ какъ не знакомились съ дѣлами, относящимися къ прелату.

Въ цреироводительномъ рапортѣ (отъ 25 іюня) *), не безъ

*) Дѣло канц. Минскаго губернатора 1887 г. № 174.

юмора, ему присущаго, Сенчиковскій пишетъ губернатору В. И. Чарикову:

«Не смѣя безпокоить Васъ въ неурочное время, позволяю себѣ хотя письменно заявить мое, чисто частное и неоффиціальное, мнѣніе по поводу распоряженія кардинала Катерини, который, съ разрѣшенія Папы, приказываетъ прелату (Жилинскому) въ сорокъ дней отказаться отъ должности. Но, главное, и для меня весьма интересное, ка́къ прелатъ Жилинскій исполнитъ распоряженіе касательно меня, т. е. ка́къ и когда онъ будетъ увѣщевать меня и совѣтовать, дабы я оставилъ употребленіе языка русскаго, отказался отъ должности? Напротивъ, если уже и состояніе на должности считается грѣхомъ, то я умоляю Васъ, Ваше Пре--во, именно въ настоящее время, не удалять меня и позволить до окончанія всей этой польской комедіи служить! Усердно осмѣливаюсь просить Ваше Пре—во назначить мнѣ время, въ которое я могъ-бы болѣе подробно открыть мою мысль по этому и подобному этому вопросамъ.»

Надо замѣтить, что какъ разъ ко времени появленія въ печати письма къ Жилинскому изъ Рима, Сенчиковскій имѣлъ въ рукахъ новыя данныя, указывавшія на то, что Жилинскій еще разъ намѣренъ попытаться удалить его изъ Минска. Вотъ почему онъ и спѣшитъ предупредить объ этомъ сочувствующаго ему и русскому дѣлу губернатора.

Въ 1878 году Сенчиковскій, по поводу новой инструкціи для Минскаго училища органистовъ, пишетъ Макову (2 іюля) *), высказывая попутно свой взглядъ на назначеніе ректора въ Виленскую р.-к. семинарію, и снова какъ-бы косвенно напоминая о себѣ.

Подобная назойливость со стороны Сенчиковскаго легко объясняется тѣмъ, что, сознавая свою пригодность для болѣе широкаго поля дѣятельности, видя до сихъ поръ, какъ администрація Петербурга и Минска цѣнила въ немъ опытъ, знанія, энергію, нелицемѣрную преданность Правительству и русскому дѣлу, онъ не можетъ никакъ понять, почему весь этотъ умственный и нравственный багажъ его не желаютъ использовать тамъ, гдѣ послѣдній былъ-бы болѣе всего полезнымъ....

Онъ не подозрѣваетъ, что его, какъ педагога, окончательно уже забраковали въ Минскѣ...

«Нынѣшняго числа Валерій Ивановичъ (Чариковъ) передалъ мнѣ и Василію Ивановичу копіи съ составленной Министерствомъ инструкціи,» пишетъ онъ Макову 2 іюля: «Ничего луч-

---

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов.

шаго и болѣе полезнаго я не ожидалъ и не желаю. Я-бы самъ стѣснялся предоставить столько, хотя справедливо слѣдуемаго, власти завѣдующаго училищемъ, сколько предоставило ему Министерство. Здѣсь видно пониманіе и желаніе пользы дѣлу; тамъ-же было хвастовство и ни малѣйшаго понятія и труда въ разработкѣ вопроса. Въ этомъ проектѣ два мнѣнія меня тревожатъ, а именно: трехлѣтній срокъ, даже для самыхъ геніальныхъ мальчиковъ, я ручаюсь, что недостаточенъ. Я на практикѣ имѣю примѣръ, что едва въ четыре года можно успѣть изучить музыку и обряды на языкѣ латинскомъ; немыслимо ихъ, поэтому, успѣть изучить въ три года. Но объ этомъ я, въ моемъ отношеніи къ губернатору, подробно объясню. По совѣту Валерія Ивановича, я, хотя, быть можетъ, и смѣло, но ради пользы дѣлу, позволяю себѣ представить мое мнѣніе – на благоусмотрѣніе Вашего Пре—ва. *Дѣло—въ выборѣ и назначеніи ректора въ Виленскую р.-к. семинарію. Это вопросъ болѣе, чѣмъ важный; это назначеніе равняется быть или не быть польскому фанатизму.* Прелатъ Копцеговичъ сообщилъ мнѣ, что г. управляющій и другіе намѣрены возвести на этотъ постъ нынѣшняго инспектора кс. Оболевича или кс. Шимкевича, или-же кого либо, подходящаго имъ. Вслѣдствіе этого я, по совѣсти моей, обязанъ заявить, что кс. Оболевичъ, Шимкевичъ и имъ подобные, не только равны б. ректору, но они— вдвое хуже б. прежняго кс. Гарасимовича. *Мнѣ кажется, что въ выборѣ ректора необходимо быть болѣе осторожнымъ и избрать болѣе благонадежное лицо, чѣмъ въ назначеніи епископа. Ректоръ благонадежный болѣе принесетъ пользы, чѣмъ епископъ, ибо ректоръ воспитываетъ ксендзовъ, а епископъ только, по его представленію, посвящаетъ или удаляетъ представленныхъ ректоромъ; воспитаніе же семинарское остается на всю жизнь* Уже если не прелата Копцеговича или прелата Нѣмекшу, то, по крайней мѣрѣ, надо назначить такого, кто принялъ требникъ съ русскимъ текстомъ или чѣмъ либо заявилъ себя въ пользу русскаго дѣла. На постъ ректора весьма былъ-бы подходящимъ и кс. Макаревичъ; но онъ тогда только былъ-бы дѣйствительно полезенъ, если-бы проживалъ въ Бобруйскѣ; на такихъ условіяхъ, и *только* на условіи проживать въ Минскѣ, я-бы тоже согласился управлять семинаріею, но не иначе, какъ проживая въ г. Минскѣ и *только* разъ въ недѣлю выѣзжая въ Вильну. Иначе ни я, ни Макаревичъ не принесемъ желаемой пользы. Для меня было-бы очень *мучительно быть ректоромъ, и то не болѣе, какъ на одинъ годъ, лишь-бы только положить начало реформъ и завести порядокъ; но во всякомъ случаѣ, лучше было-бы избрать ректора, постоянно проживающаго въ семинаріи.*

Намъ, служащимъ на языкѣ русскомъ, больно и даже смѣшно слышать о благонадежности ксендза за то только, что онъ принялъ и бросилъ гдѣ либо въ уголъ требникъ *съ русскимъ текстомъ*; но, по мнѣнію фанатиковъ, и это уже много. Поэтому, и

ректоръ долженъ быть хотя-бы изъ принявшихъ требникъ; но это очень и очень малая гарантія. *Вотъ пусть онъ лѣтъ 5—6 добросовѣстно послужитъ на языкѣ русскомъ въ нѣсколькихъ приходахъ —тогда я скажу, что онъ—надеженъ.*»

На письмѣ этомъ—резолюція Макова: «Видно, что ему хотѣлось-бы быть *вездѣ и занять всѣ мѣста разомъ*; но и тогда даже онъ не успокоится и ему будетъ казаться, что дѣятельность слишкомъ узка. О будущемъ ректорѣ надобно подумать намъ серьезно. Это дѣло нелегкое. На сколько мнѣ извѣстно, едва-ли Копцеговичъ будетъ удобенъ; это человѣкъ, столь-же безпокойнаго характера, какъ и Сенчиковскій.»

А біографіи Сенчиковскаго и Копцеговича, вся страдальческая жизнь и судьба ихъ, съ которыми я имѣлъ возможность близко ознакомиться, показываютъ, что эта «безпокойность» ихъ характеровъ вытекала единственно изъ неподкупной любви къ родинѣ-Россіи, изъ преданности Правительству, и объяснялась тѣмъ «адомъ», который создали вокругъ нихъ польско-іезуитская пропаганда и колеблющаяся, вѣчно мѣняющаяся, правительственная политика.....

Но вотъ, какъ на нихъ, въ тайнѣ, смотрѣли въ тѣ дни и Тимашевъ, и Маковъ. ...

Въ концѣ іюля 1878 г. Сенчиковскій опять находится въ Петербургѣ и тамъ, въ Министерствѣ Вн. Дѣлъ, повидимому, хоть изъ приличія, прислушиваются къ его заявленіямъ.

Это можно заключить изъ письма къ нему новаго директора Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. А. Н. Мосолова (отъ 30 іюля 1878 г.). *)

Мосоловъ пишетъ ему:

«Г. Управляющій Министерствомъ поручилъ мнѣ передать Вашему Высокопреподобію, что его можно видѣть завтра или послѣ завтра, въ 11 час. утра. Къ сожалѣнію, при настоящихъ своихъ занятіяхъ, онъ не можетъ удѣлить Вамъ столько времени, сколько-бы желалъ, и весьма доволенъ, что я имѣлъ съ Вами подробное объясненіе, о сущности коего я уже довелъ до его свѣдѣнія.»

Судя по приведеннымъ выше и другимъ резолюціямъ Л. С. Макова на бумагахъ Сенчиковскаго и о Сенчиковскомъ, сохраняющихся въ Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов., Маковъ, признавая заслуги Сенчиковскаго и пользуясь еще имъ, въ политическихъ цѣляхъ, какъ силою, а также справедливо оберегая его отъ ярости враговъ русскаго дѣла, въ сущности всегда отно-

*) Бумаги С., находящіяся въ Импер. Публичн. Библіотекѣ.

сился къ нему нѣсколько свысока, какъ столичный сановникъ къ дѣятелю провинціи.

Къ счастью, до конца дней жизни отъ Сенчиковскаго ускользалъ этотъ пренебрежительно-благожелательный тонъ Петербургскаго вельможи. Онъ вѣрилъ въ личное къ нему расположеніе Макова до того, что послалъ даже послѣднему свою фотографію, сдѣлавъ на ней надпись:

«Убѣдительнѣйше и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ прошу Его Пре--во Льва Саввича принять эту карточку въ знакъ безпредѣльной благодарности и преданности. Каноникъ Фердинандъ Евстафьевичъ Сенчиковскій. 1878 г., 3 октября, въ день освященія училища органистовъ въ г. Минскѣ.»

И что-же сдѣлалъ съ этимъ, дѣйствительно неумѣстнымъ, а, въ сущности, наивнымъ, подношеніемъ Л. С. Маковъ?

Онъ велѣлъ подшить фотографію къ дѣлу № 63 Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исп., «Свящ. Сенчиковскій», гдѣ она до сихъ поръ и красуется.

Какъ-бы желая подтвердить неизмѣнность убѣжденій своихъ, изложенныхъ въ извѣстномъ циркулярѣ къ духовенству Минской епархіи 1876 года, Сенчиковскій, 12 октября 1878 года, обращается къ подвѣдомственному ему духовенству 1-го визитаторства съ циркулярной бумагою такого содержанія:

«Неоднократно было предписываемо и словесно повторяемо, какъ духовенству, такъ и органистамъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ визитаторства, о томъ, дабы всѣ дѣла, относящіяся къ службѣ и должности, письменно и словесно исполняемыя и предлагаемыя, даже прихожанами, были ведены на природномъ намъ, Бѣлоруссамъ, русскомъ государственномъ языкѣ. Неоднократно и достаточно было разъяснено и вполнѣ доказано, что римско-католическое населеніе Сѣверо-Западной и Юго-Западной окраинъ Россіи—чисто-русскаго происхожденія, что навязанный оному папизмъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ такъ скоро пресуществить русскаго чувства въ Бѣлоруссахъ и Малороссахъ католикахъ и что злые люди, навязывающіе народу этому вредныя, польско-политическаго духа, идеи и интриги—люди, поддерживающіе этотъ духъ и протежирующіе полонизмъ въ средѣ русскихъ, по рожденію и чувству, римско-католическаго исповѣданія—это—враги общаго спокойствія и благосостоянія этого-же Бѣлорусскаго края и народа, это—враги спокойнаго и полезнаго для спасенія душъ процвѣтанія римско-католической религіи въ русскомъ краѣ, наконецъ, это—враги дорогого намъ, Бѣлоруссамъ, общаго нашего Отечества—Россіи. Не смотря на все это, дошло до моего свѣдѣнія, что нѣкоторые ксендзы, и даже деканы, при оффиціальномъ исполненіи своихъ должностей, позволя-

ютъ себѣ постоянно употреблять языкъ польскій и даже съ заявленіемъ пронебреженія къ родному языку, русскому. Деканы и ксендзы, бесѣдуя по дѣламъ службы, во время деканской ревизіи, говорятъ по-польски —не только между собою, но и съ прихожанами и съ костельною прислугою. А такъ какъ подобный образъ дѣйствій несогласенъ съ духомъ и народностью Бѣлорусскаго р.-к. населенія и такъ какъ духовенство должно дать этому народу примѣръ любви не только къ религіи, но и къ Отечеству, то и вышесказанное употребленіе польскаго языка въ служебныхъ дѣлахъ не можетъ быть долѣе терпимо. Поэтому, предварительно принятія рѣшительныхъ мѣръ, считаю нужнымъ настоящимъ циркуляромъ поставить въ извѣстность духовенство и органистовъ Всемилостивѣйше ввѣреннаго мнѣ визитаторства, дабы они отнюдь не позволяли себѣ вышеприведенныхъ поступковъ, такъ какъ за малѣйшее отступленіе отъ употребленія языка народнаго, русскаго, для виновныхъ будутъ приняты серіозныя мѣры исправленія и взысканія.

Настоящее распоряженіе прошу Ваше Высокопреподобіе объявить подъ росписку духовенству и органистамъ ввѣреннаго Вамъ деканата и росписки эти выслать ко мнѣ; циркуляръ-же внести въ книгу, существующую для визитаторскихъ распоряженій.»

Въ сущности, это властное воззваніе Сенчиковскаго является какъ-бы послѣдней, лебединою пѣсней его въ Минскѣ, въ качествѣ передового дѣятеля по располяченію костела, который чувствуетъ подъ ногами если и колеблющуюся уже почву, то все-же почву.

Писать болѣе подобныя бумаги ему не пришлось, такъ какъ паденіе его уже подготовлялось въ Петербургѣ.

Но даже враги покойнаго изъ лагеря польско-политической пропаганды, тогда, когда наше Правительство стало недовольно морщиться на тщетныя усилія Сенчиковскаго удержать вырываемыя изъ рукъ его возжи, не могли не воздать ему должнаго— по части энергіи и системы въ проведеніи разъ намѣченной имъ цѣли.

Такъ, Минскій губернаторъ Чариковъ (5 декабря 1878 г., № 889) *) обращается къ управляющему Министерствомъ Вн. Дѣлъ съ донесеніемъ, въ которомъ излагаетъ:

«Имѣю честь почтительнѣйше при семъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Высоко - ва копію съ перевода

*) Дѣло № 63 Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. «Свящ. Сенчиковскій».

статьи изъ газеты «Народный Листокъ», печатанный за границею и присланный изъ г. Львова на имя визитатора каноника Сенчиковскаго, касающійся личности Сенчиковскаго, какъ служебной его, въ пользу Правительства, дѣятельности—напримѣръ: въ дѣлѣ введенія русскаго языка въ дополнительное римско-католическое богослуженіе и учрежденія для этой надобности школы органистовъ, такъ равно и какъ частнаго человѣка, въ частной домашней жизни. Сенчиковскій, въ письмѣ своемъ отъ 3 декабря, за № 1904, со словъ другихъ, поясняетъ, что постоянными корреспондентами «Газеты Народной» состоятъ лица, принадлежащія къ фамиліи Ваньковичей и Тышкевичей.

При семъ присовокупляю, что точно такой-же «Народный Листокъ», съ корреспонденціею о Сенчиковскомъ получилъ въ конвертѣ Минскій губернскій предводитель дворянства Павловъ, который при семъ въ подлинникѣ имѣю честь представить Вашему Высоко-ву.»

При письмѣ приложена была слѣдующая корреспонденція (въ переводѣ съ польскаго языка) *):

«Ксендзъ Фердинандъ Сенчиковскій въ настоящее время состоитъ номинально настоятелемъ одного прихода въ г. Минскѣ называемаго Золотая-Горка, но фактически—духовнымъ господиномъ и епископомъ всей Минской губерніи, ибо хозяйничаетъ въ Минской губерніи, съ разрѣшенія Правительства, въ дѣлахъ духовныхъ такъ, какъ ему нравится: удаляетъ или назначаетъ настоятелей и законоучителей самъ или съ помощью администраціи, которая довѣряетъ его мнѣнію. Въ самомъ Минскѣ было нѣсколько костеловъ: Сенчиковскій нашелъ это излишнимъ и посовѣтовалъ закрыть таковые. Всякія вещи, находящіяся въ этихъ костелахъ, надо было устранить, поэтому мебель, подсвѣчники, ризы и тому подобныя вещи онъ продалъ евреямъ съ публичнаго торга («Интересно знать когда это было»?) Желалъ и съ алтарями, и со священными сосудами такъ-же поступить, но евреи отказались покупать таковые; поэтому онъ оставилъ эти вещи для собственнаго своего употребленія. Это доказываетъ выдержка изъ одного письма. Ксендзъ каноникъ страстно играетъ въ карты: въ одно время онъ пригласилъ къ себѣ на преферансъ нѣсколько лицъ; были тамъ: какой-то совѣтникъ, какой-то учитель гимназіи, былъ тоже казацкій офицеръ П. («Гдѣ же эти казаки??»?) Говорятъ, что кто счастливъ въ женщинахъ, тотъ несчастливъ въ картахъ.—Вотъ и ксендзъ каноникъ послѣ успѣховъ съ женщинами прошедшаго дня началъ проигрывать въ этотъ вечеръ, и больше всѣхъ выигралъ офицеръ П. Уже не

*) Въ скобкахъ этого перевода вставлены нами собственноручныя замѣтки—опроверженія самого каноника Сенчиковскаго.

одна сотня рублей («Въ преферансъ-то?—Ибо въ штосъ я въ моей жизни не игралъ») очутилась въ карманѣ офицера.—Тогда ксендзъ Фердинандъ осмотрѣлся и порѣшилъ, что нельзя-же такъ пренебрегать деньгами. Потому-ли, что дѣйствительно не было уже у него наличныхь денегъ, потому-ли, что онъ пожалѣлъ таковыхъ, но довольно того, что выноситъ онъ казаку серебряный, вызолоченный дискосъ (патено) и передаетъ оный казаку. «Что это такое»? спросилъ москаль.—«Это блюдечко, которое употребляю для десерта и фруктовъ.» П. несетъ его къ еврею, желая взять деньги; еврей, осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ, покивалъ головою, посмотрѣлъ на продавца, передалъ обратно и спросилъ: «Откуда Вы это взяли, господинъ?».—«Это мнѣ дали за проферансовый долгъ».—«Ну, не совѣтую Вамъ продавать этотъ долгъ, потому, что это собственность костельная и что изъ за этого можетъ быть длинная непріятность.» Обманутый казакъ идетъ прямо къ канонику и разсерженный спрашиваетъ: «Что это ты мнѣ далъ, сукинъ сынъ?»—Сенчиковскій, замѣтивъ, что его поймали, мгновенно озадачился, но, скоро, опомнившись, безсовѣстно махая рукою, сказалъ: «Эхъ, это пустяки! Это мнѣ ненужная вещь.» «Вотъ тебѣ пустяки, мошенникъ!» И, при этихъ словахъ, казакъ отвѣсилъ ему въ одну и въ другую сторону пощечину, затѣмъ бросилъ ему дискосъ въ голову, какъ самъ объ этомъ говорилъ; но не знаю, можетъ быть онъ взялъ съ собою этотъ дискосъ.

Въ Минскѣ существуетъ учебное женское заведеніе, устроенное и открытое, по-московски. Сенчиковскій былъ въ ономъ законоучителемъ. Педагогическія его дѣянія вызвали далеко не педагогическіе результаты, собственно у младшихъ дѣвицъ. Скандалы были до того вопіющіе, что даже Московскія газеты вынуждены были намекнуть властямъ, дабы прекратить беззаконія. «Не заявляйтесь Вы такъ открыто!» гласило предостереженіе Правительства. Ксендзъ Сенчиковскій принялъ приглашеніе и отъ этого времени преподавалъ свои педагогическія стремленія не въ классѣ, но у себя на дому, при освѣщеніи вечернихъ лампъ, и этимъ банкетамъ Сарданапаловымъ, залитымъ шампанскимъ, ничего не доставало кромѣ польской рѣчи. И хорошо, что ее тамъ не поносили.

Этакому-то мужу поручило Царское Правительство оправославить и омоскалить Минскую епархію! Послѣ закрытія многихъ костеловъ, при остальныхъ помѣстили лицъ, подобныхъ ему негодяевъ, или же слабаго характера, которые, ради куска хлѣба, готовы согласиться на все. Принялся этотъ миссіонеръ за сооруженіе прочнаго фундамента своему дѣлу. Совершилъ онъ въ послѣднее время два дѣла, которыя увѣковѣчатъ его имя. Первое было: посылка къ Царю адреса. Другое: основаніе училища славянскихъ органистовъ.

О первомъ, одно изъ писемъ такъ сообщаетъ: Сенчиковскій, видя, что процессъ омосквиченія, принимаемый до сего времени, приноситъ небольшіе результаты, выдумалъ составить къ Престолу адресъ, будто бы добровольно составленный отъ прихожанъ въ епархіи, желающихъ введенія въ костелахъ языка московскаго. Для чего записалъ на листахъ бумаги нѣсколько сотенъ народа своего и сосѣднихъ приходовъ, предварительно составивъ соотвѣтственный адресъ. Затѣмъ, пригласивъ записанныхъ, которые по большей части состояли изъ безграмотныхъ мужичковъ, отъ началъ разъяснять, что здѣсь идетъ дѣло объ опекѣ Государя надъ костелами, и приказалъ имъ подписываться:—послушные мужички подписывались знаменіемъ Святаго Креста. Послѣ истеченія нѣкотораго времени, основываясь на вышесказанномъ фундаментѣ, ксендзъ-каноникъ началъ читать и пѣть по-московски молитвы, такъ и произносить проповѣди. Начался вопль и пререканія необыкновенны. «Почему же вы подписывали адресъ?» спрашивали мужичковъ. «Да развѣ мы знали, что тамъ было написано!» послѣдовалъ отвѣтъ.

Что касается до второго дѣла, то ксендзъ Сенчиковскій сообразилъ, что настоящіе органисты, воспитанные въ латинскомъ направленіи, несоотвѣтствуютъ его предначертанію, поэтому подалъ проектъ — основать училище для славянскихъ органистовъ и этимъ тронулъ струну панславистическихъ стремленій московскихъ. Тѣ, которые писали къ намъ письма, обѣщали намъ прислать болѣе близкія разъясненія и подробности основанія этого заведенія. Тѣмъ временемъ сообщимъ, что эта школа состоитъ подъ управленіемъ Сенчиковскаго, которому придали, въ родѣ совѣта, Павлова, губернскаго предводителя дворянства, Лагоду, шефа губернаторской канцеляріи, и двухъ поповъ изъ бурсы семинаріи православной въ Минскѣ. Сенчиковскій, даже въ обыкновенной и частной жизни, всѣмъ напоминаетъ, что онъ—москаль, окружилъ себя прислугою, говорящею только по-московски и самъ разговариваетъ только на этомъ языкѣ, и это тѣмъ болѣе практикуется въ костельномъ служеніи; вмѣсто обыкновеннаго «да будетъ похваленъ Іисусъ Христосъ», на исповѣди даже, онъ приказываетъ прихожанамъ здороваться словами «здравствуйте» или «каково поживаете?» Народу-же, не желающему слушать молитвъ за Царя, совершаемыхъ по-московски, онъ угрожаетъ штыками, такъ что штыки заставляютъ или воздержаться отъ посѣщенія святыни, или же находиться въ оной подъ угрозою сабель и штыковъ солдатскихъ. И угроза нешуточная въ дѣйствительности: когда въ извѣстное воскресенье прихожане, у дверей ризницы, обступили Сенчиковскаго, выходившаго на служеніе, требуя отъ него объясненія, то онъ пригласилъ на помощь полицію и жандармовъ. Многихъ арестовали; однихъ наказали штрафомъ въ сто и болѣе рублей съ лица; другихъ-же выслали

на поселеніе въ Московскія губерніи. Съ этого времени Сенчиковскій появляется въ городѣ только съ револьверомъ въ рукѣ и въ обществѣ жандармовъ, которые караулятъ его особу. Прислана намъ фотографія этого Апостола. Ему отъ тридцати до сорока лѣтъ. Изображеніе лица регулярное; но лицо это изображаетъ человѣка истасканнаго пьянствомъ и развратомъ. Шея и грудь обвѣшаны царскими орденами; можно тамъ видѣть и медаль за участіе въ усмиреніи мятежа 1863 г.; есть тамъ орденъ Св. Станислава, Св. Владиміра и другіе—все за заслуги вышепоименованныя. Слѣдовало, дабы кто либо изъ нашихъ фотографовъ сдѣлалъ копію съ этого портрета на вѣчную память (ad aeternam rei memoriam), дабы всѣ могли узнать этого злодѣя.»

Необходимо обратить вниманіе на то, что Сенчиковскій, начавъ дѣлать замѣтки на эту клевету и грязь, бросилъ съ презрѣніемъ подобную работу, въ самомъ ея началѣ; что вмѣсто того, чтобы скрыть польскую газету, онъ, по обыкновенію своему, представилъ ее по-начальству, какъ человѣкъ, до честнаго имени котораго не могутъ долетѣть брызги анонимной грязи.

Въ 1879 году Сенчиковскимъ было получено изъ Рима новое письмо, за подписью кардинала Катерини, которое онъ, какъ и другіе, подобные документы, поспѣшилъ представить по-начальству, и которое приводимъ здѣсь въ переводѣ съ латинскаго. *)

Вотъ оно;

«Достопочтенный Господинъ.

Святая Конгрегація Соборовъ, между прочими проступками священника Петра Жилинскаго, узнала и о томъ, что онъ осмѣлился назначить епархіальныхъ визитаторовъ,—въ качествѣ делегатовъ законнаго начальника епархіи, для ближайшаго надзора и дѣятельной интриги, въ видахъ достиженія успѣха въ введеніи русскаго языка въ дополнительное богослуженіе,—которые-бы безстыдно и явно, на глазахъ вѣрныхъ, выражали свое сочувствіе и пріязнь схизмѣ.

Извѣстно также Св. Конгрегаціи, что ты выбранъ на эту должность, какъ вполнѣ содѣйствующій всѣмъ намѣреніямъ помянутаго священника. Потому, въ январѣ 1878 г. достопочтеннѣйшіе Отцы, осудивъ и опозоривъ означенное поведеніе визитаторовъ, *настоятельно приказали священнику Жилинскому увѣдомить* тебя о семъ осужденіи и увѣщевать, чтобы ты безотлагательно отказался отъ безразсудно принятой должности, подъ опасеніемъ каноническихъ наказаній. Такъ какъ до сихъ поръ

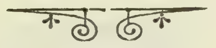
*) Подлинникъ письма находится въ Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій, въ дѣлѣ о введеніи русскаго языка въ дополнительное р.-к. богослуженіе.

это приказаніе Св. Конгрегаціи повидимому не исполнено, то достославнѣйшіе Отцы повелѣваютъ настоятельно тебя предостеречь и симъ письмомъ тебя окончательно предостерегаютъ,— какъ бы ты былъ уже увѣщеваемъ второй и третій разъ, *) — что если ты въ 40-кадневный срокъ отъ полученія сего письма не оставишь означенной осужденной должности епархіальнаго визитатора и нанесенный вредъ не исправишь словомъ или дѣйствіемъ, посредствомъ публичной деклараціи, - копію которой въ скорѣйшемъ времени не доставишь въ Св. Конгрегацію,—то долженъ ты знать, что послѣ напраснаго истеченія вышеуказаннаго срока ты будешь наказанъ канонически.

Увѣдомляю тебя о семъ въ надеждѣ, что ты, не забывъ своего призванія и заботясь о вѣчномъ спасеніи, будешь послушенъ повелѣніямъ Св. Столицы. Желаю тебѣ помощи небесной и милости отъ Господа!

Въ Римѣ 5 сентября 1879 г. Кардиналъ Катерини.

Священнику Іоанну Юргевичу, Виленскому декану. Священнику Фердинанду Сенчиковскому, законоучителю въ Вильнѣ.»(?)

*) По каноническимъ правиламъ дѣлаются *три* предостереженія.

ГЛАВА XI.

(1879 годъ).

Переводъ Сенчиковскаго изъ Минска въ Бобруйскъ подъ давленіемъ польско-іезуитской пропаганды.—Его причины и значеніе для хода русскаго дѣла въ Бѣлоруссіи.—Роль А. Н. Мосолова въ этомъ событіи.—Политическая программа Сенчиковскаго, завѣщанная имъ потомству, вытекающая изъ оффиціальныхъ заявленій Правительству.

Въ 1879 г. состоялся переводъ каноника Сенчиковскаго въ Бобруйскъ, при чемъ самъ онъ первый поднимаетъ этотъ вопросъ, вѣроятно, при косвенномъ давленіи изъ Петербурга, оффиціальныхъ слѣдовъ котораго намъ не удалось, однако, найти, ни въ его бумагахъ, ни въ тѣхъ «дѣлахъ», съ которыми мы ознакомились, хотя о немъ упоминаетъ мимоходомъ А. Н. Мосоловъ въ позднѣйшемъ докладѣ (отъ 13 іюня 1879 г.), съ чѣмъ мы, въ своемъ мѣстѣ, еще и познакомимся.

Какъ-бы то ни было, но въ выйгрышѣ оказалась только польско-іезуитская пропаганда, убравшая-таки, послѣ долгихъ, напрасныхъ усилій, съ пути своего, ненавистнаго ей, вреднаго и опаснаго человѣка: Сенчиковскаго взяли изъ Минска, оторвали отъ созданнаго имъ училища органистовъ, ошельмовали, лишивъ почетнаго званія визитатора, а съ нимъ власти, возможности вліять на р.-к. духовенство, служить широко русскому дѣлу, однимъ словомъ всего, что такъ недавно ему предоставлялось.

Въ сущности, въ лицѣ покойнаго, съ политическо-религіозной арены, устраненъ былъ послѣдній убѣжденный «Муравьевецъ...»

Остановимся-же нѣсколько дольше на этомъ важномъ, поворотномъ моментѣ жизни Сенчиковскаго, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлся и крупнымъ событіемъ въ дѣлѣ располяченія р.-к. костела на Западной окраинѣ, уяснивъ себѣ, по мѣрѣ возможности, причины немилости, постигшей Сенчиковскаго со стороны русскаго Правительства, послѣ столькихъ лѣтъ довѣрія къ нему...

Съ документами въ рукахъ можемъ смѣло сказать, что тутъ карьерѣ Сенчиковскаго нанесъ послѣдній, рѣшительный ударъ покойный А. Н. Мосоловъ, несознававшій, что за плечами его стоитъ, учитъ, направляетъ польско-іезуитская пропаганда.

А для этого, къ тому времени, создалась и благопріятная, общественно-политическая почва...

Вотъ, что самъ Сенчиковскій пишетъ мнѣ о Мосоловѣ, въ письмѣ своемъ (отъ 21 сентября 1899 года, изъ Омска):

«Мосоловъ, хотя явно не сочувствовалъ дѣлу (введенія русскаго языка въ дополнительное богослуженіе р.-к. костела), а меня въ ложкѣ воды утопилъ-бы, но при Маковѣ и Тимашевѣ,

да при той поддержкѣ, которую я имѣлъ со стороны Минскаго губернатора Чарикова, долженъ былъ смириться и даже ухаживать за мною, хотя то тутъ, то тамъ прорывался.... Но Маковъ мнѣ сказалъ: «Пока—я, то будьте спокойны!»—И послѣ этого Мосоловъ получалъ нахлобучки...»

Бывшій гвардейскій офицеръ, хорошо образованный и воспитанный, въ молодости прошедшій суровую, русско-національную школу въ Вильнѣ, въ эпоху возстанія 1863—64 г. г., у гр. М. Н. Муравьева, какъ одно изъ довѣренныхъ лицъ его канцеляріи, Мосоловъ, прослуживъ, затѣмъ, нѣкоторое время въ г. Ригѣ, при генералъ-губернаторѣ, чиновникомъ особыхъ порученій и даже принявъ участіе въ основаніи въ Прибалтійскомъ краѣ первой русской газеты «Рижскій Вѣстникъ», въ 1869 году, благодаря Л. С. Макову, знавшему его близко еще въ Вильнѣ, при гр. Муравьевѣ, назначается чиновникомъ особыхъ порученій къ Министру Вн. Дѣлъ, гдѣ и остается на этой должности до 1879 года.

Уходъ генералъ-адъютанта Тимашева и назначеніе Макова Управляющимъ Мин. Вн. Дѣлъ выдвигаетъ А. Н. Мосолова еще болѣе по чиновному пути: 1 января 1879 года онъ назначается на отвѣтственный постъ Директора Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій, на каковомъ посту и остается до 9 іюля 1882 года; причемъ, въ 1881 году, состоитъ представителемъ при Ватиканскомъ дворѣ, для веденія переговоровъ съ Папою.

Въ 1882 году мы видимъ Мосолова Вологодскимъ губернаторомъ,—въ 1883 году—Новгородскимъ.

Но съ 7 апрѣля 1894 года онъ снова дѣлается Директоромъ Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій.

Въ 1898 году, отдѣльнымъ изданіемъ, вышла въ свѣтъ книжка Мосолова «Виленскіе очерки. (Муравьевское время)», присланная мнѣ имъ съ надписью незадолго до смерти, которая, въ сущности, представляетъ изъ себя не что иное, какъ бойко, литературно написанный, хвалебный гимнъ гр. М. Н. Муравьеву, его мудрымъ дѣйствіямъ по усмиренію мятежа, его уму, энергіи, патріотизму, сердцу и т. п.

Однимъ словомъ, въ «очеркахъ», мемуарахъ, составляющихъ эту книгу, Мосоловъ является ярымъ, убѣжденнымъ «Муравьевцемъ.»

Такъ какъ вся послѣдующая жизнь значительно, если не совершенно, измѣнила взгляды А. Н. Мосолова на Муравьева, объявлять-же себя открыто «Муравьевцемъ» было не въ модѣ, не по сезону, то Мосоловъ держалъ у себя, въ кабинетѣ, эти мемуары, въ рукописи, пока неосторожно не довѣрилъ ихъ предпріимчивому редактору «Русской Старины» М. И. Семевскому, обладавшему удивительнымъ «нюхомъ» раскапывать интересное по частнымъ архивамъ, который взялъ да и на

талъ воспоминанія Мосолова въ своемъ журналѣ, безъ предварительнаго согласія на то автора, къ великому негодованію и огорченію послѣдняго.

Дѣло въ томъ, что гораздо ранѣе напечатанія «Виленскихъ очерковъ» въ журналѣ «Русская Старина», въ А. Н. Мосоловѣ «муравьевщины» остались лишь одни воспоминанія. На самомъ-же дѣлѣ онъ являлся уже врагомъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и яркимъ представителемъ того примирительно-космополитическаго, умѣренно-либеральнаго, чиновничьяго, дряблаго настроенія по отношенію къ полякамъ, которое стало царить въ русскихъ правящихъ кругахъ послѣ паденія Муравьева, сваленнаго, наконецъ, общими усиліями гр. Валуева, Суворова и другихъ лицъ придворно-чиновной партіи, враждебной рѣзко-наступательной, неуклонно-національной политикѣ Виленскаго диктатора.

Мы видѣли уже, какъ, по почину каноника Сенчиковскаго, Правительство, въ лицѣ Тимашева и Макова, смѣло выдвинуло оригинальный проектъ располяченія католицизма въ Литвѣ и Бѣлоруссіи —путемъ введенія русскаго языка въ дополнительное костельное богослуженіе; при чемъ душою реформы, въ Министерствѣ Вн. Дѣлъ, явился, конечно, не Тимашевъ, а Л. С. Маковъ, какъ знатокъ Сѣверо-Западнаго края и бывшій сотрудникъ Муравьева.—

Но Мосоловъ, написавшій о симпатичной, чарующей личности Макова, въ своихъ «Виленскихъ очеркахъ», нѣсколько теплыхъ, искреннихъ словъ, связанный съ нимъ и старымъ знакомствомъ, и службою по Министерству, обязанный ему своей карьерою, не раздѣлялъ, однако, взглядовъ Макова на способы располяченія костела, а, значитъ, и на способы борьбы съ польско-іезуитскою справой, гдѣ могъ называлъ затѣю ксендза Сенчиковскаго и другихъ его бѣлорусскихъ единомышленниковъ,—патріотовъ —вздорною, предпринятую Правительствомъ, по почину Сенчиковскаго, мѣру— неудавшейся, Минское училище органистовъ, созданное Сенчиковскимъ, безполезнымъ, ненужнымъ, вреднымъ и т. д., хотя, конечно, при Тимашевѣ, какъ всесильномъ министрѣ, не смотря на французское свое воспитаніе, все-же въ душѣ истинно-русскомъ человѣкѣ, по возможности, дипломатично скрывалъ настоящія чувства, а въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, такъ сказать, подъ диктовку Тимашева и Макова, шелъ даже какъ бы на встрѣчу начинаніямъ ксендза-бѣлоруcса, тѣмъ болѣе, что идея послѣдняго заслужила въ тѣ дни Высочайшее одобреніе.

Но самъ Сенчиковскій, по его руководящей роли въ Министерствѣ, по его прямой, рѣзкой, властной натурѣ, по его дѣйствіямъ, лишеннымъ дипломатическихъ тонкостей, по политическимъ убѣжденіямъ, недопускавшимъ какихъ либо компро-

миссовъ, уступокъ, виляній и колебаній, былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, глубоко несимпатиченъ Мосолову, какъ человѣкъ, ксендзъ и дѣятель,—и эту свою антипатію онъ, Мосоловъ, не въ силахъ былъ порою скрывать, что и подчеркиваетъ правдиво въ вышеприведенномъ письмѣ ко мнѣ самъ Сенчиковскій.

Даже въ своихъ «Виленскихъ очеркахъ» А. Н. Мосоловъ, какъ мы уже видѣли, совершенно несправедливо, въ одномъ мѣстѣ, первенство въ дѣлѣ введенія русскаго языка въ бѣлорусскіе костелы приписываетъ ксендзу Заусцинскому, ни словомъ не упомянувъ о Сенчиковскомъ и тѣмъ какъ-бы умаляя его безспорныя заслуги передъ Отечествомъ...

Мы не отрицаемъ, конечно, и трудовъ почтеннаго отца Заусцинскаго въ дѣлѣ располяченія католицизма: они теперь забыты, но будущій историкъ помянетъ ихъ еще добрымъ словомъ.

Но Заусцинскій, какъ и другіе, немногіе, подобные ему, ксендзы, дѣйствовавшіе въ духѣ Мосолова, т. е. тихо, постепенно, съ уступочками и оглядкою на польско-іезуитскую пропаганду, на Римъ, не разжигая страстей, а главное, не затрагивая воинствующаго полонизма въ костельной практикѣ, (о чемъ мы уже упоминали въ одной изъ предыдущихъ главъ), давно уже прощены этой пропагандою, забыты и, по признанію самого Мосолова, Заусцинскій сошелъ со сцены незамѣтно, въ сущности, ничего серьезнаго не сдѣлавъ... А клянутъ и вѣчно будутъ клясть въ польско-іезуитскомъ лагерѣ одного лишь Сенчиковскаго, именно потому, что онъ не только, какъ ксендзъ, указалъ русскому Правительству ту слабую, плохо-защищенную пяту польско-іезуитской пропаганды, съ которой можно начать наносить ей смертельные удары, но и показалъ на примѣрѣ способъ веденія борьбы отъ имени уважающей себя, громко говорящей и чувствующей правоту свою, правительственной власти. То былъ типъ пастыря воина, а не пастыря дипломата, типъ человѣка, несчитавшагося съ самолюбіемъ врага, съ сантиментальностью и салонными любезностями, а рѣзавшій правду грубо, рѣзко и открыто въ глаза, проводившій ее и въ жизнь съ тѣми-же грубыми, рѣзкими пріемами... Къ тому же, въ лицѣ Сенчиковскаго, польско-іезуитская пропаганда впервые увидѣла «русскаго ксендза», «русскаго католика», т. е. элементы, при наличности, развитіи котораго въ р.-к. костелѣ, костелъ этотъ потеряетъ одно изъ главныхъ своихъ назначеній въ Бѣлоруссіи и Литвѣ—служить орудіемъ пропаганды...

Но могъ-ли гр. М. Н. Муравьевъ думать, что аккуратный, чистенькій, всегда съ иголочки одѣтый, скромный, толковый, преданный ему, исполнитель крутыхъ его предначертаній по разгрому Польши въ древне-русскихъ Литвѣ и Бѣлоруссіи, А. Н. Мосоловъ, когда либо, а тѣмъ болѣе черезъ сравнительно

небольшой промежутокъ времени, ясно выльется въ типъ петербургскаго чиновника, столь ему, Муравьеву, ненавистный, встанетъ твердою ногою въ не менѣе ненавистныхъ ему, правительственныхъ сферахъ чиновно—умѣренно—либеральнаго направленія, а окончитъ тѣмъ, что поѣдетъ въ Римъ съ пальмовой вѣткой мира въ рукѣ—въ тотъ самый Римъ, который благословилъ въ 1863 году поляковъ на возстаніе противъ Россіи,—пойдетъ тамъ на уступки и компромиссы, идущіе въ разрѣзъ съ историческою правдою, съ коренными убѣжденіями его, Муравьева, а, главное, во вредъ древне-русскимъ Литвѣ и Бѣлоруссіи и въ уничтоженіе того, что было сдѣлано для послѣднихъ имъ, Муравьевымъ?! ..

Могъ-ли онъ, Муравьевъ, предположить, что этотъ, начинающій подъ его опекой карьеру свою чиновникъ, займется въ будущемъ погашеніемъ, въ лицѣ Сенчиковскаго, послѣдней, живой искры русскаго, національнаго сознанья въ римско-католическомъ костелѣ Литвы и Бѣлоруссіи, изгнаніемъ, въ лицѣ Сенчиковскаго, послѣдняго «Муравьевца» въ сутанѣ р.-к. ксендза, а, тѣмъ самымъ, и сознательнымъ преданіемъ его на растерзаніе, глумленіе польско-іезуитской пропаганды?!...

Могъ-ли онъ, Муравьевъ, представить себѣ, что въ будущемъ на груди Мосолова мирно усядутся другъ возлѣ друга медаль въ память усмиренія польскаго мятежа 1863 г. и орденъ Папы Пія IX—командорскій крестъ со звѣздою, какъ результатъ поѣздки въ Римъ и соглашенія съ Римомъ?!.

Еслибы онъ могъ все это предвидѣть, то, конечно, пресѣкъ-бы карьеру молодого чиновника въ самомъ ея началѣ—однимъ росчеркомъ пера.

Мнѣ суждено было, по странному стеченію обстоятельствъ, провести параллель между А. Н. Мосоловымъ и каноникомъ Сенчиковскимъ въ то время, когда, съ любезнаго разрѣшенія нынѣшняго директора Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій А. Н. Харузина, изучалъ я кропотливо огромное дѣло № 63 Департамента подъ заглавіемъ «Свящ. Сенчиковскій».

Вотъ въ дѣлѣ этомъ—полное жизненной правды, глубокаго знанія вопроса о располяченіи костела, пылкое, откровенное заявленіе Сенчиковскаго, искреннія жалобы его, протесты, вопли отчаянія—при видѣ, что начатое имъ великое, правое, исторически—обоснованное, дѣло шатается, гибнетъ, что польско-іезуитская пропаганда снова одолѣваетъ его, Сенчиковскаго, немногихъ его единомышленниковъ, что она, со своимъ вліяніемъ, уже пробирается черезъ всѣ щели и въ самый Департаментъ... Отъ подобныхъ страницъ, утратившихъ въ наши дни соль и значеніе, не смотря на ихъ поражающую безграмотность, только что повѣяло на меня искреннимъ ужасомъ, неподдѣльнымъ горемъ человѣка, всю жизнь свою отдавшаго на служеніе національной

идеѣ, видящаго въ недалекомъ будущемъ крушеніе и свое личное, и святого дѣла освобожденія родины Бѣлоруссіи отъ польско-іезуитскаго ига. Даже мурашки пробѣгаютъ по спинѣ, при чтеніи этихъ строчекъ... А черезъ нѣсколько листовъ, въ томъ-же дѣлѣ,—чиновно-вылощенный, чистенькій, по-пунктамъ и канцелярской наукѣ составленный, съ тонкостями канцелярской казуистики изложенный, «секретный докладъ» А. Н. Мосолова, забрасывающій несправедливой грязью патріотическую дѣятельность, самую личность Сенчиковскаго и въ то-же время подчеркивающій высокую нравственность автора, карающаго чужіе пороки, стоящаго на стражѣ интересовъ общественной морали и проч.

Такъ и видишь Петербургскаго сановника, обезпеченнаго солиднымъ окладомъ содержанія, въ тиши уютнаго, казеннаго кабинета, спокойно, увѣренно, съ знаніемъ своего чиновнаго ремесла, разбивающаго послѣднія иллюзіи и надежды практика-идеалиста провинціи... Тамъ, въ бумагѣ Сенчиковскаго—стонъ наболѣвшей души, крикъ разрываемаго тоскою и предчувствіями, благороднаго, любящаго родину, сердца.. Тутъ, въ этомъ произведеніи чиновничьяго опыта, размѣренный скрипъ канцелярскаго пера.. Тамъ—сама жизнь; здѣсь—чиновное прозябаніе..

Помню, какъ при чтеніи одного доклада А. Н. Мосолова, я не выдержалъ и громко, въ присутствіи работавшей около меня, симпатичной молодежи Департамента, въ рѣзкомъ восклицаніи выразилъ негодующій протестъ...

Это повело къ бесѣдѣ съ окружающими, къ воспоминаніямъ объ А. Н. Мосоловѣ.

И что-же оказалось?!... Оказалось, что я работаю не только въ квартирѣ, гдѣ, въ качествѣ директора Департамента, покончившаго съ Сенчиковскимъ и читавшаго ему уроки морали, жилъ когда-то Мосоловъ, но даже въ комнатѣ, служившей ему спальнею!!...

Надо-же было случиться такому совпаденію!...

Съ этой минуты я не могъ никакъ отвязаться уже отъ мысли, что пока я работаю надъ документальнымъ возстановленіемъ правды о Сенчиковскомъ, души обоихъ, бывшихъ враговъ—и Мосолова, и Сенчиковскаго, слетѣвшія на землю, вызванныя моими архивными раскопками,—здѣсь, возлѣ меня, слѣдятъ, съ разнородными чувствами, за ходомъ моихъ мыслей, изслѣдованій, быть можетъ, вліяютъ на теченіе моихъ чувствъ, на впечатлѣнія...

Вѣдь книга моя, какъ ни какъ, а все-же извѣстный приговоръ о Сенчиковскомъ, а, значитъ, и о Мосоловѣ...

Впрочемъ, прошу извинить меня за эту невольную экскурсію въ область спиритизма!..

Вернемся-же на землю, къ дѣйствительности, т. е. къ изложенію обстоятельствъ, сопровождавшихъ уходъ Сенчиковскаго изъ Минска, погасивъ въ душѣ вспышку невольнаго, хотя и справедливаго, негодованія.

Конечно, одному А. Н. Мосолову не удалось-бы свалить съ ногъ каноника Сенчиковскаго, у котораго въ прошломъ всегда были подъ рукой вѣскіе, оправдательные документы, и въ данныхъ исторіи, и въ многолѣтнихъ сношеніяхъ съ Министерствомъ Ин. Дѣлъ, и въ наградахъ, получаемыхъ отъ этого Министерства именно за дѣятельность его по располяченію костела.

Въ сущности, свалила Сенчиковскаго вся сумма обстоятельствъ того времени, а г. Мосоловъ явился лишь, какъ слѣпое орудіе злой судьбы....

Мы говорили уже въ одной изъ предыдущихъ главъ настоящаго труда нашего, о томъ, что Сенчиковскаго, какъ политическаго дѣятеля, вызвали къ жизни Муравьевская эпоха съ ея разгромомъ польско-іезуитской справы въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, съ подъемомъ русско-національнаго самосознанія въ этихъ мѣстностяхъ, временный разрывъ сношеній Россіи съ Ватиканомъ, отсутствіе епископовъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и Бѣлоруссіи, Тимашевско-Маковская политика русскаго націонализма на Западной окраинѣ, хотя и не вполнѣ продолжавшая культивированіе Муравьевскихъ начинаній, а все-же признававшая ихъ и въ то-же время поддерживавшая всякое искреннее проявленіе національнаго чувства.....

Но ко времени наиболѣе кипучей дѣятельности Сенчиковскаго въ Бѣлоруссіи, золотая пора такъ называемыхъ «великихъ реформъ» царствованія Императора Александра II быстро миновала, а въ правительственныхъ верхахъ и въ обществѣ началась эпоха неудовлетворенности, разочарованій, неудовольствія, брюзжанья. Сразу-же почувствовался недостатокъ въ «людяхъ», которые на своихъ плечахъ понесли-бы далѣе эти великія, культурно-національныя благодѣянія, данныя народу русскому съ высоты самодержавной власти. Общество оказалось дряблымъ, непривыкшимъ къ самодѣятельности; крестьянское сословіе — со всѣми послѣдствіями долгаго, только что уничтоженнаго, рабства. Внутренняя крамола, воспользовавшись такимъ удобнымъ для нее моментомъ переходнаго времени, какъ-бы выжидательно притихшая въ эпоху періода реформъ, снова подняла голову; начались покушенія на представителей власти, подпольная дѣятельность разныхъ противу-правительственныхъ организацій и прочія явленія подготовки къ революціи. Русско-турецкая, освободительная война, еще разъ, временно поднявшая духъ русскаго народа, отвлекшая общественное вниманіе отъ язвъ внутренняго

непорядка, вслѣдъ за собою принесла — сперва избытокъ само-услажденія внѣшнимъ успѣхомъ, а, затѣмъ, какъ это всегда у насъ бываетъ, реакцію въ обратную сторону, которою снова воспользовались подпольныя, противу-государственныя организаціи. что и выразилось въ рядѣ новыхъ покушеній, заговоровъ, движеній, волненій и т. п. сумбура въ государственно-общественной жизни. Гр. М. Н. Муравьева, убѣжденно разгромившаго такъ недавно еще разъ враговъ самодержавія и государственности послѣ Каракозовскаго покушенія, не было уже въ живыхъ и память его кляли открыто, даже сами русскіе, изображая Польшу въ роли несчастной мученицы... Въ воздухѣ запахло политикою уступокъ, компромиссовъ — и внутри, и въ сношеніяхъ съ иностранными державами, чтобы купить хотя не на долго внутреннее спокойствіе, нужное для государственнаго самоукрѣпленія. Надвигалось соглашеніе съ Римомъ, навѣянное, и вліяніемъ эмиграціонной Польши, и нашимъ собственнымъ желаніемъ, чтобы броженія на Западной окраинѣ не отвлекали насъ отъ борьбы съ внутренними—крамолой и саморазложеніемъ. Назрѣвалъ канунъ 1-го марта 1881 года, а, наконецъ, къ вѣчному упреку Россіи, насталъ и ужасный день, когда Великій Государь, давшій свободу своему народу, былъ варварски, среди бѣлаго дня, разорванъ, убитъ извергами, вышедшими изъ того-же народа... Нужна была, видимо, жертва за грѣхи міра—и она была принесена на алтарь счастья народнаго...

Мы не пытаемся, конечно, даже въ общихъ чертахъ, изобразить здѣсь, въ біографіи Сенчиковскаго, состояніе Россіи времени, когда ему пришлось удалиться изъ Минска.

Но немногое, сказанное нами, необходимо для того, чтобы пояснить, почему въ 1879 году, т. е. къ эпохѣ наложенія, такъ сказать, правительственнаго запрещенія на его политическую дѣятельность, Министерству Вн. Дѣлъ было, конечно, не до возстановленія историческихъ правъ какихъ-то тамъ литовцевъ и бѣлоруссовъ на Западной окраинѣ...

Напомнимъ еще разъ то, что мы говорили уже въ главѣ III настоящей книги по поводу Высочайшаго повелѣнія 25 декабря 1869 г.

Эта полу-мѣра, въ которой, благодаря давленію изъ Рима и польско-іезуитской интригѣ, «повелѣнія» совершенно не было, а только «дозволеніе», «разрѣшеніе», предоставлявшія вполнѣ прихоти, произволу мѣстнаго населенія и р.-к. духовенства принимать ихъ или отвергнуть,—полу-мѣра, сопровождавшаяся, затѣмъ, послѣ ея обнародованія, разными административными оговорками—въ смыслѣ нежелательности со стороны Правительства производить давленіе на народъ, на костелъ, дававшая ксендзамъ всегда возможность, въ своемъ противодѣйствіи, опираться на не-

желаніе прихожанъ, а прихожанамъ, подъ тайнымъ руководствомъ пастырей ихъ, отказываться отъ русскаго языка, при томъ безъ всякой мотивировки,—конечно, въ самой себѣ, носила уже задатки будущаго провала и скандала, что немедленно-же, послѣ ея опубликованія, и обнаружилось...

То былъ пробный камень, пущенный Министерствомъ Вн. Дѣлъ, по инціативѣ Сенчиковскаго, неувѣренною рукою Л. С. Макова, но совсѣмъ не то, чему училъ, что проповѣдывалъ Сенчиковскій.

Покойный-же мечталъ о Высочайшемъ «повелѣніи», т. е. о категорическомъ, безповоротномъ изъявленіи Высочайшей воли Монарха, о проведеніи въ практику бѣлорусскаго костела этого повелѣнія въ духѣ и съ энергіей гр. Муравьева!...

И Минскія губернскія, уѣздныя власти, усмотрѣвъ въ документѣ 25 декабря 1869 года именно лишь пробную полу-мѣру такъ и отнеслись къ нему, какъ къ пожеланію Свыше, которое можетъ осуществиться, но можетъ быть и сдано въ архивъ— т. е. вяло, осторожно, подозрительно, ровно на столько, на сколько нужно было, чтобы избѣжать слишкомъ крупнаго скандала...

Когда-же изъ Петербурга появились, въ дополненіе, разныя оговорки и запрещенія, то власти эти, проникнувшись Толстовскимъ принципомъ «непротивленія злу», и совсѣмъ покинули Сенчиковскаго, предоставивъ ему ломать себѣ сколько угодно шею, поддерживая его, ограждая его лишь на столько, чтобы скандалъ не принялъ грандіозные размѣры ..

Благодаря подобной политикѣ Петербурга и Минска, когда затѣя Сенчиковскаго, окончательно провалилась, можно было сослаться на несочувствіе правительственной полу-мѣры населенія, на безтактность, излишнюю ретивость самого Сенчиковскаго и проч.

Но, въ сущности, несомнѣнно побѣдила и тутъ польско-іезуитская пропаганда...

Вотъ въ какой сложной обстановкѣ, въ виду фактической незначительности успѣха введенія русскаго языка въ дополнительное богослуженіе, ко времени 1869 года, и у Министра Тимашева, и у правой руки его—Макова невольно долженъ былъ возникнуть вопросъ: да не пора-ли покончить и съ этой бѣлорусско-литовской авантюрою, и съ ея непріятнымъ, упрямымъ вдохновителемъ, каноникомъ Сенчиковскимъ, своими вѣчными жалобами, заявленіями, упреками только осложняющимъ въ Петербургѣ и Минскѣ общій ходъ и безъ того требующей основательнаго ремонта и чистки государственной машины, рѣзко напоминающимъ о неудачѣ еще одного опыта располяченія католицизма, мѣшающимъ хотя бы политикѣ сближенія съ Римомъ.

Этотъ Римъ, какъ разъ къ тому-же времени, въ письмахъ къ Сенчиковскому и Жилинскому кардиналовъ Катерини, Якобини,—въ письмахъ съ несомнѣннымъ умысломъ преданныхъ гласности, равно какъ и въ давленіи на Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ Иностр. Исповѣданій черезъ митрополита всѣхъ р.-к. церквей Россіи, недвусмысленно высказался, что пока въ силѣ Сенчиковскій, пока «комедія» введенія русскаго языка въ лицѣ его продолжается, до тѣхъ поръ ни о какихъ соглашеніяхъ, примиреніяхъ, уступкахъ и рѣчи быть не можетъ..

Но живъ еще былъ Императоръ Александръ II, санкціонировавшій повелѣніе 25 декабря, котораго убѣдили въ возможности введенія русскаго языка въ практику бѣлорусскаго костела: съ этимъ, прежде всего, приходилось считаться.

Кромѣ того, Макову лично неудобно было признать за собою неудачу столь долго вдохновляемой имъ реформы въ Сѣверо-Западномъ краѣ и Бѣлоруссіи, хотя-бы ужъ потому, что въ высшихъ кругахъ считался онъ знатокомъ и практикомъ этой окраины Россіи...

А польско-іезуитская пропаганда, между тѣмъ, пользуясь такимъ настроеніемъ администраціи, конечно, не дремала въ Римѣ, Парижѣ, Краковѣ, Литвѣ и Бѣлоруссіи, и, видя главное зло въ Сенчиковскомъ, нашептывала Правительству, устами полякующаго чиновничества, и выходъ изъ такого, непріятнаго, неудобнаго, щекотливаго положенія: изъ Вильны, изъ Минска, изъ-за границы, какъ по властной, умѣлой командѣ, дружно понеслись въ Петербургъ еще разъ доносы, анонимы на упрямаго, заносливаго, несдающагося каноника—реформатора, минуя, однако, въ разрѣзъ съ прежними попытками такого-же рода, политическую сторону его дѣятельности, а лишь, какъ на человѣка, какъ на завѣдующаго Минскимъ училищемъ органистовъ,—доносы и анонимы, хотя ничѣмъ и необоснованные, но все-же настойчиво бившіе въ одну и ту-же точку--на будто-бы извращенную нравственность Сенчиковскаго, на необходимость удалить его изъ Минска для того, чтобы онъ не позорилъ своимъ присутствіемъ училища органистовъ, разсадника юношества, которое онъ развращаетъ, какъ педагогъ, какъ человѣкъ и ксендзъ...

Такимъ образомъ, подсказывалось возможнымъ покончить съ Сенчиковскимъ, помимо вопроса о русскомъ языкѣ, не подрывая Высочайшаго повелѣнія, правительственнаго авторитета, а задрапировавшись въ тогу отвлече.ной нравственности, желанія, оградить молодежь отъ развращающаго вліянія холостого ксендза и проч.

Припомнимъ приведенную уже нами выше резолюцію Министра Вн. Дѣлъ Тимашева на донесеніи Минскаго губернатора

(отъ 14 мая 1878 г., № 411)—относительно столкновеній Сенчиковскаго съ обывателями гор. Минска.

Тимашевъ, велѣвъ сдѣлать Сенчиковскому выговоръ въ унижающей его обстановкѣ, по дѣлу, въ сущности, ничтожному, нестоющему вниманія, надписалъ на бумагѣ: «Безпокойный характеръ каноника Сенчиковскаго мнѣ извѣстенъ.» Тотъже «безпокойный характеръ» подчеркнулъ, затѣмъ, и Маковъ.

Безпокойный характеръ!?...

Согласенъ, что покойный каноникъ не отличался ни кротостью и беззлобіемъ агнца, ни уравновѣшенностью чиновника высшаго оклада, ни нравственными достоинствами заправскаго святоши...

Мы уже упоминали и то, что по характеру его боевой дѣятельности, онъ находился постоянно въ исключительной, разбивающей нервы и выводящей изъ душевнаго равновѣсія, обстановкѣ военнаго времени, т. е. въ такомъ положеніи, когда, конечно, прописной моралью приходится жертвовать въ интересахъ государственныхъ...

Въ прежнихъ резолюціяхъ того-же Тимашева о Сенчиковскомъ еще недавно звучали совсѣмъ иныя ноты—ноты пониманія того, что «безпокойный характеръ» Сенчиковскаго все-же имѣлъ въ основѣ своей неравную борьбу съ врагами Россіи, а также тотъ адъ, въ которомъ борьба эта протекала, безнравственность средствъ, употреблявшихся въ этой борьбѣ противъ ревностнаго слуги русскаго государства польско-іезуитскою пропагандою и т. п. И могла-ли быть ранѣе рѣчь о какомъ либо выговорѣ каноннку за то, что въ свое столкновеніе съ какимъ-то чиновникомъ Змаровичемъ онъ безтактно вмѣшалъ воспитанниковъ училища органистовъ?!.. Но времена круто измѣнились...

Совершенно вѣрно опредѣлилъ, какъ мы это видѣли, положеніе Сенчиковскаго въ эту эпоху въ Минскѣ, какъ политическаго дѣятеля, губернаторъ В. И. Чариковъ, въ своемъ донесеніи Л. С. Макову (отъ 19 марта 1878 г., № 233), гдѣ пишетъ:

«Въ настоящее время появляются признаки, по которымъ можно заключить, что агитація противъ введенія русскаго языка въ дополнительное католическое богослуженіе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и противъ главнаго его дѣятеля въ Минской губерніи — визитатора Сенчиковскаго—вновь оживилась въ средѣ поляковъ и поддерживается Виленскою консисторіею.»—

Вотъ въ чемъ именно и заключалась причина «безпокойнаго характера» Сенчиковскаго, и вотъ чего не хотѣли понимать и признавать въ тѣ дни въ Петербургѣ...

Угрожающія письма, которыя сталъ получать изъ Рима, изъ Вильны Сенчиковскій, ясно указывали на живую связь ме-

жду усилившейся дѣятельностью партіи польско-іезуитской про-паганды и интересомъ къ его личности Ватикана.

Мы видѣли, что представляя ихъ, эти письма по начальству, Сенчиковскій какъ-бы бравировалъ своимъ презрительнымъ спокойствіемъ.

Но, конечно, онъ слишкомъ хорошо зналъ безпощадную дисциплину Рима, проводимую вѣками къ одной и той-же цѣли, незнающую реакціи бездѣйствія и покоя, уступокъ въ главномъ, существенномъ и полезномъ р.-к. Церкви, какъ зналъ, что Римъ не дастъ легко вырвать изъ рукъ его такую доходную, оброчную статью, какъ милліоны душъ католиковъ Бѣлоруссіи и Литвы. Ему понятны, поэтому, были причины, благодаря которымъ этотъ Римъ, какъ политическая величина, энергично поддерживаетъ и будетъ поддерживать своего вѣкового вассала Польшу въ его неправыхъ притязаніяхъ на то, что всегда принадлежало, принадлежитъ и будетъ принадлежать Россіи...

И въ то-же время онъ какъ-бы не хотѣлъ усчитывать дряблость, измѣнчивость нашей иностранной политики, нашей національной склонности къ реакціямъ, какъ не могъ представить себѣ, что мы уступимъ когда либо Риму въ дѣлѣ располяченія полонизма и костела, т. е. въ области чисто домашнихъ нашихъ мѣропріятій, въ которыя Папа и Ватиканъ, какъ и прочія правительства Европы, вмѣшиваться не въ правѣ.

Хорошо понималъ положеніе Сенчиковскаго «истинно русскій человѣкъ», какъ его называетъ въ своихъ бумагахъ покойный, губернаторъ Чариковъ. Да и онъ, удрученный общимъ сумбуромъ, неразберихою русской дѣйствительности, самъ потерялъ вѣру въ возможность успѣшнаго насажденія въ Минской губерніи правительственной мѣры относительно русскаго языка, охладѣвшій къ ней и къ Сенчиковскому, чувствовавшій и охлажденіе къ этому вопросу въ Петербургѣ, а, въ то же время, безъ сомнѣнія, изнемогавшій, вмѣстѣ съ полиціей своей и жандармами—въ виду усиленнаго наплыва кляузныхъ, грязныхъ дѣлъ и доносовъ о Сенчиковскомъ.

Ему нуженъ былъ только опредѣленный знакъ изъ Петербурга для того, чтобы, въ пользу общаго спокойствія и «примиренія» въ Минской губерніи, убрать Сенчиковскаго изъ губернскаго центра куда либо подальше, лишивъ его власти и оффиціальнаго положенія.

Знакъ этотъ и былъ поданъ А. Н. Мосоловымъ.

Осенью 1878 года, въ качествѣ еще чиновника особыхъ порученій при Министрѣ Вн. Дѣлъ, Мосоловъ командируется генераломъ Тимашевымъ въ Минскъ—со спеціальной цѣлью

разбора многочисленныхъ жалобъ ксендзовъ на дѣйствія по отношенію къ нимъ визитатора Сенчиковскаго. Мы знакомы уже въ прошломъ съ этими терніями служебной дѣятельности послѣдняго, и знаемъ, въ чемъ тутъ заключалось дѣло, на чьей сторонѣ была правда, изъ-за чего шла борьба....

Попутно, и, надо думать, сверхъ програмы служебной командировки, осматривается Мосоловымъ въ Минскѣ и училище органистовъ.

Мы не нашли ни въ дѣлѣ объ органистахъ, ни въ дѣлѣ № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій, донесенія Мосолова о результатахъ этой поѣздки. Было-ли оно на бумагѣ? Или все ограничилось словеснымъ докладомъ?!..

Но въ позднѣйшемъ своемъ докладѣ (отъ 13 іюня 1879 г., съ которымъ мы еще познакомимся), смѣнившему Тимашева статсъ-секретарю Л. С. Макову, Мосоловъ упоминаетъ и объ этой своей, дипломатической командировкѣ, которая, хотя и не дала по-прежнему желанныхъ—въ смыслѣ какой либо виновности Сенчиковскаго – фактовъ о развращенности послѣдняго, а также вообще для установленія за нимъ какой либо вины по службѣ, но, по выраженію «доклада», привела его, Мосолова, къ «убѣжденію, *что многіе изъ ходившихъ о безнравственности Сенчиковскаго слуховъ заслуживаютъ вниманія*».—

Вотъ по-истинѣ прекрасный, канцелярскій терминъ, удачный оборотъ рѣчи, когда, при полномъ отсутствіи уликъ, надо все-таки выйти съ честью изъ неловкаго положенія и оставить впечатлѣніе, что все же чѣмъ-то сомнительнымъ пахнетъ въ воздухѣ!!

Конечно, одного «вниманія» къ «слухамъ» (т. е. сплетнямъ) о безнравственности Сенчиковскаго было далеко еще недостаточно для Тимашева и послѣ упоминаемой, первой поѣздки Мосолова, Сенчиковскаго оставили временно въ покоѣ, и въ Петербургѣ, и въ Минскѣ.

Тѣмъ не менѣе спеціальная поѣздка Мосолова, а, главное, произведенное имъ въ извѣстномъ направленіи—о половой извращенности Сенчиковскаго—черезъ Минскихъ—губернатора, жандармовъ и попечителя училища органистовъ, дознаніе произвели-таки надлежащее вліяніе на В. И. Чарикова—въ смыслѣ авторитетнаго указанія пути, которымъ можно, при желаніи, избавиться отъ всѣмъ надоѣвшаго, безпокойнаго, только мѣшающаго новымъ теченіямъ правительственной политики и мѣстной общественной жизни, ксендза—бѣлорусса...

Увѣренный теперь, послѣ бесѣдъ съ А. Н. Мосоловымъ, въ томъ, что еще разъ поднятый вопросъ объ удаленіи Сенчиковскаго не встрѣтитъ какого либо неудовольствія и сопротивленія въ

Министерствѣ, что бывало всегда ранѣе, Чариковъ, какъ порядочный человѣкъ, нежелающій искажать факты и подтасовывать событія, пользуется заявленіемъ Сенчиковскаго—о желаніи его занять открывшуюся со смертью каноника Нѣмекши вакансію дѣйствительнаго каноника въ Вильнѣ, и дѣлаетъ, поэтому, 1 декабря 1878 г., за № 6619 *) соотвѣтствующее донесеніе управляющему Министерствомъ Вн. Дѣлъ Л. С. Макову, при чемъ пишетъ:

«Представляя настоящее ходатайство каноника Сенчиковскаго на благоусмотрѣніе Вашего Высокопре—ва, имѣю честь присовокупить, что хотя кан. Сенчиковскій и не обладаетъ всѣми требуемыми для такого высокаго сана достоинствами, но, принимая во вниманіе усердную его дѣятельность по введенію русскаго языка въ дополнительное р.-к. богослуженіе, а также и то, что для успѣха этой дѣятельности Сенчиковскому необходима бо́льшая самостоятельность и авторитетность, что неотъемлемо связано съ званіемъ дѣйствительнаго каноника, я, съ своей стороны, признаю каноника Сенчиковскаго возможнымъ возвести въ званіе дѣйствительнаго каноника. При семъ долгомъ считаю присовокупить, что съ возведеніемъ каноника Сенчиковскаго въ просимое имъ званіе, дѣятельность его по введенію русскаго языка въ дополнительное богослуженіе *потеряетъ тотъ характеръ казеннаго агента*, которымъ она обладаетъ въ настоящее время, а, при желаніи его служить дѣламъ Правительства—по введенію русскаго языка въ дополнительное богослуженіе, это будетъ далеко неизлишнею и безуспѣшною мѣрою для самаго обрусенія края.»

О томъ-же проситъ Чариковъ и А. Н. Мосолова, письмомъ отъ 1 декабря 1878 г. № 6620 **).

Но, не правда-ли, характеренъ взглядъ губернатора, который съ одной стороны находитъ, что Сенчиковскій «не обладаетъ всѣми требуемыми для такого высокаго сана (дѣйствительнаго каноника) достоинствами», а, съ другой, настаиваетъ на этомъ-же назначеніи, какъ на заслуженной Сенчиковскимъ наградѣ, долженствующей яко-бы придать ему вѣсъ и авторитетность?!...

Къ огорченію Чарикова, ему не удается, однако, на этотъ разъ, избавиться отъ Сенчиковскаго: А. Н. Мосоловъ, въ письмѣ своемъ къ нему (отъ 15 декабря, за № 182) ***), уже въ качествѣ Директора Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій,

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій.» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд.

**) Тамъ-же.

***) Тамъ-же.

принужденъ сообщить, несомнѣнно, подъ давленіемъ свыше, что подобное назначеніе состояться не можетъ.

Кстати, отмѣтимъ, что на вышеприведенномъ представленіи Чарикова о повышеніи Сенчиковскаго красуется резолюція Макова:

«Не очень-то мнѣ это по сердцу.»

Еще-бы! Можно себѣ заранѣе представить, какую кашу заварилъ-бы въ Вильнѣ Сенчиковскій—въ той самой Вильнѣ, которая вмѣстѣ съ Жилинскимъ и его свитою, не смотря на кажущееся въ ней спокойствіе, какъ писалъ Сенчиковскій, представлялась ему не иначе, какъ зловонной «ямою» польско-іезуитской справы!..

Бѣдный Сенчиковскій! До конца дней своихъ не подозрѣвая о перепискѣ о немъ между Петербургомъ и Минскомъ, о резолюціяхъ на его бумагахъ, онъ не переставалъ молиться за Макова и Чарикова, какъ за истинныхъ своихъ благодѣтелей, которые одни не давали погубить его окончательно!..

Счастье его, что онъ такъ и умеръ въ подобномъ блаженномъ невѣдѣніи: все-же у него было хоть что либо отрадное въ томъ чиновномъ мірѣ, который уничтожалъ, безжалостно глушилъ и коверкалъ его начинанія!

Съ назначеніемъ Макова управляющимъ Министерствомъ Вн. Дѣлъ явилась еще болѣе неотложная потребность покончить во что-бы то ни стало съ Сенчиковскимъ: иное дѣло стоять за спиною Министра, подсказывая и ни за что не отвѣчая, а иное—самому быть на правахъ министра и нести отвѣтственность за осложненія, вызываемыя неугомоннымъ Минскимъ визитаторомъ. Сознаться въ неудачѣ правительственнаго предпріятія по располяченію костела—въ видѣ русскато языка въ дополнительномъ богослуженіи,—предпріятія, имъ самимъ вызваннаго къ жизни, найти въ служебной дѣятельности Сенчиковскаго что либо неправильное, идущее въ разрѣзъ закона, Высочайшаго повелѣнія 25 дек. 1869 года, нельзя, неудобно...

А тутъ А. Н. Мосоловъ со своимъ «докладомъ» о слухахъ о безнравственности Сенчиковскаго, на которые слѣдуетъ обратить «вниманіе».

Видите-ли... Начались побѣги учениковъ изъ училища органистовъ, «признаки неповиновенія» ихъ...

Все это Мосоловъ храбро связываетъ (не имѣя въ рукахъ ни одного факта, позволяющаго дѣлать подобный, опредѣленный выводъ!) съ «ходившими слухами о грязной безнравственности Сенчиковскаго, заслужившими вниманіе.» Сдѣланъ былъ,

вѣроятно, соотвѣтствующій устный докладъ управляющему Министерствомъ—Макову.

И вотъ, въ результатѣ, въ формулярномъ о службѣ Сенчиковскаго спискѣ, появилось новое добавленіе.

А именно тамъ сказано:

а) «Въ 1879 г., вслѣдствіе ходатайства, по разстроенному здоровью, съ разрѣшенія управляющаго Министерствомъ Вн. Дѣлъ отъ 24 января, за № 12, освобожденъ отъ должности завѣдывающаго училищемъ органистовъ въ г. Минскѣ, и 30 января за № 164 назначенъ Слуцкимъ деканомъ»;

б) «Затѣмъ, по ходатайству его, Сенчиковскаго, управляющимъ епархіей, отъ 12 марта, за № 339, вслѣдствіе отзыва Министра Вн. Дѣлъ отъ 6 марта, за № 32, назначенъ на должность Бобруйскаго декана и настоятеля.»—

Мы понимаемъ хорошо трагическое положеніе Сенчиковскаго въ эту минуту: онъ могъ бороться за свое пребываніе въ Минскѣ, отстаивать политическія свои убѣжденія лишь до тѣхъ поръ—пока на сторонѣ его былъ Л. С. Маковъ. Но разъ самъ Маковъ, ставшій во главѣ Мин. Вн. Дѣлъ, находилъ нужнымъ переводъ его, пониженіе по службѣ, а значитъ, и уменьшеніе раіона его дѣятельности, то Сенчиковскому сопротивляться, конечно, не приходилось. И вотъ онъ молча покоряется силѣ и необходимости, хотя и видитъ ясно, что, въ сущности, ему приходится склонить непокорную до-того голову передъ восторжествовавшею надъ нимъ политической пропагандою.

Въ бумагахъ покойнаго есть указанія на то, что не вынеся пытки натянутыхъ отношеній съ мѣстной администраціей, травли представителей польско-іезуитской пропаганды, придирокъ и грубостей со стороны прелата Жилинскаго и Виленской консисторіи, живя изо дня въ день, какъ на вулканѣ, въ напряженномъ ожиданіи покушеній на его жизнь, новыхъ скандаловъ, столкновеній, заушеній и грязи, въ домѣ, стѣны котораго невидимыя руки упрямо покрывали пасквилями и рисунками, самъ онъ радъ былъ спастись куда либо, скрыться изъ Минска, гдѣ ни священническій санъ, ни общественное положеніе, ни полицейская сила, повидимому, не могли болѣе оградить его отъ непріятныхъ случайностей. И онъ подаетъ прошеніе о переводѣ...

Какъ вешній, жизне-радостный вихрь, пронеслась давно ожидаемая вѣсть о немилости, постигшей Сенчиковскаго, о лишеніи его званія визитатора, объ удаленіи изъ Минска и разобщеніи съ училищемъ органистовъ—по страницамъ польской печати—русской и заграничной. Да оно было понятно, это лико-

ваніе: униженіе Сенчиковскаго, лишеніе его власти, означали несомнѣнный провалъ поднятаго имъ вопроса о русскомъ языкѣ, при томъ въ Петербургѣ, въ правительственныхъ сферахъ!!

Искренней болью, однако, отозвалось это событіе (что можно вывести изъ переписки Сенчиковскаго за то-же время) въ сердцахъ русскихъ людей, особенно друзей и доброжелателей Сенчиковскаго по Минску съ епископомъ Александромъ во главѣ.

Какъ Петербургъ, въ лицѣ гр. Валуева и С°, убралъ изъ Литвы и Бѣлоруссіи неудобнаго гр. М. Н. Муравьева, не давъ ему окончить начатаго имъ великаго подвига освобожденія этихъ земель отъ польско-іезуитскаго ига,—въ то время, когда его молитвенно благословляла на подвигъ бранный Москва—въ лицѣ святителя Филарета и другихъ замѣчательныхъ русскихъ людей, такъ случилось и съ Сенчиковскимъ: пока М. Н. Катковъ, дававшій въ тѣ дни тонъ національному направленію, поддерживалъ на страницахъ своихъ «Московскихъ Вѣдомостей» Сенчиковскаго, лично подкрѣпляя его при свиданіяхъ и даже прославъ ему Евангеліе съ собственноручной надписью, Петербургъ, въ лицѣ Макова и Мосолова, накладываетъ цѣпи на руки и печать молчанія на уста вдохновеннаго, пламеннаго апостола Бѣлоруссіи.

Да и въ другихъ отношеніяхъ между судьбой гр. Муравьева и судьбою, дѣятельностью Сенчиковскаго есть много общаго.

Оба беззавѣтно были преданы своему Государю, явились убѣжденными исполнителями Его начинаній, оба беззавѣтно любили Россію и ненавидили Польшу, оба хорошо знали прошлое и настоящее тѣхъ мѣстностей, гдѣ работали на политическомъ поприщѣ, какъ знали, кто̀ здѣсь исконные угнетатели, а кто̀ угнетенные, почему всю систему своей политики построили сперва на разгромѣ меньшинства, т. е. польско-іезуитской, панско-ксендзовской, враждебной Россіи, пропаганды, а, затѣмъ, на подъемѣ матеріальнаго, духовнаго, умственнаго, религіознаго состоянія большинства, т. е. простого народа, какъ мѣстной, здоровой силы, на которой должна быть здѣсь, по мнѣнію ихъ, возсоздана прочная духовно-историческая связь, нарушенная вѣковымъ гнетомъ Польши и р.-к. костела, между Матерью Россіей и ея кровной дочерью Бѣлоруссіей.

Оба сознательной, убѣжденной, умѣлой рукою нанесли удары въ самыя больныя, чувствительныя мѣста русско-польскихъ отношеній—римско-католическому духовенству и польскому дворянству, указавъ будущимъ поколѣніямъ, которымъ предстоитъ еще здѣсь борьба за русскія начала, что только въ

союзѣ съ простымъ народомъ, свободнымъ, перевоспитаннымъ въ идеѣ національнаго единства и духовнаго родства съ Великоруссіей, возможны для Правительства успѣшные результаты

Оба оставили этимъ будущимъ поколѣніямъ ясныя, обоснованныя историческими, политическими, этнографическими, бытовыми данными программы — Муравьевъ — въ сферѣ общей политики Сѣверо-Западнаго края и Бѣлоруссіи, Сенчиковскій — по вопросу о располяченіи въ Бѣлоруссіи католицизма...

Оба дѣлили все человѣчество лишь на двѣ, рѣзко отличавшіяся другъ отъ друга, группы: на людей, полезныхъ Россіи, ей преданныхъ, и на тѣхъ, кто былъ ея врагами; причемъ здѣсь не дѣлалось ими различія между національностями, религіями и т. п.

Въ зависимости отъ подобной классификаціи стояло и отношеніе ихъ къ окружающимъ.

Своею національно - исторической программою Муравьевъ вбилъ въ духовно-политическую, правительственную жизнь С.-З. края и Бѣлоруссіи такой клинъ, который до сихъ поръ не могли и не могутъ вырвать изъ нея ни польско-іезуитская пропаганда, ни Валуевы, ни Потаповы, ни другіе, космополитическаго направленія или полякующіе чиновники Петербурга. И до сихъ поръ почти каждый пріѣзжающій въ Вильну новый генералъ-губернаторъ привозитъ свою программу и если непредубѣжденную вражду къ тому, что́ дѣлалъ, что́ говорилъ и думалъ здѣсь Муравьевъ, то сомнѣніе въ удобопримѣнимость его взглядовъ къ настоящему времени, а кончаетъ тѣмъ, что беретъ изъ архива старыя, генералъ-губернаторскія дѣла эпохи Муравьева, поучаясь тому, ка́къ обновлялъ край Муравьевъ, и зачастую находя, что программа его — вѣчная, единственная для Сѣверо-Западнаго края, какъ сама истина, слѣдуетъ примѣру Муравьева, а тѣмъ самымъ еще глубже забиваетъ здѣсь историческій клинъ, который нѣкогда умѣлою, опытной рукою загналъ Муравьевъ.

И это явленіе станетъ понятнымъ, такъ какъ вслѣдъ за кратковременнымъ періодомъ «разгрома», Муравьевъ заложилъ на многіе годы, если не на вѣка, основы мирнаго развитія ввѣреннаго ему края, и основы эти не могутъ не быть вѣчны. справедливы, жизненны и полезны Россіи уже потому, что онѣ являются не плодомъ кабинетной, вымученной, книжной работы и бюрократическаго полета мысли, а вытекли, взяты Муравьевымъ изъ самой жизни края, изъ его прошлаго, изъ его настоящихъ, насущныхъ потребностей.

Муравьевъ зналъ, что его скоро уберутъ изъ Вильны и не будучи способнымъ, по натурѣ своей, предаваться мечтамъ и иллюзіямъ, онъ, какъ настоящій, толковый мужикъ — плотникъ,

у котораго впереди много времени, думалъ лишь о прочности работы; детали-же, украшенія, отдѣлка его интересовали мало.

Размахъ дѣятельности Сенчиковскаго, конечно, не былъ столь обширенъ, какъ у его великаго современника. Онъ тоже торопился и, преслѣдуя главную цѣль, мало заботился о деталяхъ. Но и онъ, именно какъ ксендзъ, какъ католикъ, въ дѣлѣ располяченія костела, забилъ такой клинъ, съ которымъ долго еще будутъ считаться петербургско - политическіе бюрократы, разъ они, пріѣхавъ въ Бѣлоруссію, силою обстоятельствъ вынуждены будутъ имѣть дѣло съ этимъ вѣчнымъ, болѣзненнымъ, немогущимъ никакъ назрѣть и прорваться нарывомъ—вопросомъ о польско-іезуитской справѣ. Безъ располяченія костела тутъ ничего не подѣлаешь, а разъ коснешься его, то невольно вспомнишь Сенчиковскаго, а вспомнивъ его, пойдешь у него-же учиться, ища практическихъ указаній и правды.

Но много-ли мы знаемъ о Сенчиковскомъ?!.. Ничего, или почти ничего, если не считать грязныхъ о немъ анекдотовъ.. А когда узнáемъ, то убѣдимся, что и его «клинъ», какъ клинъ Муравьевскій, въ сущности, невырванъ, а только забытъ, или вѣрнѣе хитро прикрытъ врагами русскаго дѣла, замаскированъ непониманіемъ русскаго, чиновничьяго космополитизма.

Многіе-ли, напримѣръ, знаютъ о томъ, что Высочайшее повелѣніе 25 декабря 1869 года—о введеніи русскаго языка въ дополнительное богослуженіе костела до сихъ поръ не отмѣнено, существуетъ, но забыто.... забыто чиновниками!?..

Оба—и гр. Муравьевъ, и каноникъ Сенчиковскій явились, въ главные моменты ихъ дѣятельности, лишь безгранично преданными, покорными слугами—исполнителями воли своего Государя.

А, между тѣмъ, чего только не приписали людская ненависть и недомысліе личной ихъ иниціативѣ!

Вся жизнь обоихъ прошла подъ сплошнымъ градомъ клеветы, умышленныхъ искаженій фактовъ, обвиненій въ небывалыхъ, грязныхъ, гнусныхъ преступленіяхъ, проклинаемая, опозориваемая, извращаемая злобой, местью, изобрѣтательностью враговъ, Россіи, но чтó еще ужаснѣе—своихъ-же, русскихъ...

И все, что говорилось, писалось, печаталось про Муравьева уже опровергнуто съ документами въ рукахъ.

Вся грязь, созданная польско-іезуитскою пропагандою вокругъ имени и памяти Сенчиковскаго, должна отпасть послѣ настоящей книги.

Муравьеву, по Высочайшей волѣ, уже поставленъ въ Вильнѣ знаменательный памятникъ, гдѣ бронзовый, суровый генералъ, опираясь на палку, стоитъ въ такой позѣ, которая не оста-

вляетъ сомнѣній въ томъ, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ и Бѣлоруссіи никогда, ни одна пядь русской земли не будетъ уступлена польско-іезуитской пропагандѣ.

Придетъ время, и благодарная Бѣлоруссія, на средства нынѣ темнаго, а тогда просвѣтленнаго духовно крестьянскаго населенія, которому жизнь свою беззавѣтно отдалъ Сенчиковскій, воздвигнетъ бронзовый-же памятникъ этому мученику....

Какую-же политическую программу завѣщалъ намъ покойный?

Она ясна изъ приведенныхъ уже нами въ этой книгѣ письменныхъ заявленій Сенчиковскаго.

Намъ остается только свести ихъ въ одно.

Исходя отъ древне-русскаго происхожденія Бѣлоруссіи и необходимости для счастья ея возможно тѣснаго, духовнаго слiянія ея съ Великой Россіей, ей родственной, находя, что такому сближенію въ Бѣлоруссіи препятствуетъ польско-іезуитская пропаганда, проводящая въ массу бѣлорусскаго народа чуждыя ему, нездоровыя, ложныя понятія о Польшѣ, Римѣ, Россіи, римско-католической вѣрѣ — черезъ костелъ и служителей р.-к. религіи—ксендзовъ, Сенчиковскій находилъ необходимымъ прежде всего разгромъ костела и ксендзовскаго элемента постольку, поскольку они, являясь воинствующими, служатъ интересамъ и мечтаніямъ польско-іезуитской пропаганды, а, значитъ, проникнуты анти-государственными, вредными Россіи, началами.

Въ виду этого, надо, по мнѣнію его, прежде всего располячить р.-к. костелъ въ Бѣлоруссіи, т. е. лишить его политическаго значенія, какъ самаго важнаго орудія полонизма.

Такъ какъ вся сила, конечно, не въ р.-к. Церкви, какъ установленіи христіанскомъ, а въ ксендзахъ, то, для успѣшныхъ результатовъ, нужно создать еще, по мнѣнію Сенчиковскаго, новый типъ «русскаго» ксендза, т. е. служителя р.-к. алтаря, пасущаго души р.-к. народа, но чуждаго вообще политикѣ, а тѣмъ болѣе политикѣ анти - русской, преданнаго, вѣрно - подданнаго слуги русскаго государства, русскаго народа...

Это можно достигнуть лишь полной, коренной реформою духовныхъ р.-к. семинарій и Духовной Академіи, въ которыя слѣдуетъ ввести систему воспитанія и образованія, клонящіяся къ тому, чтобы изъ стѣнъ этихъ заведеній выходили въ народъ не убѣжденные враги русскаго государства и русской національной идеи, а истинные пастыри Церкви, признающіе законныя права русскаго государства и идущіе на встрѣчу послѣднему во всѣхъ его начинаніяхъ.

Подобныхъ результатовъ можно достичь умѣлымъ, подходящимъ подборомъ, какъ начальства, преподавателей, воспитателей р.-к. учебныхъ заведеній, подготовляющихъ ксендзовъ,

такъ и воспитанниковъ ихъ, даже прислуги, при чемъ, при пріемѣ воспитанниковъ, нечего стѣсняться ихъ происхожденіемъ, образовательнымъ цензомъ, а надо имѣть въ виду главнымъ образомъ ихъ нравственныя, духовныя достоинства, подходящія къ требованіямъ, интересамъ русскаго Правительства.

Такъ какъ съ врагомъ, по мнѣнію Сенчиковскаго, надо всегда бороться его-же собственнымъ оружіемъ, а польско-іезуитская пропаганда употребляетъ польскій языкъ въ качествѣ средства ополяченія природнаго русскаго населенія и совращенія его въ католицизмъ, изгоняя языкъ русскій, то надо изгнать непонятный, чуждый бѣлорусскому простолюдину, польскій языкъ изъ вышеупомянутыхъ учебныхъ заведеній вообще, а изъ костельной практики—въ области дополнительнаго богослуженія, проповѣди, поученій народа съ амвона, вмѣсто него неуклонно введя языкъ русскій, какъ понятный бѣлорусскому населенію, государственный и имѣющій въ этомъ, древне-русскомъ краѣ, права исторической давности.

То же изгнаніе польскаго языка и насажденіе вмѣсто него языка русскаго должно быть неумолимо проведено въ Духовной Коллегіи, консисторіяхъ, оффиціальныхъ сношеніяхъ р.-к. духовенства между собою, а также съ прихожанами.

На русскомъ языкѣ, вмѣсто польскаго, должны быть введены въ костельную практику и нѣкоторыя богослужебныя книги.

Такъ какъ ближайшими сотрудниками ксендзовъ, особенно въ провинціи, являются органисты, ризничіи, то слѣдуетъ учредить по всей Бѣлоруссіи училища для органистовъ, проникнутыя тѣмъ-же русско-національнымъ духомъ, какъ реорганизованныя Духовная Академія и семинаріи, чтобы изъ подобныхъ училищъ, въ помощь къ «русскимъ ксендзамъ», выходили органисты употребляющіе лишь русскій языкъ, преданные русскому Правительству и враждебные польско-іезуитской справѣ.

Для того, чтобы убить окончательно въ р.-к. костелѣ духъ этой справы и имѣть возможность во-время прекращать всякое уклоненіе р.-к. духовенства отъ чисто-христіанскаго его назначенія въ область нечистой политики, а тѣмъ болѣе въ сферу политики анти-русской, анти-государственной, слѣдуетъ учредить строгій контроль, какъ за духовенствомъ, такъ и за всѣми, вышеупомянутыми учебно-воспитательными заведеніями и правительственно-административными учрежденіями, каковыми являются Духовная Коллегія и консисторіи, для чего, въ свою очередь, необходима неумолимая, строгая власть.

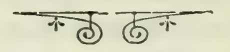
Достиженіе благихъ результатовъ въ Бѣлоруссіи, въ только что указанномъ направленіи, немыслимо: 1) пока Римъ будетъ вмѣшиваться въ устройство р.-к. Церкви въ Россіи, въ ея внутреннюю жизнь, въ ея отношенія къ русской государствен-

ной власти; 2) пока на епископскихъ каѳедрахъ будутъ сидѣть ставленники Рима, епископы, проникнутые польской идеей, по убѣжденіямъ принадлежащіе къ польско-іезуитской пропагандѣ; 3) пока политика Правительства не будетъ построена на историческо-этнографическихъ основаніяхъ, а будетъ колебаться, мѣняться въ зависимости отъ отдѣльныхъ личностей и идти на уступки; 4) пока вся администрація, начиная съ Министра Вн. Дѣлъ и кончая послѣднимъ полицейскимъ служителемъ, не будетъ проникнута этимъ національнымъ сознаніемъ.

Въ качествѣ отдѣльныхъ мѣръ Сенчиковскій проектировалъ перенесеніе епископской каѳедры по Бѣлоруссіи изъ Вильны въ Минскъ, даже, по возможности, полное упраздненіе епископовъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи съ назначеніемъ вмѣсто нихъ простыхъ управляющихъ епархіями, возможно — бóльшее обезпеченіе особыми пенсіями тѣхъ изъ ксендзовъ, которые, пойдя на встрѣчу Правительству въ дѣлѣ обрусенія, находятся подъ гоненіемъ польско-іезуитской пропаганды, передачу Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. изъ Министерства Вн. Дѣлъ въ вѣдѣніе оберъ-прокурора Св. Синода. и т п.

Какъ старо-католикъ, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ онъ мечталъ о прочномъ насажденіи въ Россіи старо-католицизма...

Въ наши дни онъ радовался-бы появленію въ Вильнѣ маріавитовъ, и, можетъ быть, примкнувъ къ нимъ, увлекъ-бы ихъ, за собою ,на поля Бѣлоруссіи, для борьбы съ полонизмомъ...

ГЛАВА XII.

—Брошюрка профессора Кнапинскаго о Сенчиковскомъ 1893 года, какъ имѣющая связь съ опалой Сенчиковскаго.—Ея значеніе—для біографіи покойнаго.—Разныя точки зрѣнія на одни и тѣ-же вопросы—Кнапинскаго и Сенчиковскаго.—Пр. Кнапинскій—типичный представитель заграничнаго отдѣла польско-іезуитской пропаганды.

Съ удаленіемъ въ Бобруйскъ, какъ мы видѣли, въ сущности, круто обрывается главная пора политической дѣятельности каноника Сенчиковскаго.

Затѣмъ слѣдуетъ переходное состояніе—къ полному прекращенію послѣдней: «жизнь кончена; начинается житіе»...

Несомнѣнно, поэтому, своевременнымъ будетъ, забѣжавъ значительно впередъ, познакомить читателя, въ особой главѣ, съ печатной брошюрой профессора Краковскаго университета Кнапинскаго («письмомъ» его на польскомъ языкѣ къ Сенчиковскому)—по поводу введенія послѣднимъ русскаго языка въ дополнительное богослуженіе р.-к. костеловъ въ Бѣлоруссіи.

Уже самое появленіе этой брошюры въ 1893 г., т. е. когда Сенчиковскій былъ совершенно не у дѣлъ и жилъ на покоѣ въ Омскѣ, обезвреженный польско-іезуитской пропагандою, показываетъ на то, какое огромное значеніе пропаганда придавала и придаетъ русскому языку въ дѣлѣ располяченія католицизма въ Бѣлоруссіи и Литвѣ.

Тотъ фактъ, что кс. Кнапинскій, отпечатавъ, посылаетъ свой трудъ и митрополиту всѣхъ р.-к. церквей въ Россіи, о чемъ предувѣдомляетъ свою жертву, указываетъ, кромѣ того, на мстительное желаніе допечь, добить ненавистнаго пропагандѣ дѣятеля даже тогда, когда тотъ безпомощенъ и никому неопасенъ.

А это, въ свою очередь, убѣждаетъ, на сколько обезпокоивала пропаганду сама идея о русскомъ языкѣ, фанатически проводимая Сенчиковскимъ въ практику бѣлорусскаго костела.

Стоило-ли бы иначе профессору Кнапинскому предательски втягивать Сенчиковскаго въ переписку, выманивать у него откровенныя свѣдѣнія и, считая его умственнымъ, нравственнымъ, политическимъ ничтожествомъ (что̀ видно изъ «письма»), тратить время на составленіе и отпечатаніе о немъ-же цѣлой брошюры?!..

Упоминаемая брошюра, присланная мнѣ Сенчиковскимъ съ немногими помѣтками на поляхъ ея, вызванными первыми впечатлѣніями при чтеніи, очень важна для біографіи покойнаго, такъ какъ указываетъ на то, что̀ думала и думаетъ о Сенчиковскомъ извѣстная часть польскаго общества, что̀ ставитъ она ему въ вину и т. п.

Отсюда еще ярче выступаетъ значеніе заслугъ его передъ Россіей.

Какъ можно судить по перепискѣ Сенчиковскаго, покойный при жизни все собирался самъ дать основательную отповѣдь Кнапинскому; но недуги старости, угнетенное состояніе духа, а, быть можетъ, и сознаніе того, что никакими доводами не переубѣдить польско-іезуитской пропаганды, наконецъ, смерть, помѣшали ему написать возраженіе.

Если онъ, въ замѣткахъ своихъ на поляхъ брошюры, обошелъ молчаніемъ многія обвиненія кс. Кнапинскаго, то, конечно, не потому, чтобы не имѣлъ подъ рукой матеріаловъ для возраженій: то, что приведено нами уже выше изъ переписки покойнаго, показываетъ достаточно ясно, въ чемъ заключается разница между «правдой» кс. Кнапинскаго и «правдой» кс. Сенчиковскаго, а также, на сколько каждый шагъ покойнаго могъ быть мотивированъ и оправданъ. Сдѣлать-же выводъ изъ сопоставленія этихъ двухъ «правдъ» не трудно...

Долго брошюра Кнапинскаго лежала у меня, прочтенная лишь поверхностно, такъ какъ и бѣглое знакомство съ нею вызвало во мнѣ чувство нравственной брезгливости прежде всего къ методу ея полемики, напоминающему времена старинной римско-католической, семинарской бурсы, когда все расчитывалось на ловкомъ построеніи фразъ, на подборѣ силлогизмовъ, на удачныхъ изъ нихъ выводахъ.

Я перечелъ ее внимательнѣй, когда Сенчиковскаго не было въ живыхъ, когда сталъ подготовлять матеріалъ для его біографіи.

Тогда-же у меня явилась мысль—написать откровенно пр. Кнапинскому, заявить ему о томъ, что за умершаго Сенчиковскаго вызовъ принимаю я, почему и отвѣчу ему, Кнапинскому, печатно, просить его на время одолжить мнѣ письма къ нему покойнаго каноника.

Все это я изложилъ въ длинномъ заказномъ письмѣ, посланномъ въ Краковъ автору брошюры.

Черезъ нѣсколько дней, однако, письмо мнѣ вернули—съ отмѣткой о смерти адресата.

Теперь, когда кс. Кнапинскій умеръ, мнѣ приходится уничтожить мое возраженіе въ томъ видѣ, какъ оно было въ черновикѣ написано ранѣе - въ надеждѣ, что Кнапинскій мнѣ отвѣтитъ лично и дастъ тѣмъ возможность продолжить нашъ споръ надъ могилой Сенчиковскаго.

Присылая мнѣ трудъ г. Кнапинскаго, какъ матеріалъ къ его біографіи, Сенчиковскій, въ письмѣ изъ Омска (отъ 15 августа 1900 г.), пишетъ:

«Печатная брошюра—въ видѣ письма ко мнѣ—ксендза, профессора Краковскаго университета.

Въ этой брошюрѣ, самымъ глупѣйшимъ, безтолковымъ и безосновательнымъ способомъ, этотъ ксендзъ высчитываетъ то зло, которое я сдѣлалъ для католицизма и поляковъ употребленіемъ языка русскаго въ костелахъ.»

Таковъ общій выводъ о произведеніи Кнапинскаго самого Сенчиковскаго.

Въ другомъ письмѣ ко мнѣ (того-же года) покойный поясняетъ:

«Прилагаемый при семъ печатный «листъ» *) -профессора Кнапинскаго, изъ Кракова, обратившагося ко мнѣ съ просьбою сообщить ему о Минской р.-к. епархіи. Я ему сообщилъ то, что можно было сообщить незнакомому мнѣ поляку и ксендзу.

И вотъ, на мое письмо, я получилъ этотъ печатный «листъ». Въ этомъ-то «листѣ»—только и рѣчи, что о языкѣ русскомъ, и ни слова о моемъ отступленіи отъ каноническаго права въ чемъ либо другомъ.

Ну, довольно о моей, теперь ничтожной личности!

Сами поляки съ ироніей относятся къ русскимъ министрамъ, выбросившимъ меня за бортъ.»

Первоначально приведемъ письма кс. Кнапинскаго къ Сенчиковскому (въ переводѣ ихъ съ польскаго языка на русскій).

Вотъ они:

а) «Многоуважаемый Отецъ!

Недавно редакція одной изъ италіянскихъ энциклопедій прислала мнѣ просьбу—доставить ей свѣдѣнія о людяхъ, чѣмъ либо прославившихся. Къ числу такихъ лицъ я отношу Васъ, уважаемый отецъ, и желалъ-бы услужить редакціи присылкой Вашего жизнеописанія. А такъ какъ я не знаю датъ событій Вашей жизни, то прошу Васъ сообщить ихъ мнѣ, равно и прислать копіи: метрики о рожденіи, назначеній на разныя должности, писемъ отъ начальства, наградъ и проч. Понятно, что при каждомъ событіи требуется точно обозначать время. Поэтому слѣдуетъ опредѣлить отъ котораго и до котораго времени, гдѣ Вы изволили пребывать и что́ въ частности въ каждой должности Вы сдѣлали и т. п.

Ожидая любезнаго Вашего отвѣта, остаюсь Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Ксендзъ Д-ръ Кнапинскій, профессоръ Краковскаго университета.

Краковъ, 4 янв. 1892 г.

P. S. Прошу прислать подробности и о ксендзѣ Макаревичѣ.»

---

*) Т. е. письмо.

б) «Краковъ. 8 марта/25 февраля 1892 г.

Уважаемый ксендзъ каноникъ!

Сердечно благодарю Васъ за любезную присылку свѣдѣній. 2 марта получилъ толстое письмо и рубрицеллю. На слѣдующій день—добавочное письмо. Еще разъ за нихъ благодарю. Съ своей стороны я хотѣлъ-бы тоже отплатить за откровенность и искренность и такъ-же откровенно и искренно изложить свой взглядъ по вопросу о русскомъ языкѣ въ нашемъ богослуженіи За недостаткомъ времени, однако, откладываю это до другого раза. Ксендзъ каноникъ, Вы, конечно, не обидитесь, если я Ваши положенія подвергну критикѣ безпристрастной, свободной отъ политическихъ и личныхъ симпатій, и ясно докажу, что помимо Вашихъ наилучшихъ намѣреній, о которыхъ Вы утверждаете, Вы избрали ошибочный путь, который привелъ къ противоположнымъ и печальнымъ послѣдствіямъ. Однако объ этомъ—пространнѣе впослѣдствіи. Пока еще разъ благодарю за все, что ксендзъ каноникъ былъ добръ мнѣ прислать. Такъ какъ Вы изволили сказать, что можете мнѣ выслать формулярный списокъ кс. Макаревича, то ловлю Васъ на словѣ и прошу мнѣ выслать этотъ формуляръ.

Извиняюсь за назойливость. Однако, Вы сами меня къ ней побудили.

Что касается Рима, то постараюсь выяснить вопросъ.

Остаюсь и проч.—Кс. Д-ръ Кнапинскій.»

в) «Краковъ. 8/20 января 1893 г.

Уважаемый ксендзъ каноникъ!

Хотя и нѣсколько поздно, посылаю Вамъ сердечныя пожеланія съ Новымъ Годомъ. Прилагаю при семъ критику Вашихъ прежнихъ писемъ, которую я обѣщалъ прислать годъ тому назадъ. Критику эту я напечаталъ лишь въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ, ибо переписка стоила-бы мнѣ столько-же, сколько и печать (50 гульденовъ). И теперь еще разъ прошу Васъ не обижаться на меня, но пріймите мои доводы и соединитесь съ Церковью, противъ которой, помимо уменьшающихъ вину обстоятельствъ, Вы сильно провинились. Объяснитесь съ настоятелемъ костела въ Томскѣ, быть можетъ, онъ имѣетъ власть разрѣшить Ваши прегрѣшенія, или обратитесь къ Митрополиту, которому я пошлю мое напечатанное письмо. Если Вы имѣете еще что-либо, говорящее въ Вашу пользу, пришлите мнѣ; я охотно это пріиму. Ожидаю исполненія Вашего обязательства относительно свѣдѣній о кс. Макаревичѣ.

Еще разъ повторяя свои пожеланія, остаюсь сердечно къ Вамъ расположеннымъ слугою и братомъ во Христѣ.

Ксендзъ Д-ръ Кнапинскій.»

А вотъ и самая брошюра кс. Кнапинскаго (тоже въ переводѣ съ польскаго языка на русскій). —

Она озаглавлена авторомъ ея такъ:

«Письмо нѣкоего католическаго священника—объ употребленіи и введеніи россійскаго языка въ католическое богослуженіе на Литвѣ.»

«Любезный сотоварищъ!· пишетъ Кнапинскій:

«Я получилъ твое письмо въ день Рождества Христова (1892 г.) и весьма обрадовался, узнавъ изъ него, что ты пошелъ на встрѣчу моимъ желаніямъ, а также обѣщаешь принять во вниманіе мои соображенія, которыя я и осмѣливаюсь тебѣ представить. Прости, что не такъ быстро, какъ ты, отвѣчаю тебѣ!

Что я писалъ раньше о безпристрастіи, то повторяю и теперь, ибо, если-бы я даже былъ предубѣжденъ относительно тебя, то уже твоя предупредительность меня обезоружила.

Итакъ сразу приступаю къ дѣлу.

I.

Прежде всего, не изъ-за тщеславія, а ради выясненія дѣла, долженъ тебѣ сказать, что я вообще хорошо освѣдомленъ по вопросу о введеніи россійскаго языка въ католическое богослуженіе. Возможно, что нѣкоторыхъ деталей я и не знаю; но то, что́ знаю, знаю на основаніи документовъ и достовѣрныхъ свѣдѣній и не осмѣлюсь утверждать ничего такого, что́ не основывалось-бы на серьезныхъ источникахъ.

Еще въ первомъ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 31 янв. 1892 г. ты сообщалъ мнѣ (впрочемъ до того, ты говорилъ это и другимъ лицамъ), что тебя помѣщики возненавидѣли «за проповѣди и объясненія катехизиса на *простомъ народномъ* языкѣ», что́ ты дѣлалъ въ Блони (Минской епархіи, деканатѣ Игуменскомъ), и что эта ненависть увеличилась послѣ того, какъ въ присутствіи г. Макова, начальника департамента исповѣданій(?), ты пропѣлъ въ Блонскомъ костелѣ молитвы за Царя на языкѣ *русскомъ*; что эту ненависть къ тебѣ чувствовали, питали ксендзы и митрополитъ, и что они до сего дня преслѣдуютъ тебя.

Иными словами ты обвиняешь помѣщиковъ, ксендзовъ и епископовъ въ несправедливомъ къ тебѣ отношеніи, ибо за собой не чувствуешь вины.

Трудно мнѣ было повѣрить, чтобы ты искренно считалъ себя жертвой польской интриги, злобы и ненависти, а себѣ не приписывалъ никакой вины, если-бы не второе письмо, въ коемъ ты увѣряешь меня, что никто не высказалъ тебѣ, въ чемъ заключается то преступленіе, въ которомъ тебя обвиняютъ.

Побуждаемый тобою къ критикѣ твоихъ понятій и взглядовъ касательно этого вопроса, позволяю себѣ высказать, что́, какъ ты утверждаешь, другіе тебѣ не высказали.

II.

Употребленіе *народнаго* языка для преподаванія истинъ вѣры, какъ съ амвона, такъ и въ конфессіоналѣ, безусловно необходимо. Неразумно было-бы утверждать противное. Здравый смыслъ подсказываетъ, что, желая кого либо научить чему-бы то ни было, нужно къ нему обращаться на томъ языкѣ, который онъ лучше всего понимаетъ, т. е. на языкѣ народномъ (lingua vulgaris). Слѣдовательно къ бѣлоруссамъ нужно обращаться *по-бѣлорусски*, къ великоруссамъ *по-русски* (здѣсь мы называемъ это *по-россійски*), къ полякамъ по-польски, къ нѣмцамъ—по-нѣмецки и т. д. Этого требуетъ не только здравый смыслъ, но и нашъ іерейскій санъ.

Поэтому, поучая своихъ прихожанъ въ Блони на ихъ собственномъ языкѣ, народномъ, т. е. бѣлорусскомъ, ты былъ вполнѣ правъ, разъ блонскій приходъ состоитъ изъ однихъ бѣлоруссовъ.—Горсть польской шляхты, которая тамъ находилась, безъ сомнѣнія знала бѣлорусскій языкъ, т. е. говорила на немъ съ крестьянами, и если она требовала, чтобы ты съ амвона говорилъ по-польски, то эта претензія была неосновательна.

Здѣсь я долженъ обратить твое вниманіе на то, что не всѣ приходы въ Минской епархіи похожи на Блонскій. Въ уѣздахъ Игуменскомъ и Борисовскомъ католики преимущественно бѣлоруссы; въ другихъ мѣстахъ народъ считаетъ польскій языкъ своимъ прирожденнымъ языкомъ; въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ это явленіе—исключительное. Придерживаясь правила, что истинамъ вѣры слѣдуетъ учить на народномъ языкѣ, ты долженъ признать, что въ приходахъ съ польской народностью -ксендзъ долженъ поучать народъ на его родномъ, народномъ языкѣ—т. е. по-польски.

Ты хорошо знаешь, дорогой мой, что нигдѣ, даже въ центрѣ Имперіи, нѣтъ прихожанъ *великоруссовъ* (мы зовемъ ихъ россіянами), т. е. такихъ, для которыхъ языкъ *россійскій* (или русскій), государственный, правительственный—являлся-бы роднымъ языкомъ. Ты знаешь также, что языкъ россійскій, особенно въ костелѣ, полякамъ непріятенъ, бѣлоруссамъ-же, по крайней мѣрѣ, безразличенъ. Во всякомъ случаѣ одни предпочитаютъ государственному языку свой родной (польская и бѣлорусская шляхта), другіе россійскаго языка хорошо не понимаютъ (бѣлорусскій и польскій простой народъ).

Поэтому ксендзъ, который-бы обращался на россійскомъ языкѣ въ костелѣ въ Минской губерніи, гдѣ живутъ лишь поляки, либо бѣлоруссы - поступалъ-бы, на основаніи вышеизложеннаго, вопреки здраваго смысла, а посему нелогично, непослѣдовательно, словомъ, говоря попросту,—сдѣлалъ-бы глупость.

Таково положеніе дѣла, касательно языка, когда ксендзъ исполняетъ обязанности своего сана.

III.

Внѣ ихъ, говоря отвлеченно, ксендзъ воленъ, какъ и всякій человѣкъ, употреблять тотъ языкъ, который ему нравится. Нѣкоторые ксендзы употребляютъ воляпюкъ.

Можно говорить на любомъ языкѣ, однако, это не обязанность. Наоборотъ, иногда ксендзъ и каждый человѣкъ обязаны сами ограничить свое право, въ силу различныхъ условій и отношеній.

Допустимъ, что какой-либо «панъ графъ», полякъ, вздумаетъ, любя французскій языкъ, обратиться на этомъ языкѣ къ литовскому мужику. Графъ имѣетъ, конечно, право на это; но совершаетъ глупость, обращаясь къ непонимающему по-французски мужику; мужикъ имѣетъ право отвѣтить ему по-литовски и оставить графа такимъ образомъ въ дуракахъ.

Возьмемъ другой случай: этотъ-же офранцузившійся графъ обратится къ шляхтичу, понимающему по-французски, но, въ качествѣ патріота, желающему съ полякомъ говорить только по-польски.—Графъ, въ этомъ случаѣ, поступаетъ нѣсколько невѣжливо, и въ этомъ случаѣ шляхтичъ имѣетъ право отвѣтить ему по-польски, или вовсе не отвѣтить. Хорошее воспитаніе требуетъ, чтобы мы въ обществѣ сообразовались съ чужими вкусами.

Аналогичный-же случай будетъ, когда напр. Минскій губернаторъ, россіянинъ, но говорящій по-польски, пріиметъ приглашеніе въ польскій домъ. Онъ имѣетъ право говорить только по-россійски; но если не будетъ стараться говорить, хотя коверкая, по-польски, то всякій полякъ въ душѣ посчитаетъ его неблавоспитаннымъ. Въ силу вѣжливости, хозяинъ дома, полякъ, будетъ обращаться къ губернатору по-россійски, хотя-бы и не совсѣмъ правильно, и этимъ дастъ понять губернатору, что онъ можетъ говорить по-россійски.

Еще примѣръ.

Я, полякъ, прихожу къ губернатору по своему или чужому дѣлу. Въ силу уже одной вѣжливости я обязанъ говорить по-россійски. Но допустимъ, что я человѣкъ упрямый, своенравный, и свою просьбу, хотя-бы и въ оффиціальной обстановкѣ—излагаю по-польски. Губернаторъ основательно можетъ разсердиться и отказать въ моей просьбѣ, или скажетъ мнѣ: «убирайся вонъ!» И вмѣсто успѣха я испытаю конфузъ. И основательно, ибо въ этомъ случаѣ расторопность требовала, чтобы, обращаясь къ губернатору, я старался расположить его къ себѣ, говоря по-россійски.

Я долженъ былъ отказаться отъ своего права, если желалъ 1) быть относительно губернатора вѣжливымъ и 2) достичь своей цѣли.

Въ такомъ положеніи находится католическій ксендзъ въ Бѣлоруссіи по отношенію къ полякамъ-католикамъ внѣ костела (о положеніи въ костелѣ я уже говорилъ).

Главной его цѣлью должно быть –привлечь всѣхъ прихожанъ къ себѣ, слѣдовательно и поляковъ. Онъ имѣетъ право (но не обязанъ) говорить съ ними по-российски; но т. к. поляки особенно не любятъ говорить на этомъ языкѣ съ ксендзами, то рвеніе пастырское и тактъ должны подсказать ксендзу, что онъ долженъ отказаться отъ своего права и говорить съ ними по-польски.

Я уже говорилъ, что здравый смыслъ указываетъ -употреблять въ Бѣлоруссіи въ сношеніяхъ съ католиками, въ костелѣ, польскій или бѣлорусскій языкъ – ты самъ пишешь, что бѣлоруссовъ ты поучалъ по - бѣлорусски. Все это прекрасно, если рѣчь идетъ о прихожанахъ въ Блони и въ Игуменскомъ уѣздѣ, вообще. Однако уже въ Блони ты сталъ обращаться къ прихожанамъ съ амвона по-россійски. Почему?

Вотъ первый поступокъ, который породилъ непріязнь или, допустимъ, ненависть къ тебѣ со стороны католиковъ, въ частности католиковъ польской народности въ западныхъ губерніяхъ Заслужено-ли это?--Посмотримъ.

IV.

Слѣдуетъ отмѣтить, что русское Правительство, со времени возстанія 63 года, начинаетъ все менѣе и менѣе считаться съ польской народностью; какъ естественное слѣдствіе этого усиливается со стороны поляковъ чувствительность ко всякой обидѣ, ко всякому выпаду противъ ихъ народности.

Польскій языкъ изгнанъ изъ правительственныхъ учрежденій, школъ и общественныхъ мѣстъ. Поляки должны этому подчиниться, въ силу печальной необходимости, ибо не могутъ и не могли этому воспрепятствовать. Тѣмъ сильнѣй они привязались къ своему языку и силятся сохранить его въ костелѣ и на дому, гдѣ онъ имъ еще не воспрещенъ.

Привязанность къ своему родному языку—вѣдь это не преступленіе и не грѣхъ. Напротивъ, это явленіе похвальное. Это признаетъ и самый ярый руссификаторъ, если онъ не утратилъ здравый смыслъ. Защищать свою собственность, защищать почитаемую вещь—достопочтенно и, въ границахъ законности, всякій имѣетъ на это право.

Проповѣдуя въ Блони на языкѣ россійскомъ, ты сдѣлалъ первый шагъ ко введенію государственнаго языка въ костелѣ,

и этимъ ты совершилъ покушеніе на изгнаніе языка польскаго изъ костела, гдѣ онъ еще находилъ убѣжище—и задѣлъ самую чувствительную струну поляковъ-католиковъ.

Можно-ли удивляться, что поляки ополчились противъ тебя?

Я не одобряю ненависти, ибо это безнравственно, не одобряю также интригъ, подвоховъ, насилія и вообще всякихъ безнравственныхъ поступковъ. Но если все это обрушилось на тебя за проповѣди на россійскомъ, (правительственномъ), государственномъ языкѣ въ Блони, то долженъ признать, что, несмотря на смягчающія вину твою обстоятельства, враги твои довели свою непріязнь къ тебѣ до степени грѣховной ненависти, въ дѣяніяхъ-же своихъ преступили границы того, что мы называемъ «moderamen inculpatae tutelae» и наносили несправедливыя обиды. Въ такомъ видѣ представляется вина поляковъ, на которыхъ ты жалуешься,—съ точки зрѣнія безпристрастнаго судьи.

V.

Но самъ-то ты не виновенъ-ли?—Не буду судить, какъ полякъ, ибо могъ бы, подобно моимъ сородичамъ, преступить границы умѣренности; буду судить только съ точки зрѣнія католическаго священника; мои слова относятся къ сотоварищу, заботящемуся о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ.

Ты самъ признаешь, что можно учить вѣрующихъ на «простомъ народномъ языкѣ», ибо лишь такимъ способомъ ихъ можно выучить правиламъ нравственности и вѣры. Въ то-же время ты поучалъ на языкѣ россійскомъ, который является не изъ самыхъ понятныхъ для бѣлорусса. Ты, слѣдовательно, поступилъ вопреки своимъ-же положеніямъ, а потому нелогично.

Ошибка противъ логики, говоря абстрактно, не есть еще ошибка нравственная, или грѣхъ, ни проступокъ; слѣдовательно за проповѣди въ Блони на россійскомъ языкѣ—я не могу тебя обвинять и считать тебя преступникомъ, хотя съ точки зрѣнія польскаго патріотизма долженъ тебя порицать. Напротивъ, могу принять въ разсчетъ уменьшающія вину твою обстоятельства и даже вовсе тебя оправдывающія, относительно нелогичности, о которой я уже говорилъ.

Ты пишешь, что г. Макову, директору Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій(?), когда онъ пріѣхалъ въ Блонь, «очень понравилось, что крестьяне собираются въ костелъ и внимательно выслушиваютъ объясненія катехизиса.... на понятномъ для нихъ языкѣ», *) т. е. уже не на простомъ (народномъ) бѣлорусскомъ а на государственномъ.

---

*) Тутъ авторъ, Кнапинскій, указываетъ на неправильную структуру фразы по-польски, употребленную Сенчиковскимъ.

Изъ этихъ словъ могу заключить, что побудительной причиной произнесенія проповѣди на россійскомъ языкѣ въ Блонп было: 1) или любезность относительно Макова, чтобы «ему понравилось», 2) или, чтобы его убѣдить въ томъ, что «блонскіе прихожане собираются въ костелъ и внимательно слушаютъ объясненія катехизиса на понятномъ для нихъ языкѣ», т. е. на россійскомъ.

Ни первую, ни вторую причины нельзя считать достаточными; напротивъ, обѣ заслуживаютъ порицанія.

Макову должно было понравиться, что ты проповѣдывалъ на россійскомъ языкѣ, ибо русское правительство уже тогда имѣло намѣреніе изгнать польскій языкъ изъ костела, а на его мѣсто насадить россійскій.

Въ виду сего, ты поступилъ согласно взглядамъ правительства и сталъ его пособникомъ въ дѣлѣ изгнанія польскаго языка изъ костела. Ты помогалъ угнетать остатки полонизма. Иначе говоря, ты не колебался нарушить права своихъ прихожанъ, католиковъ Поляковъ и Бѣлоруссовъ, лишь бы «понравилось» г. Макову, схизматику. Было-ли это разумно? Согласовалось-ли это съ пастырскимъ рвеніемъ и тактомъ? Не выступалъ-ли ты, такимъ образомъ, на арену политической дѣятельности въ качествѣ «дѣятеля» православнаго правительства? Поэтому желаніе понравиться Макову не можетъ служить оправданіемъ твоего поступка. Напротивъ, принимая во вниманіе изложенныя обстоятельства, его нужно признать безнравственнымъ. Ты можешь оправдываться лишь тѣмъ, что тебѣ неизвѣстны были и тобой не раздѣлялись намѣренія правительства.

Твой поступокъ, однако, остается нелогичнымъ.

Макову понравилось, что ты проповѣдывалъ по-российски; однако, ему бы еще болѣе пришлось по сердцу, если-бы содержаніе проповѣди согласовалось съ основами православія. Былъ-ли ты расположенъ настолько угодничать передъ сановникомъ? Если ты хотѣлъ расположить его въ свою пользу, то могъ это сдѣлать другими способами, а не нарушая правъ своихъ прихожанъ.

Такъ обстоитъ дѣло, если ты проповѣдывалъ по-россійски, чтобы понравиться Макову.

VI.

Дѣло обстоитъ хуже, если ты это учинилъ, чтобы *убѣдить* Макова, что твои прихожане собирались въ костелъ и внимательно слушали объясненіе катехизиса на *россійскомъ языкѣ.*

Русское Правительство пожелало ввести въ костелы россійскій языкъ вмѣсто польскаго и всякаго другого, однако не рѣшалось исполнить свой замыселъ, опасаясь сопротивленія со

стороны католиковъ. Ты пожелалъ убѣдить замѣстителя министра, что нечего опасаться сопротивленія. Ты хотѣлъ доказать, что «прихожане собираются въ костелъ и выслушиваютъ поученія, хотя объясненія даются на *языкѣ россійскомъ?..»* Если таковы были твои намѣренія, то ты зналъ о предначертаніяхъ Правительства, ты зналъ о новомъ покушеніи на польскій языкъ, нарушающемъ права твоихъ прихожанъ-поляковъ, ты согласился на него и побуждалъ (пріохочивалъ) привести въ исполненіе. Ты не только поступалъ противъ разумнаго положенія, что народъ нужно поучать на его родномъ, наиболѣе понятномъ языкѣ, но и сверхъ того правительственную агитацію, чисто политическаго характера, борьбу противъ польской народности—перенесъ въ костелъ,—и въ этомъ твое прегрѣшеніе.

Да и могъ-ли ты убѣдить Макова, что прихожане будутъ собираться въ костелъ и внимательно слушать проповѣди, хотя-бы имъ говорили по-россійски?

Всякій безпристрастный и знающій мѣстныя условія человѣкъ отвѣтитъ на это:

Добрые бѣлоруссы всегда будутъ ходить въ костелъ,—потому, что они набожны, — всегда будутъ внимательно слушать духовное лицо безъ различія, говоритъ-ли оно имъ на россійскомъ или на польскомъ языкѣ, хотя ни по-россійски, ни по-польски не понимаютъ. Если-бы проповѣдникъ обращался къ нимъ по-китайски — и тогда они будутъ внимательно слушать. Скажу больше. Они еще больше растрогаются на китайской проповѣди, чѣмъ на бѣлорусской. И если послѣ китайской проповѣди ораторъ спроситъ слушателей по-польски: «czy zrozumieliście?» («поняли-ли вы?»), несомнѣнно весь костелъ отвѣтитъ: «Zrozumieliśmy, księże dobrodzieju» (т. е. «поняли-ли вы, батюшка»), *) ибо простой народъ, изъ уваженія къ ксендзу, не смѣетъ противорѣчить ему.

Такъ могъ подумать Маковъ, и какъ человѣкъ умный, вѣроятно, такъ и подумалъ, однако сдѣлалъ видъ, что ты его убѣдилъ въ томъ, въ чемъ онъ желалъ быть убѣжденнымъ, т. е., что можно смѣло вводить въ костелы россійскій языкъ, и что народъ сопротивленія не окажетъ. Но, подумай, въ Блони прихожане отнеслись равнодушно въ перемѣнѣ языка, т. к. для нихъ, бѣлоруссовъ, безразлично было слушать проповѣди по-польски или по-россійски; въ приходахъ-же съ польскою народностью вышло иначе.

Изъ этого ты можешь вывести заключеніе, что вторая причина, побудившая тебя говорить въ присутствіи Макова по-рос-

---

*) Бѣлоруссъ отвѣчаетъ на вопросъ, заданный ему по-польски, въ томъ лицѣ, въ какомъ былъ предложенъ вопросъ. Напримѣръ, ксендзъ спрашиваетъ: «пьянствовалъ-ли ты?»—А бѣлоруссъ отвѣчаетъ: «пьянствовалъ, батюшка». Тѣмъ не менѣе онъ лучше понимаетъ по-польски, чѣмъ по-русски. (Прим Кнапинскаго).

сійски вмѣсто того, чтобы проповѣдывать по-бѣлорусски, вовсе не оправдываетъ нелогичности, о которой я говорилъ. И если я тебя не обвиняю въ грѣхѣ, то лишь, допуская, что ты не имѣлъ представленія о вредѣ, наносимомъ тобою польскимъ прихожанамъ, въ то-же время имѣя въ виду одно лишь благо Церкви католической, какъ объ этомъ ты нѣсколько разъ упоминалъ въ своемъ письмѣ.

Всю вину я долженъ свалить на Макова, что онъ просилъ тебя проповѣдывать по-россійски, желая убѣдиться, какъ пойдетъ дѣло введенія россійскаго языка въ костелахъ; ты же, не подозрѣвая дурного изъ любезности отступилъ отъ своего разумнаго положенія—говорить съ бѣлоруссами по-бѣлорусски.

Единственный разумный поводъ, который не только оправдалъ-бы тебя, но и придалъ-бы твоимъ дѣйствіямъ основу логичности—былъ-бы, если-бъ твои прихожане, бѣлоруссы, устыдившись своего простого языка, либо по другимъ побужденіямъ, сами обратились-бы къ тебѣ съ просьбой говорить съ ними на языкѣ россійскомъ;—причемъ они должны были-бы еще удостовѣрить, что понимаютъ этотъ языкъ такъ же хорошо, какъ и бѣлорусскій.

Однако, въ твою бытность въ Блони, никто не подумалъ даже обратиться къ тебѣ съ такой просьбой.

Все, что я до сихъ поръ говорилъ, относится къ *проповѣдямъ* на россійскомъ государственномъ (правительственномъ) языкѣ въ Блони и касательно прихожанъ, по преимуществу бѣлоруссовъ. Ибо о другихъ я скажу послѣ.

Перейдемъ-же теперь къ службамъ въ царскіе дни.

VII.

По правиламъ католической вѣры, за иновѣрцевъ слѣдуетъ прежде всего молиться—въ смыслѣ ихъ возсоединенія съ католической Церковью, ибо это высшее благо, которое мы имъ можемъ желать. О благахъ временныхъ для нихъ тоже можно молиться, но всегда съ той цѣлью, чтобы они привели ихъ къ познанію истины и обращенію.

Это общее положеніе, относящееся, какъ къ частнымъ лицамъ, такъ и къ царствующимъ, если они не состоятъ католиками.

Это положеніе—логично. Ибо если-бы мы желали безусловнаго благополучія тѣмъ, кои суть противниками католической Церкви, дѣйствуютъ въ ущербъ ей, питаютъ относительно ея злобный умыселъ,—то мы желали-бы зла нашей Церкви.

Церковь, сама по себѣ, молится за иновѣрцевъ и вообще за отлученныхъ публично, разъ въ годъ—въ Великую Пятницу. Церковь сдѣлала лишь *уступку* относительно Царствующихъ

особъ, въ томъ, что *разрѣшила* публичныя богослуженія, въ нѣкоторые дни, кромѣ Великой Пятницы, *отъ своего имени*, причемъ *имя* Царствующей Особы не должно упоминаться.

Такимъ образомъ, богослуженія въ царскіе дни въ Россіи, какъ и въ Германіи, суть привиллегіи, исключенія изъ общаго правила.

Но между Россіей и иными государствами, какъ католическими, такъ и некатолическими, существуетъ та разница, что въ другихъ государствахъ никто не вмѣшивается въ эти богослуженія въ царскіе дни; ихъ не устанавливаютъ, не указываютъ, ка́къ они должны отправляться, не требуютъ частаго ихъ совершенія во всѣхъ костелахъ и часовняхъ, и никто не принуждаетъ ихъ посѣщать. Въ Россіи же поступаютъ наоборотъ: некатолическія власти составляютъ росписаніе этихъ богослуженій, приказываютъ ихъ отправлять (въ Царствѣ Польскомъ по-польски — въ другихъ мѣстахъ по-россійски), приказываютъ прибавлять къ нимъ гимнъ «Боже, Царя храни»(?), — гимнъ чисто политическаго характера, который въ православныхъ церквахъ никогда не поется! Приказываютъ упоминать имена и «отчество» Государя и членовъ Императорской Фамиліи съ полнымъ титуломъ каждаго изъ нихъ

Табельныхъ дней стало такъ много, что нѣтъ воскресенья, свободнаго отъ нихъ(?), кромѣ множества другихъ, которые приходятся на будни. Наблюдаютъ, чтобы не только въ главныхъ костелахъ (каѳедральныхъ и приходскихъ), но даже и въ наименьшей каплицѣ, отправлялись-бы эти богослуженія. За несовершеніе этихъ богослуженій, за нахожденіе въ конфессіоналѣ или сидѣніе въ креслѣ во время ихъ отправленія ксендзовъ преслѣдуютъ. Наконецъ, гоняютъ, особенно молодое поколѣніе, въ царскіе дни въ православныя церкви.

Все это — извѣстные факты, которыхъ ты оспаривать не можешь.

VIII.

И зачѣмъ все это дѣлается? Нужно быть лишеннымъ совершенно проницательности, чтобы не видѣть, что россійское правительство, путемъ богослуженій въ царскіе дни, намѣревается ассимилировать католическое богослуженіе съ православнымъ.

Къ этой цѣли ведутъ: частое и повсемѣстное отправленіе этихъ богослуженій, при томъ на языкѣ россійскомъ, и принужденіе школьной молодежи къ посѣщенію таковыхъ.

Правда, въ Царствѣ Польскомъ эти богослуженія отправляются на польскомъ языкѣ; но это

лишь до времени. Прійдетъ чередъ на Царство Польское и тамъ прикажутъ молиться по-россійски. Послѣ, когда россійскій языкъ привьется къ богослуженію въ царскіе дни, его будутъ распространять и дальше.

Указъ отъ 25 декабря 1869 г. «разрѣшаетъ въ церквахъ иновѣрческихъ.... употреблять русскій языкъ въ богослуженіи и вообще при всякихъ религіозныхъ обрядахъ.»

«Нѣтъ.»

На основаніи этого *разрѣшенія*, начиная съ 1869 г., принуждали въ Минской епархіи совершать богослуженія въ царскіе дни по-россійски. Почему-же не заставляли отправлять на этомъ языкѣ св. литургію? Вѣдь указъ разрѣшаетъ употреблять этотъ языкъ во всемъ богослуженіи и въ частности въ религіозныхъ обрядахъ? А потому, что сознавали, что время еще не приспѣло; еще умы католиковъ недостаточно съ этимъ освоились. Поэтому г. министръ, сообщая духовенству о государевомъ «разрѣшеніи», сдѣлалъ тонкое различіе между богослуженіями: одно назвалъ каноническимъ, другое дополнительнымъ, и царскій указъ сталъ временно относить къ дополнительному. Послѣ, когда людъ привыкнетъ ежедневно слышать молебствіе за Царя на россійскомъ языкѣ, онъ пожелаетъ, чтобы ему «разрѣшили» имѣть и литургію на россійскомъ языкѣ, и т. д. Власти будутъ *принуждать* народъ католическій просить объ этомъ, какъ до сихъ поръ принуждали писать просьбы о введеніи россійскаго языка въ дополнительное богослуженіе.

«Собственное мнѣніе его.»

Ка́къ составлялись и подписывались эти прошенія, ты самъ отлично знаешь, о чемъ я имѣю точныя свѣдѣнія.

Не нужно быть пророкомъ, чтобы это предсказать—навѣрное.

IX.

Ты говоришь, что министръ успокоилъ тебя, говоря: «увѣряю Васъ, отъ имени Государя, что правительство желаетъ истиннаго блага римско-католической религіи.» Онъ могъ такъ завѣрять и не лгалъ при этомъ; но ты-то ужъ очень наивенъ, если думаешь, что русское православное правительство понимаетъ благо нашей католичес-

кой религіи такъ же, какъ понимаютъ его ты, католики и Папа. По понятіямъ православнаго единственнымъ благомъ для католичества было бы возсоединеніе его съ православіемъ (т. е. отреченіемъ отъ католичества), такъ-же какъ и мы стремимся, чтобы православная церковь, сохранивъ свои обряды, соединилась съ нами, признавъ наши догматы и Главу Церкви.

Ты этого не понялъ и простодушно принялъ увѣренія министра согласно своему пониманію. Развѣ, будучи католикомъ и ксендзомъ, ты можешь жаждать истиннаго блага православію такъже, какъ этого желаетъ само православіе? Если это такъ, то ты уже по духу православный, отступникъ отъ своей вѣры и обманно выдаешь себя католикомъ.

«Не такъ». Одинаково дѣло обстоитъ съ министромъ и православнымъ правительствомъ. Если они стремятся къ благу иного вѣроисповѣданія,—то они предатели собственнаго. Пусть-бы г. министръ заботился о благѣ православія, если онъ въ него вѣруетъ; пусть-бы не заботился о католичествѣ. Мы лучше, чѣмъ онъ, знаемъ, что́ нужно для блага нашей религіи.

X.

Очень ужъ тонко различіе между каноническимъ и дополнительнымъ богослуженіемъ. Ужъ одно то, что такое различіе учинилъ остроумный православный министръ, заставляетъ заподозрить въ этомъ подвохъ, къ нашему вреду. Всякое богослуженіе, отправляющееся въ костелѣ, есть *костельное.* Разница можетъ быть лишь между тѣмъ, которое ксендзъ совершаетъ *отъ имени Церкви* самъ, причемъ вѣрующіе принимаютъ въ немъ участіе, присоединяясь къ намѣреніямъ ксендза, и тѣмъ, хотя и публичнымъ, но совершаемымъ *самими вѣрующими*, гдѣ ксендзъ только направляетъ и предводительствуетъ, дабы оно совершалось согласно съ духомъ Церкви.

Къ первой категоріи относятся: литургія, часы каноническіе, вигиліи за умершихъ, словомъ всѣ службы, установленныя Церковью особыми уставами. Ко второй категоріи—такія службы, какъ майскія богослуженія (Пресвятой Маріи

Дѣвѣ), іюньскія (Сердцу Іисусову) и другія, проистекающія изъ особой набожности вѣрныхъ. Эти послѣднія могутъ совершаться въ каждой епархіи своеобразно, и на такомъ языкѣ, который наиболѣе понятенъ молящимся;—слѣдовательно и на родномъ языкѣ.

Богослуженія-же первой категоріи, совершаемыя отъ имени Церкви, должны совершаться вездѣ одинаково на основаніи неизмѣняемыхъ уставовъ на церковномъ языкѣ—по сему на языкѣ латинскомъ.

Къ какому-же разряду отнести богослуженія въ табельные дни?

Они совершаются въ Россіи на основаніи особой привиллегіи, или права исключительнаго, установленнаго Церковью. Совершаются они ксендзомъ, какъ исполнительнымъ органомъ Церкви, отъ имени той-же Церкви, а не самими прихожанами. Не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ слѣдуетъ отнести къ первой категоріи и назвать ихъ «каноническими», согласно терминологіи министра, какъ литургія и прочія службы ***самой Церкви.*** Отсюда слѣдуетъ, что они должны совершаться не на иномъ какомъ либо языкѣ, а лишь на латинскомъ.

И если въ Царствѣ Польскомъ богослуженія за Царя совершаются по-польски, то это беззаконіе. Оно введено русскимъ правительствомъ, которое принуждало епископовъ это исполнить около 1840 г. Послѣ (около 1862 г.), когда епископы стали отказываться, правительство снова принудило ихъ употреблять польскій языкъ.

Неужели ты воображаешь, что правительство поступало такъ изъ любви къ польскому языку? Самый ограниченный умъ не можетъ этому повѣрить, особенно послѣ 1866 г. Государю Николаю I-му приписываютъ выраженіе «это Dominus vobiscum я истреблю».

Табельныя богослуженія на польскомъ языкѣ—это начало истребленія латинскаго языка въ богослуженіи и вообще въ обрядахъ религіозныхъ всѣхъ иностранныхъ исповѣданій, какъ этого ожидаетъ указъ 25 декабря 1869 г.

XI.

Въ западныхъ губерніяхъ предписано было употреблять польскій языкъ въ табельныхъ богослуженіяхъ самимъ правительствомъ; раньше-же употреблялся правильно языкъ латинскій. Первый началъ пѣть по-россійски ксендзъ Макаревичъ(?) въ Бобруйскѣ около 1862 г., за что и получилъ одобреніе отъ русскаго правительства, такъ какъ исполнилъ самое горячее желаніе его, т. е. началъ руссификацію католическаго богослуженія и ассимиляцію его съ православнымъ.

Пожалуй ты скажешь, что это не ассимиляція (т. е. не сліяніе), ибо православное богослуженіе совершается по-славянски, а не по-россійски. Но я не берусь утверждать, что въ табельныхъ богослуженіяхъ навсегда останется россійскій языкъ; напротивъ, со временемъ онъ будетъ замѣненъ славянскимъ, какъ литургическимъ языкомъ православной церкви, а, затѣмъ, перейдетъ и въ мессу. Министръ будетъ въ состояніи тебя увѣрять, что католическіе догматы останутся неприкосновенными: вѣдь догматовъ нельзя-же навязать кому-либо, или искоренить! Теперь со стороны правительства не ставится препонъ вѣрить или не вѣрить въ эти догматы, признавать либо нѣтъ Папу Главою Церкви; всякій можетъ поступать какъ хочетъ. Воспрещается лишь говорить и защищать тѣ догматы, которыми католическая Церковь отличается отъ православной. Воспрещается сноситься съ Папой, исполнять его приказанія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя опубликовываются правительствомъ. Таково положеніе дѣла теперь; такимъ-же оно останется и по введеніи славянскаго языка въ нашу литургію. Религія, какъ абстрактное понятіе, отъ этого не пострадаетъ, ибо абстракція страдать не можетъ; пострадаютъ лишь послѣдователи этой религіи, которымъ нельзя будетъ жить и молиться согласно уставамъ ихъ религіи.

«Неправда».

Впрочемъ, русское правительство не будетъ сокрушаться объ ихъ судьбѣ! Оно имъ скажетъ: «зачѣмъ вы отстаиваете ваши глупые догматы, вашего Папу римскаго? и т. д. Зачѣмъ сопротивляетесь? — Я васъ бью не за ваши догматы, а за ваше упорство!» И нужно признать, что такой

отвѣтъ со стороны невѣрующаго или православнаго - логиченъ.

Разуменъ-ли онъ съ точки зрѣнія христіанской вѣры—это дѣло другое.

XII.

Теперь, мой дорогой, взвѣсь самъ свою вину касательно пѣснопѣній на табельныхъ богослуженіяхъ по-россійски, во время твоего пребыванія въ Блони! (О дальнѣйшемъ скажу послѣ).

Когда ты говорилъ проповѣди по россійски, вмѣсто того, чтобы обращаться къ бѣлоруссамъ по-бѣлорусски, къ полякамъ по-польски, ты велъ антипольскую агитацію, въ пользу руссификаціи Поэтому ты заслужилъ порицаніе со стороны своего духовнаго начальства—за употребленіе твоего сана для политической агитаціи. Католическій епископъ, будь онъ даже русскимъ, не могъ-бы за это похвалить. Поляки-же, какъ поляки, основательно разсердились на тебя, и, если они тебя преслѣдовали, какъ ты объ этомъ пишешь, то я этому вовсе не удивляюсь.

Гдѣ борятся политическія партіи,—тамъ взаимно обливаютъ враговъ грязью, а иногда и на смерть убиваютъ. Ты вмѣшался въ эту борьбу; слѣдовательно весьма естественно, что не обращали вниманія на твой священническій санъ, а видѣли въ тебѣ лишь врага и безъ тебя угнетаемыхъ поляковъ—и ты вышелъ изъ свалки съ синяками. Ты игралъ въ россійскую политическую пропаганду, и за это долженъ былъ претерпѣть. Это лавры мученика за россійское дѣло; правительство тебя поддерживало и щедро наградило.

Съ точки зрѣнія чисто церковно-католической, ты заслужилъ въ началѣ лишь порицаніе—не больше, и только, если-бы послѣ замѣчанія епископа, ты не бросилъ-бы агитаціи, которая вредно отзывалась на исполненіи твоихъ священническихъ обязанностей—епископъ имѣлъ право поступить съ тобой строже.

«А по-польски можно? По-жмудски и по-латышски тоже?»

Когда-же ты началъ пѣть табельныя богослуженія по-россійски, то провинился относительно церковныхъ каноновъ; ибо ввелъ въ богослуженіе костельное, (отъ имени Церкви совершаемое), вмѣсто латинскаго языка—иной языкъ и каждый

усердный католикъ, будь онъ полякъ, нѣмецъ или французъ, долженъ признать, что ты плохо поступилъ, не взирая даже на то, какую цѣль при этомъ преслѣдовало русское правительство.

Церковное правило таково, что нельзя употреблять въ *костельномъ* богослуженіи (т. е. совершать отъ имени Церкви) иного языка, кромѣ латинскаго,—и этому правилу обязанъ подчиниться всякій ксендзъ. И кто преступаетъ это правило, заслуживаетъ уже не простого замѣчанія, но наказанія, хотя-бы онъ и не раздѣлялъ вышеупомянутаго преступнаго намѣренія.

XIII.

Никакія причины не могутъ оправдать дѣяніе противъ правила церковнаго, особенно столь важнаго правила, какъ постановленіе Церкви объ употребленіи единаго языка литургическаго въ цѣломъ католическомъ мірѣ.---Однако приступаю къ анализу тѣхъ причинъ, которыми ты могъ-бы защищаться или защищаешься, вынудившихъ тебя ввести русскій языкъ въ табельныя богослуженія.

Ты, можетъ быть, желалъ, чтобы прихожане лучше понимали молитвы за Царя и пламеннѣе молились за него?

Эти причины приводитъ русское правительство, приказывая въ Царствѣ Польскомъ совершать эти службы на польскомъ языкѣ. Эти-же аргументы приводятся всѣми непріятелями нашей Церкви, которые доказываютъ, чтò при совершеніи всѣхъ таинствъ, въ литургіи и проч. слѣдуетъ ввести вмѣсто латинскаго--живые языки.

Однако опытъ показалъ, чтò и подтверждается постоянно, что вѣры, набожности и религіозности больше можно встрѣтить среди католиковъ, слушающихъ мессу и иныя службы на непонятномъ для нихъ языкѣ, нежели, напр., среди протестантовъ, у которыхъ все по-нѣмецки, или среди православныхъ. Среди лютеранъ уже почти нѣтъ людей, которые-бы вѣрили въ такіе основные догматы христіанства, какъ напр. въ Св. Троицу. А среди православныхъ много-ли можно насчитать истинно вѣрующихъ?

«Больше, нежели невѣрующихъ».

Поэтому Церковь весьма разумно поступаетъ, что не обращаетъ вниманія на тѣхъ, которые

якобы «желаютъ истиннаго блага римско-католической религiи», по словамъ г. Министра,--и совѣтуютъ выбросить латинскiй языкъ, чтобы сдѣлать народъ болѣе набожнымъ.

«А почему-же поляки дѣлаютъ демонстрацiи во время молитвъ за Царя?»

Ксендзъ совершаетъ мессу по-латыни, а народъ, въ единомыслiи съ нимъ, молится тихо по своему – и это хорошо. То же самое будетъ, когда ксендзъ станетъ молиться за царя: народъ можетъ раздѣлять намѣренiя священника и молиться по своему.

Думаю даже (и ты долженъ съ этимъ согласиться), что народъ охотнѣе молился-бы за царя, если-бы правительство не распоряжалось - бы табельными богослуженiями, не угнетало-бы ими ксендзовъ и прихожанъ, а предоставило-бы нашей религiи свободу.

«Народъ усердно молится—; чиновники фарисействуютъ.»

Впрочемъ, не будемъ туманить другъ другу глазъ! Самъ ты хорошо знаешь, а я еще лучше, что народъ совершенно равнодушенъ къ молитвамъ за царя. Въ центрѣ Россiи, за исключенiемъ старшихъ чиновниковъ и военныхъ, никто не посѣщаетъ церковь въ табельные дни. Зато ни чиновники, ни офицеры не посѣщаютъ богослуженiй въ обыкновенныя воскресенья и въ праздники. Въ Царствѣ Польскомъ и забранныхъ губернiяхъ менѣе другихъ посѣщаютъ табельныя богослуженiя—сельскiе обыватели (крестьяне); они скорѣе проклинаютъ табели, т. к. полицiя запрещаетъ въ эти дни работать(?). Въ деревняхъ на табели приходятъ въ костелъ солтысъ или волостной старшина и члены волостного правленiя, учитель со школой—потому что обязаны являться; въ противномъ случаѣ ихъ обвинили-бы передъ начальствомъ и наказали. Являются и помѣщики изъ опасенья прослыть неблагонадежными. Въ уѣздныхъ городахъ только чиновничество и педагогическiй мiръ собираются въ полномъ составѣ. Ни крестьяне, ни мѣщане, посколько они дѣйствуютъ по собственной волѣ, въ костелы не являются.

«Ложно.»

Но нельзя сказать, чтобы и присутствующiе на службѣ въ костелѣ молились за царя. Кромѣ поющаго молитвы ксендза, никто не пошлетъ молитвеннаго воздыханiя за царя. Присутствующiе ведутъ себя свободно, какъ въ гостиной, о молитвѣ-же никто и не думаетъ; вытягиваются, какъ солдаты во фронтѣ, лишь когда ксендзъ запоетъ «te Deum».

«Это интеллигенцiя только.»

Такимъ богомольцамъ безразлично, будутъ-ли пѣть молитвы по-латыни, по-польски, по-нѣмецки, по-россійски, по-китайски; имъ нужна не молитва, а нужно исполнить требованіе начальства и заявить себя благонадежными.

«Не всѣ.»

Изъ этого слѣдуетъ, что богослуженіе на россійскомъ языкѣ не можетъ защищаться тѣмъ, что прихожане лучше понимаютъ молитвы за царя и горячѣе за него молятся.

«Фанатики - поляки, да!»

XIV.

Впрочемъ, можетъ быть ты не согласенъ съ тѣмъ, что я говорилъ о равнодушіи простого народа по отношенію къ молебствіямъ за царя; можетъ быть ты настаиваешь, что прихожане твои желали въ этомъ направленіи стать еще болѣе богомольными и сами просили тебя пѣть по-россійски, и что для возбужденія ихъ богомольности ты и пѣлъ по-россійски? —

«Этого не было».

Хотя я этому и не вѣрю, но отвѣчаю на эти возраженія. Если прихожане желали, чтобы ты совершалъ табельное богослуженіе по-россійски, то ты былъ обязанъ объяснить имъ, что это не разрѣшается церковными законами. А разъ ты этого не объяснилъ и исполнилъ ихъ требованіе,— то нарушилъ тѣмъ законъ. А если-бы они, прихожане, требовали, чтобы вся литургія совершалась на языкѣ россійскомъ, развѣ и на это ты согласился-бы? Если-бы ты на это согласился, то оказался-бы уже внѣ Церкви. Твои прихожане просили тебя ввести россійскій языкъ въ молитвахъ за царя для увеличенія своего религіознаго настроенія? Если это такъ и ты призналъ ихъ требованія правильными, и если для этой цѣли ты нарушилъ каноническое право, то эта-же причина должна была заставить тебя логически идти далѣе...

«Совсѣмъ иное Литургія».

«Нѣтъ.»

Какъ усердный священникъ, заботящійся о спасеніи душъ твоихъ пасомыхъ, ты долженъ былъ стараться развить въ нихъ духъ набожности относительно Бога, болѣе нежели относительно царя. И если для послѣдняго случая ты преступилъ законъ и пѣлъ по-россійски вмѣсто того, чтобы пѣть молитвы за царя по-латыни,— то тѣмъ болѣе, заботясь объ увеличеніи духа на-

божности по отношенію къ Богу, тебѣ слѣдовало-бы ввести языкъ россійскій и въ мессу.

Если ты этого не сдѣлалъ, то поступилъ нелогично, хотя, слава Богу, эта непослѣдовательность была весьма кстати: она удержала тебя отъ окончательной руссификаціи всего католическаго богослуженія и отъ окончательнаго твоего разрыва съ Церковью.

XV.

Разсмотримъ еще другія возраженія, которыми ты оправдываешь нарушенія каноническаго права, совершаемыя тобою.

Ты пишешь въ одномъ мѣстѣ твоего письма: «меня очернили, ругали, оскорбляли... только потому, что не было польскаго языка и польской пропаганды.... т. к. я зналъ о томъ великомъ злѣ, которое причиняетъ намъ (католикамъ) въ Россіи польско-политическая справа.» *)

Въ другомъ же мѣстѣ ты пишешь:

«Съ того времени, когда мы начали замѣнять языкъ польскій языкомъ русскимъ (правительственнымъ) для темнаго народа,—тѣ костелы, которые были предназначены къ закрытію, остались и никто и не осмѣлился хлопотать объ ихъ закрытіи. Ибо какъ только я получалъ свѣдѣнія о предполагаемомъ закрытіи какого-либо костела,— то сейчасъ-же ѣхалъ туда, произносилъ проповѣдь и отправлялъ службу за царя по-русски, о чемъ и доносилъ министру. Министръ доносилъ объ этомъ Его Величеству и съ Его согласія извѣщалъ губернатора и консисторію, что по Высочайшему повелѣнію въ костелахъ NN употребляется языкъ россійскій и имъ слѣдуетъ выдавать денежныя суммы для содержанія ихъ въ полномъ благолѣпіи.»

Пока обойду молчаніемъ признаніе, которое проглядываетъ въ этихъ словахъ. Въ настоящее время обращу вниманіе на твое предположеніе, что католицизмъ на Литвѣ и въ другихъ мѣстахъ загрязненъ польско-политическою справою, въ

---

*) Не за то ругали тебя, что не было польскаго языка, а за то, что ты вводилъ русскій языкъ. (Примѣч. Кнаппнскаго.)

силу чего ему грозилъ полный упадокъ—въ видѣ закрытія костеловъ. Ты, какъ ревностный пастырь, хотѣлъ спасти Церковь и для этого очищалъ ее отъ польско-политической справы , отъ «пропаганды.» Намѣреніе твое было безъ сомнѣнія хорошее; но не могу повѣрить, чтобы очищеніе это было дѣйствительною причиной твоей дѣятельности.

«Не вѣрь, мнѣ все равно; но это вѣрно.»

XVI.

Во-первыхъ, долженъ тебя спросить, что ты понимаешь подъ «польско-политической справою» и подъ «пропагандой», противъ которой, какъ говоришь, ты ополчился? Я спрашиваю не о польско-политической пропагандѣ внѣ костела, ибо съ нею должна бороться полиція, а не священникъ; нѣтъ, я говорю о пропагандѣ въ стѣнахъ костела

«Почему-же это нельзя сдѣлать для Россіи!»

Ты возразишь, что въ костелахъ пѣлись патріотическія пѣсни, ксендзы призывали къ борьбѣ съ «Москалёмъ», къ освобожденію изъ неволи; часто служились траурныя богослуженія; во время процессій носились патріотическія эмблемы; словомъ—въ костелахъ происходила агитація въ пользу возбужденія польскаго патріотизма.

Соглашаюсь, что въ дѣйствительности такъ и было.—Но когда это было? Между 1860—63 г.г.

Это было помѣшательство, которое слѣдовало охлаждать и удерживать; къ сожалѣнію, мало кто имѣлъ мужества противиться ему. Меня увѣряли, что ты самъ съ другими пѣлъ патріотическія пѣсни. Впрочемъ, тогда не слушали хладнокровной рефлексіи.

«Ложь!»

Начиная съ 1863 г., уже не можетъ быть и рѣчи о «польско - политической пропагандѣ» въ католическихъ костелахъ, ибо ее всюду стали преслѣдовать. Затѣмъ наступило время ссылокъ въ Сибирь, казней, уничтоженія костеловъ и монастырей; пѣсни патріотическія уже умолкли; польскія эмблемы были уничтожены. Очищенія католицизма отъ польской пропаганды исполнено было Муравьевымъ и Кауфманомъ такъ, что въ 1866 году уже не отъ чего было и очищать.*) Ты назна-

«И до сегодня эта пропаганда очень сильно дѣйствуетъ.»

*) Закрыты монастыри Минской епархіи: Бернардиновъ въ Минскѣ въ 1865,Бенедиктиновъ—1868 въ Минскѣ,Чистерцовъ въ Кимбаровѣ 1865, Бенедиктиновъ и Доминикановъ въ Нес-

ченъ въ Блонскій приходъ въ 1869 году, въ іюлѣ, и тамъ, по примѣру Макаревича, ввелъ россійскій языкъ въ табельное богослуженіе; но ты превзошелъ Макаревича, такъ какъ и проповѣди сталъ произносить на этомъ языкѣ. Почему у тебя явилось желаніе очищенія католицизма, въ то время, когда эта польская пропаганда была уже уничтожена? Прости сравненіе: ты мнѣ напоминаешь Донъ-Кихота, сражающагося съ вѣтряными мельницами. Можно-ли, поэтому, вѣрить, что твои дѣйствія въ Блони имѣли цѣлію очищеніе католицизма?

«И теперь дѣйствуетъ.»

Этимъ можетъ оправдываться русское правительство, которое уничтожило и теперь еще уничтожаетъ костелы на Литвѣ, которое не разрѣшаетъ назначать настоятелей въ Минской губерніи,—но не католическій священникъ, увѣряющій, что ревнуетъ лишь о спасеніи душъ.

«И буду утверждать, ибо это правда.»

XVII.

Ты очищалъ католицизмъ, по твоимъ словамъ, отъ политическо-польской пропаганды; но какъ очищалъ? Въ дѣйствительности путемъ русской политической пропаганды, разъ ты произносилъ проповѣди въ Блони по-россійски, чего желало русское правительство и что̀ нравилось г. Макову. Слѣдовательно, одну политическую пропаганду ты хотѣлъ убить другой, такой же политической. Ты говоришь, что у тебя сердце болѣло, «видя зло, причиненное католикамъ въ Россіи польско - политической пропагандой»,—и противъ этого зла ты не нашелъ иного лекарства—кромѣ...... россійскаго языка!

«Какъ поляки дѣлали, такъ ихъ способомъ дѣлалъ и я для Россіи.»

«Вѣрно.»

вижѣ 1867, Бенедиктиновъ и Бернардиновъ тамъ же 1865., Доминикановъ въ Новогрудкѣ 1864.

Костелы: въ Холявщинѣ—1866, Волчкевичахъ 68, Хотовѣ 68, Ивенцѣ 69, Старжинкахъ, Дуткѣ, Вяловѣ 69, Дубровахъ 69, Волмѣ 67, Неборовщинѣ 67, Заславлѣ 67, Городкѣ и Симковѣ—66. Николаевщинѣ и Рубѣжевичахъ—67, Столбцахъ—69, Гайнѣ—67, Березинѣ 66, Холаевичи, Кемешовѣ, Омнишевѣ—69 Смиловичи 67, Дукорѣ—65. Юревичи—65, Логишинѣ и Городищѣ 65, въ Лахвѣ 69, Ляховичахъ—67, Бобовнѣ, Грозовѣ, Замостьи—66, Мирѣ—65, Старой Ельнѣ 67, Негнѣвичи 64, Святичахъ и Кривошинѣ—66, Столовичахъ, Ишкольдѣ, Городищахъ (другихъ) и Жодвеи—67, Сновѣ—65, и другіе. (Примѣч. проф. Кнапинскаго).

Подумай, можетъ-ли быть языкъ соотвѣтствующимъ лекарствомъ? Польско-политическая справа, по твоему, много зла причинила католикамъ; я же доказалъ тебѣ, что агитація политическая, русская, начатая тобою въ Блони, несравненно опаснѣе, такъ какъ ведетъ къ православію. Если ты этого не зналъ, то у тебя тупой и ограниченный умъ.

«Для поляковъ, да!»

Позже я докажу, что своей русской пропагандой ты еще болѣе причинилъ зла католикамъ.

По твоему польско-политическая справа (агитація) была неумѣстна; но она уже окончилась въ 1866 г.; русская-же политическая справа (агитація) въ дѣйствительности еще хуже. Произношеніе проповѣдей по-россійски, вмѣсто польскаго или бѣлорусскаго языковъ,—есть злоупотребленіе амвономъ, въ цѣляхъ русской пропаганды. Пѣснопѣніе по-россійски въ табельные дни—оскорбленіе одного изъ важнѣйшихъ правилъ церковныхъ: это -порча обряда.... У тебя болѣло сердце, когда ты видѣлъ зло, причиняемое въ Россіи польско-политической справою, и хотя она безповоротно прошла, ты хотѣлъ очистить отъ нее костелы.

«А пропаганда съ амвона противъ Россіи?»

Кто поручилъ тебѣ очищать? Ты хотѣлъ очищать, но не умѣлъ найти для этого средствъ. Ужъ если такъ, то почему ты не посовѣтовался съ другими? Ты, молокососъ, имѣвшій около 30 лѣтъ въ 1869 г., выскочилъ исправлять зло. Слѣдовало прежде всего посовѣтоваться съ епископомъ, если дѣйствительно *зло существовало.* Нужно было указать епископу на это зло, доказать его существованіе. Но ты вступилъ въ отправленіе обязанности настоятеля въ Блони помимо епископа; ты получилъ настоятельство отъ . . . узурпатора. Самъ ты былъ самозванцемъ. И такой самозванецъ хотѣлъ излечить и очистить католицизмъ?!

«Ложь, и подлая ложь.»

Ты долженъ былъ знать, что кс. Макаревичъ, который первый началъ пѣть по-россійски молитвы за царя, по желанію епископа обѣщалъ прекратить это нововведеніе въ Бобруйскѣ. И въ то время, когда Макаревичъ собирался прекратить свои нововведенія, ты его превзошелъ, ибо кромѣ пѣнія — завелъ еще и проповѣди по-россійски въ Блони.

«Неправда о Макаревичѣ.» «А Заусцинскій, Копцеговичъ и другіе?!»

Если-же ты объ этомъ и не зналъ, то начиная борьбу съ кажущейся польско-политической пропагандою, а правильнѣе сказать, начиная пропаганду русско-политическую, ты обязанъ былъ раньше спросить позволенія у законной духовной власти. Ты сильно провинился тѣмъ, что этого не сдѣлалъ; изъ этого вышло то, что для противодѣйствія мнимому злу — ты употребилъ несоотвѣтствующее средство, недозволенное Церковью. Ты бы не дошелъ до этого, если-бы посовѣтовался съ компетентной властью.

«Съ епископомъ я говорилъ.»—

«Епископа письмо скрылъ отъ меня секретарь.»

XVIII.

Ты утверждаешь, что хотѣлъ спасти Церковь россійскимъ языкомъ.

Въ виду очень важныхъ причинъ, ради внѣшняго объединенія вѣрующихъ, Церковь предписываетъ употребленіе одного общаго языка, какъ при богослуженіи, такъ и при разныхъ обрядахъ.

«Разные языки—китайскій, славянскій, еврейскій и т. д.»

Ты-же, вводя россійскій языкъ, нарушалъ это единеніе, а увѣряешь, что поступалъ въ интересахъ Церкви?!.. Считаешь-ли ты себя умнѣе Церкви? Лучше-ли ея самой знаешь ея нужды? Какъ я раньше говорилъ, враги церкви рекомендуютъ изгнаніе изъ нея латинскаго языка, обѣщая за это умноженіе набожности и въ результатѣ бо́льшее количество спасенныхъ душъ. Церковь, однако, отказывается отъ этихъ новшествъ и по старому придерживается латыни. Ты говоришь, что для сохраненія нѣсколькихъ, допустимъ даже, сотенъ костеловъ, ты ввелъ россійскій языкъ въ извѣстную часть богослуженія.

«Въ какомъ значеніи понимаетъ Церковь.»

Полагаешь-ли, что сохраненіе храмовъ важнѣе, нежели благо и спасеніе душъ?... Подъ видомъ защиты—ты навязывалъ Церкви то, отъ чего она болѣе всего открещивается. Собственно говоря, ты поступилъ хуже врага: враги Церкви (т. е. некатолики и невѣрующіе) не принадлежатъ Церкви, а потому всякъ ихъ знаетъ въ качествѣ таковыхъ, опасается ихъ и съ недовѣріемъ относится къ ихъ предложеніямъ. Ты-же выдавалъ себя преданнымъ сыномъ Церкви, подписываясь на своихъ распоряженіяхъ, ты прибавлялъ къ своему имени титулъ «ксендза *католическаго*»(?), дабы никто не смѣлъ усумниться, что поступаешь

«Ахъ, какъ глупо!»

въ духѣ католичества, хотя дѣйствовалъ ему во вредъ. Враги лишь *совѣтуютъ* вводить живые языки вмѣсто латинскаго; ты же *фактически* ввелъ иной языкъ, злоупотребляя своимъ положеніемъ священника. Враги Церкви не могли причинить ей тотъ вредъ, который ты причинилъ. Ты послѣдовалъ совѣтамъ и желанію этихъ враговъ. Они (враги) хуже тебя, но для Церкви ты вреднѣе ихъ.

«Не Церкви, а полонизму и польской пропагандѣ я сдѣлалъ зло.»

Не лучше-ли было-бы для самой Церкви, если-бы ты не вздумалъ ее спасать? И для тебя самаго было-бы безопаснѣе и лучше, если, не умѣя и не зная, какъ защитить,—не брался-бы ты за это дѣло; на твоей совѣсти не осталось-бы все то зло, которое произошло для Минской епархіи, благодаря твоему мнимому очищенію и спасенію.

«Не вреди польская интрига—все было-бы хорошо.»

XIX.

До сихъ поръ я разсматривалъ тебя въ качествѣ исполнителя чужихъ предначертаній. Если-бы твоя роль на этомъ окончилась-бы, то, пожалуй, мнѣ бы не оставалось ничего болѣе тебѣ сказать. Я не могъ бы считать тебя худшимъ, нежели ксендзовъ Макаревича, Людвига Кулаковскаго, Александра Янковскаго, Бронислава Заусцинскаго, которые еще ранѣе тебя стали руссифицировать богослуженіе(?).

Эти лица, однако, въ томъ отношеніи лучше тебя, что не прикрываютъ своего руссификаторства ни жаждой спасенія души, ни пасторскимъ рвеніемъ, ни желаніемъ исцѣлить Церковь; подобно тебѣ—они объясняютъ свои поступки или притѣсненіемъ правительства, или матеріальными соображеніями.

«Врутъ они и фарисействуютъ.»

Это, конечно, низкія побужденія, недостойныя священника, но зато это откровенно, чего о тебѣ сказать нельзя.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію твоей дѣятельности послѣ того, какъ ты покинулъ Блонь.

Минская епархія была упразднена указомъ отъ $^{15}/_{27}$ іюля 1869 г., а управленіе ею передано кс. Жилинскому, управляющему Виленской епархіей. Все это дѣлалось безъ согласія Папскаго Престола.

Кс. Жилинскій былъ уже узурпаторомъ и самозванцемъ относительно Виленской епархіи (съ 1866 г.), такъ какъ не имѣлъ никакого полномочія со стороны Рима на управленіе епархіей; теперь-же онъ сталъ вторично самозванцемъ относительно епархіи Минской, такъ какъ тоже, въ противность каноническому праву, принялъ управленіе епархіей лишь по распоряженію правительства.

За это онъ былъ преданъ проклятію Апостольской Столицей.

XX.

Тебѣ слѣдовало знать, что узурпаторъ не имѣетъ права назначать настоятелей, благочинныхъ и канониковъ и т. д.; что сдѣланныя имъ назначенія не имѣютъ силы, недѣйствительны; что онъ не имѣетъ права разрѣшать, исповѣдывать и т. д. Все это ты долженъ былъ знать изъ семинарскаго курса теологіи. Если ты этого не зналъ, то ужъ больно много незнанія! *)

«Значитъ, сдѣлать бунтъ противъ правительства?!»

Ты долженъ знать, что ***католическому священнику*** не слѣдуетъ принимать отъ самозванца ни прихода, и никакихъ должностей. Кто же все это принимаетъ отъ самозванца, тотъ участвуетъ въ его узурпаторствѣ и на полученномъ такимъ образомъ мѣстѣ — самъ становится узурпаторомъ и заслуживаетъ наказанія.

«Всѣхъ ксендзовъ такъ назначали; не я одинъ.»

«Это ужъ сумасшествіе и явное подстрекательство къ бунту.»

Ты же былъ назначенъ самозванцемъ настоятелемъ въ Блонь (Августъ 1869 г.), затѣмъ настоятелемъ и деканомъ въ Борисовъ (3-го Апрѣля 1870 г.), Игуменскимъ деканомъ (18 Іюня 1870 г.), настоятелемъ св. Троицы, Минскимъ и Наднѣманскимъ деканомъ, съ оставленіемъ Игуменскимъ деканомъ (15 Января 1871 г.), почетнымъ каноникомъ Виленскимъ (1873 г.) и отъ него-же принялъ порученіе —ревизовать всю Минскую епархію (3 Сент. 1870 г., 14 Іюля 1871 г.) «для введенія россійскаго языка» въ костелахъ; ты принялъ неизвѣстныя каноническому праву должности «ви-

---

*) Прими во вниманіе, что говорилось раньше, когда я долженъ былъ допустить то-же незнаніе съ твоей стороны, дабы не предположить въ тебѣ самые злые умыслы относительно Церкви. (Примѣч. проф. Кнапинскаго.)—

зитатора» и «Помощника Управляющаго епархіей» и т. д.—

«А какъ-же бы онъ самъ сдѣлалъ?!»

Съ принятіемъ каждой должности, ты соучаствовалъ въ узурпаторствѣ и за это заслуживаешь строгаго наказанія. Ты оказывалъ пренебреженіе къ Церкви, легкомысленно относясь къ ея законамъ, и приносилъ ей вредъ, поддерживая проклятаго церковью узурпатора. Одно уже принятіе должностей отъ самозванца, хотя-бы безъ исполненія связанныхъ съ ними обязанностей, — тяжкое преступленіе, и оно серьезнѣе, нежели введеніе россійскаго пѣснопѣнія въ табельномъ богослуженіи.

Такъ долженъ ты понимать о себѣ, — если считаешь себя католическимъ священникомъ, заботящимся о спасеніи своихъ пасомыхъ.

XXI.

«Нѣтъ». (т. е. ничего).

Что можешь привести въ свое оправданіе?

Ты не зналъ каноническаго права, относительно самозванцевъ? Но вѣдь это невозможно! Ты не зналъ, что Жилинскій былъ самозванцемъ? —Это еще менѣе вѣроятно. Въ 1869 г. въ Минской епархіи было много ксендзовъ, свѣтлыхъ и честныхъ. Они объ этомъ безъ сомнѣнія знали, и отъ нихъ ты безъ сомнѣнія зналъ или, по крайней мѣрѣ, не могъ не знать.

«Вотъ тебѣ и разъ! Я долженъ, значитъ, теперь быть мятежникомъ, чтобы угодить полякамъ!»

Въ грѣхахъ и грѣхахъ тяжкихъ, совершенныхъ тобою однимъ уже принятіемъ должностей отъ узурпатора, — ты оправдаться не можешь; въ этихъ грѣхахъ ты по сей часъ пребываешь, ибо ты еще не примирился съ Церковью и за содѣянныя тобою обиды не далъ ей еще удовлетворенія.

Я не знаю, постигло-ли тебя проклятіе или другое какое наказаніе изъ Рима или отъ митрополита; а наказаніе тебѣ слѣдовало. Если-бы даже ты не былъ наказанъ, тебѣ не годится, во многихъ грѣхахъ пребывающему, отправлять обѣдню и совершать таинства, ибо каждый такой актъ есть съ твоей стороны новымъ святотатствомъ.

«Гдѣ и когда?»

Безъ сомнѣнія имѣется очень много священно-служителей, отягченныхъ иными, еще болѣе тяжелыми грѣхами, нежели узурпаторство, и которые тоже ежедневно святотатствуютъ; но сии

не грѣшили такъ явно и такъ демонстративно, какъ это дѣлалъ ты. Тѣ служатъ соблазномъ для своего прихода, поскольку послѣдній о нихъ знаетъ; ты-же причинилъ вредъ цѣлой епархіи. *)

XXII.

«Мнѣ за это и честь, и слава.»

Ты совершилъ уже проступокъ, принявъ назначеніе отъ узурпатора, если-бы кромѣ сего даже ничего плохого болѣе не дѣлалъ. Но развѣ ты ничего плохого, кромѣ этого, не дѣлалъ?— Наоборотъ, въ занимаемыхъ тобою должностяхъ ты поступалъ, какъ фанатичнѣйшій распространитель чисто-русскаго, политическаго дѣла.—

Вотъ твои собственныя слова:

«Жилинскій ѣздилъ и вводилъ языкъ русскій, а я продолжалъ эту прекрасную мѣру.»

«... Какъ только узнавалъ о закрытіи костеловъ —сей-же часъ я въ нихъ проповѣдывалъ и служилъ за царя на россійскомъ языкѣ....»

Слѣдовательно, ты вводилъ россійскій языкъ самъ, не спрашивая прихожанъ, желаютъ-ли они этого или нѣтъ. Ты вводилъ вопреки ихъ желанія.

«Хорошо».

«Какая подлость и какъ врутъ поляки!... Ужасъ»!

Если ты желаешь, чтобы я повѣрилъ, что ты спасъ отъ закрытія костелы—то поименуй, какіе костелы ты спасъ такимъ образомъ? Напротивъ, почтенныя лица говорятъ, что когда въ нѣкоторыхъ приходахъ ты требовалъ отъ прихожанъ подписи на всеподданнѣйшемъ прошеніи о разрѣшеніи имъ употреблять въ богослуженіи россійскій языкъ,—то лишь твоя угроза, что ихъ костелъ закроютъ, вынудила нѣсколькихъ лицъ дать свои подписи.

«Это поляки только такъ низки и подлы!»

Въ другомъ мѣстѣ ты облыжно увѣрялъ прихожанъ, что правительство имѣетъ намѣреніе закрыть ихъ костелъ, но что, благодаря твоему вліянію, ты сумѣешь отвратить бѣду. Затѣмъ тобою читался текстъ прошенія о сохраненіи костела, а когда прихожане покрывали отдѣльные листы своими подписями, то ты эти листы отправлялъ уже съ другимъ прошеніемъ, гдѣ ходатайствовалось о разрѣшеніи употреблять россійскій языкъ.

---

*) Цѣлый рядъ ксендзовъ лишенъ приходовъ въ Минской губерніи, потому что ты ввелъ россійскій языкъ въ ихъ костелы; прихожане-же не желаютъ этого нововведенія и до сихъ поръ. (Примѣч. проф. Кнапинскаго).

Такимъ путемъ ты сохранялъ отъ закрытія костелы, которымъ это закрытіе не угрожало... Такъ-то ты вводилъ россійскій языкъ!

Обреченные на закрытіе костелы были уже закрыты въ 1863—69 г.г.—

XXIII.

Развѣ такой образъ дѣйствій согласуется съ призваніемъ настоящаго ксендза, посвятившаго себя спасенію душъ?—

Такъ можетъ поступать лишь «дѣятель», думающій не о спасеніи душъ, не о пользѣ религіи, а о пенсіи, чинахъ и орденахъ. *)

Самъ ты лучше моего знаешь, сколько ты перенесъ непріятностей за то только, что ты объѣзжалъ костелы въ качествѣ «псевдо-визитатора» и что вводилъ россійскій языкъ.

Прихожане не желали, а ты имъ навязывалъ. И до сихъ поръ не желаютъ. Лучше оставаться вовсе безъ ксендза, нежели имѣть такого, который употребляетъ россійскій языкъ! Ихъ сопротивленіе вовсе не преступленіе, а почтенная защита языка и свободы молитвы. Твоя-же дѣятельность, какъ визитатора,—это чисто политическая агитація въ Церкви. Пастырь долженъ обращаться къ своему стаду на языкѣ этого стада, а не на излюбленномъ имъ самимъ.

«Поляки вели народъ нежелающій до лясу.»

Ты воленъ агитировать въ пользу какого хочешь языка, но пусть эта агитація происходитъ открыто, порядочно и *внѣ костела*. Какое ты имѣешь право заставлять кого-либо слушать проповѣди по-россійски? Указъ 25 декабря 1869 г. не осмѣливается *приказывать*, а только *разрѣшаетъ*. Ты-же неволилъ, предательски агитировалъ!...

«Подлость и ложь!«

---

*) Въ дѣйствительности много ревностныхъ и хорошихъ ксендзовъ до сихъ поръ живутъ въ бѣдности и на низшихъ мѣстахъ; ты же получалъ по нѣсколько тысячъ рублей въ годъ, тебя осыпали почестями и орденами, единственно за то, что ты ввелъ россійскій языкъ.—Тѣ ксендзы въ Минской епархіи, которые, по твоему примѣру, употребляютъ россійскій языкъ, почти совсѣмъ свободны отъ приходской работы, такъ какъ прихожане къ нимъ не обращаются; эти-же ксендзы, «подвизающіеся на поприщѣ употребленія русскаго языка», получаютъ по 600 руб. пенсіи; другіе-же, подчасъ тяжело трудящіеся, не всегда получаютъ полную пенсію.) (Примѣч. пр. Кнапинскаго).

XXIV.

Когда, передъ тѣмъ, ты агитировалъ внѣ костела въ пользу россійскаго языка, т. е. когда ни съ паствою, ни съ ксендзами ты не желалъ иначе говорить, какъ по-россійски, то на мой взглядъ ты былъ лишь смѣшонъ (по мнѣнію другихъ —подлымъ отступникомъ отъ своей народности). Теперь-же, когда ты сталъ визитаторомъ, твоя агитація не кажется мнѣ болѣе смѣшною. Ты дѣлалъ болѣе того, *что правительство* требовало отъ тебя. Самъ министръ нашелъ нужнымъ разъяснить, что царскій указъ не относится (пока) ко всему богослуженію, ко всѣмъ религіознымъ обрядамъ, а только къ такъ называемому дополнительному богослуженію, слѣдовательно къ молитвамъ за царя и къ пѣснямъ,—совершаемымъ по-польски. Ты-же даже исповѣдь не желаешь слушать иначе, какъ на россійскомъ языкѣ. Отъ гимназистовъ, у которыхъ ты былъ законоучителемъ, ты требовалъ, чтобы они дома читали молитвы по-россійски.

«Я бѣлоруссъ, а не полякъ».

«Такъ и надо.»

Что за сумасшедшія требованія? Что тебѣ, священнику, за дѣло, кто на какомѣ языкѣ молится? Ты обязанъ поучать, чтобы люди хорошо молились; слѣдовательно объяснять условія молитвы и разные способы молитвы. Ты обязанъ объяснять молитвы, чтобы вѣрные понимали ихъ, чтобы знали о чемъ они молятся, произнося, напримѣръ, «Отче нашъ», и что могутъ просить въ молитвахъ. Ты-же, будучи визитаторомъ и законоучителемъ, заботился единственно о томъ, чтобы молитвы читались и пѣлись исключительно по-россійски. Однако ты долженъ-же знать, что главное условіе молитвы заключается въ томъ, чтобы она была искренняя и истекала изъ глубины души. Можетъ-ли она быть искренней, если человѣка принуждаютъ ее читать? Хотя-бы ты поляку велѣлъ молиться по-польски, русскому по-россійски, то и тогда можетъ-ли такая молитва быть искренней, если къ ней *принуждаешь*? Еще менѣе искренней она будетъ, если ты молящагося *заставишь* молиться на языкѣ, котораго онъ не желаетъ употреблять.

«Потому, чтобы изъ гимназистовъ не было польскихъ мятежниковъ».

«Фанатизмъ польскій причина».

Спрашиваю тебя, для чего принуждалъ ты вѣрныхъ пѣть пѣсни, а учениковъ читать молитвы

по-россійски? Ты неоднократно писалъ ксендзамъ, въ своихъ отношеніяхъ, а, вѣроятно, и съ каѳедры проповѣдывалъ, что «мы—россіяне (въ скобкахъ: «мы русскіе»), поэтому и *должны* молиться по-россійски, какъ французы по-французски» и т. д Слѣдовательно, ты считалъ, что слѣдуетъ передъ Богомъ манифестировать свою народность и поэтому заставлялъ народъ пѣть по-россійски.

«А поляки зачѣмъ лѣзутъ вездѣ съ польщизной?»

XXV.

И откуда ты взялъ эту обязанность, эту необходимость? Развѣ, говоря объ обязанности относительно Бога и совѣсти, долженъ человѣкъ, родившійся полякомъ или русскимъ, — непремѣнно признавать себя полякомъ или русскимъ?

Богъ этого не велѣлъ, Церковь не приказываетъ, да и ни одно правительство не можетъ требовать, чтобы кто либо считалъ себя принадлежащимъ къ той или иной народности. Это обязанность чисто условная, патріотическая, но не дѣло совѣсти. Долгомъ совѣсти можетъ быть лишь то, что̀ установлено непосредственно Богомъ, или что́ вытекаетъ логично изъ Божескихъ повелѣній. Въ качествѣ католическаго ксендза я ни въ конфессіоналѣ, ни съ амвона не имѣю права карать поляка за то, что онъ себя считаетъ русскимъ; ты-же не имѣешь права обязывать поляка признавать себя россіяниномъ. Муравьевъ не разъ позволялъ себѣ поступать вопреки закону Божьему; однако, здравый смыслъ подсказалъ ему, что онъ не имѣетъ права приказать всѣмъ на Литвѣ —признавать себя русскими, и не сдѣлалъ этого. Думаю, что и у тебя не менѣе здраваго смысла.

«Глупѣе этого нельзя выдумать».

«Полякамъ нѣтъ; но русскіе ополяченные должны быть русскими.»

Однако допустимъ, что причислять себя къ извѣстной народности нужно въ силу требованія совѣсти. 30-ть первыхъ лѣтъ твоей правильной жизни ты принадлежалъ къ польской народности и признавалъ себя полякомъ. Какое-же право ты имѣлъ впослѣдствіи измѣниться и сдѣлаться россіяниномъ? Если въ теченіи 30-ти лѣтъ ты по требованію совѣсти былъ полякомъ, то, самовольно (ибо безъ всякаго указа) перемѣнившись и ставъ россіяниномъ, ты согрѣшилъ противъ Бога; а ты и теперь повторяешь: «мы русскіе».

«Никогда я не признавалъ себя полякомъ.»

«Полякъ виденъ и фанатикъ.»

«Лучше поздно, чѣмъ никогда; но я съ дѣтства былъ русскимъ».

Развѣ лишь по истеченіи 30 лѣтъ жизни ты убѣдился, что обязанъ по совѣсти быть россіяниномъ. Поздно-же ты созрѣлъ!

«Ахъ! Какой глупый грѣхъ!»

Теперь ты исполняешь долгъ совѣсти—быть россіяниномъ; кажется даже не мало поляковъ на Литвѣ повторяютъ за тобою: «мы русскіе». Всѣ вы передъ Богомъ отвѣтите за то, что до сихъ поръ не исполняли долга совѣсти, что такъ поздно исправились.

Почему вы считаете долгомъ совѣсти быть россіянами? Должно быть потому, что живете на Литвѣ, а Муравьевъ убѣдилъ Россію, что Литва—издавна россійскій край. *) Если вы желаете въ это вѣрить, то я, какъ католическій священникъ, ничего противъ того не имѣю: напомню только, что Муравьевъ отсюда не сдѣлалъ, однако, вывода, что всѣ на Литвѣ обязаны быть россіянами. А такъ какъ въ придачу нѣтъ и царскаго указа, требующаго, чтобы всѣ на Литвѣ признавали себя россіянами, то слѣдуетъ признать, что даже съ точки зрѣнія патріотической никто въ Литвѣ не *обязанъ* быть россіяниномъ; иными словами нѣтъ даже и обязанности условной.

«А какъ-же, вѣдь это фактъ историческій!» «А рубрицелли на русскомъ языкѣ при Сигизмундѣ III.»

XXVI.

«Вся бѣда въ томъ, что мы русскіе, а не фанатики-поляки. А при чемъ же тутъ католическая Церковь?»

Но допустимъ, что проживаніе на Литвѣ вызываетъ обязанность быть россіянами, и что это долгъ совѣсти. Какъ-же отсюда вывести обязательство разговаривать по-россійски и только по-россійски? Для настоящаго россіянина, объ этомъ я не спорю, говорить всюду и всегда по-россійски—нужно изъ обязанности патріотичной, впрочемъ не настолько, чтобы онъ не имѣлъ права употреблять и другой языкъ. Я выше указывалъ случаи, когда полякъ долженъ говорить по-россійски, и наоборотъ (гл. III). Здравый смыслъ подскажетъ, когда можно говорить, когда вовсе нельзя. Нѣтъ божескаго закона, приказывающаго принадлежать къ извѣстной народности, какъ нѣтъ и такого, который бы приказы-

*) «Имя Муравьева для всѣхъ русскихъ потому и дорого, что онъ пробудилъ въ умахъ сознаніе, что Западныя окраины нашей родины, какъ были Россіей,—такъ Россіей и остались», говоритъ комитетъ по постройкѣ памятника Муравьеву, въ своемъ воззваніи о пожертвованіяхъ на памятникъ (1891 г.) (Примѣч. проф. Кпапинскаго).

валъ, либо запрещалъ разговаривать на извѣстномъ языкѣ; объ этомъ ничего не писано въ церковныхъ правилахъ; умалчиваютъ объ этомъ и указы.—Слѣдовательно, ни для россіянина, ни для поляка, живущаго на Литвѣ и по долгу совѣсти считающаго себя русскимъ, не является еще долгомъ совѣсти разговаривать по-россійски и исключительно по-россійски.

«Это не относится къ полякамъ,—значитъ я правъ.»

Здѣсь снова мнѣ приходится ссылаться на авторитетъ Муравьева. Тебѣ извѣстно, что этотъ самодержецъ велѣлъ во всѣхъ публичныхъ (только!) мѣстахъ въ Вильнѣ приклеить объявленіе: «Здѣсь воспрещается говорить по-польски». Однако, хотя костелы—и публичныя мѣста, но въ нихъ объявленіе не было вывѣшено, равно какъ и въ частныхъ квартирахъ. Никто не привлекался за разговоръ по-польски ни въ костелѣ, ни дома. Изъ этого слѣдуетъ, что хотя Муравьевъ былъ того мнѣнія, что Литва «край русскій», тѣмъ не менѣе въ костелахъ и на дому всякій воленъ говорить по-польски.

«Гр. Муравьевъ имѣлъ много дѣла съ мятежниками.»

Ты превзошелъ Муравьева; ибо обязалъ ксендзовъ, прихожанъ и учениковъ своихъ, и даже принуждалъ ихъ, говорить только по-россійски, какъ съ тобой, въ частной бесѣдѣ, такъ между собою и въ костелѣ!

«Да, и для добра учениковъ, дабы отвыкли отъ политическаго полонизма.»

Въ дополненіе нужно отдать тебѣ справедливость (!), что ты наблюдалъ за исполненіемъ установленнаго тобою порядка несравненно добросовѣстнѣе, чѣмъ всякій полицейскій, и чѣмъ всякій шпіонъ, наблюдавшій за исполненіемъ приказа Муравьева. Развѣ ты и это дѣлалъ для блага католической Церкви, для блага нашей религіи?

XXVII.

Мнѣ кажется, что предыдущимъ (главы XXV и XXVI) я доказалъ: 1) поляки, живущіе на Литвѣ, не обязаны признавать себя россіянами; 2) если-бы полякъ и признавалъ себя россіяниномъ, то онъ не обязанъ употреблять исключительно россійскій языкъ. Долженъ тебѣ, хотя-бы въ этомъ случаѣ, отдать справедливость, признавая, что у тебя хватило достаточно здраваго смысла въ этомъ случаѣ и въ своихъ письмахъ

«Вотъ штука!»

«Tylko niedorzeczność, tak dla czego liczą za przestępstwo?!» («Только несуразица; такъ почему-же считають преступленіемъ?!..»)

ты этимъ положеніямъ не противорѣчилъ. Къ сожалѣнію, въ обыденной жизни ты поступалъ иначе, и даже въ оффиціальныхъ бумагахъ высказывалъ еще бóльшую несуразицу, чѣмъ то, что полякъ на Литвѣ долженъ считаться россійскимъ и говорить только по-россійски. Ты писалъ: «Мы россіяне (въ скобкахъ: «мы русскіе») и потому *должны молиться* по-россійски»... и ты принуждалъ такъ молиться.

Развѣ ты самъ не сознаешь, насколько несоотвѣтственно подобное пониманіе?

Молитва (набожное пѣніе—это та-же молитва)—вѣдь это бесѣда съ Богомъ. Посему тѣ-же аргументы, которые доказываютъ, что русскому дозволительно разговаривать по-польски, по-французски и т. д., поляку-же по-русски и на другихъ языкахъ—должны убѣдить тебя, что нельзя приказывать людямъ говорить съ Богомъ непремѣнно на томъ, а не на иномъ языкѣ.

«Ale jest patriotyzm russki!» («Но существуетъ-же и русскій патріотизмъ!»)

Кромѣ требованія Церкви, заставляющаго единственно священниковъ, и исключительно при общественномъ богослуженіи, (совершаемомъ отъ имени Церкви)—употреблять латинскій языкъ,—болѣе не существуетъ никакого, ни Божьяго, ни церковнаго закона, ни царскаго указа, ни Муравьевскаго распоряженія, чтобы прирожденный или искусственный россіянинъ *обязанъ* былъ-бы молиться по-россійски.

XXVIII.

Быть можетъ ты скажешь, что относящееся къ разговорамъ съ людьми, не относится къ бесѣдѣ съ Богомъ. Правильно! Ибо, въ сущности, россіянинъ несетъ патріотическую обязанность говорить съ людьми по-россійски, полякъ-же—по-польски и т. д., чтобы доказать свѣту, что онъ любитъ свой родной языкъ, что онъ добрый патріотъ.

«Но это патріотизму не вредитъ и Россіи не мѣшаетъ.»

Но щеголять такими чувствами передъ Богомъ не нужно и не годится. *Да, это и не требуется,* ибо Господь не интересуется тѣмъ, кто къ нему обращается съ молитвой, русскій или полякъ. Это *и не годится,* ибо при молитвѣ должны быть забыты всѣ земныя цѣли, цѣли временныя; сердце должно быть преисполнено одной лишь

вѣрой и любовью къ Богу, преданностью Его волѣ.

«Sine fide autem imp ssibile est placere Deo. Credere nim portet a cedentem ad Deum, quia est, et inquirentibus se remunerator sit,» —говоритъ Апостолъ Павелъ (къ Евреямъ 11, 6) *). Можно-ли говорить, что вѣритъ въ Бога тотъ, кто молится *съ цѣлію* порисоваться, что онъ «русскій» или полякъ?

«А почему польскія манифестаціи разрѣшаются?»

«A że polski język lepszy tak Bóg i nie chce russkiego.» («А такъ какъ польскій языкъ лучше, то Богъ и не хочетъ русскаго.»)

«Такъ, что-ли?»

«Не о языкѣ, а о располяченіи ополяченныхъ русскихъ сущность дѣла.»

Если-же онъ вѣритъ въ Бога и поэтому молится по-русски, то, вѣроятно, думаетъ, что Господь Богъ болѣе любитъ русскій языкъ, чѣмъ польскій, полагаетъ, что онъ будетъ импонировать Богу россійскимъ языкомъ и т. д.; онъ полагаетъ, что Богъ нуждается въ такихъ манифестаціяхъ и услаждается ими, какъ исправникъ, губернаторъ, министръ и т. д.—Такой человѣкъ не имѣетъ правильнаго, христіанскаго представленія о Богѣ; онъ неправильно вѣруетъ. Или: если человѣкъ имѣетъ правильное понятіе о Богѣ, знаетъ, что Ему безразличны манифестаціи, *какого бы то ни было* патріотизма, и все таки молится, чтобы манифестировать передъ Богомъ, то онъ поступаетъ несогласно съ истиннымъ понятіемъ о Богѣ, слѣдовательно противъ логики, и противъ здраваго смысла и т. д.

XXIX.

Отсюда выводъ:

«Смѣшно и глупо—если вѣруешь, что если русскій, то, значитъ, и въ Бога не вѣруетъ?»

Если ты искренно считаешь себя русскимъ и молишься по-россійски, дабы исполнить долгъ россіянина и манифестировать свое россіянство, то либо не вѣруешь въ Бога, или неправильно вѣруешь, или-же, правильно вѣруя, поступалъ противъ этой вѣры и противъ разума.

Если-же ты въ Бога не вѣруешь, то лживо утверждалъ, въ своихъ письмахъ, что твоею цѣлію было благо Церкви, лживо молился и т. д.

Если ты неправильно вѣровалъ, то обратись къ катехизису, чтобы узнать кое-что о Богѣ.

Если ты правильно вѣровалъ и тѣмъ не менѣе молился самъ съ несоотвѣтствующимъ на-

*) «Но угодить Богу невозможно безъ вѣры; ибо надобно, чтобы приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть, и что Онъ ищущихъ Его вознаграждаетъ».

мѣреніемъ, то ты поступалъ нелогично, непослѣдовательно, неразумно и т. д.

«Вотъ оно какъ, даже молитва на языкѣ русскомъ не важна!?...»

Но т. к. нелогичность, недохватъ ума не суть грѣхи, то я и не могу тебя считать преступникомъ, если ты *самъ* молился по-россійски съ цѣлію манифестировать передъ Богомъ, что ты *русскій*.

Это намѣреніе въ дѣйствительности глупо, но негрѣшно; оно только сводитъ значеніе молитвы на нѣтъ.

XXX.

Я долженъ такъ судить о тебѣ (повторяю это еще разъ), пока ты *самъ* только молился съ *такой* цѣлію.

«Какія догматическія доказательства, что это заблужденіе?»

Но ты не только самъ такъ поступалъ, но и другихъ такъ-же училъ, что «мы русскіе и потому *должны* молиться по-россійски». Думая такъ, ты заблуждался, уча этому другихъ—вводилъ ихъ въ заблужденіе.

Если-бы эту теорію проповѣдывалъ русскій чиновникъ, то всякій необразованный, но здравомыслящій католикъ сказалъ-бы: принадлежность къ какой-либо народности не влечетъ еще за собою обязательства говорить на языкѣ этой народности.

«Это вѣрно.»

Но ты священникъ; на своихъ бумагахъ ты даже афишировалъ это, подписываясь «ксендзъ католическій F. S.» (?); въ качествѣ священника ты училъ, что обязательно слѣдуетъ молиться по-россійски. Посему всякій долженъ былъ полагать, что это долгъ совѣсти, ибо такъ учитъ священникъ, который говорилъ, что хочетъ изгнать политику польскую изъ Церкви, жаждетъ блага религіи, притомъ «истиннаго блага».

«Вѣрно и очень радъ этому.»

Такъ ты поучалъ народъ, гимназистовъ и гимназистокъ; такъ ты приказывалъ и строго слѣдилъ за исполненіемъ.

«Поэтому русскіе и должны молиться по-русски.»

Съ другой стороны, человѣкъ со здравымъ умомъ не могъ прійдти къ такому заключенію, ибо здравый умъ могъ лишь подсказать, что Богу безразлично, на какомъ языкѣ къ нему обращаются—по-русски-ли, по-польски,—кто какъ хочетъ, лишь-бы усердно.

Въ частности-же патріотическое чувство поляковъ возмущалось тѣмъ, что поляки *обязаны*, и это по долгу совѣсти (ибо такъ говорилъ ксендзъ) молиться по-российски. Дома они это знали, что имѣютъ право говорить по-польски; почему-же Богъ приказываетъ (ксендзъ говорилъ о долгѣ совѣсти) обращаться къ Нему только по-россійски? Этого не можетъ быть! Если это такъ, то, вѣроятно, Богъ лучше понимаетъ по-россійски, нежели по-польски? Развѣ Богъ, подобно царю, не возлюбилъ поляковъ, польскій языкъ, разсердился на нихъ? За что?! Почему?!...

«Царь любитъ вѣрноподданныхъ, всѣхъ, но не мятежниковъ поляковъ.»

Такіе вопросы должны были зарождаться въ головахъ у гимназистовъ, когда ты приказывалъ имъ молиться по-россійски.

«И хорошо, что ученики не будутъ мятежниками.»

Можетъ быть въ твоемъ умѣ эти вопросы не возникали; можетъ быть ты думалъ, что глупыя дѣти повѣрятъ всему, что имъ скажешь? Но дѣти иногда бываютъ логичнѣе взрослыхъ. Своими вопросами они подчасъ затрудняютъ и теолога, а въ данномъ случаѣ, они лучше понимали вопросъ, чѣмъ ты. Если они, по счастью, обратились за объясненіемъ къ кому-либо болѣе разсудительному, то должны были получить отвѣтъ, что никакой обязанности нѣтъ—употреблять въ молитвахъ россійскій языкъ. Другіе-же, которые ни съ кѣмъ не совѣтовались, должны были увѣровать, что такая обязанность существуетъ, но, не будучи въ состояніи примирить такое требованіе ни съ истиннымъ божественнымъ ученіемъ, ни съ другими убѣжденіями,—должны были охладѣть къ молитвѣ, къ самому Богу, а также и къ религіи, которая налагала, согласно твоимъ словамъ, такую обязанность.

«Особенно, если посовѣтовались у польскихъ ксендзовъ-пропагандистовъ.»

«Все польское относится къ Богу, а русское не относится значитъ?»

Легко предвидѣть послѣдствія такого посѣва: безразличное и легкомысленное отношеніе къ вѣрѣ, къ Богу, небрежность въ молитвѣ, и, наконецъ, невѣріе.

«Поляковъ къ русскимъ.»

Этихъ слѣдствій ты, вѣроятно, не предвидѣлъ; но они въ концѣ-концовъ логически должны были получиться.

Ты явился причиной этихъ слѣдствій, благодаря твоему ученію о необходимости молиться на россійскомъ языкѣ, помимо воли и безсознательно, это правда! Однако и простое незнаніе столь простыхъ вещей уже есть нѣкоторая вина. Со-

«Необходимо, дабы ополяченные русскіе—были истинно-русскими.»

противленіе, которое ты испыталъ на Литвѣ (?), должно было поселить въ тебѣ сомнѣніе въ правильности твоего положенія: «мы россіяне, поэтому должны молиться по-россійски.» Ты-же слишкомъ вѣрилъ въ свой разумъ и упрямо пребывалъ въ своемъ заблужденіи.

Здѣсь снова я долженъ сказать такъ-же, какъ и о другихъ пунктахъ твоей дѣятельности: сужу тебя столь легко единственно допуская, что ты не зналъ, что поступаешь плохо, и довѣряя твоему заявленію, что ты жаждалъ только блага нашей религіи.

«Натурально.» Правдиво-ли и искренно-ли это заявленіе?

XXXI.

Припомни, что̀ ты сдѣлалъ со своими товарищами ксендзами.

Когда ты былъ назначенъ настоятелемъ костела св. Троицы и деканомъ 3-хъ деканатовъ (1871), то ты, будучи узурпаторомъ, созвалъ къ себѣ ксендзовъ изъ трехъ деканатовъ и приказалъ имъ дать подписку въ томъ, что они будутъ употреблять россійскій языкъ въ «дополнительномъ богослуженіи.» Когда-же они не захотѣли этого исполнить, то ты, узурпаторъ-самозванецъ, достойный проклятія, лишилъ ихъ приходовъ, отдалъ ихъ въ руки жандармовъ, и перемѣстилъ —однихъ въ Бобруйскъ, подъ надзоръ равнаго тебѣ кс.

«Ложь!» Макаревича,—другихъ въ Несвижъ; затѣмъ самъ ты ѣздилъ по осиротѣвшимъ приходамъ и вводилъ россійскій языкъ упомянутыми выше способами, т. е. насиліемъ и обманомъ.

Осмѣлишься-ли еще утверждать, что для

«Ложь!» блага религіи ты осиротилъ приходы, заточалъ въ темницы священниковъ и лишалъ ихъ приходовъ?

Я болѣе не могу вѣрить твоимъ увѣреніямъ. До сихъ поръ я *желалъ* вѣрить въ чистоту твоихъ намѣреній, вопреки яснымъ доказательствамъ, надѣялся, что ты меня не обманываешь; теперь я не могу уже сомнѣваться въ томъ, что благо Церкви тебя вовсе не интересовало, что ты сознательно и добровольно сталъ слугой враговъ Церкви. Возможно, что ты не былъ знакомъ ни съ теологіей, ни съ простымъ катехизисомъ, ни съ

«Какая глупость и злость фанатика-поляка!»

каноническимъ правомъ, какъ это явствуетъ изъ каждаго шага твоей дѣятельности; однако одна ужъ эта неосвѣдомленность—тяжкій грѣхъ для священника. Вѣрно, однако, то, что злая воля въ тебѣ превосходила твое невѣжество.

Доказательствомъ этого служатъ не только тѣ факты, что́ я привелъ, но и многіе другіе, о которыхъ я не хочу упоминать

«Не костела, а польской справы.»

Ты былъ соучастникомъ узурпатора (кс. Жилинскаго) и самостоятельнымъ узурпаторомъ и твоими и его циркулярами я могу ясно доказать, что вашей цѣлью было введеніе россійскаго языка и что вы вовсе не заботились о благѣ Церкви.

Въ теченіе всего своего самозванства (1869—1881 годы) ты пользовался благосклонностью правительства, которое осыпало тебя деньгами, орденами, чинами, за то, что ты заботился о благѣ Церкви, но не такъ, какъ это понимаетъ сама Церковь, а согласно взглядамъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Петербургѣ. Ты палъ тогда лишь, когда своимъ нахальствомъ и непріятнымъ характеромъ надоѣлъ всѣмъ правительственнымъ сановникамъ.

«Далеко не такое глупое понятіе.» «Ложь, ибо я самъ просился на покой.»

Ты переоцѣнилъ свои заслуги передъ правительствомъ и желалъ, чтобы губернаторы исполняли всякую твою прихоть. Это было уже чрезмѣрно; поэтому-то тебя и выбросили въ сорную яму, какъ стоптанный сапогъ.

XXXII.

«Поляковъ только.»

Теперь послѣднее замѣчаніе. Исторія должна опираться на факты. Факты-же свидѣтельствуютъ о тебѣ весьма плохо. Поэтому и судъ исторіи будетъ неблагопріятнымъ для тебя.

«Такъ судятъ поляки.»

Ничего нельзя привести въ твое оправданіе; невѣдѣніе, которое я все время допускалъ,—оказывается новой виной, возраженіе, что ты стремился ко благу Церкви и спасенію душъ—приходится признать ложнымъ. Судъ этотъ безповоротенъ; ибо то, что́ совершилось,—передѣлаться не можетъ.

Опозоренъ ты своими дѣлами и ничто не сниметъ съ тебя позора. Тебѣ слѣдуетъ заботиться теперь не о спасеніи своего добраго имени

«Значитъ въ папскую?»

(это невозможно), но о спасеніи своей души, если вѣришь въ Бога, въ душу, въ загробную жизнь, въ святую Вселенскую Церковь.

«Ложь!»

«Ни одного».

Что́ тебѣ предстоитъ для этого сдѣлать, ты самъ, какъ священникъ, знаешь, не хуже моего. Ты это даже лучше меня знаешь, такъ какъ я всѣхъ твоихъ дѣяній не знаю; напримѣръ мнѣ неизвѣстно, сколько ксендзовъ, по твоей милости, сослано въ Сибирь, или претерпѣло другія страданія, сколько ты разсѣялъ соблазновъ неправильной жизнью (кромѣ агитаторства и узурпаторства) и т. д.

«Такъ-таки Богъ и накажетъ!»

Русское правительство помогло тебѣ въ раскаяніи и обращеніи, устранивъ тебя отъ узурпаторства. Пользуйся-же этимъ случаемъ и старайся, чтобы Господь измѣнилъ судъ Свой надъ тобою!

«Каковъ былъ я тогда—таковъ и теперь.»

Этого тебѣ желаю отъ всего сердца и объ этомъ прошу для твоего блага. Дай Богъ, чтобы вернулись для тебя тѣ времена, когда ты самъ устраивалъ майскія богослуженія въ честь Богородицы Дѣвы, пѣлъ Ей пѣсни набожныя и съ дѣтской чувствительностью украшалъ Ея образа!.. Неужели ты и тогда уже лгалъ?... Не смѣю судить.

Краковъ. 13/1 января 1893 г.

Кс. д—ръ Кнапинскій.»

Таково содержаніе брошюры профессора Кнапинскаго.

По поводу ея я считаю все-же нужнымъ высказать нѣсколько мыслей, конечно, не для полемики съ усопшимъ авторомъ, а для возстановленія истины о Сенчиковскомъ.

Прежде всего надо замѣтить, что кс. Кнапинскій слишкомъ безцеремонно упростилъ задачу будущаго своего критика тѣмъ, что, сведя всѣ преступленія Сенчиковскаго лишь къ вопросу о русскомъ языкѣ въ дополнительномъ богослуженіи р.-к. костела, совершенно, однако, игнорируетъ научную, историко-этнографическую почву, благодаря которой и на которой только и возникла вся дѣятельность Сенчиковскаго, ставящаяся въ упрекъ послѣднему.

А безъ такой именно почвы можно было-бы до безконечности, безъ результата, вести словесный турниръ съ кс. Кнапинскимъ и, быть можетъ, оказаться побѣжденнымъ, такъ какъ, при подобномъ способѣ спора, побѣда дается иногда легко тому,

кто краснорѣчивѣе, ловче группируетъ, нанизываетъ, подтасовываетъ общія фразы, а не тому, на чьей сторонѣ истина.

Но меня не столько поражаетъ, коробитъ эта сторона труда профессора, человѣка науки, который увѣряетъ, что по введенію русскаго языка въ католическое богослуженіе онъ говоритъ, основательно зная исторію, положеніе вопроса, опираясь на имѣющіеся въ его распоряженіи документы и т. п.

Самая манера его полемики вызываетъ гадливое ощущеніе: со сладкими словами христіанской любви, уваженія, дружбы подкрадывается онъ, въ сутанѣ ксендза, прикрытый ученымъ званіемъ, къ противнику, для того, чтобы, усыпивъ его вниманіе, сейчасъ-же злорадно надъ нимъ-же посмѣяться, оскорбить его, унизить, облить грязью, прямо обругать послѣдними словами..... Впрочемъ- это обычная форма печатной борьбы польско-іезуитской пропаганды.

Выраженія «молокососъ», «глупый», «съ недохватомъ ума», «выброшенный въ сорную яму, какъ стоптанный сапогъ» и т. п., высказанное сомнѣніе въ томъ, вѣруетъ-ли даже онъ, Сенчиковскій, «въ Бога, въ душу, въ загробную жизнь», обращеніе къ послѣднему, на правахъ какого-то неумолимаго судьи или прокурора, какъ къ позорно-обвиняемому – и т. п. полемическія прелести—вотъ чтó поражаетъ насъ, какъ писателя и христіанина...

Подумаешь только, чтò вѣдь все это пишетъ ксендзъ о ксендзѣ, профессоръ о противникѣ, съ которымъ ведетъ принціальный, серіозный споръ, по серіозному вопросу, человѣкъ, видимо, самъ считающій себя образцомъ ксендзовскихъ, христіанскихъ и иныхъ добродѣтелей – о такомъ-же человѣкѣ и христіанинѣ, которому читаетъ уроки морали!...

Чувствуешь безсильную злобу, затаенную ненависть, жажду мести...

Хочется невольно, полной грудью крикнуть: «Стыдно! Гадко! Недостойно ни сана автора, ни его званія! Ругаются, глумятся, унижаютъ другого лишь тогда, когда доказать ничего не могутъ!»

Да проститъ мнѣ мое негодованіе загробная тѣнь профессора Кнапинскаго!...

Если-бы каноникъ Сенчиковскій, при жизни своей, обратился ко мнѣ за совѣтомъ относительно отвѣта Краковскому ученому и духовному сановнику, то я, прежде всего, порекомендовалъ-бы ему полную сдержанность, христіанское смиреніе, приличный тонъ, джентльменское отношеніе къ личности оскорбившаго и опроверженіе обвиненій только фактами и документами, документами и фактами.

Прочтя брошюру Кнапинскаго, Сенчиковскій могъ умереть спокойно, сказавъ, что враги при жизни еще хорошо его поняли, что онъ гордится озлобленными обвиненіями заграничнаго профессора, признаетъ себя во всемъ виновнымъ, но нисколько не стыдится, не раскаивается, такъ какъ дѣйствительно любилъ Россію, служилъ вѣрно русскому Царю, шелъ убѣжденно на встрѣчу обрусительнымъ начинаніямъ русскаго Правительства, ненавидѣлъ всей душою польско-іезуитскую справу, Польшу, изгонялъ ихъ изъ бѣлорусскаго костела, изъ быта бѣлорусскаго народа, сознательно вредилъ имъ всѣмъ, чѣмъ только могъ и т. п. *)

А, значитъ, жизнь прожита имъ недаромъ, и недаромъ, стоя у могилы, онъ выстрадалъ право спокойствія совѣсти, сознаніе честно исполненнаго долга — выстрадалъ той сладостью, даже упоеніемъ страданія, которыя даются только избранникамъ Божіимъ и вѣнчаетъ истинныхъ мучениковъ за идею, за правду.....

Напрасно кс. Кнапинскій упрекалъ покойнаго въ томъ, что введеніемъ русскаго языка въ дополнительное богослуженіе онъ яко-бы сознательно принесъ вредъ р.-к. Церкви.

Сенчиковскій, какъ это видно изъ настоящей біографіи его, остался до конца жизни вѣренъ этой Церкви и боролся не съ Церковью, а съ засѣвшей въ нее шайкой польско-іезуитской пропаганды.

Развѣ виноватъ онъ, что нѣкоторые удары его случайно попали, при этомъ, и по Церкви?!..

Кс. Кнапинскій, кичащійся основательнымъ, документальнымъ знаніемъ исторіи располяченія бѣлорусскаго, литовскаго католицизма, біографій главныхъ дѣятелей этого правительственнаго начинанія, совершенно не понялъ Сенчиковскаго, когда пишетъ, что тотъ «тридцать лѣтъ правильной жизни принадлежалъ къ польской народности и признавалъ себя полякомъ.»

Подобное заявленіе по отношенію къ покойному, какъ мы видимъ изъ той-же біографіи его, является клеветою на его память: онъ родился, жилъ и трудился, съ первыхъ лѣтъ сознательной жизни, не какъ полякъ, а какъ русскій, какъ бѣлоруссъ, ненавидящій «все польское , отъ «всего польскаго» всѣми силами отшатывающійся...

Такой-же клеветой, неподкрѣпленной фактами, документами, являются и заявленія кс. Кнапинскаго о томъ, что будто-бы Сенчиковскій, до возстанія 1863 года, самъ пѣлъ польскія патріотическія (революціонныя?) пѣсни, что онъ, затѣмъ, совершалъ

*) Говорю съ точки зрѣнія самаго Сенчиковскаго.

будто-бы подлоги при собираніи отъ населенія подписокъ по поводу введенія русскаго языка въ костелы, что благодаря ему многіе ксендзы попали въ «темницы», были сосланы въ Сибирь и т. п.

Когда кс. Кнапинскій, въ своей брошюрѣ, говоритъ, что русское Правительство имѣло намѣреніе, вслѣдъ за русскимъ языкомъ, ввести въ обиходъ р.-к. костела языкъ церковно-славянскій, а, затѣмъ, и оправославить р.-католиковъ, то онъ клевещетъ на это Правительство. Пусть-бы онъ ранѣе, чѣмъ заявлять это, познакомился съ дѣлами Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій!..

Когда онъ увѣряетъ, напримѣръ, что будто-бы набожность, религіозность у католиковъ, слушающихъ мессу на латинскомъ языкѣ, выше, чище, чѣмъ у православныхъ, слушающихъ обѣдню на языкѣ церковно-славянскомъ, когда онъ спрашиваетъ: «А среди православныхъ много ли можно насчитать истинно-вѣрующихъ?», то клевещетъ, но уже на весь народъ русскій.

Или авторъ открылъ новую статистику для количественнаго опредѣленія степени, глубины вѣры, искренности убѣжденій, чистоты чувства человѣческаго въ массахъ народныхъ!.. И не въ латинскомъ-ли языкѣ слѣдуетъ искать причину указанной имъ разницы въ отношеніяхъ людей къ Богу?! Особенно, когда, какъ самъ онъ признаетъ, языкъ этотъ недоступенъ пониманію массъ польскаго народа..

Авторъ брошюры говоритъ на разныхъ языкахъ съ Сенчиковскимъ по поводу употребленія польскаго или русскаго языка въ костельной практикѣ Бѣлоруссіи и Литвы: онъ имѣетъ въ виду лишь интересы меньшинства поляковъ, а «мужицкій ксендзъ» Сенчиковскій всю жизнь трудился для подавляющей массы бѣлорусскаго простонародья. Столковаться, поэтому, имъ было-бы прямо невозможно...

Для того, чтобы покончить навсегда споръ съ Кнапинскимъ о томъ, какой языкъ въ Бѣлоруссіи имѣетъ всѣ права исторической давности, Сенчиковскому стоило-бы свести ученаго профессора въ Виленскій центральный архивъ древнихъ актовъ, гдѣ завѣдующій этимъ архивомъ И. Я. Спрогисъ, съ торжествующимъ видомъ жреца науки, безусловно убѣжденнаго въ историческомъ значеніи для Россіи дѣтища его, архива, показалъ-бы ему государственные акты Бѣлоруссіи XVI, XVII вѣковъ, сплошь написанные по-русски, — акты, изъ которыхъ такъ и брызжутъ живымъ ключемъ на непредубѣжденнаго посѣтителя, кромѣ русскаго языка, русскій умъ, русскій духъ, русскіе обычаи, которыми жили предки нынѣшнихъ бѣлоруссовъ.

Покойный могъ-бы привести кс. Кнапинскому рѣчь митрополита Іосифа Сѣмашки, сказанную въ Вильнѣ, въ 1840 г., въ одномъ изъ православныхъ храмовъ, о томъ, какое значеніе православіе, русскій языкъ, играли въ прежней «Литвѣ», о которой все время говоритъ Кнапинскій...

А святитель проповѣдывалъ: «Не скорбите о торжествѣ нашемъ, ревнители Западной Церкви! Взгляните безпристрастно на здѣшній край—это достояніе Православной Церкви. Много-ли здѣсь коренного народа римской вѣры?—Онъ ограничивается предѣлами Виленской губерніи. Остальной совращенъ изъ православія. Много-ли здѣсь дворянскихъ родовъ, не бывшихъ прежде православными? Это одни только переселенцы въ Литву изъ Польши. Князья Сангушки, Масальскіе, Любецкіе, Вишневецкіе, Острожскіе, Рожинскіе, Четвертинскіе, Пузины и многіе другіе; знаменитые роды—Огинскихъ, Поцѣевъ, Сапѣговъ, Ходкевичей, Пацовъ, Хребтовичей, Воловичей, Тышкевичей, Корсаковъ и прочихъ, безъ числа—все это были дѣти Русскія, Православныя Церкви. Взгляните на самую Вильну: двѣсти лѣтъ тому назадъ здѣсь было еще тридцать шесть православныхъ церквей. За что-же порицать Церковь Православную, если она простираетъ материнскія объятія свои къ дѣтямъ своимъ, хотя и забывшимъ ее, но все для нея не чуждымъ?!.. За что порицать и обитателей здѣшнихъ странъ, если они прибѣгаютъ въ нѣдра матери своея—Православныя Церкви, чтобы, наконецъ, успокоиться въ лонѣ ея послѣ вѣковыхъ треволненій?!.. Признайтесь, что дѣло Православныя Церкви—справедливо, и обратите лучше вниманіе на тѣхъ, кои святотатственными внушеніями и происками сѣютъ вражду между дѣтьми одного и того-же семейства, разъединяютъ сердца единокровныя! Не виды-ли гордости и честолюбія, не закоренѣлая-ли нехристіанская ненависть и злоба, не своекорыстіе-ли и соумышленіе съ врагами Отечества руководствуютъ ими?!.. Берегите-же сердца и помышленія ваши отъ помысловъ злобы, отъ наущенія духа тьмы, дѣйствующаго чрезъ усердныхъ клевретовъ своихъ; и очи ваши отверзутся видѣть истину, а сердца ваши откроются для любви православныхъ собратій вашихъ...»

Слова Сѣмашки смѣло можно обратить и на Бѣлоруссію, тѣсно связанную въ прошломъ съ Литвою,—даже подъ игомъ Польши, православнымъ дворянствомъ, русскимъ языкомъ, православною вѣрою....

Но вѣдь г. Кнапинскій уклоняется отъ всякихъ научныхъ споровъ!

Онъ уклонился отъ нихъ и тогда, когда, безъ ссылокъ на

каноническое право, увѣряетъ Сенчиковскаго, будто-бы дополнительное богослуженіе въ р.-к. костелѣ, какъ часть литургіи, должно вестись по-латынѣ, а не на языкѣ народномъ: вѣдь Сенчиковскій препроводилъ-же къ нему свой знаменитый циркуляръ, гдѣ приведены каноническія основанія какъ разъ обратнаго!

Почему-же онъ обошелъ такой документъ полнымъ молчаніемъ?!...

Наивенъ, смахиваетъ на анекдотъ, разсказъ кс. Кнапинскаго о русскомъ губернаторѣ, будто-бы, ломающимъ польскій языкъ въ польскомъ салонѣ, лишь-бы не шокировать отсутствіемъ свѣтскости общій тонъ послѣдняго.

На него могъ-бы привести покойный Сенчиковскій факты, когда всѣ посѣтители польскаго салона коверкали русскую рѣчь при губернаторѣ, нежелающимъ говорить иначе, какъ по-русски и сознающемъ, что и сидя въ польскомъ салонѣ, онъ все-же, какъ губернаторъ, у себя дома, т. е. въ Россіи.

Онъ могъ бы, минуя анекдоты, спросить кс. Кнапинскаго: «извѣстно-ли вамъ, г. профессоръ, что Россія страна исключительная по своей разноплеменности, разновѣрности? Такъ неужели-же только потому, что подъ скипетромъ русской державы живутъ поляки, евреи, финны, нѣмцы, азіаты, русскій губернаторъ, будучи назначенъ въ губернію, гдѣ существуютъ языки всѣхъ этихъ народностей, бросивъ дѣла по управленію ввѣреннаго ему края, обязанъ, для поддержанія, при единичныхъ случаяхъ, репутаціи своей свѣтскости, изучать всѣ эти языки, т. е. говорить по-еврейски, по-татарски, по-чухонски и т. п.? Не удобнѣе ли, не болѣе-ли сообразно съ достоинствомъ его званія, говорить ему у себя, въ Россіи, только—по-русски, во всѣхъ случаяхъ, пріучивъ къ тому-же все безъ исключеній населеніе, съ нимъ сталкивающееся, въ салонахъ и внѣ ихъ, къ тому-же?!..

У кс. Кнапинскаго во всемъ двѣ мѣрки: одна для польско-іезуитской пропаганды, которой все имъ милостиво дозволяется въ костелѣ, другая—для русскаго Правительства, для Сенчиковскаго, боровшихся съ этой пропагандой, которымъ ничего не разрѣшается въ томъ-же костелѣ.

Онъ находитъ, напримѣръ, вѣскія, каноническія основанія—(опять таки не указавъ—какія) къ тому, чтобы въ р.-к. Церкви, на всемъ земномъ шарѣ, употреблялся при литургіи только латинскій языкъ.

А когда русское Правительство желаетъ, тоже по своимъ особымъ, государственнымъ соображеніямъ, ввести русскій языкъ во всемъ государствѣ, не считаясь съ тѣмъ, любятъ или нена-

видятъ отдѣльныя народности этотъ русскій языкъ, оскорбляетъ-ли онъ слухъ ихъ, бередитъ ли ихъ старыя раны и политическое самолюбіе, то осуществленіе подобныхъ задачъ онъ считаетъ чуть не преступленіемъ.

По мнѣнію Кнапинскаго, ксендзы, назначенные на должности «узурпаторомъ» прелатомъ Жилинскимъ,—сами «узурпаторы», «самозванцы», преступники уже благодаря самому факту подобнаго назначенія...

Но эта мѣрка у него имѣется лишь для каноника Сенчиковскаго и ему подобныхъ, служившихъ русскому дѣлу и враговъ польско-іезуитской пропаганды.

А вотъ когда ксендзы служатъ дѣлу этой «пропаганды», подтачиваютъ русскую государственность, въ костелѣ и внѣ его, подрываютъ русскую національную идею, то хотя они и назначались тѣмъ же «узурпаторомъ» Жилинскимъ, но у пр. Кнапинскаго, въ брошюрѣ его, названы «ревностными и хорошими» ксендзами...

Упрекая прелата Жилинскаго въ принятіи на себя званія управляющаго Виленскою р.-к. епархіей безъ санкціи Рима, кс. Кнапинскій точно забылъ, что́ такое была эпоха Муравьевскаго диктаторства въ Вильнѣ *), какъ не хочетъ понять, что во время войны недѣйствительны законы мирнаго времени.

Интересно было-бы видѣть въ тѣ дни самого Кнапинскаго лицомъ къ лицу съ такимъ желѣзнымъ человѣкомъ, облеченнымъ при томъ безграничной властью, какимъ былъ гр. Муравьевъ.

Тогда-бы онъ, навѣрно, не осуждалъ Жилинскаго...

Кс. Кнапинскій повидимому не хочетъ признавать, что Жилинскій, въ сущности, спасъ р.-к. Церковь въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, съ группою другихъ такихъ-же, какъ онъ, покорныхъ русскому Правительству ксендзовъ (въ томъ числѣ и съ Сенчиковскимъ), доказавъ на дѣлѣ гр. Муравьеву, что нельзя-же каждаго ксендза считать измѣнникомъ, а каждый костелъ—гнѣздомъ польско-іезуитской пропаганды...

Не будь такихъ немногихъ исключеній, развѣ поцеремонился-бы гр. Муравьевъ, въ интересахъ спокойствія Литвы и Бѣлой Руси, закрыть всѣ костелы, выслать всѣхъ ксендзовъ изъ ввѣреннаго ему края и тѣмъ вырвать разъ навсегда, съ корнемъ, воинствующій католицизмъ изъ древне-русскихъ провинцій?!...

Смотрѣть на вопросъ иначе - значитъ или не знать исторіи,

*) Кстати замѣтить, что Жилинскій управлялъ этой епархіей не съ 1866 г., какъ увѣряетъ Кнапинскій, а уже при Муравьевѣ.

или сознательно закрывать глаза на ея факты, тамъ, гдѣ это нужно въ извѣстныхъ цѣляхъ...

Профессоръ Кнапинскій еще разъ сказалъ напраслину по отношенію къ русскому Правительству, увѣряя, будто-бы оно запрещаетъ своимъ подданнымъ р.-к. исповѣданія защищать догматы ихъ р.-к. Церкви, сноситься съ Папою, исполнять приказанія Папы и т. п.

Гдѣ, когда были подобные факты, разъ они касались только религіозной стороны р.-к. Церкви?!

Или, быть можетъ, кс. Кнапинскій считаетъ дерзкимъ посягательствомъ на основы р.-к. Церкви, на самую Церковь, на право Папы, когда русская государственная власть принимаетъ мѣры противъ вмѣшательства Римскаго Первосвященника, черезъ р.-к. костелы, во внутреннія, такъ сказать, домашнія, свои дѣла Россіи, когда власть эта протестуетъ, если Папа благословляетъ русскихъ подданныхъ ея на вооруженный мятежъ противъ ея законныхъ прерогативъ, (какъ было въ 1863 году), однимъ словомъ, когда она вмѣшивается и произноситъ свое властное «veto» во всѣхъ случаяхъ сношеній Папъ съ римско-католиками Россіи, грозящихъ безопасности, спокойствію русскаго государства?!

Тутъ снова у кс. Кнапинскаго двѣ особыя мѣрки: одна для власти русскаго самодержавія, другая для подвиговъ польско-іезуитской пропаганды. Снова споръ идетъ о политическихъ вкусахъ...

И снова онъ и Сенчиковскій говорятъ, спорятъ на разныхъ языкахъ...

Еще одна неправда кс. Кнапинскаго: будто-бы русское Правительство, со времени подавленія возстанія 1863—64 г. г., все менѣе и менѣе считается съ польскою народностью...

Религія, обычаи, наука, искусство, литература, бытъ, языкъ и проч. и проч., все «культурное» по-прежнему (и даже еще шире)—въ распоряженіи поляковъ, конечно, до тѣхъ поръ, пока эти элементы народной жизни, опять-таки, не сталкиваются съ интересами русскаго государства, русскаго народа, а, главное, пока они польско-іезуитскою справой не обращаются въ орудія, враждебныя историческимъ задачамъ и обязательствамъ Россіи...

Ну, а если «культура», мирныя занятія, костелъ, картина, книга, статуя, эмблема скрываютъ за собою или въ себѣ антигосударственныя тенденціи, если они тормозятъ интересы преобладающей массы коренного, русскаго населенія, то какое-же, мало-мальски уважающее себя, правительство не вступитъ съ

ними въ борьбу, не поспѣшитъ во-время погасить вредный огонекъ—пока онъ не обратился въ опасное пламя. Пусть себѣ населеніе устраиваетъ, подъ руководствомъ ксендзовъ, крестные ходы, процессіи по Вильнѣ, изъ Вильны, въ Вильну, поетъ, одѣвается въ бѣлые, голубые и др. цвѣта, носитъ церковныя иконы, хоругви.. Но, если въ нарядахъ этихъ умышленно будутъ подобраны польскіе, національные цвѣта, если на хоругвяхъ вмѣсто изображеній святыхъ появятся портреты Костюшки, Сѣраковскаго и др. героевъ Польши, если, однимъ словомъ, церковная процессія польско-іезуитской пропагандою обращена будетъ въ демонстрацію политическаго характера, то развѣ не обязана администрація прекратить подобныя уличныя явленія?!..

На сколько кс. Кнапинскій вообще не церемонится жонглировать, въ интересахъ своихъ полемическихъ доводовъ, историческими фактами, показываетъ хотя-бы увѣреніе его, что польско-іезуитская пропаганда (справа, разгромленная гр. Муравьевымъ, перестала существовать съ 1863 года, т. е. со времени подавленія мятежа...

Вся жизнь Сенчиковскаго, все, что онъ разсказываетъ о возстаніи (я не говорю уже о тысячахъ другихъ фактовъ) указываютъ на то, что пропаганда эта ни на минуту не умирала. Она только была оглушена, лишена пышныхъ одеждъ, помпы, скрылась за-границу, притаилась выжидательно по польскимъ палаццо и хижинамъ, по ксендзовскимъ плебаніямъ, по кабинетамъ полякующаго русскаго чиновничества.

Она дышала уже полной, свободной грудью въ то время, когда кс. Кнапинскій сочинялъ свою брошюру, когда каноникъ Сенчиковскій читалъ эту брошюру, убѣжавъ въ Сибирь, залѣчивая свои раны,—результатъ покушенія на жизнь его въ Ташкентѣ, молясь за враговъ своихъ, лишившихъ его родины, Церкви, добраго имени, даже врачебной помощи.

И когда кс. Кнапинскій, отпечатавъ свой политическій пасквиль въ Краковѣ, посылалъ его въ Петербургъ—митрополиту, въ Омскъ—Сенчиковскому, а вѣроятно и по другимъ адресамъ, то онъ хорошо зналъ, что разсылаетъ свое произведеніе отъ имени польско-іезуитской пропаганды, въ ея инквизиціонныхъ цѣляхъ...

Но вѣдь кс. Кнапинскій находитъ, что «польско-іезуитская справа»—дѣло польско-патріотическое, достойное не только похвалы, да еще и поощренія...

Будемъ уважать всякій патріотизмъ, въ томъ числѣ и польскій, даже польско-іезуитскій, какъ всякое чужое убѣжденіе,

помня, что окончательно гибнетъ тотъ народъ, въ которомъ погасли священный огонь любви къ своей былой родинѣ и жажда отмщенія, возвращенія свободы.

Тѣмъ не менѣе, Сенчиковскій могъ сказать своему противнику: «уважайте-же и вы мой бѣлорусскій патріотизмъ!»

Онъ могъ-бы замѣтить кс. Кнапинскому, что патріотизмъ польскаго народа совсѣмъ не тотъ, что патріотизмъ польской интеллигенціи.

Такъ какъ послѣднюю Кнапинскій ставитъ, въ своей брошюрѣ, подъ знамя «полонизма», то покойному достаточно было-бы привести взгляды на аристократическій «полонизмъ» хотя-бы попечителя Виленскаго учебнаго округа И. П. Корнилова, вполнѣ съ его личными взглядами совпадавшіе и лишь выраженные въ болѣе сжатой, литературной формѣ.

Корниловъ-же, въ 1868 году, пишетъ Н. Н. Новикову *).

«Мы боремся въ Западномъ краѣ съ враждебною не только русскому государству, но и народу, нравственною силою, называемой полонизмомъ. Многіе и теперь еще склонны смотрѣть на эту борьбу, какъ на насиліе и несправедливость съ нашей стороны. Они воображаютъ, что это борьба народа, защищающаго свою цивилизацію, свою вѣру и стремящагося къ своей независимости. Но мы съ Вами знаемъ очень хорошо, что́ такое этотъ пресловутый полонизмъ не только среди русскаго населенія Западнаго края, но даже въ самой Польшѣ. Мы знаемъ его политическую программу, его нравственныя побужденія, его опозоренныхъ героевъ, его идеалы—(Валленродъ, Чарторыйскій, Скарга), его средства (тайныя убійства, измѣну, заговоры, іезуитизмъ, фанатизмъ). Можно-ли сочувствовать всей этой гадости, хотя и опоэтизированной Мицкевичемъ? Можемъ-ли уважать нашихъ враговъ? Кто можетъ намъ сказать, что мы не въ правѣ ограждать себя отъ іудиныхъ лобзаній, отъ отравленныхъ кинжаловъ, ограждать народъ и молодое поколѣніе отъ деморализаціи въ учебныхъ заведеніяхъ, въ костелахъ?!. — Полонизмъ есть остатокъ средне-вѣковаго варварства, есть движеніе вовсе не народное, но просто шляхетское и іезуитское, ультра-католическое, безумно-самолюбивое стремленіе возвратить утраченное значеніе. Не шляхта и ксендзы, но именно мы стоимъ за народъ и мы должны благодарить Бога за то, что служимъ христіанскому, правому и честному дѣлу. Пусть шляхта вспомнитъ, что́ такое былъ здѣсь народъ до 19 февраля 1861 года. Пусть польская интеллигенція укажетъ, какія услуги оказала она здѣшнему краю.

До сближенія Литовскаго княжества съ Польшею въ XV столѣтіи, Западный край, по господствовавшему въ немъ складу жизни, языку и образу понятій былъ русскій и православный,

*) «Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ», 1908 г., выпускъ 1-й.

и русское нравственное вліяніе, вмѣстѣ съ православіемъ, проникало безъ всякихъ насилій въ коренную Литву и утверждалось тамъ мало-по-малу, безъ пособія рыцарскихъ и монашескихъ орденовъ. Народъ имѣлъ значительную долю личной свободы, и русско-литовскіе князья были въ полномъ смыслѣ слова народными вождями. Но Польша внесла въ Западный край католицизмъ, со всею его ненавистью къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и жаждою къ свѣтской власти, которою обуянъ каждый ксендзъ въ своемъ тѣсномъ кружкѣ, не менѣе Папы, внесла феодальныя привилегіи, магдебургское право и водворила евреевъ. Въ русскомъ литовскомъ народѣ образовалась привилегированная, господствующая каста; земледѣльческій классъ потерялъ свободу и человѣческія права и поступилъ въ безусловное рабство шляхты и католическаго духовенства, которое установило инквизицію и религіозныя гоненія.

Вотъ тѣ блага, которыми польская цивилизація одарила Литву.

Западно-русское шляхетство окончательно ополячилось и отдѣлилось отъ народа, потерявшаго всякое значеніе; поляки и ополяченные, думая лишь о себѣ, превратили его въ простую, безправную, рабочую силу, которой они-же и дали характеристическое прозваніе «быдла». Вся политическая жизнь сосредоточилась только въ католическомъ духовенствѣ и шляхетствѣ; они и выбирали себѣ вождей или королей, которые, разумѣется, были игралищемъ и орудіемъ партій. Короли и народъ существовали какъ будто только для рыцарства и по его милости. Въ этомъ смыслѣ Рѣчь Посполитая представляетъ исключительно уродливое въ жизни европейскихъ народовъ явленіе. Жизнь сосредоточилась только въ эгоистической головѣ; прочія-же части организма были мертвы. Быдло ненавидѣло пановъ; паны кутили, интриговали; представители партій продавали свои услуги иностранцамъ. Наконецъ, уродливое государство расхватали по рукамъ потому, что оно не имѣло внутренней связи и не могло существовать. Короли были куклы своихъ подданныхъ, а каждый шляхтичъ «въ своемъ огородѣ былъ равенъ воеводѣ». Наконецъ, шляхетскую вольницу вмѣстѣ съ ксендзами разобрали по рукамъ...

Неужели-же шляхетская и ксендзовская натура могла измѣниться отъ того, что попала въ русскія руки? Неужели самовластная, самодурная шляхта могла такъ легко отказаться отъ неограниченнаго произвола своего, отнятаго у нея Россіей, и помириться съ простотою частной жизни или подчиненной служебной дѣятельности, чѣмъ такъ легко довольствуемся мы, русскіе, неизбалованные необузданнымъ своеволіемъ и воспитанные въ привычкахъ вѣрноподданничества и строгаго единодержавія?!...

Такъ какъ въ Западномъ краѣ мы дѣйствовали только чисто механическими силами, т. е. войскомъ и администраціей, а не нравственнымъ нашимъ вліяніемъ, то, понятно, что шляхетскія и ультрамонтанскія традиціи и стремленія сами собой не могли уничтожиться, но продолжали жить, поддерживая духъ недовольства, противодѣйствія, заговоровъ, питаясь воспоминаніями, надеждами на иноземную помощь и болѣе, и болѣе укрѣпляясь въ ненависти и злобѣ на насъ. Уступки шляхетству и ультрамонтанству не могутъ ихъ ослабить, а потому гуманныя идеи снисхожденія и примиренія со зломъ не доведутъ насъ ни до чего хорошаго.

Полонизмъ есть положительное нравственное зло. Онъ деморализуетъ молодыя силы, ибо развиваетъ въ человѣкѣ дурныя свойства и страсти: ненависть, лицемѣріе, коварство. А потому разумное образованіе должно строго относиться къ этому пагубному направленію, и мы должны бороться съ полонизмомъ, какъ должны бороться со всякимъ нравственнымъ зломъ. Польскіе учителя суть представители польской цивилизаціи; не имъ помогать намъ въ борьбѣ со зломъ, которымъ они сами болѣе или менѣе заражены; не имъ можно довѣрить, особенно въ Западномъ краѣ, воспитаніе...»

«Я готовъ выйти на Исаакіевскую площадь», пишетъ Корниловъ ранѣе, въ 1865 г., изъ Вильны сенатору И. М. Гедеонову: *) «и громко кричать всѣмъ петербургскимъ невѣждамъ, воображающимъ себя мудрецами: васъ дурачитъ польская и всякая враждебная Россіи интрига. Вы не знаете Россіи, не имѣете никакого понятія о западной нашей границѣ, о деспотическомъ давленіи Польши и католицизма. Вы сдружились съ польскимъ вкрадчивымъ, но враждебнымъ и фальшивымъ аристократизмомъ, который заслонилъ отъ васъ свою жертву, здѣшній народъ. Пріѣзжайте въ Бѣлоруссію полюбоваться, что̀ сдѣлала хвастливая и безчеловѣчная польская интеллигенція съ несчастнымъ, замученнымъ и невѣжественнымъ краемъ. Полюбуйтесь плодами вашего невниманія къ кровнымъ вашимъ братьямъ, превращеннымъ поганою интеллигенціею въ панскія быдла. Сидя спокойно въ своемъ петербургскомъ болотѣ и не имѣя никакого понятія о дѣйствительности, вы сочиняете съ самодовольною важностью проекты (ваша страсть къ неудачнымъ проектамъ вошла въ поговорку) о какомъ-то примиреніи двухъ народностей, между тѣмъ, какъ надо заботиться о возстановленіи данныхъ законами правъ народу на нѣкоторую долю свободы и на поддержаніе неприкосновенности его религіозныхъ вѣрованій.—Надо защищать народъ отъ нарушителей закона, надо

*) Тамъ-же.

наказывать поляковъ за государственное преступленіе, а вы толкуете о какомъ-то примиреніи. Да кто съ ними ссорился!..

Боже мой, какія несчастія, какой позоръ испытала бы Россія, если-бы западное дѣло было въ рукахъ этихъ примирителей! Насъ-бы теперь помеломъ гнали къ Уральскому хребту. Великъ русскій Богъ. Явился Михаилъ Николаевичъ (Муравьевъ) и разомъ покончилъ съ невыносимою и оскорбительною для русскаго человѣка польскою наглостью. Просто жалко и смѣшно смотрѣть на этихъ хвастливыхъ шарлатановъ, на этихъ ползающихъ рыцарей, которые такъ недавно плевали на русскихъ и призывали на насъ европейскую войну...»

Когда Кнапинскій, въ концѣ своей брошюры, загадочно роняетъ слова о томъ, что знаетъ о Сенчиковскомъ многіе другіе факты», его компрометирующіе, и, не приведя подобныхъ фактовъ, добавляетъ «не хочу упоминать о нихъ», то развѣ не былъ-бы въ правѣ покойный спросить его: «Почему-же?! Или это снова старый пріемъ польско-іезуитской пропаганды, который я уже не разъ испыталъ на себѣ въ жизни?!..»

Сенчиковскій могъ-бы замѣтить своему недругу: «Для васъ, какъ для поляка, ненавидящаго все русское, живущаго, при томъ, за-границей, внѣ Россіи, Высочайшій указъ 25 дек. 1869 г.— лишь «разрѣшеніе»... Для меня-же, какъ для вѣрноподданнаго русскаго Царя, одно уже царское желаніе — равносильно приказу... А, въ данномъ случаѣ, желаніе это еще и совпадало съ моими бѣлорусскими убѣжденіями ..»

Онъ могъ-бы сказать Кнапинскому: «Ваше описаніе пустующаго въ табельные дни костела совершенно вѣрно... Но такія явленія бываютъ тамъ, гдѣ сидятъ ксендзы-фанатики польско-іезуитской справы... И виновато въ немъ не населеніе, а эти ксендзы...»

И многое, на каждое слово брошюры, можно было-бы сказать ея озлобленному автору.

«Не будемъ туманить другъ другу глаза!» спѣшитъ, однако, во—время замѣтить послѣдній, съ іезуитскимъ смиреніемъ, набожно перебирая четки и опустивъ скромно глаза, предварительно самъ напустивъ въ свое произведеніе туманъ неправды, подтасовокъ, искаженій фактовъ..

«Да, не будемъ!» повторимъ за нимъ и мы, съ облегченіемъ душевнымъ закрывая его «письмо», для того, чтобы никогда болѣе къ нему не возвращаться...

Впрочемъ, еще одно слово, послѣднее...

Въ заключеніе, кс. Кнапинскій пугаетъ Сенчиковскаго судомъ Божіемъ, судомъ потомства, зоветъ его покаяться, идти, съ посыпанной пепломъ головою, въ Римъ...

Какіе, подумаешь, ужасы!

Покойный каноникъ, изъ далекаго Омска, могъ-бы бросить ему въ лицо:

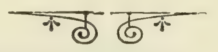
«Не пугайте меня этими грядущими судами: я къ нимъ давно уже цріучилъ душу мою!.. И совѣсть моя, въ которой читаетъ правый Богъ, такъ-же, какъ Онъ читаетъ и въ вашей совѣсти, чиста. Бойтесь-же ихъ, этихъ судилищъ, вы, книжники и фарисеи польско-iезуитской справы, вы, смущающiе душу и миръ народовъ, вы, вовлекающiе ихъ въ кровавыя авантюры,-- бунтовъ, мятежей, противу-государственныхъ движенiй, вы, сѣющiе безвѣрiе, безсердечiе, оправдывающiе всякое преступленiе, всякiй грѣхъ – лишь бы они служили интересамъ вашей темной, гнусной политики, вы, прикрывающiеся кощунственно словомъ Христа и въ цѣпкихъ когтяхъ духовнаго рабства держащiе мою родину, вѣковую страдалицу Бѣлоруссiю!..

Вѣрую и надѣюсь, что настанетъ и для васъ когда либо страшный часъ суда Божьяго, суда потомства...

Но не смѣйте говорить отъ лица всего польскаго народа, увѣрять, что съ вами солидаренъ этотъ народъ, въ преобладающей массѣ его, что онъ готовъ идти за вами!..

Если Жилинскiй былъ, по вашему мнѣнiю, и «узурпаторъ» непринадлежавшихъ ему епископскихъ правъ, и преступникъ, то вы, присваивающiе себѣ права народныхъ депутатовъ, еще болѣе «узурпаторы», преступники и фарисеи!..»

Таковъ обвинительный актъ, врученный профессоромъ Кнапинскимъ покойному Сенчиковскому!...

ГЛАВА XIII.

(1879 годъ).

Любезности Мин. Вн. Дѣлъ по отношенiи къ Сенчиковскому.—Еще одна неудавшаяся попытка Жилинскаго--упрятать покойнаго въ Слуцкъ.--Благодарственное письмо къ А. Н. Мосолову Сенчиковскаго и грязный выводъ изъ него, сдѣланный послѣднимъ.—Опять польско-iезуитская пропаганда усиленно работаетъ.—Дѣло о бывшемъ органистѣ Свищевскомъ.—Резолюцiя Макова.—Переписка Министерства Вн. Дѣлъ по этому дѣлу съ 3-мъ отдѣленiемъ канцелярiи Его Величества.—Знаменитый отнынѣ секретный докладъ А. Н. Мосолова Макову о Сенчиковскомъ и Свищевскомъ.—(Иными словами--въ области извращеннаго чувства, Минскихъ сплетенъ, порнографiи и логическихъ абсурдовъ).—Полякующiй губернаторъ Петровъ.—Его первая встрѣча съ Сенчиковскимъ.—О частной жизни послѣдняго въ Минскѣ.

Сплавивъ, общими усиліями, безъ достаточныхъ основаній, Сенчиковскаго въ Бобруйскъ, и Маковъ, и Мосоловъ не могли, конечно, чувствовать себя вполнѣ спокойно.

Ясно было, какъ день, что теперь-то, при отнятіи у каноника прежняго его положенія, польско-іезуитская пропаганда вымѣститъ на немъ всю свою злобу.

Надо было, поэтому, и оградить его отъ всякихъ случайностей, и позолотить какъ нибудь поднесенную ему пилюлю...

Несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, Маковъ чувствуетъ себя неловко — по отношенію къ Сенчиковскому. Это видно изъ бумагъ, выходящихъ изъ Министерства..

26 января 1879 г., за № 305 *) Мосоловъ, въ отвѣтъ на прошеніе каноника Сенчиковскаго о переводѣ, на бланкѣ Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій, пишетъ ему, подъ несомнѣнную диктовку Макова:

«Изложенныя въ письмѣ Вашемъ отъ 16 сего января обстоятельства, побудили г. Управляющаго Министерствомъ, *съ искреннимъ сожалѣніемъ, склониться къ освобожденію Васъ отъ трудной дѣятельности по училищу органистовъ.*

Прямодушный отказъ Вашъ отъ продолженія начатаго недавно Вами дѣла, вызванный желаніемъ дальнѣйшаго его преуспѣянія, не останется безъ вниманія.

За неимѣніемъ въ виду лучшей должности, Министерство будетъ содѣйствовать къ назначенію Васъ деканомъ и настоятелемъ въ Слуцкъ. На покрытіе расходовъ по переѣзду Вамъ будетъ вслѣдъ за симъ назначено приличное пособіе. При этомъ *позвольте, Милостивый Государь, разсчитывать, что здравый взглядъ на правительственныя мѣропріятія, клонящіяся къ истинной пользѣ римско-католической у насъ Церкви и честное желаніе — содѣйствовать видамъ Правительства, будутъ и впредь отличительными признаками Вашей дѣятельности.*

Примите, Ваше Высокопреподобіе, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

А. Мосоловъ».

---

*) Бумаги С., хранящіяся въ Импер. Публичн. Библіотекѣ.

Но, признаться, мнѣ такъ и слышится еще разъ, за слащавыми, неискренними, вымученными фразами этого документа стонъ души Сенчиковскаго и скрипъ чиновничьяго пера Мосолова.

Причиною просьбы объ увольненіи его по завѣдыванію училищемъ органистовъ каноникъ Сенчиковскій (въ черновикѣ бумаги своей къ канонику Макаревичу *)—для оповѣщенія духовенства объ его переводѣ въ г. Слуцкъ) выставляетъ «болѣзнь, дошедшую до харканья кровью».

Онъ пишетъ:

«Между тѣмъ множество непріятностей по управленію училищемъ органистовъ не дозволяетъ мнѣ полечиться. Поэтому, я неоднократно просилъ Правительство—освободить меня отъ этой должности, вслѣдствіе чего г. Министръ склонился къ удовлетворенію искренней и многократной просьбы -освободить меня отъ управленія училищемъ».

Какъ увѣдомилъ Минскій губернаторъ кан. Сенчиковскаго (отзывомъ отъ 3 февраля 1879 г. за № 550), **) вмѣсто него по завѣдыванію училищемъ органистовъ и деканомъ по г. Минску былъ назначенъ кс. Павелъ Гавронскій.

Объ этомъ кс. Гавронскомъ А. Н. Мосоловъ въ такихъ выраженіяхъ сообщаетъ Минскому губернатору (24 янв. 1879 г. № 13) ***):

«Визитаторъ Сенчиковскій, по разстроенному здоровью, ходатайствуетъ объ увольненіи его отъ должности завѣдующаго училищемъ органистовъ.

Принимая во вниманіе, что, согласно уставу названнаго училища, завѣдываніе онымъ возлагается на настоятеля Св. Троицкой римско-католической церкви, и въ видахъ замѣщенія Сенчиковскаго лицомъ, вполнѣ подходящимъ, я нашелъ соотвѣтственнымъ назначить настоятелемъ Св. Троицкаго прихода и деканомъ г. Минска—викарія Маріинской церкви и законоучителя Павла Гавронскаго, достойный образъ жизни и педагогическія способности котораго могутъ служить ручательствомъ дальнѣйшей полезной дѣятельности его, какъ въ качествѣ приходского священника, такъ и завѣдующаго училищемъ органистовъ.

---

*) Тамъ-же.

**) Бумаги С., хранящіяся у А. В. Ж—ча.—Въ нихъ—оффиціальная копія съ отношенія Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исп. № 13.

***) Тамъ-же.

Что-же касается Сенчиковскаго, то я призналъ желательнымъ перевести его деканомъ и настоятелемъ въ одинъ изъ наилучше расположенныхъ приходовъ, гдѣ богослуженіе совершается по-русски, каковымъ представляется вакантный приходъ Слуцкій.

Пригласивъ вмѣстѣ съ симъ прелата Жилинскаго привести въ исполненіе таковыя предположенія, имѣю честь поставить о семъ Ваше Превосходительство въ извѣстность».

Но захолустный Слуцкъ, съ его отдаленностью отъ губернскаго центра и фанатически-настроеннымъ, польскимъ населеніемъ, представлялся Сенчиковскому мѣстомъ позорной ссылки, почему противъ подобной комбинаціи онъ немедленно-же заявляетъ, и въ Петербургъ, и въ Минскъ, энергичные протесты.

Вслѣдствіе этихъ послѣднихъ, Сенчиковскаго вмѣсто Слуцка, подсказаннаго Министерству прелатомъ Жилинскимъ, назначаютъ въ Бобруйскъ, причемъ Министерство, какъ-бы еще болѣе позлащая оффиціальную свою пилюлю, выдаетъ Сенчиковскому 700 р. подъемныхъ, о чемъ губернаторъ Чариковъ и сообщаетъ ему письмомъ (отъ 8 февраля 1879 г., № 632) *), слѣдующаго содержанія:

«Департаментъ Дух. Дѣлъ Иностр. Испов., отношеніемъ отъ 31 января с. г., за № 384, увѣдомилъ меня, что Г. Управляющимъ Министерствомъ Вн. Дѣлъ назначено Вамъ единовременное пособіе въ семьсотъ рублей изъ остатковъ отъ содержанія р.-к. духовенства въ Имперіи и что вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано распоряженіе объ открытіи на сей предметъ на мое имя кредита въ Минскомъ губернскомъ казначействѣ.»

На этомъ письмѣ—позднѣйшая, для меня сдѣланная, замѣтка кан. Сенчиковскаго:

«Когда я отказался отъ Слуцка и согласился переѣхать въ Бобруйскъ, то Управл. Министерствомъ Маковъ назначилъ мнѣ 700 р. на переѣздъ изъ Минска въ Бобруйскъ (четыре часа ѣзды по желѣзной дорогѣ), о чемъ и сообщилъ мнѣ губернаторъ Чариковъ, послѣ котораго былъ назначенъ губернаторомъ Петровъ, меня погубившій.»

Въ письмѣ ко мнѣ (отъ 15 авг. 1900 г., Омскъ) Сенчиковскій пишетъ:

«Чариковъ былъ прекрасный губернаторъ и администраторъ, честнѣйшій и по-истинѣ русскій человѣкъ. Онъ относился ко мнѣ сердечно и съ полнымъ сочувствіемъ къ русскому дѣлу. Но, съ перемѣной политики въ пользу Папы и поляковъ, Чарикову

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча.

дали «Бѣлаго Орла» и удалили. А на мѣсто этого, истинно-русскаго человѣка, назначили ополяченнаго до мозга костей губернатора Петрова, который меня и выжилъ.»

Бѣдный, бѣдный, неизвѣрившійся еще въ тѣ дни въ людей, Сенчиковскій!!.....

Когда состоялось назначеніе каноника Сенчиковскаго не въ Слуцкъ, а въ Бобруйскъ, онъ даже обращается къ Мосолову (10 марта 1879 г., Минскъ) *) съ благодарственнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Нынѣшняго числа я получилъ отъ г. управляющаго епархіею назначеніе въ Бобруйскъ, за которое принося Вашему Превосходительству искреннюю благодарность, осмѣливаюсь отъ глубины души просить и напредь не отказать мнѣ въ своей защитѣ и покровительствѣ. Что-же касается до моего служенія въ Бобруйскѣ, то оно будетъ ревностное, добросовѣстное и усердное; въ этомъ ручаюсь моею личностью.—Но, какъ бы я ни трудился, все-таки безъ поддержки и защиты со стороны Правительства, и безъ необходимой обстановки, полезной дѣлу, я немного принесу пользы. Поэтому, кромѣ покровительства, я осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить у Вашего Превосходительства милостиваго утвержденія взятыхъ мною въ Бобруйскъ двухъ органистовъ: Володзько и родственника моего Глинскаго. На ихъ мѣсто рекомендованы мною и избраны каноникомъ Макаревичемъ вполнѣ честные, достойные и соотвѣтственные воспитанію, окончившіе и въ присутствіи Вашего Превосходительства выпущенные, мальчики, именно: Вишневскій и Римшо. Этою замѣною я ручаюсь не только не пострадаетъ училище, но и выиграетъ, ибо Вишневскій гораздо способнѣе Глинскаго.

Позволяю себѣ надѣяться, что Ваше Превосходительство, принимая во вниманіе, что на это училище, кромѣ трудовъ, хлопотъ и непріятностей, я затратилъ еще много собственныхъ денегъ (кромѣ пожертвованныхъ двухъ тысячъ р. с. на стипендію), не откажете въ этой просьбѣ. Двухъ органистовъ я считаю необходимыми, какъ для болѣе торжественнаго богослуженія на языкѣ русскомъ и обезпеченія себя, присутствіемъ при мнѣ вѣрныхъ людей, такъ, главнымъ образомъ, и для болѣе сильнаго вліянія на прихожанъ.

Не смѣю утруждать моимъ письмомъ Его Высокопревосходительство Г. Министра, но, чувствуя въ глубинѣ моей души глубочайшую благодарность за болѣе, чѣмъ отцовское снисхожденіе и вниманіе ко мнѣ и къ моимъ слабымъ заслугамъ, я съ глубочайшимъ благоговѣніемъ осмѣливаюсь просить Ваше Пре-

---

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій», Деп Дух. Дѣлъ Иностр. Испов.

восходительство повергнуть передъ Г. Министромъ мою задушевную и безпредѣльную благодарность за перемѣщеніе меня въ Бобруйскъ, а равно и отъ глубины души происходящую просьбу о прощеніи мнѣ моихъ недостатковъ и принятіи меня напредь подъ свое отцовское покровительство и защиту, за что́, кромѣ рабской моей службы въ пользу дѣла, не перестану молить Всевышняго о ниспосланіи всѣхъ благъ.

Ваше Превосходительство! Я выѣзжаю изъ Минска морально трупомъ, ибо я оставляю здѣсь все, что для меня было дороже на свѣтѣ: здѣсь прахъ моихъ родителей; здѣсь устроена для меня могила; здѣсь мое созданіе, мое дѣтище, — мое училище, для спасенія котораго я погубилъ себя; здѣсь я затратилъ лучшія силы и время моей жизни, затратилъ столько энергіи, а, главное, здоровье; здѣсь моя душа и сердце, не говоря уже о финансовыхъ затратахъ, которыя явны. Поэтому воспрещеніе назначенія въ Бобруйскъ моихъ воспитанниковъ — органистовъ Глинскаго и Володзько равнялось-бы преслѣдованію, къ чему чувствую, что я не далъ повода.

Со слезами умоляю, Ваше Превосходительство, простите мнѣ мои недостатки и не оставляйте меня безъ своего покровительства и защиты, такъ какъ при серьезно разстроенномъ моемъ здоровьѣ и послѣ перенесенія столькихъ серьезныхъ непріятностей, я не чувствую въ себѣ болѣе столько энергіи и силы, дабы я выдержалъ борьбу съ Виленскими духовными властями, которыя, вѣроятно, не промедлятъ заявить мнѣ о своемъ существованіи!

Кромѣ сего, позволяю себѣ выразить мою надежду, что Правительство не допуститъ меня искать куска хлѣба у польской интеллигенціи. Ибо каноникъ Макаревичъ, имѣя капитала тысячъ 30-ть, легко могъ избѣгнуть этой необходимости. Я-же изъ 5000 пожертвовалъ 2000 на стипендію. Поэтому безъ пособія со стороны Правительства вынужденъ я буду или страдать, или состоять въ зависимости отъ прихожанъ. А, при слабомъ моемъ здоровьѣ, необходимы нѣкоторыя, хотя бы очень скромныя, выгоды.»

Письмо это, дышащее правдивостью, писанное кровью и слезами, не тронуло, однако, Мосолова. Не отвѣчая опальному ксендзу, онъ равнодушно и безжалостно, подшивая письмо его къ текущей перепискѣ, кладетъ на немъ резолюцію:

«Написать конфиденціально губернатору, что Сенчиковскій во многихъ письмахъ домогается увезти съ собою двухъ органистовъ; по сему и раздѣляя мнѣніе губернатора о необходимости скорѣйшаго выѣзда его изъ Минска, казалось-бы желательнымъ удовлетворить его желаніе.»

Въ такомъ духѣ и дѣлается сообщеніе Мосоловымъ (22 марта 1879 г.) *) Минскому губернатору Чарикову, который, затѣмъ, увѣдомляетъ Департаментъ Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій о томъ, что Глинскій и Володзько, по ходатайству Сенчиковскаго, назначены органистами при Бобруйскомъ костелѣ.

«Многихъ» писемъ Сенчиковскаго объ упоминаемыхъ органистахъ я не нашелъ въ дѣлахъ Департамента..

Но, неправда-ли, какой ужасный смыслъ таится въ резолюціи, письмѣ г. Мосолова?

Онъ подозрѣваетъ Сенчиковскаго въ противуестественныхъ сношеніяхъ съ органистами Володзько и Глинскимъ, и тѣхъ-же органистовъ сознательно отдаетъ, въ оффиціальной бумагѣ, за своей подписью, на жертву нездоровымъ прихотямъ развращеннаго, по его убѣжденію, холостого ксендза!!.

Эта логика становится прямо преступной, если еще разъ вспомнить, что для подобныхъ подозрѣній у Мосолова не было въ рукахъ ни одного факта, а только ходившія по Минску сплетни—слухи враговъ Сенчиковскаго, которые онъ, Мосоловъ, могъ признать, по его собственному заявленію, лишь «заслуживающими вниманія»...

Вскорѣ послѣ того, какъ Министерство Вн. Дѣлъ, въ бумагѣ на имя Сенчиковскаго, оффиціально подчеркнуло, что оно, въ виду его трудной дѣятельности по училищу органистовъ, «съ искреннимъ сожалѣніемъ» принимаетъ «прямодушный отказъ» его отъ недавно начатаго имъ «дѣла», а Сенчиковскій кланялся и благодарилъ Мосолова за то, что его не совсѣмъ прогнали со службы, а лишь убрали въ Бобруйскъ,—враги Сенчиковскаго, убѣдившись въ возможности приносить ему вредъ на почвѣ подозрѣній въ его извращенной нравственности, еще разъ попытались сыграть на этой стрункѣ въ душѣ высшей администраціи.

Вотъ, что сообщаетъ Л. С. Макову (18 мая 1879 г., за № 935) **) Главный Начальникъ 3-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи генералъ-адъютантъ А. Р. Дрентельнъ:

«Изъ переписки, производившейся въ 1872 году между 3-мъ отдѣленіемъ и Министерствомъ Вн. Дѣлъ, Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть причины нравственнаго свойства, по которымъ признавалось тогда необходимымъ устранить ксендза Сенчиковскаго отъ завѣдыванія каѳедральнымъ костеломъ въ г. Минскѣ.

Нынѣ, Начальникъ Минскаго губ. Жандармскаго управле-

---

*) Тамъ-же.

**) Тамъ-же

нія, представивъ въ 3-е отдѣленіе поступившее на его имя прошеніе дворянина Витольда Свищевскаго, по профессіи органиста (съ жалобою на кс. Сенчиковскаго, . состоящаго въ настоящее время настоятелемъ Бобруйскаго костела), доноситъ, что Свищевскій объявилъ ему, полковнику фонъ—Мерклину, *на словахъ*, что кс. Сенчиковскій, по совершеніи м . . . . а, всякій разъ приказывалъ мальчикамъ подчиненной ему школы органистовъ имѣть сношеніе съ нѣкой вдовою К . . . . , находившейся у него въ качествѣ швеи, или съ 18-лѣтней кухаркою, при чемъ онъ всегда самъ присутствовалъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ мальчиковъ заболѣли сыпнымъ сифилисомъ, какъ напримѣръ Вишневскій, котораго пользовалъ врачъ Шпаковскій, а также Густовскій, Курноза и другіе.—Свищевскій присовокупилъ, что Сенчиковскій продолжаетъ заниматься м . . . . . . ъ и съ тѣми, которые, окончивъ школу органистовъ, получили штатныя должности, какъ это было съ нимъ, Свищевскимъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, и что, по поводу общей блѣдности и болѣзненности воспитанниковъ школы органистовъ, пріѣзжалъ къ нимъ кто-то для провѣрки.

Сообщая о семъ Вашему Пре—ву и препровождая подлинное, по означенному дѣлу, прошеніе органиста Свищевскаго, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, почтить меня увѣдомленіемъ о томъ, какое Вы, по имѣющимся у Васъ свѣдѣніямъ о ксендзѣ Сенчиковскомъ, полагали-бы дать движеніе изложенной на него жалобѣ?»

Направляя, по принадлежности, письмо ген. Дрентельна (20 мая того-же года) *) къ Мосолову, Л. С. Маковъ кладетъ на немъ, съ понятнымъ отвращеніемъ, слѣдующую собственноручную резолюцію:

«Прилагаемыя бумаги до того скандальны и сальны по своему содержанію, что мнѣ не хотѣлось-бы дѣлать ихъ общеизвѣстными, а потому, до времени, прошу не передавать ихъ въ отдѣленіе.

Дальнѣйшее направленіе этого дѣла, по моему мнѣнію, должно заключаться въ слѣдующемъ:

1-е) препроводить ихъ (т. е. бумаги) Александру Николаевичу **) въ Минскъ, ко времени его пріѣзда въ этотъ городъ, съ просьбою собрать по этому дѣлу возможно болѣе подробныя свѣдѣнія, конечно, путемъ негласнымъ, для чего войти въ переговоры съ Нач. Минск. Губ. Жанд. Управленія, и, не принимая на мѣстѣ никакихъ мѣръ, о результатѣ передать мнѣ, по возвращеніи сюда.

---

*) Тамъ-же.

**) Мосолову.

2-е) Шефу жандармовъ отвѣтить, что, пользуясь пребываніемъ Дир. Деп. Дух. Дѣлъ въ Минскѣ, я поручилъ ему то и то, и что прошу Ш. Ж. предложить Нач. Мин. Жанд. Управл., если А. Н. обратится къ нему, оказать ему содѣйствіе и сообщить всѣ тѣ свѣдѣнія, какія по этому дѣлу въ управленіи имѣются. По возвращеніи директора я сообщу Ш. Ж. мое заключеніе о дальнѣйшемъ направленіи дѣла.»

Такъ какъ тѣхъ «свѣдѣній» о развратной жизни Сенчиковскаго по училищу органистовъ, которыхъ ждалъ Главный Начальникъ 3-го Отдѣленія, въ Министерствѣ Вн. Дѣлъ не оказалось, то Л. С. Маковъ и поручаетъ А. Н. Мосолову собрать ихъ на мѣстѣ, въ Минскѣ.

Подобное порученіе очевидно лишь совпало съ личными желаніями Директора Департамента, давно подчеркивавшаго эту отрицательную сторону натуры Сенчиковскаго.

И вотъ къ Макову поступаетъ отъ него, за его подписью, секретный докладъ такого содержанія *):

«Докладъ Директора Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій.» 13 іюня 1879 г.

По жалобѣ на р.-к. священника Сенчиковскаго, настоятеля Бобруйской церкви.

Согласно приказанію Вашего Превосходительства, въ недавнюю бытность мою въ Минскѣ, мною собраны были возможно полныя свѣдѣнія по прошенію бывшаго органиста Свищевскаго съ жалобою на р.-к. священника Сенчиковскаго, поступившему въ Министерство отъ г. Шефа Жандармовъ.

Вашему Превосходительству извѣстно, что Сенчиковскій былъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ главнымъ дѣятелемъ въ средѣ р.-к. духовенства Минской губерніи по введенію русскаго языка въ дополнительное богослуженіе. Разорвавши всякія связи съ поляками, онъ открыто заявилъ себя русскимъ католикомъ и, благодаря его въ этомъ дѣлѣ энергіи, за нимъ послѣдовало разновременно нѣсколько десятковъ р.-к. священниковъ, начавшихъ служить и отправлять требы по-русски, не взирая на упорное противодѣйствіе вліятельнѣйшей части польскаго общества. Сенчиковскій, хотя и не разборчиво, организовалъ цѣлый персоналъ священниковъ, перевелъ на русскій языкъ нѣсколько богослужебныхъ книгъ и, наконецъ, устроилъ, при содѣйствіи Правительства, училище р.-к. органистовъ, изъ котораго предполагалось выпускать закаленныхъ въ русскихъ чувствахъ молодыхъ людей, могущихъ быть опорою священникамъ и посредниками между ними и сельскимъ населеніемъ.

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов.

Такою усердною дѣятельностью Сенчиковскій, въ сравнительно короткое время, заслужилъ нѣсколько Высочайшихъ наградъ и особенное довѣріе со стороны правительственныхъ властей. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему возрастала и ненависть мѣстныхъ поляковъ. Но, выдвинувшись изъ неизвѣстности, Сенчиковскій потерялъ самообладаніе и таившіеся въ немъ пороки стали постепенно обрисовываться.

Его властолюбіе разогнало многихъ священниковъ, прежде усердствовавшихъ и позднѣе перешедшихъ во враждебный лагерь; страсть къ роскоши и мишурному блеску заставляла его вступать съ остальными въ неблаговидныя денежныя сдѣлки; но всего прискорбнѣе личныя его свойства отразились на основанномъ имъ училищѣ.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ стали распространяться слухи о безнравственной жизни Сенчиковскаго и о его отношеніяхъ къ воспитанникамъ училища; но такъ какъ въ то время про Сенчиковскаго въ изобиліи сочинялись разныя невѣроятныя и дѣйствительно никогда небывавшія вещи, то мѣстное начальство ограничивалось лишь болѣе тщательнымъ наблюденіемъ за состояніемъ училища и жизнью учениковъ.

Съ назначеніемъ, болѣе года тому назадъ, попечителемъ училища дѣйствительнаго статскаго совѣтника Павлова, имъ были обнаружены и постепенно устранены съ большимъ трудомъ многіе безпорядки. Впослѣдствіи, только съ устраненіемъ Сенчиковскаго, объяснилось, что этотъ священникъ, употреблявшій вообще самые дикіе педагогическіе пріемы и опасаясь упрековъ за развитіе въ ученикахъ замѣченнаго начальствомъ онанизма, придумалъ поощрять сношенія старшихъ учениковъ съ находившимися въ его услуженіи женщинами, отъ чего, впрочемъ,—по удостовѣренію врача, никакихъ непосредственно вредныхъ для ихъ здоровья послѣдствій не произошло.

Осенью минувшаго 1878 года, когда, по порученію бывшаго Министра, я ѣздилъ въ Минскую губернію для разбора разныхъ дѣлъ Сенчиковскаго и мѣстныхъ р.-к. священниковъ, я подробно осматривалъ училище и, по собраніи о немъ надлежащихъ свѣдѣній, пришелъ къ убѣжденію, что многіе изъ ходившихъ о безнравственности Сенчиковскаго слуховъ заслуживаютъ вниманія, вслѣдствіе чего тогда-же просилъ начальника губерніи и попечителя училища принять нѣкоторыя особенныя мѣры наблюденія.

Вскорѣ за тѣмъ, когда въ училищѣ обнаружились побѣги учениковъ и признаки неповиновенія, вполнѣ подтвердившіе вышеуказанныя сомнѣнія, Сенчиковскій, по распоряженію Вашего Превосходительства, былъ устраненъ отъ училища, лишенъ званія визитатора и удаленъ, въ видѣ ссылки, настоятелемъ въ Бобруйскъ.

Въ теченіи полугодія, протекшаго съ того времени, училище органистовъ, благодаря усиліямъ завѣдующихъ имъ лицъ, приведено въ отличный порядокъ и въ немъ водворилась надлежащая дисциплина; разбѣжавшіеся отъ самоуправства Сенчиковскаго надзиратели и ученики оказываются весьма скромными и стараются своимъ поведеніемъ и усердіемъ скорѣе загладить все прошлое. О Сенчиковскомъ прекратились всякіе грязные разсказы; лишенный всякаго значенія, онъ почти забытъ и тихо живетъ въ Бобруйскѣ, жалуясь на потрясенное здоровье.

При такомъ положеніи дѣла бывшій органистъ Свищевскій, удаленный за грязные проступки и ложные доносы изъ двухъ приходовъ и тщетно домогавшійся отъ Губернатора получить причитающееся ему жалованье, подалъ Начальнику Минскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія извѣстную жалобу на безнравственные съ нимъ и съ другими бывшими учениками школы органистовъ поступки Сенчиковскаго, прося подвергнуть его за это законной отвѣтственности.

Въ виду вышесказаннаго, въ настоящей жалобѣ Свищевскаго оказываются новыми развѣ только нѣкоторыя грязныя подробности. Мѣстное начальство — Губернаторъ, жандармскій штабъ-офицеръ и попечитель училища убѣждены, что Сенчиковскій дѣйствительно страдаетъ порокомъ, который ему приписывается, и что онъ былъ способенъ злоупотреблять своимъ положеніемъ и испорченностью нѣкоторыхъ изъ своихъ-же воспитанниковъ, преимущественно старѣйшихъ возрастомъ. Въ Департаментѣ имѣется на это косвенное указаніе въ одномъ изъ прошеній ко мнѣ Сенчиковскаго, въ коемъ онъ, по удаленіи изъ Минска, проситъ о назначеніи къ нему органистомъ своего главнаго любимца. Въ этомъ прошеніи сквозятъ такія страстныя чувства, въ значеніи которыхъ трудно сомнѣваться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается:

1) что Свищевскій не ребенокъ, а человѣкъ вполнѣ испорченный нравственно;

2) что молодые люди, на которыхъ онъ ссылается, ведутъ себя исправно и никакихъ претензій къ Сенчиковскому за прежнее время не имѣютъ;

3) что приписываемыхъ имъ болѣзней у нихъ не было:

4) что воспитанники училища, а тѣмъ болѣе уже выпущенные изъ него органисты, всегда имѣли полную возможность пожаловаться своевременно начальству, не опасаясь преслѣдованій Сенчиковскаго;

5) что самая подача жалобы Свищевскимъ объясняется не столько чьимъ-либо подговоромъ, сколько намѣреніемъ обратить на себя вниманіе и добиться чрезъ это отыскиваемыхъ имъ значительныхъ для него денегъ (около 100 рублей) и получить какое-нибудь мѣсто, какъ это удалось двумъ подобнымъ-же

негодяямъ, удаленнымъ за безчинства изъ органистовъ. Онъ подалъ мнѣ объ этомъ просьбу;

6) что преслѣдованіе нынѣ Сенчиковскаго, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, за недостаткомъ уликъ и свидѣтелей, не поведетъ ни къ какому практическому результату.

Кромѣ того о мѣрахъ, которыя могли-бы быть приняты относительно Сенчиковскаго въ административномъ порядкѣ, я имѣлъ подробныя объясненія съ Губернаторомъ и съ Начальникомъ Жандармскаго Управленія и оба они находятъ, что заточеніе въ монастырь, какъ это иногда практикуется,—при настоящихъ обстоятельствахъ, было-бы несвоевременно, такъ-какъ безполезно привлекло-бы вниманіе къ скандалу, уже забытому, и отдало-бы Сенчиковскаго въ руки его заклятыхъ политическихъ враговъ.

Жалоба Свищевскаго не получила до сего времени никакой огласки. Сенчиковскій даже не подозрѣваетъ ея существованія, а потому и принятіе противъ него, послѣ постигшаго уже его наказанія, новой болѣе сильной мѣры за такіе проступки, о коихъ въ прежнее время много было толковъ, могло-бы показаться нынѣ ничѣмъ невызываемою строгостью.

Это послужило-бы только торжествомъ для мѣстныхъ поляковъ, весьма снисходительныхъ къ безнравственой жизни другихъ ксендзовъ, отличающихся преданностью полонизму.

Что-же касается поступка Свищевскаго, прибѣгнувшаго къ такому позорному средству для поправленія своего положенія, то Губернаторъ и Полковникъ Мерклинъ полагаютъ необходимымъ, чтобы образумить эту безнравственную личность и удалить его отъ вреднаго вліянія на своихъ прежнихъ сотоварищей, воспретить ему временно пребываніе въ предѣлахъ Минской губерніи.

Въ этомъ смыслѣ Начальникъ Жандармскаго Управленія намѣренъ былъ сдѣлать представленіе своему начальству.

Съ своей стороны, я просилъ Губернатора войти съ представленіемъ въ Министерство объ удовлетвореніи Свищевскаго деньгами и объ увольненіи Сенчиковскаго въ отпускъ для леченія минеральными водами, если онъ возобновитъ объ этомъ ходатайство.

Докладывая о вышеизложенномъ, считаю долгомъ выразить мнѣніе, что *по бездоказательности взводимыхъ на ксендза Сенчиковскаго обвиненій, за истеченіемъ, по удаленіи его изъ Минска, значительнаго времени, и въ виду имѣющихся свѣдѣній о личности бывшаго органиста Свищевскаго,* жалобѣ его на Сенчиковскаго не надлежало-бы давать никакого дальнѣйшаго движенія.»

Остановимся, по необходимости, нѣсколько дольше на этомъ интересномъ документѣ, подавивъ въ себѣ чувство невольной брезгливости.....

Все, сообщенное Свищевскимъ, по собственному признанію г. Мосолова, оказалось и на этотъ разъ, какъ и другіе, подобнаго-же рода, «многочисленные» доносы на Сенчиковскаго, сплошной клеветою.

Но Сенчиковскому, однако, не дается возможности привлечь гнуснаго клеветника къ отвѣту за его жалобу, а его несомнѣнныхъ, закулисныхъ вдохновителей, — за подстрекательство: все дознаніе держится г. Мосоловымъ въ такомъ секретѣ, что Сенчиковскій «даже не подозрѣваетъ существованія» самой жалобы Свищевскаго.

Въ былыя, сравнительно еще недавнія, времена, по аналогичнымъ жалобамъ—доносамъ, какъ мы видѣли, немедленно-же производились строжайшія дознанія и слѣдствія— конечно, къ торжеству правды и Сенчиковскаго, а въ то-же время, и къ посрамленію прячущейся за спинами доносчиковъ польско-іезуитской пропаганды...

А теперь А. Н. Мосоловъ рекомендуетъ Министерству таинственное молчаніе, такъ какъ, видите-ли, по его логикѣ, «преслѣдованіе, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, *за недостаточностью уликъ и свидѣтелей*, не поведетъ ни къ какому практическому результату...»

Еще-бы могъ быть «результатъ», да еще «практическій», если нѣтъ «ни свидѣтелей, ни уликъ», т. е. ровно никакихъ данныхъ!!...

Обобщеніе, въ данномъ докладѣ, тоже произвольно: извѣстны хорошо многочисленные, аналогичные процессы, гдѣ преступники, обвинявшіеся въ томъ-же, въ чемъ подозрѣвалъ г. Мосоловъ Сенчиковскаго, были и уличены, и наказаны по закону...

Затѣмъ... Вѣдь прошло $^1/_2$ года, т. е. достаточный срокъ, со времени отъѣзда Сенчиковскаго изъ Минска.

«Лишенный всякаго значенія», не безъ злорадства отмѣчаетъ г. Мосоловъ въ докладѣ: «Онъ почти забытъ и тихо живетъ въ Бобруйскѣ.»

Значитъ, бояться его уже некому и нечего. И будь на лицо улики (т. е. факты) и свидѣтели, то развѣ не позаботилась-бы добыть ихъ, къ услугамъ вліятельнаго ревизора, польско-іезуитская пропаганда, выдвинувшая Свищевскаго съ его доносомъ?!...

Но тогда, на чемъ-же основано «убѣжденіе» его, Мосолова, и почтенныхъ представителей Минской губернской администраціи?—Не на тѣхъ-же-ли неизвѣстно отъ кого исходящихъ, кочующихъ по Минску, грязныхъ «слухахъ», которые, по мнѣнію

самого Мосолова, хотя и бездоказательны, но, въ то-же время, «заслуживаютъ вниманія...»

А, между тѣмъ, чего-чего только нѣтъ въ его знаменитомъ «докладѣ»!!... Въ немъ даже есть фразы въ защиту Сенчиковскаго, точно тотъ и въ самомъ дѣлѣ въ чемъ-то уличенъ, нуждается въ какомъ-то обѣлѣніи!!... Тамъ говорится о безнравственныхъ дѣяніяхъ, могущихъ повлечь за собою заключеніе въ монастырь, какъ наказаніе, практикующееся иногда «при настоящихъ обстоятельствахъ», тогда какъ ранѣе сказано, что ничего недоказано, т. е. никакихъ «настоящихъ обстоятельствъ», значитъ, на лицо не имѣется...

Г. Мосоловъ, хорошо знакомый съ дѣлами Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій, съ прошлымъ каноника Сенчиковскаго, признается въ докладѣ Л. С. Макову (т. е. лицу, тоже хорошо знакомому съ біографіей обвиняемаго), что на почвѣ извращенной нравственности и ранѣе этой жалобы Свищевскаго врагами Сенчиковскаго, про него «въ изобиліи сочинялись разныя *невѣроятныя и дѣйствительно никогда небывавшія вещи*».

Запомнимъ это авторитетное признаніе виднаго представителя Мин. Вн. Дѣлъ, хотя-бы—для будущихъ главъ настоящей біографіи!

Но, казалось-бы, уже одинъ такой выводъ о качествѣ цѣлой серіи дѣлъ, возникавшихъ противъ всѣми ненавидимаго, польско-іезуитской пропагандою травимаго, преданнаго Россіи и ея Правительству, р.-к. священника, долженъ-бы былъ заставить г. Мосолова, какъ прокурора, относиться еще болѣе осторожно къ заявленію какого то проходимца, не случайно-же совпавшему со временемъ, когда по оффиціальному заявленію губернатора Чарикова стала особенно усиливаться агитація враговъ введенія русскаго языка въ дополнительное богослуженіе противъ этой мѣры и главнаго его дѣятеля, Сенчиковскаго. .

А г. Мосоловъ пишетъ, что огласка настоящаго дѣла послужила-бы только «торжествомъ для мѣстныхъ поляковъ», и что въ просьбѣ Сенчиковскаго объ оставленіи при немъ и въ Бобруйскѣ двухъ органистовъ Володьки и Глинскаго сквозятъ такія страстныя чувства, въ значеніи которыхъ трудно сомнѣваться».

Ничего нѣтъ доказаннаго, по собственному признанію г. Мосолова, въ дѣлѣ, обслѣдованномъ имъ тщательно, на мѣстѣ, въ Минскѣ, при услугахъ и содѣйствіи мѣстной администраціи. «Развѣ только нѣкоторыя грязныя подробности», спѣшитъ, однако, добавить онъ-же. Но «подробности», по здравой логикѣ, могутъ вѣдь относиться лишь къ чему-либо, уже прочно-установленному, къ факту. А подобнаго факта на лицо нѣтъ...

Весь «докладъ» построенъ на подобныхъ логическихъ абсурдахъ—съ начала до конца.

И тѣмъ не менѣе, обвинитель—г. Мосоловъ, въ негласномъ, тайномъ судилищѣ своей совѣсти, куда не только не былъ вызванъ обвиняемый, но гдѣ даже не имѣлось его показанія, при отсутствіи уликъ, при явной недобросовѣстности доносчика и наличности закулисной интриги, поддерживаетъ свое обвиненіе—и въ результатѣ—обвинительный приговоръ, а, затѣмъ, какъ его прямое слѣдствіе, унизительное, тяжкое наказаніе для невинно-осужденнаго!...

Это-ли не ужасъ!?...

Мы нарочно привели выше то самое письмо каноника Сенчиковскаго къ А. Н. Мосолову (отъ 10 марта), на содержаніе котораго ссылается послѣдній въ докладѣ.

Перечтите его даже съ предубѣжденіемъ еще разъ, сравнивъ съ текстомъ доклада!

Право, только испорченное, загрязненное воображеніе петербуржца могло придать этому документу тѣ скрытныя, нечистыя побужденія, которыми, будто-бы, руководился, въ своей просьбѣ, Сенчиковскій!...

Фу, какая мерзость!!

Напомнимъ читателю, что Глинскій—это тотъ самый, родной племянникъ каноника Сенчиковскаго, ребенокъ, котораго онъ опекаетъ, нѣкогда вырвавъ насильственно изъ Минскаго холернаго барака, чѣмъ и спасъ отъ смерти. За это Глинскій отблагодарилъ покойнаго тридцатью семью годами самоотверженной преданности ему при всѣхъ случайностяхъ и капризахъ судьбы. Онъ живъ и теперь; самъ можетъ дать отпоръ грязному обвиненію, явиться свидѣтелемъ; привести факты...

А Володзько...

Относительно Володзьки мнѣ, при ознакомленіи въ Департаментѣ Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій съ дѣломъ объ органистахъ (№ 265), случайно попался любопытный портретъ этого «амура», которымъ могъ, по предположенію г. Мосолова, прельститься каноникъ Сенчиковскій,—этотъ человѣкъ, по печатнымъ увѣреніямъ польско-іезуитской пропаганды, любившій пожить, имѣвшій къ тому средства и знавшій толкъ въ красотѣ,—при томъ портретъ, почти современный клеветническому заявленію Свищевскаго, и докладу Мосолова, написанный казенной кистью безпристрастнаго чиновника—врача...

Я говорю про имѣющееся въ упомянутомъ дѣлѣ свидѣтельство (отъ 15 октября 1880 г., за № 25) Губернскаго Врачебнаго Инспектора, выданное—на предметъ отправки органиста Володзьки въ спеціальное врачебное заведеніе, какъ одержимаго застарѣлымъ недугомъ.

Вотъ—описаніе «амура» Володзьки: «23 года. Выше средняго роста. Слабаго тѣлосложенія. Жалуется на боли въ правой ногѣ во время ходьбы, на общую слабость, на боль въ поясни-

цѣ.—При изслѣдованіи оказалось: правая нога меньше въ объемѣ и на 4 сант. короче, чѣмъ лѣвая; при пассивномъ движеніи больной ощущаетъ довольно сильную боль. Въ поясничной области, съ правой стороны, параллельно верхнему краю подвздошной кости, находится рубецъ, оставшійся послѣ разрѣза, сдѣланнаго больному въ 1877 году. Съ правой стороны этого рубца находится фистулезное отверстіе, изъ котораго постоянно сочится жидкій, смѣшанный съ кровью, гной. Больной одержимъ костоѣдою правой подвздошной кости. Нужна операція».

Не правда ли, соблазнительная наружность?!..

Изъ позднѣйшихъ писемъ того-же Володзьки къ Сенчиковскому, когда послѣдній уѣхалъ изъ Минска и жизнь ихъ навсегда разлучила, видно, чѣмъ, въ сущности, былъ для бѣднаго, нищаго, больного юноши покойный каноникъ и на какихъ чистыхъ, отеческо—сыновнихъ, христіанскихъ основахъ, зиждились ихъ взаимныя, многолѣтнія отношенія...

Но г. Мосоловъ не поцеремонился опозорить этотъ алтарь непорочнаго чувства!.

Прости, Господи, ему прегрѣшенія его, вольныя и невольныя!...

Я могъ бы, конечно откинуть докладъ» А. Н. Мосолова, при выборѣ документовъ, нужныхъ мнѣ для освѣщенія крестнаго пути каноника Сенчиковскаго, и о немъ, вѣроятно, долго никто даже и не подозрѣвалъ бы.

И, если я оглашаю этотъ оригинальный «человѣческій документъ», то не ради осужденія г. Мосолова (Богъ ему, покойному, судья!), а потому, что Сенчиковскій, передавъ мнѣ свой личный архивъ, какъ я уже о томъ упоминалъ неоднократно, завѣщалъ написать о немъ правду, и только одну правду, когда его не станетъ.

Это я и дѣлаю, по возможности безпристрастно.

Правда-же не боится свѣта, а, напротивъ, жаждетъ его. .

Не боится этого свѣта и мученическая тѣнь Сенчиковскаго...

Получивъ упоминаемый «докладъ» Мосолова, статсъ-секретарь Маковъ, въ тотъ-же день (13 іюня 1879 г., за № 71) *) спѣшитъ сообщить его генералу Дрентельну, которому пишетъ:

«Въ послѣдствіи отношенія моего отъ 22 мая № 66, по жалобѣ б. органиста дворянина Свищевскаго на р.-к. священника Сенчиковскаго, состоящаго нынѣ настоятелемъ Бобруйской церкви, препровождая при семъ докладъ по этому дѣлу возвратившагося изъ Минска Директора Департ. Дух. Дѣлъ Ин. Испов., имѣю честь увѣдомить, Ваше Высокопре—во, что,

*) Дѣло № 63 „Свящ. Сенчиковскій“ Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій.

по разсмотрѣніи настоящаго дѣла и за принятыми относительно Сенчиковскаго отъ недавняго времени мѣрами, я полагалъ-бы жалобу Свищевскаго, какъ *бездоказательную и несвоевременную,* оставить безъ послѣдствій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду *позорныхъ побужденій, руководившихъ имъ при ея подачѣ* и для вразумленія этого *испорченнаго молодого человѣка и его товарищей,* я находилъ-бы полезнымъ воспретить Свищевскому временно, въ теченіи двухъ лѣтъ, жительство въ Минской губерніи.»

Ген. Дрентельну была препровождена и самая «справка» о бывшемъ органистѣ Свищевскомъ, въ которой нарисованъ типичный портретъ послѣдняго:

«По распоряженію б. визитатора Сенчиковскаго, окончившій курсъ въ Минской школѣ органистовъ дворянинъ Витольдъ Свищевскій, 4 окт. 1878 года, назначенъ былъ органистомъ Логойскаго костела и на этой должности пробылъ до 1 янв. 1879 г. Нѣкоторое время послѣ сего онъ проживалъ при школѣ органистовъ, а засимъ 15 янв. скрылся. Явившись къ Сенчиковскому, онъ былъ назначенъ 5 февр. органистомъ Глусскаго костела, откуда 15-го апрѣля скрылся и прибылъ въ Минскъ. Такимъ образомъ Свищевскій на службѣ всего состоялъ 5 мѣсяцевъ и 10 дней, за что, если онъ будетъ признанъ достойнымъ получить добавочное содержаніе, ему слѣдуетъ выдать при разсчетѣ изъ 180 р. въ годъ, 80 руб. Что касается до исполненія Свищевскимъ служебныхъ обязанностей въ Логойскомъ и Глусскомъ костелахъ, то онъ въ этомъ отношеніи на столько дурно себя рекомендовалъ, что настоятели обоихъ костеловъ, письменнымъ заявленіямъ которыхъ нельзя не давать вѣры, съ первыхъ-же почти дней поступленія его на службу, заявляли, что онъ можетъ приносить только вредъ, но не пользу дѣлу, которому обязанъ служить, при чемъ настоятель Глусскаго костела кс. Гедройцъ (мѣсто послѣдняго служенія Свищевскаго), человѣкъ престарѣлый, на первыхъ порахъ старавшійся доставить ему возможныя удобства жизни, объявилъ, что если Свищевскій будетъ оставленъ на должности, то онъ ходатайствуетъ о причисленіи его, Гедройца, къ инвалидамъ, ибо службы со Свищевскимъ онъ выносить не можетъ. Неблаговидные поступки Свищевскаго, вызвавшіе такіе неблагопріятные для него отзывы его прямыхъ начальниковъ, состояли въ постоянно нетрезвой жизни, въ непомѣрныхъ требованіяхъ съ прихожанъ и въ желаніи выставить себя человѣкомъ, могущимъ своимъ словомъ или доносомъ вредно повліять на участь настоятеля. Кромѣ сего, Свищевскій, при его неумѣренной жизни, относился совершенно небрежно къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей.»

Ознакомившись, однако, съ приложеніями, Дрентельнъ (23 іюня того-же года, № 1212) *), незнающій ни прошлаго каноника Сенчиковскаго, ни его исключительнаго, боевого положенія въ Бѣлоруссіи, ни роли въ жизни его польско-іезуитской пропаганды, отвѣчаетъ Макову:

«По изложеннымъ въ томъ докладѣ обстоятельствамъ, я вполнѣ раздѣляю Ваше мнѣніе объ оставленіи настоящаго дѣла о Сенчиковскомъ безъ послѣдствій; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду таковаго къ нему снисхожденія, по моему мнѣнію, несправедливо было-бы строго относиться и къ Свищевскому и потому я полагалъ-бы, что и въ отношеніи сего послѣдняго слѣдовало-бы оставить дѣло также безъ послѣдствій.»

Дѣло было, конечно, прекращено полностью....

Такимъ образомъ доносчикъ Свищевскій, столь своевременно и удачно подсунутый Правительству польско-іезуитской пропагандою, избѣгнулъ всякой отвѣтственности.... А Сенчиковскій былъ лишь... прощенъ!!...

Скоро обстоятельства послали Сенчиковскому, на служебно-житейскомъ пути его, еще одного вліятельнаго врага, который, въ бытность покойнаго въ Бобруйскѣ, окончательно уничтожилъ политическо-религіозную карьеру его въ Бѣлоруссіи...

Мы говоримъ о новомъ Минскомъ губернаторѣ Александрѣ Ивановичѣ Петровѣ, въ 1879 году смѣнившемъ ушедшаго со службы В. И. Чарикова. **)

Такъ какъ каноникъ Сенчиковскій, даже будучи ошельмованъ и сосланъ въ Бобруйскъ, не могъ забыть ни заслугъ своихъ русскому государству, самимъ государствомъ оффиціально признанныхъ, ни долга вѣрноподданнаго, ни коренныхъ задачъ по располяченію католицизма, и въ изгнаніи оставаясь тѣмъ-же безпокойнымъ «Сенчиковскимъ», какимъ мы видѣли его въ предыдущихъ главахъ настоящей книги, со всѣми его недостатками и положительными качествами, то онъ, понятно, не могъ, по увѣренію его, мнѣ неоднократно дѣлаемому въ пись-

---

*) Тамъ-же.

**) Служа въ 1863 году въ л.-гв. стрѣлковой батареѣ Импер. Фамиліи и участвуя въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ (за что получилъ орденъ св. Анны 2 ст. съ мечами и бантомъ), Петровъ, будучи нѣсколько лѣтъ подрядъ комиссаромъ въ разныхъ губерніяхъ Царства Польскаго, а затѣмъ Сѣдлецкимъ вице-губернаторомъ, въ 1879 г. назначается Минскимъ губернаторомъ, гдѣ и остается до 1886 года, когда получаетъ назначеніе Харьковскаго губернатора, а затѣмъ (съ 1895 г.) помощника Варшавскаго генералъ-губернатора, и въ 1897 году переходитъ въ Сенатъ. Состоялъ почетнымъ гражданиномъ г. Минска. Умеръ-ли и когда—намъ неизвѣстно.

махъ изъ Омска, ужиться мирно и съ тѣмъ новымъ типомъ полякующаго губернатора, который представлялъ изъ себя, на почвѣ бѣлорусской дѣйствительности, г. Петровъ.

Вотъ какъ самъ Сенчиковскій объясняетъ причины нерасположенія къ нему Петрова, въ особой замѣткѣ, озаглавленной «Для памяти. Алекс. Ив. Петровъ.» *)

«Минскій губернаторъ Валерій Ивановичъ Чариковъ», пишетъ Сенчиковскій: «получивъ орденъ Бѣлаго Орла, былъ уволенъ въ отставку. На должность Минскаго губернатора назначили А. И. Петрова. Онъ служилъ въ Варшавѣ и, благодаря дружбѣ съ Пенхоржевскимъ, ярымъ фанатикомъ—полякомъ, женатымъ на близкой родственницѣ Льва Саввича Макова, б. Министра, изъ Варшавы пріѣхалъ въ Минскъ.

Первое, чѣмъ ознаменовалось вступленіе въ должность губернатора, было то, что Петровъ привезъ съ собою изъ Варшавы всю прислугу: кучеръ, лакей, горничная и поваръ были всѣ ярые поляки. Такъ, что въ домѣ губернаторскомъ всѣ безъ исключенія говорили только по-польски. Петровъ съ женою, полькою, не стѣсняясь, говорилъ по-польски. Какъ курьезъ замѣчу: ѣдетъ губернаторъ и его кучеръ кричитъ на прохожихъ «Zmykay!» «Uciekay!» («Сторонись!» «Уходи!»), а тутъ-же ѣдетъ полиційместеръ и его кучеръ кричитъ «берегись!»—Случилось, что я былъ у губернатора съ нѣсколькими ксендзами въ одно время: собственно я оффиціально, какъ деканъ (благочинный) представлялъ въ Бобруйскѣ подвѣдомственное мнѣ духовенство. Тутъ-же были, кромѣ губернаторскаго чиновника, исправникъ и полиційместеръ, а также много публики, даже евреевъ. Вышелъ губернаторъ. Подходитъ ко мнѣ и говоритъ по-русски: «Мнѣ о васъ говорили въ Министерствѣ. Слѣдовательно я съ вами знакомъ. Представьте мнѣ вашихъ ксендзовъ!» Представляю. И что же?—Губернаторъ со мною говоритъ по-русски, а съ ксендзами по-польски!—Это поразило не только присутствующихъ, но, главнымъ образомъ, ксендзовъ, которые съ 1869 года постоянно говорили, даже съ прихожанами, на языкѣ русскомъ, ибо эти ксендзы выдали подписку—употреблять только латинскій и русскій языкъ даже въ церквахъ, при богослуженіи, и русскій языкъ въ церквахъ, при которыхъ они состояли настоятелями, Высочайше былъ утвержденъ. И вдругъ губернаторъ публично, на оффиціальномъ представленіи, говоритъ съ ними по-польски!... Послѣ этого ксендзы и не думали уже употреблять языкъ русскій и, хотя я объ

---

*) Бумаги С., хранящіяся у А. В. Ж—ча. Въ нихъ есть и другой варіантъ тѣхъ-же воспоминаній о А. И. Петровѣ; но мы его пропускаемъ, чтобы не повторяться.

этомъ доносилъ губернатору и даже министру, графу Игнатьеву, но на мои донесенія не только не обращено было вниманіе, но губернаторъ, на мои письма, отвѣтилъ мнѣ, что я отвѣчаю въ этомъ вопросѣ только за себя лично. И это послѣ того, какъ за употребленіе языка польскаго и за отказъ—употреблять языкъ русскій ксендзовъ штрафовали, перемѣщали въ монастыри и даже высылали въ Сибирь!—Послѣ того, когда ксендзы уже привыкли къ русскому языку и добросовѣстно употребляли его при богослуженіи въ 32-хъ католическихъ церквахъ Минской губерніи, когда я, по Высочайшему повелѣнію, въ качествѣ визитатора и помощника управляющаго епархіей, былъ поставленъ на стражѣ русскаго дѣла, со времени такой публичной демонстраціи, сдѣланной русскимъ (по фамиліи) губернаторомъ Бѣлорусской губерніи, начались на меня гоненія и уничтоженіе уже развившагося, и отчасти упрочившагося русскаго дѣла въ католицизмѣ въ Минской губерніи.

Послѣ представленія мною духовенства, часа черезъ два, Петровъ заѣхалъ ко мнѣ на квартиру. Я воспользовался случаемъ и похвалилъ его за хорошее произношеніе и знаніе польскаго языка. Тогда Петровъ, съ жаромъ, началъ мнѣ доказывать, что обрусеніе католицизма—трудное дѣло, и потому нужно дѣйствовать очень осторожно, медленно, а, главное, не навязывая упрямо языка русскаго; нужно мириться съ обстоятельствами, и этимъ поляки будутъ доведены до того, что сами будутъ желать замѣны языка польскаго русскимъ. На это я сказалъ, что еще въ разгаръ мятежа я произносилъ поученія для простого народа на Бѣлорусскомъ нарѣчіи, затѣмъ, съ 1867 года, я уже говорилъ мои проповѣди и поученія на языкѣ русскомъ, и въ настоящее время (этотъ разговоръ былъ, кажется, въ 1879 или въ 1880 году) языкъ русскій настолько привился въ католическихъ храмахъ при богослуженіи и въ разговорахъ ксендзовъ съ прихожанами, что я не считаю возможнымъ, а, напротивъ, нахожу вреднымъ для русскаго дѣла—слѣдовать его, губернатора, совѣту, или подражать его примѣру, такъ какъ изъ разговора съ ксендзами на языкѣ польскомъ въ оффиціальныхъ случаяхъ выйдетъ то, что ксендзы захотятъ употреблять языкъ польскій въ тѣхъ костелахъ, въ которыхъ уже употребляется языкъ русскій и гдѣ этотъ языкъ уже Высочайше утвержденъ Государемъ. Что-же касается до того, что поляки образумятся и сами пожелаютъ, чтобы употреблялся языкъ русскій вмѣсто польскаго, то этого никогда не будетъ, ибо поляки скорѣе насъ, русскихъ, заставятъ говорить по-польски и сдѣлаться поляками, чѣмъ сами хотя-бы на волосъ измѣнятъ свою политику. Да на что полякамъ и заботиться о превращеніи русскихъ въ поляковъ, когда сами русскіе почему-то заискиваютъ передъ ними, поляками, и стараются сдѣ-

латься всѣмъ, чѣмъ угодно, особенно-же поляками, только чтобы не быть русскими!?... А по моему, русскій, особенно чиновникъ, ополяченный или полякующій, вреднѣе для русскаго дѣла, чѣмъ сами поляки.—Пока я это говорилъ, Петровъ видимо мѣнялся въ лицѣ, наконецъ сказалъ: «Вы очень рѣзко выражаетесь и вообще излишне горячо взялись за это дѣло! Это можетъ послужить поводомъ къ тому, что васъ могутъ выслать куда-либо, въ отдаленныя мѣста!»—То были буквальныя слова Петрова. На это я отвѣтилъ: «Эхъ, Ваше Превосходительство! Если я не боялся во время мятежа и сейчасъ послѣ онаго одинъ, среди тысячъ поляковъ, въ костелахъ, произносить на русскомъ языкѣ проповѣди, то ссылка въ русскія губерніи меня не испугаетъ!!... Но мнѣ думается, что если найдется кто либо такой, который меня, за мою преданность русскому дѣлу, сошлетъ въ отдаленныя губерніи, то, я увѣренъ, что черезъ годъ, самое бо́льшее, онъ тоже пріѣдетъ туда же, чтобы замѣнить меня!»—Это до такой степени поразило Петрова, что онъ тутъ-же всталъ, холодно попрощался со мною и уѣхалъ.

Съ этого времени Петровъ началъ меня преслѣдовать.

Началось съ того, что онъ назначилъ ко мнѣ органистомъ изъ основаннаго мною Минскаго училища органистовъ Франца Розынку, который мною былъ принятъ въ училище сиротою, крестьянскимъ мальчикомъ, скромнымъ, спокойнымъ и съ честнымъ характеромъ. И вдругъ онъ сталъ игнорировать мои распоряженія и до того сдѣлался грубымъ и неисполнительнымъ, что всѣ дни и ночи проводилъ въ городѣ, а мною совершенно пренебрегалъ. Наконецъ, въ большой праздникъ, на колокольнѣ, онъ началъ раскачивать большой колоколъ такъ, чтобы на веревкѣ ему можно было подняться и качаться, какъ на качеляхъ: колоколъ оборвался и ударилъ Розынку, но, къ счастью, слегка, только ушибъ его. Тогда я написалъ губернатору Петрову о томъ, что Розынку болѣе держать я не могу и, за дурное поведеніе, удаляю. Такъ всегда бывало, ибо органистъ всецѣло зависитъ отъ настоятеля; я-же, какъ деканъ, имѣлъ право удалять органистовъ вообще въ моемъ деканатѣ, а не только у себя. Но Петровъ оффиціально приказалъ мнѣ держать этого самаго органиста съ угрозою, что, если органистъ Розынка будетъ на меня жаловаться, то я буду оштрафованъ 50-ю рублями въ пользу Розынки.»*)

Что сказать о частной, такъ сказать, внѣ-костельной жизни Сенчиковскаго въ Минскѣ?—

Тяготѣніе къ Православію, политическая дѣятельность, необходимость искать защиты и поддержки противъ безчисленныхъ,

*) Тутъ обрывается рукопись, написанная рукою кан. Сенчиковскаго.

тайныхъ и явныхъ враговъ у представителей администраціи, устраивали сношенія покойнаго такъ, что близкими людьми его, какъ въ Минскѣ, такъ и всюду, гдѣ потомъ ни кочевалъ онъ по Россіи, были мѣстные архіереи, жандармы и чиновники, начиная съ губернаторовъ....

Жилъ Сенчиковскій въ Минскѣ, у костела, на Золотой Горкѣ, довольно открыто, не стѣсняясь въ средствахъ, держалъ пару лошадей (перевезенныхъ потомъ и въ Бобруйскъ), любилъ принять, угостить. У крыльца его дома можно было часто видѣть карету Минскаго владыки, коляску губернатора, дрожки полиціймейстера.

Особенно сошелся онъ близко съ преосвященнымъ Александромъ (въ послѣдствіи—архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ)—человѣкомъ высокихъ душевныхъ качествъ, всюду оставившимъ по себѣ самыя свѣтлыя, отрадныя воспоминанія, который открыто дарилъ его, Сенчиковскаго, дружескими отношеніями. У преосвященнаго нерѣдко гостилъ онъ, затѣмъ, на дачѣ въ Триноплѣ, подъ Вильной, когда того перевели на Литовскую каѳедру.

Недавно, въ то время, когда составлялась мною настоящая книга, мнѣ былъ присланъ № 1043 газеты «Минское Слово» (отъ 15 іюля с. года), въ которомъ кто-то, подписавшійся «Гр. К—ій»), изъ Нѣжина, сообщаетъ свои личныя воспоминанія о Сенчиковскомъ, коснувшись, какъ очевидецъ, и пребыванія послѣдняго въ Минскѣ.

Воспоминанія эти, въ общемъ, грѣшатъ многими фактическими неточностями и ошибками, почему мы ихъ цѣликомъ и не приводимъ. Но впечатлѣнія, вынесенныя изъ встрѣчъ съ Сенчиковскимъ, интересны.

Авторъ пріѣхалъ въ Минскъ, въ ноябрѣ 1867 г., т. е. въ самый разгаръ политической дѣятельности покойнаго каноника, на должность инспектора народныхъ училищъ, обласканный попечителемъ Вил. уч. округа, И. П. Корниловымъ, и скоро убѣдился въ томъ, что дѣйствительно Минская дирекція нар. училищъ, по составу и настроенію своему, являлась русскимъ «миссіонерскимъ учрежденіемъ» въ Бѣлоруссіи.

Скоро онъ встрѣтился и съ Сенчиковскимъ

Вотъ что онъ о немъ разсказываетъ:

«Послѣ праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, инспектора́ разъѣзжались по губерніи, для ревизіи и руководства народныхъ училищъ, и возвращались въ Минскъ къ святкамъ, привозя съ собою массу впечатлѣній; разсказамъ не было конца. Однажды въ дирекціи былъ такой разговоръ. Въ мѣстечкѣ, Игуменскаго уѣзда, *Блонь,* младшій ксендзъ, *о. Фердинандъ Сенчиковскій,* отслуживъ въ мѣстномъ костелѣ молебствіе о здравіи Государя Императора, произнесъ проповѣдь на русскомъ

языкѣ. Толпа богомольцевъ ничѣмъ не выразила протеста противъ этого новшества и молилась. Паны и ксендзы всей той округи были до того поражены, до того озлобились, что̀ и передать трудно. Подобно бомбѣ разорвавшейся былъ поступокъ о. Фердинанда. Пошли, какъ водится, слухи и сплетни, одни чудовищнѣе другихъ. Однажды совершенно неожиданно о. Фердинандъ пришелъ къ намъ, въ дирекцію. Всѣ служащіе тамъ были въ сборѣ и приняли его самымъ любезнымъ образомъ. Онъ вынулъ изъ бокового кармана своей сутаны небольшую книжку и показалъ ее намъ. То было Евангеліе на русскомъ языкѣ, присланное ему въ подарокъ, съ надписью отъ *М. Н. Каткова,* тогдашняго редактора «Московскихъ Вѣдомостей». Ушелъ отъ насъ о. Фердинандъ такой жизнерадостный и довольный нашимъ пріемомъ.

Послѣ «польскаго» мятежа на русско-литовской окраинѣ, Минская католическая епархія, по малочисленности прихода, была присоединена къ Виленской, и тамошняя консисторія, говорили тогда, относилась непріязненно къ о. Фердинанду. Русская администрація поддерживала его, и скоро онъ былъ назначенъ настоятелемъ кладбищенскаго костела въ губ. городъ Минскъ, на «Золотую Горку». Нужно сказать кстати при этомъ, что кладбище-то было прежде уніатскимъ, а еще прежде, вѣроятно, православнымъ, потому что уцѣлѣвшій тогда деревянный тамъ храмъ былъ построенъ, по общему плану православныхъ храмовъ, съ алтарною частью, обращенною *на востокъ.* А новый каменный тамъ костелъ уже построенъ по общему плану костеловъ.

Полякующая часть общества г. Минска относилась къ о. Фердинанду пассивно. Какъ-же онъ поставилъ себя въ Минскѣ?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ. Онъ поставилъ себя подобно нынѣшнимъ маріавитамъ: къ православнымъ относился безъ всякаго фанатизма и открыто примкнулъ къ русскимъ людямъ. Это не была измѣна своему сословію и своей религіи; это былъ открытый протестъ противъ польскихъ тенденцій въ С.-З. краѣ. Совершая неупустительно всѣ службы въ Золотогорскомъ костелѣ, онъ успѣвалъ пріѣзжать оттуда въ православный каѳедральный соборъ, на архіерейскую службу, и выстаивалъ ее въ алтарѣ. Въ ту пору въ Минской Духовной православной Семинаріи былъ инспекторомъ архимандритъ Анастасій (Опоцкій), впослѣдствіи епископъ Олонецкій, замѣчательный витія. Его проповѣди переведены, кажется, на французскій языкъ. Ему приходилось говорить проповѣди въ каѳедральномъ соборѣ въ двунадесятые праздники и въ Царскіе дни. Ораторство его собирало въ Минскій кафедральный соборъ не только православныхъ людей, но даже католиковъ и евреевъ. Во время произнесенія этихъ проповѣдей, какъ равно и во время торжественныхъ въ томъ соборѣ молебствій, о. Фердинандъ

выходилъ изъ алтаря на солею и слушалъ съ полнымъ вниманіемъ. Епархіальнымъ архіереемъ въ г. Минскѣ былъ тогда *епископъ Александръ* (Добрынинъ), впослѣдствіи Архіепископъ Литовскій и Виленскій, о которомъ можно было сказать, что его фамилія соотвѣтствовала его душевному настроенію и его отношеніямъ ко всѣмъ. И къ о. Фердинанду Сенчиковскому онъ относился вполнѣ благожелательно. При встрѣчахъ и прощаніяхъ о. Фердинандъ цѣловалъ ему руку, какъ архіерею Божію; а преосвященный Александръ цѣловалъ его въ лицо. Что-то особенно хорошее было въ этомъ, чуждомъ фарисейской и саддукейской вражды, отношеніи къ православнымъ священнослужителямъ.

Когда открылась вакансія законоучителя католическаго исповѣданія въ Минской мужской гимназіи и о. Фердинанду предложили занять эту должность, то, не оставляя Златогорскаго костела, онъ сразу не только сталъ преподавать Законъ Божій на русскомъ языкѣ, но и вести бесѣды на этомъ языкѣ съ учениками. На экзаменахъ по Закону Божію православный законоучитель, всѣми уважаемый, нашъ симпатичнѣйшій каѳедральный протоіерей о. Іуліанъ Верниковскій и о. Фердинандъ Сенчиковскій засѣдали вмѣстѣ и экзаменовали учениковъ, вызывая ихъ по алфавиту. Латинскій фанатизмъ самъ собою исчезъ.»

«Ни я, ни мои родители, ни мои дѣды не были поляками», говорилъ о. Фердинандъ Сенчиковскій: «Мы коренные бѣлоруссы. Зачѣмъ же намъ поддерживать историческое засиліе, т. е. полонизацію Сѣверо-Западнаго края, который былъ полоненъ Польшею, но по существу своему никогда не былъ польскою стороною?...»

Передаю, конечно, своими словами, что̀ доводилось мнѣ слышать отъ о. Фердинанда Сенчиковскаго.»

Многіе изъ «Минчанъ», съ которыми я говорилъ о Сенчиковскомъ, до сихъ поръ, сохранили еще о немъ память, какъ объ оригиналѣ, какъ о ксендзѣ со свѣтскими манерами и привычками, любившемъ и пошутить, и разсказать интересный анекдотъ, и привести интересный фактъ изъ своего прошлаго.

Въ одной изъ автобіографическихъ замѣтокъ о своей жизни *), написанныхъ въ г. Минскѣ, каноникъ Сенчиковскій, перечисливъ нѣкоторыя главныя событія своего бурнаго настоящаго, не приминулъ записать:

«14 октября 1876 г. епископъ Минскій Александръ былъ на чаѣ и ужинѣ.»

Впрочемъ, были политическія темы, которыхъ, въ спорахъ

---

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча.

съ покойнымъ, старались не касаться. Одной изъ нихъ являлся вопросъ о располяченіи бѣлорусскаго римско католицизма.

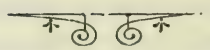
Тутъ Сенчиковскій выходилъ изъ себя, становился желченъ, ядовитъ, прямо даже непріятенъ...

Помнитъ его Минскъ и какъ щедраго благотворителя, не разбиравшаго при этомъ, національности, религіи нуждающихся...

Сохранились еще о Сенчиковскомъ и анекдоты...

Но неумѣстно было бы ими иллюстрировать трагизмъ положенія его въ Минскѣ...

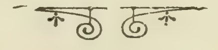
Предоставимъ ихъ врагамъ покойнаго...,

ГЛАВА XIV.

(1880—1882 годы).

Душевное состоянiе Сенчиковскаго въ первое время пребыванiя его въ Бобруйскѣ.—Польско-iезуитская пропаганда разоряетъ надгробiе на могилѣ родителей Сенчиковскаго.—Дерзкое письмо покойнаго къ Минскому губернатору Петрову—по другому поводу.—1 марта 1881 г.—Перемѣны въ Министерствѣ Внутр. Дѣлъ.—Письмо Сенчиковскаго къ гр. Игнатьеву.—Посѣщенiе Минскимъ епископомъ Варлаамомъ Бобруйска и Сенчиковскаго.—Статьи по этому поводу польскихъ газетъ.—И св. мощи—мученика Теофиля не мощи, а, быть можетъ, кости отца Сенчиковскаго, когда это въ интересахъ польско-iезуитской пропаганды!—Шумъ и скандалъ около этихъ мощей...—Судьба изображенiя—«Ecce Homo».—Роль Жилинскаго, Макаревича, Копцеговича, администрацiи—въ скандалѣ съ мощами.

Въ какой-то газетной статьѣ, давно уже, довелось прочесть мнѣ о физическо-душевномъ состояніи русскаго путешественника за-границей, ѣхавшаго въ экспрессѣ, полнаго думъ и заботъ о предстоявшемъ дѣлѣ, въ моментъ желѣзно-дорожной катастрофы, когда отъ рокового толчка смѣшались вокругъ него люди, вещи, обломки стекла́, вагоновъ, когда, среди воплей, стоновъ, криковъ, проклятій изувѣченныхъ, умирающихъ, въ душѣ, въ головѣ его, вихрь новыхъ, самыхъ разнородныхъ, впечатлѣній вытиснулъ вдругъ все то, что́ за минуту передъ тѣмъ жило тамъ въ такомъ строгомъ, логичномъ порядкѣ...

Нѣчто подобное долженъ былъ испытывать и каноникъ Сенчиковскій, въ первое время ссылки своей въ Бобруйскъ...

Только мало-по-малу обычное самочувствіе начинаетъ къ нему возращаться.

Оглянувшись спокойнѣе, онъ видитъ, что не все еще у него отнято, не все еще для него потеряно, что можно быть еще, при желаніи, полезнымъ родинѣ, Правительству, русскому дѣлу и въ Бобруйскѣ.

Впервые напоминаетъ онъ о себѣ Министерству Вн. Дѣлъ письмомъ къ Л. С. Макову (отъ 29 сентября 1880 г. Бобруйскъ) *) слѣдующаго содержанія:

«Съ трепетомъ сердца и величайшею радостью нынѣшняго числа», пишетъ онъ: «прочиталъ заявленіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 267-мъ, пятница, 26 сентября), гдѣ, въ отдѣлѣ «Послѣдняя почта , значится: «По извѣстіямъ изъ Рима, 2-го октября тамъ обнародована энциклика Папы, распространившая на всю католическую Церковь праздникъ св. св. Кирилла и Меѳодія и утвержденіе для этого праздника дня 5-го іюня, опредѣленнаго еще Папою Піемъ IX-мъ.» Событіе это подало мнѣ мысль повергнуть передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ нижеизложенное мое мнѣніе, которое по моему крайнему разумѣнію непремѣнно принесетъ величайшую пользу русскому языку въ костелахъ и несомнѣнно будетъ радикальною мѣрою для упроченія русскаго дѣла въ средѣ католическаго населенія. Между многими, весьма серіозными для пользы русскаго дѣла, обстоятельствами, имѣетъ великое значеніе признаніе Папою св. св. Кирилла и Меѳодія патронами русскихъ провинцій. Это значитъ, что и св. Казиміръ именуется патрономъ Литовскаго Княжества, св. Станиславъ и другіе св. св.-польскаго королевства. Понятно,

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов.

что если св. св. Кириллъ и Меѳодій признаны Апостолами Галиціи (русской), то Малороссія и дорогая наша родина Бѣлоруссія, для которыхъ спасенія святые эти трудились, обязаны теперь, не только признать ихъ своими Апостолами, но и принять ихъ обрядность, особенно языкъ русскій, какъ относящійся къ главной дѣятельности св. св. Кирилла и Меѳодія. Папа, признаніемъ этихъ святыхъ, «ipso facto», призналъ и ихъ ученіе, ихъ дѣятельность, ихъ стремленія и подвиги въ пользу славянскаго и русскаго языковъ; этимъ самымъ и языкъ русскій одобряется Папою.—Это—мое глубокое и отъ чистой души происходящее убѣжденіе. Но чтобы извлечь изъ этого пользу для русскаго языка, я полагаю во I-хъ повліять на всѣхъ епископовъ и управляющихъ епархіями, а главное на митрополита Фіялковскаго, дабы день 5-го іюня, какъ новый праздникъ, былъ отпразднованъ съ особенною и даже тридневною торжественностью, при открытыхъ Дарахъ (съ монстранціею), въ родѣ сорока-часоваго Богослуженія (czterdzieste godzinne nabozenstwo), съ произнесеніемъ проповѣдей и поученій, соотвѣтственныхъ жизни святыхъ. 2) Для ознакомленія народа съ дѣятельностью и трудами Святыхъ въ пользу русскихъ отпечатать жизнеописанія ихъ («живòты») на языкахъ латинскомъ и русскомъ въ одной и той-же книжкѣ, съ образкомъ Святыхъ: это для раздачи народу въ день праздника. Не мѣшало-бы помѣстить въ этой книжкѣ текстъ Папской энциклики. 3) Какъ распоряженіе о торжественномъ Богослуженіи 5 іюня, такъ и книжки съ Папскою энцикликою, должны быть высланы въ консисторіи и епархіальное управленіе посредствомъ митрополита. 4) Въ книжкѣ этой, на языкахъ латинскомъ и русскомъ, слѣдовало-бы помѣстить молитвы и акафистъ (литанію) къ св. св. Кириллу и Меѳодію.—Вѣроятно будетъ составлена особая служба («Missa») къ этимъ Святымъ, точно также, какъ это было сдѣлано по причинѣ установленія праздника непорочнаго зачатія Божія Матери. Слѣдовало-бы добиваться, дабы не только съ особенною торжественностью праздновался день 5-го іюня въ малороссійскихъ и бѣлорусскихъ провинціяхъ, но дабы, кромѣ того, день этотъ быть обозначенъ, какъ первоклассный праздникъ, т. е. не только костельный, обыкновенный, но какъ такъ называемый у насъ de precoepto (значитъ воздержаться отъ занятія, съ торжественнымъ Богослуженіемъ для народа), точно такъ-же, какъ празднуется на Литвѣ день св. Казиміра, а въ Польшѣ—св. Станислава. При чемъ разрѣшить помѣщать въ костелахъ образа этихъ Святыхъ. Но такъ какъ Папа призналъ св. Кирилла и Меѳодія святыми для всей католической Церкви, то русскіе католики, для которыхъ потрудились эти святые, въ правѣ принять ихъ обряды, особенно относящіеся къ языку. — Все это дастъ обильное поле и возможность воспользоваться для поднятія и развитія русскаго дѣла, и мнѣ кажется, что если не

воспользоваться этимъ случаемъ, то немыслимо ожидать болѣе удобныхъ обстоятельстъ. Но и при всемъ этомъ, все-таки опасаюсь, дабы подобно тому, какъ это сдѣлано въ началѣ, тоже и въ настоящее время, самыя полезныя обстоятельства, не употребили-бы во вредъ дѣлу.

Простите, Ваше Высокопревосходительство, мою смѣлость! Но я считалъ-бы грѣхомъ промолчать о томъ, чтó, по моему крайнему убѣжденію, можетъ быть полезнымъ дорогому мнѣ русскому дѣлу, тѣмъ болѣе въ настоящее время, когда дѣло это почти исчезло, почти забыто, когда многіе тяготятся даже разговоромъ объ ономъ дѣлѣ, и когда до того уже дошло несочувствіе и могу сказать пренебреженіе къ этому-же дѣлу, что открыто, со стороны даже Минска, мнѣ въ глаза говорили, что это дѣло пропало безвозвратно, что оно окончательно проиграно. И это говорятъ лица, служащія въ губернаторской канцеляріи. Правитель канцеляріи указалъ мнѣ на то, что я долженъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ въ Петербургѣ и вліять лично на ходъ дѣла. Конечно, я былъ пораженъ такимъ мнѣніемъ молодого и недавно прибывшаго въ Минскъ человѣка, тѣмъ болѣе, что все это было такъ сказано, какъ-бы въ этомъ дѣлѣ заключался только мой личный интересъ и мое личное счастье. Это собственно причина, побудившая меня настоящее мое мнѣніе, минуя Минскъ, повергнуть предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ и повѣрить Вамъ одному мою глубокую душевную тайну. Не сочтите, Ваше Высокопревосходительство, настоящее мое заявленіе излишнею смѣлостью! Я привыкъ вѣрить только Вамъ! Я уже свыкся съ мыслією, и болѣе чѣмъ убѣжденъ, что только Вы одни можете спасти русское дѣло, а тѣмъ самымъ и нашъ Бѣлорусскій край, и нашихъ бѣлоруссовъ-католиковъ отъ политическаго, польскаго вліянія и отъ таковой-же фанатическо-польской пропаганды, загнѣздившейся въ нашихъ костелахъ и въ средѣ нашего р.-к. духовенства. Въ случаѣ-же неудачи въ обрусеніи католицизма, приберите и меня, Ваше Высокопревосходительство, отселе, или предоставьте мнѣ какое-либо другое назначеніе, которое не только защитило-бы меня отъ преслѣдованія, но и предоставило-бы мнѣ болѣе обширное поле для трудовъ въ пользу этого дѣла, ибо я давно и окончательно порѣшилъ пожертвовать собою, посвятивъ всю мою жизнь для пользы русскаго дѣла! Поддержите только, Ваше Высокопревосходительство, ибо въ послѣднее время, именно послѣ возвращенія моего изъ Петербурга, консисторія и наши паны болѣе прежняго опять возбудили противъ меня свои преслѣдованія. А, при настоящихъ обстоятельствахъ, очень слабая надежда на поддержку въ Минскѣ. Противъ органиста Володзько, будто-бы за укрывательство отъ воинской повинности, возбуждено уголовное преслѣдованіе Минскою полиціею;

по Володзько оправданъ. Послѣ этого, какой-же намъ можно ожидать поддержки отъ мѣстныхъ властей?! Позволяю себѣ, такъ скажу, вылить предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ всю мою душу. Видно изъ газетъ, какъ серіозно принялись и преслѣдуютъ правительственную идею, ужъ не говоря о лютеранскомъ государствѣ Германіи, гдѣ даже графа, кардинала Ледуховскаго посадили было въ тюрьму, но и въ чисто-католическихъ государствахъ, а именно въ Испаніи, въ Италіи, а, главное, что дѣлаетъ французское правительство!!... Вездѣ лишаютъ силы и отнимаютъ власть у фанатиковъ, противодѣйствуютъ ихъ заблужденію. И почему-бы мы, бѣлоруссы-католики, не могли слиться и сплотиться съ общимъ нашимъ великорусскимъ отечествомъ?! Почему русскій языкъ не можетъ быть языкомъ религіи и молитвы для русскаго католика? Почему намъ, уроженцамъ русскимъ и подданнымъ, проживающимъ въ Россіи, такъ много приходится страдать за то, что мы желаемъ въ нашихъ Святыняхъ говорить по-русски? Почему горсть фанатиковъ и незначительное сравнительно число пановъ удерживаетъ массу чисто-русскаго народа католическаго вѣроисповѣданія въ названномъ имъ польскомъ фанатизмѣ?!...

Ваше Высокопревосходительство! Со слезами въ глазахъ и съ глубокою грустью въ душѣ, я осмѣлился здѣсь высказать мои сердечныя чувства, которыя не позволило мнѣ время высказать лично. Простите-же, Ваше Высокопревосходительство, мою смѣлость! Умоляю Васъ простите и спасите насъ, русскихъ католиковъ, отъ гнета польской пропаганды, спасите несчастный нашъ, добрый и честный, католическій простой народъ отъ вліянія польской справы, отнимите и оттолкните насъ навсегда и безвозвратно отъ всего, что́ польское и что́ панское и намъ, бѣлоруссамъ, чужое и навязанное! Для этого вѣрное и серіозное средство: это—обрусеніе католицизма, это—языкъ русскій въ костелахъ».

Письмо, безъ всякой помѣтки Л. С. Макова, подшивается къ дѣлу.

Немного, кажется, прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ Сенчиковскій, помолившись въ послѣдній разъ въ Минскомъ Свято-Троицкомъ костелѣ, на Золотой Горкѣ, у праха своихъ родителей, покинулъ г. Минскъ, а уже враги его надругались надъ дорогой ему могилою.

Вотъ что разсказываетъ самъ онъ въ письмѣ къ тому-же Л. С. Макову (отъ 24 янв. 1881 г. Бобруйскъ) *):

«Вашему Высокопревосходительству небезызвѣстно, что я,

*) Изъ бумагъ С., хранящихся въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

получивъ разрѣшеніе отъ г. Министра генералъ-адъютанта Тимашева, перевезъ и помѣстилъ прахъ моихъ родителей въ устроенной мною гробницѣ въ Минскомъ Свято-Троицкомъ костелѣ. Надъ гробницею-же, тоже на собственный счетъ, я устроилъ алтарь, который служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и надгробіемъ, памятникомъ, а насупротивъ, для симметріи, я воздвигнулъ второй алтарь. Такъ какъ въ Свято-Троицкомъ костелѣ употребленіе русскаго языка было полное, то на алтарѣ, устроенномъ на могилѣ моихъ родителей, была привинчена наглухо мѣдная доска съ надписью на русскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія: «Матерь Божія! У стопъ Твоихъ я сложилъ все, что́ имѣлъ драгоцѣннаго на свѣтѣ. Молись о спасеніи душъ родителей моихъ Маріи и Евстафія!» Насупротивъ была надпись: «Возлюби Бога всѣмъ сердцемъ и ближняго, какъ самого себя!»—Надписи эти читалъ б. Министръ генералъ - адъютантъ Тимашевъ, б. Директоръ Департамента графъ Сиверсъ; затѣмъ читалъ ихъ Александръ Николаевичъ Мосоловъ. И, наконецъ, Ваше Высокопревосходительство, лично осматривая костелъ, изволили читать оныя и, найдя это хорошимъ, осчастливили меня изъявленіемъ своего удовольствія. Кромѣ того, я добился того, что консисторія, указомъ, приказала гроба́ моихъ родителей внести въ инвентарную опись. Слѣдовательно, при передачѣ костела, согласно этому указу, въ инвентарную опись внесены подробно поименованные алтари съ надписями.

Но, въ настоящее время, почему-то надписи эти не понравились канонику Макаревичу, который приказалъ сорвать и уничтожить доску съ надгробнаго памятника надъ могилою моихъ родителей, вторую-же надпись закрасилъ масляной, бѣлой краскою, дабы не было и слѣда отъ русскихъ буквъ.

Недовѣряя слухамъ, я лично отправился въ Минскъ и убѣдился въ совершенномъ уничтоженіи русскихъ надписей на алтаряхъ, мною воздвигнутыхъ.

Меня поражаетъ ничѣмъ необъяснимая смѣлость каноника Макаревича, съ которою онъ позволилъ себѣ уничтожить надгробныя надписи на русскомъ языкѣ и портить памятникъ, о существованіи котораго упомянуто въ инвентарной описи. Непонятно также его желаніе уничтожить слѣдъ русскаго языка въ Свято-Троицкомъ костелѣ.

Объяснивъ все дѣло губернатору, я просилъ его оказать содѣйствіе касательно возстановленія вышеупомянутыхъ надписей на могилѣ моихъ родителей. Хотя г. губернаторъ и обѣщалъ удовлетворить мою просьбу, и я вполнѣ вѣрю этому обѣщанію, но я не считаю себя также въ правѣ скрывать предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ событіе, ясно указывающее стремленіе уничтожить все, что́ служитъ вѣрнымъ памятникомъ къ развитію вопроса объ языкѣ русскомъ въ костелахъ.

И неужели, въ самомъ дѣлѣ, будетъ продолжаться послѣдовательное уничтоженіе того, что было сдѣлано въ пользу этого вопроса?!

Ваше Высокопревосходительство! Спасите насъ, бѣлоруссовъ, отъ гнета и вліянія польской націи, помогите намъ возвратить нашъ природный, русскій языкъ, возвратить намъ насильно отнятую у насъ русскую народность, и помогите сбросить съ себя навязанное намъ и угнетающее насъ польское ярмо! Со слезами умоляю Васъ, Ваше Высоко—во, не допустить честныхъ бѣлоруссовъ-католиковъ опять остаться въ рукахъ польско-фанатической партіи!—Народъ нашъ—честный: я близко его знаю. Нужно ему честно только разъяснить истину: онъ повѣритъ и будетъ благодаренъ. Отъ глубины души извиняюсь за мою смѣлость.»—

Чѣмъ кончилась эта исторія съ прахомъ родителей Сенчиковскаго и покоится-ли еще этотъ прахъ въ костелѣ на Золотой Горкѣ, я не знаю и объ этомъ не нашелъ слѣдовъ ни въ бумагахъ Сенчиковскаго, ни въ дѣлахъ о немъ, мною изученныхъ.

Оставляемъ на судъ читателей вопросъ, правъ-ли былъ каноникъ Сенчиковскій, обвиняя губернатора Петрова въ несправедливомъ, пристрастномъ къ нему отношеніи, въ симпатіяхъ къ полякамъ...

Но, несомнѣнно, что Петровъ и подчиненное ему чиновничество, почуявъ шаткость положенія ненавистнаго ксендза новатора, травили его всяческими, дозволенными закономъ, способами въ Бобруйскѣ.

Какъ иначе понять, напримѣръ, хотя-бы слѣдующее, полное грубой, вызывающей, дерзкой ироніи, письмо Сенчиковскаго (отъ 24 янв. 1881 г. кр, Бобруйскъ) *) къ губернатору Петрову?

«Въ бытность мою въ Минскѣ, 7 янв., согласно порученію Вашего Прево—ва», пишетъ Сенчиковскій: «я зашелъ въ губернаторскую канцелярію для переговоровъ съ г. правителемъ о вопросахъ, вѣдѣніе которыхъ лежитъ на обязанности г. Кононовича, какъ попечителя училища органистовъ Г. Кононовичъ, не выражая своихъ мнѣній по дѣламъ училища, а на мои заявленія отвѣчая въ самой сжатой формѣ и съ видимымъ пренебреженіемъ, свелъ разговоръ на вопросъ, какъ я могъ позволить себѣ въ письмѣ къ Льву Саввичу Макову представить въ неблагопріятномъ свѣтѣ нѣкоторыя дѣйствія его, г. Кононовича, какъ попечителя училища органистовъ. Мало того, что г. Кононовичъ велъ себя въ отношеніи меня *крайне невѣжливо*, онъ позволилъ себѣ еще

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій.

обозвать меня *доносчикомъ*, и письмо мое къ г. Министру *доносомъ*.

«Вы позволяете себѣ писать на меня доносы Министру. Ваше письмо я читалъ. Я тоже напишу и найду, что̀ написать!» сказалъ онъ съ азартомъ, доходящимъ до неприличія На мои напоминанія, что подобное обращеніе неумѣстно даже съ прислугою, не то что со мною, г. Кононовичъ возразилъ, что онъ имѣетъ обыкновеніе *обращаться такъ со всѣми*, имѣющими съ нимъ дѣло. Послѣ этого я удалился изъ канцеляріи. Ваше Превосходительство! Не обращая даже вниманія на грубый способъ обращенія, на ироническій тонъ рѣчи г. Кононовича въ разговорѣ со мною, я не въ силахъ позабыть позорящаго доброе имя мое слова «доносчикъ.»

Но позвольте прежде всего познакомить Ваше Пре—во съ содержаніемъ моего письма къ Льву Саввичу Макову и съ тѣмъ, что̀ побудило меня написать вышеупомянутое письмо!

Папа Левъ XIII издалъ повелѣніе всѣмъ католикамъ—праздновать день славянскихъ апостоловъ св св Кирилла и Меѳодія. Усмотрѣвъ въ этомъ распоряженіи св. Отца благопріятный признакъ для русскаго дѣла, я счелъ своею непремѣнною обязанностью высказать нѣсколько мнѣній по этому поводу г. Министру, что̀ и было цѣлью моего письма. При этомъ я счелъ своимъ долгомъ не скрывать предъ г. Министромъ нѣкоторыхъ вообще вредящихъ дѣлу русскому обстоятельствъ. Въ особенности, меня поразило то, что предполагаемый къ выпуску изъ училища мальчикъ былъ назначенъ на должность при кальварійскомъ костелѣ, гдѣ употребляется польскій языкъ. Мальчикъ этотъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ служилъ при ксендзѣ-фанатикѣ, перемѣщенномъ съ должности настоятеля на должность викарія за противодѣйствіе видамъ Правительства; обо всемъ этомъ я первый доложилъ Вашему Пре—ву.

При разговорѣ-же съ г. Кононовичемъ и его помощникомъ, г. Крыловымъ, мнѣ пришлось услышать изъ устъ перваго: «Поѣзжайте въ Петербургъ и тамъ хлопочите».—Это произнесено было иронически и въ такомъ тонѣ, какъ будто-бы здѣсь былъ вопросъ о личномъ моемъ счастьи. Затѣмъ, г. Крыловъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ: «Дѣло русское проиграно; пора уже перестать колоть всѣмъ глаза русскимъ языкомъ; дай Богъ, чтобы скорѣе закрыли училище органистовъ - это было-бы умнѣе всего». Понятно, что послѣ такихъ рѣчей, высказанныхъ служащими въ губернаторской канцеляріи и стоящими близко къ дѣламъ училища, я не только былъ изумленъ и пораженъ, но счелъ необходимымъ просить г. Министра, если вопросъ о русскомъ языкѣ дѣйствительно стоитъ такъ низко и опасно, принять мѣры къ личной моей защитѣ и поддержкѣ, состоящія въ перемѣщеніи меня въ другую губернію и епархію.—Это

смыслъ моего письма къ Льву Саввичу. Слѣдовательно г. Кононовичъ не имѣлъ основанія такого рода письмо назвать доносомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы Левъ Саввичъ предъявилъ мое письмо г. Кононовичу, то не для того, чтобы г. Кононовичъ дѣлалъ мнѣ въ самой грубой формѣ выговоръ, обзывая меня доносчикомъ, а съ тою лишь, полагаю, цѣлью, чтобы обратить вниманіе г. Кононовича на серіозность вопроса, возбудить черезъ это его сочувствіе къ дѣлу и вызвать полезную дѣятельность по этому вопросу. Между тѣмъ, описанный здѣсь случай даетъ поводъ думать, что г. Кононовичъ, а тѣмъ болѣе г. Крыловъ, или желаютъ окончательно убить во мнѣ энергію, необходимую для служенія русскому дѣлу, или напугать меня своимъ несочувствіемъ; или-же г. Кононовичъ, какъ человѣкъ молодой, новый здѣсь, незнакомъ съ тѣмъ положеніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ, въ какомъ находится дѣло и лица, добросовѣстно служащія оному. Что-же касается запугиваній и дѣлаемыхъ мнѣ непріятностей, то я долженъ сказать, что до тѣхъ поръ, пока не получу прямого указанія изъ Министерства или отъ Вашего Пре—ва, я не перестану съ полнымъ сочувствіемъ и рвеніемъ служить видамъ Правительства въ этомъ вопросѣ. Ни угрозы въ анонимныхъ письмахъ, ни усилія польской партіи, ни несочувствіе непонимающихъ дѣла сослуживцевъ—никто и ничто не устрашитъ меня и не поколеблетъ моего убѣжденія и преданности сознательно принятой мною обязанности, которую я исполняю уже въ продолженіи 12 лѣтъ, претерпѣвая всѣ невыгоды и даже гоненіе. Съ непоколебимою вѣрою въ правоту дѣла я готовъ на всѣ жертвы, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя.

Исполнять службу лукаво и лицемѣрно я неспособенъ; скрывать-же вредящія дѣлу обстоятельства предъ Львомъ Саввичемъ я не могу и не намѣренъ, такъ-какъ этого человѣка я имѣю счастье знать болѣе 12 лѣтъ, и знаю его за человѣка по истинѣ русскаго и великаго. Предъ Вашимъ Пре—вомъ я также не имѣю причинъ скрывать что либо, такъ какъ со времени служенія Вашего въ Минской губерніи я пользовался самымъ благосклоннымъ вниманіемъ Вашего Пре—ва ко мнѣ лично и къ моей службѣ.

Простите и извините, Ваше Пре—во, мою смѣлость; но способъ обращенія со мною г. Кононовича и неоднократное заявленіе г. Крылова, далеко несочувствующее русскому дѣлу, вынудили меня чистосердечно и съ полнымъ откровеніемъ разъяснить истинный поводъ моихъ служебныхъ отношеній къ поименованнымъ двумъ чиновникамъ».

Незадолго передъ тѣмъ сошелъ со сцены Л. С. Маковъ, смѣненный Лорисъ-Меликовымъ.

1 марта 1881 года былъ звѣрски убитъ Императоръ Александръ II...

Можно себѣ представить, что́ перечувствовалъ, сидя въ Бобруйскѣ, Сенчиковскій, когда узналъ о кончинѣ Того, Кого считалъ благодѣтелемъ, и своимъ лично, и родной Бѣлоруссіи!...

Эта катастрофа, лишивъ Россію истиннаго Отца своего народа, одного изъ величайшихъ гуманистовъ—монарховъ прошлаго вѣка, унеся въ бездну забвенія Лорисъ Меликова, выдвинула новаго Министра Вн. Дѣлъ, графа Ник. Павл. Игнатьева .. *)

Игнатьевъ до того, конечно, ничего не зналъ, даже не слышалъ о Сенчиковскомъ.

Но самъ Сенчиковскій, по обыкновенію своему, спѣшитъ о себѣ напомнить восходящему свѣтилу внутренней политики Россіи.

14 мая и 2 іюня 1881 г. обращается онъ изъ Бобруйска къ новому министру съ письмами такого содержанія **):

а) (14 мая 1881 г.) «Ваше Сіятельство, Николай Павловичъ! Не имѣя возможности лично доложить Вашему Сіятельству мой взглядъ, я преемлю смѣлость всепокорнѣйше представить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства нижеслѣдующее мое соображеніе, основанное на фактическихъ данныхъ.—

Помня долгъ присяги, моего сана и безпредѣльной любви и преданности моему Отечеству Россіи и Престолу и слѣдуя съ благоговѣніемъ призыву Вашего Сіятельства, касательно общаго содѣйствія Правительству въ борьбѣ съ крамолою и крамольниками, я, по мѣрѣ моихъ силъ, съ неподдѣльнымъ рвеніемъ, принималъ и принимаю всѣ мѣры для образумленія ввѣренныхъ мнѣ католиковъ не только прихода, но и Бобруйскаго деканата. Ежедневныя и въ праздничные дни поученія и проповѣди, увѣщеванія на исповѣди и при исполненіи духовныхъ требъ, даютъ обширное поле благонамѣренному духовному лицу вліять на народъ, коль скоро это лицо пожелаетъ честно воспользоваться громаднымъ матеріаломъ, имѣющимся въ Свящ. Писаніи, въ богословіи и церковныхъ постановленіяхъ.—Народъ р. к. исповѣданія въ рукахъ ксендзовъ—это воскъ; надо только съ любовью, въ духѣ истины, разогрѣть сердце народа, которое твердое только по причинѣ полнаго непониманія сущности дѣла,—и сердце народа съ полнымъ довѣріемъ послѣдуетъ па-

*) Былъ Министромъ съ 1881 по 1882 годъ.

**) Дѣло № 63 Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов «Св. Сенчиковскій.»

стырскому указанію. Правда, нѣкоторая часть прихожанъ, имянуемая интеллигенціею, не то, что простой народъ; это и понятно, ибо духъ вѣры и религіи Христовой, по словамъ Св. Писанія, у нихъ остылъ и извѣтрѣлъ; потому и вліяніе духовенства, особенно служащаго на языкѣ русскомъ, на нихъ не дѣйствуетъ Въ Бобруйскомъ деканатѣ, во время приведенія мною къ присягѣ и совершенія траурнаго богослуженія за упокой души обожаемаго и возлюбленнаго нашего Царя—Мученика, я имѣлъ случай убѣдиться, что р.-к. народъ во всемъ уѣздѣ единодушно и глубоко проникнутъ чувствомъ, какъ ненависти къ виновникамъ ужаснаго событія 1-го марта, такъ и неподдѣльною любовью и вѣрностью къ Государю Императору и Отечеству—Россіи. Во всемъ уѣздѣ я лично произносилъ проповѣди и поученія, и вездѣ народъ, рыдая, молился; вездѣ я видѣлъ ужасъ и печаль, похожую на ожиданіе послѣдняго суда Божія. Наглядно убѣдившись въ вышесказанномъ, я постоянно стараюсь удержать ввѣренныхъ моему надзору католиковъ въ духѣ вѣрноподданническихъ чувствъ; но мои труды въ этомъ дѣлѣ, какъ бы они ни были искренни и усердны, составляютъ только мѣстную дѣятельность одного лица, почему и не могутъ принести той пользы и того успѣха въ массѣ народа р.-к. исповѣданія въ Имперіи, какіе несомнѣнно были-бы, если-бы митрополитъ, епископы или управляющіе епархіями обратились съ циркулярнымъ посланіемъ къ духовенству и католической паствѣ, подобно тому, какъ это сдѣлано Св. Синодомъ. Обыкновенно у насъ, католиковъ, всякое болѣе или менѣе крупное событіе вызывало циркуляры и пастырскія посланія духовнаго начальства; въ настоящее-же время, какъ благонамѣренное духовенство, такъ и католики, ожидаютъ и жаждутъ теплаго, живого слова отъ высшей духовной власти. Слово правды, основанное на Св. Писаніи, постановленіяхъ Церкви и Св. Отцовъ, слово, поощряющее къ вѣрности Престолу и порицающее крамолу, слово предостереженія и указанія обязанности христіанина и гражданина, было-бы драгоцѣннымъ и укрѣпленіемъ въ духѣ правды и честной любви къ Престолу и Родинѣ... Наконецъ, посланіе митрополита, какъ предсѣдателя коллегіи, дало-бы громадный толчекъ и матеріалъ благонамѣреннымъ ксендзамъ. Посланіе это сильно поддержало-бы наши стремленія —вести народъ путемъ истины и неподдѣльной преданности Государю.

Простите великодушно, Ваше Сіятельство, мою смѣлость! Но я не могъ не высказать передъ Вами моего взгляда, подобно тому, какъ я привыкъ это дѣлать при Львѣ Саввичѣ Маковѣ. Не могъ я промолчать и о томъ, что было у меня на душѣ, единственно желая, по мѣрѣ моихъ силъ и моего нынѣшняго положенія, принести хотя каплю пользы на поприщѣ моего служенія.

И почему-же, на мѣстѣ ужасной катастрофы 1 марта нашъ митрополитъ или наше духовенство не могли-бы отслужить, по нашему р.-к. обряду, панихиды?!—Это очень благотворно повліяло-бы на католиковъ.

Хотя не такъ давно я позволилъ себѣ настоящее заявленіе представить г. Министру графу Лорисъ-Меликову; но такъ какъ это было предъ самымъ оставленіемъ Его Сіятельствомъ Министерства, то, прочитавъ нынѣшняго числа въ газетахъ циркуляръ Вашего Сіятельства, я преемлю смѣлость повторить мое заявленіе, надѣясь получить милостивое Вашего Сіятельства прощеніе, такъ какъ, кромѣ неподдѣльныхъ и безграничныхъ желаній принести пользу Правительству въ кругу предоставленной мнѣ дѣятельности, я далекъ отъ всякой другой мысли.

Какъ доказательство моихъ искреннихъ стремленій служить видамъ Правительства, я позволяю себѣ приложить при семъ экземпляръ моего циркуляра, даннаго мною р.-к. духовенству, во время бытности моей Минскимъ визитаторомъ. А такъ какъ, по причинѣ сильнѣйшихъ интригъ польско-фанатической и полякующей партіи и превышающихъ человѣческія силы непріятностей, я вынужденъ былъ отказаться отъ визитаторства и отъ должности въ Минскѣ и скрыться въ Бобруйскѣ, тѣмъ не менѣе не могу оставаться хладнокровнымъ и не скорбѣть въ столь тяжелое время испытанія.—Наконецъ, помня слова Св. Августина «Если желаете, дабы все общество было честное и вѣрное своему долгу, то необходимо каждому исправиться и трудиться на поприщѣ своего служенія», я всѣми силами моей души радъ потрудиться хотя на весьма ограниченной нивѣ, предоставленной моему воздѣлыванію. Но, повторяю, что предоставленное мнѣ поле—слишкомъ мало для того, дабы мои труды были замѣтны, особенно при серіозныхъ и весьма обильныхъ противодѣйствіяхъ. Поэтому, серіозное и разумное обращеніе къ народу и духовенству сановниковъ церковной іерархіи,—обращеніе, основанное на Св. Писаніи и вѣрноподданническихъ чувствахъ, а, главное, твердое, недвуличное и написанное серьезно, было-бы весьма полезнымъ, а потому необходимымъ.

Пользуясь полнымъ довѣріемъ б. б. Министровъ, именно генералъ-адъютанта Тимашева и статсъ-секретаря Макова, я осмѣливаюсь съ полною откровенностью и чистосердечіемъ, представляя настоящій мой взглядъ на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства, убѣдительнѣйше просить милостиваго извиненія за мою смѣлость.»

Къ письму приложенъ былъ извѣстный циркуляръ Сенчиковскаго отъ 8 марта 1877 г. духовенству 1 Минскаго визитаторства.

б) Письмо Сенчиковскаго (2 іюня 1881 г. Г. Бобруйскъ):

«Такъ какъ я имѣлъ счастье всепочтительнѣйше заявить мое мнѣніе о необходимости письменнаго посланія высшей духовной власти къ народу, то считаю моимъ нравственнымъ долгомъ представить Вашему Сіятельству полученное мною на дняхъ распоряженіе управляющаго епархіей. И если это есть послѣдствіемъ желанія Правительства, то я не могу не заявить, что распоряженіе это не что иное, какъ грубая иронія и фарисейство со стороны прелата Жилинскаго.

Необходимо посланіе, основанное на Св. Писаніи, постановленіяхъ Церкви и собственномъ патріотическомъ убѣжденіи епархіальнаго начальства; патріотизмъ-же долженъ быть явный и относиться только къ нашему русскому Отечеству. Затѣмъ, циркуляръ долженъ быть объявленъ народу въ костелѣ. Между тѣмъ посланіе прелата Жилинскаго есть дѣло «секретное». Это я понимаю потому, дабы во 1-хъ посланія этого никто изъ декановъ не читалъ въ костелахъ народу и дабы никто изъ польской интеллигенціи не зналъ, что это—распоряженіе г. управляющаго епархіей. Польскій фанатизмъ будетъ имѣть случай нападать на декановъ, которые, заискивая у Правительства, увѣщеваютъ народъ. Прелату Жилинскому нежелательно, дабы посланіе это было читаемо въ костелѣ съ амвона, на языкѣ русскомъ, потому, что оффиціально писать на языкѣ польскомъ нельзя, а заявить себя русскимъ и на русскомъ языкѣ прочитать посланіе съ амвона - не хочется и стѣснительно.

Въ секретномъ посланіи говорится объ обществѣ, Государствѣ и Отечествѣ, но въ ономъ тщательно избѣгаютъ выраженій «русское наше отечество», «русское государство», «русское Правительство». Пусть это посланіе будетъ предназначено въ канцелярію г. губернатора—тогда еще понятно; но оно разослано деканамъ,—это совсѣмъ другое. Каждый ксендзъ, болѣе или менѣе благонадежный, пойметъ, что все это написано потому только, что такъ нужно было написать.

Отъ глубины души прошу у Вашего Сіятельства извиненія за настоящее мое заявленіе! Но не въ моемъ характерѣ замолчать тамъ, гдѣ вмѣсто серіознаго, въ столь серіозное время, дѣлается дѣло двуличное и болѣе, чѣмъ безполезное. Между тѣмъ, духовное начальство пользуется всѣми данными для того, дабы вліять на духовенство, а это послѣднее—на народъ. Сила и значеніе религіи такъ велики и серіозны, что при наружной поддержкѣ со стороны гражданской администраціи нравственнаго значенія духовенства, при возвращеніи оному моральнаго вѣса и святости его призванія, народъ, какъ одинъ человѣкъ, обдумается и остепенится.

Ваше Сіятельство! Я далекъ отъ мысли дѣлать какія-либо указанія; но 20 тилѣтняя жизнь въ священническомъ санѣ дала

мнѣ возможность основательно и практически узнать духъ народа, узнать его убѣжденія и его сердце. Поэтому, въ настоящее тяжкое испытаніе, желательно хотя немного уменьшить горе наболѣвшей души. И только это убѣжденіе осмѣливаетъ меня повергнуть предъ Вашимъ Сіятельствомъ мое мнѣніе».

Къ письму приложенъ былъ подлинный секретный циркуляръ прелата Жилинскаго отъ 15 мая 1881 г. № 606.

11 іюня 1881 г. (за № 3057) *) вице-директоръ Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій Бестужевъ-Рюминъ, замѣщавшій Мосолова, вѣроятно, въ виду дипломатической командировки послѣдняго въ Римъ, на бланкѣ Директора Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов., пишетъ Сенчиковскому:

«Г. Министръ, по прочтеніи писемъ Вашихъ отъ 14 минувшаго мая и 2 текущаго іюня, поручилъ мнѣ передать Вамъ, Милостивый Государь, признательность Его Сіятельства за сообщеніе нѣкоторыхъ соображеній, касающихся римско-католическаго духовенства и, при этомъ, увѣдомить Васъ, что таковыя будутъ приняты имъ въ свое время во вниманіе.»

10 іюля 1881 (кр. Бобруйскъ) Сенчиковскій, видимо поощренный вниманіемъ, снова обращается къ графу Игнатьеву съ заявленіемъ **).

«Приложенный при семъ переводъ изъ польскихъ газетъ», жалуется онъ: «а равно постоянно испытываемое мною гоненіе со всѣхъ сторонъ, вынудили меня отъ глубины души просить у Вашего Сіятельства милостиваго разрѣшенія на поѣздку мою въ С.-Петербургъ, на нѣсколько дней, гдѣ я былъ-бы въ состояніи не только посовѣтоваться съ тамошними медиками на счетъ моего здоровья, но и разъяснить въ Министерствѣ нѣкоторыя мѣстныя обстоятельства въ пользу русскаго дѣла въ католицизмѣ, а равно убѣдительнѣйше просить у Вашего Сіятельства перемѣстить меня, если не въ г. Москву, на должность мѣстнаго декана и настоятеля, то на должность окружнаго военнаго капелана въ одинъ изъ округовъ, расположенныхъ въ Великорусскихъ губерніяхъ, наконецъ, куда либо, по усмотрѣнію Вашего Сіятельства, лишь-бы только я былъ въ состояніи моимъ служеніемъ принести пользу дорогому нашему Русскому Отечеству, такъ какъ здѣсь, постоянно и безнаказанно подвергаясь со всѣхъ сторонъ глумленію, я вынужденъ или стушеваться и отказаться отъ моихъ убѣжденій, на что̀ я неспособенъ, или-же незаслуженно испытывать моральную пытку, что̀, при слабомъ моемъ здоровьѣ, превышаетъ мои силы.

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча.

**) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов.

А такъ какъ господину Министру Льву Саввичу Макову угодно было осчастливить меня письменнымъ увѣреніемъ, что мое многолѣтнее, неподдѣльное и вполнѣ соотвѣтствующее видамъ Правительства, служеніе *«не останется безъ вниманія»*, то въ настоящее время и при настоящихъ данныхъ, въ какихъ находится русское дѣло, я вынужденъ отъ глубины души просить у В. Сіятельства милостиваго вниманія къ изложенной здѣсь, задушевной моей просьбѣ. *Безъ твердой* поддержки мѣстной администраціи я не только не могу быть полезнымъ на поприщѣ моего служенія, особенно въ Бобруйскѣ, но мнѣ немыслимо болѣе существовать въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Состоя-же деканомъ въ г. Москвѣ или въ качествѣ окружнаго военнаго капелана, я буду гарантированъ отъ всякаго столкновенія, какъ съ польско-фанатическою партіею и сочувствующими этой партіи, такъ равно и отъ гоненія со стороны епархіальныхъ властей. Надѣюсь, что въ Москвѣ или въ средѣ военныхъ, не встрѣчая столько враждебныхъ русскому дѣлу элементовъ, я буду полезнымъ исполнителемъ благихъ предначертаній Правительства. На должности при епархіальномъ управленіи я тоже былъ-бы полезнѣе дѣлу, чѣмъ въ Бобруйскѣ.»

Отвѣта на эту просьбу Сенчиковскій не получилъ изъ Петербурга.

Послѣднее письмо интересно въ томъ отношеніи, что указываетъ на тяжелое положеніе Сенчиковскаго въ Бобруйскѣ, когда, униженный, лишенный власти, онъ испытывалъ на себѣ мстительную ненависть польско-іезуитской пропаганды, съ прелатомъ Жилинскимъ во главѣ, и послѣдствія натянутыхъ отношеній своихъ къ губернатору Петрову, отъ котораго непосредственно зависѣла судьба его.

Между тѣмъ, онъ поддерживаетъ оживленную переписку со многими минскими друзьями и доброжелателями.

На сколько сочувственно относилось къ нему православное духовенство Минска, даже и по его отъѣздѣ, видно хотя-бы изъ слѣдующаго:

Епископъ Варлаамъ, *) въ маѣ 1881 года, посѣтилъ Бобруйскъ, гдѣ, конечно, встрѣтилъ его съ подобающимъ почетомъ каноникъ Сенчиковскій.

И вотъ ядовитая замѣтка объ этомъ свиданіи неприминула появиться на столбцахъ польской прессы, по-прежнему зорко

---

*)Варлаамъ—епископъ Минскій и Туровскій (въ мірѣ Василій Чернявскій). Родился 28 февр. 1819 г., былъ епископомъ въ Минскѣ съ 31 іюля 1880 года, умеръ тамъ-же 21 мая 1889 года.

слѣдившей за всѣмъ, что̀ писалъ, что̀ говорилъ, дѣлалъ и даже думалъ Сенчиковскій.

Приводимъ эту статью, въ переводѣ съ польскаго *):

«Газета Польска» № 137-й, іюня 23 дня 1881 года, Варшава.

Пишутъ намъ изъ Бобруйска, что 21 и 22-го мая (стараго стиля) городишко нашъ имѣлъ честь принимать у себя пастыря Минской епархіи восточнаго исповѣданія Его Преосвященство епископа Варлаама. Насколько этотъ духовный сановникъ высоко цѣнится не только своими оффиціальными овцами, но и всѣмъ здѣшнимъ обществомъ, доказываетъ то, что общественная толпа, состоящая изъ дамъ, высшихъ и низшихъ чиновниковъ и офицеровъ разныхъ ступеней, присутствовала на двухъ его службахъ, совершенныхъ въ городѣ и крѣпости, а равно и то еще, что даже вообще, и очень извѣстный всѣмъ, здѣшній католическій деканъ Фердинандъ Сенчиковскій съ викарнымъ Романовскимъ присутствовали *въ церкви на этихъ службахъ.* Деканъ и въ прошломъ году принималъ Его Преосвященство у себя въ приходскомъ костелѣ, при звукѣ колоколовъ и со святою водою. Въ толпѣ народа мы видѣли тоже присутствующихъ въ соборѣ, со своимъ инспекторомъ во главѣ, учениковъ здѣшней прогимназіи; молодежь была обоихъ исповѣданій. Вѣроятно только болѣзненное состояніе здоровья помѣшало здѣшнему римско-католическому законоучителю лично участвовать и руководить въ церкви своими воспитанниками, которыхъ онъ довѣрилъ достойному г-ну инспектору. Его Преосвященство епископъ Варлаамъ, принимая во вниманіе оказываемыя ему католическимъ деканомъ Сенчиковскимъ почести, передъ отъѣздомъ изволилъ принять покорное приглашеніе на чай и тосты, навѣстилъ его 22-го мая, на этотъ разъ въ квартирѣ, только принятый громкимъ колокольнымъ звономъ. Осчастливленный-же деканъ Сенчиковскій, прощаясь передъ отъѣздомъ, многократно цѣловалъ пастырскія руки и лицо. Присутствовавшіе обоихъ исповѣданій духовные провозглашали тосты. И такъ невинное увеселеніе дѣлало пріятнымъ это угощеніе.»

Почти одновременно задѣла Сенчиковскаго и другая газета.

Вотъ выдержки статьи, помѣщенной въ журналѣ *«Тыгодникъ Повшехны»* № 30 й, 3-го (15) мая 1881 года. Варшава (въ переводѣ съ польскаго) **):

---

*) Дѣло № 63 Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. «Свящ. Сенчиковскій».

**) Тамъ-же. По переводу, имѣющемуся въ Департаментѣ, при дѣлѣ.

«Корреспонденція Тыгодника.

Съ береговъ Березины, 30-го марта.

Извѣстія съ береговъ Нѣмана, Виліи, Невяжи, Свислочи и Березины рѣдко когда появляются на столбцахъ періодическихъ писемъ варшавскихъ. Поэтому, быть можетъ, настоящее письмо будетъ помѣщено въ Тыгодникѣ. О томъ, что̀ болитъ, и о томъ, что̀ насъ радуетъ, желаю поговорить съ вами, хотя того, что̀ болитъ, у насъ гораздо больше. Начну съ нашего земства.

Прежніе здѣшніе помѣщики очень рѣдки, ибо, состоя подъ гнетомъ *пришельцевъ*, называющихся предводителями дворянства (маршалками) отъ короны, они не могутъ имѣть никакой иниціативы подъ видомъ удовлетворенія потребностей матеріальной стороны *и быта Духа*. Благодаря, однако-жъ, мѣстнымъ этнографическимъ условіямъ и, главное, природной намъ проницательности, мы сумѣли пережить крестьянскій кризисъ и намъ удалось спастись отъ окончательнаго разоренія, съ изъятіемъ немногихъ.....

Народъ въ достаточномъ количествѣ надѣленъ землею, и не пресытившись еще свободою реформы, неохотно трудится и съ отвращеніемъ относится къ заработкамъ въ помѣщичьихъ дворахъ.

Что касается имѣній, перешедшихъ въ руки новыхъ пришельцевъ, то таковыя находятся въ самомъ плачевномъ положеніи. Владѣльцы этихъ имѣній—все это чиновники, непонимающіе ни мѣстныхъ условій, ни хозяйственныхъ основаній, привыкшіе жить за средства, превышающія ихъ состояніе; они закладываютъ за долги землю и, наконецъ, легко отказываются отъ того, что̀ такъ легко ими получено. Словомъ, имѣнія эти, какъ мячикъ, переходятъ изъ рукъ въ руки, постепенно разоряются и теряютъ свое прежнее достоинство....

Смотря на моральное народнаго духа состояніе здѣшнихъ помѣщиковъ, приходится пожелать бо̀льшаго, нежели подъ видомъ хозяйства. Замкнутость самихъ съ собою; хладнокровіе къ обоюдной замѣнѣ серьезныхъ мыслей; ни малѣйшихъ стремленій къ выработанію вѣрнаго направленія, понятій и стремленій; даже недостатокъ теплыхъ, общественныхъ чувствъ - все это сильно трогаетъ тѣхъ, которые желаютъ общественнаго блага и смотрятъ въ будущность...

Столкновеніе элементовъ прежняго съ новымъ, такое неосмотрительное заискиваніе и угожденіе портятъ и коробятъ чувства, понятія, выраженія и прежніе наши обычаи... Одно только осталось, связывающее общество огниво,—это несчастныя карты, поглощающія столько времени и разстраивающія столько умственныхъ способностей. Но у насъ имѣются лица, которыя доказываютъ, что карты—это лучшее умственное занятіе и благороднѣйшее развлеченіе...

Солидныя сочиненія рѣдко у кого имѣются; фельетоны-же и повѣсти составляютъ здѣсь умственную пищу прекраснаго и непрекраснаго пола. Періодическія письма получаются здѣсь почти всѣми, но рѣдко кто относится къ нимъ серьезно. Равнодушіе къ религіи и жалкое понятіе о прежнихъ патріархальныхъ обычаяхъ, а равно прежнія сосѣднія отношенія и родственныя узы здѣсь почти не встрѣчаются....

Вліяніе реформы на положеніе крестьянъ повидимому здѣсь увеличивается, это замѣтно: хозяйственныя постройки и сараи обширны, избы красивы, съ большими окнами и крылечками, явились на мѣсто прежнихъ темныхъ лѣпянокъ и курныхъ хатъ. Хорошее устройство хозяйства и значительное количество домашнихъ животныхъ свидѣтельствуютъ о достаткѣ крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ подданныхъ. Полагаю, что если бы не вредное вліяніе водки и не злоупотребленія всякаго рода представителей мѣстной администраціи, то положеніе крестьяъ было-бы болѣе отраднымъ....

Моральнымъ-же состояніемъ крестьянъ нельзя порадоваться; не видно еще плодовъ ни народныхъ училищъ, ни вліянія духовныхъ лицъ, ни самоуправленія – чувствуется какая-то, *но безполезная*, перемѣна. Прежнее покровительство помѣщика полезнѣе дѣйствовало на крестьянина въ моральномъ отношеніи, нежели теперешнее самоуправленіе. Прежде помѣщики усердно заботились о состояніи здоровья крестьянъ; въ настоящее-же время не видно дабы кто-либо думалъ объ этомъ серьезно; занимаются, правда, состояніемъ крестьянскаго здоровья, но только на бумагѣ. Вотъ въ окрестностяхъ Глуска и Бобруйска массами деревенскій народъ мретъ отъ повальной эпидеміи оспы, уже нѣсколько мѣсяцевъ существующей у насъ; всѣ умершіе были не привиты, но объ устраненіи эпидеміи никто серьезно не думаетъ.

Положеніе мелкой чиншевой шляхты въ самомъ жалкомъ состояніи, и самая страшная казнь (plaga), какъ для шляхты, такъ и помѣщиковъ, это большой недостатокъ свѣтлаго и достойнаго римско-католическаго духовенства, которое у насъ состоитъ изъ людей, мало цѣнящихъ свое высокое призваніе, и составляетъ общество ремесленниковъ, но не служителей алтаря; или хуже этого, есть сборище личностей, *отказавшихся* отъ ученія Рима и кланяющихся собственнымъ богамъ, совершающихъ свои обязанности оффиціально, *преданныхъ полицейско-инквизиторской должности, какъ н: п: бывшій визитаторъ Минской епархіи.* *) Эти, недостойные своего призванія, люди дѣлаются распространителями безвѣрія, отталкиваютъ отъ посѣщенія костела людей, образованныхъ членовъ общества, и бодрствуя при костелахъ,

*) Т. е. Сенчиковскій.

сбиваютъ съ толку темный народъ. Эти ксендзы къ истинной вѣрѣ приписываютъ частицы другихъ исповѣданій. (Все это объ языкѣ русскомъ). Между тѣмъ много приходовъ очень обширныхъ остаются безъ исполненія требъ, или-же эти требы исполняются небрежно, оффиціально и то чрезъ одного ксендза на нѣсколько приходовъ. Помѣщики-же по нѣсколько лѣтъ уже не бываютъ въ костелахъ на Богослуженіи. (Почему-же не бываютъ?) Народъ-же бѣдный живетъ только внутреннею вѣрою, не креститъ дѣтей и самъ хоронитъ своихъ умершихъ. (Гдѣ-же это и почему не приглашаютъ ксендза?). Кажется, что здѣсь явилась какая-то новая секта раціонально-философствующихъ, не придерживающихся никакого исповѣданія. И только приходится удивляться и приписать какому-то чуду, что здѣсь не распространился нигилизмъ... Это чудо, быть можетъ, благодаря преданію нашихъ предковъ. Всѣ здѣсь надѣются, что Высокое Правительство, заботясь о дѣйствительно моральномъ воспитаніи народа, обратитъ, наконецъ, вниманіе на качество и количество здѣшняго римско-католическаго духовенства, которое могло-бы лучше, чѣмъ Толстовско-Катковскія учебныя заведенія, повліять на общество, и которое-бы, въ минуту фанатизма партіи, отказалось бы быть апостолами беззаконія.»

Къ этой статьѣ (и предыдущей) сдѣлано примѣчаніе Сенчиковскаго:

«По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ обѣ эти статьи писалъ находящійся въ г. Бобруйскѣ, подъ надзоромъ полиціи, и ссыльный за политическую неблагонадежность нѣкто Ласкарисъ, состоящій въ родствѣ съ мѣстными, польскаго происхожденія, помѣщиками.»

Сенчиковскому-же принадлежатъ и замѣтки, вставленныя его рукою, въ скобкахъ.

Въ статьѣ, собственно, интересно описаніе матеріальнаго, нравственнаго состоянія населенія того времени въ мѣстностяхъ, гдѣ приходилось проводить Сенчиковскому русское дѣло.

Если большое — личное горе причинило Сенчиковскому наглое глумленіе прелата Макаревича надъ прахомъ его родителей, то не менѣе горя довелось ему испытать по поводу найденныхъ имъ въ Бобруйскѣ мощей св. мученика Теофиля.

Вотъ какъ объ этомъ происшествіи и. д. Минскаго губернатора, вице-губернаторъ Альбединскій (23 августа 1881 года, за № 331) *) доноситъ Министру Вн. Дѣлъ:

*) Дѣло № 63 Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. «Свящ. Сенчиковскій».

«Бобруйскій полиціймейстеръ, 18 сего августа, донесъ мнѣ, что 9 числа настоятель Бобруйской р.-к. церкви, священникъ Сенчиковскій, по окончаніи богослуженія, объявилъ присутствовавшимъ въ церкви прихожанамъ, что въ подвалѣ оной, при приведеніи въ порядокъ церковныхъ принадлежностей, имъ найденъ разбитый сосудъ или ящикъ, въ которомъ оказались останки св. Теофиля, какъ это видно изъ записки на латинскомъ языкѣ, найденной между останками и написанной первымъ Минскимъ епископомъ Дедерко, въ которой говорится, что эти останки св. Теофиля имъ, епископомъ, въ 1799 году, отданы на храненіе въ Бобруйскую церковь и что стеклянный сосудъ, будто-бы, обрызганъ кровью самого Теофиля. При этомъ свящ. Сенчиковскій заявилъ, что найденные останки онъ предполагаетъ перенести въ церковь 15 августа. Узнавъ объ изложенномъ отъ присутствовавшаго въ церкви помощника пристава, полиціймейстеръ явился къ свящ. Сенчиковскому и предложилъ ему, до разрѣшенія вопроса объ открытыхъ въ церкви останкахъ, о коихъ, какъ оказалось, въ дѣлахъ оной, никакихъ свѣдѣній не имѣется, — положить эти кости на прежнее мѣсто и, во избѣжаніе всякихъ толковъ, не выставлять ихъ народу. Но свящ. Сенчиковскій, не обративъ вниманія на предложеніе полиціймейстера, началъ повсюду разглашать, какъ о помянутой находкѣ, такъ и о своихъ намѣреніяхъ въ отношеніи послѣдней. Благодаря такому образу дѣйствій въ семъ дѣлѣ свящ. Сенчиковскаго, въ теченіи нѣсколькихъ дней, всѣмъ жителямъ города и уѣзда сдѣлалось извѣстнымъ о найденныхъ въ Бобруйской церкви останкахъ, что́ производило всякаго рода толки въ населеніи. 15 августа полиціймейстеръ, прибывъ въ церковь, засталъ громадное стеченіе народа, числомъ до 3000 человѣкъ, среди которыхъ были и православные. Изъ разговоровъ и разсужденій толпы полиціймейстеръ заключилъ, что нѣкоторая часть присутствовавшихъ отнеслась неодобрительно къ этому случаю, заявляя, что разглашеніемъ объ открытіи какихъ-то останковъ свящ. Сенчиковскій желаетъ, будто бы, привлечь прихожанъ къ разнымъ пожертвованіямъ, и тѣмъ увеличить свои доходы. Вслѣдъ за симъ, когда въ церковь внесенъ былъ отдѣланный разными украшеніями со стеклянной крышкою ящикъ, священникъ Сенчиковскій, въ присутствіи болѣе 2000 прихожанъ простолюдиновъ и около 200 человѣкъ другихъ сословій, отслужилъ вечерню, съ пѣніемъ гимна «Тебе Бога хвалимъ» на латинскомъ языкѣ, и въ концѣ оной совершилъ молебствіе надъ найденными останками, прочитавъ при этомъ, съ переводомъ съ латинскаго на русскій языкъ, вышеупомянутое письмо епископа Дедерко. По окончаніи-же сего, прихожане начали приносить поклоненіе выставленнымъ останкамъ.

Съ своей стороны, разсмотрѣвъ все вышеизложенное, имѣю

честь почтительнѣйше доложить Вашему Сіятельству, что, въ виду совершившагося нынѣ факта разглашенія священникомъ Сенчиковскимъ прихожанамъ объ открытыхъ останкахъ, принадлежащихъ, будто бы, св. мученику Теофилю, а равно и выставленія ихъ прихожанамъ для поклоненія, я призналъ болѣе осторожнымъ, въ предупрежденіе возможности проявленія религіознаго возбужденія католическаго населенія, помимо ближайшаго участія подлежащей духовной власти, не приступать пока къ какимъ либо зависящимъ отъ свѣтской власти распоряженіямъ, а равно и не входить въ обсужденіе дѣйствій священника Сенчиковскаго по настоящему предмету, почему, вмѣстѣ съ симъ, и отнесся къ управляющему Виленскою римско-католическою епархіею о сообщеніи мнѣ ближайшихъ свѣдѣній и его заключенія по поводу изложеннаго случая, по полученіи коихъ, и о дальнѣйшемъ ходѣ сего дѣла я буду имѣть честь доложить Вашему Сіятельству своевременно.

Независимо сего, считаю долгомъ присовокупить, что, при нѣкоторомъ недовѣріи, питаемомъ къ священнику Сенчиковскому мѣстнымъ католическимъ населеніемъ, по мнѣнію моему, едва-ли можно ожидать, что этотъ случай произведетъ значительное религіозное возбужденіе въ такихъ размѣрахъ, чтобы, по разслѣдованіи духовною властью, не представилось вполнѣ возможнымъ убѣдить прихожанъ въ вѣроятной неправдоподобности открытія какихъ-то останковъ, и тѣмъ прекратить все это дѣло».

Въ этой бумагѣ характерно: и присутствіе «православныхъ» въ костелѣ, и подслушанныя полиціей въ толпѣ сомнѣнія прихожанъ, и намекъ на возможность народнаго волненія.... Однимъ словомъ передъ нами—типичный документъ полицейско-чиновной стряпни, когда желательно допечь человѣка, всѣмъ надоѣвшаго и непользующагося поддержкою высшаго начальства ...

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ дополнительныхъ донесеній Министру Вн. Дѣлъ того-же и. д. губернатора, вице-губернатора Альбединскаго.

Приведемъ и ихъ. *)

1) 7 сентября 1881 года, № 351.

«Въ дополненіе представленія моего отъ 23 минувшаго августа, за № 331, имѣю честь доложить Вашему Сіятельству, что, по доставленнымъ Бобруйскимъ полиціймейстеромъ свѣдѣніямъ, найденныя настоятелемъ Бобруйской римско-католической церкви, священникомъ Сенчиковскимъ, въ ризницѣ оной, заключенные въ ящикъ останки, представляютъ неполный человѣческій скелетъ, состоящій изъ сгнившихъ и потемнѣвшихъ отъ времени костей, при чемъ, въ томъ-же ящикѣ, находился разбитый сте-

*) Всѣ они въ томъ-же дѣлѣ.

клянный стаканъ, на которомъ видны слѣды запекшейся крови.—Католическое населеніе города и уѣзда къ выставленнымъ частямъ костей, будто-бы св. Теофиля, относится съ замѣтнымъ недовѣріемъ, иногда прямо заявляя, что священникъ Сенчиковскій совершилъ означенныя дѣйствія въ видахъ собственной своей выгоды. Хотя молящихся предъ тѣмъ алтаремъ, гдѣ выставленъ ящикъ съ найденными останками, по удостовѣренію полиціймейстера, посѣщающаго нынѣ эту церковь ежедневно,—и бываетъ довольно много, но особенно не замѣтно, чтобы народъ шелъ собственно для поклоненія останкамъ, ибо, и до описаннаго случая, всегда къ этому алтарю стекались богомольцы. Вообще, съ полнымъ основаніемъ можно допустить, что настоящими своими дѣйствіями священникъ Сенчиковскій могъ произвести нѣкоторое впечатлѣніе, и то не на продолжительное время, и не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ-бы онъ желалъ,—только среди простолюдиновъ.

Засимъ, не могу умолчать предъ Вашимъ Сіятельствомъ о нижеслѣдующихъ, крайне несообразныхъ, дѣйствіяхъ ксендза Сенчиковскаго: какъ оказалось нынѣ, Бобруйскій полиціймейстеръ, пригласивъ священника Сенчиковскаго не выставлять 15 августа публично въ церкви, впредь до надлежащаго разрѣшенія, найденныхъ имъ останковъ, на что́ сначала тотъ какъ будто-бы и далъ слово, и не будучи все таки увѣренъ, зная характеръ дѣятельности священника Сенчиковскаго, что послѣдній исполнитъ его предложеніе,—прибылъ въ день Успенія Божіей Матери въ церковь, къ литургіи, дабы лично убѣдиться въ справедливости своихъ предположеній. По окончаніи литургіи, дѣйствительно, ничего ожидавшагося полиціймейстеромъ не произошло, и молящіеся разошлись изъ церкви. Но священникъ Сенчиковскій, воспользовавшись уходомъ полицейскаго пристава и отсутствіемъ на вечернемъ богослуженіи того-же дня полиціймейстера, никакъ не допускавшаго уже возможности совершенія имъ чего либо подобнаго 15-же августа, выставилъ найденные останки сначала на большомъ, а затѣмъ на маломъ алтарѣ, и совершилъ предъ ними молебствіе, съ пѣніемъ гимна «Тебе Бога хвалимъ», на латинскомъ языкѣ.—Изъ вышеизложеннаго Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть, что священникъ Сенчиковскій, независимо нарушенія каноническихъ правилъ римско-католической церкви, выразившихся въ совершеніи поклоненія открытымъ останкамъ безъ разрѣшенія духовной власти, описаннымъ, по отношенію къ Бобруйскому полиціймейстеру, образомъ дѣйствій дозволилъ себѣ явное неисполненіе законныхъ требованій мѣстной полицейской власти, употребивъ пріемы, вполнѣ недостойные занимаемымъ имъ, священникомъ Сенчиковскимъ, духовному сану и должности.

Съ своей стороны, управляющій Виленскою римско-католи-

ческою епархіею сообщилъ мнѣ, что до 20 числа августа, т. е. до дня полученія въ консисторіи рапорта священника Сенчиковскаго отъ 18 августа, ему, прелату Жилинскому, ничего не было извѣстно о найденныхъ помянутымъ священникомъ въ ризницѣ Бобруйской церкви мощахъ (реликвіяхъ) мученика Теофиля, а равно, что безъ его, прелата, вѣдома, совершались деканомъ всѣ молитвенныя дѣйствія надъ найденными мощами. Поэтому, для разъясненія всѣхъ обстоятельствъ сего дѣла и для производства тщательнѣйшаго разслѣдованія, управляющій епархіею призналъ необходимымъ вызвать къ себѣ для объясненій священника Сенчиковскаго и командировать въ г. Бобруйскъ 1-го ассесора консисторіи, кустоша капитула кафедральнаго собора, прелата Копцеговича вмѣстѣ съ бывшимъ настоятелемъ Бобруйской церкви, Минскимъ деканомъ каноникомъ Макаревичемъ.

Находя такое направленіе, данное этому дѣлу управляющимъ епархіею, вполнѣ правильнымъ и соотвѣтственнымъ обстоятельствамъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, призналъ необходимымъ, для собранія обстоятельныхъ свѣдѣній и разъясненія сказаннаго дѣла, командировать съ означенными лицами одного изъ помощниковъ правителя канцеляріи губернатора, надворнаго совѣтника Крылова, которому и преподаны мною надлежащія инструкціи.

О послѣдствіяхъ означенной командировки я буду имѣть честь представить Вашему Сіятельству особо.»

2) 5 октября 1881 года, № 396.

«Въ послѣдствіе предложенія Вашего Сіятельства, отъ 12 минувшаго сентября, за № 4279, по предмету снятія съ алтаря Бобруйской римско-католической церкви раки съ мощами будто-бы св. Теофиля, найденными священникомъ Сенчиковскимъ, и помѣщенія ея, по прежнему, въ ризницѣ,—имѣю честь доложить, что мною, 21 того-же сентября, предложено было Бобруйскому полиціймейстеру принять всѣ зависящія мѣры, чтобы таковое перенесеніе помянутыхъ мощей въ ризницу совершено было священникомъ Сенчиковскимъ негласно, безъ предварительнаго извѣщенія объ этомъ прихожанъ, и безъ нахожденія кого либо въ то время въ церкви.

Нынѣ Бобруйскій полиціймейстеръ донесъ мнѣ, что священникъ Сенчиковскій, получивъ распоряженіе управляющаго Виленскою римско-католическою епархіею о снятіи съ алтаря раки съ мощами, отказывается исполнить таковое, не смотря на всѣ указанія полиціймейстера о томъ, что распоряженія прелата Жилинскаго основаны на предложеніи Высшаго Правительства.

Объ изложенномъ считаю долгомъ доложить Вашему Сіятельству и присовокупить, что я, вмѣстѣ съ симъ, отнесся къ г. управляющему епархіею о принятіи, съ его стороны, настоятельныхъ и энергическихъ мѣръ къ исполненію священникомъ Сенчиковскимъ приказанія Вашего Сіятельства.

3) 12 октября 1881 года, № 404.

«Въ послѣдствіе представленія моего отъ 7 минувшаго сентября, за № 351, имѣю честь доложить Вашему Сіятельству, что свѣдѣнія, собранныя командированнымъ мною въ г. Бобруйскъ чиновникомъ канцеляріи начальника губерніи, объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ открытіе и освященіе мощей, будто бы, св. Теофиля, найденныхъ священникомъ Бобруйской римско-католической церкви Сенчиковскимъ,—являются вполнѣ тождественными съ тѣми данными по сему предмету, которыя я уже имѣлъ честь изложить Вашему Сіятельству, въ представленіяхъ моихъ, за №№ 331 и 351. Независимо сего, ассесоромъ Виленской римско-католической консисторіи прелатомъ Копцеговичемъ, производившимъ по порученію г. управляющаго епархіею разслѣдованіе о дѣйствіяхъ Сенчиковскаго, добыты еще нижеслѣдующія, заслуживающія особаго вниманія, частныя подробности настоящаго дѣла.

Изъ акта осмотра ризницы Бобруйской церкви, произведеннаго прелатомъ Копцеговичемъ, видно, что священникомъ Сенчиковскимъ найдены собственно два отдѣльные ящика съ человѣческими костями, заключавшіе въ себѣ каждый по запискѣ на латинскомъ языкѣ Минскаго епископа Дедерки, которые священникомъ Сенчиковскимъ вложены вмѣстѣ съ костями въ запаянный и запечатанный ящикъ, находящійся нынѣ на одномъ изъ алтарей церкви, такъ что для прелата Копцеговича не представилось возможнымъ провѣрить подлинность этихъ документовъ. Засимъ, на вопросы, предложенные прелатомъ Копцеговичемъ священнику Сенчиковскому, послѣдній изъяснилъ, что помянутые ящики найдены въ церковной ризницѣ органистами, которые долгое время, по забывчивости, не докладывали ему объ этомъ; что такъ какъ въ документахъ епископа Дедерки, хранившихся въ ящикахъ, ясно, будто бы, было сказано, что найденные останки составляютъ собственность Бобруйской церкви и должны быть хранимы въ приличномъ мѣстѣ, то поэтому оставлять ящики на прежнемъ мѣстѣ и въ разломанномъ видѣ—онъ считалъ невозможнымъ и несогласнымъ съ волею епископа; что дозволилъ себѣ опечатать ящикъ съ останками, на основаніи бывшаго примѣра, когда въ Минской римско католической церкви была разломана и обокрадена рака съ мощами св. Фелиціана, и когда г. управляющій епархіею, вслѣдствіе сего, предписалъ ему, Сенчиковскому, запечатать раку его печатью; что

ящикъ съ останками онъ выставилъ на алтарѣ въ виду заявленія нѣкоторыхъ прихожанъ—старожиловъ викарному священнику и органистамъ о томъ, что эти кости прежде, когда-то, стояли на алтарѣ; что такъ какъ, по правиламъ римско-католической церкви, на всѣхъ церковныхъ алтаряхъ должны имѣться мощи, то, по его мнѣнію, духовное начальство было-бы недовольно, если бы онъ Сенчиковскій, не поступилъ такъ, какъ это онъ сдѣлалъ нынѣ съ найденными костями; что самое перенесеніе послѣднихъ на алтарь было совершено безъ малѣйшаго волненія среди присутствовавшихъ прихожанъ, изъ коихъ многіе, будто бы, даже ничего и не знали о сказанной находкѣ, такъ какъ привыкли видѣть всегда на алтаряхъ мощи; и, наконецъ, что онъ, Сенчиковскій, по долгу сана и деканской должности и согласно церковному уставу, обязанъ былъ поступить такъ, какъ это онъ нынѣ сдѣлалъ.

Спрошенный прелатомъ Копцеговичемъ викарный Бобруйской церкви, Романовскій, изложилъ, что о находкѣ, будто бы, мощей св. Теофиля ему сообщилъ настоятель Сенчиковскій еще въ мартѣ или апрѣлѣ текущаго года, но онъ, Романовскій, увидѣлъ ихъ лишь въ августѣ мѣсяцѣ въ квартирѣ Сенчиковскаго, гдѣ они хранились до переложенія ихъ Сенчиковскимъ въ новый ящикъ, что́ совершено было на квартирѣ послѣдняго; что ящикъ перенесенъ былъ 15 августа изъ квартиры Сенчиковскаго въ церковь, предъ вечерней, безъ всякой церемоніи, причемъ пѣли лишь псалмы 148, 149, 150 и 116 на латинскомъ языкѣ, и, наконецъ, что устроенный Сенчиковскимъ, будто бы, новый ящикъ для помѣщенія костей передѣланъ изъ акваріума, бывшаго у него прежде.

Органистъ Розинко показалъ, что онъ узналъ о находкѣ ящиковъ съ костями дня за три до Успенія Пресвятыя Богородицы отъ органиста Глинскаго и отъ настоятеля Сенчиковскаго.

Органистъ Глинскій показалъ, что ящики найдены имъ вмѣстѣ съ органистомъ Володзько еще въ 1880 году, но какого мѣсяца—не помнитъ; что послѣ сообщенія о семъ настоятелю Сенчиковскому, послѣдній взялъ эти ящики къ себѣ на квартиру для приведенія ихъ въ лучшій видъ; что Сенчиковскій намѣренъ былъ о найденныхъ мощахъ объявить при производствѣ какой-то епископской ревизіи, которая должна, будто-бы, произойти тотчасъ по окончаніи переговоровъ русскаго Правительства съ Римомъ; что эти мощи, по словамъ нѣкоторыхъ прихожанъ, стояли прежде на алтарѣ, но во время мятежа были убраны съ него; что, по перенесеніи ящика изъ квартиры настоятеля Сенчиковскаго въ церковь, исполнены были три псалма на латинскомъ языкѣ, и затѣмъ, при пѣніи «Laudate dominum omnes gentes», поставили его на алтарь Спасителя, гдѣ пропѣли

акафистъ ко всѣмъ святымъ и «Тебе Бога хвалимъ» на латинскомъ-же языкѣ.

Кромѣ того, прелатомъ Копцеговичемъ были спрошены трое прихожанъ церкви изъ старожиловъ г. Бобруйска, а именно Иванъ Малашевскій, Константинъ Янковскій и Александръ Ярковскій, которые показали, что имъ, до настоящаго времени, ничего не было извѣстно о нахожденіи въ Бобруйской церкви какихъ-то мощей св. Теофила, и что они не могутъ допустить, чтобы вообще подобная святыня, если-бы она находилась въ Бобруйской церкви, могла ранѣе оставаться въ забвеніи.

Деканъ по Минскому уѣзду, каноникъ Макаревичъ, бывшій настоятель Бобруйской церкви съ 1859 по 1877 года, показалъ, что, во время завѣдыванія означенной церковью, мощей св. Теофиля въ оной нигдѣ не находилось и о возможности существованія ихъ въ церкви онъ никогда ни отъ кого не слыхалъ.

Обо всемъ вышеизложенномъ считая долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, съ тѣмъ вмѣстѣ имѣю честь приложить засвидѣтельствованную мною копію съ копіи рапорта прелата Копцеговича г. управляющему Виленскою Римско-Католическою Епархіею о дѣйствіяхъ священника Сенчиковскаго по настоящему предмету».

При послѣднемъ донесеніи Альбединскій приложилъ слѣдующую копію:

«1881 года, сентября 4 дня.

Весьма секретно.

Его Высокопреподобію, Господину Управляющему Виленскою Римско-Католическою Епархіею, Прелату-Препозиту и Кавалеру Жилинскому.

Прелата Александра Копцеговича. Рапортъ.

Вслѣдствіе предложенія Вашего Высокопреподобія, отъ 27 августа сего 1881 года, за № 980, относительно производства разслѣдованія объ открытыхъ настоятелемъ Бобруйскаго костела, ксендзомъ Сенчиковскимъ, мощахъ св. Теофиля и о перенесеніи ихъ на алтарь Спасителя, съ публичнымъ чествованіемъ въ день Успенія Пресвятыя Богородицы 15 августа,—имѣю честь представить при семъ подлинное, по разслѣдованію этого обстоятельства, дѣло, изъ котораго Ваше Высокопреподобіе можете усмотрѣть:

1) что обстоятельства, сопровождавшія розысканіе мощей, вполнѣ не удостовѣрены, ибо въ дѣлѣ встрѣчаются, по этому поводу, разнорѣчивыя показанія самыхъ участниковъ открытія ихъ;

2) найденныя при мощахъ въ ящикахъ, съ которыхъ ксендзомъ Сенчиковскимъ сорваны шнуры и печати, подлинныя рукописи епископа Дедерко въ разсмотрѣніи при производствѣ дѣла не были, ибо онѣ хранятся въ залитомъ свинцомъ ящикѣ, опечатанномъ ксендзомъ Сенчиковскимъ; изъ копіи-же видно только то, что епископомъ Дедерко мощи эти были вновь опечатаны при визитаціи костела и переданы на храненіе въ Бобруйскій костелъ, причемъ въ рукописяхъ нѣтъ упоминанія о первоначальномъ документѣ, удостовѣряющемъ подлинность этихъ мощей;

3) указаніе свидѣтельницы Кулевичевой на заявленіе какой-то старухи, при стеченіи народа, о томъ, что мощи эти, будто бы, въ 30-хъ годахъ находились на алтарѣ въ богато убранномъ ящикѣ, совершенно голословно, ибо опровергается: во первыхъ,—инвентарною описью, составленною въ 1828 году, въ которой о мощахъ св. Теофиля не упоминается, а во вторыхъ—показаніями трехъ старожиловъ и каноника Макаревича, бывшаго настоятелемъ 18-ь лѣтъ въ этомъ костелѣ, что имъ положительно о мощахъ этихъ ничего не было извѣстно до сего времени, и раньше они ни отъ кого о таковыхъ не слыхали; старуха-же, заявившая о нахожденіи мощей на алтарѣ въ 30-хъ годахъ, представляется мифическою личностью, ибо, какъ оказалось по дознанію, никому изъ спрошенныхъ лицъ неизвѣстна и неразыскана; и

4) рапортъ въ консисторію ксендза Сенчиковскаго о томъ, что имъ устроенъ ящикъ для переложенія мощей стоимостью въ 40 рублей съ художественными украшеніями, изображающими ангеловъ,—является чистымъ, со стороны ксендза Сенчиковскаго, вымысломъ, такъ какъ изъ показаній спрошенныхъ по этому предмету лицъ выясняется, что рака для мощей приспособлена изъ негоднаго къ употребленію аквариума, бывшаго собственностью ксендза Сенчиковскаго, а художественныя, по его заявленію, изображенія ангеловъ куплены на деньги ксендза Сенчиковскаго органистомъ Розинко по 20 коп. за штуку.

Предположивъ, что найденныя ксендзомъ Сенчиковскимъ мощи дѣйствительно составляютъ останки св. Теофиля, въ тоже время нельзя съ положительною увѣренностью сказать, что мощи эти подлинны, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, ибо изъ рукописей епископа Дедерко, представленныхъ въ копіяхъ, видно только то, что останки эти были имъ лично запечатаны при визитаціи костела, слѣдовательно и раньше они были вскрыты; что на нихъ первоначальнаго, присланнаго изъ Рима документа, какъ то можно предполагать,—и въ то время не было, почему мощи эти епископомъ Дедерко были сданы въ Бобруйскій костелъ лишь только для храненія; о публичномъ-же чествованіи этихъ мощей ничего въ рукопи-

сяхъ не упоминается, и епископъ Дедерко не удостовѣряетъ ихъ подлинность. Ксендзъ Сенчиковскій, вскрывъ самопроизвольно старые ящики съ останками мощей, нарушивъ при томъ цѣлость печатей и шнуровъ и переложивъ въ приготовленный имъ самимъ ящикъ, безъ разрѣшенія духовнаго начальства, и безъ участія начальства гражданскаго, тѣмъ самымъ еще болѣе подвергъ сомнѣнію подлинность мощей, и въ то-же время нарушилъ святость и неприкосновенность найденныхъ останковъ.

Главное участіе въ этомъ дѣлѣ ксендза Сенчиковскаго, вопреки: 1) каноническому праву, изданному епископомъ Красинскимъ, § 28 «о церковныхъ вещахъ», основанному на буллѣ Папы Урбана VIII, «Militantis Ecclesiae», 2) Pardellini, томъ VI, стр. 53 и 54, постановленіе Св. Конгрегаціи Обрядовъ, и 3) Сочиненіе Suillois, томъ II, стр. 128, «О чествованіи Святыхъ», которыми воспрещается выставлять мощи сомнительнаго происхожденія, по мнѣнію моему, должно наводить на мысль о небезупречности его въ этомъ случаѣ побужденій, ибо, во первыхъ, въ рапортѣ его въ консисторію, онъ умышленно старается навести на подозрѣніе въ сокрытіи мощей каноникомъ Макаревичемъ, котораго тутъ-же чернитъ, выставляя, будто-бы, фактъ о похищеніи иконы, совершенно неотносящійся къ настоящему дѣлу и имѣющій характеръ личной непріязни къ своему предмѣстнику, и въ то-же время характеризующій ксендза Сенчиковскаго, какъ человѣка; во вторыхъ,—не пользуясь у мѣстныхъ прихожанъ довѣріемъ и уваженіемъ—въ силу насильственнаго привитія къ дополнительному богослуженію русскаго языка,—ксендзъ Сенчиковскій, выставляя мощи для публичнаго чествованія, чего не рѣшился сдѣлать облеченный властью епископъ Дедерко, можетъ быть, тѣмъ самымъ искусственно хотѣлъ привлечь народныя массы въ костелъ, опустѣвшій со времени нежеланной для прихожанъ реформы, которая является почти исключительно въ этой мѣстности и поселяетъ глухой ропотъ и неудовольствіе, относится къ личнымъ и произвольнымъ дѣйствіямъ ксендза Сенчиковскаго, однако при перенесеніи мощей не рѣшившагося пѣть псалмы, акафистъ и хвалебный гимнъ на русскомъ языкѣ, и вообще старающагося, въ послѣднее время, избѣгать русскаго языка, и замѣняющаго таковой исключительно латинскимъ текстомъ, непонятнымъ массѣ; и въ третьихъ,—можно допустить въ фактѣ перенесенія изъ своей квартиры на алтарь мощей, профанирующемъ святость ихъ,—корыстныя цѣли и побужденія.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я нахожу, съ своей стороны, что дальнѣйшее пребываніе настоятелемъ въ Бобруйскомъ костелѣ ксендза Сенчиковскаго положительно не представляется возможнымъ, такъ какъ самопроизвольнымъ открытіемъ и чествованіемъ мощей онъ въ настоящемъ поселилъ въ народѣ соблазнъ

и недовѣріе къ своимъ дѣйствіямъ, а въ будущемъ—можетъ вызвать серьезныя волненія, могущія возникнуть изъ догадокъ о корыстныхъ побужденіяхъ его съ цѣлью матеріальной эксплуатаціи священными предметами прихожанъ,—почему полагалъ бы, принявъ во вниманіе недостаточность духовенства и въ виду выраженнаго ксендзомъ Сенчиковскимъ желанія пропагандировать русскій языкъ въ дополнительномъ богослуженіи, хотя неумѣстнаго и неудачнаго, не лишая его священства и не заточая въ монастырь, на покаяніе, перевести въ отдаленный приходъ– въ Давидъ-Городокъ, Мозырскаго уѣзда, тѣмъ болѣе, что, по свойству характера, онъ положительно не можетъ быть терпимъ въ центральныхъ приходахъ, такъ какъ извѣстенъ за священника, постоянно сопротивляющагося постановленіямъ, какъ духовнаго, такъ и гражданскаго начальствъ, и занимающагося кляузами и доносами самаго низменнаго свойства.

Что-же касается до останковъ мощей св Теофиля, то о таковыхъ сдѣлать распоряженіе и вмѣнить будущему настоятелю, замѣстителю ксендза Сенчиковскаго, чтобы онъ негласнымъ образомъ хранилъ таковые, согласно документамъ епископа Дедерко, въ ризницѣ, въ скрытомъ мѣстѣ, воспретивъ на будущее время профанацію святыхъ останковъ, которые, въ виду ненахожденія при нихъ первоначальнаго документа, публичному чествованію, на основаніи приведенныхъ выше каноническаго права и другихъ постановленій Церкви, подвергаемы быть не могутъ. Г. Вильна. 4 сентября 1881 года.

Прелатъ Копцеговичъ.»

Припомнимъ, кстати, что Копцеговичъ былъ тотъ самый прелатъ, который писалъ когда-то Сенчиковскому столь теплыя письма, котораго Сенчиковскій поддерживалъ въ борьбѣ съ польско-іезуитскою пропагандою—по введенію русскаго языка въ дополнительное богослуженіе.

А о каноникѣ Макаревичѣ говоритъ, въ своей брошюрѣ, профессоръ Кнапинскій, по неизвѣстнымъ намъ (и едва-ли вѣрнымъ) источникамъ, обвиняя его въ томъ, что еще около 1862 года тотъ пѣлъ по-русски въ Бобруйскомъ костелѣ....

Управляющій Виленскою р.-к. епархіей прелатъ Жилинскій (27 авг. 1881 г. № 983) донесъ Мин. Вн. Дѣлъ генералъ адъютанту гр. Игнатьеву: *)

«Вслѣдствіе отзыва г. Минскаго губернатора (отъ 23 сего авг. за № 332) имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству, что до 20 числа сего-же августа, т. е. до дня полученія въ Виленской р.-к. консисторіи рапорта Бобруйскаго декана кс. Сенчи-

*) Дѣло № 63 Деп. Дух. Д. Ин. Исп. „Свящ. Сенчиковскій».

ковскаго (отъ 18 августа за № 253) при семъ, въ копіи, прилагаемаго, вмѣстѣ съ копіями приложеній къ оному, мнѣ ничего не было извѣстно о находкѣ имъ, Сенчиковскимъ, въ ризницѣ Бобруйскаго костела мощей (реликвіи) св. мученика Теофиля, а равно безъ моего вѣдома и согласія совершались имъ, Сенчиковскимъ, всѣ дѣйствія надъ упомянутыми, найденными имъ, мощами.

Для произведенія тщательнѣйшимъ образомъ по сему предмету разслѣдованія, съ приглашеніемъ, для мѣстныхъ разъясненій, бывшаго до кс. Сенчиковскаго въ Бобруйскѣ, съ давняго времени настоятелемъ каноника Макаревича, мною вмѣстѣ съ симъ дано порученіе прелату Копцеговичу, а кс. Сенчиковскій вызванъ въ Вильну. О чемъ я вмѣстѣ съ симъ увѣдомилъ г. Минскаго губернатора».

Самъ Сенчиковскій о найденныхъ имъ мощахъ пишетъ Министру Вн. Дѣлъ, гр. Игнатьеву (1 сент. 1881 г. за № 242 Бобруйскъ) *) слѣдующее, полное скорби, негодованія и слезъ, письмо:

«Нынѣшняго числа я былъ пораженъ ужасомъ новаго и неожиданнаго горя, меня встрѣтившаго.

Изъ производимаго сегодня слѣдствія о мощахъ св. Теофиля, я съ крайнимъ удивленіемъ, впервые узналъ, какое грандіозное значеніе придано этому дѣлу, совершившемуся у насъ самымъ обыкновеннымъ и преспокойнымъ образомъ. Фактъ былъ слѣдующаго рода:

Органисты Володзько и Глинскій, очищая ризницу, замѣтили между старымъ хламомъ разломанный ящикъ, деревянный, съ частицами костей. Ящикъ крѣпко испорченъ, шнуры—сгнивши, но печати—цѣлы. Когда доложили мнѣ объ этомъ, то я осмотрѣлъ ящикъ, нашелъ между костями удостовѣреніе епископа Дедерко, гласящее, что это—мощи св. мученика Теофиля, принадлежащія Бобруйскому костелу, которыя поручено хранить въ приличномъ мѣстѣ. Но, желая почерпнуть необходимыя свѣдѣнія о найденномъ въ ризницѣ ящикѣ и мощахъ въономъ, я распрашивалъ у многихъ и не скрывалъ этого ни передъ мѣстнымъ полиціймейстеромъ, ни передъ жандармскимъ офицеромъ. По слухамъ-же я узналъ, что мощи эти прежде хранились въ красивомъ ящикѣ, надо полагать, въ футлярѣ, и стояли на алтарѣ. Но одни говорятъ, что во время мятежа, а другіе, что гораздо раньше, неизвѣстно кѣмъ они были сняты съ алтаря и куда дѣвался цѣнный, красивый ящикъ-футляръ—неизвѣстно. Имѣя эти свѣдѣнія, я, затѣмъ, имѣлъ указаніе

---

*) Изъ бумагъ С., хранящихся въ Импер. Публ. Библіотекѣ. По черновику Сенчиковскаго.

г. управляющаго епархіей, данное мнѣ еще въ Минскѣ (если не ошибаюсь въ 1877 году). Въ то время воры разбили ящикъ, находящійся на алтарѣ, въ которомъ хранятся мощи св. мученика Фелиціана, въ Маріинскомъ костелѣ. Указано было тогда составить актъ, ящикъ исправить и опечатать таковой деканской печатью. Къ данному случаю (т. е. съ мощами св. Теофиля) я буквально исполнилъ это указаніе г. управляющаго. Затѣмъ, такъ какъ въ костелахъ нашихъ имѣется на алтаряхъ много разныхъ мощей и какъ мощи св. Теофиля, по слухамъ, тоже были на алтарѣ, то, улучивъ болѣе свободное время, я помѣстилъ эти мощи на одномъ изъ алтарей Бобруйскаго костела. Но, опасаясь, дабы поляки-фанатики, недруги мои и употребляемаго мною русскаго языка, не пожелали-бы доказывать, что я, быть можетъ, что-либо некатолическое, православное, русское поставилъ на алтарь, я прочиталъ народу по-латынѣ и по-русски письмо епископа Дедерки, разъяснилъ, гдѣ найдены эти мощи и помолился при этихъ мощахъ, т. е. пропѣлъ нѣкоторые, соотвѣтствующіе псалмы и акафисты ко всѣмъ святымъ, на языкѣ латинскомъ. Этимъ все и окончилось, и не было никакихъ сборовъ народа, ни приношеній, ни богослуженія, ни публичныхъ процессій—словомъ ничего не было и нѣтъ, въ чемъ посвидѣтельствовали Бобруйскій полиціймейстеръ, жандармскій офицеръ и частный приставъ, постоянно посѣщающіе костелъ. Но и. д. губернатора этому не вѣритъ. И вдругъ я сегодня узнаю, что производится слѣдствіе о сомнительности мощей, о подлогѣ епископскаго документа, о совершенной мною политической демонстраціи и о многихъ, тяжелыхъ преступленіяхъ, которыя я совершилъ этимъ поступкомъ....

Боже мой! Что-же это?!.. Неужели я, мѣстная полиція, Бобруйскій викарный, оба органиста, наконецъ, комендантъ крѣпости и окружающія меня лица потеряли сознаніе, что ничего не видятъ и непонимаютъ?! Неужели вдругъ я сдѣлался до того низокъ, чтобы совершить столько мошенничествъ и такихъ страшныхъ преступленій?!..

Въ продолженіи двухъ-лѣтней моей жизни въ Бобруйскѣ, я привыкъ—встрѣчать въ костелѣ страшные безпорядки, доходящіе до безобразія. Напримѣръ, мраморный образъ Спасителя, цѣнящійся знатоками до 5000 рублей (какъ я узналъ прежде, по слухамъ), мой предмѣстникъ каноникъ Макаревичъ подарилъ женѣ маіора г-жѣ Андреевой. Образъ розысканъ мною и, хотя кс. Макаревичъ, многими изворотами хотѣлъ доказать, что это—его собственность, но когда мѣстные католики удостовѣрили, что образъ этотъ принадлежитъ Бобруйскому костелу, то, по распоряженію б. Министра Л. С. Макова, г. полиціймейстеръ отнялъ образъ отъ Андреевой и возвратилъ въ костелъ. Тоже по слухамъ, я розыскалъ и отнялъ у нее планы на костельную

землю и сѣнокосные луга, которые тоже передалъ ей кс. Макаревичъ. Планы эти я представилъ въ консисторію, которая поручила мнѣ хранить таковые при костелѣ. При очисткѣ костела найдены, тоже между хламомъ, нѣсколько до нельзя испорченныхъ, подлинныхъ, приходскихъ книгъ, которыя я представилъ въ консисторію. Затѣмъ, громадныхъ размѣровъ, великолѣпной живописи, образъ распятія Спасителя найденъ въ ризницѣ, все тамъ-же, между хламомъ, сломанный на нѣсколько частей. Теперь образъ этотъ очищенъ мною, натянутъ на рамкѣ и умѣщенъ на столѣ, въ великомъ алтарѣ. Послѣ всего этого, я не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и мощи сняты съ алтаря, вынуты изъ цѣннаго ящика футляра и брошены туда, гдѣ бросаютъ всякій хламъ и соръ. О подлинности и вѣрности епископской бумаги и печатей, находящихся при мощахъ Св. Теофиля, не было и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: на печатяхъ ясны знаки епископскихъ достоинствъ, т. е. митра, посохъ (p storale) и наперстный епископскій крестъ, письмо-же писано по-латынѣ, стариннымъ почеркомъ и на старинной бумагѣ, и тутъ-же печать—тождественная съ печатями, находящимися на ящикѣ. Хотя письмо найдено мною на днѣ ящика, подъ мощами, но слѣдователи отказались осмотрѣть подлинное письмо епископа, находящееся при мощахъ.

Будучи морально и физически убѣжденъ въ святости и подлинности мощей и вѣрности слуховъ этихъ, я, какъ христіанинъ и іерей, не могъ потерпѣть такого пренебреженія къ святынѣ и, устроивъ, на сколько возможно было, приличный ящикъ, помѣстилъ въ ономъ мощи и поставилъ на алтарѣ, съ котораго прежде кто-то самовольно снялъ оныя.

Вотъ тотъ фактъ и тѣ мотивы, которые руководили мною къ исполненію онаго. И все это мои недруги раздули до ужасающихъ размѣровъ и взводятъ на меня такое преступленіе, о которомъ мнѣ и въ голову не приходило и которое приводитъ меня въ ужасъ....

Бога призываю въ свидѣтели, что кромѣ христіанскаго усердія и чести къ святымъ мощамъ, кромѣ желанія въ такія тяжелыя времена общаго, можно сказать, безвѣрія и хладнокровія къ религіи и Церкви, желая доказать, что и на языкѣ русскомъ можно поддержать въ народѣ духъ молитвы и продлить богослуженіе въ день Успенія Пресв. Дѣвы Маріи, 15 августа, я поставилъ эти мощи на алтарѣ. Въ Бобруйскѣ все спокойно, а многіе, даже и теперь, не знаютъ, гдѣ именно стоятъ эти мощи, потому что не было прежде и теперь нѣтъ никакихъ особенныхъ оповѣщеній или публикацій. Въ Минскѣ-же поднята противъ меня страшная буря, и теперь уже одни засылаютъ меня въ Тобольскъ, другіе лишаютъ сана, званія и должности, а нѣкоторые просто предсказываютъ мнѣ каторгу; иные-же только

посылаютъ меня въ монастырь. И, легко можетъ статься, что я погибну. Это видно изъ самаго производства слѣдствія. Во-1-хъ, лица, назначенныя господиномъ и. д. губернатора для производства слѣдствія—злѣйшіе, непримиримые, личные мои враги, но задушевные друзья кс. Макаревича. Объ этихъ мощахъ я писалъ нѣсколько разъ еще Л. С. Макову. Но не только болѣе, чѣмъ странно, а совершенно противузаконно и ясно—указывающее на мою положительную гибель—назначеніе въ депутаты, по этому слѣдствію, ксендза Макаревича. Можно-ли допустить, дабы кс. Макаревичъ, который подарилъ женщинѣ костельный образъ и документы на церковную землю, кс. Макаревичъ, допустившій страшнѣйшіе безпорядки въ костелѣ и приведшій этотъ костелъ въ плачевное состояніе, кс. Макаревичъ, который (есть основанія предположить) бросилъ въ кучу хлама святыя мощи и воспользовался цѣннымъ ящикомъ, и, наконецъ, кс. Макаревичъ, который ужасно недоволенъ мною за отнятіе отъ Андреевой образа и за уличеніе его во многомъ, неблаговидномъ, сдѣланномъ имъ для Бобруйскаго костела, кс. Макаревичъ, который за все вышеизложенное долженъ отвѣчать и самъ находится подъ слѣдствіемъ—и вдругъ назначается членомъ комиссіи, производящей слѣдствіе объ его же злоупотребленіяхъ въ этомъ же Бобруйскомъ костелѣ!!.. Прелатъ Копцеговичъ, задушевный другъ Макаревича; г. Крыловъ—тоже. Всѣ-же они—мои ярые и непримиримые враги.... Макаревичъ, болѣе моего, заинтересованъ исходомъ дѣла. И его-же сдѣлали изъ подсудимаго судьею, и это—надо мной! Странно: я его обвиняю въ злоупотребленіи, и его-же назначили судить меня! Это уже—верхъ покровительства для ксендза Макаревича и вопіющая несправедливость относительно меня. Вслѣдствіе чего слѣдствіе производилось по своему желанію слѣдователей, по ихъ произволу и завѣдомо пристрастно. Спрашивали лицъ, которыя, по причинѣ фанатизма польскаго и ненависти ко мнѣ, не бываютъ въ костелѣ. Органистъ-же Володзько, нашедшій мощи, вовсе недопрошенъ. Все это—понятно, ибо, признавъ вѣрность мощей, мѣсто ихъ находки и достовѣрность носящихся слуховъ о цѣнномъ ящикѣ, тѣмъ самымъ признаютъ отвѣтственность кс. Макаревича, 19 лѣтъ управлявшаго Бобруйскимъ приходомъ. Опровергнуть-же все это—значитъ погубить меня, а этого уже 14 лѣтъ усерднѣйше добиваются не только Макаревичъ, и ему подобные, личные мои враги, но цѣлая организованная, фанатическо-польская пропаганда, какъ здѣсь, такъ и за-границей. Вотъ почему, на слѣдствіи, все то, что только служило къ разъясненію фактовъ и вѣрности оныхъ, тщательно устранено, подробности, доказывающія подлинность епископскаго письма и печатей, и акта объ ящикѣ, пропущены, и даже на мое письменное, оффиціальное заявленіе не обращено вниманія; письмо-же мое приложить къ дѣлу—отказано. При допросѣ органиста Глинскаго который

вмѣстѣ съ Володзько нашелъ ящикъ съ мощами, прежде всѣ три члена, особенно кс. Макаревичъ, засыпали его, Глинскаго, сбивчивыми вопросами, съ угрозой требовали, дабы онъ не ссылался на слухи, а непремѣнно указывалъ только лица, такъ какъ всѣ слухи—ложь и пустяки. Но, когда Глинскій объяснилъ, что, по слухамъ-же, найденъ и отнятъ у Андреевой образъ костельный—тогда Макаревичъ началъ ласкать Глинскаго и самымъ любезнѣйшимъ способомъ увѣщевалъ его быть осторожнымъ въ показаніяхъ и не писать много, затѣмъ сдѣлалъ Глинскому выговоръ за то, что Глинскій не остался у него, Макаревича, органистомъ. Было даже требуемо отъ Глинскаго слѣдующими словами: «Вы будете отвѣчать, почему прежде не нашли эти мощи, а теперь.»—Словомъ, производство этого слѣдствія—рядъ самыхъ пристрастныхъ и вопреки истины дѣйствій; видны во всемъ явная натяжка и усердное желаніе—во что бы то ни стало возвести на меня страшное преступленіе и обвинить меня въономъ. Если-бы я не имѣлъ прежняго указанія г. управляющаго епархіей, не имѣлъ указанія въ епископской бумагѣ и не имѣлъ-бы основанія, покоющагося на прежнихъ фактахъ крайняго безобразія, совершеннаго кс. Макаревичемъ въ Бобруйскомъ костелѣ, если-бы, наконецъ, я совершилъ публично процессію съ мощами, и не внутри костела, а на улицѣ, совершилъ-бы богослуженіе,—тогда, конечно, я былъ-бы виновенъ. Но ничего подобнаго я не сдѣлалъ. И только за то, что костельныя—же мощи я умѣстилъ на томъ мѣстѣ, на которомъ они прежде были, хотятъ меня погубить и, не стѣсняясь, все дѣлаютъ для этого!...

Поэтому, всечувствительнѣйше повергаю предъ Вашимъ Сіятельствомъ мою просьбу: не откажите оказать мнѣ справедливую защиту въ томъ, во 1-хъ, дабы слѣдствіе было произведено вновь, безпристрастно и лицами, незаинтересованными дѣломъ, знающими судебное дѣлопроизводство, какъ, напримѣръ, мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ, въ присутствіи духовнаго, но магистра богословія, какъ знающаго каноническое право, но не кс. Макаревича, который долженъ быть привлеченъ къ этому-же слѣдствію, какъ обвиняемый, равно какъ и за передачу г-жѣ Андреевой костельнаго образа.

Вотъ еще—обстоятельство, указывающее на желаніе—устроить все во вредъ мнѣ и скрыть истину. Г. управляющій епархіей экстренно вызываетъ меня въ Вильну; но я заболѣлъ и не могъ тогда выѣхать. Тогда и. д. губернатора, телеграммою поручаетъ мѣстному полиціймейстеру немедленно понудить меня къ выѣзду. Но я не могъ уѣхать и слѣдователи пріѣхали въ Бобруйскъ. Оказалось, что я ненуженъ въ Вильнѣ, а только желали, дабы я не присутствовалъ при слѣдствіи. Кажется,

будто я совершилъ страшнѣйшее убійство или политическое преступленіе!...

Ваше Сіятельство! Именемъ правды и справедливости взываю къ Вамъ, какъ къ христіанину и государственному русскому человѣку, не откажите въ своемъ покровительствѣ надо мною въ этомъ вопросѣ! Не позвольте столь открыто глумиться надъ человѣкомъ, который 20 лѣтъ священнической жизни провелъ безпорочно и неподдѣльно служилъ и служитъ видамъ Правительства, и это-то ревностное служеніе Россіи служитъ поводомъ моей 14-лѣтней уже страдальческой жизни! Спасите меня, Ваше Сіятельство, отъ безпрерывно-повторяющагося гоненія и моральнаго истязанія! Перемѣстите меня, Ваше Сіятельство, на должность военнаго капелана, хотя-бы въ Ташкентъ, а если это невозможно, то въ русскія губерніи, даже въ Царство Польское! Мнѣ-бы только быть военнымъ капеланомъ, имѣть дѣло съ военными людьми и не имѣть никакого столкновенія съ епархіальнымъ начальствомъ и съ польскою пропагандою помѣщиковъ—прихожанъ... Если-же и это перемѣщеніе—невозможно, тогда умоляю Васъ о перемѣщеніи меня на должность декана въ Гродну!... Тамъ, на глазахъ у губернатора и употребляя языкъ польскій, я избѣгну постояннаго гоненія. Ибо, если за поименованное здѣсь дѣло, которое сами слѣдователи и злые мои враги изъ ничего раздули до ужасающихъ размѣровъ, если, повторяю, за это дѣло я буду подвергнутъ какому-либо взысканію, тогда я положительно не буду въ состояніи служить на языкѣ русскомъ. Теперь мнѣ невыносимо жить въ Минской губерніи; теперь уже всѣ торжествуютъ. Тогда-же мнѣ не дозволятъ выйти на улицу или произнести хотя-бы одно слово на русскомъ языкѣ. Тогда, если даже и останусь въ Бобруйскѣ, хотя и съ тяжелою грустью и величайшей болью въ душѣ, хотя и противъ моего глубокаго убѣжденія, но ради самозащиты, я вынужденъ буду обстоятельствами—начать употреблять языкъ польскій. Оставаясь-же въ Бобруйскѣ, тогда только буду я прочно употреблять языкъ русскій и по-прежнему служить, когда прекратятся мое гоненіе и преслѣдованіе, какъ со стороны епархіальнаго начальства, такъ и со стороны и. д. губернатора. Начни я употреблять языкъ польскій—тогда меня будутъ на рукахъ носить тѣ самые, которые теперь стремятся погубить меня. Но я сердечно желалъ-бы до того времени, пока не будетъ назначенъ къ намъ епископъ, оставаться въ Бобруйскѣ и прочно употреблять языкъ русскій, отъ котораго отказаться я вынужденъ буду только тогда, когда совершенно безвинно и незаслуженно подвергнутъ меня взысканію за это дѣло и когда духовное и гражданское начальство не перестанетъ преслѣдовать меня.

Я—положительно боленъ: это удостовѣряетъ приложенное

при семъ медицинское свидѣтельство, которое и. д. губернатора и г. управляющій епархіей не приняли въ уваженіе, и не разрѣшили мнѣ поѣздку для лѣченья. Я—окончательно убитъ горемъ; я—въ отчаяніи, ибо ясно видно, какъ серьезно и усердно всѣ и каждый стараются всѣми неправдами добиться моей окончательной гибели, и тогда только надѣются покончить и съ русскимъ вопросомъ въ католицизмѣ.

Именемъ Бога, именемъ всего, что́—святое, молю Ваше Сіятельство, примите меня подъ свое покровительство, не позвольте такъ безвинно глумиться надо мною!

Если невозможно перемѣстить меня въ Москву или на должность военнаго капелана, то оградите меня отъ систематическаго гоненія, дабы я въ Бобруйскѣ могъ продолжать начатое мною русское дѣло! Иначе я долженъ буду, или погибнуть, или-же начать употребленіе языка польскаго!

Сжальтесь, Ваше Сіятельство, надъ моимъ положеніемъ и, принимая во вниманіе мое отчаяніе и горе, простите великодушно мою смѣлость! Но вся моя надежда на Бога и на Васъ, Ваше Сіятельство! Я страдаю за правду. Кромѣ Васъ не имѣю болѣе къ кому обратиться, прося справедливости и защиты.

Во время слѣдствія, одинъ изъ вызванныхъ слѣдователями, именно аптекарь Янковскій, не стѣсняясь сказалъ мнѣ буквально эти слова: «Служите, отецъ каноникъ, на языкѣ польскомъ, то мы всѣ будемъ васъ любить и защищать.»

Но я, прибѣгая подъ покровительство Вашего Сіятельства, не желаю пользоваться поддержкою польской партіи. Я всею душою желаю вѣрно служить Россіи. Но только молю, Ваше Сіятельство, помогите мнѣ и окажите Ваше покровительство!

Со слезами и съ глубокой скорбью прошу у Вашего Сіятельства справедливой защиты. Я желаю остаться въ Бобруйскѣ. Здѣсь, въ крѣпости, гораздо удобнѣе и покойнѣй жить и продолжать служеніе на языкѣ русскомъ. Но постоянное гоненіе со стороны Вильны и Минска заставляетъ меня, хотя съ явнымъ разореніемъ, бѣжать куда либо. Въ Бобруйскѣ, на поддержку костела и плебаніи, я потерялъ болѣе 2000 р.; я израсходовалъ все, что имѣлъ. Поэтому, перемѣщеніе куда либо меня крайне разоритъ: я—человѣкъ небогатый, и у меня едва хватаетъ на кусокъ насущнаго хлѣба. Но что-же мнѣ дѣлать?!.. Переносить постоянно и безвинно глумленія и моральное истязаніе превышаетъ уже мои силы. Отъ Васъ только, Ваше Сіятельство, я ожидаю защиты. Умоляю Васъ оставить меня до поры до времени въ Бобруйскѣ! Но своею властью охраните меня отъ преслѣдованій! Въ противномъ случаѣ, я долженъ или бѣжать куда либо, или-же начать служить на языкѣ польскомъ...»

Параллельно съ оффиціальнымъ разслѣдованіемъ, которое производитъ комиссія подъ предсѣдательствомъ Копцеговича, каноникъ Сенчиковскій, по горькому опыту зная, къ чему ведутъ иногда подобныя разслѣдованія, продиктованныя польско-іезуитской пропагандою, спѣшитъ, конечно, и самъ заручиться соотвѣтствующими доказаательствами правоты своей.

Въ бумагахъ покойнаго *) имѣется его замѣтка, въ которой, между прочимъ, говорится:

1) «Нѣкоторые, очень старые, прихожане публично заявляли, что, когда они были еще малыми дѣтьми, то родители водили ихъ молиться передъ этими реликвіями, но что тогда реликвіи помѣщались на алтарѣ, въ серебряномъ ящикѣ, усыпанномъ драгоцѣнными камнями.

2) По заявленію его, каноника Сенчиковскаго, о найденныхъ имъ мощахъ въ консисторію, назначено было слѣдствіе, при чемъ въ составъ слѣдственной комиссіи, кромѣ прелата Копцеговича и каноника Макаревича («около—20-и лѣтъ,» по словамъ Сенчиковскаго, «бывшаго настоятелемъ Бобруйскимъ и деканомъ и не обратившаго на реликвіи никакого вниманія»), вошелъ и помощникъ правителя канцеляріи Минскаго губернатора Крыловъ.

Комиссія эта завѣдомо не пожелала открыть истину, не призн.ала епископскихъ печатей и бумаги, не спросила б. органиста Прусскаго (75 л.), не позволила объясняться органисту Глинскому, вовсе не допросила органиста Володзьку, который первый нашелъ реликвіи въ кучѣ сора, а спрашивала только тѣхъ молодыхъ, которые почти никогда не бываютъ въ костелѣ. И послѣ этого комиссія заявила, что этихъ реликвій не было прежде въ Бобруйскомъ костелѣ, что онѣ выдуманы и признаны только каноникомъ Сенчиковскимъ».

4 сент. 1881 г., за № 243 **), Сенчиковскій даетъ предписаніе викарному Бобруйскаго костела ксендзу Романовскому:

«Такъ какъ Вы гораздо прежде поселились при Бобруйскомъ костелѣ, чѣмъ я, то прошу Васъ, на семъ-же пояснить: 1-е) Видали-ли Вы, до моего пріѣзда въ Бобруйскъ, ящикъ, въ которомъ оказались мощи Св. Теофиля въ ризницѣ Бобруйскаго костела? 2-е) Сомнѣваетесь-ли въ вѣрности и подлинности, какъ находящихся на ящикѣ епископскихъ печатей, такъ и въ найденной между мощами епископской бумаги? Въ 3-хъ) Что именно Вамъ разсказывалъ старый органистъ (нынѣ служащій при Бобруйскомъ костелѣ), по фамиліи Прусскій, объ этомъ ящикѣ?

---

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча.

**) Тамъ-же.

И въ 4-хъ), что именно Вы слышали отъ посторонних лицъ объ этихъ реликвіяхъ?»

На этомъ отношеніи—слѣдующая собственноручная надпись кс. Романовскаго (отъ 5 сентября):

«Честь имѣю сообщить, что: 1) далеко до Вашего пріѣзда въ Бобруйскъ, я видѣлъ въ шкафахъ, помѣщенныхъ въ ризницѣ, для склада вещей, тотъ самый ящикъ, въ которомъ оказались мощи Св. Теофиля. 2-е, Печати на ящикѣ и на письмѣ, найденномъ между мощами, какъ и самое письмо, не подлежитъ никакому сомнѣнію въ томъ, что это—документы, данные епископомъ Яковомъ Дедерко. 3-е. Органистъ Прусскій говорилъ мнѣ, что онъ прежде, чѣмъ Вы были назначены въ Бобруйскъ, видѣлъ эти-же ящики, опечатанные, въ костельныхъ складахъ. 4-е. Изъ устъ народа и людей старыхъ я слышалъ, что эти мощи прежде стояли на алтарѣ, въ красивомъ ящикѣ. Вотъ все, что я знаю о мощахъ Св. Теофиля и, по моей совѣсти, не сомнѣваюсь въ подлинности мощей и документовъ, данныхъ епископомъ Дедерко, съ которыхъ я самъ снималъ копію. Печати-же—епископскія потому, что на нихъ ясно видны знаки епископскаго достоинства, т. е. митра, пасторалъ и епископскій крестъ.»

Также Сенчиковскій запрашиваетъ и бывшаго Бобруйскаго органиста Прусскаго, который надписью на предложеніи его, Сенчиковскаго, свидѣтельствуетъ: *)

«1881 г., мая 24 дня, прочитано мною заявленіе каноника Сенчиковскаго, по которому я могу заявить, что реликвіи Св. Теофиля я видѣлъ въ ризницѣ, въ скоромъ времени, когда я остался на должности органиста, около 1875 года. Когда я очищалъ пыль въ ризницѣ, то мною были замѣчены два ящика, опечатанные епископскими печатями, въ шкапу верхнемъ. Но такъ какъ я ихъ тщательно не осматривалъ, но только былъ увѣренъ, что это—святыя реликвіи. Зналъ-ли объ этомъ каноникъ Макаревичъ—мнѣ неизвѣстно, ибо я ничего не говорилъ ему. Но реликвіи я видѣлъ давно. Больше пояснить ничего не могу, такъ какъ про оныя не говорилъ. Въ чемъ собственною печатью удостовѣряю. Флоріянъ Прусскій.»

Вотъ еще двѣ собственноручныя записки Сенчиковскаго, относящіяся къ настоящей исторіи **):

а) Переводъ съ латинскаго подлиннаго документа слѣдующаго содержанія:

«Кости и прахъ святого мученика Христова Теофиля от-

*) Тамъ-же.

**) Изъ бумагъ Сенчиковскаго, хранящихся въ Импер Публ. Библіотекѣ.

крыты въ катакомбахъ св. Присцильми; во время же епископской ревизіи найдены въ Бобруйскомъ приходскомъ костелѣ, въ разбитомъ стеклянномъ, кровью обрызганномъ, сосудѣ; собраны кости и прахъ, и вмѣстѣ со стеклляннымъ, обрызганнымъ кровью, сосудомъ сложены епископомъ, 1-мъ Минскимъ, Яковомъ Дедерко, осмотрѣны, опечатаны и сданы для храненія въ приличномъ мѣстѣ. Октября 19 дня 1799 г., въ Бобруйскѣ. (Мѣсто печати) Епископъ Яковъ».

б) Записка.

«1881 г., 15 августа, реликвіи святого мученика Христова Теофиля собраны и въ Бобруйскомъ костелѣ сложены въ сей сосудъ Бобруйскимъ деканомъ и настоятелемъ каноникомъ Фердинандомъ Сенчиковскимъ, которымъ и пожертвованъ сей цинковый ящикъ съ внутренними украшеніями, умѣщенъ на алтарѣ Спасителя, о чемъ составленъ актъ, который, вмѣстѣ съ подлиннымъ документомъ, сложенъ въ ящикъ, а копія представлена въ консисторію. Каноникъ Сенчиковскій.»

Управляющій Вил. р.-к. епархіею прелатъ Жилинскій (7 сент. 1881 г., № 1028) *) сообщаетъ, между тѣмъ, Министру Вн. Дѣлъ:

«Въ дополненіе къ моему отзыву отъ 27 минувшаго августа за № 983, имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству, что мною вмѣстѣ съ симъ препровождено г. Минскому губернатору подлинное разслѣдованіе, произведенное, вслѣдствіе его отзыва отъ 23 авг. за № 332, прелатомъ Копцеговичемъ, съ копіею рапорта его отъ 4 сего сентября—объ открытыхъ настоятелемъ Бобруйскаго костела деканомъ Сенчиковскимъ мощахъ св. Теофиля и о перенесеніи ихъ на алтарь въ ономъ костелѣ.

А какъ изъ упомянутаго разслѣдованія и донесенія прелата Копцеговича оказывается, что свящ. Сенчиковскій, не донеся начальству о находкѣ сказанныхъ мощей, забралъ оныя къ себѣ на квартиру и безъ всякаго разрѣшенія, самопроизвольно и противно каноническимъ правиламъ, дѣйствовалъ: приготовивъ раку для священныхъ мощей, перенеся ихъ на алтарь и совершивъ торжественное чествованіе, съ объявленіемъ предварительно о семъ народу, видимо изъ какихъ-то личныхъ своихъ видовъ, то, при отсутствіи несомнѣнныхъ данныхъ, что-бы найденные останки заключали въ себѣ дѣйствительно мощи св. мученика Теофиля, о нахожденіи которыхъ въ Бобруйскомъ костелѣ, какъ и о письмѣ о нихъ епископа Дедерко 1799 г., необнаруживается въ архивѣ никакихъ свѣдѣній, я съ своей стороны полагаю, чтобы упомянутая рака съ мощами была неглас-

*) Дѣло № 63 Деп. Дух. Дѣлъ Ин. Испов. «Св. Сенчиковскій».

но снята съ алтаря и помѣщена по-прежнему въ ризницѣ костела лишь для храненія, не на видномъ, выдающемся мѣстѣ.»

На это гр. Игнатьевъ (12 сент. 1881 г., № 4279) *) увѣдомляетъ Минскаго губернатора, что признаетъ предположенную Жилинскимъ мѣру цѣлесообразною и проситъ прелата привести ее, безъ огласки, въ исполненіе.

То-же было написано Мин. Вн. Дѣлъ и Жилинскому (12 сентября 1881 г. № 4278).

Можно себѣ представить восторгъ Жилинскаго и другихъ агентовъ польско-іезуитской справы—въ виду поднявшагося около Сенчиковскаго громкаго скандала и возможности причинить ему непріятности.

Около святыхъ, несомнѣнно подлинныхъ, мощей разыгрывается недостойная комедія низкихъ, человѣческихъ страстей и личныхъ счетовъ.

Провинція жадно интересуется костельнымъ скандаломъ..

Бобруйскія власти, подогрѣтыя явнымъ нерасположеніемъ Минскаго высшаго начальства (губернатора и вице-губернатора) къ опальному канонику, особенно полиціймейстеръ, съ пробой пера котораго мы уже достаточно ознакомились въ донесеніяхъ и. д. губернатора Альбединскаго, стараются всѣми силами поддержать въ Петербургѣ интересъ къ пикантному происшествію...

Но все становится для насъ яснымъ, когда въ рапортѣ Жилинскаго мы нежданно натыкаемся на другое преступленіе Сенчиковскаго—на введеніе имъ русскаго языка въ дополнительное богослуженіе...

Для этого одного стоило, конечно, пожертвовать даже и подлинностью мощей Св. Теофиля!...

Въ концѣ концовъ прелатъ Жилинскій, вдоволь надругавшись надъ Сенчиковскимъ, (18 сент. 1881 года за № 1063) **) даетъ ему предписаніе такого рода:

«Вслѣдствіе отзыва г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 12 сего сентября за № 4278, о томъ, чтобы поставленная Вами на алтарѣ въ Бобруйскомъ костелѣ, съ найденными въ ризницѣ того костела останками, признаваемыми Вами, безъ надлежащихъ доказательствъ, мощами Св. Теофиля, рака была оттуда снята и помѣщена по-прежнему въ ризницѣ и чтобы распоряженію этому не даваемо было огласки, предписываю Вамъ упо-

---

*) Тамъ-же.

**) Изъ бумагъ С., находящихся у А. В. Ж—ча.

мянутую раку съ останками снять съ алтаря и помѣстить попрежнему въ ризницѣ, не на видномъ мѣстѣ, безъ всякой огласки и торжества, въ день будній и безъ собранія народа. Объ исполненіи сего мнѣ донести.»

Нѣсколько позднѣе (7 октября 1881 года за № 2047) *) Жилинскій запрашиваетъ Сенчиковскаго:

«Не получая отъ Васъ исполнительнаго донесенія на предписаніе мое отъ 18 минувшаго сентября за № 1063, основаннаго на предложеніи Г. Министра Вн. Дѣлъ, о томъ, чтобы поставленная Вами на алтарѣ въ Бобруйскомъ костелѣ рака съ найденными останками, признаваемыми Вами мощами Св. Теофиля, была оттуда снята, безъ огласки, и помѣщена по-прежнему въ ризницѣ, строжайше подтверждаю Вамъ немедленно исполнить это распоряженіе въ точности и—объ этомъ поспѣшить донести мнѣ, подъ опасеніемъ неминуемой отвѣтственности, которой Вы сами себя подвергаете за неповиновеніе власти.»

Приводимъ письмо кс. Сенчиковскаго (отъ 9 окт. 1881 г. кр. Бобруйскъ) **) къ графу Игнатьеву—по вопросу о мощахъ.

«Серіозная болѣзнь продержала меня близко три недѣли въ постели», пишетъ покойный: «что было причиною неисполненія Вашего распоряженія касательно мощей Св. Теофиля. Но осмѣливаюсь всепочтительнѣйше повергнуть передъ Вашимъ Сіятельствомъ вторично мою просьбу—поручить епископу Бересневичу или митрополиту Фіалковскому, въ присутствіи прокурора, прослѣдить все дѣло о подлинности документовъ епископа Дедерко, находящихся при сказанныхъ мощахъ, такъ какъ, согласно каноническому праву, только епископъ можетъ судить о вѣрности мощей.

Ваше Сіятельство! Въ жизни моей я ничего не сдѣлалъ противъ совѣсти, противъ чести, противъ религіи и противъ долга моего іерейскаго сана. Въ настоящее-же время, приводя въ исполненіе распоряженіе Вашего Сіятельства, основанное на ложномъ заявленіи г.г. слѣдователей, я долженъ буду насиловать эти священныя для каждаго человѣка чувства. Поэтому, умоляю Васъ, Ваше Сіятельство пощадите вышесказанныя мои чувства и не заставляйте меня дѣйствовать вопреки истины, которою пренебрегли г.г. слѣдователи! Умоляю Васъ, прошу Васъ, какъ милость, предайте меня суду! Пусть прокуроръ и члены капитула Ковенскаго или Петербургскаго опредѣлятъ, кто виновенъ и кто заявилъ передъ Вашимъ Сіятельствомъ ложь, я или

*) Тамъ-же.

**) Дѣло № 63 „Свящ. Сенчиковскій“ Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд.

производившія дознаніе лица, послѣ чего я охотно пойду даже и въ каторжную работу, если только окажусь виновнымъ.

При чемъ со слезами умоляю Васъ, Ваше Сіятельство, перемѣстить меня изъ Виленской епархіи, гдѣ повидимому я поставленъ внѣ закона и подъ страшною опалою! —Одно изъ лучшихъ было бы перемѣщеніе меня въ гор. Ковну, гдѣ, въ качествѣ члена консисторіи, на глазахъ епископа, я—бы скоро доказалъ мою невиновность въ тѣхъ обвиненіяхъ, какія злые люди постоянно возводятъ на меня.

Прелатъ Копцеговичъ не видалъ и не пожелалъ осмотрѣть подлинный документъ, удостовѣряющій о вѣрности мощей, данный епископомъ Дедерко. Какъ-же можно сомнѣваться въ подлинности сказаннаго документа?! По праву каноническому только епископъ можетъ судить о вѣрности мощей; прелатъ-же не смѣетъ уничтожать епископскій документъ.

Если Ваше Сіятельство не внемлете и на этотъ разъ моей просьбѣ, т. е. если не будетъ отмѣнено распоряженіе о снятіи съ алтаря мощей, или-же не будетъ назначенъ судъ, тогда, конечно, я сниму мощи съ алтаря. Но я вынужденъ буду это сдѣлать противъ совѣсти и убѣжденія, и только потому, дабы исполнить волю начальства и ожидать удобнаго времени, въ которое епископъ своею властью возстановитъ истину, оскорбленную господами слѣдователями.»

На это письмо послана была 15 окт. 1881 года *) телеграмма Сенчиковскому:

«Требованіе начальства должно быть неотлагательно исполнено. Директоръ Деп. Дух. Дѣлъ Мосоловъ.»

Такова была и резолюція на письмѣ Сенчиковскаго гр. Игнатьева.

Отвѣтная телеграмма Сенчиковскаго Мосолову (16 окт. 1881 г.) **) состоитъ въ краткомъ донесеніи:

«Распоряженіе г. Мин. Вн. Дѣлъ буквально исполнено мною.»

На отношенія отъ 5 и 12 октября, за №№ 396 и 404, Директоръ Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣд. увѣдомилъ Минскаго губернатора (16 окт. 1881 г., № 48) ***), что Сенчиковскому телеграммою предписано немедленно-же исполнить требованіе относительно помѣщенія раки съ «останками» по-прежнему въ ризницѣ, на храненіе.

*) Тамъ-же.

**) Тамъ-же.

***) Дѣло № 63 «Св. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр Испов.

А. Н. Мосоловъ, при этомъ, добавляетъ:

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, усмотрѣвъ изъ сообщеннаго Вашимъ Пре—мъ, въ копіи, рапорта прелата Копцеговича управляющему Виленскою епархіей, что прелатъ проектируетъ переводъ Сенчиковскаго въ Давидгородскій приходъ, Департаментъ считаетъ долгомъ сообщить Вамъ, Милостивый Государь, что, по мнѣнію его, къ осуществленію сего предположенія не представляется достаточныхъ основаній.»

«Еще-бы!» можемъ воскликнуть и мы съ облегченнымъ сердцемъ.

Несомнѣнно, что въ Министерствѣ ясны были бѣлыя нитки польско-іезуитской интриги, что тамъ спѣшили поскорѣе покончить съ темной, непріятною исторіей...

На данное ему категорическое приказаніе Сенчиковскій еще разъ отвѣчаетъ Жилинскому (12 окт. 1881 г. № 280) *), такимъ, полнымъ благороднаго негодованія и скорби, письмомъ:

«Распоряженіе Вашего Высокопреподобія, основанное на распоряженіи Министра Внутр. Дѣлъ, касательно реликвій Св. Теофиля, нынѣшняго числа приведено въ исполненіе. При чемъ считаю долгомъ пояснить, что не я лично признаю эти мощи, но ихъ признаетъ Р.-К. Церковь, на что имѣется собственноручное свидѣтельство епископа Якова Дедерко. Но прелатъ Копцеговичъ, не видя онаго и не пожелавъ въ этомъ убѣдиться, осмѣлился опровергать епископскій документъ. Поэтому, я, какъ католикъ и католическій священникъ, не перестану не только протестовать противъ ложнаго заявленія пр. Копцеговича—заявленія, противъ совѣсти и каноническаго права, согласно которому только епископъ имѣетъ право судить о вѣрности святыхъ мощей, но равно не перестану ходатайствовать о назначеніи формальнаго суда (о чемъ я уже просилъ Министра)—суда, состоящаго изъ членовъ Коллегіи и прокурора, дабы разоблачить не только вѣрность епископскихъ документовъ и святость реликвій, но и ту анти-религійную смѣлость и ложь, съ какою прелатъ Копцеговичъ и каноникъ Макаревичъ осмѣлились возражать противъ истины и правды. Еслибы пришлось мнѣ жизнью запечатлѣть мою вѣру, еслибы необходимо было у священныхъ стопъ Государя искать правды, я и на это рѣшусь—лишь бы отстоять честь р.-к. религіи и честь святого мученика Теофиля, которыми такъ открыто пренебрегъ пр. Копцеговичъ.

*) Дѣло канц. Минскаго губернатора № 202 (1881—82 г.) «Объ открытыхъ настоятелемъ Бобруйской р.-к. церкви свящ. Сенчиковскимъ будто-бы останкахъ (реликвіяхъ) мученика Теофиля.»

Страдать за правду и религію я не страшусь, но правду открою и докажу, кто изъ насъ заявилъ ложь, я или Копцеговичъ, и кто изъ насъ пренебрегаетъ р.-к. религіей и святостью ея постановленій.

Г. г. слѣдователи о мощахъ Св. Теофиля заявили наглую ложь и неправду. Это я докажу, ибо, повторяю, не я, но епископъ Дедерко свидѣтельствуетъ о реликвіяхъ Св. Теофиля. Я только, какъ вѣрный католикъ, вполнѣ вѣрю во все, что требуетъ отъ меня р.-к. религія, не откажусь отъ вѣры и открыто поклонюсь предъ реликвіями Св. Теофиля, на что имѣется удостовѣреніе епископа объ этихъ реликвіяхъ. Пусть себѣ прелатъ Копцеговичъ и ему подобные не признаютъ епископской власти! Это ко мнѣ не относится. Я-же благоговѣю передъ епископскою властью, ибо это есть главный узелъ, связывающій насъ съ Папою и Апостольскимъ Престоломъ..»

Хотя мы и забѣгаемъ нѣсколько впередъ, но желая сказать все, что знаемъ о скандалѣ съ мощами, сообщимъ, что 29 іюля 1882 г. (за № 280), *) покидая и службу, и Бобруйскъ, Сенчиковскій подаетъ Жилинскому рапортъ, въ которомъ пишетъ:

«Такъ-какъ прелатъ Копцеговичъ и каноникъ Макаревичъ, (выбросившій въ кучу сора реликвіи *Св. Теофиля*) признали, что эти реликвіи *выдуманы и признаваемы только мною,* то я намѣренъ забрать эти реликвіи съ собою, какъ мою собственность, за которую я столько перенесъ непріятностей и *которая непризнана оффиціально* ни принадлежащей костелу Бабруйскому, ни ауетентичной. О чемъ считаю долгомъ всепочтительнѣйше доложить Вашему Высокопреподобію - во избѣжаніе могущихъ быть какихъ-либо недоразумѣній.

Комиссія признала эти реликвіи моею собственностью и начальство это утвердило. Комиссія-же, состоящая изъ прелата Копцеговича и каноника Макаревича, *нашла и заявила,* что этихъ реликвій, въ бытность 20 лѣтъ настоятелемъ кс. Макаревича, вовсе не было въ Бобруйскомъ костелѣ, что я выдумалъ эти реликвіи и что таковыя принадлежатъ мнѣ, но не Бобруйскому костелу.

Поэтому и на основаніи оффиціальныхъ, имѣющихся у меня документовъ, я эти реликвіи, какъ мою собственность, признанную таковой комиссіею, въ правѣ забрать съ собою.»

На этотъ рапортъ Сенчиковскій получилъ нижеслѣдующій отвѣтъ отъ Жилинскаго (отъ 23 авг. 1882 г. № 869) **).

---

*) Изъ бумагъ С., находящихся у А. В. Ж—ча.

**) Тамъ-же.

«Такъ какъ по распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, извѣстному Вамъ изъ предписанія моего отъ 18 сентября 1881 г. за № 1063, поставленная Вами на алтарѣ въ Бобруйскомъ костелѣ, съ найденными въ ризницѣ того костела останками, признаваемыми Вами мощами св. Теофиля, рака помѣщена по-прежнему въ ризницѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана Вашей собственностью, а тѣмъ болѣе, чтобы Вы могли забрать ее съ собою, то находя выраженныя Вами, въ рапортѣ отъ 20-го сего августа за № 318, затѣи неумѣстными, предписываю Вамъ отнюдь некасаться упомянутыхъ останковъ, долженствующихъ оставаться въ ризницѣ и подлежащихъ передачѣ по инвентарной описи въ числѣ костельнаго имущества.»

Къ вышеупоминаемой перепискѣ относится и слѣдующая замѣтка кан. Сенчиковскаго (безъ даты) *):

«Ящикъ съ реликвіями св. Теофиля хранится нынѣ въ ризничьемъ шкафу. Этотъ ящикъ былъ каноникомъ Сенчиковскимъ отосланъ въ консисторію, которая, безъ объясненій причинъ, обратно возвратила его въ Бобруйскъ.»

Покойный Сенчиковскій, пересылая мнѣ хранившіяся у него, по этому дѣлу, бумаги, въ доказательство того, что кс. Макаревичъ имѣлъ поводы злобствовать на него, препроводилъ ко мнѣ три указа Виленской р.-к. консисторіи **), данные на его имя:

а) Въ указѣ отъ 24 августа 1879 г., № 6854, консисторія спрашиваетъ его: «Была-ли когда либо записана въ инвентаряхъ или визитахъ Бобруйскаго костела икона Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ «Ecce Homo», нынѣ находящаяся у маіора Андреева, и какія у Васъ имѣются данныя, доказывающія принадлежность этой иконы Бобруйскому костелу?»

б) Указомъ отъ 21 октября 1879 г., за № 7791 **) предписывается Сенчиковскому «взятый отъ маіорши Андреевой образъ Спасителя «Ecce Homo», какъ принадлежащій Бобруйскому костелу, записавъ по послѣдней инвентарной описи Бобруйскаго костела, бдительно хранить въ цѣлости.»

в) Въ указѣ (отъ 13 декабря 1879 года, за № 9516), сказано:

«Бобруйскому декану. Консисторія, по выслушанію рапорта Вашего отъ 15 ноября, за № 513, приказали: какъ по двумъ инвентарнымъ описямъ Бобруйскаго костела, хранящимся—одна

---

*) Тамъ-же.

**) Тамъ-же.

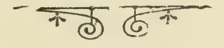
въ епархіальномъ архивѣ, а другая—при приходскомъ костелѣ, нужно внести въ обоихъ экземплярахъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ и въ одинаковомъ содержаніи икону Спасителя «Ecce Homo», находившуюся въ частныхъ рукахъ и возвращенную нынѣ въ костелѣ, то предписать Бобруйскому декану требуемую инвентарную опись представить въ консисторію съ тѣмъ, что таковая, по минованіи надобности, тотчасъ будетъ ему возвращена.»

ГЛАВА XV.

(1882 годъ).

Посѣщеніе Бобруйска М. Д. Скобелевымъ.—Отношенія «Бѣлаго Генерала» къ Сенчиковскому.—Статья «Современныхъ Извѣстій».—Остроумное анонимное письмо, полученное Сенчиковскимъ.—Длинная исторія съ отпускомъ.—Сенчиковскій, вопреки запрещенію Минской администраціи, бѣжитъ въ Петербургъ.—Встрѣчи его въ столицѣ и впечатлѣнія.—Русское дѣло въ Бѣлоруссіи погибло!—На самомъ Сенчиковскомъ, его прошломъ, его службѣ ставятъ крестъ.—Возвращеніе въ Бобруйскъ.—Прощальная переписка съ губернаторомъ Петровымъ.—Злорадство польско-іезуитской пропаганды.

Однимъ изъ немногихъ свѣтлыхъ лучей за время пребыванія Сенчиковскаго въ Бобруйскѣ, была, конечно, встрѣча его съ знаменитымъ «Бѣлымъ Генераломъ» — Мих. Дмитр. Скобелевымъ. *)

Когда именно это событіе совершилось, въ точности намъ установить не удалось.

На просьбу мою—описать знакомство свое со Скобелевымъ, Сенчиковскій (14 ноября 1899 года) мнѣ пишетъ изъ Омска слѣдующее:

«Съ М. Д. Скобелевымъ я познакомился въ Бобруйскѣ. Это было вскорѣ послѣ возвращенія его изъ Туркестана, гдѣ онъ взялъ Геокъ-Тепе. Скобелевъ былъ назначенъ командиромъ 4-го корпуса, квартировавшаго въ Минской губерніи. Недалеко отъ Бобруйска состоялись довольно продолжительные маневры, по окончаніи которыхъ Скобелевъ возвращался черезъ Бобруйскъ. Я объ этомъ узналъ наканунѣ прибытія Скобелева съ войсками въ Бобруйскъ. Въ день прибытія, я, въ облаченіи, ожидалъ Скобелева на паперти церковной. На мосту еще Скобелевъ спросилъ полиціймейстера: «Что́, ожидаетъ меня кто-либо въ вашемъ городѣ?»—Полиціймейстеръ отвѣтилъ: «Никто. Только каноникъ Сенчиковскій желаетъ васъ встрѣтить въ костелѣ.» — «Это—хорошо», былъ отвѣтъ Скобелева. Надо замѣтить, что шоссе идетъ мимо костела и костельнаго дома. Дорогу, ведущую въ костелъ, всего шаговъ пятьдесятъ, я приказалъ обсыпать цвѣтами. Когда подъѣхалъ на лошади Скобелевъ, то я его встрѣтилъ словами: «Ваше Высокопревосходительство! Въ то время, когда вы, на полѣ брани, подъ градомъ пуль, защищали величіе и славу Россіи, мы, въ нашихъ храмахъ, молились за Россію и за васъ, доблестнаго воина. Теперь-же благоволите зайти въ сей храмъ Божій и съ нами вмѣстѣ помолиться и поблагодарить Господа Силъ за сохраненіе вашей жизни и за дарованную вамъ побѣду!» — Послѣ этого Скобелевъ приложился ко кресту и принялъ окропленіе святой водою. Тутъ-же я запѣлъ «Тебя Бога хвалимъ» и, при звукахъ орга́на, войдя въ костелъ, окончилъ этотъ гимнъ. За-

---

*) Скобелевъ, какъ это видно изъ надписи на доскѣ, прибитой въ Минскѣ къ дому Юхневича, гдѣ онъ квартировалъ, находился въ предѣлахъ Минской губерніи, въ качествѣ командира 4-го армейскаго корпуса, въ 1881 и 1882 годахъ.

тѣмъ я отслужилъ молебенъ за Государя и пр. Все это, по обыкновенію, было совершено на языкѣ русскомъ. По окончаніи богослуженія, я разоблачился и провелъ Скобелева къ его лошади. Вся свита его и все военное начальство 4-го корпуса находились съ нимъ въ костелѣ. Тутъ Скобелевъ спросилъ меня: «Вы любите военныхъ?»—Я отвѣтилъ: «Кто-же изъ русскихъ людей можетъ не любить защитниковъ Россіи?!» Тогда Скобелевъ сказалъ: «Прекрасно! Въ такомъ случаѣ я передъ вашимъ домомъ пропущу всѣ войска.»—Я поблагодарилъ и пошелъ на балконъ, но приказалъ моему племяннику, занимавшемуся моимъ хозяйствомъ, приготовить холодный завтракъ для всѣхъ. Прохожденіе войскъ тянулось часа 2—3, такъ что окончилось только въ два часа. Тогда я подошелъ къ Скобелеву и попросилъ его—зайти въ мой домъ—позавтракать. Скобелевъ, посмотрѣвъ на часы, улыбаясь, сказалъ: «Да, это—прекрасно, ибо какъ разъ canonica hora.» И, обращаясь къ своей свитѣ, онъ громко произнесъ: «Господа! Долой съ коней! Пойдемъ, поддержимъ силы! Вѣроятно, вы всѣ такъ-же голодны, какъ и я... Такъ разоримъ ксендза!»—Всѣ генералы, полковники и всякаго чина и ранга офицеры двинулись за Скобелевымъ, такъ что въ моемъ домѣ четыре, довольно большія комнаты, переполнились приглашенными; но въ кабинетѣ съ нѣсколькими только лицами закусывалъ Михаилъ Димитріевичъ; остальные-же сами кушали въ трехъ другихъ комнатахъ, при чемъ видно было, что они свободно держутъ себя. Скобелевъ-же, выпивъ рюмку водки, закусилъ икрою, затѣмъ выпилъ вторую рюмку водки и съ аппетитомъ закусывалъ. Когда-же подали фрукты и шампанское, то Скобелевъ провозгласилъ тостъ за «возлюбленнаго нашего Государя!» Я провозгласилъ тостъ «за вѣрнаго слугу Государя, полководца М. Д. Скобелева!» Этимъ и окончилось торжество въ моемъ домѣ. Черезъ часъ я, надѣвъ ордена, пошелъ въ комендантскій домъ, гдѣ квартировалъ Скобелевъ, съ визитомъ Тутъ-то Скобелевъ около часу бесѣдовалъ со мной о русскомъ дѣлѣ въ католицизмѣ, очень этимъ дѣломъ интересуясь, говоря: «Это очень важно не только для народа, но, главнымъ образомъ, для солдатъ.» Тутъ-же онъ спросилъ меня, не имѣю-ли я чего либо передать графу Игнатьеву, бывшему тогда Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ?—На это я сказалъ, что много чего нужно было-бы передать гр. Игнатьеву, но что я стѣсняюсь, ибо графъ можетъ подумать, что я какой либо пролаза и интриганъ, который ему не пишетъ, а обращается черезъ высокопоставленныхъ лицъ.—Тогда Скобелевъ серіозно сказалъ: «Вы—правы. Но я вамъ скажу, что такого пролазу и интригана, какъ Игнатьевъ, да еще въ придачу измѣнника, въ Россіи другого едва-ли можно найти.»—Я сказалъ: «А все-таки онъ—министръ» Скобелевъ тогда замѣтилъ: «Да, и это очень плохо.» Въ Бобруйскѣ

Скобелевъ пробылъ четыре дня и въ лагерѣ, въ послѣдній день пребыванія его, офицеры дѣлали ему обѣдъ. Послѣ онаго офицеры и солдаты, съ музыкою и пѣснями, въ которыхъ говорилось о Скобелевѣ. на рукахъ несли Михаила Димитріевича до вокзала желѣзной дороги. А это было 8 верстъ!. . Въ тотъ день мнѣ нужно было ѣхать въ Вильну и я. на вокзалѣ, встрѣтился со Скобелевымъ, который, узнавъ, что я ѣду въ Вильну. пригласилъ меня въ свой министерскій вагонъ и, такимъ образомъ, я 5 часовъ провелъ со Скобелевымъ въ вагонѣ, гдѣ, кромѣ Скобелева и меня, еще былъ генералъ Гродековъ, нынѣшній генералъ-губернаторъ въ Хабаровскѣ. Всю дорогу Скобелевъ говорилъ о нѣмцахъ и полякахъ, доказывая, что это—коварный и низкій народъ. Гродековъ понемногу началъ защищать нѣмцевъ и поляковъ, но я вмѣшался и сказалъ: «Вы, генералъ, не знаете, кто и на что способны поляки и нѣмцы. Они васъ такъ обойдутъ, такъ васъ одурачатъ, что вы будете стоять. а они снимутъ съ васъ сапоги—и вы этого не почувствуете».—Скобелевъ расхохотался и сказалъ: «Это—совершенно вѣрно. Да особенно. если съ кого, то съ меня имъ легко снять сапоги». Онъ добавилъ, что не понимаетъ той злобы и ненависти, какими дышутъ къ русскимъ и къ Россіи поляки и нѣмцы. И вотъ, такой Гродековъ, получившій отъ Скобелева такую аттестацію, теперь генералъ губернаторъ или главный начальникъ края!!... Но о Гродековѣ послѣ скажу. Окончу о Скобелевѣ. Подъѣзжая къ Минску, Скобелевъ удалился въ свое особое купе и черезъ нѣкоторое время вышелъ умытый и надушенный одеколономъ. Подъѣзжая къ вокзалу, Скобелевъ, пригласивъ меня на завтра къ себѣ обѣдать. моментально спрыгнулъ на платформу, какъ разъ противъ дверей III класса. А у дверей I кл., на платформѣ, въ мундирахъ, стояли военные и исправлявшій должность Минскаго губернатора Альбединскій, теперешній вице-директоръ Департамента Дух. Дѣлъ Ин. Исповѣданій. Когда, на моихъ глазахъ, Скобелевъ спрыгнулъ на платформу. то я только ахнулъ. Гродековъ тоже,—ибо Скобелевъ, выпрыгивая изъ вагона, не замѣтилъ впереди деревяннаго столба, поддерживавшаго крышу надъ платформою. И, увѣряю васъ, что Скобелевъ былъ отъ этого столба не больше, чѣмъ на полъ-вершка, а поѣздъ еще двигался. Значитъ, толкнись Скобелевъ объ этотъ столбъ—такъ-бы и полетѣлъ подъ вагонъ. Я и теперь еще не могу хладнокровно вспомнить объ этомъ. Но каково было изумленіе ожидающихъ Скобелева, когда Гродековъ и я вышли изъ вагона, а Скобелева—нѣтъ! «Гдѣ?!» «Что?!»—Тогда мы сказали, что Мих. Дим.—въ третьемъ классѣ. Бросились туда, а Скобелевъ. на извозчикѣ. уѣхалъ уже въ Минскъ и остановился на квартирѣ у своего начальника штаба Духонина. На завтра, въ два часа, пріѣхалъ я къ Скобелеву и, во

время завтрака (или обѣда), доложили, что пріѣхалъ и. д. губернатора Альбединскій представиться. Тогда Скобелевъ обратился ко мнѣ со словами: «Скажите, пожалуйста, кто этотъ Альбединскій?»— Я сказалъ, что это... *)—«А какъ онъ относится къ русскому дѣлу?» спросилъ Скобелевъ. «Онъ—такой-же ярый врагъ Россіи, какъ и поляки, ибо содержитъ у себя двухъ фрейлинъ, полекъ изъ Варшавы. И этотъ Альбединскій, когда исполняетъ должность губернатора, просто противодѣйствуетъ развитію русскаго дѣла въ католицизмѣ».—«Вотъ онъ каковъ! Спасибо, что сказали! —Надо замѣтить, что Альбединскій былъ вице-губернаторомъ. Но губернаторъ Чариковъ ежегодно ѣздилъ за границу на четыре мѣсяца. И вотъ эта . . . . . . личность исполняла его должность.—Альбединскій около полъ-часа ожидалъ въ залѣ. - Послѣ обѣда Скобелевъ, взявъ меня подъ руку, улыбаясь, сказалъ: «Теперь пойдемъ къ Альбединскому». И, такимъ образомъ, мы вдвоемъ вышли въ залъ. Тутъ разыгралась слѣдующая комедія. Альбединскій подходитъ къ Скобелеву, который, однако, одной рукою держитъ меня подъ руку, а другую вложилъ въ карманъ брюкъ и спрашиваетъ Альбединскаго «Вамъ что угодно?»—«Желалъ представиться Вашему Высоко превосходительству въ качествѣ и. д. губернатора».—«Я знаю' что вы и. д. губернатора. Я-же никакихъ дѣлъ съ и. д. губернатора не имѣю. То напрасно безпокоились. А мы здѣсь съ каноникомъ вели интересный и очень полезный для Россіи разговоръ о русскомъ языкѣ въ католицизмѣ. Прощайте!» Все это сказалъ Скобелевъ стоя и, не подавая Альбединскому руки, повелъ меня обратно въ столовую, гдѣ уже былъ приготовленъ чай. Скобелевъ-же, улыбаясь, сказалъ: «Этого мало для такихъ ж . . . . . . ъ». Затѣмъ, я уѣхалъ въ Вильну, а Скобелевъ, не помню, (кажется), въ Петербургъ, оттуда въ Москву, гдѣ и окончилъ свою жизнь. Вѣчная ему память!—

Вотъ Вамъ—о моемъ знакомствѣ съ М. Д. Скобелевымъ. Совершилось оно быстро, продолжалось нѣсколько дней, ибо смерть Скобелева прекратила оное. Оно было, хотя и короткое, но на столько сердечное, съ такимъ ко мнѣ сочувствіемъ, съ такой надеждою на успѣхъ дѣла, что воспоминаніе объ этомъ знакомствѣ останется неизгладимымъ въ глубинѣ моей наболѣвшей души, до самой моей кончины Да, будь въ живыхъ Скобелевъ, Тимашевъ, Маковъ и кн. Кантакузенъ (графъ Сперанскій), б. директоръ Департамента, я-бы и горя не зналъ...»

Посѣщеніе Скобелевымъ Бобруйскаго костела и торжественная встрѣча, устроенная ему тамъ Сенчиковскимъ, конечно, обратили на себя вниманіе; объ этомъ заговорила печать.

---

*) Пропускаемъ рѣзкое мѣсто письма Сенчиковскаго, какъ дѣлаемъ это и ниже—въ двухъ мѣстахъ.

Между прочимъ, въ газетѣ «Современныя Извѣстія» № 9-й (1882 года) появилась, по этому поводу, корреспонденція изъ Минска, касающаяся дѣятельности Сенчиковскаго по располяченію костела, которую мы и воспроизводимъ по «Литовскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ» (№ 9, 1882 г. «Русскій языкъ въ р.-к. богослуженіи въ Западной Руси»). *)

Въ «корреспонденціи» помѣщено:

«Въ № 2003 газеты «Новое Время», въ статьѣ подъ заглавіемъ «На маневрахъ 4 корпуса» говорится, между прочимъ, о пріемѣ, сдѣланномъ Бобруйскимъ р.-к. духовенствомъ генералу Скобелеву вообще и о служебной дѣятельности и заслугахъ каноника Фердинанда Сенчиковскаго, главы мѣстнаго католическаго духовенства. Авторъ упомянутой статьи, очевидно, руководствуясь только лишь слухами, трактуя о самой яркой служебной заслугѣ Сенчиковскаго—*о замѣнѣ польскаго языка русскимъ въ костельной практикѣ въ Бѣлорусскомъ краѣ*, впалъ въ нѣкоторыя ошибки, значительно измѣняющія значеніе затронутаго имъ предмета.

Возстановленіе истины и вызываетъ настоящую корреспонденцію:

1) Въ названной статьѣ говорится о 14,000 католикахъ русскаго происхожденія, населяющихъ Минскую губернію; между тѣмъ, по оффиціальнымъ даннымъ, въ губерніи числится 180,000 католиковъ обоего пола. Изъ этого количества, если допустить 30,000 такъ называемой интеллигенціи, весьма пристрастной къ польскому языку (что́ не мѣшаетъ ей, однако-жъ, нещадно коверкать настоящую польскую рѣчь), то остальная часть населенія—150,000 душъ католиковъ, языкомъ, нравами, обычаями неопровержимо доказываетъ свое бѣлорусское происхожденіе и тяготѣніе болѣе къ русской народности, чѣмъ къ польской, отъ которой, благодаря неблагопріятно-сложившимся обстоятельствамъ, чисто политическимъ, вмѣстѣ съ религіей усвоила изъ польской рѣчи нѣкоторыя слова. Разговорный языкъ бѣлорусскаго простолюдина до такой степени характеренъ, что истые поляки съ трудомъ понимаютъ его рѣчь. При ближайшемъ знакомствѣ съ краемъ и его населеніемъ легко убѣдиться, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать бѣлоруссовъ поляками, а Минскую губернію—Польшею. Между прочимъ, мы видимъ, что польская пропаганда, какъ мѣстная, такъ и заграничная, не оставляетъ этого края въ совершенномъ покоѣ. Каждый разъ, какъ только въ Привислянскомъ краѣ вспыхивалъ мятежъ (рухавка), въ Бѣлоруссіи появлялось волненіе, въ особенности начинала копошиться и юродствовать въ выраженіи сво-

*) Несомнѣнно, данныя для этой корреспонденціи были получены отъ Сенчиковскаго —

его патріотизма полякующая мѣстная интеллигенція; простой-же народъ, въ большинствѣ случаевъ, оставался въ полномъ невѣдѣніи, какъ цѣлей, такъ и мотивовъ мятежа.

Главная пружина систематическаго ополяченія края искони гнѣздится въ костелахъ и въ сильномъ вліяніи ксендзовъ на своихъ прихожанъ. Народъ пріученъ считать польскій языкъ богослужебнымъ, обязательнымъ въ костельной практикѣ. Ради поддержки польской политической идеи, ксендзы не останавливаются ни передъ чѣмъ, даже позволяютъ себѣ злоупотреблять каноническимъ правомъ. Вотъ образцы безцеремоннаго обращенія ихъ съ требникомъ. (Rituale sacramentorum). *Пріобщая народъ*, священникъ обязанъ говорить: «Ecce Agnus Dei» etc, стр. 88. Между тѣмъ ксендзы постоянно произносятъ на польскомъ языкѣ: «Oto Baranek Boży» etc. *При крещеніи младенца*, въ требникѣ, на стр. 22 сказано: «Sacerdos claro voce dicit: Credo in Deum et Pater noster.» Ксендзъ громко говоритъ: «Wierzę w Boga i Ojcze nasz». *При похоронахъ*, въ требникѣ, на стр. 185, мы видимъ: «Postremo dum perficitur Sepultura, canitur per chorum Antipho. Salve, Regina.» Но ксендзы, подъ стукъ земли о гробовую крышу и при нерѣдко раздирающемъ душу плачѣ погребающихъ, воспѣваютъ радостную и приличную лишь при торжествѣ пѣснь на польскомъ языкѣ: «Anioł Panski». Молитва эта не помѣщена ни въ одной церковно-служебной книгѣ. Словомъ, не затрудняясь, можно указать на массу примѣровъ, гдѣ ксендзы, или изъ простой угодливости богачамъ прихожанамъ (magnat'амъ), или, что гораздо чаще проявляется, во имя польскаго патріотизма, упрямо пренебрегаютъ костельнымъ уставомъ и нарушаютъ, не страшась «анаѳемы», неприкосновенность каноническаго права.

2) Дабы образумить темную массу бѣлоруссовъ католиковъ, поставить на правильную ступень ихъ религіозныя и политическія пониманія и разъ на всегда прекратить всякія притязанія польской эмиграціи на бѣлорусскій край, ксендзъ-деканъ Фердинандъ Сенчиковскій, еще въ 1868 году, началъ употреблять въ костельной практикѣ вмѣсто польскаго языка русскій, оставивъ въ неприкосновенности латинскій, какъ богослужебный, принятый римско-католическою церковью. Минскій губернаторъ получилъ тогда полную возможность дѣйствовать самостоятельно въ пользу поднятаго деканомъ Сенчиковскимъ вопроса о введеніи русскаго языка вмѣсто польскаго въ костельной практикѣ. Сочувственно отнесся онъ къ нововведенію и поддержалъ почипъ на столько энергично и умѣло, что въ теченіи двухъ лѣтъ въ Минской губерніи насчитывалось 32 приходскихъ костела и 45 ксендзовъ, употреблявшихъ при требахъ и костельныхъ службахъ вмѣсто польскаго языкъ русскій, сильно подчасъ отзывавшійся бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, но тѣмъ не менѣе поколебавшій вѣру мѣстныхъ простолюдиновъ католиковъ въ

неприкосновенность польскаго языка и рифмованныхъ стиховъ въ костельной практикѣ. Полякующая интеллигенція понесла довольно вѣское пораженіе. Смѣшно вспомнить: перестала посѣщать костелы, въ которыхъ слышалась русская рѣчь, и вскорѣ перекрестила фактъ замѣны одного языка другимъ въ «Zepsucie wiary katolickiej,» т. е. въ порчу католической вѣры'.. Но деканъ Сенчиковскій, поддерживаемый властями, строго слѣдилъ за неизмѣннымъ употребленіемъ разъ принятаго въ дополнительномъ богослуженіи русскаго языка, и вотъ мы видимъ, что съ десятокъ упорствующихъ ксендзовъ административнымъ путемъ удалены были отъ своихъ приходовъ и сосланы въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей, гдѣ на покоѣ охлаждали свой патріотизмъ и пристрастіе къ польщизнѣ. По распоряженію управляющаго римско-католической епархіей прелата Жилинскаго, костелы Минской епархіи объѣзжали нарочно командированныя духовныя лица, которыя, хотя и не говорили объ обязательной замѣнѣ польскаго языка русскимъ, но во время ихъ ***личнаго служенія*** прихожане уже не слышали ни одного слова по-польски. Важный шагъ впередъ!

Награды и повышенія сыпались на кс. Сенчиковскаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ росла и укоренялась ненависть и интрига польской и полякующей части мѣстнаго населенія. Невольно вспоминаемъ тѣ уличныя демонстраціи, которыми сопровождался деканъ Сенчиковскій, слѣдуя въ костелъ и изъ костела. Въ окнахъ дома его нерѣдко били стекла, пасквильнымъ письмамъ и анонимнымъ доносамъ не было счету. Все это Сенчиковскій переживалъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и настойчиво продолжалъ начатое. Въ 1878 году мы читаемъ уже въ одной изъ оффиціальныхъ бумагъ о Высочайшемъ повелѣніи—учредить въ Минской губерніи двѣ постоянныя визитаторскія должности и о назначеніи каноника Сенчиковскаго визитаторомъ. Русскій языкъ въ костелахъ при дополнительномъ богослуженіи сдѣлался обязательнымъ.

3) Желая имѣть съ правильнымъ религіознымъ взглядомъ и воспитанную на чисто-русскихъ патріотическихъ началахъ костельную прислугу, т. е. органистовъ и прислужниковъ, кс. Сенчиковскій основалъ въ Минскѣ, отчасти на свой счетъ (при значительной, впрочемъ, поддержкѣ отъ Правительства) училище органистовъ изъ 30 крестьянскихъ мальчиковъ, католиковъ, обучающихся общеобразовательнымъ наукамъ на русскомъ языкѣ, и по своей будущей спеціальности—латинскому языку и музыкѣ. Училище это не закрыто, какъ говорится въ статьѣ «Нов. Времени», но въ настоящее время передано въ завѣдываніе другому лицу. Кто имѣлъ случай ознакомиться съ порядкомъ и состояніемъ училища, когда оно находилось въ непосредственномъ завѣдываніи кс. Сенчиковскаго, тотъ ничего

подобнаго не найдетъ въ немъ теперь. Польская рѣчь въ полномъ ходу и употребленіи. Выходящіе изъ училища органисты плохо подготовляются къ своей специальности и почти неучи въ музыкальномъ отношеніи; русскій-же языкъ отодвинутъ въ училищѣ на второй планъ, и, если существуетъ еще въ программѣ преподаванія, то не болѣе, какъ горькая необходимость, необязательная, впрочемъ, при богослуженіи. Въ довершеніе-же всего, бывшему основателю училища, положившему на него и труды свои, и денежныя средства, воспрещены не только входъ, но даже и свиданіе съ бывшими учениками, которыхъ онъ пріютилъ. Интрига взяла свое. Обстоятельства измѣнились до того неблагопріятно, что потерявшій всякое терпѣніе и оскорбляемый на каждомъ шагу каноникъ и визитаторъ Сенчиковскій вынужденъ былъ просить министра внутреннихъ дѣлъ, какъ милости, перевести его изъ Минска въ кр. Бобруйскъ, настоятелемъ крѣпостного костела, гдѣ онъ расчитывалъ (но, кажется, горько ошибся) прожить покойно до тѣхъ поръ, пока дѣло, имъ начатое въ бѣлорусскихъ костелахъ, снова станетъ на желанную степень. Для вящшаго торжества польской пропаганды не достаетъ теперь, чтобы и каноникъ Сенчиковскій zaspiewał po polski!!...

Теперь умѣстно бросить бѣглый взглядъ на состояніе затронутаго мною вопроса о русскомъ языкѣ въ костельной практикѣ по Минской губерніи. Съ 1878 года, т. е. съ того времени, какъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ обязательности русскаго языка въ дополнительномъ католическомъ богослуженіи, и до настоящаго времени прошло всего только четыре года, и вотъ, что мы находимъ: изъ 32 костеловъ, принявшихъ русскій языкъ вмѣсто польскаго, осталось только два! Бобруйскій крѣпостной и Тимковскій въ Слуцкомъ уѣздѣ. Изъ 45 ксендзовъ, давшихъ подписку о служеніи на русскомъ языкѣ, исполняютъ ее неизмѣнно только двое; человѣка три, много четыре, иногда только, и то въ присутствіи оффиціальныхъ лицъ, служатъ по-русски. Всѣ-же остальные открыто ведутъ дѣло на прежнихъ началахъ. Настоятели Бобруйскаго костела Фердинандъ Сенчиковскій и Тимковецкаго—магистръ богословія Людвигъ Кулаковскій, за свое постоянство и преданность цѣлямъ Правительства (столь ясно выраженнымъ въ Высочайше утвержденной инструкціи визитаторамъ костеловъ на Бѣлоруссіи)—сильно терпятъ въ настоящее время, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, не находя поддержки въ мѣстныхъ властяхъ и лишенные возможности бороться съ общей польскою интригою.

Какъ на образчикъ курьезнаго взгляда мѣстной администраціи на русское дѣло вообще и на затронутый костельный вопросъ въ краѣ—въ особенности, не лишнимъ считаю указать

на нижеслѣдующій фактъ. Одинъ изъ ксендзовъ г. Минска, сколько мнѣ помнится, настоятель Маріинскаго прихода Владиславъ Петкевичъ, *за открытое противодѣйствіе видамъ Правительства по введенію въ костелахъ русскаго языка вмѣсто польскаго*, не только былъ лишенъ прихода, но и высланъ въ кр. Бобруйскъ, подъ надзоръ полиціи, гдѣ и оставался за штатомъ. Въ настоящее-же время кс Петкевичъ—законоучителемъ въ Бобруйской прогимназіи!... Два года подъ рядъ, благодаря вліянію и ходатайству сильныхъ міра, ксендзу Петкевичу разрѣшается поѣздка за-границу, предоставляется возможность и въ настоящемъ году побывать въ Краковѣ, Львовѣ, не говоря уже о Варшавѣ. Допустимъ полнѣйшее исправленіе и перемѣну къ лучшему политическихъ воззрѣній когда-то *открыто противодѣйствовавшаго* цѣлямъ Правительства кс. Петкевича; но невольно рождается вопросъ, чѣмъ и когда компрометировалъ себя въ политическомъ отношеніи каноникъ Сенчиковскій, напрасно испрашивающій себѣ отпуска въ Петербургъ и Москву, для свиданія съ врачами? - Уже не превратился-ли какимъ-либо чудомъ добровольный переходъ Сенчиковскаго изъ Минска въ Бобруйскую крѣпость—въ тонко-политичное заточеніе, какъ *неудобнаго* ново-вводителя? Чего добраго!... Вѣдь ходятъ-же упорные слухи по Бобруйску, что ученикамъ мѣстной прогимназіи привито убѣжденіе, будто-бы мѣстный костелъ съ его настоятелемъ (каноникъ Сенчиковскій) и викарнымъ ксендзомъ (почтенныхъ лѣтъ старичкомъ), за употребленіе русскаго языка при богослуженіи, состоятъ подъ «анаѳемой» святѣйшаго Рима!!... На этомъ основаніи, ни самъ законоучитель, ни его ученики крѣпостного костела не посѣщаютъ».

Кромѣ указанной замѣтки, польская, и русская, и заграничная печать, время отъ времени, вспоминала о Сенчиковскомъ и изъ посылаемыхъ недругами его въ Бобруйскъ покойному статей у него скоро образовался особый архивъ.

Изрѣдка подобныя замѣтки посылались имъ и въ Петербургъ, и въ Минскъ—по начальству, для свѣдѣнія, гдѣ и подшивались къ дѣламъ о немъ, Сенчиковскомъ.—

Но потомъ, видя, что политическая пѣсня его навсегда спѣта, покойный пересталъ это дѣлать.

Не забывала Сенчиковскаго, конечно, и прежде всего польско-іезуитская пропаганда.

Любопытное, въ этомъ отношеніи, по формѣ и содержанію, анонимное письмо за подписью «Смирновъ» (отъ 15 авг. 1881 г.) было получено Сенчиковскимъ изъ «г. Камышлова.» *)

Оно дышетъ ядомъ непримиримой злобы къ покойному, но

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій.

не лишено юмора и литературныхъ достоинствъ, указывая, въ то-же время, на заслуги Сенчиковскаго, недававшія спать спокойно ненавидѣвшей его пропагандѣ, даже тогда, когда онъ по лупрозябалъ, какъ политическій дѣятель, въ захолустномъ Бобруйскѣ.

Какъ характерный документъ, Сенчиковскій и его представилъ въ Министерство Вн. Дѣлъ.

«Я давно собирался писать Вамъ, достойный, многоуважаемый патеръ!» иронизируетъ анонимъ: «Мнѣ очень жаль, что я не знаю Васъ лично. Мнѣ даже не удалось видѣть Васъ на портретѣ. А должно быть прекрасно, божественно Ваше лицо! Какъ это нѣтъ портретовъ Вашихъ въ иллюстраціяхъ!? Вы сослужили Россіи большую службу. Мы Ваше имя чтимъ... И сравненія не нахожу! Но поляки Васъ ненавидятъ. Пусть ихъ! Они говорятъ, что будто-бы Вы продали себя, свои убѣжденія, свою совѣсть, религію, языкъ, обычаи, обряды, преданія однимъ словомъ все продали за деньги, за ордена, за мягкую постель, за вкусный обѣдъ, за бабу сдобную, за сладкую улыбку преосвященнаго Варлаама, который въ маѣ т. г. удостоилъ Васъ посѣщеніемъ, кушалъ чай, пилъ шампанское, дозволилъ приложиться къ ручкѣ и даже Васъ облобызалъ на прощанье. Пусть они говорятъ, что̀ имъ угодно, и пусть злятся также сколько имъ угодно. Вы плевать на нихъ стали! Вотъ одно только досадно, что намъ, русскимъ, даже при содѣйствіи такихъ достойныхъ и безкорыстныхъ, какъ Вы, ксендзовъ польскихъ, не удается обрусить поляковъ, которые не умѣютъ понять и оцѣнить своего благополучія въ единеніи съ великимъ русскимъ народомъ, богатымъ, просвѣщеннымъ, великодушнымъ, свободнымъ (разумѣется, свобода въ предѣлахъ законности). Видимъ, читаемъ и слышимъ, что Вамъ и нашему чиновничеству это обрусеніе не удается. Ходятъ даже слухи, что русскій чиновникъ не совсѣмъ порядочную жизнь ведетъ въ С.-З. краѣ? Будто-бы занимается пьянствомъ, взяточничествомъ и хищеніемъ? Вы будто-бы тоже? Но это, должно быть, клевета? Правда-ли, будто-бы Ваши земляки бѣгутъ изъ костела, когда Вы на русскомъ языкѣ читаете своей паствѣ Св. Евангеліе и проповѣди? Правда ли, что они бросали въ Васъ грязью, ругали Васъ площадными словами, плевали на Васъ?!... О, Господи! ... Если все, что мы слышали, есть болѣе или менѣе фактъ, то Вы просто святой человѣкъ... Мы молимся на Васъ; мы боготворимъ Васъ. . Надо-же имѣть такое святое, можно сказать, скотское терпѣніе, мужество, такую неугасаемую любовь къ русской правдѣ?! Знаете, я Васъ ставлю наравнѣ съ Катковымъ, а другіе говорятъ, что Вы выше его стоите въ нравственномъ отношеніи. Кто—изъ насъ правъ, Вамъ это лучше знать. Но я думаю, слѣдовало-бы Вамъ принять болѣе строгія мѣры по отношенію къ этимъ извергамъ рода че-

ловѣческаго, къ полякамъ-католикамъ. Ихъ всѣхъ надо было-бы сослать въ Сибирь, которая сумѣетъ съ ними справиться... Я думаю еще-бы одну принять мѣру - это укротить ихъ свободу въ Галиціи, ввести и въ ней русскую грамоту, русскую правду, языкъ и проч., а если нельзя этого сдѣлать, такъ какъ Галиція -провинція, будто бы состоящая въ предѣлахъ Австрійской Монархіи, то написать ихнему Государю, чтобы непремѣнно ввелъ между поляками нѣмецкій языкъ и нѣмецкіе законы, или-же русскіе. А то, сами посудите, дѣло выйдетъ дрянь и мы съ Вами, пожалуй, останемся въ дуракахъ... До свиданья, до слѣдующей пріятной бесѣды, милѣйшій патеръ?!.. Вашъ другъ К. Смирновъ.

P. S. Ждемъ съ нетерпѣніемъ результатовъ Вашихъ дѣйствій, о которыхъ, коль скоро освѣдомимся, то и незамедлимъ напечатать въ одной изъ Петербургскихъ газетъ. № которой пришлемъ Вамъ съ первою почтою.»

До чего обострились, между тѣмъ, у Сенчиковскаго отношенія съ гражданскими властями (а во главѣ ихъ съ губернаторомъ Петровымъ и вице-губернаторомъ Альбединскимъ) *), видно изъ любопытнаго дѣла объ его отпускѣ (1881—82 г. г. № 153) канцеляріи Минскаго губернатора.

Несомнѣнно, что Сенчиковскаго, въ тѣ дни, боялись выпустить въ Петербургъ, какъ Минская администрація, такъ и прелатъ Жилинскій, знавшіе, что у него тамъ есть еще большая протекція и что, конечно, при случаѣ молчать онъ не будетъ.

На ходатайство Сенчиковскаго объ отпускѣ въ Петербургъ, Москву и Кіевъ для совѣта съ профессорами университетовъ, по случаю разстроеннаго его здоровья, прелатъ Жилинскій (27 іюня 1881 г. за № 752) сообщаетъ губернатору Петрову о томъ, что «увольненіе Сенчиковскаго въ Петербургъ и Москву, хотя-бы и на непродолжительное время, весьма неудобно, такъ какъ и въ настоящее время въ цѣломъ Бобруйскомъ уѣздѣ состоитъ только онъ, Сенчиковскій, и его викарный, а надобность въ исполненіи духовныхъ требъ народу предстоитъ ежедневно и въ разныхъ мѣстахъ.»

Отвѣтъ Жилинскаго переданъ былъ губернаторомъ Сенчиковскому, который (изъ кр. Бобруйскъ) пишетъ Петрову (4 іюля 1881 г.):

«Прелатъ Жилинскій еще разъ имѣлъ удобный случай не только обидѣть и повредить мнѣ, но сдѣлать злостную демонстрацію, и при томъ упрекнуть Ваше Пре—во за то, что по

*) Альбединскій былъ Минскимъ губернаторомъ съ 1876 по 1887 годъ.

причинѣ русскаго языка некѣмъ замѣстить тѣ приходы, въ которыхъ утвержденъ языкъ русскій.

Вотъ настоящая причина отказа мнѣ въ отпускѣ.

Не моя-же вина, что приходъ безъ ксендзовъ! Я-же просилъ и прошу прислать настоятелей, но только употребляющихъ языкъ русскій. У прелата Жилинскаго имѣются ксендзы, прежде употреблявшіе языкъ русскій. Почему-же не присылаютъ таковыхъ въ Бобруйскій уѣздъ? Неужели и для того, дабы имѣть въ деканатѣ ксендзовъ, дабы состоять въ милости у управляющаго епархіей, имѣть на своей сторонѣ польскую панскую партію и сочувствующихъ этой партіи, дабы, наконецъ, спастись отъ гоненія, я долженъ оставить языкъ русскій, сдѣлаться скрытымъ, посильнымъ врагомъ всего, что̀ русское, и этимъ только оградить себя отъ гоненія?..

Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Пусть я умру; пусть меня не только морально, какъ это давно дѣлаютъ, но и физически, терзаютъ и надо мною издѣваются — я не измѣню ни Правительству, ни Россіи, ни моему честному убѣжденію!!..

Было время, когда прелатъ Жилинскій точно также не соглашался дать мнѣ отпускъ. Между тѣмъ, точно такъ-же, какъ и теперь, непріятности и гоненія на меня усиливались. Это вынудило меня безъ билета поѣхать въ столицу, гдѣ я нашелъ справедливость и покровительство.

Если кс. Петкевичъ, сосланный въ Бобруйскъ за противодѣйствіе видамъ Правительства, второй годъ сряду получаетъ паспорты даже за-границу, если кс. Гедройцъ *безъ билета* ѣздитъ въ Друскеники лѣчиться, то я тоже имѣю полное право ѣхать въ столицу. За что-же я арестованъ?! За что, работая, какъ почтовая лошадь, я лишенъ возможности спасать разстроенное здоровье и спасать себя отъ моральнаго истязанія, получаемаго ото всѣхъ?!... Послѣ всего этого, я долженъ всѣми законными мѣрами искать справедливости и защиты и серіозно хлопотать Виленскую епархію и Минскую губернію какъ можно скорѣе оставить, дабы спасти хотя жизнь.

Потому только, что не желаютъ въ Вильнѣ русскаго языка и что я служу на этомъ языкѣ, я долженъ страдать, переносить всякаго рода моральныя пытки и, наконецъ, мнѣ разрѣшается умирать на службѣ безъ совѣта и пособія тѣхъ, которые уже меня лѣчили! Конечно, все это превышаетъ человѣческое терпѣніе...»

16 іюля 1881 г., за № 270, губернаторъ Петровъ, представляя Министру Вн. Дѣлъ всю переписку свою объ отпускѣ Сенчиковскаго—съ Сенчиковскимъ и Жилинскимъ, доноситъ Министру:

«Въ бытность мою въ г. Бобруйскѣ въ маѣ мѣсяцѣ сего года, деканъ Бобруйскаго уѣзда римско-католическій священникъ Сенчиковскій обратился ко мнѣ съ ходатайствомъ объ увольненіи его въ 8-ми дневный отпускъ въ С.-Петербургъ и Москву, для совѣта съ врачами. На мой вопросъ о томъ, кого онъ полагаетъ назначить для исправленія его должности во время отсутствія изъ Бобруйскаго уѣзда, священникъ Сенчиковскій заявилъ, что, въ виду тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между нимъ и прочими священниками Минской губерніи, и той непріязни, какую они къ нему питаютъ, онъ не можетъ указать ни на одного изъ священниковъ, который достойно могъ-бы замѣнить его и не повредить дѣлу дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ. Засимъ, когда мною было ему объяснено, что, въ виду таковыхъ условій, отъѣздъ его изъ Бобруйскаго уѣзда, даже на самое короткое время, становится невозможнымъ, священникъ Сенчиковскій заявилъ, что онъ отлагаетъ исполненіе своего намѣренія до болѣе благопріятнаго времени. Но, въ іюнѣ мѣсяцѣ, священникъ Сенчиковскій снова письменно обратился ко мнѣ съ тѣмъ-же ходатайствомъ, при чемъ представилъ и медицинское о болѣзни своей свидѣтельство.

Вслѣдствіе сего, 19 іюня, за № 3827, я просилъ управляющаго Виленскою епархіею увѣдомить меня, -не встрѣчается ли, съ его стороны, препятствій къ увольненію священника Сенчиковскаго въ просимый имъ отпускъ; представленное —же Сенчиковскимъ медицинское свидѣтельство о болѣзни было препровождено въ Врачебное Отдѣленіе Губернскаго Правленія для удостовѣренія, --дѣйствительно-ли болѣзнь священника Сенчиковскаго настолько серьезна, что требуетъ совѣта съ врачами въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Изъ полученныхъ, по сему предмету, отзызовъ видно, что прелатъ Жилинскій уволить священника Сенчиковскаго, хотя и на короткое время, считаетъ неудобнымъ, такъ какъ въ настоящее время, во всемъ Бобруйскомъ уѣздѣ, изъ числа духовныхъ лицъ римско-католическаго исповѣданія состоитъ только онъ, священникъ Сенчиковскій, и его викарный, а надобность въ преподаніи требъ населенію предстоитъ ежедневная, и въ разныхъ мѣстахъ. Врачебное-же Отдѣленіе Губернскаго Правленія, возвращая свидѣтельство о болѣзни священника Сенчиковскаго, увѣдомило, что, по описанной въ немъ болѣзни, не усматривается настоятельной надобности отправляться для совѣта съ врачами въ другіе города.

По извѣщеніи объ этомъ священника Сенчиковскаго, онъ, письмомъ на мое имя, высказывая неудовольствіе на управляющаго епархіею, лично, будто-бы, къ нему постоянно нерасположеннаго и враждебно относящагося къ его дѣятельности, бла-

годаря, будто-бы, чему прелатъ Жилинскій и не изъявилъ согласіе на увольненіе его, Сенчиковскаго, въ отпускъ, —вновь проситъ моего распоряженія уволить его въ С.-Петербургъ и Москву, заявляя, что онъ имѣетъ въ виду, между прочимъ, ходатайствовать въ С.-Петербургѣ о перемѣщеніи его въ другую епархію, внѣ вѣдѣнія прелата Жилинскаго Отдавая полную справедливость неукоснительному совершенію священникомъ Сенчиковскимъ дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ, я, тѣмъ не менѣе, не могу умолчать предъ Вашимъ Сіятельствомъ о томъ, что личныя свойства этого священника, въ послѣднее время, стали выказываться съ особою рѣзкостью нетолько по отношенію къ чисто служебной дѣятельности, но и въ дѣлахъ совершенно частнаго характера. Постояннно вмѣшиваясь въ дѣла неподвѣдомственныхъ ему римско-католическихъ приходовъ губерніи, путемъ неоднократныхъ мнѣ заявленій и донесеній о предосудительной, будто-бы, дѣятельности того или другого священника, названный священникъ, съ теченіемъ времени, поставилъ себя въ такія, по службѣ, условія, что всѣ три прихода Бобруйскаго уѣзда, Свислочскій, Хоромецкій и въ послѣднее время—Глусскій, были постоянно покидаемы священниками, неимѣвшими возможности продолжать службу, благодаря непріятнымъ сторонамъ характера декана. Независимо сего, заявляя не только мнѣ, но и на каждомъ шагу, даже и при такой обстановкѣ, гдѣ это представлялось-бы вообще неудобнымъ, съ какимъ-то особымъ озлобленіемъ, о своихъ непріязненныхъ къ помѣщикамъ-полякамъ чувствахъ, священникъ Сенчиковскій этими и разными другими безтактными поступками довелъ положеніе вещей до того, что и крестьяне-католики перестали питать къ нему то особое уваженіе, на которое даетъ ему право его санъ, особенно послѣ оставленія священниками приходовъ Бобруйскаго уѣзда. Сосредоточивъ, такимъ образомъ, въ своихъ рукахъ управленіе всѣми приходами Бобруйскаго уѣзда, священникъ Сенчиковскій поставилъ себя, дѣйствительно, въ невозможное положеніе, тѣмъ, что, своимъ вліяніемъ и настояніями, удаливъ изъ приходовъ уѣзда священниковъ и оставшись съ однимъ викарнымъ Бобруйской церкви,—онъ нынѣ не можетъ, даже на самое короткое время, покинуть Бобруйскій уѣздъ, безъ вреда дѣлу, такъ какъ на время его отсутствія не имѣется въ виду священника, коему было-бы возможно довѣрить исправленіе его должности и совершеніе дополнительнаго богослуженія въ означенныхъ церквахъ на русскомъ языкѣ.

По изложеннымъ обстоятельствамъ, признавая, съ своей стороны, что увольненіе священника Сенчиковскаго, даже въ самый кратковременный отпускъ, было бы равносильно оставленію навсегда совершенія дополнительнаго богослуженія на русскомъ

языкѣ въ Бобруйскомъ уѣздѣ, гдѣ таковое привилось съ значительнымъ успѣхомъ, и встрѣчая затрудненіе, при наличности изложенныхъ условій, разрѣшить собственною властью просимый священникомъ Сенчиковскимъ отпускъ въ С.-Петербургъ и Москву, считаю долгомъ о семъ представить на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Вашего Сіятельства.»

Пока эта бумага шла въ Петербургъ, вице-директоръ Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій Бестужевъ-Рюминъ (17 іюля 1881 г., за № 3577) пишетъ губернатору Петрову, что, вслѣдствіе просьбы Сенчиковскаго, «Министръ Вн. Дѣлъ призналъ это ходатайство подлежащимъ удовлетворенію», если со стороны его, губернатора, не встрѣчается какихъ либо препятствій.

Такимъ образомъ обѣ бумаги разошлись въ пути. Но Петровъ, получивъ бумагу отъ Бестужева-Рюмина, не сообщилъ о ней Сенчиковскому.

31 іюля (за № 240) этотъ послѣдній, не зная о благопріятномъ взглядѣ Министерства на его отпускъ, пишетъ снова губернатору Петрову, прося представить его просьбу Министру; при чемъ добавляетъ:

«Въ случаѣ-же, если-бы настоящая всепокорнѣйшая просьба моя не могла-бы Вашимъ Пре-вомъ принята во вниманіе, то умоляю о возвращеніи мнѣ медицинскаго свидѣтельства, ибо здоровье мое съ каждымъ днемъ все хуже становится и хотя г. управляющій епархіей повидимому желаетъ ускорить мою кончину, но я, по чувству самосохраненія, долженъ и намѣренъ принять всевозможныя мѣры, дабы, если не вполнѣ излѣчиться, то покрайней мѣрѣ хоть продлить жизнь».

Остававшійся за губернатора Петрова вице-губернаторъ Альбединскій (10 авг., за № 5086) отвѣчаетъ Сенчиковскому, что просьба его объ отпускѣ на 8 дней признана неподлежащей удовлетворенію, о чемъ доведено 17 іюля, за № 3577, до свѣдѣнія Министра Вн. Дѣлъ.

31 дек. 1881 г., за № 360, Сенчиковскій, представляя губернатору подлинное распоряженіе Жилинскаго—о разрѣшеніи ему восьми-дневнаго отпуска въ Петербургъ, возобновляетъ ходатайство объ отпускѣ.

Послѣ полученія отъ С.-Петербургскаго градоначальника отвѣта, что на пріѣздъ въ Петербургъ Сенчиковскаго препятствій не встрѣчается, и. д. Минскаго губернатора Альбединскій (губернаторъ Петровъ находился въ это время въ Петербургѣ) выдаетъ, наконецъ, канонику Сенчиковскому желанное свидѣ-

тельство (отъ 22 янв. 1882 г, за № 529)—для отпуска его въ Петербургъ съ 3 по 10 февраля того-же года, а Бобруйскому полицiймейстеру посылается сообщенiе о томъ, что Сенчиковскому разрѣшенъ отпускъ въ столицу.

Не зная, между тѣмъ, о причинахъ замедленiя съ отпускомъ, Сенчиковскiй (8 января 1882 г., кр. Бобруйскъ) *) жалуется Директору Департамента А. Н. Мосолову.—

«Не смѣя утруждать высшее начальство», пишетъ онъ: «я, скрѣпя сердце, переносилъ всѣ моральныя пытки, встрѣчаемыя мною постоянно и ото всѣхъ; но моральное истязанiе, падающее на меня, постоянно увеличиваясь, дошло, наконецъ, до такихъ размѣровъ, что я рѣшился повергнуть предъ Вашимъ Пре—вомъ мою убѣдительнѣйшую просьбу касательно выдачи мнѣ разрѣшенiя прибыть въ Петербургъ, какъ для совѣта пользовавшихъ меня прежде медиковъ Боткина и Эйхвальда, такъ и, главное, для личнаго доклада Вашему Пре-ву о дѣлахъ, прямо относящихся къ русскому дѣлу и къ моему въ этомъ дѣлѣ служебному участiю. По причинѣ окружающихъ г. губернатора враждебныхъ мнѣ лицъ, я имѣлъ несчастье попасть не только въ немилость г. губернатора, но въ серьезную ненависть и вполнѣ враждебное ко мнѣ отношенiе, хотя Бога взываю во свидѣтели, что ни малѣйшаго къ этому съ моей стороны не дано повода. Злостное и враждебное ко мнѣ настроенiе правителя губернаторской канцелярiи г. Кононовича и его помощника г. Крылова успѣло подѣйствовать и на г. губернатора, который просто ненавидитъ меня. Лично я могу представить оффицiальныя бумаги, какъ изъ консисторiи, такъ и отъ г. губернатора, которыя неопровержимо подтверждаютъ вѣрность вышесказаннаго. Мнѣ даже отказано въ разрѣшенiи прибыть въ Минскъ, для совѣта у дѣлавшаго мнѣ операцiю доктора г. Свенцицкаго, и для личнаго доклада по службѣ. Между тѣмъ, проживающiй въ гор. Бобруйскѣ кс. Петкевичъ, состоя подъ надзоромъ полицiи за противодѣйствiе видамъ Правительства, вотъ уже сряду два года получаетъ разрѣшенiе-ѣздить за-границу въ Краковъ и Львовъ. Немилость и враждебное противъ меня настроенiе очень уже давно доказаны. Понятно, что въ такомъ положенiи я существовать не могу. Одно только мнѣ еще остается—это убѣдительнѣйше просить Ваше Пре-во позволить мнѣ прибыть въ Петербургъ, гдѣ я не только буду въ состоянiи чистосердечно изложить всѣ тяжелыя для меня обстоятельства, но и услышать слово одобренiя и поддержки. Здѣсь-же *я лишенъ всего*; здѣсь довольно уже открыто дѣлается, дабы вынудить меня искать спокойствiя и поддержки въ польской, враждебной мнѣ, партiи.—

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскiй» Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов.

Но такъ какъ это для меня, при употребленіи языка русскаго, немыслимо, то я, со слезами, умоляю Васъ, Ваше Пре во, не откажите въ своемъ покровительствѣ, не отталкивайте меня и не допустите, дабы я, убитый горемъ и противъ глубокаго моего убѣжденія, вынужденъ былъ искать спокойствія и поддержки въ употребленіи языка польскаго, что неминуемо я долженъ буду сдѣлать, если продлится по истинѣ невыносимое настоящее мое положеніе. Позвольте-же, Ваше Пре—во, пріѣхать мнѣ въ Петербургъ лично, Вамъ объяснить все! Этимъ разрѣшеніемъ Вы меня спасете и обезпечите на долго употребленіе мною языка русскаго. Иначе я погибну, ибо вынужденъ буду, защищаясь отъ невыносимаго гоненія, начать употребленіе языка польскаго, и въ этомъ моемъ, противъ убѣжденія, поступкѣ пусть падетъ отвѣтственность на тѣхъ, которые своимъ постояннымъ моральнымъ истязаніемъ довели меня до этого ужаснаго для меня шага.

Простите милостиво, Ваше Пре—во, мою смѣлость! Но не могъ я не заявить Вамъ о томъ, что̀ убило мою энергію и къ чему я уже доведенъ, благодаря безпрерывному преслѣдованію со стороны тѣхъ, которые, казалось-бы, обязаны были иначе смотрѣть на меня и на мою службу. И, если я не удостоюсь просимаго разрѣшенія на поѣздку въ Петербургъ, то это приму, какъ доказательство, что ни я, ни моя дѣятельность въ пользу русскаго языка уже не нужны болѣе. Вслѣдствіе чего я вынужденъ буду, хотя съ горемъ и болью въ сердцѣ, и хотя съ отвращеніемъ, обратиться къ употребленію языка польскаго. Не допустите-же, Ваше Пре—во, меня до этого несчастья и до этой крайности! Довольно того, что буквально подчинили меня моему-же органисту: это уже превышаетъ всякое терпѣніе. Ксендзы, служащіе на языкѣ польскомъ и польской справѣ, пользуются полною свободою и правомъ самостоятельно управлять костеломъ и его прислугою. А я, деканъ, состою въ распоряженіи служащаго при мнѣ органиста. Вотъ чего я дождался за 14-ти—лѣтнее усердное мое служеніе русскому дѣлу и видамъ Правительства!»

Получивъ, наконецъ, давно ожидаемый отпускъ и билетъ, Сенчиковскій (рапортомъ отъ 24 января) доноситъ Минскому губернатору о врученіи ему отпускного свидѣтельства.

Какъ-бы желая, чтобы бумага его пришла въ Петербургъ тогда, когда тамъ будетъ являться по-начальству каноникъ Сенчиковскій, Альбединскій (30 янв. 1882 г., № 37) *) доноситъ Министру Вн. Дѣлъ гр. Игнатьеву о «безпокойномъ» ксендзѣ:

*) Тамъ же

«По перемѣщеніи, 6 марта 1879 года, Слуцкаго декана, римско католическаго священника Сенчиковскаго на должность Бобруйскаго декана и настоятеля въ Бобруйскую римско-католическую церковь, были, согласно ходатайству священника Сенчиковскаго, назначены органистами окончившіе курсъ въ Минскомъ училищѣ органистовъ, Глинскій и Володзько. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года, согласно ходатайству священника Сенчиковскаго, органисты Бобруйской церкви Володзько и Глусскій-Понятовскій были перемѣщены одинъ на мѣсто другого, а въ октябрѣ 1880 года означенные органисты перемѣщены, по ходатайству-же того-же священника, на прежнія свои мѣста. Засимъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того-же года, за увольненіемъ органиста Понятовскаго изъ званія органиста, органистъ Володзько назначенъ былъ, по просьбѣ священника Сенчиковскаго, вновь въ Глусскій приходъ; вторымъ-же органистомъ Бобруйской церкви, въ январѣ 1881 года, назначенъ, также по ходатайству священника Сенчиковскаго, окончившій курсъ наукъ въ училищѣ органистовъ, Розынко.

Вслѣдствіе жалобы священника Сенчиковскаго на послѣдняго въ неисполненіи имъ своихъ обязанностей, начальникъ губерніи призналъ необходимымъ помянутаго Розынко, 5 сего января, перемѣстить къ Тимковичской церкви, а органиста послѣдней Климовича,—на мѣсто Розынко.

Между тѣмъ, священникъ Сенчиковскій, донося начальнику губерніи, что Климовичъ, будто бы, ведетъ самую предосудительную и нетрезвую жизнь и своихъ обязанностей не знаетъ, хотя о таковомъ поведеніи Климовича, за все время служенія органистомъ, подобныхъ слуховъ до начальника губерніи и не доходило, заявилъ, что онъ, по своему званію декана и настоятеля, не желаетъ принять къ себѣ на службу органиста Климовича.

По порученію начальника губерніи, доводя о вышеизложенномъ до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, имѣю честь доложить, что начальникъ губерніи, въ случаѣ дѣйствительнаго отказа священника Сенчиковскаго въ принятіи органиста Климовича, назначить на должность органиста къ Бобруйской церкви никого въ виду не имѣетъ, ибо даже и избираемые имъ самимъ органисты, въ теченіе весьма короткаго времени, оказываются, по его-же заявленію, неспособными, или же нерадивыми. Назначаемые-же къ священнику Сенчиковскому органисты, съ своей стороны, постоянно жалуются начальнику губерніи на дурное обхожденіе его съ ними, заявляя, что названный священникъ требуетъ отъ нихъ, будо-бы, какихъ-то услугъ, несовмѣстныхъ съ ихъ званіемъ, принуждаетъ ихъ заниматься хозяйственными по его дому работами и налагаетъ слишкомъ обременительные для нихъ денежные штрафы. На неоднократныя-же предложенія

начальника губерніи—о лучшемъ обращеніи съ органистами и вообще прекращеніи всякихъ пререканій съ ними,—священникъ Сенчиковскій неукоснительно отвѣчаетъ новымъ рядомъ обвиненій ихъ въ разныхъ неблагопристойныхъ проступкахъ, указывая, что всѣ жалобы органистовъ на него ложны, и что, будто-бы, къ подачѣ такихъ заявленій подстрекаютъ какіе-то недоброжелатели и личные враги дѣятельности его, священника Сенчиковскаго. Но провѣрить, въ дѣйствительности, справедливость жалобъ, какъ сего послѣдняго, такъ и органистовъ, представляется совершенно невозможнымъ, за неимѣніемъ лица, достаточно компетентнаго въ дѣлахъ взаимныхъ отношеній католическаго духовенства и могущаго безошибочно выяснить существо подобныхъ дѣлъ. Привлекать-же къ разслѣдованію изложенныхъ обстоятельствъ мѣстное полицейское начальство представляется, по мѣстнымъ условіямъ, неудобнымъ. Между тѣмъ, постоянное, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, недовольство, какъ священника назначенными къ нему органистами, такъ и сихъ послѣднихъ названнымъ священникомъ,—чего не замѣчается въ такой формѣ ни въ одномъ изъ римско-католическихъ приходовъ Минской губерніи,—вводя лишь въ безполезную и обременительную переписку, служитъ, однако, поводомъ къ возбужденію среди прихожанъ Бобруйской римско-католической церкви всякихъ разнорѣчивыхъ и нежелательныхъ толковъ о враждебныхъ, будто-бы, отношеніяхъ между собою духовенства и причта этой церкви».

То, что было непонятнымъ для г. Альбединскаго, становится—яснымъ, если мы выслушаемъ Сенчиковскаго, который, по-прежнему, будучи въ опалѣ, требовалъ отъ подчиненныхъ ему органистовъ употребленія русскаго языка, преданности русскому Правительству, вліянія на бѣлорусское населеніе въ направленіи, враждебномъ польско-іезуитской пропагандѣ, повиновенія и нравственности, какъ примѣра для темной массы.

Казалось, всѣ препятствія для отпуска были устранены, улажены. Сенчиковскому оставалось только явиться въ Петербургъ.

Но у губернатора Петрова были въ Минскѣ свои агенты, слѣдившіе за тѣмъ, что дѣлаетъ Сенчиковскій, даже въ его, Петрова, отсутствіи...

Нечего удивляться, поэтому, что вдругъ приходитъ въ Минскъ на имя Альбединскаго изъ Петербурга грозная телеграмма отъ губернатора: *)

*) Дѣло канцеляріи Минскаго губернатора 1881—82 г. № 153.

«Вызовите къ себѣ Сенчиковскаго, воспретите собирать какія-бы то ни было подписки, выданный ему отпускной билетъ потребуйте обратно и воспретите поѣздку въ Петербургъ и Москву».

Но 3 февраля Бобруйскій полиціймейстеръ Орелъ доноситъ въ Минскъ и. д. губернатора Альбединскому: *)

«Ксендзъ вечернимъ поѣздомъ поѣхалъ Минскъ. Подробности почтою».

Въ донесеніи своемъ (отъ 3 февраля, № 13-й) **) тотъ-же полиціймейстеръ такъ описываетъ губернатору «подробности» отъѣзда изъ Бобруйска Сенчиковскаго:

«Вслѣдствіе телеграммы Вашего Пре—ва отъ 2 февраля честь имѣю донести, что, по полученіи телеграммы, я тотчасъ-же лично объявилъ таковую подъ росписку декану Сенчиковскому и онъ заявилъ мнѣ, въ присутствіи начальника губернскаго жандармскаго управленія и Бобруйскаго исправника, что въ Минскъ не поѣдетъ, а отправится прямо въ Петербургъ, гдѣ и явится къ г. губернатору, а затѣмъ г. Министру, приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы лично представиться Государю Императору. О цѣли своей поѣздки Сенчиковскій высказывался такъ: онъ намѣренъ просить о переводѣ его изъ Бобруйска и жаловаться на притѣсненія, дѣлаемыя, будто-бы, ему здѣшнимъ начальствомъ. Сенчиковскій забралъ съ собою много бумагъ и разныхъ газетъ, въ коихъ напечатано о немъ, *разумѣется его-же редакціи*. Газеты эти и бумаги намѣренъ онъ показать г. Министру. Вечеромъ 2 февраля Сенчиковскій отправился въ Минскъ, билетъ на поѣздъ взявъ до Минска. О выѣздѣ его я, въ 6 часовъ вечера, телеграфировалъ Вашему Пре—ву. Сенчиковскій составилъ адресъ отъ р.-к. духовенства и прихожанъ, содержаніе котораго мнѣ неизвѣстно, такъ какъ Сенчиковскій подписывать его никому изъ жителей города не предлагалъ, а, бывши въ уѣздѣ, какъ мнѣ извѣстно, далъ подписать нѣкоторымъ дворянамъ и крестьянамъ, а нѣкоторые подписать не пожелали.»

Каковы были цѣли и результаты самовольной поѣздки Сенчиковскаго въ Петербургъ, что̀ вышло изъ этой поѣздки, видно изъ бумагъ Сенчиковскаго, имъ мнѣ, при жизни его, переданныхъ.

Въ упоминаемыхъ бумагахъ покойнаго имѣются двѣ любопытныхъ, собственноручныхъ его, замѣтки.

Первая изъ нихъ (безъ даты) озаглавлена такъ: «Опи-

*) Тамъ-же.

**) Тамъ-же.

саніе причинъ выхода моего въ отставку и помѣщенія въ Гродну».

Судя по почерку, бумагѣ и черниламъ, она была написана покойнымъ задолго до моего съ нимъ знакомства и лежала у него въ качествѣ матеріала, «на всякій случай».

Приведемъ ее цѣликомъ, кое-гдѣ, по необходимости, замѣнивъ точками очень ужъ рѣзкія выраженія.

«Губернаторъ Минскій Петровъ», разсказываетъ Сенчиковскій: «всѣми правдами и неправдами, усердствовалъ, дабы употребленіе языка русскаго *было только на бумагѣ,* но ничуть не на дѣлѣ. Для этого губернаторъ Петровъ открыто поддерживалъ и защищалъ тѣхъ ксендзовъ, которые, хотя и выдали подписку, но на дѣлѣ не употребляли языка русскаго. Ксендзы эти—Гедройцъ, Піотровскій, Лукашевичъ, Юривичъ и др. Ксендзамъ этимъ даже выдавали денежное пособіе за употребленіе языка русскаго, хотя жандармы и полиція доносили, что они не служатъ на языкѣ русскомъ. Меня-же, за то, что я писалъ и говорилъ объ этомъ обманѣ открыто, губернаторъ Петровъ, не только на каждомъ шагу преслѣдовалъ, но не отвѣчалъ на мои бумаги, подстрекалъ и поощрялъ противъ меня моихъ-же двухъ органистовъ, давалъ ходъ всѣмъ ябедамъ на меня ксендзовъ и пановъ, давалъ волю консисторіи: меня обижали, не выдавали мнѣ жалованья, обвиняли за порчу костела и плебаніи, хотя я въ три года бытности моей въ Бобруйскѣ израсходовалъ собственныхъ денегъ, на починку плебаніи и костела въ Бобруйскѣ, до 3,000 руб. и постоянно писалъ, что мой предмѣстникъ ксендзъ Макаревичъ, двадцать лѣтъ состоя настоятелемъ и деканомъ, разорилъ, обокралъ и опустилъ Бобруйскій костелъ и плебанію. Какъ документъ, въ доказательство этого, я представилъ отнятые мною отъ женщинъ . . . . костельные образа и планы на церковную землю, подаренные имъ кс. Макаревичемъ, представлялъ акты и заявленія Бобруйскаго интенданта, генералъ-инженера, инженернаго полковника и полиціймейстера. Но на все это не было обращено ни малѣйшаго вниманія. Напротивъ, меня еще болѣе угнетали со всякой почтою получавшіяся мною угрозы и губернаторскіе отзывы. Требовали указами, дабы я представилъ отчетъ по употребленію мною моего жалованья за четыре года, дабы я на свой счетъ починилъ костелъ и плебанію, на что по смѣтѣ потребовалось 7000 руб., не считая мною пожертвованныхъ и израсходованныхъ 3000 руб. Меня не пускали поѣхать въ Петербургъ лѣчиться и объяснить г. Министру мое и русскаго дѣла положеніе. Наконецъ, я добился-таки отпуска, получилъ билетъ на поѣздку въ Петербургъ; но, за нѣсколько часовъ до выѣзда моего на вокзалъ, 2 февраля 1882 года, Бобруйскій полиціймейстеръ Орелъ съ исправникомъ Рожанскимъ объявили мнѣ

телеграмму отъ и. д. губернатора И. П. Альбединскаго о томъ, чтобы я не смѣлъ ѣхать въ Петербургъ, а явился-бы въ Минскъ, гдѣ я долженъ буду возвратить выданный мнѣ билетъ. Я, хотя и расписался на телеграммѣ, но все-таки уѣхалъ въ Петербургъ того-же числа, о чемъ полиціймейстеръ телеграфировалъ и. д. губернатора, а тотъ—губернатору Петрову, который былъ въ Петербургѣ. До выѣзда моего въ Петербургъ я бесѣдовалъ съ прихожанами и мы составили Всеподданнѣйшій адресъ, на которомъ подписались по два представителя всѣхъ сословій. Въ адресѣ было сказано, между прочимъ, что «мы—бѣлоруссы, искренно преданные Престолу и возлюбленному нашему отечеству Россіи.» Вотъ эти-то слова не понравились Бобруйскому исправнику Рожанскому, который донесъ губернатору, что тоже очень не взлюбилъ губернаторъ Петровъ. И вотъ почему не желали, дабы я подалъ этотъ адресъ. По дорогѣ я остановился въ Гатчинѣ, видѣлся съ жандармскимъ полковникомъ Ширинкинымъ (приближенный стражъ Государя). Ширинкинъ писалъ графу Игнатьеву, прося представить меня Государю. Хотя я имѣлъ съ собою золотой крестъ съ мощами, чтобы положить на гробъ покойнаго Царя-мученика (а крестъ этотъ—наперстный крестъ послѣдняго митрополита уніатскаго Булгака), но все это ничуть не обратило вниманія начальства потому, что губернаторъ Петровъ вездѣ противодѣйствовалъ. Такъ, когда дано было ему знать полиціймейстеромъ, что я, несмотря на телеграмму, поѣхалъ въ Петербургъ, то губернаторъ Петровъ хотѣлъ, было, оффиціально просить оберъ-полиціймейстера въ С.-Петербургѣ, дабы меня немедленно выслали изъ столицы. Затѣмъ, Петровъ, опасаясь, дабы я не раскрылъ истины съ его преслѣдованіемъ меня и несочувствіемъ русскому дѣлу, а также съ полнѣйшимъ дѣйствіемъ въ пользу полонизма, былъ у оберъ-прокурора Св. Синода Побѣдоносцева и болѣе часа только обо мнѣ и русскомъ языкѣ вралъ и превратно толковалъ. Объ этомъ мнѣ передалъ чиновникъ, постоянно дежурный и докладчикъ при Побѣдоносцевѣ. И когда я, по совѣту Минскаго архіерея Варлаама, Виленскаго архіепископа Александра и профессора С.-Петербургской Духовной Православной Академіи М. О. Кояловича поѣхалъ къ Побѣдоносцеву—представиться, то онъ не только не пожелалъ со мною разговаривать, но, выйдя въ пріемный залъ, крикнулъ, что онъ со мною не желаетъ говорить и требуетъ, чтобы я не бывалъ больше у него. Все это сдѣлалъ губернаторъ Петровъ!... Я-бы никогда не пошелъ къ Побѣдоносцеву, если-бы истинно-русскіе и сочувствующіе русскому дѣлу люди этого мнѣ не посовѣтовали-бы.

Послѣ пріѣзда въ С.-Петербургъ, того-же дня, я отправился въ Министерство, гдѣ начальникъ отдѣленія въ Департаментѣ Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій Лагода принялъ меня,

хотя вѣжливо, но холодно. Когда-же я разсказалъ ему и документально разъяснилъ о всѣхъ гоненіяхъ и несправедливостяхъ, переносимыхъ мною отъ консисторіи, польской партіи и чиновниковъ, и когда представилъ подлинныя бумаги изъ консисторіи и отъ губернатора, въ которыхъ были явная неправда и несправедливость по отношенію ко мнѣ, то г. Лагода посовѣтовалъ мнѣ обождать, а самъ пошелъ—предупредить директора Мосолова (который, послѣ возвращенія изъ Рима, открыто сталъ противъ употребленія языка русскаго). Г. Мосоловъ принялъ меня грубо и дерзко, заявивъ, что онъ не ожидалъ меня, и что теперь я неумѣстно хлопочу о разрѣшеніи вопроса объ языкѣ русскомъ. Онъ прибавилъ очень серьезно, дабы я не подавалъ адреса Государю и не смѣлъ-бы класть на могилу покойнаго Государя золотой съ мощами крестъ (привезенный мною и находившійся у меня, какъ историческая память, подаренная мнѣ помѣщикомъ Богдановскимъ, внукомъ послѣдняго уніатскаго митрополита Булгака, наперстный крестъ послѣдняго).—На мое заявленіе, что основанное мною училище для римско-католическихъ органистовъ въ Минскѣ теперь состоитъ въ плачевномъ положеніи, что воспитанники въ костелѣ не поютъ по-русски, что, дабы это скрыть, изъ воспитанниковъ устроили хоръ духовой музыки, чтобы, играя на трубахъ, мальчики не могли пѣть при орга́нахъ, чѣмъ губятъ дѣло и мальчиковъ, ибо они не знаютъ своей спеціальности—игры на орга́нѣ и церковнаго пѣнія, и что, наконецъ, мальчики до того распущены, что многіе изъ старшихъ обзавелись содержанками, а одинъ изъ такихъ назначенъ ко мнѣ въ Бобруйскъ—г. Мосоловъ сказалъ: «И отлично! Органисты—не монахи. Пусть содержатъ по двѣ и по три, если имъ это нравится.» И это пришлось мнѣ услышать отъ директора Департамента Дух. Дѣлъ!!..

Послѣ такого разговора я отправился къ Министру Вн. Дѣлъ гр. Игнатьеву, который меня продержалъ въ пріемной съ 11 ч. утра до 4 часовъ пополудни. Затѣмъ, пригласили меня въ кабинетъ графа Игнатьева. Прежде всего я подалъ графу адресъ къ Государю. Игнатьевъ, очень внимательно прочитавъ адресъ, сказалъ: «Что-же, хорошо!» По всему видно было, что объ этомъ адресѣ Игнатьевъ уже зналъ, будучи предупрежденъ съ худой стороны, но нашелъ адресъ «хорошимъ.» Графъ спросилъ меня: «Зачѣмъ вы прибыли въ Петербургъ безъ билета?»—Я возразилъ, что у меня билетъ имѣется. «Но вамъ приказано возвратить билетъ губернатору», сказалъ Игнатьевъ. Я заявилъ: «Да. Но я и безъ билета пріѣхалъ-бы, ибо жить невозможно въ Бобруйскѣ, до того меня преслѣдуютъ.»—«Да за что-же васъ могутъ преслѣдовать?» спросилъ Игнатьевъ и при этомъ саркастически улыбнулся. Я, серьезнымъ тономъ, отвѣтилъ: «За то, что, употребляя 15 лѣтъ языкъ русскій вмѣсто польскаго въ римско-

католическомъ богослуженіи, я чистосердечно и ревностно служу видамъ Правительства и пользѣ русскаго дѣла.»—Тогда гр. Игнатьевъ, вставая съ кресла, съ ироническою и злою улыбкою, сказалъ: «Да зачѣмъ вы убиваетесь и хлопочете о языкѣ русскомъ?! Нашъ русскій языкъ ненуженъ. . Пусть Папа проситъ насъ объ этомъ. Да и тогда еще увидимъ... Прощайте!»—Вотъ послѣднія слова этого русскаго дипломата, а, по моему, фарисея, о которомъ М. Н. Катковъ мнѣ сказалъ: «Вы ничего не подѣлаете съ Игнатьевымъ. Онъ любитъ поляковъ.»

Кстати о билетѣ на поѣздку мою въ Петербургъ.

Со времени пріѣзда въ Минскъ губернатора А. И. Петрова до очевидности все дѣло о введеніи языка русскаго было не только оставлено, но дѣлалось все, дабы окончательно уничтожить то, чтó съ такимъ трудомъ, съ затратою такой энергіи и заботъ было сдѣлано. Вотъ и билета мнѣ не выдавали ни епархіальное, ни губернское начальство. Странно, что всѣ ксендзы разъѣзжали, куда кто пожелалъ. Даже кс. Петкевичъ, сидѣвшій въ Бобруйскѣ за штатомъ и подъ надзоромъ полиціи за противодѣйствіе видамъ Правительства, ежегодно получалъ отъ губерн. Петрова паспортъ за-границу, въ Варшаву и въ Вильну. Мнѣ-же, декану, служащему 15 лѣтъ на языкѣ русскомъ, не дозволено было поѣхать въ Петербургъ и Москву, куда я просился въ продолженіи двухъ лѣтъ!!..

Въ день выѣзда у меня потребовали выданный мнѣ билетъ обратно. А никто не позаботился о прекращеніи тѣхъ преслѣдо ваній, какія я переносилъ отъ консисторіи, поляковъ и отъ губернатора съ его чиновниками. Преслѣдованія эти заключались въ ниже-слѣдующемъ, и хотя я приведу только очень немногіе факты, но и ихъ будетъ достаточно, дабы понять мое положеніе и мои страданія, да и тѣ низость и ложь, какихъ придерживались всѣ, для того, чтобы меня погубить и тѣмъ избавиться отъ человѣка, нестѣсняющагося и чистосердечно, вездѣ и постоянно говорящаго правду, а также отстаивающаго чисто-русское, національное дѣло, согласно объявленной ему волѣ Государя:

1) Когда я, послѣ посѣщенія Министерства и гр. Игнатьева, явился къ губернатора Петрову, то онъ, въ присутствіи начальника отдѣленія Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій Лагоды и какого-то еще чиновника, самыми грубыми словами ругалъ меня за то, что я пріѣхалъ въ Петербургъ, добавляя, что вся моя дѣятельность и служба только волнуютъ Минскую губернію, что я не умѣю молчать и тихо сидѣть, что употребленіемъ языка русскаго я произвожу безпорядки въ государствѣ и что я просто бунтовщикъ. Затѣмъ я потребовалъ какихъ либо фактовъ въ доказательство сказаннаго. Губернаторъ Петровъ доказательствъ не далъ, но только сказалъ, почему я не дѣлаю такъ,

какъ другіе ксендзы, особенно какъ кс. Макаревичъ, который, хотя несравненно болѣе полякъ, чѣмъ другіе, но умѣетъ ладить съ Правительствомъ? —На это я заявилъ, что двуличнымъ—фарисеемъ и плутомъ—обманщикомъ я не умѣю, не желаю и не могу быть; что служить полякамъ и польской пропагандѣ, а въ то-же время заискиваться у русскаго Правительства я не могу, какъ не могу сообразить и понять, какъ это возможно. Наконецъ, губ. Петровъ сказалъ мнѣ: «Вы подозрѣваете меня въ томъ, что я недостаточно русскій?! Но вы забыли, что меня родила русская женщина, и потому я служу Россіи и моему Государю!» — Я возразилъ: «О томъ, что васъ, Ваше Превосходительство, родила русская женщина я, быть можетъ, и сомнѣвался - по нѣкоторымъ даннымъ.... Но вы, вѣроятно, не знаете, что меня то родила дочь русскаго попа (мать моя—православная и дочь уніатскаго священника Конаховича). Слѣдовательно и я могу поспорить о томъ, кто изъ насъ – болѣе русскій. А то, что вы заявили о вашемъ служеніи вашему Государю, то позвольте доложить Вашему Превосходительству, что о вашемъ личномъ государѣ я ничего не знаю, но знаю только, что у насъ, русскихъ, и царствующій въ Россіи, Государь есть Александръ III, которому мы всѣ, истинно-русскіе, должны быть вѣрны. Я жизнь мою положу за Государя Александра III.» —На это губ. Петровъ ничего рѣшительно мнѣ не отвѣтилъ и тутъ-же, перемѣнивъ разговоръ, началъ спрашивать, когда я намѣренъ возвратиться домой? Петровъ, въ минуту досады на то, что я прибылъ въ Петербургъ, намѣренъ былъ требовать, дабы полиція недозволила мнѣ выйти изъ вагона и возвратила обратно въ Бобруйскъ, но теперь, когда я былъ уже у г. Министра, онъ, Петровъ, измѣнилъ свое рѣшеніе. Послѣ этого разговора, въ тотъ-же день, я отправился въ Департаментъ и тамъ, въ разговорѣ съ Лагодой, просилъ его разъяснить, что все это значитъ и какъ осмѣлился губернаторъ Петровъ, безъ всякой причины меня мѣшать съ грязью; что я рѣшился требовать формальнаго, слѣдствія.—Лагода началъ меня успокаивать тѣмъ, что губ. Петровъ погорячился и въ раздраженіи дѣйствительно наговорилъ много дерзостей и глупостей, но что это слѣдуетъ оставить. «А вотъ что сдѣлайте!» добавилъ онъ мнѣ: «Не хотите-ли вы, отецъ каноникъ, нѣкоторое время отдохнуть? Правительство дастъ вамъ обезпеченіе, а вы посидите нѣкоторое время безъ должности.» *)

Къ «описанію» приложенъ былъ для меня Сенчиковскимъ адресъ Евгенія Никифоровича Ширинкина, подполковника отдѣльнаго корпуса жандармовъ (Гатчина, Дворецъ).

---

*) Тутъ обрывается рукопись каноника Сенчиковскаго

На этой запискѣ—позднѣйшая надпись покойнаго, для меня-же сдѣланная:

«По этому адресу, данному мнѣ товарищемъ по воспитанію и другомъ Ширинкина и моимъ другомъ Бараговымъ, я поѣхалъ въ Гатчину и Ширинкинъ, по прочтеніи письма къ нему Барагова (начальника жандармовъ Бобруйскаго и Слуцкаго уѣздовъ), очень сердечно и сочувственно отнесся ко мнѣ и къ русскому дѣлу, посовѣтовавъ мнѣ представиться Государю Александру Ш-му, лично передать все о положеніи дѣла и, не стѣсняясь, разсказать о гр. Игнатьевѣ и губернаторѣ Петровѣ; при чемъ передалъ мнѣ письмо къ гр. Игнатьему (тогда—Министру Вн. Дѣлъ). А когда въ Петербургѣ я явился къ гр. Игнатьеву, то, даже по прочтеніи письма Ширинкина, Игнатьевъ продержалъ меня въ пріемной нѣсколько часовъ и, затѣмъ, заявилъ мнѣ, что и безъ русскаго языка католики въ Россіи могутъ существовать, и что изъ-за меня и моей идеи съ Папою Правительство не будетъ ссориться. Тогда я подалъ въ отставку, а къ Ширинкину больше не заѣзжалъ.»

Вторая замѣтка (безъ даты) Сенчиковскаго, тоже давно имъ набросанная, озаглавлена: «Почему я подалъ прошеніе объ увольненіи меня на покой». Она слѣдующаго содержанія:

«Послѣ увольненія Минскаго губернатора Валерія Ивановича Чарикова, всѣми средствами и силами честной, великой, русской души своей дѣйствовавшаго въ развитіи и упроченіи русскаго дѣла въ католицизмѣ, назначенъ былъ въ Минскъ губернаторомъ Александръ Ивановичъ Петровъ, человѣкъ, до мозга костей полякующій. Жена-же его, хотя и православная по рожденію, но воспитывалась въ Варшавѣ, Оба по чувству и духу были болѣе поляки, чѣмъ сами поляки...... Петровъ началъ свою жизнь въ Минскѣ тѣмъ, что всю прислугу свою привезъ изъ Варшавы. Польскій языкъ въ канцеляріи и въ губернаторскомъ домѣ сдѣлался господствующимъ. Кучеръ—полякъ, во время ѣзды губернатора по городу, кричалъ «Змыкай! Уцѣкай! Стржешся!», т. е. «Сторонись! Уходи! Берегись!» такъ что прохожіе, поляки и русскіе, поневолѣ останавливались и, улыбаясь, удивлялись, ибо ничего подобнаго много лѣтъ уже не слышали здѣсь даже отъ кучеровъ пановъ и ксендзовъ. Затѣмъ, губ. Петровъ, пригласивъ къ себѣ всѣхъ ксендзовъ г. Минска и окрестностей, на оффціальной аудіенціи, правда, въ своемъ кабинетѣ, обратился къ нимъ съ рѣчью на языкѣ польскомъ; но на эту польскую рѣчь не только не пригласилъ меня, а даже, на мою просьбу—разрѣшить мнѣ прибыть изъ Бобруйска въ Минскъ (четыре часа ѣзды по ж. д.), оффиціально отвѣтилъ, что онъ скоро самъ будетъ въ Бобруйскѣ и тогда повидается

со мною. Это «скоро» совершилось ровно чрезъ 10 мѣсяцевъ, и на первомъ-же свиданіи Петровъ объявилъ мнѣ (на языкѣ русскомъ), что я долженъ приблизить къ себѣ поляковъ, сдѣлать имъ уступку, дабы не раздражать ихъ; что иначе онъ, губернаторъ, вынужденъ будетъ административнымъ порядкомъ выслать меня изъ края. Вотъ и поощреніе къ развитію русскаго дѣла и честному исполненію видовъ Правительства! Послѣ этого многіе ксендзы оставили языкъ русскій, а нѣкоторые только употребляли оный въ молебствіи за Государя Императора. Но я по-прежнему служилъ и говорилъ дома и вездѣ, со всѣми, только на языкѣ русскомъ.

Органистовское училище выдумано и устроено мною для того, дабы молодые органисты, изъ крестьянъ и мѣщанъ, бѣлоруссы, непонимающіе языка польскаго, знали пѣніе на языкѣ русскомъ и латинскомъ, музыку на органѣ и р.-к. обряды. Но губ. Петровъ, съ хитрымъ, іезуитскимъ каноникомъ Макаревичемъ, устроили такъ, что новые органисты совершенно оказались неграмотными, а, главное, незнающими музыки на органѣ и р.-к. церковныхъ обрядовъ. Это потому, что изъ органистовскаго училища устроили оркестръ музыки. Именно мальчиковъ органистовъ стали обучать игрѣ на всѣхъ инструментахъ, но не на органѣ. Мальчики, во время службы, не пѣли, но играли на духовыхъ и струнныхъ инструментахъ. Эти органисты, окончивъ училище и не зная ничего церковнаго, а обучаясь играть на другихъ инструментахъ, отказались отъ должности органиста и поступили въ странствующіе и мѣстные оркестры.

Новые органисты изъ моего училища, согласно училищному уставу, обязательно должны были употреблять языкъ русскій при богослуженіи. За неупотребленіе этого языка органистъ исключался изъ органистовскаго званія. Губ. Петровъ сдѣлалъ такъ, что органисты Густовскій, Понятовскій, Цимержинскій, Вишневскій, Володзько и др., употребляющіе русскій языкъ, были исключены изъ органистовскаго званія подъ разными предлогами, а въ свидѣтельствахъ ихъ сдѣлана была надпись, что они исключены за отказъ употреблять языкъ русскій. Между тѣмъ, тѣ органисты, которые дѣйствительно употребляли вмѣсто русскаго языка польскій и въ тѣхъ костелахъ, въ которыхъ утвержденъ былъ языкъ русскій, остались нетронутыми, и за эту измѣну получали еще пособіе отъ Правительства, по представленію губ. Петрова. А когда я оффиціально сообщилъ губ. Петрову, что подобное дѣйствіе окончательно вредитъ развитію русскаго дѣла, то Петровъ оффиціально-же сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе съ прибавкою выраженія: «Это не Ваше дѣло и прошу не вмѣшиваться въ то, что дѣлается въ Минской губерніи.»

Эти факты побудили меня поѣхать въ Петербургъ. Ровно 8 мѣсяцевъ мнѣ не давали билета. Наконецъ, я получилъ би-

летъ, но, за нѣсколько часовъ до выѣзда, Бобруйскій полицій-мейстеръ Орелъ явился ко мнѣ съ требованіемъ возвратить ему мой билетъ и остаться въ Бобруйскѣ. Я билета не возвратилъ и поѣхалъ въ Петербургъ. Прибывъ туда, я сейчасъ-же явился къ оберъ-полиціймейстеру .... Онъ встрѣтилъ меня самымъ любезнымъ образомъ, но разговоръ велъ на языкѣ польскомъ; и когда я замѣтилъ ему, что у насъ въ Бѣлоруссіи, не только дома, но и въ церкви, существуетъ только языкъ русскій, съ ироніей сказалъ мнѣ по-польски: «Przepraszam pana, to tylko głupcy tak czynię» (т. е. «извините, господинъ, это только глупцы такъ дѣлаютъ»). Послѣ этого я растерялся и не могъ усвоить себѣ, что̀ все сіе значитъ? И было чему изумиться... При губернаторахъ Токаревѣ и Чариковѣ, при министрахъ Тимашевѣ и Маковѣ, не говоря уже про генералъ-губернаторовъ Муравьева и Кауфмана, за отказъ—употреблять языкъ русскій, за польскую рѣчь не только взыскивали денежные штрафы, но садили ксендзовъ въ монастыри, и даже высылали въ Сибирь, какъ напримѣръ кс. Людовича, сосланнаго въ Тобольскъ, и многихъ другихъ... А тутъ оберъ-полиціймейстеръ столицы обзываетъ всѣхъ, употребляющихъ русскій языкъ, глупцами!....

На другой день я пошелъ въ Деп. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій и представился директору Мосолову. Мосоловъ.... заявилъ свое неодобреніе тому, что я не возвратилъ билета и пріѣхалъ въ Петербургъ. Это тоже меня озадачило, ибо до того времени не только ничего подобнаго я не слыхалъ, но всегда за мой пріѣздъ давали мнѣ пособія, въ видѣ возвращенія прогоновъ, отъ 200 до 500 р.—за каждый разъ.—Мосоловъ совѣтовалъ мнѣ повидаться съ Минскимъ губернаторомъ Петровымъ, который тоже пріѣхалъ въ Петербургъ. Я отправился къ Петрову. У него нашелъ я Валеріана Евграфовича Лагоду, прежде б. правителя канцеляріи Минскаго губернатора (при Чариковѣ), а тогда начальника отдѣленія Департамента Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій.—Лагода былъ моимъ знакомымъ, какъ дѣятель по русскому дѣлу въ Минскѣ, хотя дѣйствовавшій ничуть не изъ пониманія или сочувствія дѣлу, а потому, что Маковъ и Чариковъ этого требовали. Тутъ-то, у Петрова, и разыгралась исторія. Петровъ, какъ послѣ оказалось, заручился уже согласіемъ министра г. Игнатьева и оберъ-прокурора Св. Синода Побѣдоносцева и началъ съ того, что объявилъ мнѣ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что я не только своею мнимой дѣятельностью бунтую и волную интеллигенцію Минской губерніи, но что приношу положительный вредъ Россіи, что̀ доказывается тою ненавистью, какою дышетъ ко мнѣ вся интеллигенція, какъ польская, такъ и русская; что онъ самъ, Петровъ, хотя и русскій человѣкъ, но ненавидитъ меня за мое упрямое и нахальное, неуступчивое стремленіе уничтожить то, къ чему привыкла интеллигентная часть като-

ликовъ; что мои дѣйствія вредны еще и потому, что сочувствуютъ только одному крестьянскому и низшему классу, ибо образованные католики только волнуются, и потому вся Минская губернія взволнована, такъ какъ я неумѣло веду дѣло...

Понятно, что въ продолженіи 15 лѣтъ употребляя языкъ русскій, устроивъ такъ, что изъ 52 р.-к. церквей въ Минской губерніи въ 32 уже 54 ксендза служили на языкѣ русскомъ, учредивъ училище для обученія органистовъ на чисто-русскихъ началахъ, такъ что мои органисты даже не понимали языка польскаго, я, услышавъ все это въ присутствіи Лагоды изъ устъ губернатора, окончательно потерялся.

Послѣ этого, на другой день, я былъ у Лагоды, который, желая загладить необычайную рѣзкость словъ Петрова, по-іезуитски сказалъ мнѣ: «Послѣ этого не лучше-ли было-бы вамъ, отецъ Фердинандъ, отдохнуть и переждать неудобное теперешнее время?.. Министерство выхлопочетъ вамъ пенсію и вы, успокоившись, опять вернетесь къ дѣлу».—Будучи убитъ душевною болью по причинѣ оборота русскаго дѣла, я согласился и тутъ-же подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ всѣхъ должностей. Тотъ-же Лагода поднялъ вопросъ о томъ, гдѣ-же проживать мнѣ послѣ того, когда я получу увольненіе и пенсію, и рѣшилъ, что лучше всего мнѣ поселиться въ Гродненскомъ Францисканскомъ монастырѣ, ибо въ г. Вильнѣ мнѣ быть неудобно, такъ какъ тамъ много ксендзовъ и фанатизма, а мнѣ необходимо—де скрыться на время съ глазъ фанатиковъ-поляковъ. Я и на это согласился, ибо понялъ, что вся эта исторія затѣяна и устроена Директоромъ Департ. Дух. Дѣлъ Мосоловымъ. Иначе и Петровъ не посмѣлъ-бы такъ дѣйствовать. Убѣжденіе это давно было у меня основано на фактахъ, и я министру Макову еще ранѣе откровенно заявлялъ, что Мосоловъ—двуличный и нисколько не сочувствуетъ русскому дѣлу; что, напротивъ того, онъ искренно преданъ польской пропагандѣ. Но Маковъ, хотя и услышалъ отъ меня нѣсколько фактовъ (какъ, напримѣръ, что Мосоловъ, въ день освященія дома подъ органистовское училище, прямо сказалъ: «да, хороша будетъ изъ этого дома казарма, ибо затѣя съ языкомъ русскимъ скоро исчезнетъ!»; что Мосоловъ обозвалъ меня и всѣхъ ксендзовъ, служащихъ на языкѣ русскомъ, «агентами бурсака Макова, ничего нестоющими и даже вредными спокойствію Россіи» и т. п.), хотя и задумался, но успокаивалъ меня тѣмъ, что я «подозрителенъ», а что Мосоловъ—человѣкъ русскій.

Послѣ подачи прошенія объ увольненіи меня отъ должности Бобруйскаго декана и настоятеля, я отправился къ гр. Игнатьеву. Прибылъ я къ нему въ 11 ч. утра. Но Игнатьевъ, принимая всѣхъ, меня держалъ до 4 часовъ пополудни, наконецъ

принялъ и тутъ-же заявилъ мнѣ, что хотя онъ и благодарилъ меня письменно за мое ревностное служеніе и сочувствіе русскому дѣлу, но теперь находитъ, что необходимо дѣйствовать иначе, сдержаннѣе и сблизиться съ интеллигентнымъ классомъ. Услышавъ это, я положительно убѣдился въ то, что мнѣ совѣтуютъ сблизиться съ польско-политическою пропагандою, а такъ какъ я на это неспособенъ, то мнѣ надо куда либо скрыться.

Съ этимъ я и уѣхалъ изъ Петербурга, ибо хотя въ то время полковникъ Ширинкинъ (начальникъ стражи при Государѣ), видѣвшійся со мною въ Гатчинѣ, написалъ къ гр. Игнатьеву, прося, дабы я могъ быть представленъ Его Величеству, но Игнатьевъ мнѣ этого не устроилъ, да еще двулично совѣтовалъ примириться съ польскою интеллигенціей. Хотя и съ болью въ душѣ, но я окончательно рѣшился удалиться на покой, такъ какъ, не считая себя способнымъ на польскую пропаганду, увидѣлъ, что русское дѣло погибло...»

Какъ видно изъ донесенія Бобруйскаго полиціймейстера Минскому губернатору (отъ 15 февр. 1882 г., № 18) *), Сенчиковскій вернулся въ Бобруйскъ изъ Петербурга 13-го того-же февраля.

А 30 апрѣля 1882 г. (Бобруйскъ) покойный пишетъ губернатору Петрову письмо такого содержанія: **)

«Не чувствуя болѣе силъ незаслуженно переносить постоянныя оскорбленія и превышающее всякое терпѣніе преслѣдованіе, не чувствуя себя виновнымъ въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ угодно было Вашему Пре—ву обвинять меня въ Петербургѣ, не понимая, наконецъ, почему собственно теперь я нетерпимъ, ненуженъ и вреденъ въ Минской губерніи, въ которой 15 лѣтъ по-истинѣ ревностно и неподдѣльно я служилъ видамъ Правительства, я два раза просилъ Ваше Пре—во уволить меня отъ всѣхъ должностей въ Минской губерніи. Но, не получая резолюціи на мою просьбу, имѣю основаніе думать, что и въ этомъ мнѣ будетъ отказано.

Между тѣмъ невѣрное мое положеніе ставитъ меня въ тяжелое затрудненіе—относительно домашней моей жизни и положенія вдовы-родной моей сестры и четырехъ сиротъ—ея дѣтей, состоящихъ подъ моею опекой (безъ чего не имѣли-бы куска хлѣба).

---

*) Дѣло канц. Минскаго губернатора № 153 «О разрѣшеніи отпуска Бобруйскому декану Сенчиковскому.»

**) Дѣло той же канцеляріи 1882—83 г. г. «Объ увольненіи Бобруйскаго декана кс. Сенчиковскаго и о назначеніи на его мѣсто кс. Олехновича.»

Всѣ мои заслуги и труды, вся честная дѣятельность и работа, поднятыя для русскаго дѣла, все пропало, и я не только ни малѣйшаго одобренія не получаю, но меня съ грязью мѣшаютъ и считаютъ меня вреднымъ и ненужнымъ!.. Пусть будетъ такъ.

Поэтому я рѣшился уйти хотя-бы въ Ташкентъ, лишь-бы только спастись отъ незаслуженнаго и несправедливаго гоненія и преслѣдованія, ибо, куда-бы ни забросила меня горькая судьба—я вездѣ докажу, на сколько честно, искренно и ревностно я преданъ Престолу и Россіи. Пусть Макаревичи, Гавронскіе, Войдаки и легіоны имъ подобныхъ фарисеевъ, торжествуя теперь, получаютъ и наслаждаются всѣми благами счастья!.. Пусть я останусь безъ куска хлѣба! Все-таки я не измѣню ни моему убѣжденію о русскомъ дѣлѣ, ни видамъ Правительства, которое меня 15 лѣтъ одобряло и поощряло.

Но послѣ всего, высказаннаго мнѣ въ глаза Вашимъ Пре—мъ въ Петербургѣ, послѣ той преграды, которая мнѣ сдѣлана, я не могу и не долженъ долѣе оставаться въ Минской губерніи. Какъ честный человѣкъ, я не могу хладнокровно переносить бросаемую на меня грязь. Я, при моей ревностной службѣ, не могу существовать безъ постоянной и сильной поддержки и защиты. Обо мнѣ позабыли. Меня выбросили за бортъ.

Поэтому я и умоляю Ваше Пре—во, удовлетворите мою просьбу! Пусть ужъ я пропадаю гдѣ либо, но не въ Минской губерніи, гдѣ я столько потрудился!..»

Въ отвѣтъ на это письмо Сенчиковскій получилъ отзывъ такого содержанія отъ губернатора Петрова (отъ 5 мая 1882 г., № 209) *):

«Въ послѣдствіи письма Вашего Высокопреподобія отъ 30-го минувшаго апрѣля, имѣю честь увѣдомить, что никакихъ преслѣдованій Васъ, какъ со стороны епархіальнаго начальства, такъ равно и подвѣдомственныхъ мнѣ полицейскихъ чиновъ Бобруйскаго уѣзда я не усматриваю. Что-же касается замедленія въ удовлетвореніи просьбы Вашего Высокопреподобія—объ увольненіи Васъ, по разстроенному здоровью, отъ обязанностей Бобруйскаго декана и настоятеля Бобруйской церкви, то таковое произошло вслѣдствіе неприисканія лица, коего возможно было-бы назначить на Ваше мѣсто. Нынѣ-же, за устраненіемъ помянутаго затрудненія, ходатайство Ваше будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени удовлетворено.»

---

*) Тамъ-же.

Того-же 5 мая 1882 г., за № 206, *) губернаторъ Петровъ пишетъ оффиціально Сенчиковскому:

«Довѣрительно.

Ваше Высокопреподобіе,

Отецъ Фердинандъ.

На письмо Ваше отъ 3 мая, въ коемъ Вы сообщаете о распространяемомъ кѣмъ-то слухѣ, будто-бы я разрѣшилъ канонику Макаревичу употреблять въ богослуженіи польскій языкъ, увѣдомляю Васъ, что распространенію ложныхъ и ни на чемъ не основанныхъ слуховъ Вы можете положить предѣлъ твердымъ и неуклоннымъ употребленіемъ русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи, а, затѣмъ, на всякую ложь, распространяемую въ праздномъ обществѣ, я не считаю нужнымъ обращать вниманія.

Примите увѣреніе въ моемъ къ Вамъ уваженіи и преданности.

А. Петровъ».

На этомъ письмѣ—позднѣйшая, сдѣланная каноникомъ Сенчиковскимъ для меня, замѣтка:

«Между тѣмъ ксендзъ Макаревичъ увѣрялъ меня и даже проповѣдь произнесъ на языкѣ польскомъ - съ разрѣшенія губ. Петрова. Самъ Петровъ съ поляками и съ ксендзами, въ моемъ присутствіи, говорилъ по-польски, а со мною только разговаривалъ по-русски. А когда я оффиціально поднялъ вопросъ, то губ. Петровъ вотъ какъ мнѣ отвѣтилъ!»

Въ письмѣ ко мнѣ (отъ 15 августа 1900 г. Омскъ) Сенчиковскій поясняетъ относительно другого документа, который я получилъ отъ него разорваннымъ и, видимо, ему въ такомъ состояніи возвращенномъ Петровымъ: «губернаторъ Петровъ— до мозга костей ополяченный и . . . . ъ».

«По поводу бумаги моей, написанной губернатору Петрову (24 марта 1881 г.) и возвращенной мнѣ Петровымъ перерванной по-поламъ, съ резолюціей «Такъ какъ бумага безъ числа, мѣсяца, года и №», сообщаю, что по случаю событія 1 марта, я 3 марта выѣхалъ изъ Бобруйска съ исправникомъ приводить къ присягѣ католиковъ по волостнымъ правленіямъ, а мой викарный—кс. Романовскій, по желѣзной дорогѣ, поѣхалъ тоже приводить къ присягѣ со становымъ приставомъ. Въ Бобруйскѣ-же я привелъ къ присягѣ солдатъ, арестантовъ, дисциплинарный баталіонъ и жителей 2 марта а 4 марта приводилъ къ присягѣ въ мѣст. Глусскѣ, гдѣ не было ксендза, а

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча. Къ сожалѣнію, въ этихъ бумагахъ нѣтъ черновика того, что́ писалъ Петрову Сенчиковскій.

только прекрасный, каменный костелъ, я служилъ траурную литургію и приводилъ къ присягѣ католиковъ, затѣмъ ѣздилъ съ исправникомъ по другимъ отдаленнымъ волостямъ и даже по большимъ «околицамъ» и деревнямъ. Это я отлично помню; но не припомню, о чемъ именно я тогда писалъ губернатору. Ну, этотъ вопросъ можно и оставить».

Каноникъ Сенчиковскій, по возвращеніи изъ Петербурга, дѣйствительно подалъ въ отставку, мотивируя свое ходатайство объ увольненіи на покой разстроеннымъ здоровьемъ.

По прошенію не состоялось еще правительственнаго распоряженія, какъ враги Сенчиковскаго уже оказались освѣдомленными объ этомъ, давно желанномъ для нихъ, событіи.

И покойный, при письмѣ (отъ 24 мая 1882 г., г. Бобруйскъ), *) посылая директору Департамента А. Н. Мосолову замѣтку польской газеты, ему присланную по почтѣ, пишетъ:

«Статья, обведенная синимъ карандашемъ въ приложенномъ при семъ № 80-мъ «Warszawskiej Gazety», краснорѣчивѣе всякихъ разъясненій съ моей стороны доказываетъ ту грубую иронію и ненависть, то глумленіе и злорадство, наконецъ, тѣ желанія, съ какими относится ко мнѣ все, безъ исключенія, интеллигентное, враждебное Россіи, общество. Рѣшительно никого не знаю я, ни съ кѣмъ не имѣю никакихъ сношеній въ Варшавѣ. Однакожъ № этой газеты я получилъ по почтѣ отъ неизвѣстнаго мнѣ лица, какъ подарокъ!!.. Но за что все это? За что это глумленіе, это злорадство? Это ясно объясняетъ статья «За ревностное усердіе».—Но будь это усердіе на пользу польской пропаганды.... О! Тогда-бы меня самого зачислили бы въ почетъ святыхъ. Тогда-бы не только епархіальное управленіе, но и губернаторъ не бросалъ-бы на меня обвиненія и не ругалъ-бы меня въ глаза, какъ послѣдняго негодяя, и это въ присутствіи Валерія Евграфовича! **).

Но допустимъ, что я погибну. Пусть злорадствуютъ и глумятся надо мною поляки и сочувствующіе имъ, и хотя мнѣ очень и очень тяжело переносить на всякомъ шагу моральное истязаніе, но я не жалѣю и не буду жалѣть моихъ трудовъ и моей дѣятельности, поднятыхъ для пользы дорогой моей родины Бѣлоруссіи. Моя совѣсть, какъ русскаго дворянина и какъ римско-католическаго священника, совершенно спокойна. И я убѣжденъ, что хотя въ настоящее время, по причинѣ интригъ и дурной аттестаціи обо мнѣ г. губернатора, я страдаю, но придетъ время, когда Правительство и Министерство вполнѣ убѣ-

*) Дѣло № 63 «Свящ. Сенчиковскій» Деп. Дух. Дѣлъ Инострт. Исповѣданій
*) Лагоды, чиновника Деп. Дух. Дѣлъ Ин. Испов.

дятся въ томъ, какъ неосновательна аттестація и какъ низка интрига.—Я убѣжденъ, что никто и ничто не заставятъ меня измѣнить моему усердію и моей неподдѣльной преданности и вѣрности Престолу, Россіи и видамъ Правительства. Теперь все, что я ни сдѣлалъ-бы, считается дурнымъ и ставится мнѣ въ вину; но когда либо, даже въ Минскѣ, оцѣнятъ мои труды. Умоляю Васъ, Ваше Превосходительство, оградить меня отъ окончательной гибели и сохранить меня для болѣе удобнаго времени! На Бога и на Васъ вся моя надежда! Всегда искренно благодарный Вашего Пре—ва слуга—каноникъ Ф. Сенчиковскій.»

Упоминаемая-же въ письмѣ замѣтка (отъ 31 марта / 12 апрѣля 1882 г.), въ переводѣ съ польскаго, заключала въ себѣ слѣдующее:

«Знаменитый каноникъ Сенчиковскій, бывшій деканъ и визитаторъ костеловъ Минской губерніи, въ концѣ-концовъ перемѣщенный на низшій окладъ въ Бобруйскъ, какъ мы читали въ газетахъ, посаженъ теперь на нѣсколько мѣсяцевъ на постную пищу «за избытокъ горячности». Впрочемъ, это съ нимъ случается не впервые, такъ какъ онъ недавно находился въ заключеніи «за самовольное канонизированіе какого-то тамъ святого.» Sic transit gloria mundi!.»

Въ замѣткѣ, какъ мы видимъ, говорится о поселеніи Сенчиковскаго въ Гродненскій Францисканскій монастырь, при чемъ факту этому явно придается смыслъ насильственнаго, въ видѣ кары, заточенія..

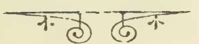
Такова была, при А. Н. Мосоловѣ, освѣдомленность польской газетки и ея корреспондента, несомнѣннаго представителя польско-іезуитской пропаганды, о томъ, что дѣлалось въ тѣ дни въ Департаментѣ Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій подъ печатью строжайшей канцелярской тайны!!...

Враги Сенчиковскаго были правы, напѣвая ему, при жизни его, отходную...

Римъ, съ которымъ у русскаго Правительства налаживалось соглашеніе, по-прежнему съ неудовольствіемъ высказывался о Жилинскомъ, Сенчиковскомъ и другихъ ксендзахъ, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, потрудившихся, въ свое время, надъ вопросомъ о располяченіи костела.- Намѣчались (или уже даже были намѣчены) въ Римѣ епископы въ эти мѣстности, которые должны были выбить изъ всѣхъ позицій, гдѣ она еще могла держаться, «сенчиковщину», вымести даже память объ ея существованіи. Встрѣча съ ними «безпокойнаго» каноника, видимо все еще несдававшагося новымъ, политическимъ вѣяніямъ, конечно, была

немыслима. И его надо было заблаговременно убрать куда либо подальше: онъ только мѣшалъ политикѣ примиренія, забвенія прошлаго, уступокъ и «братской любви между двумя славянскими народами»—польскимъ и русскимъ, т. е. новой «потаповщинѣ», отлившейся лишь въ другія формы.

И его.... убрали....

ГЛАВА XVI.

(1882 годъ).

Отставка принята.—Роль въ этомъ дѣлѣ гр. Игнатьева.—Новый Министръ Вн. Дѣлъ гр. Д. А. Толстой.—Всеподданнѣйшій докладъ его о Сенчиковскомъ.—Пожизненная пенсія покойному по 500 р. въ годъ и Гродненскій Францисканскій монастырь—для пребыванія.—Фарисейскія заботы прелата Жилинскаго о судьбѣ русскаго языка въ костелахъ.—Письма разнаго содержанія Сенчиковскаго.—Статья «Руси»—по поводу ухода его со службы.—Взглядъ на нее покойнаго.—Письма къ нему фонъ-Гойера и кс. Лукашевича.—Оправдательные документы разныхъ лѣтъ изъ личнаго архива Сенчиковскаго.

Ходатайству Сенчиковскаго объ увольненіи его отъ службы дѣйствительно данъ былъ законный ходъ, что и видно изъ приводимыхъ ниже документовъ.

Министръ Вн. Дѣлъ гр. Игнатьевъ письмомъ (отъ 25 мая 1882 г., № 2030) на имя Виленскаго генералъ-губернатора гр. Э. И. Тотлебена *) пишетъ послѣднему:

«Минскій губернаторъ сообщилъ ходатайство настоятеля Бобруйской р.-к. церкви Ферд. Сенчиковскаго—объ увольненіи его, по крайне разстроенному здоровью, отъ занимаемыхъ должностей и о дозволеніи ему поселиться въ Гродненскомъ Францисканскомъ монастырѣ.

Свящ Сенчиковскій извѣстенъ оказанными въ свое время заслугами по введенію русскаго языка въ дополнительное богослуженіе. Онъ твердо держался принятаго направленія и, сдѣлавшись предметомъ ненависти всего польскаго населенія въ Западныхъ губерніяхъ, хотя и не достигъ цѣли въ предпринятомъ дѣлѣ, но пріобрѣлъ право на особое вниманіе и попеченіе Правительства.

Предполагая испросить нынѣ Сенчиковскому, не въ примѣръ другимъ, пенсію и обезпечить его дальнѣйшее существованіе, имѣю честь, предварительно дальнѣйшихъ распоряженій, покорнѣйше просить Ваше Сіятельство почтить меня отзывомъ, не изволите-ли встрѣчать препятствій къ предоставленію ему, согласно его просьбы, жительства въ Гродненскомъ Францисканскомъ монастырѣ?»

Гр. Тотлебенъ, по этому поводу, запросилъ Гродненскаго губернатора, генерала свиты Его Величества Цеймерна, а тотъ (18 іюня, за № 5743) **) отвѣтилъ, что съ его стороны нѣтъ препятствій къ водворенію Сенчиковскаго на жительство въ упоминаемомъ монастырѣ.

Въ томъ-же смыслѣ даетъ отвѣтъ гр. Тотлебенъ (5 іюня 1882 г.) ***) и Министру Вн. Дѣлъ.

---

*) Дѣло канцеляріи Виленскаго генералъ - губернатора (по 3 отдѣл.) 1882—83 г. № 71 подъ заглавіемъ: «По ходатайству настоятеля Бобруйской р. к. церкви декана Ферд. Сенчиковскаго объ увольненіи его отъ должности и о дозволеніи ему жительства въ Гродненскомъ Францисканскомъ монастырѣ.»

**) Тамъ-же.

***) Тамъ-же.

30 мая того-же 1882 года ушелъ съ поста Министра Вн. Дѣлъ гр. Н. П. Игнатьевъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ серьезныхъ слѣдовъ на страницахъ русскаго народа въ этой должности, уступивъ мѣсто гр. Д. А. Толстому, знавшему каноника Сенчиковскаго, прошлыя его заслуги относительно дѣятельности по располяченію бѣлорусскаго костела.. *)

Но съ тѣхъ поръ, какъ встрѣчались они въ Минскѣ, въ училищѣ для органистовъ, много событій пронеслось надъ родиною и легло между ними. Многое исчезло изъ памяти всесильнаго министра. Обоихъ значительно перекроила капризная судьба.

Дѣло о введеніи русскаго языка въ дополнительное богослуженіе р.-к. костеловъ, въ сущности, давно уже было похоронено и числилось лишь на бумагѣ, какъ неоконченное въ Департаментѣ Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій.

Въ Министерствѣ Вн. Дѣлъ, по прежнему, кипѣлъ настоящій «Содомъ» канцелярской и иной работы, назрѣли и назрѣвали другіе, болѣе важные, насущные вопросы, чѣмъ вопросъ о возстановленіи исторической справедливости на далекихъ поляхъ Бѣлоруссіи.

И къ самому Сенчиковскому, съ его заявленіями, страданіями, мечтами, въ Петербургѣ относились уже, какъ относятся къ старому боевому штандарту, который, хотя и выносится, въ извѣстныхъ случаяхъ полковой жизни, передъ фронтъ, но который пора, давно уже пора, по ветхости его, сдать на храненіе въ соотвѣтствующее заслугамъ его, почетное хранилище...

Личная судьба каноника Сенчиковскаго болѣе никого тамъ не интересовала.

Все-же назначеніе графа Толстого являлось для него какъ-бы «соломенкой», за которую онъ, утопая, и хватается ослабѣвающими руками.

4 іюня 1882 г. Сенчиковскій, изъ Бобруйска, напоминаетъ о бывшихъ заслугахъ своихъ новому Министру Вн. Дѣлъ. **)

Приводитъ выписку изъ этого письма:

«Съ душевнымъ трепетомъ и безграничною радостью вознося ко Всевышнему благодарственную молитву за ниспосланную намъ надежду на лучшую будущность, которая съ назначеніемъ Вашего Сіятельства на высокій постъ Министра Вн. Дѣлъ несомнѣнно озаритъ въ Россіи каждаго съ русскимъ чувствомъ и убѣжденіями человѣка, пріемлю смѣлость, присоединивъ и свой слабый голосъ къ обще-русскому торжеству, повергнуть предъ Вашимъ Сіятельствомъ мое душевное поздравленіе и благопожеланія.

---

*) Толстой былъ Министромъ Вн. Дѣлъ съ 1882 по 1889 годъ.

**) Дѣло Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. № 63 «Свящ. Сенчиковскій».

Состоя деканомъ въ г. Минскѣ и законоучителемъ въ Минской классической гимназіи, я имѣлъ счастье представить Вашему Сіятельству основанное мною училище органистовъ. Число воспитанниковъ этого училища, при оказанной мнѣ тогда сильной поддержкѣ со стороны мѣстной администраціи, изъ 10 мальчиковъ, представленныхъ Вашему Сіятельству, возросло до 30. Благодаря тому-же содѣйствію администраціи, русское дѣло въ Бѣлоруссіи вообще двигалось впередъ, хотя съ трудомъ и медленно; но зато устанавливалось прочно и основательно: было уже 32 костела, въ которыхъ богослуженіе происходило вмѣсто польскаго на русскомъ языкѣ, существовалъ серіозный контроль употребленія въ богослуженіи русскаго языка, былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, ведшихъ къ устраненію польскаго вліянія на народную массу. Все это подавало радостную надежду на скорое освобожденіе католиковъ русскаго происхожденія изъ подъ польскаго гнета польской пропаганды.

Но такъ называемыя «новыя вѣянія» и «диктатура сердца» разрушающимъ образомъ подѣйствовали на веденіе и упроченіе русскаго дѣла въ нашемъ краѣ и уничтожили почти все то, что съ такимъ громаднымъ трудомъ было уже достигнуто. Интрига польской и полякующей партіи до того усилилась, что изъ 32 вышепоименованныхъ костеловъ осталось только два—три, въ которыхъ еще употребляется при богослуженіи языкъ русскій. Я-же, спасаясь отъ преслѣдованій, вынужденъ былъ просить о перемѣщеніи меня въ г. Бобруйскъ, чтобы здѣсь, въ крѣпости, укрыться отъ злобы моихъ многочисленныхъ враговъ и переждать время гоненія. Но вотъ три года ожиданія не только не измѣнили къ лучшему положеніе русскаго дѣла, а, напротивъ, увеличили для онаго, а равно и для меня, моральное преслѣдованіе. Вслѣдствіе этого я въ истекшемъ февралѣ мѣсяцѣ подалъ г. Минскому губернатору заявленіе, прося исходатайствовать увольненіе меня отъ всѣхъ должностей съ оставленіемъ получаемаго мною нынѣ жалованья. Вслѣдствіе такого поворота дѣла польская партія окончательно ободрилась, возымѣвъ большую надежду на успѣхъ своей пропаганды, ожидая со дня на день, что я буду выброшенъ за бортъ и радуясь, что, наконецъ, будетъ устранена помѣха ея стремленіямъ, которую представляла моя дѣятельность. Я-же, на случай окончательной неудачи устроиться здѣсь, на родинѣ, порѣшилъ просить разрѣшенія удалиться на окраину Россіи, хотя-бы въ Туркестанъ, лишь-бы только спастись отъ постояннаго гоненія, испытываемаго мною уже 15 лѣтъ за употребленіе русскаго языка при богослуженіи. Но «homo proponit, Deus disponit»»—обстоятельства измѣнились теперь и я вполнѣ надѣюсь, что какъ русское дѣло, такъ и вѣрнослужащіе оному съ русскимъ

стремленіемъ люди не погибнутъ уже въ Россіи. Поэтому я беру смѣлость повергнуть предъ Вашимъ Сіятельствомъ всепочтительнѣйшую, исходящую отъ глубины души, просьбу—принять меня подъ свое покровительство и защиту и не отказать мнѣ въ разрѣшеніи прибыть въ Петербургъ для личнаго доклада, какъ о положеніи русскаго дѣла въ Бѣлорусскомъ краѣ, такъ и о мѣрахъ для поднятія падающаго этого дѣла и устройства едва прозябающаго училища органистовъ, а также и о моемъ, крайне затруднительномъ, положеніи.

Приложенныя при семъ двѣ копіи хотя отчасти ознакомятъ Ваше Сіятельство съ моею дѣятельностью и неподкупнымъ сочувствіемъ русскому дѣлу.

Въ случаѣ-же, если моя всепочтительнѣйшая просьба не можетъ быть удовлетворена и согласно моему заявленію по причинѣ разстроеннаго совершенно здоровья я буду окончательно освобожденъ отъ всѣхъ должностей, то отъ глубины души прося милостиваго прощенія за мою смѣлость—безпокоить Ваше Сіятельство настоящимъ письмомъ, умоляю защитить меня *и обезпечить мою жизнь, дабы я не былъ поставленъ въ необходимость, ради насущнаго куска хлѣба, зависѣть отъ польской интеллигенціи, отъ которой, по причинѣ моего 15-ти лѣтняго ревностнаго служенія русскому дѣлу, раздѣляетъ меня бездонная пропасть.*

Молю Бога, да подастъ Онъ Вашему Сіятельству изобиліе душевныхъ силъ и энергію, столь необходимыя на поприщѣ новаго служенія.»

Графъ Толстой, хотя и не забылъ Сенчиковскаго, но, на жаркую просьбу его о разрѣшеніи пріѣхать въ Петербургъ, для личнаго свиданія, отвѣтилъ молчаніемъ.

Тѣмъ не менѣе онъ представляетъ о Сенчиковскомъ особый всеподданнѣйшій докладъ Государю Императору (отъ 20 іюля 1882 г. № 387), *) въ которомъ было сказано:

«Минскій губернаторъ сообщилъ ходатайство настоятеля Бобруйской р.-к. церкви декана Ф. Сенчиковскаго объ увольненіи его по крайне разстроенному здоровью отъ занимаемыхъ должностей и о дозволеніи ему поселиться въ Гродненскомъ Францисканскомъ монастырѣ.

Виленскій генералъ-губернаторъ не встрѣчаетъ препятствій къ удовлетворенію части ходатайства просителя—о мѣстожительствѣ.

Священникъ Сенчиковскій извѣстенъ оказанными въ свое время заслугами по введенію русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи. Онъ твердо держался принятаго направ-

---

*) Тамъ-же.

ленія и сдѣлался предметомъ ненависти всего польскаго населенія въ Западномъ краѣ.

Хотя Сенчиковскій, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, и не достигъ цѣли въ предпринятомъ дѣлѣ, но въ виду его несомнѣнной преданности Правительству и готовности служить его интересамъ, я полагалъ бы вполнѣ соотвѣтственнымъ оказать ему особое вниманіе и обезпечить его дальнѣйшее существованіе назначеніемъ ему, не въ примѣръ прочимъ, пожизненной пенсіи и войти въ соглашеніе съ управляющимъ Виленскою р.-к. епархіею—объ отводѣ названному священнику приличнаго помѣщенія въ помянутомъ монастырѣ.

Всеподданнѣйше докладывая о настоящемъ моемъ предположеніи, имѣю честь испрашивать Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе на производство священнику Сенчиковскому по 500 р. въ годъ пожизненно изъ процентовъ отъ вспомогательнаго капитала р.-к. духовенства.»

На подлинномъ докладѣ, рукою Министра, написано: «Высочайше утвержденъ 23 іюля 1882 г. въ Петергофѣ. Графъ Толстой.»

О столь благопріятномъ исходѣ ходатайства, В. Е. Лагода, частнымъ образомъ, сообщаетъ Сенчиковскому (въ письмѣ отъ 24 іюля 1882 г). *)

«Многоуважаемый отецъ Фердинандъ!» пишетъ онъ: «Прошу извиненія за мое долгое молчаніе. Но дѣло въ томъ, что до настоящаго времени не представлялось ничего интереснаго, о чемъ я могъ-бы Васъ увѣдомить.

Сегодня-же послѣдовало Высочайшее соизволеніе на производство Вамъ, при выходѣ въ отставку, пенсіи въ 500 руб.

Спѣшу Васъ объ этомъ извѣстить и отъ души поздравляю съ Монаршею милостью.

На-дняхъ объ этомъ мы сообщимъ прелату Жилинскому и Минскому губернатору, а равно письменно и Вамъ, а такъ-же предложимъ Духовной Коллегіи.

Сообщая о семъ Жилинскому, предложимъ ему распорядиться объ отводѣ *приличнаго Вашему сану* помѣщенія при Гродненскомъ Францисканскомъ монастырѣ, такъ какъ отводъ таковаго помѣщенія въ Вильнѣ Вы, вѣроятно, признаете сами неудобнымъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Да и согласіе генералъ-губернатора получено на предоставленіе Вамъ помѣщенія въ Гроднѣ.

Очень радъ, что это дѣло Ваше устроилось согласно Вашему желанію.

---

*) Изъ бумагъ С., находящихся у А. В. Ж—ча.

Съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшею преданностью имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

В. Лагода.»

На этомъ письмѣ—позднѣйшая, для меня сдѣланная кан. Сенчиковскимъ, отмѣтка:

«Лагода, самъ скрыто сочувствующій полякамъ, хлопоталъ о моемъ увольненіи на покой.»

Между тѣмъ, жизнь Россіи шла своимъ чередомъ, не считаясь съ отдѣльными личностями, крупными и незначительными, ей служившими, а покорная неисповѣдимымъ путямъ Промысла...

Давно-ли А. Н. Мосоловъ поставилъ крестъ на судьбѣ Сенчиковскаго!...

И вотъ уже самъ онъ долженъ уступить (9 іюля 1882 года) видное свое мѣсто новому Директору Департамента—кн. Кантакузену—графу Сперанскому, отправившись, въ качествѣ губернатора, какъ въ ссылку, въ далекую Вологду...

«Sic tranşit glorią mundi!» могъ промолвить, съ горькой усмѣшкою, повторяя окончаніе ругательной о немъ замѣтки польской газеты, Сенчиковскій, провожая духовными взорами и Мосолова, и гр. Игнатьева—двухъ людей, еще недавно такъ неумолимо, съ такимъ сановнымъ къ нему презрѣніемъ, прервавшихъ теченіе его службы...

27 іюля 1882 г. (№ 2864) *) уже новый Директоръ Департ. Дух. Дѣлъ Иностранныхъ Испов. кн. Кантакузенъ гр. Сперанскій **) пишетъ ему оффиціальное письмо слѣдующаго содержанія:

«Ваше Высокопреподобіе,

Милостивый Государь.

Считаю долгомъ увѣдомить Ваше Высокопреподобіе, что по всеподданнѣйшему докладу г. Министромъ ходатайства Вашего о назначеніи Вамъ при увольненіи, по разстроенному здоровью, отъ занимаемыхъ должностей пенсіи,—въ 23 день сего іюля послѣдовало Высочайшее соизволеніе, въ виду заслугъ, оказанныхъ Вами въ дѣлѣ введенія русскаго языка въ дополнительное р.-к. богослуженіе, на производство Вамъ по пяти-сотъ рублей въ годъ пожизненно изъ % отъ вспомогательнаго капитала р.-к. духовенства.

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча. Подлинникъ.

**) Кн. Кантакузенъ гр. Сперанскій былъ директоромъ Департамента по 25 марта 1894 г.).

При семъ имѣю честь присовокупить, что Его Сіятельство, сообщивъ о таковой Высочайшей волѣ къ исполненію управляющему Виленской р. к. епархіею, поручилъ вмѣстѣ съ тѣмъ прелату Жилинскому распорядиться предоставленіемъ Вашему Высокопреподобію приличнаго помѣщенія въ Гродненскомъ Францисканскомъ монастырѣ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Кн. М. Кантакузенъ, Графъ Сперанскій.»

Въ свою очередь, и управляющій Виленской р.-к. епархіею прелатъ Жилинскій о состоявшихся распоряженіяхъ увѣдомляетъ оффиціально Сенчиковскаго (предписаніемъ отъ 31 іюля 1882 г., № 811) *), въ которомъ сказано:

«По всеподданнѣйшему докладу г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ ходатайства Вашего о назначеніи Вамъ, при увольненіи по разстроенному здоровью, отъ занимаемыхъ Вами должностей, пенсіи, Государь Императоръ, въ 23 день сего іюля, Высочайше повелѣть соизволилъ, во вниманіе къ заслугамъ Вашимъ въ дѣлѣ введенія русскаго языка въ р.-к. дополнительное богослуженіе и несомнѣнной преданности Правительству, производить Вамъ, не въ примѣръ прочимъ, по пятисотъ рублей въ годъ пожизненно, изъ процентовъ отъ вспомогательнаго капитала р.-к. духовенства.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, предложивъ о таковой Высочайшей волѣ къ исполненію Духовной Коллегіи и увѣдомляя меня о семъ отзывомъ отъ 27 сего іюля, за № 2864, для соотвѣтственныхъ распоряженій, присовокупилъ, что въ виду желанія Вашего—по увольненіи отъ должностей—помѣститься на жительство въ одномъ изъ монастырей ввѣренной мнѣ епархіи, Его Сіятельство полагалъ-бы предоставить Вамъ приличное Вашему сану помѣщеніе въ Гродненскомъ Францисканскомъ монастырѣ, въ виду того, что въ этомъ монастырѣ далеко не имѣется комплекта монашествующихъ.

Вслѣдствіе сего, предложивъ настоятелю Францисканскаго монастыря кс. Стецкевичу немедленно приготовить къ пріѣзду Вашему требующееся для Васъ помѣщеніе въ монастырѣ и поставляя о вышеизложенномъ Васъ въ извѣстность, съ препровожденіемъ билета на проѣздъ, предлагаю по передачѣ по описи Бобруйской бенефиціи, а также дѣлъ и бумагъ деканскихъ временно—въ вѣдѣніе викарнаго Бобруйскаго костела кс. Романовскаго, самому отправиться на жительство въ Гродненскій монастырь.»

*) Бумаги С., находящіяся у А. В. Ж—ча.

Нѣсколько позднѣе (10 авг. 1882 г., № 829) *) тотъ-же Жилинскій даетъ предписаніе такого рода упомянутому кс. Романовскому:

«Съ увольненіемъ, по распоряженію Правительства, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, отъ службы Бобруйскаго декана и настоятеля кс. Сенчиковскаго, предписаніемъ отъ 31 минувшаго іюля, за № 811, между прочимъ, мною поручено ему, по передачѣ по описи Бобруйской бенефиціи съ дѣлами и бумагами деканскими, самому отправиться на жительство въ Гродненскій монастырь. Распоряженіе это сдѣлано мною на томъ основаніи, что въ настоящее время, кромѣ Васъ, не имѣется въ Бобруйскѣ другого священника.

Получивъ нынѣ отношеніе г. Минскаго губернатора, что увольненіе кс. Сенчиковскаго нисколько не измѣняетъ вопроса объ употребленіи языка русскаго въ дополнительномъ богослуженіи въ Бобруйскомъ костелѣ, въ коемъ при общественномъ богослуженіи болѣе 10 лѣтъ не произносилось ни одного польскаго слова, что отступленіе отъ этого правила, при перемѣнѣ священниковъ, допущено быть не можетъ и что, если Вы, пользуясь временнымъ оставленіемъ въ должности настоятеля, дозволите себѣ малѣйшимъ образомъ нарушить установившійся порядокъ богослуженія, то будете высланы изъ края въ отдаленныя мѣста Европейской Россіи,—въ видахъ огражденія Васъ отъ непріятныхъ послѣдствій, строжайшимъ образомъ внушаю Вамъ— отнюдь не дозволять себѣ, во время исправленія настоятельской должности въ Бобруйскомъ костелѣ, малѣйшаго отступленія отъ существующаго тамъ порядка совершенія дополнительнаго богослуженія на русскомъ языкѣ.»

Ознакомившись уже достаточно съ дѣятельностью прелата Жилинскаго по располяченію костела, мы, конечно, читая между строкъ грознаго предписанія, не придаемъ этой бумагѣ никакого серьезнаго значенія, какъ не придавалъ ей такого значенія и самъ Сенчиковскій.—

Осенью 1882 г. каноникъ Сенчиковскій переѣзжаетъ уже въ Гродну, поселившись въ назначенномъ ему для пребыванія Францисканскомъ монастырѣ, какъ о томъ 9 сентября того-же года доноситъ Министру Вн. Дѣлъ губернаторъ Петровъ

Въ отвѣтномъ, благодарственномъ письмѣ своемъ Директору Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Исповѣданій (отъ 4 окт. 1882 г., уже изъ Гродны) **) Сенчиковскій пишетъ:

*) Тамъ-же, въ копіи.

**) Тамъ-же, въ видѣ черновика.

«Ваше Сіятельство!

Позвольте повергнуть передъ Вами мою глубокую благодарность за оказанную мнѣ честь и вниманіе извѣщеніемъ о дарованной мнѣ Государемъ Императоромъ милости. Съ живѣйшимъ чувствомъ благодарности и глубочайшимъ благоговѣніемъ прочиталъ я эти, драгоцѣнныя для меня, слова, въ которыхъ съ высоты Царскаго Престола служба моя признана полезною и преданность моя Правительству несомнѣнною. Душа моя исполнилась счастья, когда я узналъ, что возлюбленный Государь нашъ соизволилъ произнести Свое слово одобренія моимъ трудамъ на пользу Престола и Отечества, и простеръ на меня Свое Монаршее благоволеніе. И это могущественное царское слово вполнѣ вознаградило меня за всѣ труды и гоненія, какіе я испыталъ во время моего служенія. Душа моя упоена безпредѣльнымъ счастьемъ и живѣйшею радостью отъ сознанія, что я не остался безполезнымъ сыномъ своего Отечества. Враги русскаго дѣла въ католицизмѣ могли повредить этому дѣлу, но не въ состояніи были поколебать моей безконечной преданности Престолу и моей вѣры въ правду и справедливость веденнаго мною дѣла. И, наконецъ, когда я уже изнемогалъ подъ бременемъ моего служенія, которое сдѣлали невыносимымъ тяжкія обстоятельства времени, когда тщетно искалъ я опоры вокругъ себя, а враги злобно издѣвались надо мною и рѣшили неминуемую мою гибель, Верховная Власть простерла на меня свой щитъ охраненія и подала спасительное утѣшеніе въ столь тяжкое для меня время!!...

Но хотя я лично и облагодѣтельствованъ, а душа моя трепещетъ за русское дѣло, которое да охранитъ Господь отъ окончательной гибели. Меня безпокоитъ мысль, что во всей Минской губерніи не имѣется на лицо добросовѣстныхъ людей, честно относящихся къ этому великому дѣлу. Да врядъ-ли, при всей энергіи и неподдѣльно-усердныхъ стремленіяхъ, необходимыхъ для этого дѣла лицъ, удастся теперь исправить и возстановить то, что такъ усердно испортила и разрушила неумѣлая и недоброжелательная рука. Да услышитъ Господь мою молитву, чтобы нынѣшнія тяжелыя обстоятельства для русскаго дѣла измѣнились къ лучшему! Да сподобитъ Всевышній Промыслитель еще призвать меня на службу русскому дѣлу, когда мое здоровье исправится и силы мои окажутся нужными и годными для этого великаго подвига!!. .

Не могу умолчать о томъ, что враги мои обрадовались моему удаленію. Они крѣпко убѣждены, что я—единственный тормазъ для нихъ въ достиженіи ихъ польско-фанатическихъ стремленій, и что, по сверженіи меня, дѣло русское въ католицизмѣ погибнетъ. Они надѣются, что всѣ польскіе порядки въ р. к. цер-

ковномъ богослуженіи бѣлорусскаго края вновь воскреснутъ, а о моемъ времени останется только недобрая память. Даже прелатъ Жилинскій, принявъ меня грубо и съ презрѣніемъ, съ явною ироніею и радостью, лично мнѣ высказался о моемъ настоящемъ положеніи. Дай Богъ, чтобы надежды враговъ русскаго дѣла остались тщетными и желаніе ихъ неосуществившимся!

На новомъ моемъ мѣстожительствѣ, въ Гродненскомъ монастырѣ, я останусь близко окруженнымъ моими непримиримыми врагами. Здѣсь меня только поддержитъ и укрѣпитъ память о милости и наградѣ, дарованной мнѣ Государемъ и Правительствомъ Память объ этомъ будетъ служить мнѣ до могилы моимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Помѣщеніе мое въ Гродненскомъ монастырѣ – страшное; видъ комнатъ монастыря – мраченъ и угрюмъ; кельи тѣсны, темны и пропитаны сыростью, что́ для меня, страдающаго ревматизмомъ, крайне вредно. Настоятель монастыря показался мнѣ внимательнымъ и заботливымъ человѣкомъ. Монахи-же просто страшатся одного моего вида, прячась при встрѣчѣ со мною: они, а равно и польская партія, подозрѣваютъ меня въ томъ, что я буду жить въ ихъ монастырѣ въ качествѣ агента Правительства

Ваше Сіятельство! Перемѣна моего мѣстожительства не измѣнитъ моего убѣжденія въ правдивости русскаго дѣла, которому я нелицемѣрно служилъ въ теченіи 15-и лѣтъ, и я, до моей могилы, останусь вѣрнымъ русскому дѣлу.—Высочайшая милость навѣки приковала меня къ священной Особѣ моего Государя. И я сочту для себя величайшимъ счастьемъ, если мнѣ случится моею кровію запечатлѣть мою безграничную любовь и преданность къ Государю и отечеству моему Россіи.

Ваше Сіятельство! Не взыщите за смѣлость, за высказанныя здѣсь, съ полною откровенностью, мысли! Но я не могъ промолчать о той глубокой моей Вамъ благодарности, какою преисполнена моя душа. До моей могилы не забуду милостиваго вниманія Вашего Сіятельства ко мнѣ. При чемъ позвольте надѣяться на Ваше милостивое заступничество въ трудную минуту моей жизни.»

Совсѣмъ иного рода прощальное письмо посылаетъ покойный изъ Гродны Минскому губернатору Петрову (10 окт. 1882 г.) *).

«Приложенная при семъ копія распоряженія г. управляющаго епархіей», пишетъ онъ: «наглядно доказываетъ ту недобросовѣстность, какую допустили прелатъ Копцеговичъ, каноникъ Макаревичъ и правитель губернаторской канцеляріи Крыловъ. Лица эти, желая сдѣлать угодное польской, враждебной

*) Дѣло канц. Минскаго губернатора, 1881—82 г. № 202.

мнѣ, партіи, стремящейся погубить меня, завѣдомо скрыли истину и заявили неправду, доказывая, что мощи св. Теофиля мною выдуманы, что таковыхъ никогда не было въ Бобруйскомъ костелѣ и въ ризницѣ онаго, что это все выдумано мною ради своей пользы и что кс. Макаревичъ, выбросившій эти мощи изъ драгоцѣннаго ящика въ кучу сора, ни въ чемъ невиновенъ.

Если это такъ, то почему-же меня не предали суду, какъ я просилъ объ этомъ г. Министра?! Почему теперь не дозволяютъ мнѣ забрать эти мощи съ собою? Почему прежде не было предписано внести оныя въ инвентарную опись? Почему теперь признаются они церковною принадлежностью и за намѣреніе мое взять эти мощи мнѣ дѣлается замѣчаніе?

Все это ясно до очевидности, не говорю уже о ксендзахъ Копцеговичѣ и Макаревичѣ, но и г. Крыловъ отлично понималъ, что я—правъ. Но имъ желательно было погубить меня и этимъ сдѣлать угодное моимъ и русскаго дѣла врагамъ.

Конечно, я не могу теперь молчать, я долженъ всѣмъ заявить объ этомъ—не только въ мое оправданіе, но и требуя наказанія тѣхъ, кто меня такъ несправедливо оклеветалъ и опозорилъ. Я вынужденъ довести до свѣдѣнія г. Министра, такъ какъ въ Министерствѣ все дѣло объ этихъ мощахъ. Я убѣжденъ, что недалеко то время, когда всѣ козни, интриги и низкая клевета, возводимая на меня, разоблачатся точно такъ-же, какъ разоблачилось теперь дѣло о мощахъ св. Теофиля. Меня обошли наградой; меня выжили изъ Минской губерніи и этимъ разорили. Но я чистъ и ни въ чемъ невиненъ. А мои враги, я убѣжденъ, понесутъ заслуженную кару. Я вѣрю въ Бога и въ Его справедливость!!...

И Вы, Ваше Пре—во, съ упрекомъ совѣсти, убѣдитесь, на сколько Вы были несправедливы относительно меня, на сколько я невинно долженъ былъ перенести непріятности, и на сколько Васъ обманывали Ваши приближенные.

Я не умѣю льстить и заискивать подобно Макаревичу, Гавронскому и другимъ, имъ подобнымъ; не умѣю, и не желаю, подобно имъ, обманывать, фарисейничать и выѣзжать на чужихъ спинахъ. Я не уступлю передъ правдою и не струшу предъ горемъ и преслѣдованіемъ за истину, зная, что все на свѣтѣ измѣнчиво и честный, прямой человѣкъ непремѣнно долженъ страдать. Пусть подобные Макаревичи гордятся полученными наградами! Я-же счастливъ тѣмъ внутреннимъ сознаніемъ, что хотя я и не получилъ награды, но я ее добросовѣстно заслужилъ. Наконецъ, я убѣжденъ въ то, что величайшая награда для честнаго человѣка это—внутреннее сознаніе, основанное на фактахъ, что я ничего не сдѣлалъ противъ долга службы и совѣсти, что я добросовѣстно исполнилъ свой долгъ.

Ваше Пре—во отказали мнѣ и моему племяннику (Глинскому) въ выдачѣ билета на ружье и револьверъ. Но г. г. губернаторы Токаревъ и Чариковъ такіе билеты выдавали мнѣ безъ малѣйшаго стѣсненія. Племянника-же моего Глинскаго не знаю уже, какъ и для чего, сдѣлали теперь «духовнымъ» и подвели подъ статью устава для духовныхъ....

Надѣюсь на Бога, что когда-либо и я получу должное; что найдутся люди, которые и мои заслуги оцѣнятъ, ибо никто и ничто не повліяетъ на мои убѣжденія и на мою безграничную любовь и преданность Государю и Россіи...

Простите великодушно за высказанное мною здѣсь! Но наболѣвшая моя душа вынудила меня въ послѣдній разъ утруждать Васъ, и столь неопровержимый фактъ о моей невиновности въ дѣлѣ съ мощами св. Теофиля представить Вамъ.»

Къ письму была пріобщена копія съ предписанія прелата Жилинскаго на имя Сенчиковскаго (отъ 7 октября 1881 года, № 2047), съ которымъ мы уже знакомы.

Уходъ со службы столь крупнаго, виднаго и энергичнаго дѣятеля, какимъ былъ каноникъ Сенчиковскій въ Минской губерніи, конечно, не могъ пройти незамѣтнымъ въ обществѣ и печати.

Такъ, въ газетѣ «Русь» (№ 14, 1883 года) появилась статья подъ названіемъ «Съ Литовско-русской окраины», въ которой, на ряду съ общими разсужденіями о р.-к. костелѣ, епископахъ, введеніи русскаго языка въ дополнительное богослуженіе и проч. упоминается и о Сенчиковскомъ.

На статью эту, т. е. на ту часть ея, которая касается его лично, въ бумагахъ Сенчиковскаго существуетъ замѣтка (безъ даты), *) очевидно написанная имъ въ Ташкентѣ и приготовленная для печати, но ненапечатанная при жизни.

Приводимъ и статью, и отвѣтъ на нее покойнаго, въ настоящей главѣ, такъ какъ въ послѣднемъ имѣются данныя по поводу отставки Сенчиковскаго и пребыванія его въ Гродненскомъ Францисканскомъ монастырѣ, а также для того, чтобы не нарушать связи между обоими документами.

Статья «Руси» заключала въ себѣ слѣдующее:

«О соглашеніи съ Римомъ, его силѣ и послѣдствіяхъ для Западно-Русскаго края, въ видѣ назначенія сразу многихъ католическихъ епископовъ, удаленія отъ должностей прелата Жилинскаго и каноника Сенчиковскаго, въ видѣ, наконецъ, возможности или обрусенія ополяченныхъ католиковъ этого края,

*) Бумаги С., хранящіяся у А. В Ж—ча.

или, наоборотъ, вящшей ихъ полонизаціи и проч., —не перестаютъ «думать и гадать» тамошніе русскіе люди. Мы имѣемъ опять, для занесенія въ нашу хронику, два письма по этому предмету: одно изъ Минска, отъ лица, не пожелавшаго открыть свое имя, но весьма компетентнаго по своему общественному положенію, другое изъ Сувалкской губерніи, отъ г. Ю. Кузнецова, бывшаго члена этнографической экспедиціи въ Сѣверо-Западный край, давно осѣвшаго тамъ на постоянномъ жительствѣ.—Охотно даемъ мѣсто обоимъ сообщеніямъ на страницахъ «Руси», но не безъ оговорокъ, возраженій и посильныхъ комментаріевъ съ своей стороны. Очень жаль прежде всего, что содержащіяся въ минскомъ письмѣ весьма важныя и, можно сказать, совершенно неожиданныя для читающей публики фактическія данныя объ употребленіи русскаго языка въ дополнительномъ католическомъ богослуженіи изложены слишкомъ обще, въ такихъ выраженіяхъ, которыя не даютъ о дѣлѣ яснаго представленія. По важности вопроса, тутъ были-бы какъ нельзя болѣе на мѣстѣ точныя цифры и данныя, и мы просимъ почтеннаго корреспондента, равно и всѣхъ, кому таковыя доступны, обратить вниманіе на этотъ недостатокъ и пополнить оный, буде возможно. Вотъ что́ именно, между прочимъ, пишутъ намъ изъ Минска:

Никакой уступки въ дѣлѣ употребленія русскаго языка въ дополнительномъ римско-католическомъ богослуженіи до сихъ поръ ни высшимъ Правительствомъ, ни мѣстнымъ начальствомъ сдѣлано не было, вслѣдствіе чего богослуженіе это происходитъ на русскомъ языкѣ и понынѣ въ тѣхъ римско-католическихъ приходахъ, въ коихъ оно было введено нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Исключеніе составляютъ только тѣ приходы, которые остаются вакантными вслѣдствіе выбытія священниковъ, но и эти послѣдніе довѣрены такимъ ксендзамъ, кои не употребляютъ въ богослуженіи польскаго языка.

Каноника Сенчиковскаго, бывшаго настоятеля Бобруйскаго прихода, никто отъ прихода не отстранялъ, и онъ имъ оставленъ по собственному желанію, не имѣвшему ничего общаго съ употребленіемъ въ богослуженіи русскаго языка. При увольненіи отъ должности настоятеля, о. Сенчиковскій получилъ не только значительную пенсію, но правительство озаботилось еще устройствомъ вполнѣ приличнаго и соотвѣтственнаго его заслугамъ помѣщенія, которое онъ добровольно избралъ себѣ въ одномъ изъ монастырей Гродненской губерніи.

Мѣсто настоятеля Бобруйскаго прихода занялъ не менѣе достойный священникъ—Олехновичъ, никогда не употребляющій въ дополнительномъ богослуженіи другого языка, кромѣ русскаго.

Священникъ Кулаковскій до сихъ поръ остается настоятелемъ Тимковицкаго прихода (Слуцкаго уѣзда), и кромѣ того

ему-же довѣрено временное завѣдываніе Копыльскимъ приходомъ, въ коемъ введено употребленіе русскаго языка.

Ни правительство, ни мѣстныя гражданскія власти никогда не потворствовали политическому капризу тѣхъ ксендзовъ, кои, принявъ на себя обязательство совершать дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, впослѣдствіи отъ этого отказались.

Вслѣдствіе этого, помимо вышеназванныхъ двухъ ксендзовъ, въ Минской губерніи имѣется еще нѣсколько такихъ, которые вполнѣ сознательно отправляютъ дополнительное богослуженіе по-русски, хотя и не прибѣгаютъ ни къ какимъ мѣрамъ, чтобы сдѣлать свое имя извѣстнымъ и чтобы защищать себя въ то время, когда правительство употребляетъ всѣ средства къ тому, чтобы ихъ поддерживать. Дѣятельность ихъ на пользу русской народности и укрѣпленія среди прихожанъ преданности Престолу и Отечеству не менѣе почтенна и въ то-же время не менѣе полезна.»

Во скольких именно католическихъ приходахъ Минской губерніи за все время былъ введенъ въ католическое дополнительное богослуженіе русскій языкъ? Изъ этихъ приходовъ сколько именно остается нынче вакантныхъ, гдѣ, какъ сказано выше, оно не отправляется? - Чтобы судить объ успѣхахъ и положеніи дѣла не гадательно, нужно имѣть на эти два вопроса точный цифровой отвѣтъ. Затѣмъ было-бы весьма желательно знать: сколько душъ въ этихъ приходахъ числилось сначала и состоитъ теперь, какое воздѣйствіе оказало и оказываетъ русское слово въ богослуженіи на посѣщеніе храмовъ прихожанами, на ихъ усердіе къ святынѣ, на нравственность, какъ относились и относятся нынѣ къ нововведенію сосѣдніе приходы, католическіе и православные, и т. д?—Собраніе всѣхъ такихъ свѣдѣній, намъ кажется, было-бы весьма важно и для рѣшенія самаго вопроса по существу. Тутъ мы имѣли-бы дѣло уже не съ академическими разсужденіями, какъ въ комиссіи, учрежденной въ Вильнѣ при генералъ-губернаторѣ Барановѣ, гдѣ, какъ извѣстно, были высказаны, особенно профессоромъ Безсоновымъ, вѣскіе доводы противъ введенія русскаго языка въ костелы—способомъ не только насильственнымъ, но даже просто административнымъ, а съ органическимъ процессомъ самой жизни или, какъ любятъ выражаться у насъ люди оффиціальные, съ «указаніями опыта», почти за два десятка лѣтъ! Пріятно узнать, что слухи объ удаленіи отъ приходовъ о. о. Сенчиковскаго и Кулаковскаго были невѣрны или даже вовсе лишены основанія; мы радуемся, что не только въ Бобруйскѣ канонику Сенчиковскому назначенъ достойный преемникъ, но что кромѣ о. о. Кулаковскаго и Олехновича въ Минской губерніи «имѣется еще нѣсколько такихъ ксендзовъ, которые вполнѣ сознательно

отправляютъ дополнительное богослуженіе по-русски», и что «правительство употребляетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ихъ поддерживать.» Однако, въ виду того, что̀ сообщаетъ ниже другой нашъ корреспондентъ о достойной сожалѣнія дѣятельности прелата Жилинскаго по управленію епархіей, было-бы желательно знать: какими причинами вызвано помянутое «выбытіе священниковъ изъ приходовъ», состоящихъ нынѣ вакантными. Быть-можетъ поддержка правительства не всегда бывала дѣйствительною, и «защита себя», хотя-бы въ печати (на что какъ-бы съ неудовольствіемъ намекаетъ минскій корреспондентъ) была-бы подчасъ и нелишней.

Но почему русскій языкъ въ дополнительномъ католическомъ богослуженіи, какъ оказывается, держался безпрерывно и удержался до сихъ поръ въ одной только Минской губерніи? Корреспондентъ объясняетъ это тѣмъ, что тамъ «никакой уступки ни высшимъ правительствомъ, ни мѣстнымъ начальствомъ сдѣлано не было»; но слова его для насъ не совсѣмъ вразумительны. О какой уступкѣ тутъ можетъ-быть рѣчь, по крайней мѣрѣ, со стороны высшаго правительства? Вѣдь «высшее правительство» было одно и то же для всей Бѣлоруссіи, и, конечно, дѣйствовало повсюду одинаково; слѣдовательно, если не дѣлало уступокъ въ Минской губерніи, то также въ Гродненской и Виленской. Почему-же здѣсь и тамъ результаты вышли разные? Мы объясняемъ явленіе иначе тѣмъ обстоятельствомъ, что Минская губернія была отдѣлена отъ Виленскаго генералъ-губернаторства при самомъ началѣ управленія А. Л. Потапова, такъ что мертвящая рука этого генерала и преемниковъ его антирусской системы въ Вильнѣ не простерлась на Минскую губернію. Предоставленное само себѣ, дѣло пустило корни въ почву и если не зацвѣло, какъ видимъ, пышнымъ цвѣтомъ, то все-таки держалось въ ней, прозябало - вотъ и все... Такъ безъ сомнѣнія и многое другое русское принялось-бы и выросло на искони—русской почвѣ Сѣверо-Западнаго края, если-бы послѣдующіе дѣятели сплошь и рядомъ немилосердно не исторгали изъ него властною рукою того, что̀ насаждали предыдущіе...

Обращаясь къ письму г. Ю. Кузнецова, мы должны замѣтить, что не онъ одинъ начинаетъ упрекомъ (впрочемъ, значительно нами смягченнымъ) нѣкоторой части московской печати за «рѣзкіе отзывы» о соглашеніи съ куріей, о новоназначенныхъ епископахъ и т. д. Та-же тенденція замѣтна и у почтеннаго Минскаго корреспондента (въ той части письма, которую, ради краткости, мы принуждены были опустить въ печати). Безъ сомнѣнія, образованные и мыслящіе русскіе люди, наблюдающіе ходъ дѣла на мѣстѣ, непосредственно, имѣютъ достаточныя основанія, когда рѣшаются писать въ защиту польско-католическаго духовенства, когда хвалятъ новыхъ епископовъ,

надѣются на нихъ, предостерегаютъ соотечественниковъ отъ излишняго пессимизма и недовѣрія въ польско-католическомъ дѣлѣ или вопросѣ. Мы понимаемъ хорошо, что въ такомъ случаѣ письма ихъ, сами по себѣ, составляютъ уже фактъ отрадный и характеристическій, который несправедливо, да и не расчетливо, неполитично было-бы оставить подъ спудомъ. Но мы опять предостерегаемъ отъ увлеченія въ противоположную сторону, отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ безпристрастію въ дѣлѣ русскихъ государственныхъ интересовъ.

Редакція «Руси» съ своей стороны никогда въ принципѣ, да и въ данномъ случаѣ, не была противъ соглашенія съ Римомъ. Отдѣлить католиковъ отъ ихъ римскаго духовенства невозможно, да и въ дѣлѣ вѣроисповѣданія всякое посягательство на свободу можетъ лишь вредить самимъ посягателямъ. Но Россія никогда и не посягала на эту свободу, и правильность положенія католической церкви въ нашемъ отечествѣ была нарушена только вслѣдствіе злоупотребленія этою свободою со стороны самихъ католическихъ прелатовъ. Прелаты понесли достойное наказаніе и такъ-сказать выслужили прощеніе, были-бы прощены даже и по Всемилостивѣйшему Манифесту 15 мая настоящаго года. Не могло не желать русское правительство возстановленія правильности въ церковномъ положеніи русскихъ подданныхъ католическаго вѣроисповѣданія, и возстановило ее при первой возможности. Слава Богу, меньше поводовъ къ упрекамъ въ правительственномъ гоненіи на вѣру, чѣмъ конечно всегда охотно пользовалась враждебная намъ интрига для смущенія совѣсти въ польской народной массѣ. Но правительство не отступилось-же отъ своихъ правъ, и если новые епископы пойдутъ по стопамъ своихъ предшественниковъ, а Папа не соизволитъ отставить ихъ, правительство, конечно, нимало не затруднится поступить и съ ними точно такъ-же, какъ и съ предшественниками. Правительство будетъ право, а неправа лишь будетъ Римская курія, такъ какъ ея поступокъ доказалъ-бы только, что интересы политики и польской національности дороже для нея интересовъ церковныхъ. Стало-быть все зависитъ отъ образа дѣйствій новыхъ епископовъ.

Печатая письмо г. Кузнецова, мы должны сказать прямо, что прежде всего не принимаемъ на свою отвѣтственность его отзывовъ ни о новыхъ епископахъ, ни объ анти-польской, будто-бы, дѣятельности бывшаго Жмудско-Тельшевскаго епископа Волончевскаго. Извѣстно, что покойный Волончевскій былъ литовско-жмудскій писатель и патріотъ, но насколько этотъ патріотизмъ перевѣшивалъ въ немъ польское вліяніе епископскихъ традицій на Жмуди, обстановки, воспитанія, наконецъ, въ какой степени фактически потрудился онъ для эманципаціи

Жмудинъ и Литовцевъ отъ полонизма—это во всякомъ случаѣ еще вопросъ темный. Г. Кузнецовъ говоритъ, что епископъ Волончевскій «успѣлъ закрыть служеніе на польскомъ языкѣ въ разныхъ костелахъ.» Въ какихъ, гдѣ, когда? Да и что значитъ: «закрыть богослуженіе на польскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ костелахъ», когда извѣстно, что во всѣхъ оно совершается на латинскомъ? Вѣроятно, впрочемъ, авторъ разумѣетъ здѣсь такъ называемое «дополнительное богослуженіе.» Не беремся отвѣчать и за то, чтобы, какъ говоритъ корреспондентъ, всѣ ксендзы-Литвины, воспитанные Волончевскимъ въ Ворненской семинаріи, «шли за одно со своимъ народомъ.» Все это еще, повторяемъ, вопросы темные. Мы первые были-бы весьма признательны г. Кузнецову, если-бы онъ, какъ мѣстный житель и этнографъ, взялъ на себя разъяснить ихъ точнымъ изслѣдованіемъ... Но что касается управленія прелата Жилинскаго, то — увы!—мы должны признать его характеристику вполнѣ согласною съ нашими собственными свѣдѣніями. Точно также мы обѣими руками готовы подписать все сказанное имъ о жалкой администраціи Сѣверо-Западнаго края за послѣдніе полтора десятка лѣтъ. За симъ уступаемъ слово самому корреспонденту. Вотъ что онъ пишетъ:

«Послѣ рѣзкихъ отзывовъ нѣкоторыхъ нашихъ газетъ по предмету духовнаго мира, только что заключеннаго нашимъ правительствомъ съ Римомъ, вопросъ этотъ, предъ лицомъ русскаго общества, поневолѣ воскресаетъ нынѣ въ самой жгучей формѣ. Да иначе и быть не можетъ: то и дѣло мещутся громы въ кого-то за невыгодное для Россіи соглашеніе, за назначеніе новыхъ епископовъ, за колебаніе правительства будто-бы сказавшееся въ низложеніи бывшаго администратора Виленской епархіи Жилинскаго, за полное де потворство «польской справѣ» 1863 года...

«Не сонъ ли это?!.. какіе поводы, какая цѣль подобной полемики?!

«Не наше дѣло вдаваться въ анализъ соглашенія. Мы ограничиваемся возраженіями на рѣзкое порицаніе дѣйствій власти, сказавшихся въ устраненіи прелата Жилинскаго, и къ этому присоединимъ, на основаніи многолѣтняго изученія Сѣверо-Западнаго края, нѣсколько словъ по вопросу объ епископахъ.

«Газеты представляютъ дѣло католической церкви въ Сѣверо-Западномъ краѣ такъ, какъ будто за все время съ 1863 года дѣйствовала одна и та же правительственная система, а прелатъ Жилинскій былъ ея ревностнымъ бойцомъ. А теперь-де правительство, безо всякаго вниманія къ его заслугамъ, бросило его на произволъ судьбы, какъ ненужное орудіе.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» не затруднились даже изобразить проектъ «новой религіи на развалинахъ католицизма», съ папой-бюрократомъ Жилинскимъ во главѣ; проектъ-де этотъ осуществлялся властью въ краѣ много лѣтъ.

«На самомъ дѣлѣ, если спросить, конечно, не администраторовъ—покойниковъ, которые уже не отвѣтятъ, но хотя бы недавняго Директора Департамента Исповѣданій, г. Мосолова, такъ основательно знавшаго церковные вопросы, въ чемъ именно заключалась система нашего правительства въ дѣлахъ католицизма?—то и Его Превосходительство едва-ли не затруднился-бы дать какой-либо ясный отвѣтъ:

«А для посторонняго наблюдателя вразумительно, что при Муравьевѣ не могло быть и помину о «новой религіи на развалинахъ католицизма», какъ дико клевещутъ на него «С.-Петербургскія Вѣдомости». Мысль покойнаго «генерала отъ-инфантеріи» работала только надъ великими, реальными вопросами, отвращаясь отъ всякихъ иллюзій. Дѣла и распоряженія Муравьева, на перечетъ извѣстныя,—тому прямое доказательство. Напротивъ, при Кауфманѣ, подъ видомъ «органической работы», открылось мѣсто многимъ мечтательнымъ затѣямъ, какъ чуть не крещеніе католической Литвы въ православіе. При Потаповѣ пошла работа послѣдовательнаго подкапыванья подъ все «Муравьевское»; режимъ, только по видимости, оставался русскій; безсиліе, неспособность власти ко всякому зиждительному дѣлу, явились въ полномъ блескѣ. При Альбединскомъ мало что перемѣнилось...

«Какія такія «идеи,» какія «начала» проводилъ прелатъ Жилинскій въ управляемой имъ епархіи?—И Русскіе, и Поляки знаютъ только одно: онъ собиралъ доходы справа и слѣва и сильною рукою, вопреки всегдашнему обычаю, направилъ всѣ приношенія Острой Брамы (памятной своею исторической русскою иконой) въ свой широкій карманъ. Утративъ епархію, онъ изъ-за сохраненія дорогой жемчужины (тысячъ шестьдесятъ въ годъ) совершилъ и покаянное паломничество въ Римъ; но въ концѣ-концовъ не достигъ своей цѣли. Вотъ и все. А прочее въ его оффиціальной дѣятельности было одною формальностью и грубымъ обманомъ дряблой, ни во что серьезно не вникавшей, мѣстной власти. Московскія газеты утверждаютъ, будто Жилинскій противодѣйствовалъ ополяченію народа католицизмомъ. Но вотъ крупный примѣръ систематическаго ополяченья, по волѣ почтеннаго прелата. Въ Виленской губерніи, въ трехъ уѣздахъ, сплошною массою проживаетъ свыше 250,000 душъ литовцевъ. Природный языкъ этого народа, еще отъ временъ Ягеллы, удерживался въ дополнительномъ богослуженіи. Ближайшіе предшественники Жилинскаго, виленскіе епископы, и съ ними шляхта, правда, презрительно относились къ «жмудскимъ медвѣдямъ»,

т. е. ксендзамъ—литвинамъ, получившимъ образованіе въ Ворненской (нынѣ Ковенской) семинаріи Но «медвѣдей», по необходимости, приходилось терпѣть: народъ еще былъ мало подготовленъ къ польщизнѣ. Прелатъ-же Жилинскій, по своимъ особымъ финансовымъ соображеніямъ, производившій постоянную перетасовку въ личномъ составѣ духовенства, посадилъ по почти литовскимъ приходамъ поляковъ. Въ результатѣ явилось то, что литовцы Виленской губерніи перестали молиться на родномъ языкѣ. Еще лѣтъ 15—18 назадъ въ Виленской Кальваріи повсемѣстно слышался литовскій языкъ въ многолюдный праздникъ «Божьяго тѣла»; но подъ режимомъ Жилинскаго польская молитва всецѣло вытѣснила литовскую (какъ пишущій самъ убѣдился на мѣстѣ).—

«Объ этомъ возмутительномъ фактѣ мы своевременно громко заявили въ рефератѣ по этнографіи собранію ученаго общества, въ которомъ засѣдали и люди вліятельные. Но заявленіе наше прошло безслѣдно: тогда еще слишкомъ пахло въ воздухѣ антинароднымъ охранительствомъ и потаповщиной Тутъ-то, въ дѣлѣ громадной важности, прелатъ Жилинскій попиралъ ногами государственный интересъ, потому что администрація сама игнорировала его. Но чтобы заслужиться, онъ всегда имѣлъ въ запасѣ импровизацію введенія русскаго языка въ томъ или другомъ приходѣ. Бывало, пойдутъ громкія жалобы, общій ропотъ на ксендза за безобразную жизнь; тогда Жилинскій вызываетъ провинившагося и ставитъ ему альтернативу: либо быть устраненнымъ отъ прихода, либо немедля вводить русскій языкъ въ богослуженіе. Ксендзъ согласится—и грѣхи его забыты; прелатъ и начальство вполнѣ довольны, — хотя-бы миссіонера пришлось ограждать полицейской охраной отъ дождя гнилыхъ яицъ, подготовленнаго ему прихожанами.

«Жилинскій тѣмъ-же введеніемъ русскаго языка пользовался и для достиженія другихъ своихъ цѣлей. Онъ сильно опасался людей ученыхъ и выдающихся въ духовной средѣ, и всячески старался ихъ смять или спрятать подальше отъ глазъ начальства. Недавно мы познакомились въ Пинскѣ съ ученымъ прелатомъ М., заслужившимъ общее уваженіе мѣстныхъ Русскихъ, мірянъ и духовнаго сана; прелатъ М. показался Жилинскому весьма опаснымъ соперникомъ, въ виду ожидавшагося соглашенія съ Римомъ. Поэтому сейчасъ на сцену былъ пущенъ русскій языкъ. На безусловное требованіе о немедленномъ его введеніи, М. отвѣтилъ, что онъ этому дѣлу вполнѣ сочувствуетъ, но измѣнить старый, закоренѣлый церковный обычай берется не иначе, какъ въ извѣстной постепенности. Этого было достаточно, чтобы представить прелата М., какъ человѣка неблагонадежнаго, а дальновидное начальство согласилось на устраненіе его отъ прихода. Чего больше: прелатъ Жилинскій самъ никогда не

выступилъ лично ни съ русскою проповѣдью, ни съ русской молитвой. Онъ несомнѣнно былъ лѣнивымъ и лукавымъ слугой своего Государя, и за то теперь, хотя и слишкомъ поздно, по заслугамъ отверженъ. Нѣтъ, не путемъ тѣхъ оскорбительныхъ для русскаго чувства зрѣлищъ было воскрешать русское молитвенное слово въ средѣ католическаго населенія Бѣлоруссіи! Настоящій сѣятель приложилъ-бы свою мысль и свой трудъ къ постепенному, но повсемѣстному введенію русскаго языка, начавъ съ коренного преобразованія семинаріи, т. е. съ подготовленія молодого, здороваго поколѣнія пастырей изъ того-же народа. Но такое дѣло было-бы посильно только человѣку выдающемуся, народному. Могло-бы додуматься до этого и начальство, умѣй оно—только мыслить о дѣлѣ. Примѣръ Ковенской епархіи былъ предъ глазами. Тамъ епископъ Волончевскій,—человѣкъ даже заподозрѣнный въ участіи въ мятежѣ 1863 года, изъ любви къ своему народу успѣлъ (вопреки желаніямъ друзей—Поляковъ) закрыть служеніе на польскомъ языкѣ въ разныхъ костелахъ, и въ свое продолжительное епископство далъ паствѣ нѣсколько поколѣній ксендзовъ—Литвиновъ, идущихъ за одно съ народомъ. Теперь, само собою, проявилось въ средѣ Литовцевъ желаніе встряхнуть съ себя польское литературное и общественное—ярмо. Но, увы! дорогое время полной свободы дѣйствія власти для Бѣлоруссіи потеряно безъ малѣйшей зиждительной работы. Въ семинаріи глубокая мертвенность, епархія одичала; лучшіе ксендзы разсованы по захолустьямъ.

«Что-то скажутъ, и здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ, новые епископы?... Поставить дѣло церковное правильно имъ возможно. Католицизмъ не знаетъ сословнаго духовенства; оно можетъ слагаться въ каждой странѣ изъ наличныхъ историческихъ элементовъ. Церковь и въ Западномъ краѣ, и въ Польшѣ, имѣетъ дѣло съ милліонами преданнаго Царю населенія, благословляющаго Его за дѣло освобожденія. Притомъ народъ въ Западномъ краѣ преимущественно русскій. Отсюда ясно: ежели католическая іерархія хочетъ строить свое дѣло на надежной исторической почвѣ, то и должна всѣ свои мѣры соображать съ истинными интересами народнаго множества, которые равнозначащи интересамъ правительства. Но такая церковная политика безъ сомнѣнія встрѣтитъ на своемъ пути не мало закоренѣлыхъ предразсудковъ и всякаго противодѣйствія. Въ числѣ этихъ препятствій не послѣднее мѣсто займутъ и враждебныя выходки нашихъ газетъ...

«Московскія Вѣдомости», всегда готовыя на бой со всякой интригой, повидимому, сами были уловлены въ поставленную имъ западню, ежели ни съ того, ни съ сего принялись клеймить новыхъ епископовъ, какъ орудія польской справы, какъ ея актеровъ», какъ продолжателей происковъ 1863 года. Въ чемъ—

же провинились только-что назначенные или переведенные на другія каѳедры преосвященные: Гинтовтъ, Попель, Козловскій, Гриневецкій? Да покамѣстъ только тѣмъ, что ихъ похвалили польскія газеты!

«Мы не имѣемъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о новомъ готовящемся мятежѣ. Нѣкоторыя-же тенденціозныя корреспонденційки, которыя всегда полезно читать cum grano salis, слишкомъ ничтожный матеріалъ для выводовъ газеты.

«Живя въ краѣ, мы знаемъ, напримѣръ, объ архіепископѣ Гинтовтѣ, что онъ у Русскихъ всегда былъ въ большомъ почетѣ, а у Поляковъ слылъ за руссофила. Изъ Вильны мы узнали, что епископомъ Гриневецкимъ на-дняхъ было созвано мѣстное духовенство, къ которому онъ обратился съ весьма вразумительными и дѣльными словами. Нѣкоторыя другія назначенія, въ предѣлахъ нашего поля наблюденія, также оказываются вполнѣ благоразумными. Конечно, правительство имѣло въ своемъ распоряженіи лишь отрывочный и небогатый матеріалъ свѣдѣній о личномъ составѣ католическаго духовенства. Но по всему видно, что преконизація епископовъ послѣдовала согласно предложенію самой Россіи, и что о пріисканіи достойныхъ лицъ были положены старанія. Значитъ, отечество еще не въ опасности.»

Устами корреспондента и медъ бы пить. Замѣтимъ, однако, что въ одномъ изъ недавнихъ нумеровъ своихъ краковскій «Czas», этотъ мониторъ польскаго католичества, назначеніе нынѣшнихъ епископовъ называетъ прямо важною уступкою со стороны Россіи. Русскимъ правительствомъ сначала были-де предложены кандидаты «совершенно другіе, менѣе достойные и всегда опасные для дѣла церкви» (zupełnie inne, mniej godne, a niebezpieczne bardzo dla sprawy kościoła). А въ подобныхъ дѣлахъ названная газета не бросаетъ словъ на вѣтеръ...»

Надо замѣтить, что въ статьѣ «Руси» много и вѣрнаго (напримѣръ, характеристика Жилинскаго), и ошибочнаго.

Если «профессоръ» Безсоновъ—то самое лицо, которое служило въ Вильнѣ во времена попечительства тамъ И. П. Корнилова, то авторитетъ его совершенно уничтожается тѣмъ, что писалъ объ его отрицательной дѣятельности и освѣдомленности Корниловъ 24 іюля 1866 г. Товарищу Мин. Нар. Просв. Делянову—(«Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ», выпускъ 1-й, 1903 г.), благодаря того-же Делянова, въ письмѣ отъ 17 авг. того-же года (въ этомъ-же сборникѣ помѣщенномъ) и «земно кланяясь за себя и за учебный округъ за избавленіе Виленской гимназіи отъ Безсонова.»—

Невѣрно и опровергается заявленіями Сенчиковскаго, будтобы прелатъ Жилинскій никогда самъ не служилъ въ костелахъ на русскомъ языкѣ: въ тѣхъ костелахъ, гдѣ языкъ этотъ уже

былъ введенъ въ добавочное богослуженіе, при участіи Сенчиковскаго, и при полицейской охранѣ, т. е. не рискуя ничѣмъ, онъ служилъ, что мы и видѣли изъ оффиціальныхъ документовъ.

Заступничество автора статьи за митрополита Гинтовта и епископа Гриневецкаго, какъ мы увидимъ по ходу событій настоящей книги, было и преждевременно, и недальновидно: оба оказались ярыми представителями польско-іезуитской пропаганды, гонителями всего русскаго, насадителями всего польскаго вообще, а, въ частности, гонителями Сенчиковскаго...

Могъ-ли авторъ предполагать, что черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1887 г., какъ мы это увидимъ впослѣдствіи, тотъ-же митрополитъ Гинтовтъ, окончательно добивая каноника Сенчиковскаго въ Омскѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русское дѣло въ Литвѣ и Бѣлоруссіи по располяченію костела (см. XXIV-ю главу настоящей книги), воспользуется, для гнусныхъ цѣлей польско-іезуитской пропаганды, ссылкой на статью автора,—при обвиненіяхъ покойнаго каноника?!..

Что-же касается до того, что сказано было невѣрнаго въ статьѣ о Сенчиковскомъ, пусть отвѣтитъ самъ покойный, въ замѣткѣ, которую здѣсь и приводимъ.—

«Въ № 14-мъ газеты «Русь», пишетъ покойный: «помѣщена корреспонденція изъ Минска о ксендзѣ Сенчиковскомъ, полная недомолвокъ и намековъ, на что обращаетъ вниманіе и редакція газеты. Корреспонденція эта написана по заказу, съ цѣлью скрыть истину и успокоить общество. Но подобное намѣреніе автора корреспонденціи не только не достигаетъ желанной имъ цѣли, а еще болѣе раздражаетъ русское чувство честнаго человѣка, близко знающаго настоящее положеніе вопроса не только объ языкѣ русскомъ въ костелахъ, но и вообще объ обрусеніи Сѣверо-Западнаго края, яснѣе говоря—объ уничтоженіи въ этомъ краѣ русскаго и водвореніи польскаго элемента.

Авторъ корреспонденціи, заявляя о подачѣ въ отставку кс. Сенчиковскаго, ничего не сказалъ о причинахъ, вынудившихъ этого ксендза выйти въ отставку. Какъ-же такъ?!.. Ксендзъ Сенчиковскій первый началъ употреблять вмѣсто польскаго языка русскій, на этомъ языкѣ, не смотря на все адское противодѣйствіе польской и полякующей партіи, онъ служилъ 15 лѣтъ, построилъ въ гор. Минскѣ собственный домъ, обновилъ заново Св. Троицкій костелъ, учредилъ и устроилъ училище для р.-к. органистовъ, одобренъ и награждаемъ Правительствомъ, произведенъ епархіальнымъ начальствомъ въ почетные каноники б. Минской епархіи и сдѣланъ членомъ Ви-

ленскаго капитула—И вдругъ тотъ-же кс. Сенчиковскій продаетъ домъ и перемѣщается въ Бобруйскъ, гдѣ тоже усердно служитъ на языкѣ русскомъ, обновляетъ собственными силами Бобруйскій костелъ и плебаніальный домъ, а затѣмъ, ни съ того ни съ сего, подаетъ въ отставку!... Ясно, что была-же причина, и весьма серіозная, вызвавшая отчаянную мысль—выйти въ отставку и сидѣть въ монастырѣ, въ которомъ все пропитано ярымъ фанатизмомъ и польскимъ іезуитизмомъ.

А вотъ—главная причина перевода кс. Сенчиковскаго въ Бобруйскъ и подачи имъ въ отставку:

Когда училище для органистовъ развилось и оказалось, что мальчики-органисты, изъ крестьянъ, не понимая языка польскаго, добросовѣстно служатъ на языкѣ русскомъ и искренно преданы Россіи, благотворно вліяютъ на народъ и распространяютъ русское дѣло въ католицизмѣ, то заграничныя газеты и пропаганда польская начали употреблять всѣ адскія интриги противъ кс Сенчиковскаго, котораго пытались даже лишить жизни. Это было поводомъ къ тому, что, для отдыха и успокоенія, Сенчиковскій перемѣстился въ Бобруйскъ, гдѣ костелъ построенъ въ крѣпости и гдѣ всѣ военныя и гражданскія лица—католики болѣе русскаго происхожденія. Но когда, по причинѣ начатыхъ съ Папою переговоровъ, польская партія убѣдилась въ томъ, что вопросъ объ языкѣ русскомъ оставленъ и что русскій языкъ не будетъ болѣе помѣхою въ костелахъ для ополяченія бѣлорусскаго народа, тогда на каноника Сенчиковскаго посыпались со всѣхъ сторонъ преслѣдованія, превышающія человѣческія силы: не говоря уже о полякахъ и консисторіи, даже губернаторъ Петровъ оказался на сторонѣ польской пропаганды. Если въ квартирѣ губернатора, самъ губернаторъ, его жена, прислуга съ ксендзами и чиновниками его канцеляріи начали говорить по-польски, то какъ-же, послѣ этого, возможно было въ костелахъ служить на языкѣ русскомъ?!.. И когда въ С.-Петербургѣ открыли театръ на языкѣ польскомъ, то понятно, что все возможное было сдѣлано для преслѣдованія Сенчиковскаго, который вынужденъ былъ безъ разрѣшенія поѣхать въ Петербургъ (губернаторъ Петровъ отказалъ ему въ выдачѣ билета). Явившись къ Министру Вн. Дѣлъ гр. Игнатьеву, Сенчиковскій разсказалъ ему о тяжеломъ положеніи дѣла и о своемъ. Но гр. Игнатьевъ сказалъ ему буквально слѣдующее: «Почему вы́ такъ убиваетесь и хлопочете объ языкѣ русскомъ?! Пусть Папа проситъ насъ—тогда мы, быть можетъ, согласимся на замѣну польскаго языка русскимъ, ибо намъ не нуженъ языкъ русскій въ костелахъ.»—Послѣ этого и послѣ слышаннаго въ тотъ-же день отъ б. директора Департ. Дух. Дѣлъ Иностр. Испов. Мосолова, каноникъ Сенчиковскій подалъ въ отставку, такъ какъ, 15 лѣтъ ратуя за русское дѣло и 15 лѣтъ служа на

языкѣ русскомъ, онъ не пожелалъ быть тряпкой въ рукахъ польской интриги, какъ не пожелалъ, ради угожденія полякующей партіи, отречься отъ своихъ убѣжденій и служить на языкѣ польскомъ. Подалъ онъ въ отставку по совѣту одного высокопоставленнаго лица и съ одобренія б. директора Департамента Мосолова, который даже обрадовался его помѣщенію въ Гродну, полагая, что тамъ сильно развитъ польскій фанатизмъ...

Ужъ не было-ли тутъ желанія—усмирить мою русскую горячность и приблизить меня къ полякамъ?—

Но такъ какъ въ монастырѣ, на первыхъ порахъ моей бытности, монахи Францисканцы даже объявили меня народу отлученнымъ отъ Церкви, не приняли меня къ исповѣди 8 декабря 1882 года, уходили отъ меня, какъ отъ прокаженнаго, даже изъ корридора, и не дозволили мнѣ совершать богослуженіе для народа, и много чего очень тяжелаго пришлось испытывать мнѣ въ монастырѣ, то понятно, что съ назначеніемъ епископовъ, предполагая, что Правительство, соглашаясь съ Папою, передало ему свои права, я изъявилъ желаніе принять должность военнаго капелана въ одной изъ Великорусскихъ губерній...

Но о всѣхъ событіяхъ и приключеніяхъ по поводу моего назначенія въ Туркестанъ, я скажу послѣ. Теперь-же возвращусь къ поименованной выше корреспонденціи изъ Минска, въ которой говорится, что на мѣсто Сенчиковскаго въ Бобруйскѣ имѣется ксендзъ, служащій добросовѣстно на языкѣ русскомъ.

Да въ теченіе ровно полъ-года послѣ моего выѣзда въ Гродну, въ Бобруйскомъ костелѣ, не было ни ксендза, ни богослуженія не только на языкѣ русскомъ, но ни на какомъ, ибо викарный кс. Романовскій, 68 лѣтъ, изувѣченный, дряхлый старикъ, до назначенія кс. Олехновича, вовсе не служилъ. Назначенный-же въ Бобруйскъ кс. Олехновичъ перемѣщенъ изъ м. Блонь, Игуменскаго уѣзда, и тамъ, т. е. въ Блони-то, былъ первый костелъ, въ которомъ въ 1868 году кс. Сенчиковскій началъ служить на языкѣ русскомъ. Но, съ перемѣщеніемъ кс. Олехновича въ Бобруйскъ, въ Блони не имѣется теперь ксендза и богослуженіе прекращено вовсе. Ксендзъ-же Олехновичъ—человѣкъ, до того умственно страдающій, что, совершая литургію, онъ нерѣдко пропускаетъ существенныя части, напримѣръ: «Отче нашъ», «Святъ» и т. д. Это уже замѣчаетъ народъ. Такое несчастье случилось съ кс. Олехновичемъ послѣ того, какъ въ Блони напали на него разбойники, поранившіе ему голову такъ опасно, что Олехновичъ въ Минскѣ лѣчился около 6-ти мѣсяцевъ, и послѣ того изъ Блони перемѣщенъ въ Бобруйскъ. На сколько-же успѣшно идетъ дѣло объ языкѣ русскомъ въ Минской

губерніи, на сколько ксендзы, служащіе этому дѣлу, ограждены отъ преслѣдованій,—ясно доказываютъ письма ксендза Кулаковскаго и кс. Лукашевича, при семъ приложенныя.

На сколько-же развитію русскаго дѣла не только въ католицизмѣ, но и вообще въ Минской губерніи, сочувствуетъ губернаторъ Петровъ, доказывается тѣмъ, что въ губернаторской канцеляріи говорятъ по-польски, у губернатора вся прислуга—изъ Варшавы, говорящая только на языкѣ польскомъ, упряжь—«краковская», кучеръ губернаторскій кричитъ «Уціекай! Змыкай!» а, главное, губернаторъ Петровъ публично даже любитъ обращаться къ ксендзамъ-фанатикамъ на языкѣ польскомъ. А вотъ и слѣдующіе, оффиціально уже установленные, факты.

Въ Свято-Троицкомъ костелѣ въ Минскѣ, гдѣ я былъ настоятелемъ, на собственный мой счетъ, устроилъ я гробы, куда и перенесъ (съ разрѣшенія г. Министра) прахъ моихъ родителей, а наверху, въ костелѣ, надъ этою гробницею, я устроилъ алтарь Божьей Матери. Для того-же, чтобы не портить симетріи въ костелѣ, я, насупротивъ этого алтаря, устроилъ второй алтарь Св. Венедикта. На алтарѣ Божьей Матери, какъ на памятникѣ надъ могилою моихъ родителей, на мѣдной доскѣ, привинченной къ алтарю, я помѣстилъ слѣдующую надпись: «Матерь Божья! У стопъ Твоихъ я сложилъ все, чтó имѣлъ драгоцѣннаго на свѣтѣ. Молись о спасеніи душъ родителей моихъ Маріи и Евстафія!»—На противуположномъ-же алтарѣ Св. Венедикта, на книгѣ въ рукахъ этого святого, была надпись: «Возлюби Господа Бога Твоего всѣмъ сердцемъ Твоимъ, всею душою Твоею, а ближняго Твоего, яко самого себя!» Эти надписи были сдѣланы на языкѣ русскомъ И вотъ, съ согласія губернатора Петрова, мѣдная доска оторвана отъ образа Божьей Матери, а надпись у Святого Венедикта замазана бѣлою краской. И, хотя я писалъ оффиціально губернатору о томъ, что, по закону, никто не въ правѣ уничтожать надгробныя надписи, мнѣ не дали отвѣта и надписи по сіе время не возстановлены.

Второй фактъ, тоже оффиціально извѣстный. Когда ксендзы, служившіе на языкѣ русскомъ, замѣтили поворотъ дѣла въ пользу полонизма и когда почувствовали, что консисторія и губернаторъ, притѣсняя преданныхъ русскому дѣлу, охраняютъ и поддерживаютъ двуличныхъ и полякующихъ, то нѣкоторые изъ нихъ, похитрѣе и послабѣе энергіею, начали исподволь оставлять языкъ русскій и служить на польскомъ языкѣ, а нѣсколько такихъ слабо-характерныхъ ксендзовъ совершенно оставили русскій языкъ и служили все на языкѣ польскомъ,—и это въ тѣхъ костелахъ, въ которыхъ окончательно утвержденъ былъ министерствомъ языкъ русскій. Къ числу такихъ ксендзовъ принадлежитъ и кс. Юргевичъ. Но мѣстная полиція, особенно-же жандармы, должны были доносить, на какомъ языкѣ

служатъ ксендзы, выдавшіе подписку—служить на языкѣ русскомъ. Вотъ и о ксендзѣ Юргевичѣ было донесено губернатору Петрову, что онъ служитъ на языкѣ польскомъ. Но губ. Петровъ не только не пожелалъ обратить на это вниманіе, но сдѣлалъ замѣчаніе жандармскому начальнику Слуцкаго уѣзда капитану Бочерову, что его жандармы, ничего не дѣлая, доносятъ ему неправду, ибо кс. Юргевичъ служилъ такъ, какъ слѣдуетъ, ровно два года представлялъ кс. Юргевича къ 300 р. пособія—за употребленіе имъ языка русскаго вмѣсто польскаго, и это прекратилось только тогда, когда сами католики-прихожане Клецкаго костела подписались на протоколѣ, составленномъ жандармомъ, и когда я лично объяснилъ въ министерствѣ, что кс. Юргевичъ, получая пособіе за языкъ русскій, служитъ на языкѣ польскомъ.

А вотъ еще фактъ. Въ костелахъ, въ которыхъ министерствомъ окончательно утвержденъ языкъ русскій, ксендзы умираютъ, или-же, по причинѣ сильнаго преслѣдованія, перестаютъ служить на языкѣ русскомъ, служа на польскомъ. За это сихъ послѣднихъ штрафуютъ и удаляютъ, засылая ихъ въ Вильну, въ монастырь. Оттуда, по истеченіи двухъ трехъ мѣсяцевъ, эти-же ксендзы получаютъ въ Виленской или Гродненской губерніяхъ лучшіе приходы. Такъ сдѣлано съ кс. Заусцинскимъ и другими, о которыхъ я представлялъ именной списокъ въ министерство при гр. Сиверсѣ Но назначенные на мѣсто такихъ ксендзовъ, и въ тѣ костелы, гдѣ обязательно служилось на языкѣ русскомъ, вновь назначенные ксендзы служили уже на языкѣ польскомъ. Такихъ костеловъ, особенно въ Борисовскомъ уѣздѣ,—много. Объ этомъ я тоже писалъ оффиціально. Въ мѣстечкѣ Узда, Игуменскаго уѣзда, Минской губерніи, былъ настоятелемъ кс. Кушелевичъ, добросовѣстно служащій на языкѣ русскомъ. Это не понравилось прихожанину, богатѣйшему помѣщику Завишѣ. И вотъ этого кс. Кушелевича, помимо воли и вопреки всевозможнымъ прошеніямъ и протестамъ, перемѣстили въ мѣст. Свержень, въ самый скверный приходъ Минской губерніи, а въ мѣст. Узду, въ одинъ изъ лучшихъ приходовъ, назначенъ кс. Домбровскій,—человѣкъ, состоящій подъ надзоромъ полиціи и ярый фанатикъ-полякъ: понятно, въ Уздѣ уже нѣтъ русскаго языка. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ четыре р. к. приходскіе костела, и во всѣхъ нихъ былъ утвержденъ языкъ русскій, который и употреблялся добросовѣстно. Но теперь только въ одномъ Бобруйскѣ умственно-страдающій служитъ кое-какъ на языкѣ русскомъ; въ остальныхъ-же трехъ костелахъ, именно въ Свислочскомъ, Глусскомъ и Хорошецкомъ, нѣтъ ни одного ксендза, по причинѣ неимѣнія кандидатовъ, желающихъ употреблять языкъ русскій вмѣсто польскаго. Еще-бы, послѣ этакихъ подлостей и низостей, послѣ того преслѣдованія, которому

подверглись всѣ, прежде служившіе на языкѣ русскомъ, нашлись-бы теперь охотники на употребленіе русскаго языка!! .. Да я прямо скажу, что послѣ того гоненія, которому подверглись Кушелевичъ, Малышевичъ, Кулаковскій, Лукашевичъ и всѣ прочіе, служившіе видамъ Правительства, послѣ всего того, что мнѣ сказали митрополитъ и епископъ Гриневецкій, никогда и никто изъ ксендзовъ не рѣшится вѣрно служить Престолу, дѣлу и недвулично исполнять волю Правительства.. И пусть Правительство не обвиняетъ ксендзовъ: оно само ихъ вывело въ поле, выжало изъ нихъ энергію и усердіе, а, затѣмъ, какъ ненужную тряпку, въ угоду польской интригѣ, выбросило за окно на посмѣшище. Этимъ само Правительство научило ксендзовъ быть и дѣйствовать двулично, неположительно, и ради пользы польскаго вопроса пожертвовать религіею и русскою народностью. Странно, что съ высоты Царскаго Престола моя служба признана полезною и преданность моя Правительству - несомнѣнной. И послѣ этого, для меня не нашлось въ Европейской Россіи мѣста и едва такое разыскано въ Азіи, и то благодаря усиленнымъ хлопотамъ генерала Черняева. Въ училищѣ для р.-к. органистовъ, основанномъ и учрежденномъ мною для того, чтобы создать органистовъ изъ крестьянъ, воспитанныхъ на русскихъ началахъ, незнающихъ языка польскаго, но хорошо знающихъ р.-к. обряды, церковную музыку и пѣніе на латинскомъ и русскомъ языкахъ, послѣ моего выѣзда изъ Минска воспитанники—органисты обращены въ музыкантовъ, играющихъ на трубахъ, флейтахъ, кларнетахъ, бубнахъ, скрипкахъ и. т. е. духовыхъ инструментахъ. Музыка вышла хорошая, но мальчики, окончившіе училище, выходятъ изъ онаго буквально слугами и ровно ничего непонимающими въ своей спеціальности, т. е. въ музыкѣ на орга́нахъ и церковномъ пѣніи, рѣшительно не умѣютъ даже прислужить у алтаря; но зато эти мальчики—слуги выходятъ изъ училища первѣйшими франтами и до того распущенными, что еще въ училищѣ обзаводятся содержанками А когда я объ этомъ лично доложилъ директору Департамента Мосолову, то Его Превосходительство сказалъ мнѣ слѣдующія слова: «Что-же!... Органистъ не монахъ... Пусть себѣ держатъ и по двѣ содержанки, если имъ на это хватаетъ средствъ!..» Но такъ какъ органистъ съ содержанкою, проживая въ одномъ домѣ съ настоятелемъ, служащимъ на языкѣ русскомъ, непремѣнно навлекъ-бы на самого настоятеля подозрѣніе, то не только я прогналъ такого органиста Розынку, но и ксендзы Кулаковскій, Бертовичъ, Кушелевичъ и другіе попрогоняли такихъ неучей и никуда негодныхъ органистовъ, которые, однако, оставивъ мѣста своего назначенія въ деревнѣ, всѣ отправились въ городъ Минскъ, считались оффиціально состоящими на службѣ и получали по 15 р. въ мѣсяцъ пособія за употребленіе языка

русскаго по приходамъ. Между тѣмъ, правитель губернаторской канцеляріи Копановичъ состоитъ попечителемъ этого училища и аттестуетъ оное самымъ лучшимъ образомъ!.

Такъ вотъ, какъ идетъ русское дѣло въ Минской губерніи, и понятно, что въ этомъ дѣлѣ, по мнѣнію и въ интересахъ польской справы, поляковъ и у нихъ заискивающихъ, полякующихъ чиновниковъ подобнаго-же направленія, какъ губернаторъ Петровъ и правитель его канцеляріи Копановичъ, все обстоитъ благополучно и въ желанномъ направленіи. Но для честнаго и неподдѣльно русскаго человѣка это далеко не такъ... Всѣ истинно-русскіе люди ясно видятъ, какъ падаетъ въ Минской губерніи, какъ систематически уничтожается элементъ русскій, и какъ на мѣсто его устанавливается польскій фанатизмъ. Но полякующіе чиновники, желающіе скрыть свое расположеніе къ полонизму, оффиціально даже обманываютъ высшее начальство. Странно... Костелы, въ которыхъ введенъ, утвержденъ и нѣсколько лѣтъ употреблялся языкъ русскій,—теперь вакантны; ксендзы, служащіе на языкѣ русскомъ, или удалены, или засланы въ худшіе, деревенскіе приходы. Сенчиковскій едва успѣлъ бѣжать въ Азію Польскій языкъ сдѣлался господствующимъ и не только общеупотребительнымъ между полицейскими, но даже въ губернаторской квартирѣ и въ губернаторской канцеляріи. Польскіе обычаи до того въ ходу, что упряжь губернаторскихъ экипажей—польская и даже Краковская... Словомъ, человѣкъ, лѣтъ десять тому назадъ знавшій Минскъ губернскій русскимъ городомъ, теперь не узналъ-бы его, до того развился въономъ польскій элементъ...

И послѣ всего этого, корреспондентъ изъ Минска заявляетъ о благополучномъ состояніи русскаго дѣла въ Минской губерніи!!... Это заявленіе неопровержимо доказываетъ только то, что авторъ корреспонденціи, сочувствуя польской справѣ и близко стоящій къ управленію Минской губерніею, желалъ успокоить мнѣніе русскаго общества, дабы, затѣмъ, спокойно развивать планы о полонизаціи Бѣлорусскаго края.»

Помянули теплымъ словомъ ушедшаго Сенчиковскаго и «Современныя Извѣстія» - въ особой замѣткѣ, которую мы заимствуемъ изъ «Литовскихъ Епарх. Вѣдомостей» (1883 г. № 1).—

«О каноникѣ Сенчиковскомъ , сказано въ газетѣ: «этомъ ревностномъ подвижникѣ русской народности, вводившемъ родной языкъ въ католическое богослуженіе, читателямъ нашимъ должно быть извѣстно. Неутомимо дѣйствовалъ онъ, но, наконецъ, вынужденъ былъ сойти съ поприща. Всевозможныя клеветы, бранныя письма, интриги преслѣдовали его и, что̀ удивительно, духовнымъ католическимъ властямъ вторила отчасти и русская гражданская. Утомленный, онъ вынужденъ былъ про-

сить отставки, которую и получилъ, удостоенный при семъ, какъ выражено оффиціально, «не въ примѣръ прочимъ», Монаршей милости въ видѣ пожизненнаго сохраненія за нимъ жалованья, которое онъ получалъ (500 р.).

«Съ высоты Царскаго Престола», писалъ онъ намъ по этому поводу: «служба моя признана *полезною* и преданность моя Правительству *несомнѣнною*, и это Монаршее одобреніе дороже мнѣ моей жизни: оно меня на вѣки приковало къ возлюбленному Монарху и къ моему отечеству—Россіи.»

Затѣмъ, въ письмѣ, онъ продолжаетъ:

«Какъ уроженецъ Бѣлорусскаго края, я люблю мою родину Бѣлоруссію, горжусь моимъ русскимъ происхожденіемъ; но я всегда былъ и навсегда останусь, до моей могилы, вѣрнымъ римско-католикомъ. Я почитаю мою р.-к. религію и ея святые обряды, но, какъ бѣлоруссъ, я неподдѣльно преданъ Престолу и Россіи. Какъ жалки и достойны сожалѣнія тѣ католики, которые, не понимая догматовъ, полагаютъ, что католицизмъ существуетъ только для однихъ поляковъ, что бѣлорусскій мужичекъ, дабы быть католикомъ, непремѣнно долженъ учиться по-польски! Повторяю, какъ жалки и недалеки эти лица!.. Между тѣмъ, въ этомъ родѣ мнѣ присылаются безымянныя письма, даже съ угрозою смерти, да, кромѣ того, распускаютъ въ высшей степени нелѣпые обо мнѣ слухи. Понятно, я лично не придаю ни малѣйшаго значенія этимъ нареканіямъ; но я дорожилъ и дорожу мнѣніемъ честнаго, благонамѣреннаго русскаго общества. Поэтому, настоящимъ моимъ письмомъ, я желаю возстановить истину въ глазахъ этого, природнаго мнѣ русскаго общества. Тѣмъ-же изъ римско-католиковъ, которые не понимаютъ или не желаютъ понять сущности дѣла, которые не знаютъ, что Папы Іоаннъ, Венедиктъ, Климентій, а равно Вселенскіе и областные римско-католическіе соборы ясно опредѣлили и повелѣли, «дабы добавочное р.-к. богослуженіе совершалось на мѣстномъ народномъ языкѣ» - я скажу— пусть эти католики знаютъ, что р.-к. религія существуетъ не для одной польской народности, и что католики могутъ вполнѣ свободно исповѣдывать р.-к. религію и счастливо проживать на своей родинѣ подъ отеческимъ скипетромъ великорусской державы. Но всѣмъ римско-католикамъ слѣдуетъ, однако, твердо помнить, что католикъ обязанъ смотрѣть на религію, какъ на дѣло вѣчнаго спасенія, а не какъ на орудіе бунта или измѣны.»

Пожалѣли объ уходѣ Сенчиковскаго и многіе, знавшіе его близко, русскіе люди.

За то не было предѣловъ ликованія на страницахъ польской печати.

Обойдя эту озлобленную литературу враговъ покойнаго молчаніемъ, приведемъ, на выборъ, два характерныхъ письма къ Сенчиковскому изъ лагеря его единомышленниковъ.

Вотъ, напримѣръ, письмо В. фонъ-Гойера *) (отъ 15 ноября 1882 г., г. Бобруйскъ) къ канонику Сенчиковскому.

«Достопочтенный и многоуважаемый отецъ Фердинандъ! Я получилъ письмо Ваше съ тремя копіями, весьма ясно обрисовывающими, какъ великія цѣли, къ которымъ Вы стремились, такъ и способы ихъ осуществленія. Я не могъ поблагодарить Васъ за нихъ въ моментъ полученія потому, что лежалъ съ сильнымъ воспаленіемъ въ горлѣ. Эта болѣзнь отсрочила всѣ мои планы, такъ что, можетъ быть, я не успѣю побывать въ Петербургѣ до праздниковъ. Хотя всякому человѣку необходимъ и отдыхъ, но, при Вашей энергіи и жаждѣ дѣятельности, продолжительное бездѣйствіе должно быть несравненно тягостнѣе самаго усиленнаго труда, особенно, когда въ глазахъ Вашихъ такъ безжалостно попираются многолѣтніе труды Ваши на пользу русскаго дѣла въ Западномъ краѣ. Такъ какъ у насъ весьма часто черное становится бѣлымъ, и наоборотъ, то я твердо увѣренъ, что прежніе борцы за отдѣленіе польской справы отъ религіи понадобятся тѣмъ, которые теперь такъ легко относятся къ столь серіозному вопросу. Только дай Богъ, чтобы скорѣе одумались и прозрѣли тѣ, коимъ вѣдать надлежитъ! Въ надеждѣ на лучшее будущее, прошу Васъ принять увѣреніе въ неизмѣнныхъ чувствахъ уваженія и преданности покорнаго слуги В. фонъ-Гойера.»

Ксендзъ Лукашевичъ, нѣсколько позднѣе (11 марта 1883 г. Борисовъ), писалъ Сенчиковскому:

«Многоуважаемый отецъ Фердинандъ! Можетъ быть Васъ приведетъ въ удивленіе, что я пишу къ Вамъ. Но, основываясь на нашемъ знакомствѣ, позволилъ я себѣ это сдѣлать. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что и по настоящее время я совершаю дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, и не думаю этого бросить, ибо простонародье привыкло и сжилось съ этимъ порядкомъ. Но только помѣщики противны. Но я на нихъ ни малѣйшаго не обращаю вниманія и этихъ господъ терпѣть не могу. Они, во время моего проживанія въ Минской губерніи, много дѣлали непріятностей моей личности изъ-за русскаго языка въ богослуженіи. Чтó удивляться помѣщикамъ, когда нашъ управляющій епархіей Жилинскій тоже преслѣдовалъ совершающихъ богослуженіе на русскомъ языкѣ. Я самъ много терпѣлъ, а Жилинскаго подстрекалъ его секретарь Ленкшевичъ,

*) Фонъ-Гойеръ, Викторъ Александровичъ, былъ одно время правителемъ канцеляріи Минскаго губернатора.

страшнѣйшій фанатикъ и врагъ русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи.

Прошу Васъ, отецъ Фердинандъ, по старому нашему знакомству, напишите-ка мнѣ, увѣдомляя, какъ идетъ наше дѣло о дополнительномъ богослуженіи на русскомъ языкѣ, и прошу Вашихъ, добрыхъ по сему дѣлу, совѣтовъ, ибо я не думаю оставить употребленіе русскаго языка въ дополнительномъ богослуженіи. Почему Вы оставили Бобруйскъ и поселились въ Гроднѣ?—Очень намъ это непріятно, и, какъ только мы объ этомъ узнали, то очень упали духомъ, ибо Вы только были для насъ цѣлою опорой въ этомъ нашемъ дѣлѣ.

Я, слава Богу, здоровъ, чего отъ души и Вамъ желаю; прося у Васъ отвѣта на мое письмо, остаюсь Вашимъ покорнымъ слугою кс. Лукашевичъ»

Каноникъ Сенчиковскій въ письмѣ ко мнѣ (отъ 15 августа 1900 г. Омскъ) поясняетъ, по поводу этого документа:

«Лукашевичъ—деканъ и настоятель въ уѣздномъ городѣ Борисовѣ, Минской губерніи; и въ настоящее время тамъ живетъ.»

Такъ какъ о Сенчиковскомъ постоянно распускались слухи, что онъ обираетъ, разоряетъ костелы, ввѣренные его попеченію, то, въ опроверженіе сплетенъ про отношеніе его къ Бобруйскому костелу, онъ препроводилъ ко мнѣ, съ просьбою огласить ее со временемъ, «выписку изъ инвентарной описи Бобруйскаго костела за 1882 годъ», которую, исполняя волю покойнаго, мы здѣсь и приводимъ.

«Въ плебаніальномъ домѣ Бобруйскаго костела», сказано въ выпискѣ: «на собственный счетъ каноника Сенчиковскаго, сдѣланы слѣдующія улучшенія: 1. Въ семи комнатахъ оклеены обои, въ двухъ комнатахъ дорогими, въ золотые узоры, а въ остальныхъ не дороже 45 коп. за кусокъ обоевъ. 2. Четыре комнаты и два корридора покрашены клеевыми красками; три комнаты—въ узоры, а остальныя безъ узоровъ. 3. Передѣланы четыре печи, одна изъ нихъ круглая, желѣзная, а также и плита въ кухнѣ. 4. Въ пяти комнатахъ сдѣланы новые полы. 5. Сдѣлано новое, на столбахъ, парадное крыльцо, а надъ онымъ—терасса; окрашено все это масляною краскою зеленаго цвѣта. 6. Построенъ новый сарай; на немъ—терасса и отхожее мѣсто для перваго этажа, чего прежде вовсе не было. 7. На второмъ этажѣ, на южной сторонѣ дома, устроенъ балконъ на желѣзныхъ штабахъ и такихъ-же контрфорсахъ и цѣпяхъ; все окрашено масляною краскою, и все стоимостью 75 руб. 8. Сдѣлана новая кругомъ дома и костела досчатая ограда въ три аршина вышиною. 9. Сдѣлана ограда рѣшетчатая, отдѣляющая отъ

фронта дворъ и костелъ, и всѣ ограды покрашены шведскимъ составомъ. Прежде не было ни одного куска ограды—ни при костелѣ, ни при плебаніи. 10. Построенъ новый навѣсъ для склада дровъ. Вещи, пожертвованныя для Бобруйскаго костела, украшенія и улучшенія, сдѣланныя въ костелѣ на собственный счетъ каноникомъ Сенчиковскимъ: 1. Новый, деревянный, столярной работы, о четырехъ ступеняхъ, выкрашенный на трауръ масляными красками, катафалкъ, а къ оному 24 съ жестяными трубками и пружинами набойки, окрашенныя бѣлою масляною краскою, а равно къ этому-же катафалку 8 стекляныхъ цѣпей, оправленныхъ въ жесть, изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. 2. Исправлены орга́ны, за починку которыхъ уплочено 60 руб. 3. Масляною голубою краскою покрашенъ амвонъ, вызолочены края его и онъ украшенъ золотыми и серебряными звѣздочками. 4. Такою-же краскою обновлены четыре большія доски помѣщенія навѣсовъ (ofertow). 5. Заново сдѣланы ступени при пяти алтаряхъ, ибо на прежнихъ невозможно было служить, до того онѣ были сгнившія. 6. Масляною, зеленой съ бѣлой, краскою окрашены двѣ большія лавки, помѣщенныя въ алтарной части костела. 7. Такою-же краской окрашены три исповѣдальницы (конфессіонала), съ бѣлыми крестами и звѣздочками. 8. Такою-же краской окрашены трое дверей, ведущихъ изъ костела въ ризницу. 9. Масляной голубою краскою съ золотыми звѣздочками и другими украшеніями и позолотою вновь окрашенъ весь большой алтарь и на щитѣ онаго, на стѣнѣ, вызолоченный червонцовымъ золотомъ большой крестъ съ великолѣпнымъ деревяннымъ распятіемъ Спасителя. 10. Алтарная часть костела главнаго алтаря окрашена свѣтло-зеленою, клеевою краской и расписана орнаментами гипсовой, лѣпной живописи. 11. Цыборіумъ заново раскрашено съ позолотой червонцовымъ золотомъ и съ посеребренымъ металлическимъ распятіемъ большого размѣра. 12. Въ цыборіумѣ, въ мѣстѣ, гдѣ хранится Дарохранительница съ запасными Дарами, обито красной шелковой матеріею съ галунами, а на задней стѣнкѣ украшено зеркаломъ. 13. Въ ризницѣ заново, зеленой съ бѣлой масляной краскою, окрашенъ шкафъ съ ящиками, во всю стѣну величиной. 14. Вмѣсто полуразвалившейся, кирпичной, поставлена въ ризницѣ желѣзная печка, стоимостью 18 р. 15. Сдѣланъ новый полъ въ алтарной части большого алтаря. 16. Верхъ фаланговыхъ дверей въ костелѣ украшенъ разноцвѣтными стеклами. 17. Икона Св. Іосифа съ младенцемъ на рукахъ и 18. Икона Спасителя на крестѣ—великолѣпной живописи. Обѣ иконы величиною—въ длину $2^1/_2$ аршина, въ золоченыхъ узкихъ рамкахъ. 19. Сдѣлана желѣзная рѣшетка въ двухъ большихъ окошкахъ, въ придѣлахъ, стоимостью 40 руб. 20. Четыре орната. 21. Двѣ альбы. 22. Четыре комжи. 23. Одинъ шерстяной пасокъ. 24. Два малые коврика.

25. Два стула. 26. 130 пурификаторей. 27. Окрашено масляными красками и помѣщено въ окнѣ на колокольнѣ распятіе Спасителя большого размѣра. 28. Умбернакулюмъ — одно. 29. Два хрустальныхъ подсвѣчника, о трехъ гнѣздахъ для свѣчей въ каждомъ, съ бѣлыми и синими хрустальными украшеніями. 30. Оставлены при костелѣ два экземпляра *требника съ русскимъ текстомъ,* двѣ Евангелички и пять книгъ пѣснопѣній, *совершенно на русскомъ языкѣ.*

По инвентарной описи Бобруйскаго костела, составленной 29 декабря 1859 г. деканомъ Макаревичемъ, принято отъ кс. Шишки, между прочимъ имуществомъ: а) ящикъ серебряный, вызолоченый для храненія просвирей (просфоръ?); б) ящикъ серебряный, вызолоченый, для храненія Даровъ больнымъ; в) у престола Св. Антонія лилія серебряная, вызолоченая въ трехъ кускахъ; г) навѣсовъ (ofertow) у престоловъ Св. Антонія и Матери Божіей показано 80; но это написано на подчищенномъ, а въ прежней описи показано 224 штуки; д) медаликъ золотой, т. е. червонецъ Венгерскій; е) двадцать разноцвѣтныхъ орнатовъ, шитыхъ отчасти золотомъ и серебромъ съ золотомъ, а нѣкоторые съ серебрянымъ позументомъ; каждый орнатъ описанъ особо; ж) шесть такихъ же капъ; тоже описаны особо.

Затѣмъ, въ сентябрѣ 1860 года составлено деканомъ Макаревичемъ другое инвентарное описаніе, въ которомъ двухъ ящиковъ серебряныхъ не показано, навѣсовъ (ofertow) значится при алтарѣ св. Антонія 110 (здѣсь-же отмѣтка карандашемъ—38), и при алтарѣ Богородицы Ружанцовой 93 (съ отмѣткою карандашемъ 40). Орнаты описаны не отдѣльно каждый, какъ это сдѣлано въ прежней описи, а прямо сказано, сколько имѣется орнатовъ вообще, именно: орнатовъ разноцвѣтныхъ съ шитьемъ, а также траурныхъ, годныхъ къ употребленію 27 и негодныхъ 24; какъ годныхъ къ употребленію и старыхъ—11.

То же значится и въ описи, составленной деканомъ Макаревичемъ въ 1867 году.

Въ инвентарной описи, составленной въ 1879 году, при передачѣ костела канонику Сенчиковскому, все написано такъ, какъ и въ описи за 1860 годъ, ofertow показано 80 (всѣ мѣдные и бронзовые); орнаты и капы описаны вообще; шитыхъ серебромъ, золотомъ и съ позументами не оказалось, а равно не оказалось и не передано двухъ серебряныхъ ящиковъ, лиліи и червонца.»

На выпискѣ — позднѣйшая, для меня сдѣланная каноникомъ Сенчиковскимъ, надпись:

«Вотъ Вамъ документы, что́ я сдѣлалъ для Бобруйскаго костела. А все-таки кричатъ, что я обобралъ костелы!..»

Чтобы покончить съ этой стороной жизни Сенчиковскаго, замѣтимъ, что, въ виду возможности будущихъ на него доносовъ и нареканій, онъ всегда и ранѣе того предусмотрительно запасался оправдательными документами изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ служилъ. Ихъ накопилось у него довольно много. Приведемъ здѣсь лишь тѣ изъ нихъ, которые были переданы намъ покойнымъ, на случай обвиненій его послѣ смерти въ чемъ либо непорядочномъ.

Вотъ они:

а) *Подлинное «свидѣтельство»* (съ печатью) Минскаго губернатора (отъ 25 ноября 1871 г., № 6379), выданное Сенчиковскому:

«Дано сіе, за подписомъ моимъ и приложеніемъ казенной печати, въ томъ, что деканъ г. Минска, Игуменскій и Наднѣманскій р.-к. священникъ Сенчиковскій, во все время управленія моего Минскою губерніей, ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ и въ политическомъ отношеніи благонадеженъ. Минскій губернаторъ Токаревъ. Правитель канцеляріи (подпись неразборчива).» —

б) *Подлинная росписка* (съ печатью): «Дана сія въ томъ, что нынѣшняго числа всѣ документы и бумаги, относящіеся къ Наднѣманскому деканату, отъ Его Высокопреподобія каноника Сенчиковскаго принялъ, и всѣ счеты и дѣла по этому деканату окончилъ, и никакой претензіи не имѣю. Декабря 22 дня 1876 г.

Игуменско-Наднѣманскій деканъ

М. Олехновичъ.» —

в) *Подлинный актъ*:

«Мы, нижеподписавшіеся, присутствующіе и участвующіе лично въ торжественномъ освященіи обновленнаго заново внутри костела на Золотой Горкѣ, въ г. Минскѣ, свидѣтельствуемъ, что костелъ этотъ, обновленный внутри и покрытый новою желѣзною крышей, освященъ нынѣшняго числа (т. е. 16 августа 1877 года). Освященіе совершалъ приглашенный настоятелемъ священникомъ Троицкаго костела каноникомъ Ф. Сенчиковскимъ прелатъ Александръ Концеговичъ, членъ Виленской Р.-К. Духовной Консисторіи, съ участіемъ каноника Сенчиковскаго, каноника Макаревича, декана Олехновича, кс. Лемпицкаго, кс. Добкевича, кс. Гавронскаго и другихъ духовныхъ лицъ. Обновленіе-же Св. Троицкаго на Золотой Горкѣ костела подробно поименовано въ приложенномъ при семъ именномъ спискѣ работамъ и картинамъ, произведеннымъ для украшенія и обновки поименованнаго костела, который доведенъ въ настоящее время до великолѣпнаго состоянія благодаря единственно отцовской

заботливости Правительства и усердію настоятеля сего костела каноника Ферд Сенчиковскаго.

О чемъ и постановлено записать въ настоящій актъ, для храненія таковаго на вѣчныя времена при инвентарной описи Св. Троицкаго костела. 1877 г. 16 августа г. Минскъ.»

Подписали: кан. Копцеговичъ, кан. Макаревичъ, кс Олехновичъ, кс. Піотровскій, кс Лемпицкій, кс. Гавронскій.—

г) *Росписка*:

«Дана сія въ томъ, что нынѣшняго числа мною принято въ порядкѣ все имущество, принадлежащее Минско-Св.-Троицкому костелу, показанное въ инвентарной описи, и никакой претензіи къ канонику Сенчиковскому не имѣю. Марта 19 дня, 1879 г.

Каноникъ Макаревичъ».

Надпись, позднѣйшая, сдѣланная каноникомъ Сенчиковскимъ для меня:

«Не только Макаревичъ, но всѣ ксендзы, которые отъ меня принимали костелы, какъ Вы это увидите, изъ такихъ же росписокъ, приняли въ цѣлости все, что было въ инвентарной описи и то, что я самъ сдѣлалъ для костеловъ. Почему-же Гинтовтъ, а съ нимъ всѣ поляки и полякующіе гласятъ, что я обобралъ костелы?»

д) *Подлинная росписка*:

«Дана сія визитатору канонику Сенчиковскому въ томъ, что всѣ дѣла и бумаги, относящіяся къ деканатамъ Наднѣманскому и Минскому по уѣзду, я отъ каноника Сенчиковскаго принялъ и никакой претензіи къ нему не имѣю. Ноября 29 дня, 1878 года.

Кс. Піотровскій.»

е) *Подлинная росписка*:

«Дана сія въ томъ, что рѣшительно всѣ вещи, занятыя отцомъ каноникомъ Сенчиковскимъ изъ Маріинскаго костела по случаю покражи, совершенной въ Св. Троицкомъ костелѣ, нынѣшняго числа сполна возвращены, и никакой болѣе претензіи къ о. канонику не имѣется. 1879 г 9 февраля.

Администраторъ Минскаго Маріинскаго костела кс. К. Добкевичъ.»

ж) Подлинное (на оффиціальномъ бланкѣ) *удостовѣреніе* (отъ 1 сент. 1882 г., за № 339), выданное канонику Сенчиковскому:

«Симъ удостовѣряю, что всѣ счеты, относящіеся ко мнѣ

лично, окончены и никакой претензіи болѣе къ Вамъ не имѣю и имѣть не буду.

И. д. Бобруйскаго декана ксендзъ Романовскій.»

Кстати. Объ этомъ кс. Романовскомъ, въ письмѣ ко мнѣ отъ 15 авг. 1900 г. (изъ Омска), Сенчиковскій отзывается въ такихъ выраженіяхъ:

«Ксендзъ Романовскій—эксъ-монахъ Бернардинскаго ордена, былъ у меня помощникомъ, т. е. викарнымъ, въ Бобруйскѣ. Человѣкъ этотъ жилъ только для себя, но все-таки не употреблялъ языка польскаго, какъ не употреблялъ и языка русскаго, исполняя всѣ требы только на языкѣ латинскомъ, съ народомъ-же говоря только на бѣлорусскомъ языкѣ. То былъ хитрый старикъ, хотя спокойный и послушный. Онъ уже два года тому назадъ, какъ умеръ.»

Наконецъ, къ числу документовъ, переданныхъ мнѣ Сенчиковскимъ, относится и подлинное «свидѣтельство», съ печатью. за № 207, отъ 12 января 1882 г. (кр. Бобруйскъ), выданное ему Бобруйскимъ комендантомъ, слѣдующаго содержанія:

«Настоятель Бобруйскаго костела, каноникъ Фердинандъ Сенчиковскій заявилъ мнѣ о своемъ желаніи служить въ военномъ вѣдомствѣ, почему я считаю долгомъ симъ засвидѣтельствовать, что кан. Сенчиковскій, употребляя постоянно и добросовѣстно, въ добавочномъ Богослуженіи, русскій языкъ, честно и неуклонно содѣйствуя интересамъ Правительства, вполнѣ соотвѣтствуетъ назначенію на должность въ военномъ вѣдомствѣ, гдѣ служеніе его принесетъ несомнѣнную пользу. Въ чемъ подписомъ, съ приложеніемъ казенной печати, удостовѣряю

Бобруйскій комендантъ, инженеръ генералъ - лейтенантъ Егоровъ.»

На документѣ —позднѣйшая, сдѣланная кан. Сенчиковскимъ для меня, помѣтка:

«Уѣзжая изъ Бобруйска, я взялъ это свидѣтельство.»

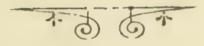
Но не ужасна-ли жизнь порядочнаго человѣка, который, сознавая свою правоту, единствено на случай будущей клеветы, вынужденъ запасаться подобными «оправдательными» документами?!...

Какъ мы уже видѣли изъ одного изъ заявленій Сенчиковскаго, отправляясь въ Гродненскій Францисканскій монастырь, онъ не ублажалъ себя радужными мечтами объ отдыхѣ и покоѣ, а зналъ, что и тамъ его подкарауливаетъ, слѣдящая за нимъ и ему мстящая, польско-іезуитская пропаганда...

Однако, онъ не подозрѣвалъ, что со времени послѣдней роковой поѣздки въ Петербургъ для него только и начинаются, въ сущности, настоящія страданія и пытки, о которыхъ онъ, рисуя себѣ въ будущемъ самыя утонченныя преслѣдованія польско-іезуитской интриги, не былъ въ состояніи составить хотя-бы приблизительное представленіе...

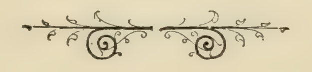
Да! Счастливъ смертный, что Провидѣніе мудро скрываетъ отъ него грядущее!!..

Конецъ 1-й части.

ОГЛАВЛЕНІЕ І-й ЧАСТИ:

ПРИЛОЖЕНІЕ къ 1-й части—портретъ каноника Сенчиковскаго въ молодости.

Болѣе важныя опечатки I-й части.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
XI	11 сверху	благодѣятелями	благодѣтелями
XXIV	29 »	точной живой	точно живой
4	21 »	gimnazi	gimnazia
»	22 »	pan	pana
17	6 снизу	въ Ураинѣ	въ Украинѣ
38	14 »	Кравца	кравца
40	1 »	А. И. Ж—ча.	А. В. Ж—ча.
59	18 »	онарха	Монарха
84	9 »	Кершешскому	Кершевскому
96	12 »	Томковскимъ	Томковичемъ
104	21 сверху	„паси,	„Спаси,
107	14 снизу	ерафимскаго	Серафимскаго
126	23 сверху	латинскій и др.“	и др“.
133	7 »	венцянскаго	Свенцянскаго
134	5 снизу	неукоснительныя	неукоснительно
143	17 сверху	„Слушаю-сь!“	„Слушаю-съ!“
»	18 »	„Слушаю-сь!“	„Слушаю-съ!“
185	2 снизу	енчиковскаго	Сенчиковскаго
209	10 »	по распоряженію	по располяченію
223	17 сверху	Рселюбскимъ	Вселюбскимъ
226	22 »	въ Окоповѣ	въ Околовѣ
229	27 »	*при оединеніемъ уніи*	*присоединеніемъ уніи*
269	1 снизу	Лупкевичъ	Лункевичъ
317	11 »	Но ая	Новая
325	1 »	изъ 42 ксендзовъ	изъ 32 ксендзовъ
327	8 »	Эйвальдъ	Эйхвальдъ
346	3 сверху	подобны	подобные
348	21 »	опцеговича	Копцеговича
353	20 »	доказываю	доказываютъ
»	21 »	доказываю	доказываютъ
357	2 снизу	3-о мороза	30-о мороза
358	18 сверху	Императовъ	Императоръ
362	5 »	не согласному	несогласному
366	4 »	cani ur	canitur
»	23 »	Піеромъ	Піаромъ
369	15 »	«Zas dy	Zasady
440	1 снизу	и на	п; на иеча-
441	6 сверху	«муравьевщины»	отъ «муравьевщины»
448	5 снизу	отвлече ной	отвлеченной

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
469	15 снизу	неблавоспитаннымъ	неблаговоспитаннымъ
473	29 сверху	Zrozumieliśmy	Rozumieliście
478	7 снизу	Domins	Dominus
488	23 »	понимаетъ	понимать
499	3 сверху	imp ssibile	impossibile
»	4 »	nim	enim
»	» »	portet	oportet
»	» »	a cedentem	accedentem
509	10 »	ломающимъ	ломающемъ
»	15 »	нежелающимъ	нежелающемъ
512	17 »	(справа,	(справа),
541	22 »	с. года),	1910 года),
560	2 снизу	неприминула	не преминула
562	7 »	короб тъ	коробятъ
569	24 сверху	Сенчиковскиъ	Сенчиковскимъ
573	4 снизу	дальнѣйее	дальнѣйшее
577	17 сверху	(p storale)	(pastorale)
582	23 »	приз ала	признала
600	16 »	Oj ze	Ojcze
»	18 »	perfi itur	perficitur
608	20 снизу	енчиковскій	Сенчиковскій
615	14 сверху	Юривичъ	Юргевичъ
616	8 »	Рсеподданнѣйшій	Всеподданнѣйшій
633	13 »	введ нію	введенію
634	10 снизу	Приводитъ	Приводимъ
638	18 сверху	«Sic trąnsit glorią mundi!»	«Sic transit gloria mundi!»
648	12 »	римска о	римскаго
649	16 снизу	за полное де	за полное-де
651	6 сверху	по почти	по всѣмъ почти
660	2 и 8 »	Копановичъ	Кононовичъ
662	24 »	асъ	Васъ

Примѣчаніе: Здѣсь не приводятся очевидныя оплошности, чисто—типографскаго свойства, которыхъ не удалось избѣгнуть, несмотря на всѣ старанія.

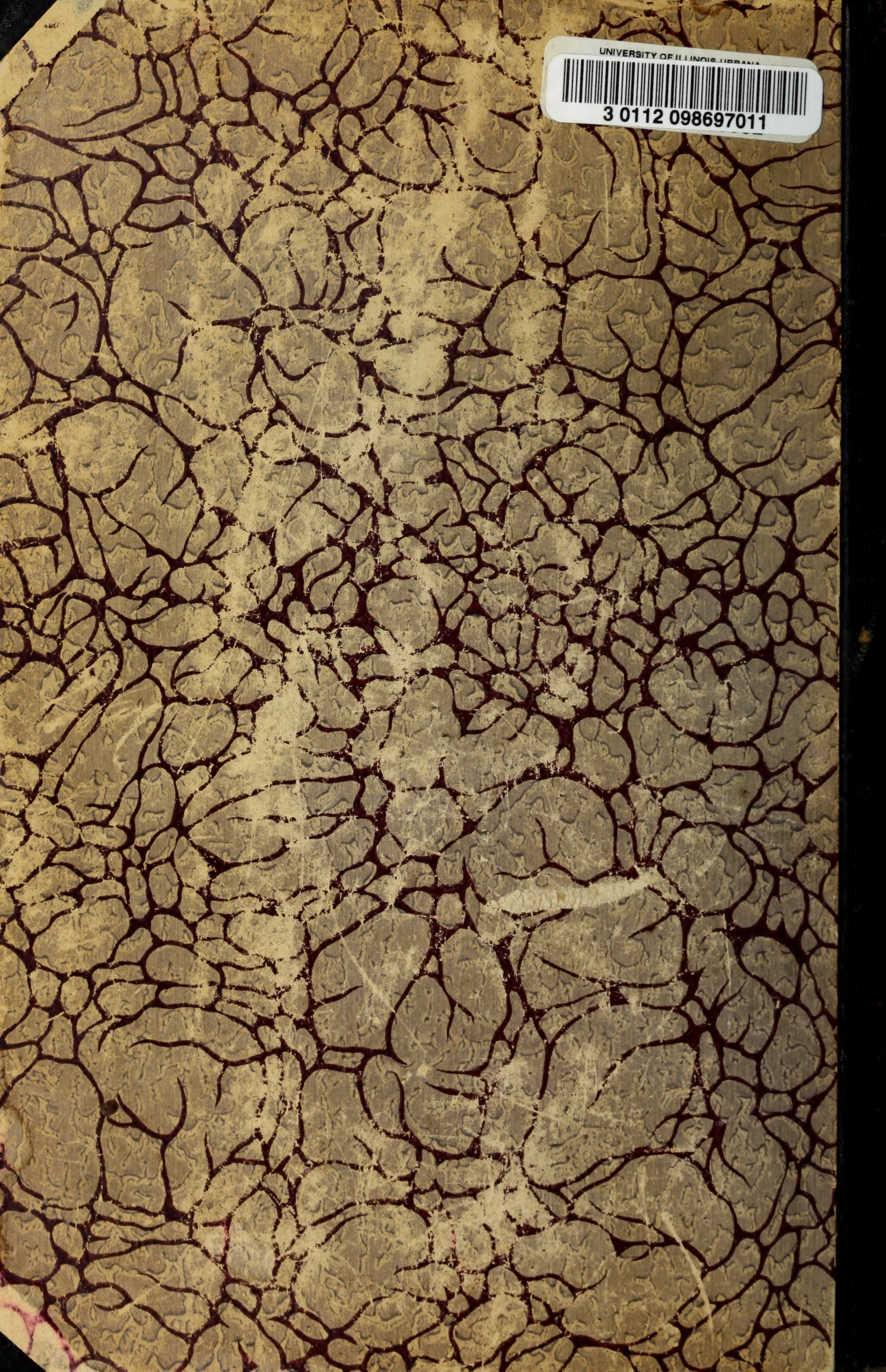
Существуютъ въ книгѣ нѣкоторыя неправильности и въ построеніи фразъ —по отношенію къ документамъ, исходящимъ изъ р.-к. духовныхъ учрежденій (пришлось ихъ сохранить, чтобы не искажать самыхъ документовъ, какъ напримѣръ на 167 стр., 23 стр. сверху I-го тома), къ переводамъ съ польскаго языка на русскій (сдѣланныхъ самимъ Сенчиковскимъ или въ правительственныхъ учрежденіяхъ, при невозможности воспользоваться оригиналами).

Настоящее примѣчаніе просимъ имѣть въ виду и относительно 2-й части настоящаго труда.

Цѣна за двѣ части—4 рубля (безъ пересылки).

Складъ изданія въ гор. Минскѣ, въ Минскомъ Церковномъ Историко-Археологическомъ Комитетѣ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 098697011